ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ

НА 1842 ГОДЪ.

Beatae plane aures, qu
vocem foris sonantem, se
auscultant veritatem doce
Gersonius.

ТОМЪ XXIV.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И КОМП.

1842.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 31 августа 1842.

Цензоры: *А. Никитенко.*
С. Куторга.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕЛОВѢКУ.

(Ода Гёте.)

—

Будь, человѣкъ, благороденъ!
Будь сострадателенъ, добръ!

Лишь возвышенное чувство,
Чувство чести и добра
Отличаетъ человѣка
Отъ другихъ земныхъ существъ!

Безсознательна природа!
Солнце всѣмъ равно сіяетъ,
Всѣмъ равно благотворитъ,
Мѣсяцъ, звѣзды — будь преступникъ,
Или правый — безъ разбору
Мѣсяцъ свѣтитъ съ высоты.

Человѣку подобаетъ
Съ добродѣтелью святую
Справедливость сочетать!

Безотчетно и случайно
Своенравная Фортуна
Подвизается въ толпѣ —
То младенца за головку,
За кудрявую возьметъ,
То за грѣшный, голый черепъ
Схватитъ злаго старика.

Общимъ, непреложно-вѣчнымъ,
Сущимъ искони законамъ
Мы подвластны, мы должны,
Какъ и все земное, чѣредъ
Здѣшней жизни совершить.

Но на всемъ земномъ пространствѣ
Невозможное возможно
Человѣку одному!
Онъ природу искушаетъ
Въ ея тайнахъ вѣковыхъ,
Нерѣшимое рѣшаетъ,
Созидаетъ и снуетъ
Время длитъ иль сокращаетъ
И мгновенью жизнь даетъ.

Онъ только можетъ,
Онъ только вправѣ
Добраго миловать,
Злаго наказывать,
Божескимъ разумомъ
Все несогласное
Къ цѣли единой вести,
И неразумію
Иль заблужденію
Руку спасенія,
Связь и значеніе
Истинной пользѣ давать!

Будь же ты добръ,
Человѣкъ благородный!
Къ благимъ начинаньямъ
Всечасно готовъ, —
Духомъ возвышенъ,
Доблестенъ сердцемъ, —
Бога подобіемъ
Будь на землѣ!

А. СТРУГОВЩИКОВЪ.

11 іюля 1842.

ЖИВАЯ КАРТИНА.

(ОДИНЪ НЕМНОГО-СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ.)

(А. Д. Галахову.)

—

ГЛАВА I.

Митя и Ганя.

Оба они, Митя и Ганя, вмѣстѣ жили, вмѣстѣ служили, и вообще были большіе пріятели, — именно пріятели, ни меньше, ни больше: друзьями они не могли быть и потому уже, что Ганя болѣе любилъ комедію, а Митя всему предпочиталъ трагедію; что Ганѣ болѣе нравились темныя, самыя темныя ночи, а Митя свободно дышалъ только въ лунныя; наконецъ и потому-что Ганя читалъ одну прозу, а Митя — Митя услаждалъ себя одними стихами. Вообще, это были два вовсе несходные характера, которые, однако, вопреки самимъ себѣ, легко уживались на одной квартирѣ, ѣли за однимъ столомъ и даже, въ дождливую погоду, ходили подъ однимъ зонтикомъ. Мнѣ всегда нравилось особенно послѣднее обстоятельство.

Впрочемъ, повода къ враждѣ, къ неудовольствію, и не могло быть ни съ которой стороны. Тоненькій, худощавый Ганя, свободно повертывавшійся на одной ножкѣ, былъ такъ легокъ, что не могъ принимать къ сердцу лаконическія замѣчанія подъ-часъ капризнаго Мити; къ-тому же, онъ такъ не любилъ убивать время дома, что могъ вовсе не замѣчать инаго серьёзнаго лица подлѣ себя; къ-тому же, наконецъ, онъ игралъ на гитарѣ. Игра его особенно нравилась женѣ стряпчаго, который жилъ съ ними въ одномъ домѣ, и квартальному поручику ихъ квартала, большому любителю музыки.

Правда, Митя подъ-часъ бывалъ капризенъ; это знала даже и Анна, которая завѣдывала у нихъ кухнею. Аттрибуты, которыми обыкновенно сопровождались эти капризы, были даже довольно грозны: сморщенный лобъ, нависшія брови, немного надутыя губы

и — почти ни полслова на всѣ вопросы и доклады... Но кто зналъ короче Митю, тотъ никогда не вѣрилъ его капризамъ, такъ скоро они проходили и такъ всегда оканчивались ничѣмъ! Надобно было только оставить его на нѣсколько времени въ покоѣ, и все проходило само собою. Анна хорошо знала этотъ секретъ, и когда Митя начиналъ въ такомъ «несчастномъ» расположеніи духа одѣваться, она молча подавала ему — въ одной рукѣ сюртукъ, а въ другой—фракъ, такъ-что Митя, тоже не говоря ни слова, могъ выбрать себѣ платье, какое ему хотѣлось. Ганя очень удивлялся этой сметливости Анны.

Ганю знали во всемъ околодкѣ какъ славнаго малаго, и когда онъ проходилъ домой изъ присутствія, въ окнахъ, по дорогѣ, всегда можно было поймать не одну головку, которая, замѣтивъ издали знакомый плащъ, говорила другой: «идетъ, идетъ». Митя не былъ такъ счастливъ. Его знали больше по слуху и часто составляли о немъ очень-странныя представленія. На-примѣръ, одинъ купецъ, жившій черезъ домъ, не иначе могъ представить себѣ Митю, какъ въ угрожающемъ положеніи, въ какомъ онъ видѣлъ когда-то одного актёра въ «Жизни Игрока»; а одна очень-набожная вдова, тоже сосѣдка, вслухъ увѣряла, что Митя, входя въ домъ, никогда не снимаетъ шляпы и даже садится въ ней за столъ. Ганя всегда смѣялся этимъ выдумкамъ на-счетъ его товарища, зная, какъ мало онѣ походили на правду.

Тутъ, однако, была своя часть истины. Митя былъ какъ-то суровъ по наружности и, какъ говорилъ Ганя своимъ знакомымъ, отъ природы наклоненъ къ меланхоліи. Выходили такіе дни, что Митя нѣсколько часовъ сряду не говорилъ ни слова: молча садился за столъ, молча вставалъ и просиживалъ цѣлый вечеръ у окна, сложивъ крестомъ руки и вперивъ неподвижный взоръ въ синюю даль. Въ такомъ случаѣ, Ганя обыкновенно самъ дѣлался молчаливъ на цѣлый вечеръ, чтобъ не мѣшать «мечтамъ» своего товарища, или, махнувъ рукою, уходилъ со двора. Бывали и такіе дни, что Митя, хотя также не говорилъ ни слова, но зато по нѣскольку часовъ сряду ходилъ по комнатѣ и напѣвалъ разныя композиціи изъ пѣсень, арій, вальсовъ и кадрилей. Анна хорошо умѣла по-своему различать оба эти состоянія духа, и о послѣднемъ очень-выразительно говорила: «на барина ходунъ нашелъ». Ганя долго боролся съ этою, какъ онъ говорилъ, «дурью» своего товарища, стараясь пріучить его къ «пріятнымъ развлеченіямъ» въ жизни; все было напрасно: Митя упрямо оставался дома, и Ганя наконецъ отступился.

Всѣ, кто только зналъ Ганю, очень жалѣли объ Митѣ и положительно утверждали, что такая жизнь не приведетъ къ добру; нѣкоторые видѣли въ этомъ даже что-то подозрительное и совѣтовали Ганѣ—лучше разойдтись съ такимъ страннымъ человѣкомъ. Изъ люб-

ви къ Митѣ, Ганя горячо защищалъ его передъ всѣми своими знакомыми, объясняя его настоящее положеніе предъидущими обстоятельствами. Въ молодости, то-есть въ первыхъ лѣтахъ ея, Митя удивлялъ всѣхъ легкостію и живостію своего характера; его, говорятъ, любили именно за открытый нравъ и горячее сердце. Съ жаромъ учился онъ въ школѣ, непремѣнно хотѣлъ идти далѣе, и прыгалъ какъ дитя, когда узналъ, что его приняли въ университетъ. Этотъ день былъ празднованъ блистательно и окончился удивительно-весело. Къ-несчастію, расходясь по домамъ, веселые гости дорогою гдѣ-то побуянили, были задержаны, съ-горяча впутали въ свое дѣло и Митю, и — черезъ нѣсколько дней новый студентъ былъ исключенъ изъ списка. Это его поразило; онъ потерялъ всю бодрость, все уваженіе къ себѣ, и не зналъ за что взяться. Между-тѣмъ, надобно было подумать и о средствахъ жизни; Митя вступилъ въ службу. Сначала ему повезло; Митю полюбили всѣ сослуживцы; у него всегда была лишняя копейка; наконецъ, у секретаря въ домѣ онъ былъ совершенно какъ свой. Митя ожилъ; онъ по-прежнему вѣрилъ въ счастіе и весело смотрѣлъ на жизнь, которая такъ привѣтливо сіяла ему въ голубыхъ глазахъ... Имъ повѣрялъ онъ всѣ свои мечты, всѣ радости; имъ на жертву несъ онъ всѣ привязанности, всѣ привычки и склонности; сердце давно было отдано — оставалось только предложить руку... Ему отвѣчали «краснорѣчивымъ молчаніемъ», а черезъ минуту послышалась изъ-за дверей и нескромная насмѣшка... голубые глаза были также въ заговорѣ... Это оскорбило Митю, какъ никогда еще никто не оскорблялъ его; но онъ смолчалъ, онъ никому не сказалъ объ этой обидѣ, и друзья его узнали объ ней только по насмѣшкамъ, которыя преслѣдовали его и за порогъ дома... Съ этихъ поръ, говорятъ, Митя разучился смѣяться.

Ганя зналъ и еще что-то изъ жизни своего пріятеля, но никому не хотѣлъ говорить объ этомъ. Далѣе, онъ разсказывалъ только, какъ Митѣ, будто въ утѣшеніе, дали мѣсто столоначальника, какъ они сошлись между собою и какъ привязались другъ къ другу, такъ-что наконецъ, по словамъ Гани, не могутъ ужь и разстаться... Вообще, все, что разсказывалъ Ганя далѣе, было вовсе-незанимательно и могло казаться совершенно истиннымъ развѣ только его крѣпкому убѣжденію.

Какъ бы то ни было, цѣлые четыре года добрый Ганя мѣшалъ такимъ образомъ ложь съ истиною. Время быстро летѣло надъ головами двухъ товарищей, неровно задѣвая ихъ своею сокрушительною рукою. Изворотливый Ганя едва-ли чувствовалъ когда даже прикосновеніе этой руки: черезъ четыре года онъ былъ столько же веселъ, живъ и безпеченъ, какъ и въ прежніе годы; словомъ, Ганя не старѣлся. Съ Митею, который и безъ того былъ старѣе годами,

случилось совсѣмъ-другое: рука времени погладила его не очень-снисходительно; онъ сталъ по виду еще угрюмѣе, на лбу его прибавилась новая морщина, волосы его рѣдѣли... Самъ онъ сначала не замѣтилъ этого, погруженный въ созерцаніе Богъ-знаетъ какихъ мыслей; но радушный пріятель, по какому-то странному усердію, такъ часто напоминалъ ему объ этомъ ощутительномъ ущербѣ прежней и безъ того незавидной красоты, что Митя наконецъ не шутя задумался... Онъ вдругъ какъ-будто спохватился, какъ-будто хотѣлъ что-то воротить и придумывалъ средства, сидя у окна и погрузивши свой помертвѣвшій взоръ въ туманную даль...

ГЛАВА II.

Странная мысль.

Ганя нисколько не удивился, когда засталъ своего пріятеля въ такомъ положеніи, и безъ всякаго смущенія вынесъ его холодный, безчувственный взглядъ. Но за то и Митя не показалъ никакого любопытства, когда Ганя, не смотря на несчастное расположеніе Мити, сверхъ обыкновенія, съ упорствомъ вертѣлся около его стула и явно хотѣлъ во что̀ бы ни стало завязать разговоръ. Это, однако, бросалось въ глаза и могло скоро наскучить... Митя обернулся и еще разъ взглянулъ на Ганю: Ганя выкинулъ передъ нимъ блестящее антрша...

— Сегодня ты очень-веселъ, кажется какъ-будто противъ воли проговорилъ Митя, и опять отвернулся въ-сторону.

Но Ганя не хотѣлъ опускать случая; онъ радъ былъ ухватиться за что̀-нибудь, чтобы только высказаться.

— О, еслибъ ты зналъ, какъ веселъ!.. просто схожу съ ума... Ты, Митинька, многаго кой-чего не знаешь... Ты, я вижу, и не подозрѣваешь ничего?.. Ужь развѣ сказать?..

Митя молчалъ.

— Вижу по глазамъ, что хочется знать... Да полно же думать тамъ Богъ-знаетъ объ чемъ, объ комъ; раздѣли со мною хоть на минуту мою радость... Знаешь ли, что̀ случилось со мною нынѣшній вечеръ?..

— Что̀ такое?

— Смотри: я обручился!.. Да, тебѣ, впрочемъ, все равно.

— Обручился... ты? что̀ же это значитъ?

— Я женюсь...

— Странная мысль!

— Что̀ жъ тутъ страннаго? я давно думалъ объ этомъ. Долго ли

въ-самомъ-дѣлѣ сидѣть какъ медвѣдю въ берлогѣ, да сосать свою лапу? Пусть же лучше буду я человѣкомъ; пусть же будетъ мнѣ съ кѣмъ поговорить, кого приласкать...

— Странная мысль!

— Вотъ опять странная мысль! Да что жь тутъ страннаго? Развѣ люди не женятся? развѣ женатые хуже насъ? Если бы ты хоть разъ взглянулъ, кàкъ живетъ, напримѣръ, Володя, двоюродный братъ, такъ и не подумалъ бы этого: славно, право! настоящіе голубочки, только-что не воркуютъ...

— Странная мысль!..

— Наладилъ — странная мысль, странная мысль... Чортъ-знаетъ что за нелѣпый человѣкъ!.. Ну что жь, по-твоему, лучше вѣкъ киснуть у окна, да смотрѣть чортъ-знаетъ куда?.. Ужь послушалъ бы, чтò сосѣди-то говорятъ...

Наконецъ это было досадно. Ганя не могъ подавить въ себѣ сильнаго волненія, встрѣтивъ самое убійственное хладнокровіе тамъ, гдѣ онъ надѣялся найдти по-крайней-мѣрѣ нѣкоторое участіе. Съ досады, онъ началъ мѣрять комнату большими шагами и долго ходилъ взадъ-и-впередъ. Но жестокій Митя былъ неумолимъ: онъ даже не видѣлъ сильнаго волненія Гани.

— Это ужь вовсе не попріятельски! началъ опять Ганя, нѣсколько поуспокоившись. — Да спроси хоть кàкъ зовутъ мою невѣсту...

— Какъ зовутъ твою невѣсту?

— Лиза, братецъ, Лиза... Ахъ, что за дѣвушка!.. Ну, помнишь— та, которая подарила мнѣ цѣпочку, потомъ кошелекъ. Не можетъ быть, чтобъ ты забылъ?

— Не помню.

— Какой же досадный человѣкъ! Ну, такъ ты видалъ ее у Володи, у Ивановыхъ, гдѣ-нибудь?.. Кàкъ же это? не-уже-ли ты вовсе не знаешь Лизы?

— Не знаю.

— Я не понимаю... Ну, положимъ, что ты не знаешь ея, никогда не видывалъ — не въ томъ дѣло. Представь же себѣ дѣвушку милую какъ ангелъ, съ чудесными голубыми глазами... Ты, кажется, когда-то знавалъ голубые глаза?.. Съ лицомъ, въ которомъ и кротость, и любезность, и простодушіе, и я не знаю что... и потомъ представь себѣ, что эта дѣвушка будетъ моею женою...

— Странная мысль...

— Опять!.. Да полно же, Митя, говорить глупости! Что тутъ кажется тебѣ страннаго?.. Если хочешь, даю тебѣ честное слово — отъ этого не будетъ рѣшительно никакихъ перемѣнъ; только прибавится одинъ лишній человѣкъ... Мы останемся, если хочешь, на этой же

квартирѣ: я займу тѣ двѣ комнаты, а ты эти... У насъ будетъ общій столъ, общій чай... Что же тутъ страннаго?

Митя покачалъ головою.

— Ты думаешь, Лиза не согласится? Э, нѣтъ! я уговорю ее, она согласится на все. Тесть также вѣрно не будетъ спорить со мною, и тогда-то мы заживемъ съ тобою, Митинька!

— Такъ это у тебя ужь рѣшено?..

— Что же долго думать? за чѣмъ откладывать счастіе? Я сказалъ ея отцу и матери, они согласились, и дѣло кончено. Сегодня я съ тою цѣлію и шелъ къ нимъ; хотѣлъ-было прежде сказать тебѣ, да подумалъ: онъ не любитъ этихъ вещей, и промолчалъ. Завтра мы поѣдемъ съ тобою вмѣстѣ; ты будешь у меня «посажонымъ отцомъ»...

— Никогда!..

— Что за глупое упрямство, Митя! Я не понимаю, что съ тобою нынѣшній вечеръ... Хорошо, я согласенъ и на это: ты не будешь у меня посажонымъ отцомъ; но за вину ты долженъ обѣщать мнѣ, что каждый вечеръ будешь запросто ѣздить со мной къ моей невѣстѣ — не такъ ли, душа моя?.. Лиза будетъ очень рада.

— А если я не буду радъ?

— Это просто значитъ — ты не любишь меня...

— Что жь! а она... любитъ тебя?..

— Кто? Лиза?... Боже мой! да почему жь я и женюсь на ней? Развѣ ты думаешь, что я женился бы на дѣвушкѣ, которая меня не любитъ? Сохрани Богъ! — Но ты, Митя, не можешь имѣть понятія, что̀ это за ангелъ... когда я поцаловалъ ее въ первый разъ, она вся вспыхнула какъ огонь... «Что это съ вами?» спросилъ я. — Вы такъ жмете руку, сказала она, опустивъ внизъ свою миленькую головку...

Правда, Митя уже не слушалъ болѣе, что̀ напѣвалъ ему влюбленный пріятель, и искалъ своей шляпы. Онъ замѣтно былъ сильно встревоженъ и хотѣлъ скрыть отъ Гани свое волненіе. Было уже довольно поздно; темная ночь готова была накрыть землю своими тѣнями, но Митя какъ-будто не видѣлъ этого и, закутавшись въ шинель, спѣшилъ выйдти изъ дому.

— Странно! сказалъ въ свою очередь Ганя, провожая глазами поспѣшно-уходившаго Митю.

ГЛАВА III.

Человѣкъ съ характеромъ.

Митя былъ человѣкъ съ характеромъ: онъ сдержалъ свое слово и не хотѣлъ быть ни посажонымъ отцомъ, ни ѣхать съ Ганею къ не-

вѣстѣ. Что̀ было у него на душѣ, этого никто не зналъ; но по-крайней-мѣрѣ, по наружности, онъ былъ совершенно-доволенъ своею рѣшительностію. Сначала, такое упрямство сильно огорчало добраго Ганю, который отъ всей души любилъ своего товарища; но скоро онъ привыкъ къ его капризамъ и наконецъ пересталъ даже звать его съ собою. «Ужь если на то пошло» думалъ про себя Ганя: «то я найду себѣ товарища.» Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ только разъ пригласилъ съ собою Петрушу Чирикова, и Петруша Чириковъ являлся къ нему каждый вечеръ, чтобъ ѣхать вмѣстѣ къ невѣстѣ.

Митя, между-тѣмъ, оставался дома. Проводивъ Ганю, онъ осматривалъ глазами всю комнату, стѣны, потолокъ и даже самый полъ: занимательнаго ничего не было. Митя переносилъ свой взоръ за окно: тамъ было такъ много движенія, тамъ было такъ весело; но какъ-будто это самое и не нравилось Митѣ: онъ печально отворачивался отъ окна и снова искалъ на пустыхъ стѣнахъ своей комнаты какого-нибудь предмета, который бы занялъ его не праздную думу... Напрасно! паукъ, смиренно ткавшій въ углу свои тонкія сѣти, казался ему явленіемъ слишкомъ-обыкновеннымъ; чубукъ, стоявшій на другомъ окнѣ, былъ очень-простъ; цвѣты, разбросанные неловкою рукою самоучки-живописца по потолку, представлялись въ-сумеркахъ какими-то безобразными пятнами.

Тогда Митя бралъ въ руки гитару — не для того, чтобъ играть, потому-что, какъ извѣстно, Митя не умѣлъ играть на гитарѣ, а просто для того, чтобъ имѣть что-нибудь въ рукахъ. Онъ перебиралъ поодиначкѣ всѣ струны: каждая изъ нихъ издавала свойственный ей звукъ; потомъ Митя пробовалъ вдругъ ударять въ двѣ и три струны: гитара опять подавала голосъ, и опять ни въ головѣ, ни въ сердцѣ не было ни мысли, ни чувства... Черезъ нѣсколько минутъ, гитара возвращалась на прежнее мѣсто. Наконецъ, Митя хотѣлъ пѣть и уже начиналъ пробовать на разные тоны; но голосъ дрожалъ, перерывался, а на нѣкоторыхъ нотахъ и вовсе упрямился. Митѣ хотѣлось добиться отъ себя печальныхъ, раздирающихъ душу звуковъ, а выходила какая-то дичь. Съ горемъ видѣлъ Митя, что съ нимъ было что-то не просто, что виноватъ былъ не голосъ, а что-то другое, и молчалъ, молчалъ, молчалъ...

Положеніе Гани невольно приходило Митѣ на мысль; онъ думалъ о немъ, объ его невѣстѣ, о Петрушѣ Чириковѣ. Почему-то Митѣ казалось, что Лиза сидитъ по лѣвую сторону, а Петруша по правую; что они не говорятъ между собою ни слова и такъ пристально смотрятъ на полуотворенную дверь, какъ-будто ждутъ кого-то. Дверь вдругъ отворяется; входитъ онъ, Митя; всѣ такъ рады, такъ веселы. Митя старается разсмотрѣть лицо невѣсты, но никакъ не можетъ уловить ни одной черты. Тамъ, въ другой комнатѣ, нѣсколько голо-

совъ начинаютъ веселую пѣсню, въ которой такъ много говорится про него, про Митю; наконецъ, всѣ подходятъ къ нему и окружаютъ его хороводомъ; онъ старается вырваться — его удерживаютъ: Лиза и Ганя держатъ его за руку.

Скрипъ двери приводитъ Митю въ себя: онъ одинъ у себя дома. Сумерки; въ комнатѣ темно; Анна принесла вычищенное платье, положила на стулъ и, не говоря ни слова, опять вышла вонъ. Пустота, страшная пустота; ни въ одной комнатѣ нѣтъ живой души; не слышно ни шороха, ни шелеста шаговъ; скука, тоска... Когда бы хоть кто-нибудь зашелъ сюда съ человѣческимъ голосомъ и сказалъ нѣсколько пустѣйшихъ словъ!..

Дверь снова отворилась: вошелъ Саша Посошковъ; Анна подала огня. Саша Посошковъ былъ больше пріятель Гани, но по немъ онъ былъ знакомъ и съ Митею. Анна вышла, и Митя остался съ-глазу-на-глазъ съ Посошковымъ.

— Здравствуйте. Вы дома?

Порошковъ подалъ Митѣ руку и пристально смотрѣлъ ему въ глаза.

— Вы, стало-быть, не поѣхали съ Ганей?

— Не поѣхалъ.

— Отъ-чего же вы не поѣхали? Вы, стало-быть, лучше любите быть дома?

— Да, я люблю быть дома.

Посошковъ продолжалъ держать Митю за руку.

— А вы все сидѣли впотьмахъ?.. Онъ смотрѣлъ вокругъ себя.

— Да, впотьмахъ.

— А Ганя — онъ поѣхалъ къ своей невѣстѣ?

— Къ ней.

— А ее какъ зовутъ?.. Лизой?

— Лизой. Вы все стоите — садитесь.

— Я постою... Мнѣ все равно... А ея отца какъ зовутъ?

— Иванъ Петровичъ.

— Знаю, знаю... А ка̀къ... ка̀къ зовутъ мать?

— Не знаю.

— Кажется, Варвара Васильевна — такъ?.. Я помню, онъ говорилъ мнѣ на прошлой недѣлѣ; да я и прежде его зналъ; я съ ними давно знакомъ; они, кажется, еще родня намъ.

Митя молчалъ.

— А какъ... какъ зовутъ вашу кухарку? Анной?..

— Анной.

— Я знаю. Она проводила меня отъ собаки. У васъ какъ зовутъ собаку — шарикомъ?

— Нѣтъ, жучкой.

— А у насъ шарикомъ. — Вы... вы ужь не поѣдете къ ганичкиной невѣстѣ.

— Не поѣду. Не угодно ли вамъ трубку?

— А у васъ есть?

— Вотъ, на окнѣ. Потрудитесь взять сами.

— Нѣтъ, вѣдь я не курю. А вы развѣ курите?.. Вы сколько курите въ день?

— Пять фунтовъ.

— Какъ много! Мой братъ, кажется, меньше куритъ. Вы не видали нынче моего брата?

— Не видалъ.

— А вы не знаете, гдѣ онъ теперь?.. Я знаю, онъ дома. Прощайте, я пойду къ нему. Вы не пойдете со мной?

Въ другой разъ приходилъ Вася Судиславинскій, тоже пріятель Гани, впрочемъ съ большою пріязнію и къ Митѣ. Вася Судиславинскій особенно отличался необыкновенною живостію въ обращеніи; онъ со всѣми обходился безъ обиняковъ.

— Милѣйшій Дмитрій Григорьичъ! Вы дома? Ужь это вѣчно такъ! И чортъ-знаетъ, что̀ вы все сидите дома? Добро бы вамъ за это деньги давали... Я, право, часто думаю объ васъ: что̀ это человѣку за охота сидѣть на одномъ мѣстѣ? и никакъ не могу понять...

— Я думаю, вамъ и не нужно знать этого?..

— Вотъ прекрасно — не нужно знать!.. Если бъ я не любилъ васъ, милѣйшій мой Дмитрій Григорьичъ, развѣ самъ чортъ заставилъ бы меня по-напрасну ломать голову!.. Э, да вы, я вижу, задумываетесь? Это что̀ еще за новость?.. Нѣтъ, ужь я не позволю этого...

— Для васъ, кажется, все равно.

— Покорно васъ благодарю, продолжалъ Вася Судиславинскій, дѣлая низкій поклонъ и особенно ударяя на слово «покорно»: — покорно васъ благодарю, другъ любезный! — Да нѣтъ, чортъ возьми, ужь я не позволю... Вотъ глупости затѣяли! Вставайте-ка, вставайте...

Вася въ-самомъ-дѣлѣ тащилъ Митю со стула; Митя упирался: ему очевидно это не нравилось.

— Да что̀ жь вы въ-самомъ-дѣлѣ дурачитесь? Перестаньте, я вамъ говорю, продолжалъ Вася.

Митя молчалъ, однакожь по глазамъ его видно было, что онъ въ душѣ проклиналъ незванаго гостя.

— И о чемъ задумываться? чортъ знаетъ!.. Все вздоръ, сударь, пустяки, не стоитъ никакого вниманія... Ну, полноте же, давайте мнѣ вашу руку: вотъ я васъ протрясу немного.

Не смотря на сопротивленіе Мити, Вася дѣйствительно стаскивалъ его со стула и начиналъ съ такою быстротою таскать по всѣмъ ком-

натамъ, что въ домѣ наконецъ становилось вѣтрено. Можетъ-быть, Митя и бѣсился внутренно, но не имѣлъ силъ вырваться, и какъ-будто увлекаемый судьбою, изо всѣхъ ногъ мчался за своимъ утѣшителемъ. Исторія была престранная. Все дѣло оканчивалось тѣмъ, что измученный Вася бросалъ гдѣ-нибудь къ углу своего друга и съ торжествомъ убѣгалъ изъ комнаты. Легко представить себѣ состояніе бѣднаго Мити послѣ такого визита!

Наконецъ, возвращался и Ганя, чрезвычайно-нѣжный, веселый, восторженный. Онъ былъ безъ ума отъ своей невѣсты, отъ своей Лизы; онъ не могъ ни о чемъ думать, не хотѣлъ ни о чемъ говорить, какъ только о Лизѣ. Въ это время, Митя былъ для него человѣкъ совершенно-посторонній, который былъ нуженъ развѣ для того, чтобъ Ганя могъ излить передъ нимъ потокъ своихъ чувствованій и десять разъ пересказать ему происшествія послѣдняго вечера. Бѣдный Митя! упоенный своимъ счастіемъ, Ганя какъ-будто вовсе не замѣчалъ его даже въ ту минуту, какъ говорилъ съ нимъ, только въ-заключеніе бросалъ въ него горсть конфектъ, прибавляя: «это прислала тебѣ Лиза».

Высказавъ все, что̀ было на душѣ, Ганя бросался на постель и скоро засыпа̀лъ сномъ невиннаго младенца. Митя также хотѣлъ наконецъ успокоиться и во снѣ забыть свое одиночество; но его долго-долго мучила безсонница.

Разъ, наскучивъ странными посѣщеніями, которыя дѣлались во имя дружбы и пріятельской пріязни, а можетъ-быть и подстрекаемый любопытствомъ, Митя какъ-то рѣшился-было измѣнить, на нѣсколько времени, своей непоколебимой стойкости и согласился пожертвовать однимъ вечеромъ для своего товарища, то-есть, ѣхать съ нимъ къ невѣстѣ. Всего удивительнѣе въ этомъ случаѣ было то, что Митя самъ сдѣлалъ жениху такое предложеніе. Дѣло было тотчасъ слажено; оставалось только одѣться и ѣхать.

Ганя былъ радъ всей душою, что наконецъ можетъ представить своей невѣстѣ лучшаго изъ своихъ пріятелей, и въ порывѣ простодушной веселости, смѣясь, сказалъ не то вслухъ, не то про-себя: «вотъ медвѣдя-то привезу съ собой!». Митя не сдѣлалъ ни малѣйшаго замѣчанія на это изреченіе, но когда надобно было ѣхать, онъ не хотѣлъ вставать съ своего мѣста и очень-ясно и вразумительно сказалъ Ганѣ, что онъ раздумалъ. Это такъ огорчило чувствительнаго Ганю, что онъ и самъ не поѣхалъ къ своей Лизѣ.

Оставалось выдержать одно искушеніе. Назначена была свадьба; Ганя не хотѣлъ и слышать, чтобъ на его свадьбѣ не было лучшаго его друга, то-есть Мити, и божился, что не поѣдетъ вѣнчаться, если Митя и тутъ вздумаетъ капризничать. Митя молчалъ до времени, то-есть не говорилъ ни да, ни нѣтъ; но наканунѣ, когда Ганя сталъ

умолять его почти со слезами на глазахъ, онъ согласился на все. Однакожь на другой день, когда Ганя началъ сбираться къ вѣнцу, Митю не могли нигдѣ найдти: онъ еще съ утра ушелъ куда-то изъ дому.

ГЛАВА IV.

Хозяйка въ домѣ.

Только на третій день пришелъ Митя къ родному пепелищу. Въ чувствахъ его, когда онъ подходилъ къ порогу своего дома, было много какой-то безотчетной вражды и ненависти; но, переступая за порогъ, онъ уже чувствовалъ въ себѣ болѣе тайной робости, нежели злобы: какъ школьникъ, нѣсколько дней бывшій въ бѣгахъ, смиренно и кротко вошелъ онъ въ свои комнаты, въ которыхъ прежде позволялъ себѣ стучать сколько было силъ въ ногахъ, и которыя теперь почему-то казались ему заповѣдными. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ нашелъ здѣсь нѣкоторыя перемѣны: его старинное дубовое кресло было куда-то вынесено, и въ комнатѣ появилась новая мёбель; на стѣнахъ висѣли новыя картинки; на столѣ, вмѣсто кипы бумагъ, красовалась прекрасная женская шляпка. Странное чувство овладѣло Митею при взглядѣ на всѣ эти орнаменты. Онъ пожалъ плечами и искалъ вокругъ себя кого бы спросить хоть объ этой шляпкѣ. Дверь въ другія комнаты была полупритворена, но Митя не посмѣлъ войдти туда: онъ только воображалъ себѣ... Вдругъ передъ нимъ хорошенькая бѣлокурая головка, съ румянцемъ на одной щекѣ, съ вопросомъ въ глазахъ и съ полуулыбкою на лицѣ.

— Кого вамъ угодно?

Митя немного смутился.

— Извините... мнѣ... мнѣ бы нужно видѣть Ганю... на одну минуту, если можно...

А Ганя уже былъ тутъ и душилъ своего друга въ своихъ горячихъ объятіяхъ.

— Такъ-то дѣлаютъ по-дружески? Такъ-то, бѣглецъ, любишь ты своего Ганю? Злодѣй, злодѣй! Вотъ же тебѣ моя жена Лиза: за свою вину ты долженъ ее поцаловать.

Митя смутился еще болѣе; онъ смотрѣлъ въ глаза бѣлокурой головкѣ и не смѣлъ податься ни назадъ, ни впередъ.

А между-тѣмъ бѣлокурая головка смѣялась такъ весело, такъ непринужденно.

—Такъ это вы, Дмитрій Григорьичъ? Ахъ, Господи! какіе вы странные! Отъ-чего же вы не хотѣли пріѣхать къ намъ на свадьбу?

— Гдѣ ты былъ все это время? прибавилъ Ганя.

Митя совершенно потерялся; онъ не зналъ, что̀ отвѣчать, и не

смѣлъ свести глазъ съ этой бѣлокурой головки, которая такъ настоятельно требовала отъ него отвѣта.

— Хорошо; мы васъ простимъ, продолжала она, подавая ему маленькую бѣленькую руку: — мы васъ простимъ, но только съ уговоромъ, чтобъ вы впередъ не бѣгали отъ насъ. Согласны?

Еще Митя искалъ въ головѣ отвѣта, а ужь бѣленькая ручка успѣла овладѣть его рукою и слегка сжать ее по-дружески. Ганя, съ своей стороны, еще разъ обнялъ стараго друга. У Мити какъ-будто что отлегло отъ сердца. Подали самоваръ; молодая хозяйка сѣла разливать чай. Митя искалъ себѣ мѣста нѣсколько-поодаль, но она указала ему мѣсто подлѣ себя. Ганя также очень-настойчиво требовалъ, чтобъ онъ садился ближе, какъ-можно-ближе. У Мити даже не достало духа, чтобъ сколько-нибудь поупрямиться. Вотъ они расположились всѣ трое около самовара; Митѣ пришлось сидѣть между Лизой и Ганей; къ Лизѣ онъ былъ лицомъ, къ Ганѣ стороною. Съ нимъ обходились, съ нимъ говорили, какъ съ милымъ, дорогимъ гостемъ. Ему наливалась первая чашка; ему подавалась она тою же бѣленькою ручкою. Во время чая, Митѣ сдѣлали еще нѣсколько упрековъ; но они были сказаны такъ кротко и нѣжно, за ними всегда слѣдовала такая добрая, свѣтлая улыбка, что, допивая третью чашку, Митя уже считалъ себя въ-самомъ-дѣлѣ виноватымъ передъ Ганею, передъ нею. А еще черезъ нѣсколько минутъ, онъ уже стыдился своего поступка и находилъ его очень-глупымъ.

Самоваръ еще не былъ снятъ со стола, какъ пришелъ Петруша Чириковъ, и началъ разсказывать разныя городскія новости. Анекдотъ сыпался за анекдотомъ, острота за остротой. Петруша же имѣлъ удивительный даръ сопровождать свой разсказъ приличными тѣлодвиженіями, такъ-что, смотря на него, часто невозможно было удержаться отъ смѣха. Лиза, особенно, смѣялась отъ всей души, и наконецъ даже начала просить, чтобъ Петруша замолчалъ: до такой степени все это было смѣшно, уморительно! Вечеръ пролетѣлъ удивительно скоро; всѣ были въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Наконецъ, Петруша Чириковъ, этотъ «уморитель» людей, какъ называлъ его Ганя, отправился домой.

Вслѣдъ за нимъ Митя также началъ обнаруживать намѣреніе уйдти. Но ему прямо сказали, что это вовсе никуда не годится, и въ доказательство отняли у него шляпу. Митя не могъ ничего возразить. Въ-самомъ-дѣлѣ, странно было бы уйдти домой съ своей же квартиры! И такъ, Митя опять у себя дома; этого мало: онъ еще окруженъ друзьями, которые любятъ его такъ искренно! Но странно: не смотря на то, что онъ былъ теперь довольнѣе собою, нежели прежде, и что все это дѣло, которое его такъ тревожило, устроилось

какъ-нельзя-лучше, сонъ долго не приходилъ сомкнуть его глазъ, и долго странныя грезы не давали ему забыться.

На другой день, дѣла задержали Митю долѣе обыкновеннаго: онъ пришелъ послѣ-обѣда, когда Ганя легъ уже отдыхать. Митя даже думалъ пройдти обѣдать въ другое мѣсто, но что-то, можетъ-быть, утомленіе, усталость—заставляло его спѣшить домой. Лиза встрѣтила его съ тѣмъ же радушіемъ, съ которымъ она приняла его и въ первый разъ; но, на ней было другое платье: темное, съ самыми мелкими цвѣточками; оно такъ ловко обтягивало ей станъ и руки, и такъ хорошо оттѣняло полузакрытыя плеча, шею. Митѣ очень понравилось это темное платье. Прическа была также другая: ея русые волосы такъ живописно падали на виски и потомъ такъ мило убѣгали за уши. Еще Митя дивился, про-себя, искусству женской руки, расположившей эти волосы, какъ столъ уже былъ накрытъ: Лиза сама пособляла собирать его и еще болѣе торопила Анну.

— Вы такъ устали, измучились, отвѣчала она на скромную просьбу Мити много не хлопотать о немъ: — цѣлый день сидѣли за дѣломъ, писали, трудились: какъ же ужь намъ не похлопотать объ васъ? Хорошо намъ оставаться дома, да ходить изъ комнаты въ комнату; а каково вамъ?

Напрасно Митя возражалъ, что Анна и одна могла бы накрыть для него столъ: Лиза только смѣялась его возраженіямъ, находя ихъ очень-странными, и продолжала хлопотать по-прежнему. За столомъ, она сидѣла противъ Мити и старалась занимать его, какъ рѣдкаго гостя: то говорила сама, то разспрашивала его. Митѣ особенно нравилось ея положеніе: она такъ непринужденно сидѣла на стулѣ, нѣсколько наклонивъ голову на одну сторону и спустивъ руки въ карманы. Ганя между-тѣмъ продолжалъ отдыхать.

Ганя вообще приходилъ домой нѣсколько-ранѣе, и на долю Мити, конечно за его трудъ, не разъ доставалось такое радушное угощеніе, такъ-что онъ наконецъ никогда уже не спѣшилъ домой къ обѣду. Обѣдать одному онъ находилъ гораздо-пріятнѣе, нежели вмѣстѣ. Радушіе же Лизы всегда было неизмѣнно-одинаково; иногда, она даже дѣлала маленькіе сюрпризы для Мити: только-что онъ думалъ окончить свой поздній обѣдъ, какъ-вдругъ на столѣ являлось какое-нибудь лакомое блюдо, въ родѣ десерта, и притомъ всегда любимое Митею. Эти любимыя блюда составляли у Мити родъ секрета, но Лиза умѣла выпытывать ихъ у Анны. Когда подавалось такое блюдо, на лицѣ Мити, вообще мало-подвижномъ, обыкновенно показывалось пріятное изумленіе, а на лицѣ Лизы—самая осторожная улыбка и наблюденіе.

Случилось разъ и то: Митя, отъ утомленія, или отъ простуды, по-

чувствовалъ себя нездоровымъ и воротился домой совершенно-больнымъ. Онъ не хотѣлъ объ этомъ говорить никому, и старался принять на себя спокойный видъ: но внимательный глазъ тотчасъ угадалъ въ чемъ дѣло. Едва-только онъ вошелъ въ комнату, какъ Лиза прямо сказала ему: «вы больны!» И потомъ, когда онъ отказался отъ обѣда, уже никакія убѣжденія не могли разувѣрить ея въ этомъ мнѣніи. Напрасно Митя защищался всѣми средствами, отстаивая свое здоровье: она не хотѣла ничего знать и рѣшительно требовала, чтобъ онъ лечился.

— Я право здоровъ, Лизавета Ивановна.

— Что́ жь такое, что вы здоровы? отвѣчала Лизавета Ивановна очень-серьёзнымъ тономъ, продолжая хлопотать.

— Но зачѣмъ же мнѣ лечиться?

— Какъ зачѣмъ? Развѣ вы сдѣлаетесь больны отъ лекарства?

— Но вѣдь я совершенно здоровъ.

— Кто же вамъ это сказалъ? Вы вѣрно еще не видали себя въ зеркало; посмотрите, посмотрите: на васъ просто лица нѣтъ!..

— Но это не больше, какъ усталость; къ вечеру все пройдетъ.

Лизавета Ивановна подошла, какъ-будто въ сомнѣніи, къ своему паціенту и приложила руку къ его головѣ. Митя нисколько не противился.

— Боже мой, и вы еще спорите! У васъ голова какъ въ огнѣ. Послушайте, если вы еще будете спорить, я разбужу мужа, и тогда вы не уйдете отъ насъ.

Противъ такой угрозы нѐчего было и говорить; и какъ она еще была закрѣплена очень-строгимъ взглядомъ, то Митя тотча́съ оставилъ всякую мысль о сопротивленіи. Вечеромъ, онъ уже лежалъ въ постели со всѣми аппаратами больнаго человѣка; сильный жаръ стоялъ въ головѣ и во всемъ тѣлѣ, однако Митя ни на минуту не забывался, благодаря ли свойству самой болѣзни, или необыкновенному усердію милаго куратора, который почти не отходилъ отъ больнаго и постоянно держалъ руку у него на вискахъ или на темени,— то чтобъ узнать степень жара, то чтобъ поправить примочки. Ганя также принималъ большое участіе въ состояніи Мити; но это участіе было больше страдательное, нежели дѣятельное: Ганя только издали наблюдалъ за Митею, качая головою всякій разъ, какъ-только кураторъ подавалъ знакъ, что болѣзнь или жаръ усиливается. Между-тѣмъ, у Лизаветы Ивановны не было ни одной спокойной минуты: она сама дѣлала примочки, прикладывала ихъ къ головѣ, приготовляла больному питье. Аннѣ, не смотря на все ея усердіе, не оставалось ничего дѣлать.

Три дня продолжалось такое состояніе. Разумѣется, больной ничего такъ не желалъ, какъ здоровья; но когда опасность совершенно

миновалась, Митя почти жалѣлъ, что онъ такъ скоро выздоравливаетъ; онъ находилъ, что иногда и хворать не непріятно, и часто, забывшись, приподнималъ голову, какъ-бы желая узнать, не лежитъ ли у него на вискахъ чья-нибудь рука. Но примочки уже были сняты, и ничья рука не касалась болѣе головы Мити.

Выздоравливалъ Митя, сверхъ чаянія, очень-медленно. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что Митя вовсе не былъ человѣкъ изнѣженный и не любилъ давать себѣ ни малѣйшей поблажки; между-тѣмъ, даже Лизавета Ивановна говорила, что ему совершенно можно выходить, а онъ все еще оставался дома. Ганя просто началъ смѣяться надъ Митею, говоря, что онъ лѣнится, бѣгаетъ отъ дѣла. Митя терпѣливо, и большею частію молча, сносилъ всѣ нападки своего товарища и преспокойно игралъ по вечерамъ въ карты съ Ганею и Лизаветою Ивановною, или, если приходилъ Петруша Чириковъ, то и съ нимъ. Въ старые годы, Митя считался хорошимъ игрокомъ въ бостонъ и вистъ: не разъ случалось, что онъ побивалъ даже самого регистратора, который объигрывалъ самого протоколиста; но теперь, — теперь онъ какъ-будто и не знавалъ ни виста, ни бостона и препростодушно перекидывалъ не только въ мушку, но и въ мельники.

Впрочемъ, въ мельники играли больше для Лёвушки Свекольникова, троюроднаго племянника бабушки Лизаветы Ивановны, который обыкновенно хвастался своею ловкостію въ этой игрѣ и всегда приходилъ объиграть всѣхъ на-вѣрное. Ганя какъ-то любилъ Лёвушку за его простодушный характеръ и всегда бралъ его сторону; а Лизавета Ивановна любила посмѣяться надъ дядюшкой-Лёвушкой и дѣйствовала за одно съ Митею. На-бѣду, Лёвушка былъ не очень-сметливъ, а Ганя почти вовсе не зналъ игры, и почти всегда выходило, что они оставались, если не въ чистыхъ дуракахъ, то въ «мельникахъ». Бывало, смѣшно и смотрѣть, какъ горячится Лёвушка, проигрывая! Надобно замѣтить, что онъ никогда не молчалъ за картами и вслухъ то̀ хвалилъ ихъ, то̀ осыпалъ бранью.

— Кралечка пикъ, душечка, миленькая, не выдай! говорилъ онъ, бросая карту.—Радость моя, свѣтъ мой, я тебя люблю, обожаю, уважаю, почитаю; будь же мнѣ пріятельница! Ну же, кралечка, смотри, не измѣни своему другу вѣрному.

Если же краля измѣняла, Лёвушка сейчасъ перемѣнялъ тонъ.

— Гадкая, скверная, никогда не буду тебя любить. Видишь, какая мерзкая рожа! У, у! а глаза-то, глаза—словно тарелки, а голова-то какъ у кошки... Фу, какъ гадко! Не хочу и смотрѣть.

Оставшись дуракомъ, а это случалось очень-нерѣдко, Лёвушка обыкновенно ударялъ себя кулакомъ въ лобъ, или этимъ же лбомъ, безъ всякой жалости и состраданія къ себѣ, съ такою силою ударялъ объ столъ, что все, что̀ на столѣ было, вскакивало чуть не на

вершокъ. Потомъ Лёвушка начиналъ притворно рюмить, приговаривая: «Ахъ, я ослиная голова—заячій разумъ! Бейте меня всѣ; Лиза, «Ганя, Дмитрій Григорьичъ—бейте меня; выдерите мнѣ всѣ волосы, «оборвите всѣ уши—я дуракъ, дуракомъ родился, дуракомъ и умру... «Лёвка ты, Лёвка! не умѣлъ пойдти съ козырнаго туза».

Если же еще такая напасть случалась съ Лёвушкой три или четыре раза съ-ряду, то неистовству его не было и конца. Онъ, во-первыхъ, билъ себя по головѣ обоими кулаками, таскалъ себя за волосы, и потомъ начиналъ, какъ полоумный глотать все что̀ ни попадолось—скорлупы, яблочную шелуху, финиковыя и черносливныя косточки и даже цѣлые куски мѣлу... Лизавета Ивановна отъ ужаса закрывала руками лицо; Митя и Ганя съ трудомъ могли унимать его.

Въ этомъ проходили вечера; то же случалось иногда и днемъ, пока еще Ганя не приходилъ изъ «присутствія»... Но наконецъ Митя рѣшился выйдти изъ дому и, стряхнувъ съ себя лѣнь, приняться за дѣло. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что подступалъ день именинъ Лизаветы Ивановны, когда Ганя хотѣлъ звать къ себѣ секретаря и другихъ почетныхъ особъ. Митя уже не думалъ болѣе скрываться отъ людей и хотѣлъ вмѣстѣ съ другими повеселиться на праздникѣ.

ГЛАВА V.

Непредвидѣнное обстоятельство.

Сверхъ ожиданія, на именинахъ Лизаветы Ивановны было даже довольно-весело. Особенно къ вечеру гости такъ порасходились, что почти всѣ до одного говорили, и никто никого не слушалъ. Самъ секретарь былъ не прочь отъ общаго веселья и, когда подали огня, первый затянулъ пѣсню: «Лишь только занялась заря». Всѣ гости дружно подняли его на второмъ же стихѣ — «И солнце взошло вверхъ горы»—и потомъ хоромъ продолжали пѣсню до самаго конца. Хоръ составился довольно-громогласный; тутъ былъ и Лёвушка Свекольниковъ съ своимъ сипучимъ баскомъ, и Петруша Чириковъ, пѣвшій втораго тенорка, и Вася Судиславинскій—очень-хорошій теноро-басъ, и даже Саша Посошковъ, участвовавшій въ пѣніи не столько самымъ голосомъ, сколько движеніемъ губъ и глазъ.

Дамы сначала очень-скромно слушали пѣніе; но вдругъ одна изъ нихъ, родная сестра Лёвушки, начала утверждать, что въ фанты совсѣмъ не надобно играть.

—Ахъ, какъ я рада, mesdames, говорила она двумъ молодымъ дѣвицамъ, которыя сидѣли съ нею рядомъ:—какъ я рада, что Лёвчикъ

сталъ пѣть! Вы думаете, онъ сталъ бы сидѣть сложа руки, какъ мы съ вами? Нѣтъ, извините; не такой человѣкъ! Ужь онъ бы непремѣнно затѣялъ фанты; ужь что̀ вы хотите, а онъ бы затѣялъ... Отъ него бы ничѣмъ не отговорились; ужь это я знаю, знаю. Только я съ своей стороны ни за что̀ въ свѣтѣ не стала бы играть въ фанты; никакимъ образомъ! Помилуйте, что̀ это такое? все цаловаться съ мужчинами! Я совсѣмъ не люблю цаловаться, я терпѣть не могу цаловаться. Вы, mesdames, тоже не любите цаловаться?

Скромныя дѣвицы обѣ вмѣстѣ покачали головой, какъ-бы въ подтвержденіе словъ сестры Лёвушки, однако тотчасъ встали съ мѣстъ своихъ, и черезъ минуту же составились фанты, а хоръ разошелся. Сестра Лёвушки была очень-довольна своею хитростію; но Митя, казалось, былъ еще довольнѣе: никогда угрюмое лицо его не было такъ свѣтло и ясно, какъ теперь. Лизавета Ивановна безпрестанно шутила надъ нимъ и нарочно садилась съ нимъ рядомъ, чтобъ побольше посмѣяться. Подъ-конецъ она до того развеселилась, что разъ, совершенно-нечаянно, вдругъ ущипнула Митю... Митя, который вовсе не ожидалъ такого умысла, вскрикнулъ и какъ-то странно выпрямился на стулѣ, сдѣлавъ самую неловкую гримасу. Въ то время Ганя хлопоталъ что-то по хозяйству и проходилъ этой комнатой: онъ вдругъ остановился и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Митю.

Когда Ганѣ случилось въ другой разъ проходить той же комнатой, Лизавета Ивановна разносила какіе-то плоды, какъ это водится въ фантахъ, и остановилась именно передъ Митею съ предложеніемъ своихъ услугъ. Митя что-то замѣшкался. Ганя вдругъ подвернулся-было, чтобъ мимоходомъ сорвать законный поцалуй, и имѣлъ удовольствіе слышать только одинъ звукъ его, который раздался надъ его ухомъ, когда онъ немного нагнулся, чтобъ быть ближе къ знакомымъ губкамъ. Всѣ засмѣялись; Ганѣ стало какъ-то стыдно: онъ не сталъ добиваться другаго поцалуя и тотчасъ ушелъ изъ этой комнаты.

Все это было въ понедѣльникъ (тяжелый день), а въ субботу случилось совсѣмъ другое. Наканунѣ, Митя былъ на именинахъ у одного изъ близкихъ товарищей; завязалась бойкая игра, и продолжалась до самаго разсвѣта; Митя воротился только на другой день, т. е. въ субботу, около вечеренъ. Лизавета Ивановна была одна дома; разумѣется, Митя тотчасъ спросилъ, гдѣ же Ганя?

— Онъ на новой квартирѣ.

—То-есть, вы не хотите мнѣ сказать? Вы, можетъ-быть, сердитесь на меня, Лизавета Ивановна?

— Отъ-чего же? Нѣтъ. Развѣ вы не знаете? Мы переѣзжаемъ.

— Мы переѣзжаемъ?!. Нѣтъ, я совсѣмъ не знаю.

— То-есть не вы, а мы... понимаете?

— — —

— Ничего не понимаю.

— Ахъ, какіе вы! Вотъ видите: мы переѣдемъ отсюда, а вы останетесь.

— Нѣтъ, и я переѣду.

— Куда же вы переѣдите?

— Съ вами вмѣстѣ.

— Эхъ, нѣтъ; вы меня не понимаете. Мы переѣдемъ, потому-что намъ здѣсь тѣсно. Ганя говоритъ, что мы васъ совсѣмъ стѣснили; а вы останетесь: вамъ однимъ будетъ здѣсь просторно.

— Съ кѣмъ же я останусь здѣсь, Лизавета Ивановна?

— Какъ съ кѣмъ? Одни... Ну, съ Анной.

Митя потерялся: онъ уже не зналъ, садиться ему или нѣтъ, въ своемъ онъ домѣ или чужомъ. Митя сталъ думать...

— Не-ужс-ли же, продолжалъ онъ, какъ-бы опомнившись: — не-уже-ли же, Лизавета Ивановна, я васъ такъ стѣснилъ?—Кажется, мнѣ немного надобно мѣста; я могу, если хотите, помѣщаться въ одной передней...

— Зачѣмъ же? это совсѣмъ не нужно. Когда мы переѣдемъ, вамъ останутся всѣ комнаты.

Пришелъ Ганя; Митя хотѣлъ-было говорить съ нимъ съ прямою откровенностію и уже сбирался сдѣлать ему хорошій дружескій упрекъ; но едва только Ганя явился, все исчезло: Митя смотрѣлъ уже на него, какъ на своего врага, и едва могъ принудить себя говорить съ нимъ. Ганя тоже чувствовалъ себя какъ-то неловко: онъ какъ-будто боялся Мити и старался не смотрѣть ему въ глаза.

—Ты, можетъ-быть, сердишься на насъ, Митя?.. сказалъ онъ наконецъ съ какою-то робостію.—Но, право, намъ показалось, что мы совершенно стѣсняли тебя... не давали тебѣ ни мѣста, ни покоя... мѣшаемъ заниматься тебѣ. Ты сердишься, Митя?..

Митю волновала досада: ему бы хотѣлось говорить или однѣ грубости, или ничего не говорить; но тутъ была Лизавета Ивановна.

—Нѣтъ... отъ-чего же!.. отвѣчалъ онъ сквозь зубы.

— Сначала мы не рѣшались оставить тебя одного; но потомъ подумали: что жь! мы не навсегда разойдемся съ нимъ; онъ будетъ ходить къ намъ по вечерамъ, иногда мы сами вздумаемъ къ нему, и будемъ проводить время по-прежнему... Не такъ ли, Митя?..

— Ужь конечно! Ты лучше знаешь.

—Мы же нашли такую хорошенькую квартиру... Лизѣ очень нравится... Комнаты свѣтлыя, окна въ садъ; такъ вездѣ чисто... Нѣтъ, право, Митя! Ты не сердишься на насъ?

— Что жь такое! я очень радъ...

Онъ говорилъ, что былъ радъ, а въ-самомъ-дѣлѣ его взяло горе. Вечеръ прошелъ у него безъ дѣла: цѣлые три часа сидѣлъ онъ на од-

номъ мѣстѣ, не спуская глазъ съ нагорѣвшей свѣтильни. На другой день, въ воскресенье, онъ ушелъ рано утромъ изъ дому, не сказавшись ни одному человѣку, бродилъ Богъ-знаетъ гдѣ цѣлый день, и только къ вечеру рѣшился, отъ усталости, воротиться домой. У воротъ дома стоялъ большой возъ съ разнымъ домашнимъ скарбомъ; Анна хлопотала около него, стараясь привязать тутъ же нѣсколько картоновъ. Митя остолбенѣлъ...

—Не-уже-ли?.. Но за чѣмъ же они такъ спѣшатъ уѣхать, какъ воры?.. И нарочно безъ меня?..

Ганя стоялъ въ воротахъ съ узелкомъ въ рукѣ; ясно, что возъ былъ нагруженъ уже въ послѣдній разъ...

—Прощай, Митя; мы совсѣмъ, сказалъ Ганя будто въ-торопяхъ, будто присматривая за возомъ, будто онъ уходилъ только на одинъ вечеръ.

— Прощай! могъ сказать только Митя и торопливо вбѣжалъ въ комнату. Онъ надѣялся застать тамъ Лизавету Ивановну. Она въ-самомъ-дѣлѣ оставалась еще тутъ. Въ комнатахъ было такъ пусто, какъ не было и до женитьбы Гани; три или четыре стула, да небольшой столъ стояли въ первой комнатѣ, и тѣ далеко отъ стѣнъ, задомъ-напередъ; картины также исчезли; оставалась только одна, какъ-будто забытая, или оставленная съ какимъ-нибудь особеннымъ намѣреніемъ, на боковой стѣнкѣ; черная паутина хлопьями разлеталась по полу... Сердце замерло у Мити, когда онъ остановился середи такого опустошенія! Вдругъ передъ нимъ Лизавета Ивановна, въ своей маленькой шляпкѣ и легонькомъ салопѣ.

— Гдѣ это вы были? Я думала, вы и проститься не прійдете съ нами. Мы ужъ совсѣмъ готовы. Прощайте.

— Прощайте, прошепталъ Митя, устремивъ на нее помертвѣвшіе взоры.

— Что̀ жъ вы такъ смотрите на меня?

— Останьтесь хоть минуту.

— Нельзя: вы видите, какъ спѣшитъ мужъ.—Смотрите же, не забывайте насъ; я съ тѣмъ только и переѣзжаю отсюда, что вы будете къ намъ ходить.

Митя покачалъ головою.

— Какъ? что̀ это значитъ? Вы нѐ хотите и знать меня?

Въ это время голова Гани, какъ-бы желая вытребовать Лизавету Ивановну, показалась въ полурастворенную дверь и тотчасъ скрылась опять. Митя далъ замѣтить это Лизаветѣ Ивановнѣ.

— Вотъ вздоръ, отвѣчала она очень свободно, не обращая на это никакого вниманія.—Вы не смѣйте и думать объ этихъ вздорахъ. Прощайте же. Тамъ, на стѣнѣ, я оставила вамъ на память одну мою любимую картину; смотрите же, берегите ее!

— И только?

— Только. Что жь вамъ еще?

Она подала ему руку.

— Еще разъ прощайте. Не правда ли: мы разстаемся съ вами друзьями?..

— Но зачѣмъ же вы уѣзжаете?..

— Все Ганя...

И прежде, чѣмъ Митя успѣлъ что-нибудь сказать на это, она уже была за порогомъ. Митя бросился за нею.

— Лизавета Ивановна, Лизавета Ивановна!.. кричалъ онъ задыхающимся голосомъ ей вслѣдъ. Но она продолжала догонять своего мужа, который успѣлъ уже саженъ на двадцать отойдти отъ дома. Митя отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ отъ воротъ, продолжая кричать и махать рукою... Богъ-знаетъ что хотѣлъ сказать онъ ей... Только разъ еще обернулась она назадъ и дружески кивнула ему головою, между-тѣмъ, какъ Ганя все продолжалъ идти впередъ, какъ-будто приколовъ глаза къ возу, который былъ у него впереди.

ГЛАВА VI.

Обстоятельство особеннаго рода.

Долго еще оставался Митя на улицѣ, смотря въ слѣдъ своимъ друзьямъ, которые мало-по-малу терялись въ отдаленіи. Онъ простоялъ бы тутъ до поздняго вечера, еслибы Анна не замѣтила ему, что всѣ сосѣди отворили окна и указываютъ на него пальцами. Митя послушался. Вотъ онъ наконецъ у себя дома; теперь онъ полный хозяинъ, и можетъ располагаться, какъ ему угодно... Какой просторъ! какая тишина въ комнатахъ! ни голоса, ни стука, ни шороха шаговъ... Митя обошелъ всѣ комнаты, осмотрѣлъ всѣ углы: нигдѣ ни слѣда присутствія человѣка; вездѣ безпорядокъ, пыль, соръ, пустота... Осталась только старая, полуизбитая мёбель, отъ которой Митя такъ отвыкъ уже послѣ новой мёбели Лизаветы Ивановны, да трехногая кушетка, какъ инвалидъ прислоненная къ стѣнѣ въ одномъ темномъ углу, за дверью. Митя никакъ не представлялъ, чтобъ его движимое было такъ скудно! Послѣ того долго стоялъ онъ среди своихъ владѣній, погруженный въ мрачныя думы...

Накрывали сумерки. Митя вытащилъ изъ сѣней свое старое, заброшенное кресло, поставилъ его у стѣны въ передней комнатѣ, прямо противъ единственнаго оставшагося въ ней украшенія—картины Лизаветы Ивановны. До-сихъ-поръ, Митя какъ-то не обращалъ вниманія на эту картину, пока она висѣла вмѣстѣ съ прочими: онъ вѣрно даже не сказалъ бы, какой сюжетъ ея; но теперь, какъ во

всей комнатѣ не оставалось другаго, сколько - нибудь отличнаго отъ стѣнъ предмета, глаза невольно привязывались къ этой картинѣ. Притомъ же, теперь это была не простая картина, а памятная. Нéхотя Митя взглянулъ на нее.

Картина представляла женскую фигуру съ хорошенькою головкою и смѣющимся лицомъ. Подъ нею была французская подпись, которой Митя не могъ разобрать за отдаленностію и темнотою, продолжая дѣлать наблюденія съ дѣдовскихъ креселъ. Головкѣ дано было положеніе, которое не могло не нравиться: она такъ небрежно была наклонена на одно плечо и такъ плутовски улыбалась, какъ-будто сейчасъ хотѣла погрозить вамъ пальчикомъ... Митѣ особенно нравились ея глаза, живые, быстрые, которые какъ-будто говорили съ вами, будто смѣялись вамъ прямо въ лицо. Они смотрѣли на васъ такъ пристально, такъ откровенно, что вамъ какъ-то становилось стыдно за нихъ и въ то же время въ чемъ-то хотѣлось признаться имъ... Это были тѣ глаза, на которые если долго смотрѣть, то кажется, что вотъ уже вамъ протягиваютъ руку, и вы жмете ее, эту нѣжную, пуховую руку, а глазки будто выражаютъ вамъ за это свое удовольствіе...

Потомъ Митя смотрѣлъ на рамку, въ которую была вставлена картина, на красивый бордюръ ея, и потомъ опять на картину. Митя наконецъ не могъ не признаться, что эта головка ему очень нравилась; онъ даже очень удивлялся, кàкъ до-сихъ-поръ не замѣчалъ ея. Смотря на эти глаза, можно было, по-крайней-мѣрѣ на минуту, забыться, забыть свое одиночество, свои потери... Это отчасти могло замѣнять даже присутствіе живаго человѣка. Какое - то особенное, чудесное свойство, самая привлекательная игра... И все это въ сумерки, при самомъ сомнительномъ полусвѣтѣ!—Есть даже какъ-будто нѣкоторое, самое слабое сходство... Особенно если смотрѣть такъ, съ боку, то напоминаетъ что-то очень знакомое... Точно также и головка, немного по-дѣтски, отшатнулась къ лѣвому плечу, и также весело, ясно смотрятъ глаза... Боже мой, да это живая Лизавета Ивановна, особенно, когда она играетъ въ фанты...

Сдѣлавъ такое открытіе, Митя опять обошелъ всѣ комнаты: ему показалось, что онъ слишкомъ-неосторожно выразилъ свою радость по случаю такого открытія, и что его могли подслушать; ему послышался даже шорохъ изъ другой комнаты. Но это была ошибка. Митя подошелъ къ самой картинѣ, чтобъ лучше всмотрѣться въ эту странную игру глазъ:—ничего особеннаго! Онъ простоялъ передъ нею нѣсколько минутъ, принималъ нѣсколько положеній—все безъ пользы: картина какъ картина! Наконецъ, Митя догадался: настоящая точка зрѣнія была именно съ креселъ... Въ одну минуту онъ сидѣлъ уже въ креслахъ, устремивъ неподвижный взоръ въ картину и стараясь не дѣлать ни малѣйшаго движенія... Опять та же игра!.. Глаза тѣ-

рятъ какъ-будто еще живѣе, улыбка выразительнѣе... Вотъ ужь мракъ почти совершенно одолѣлъ послѣдніе, слабые лучи свѣта, а вдали все еще виднѣются эти воровскіе глаза, и головка какъ-будто выдалась впередъ изъ картины. Нѣсколько разъ Митя, не вѣря самъ своимъ глазамъ, хотѣлъ вскочить съ креселъ и подбѣжать къ картинѣ, и нѣсколько разъ останавливался, боясь разрушить эту странную игру... Головка все выдавалась впередъ. Митя не спускалъ съ нея глазъ...

Вдругъ хлопнула дверь: вошла Анна со свѣчою. Отъ испуга или досады, Митя проворно повернулся и такъ стукнулъ ногою о полъ, что зазвенѣли стекла... Анна едва не уронила свѣчи. Нѣсколько минутъ прошло въ совершенномъ молчаніи. Анна все стояла на одномъ мѣстѣ со свѣчою въ рукахъ, не спуская глазъ съ своего хозяина: никогда еще она не видала его въ такомъ волненіи...

— Прикажете поставить? наконецъ рѣшилась она спросить.

Митя указалъ ей на столъ. Анна тотчасъ поставила свѣчу и вышла въ большомъ недоумѣніи. Митя тотчасъ обратился къ прежнему занятію... Вотъ ужь нѣсколько минутъ смотрѣлъ онъ на картину, но дѣйствія никакого не было. Митя переставилъ свѣчу сперва на одно мѣсто, потомъ на другое, наконецъ опустилъ на полъ: опять нѣтъ ничего! Досадно, страхъ-досадно... и все Анна!.. Митя погасилъ свѣчу; но темнота такъ ужь усилилась, что невозможно было разсмотрѣть не только головки, даже самой картины.

На другой день, около того же времени, Митя опять принялся за вчерашнее: пока еще было много свѣта, дѣйствія никакого не было; но едва опять накрыли сумерки, головка начала смотрѣть какъ живая... Надобно было только не сходить съ креселъ. — Игра казалась такъ занимательна, что Митя забылъ даже о чаѣ. Анна, послѣ вчерашняго пріема, не смѣла уже и входить въ комнату безъ зова; а Митя такъ занялся своимъ дѣломъ, что не видалъ какъ летѣло время. На этотъ разъ, головка была еще живѣе, развязнѣе; на этотъ разъ она не испугалась даже и огня и при свѣтѣ продолжала играть глазками... Тутъ, правда, былъ одинъ секретъ, но, къ-счастію, Митя скоро открылъ его: надобно было дать нагорѣть свѣчѣ такъ, чтобъ въ комнатѣ стало едва-едва видно, — и чѣмъ становилось темнѣе, тѣмъ болѣе оживала головка.

Митя былъ очень-радъ этому открытію, и для бо̀льшаго удобства въ наблюденіяхъ перетащилъ на мѣсто креселъ свою трехногую кушетку. Онъ ужь расположился на ней, какъ слѣдуетъ — вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ... Митя вскочилъ, чтобъ сказаться больнымъ; но Анна на этотъ разъ была такъ проворна, что Митя не успѣлъ дойдти до двери, какъ дверь отворилась, и вошелъ Андрюша, сынъ тетушки Луши. Невозможно представить себѣ визита болѣе неумѣстнаго. Ми-

тя тотчасъ опять расположился на кушеткѣ, не обращая никакого вниманія на гостя, котораго онъ особенно не жаловалъ за одно.

Андрюша, рослый парень, съ сонными глазами, вошелъ, утираясь платкомъ.

— Чортъ побери, какъ усталъ! Я, братъ Митя, пришелъ къ тебѣ.

— Вижу. А зачѣмъ это? грубо спросилъ хозяинъ гостя.

— Скучно стало, чортъ побери... Думаю себѣ дай пойду къ Митѣ, можетъ-быть, у него весело будетъ.

— Угадалъ! Я, братъ, и одинъ умѣю скучать.

— Одинъ?..—А гдѣ жь ваши? спросилъ Андрюша, осматриваясь.

— Хватился! Ты видишь: съѣхали.

— Чортъ побери!

— Кого? съ досадою спросилъ Митя, который не любилъ Андрюши именно за эту присловицу.

— Нѣтъ, я такъ... А Лизавета Ивановна тоже съѣхала?

— Нѣтъ, Лизавета Ивановна не съѣхала. Вотъ она, смотри.—Митя указалъ рукой на картину и повернулъ къ ней Андрюшу лицомъ.

— Эта картина?—Ты, братъ, Митя, все шутишь, чортъ побери.

— Ты слѣпъ, если не видишь.

Андрюша съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Митю: такъ не привыкъ онъ видѣть его сердитымъ, внѣ себя.

—Постой, дай снять со свѣчи... Какъ она у тебя нагорѣла, чортъ побери.

—Не смѣй! громко закричалъ Митя, такъ-что Андрюша отскочилъ отъ стола.

— Такъ дай же, я возьму свѣчу...

— Ни съ мѣста... Смотри, вотъ тамъ.—Митя пригнулъ Андрюшу къ полу и держалъ его голову въ рукахъ. Видишь?..

— Теперь вижу... какая-то женщина... съ глазами...

— Это Лизавета Ивановна.

— Чортъ побери!.. съ удивленіемъ воскликнулъ Андрюша.

— Кого?.. сердито спросилъ Митя.

— Нѣтъ, я такъ.... Какой ты ныньче, братъ Митя, сердитый!..

— А ты сегодня глупѣе этого стула.

— Чортъ побери!.. Нѣтъ, я такъ... Если бы ты зналъ, братъ Митя, сколько у меня дѣла!

— Пора тебѣ за него приняться.

— Я и такъ спѣшу... Тебѣ не скучно будетъ одному?

— Надѣюсь.

— Прощай, братъ Митя. Мнѣ право нѣкогда.—Андрюша хотѣлъ идти.

— А что жь ты?.. Кланяйся Лизаветѣ Ивановнѣ, сказалъ Митя, указывая на картину.

Андрюша не смѣлъ болѣе возражать.

— Прощайте, Лизавета Ивановна, проговорилъ онъ, смотря то на Митю, то на картину, и дѣлая довольно-низкій поклонъ. Митя также кланялся вмѣстѣ съ нимъ.

Митя хотѣлъ что-то еще сказать своему гостю, но тотъ проворно убѣжалъ изъ комнаты, какъ маленькій шалунъ, украдкою стащившій запрещенную игрушку. Только еще разъ послышалось «чортъ побери», сказанное уже на порогѣ, и дверь за Андрюшей захлопнулась. Митя тотчасъ позвалъ Анну и тутъ же далъ ей самый строгій наказъ, впередъ въ это время не впускать ни души, хоть бы эта душа принадлежала самому Ганѣ... Этотъ наказъ былъ сдѣланъ такъ опредѣленно и ясно, что Аннѣ оставалось только выслушать его и выйдти вонъ. Болѣе ей ничего не оставалось здѣсь дѣлать, особенно смотря на это встревоженное, сердитое лицо, въ которомъ она едва узнавала своего барина.

Анна такъ и сдѣлала. Тогда Митя заперъ дверь на крючокъ и погрузился въ свое созерцаніе.

ГЛАВА VII.

Неожиданное посѣщеніе.

Былъ понедѣльникъ, вторникъ, или четверкъ—сказать опредѣленно нельзя, потому-что съ нѣкотораго времени Митя не совсѣмъ-ясно различалъ одинъ день отъ другаго; и такъ, былъ понедѣльникъ, вторникъ, или четверкъ, и можетъ-быть уже не первый послѣ того, какъ началось созерцаніе, о которомъ я вамъ говорилъ въ концѣ предъидущей главы. Митя одинъ оставался въ своихъ комнатахъ; онъ сидѣлъ или лучше сказать лежалъ, по обыкновенію, на кушеткѣ; кто-то только-что было-толкнулся къ нимъ въ двери, но Анна, помня строгій наказъ, сказала, что барина нѣтъ дома. Свѣча давнымъ-давно нагорѣла, и лѣнивый огонёкъ едва держался около свѣтильни; на пять шаговъ отъ свѣчи было еще столько свѣтло, что иной могъ бы читать книгу; но далѣе свѣтъ уже примѣтно начиналъ бороться съ тьмою, такъ-что противоположная стѣна, покрытая темною краской, почти совсѣмъ ускользала изъ вида, кромѣ одной картины, которая бѣлымъ своимъ фономъ рѣзко выдавалась впередъ изъ окружающаго ее сумрака... Положивъ голову на руку, которая уперлась въ подушку, Митя съ усиленнымъ вниманіемъ вглядывался въ картину.

Вся фигура такъ рѣзко отдѣлялась отъ картины, особенно лицо... Глаза были какъ двѣ свѣтлыя точки; всѣ черты такъ опредѣленны и выразительны. Разъ Митя какъ-будто замѣтилъ въ нихъ даже нѣ-

которое движеніе. Онъ только про-себя, втайнѣ, пожелалъ, чтобъ это была правда, какъ вся фигура дѣйствительно пришла въ сильное движеніе и будто выдвигалась впередъ. Не-уже-ли, подумалъ Митя, не-уже-ли она сойдетъ съ своего мѣста? Между-тѣмъ, онъ чувствовалъ, какъ кровь его приливала къ груди, дыханіе становилось чаще, и глаза застилало тьмою. Митя еще боролся съ этимъ нечаяннымъ волненіемъ, какъ фигура стояла уже передъ нимъ.

Это была она, она сама, въ своемъ бѣломъ, какъ снѣгъ, платьѣ, съ своею обыкновенною прическою и съ этимъ яснымъ, располагающимъ къ себѣ взоромъ, который съ перваго раза имѣлъ на Митю такое чудесное вліяніе. Митя не вытерпѣлъ и быстро поднялся съ своего мѣста. Но едва-только сталъ онъ на ноги, какъ фигура, будто повинуясь давленію какой-нибудь скрытой пружины, въ одно мгновеніе очутилась на прежнемъ мѣстѣ, приняла прежній свой видъ, и долго надобно было ждать, пока она снова оставила раму и, какъ тѣнь, какъ легкій призракъ, опять рисовалась передъ глазами Мити, едва касаясь пола ногами и, какъ пухъ, зыблясь въ воздухѣ... Митя притаилъ дыханіе.

Ей, кажется, это нравилось: она еще ближе подвинулась къ Митѣ и таинственно приложила палецъ къ губамъ. Тогда Митя еще глубже затаилъ въ себѣ дыханіе, какъ-бы опасаясь, чтобъ сильнымъ движеніемъ воздуха не сдуть этого легкаго видѣнія. И, чѣмъ больше тишины было въ комнатѣ, тѣмъ болѣе смѣлости, жизни въ положеніи фигуры. Въ ней было что-то враждебное всякому, даже малѣйшему шуму: булавка, нечаянно выпавшая изъ стѣны, привела ее въ электрическое сотрясеніе, отъ котораго смѣшались всѣ черты, и едва не разсѣялась, какъ дымъ, вся фигура. И наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ прекращалось всякое малѣйшее движеніе, производившее шорохъ или легкій шумъ, фигура какъ-будто пріобрѣтала въ смѣлости, оживлялась, черты яснѣй и яснѣй отдалялись одна отъ другой, глаза загорались огнемъ, лицо одушевлялось улыбкой, одна рука была поднята. Митя видѣлъ передъ собою живое существо.

Нѣсколько минутъ фигура оставалась передъ нимъ въ одномъ положеніи, но Митя твердо выдержалъ испытаніе; онъ оставался недвижимъ какъ камень. Тогда она вдругъ сдѣлала легкій пируэтъ и однимъ прыжкомъ очутилась на другомъ концѣ комнаты, потомъ снова на томъ же мѣстѣ, и потомъ опять отбѣжала къ дверямъ. Съ каждою минутою возрастала быстрота и смѣлость въ ея движеніяхъ; наконецъ она ни минуты не оставалась въ покоѣ и безпрестанно перелетала съ одной стороны на другую, прихлопывая руками, впрочемъ, не издавая никакого звука. Ей было такъ весело! Живая улыбка не сходила съ ея лица; казалось, она играла всѣми своими движеніями, особенно когда смотрѣла прямо въ лицо Митѣ и вытанцы-

вала передъ нимъ свои неуловимыя па.... Митя всегда удивлялся ловкости Лизаветы Ивановны; но теперь онъ рѣшительно не могъ понять, откуда она могла научиться всѣмъ этимъ чудеснымъ движеніямъ.

Между-тѣмъ, она продолжала рѣзвиться и нѣсколько разъ такъ близко подбѣгала къ Митѣ, что онъ могъ бы чувствовать у себя на лицѣ ея дыханіе, могъ бы охватить рукою легкій станъ ея. Разъ, когда она низко наклонилась къ его уху, онъ осмѣлился, но рука разсѣкала только воздухъ, между-тѣмъ, какъ фигура быстро теряласъ въ отдаленіи, наконецъ совершенно исчезла въ рамѣ картины. Остался только одинъ рисунокъ, очеркъ, едва различимый при тускломъ свѣтѣ свѣчи. Напрасно Митя кричалъ въ отчаяніи: «Лизавета Ивановна! Лизавета Ивановна!» Она явилась опять не прежде, какъ онъ совершенно успокоился и, затаивъ дыханіе, неподвижно лежалъ на одномъ мѣстѣ.

Лизавета Ивановна не произносила ни одного слова, ни одного звука. Митя тотчасъ догадался, что здѣсь есть тайна, что самое появленіе Лизаветы Ивановны въ его комнатахъ также навсегда должно остаться секретомъ, и что Лизавета Ивановна пришла сюда инкогнито звать его къ себѣ, также инкогнито. Въ-самомъ-дѣлѣ, едва-только Митя подумалъ объ этомъ, какъ она стала въ дверяхъ и начала манить его къ себѣ, слегка поводя указательнымъ пальцемъ. Митя проворно всталъ; она еще быстрѣе отбѣжала къ послѣдней двери и продолжала манить. Митя болѣе не колебался; онъ тотчасъ накинулъ на себя шинель и бросился къ дверямъ съ тѣмъ, чтобъ отправиться къ Лизаветѣ Ивановнѣ. Фигура, между-тѣмъ, исчезла. Это однако не остановило Митю: онъ очень хорошо понималъ, что все это такъ и должно быть, и съ твердою рѣшимостію вышелъ изъ дома. Напрасно Анна, затворяя за нимъ дверь, говорила, чтобъ онъ взялъ съ собою зонтикъ: Митя какъ-будто и не слыхалъ ея словъ.

А погода была самая несносная. Это былъ одинъ изъ тѣхъ ненастныхъ осеннихъ вечеровъ, когда и бѣдный человѣкъ спѣшитъ скорѣе затворить за собою дверь, чтобъ забыть все, что происходитъ на улицѣ. Мелкій, но частый дождь лилъ съ самаго утра, мѣшаясь иногда съ снѣгомъ; улицы сплошь были покрыты грязью; тускло свѣтились фонари сквозь густой туманъ, облегавшій ихъ со всѣхъ сторонъ. Изрѣдка попадался жалкій пѣшеходъ, нетерпѣливо выражавшій желаніе лучшей погоды, по-крайней-мѣрѣ болѣе-спокойной ходьбы. Однако Митя борзо шелъ впередъ, закутавшись въ свою непромокаемую шинель и не разбирая совершенно-ничего подъ ногами: онъ шелъ такъ же свободно, какъ бы по хорошо-углаженному бульвару, только изрѣдка бормоча про себя: «Лизавета Ивановна!» Вотъ наконецъ окна ихъ квартиры. Митя остановился, стараясь всмо-

тръться во внутрь комнаты. Кажется, онъ не ошибся: въ комнатѣ было одно, только одно лицо. Митя вошелъ; его встрѣтила Лизавета Ивановна. Она, примѣтно, была и рада и удивлена.

— Вы вѣрно видѣли, что я одна, сказала она послѣ перваго привѣтствія: — и хотѣли меня испугать?

Митя съ робостію осматривался вокругъ себя, какъ-бы не довѣряя словамъ Лизаветы Ивановны.

— А! вы ищете мужа? продолжала Лизавета Ивановна.—Его нѣтъ дома. Представьте себѣ, какая досада: онъ только-что передъ вами вышелъ изъ дому. Еслибъ я знала, ни за-что не пустила бы его отъ себя.

Митя значительно улыбнулся, какъ улыбается всякій, когда видитъ въ словахъ другаго чистую иронію.

— Я понимаю, отвѣчалъ онъ, давая замѣтить, что въ словахъ Лизаветы Ивановны видитъ особенный смыслъ. — И вѣрно онъ прійдетъ не скоро?

— Я думаю. Но что жь вамъ? Вы можете подождать его. Правда, я такъ рада вамъ. Скажите же, какъ вы къ намъ въ такую погоду?

Митя подвинулъ къ ней свой стулъ.

— А какъ вы? Вамъ, я думаю, труднѣе было идти по грязи въ вашихъ маленькихъ, тоненькихъ башмачкахъ и въ легкомъ бѣломъ платьѣ, да еще съ открытою головою. Однако вы не побоялись.

— Когда же? Я не понимаю, отвѣчала Лизавета Ивановна.—Нѣтъ, не шутя, скажите, Дмитрій Григорьевичъ: вы къ намъ прямо изъ дому?

— Вслѣдъ за вами.

Митя еще разъ осмотрѣлся вокругъ себя.

— Какъ? Развѣ... развѣ Ганя былъ у васъ? Онъ только сейчасъ вышелъ изъ дому.

— А вы давно воротились?

Митя подвинулъ свой стулъ еще ближе къ Лизаветѣ Ивановнѣ.

— Откуда же? Я нигдѣ не была.

— Вы все шутите. Я говорю: вы давно воротились отъ меня?

Митя сдѣлалъ удареніе на послѣднемъ словѣ.

— Какъ отъ васъ? Кто же вамъ сказалъ, что я у васъ была?

Митя засмѣялся.

— Вы думали, я не узнаю васъ? Я васъ узналъ съ перваго раза.

Лизавета Ивановна посмотрѣла на Митю; въ глазахъ ея выразилось недоумѣніе.

— Вы такъ странно говорите, Дмитрій Григорьевичъ... Я, право, васъ не понимаю. Когда же я была у васъ? Мы съ мужемъ только сбирались къ вамъ. Скажите же, когда, на-примѣръ, я у васъ была?

— Нынче, вчера, во вторникъ, въ среду.

— Странно! Съ кѣмъ же? Не-уже-ли одна?

Митя кивнулъ головою.

— И вы видѣли?

— Какъ теперь: вы еще танцовали и потомъ стали звать меня къ себѣ... Понимаете?

Лизавета Ивановна еще разъ посмотрѣла на своего гостя, и какъ все это онъ говорилъ очень-серьёзно, то она, наконецъ, не могла удержаться отъ смѣха.

— Какіе вы стали проказники, Дмитрій Григорьевичъ! Ужь чего не скажете!

Лизавета Ивановна продолжала отъ всей души смѣяться, а Митя смотрѣлъ на нее во всѣ глаза, какъ вдругъ дверь отворилась, и Ганя переступилъ черезъ порогъ, горько жалуясь на непогоду, которая заставила его воротиться домой. Еще въ передней его какъ-то странно поразилъ неумѣренный смѣхъ жены; но каково же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ подлѣ нея своего стараго друга, Митю, который какъ-будто не хотѣлъ и отвѣчать на его привѣтствіе и даже не вставалъ съ своего мѣста! Въ изумленіи, Ганя остановился у самыхъ дверей; Лизавета Ивановна продолжала смѣяться.

— Представь себѣ, сказала она наконецъ, стараясь удержаться отъ смѣха:—что̀ за проказникъ сталъ у насъ Дмитрій Григорьевичъ! Говоритъ, что я была у него нынче вечеромъ, и безъ тебя.

—Ты была... у него? спросилъ Ганя, какъ-бы не вслушавшись въ ея слова.

— Ахъ, Боже мой, какъ-будто ты не слышишь! Да, онъ увѣряетъ меня, что я была у него одна нѣсколько дней сряду. Такъ ли я говорю, Дмитрій Григорьевичъ?

Дмитрій Григорьевичъ молчалъ. Ему, кажется, не нравилось ни то, что Ганя такъ скоро воротился домой, ни то, что̀ говорила Лизавета Ивановна.

— Ты что-то ужь заврался! сказалъ Ганя, значительно посмотрѣвъ на Митю. Но Митя продолжалъ молчать и отвѣчалъ ему только взглядомъ. Послѣ того Ганя отошелъ въ сторону, чтобъ сложить съ себя намокшее платье.

Лизавета Ивановна тотчасъ замѣтила неудовольствіе мужа и перестала смѣяться. Ганя, оправившись и отдохнувъ немного, началъ совсѣмъ другой разговоръ, который не имѣлъ ничего общаго съ прежнимъ. Митя однако продолжалъ показывать рѣшительное къ нему нерасположеніе; онъ съ готовностію отвѣчалъ Лизаветѣ Ивановнѣ, когда она обращалась къ нему со всѣми вопросами, но Ганѣ онъ какъ-будто обѣщался говорить только «да» или «нѣтъ», и то не смотря ему въ лицо и какимъ-то недовольнымъ тономъ. Напрасно Ганя своимъ радушіемъ, своею веселостью, хотя нѣсколько и под-

дѣльною, старался поставить его опять на прежнюю, дружескую ногу: Митя не поддавался, и въ самомъ скоромъ времени, не смотря на всѣ убѣжденія Гани, отправился домой.

Послѣ того, какъ онъ ушелъ, Ганя и Лизавета Ивановна долго еще тихо разговаривали между собою о чемъ-то очень-немаловажномъ, при чемъ Ганя нѣсколько выходилъ изъ себя, и даже на лицѣ Лизаветы Ивановны замѣтно было нѣкоторое непріятное волненіе, какъ еслибъ ее въ чемъ упрекали... Митя, вышедши отъ нихъ, также долго еще стоялъ у воротъ, какъ-бы соображая весь ходъ дѣла; уже подумавши нѣсколько времени, онъ сказалъ вслухъ: «а, понимаю!» и пустился далѣе.

ГЛАВА VIII.

Обманутыя ожиданія и мщеніе.

Пріятели и знакомые Мити, всѣ принимавшіе сердечное участіе въ судьбѣ своего друга, съ нѣкотораго времени были очень обезпокоены страннымъ его поведеніемъ. Всѣ знали, что онъ не оставляетъ своей должности и постоянно занимается въ присутствіи, но никто, рѣшительно никто не могъ сказать, чтò дѣлается съ Митею послѣ того, какъ онъ выходитъ изъ присутствія, кàкъ онъ проводитъ время и чѣмъ занимается. Этотъ вопросъ былъ въ головѣ каждаго, но никто не рѣшался предложить его самому Митѣ, зная странный нравъ его, и потому нѣкоторые, особенно-любопытные изъ товарищей по службѣ, условились слѣдить за Митею, когда онъ пойдетъ изъ присутствія. Они такъ и сдѣлали; но одни изъ нихъ случайно были увлечены совсѣмъ въ другую сторону случайно же попавшеюся горничною съ картономъ, а другіе, которые имѣли терпѣніе идти до конца, видѣли только, кàкъ Митя входилъ въ свою собственную квартиру, и потому, какъ и первые, также не умѣли рѣшить вопроса.

И страннымъ казалось особенно то, что Митю никогда нельзя было застать дома. Прежде, за недѣлю, также ко всѣмъ выходила Анна и, неохотно отворяя дверь, обыкновенно говорила, что «барина нѣтъ дома», но тогда по-крайней-мѣрѣ по свѣту въ окнахъ можно было догадываться, что «баринъ» дома, но не хочетъ принимать гостей. А теперь, вотъ уже нѣсколько дней, совсѣмъ-другое: почти въ продолженіе всего вечера являлись усердные посѣтители, и не только не находили хозяина дома, но даже не видѣли никакого свѣта въ окнахъ. Анна же рѣшительно не могла дать никакого объясненія и только жаловалась, что баринъ ея не ѣстъ, не пьетъ и наконецъ даже не живетъ дома. Впрочемъ, по увѣренію нѣкоторыхъ, свѣтъ

показывался въ окнахъ около десятаго часа вечера и не пропадалъ до глубокой ночи.

Между знакомыми наконецъ стали ходить объ Митѣ разныя неправдоподобныя легенды. Иные разсказывали, будто Митя влюбился въ одну знатную даму и сгараетъ безнадежною страстью къ ней; другіе напротивъ утверждали, что онъ попалъ въ какую-то политическую секту, которая имѣетъ цѣлію повсемѣстное разведеніе картофеля; наконецъ третьи, особенно Петруша Чириковъ, кричали на весь народъ, что у Мити въ комнатахъ завелся домовой, проказитъ на-пропалую и совершенно выживаетъ его изъ дому. Ко всеобщему удивленію говорили даже, будто одинъ разъ *онъ* нарядился въ женское платье и представился такимъ хорошенькимъ, что Митя никакъ не выдержалъ и предложилъ ему руку и сердце; а въ другой разъ будто загасилъ у Мити свѣчу, засыпалъ ему пескомъ глаза и всего залилъ чернилами, и проч. и проч.

Были и другіе разные слухи въ этомъ же родѣ; какъ и всегда бываетъ, одни со страхомъ вѣрили имъ, другіе робко не вѣрили, но всѣ непремѣнно хотѣли знать, гдѣ проводитъ Митя почти всѣ вечера; нѣкоторые даже готовы были предпринять оффиціальные поиски. Однако, всѣ покушенія найдти это блаженное мѣсто были напрасны, потому-что искали совсѣмъ не тамъ, гдѣ слѣдовало искать: пока Митю искали по разнымъ домамъ, онъ преспокойно себѣ—стоялъ неподалеку отъ воротъ того дома, гдѣ была квартира Гани и Лизаветы Ивановны. Обыкновенно, вечеромъ, какъ—скоро становилось темно, не смотря на слякоть и холодный осенній дождь, Митя выходилъ изъ дому, приходилъ прямо къ этому мѣсту и становился у забора, оборачиваясь всякій разъ, какъ-только отворялась калитка, которою обыкновенно выходили со двора. Нахлобучивъ старый суконный картузъ и завернувшись въ свою непромокаемую шинель, Митя въ резиновыхъ калошахъ, казалось, смѣялся надъ всѣми усиліями пронзительнаго холода и дождя и, какъ столпъ, стоялъ недвигаясь съ мѣста. Люди, проходившіе обыкновенно этою улицею, сначала косились на него и робко оглядывались; но потомъ мало-по-малу присмотрѣлись къ нему, привыкли, и наконецъ проходили около него такъ же равнодушно, какъ мимо всякаго фонарнаго столба.

Никто не могъ сказать именно, сколько вечеровъ провелъ Митя на этомъ мѣстѣ и съ какою цѣлію; достовѣрно было только то, что онъ кого-то поджидалъ здѣсь, и что эта экстраординарная служба началась у него вскорѣ послѣ того времени, какъ онъ сдѣлалъ первый, не совсѣмъ, впрочемъ, удавшійся визитъ своимъ друзьямъ— Ганѣ и Лизаветѣ Ивановнѣ. И такъ, онъ кого-то поджидалъ.... Это былъ уже, можетъ-быть, восьмой или девятый вечеръ. Калитка нѣсколько разъ отворялась; нѣсколько разъ со двора сходили люди, и Митя по-

ворачивалъ свою голову, чтобъ всмотрѣться въ проходящихъ; но все это, конечно, были не тѣ, кого ему было надобно. Вотъ наконецъ кто-то вышелъ въ шинели и поспѣшно пошелъ въ противную сторону... Митя не успѣлъ всмотрѣться ему въ лицо, — притомъ же было такъ темно,—однако, казалось, узналъ его по походкѣ и по росту, и едва-только незнакомецъ скрылся изъ виду, какъ Митя бросился въ калитку, отворилъ настежь всѣ двери и въ одну минуту былъ въ той самой комнатѣ, гдѣ въ первый разъ приняла его Лизавета Ивановна.

Митя искалъ кого-то глазами, вовсе не замѣчая своего пріятеля, Гани, который также смотрѣлъ на него во всѣ глаза... Наконецъ, Ганя подошелъ къ нему такъ близко, что могъ чувствовать у себя на лицѣ его дыханіе.

— Помилуй, братъ Дмитрій, сказалъ онъ нетерпѣливо:— что съ тобой дѣлается? Ты ужь наконецъ и своихъ не узнаёшь.

Митя оторопѣлъ, увидѣвъ Ганю... Его, кажется, всего менѣе думалъ онъ встрѣтить здѣсь въ эту минуту.

— Это ты, Ганя? проговорилъ онъ робко:—а гдѣ же...

Митя какъ-будто боялся кончить вопросъ и поводилъ глазами по комнатѣ. Ганя, однако, тотчасъ догадался, о комъ рѣчь.

— Жены нѣтъ дома: она у сестры. Я послалъ за ней Лёвушку — можетъ-быть онъ не попался ли тебѣ— въ моей старой шинели. Садись—гость будешь.

Но Митя и не думалъ садиться: скорѣе онъ показывалъ намѣреніе уйдти. Ганѣ показалось это очень-непріятно, однако онъ постарался скрыть свое неудовольствіе.

— Ты ужь спѣшишь, Митя? сказалъ онъ довольно-спокойнымъ тономъ. — Какъ это жаль! А вѣрно ты съ какою-нибудь новостью къ Лизѣ!..

— Нѣтъ, коротко отвѣчалъ Митя.

— Такъ, можетъ-быть, что-нибудь ко мнѣ? продолжалъ тѣмъ же тономъ Ганя.

— Нѣтъ, отвѣчалъ опять Митя.

— Стало-быть, ты ни ко мнѣ, ни къ Лизаветѣ Ивановнѣ?.. Странно, очень странно! А я все думалъ, что ты къ Лизаветѣ Ивановнѣ... Говоря эти слова, Ганя отвернулся въ сторону, чтобъ скрыть невольную улыбку. Когда же онъ снова оборотился по прежнему направленію, гостя уже не было: онъ исчезъ такъ тихо, что не слышно было даже шелеста шаговъ.

Съ-тѣхъ-поръ, Митя не являлся болѣе, въ урочный часъ, на обыкновенный свой постъ и не пугалъ болѣе прохожихъ своею таинственною фигурою. Теперь онъ каждый вечеръ оставался дома, велѣлъ подавать себѣ огня и до глубокой ночи лежалъ на своей кушеткѣ, устремивъ глаза на знакомую картину... Во что бы то ни стало, Ми-

тя непремѣнно хотѣлъ возобновить прежнюю игру. Сначала картина упрямилась, какъ-будто оскорбленная тѣмъ пренебреженіемъ, которое онъ показывалъ къ ней нѣсколько вечеровъ сряду; но Митя стоялъ на своемъ и не спускалъ съ нея глазъ... Скоро все стало по прежнему: нагарала свѣча, и отъ картины отдѣлялась маленькая фигура, которая съ каждымъ движеньемъ впередъ становилась больше и больше... Наконецъ она вытягивалась въ человѣческій ростъ и становилась середи комнаты — на полу или на воздухѣ, опредѣлить было трудно; тогда всѣ члены ея приходили въ движеніе, и если при этомъ не происходило ни малѣйшаго шума, ни стука въ комнатѣ, то она начинала какой-то воздушный танецъ, въ которомъ Митя едва успѣвалъ слѣдовать за нею глазами.

Всѣмъ этимъ, однако, Митя былъ еще недоволенъ: онъ хотѣлъ самаго точнаго повторенія прежнихъ сценъ. И вотъ, въ-самомъ-дѣлѣ, въ одинъ вечеръ, когда и на дворѣ было особенно тихо, и свѣча нагорѣла болѣе обыкновеннаго, фигура была что-то очень-весела: она долго дѣлала передъ своимъ единственнымъ зрителемъ разные живописные туры, склоняясь то на ту, то на другую сторону, долго кружилась въ воздухѣ съ чрезвычайною быстротою, и потомъ вдругъ однимъ неслышнымъ скачкомъ была уже у дверей комнаты и, таинственно кивая головою, давала Митѣ знакъ слѣдовать за нею... Онъ былъ готовъ, онъ ждалъ этого, и едва фигура исчезла за дверями, какъ онъ былъ уже на ногахъ, а черезъ двѣ или три минуты самымъ скорымъ шагомъ шелъ къ знакомому дому.

Лизавета Ивановна сидѣла за самоваромъ, когда Митя вошелъ въ комнату. Можно было подумать, что за нимъ гнались недобрые люди: такъ проворно вбѣжалъ онъ въ домъ и такъ задыхался отъ усталости! Лизавета Ивановна, кажется, вовсе не была приготовлена къ такому посѣщенію и въ испугѣ едва удержала чашку, которая была у нея въ рукахъ.

— Что это? сказала она недовольнымъ видомъ, оправляясь отъ перваго испуга.—Знать вы уговорились пугать меня всякій разъ, какъ только пріидете къ намъ? Можно ли такъ? Я наконецъ стану жаловаться на васъ, Дмитрій Григорьичъ!

Митя сталъ, какъ вкопанный. Его совершенно поразилъ этотъ недовольный тонъ, которымъ говорила Лизавета Ивановна. На лицѣ его изобразилась сильная тревога.

— И куда вы всегда такъ торопитесь? Развѣ нельзя было войдти тихо? Что жь вы молчите?

— Лизавета Ивановна!.. началъ Митя въ сильномъ безпокойствѣ. —Я спѣшилъ, я хотѣлъ догнать васъ...

— Меня?.. Какъ, развѣ опять?...

Митя кивнулъ головою. Лизавета Ивановна поспѣшила скрыть

улыбку, которая уже навернулась у ней на губахъ, и старалась показать видъ, будто охотно вѣритъ его словамъ. Митя ничего не подозрѣвалъ.

— Скажите же вы мнѣ, Дмитрій Григорьичъ, продолжала она повидимому очень-простодушно: — зачѣмъ бы это я такъ нужна была вамъ?

Митя между-тѣмъ успѣлъ оправиться и съ увѣренностію подошелъ къ Лизаветѣ Ивановнѣ, стараясь улыбаться, хотя улыбка въ эту минуту вовсе не шла къ его лицу, все еще очень встревоженному.

— За вами долгъ — сказалъ онъ, взявъ правую руку Лизаветы Ивановны.

— Какъ долгъ? какой же это долгъ, Дмитрій Григорьичъ?

— А это кольцо? продолжалъ онъ, указывая на обручальное. Оно — мое.

— Давно ли же это? отвѣчала Лизаветы Ивановна, едва удерживаясь отъ смѣха.

— А помните... въ тотъ вечеръ?.. отдайте же его мнѣ скорѣе, пока *онъ* не пришелъ.

— А если я не отдамъ?..

— Я отниму у васъ.

И Митя какъ-будто въ-самомъ-дѣлѣ хотѣлъ привести въ исполненіе свою угрозу. Одной рукою онъ взялъ Лизавету Ивановну за руку, а другою старался отогнуть палецъ, на которомъ было кольцо. Лизавета Ивановна продолжала смѣяться и конечно не стала бы долго противиться усиліямъ Мити, если бы нечаянный ударъ по плечу не остановилъ его и не заставилъ обернуться назадъ. Съ ужасомъ увидѣлъ Митя передъ собою Ганю, который все это время сидѣлъ въ другой комнатѣ, а теперь вышелъ — на помощь къ женѣ.

— Это однако съ твоей стороны очень-хорошо, прямо по-пріятельски, началъ Ганя, смотря въ глаза своему другу: — ходить къ Лизаветѣ Ивановнѣ поздно вечеромъ и отнимать у ней обручальныя кольца... А что̀, если я попрошу, послѣ этого, своего любезнаго друга...

Но Ганя не успѣлъ договорить своей просьбы: Митя бѣжалъ, бѣжалъ какъ мальчикъ, застигнутый на мѣстѣ своихъ шалостей, какъ воръ, едва ускользнувшій изъ рукъ правосудія, такъ-что Ганя поневолѣ долженъ былъ остановиться на половинѣ своего вопроса и, вмѣсто продолженія его, затворить за бѣглецомъ всѣ двери...

Совершенно внѣ себя прибѣжалъ Митя домой. Даже Анна, которая привыкла уже ко всѣмъ его странностямъ, не знала что̀ подумать о своемъ баринѣ: такъ онъ не походилъ самъ на себя! Она хотѣла войдти вслѣдъ за нимъ въ комнату, но онъ вырвалъ у ней свѣчу и съ силою захлопнулъ за собою дверь. Однако Анна такъ была напугана странныхъ его видомъ, что тотчасъ вышла изъ сѣней

на дворъ, взгромоздилась на бочонокъ и стала смотрѣть въ окна... У ней занималось дыханіе при одной мысли, что баринъ можетъ сдѣлать надъ собою что-нибудь недоброе... Къ-счастію, занавѣски не были опущены, и Анна съ своего возвышенія довольно-хорошо могла видѣть все, что происходило въ комнатѣ.

Митя сбросилъ съ себя шинель, поставилъ свѣчу на столъ и подошелъ къ картинѣ. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ передъ нею, качая головою, потомъ осмотрѣлся кругомъ, снялъ картину со стѣны, съ-розмаха бросилъ ее на полъ и долго топталъ ногами, приговаривая какія-то слова, которыхъ, впрочемъ, Анна не могла разобрать... Потомъ онъ погасилъ свѣчу и, какъ казалось, заснулъ, потому-что Анна не слыхала болѣе никакого стука. Только утромъ осмѣлилась она войдти въ комнату, собрала кусочки стекла, разбитаго на-мелко, и выбросила ихъ вмѣстѣ съ соромъ.

ГЛАВА IX.

Послѣдния происшествія.

Дней черезъ пять послѣ этого страннаго происшествія, Ганя воротился изъ присутствія очень-встревоженный, чего прежде съ нимъ никогда не случалось. Долго ходилъ онъ по комнатѣ, ничего не говоря Лизаветѣ Ивановнѣ. Наконецъ, она замѣтила волненіе мужа и, поймавъ одинъ его взглядъ, который показывалъ, что онъ былъ въ большой нерѣшительности, обратилась къ нему съ вопросомъ.

— Ты такъ разстроенъ! сказала она, положивъ иголку и съ нѣжностію смотря на него.

— Кто? я? отвѣчалъ онъ, стараясь принять бодрый видъ. — Нисколько. Это тебѣ такъ показалось.

— А можетъ-быть и не показалось... Что же такъ занимаетъ тебя, что ты не хочешь и говорить со мною?..

— Вздоръ, мелочи, не стоящія никакого вниманія.

— Конечно, потому-что я не должна знать объ нихъ?.. Если такъ, я не смѣю и спрашивать...

— Совсѣмъ нѣтъ, мой другъ. Я и не думалъ скрывать отъ тебя... Но, право, это совсѣмъ не такъ пріятно, чтобъ разсказывать. Впрочемъ, если ты хочешь...

— Мнѣ, право, все равно... Особенно, если это такой вздоръ...

— Сущій вздоръ, душа моя: нашъ чудакъ немного напроказничалъ, вотъ и всё; впрочемъ это совсѣмъ меня не безпокоитъ.

— Такъ о-чемъ же тебѣ и думать?

— Я думаю то же самое. Но вотъ видишь ли, въ чемъ дѣло, я разскажу тебѣ все: сегодня, во время присутствія, взялъ онъ нѣсколько

бѣловыхъ бумагъ, которыя ужь были подписаны присутствующими, и на всѣхъ поставилъ большіе кресты, а на нѣкоторыхъ даже по два и по три...

— Что жь? я думаю, не тебѣ будетъ отвѣчать за него?

— Но выслушай, чѣмъ это кончилось: сказали секретарю; онъ тотчасъ къ Митѣ и спрашиваетъ его: «кто вамъ позволилъ это сдѣлать?» Митя сначала молчалъ и все посмѣивался; потомъ, когда секретарь сталъ больше и больше приступать къ нему, онъ всталъ на стулъ, потомъ на столъ, и закричалъ на всю канцелярію: «Лизавета Ивановна!»

— Не-ужь-то въ самомъ дѣлѣ?..

— Божусь тебѣ. И такъ громко, что даже слышно было въ присутствіи.

Лизавета Ивановна не могла болѣе удержаться отъ смѣха, смотря на лицо мужа, который разсказывалъ все это съ самою серьёзною миною.

— Тутъ вовсе нѣтъ ничего смѣшнаго, сказалъ Ганя, нѣсколько оскорбившись веселостью Лизаветы Ивановны.—Вся канцелярія засмѣялась и чуть не захлопала въ ладоши, когда онъ изволилъ отпустить эту глупость — каково это?..

— Это-то мнѣ и кажется смѣшно.

— А мнѣ такъ напротивъ. Не забудь, что онъ сказалъ не чье-нибудь другое, а *твое* имя...

Лизавета Ивановна скоро перестала смѣяться, однако разговоръ продолжался у нихъ цѣлый обѣдъ, и все объ одномъ и томъ же предметѣ. Ганя наконецъ также сталъ гораздо-хладнокровнѣе, и такимъ образомъ, разсуждая съ полнымъ спокойствіемъ и умѣренностію, они успѣли дружелюбно устранить обоюдныя противорѣчія и такъ или иначе согласиться во всѣхъ пунктахъ относительно послѣдняго происшествія.

Но едва-водворившееся согласіе черезъ день снова было нарушено почти такимъ же образомъ: Ганя пришелъ ранѣе обыкновеннаго, и, опять сильно встревоженный, началъ ходить по комнатѣ, стараясь скрыть внутренне волненіе. Лизавета Ивановна тотчасъ угадала, въ чемъ дѣло.

— Не опять ли проказы? спросила она, впрочемъ безъ всякаго безпокойства.

— Нашъ Дмитрій просто никуда не годится—съ досадою отвѣчалъ Ганя.—Онъ только дурачитъ насъ... Представь себѣ: секретарь сегодня подходитъ къ нему и говоритъ, что онъ долженъ непремѣнно извиниться передъ присутствующими въ своей глупости, иначе ему откажутъ отъ мѣста. Митя засмѣялся и потомъ говоритъ: «что̀ жь, откажите! а я буду жаловаться.» — Ка̀къ жаловаться? спросилъ се-

кретарь: — кому вы будете жаловаться? — Митя помолчалъ съ минуту и потомъ опять какъ закричитъ на всю канцелярію: «Лизаветѣ Ивановнѣ!»

— Чтò жь такое? спокойно отвѣчала Лизавета Ивановна, какъбудто дѣло вовсе не ея касалось. — Пусть его кричитъ, чтò хочетъ. Для меня это вовсе ничего не значитъ.

— А для меня значитъ, и значитъ много, возразилъ Ганя. — И если этотъ гость вздумаетъ хоть разъ впередъ заглянуть ко мнѣ, я или запру передъ нимъ двери, или, если онъ какъ-нибудь проберется сюда мимо меня, вытолкаю его въ шею изъ дому...

Ганя разгорячился; Лизавета Ивановна не хотѣла возражать ему въ такую невыгодную минуту и отворотилась къ окну, которое выходило на улицу. Картина, представившаяся ей, никакъ не могла назваться пріятною. Крупный дождь падалъ вмѣстѣ съ хлопьями снѣга; топкая грязь закрывала всю мостовую, и жалкій пѣшеходъ не разъ останавливался среди улицы съ приподнятою ногою, не рѣшаясь погрузить ее въ страшную тину, которая заграждала ему дорогу. Только одинъ какой-то отчаянный путешественникъ шелъ впередъ самымъ ровнымъ шагомъ, не разбирая впереди себя ничего, какъ-будто передъ нимъ была ровнь и гладь. Вотъ онъ перешелъ улицу и сталъ подходить къ дому, гдѣ была квартира Гани. Лизавета Ивановна взглянула на него пристально и съ удивленіемъ узнала въ отчаянномъ путешественникѣ своего стараго знакомца—Митю.

— Это онъ, сказала она, отбѣжавъ отъ окна:—идетъ къ намъ...

Ганя пріосамился.

— Милости просимъ!.. Мы готовы принять дорогаго гостя. Только пусть не прогнѣвается, прибавилъ онъ, потирая руки.

Лизавета Ивановна вдругъ приняла умоляющій видъ.

— Послушай, мой другъ, къ чему это?.. Не-ужь-то онъ сдѣлалъ тебѣ столько зла, что не заслуживаетъ другаго пріема?..

— Вотъ какая заступница! не прикажешь ли еще просить его къ себѣ?..

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчала Лизавета Ивановна съ рѣдкимъ хладнокровіемъ. — Но сдѣлай мнѣ одолженіе, позволь ему войдти сюда, хоть на одну минуту; послушаемъ, чтò будетъ онъ говорить...

— Слуга покорный! Я ужь и такъ наслушался его глупостей...

— Но ты, если хочешь, можешь не слушать... Уйди скорѣе въ эту комнату, продолжала она, взявъ его за руки и какъ-будто шутя подводя къ дверямъ:—а я останусь здѣсь одна... Пусть онъ подумаетъ, что тебя нѣтъ дома. Мнѣ страхъ-какъ хочется послушать, чтò онъ будетъ говорить теперь...

Ганя едва сопротивлялся. Лизавета Ивановна продолжала выводить его изъ комнаты.

— Послушай, Лиза, сказалъ онъ, уже перешагнувъ за порогъ и еще придерживаясь за дверь: — если онъ позволитъ себѣ хоть одну глупость, я не ручаюсь за себя...

— Тамъ ужь какъ знаешь, отвѣчала Лизавета Ивановна, притворяя за нимъ дверь.

По обыкновенію, Митя вошелъ очень-смѣло, безъ всякихъ предварительныхъ вопросовъ, и широко растворяя всѣ двери. Впрочемъ, когда его встрѣтила Лизавета Ивановна, онъ старался принять самыя учтивыя манеры и смотрѣлъ на нее съ чрезвычайною нѣжностію. Лизавета Ивановна отвѣчала ему равною вѣжливостію и, какъ-будто ничего не зная, просила садиться. Митя сѣлъ послѣ нѣсколькихъ, самыхъ деликатныхъ извиненій, не оставляя впрочемъ своей разбухшей отъ дождя шляпы, съ которой вода текла ручьемъ.

— Ваше здоровье, Лизавета Ивановна? былъ первый его вопросъ, произнесенный имъ очень-тихо, съ самымъ нѣжнымъ выраженіемъ.

— Покорно васъ благодарю, отвѣчала Лизавета Ивановна.

— Какая странная погода! началъ опять Митя, нѣсколько помолчавъ.

— Да, очень-дурна, былъ короткій отвѣтъ.

Митя молчалъ и осматривался вокругъ себя, какъ-бы опасаясь свидѣтелей. Лизавета Ивановна замѣтила это.

— Вы къ намъ, конечно, изъ присутствія? спросила она.

— О, именно!.. отвѣчалъ Митя, съ какою-то особенною выразительностію.

— Вотъ вы какъ рано, продолжала Лизавета Ивановна: — а мужа моего нѣтъ и до-сихъ-поръ. Вѣрно его задержали дѣла?

— О, конечно задержали дѣла!

— Вотъ всегда такъ, сказала она съ притворною досадою: — никогда не пріидетъ въ свое время, и я должна одна обѣдать, одна пить чай. Ахъ, какъ это скучно!.. Не хотите ли вы обѣдать со мною?..

У Мити сверкали глаза отъ удовольствія. Онъ поставилъ на полъ свою шляпу и придвинулъ стулъ къ Лизаветѣ Ивановнѣ.

— Зачѣмъ обѣдать? Лучше мы съ вами раздѣлимъ время, сказалъ онъ довольно-таинственно.

— То-есть, какъ же мы раздѣлимъ время? спросила Лизавета Ивановна.

Митя посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Давайте играть въ фанты... сказалъ онъ, вынимая изъ кармана двѣ карты.

— Какъ? только вдвоемъ?.. спросила Лизавета Ивановна, какъ-будто не находя въ этомъ ничего особенно-страннаго.

— Впрочемъ — съ шляпою, отвѣчалъ Митя, придвигая шляпу къ

себѣ.—Я буду отвѣчать за нее. Какой вы будете цвѣтокъ?.. прибавилъ онъ, обращаясь къ Лизаветѣ Ивановнѣ.

— Я, право, не знаю... Какой хотите.

— Вы будете роза, розанчикъ; шляпа будетъ, положимъ, фіалка, а я—хоть... машаллах-фет-али-шахъ...

— Какъ это?.. я совсѣмъ не понимаю, что̀ за цвѣтъ вы сказали.. Я даже никогда не слыхивала такого!..

— Машаллах-фет-али-шахъ — это одинъ иностранный цвѣтъ; онъ ростетъ не здѣсь, а во Франціи... Извольте же начинать...

— Но, я право не разобрала, Дмитрій Григорьичъ. Какъ же я буду спрашивать? Этакъ сейчасъ можно ошибиться...

— А въ игрѣ это-то и нужно... ха, ха, ха... Извольте же говорить: «охъ, болитъ».

— Охъ, болитъ! смѣясь начала Лизавета Ивановна.

— Что болитъ?

— Сердце.

— Такъ, хорошо. По комъ?..

— По...мешал...хал...фат... Какъ хотите, а мнѣ ни за что не выговорить...

— Фантъ съ васъ, Лизавета Ивановна. Я положу за васъ эту карточку.

Онъ въ-самомъ-дѣлѣ положилъ одну карту въ шляпу, потомъ опять съ необыкновенною ловкостію выпрямился на стулѣ и обратился къ Лизаветѣ Ивановнѣ.

— Теперь извольте продолжать.

Лизавета Ивановна не противорѣчила и продолжала отвѣчать обыкновеннымъ порядкомъ, пока Митя не спросилъ: «по комъ?» Тутъ она снова запуталась въ мудрёномъ названіи, котораго никакъ не могла не только произнести, даже запомнить.

— Еще фантъ, сказалъ Митя, совершенно развеселившись. Теперь давайте разъигрывать...

— Такъ скоро?

— Пора; мнѣ надобно спѣшить. Видите, вашъ фантъ? прибавилъ онъ, съ торжествомъ показывая карту, которую только-что вынулъ изъ шляпы.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? а я и не воображала! Что̀ жь теперь прикажете дѣлать?

— Вы сами знаете... отвѣчалъ Митя, съ значительною улыбкою, подвигаясь къ Лизаветѣ Ивановнѣ. — Я долженъ васъ поцаловать...

— Вотъ ужь нѣтъ, сказала Лизавета Ивановна, вскакивая съ своего мѣста.—Этого я никакъ не позволю вамъ...

— Такъ не уйдете же вы отъ меня, продолжалъ Митя, схвативъ Лизавету Ивановну за руки и стараясь напечатлѣть на ея губахъ не-

законный поцалуй. Онъ былъ внѣ себя; лицо его страшно поблѣднѣло; голова тряслась какъ въ припадкѣ; глаза смотрѣли такъ ярко и вмѣстѣ такъ дико. Между-тѣмъ, руки ему измѣняли, такъ-что Лизавета Ивановна могла еще защищаться.

— Сумасшедшій! закричала она наконецъ въ изступленіи, чувствуя на себѣ прикосновеніе его холодныхъ губъ.

Митя уже одолѣвалъ, какъ вдругъ сильная рука схватила его за плечо и однимъ здоровымъ движеніемъ оторвала отъ беззащитной жертвы. Паническій страхъ объялъ Митю, когда онъ, отброшенный въ сторону, оборотился и увидѣлъ почти надъ собою голову какого-то огромнаго человѣка, можетъ-быть дворника, и рядомъ съ нимъ Ганю, въ угрожающемъ положеніи. Схвативъ въ руки шинель, безъ шляпы, бросился онъ въ двери... Тамъ приняла его большая дворовая собака... Съ трудомъ выбрался Митя на улицу и опрометью бросился впередъ, куда глядѣли глаза. Огромный человѣкъ съ двумя или тремя мальчишками выскочилъ вслѣдъ за нимъ на улицу. Собака преслѣдовала его по пятамъ, съ визгомъ хватая зубами за шинель, которую онъ волочилъ за собою по грязи, какъ какую-нибудь негодную ветошку... Суровый осенній вѣтеръ дулъ прямо въ лицо бѣглецу, высоко вздымая его рѣдкіе волосы, ничѣмъ незащищенные отъ бурныхъ порывовъ, и мокрый снѣгъ падалъ ему на голову... Въ недоумѣніи останавливались прохожіе, не зная что̀ подумать о такомъ странномъ обстоятельствѣ. Не смотря на холодъ, даже нѣкоторыя окна отворялись на улицу... А Митя все продолжалъ бѣжать въ одномъ направленіи, только изрѣдка отбиваясь отъ собаки, которая всякую минуту готова была схватить его за икры.

Ганя и Лизавета Ивановна также смотрѣли на него въ окно—она, блѣдная и дрожащая отъ испуга, а онъ, едва владѣя собою отъ сильнаго волненія. Оба они не отходили отъ окна до-тѣхъ-поръ, пока Митя не исчезъ у нихъ изъ глазъ на поворотѣ улицы, и потомъ весь остатокъ дня не могли ни одного слова сказать другъ другу; только позднимъ вечеромъ, когда поутихла непогода и успокоилось встревоженное сердце, вздумали они навѣдаться о состояніи своего друга и послали къ нему на квартиру нарочнаго, чтобъ онъ потихоньку развѣдалъ, что̀ было съ Митею по возвращеніи. Посланный принесъ отвѣтъ короткій: Митя не возвращался... На другой день, Лизавета Ивановна опять убѣдила Ганю послать развѣдать о Митѣ: отвѣтъ былъ тотъ же самый... Съ непріятнымъ чувствомъ отправился Ганя въ судъ, но и тамъ узналъ только одно — что Митя исключенъ изъ службы.

А. Н.

1842.

* * *

Къ подъѣзду! Сильно за звонокъ рванулъ я.
Что? дома?... Быстро я взбѣжалъ наверхъ.
Уже ея я не видалъ лѣтъ десять.
Кáкъ хороша она была тогда!...
Вхожу. Но въ комнатѣ все дышетъ скукой,
И плющъ завялъ, и сторы спущены.
Вонъ, у окна безмолвно за газетой
Сидитъ какой-то толстый господинъ.
Мы поклонились. Это мужъ. Какъ дуренъ!
Широкое и глупое лицо...
Въ углу сидитъ на креслахъ длинныхъ кто-то,
Въ подушки утонувъ. Смотрю — не вѣрю!
Она? Вотъ эта тѣнь полу-живая?...
А есть еще прекрасныя черты!
Она мнѣ тихо машетъ: «Подойдите!
«Садитесь! рада вамъ я, старый другъ.»
Рука какъ жолтый воскъ, чуть внятенъ голосъ,
Взоръ мутенъ. Сердце сжалось у меня...
«Меня теперь вы вѣрно не узнали...
«Да! я больна. Но это все пройдетъ
«Весной поѣду непремѣнно въ Ниццу.»
Чтó отвѣчать? Нельзя же показать,
Что слезы хлынули къ глазамъ отъ сердца;
А слово такъ и мрётъ на языкѣ.
Мужъ улыбнулся, что я такъ неловокъ.
Какую-то я пошлость ей сказалъ
И вышелъ. Трудно было оставаться.
Поѣхалъ. Мокрый снѣгъ мнѣ билъ въ лицо
И небо было тускло...

Н. ОГАРЕВЪ.

СТАНСЫ КЪ С-ЧУ.

(1840.)

Мы сожгли безъ сожалѣнья
Юность гордую до тла;
А надежду и волненья
Буря жизни унесла.

Прихоть бѣшеная страсти,
Злость людей, мечты обманъ —
Не имѣютъ больше власти
Нанести намъ новыхъ ранъ.

И звучитъ еще отрадой
Только прошлое одно...
Счастья новаго не надо!
Жизнь извѣдана давно.

Мы походимъ на солдата,
Что вдали, подъ тучей стрѣлъ,
Подъ скалою Арарата —
Пѣсню сѣвера запѣлъ.

В. КРАСОВЪ.

* * *

Шумѣла полночная вьюга
Въ лѣсной и глухой сторонѣ;
Мы сѣли съ ней другъ подлѣ друга —
Валежникъ свисталъ на огнѣ.
И нашихъ двухъ тѣней громады
Лежали на красномъ полу:
А въ сердцѣ ни искры отрады,
И нѣчѣмъ прогнать эту тьму!

Березы скрипятъ за стѣною,
Сукъ ели трещитъ смоляной...
О, другъ мой, скажи, что̀ съ тобою?
Я знаю давно, что̀ со мной!

А. Ф.

ОРАСЪ.

Романъ Жоржа Занда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
и послѣдняя.

—

I.

Марта давно уже встала, но Орасъ еще не просыпался. Было поздно. Орасъ спалъ хорошо; онъ былъ спокоенъ; онъ отдохнулъ — и мысли его просвѣтлѣли, когда онъ услышалъ щебетаніе воробьевъ, перекликавшихся на крышкѣ, гдѣ таялъ вчерашній снѣгъ при лучахъ зимняго солнца.—А-га! видно и тамъ холодно и голодно! сказалъ онъ.—Имъ еще хуже, нежели намъ; если у тебя нѣтъ хлѣба, бѣдная Марта, то гости твои не получатъ сегодня ни крошки; они и будутъ на тебя жаловаться.

—Нѣтъ! отвѣчала Марта.—Я спрятала имъ остатки вчерашняго моего ужина — кусочекъ ржанаго хлѣба. Эти господа неприхотливы; они очень-хорошо позавтракали.

— Лучше нежели мы—не правда ли?

— Что̀ жь за бѣда? сказала Марта. За то мы пріятнѣе пообѣдаемъ.

— Ты говоришь объ обѣдѣ? да! все-таки это нѣкоторое утѣшеніе для того, кому очень хотѣлось бы позавтракать... Ну что̀, ходила ты въ Mont-de Piété?

— Нѣтъ еще! вѣдь ты вчера запретилъ мнѣ идти туда. Я жду твоего позволенія.

— А я думалъ, что ужь ты воротилась, сказалъ Орасъ зѣвая.

Марта обрадовалась этой перемѣнѣ, приписывая ее благоразумному размышленію, хотя въ-самомъ-дѣлѣ эта перемѣна была только слѣдствіемъ усилившагося голода. Она проворно накинула себѣ на плеча старую пунцовую шаль свою, завернула новую въ большой листъ бѣлой бумаги; потомъ, боясь, чтобъ Орасъ не раздумалъ, поспѣшно вышла изъ комнаты, но черезъ нѣсколько минутъ возврати-

лась блѣдная, разстроенная. Г. Шеньяръ встрѣтилъ ее на лѣстницѣ и принудилъ воротиться, говоря довольно-неучтиво, что онъ не дозволитъ ничего выносить изъ дому до-тѣхъ-поръ, пока не будутъ заплачены ему деньги за квартиру. Орасъ, взбѣшенный этою дерзостію, бросился на лѣстницу, гдѣ стоялъ г. Шеньяръ, продолжая ругаться, и тутъ завязался между ними жестокій споръ. Шеньяръ кричалъ тѣмъ громче, что запасся свидѣтелями; предвидя бурю, онъ заблаговременно призвалъ къ себѣ на помощь дворника и другаго какого-то человѣка, съ виду похожаго на полицейскаго. Оба эти спутника играли важныя роли: одинъ былъ оберегателемъ священной особы своего господина, другой примирителемъ, готовымъ, однакожь, въ случаѣ нужды составить обвинительный протоколъ. Орасъ понялъ, что право было не на его сторонѣ, и что ему надо будетъ уступить; но онъ не хотѣлъ отказаться отъ удовольствія осыпать бѣднаго Шеньяра обидными названіями, упрекая его въ корыстолюбіи самыми колкими и оскорбительными выраженіями, какія только могъ придумать. Остроуміе и желчная энергія, которыя расточалъ онъ, пропали бы понапрасно, еслибъ шумъ не привлекъ нѣкоторыхъ насмѣшливыхъ слушателей, которыхъ присутствіе удовлетворило его самолюбіе. Шеньяръ пыхтѣлъ, багровѣлъ, бѣсился; полицейскій, видя, что невозможно было придраться къ эпиграммамъ, которыя, по его мнѣнію, не входили въ разрядъ оскорбленій, выжидалъ со вниманіемъ какого-нибудь рѣшительнаго поступка, который походилъ бы на преступленіе, подпадающее законному наказанію. Дворникъ, не очень любившій своего хозяина, смѣялся исподтишка въ свою сѣдую всклоченную и грязную бороду рѣзкимъ отвѣтамъ Ораса,—между-тѣмъ, какъ нѣсколько молодыхъ студентовъ растворили двери комнатъ своихъ и наслаждались этою оригинальною сценою. Наконецъ одна изъ этихъ дверей распахнулась настежъ; на порогѣ ея явилась исполинская фигура, покрытая рыжею щетиною и закутанная въ изношенное одѣяло, изъ-подъ котораго выставлялись двѣ сухія, жилистыя и мохнатыя ноги. Это былъ знаменитый Жанъ Ларавиньеръ, президентъ бузенготовъ; онъ наканунѣ нанялъ тутъ комнату за 15 франковъ въ мѣсяцъ и былъ очень-доволенъ своими палатами, въ которыхъ, по его словамъ, всякій разъ надобно было отворять дверь и окно, чтобъ протянуть руки, когда онъ надѣвалъ на себя сюртукъ.

— Что за шумъ подняли вы, почтеннѣйшій хозяинъ? сказалъ онъ запальчивому Шеньяру.—Берегитесь, любезнѣйшій; съ вами можетъ случиться апоплексическій ударъ; впрочемъ, это еще не большая бѣда: хуже всего то, что вы разбудили въ восемь часовъ утра одного изъ жильцовъ своихъ, который возвратился домой въ шесть.

— Не мѣшайтесь не въ свое дѣло! закричалъ внѣ себя Шеньяръ.

— А! такъ, вотъ какъ вы ведете себя! такъ вотъ ваши правила,

г. Шеньяръ! возразилъ Ларавиньеръ.—Хорошо же! вы не долго будете имѣть честь пользоваться присутствіемъ моимъ въ своемъ домѣ, не долго будете получать ту прибыль, которую оно приноситъ вамъ, если смѣете поступать такъ при мнѣ съ сынами отечества.

—Отечество требуетъ отъ сыновъ своихъ, чтобъ они платили долги! вскричалъ Шеньяръ.—Я поручикъ національной гвардіи...

— Знаю! отвѣчалъ хладнокровно Ларавиньеръ:—и потому прошу васъ успокоиться.

— Я знаю обязанности гражданина, продолжалъ Шеньяръ.

— Въ такомъ случаѣ, мы съ вами сговоримся, возразилъ Ларавиньеръ.—Я очень-хорошо знакомъ съ г. Орасомъ Дюмонтѐ, и если вамъ нужна за него порука, охотно предлагаю себя.

Неизвѣстно, до какой степени ручательство Ларавиньера успокоило хозяина; но онъ искалъ только случая прекратить непріятную сцену, въ которой служилъ посмѣшищемъ для любопытныхъ. Наконецъ, буря утихла, и до новой тучи каждый возвратился въ свою комнату.

Черезъ четверть часа, Жанъ Ларавиньеръ, перемѣнивъ то, чтò называлъ онъ своимъ римскимъ костюмомъ, на одежду болѣе-новѣйшую и пристойную, постучался у дверей Ораса. Съ-тѣхъ-поръ какъ Орасъ жилъ подъ одной кровлею съ Мартою, онъ мало-по-малу отдалилъ отъ себя всѣхъ своихъ знакомыхъ, выключая двухъ или трехъ пріятелей, которые не могли возбудить въ немъ ревности и оказывали ему почтительное удивленіе, обыкновенно возбуждаемое молодымъ остроумнымъ и рѣзко-самонадѣяннымъ человѣкомъ въ товарищахъ болѣе-скромныхъ и простодушныхъ. Можно бъ даже было замѣтить, что гордость большей части молодыхъ людей нашего времени преимущественно опирается на простосердечной и великодушной привершенности къ нимъ тѣхъ, которые ихъ окружаютъ. Но это разсужденіе здѣсь не-у-мѣста, потому-что Ларавиньеръ не былъ изъ числа поклонниковъ Ораса; онъ уважалъ только политическія способности, и если пришелъ къ нему, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ посмѣяться вмѣстѣ надъ хозяиномъ, то вѣроятно имѣлъ какія-нибудь особенныя причины возобновить съ нимъ знакомство, никогда недоходившее до короткости и съ нѣкотораго времени прекратившееся совершенно.

— Орасъ чувствовалъ всегда какое-то непреодолимое отвращеніе къ тѣмъ неотёсаннымъ республиканцамъ (такъ онъ называлъ ихъ), которые оказывали явное презрѣніе къ искусствамъ, литературѣ и даже наукамъ, и, бывъ нѣсколько заражены бабувизмомъ, не отказались бы сломать всѣ великолѣпныя палаты, чтобъ на мѣстѣ ихъ настроить хижинъ.

Такія грубыя средства не согласовались съ любовью Ораса къ ще-

голеватости, съ мечтами его о личномъ возвышеніи, и потому онъ смотрѣлъ на Ларавиньера, какъ на одно изъ тѣхъ орудій разрушенія, которыя республиканцы болѣе-осторожные охотно выставляютъ впередъ, но которымъ ни одинъ изъ нихъ не повѣрилъ бы своей личной будущности.

Какъ-бы то ни было, онъ принялъ Ларавиньера съ распростертыми объятіями, самъ не зная для чего. Орасъ былъ въ добромъ духѣ: онъ только-что пересказалъ подругѣ своей всѣ эпиграммы, которыми осыпалъ бѣднаго Шеньяра, и очень обрадовался, увидѣвъ передъ собою свидѣтеля своей побѣды. Кто изъ васъ, молодыхъ людей, неимѣющихъ прочнаго состоянія, не знаетъ по опыту, что въ нѣкоторыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни дружеское посѣщеніе чьё бы то ни было воскрешаетъ въ сердцѣ бодрость, или надежду, и располагаетъ къ снисхожденію?

Увидѣвъ Марту, Ларавиньеръ отступилъ-было назадъ и, казалось, хотѣлъ уйдти; но Орасъ удержалъ его и подвелъ къ ней. Она протянула ему руку, вспомнивъ о ночной встрѣчѣ, въ которой онъ оказалъ ей уваженіе и покровительство, и улыбаясь просила его разсказать сцену съ г. Шеньяромъ.

Позабавившись насчетъ бѣднаго хозяина, Ларавиньеръ вызвалъ Ораса въ корридоръ и сказалъ ему: «Изъ всего, что̀ произошло здѣсь полчаса назадъ, я заключаю, что вы находитесь въ одномъ изъ тѣхъ трудныхъ денежныхъ обстоятельствъ, которыя знакомы всѣмъ намъ. Я не предлагаю заплатить за васъ г. Шеньяру, потому-что не могу этого сдѣлать, да, сверхъ того, его можно проводить обѣщаніями до перваго удобнаго случая; но если у васъ нѣтъ нѣсколькихъ экю, которые никогда не бываютъ лишними, и которыхъ обыкновенно не находишь именно тогда, когда они нужны,—я охотно подѣлюсь съ вамъ пятью или шестью экю, оставшимися въ кошелькѣ моемъ.

Орасъ колебался. Нерѣдко онъ довольно-дурно отзывался о Ларавиньерѣ, говоря о немъ съ Мартою и со мною; но никогда не могъ онъ простить ему, что тотъ хвастался, будто-бы далъ у себя убѣжище бѣглянкѣ изъ кафѐ Пуассона; наконецъ, ему не хотѣлось принять какую-нибудь услугу отъ человѣка мало ему извѣстнаго. Но мысль о бѣдной Мартѣ, которая не завтракала, рѣшила всѣ его сомнѣнія, и онъ взялъ деньги съ самою искреннею признательностію.

— Это дѣло взаимное, и не стòитъ благодарности, отвѣчалъ Ларавиньеръ. — Перемѣна обстоятельствъ можетъ перемѣнить наши роли. Каждому свой чередъ.

—Я иначе и не понимаю этого, возразилъ Орасъ, который, положа деньги въ карманъ, вдругъ почувствовалъ въ себѣ какую-то неловкость и холодность къ Ларавиньеру.

И такъ, Mont-de-Piété, эта бѣдственная скала, угрожающая нищетѣ конечною гибелью, была на этотъ разъ избѣгнута. Марта настояла однакожь на томъ, чтобъ ей позволено было искать работы, и Орасъ, взявъ съ нея клятву, что она не пойдетъ за работой къ Эженіи, оставилъ на ея волю всѣ другія средства; долгія исканія ея не имѣли успѣха; наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, она могла достать себѣ работы по-крайней-мѣрѣ на хлѣбъ насущный. Ларавиньеръ далъ имъ еще взаймы нѣсколько денегъ на остальныя потребности, и Орасъ съ своей стороны принялъ твердое намѣреніе трудиться для уплаты долговъ.

Однакожь, не смотря на всѣ старанія, бѣдность, ежедневно возраставшая, скоро довела ихъ до крайности. Марта терпѣла ее съ какою-то грустною радостью. Обремененная работою, она гордилась тѣмъ, что существованіе Ораса зависѣло отъ нея. Иногда она имѣла надъ нимъ столько власти, что могла склонять его къ нѣкоторымъ пожертвованіямъ, удовлетворявшимъ нетерпѣніе его заимодавцевъ. Впрочемъ, заимодавцы студента вообще гораздо-снисходительнѣе заимодавцевъ какого-нибудь денди. Они знаютъ, что на сынѣ мѣщанина деньги ихъ не пропадутъ, и что рано или поздно молодой провинціалъ, возвратясь въ нѣдра своего семейства, почтетъ священною обязанностію заплатить долги свои. Конечно, это дѣлается не скоро, но по-крайней-мѣрѣ въ этомъ классѣ не случается дѣйствительнаго банкротства, и разстройство въ немъ бываетъ только временно. Такимъ образомъ, Орасъ могъ еще найдти кредитъ у мастеровыхъ, работавшихъ для него, могъ одѣваться съ нѣкоторою изысканностію. Но удивительное дѣло! Страсть его къ расточительности увеличивалась по мѣрѣ того, какъ увеличивались недостатокъ и безпокойства, причиняемыя этою расточительностью. Въ людяхъ вѣтренаго и легкаго характера, препятствія и лишенія еще болѣе растравляютъ жажду къ наслажденіямъ и эту отчаянную неустрашимость, съ которою они отваживаются на все, чтобъ только удовлетворить свою страсть. Открывъ боязливой Мартѣ настоящее положеніе дѣлъ своихъ и показавъ письма своей матери, наполненныя нѣжными, но справедливыми упреками, онъ не могъ уже обманывать ее, ни запретить ей работать и соблюдать въ расходахъ самую строгую и даже мелочную экономію. Поступивъ иначе, онъ навлекъ бы на себя негодованіе Марты, — а Орасъ хотѣлъ, чтобъ его столько же любили, сколько и удивлялись бы ему. Поневолѣ долженъ онъ былъ привыкать опять къ прежнему скромному образу жизни и играть передъ Мартою роль стоика; но эта роль была для него тягостна; тихое домашнее убѣжище, которымъ онъ прежде такъ восхищался, перестало ему нравиться; скука взяла верхъ надъ ревностію. Орасъ имѣлъ организацію изнѣженныхъ художниковъ, въ которыхъ самая востор-

женная любовь не можетъ устоять противъ прозаической существенности. Картина этого скромнаго и бѣднаго хозяйства была слишкомъ-печальна для его пылкаго воображенія. Вмѣсто того, чтобъ почерпать изъ примѣра Марты бодрость къ трудамъ, онъ съ каждымъ днемъ находилъ работу свою тягостнѣе и невозможнѣе. Ему было холодно въ этой худо-натопленной и тѣсной комнаткѣ; стужа, отъ которой нѣмѣли трудолюбивые пальцы Марты, сжимала мозгъ Ораса. Сверхъ-того, простой, но опрятный столъ, приготовленный руками Марты, не былъ ни столько сытенъ, ни такъ изобиленъ, чтобъ напитать здороваго двадцати-лѣтняго человѣка, привыкшаго ни въ чемъ себѣ не отказывать. Тогда онъ осыпалъ бѣдную Марту упреками, которыхъ грубость заставляла краснѣть его-самого и плакать черезъ нѣсколько минутъ отъ раскаянія; но на другой день опять начиналась та же самая исторія. Онъ укорялъ Марту въ скупости, и когда она со слезами на глазахъ отвѣчала ему, что получала на столъ только по двадцати су въ день, то онъ спрашивалъ иногда съ оскорбительною ѣдкостію, куда же дѣвала она тѣ сто франковъ, которые онъ отдалъ ей на прошедшей недѣлѣ. Онъ забылъ, что самъ же бралъ эти деньги по частямъ, безъ счету, и всѣ ихъ истратилъ на разныя бездѣлицы—билеты въ спектакли, мороженое, завтраки, или отдалъ взаймы пріятелямъ. Орасъ былъ удивительно-щедръ; онъ не любилъ платить долговъ, но любилъ давать взаймы, и между-тѣмъ, какъ забывалъ заплатить десять франковъ бѣдному ремесленнику, ходившему въ изорванныхъ сапогахъ, великодушничалъ передъ какимъ-нибудь повѣсою, просившимъ у него взаймы сорокъ франковъ для того, чтобъ угостить свою любовницу. Онъ бралъ ароматическія ванны и давалъ по сту су баньщику, который теръ его; бросалъ золотую монету маленькому трубочисту, коверкавшемуся передъ нимъ и называвшему его княземъ; часто покупалъ Мартѣ шолковую матерію на платье, тогда какъ у нея не было ситцоваго; нанималъ верховыхъ лошадей, чтобъ пародировать въ Булоньскомъ Лѣсу, и такимъ образомъ истрачивалъ въ три дня всѣ деньги, которыя присылались ему изъ провинціи г-жею Дюмонтѐ, съ неимовѣрнымъ трудомъ удѣлявшею ихъ отъ своихъ домашнихъ расходовъ, — и опять должно было возвратиться къ картофелю, уединенной жизни и грустной зѣвотѣ.

Между-тѣмъ, былъ справедливый и строгій свидѣтель той медленной пытки, которой подвергалась Марта — это былъ Жанъ бузенготъ, котораго пребываніе въ домѣ Шеньяра было не такъ случайно, какъ онъ увѣрялъ Ораса. Ларавиньеръ любилъ всею душею одного человѣка, который, не имѣя возможности проникнуть въ грустное уединеніе, гдѣ томилась бѣдная Марта, предметъ его постоянной страсти, хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ втайнѣ покровительствовать ей;—этотъ

человѣкъ былъ Поль-Арсенъ. Послѣ перваго отчаянія своего, онъ отъискалъ Ларавиньера, прилѣпился къ его партіи, и нашелъ въ немъ самаго искренняго и ревностнаго себѣ друга.

II.

До-сихъ-поръ, Марта была для Поля-Арсена предметомъ упорной, непреодолимой страсти. Тысячу разъ проклиналъ онъ эту страсть, которая, казалось, еще болѣе усиливалась отъ всего, что̀ долженствовало бы истребить ее; но такъ какъ она владѣла душою великою и владѣла тайно, почти не будучи понятною тому, кто ощущалъ ее,— то она внушала ему только благородныя намѣренія, самоотверженіе безпримѣрное и безграничное. Зато, какую ужасную борьбу выдерживала эта гордая и правдивая душа сама съ собою! Ка̀къ краснѣлъ Арсенъ при мысли, что былъ рабомъ чувства, которое не согласовалось съ суровыми правилами его нѣсколько-ограниченнаго воспитанія. Ему, съ его чистыми нравами, любить и такъ изступленно, — прежнюю любовницу Пуассона,—теперь любовницу другаго человѣка!... Никогда не хотѣлъ бы онъ воспользоваться слабостію и увлеченіемъ, которыя могъ провидѣть въ этомъ поведеніи Марты; никогда не хотѣлъ бы онъ тайно похитить у благодарности ея, у восторженной дружбы къ нему ту благосклонность, которую такъ пламенно желалъ бы пріобрѣсти отъ любви самой исключительной и постоянной; но, не смотря на безнадежность свою, онъ, вопреки самому-себѣ, желалъ бы, чтобъ связь ея съ Орасомъ разрушилась, и все мечталъ еще о бракѣ съ Мартою. Тутъ-то начали осаждать его прежніе его предразсудки, порицаніе товарищей, негодованіе сестры его Луизы, горесть Сюзанны, страхъ подвергнуться насмѣшкамъ, какой-то ложный стыдъ, который такъ сильно дѣйствуетъ иногда на характеры самые возвышенные, именно отъ-того, что онъ внушается имъ общимъ мнѣніемъ, какъ уваженіе къ самимъ-себѣ и къ другимъ. Въ эти минуты, Арсенъ пытался вырвать любовь изъ своего сердца, какъ стрѣлу, напитанную ядомъ, но природная кротость его противилась усиліямъ, и онъ любилъ поневолѣ. Ненависть и презрѣніе никакъ не могли совмѣститься въ этомъ сердцѣ, полномъ снисхожденія, потому-что оно было полно справедливости.

Въ-теченіе зимы, проведенной имъ въ разлукѣ съ Мартою, онъ часто посѣщалъ меня. Замѣтивъ въ немъ непреодолимую страсть учиться, я поддерживалъ ее въ этой благородной натурѣ, — и Арсенъ, не смотря на занятія свои по конторѣ, ревностно предался изученію природы и общества. Я удивлялся быстротѣ его успѣховъ, видя, ка̀къ онъ каждую недѣлю все болѣе и болѣе уходилъ впередъ, и если онъ не могъ создать себѣ своей философіи изъ тѣхъ разнород-

ныхъ ученій, которымъ попеременно предавался и которыхъ теперь такое множество во Франціи, то, по-крайней-мѣрѣ, очистилъ свою душу, возвысилъ умъ и развилъ свое великое сердце удивительнымъ-образомъ. Послѣ многихъ стараній, я открылъ наконецъ его убѣжище, и, не смотря на сухой и грубый пріемъ старшей его сестры, заходилъ иногда къ нему по вечерамъ и всегда заставалъ его въ размышленіи. Между-тѣмъ, какъ обѣ сестры работали, дѣлясь между собою самыми пошлыми идеями, самыми глупыми замѣчаніями, онъ сидѣлъ на другомъ концѣ стола. Подперши голову руками и держа книгу между локтями, онъ, съ полузакрытыми глазами, читалъ или размышлялъ при свѣтѣ лампы, который едва достигалъ до него. Взглянувъ на его жолтое лицо, тусклые глаза и печальный видъ, всякій сказалъ бы, что этотъ человѣкъ былъ изнуренъ трудами и бѣдностью. Но лишь-только онъ начиналъ говорить, глаза его вдругъ оживлялись, взоръ воспламенялся, чело прояснялось, и вдохновенная рѣчь его обнаруживала въ немъ энергію души необыкновенной. Я почти-всегда уводилъ его гулять съ собою по набережной; тамъ, куря сигары, мы говорили на свободѣ о разныхъ вещахъ, и потомъ отъ общихъ идей обращались къ собственнымъ нашимъ чувствамъ. «Будущее принадлежитъ мнѣ» говорилъ онъ обыкновенно, когда заводилъ рѣчь о Мартѣ. «Царство Ораса не можетъ всегда продолжаться; бѣдный молодой человѣкъ не понимаетъ своего счастія; онъ имъ не наслаждается и не будетъ умѣть имъ воспользоваться. Повѣрьте мнѣ, Марта узнаетъ наконецъ, что̀ такое истинная любовь, когда замѣтитъ недостатокъ искренности и благородства въ той, которую она внушаетъ теперь Орасу. Вы видите, другъ мой, какую побѣду одержалъ я надъ собою въ тотъ день, когда понялъ, что называемое нами въ женщинахъ дурнымъ поведеніемъ должно приписать не обществу, а порочнымъ наклонностямъ. Порочныя наклонности, слава Богу, рѣдки; онѣ, можетъ-быть, составляютъ исключеніе; у Марты же только однѣ добрыя наклонности, и если она предпочла мнѣ Ораса, это потому-что Орасъ казался ей достойнѣе меня. Отъ природы дикій и нерѣшительный, весь предавшись ей, я не умѣлъ ей говорить то, что̀ ей пріятно было бы слышать. Воспоминаніе несчастій ея внушало мнѣ къ ней только сожалѣніе. Она чувствовала это, а хотѣла—уваженія. Орасъ умѣлъ объясняться съ энтузіазмомъ; онъ ослѣпилъ ее, и она невиновата въ этомъ. Теперь я съумѣлъ бы сказать ей то, что̀ залечило бы ея прежнія раны, успокоило бы ея совѣсть и внушило бы ей ко мнѣ довѣренность, которой прежде она не имѣла. Строгость моя пугала ее; она боялась моихъ упрековъ и оказывала мнѣ только холодное уваженіе, въ которомъ нельзя отказать честному и добродушному человѣку. Ей нужна была опора, нуженъ былъ спаситель, — человѣкъ,

«который посвятилъ бы ее въ жизнь новую, полную возвышенности «и поэзіи. Орасъ съ своими прекрасными глазами, съ своимъ щегольскимъ краснорѣчіемъ, показался ей этимъ наставникомъ—и она пошла за нимъ. Во всемъ этомъ виноватъ я одинъ.»

Мнѣ казалось, что Арсенъ, отъ избытка великодушія, былъ несправедливъ къ самому-себѣ. Марту нельзя было называть совершенно-невинною, потому-что въ ослѣпленіи ея къ Орасу очень-много было суетности, тщеславія, которое въ женщинахъ развивается плохимъ воспитаніемъ и ложными понятіями о вещахъ. Въ Мартѣ же, особенно, все это происходило отъ совершеннаго недостатка образованія и здраваго сужденія въ той сферѣ идей, которыя такъ нужны и вообще такъ мало извѣстны женщинамъ всѣхъ классовъ общества.

Марта выучилась всему изъ однихъ только романовъ; конечно, это было лучше, нежели ничего; этого даже было много, потому-что такого рода книги развиваютъ, по-крайней-мѣрѣ, чувство поэзіи и облагороживаютъ слабости сердца. Но этого было недостаточно. Возбудительная картина страстей, драма новѣйшей жизни, такъ какъ мы понимаемъ ее, не объемлетъ причинъ и изображаетъ только дѣйствія, болѣе опасныя, нежели полезныя для умовъ, неполучившихъ никакого другаго образованія. Мнѣ всегда казалось, что хорошіе романы полезны только какъ отдохновеніе, но не какъ исключительная и всегдашняя пища ума.

Я сообщилъ это замѣчаніе Массаріо, и онъ заключилъ изъ этого, что Марта была тѣмъ невиннѣе, чѣмъ понятія ея въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были ограниченнѣе. Онъ обѣщалъ открыть ей когда-нибудь, въ чемъ состоитъ истинное назначеніе женщины.

Я удивлялся чудной организаціи этого молодаго человѣка, который съ воспріимчивостію артиста соединялъ необыкновенную судительную способность.

Это былъ вмѣстѣ умъ аналитическій и синтетическій; когда онъ шолъ возлѣ меня въ своемъ изношенномъ платьѣ, въ толстыхъ башмакахъ, съ своею простодушною физіономіею и ухватками простолюдина, я спрашивалъ самого-себя, какъ анатомистъ-френологъ, вачѣмъ роскошная одежда и всѣ преимущества богатой, утонченной жизни, украшаютъ вокругъ насъ столько людей обиженныхъ природою и носящихъ на челѣ своемъ неизгладимые признаки физической, умственной и нравственной слабости?

III.

Добрый Ларавиньеръ не былъ вовсе такимъ великимъ философомъ, какъ Поль-Арсенъ. Голова у него была болѣе длинна, нежели ши-

рока, и это значитъ, что онъ имѣлъ больше способности къ энтузіазму, нежели къ изслѣдованію; въ пламенномъ мозгу его могла вмѣститься только одна какая-нибудь сильная и постоянная идея. Храбрый и страстно-увлекающійся, онъ возлагалъ всѣ надежды будущаго на многочисленныхъ идоловъ, которымъ поклонялся. Каваньянъ, Каррель, Араго̀, Марра̀, Трела̀, Распайль, блистательный адвокатъ Дюпонъ и tutti quanti составляли верховное судилище его совѣсти; онъ не задавалъ себѣ вопросовъ о томъ, могутъ ли эти люди,—безъ сомнѣнія замѣчательные, но нерѣшительные и несовершенные, какъ идеи текущей минуты,—согласно, дружно управлять жизнію новѣйшаго общества. Пылкій юноша не терпѣлъ мѣщанскаго могущества новой Франціи, и идеалъ его состоялъ въ уничтоженіи этого могущества. Все принадлежавшее оппозиціи имѣло право на его уваженіе, на любовь его. Любимое его слово было: «дайте мнѣ работу!» Онъ очень полюбилъ Арсена — не потому, чтобъ понималъ всю глубину ума его, но потому-что въ Арсенѣ нашелъ онъ храбрость и самоотверженіе (о которыхъ онъ былъ въ-состояніи судить), равныя его собственной храбрости и самоотверженію. Сначала, онъ удивлялся, что Арсенъ съ такимъ упорствомъ предается безнадежной своей страсти, но потомъ съ дружескимъ снисхожденіемъ уступилъ тому, что̀ называлъ дурачествомъ Арсена, нанялъ квартиру въ одномъ домѣ съ Мартою и вошелъ въ нѣкоторую короткость съ Орасомъ. Роль эта была довольно-щекотлива для человѣка съ такимъ откровеннымъ характеромъ, какъ Лараваньеръ, но онъ разъигрывалъ ее со всевозможною честностію и никогда не показывалъ Орасу дружбы, которой не чувствовалъ. Слѣдуя наставленіямъ Арсена, онъ былъ обходителенъ, услужливъ, веселъ съ Орасомъ, и только; но самолюбіе Ораса дополняло остальное; онъ вообразилъ себѣ, что и Лараваньеръ, бывъ, подобно многимъ другимъ, очарованъ его остроуміемъ и любезностію, не могъ противиться невольному къ нему влеченію. Это могло быть,—однакожь это не было. Лараваньеръ обходился съ нимъ какъ съ мужемъ, котораго не хотятъ обманывать, но котораго стараются расположить въ свою пользу, для того, чтобъ наслаждаться обществомъ жены его. Сверхъ-того, Лараваньеръ, не имѣя никакихъ претензій на свой счетъ, объявилъ другу своему, что не намѣренъ дѣйствовать какъ измѣнникъ, и потому никогда не станетъ говорить Мартѣ ни противъ Ораса, ни за Арсена. Арсенъ и самъ такъ думалъ и хотѣлъ только ежедневно получать извѣстія о Мартѣ и быть заранѣе увѣдомляему о разрывѣ между ею и Орасомъ, разрывѣ, котораго онъ ожидалъ, питая въ сердцѣ своемъ тайную и утѣшительную надежду. Въ-слѣдствіе всѣхъ этихъ распоряженій, Лараваньеръ видѣлъ Марту каждый день одну или въ присутствіи Ораса, который не удостоивалъ его ревности; потомъ

вечеромъ приходилъ къ Арсену и говорилъ съ нимъ съ четверть часа о Мартѣ.

Хотя Ларавиньеръ и не взялся присматривать за Орасомъ, однакожъ ему невозможно было не замѣтить холодности его и грубаго обхожденія съ бѣдною Мартою; это бѣсило его. Онъ такъ же мало размышлялъ о природѣ и судьбѣ женщинъ, какъ и о другихъ основныхъ вопросахъ, касающихся общества; но всѣ внутреннія побужденія этого человѣка были такъ хороши, что размышленію ничего не оставалось бы поправлять въ нихъ. Онъ питалъ къ женщинамъ то великодушное уваженіе, которое чувствуютъ къ нимъ всѣ люди, одаренные силою и мужествомъ. Тиранство, ревность и насиліе всегда означаютъ слабость. Ларавиньеръ никогда не былъ любимъ: безобразіе лица заставляло его быть чрезвычайно-осторожнымъ въ обращеніи съ женщинами, которыхъ онъ считалъ достойными любви его; и хотя по грубости языка его и пріемовъ никто не подумалъ бы, чтобъ онъ былъ робокъ, однакожъ застѣнчивость его доходила до такой степени, что онъ осмѣливался взглядывать на Марту только изрѣдка и то украдкою. Такую чрезмѣрную недовѣрчивость къ себѣ скрывалъ онъ очень-искусно, подъ видомъ безпечности и равнодушія, и никогда не говорилъ о любви иначе, какъ съ какою-то сатирическою напыщенностію, которая нехотя заставляла смѣяться. Женщины вообще думали, что Ларавиньеръ былъ просто нелюдимъ, и бѣдный Жанъ, услышавъ этотъ жестокій приговоръ, понялъ, что ему надобно было имѣть много бодрости и краснорѣчія, чтобъ уничтожить его. Онъ очень-хорошо чувствовалъ это; но потребность любить, которую скрывалъ онъ въ глубинѣ души своей, была такъ драгоцѣнна, что онъ не хотѣлъ подвергать ее оскорбительнымъ насмѣшкамъ при первомъ объясненіи. Не видя возможности отказаться отъ принятой имъ роли и преодолѣть первое препятствіе, онъ долженъ былъ обратиться къ тѣмъ женщинамъ, которыя не могли привязать его, но съ которыми, однакожъ, обходился онъ кротко и внимательно, къ чему онѣ не привыкли.

Это исторія многихъ людей. Гордость мѣшаетъ имъ показывать себя тѣмъ, чѣмъ они на-самомъ-дѣлѣ,—и цѣлую жизнь свою несутъ они казнь за невинное притворство, въ которомъ должны уже навсегда оставаться.

Но какъ природное чувство всегда прорывается наружу, вопреки намъ самимъ, то, не смотря на презрѣніе, оказываемое нашимъ бузенготомъ къ романической восторженности, онъ никогда не терпѣлъ, чтобъ въ глазахъ его оскорбляли женщину, кто бы она ни была. Если онъ видалъ на улицѣ женщину, оскорбляемую кѣмъ-либо изъ тѣхъ подлыхъ людей, которые способны къ такимъ поступкамъ, онъ геройски вступался за нее и защищалъ ее иногда

съ опасностію своей жизни. Еще менѣе могъ онъ удержаться, когда видалъ, что женщина лучшаго сорта подвергается тѣмъ ударамъ, которые гораздо жесточе для благороднаго сердца, нежели обыкновенные удары по плечамъ для существа униженнаго. Съ самыхъ первыхъ дней пребыванія своего въ домѣ Шепьяра, Ларавиньеръ замѣтилъ на блѣдномъ лицѣ Марты слѣды частыхъ слезъ; нерѣдко заставалъ онъ Ораса въ припадкѣ запальчивости, которую тотъ съ трудомъ удерживалъ въ его присутствіи. Скоро Орасъ привыкъ мало-по-малу считать его домашнимъ человѣкомъ, пересталъ передъ нимъ церемониться и Ларавиньеръ не могъ долго оставаться безстрастнымъ свидѣтелемъ его безразсудной пылкости. Однажды онъ пришелъ въ совершенное бѣшенство: Орасъ провелъ цѣлую ночь на балѣ Оперы; нервы его были разстроены, и онъ принялъ за чрезвычайную обиду со стороны Марты, за покушеніе на свободу его, за первую попытку къ самовластію—нѣжные выговоры, которые она осмѣлилась ему сдѣлать. Марта не была ревнива, или по-крайней-мѣрѣ никогда не смѣла обнаруживать ревность; но она не спала отъ безпокойства всю ночь, потому-что Орасъ обѣщалъ ей возвратиться къ двумъ часамъ—и не былъ до пяти. Она боялась какой-нибудь исторіи, какого-нибудь приключенія, можетъ-быть, даже невѣрности... боялась всего, но не говорила ему ни о чемъ, и выговаривала только за то, что онъ не предупредилъ ея; измѣнившееся лицо ея свидѣтельствовало о всѣхъ терзаніяхъ ея мучительной безсонницы.

— Каково тебѣ покажется, говорилъ Орасъ, обращаясь къ Ларавиньеру:—что меня считаютъ ребенкомъ, которому нуженъ присмотръ няньки, школьникомъ, который не смѣетъ ворохнуться безъ воли своего учителя? Я не могу ни выйдти изъ дому, ни возвратиться домой когда хочу; на все долженъ я просить позволенія, и если немного забудусь, то срокъ отпуска моего является передо мною, какъ строгій приговоръ, какъ точная и ограниченная мѣра времени, въ которую мнѣ позволено немного разсѣяться. Нѣчего дѣлать! въ будущій разъ надобно будетъ достать формальный отпускъ за подписью моего начальника и съ вычетомъ времени по минутамъ!

—Полно! развѣ ты не видишь, какъ она страдаетъ? сказалъ ему въ-полголоса Ларавиньеръ.

— А я развѣ покоюсь на розахъ? отвѣчалъ громко Орасъ. — Ея страданія дѣтски-глупы, несправедливы и не заслуживаютъ никакого вниманія, но мои страданія ужасны, и они усиливаются съ каждымъ днемъ.

— Такъ ты очень несчастливъ со мною, Орасъ? сказала Марта, поднявъ на него печально большіе темно-голубые глаза свои.—Клянусь, я не хотѣла сдѣлать тебя несчастнымъ.

—Да, ты дѣлаешь меня несчастнымъ! невыразимо-несчастнымъ!

Если хочешь, я скажу тебѣ при Ларавиньерѣ: твоя вѣчная грусть сдѣлала мнѣ домъ мой несноснымъ, ненавистнымъ до такой степени, что я дышу свободно, оживаю тогда только, когда выхожу отсюда; но лишь только возвращаюсь, грудь моя опять стѣсняется, и я умираю. Любовь твоя, Марта, похожа на воздушный насосъ: она удушаетъ меня. Вотъ почему я такъ рѣдко бываю дома съ нѣкотораго времени.

— Мнѣ кажется, ты ошибаешься, отвѣчала Марта съ достоинствомъ оскорбленной гордости: — не безпрестанная грусть моя заставляетъ тебя уходить изъ дому, но безпрестанное твое отсутствіе заставляетъ меня грустить и плакать.

— Слышишь ли, Ларавиньеръ? сказалъ Орасъ, которому нужно было найдти извиненіе въ совѣсти другихъ и который, видя мрачную задумчивость Жана, боялся его строгости: — слышишь ли? За то, что я хожу со двора, что веду жизнь, приличную человѣку моихъ лѣтъ, что занимаюсь дѣлами своими и пользуюсь своею независимостью такъ какъ хочу, за все это я осужденъ видѣть, по возвращеніи домой, это отчаянное лицо, горькую улыбку, заплаканные глаза, сносить упреки, обвиненія, смертный приговоръ свой... Это пытка, мученіе, которымъ нѣтъ ничего подобнаго въ мірѣ!

— Вижу, отвѣчалъ Ларавиньеръ вставая: — вы оба очень-несчастны. Послушайтесь меня: разстаньтесь!.

— Онъ только этого и хочетъ! вскричала Марта, закрывъ лицо руками.

— А ты... ты этого формально требуешь отъ меня черезъ Ларавиньера! возразилъ Орасъ съ запальчивостію.

— Постойте! сказалъ Ларавиньеръ: — Не думайте, чтобъ я хотѣлъ играть здѣсь роль, которой никогда не принималъ на себя. Никто изъ васъ не жаловался мнѣ тихонько, и потому то̀, что̀ я сейчасъ сказалъ вамъ, вырвалось у меня само-собою, какъ собственное мое мнѣніе. Вы не соотвѣтствуете другъ другу, и никогда не соотвѣтствовали; рано или поздно, любовь ваша обратится въ ненависть. По-мо̀ему, гораздо лучше разстаться заблаговременно мирно и дружески.

— Согласенъ, что этотъ монологъ есть вдохновенная импровизація Ларавиньера, сказалъ Орасъ: — по-крайней-мѣрѣ, ты скажешь мнѣ, Марта, выражаетъ ли это вмѣстѣ съ тѣмъ и твое мнѣніе?

— Онъ легко могъ предполагать... даже, можетъ-быть, отгадать его, отвѣчала она съ достоинствомъ: — потому-что онъ слышалъ, ка̀къ ты осуждалъ мен въ своемъ несчастіи.

Но Орасъ не такъ понималъ дѣло. Онъ радъ былъ оставить Марту, но не хотѣлъ, чтобъ *она* его оставила. Твердость, которую обнаруживала она въ эту минуту, и которую внушило ей присутствіе третьяго лица, была невыносима для его самолюбія. Въ досадѣ и запальчивости вскочилъ онъ вдругъ съ мѣста, бросилъ объ полъ

стулъ, на которомъ сидѣлъ, и далъ полную волю наступленному бѣшенству своему. Воскресла прежняя ревность; ненавистное имя Пуассона было произнесено имъ въ отмщеніе; онъ готовъ былъ назвать имя Арсена, какъ вдругъ Ларавиньеръ, схвативъ Марту за руку, сказалъ ей:— Вы выбрали себѣ въ покровители безразсуднаго, малодушнаго ребенка; на вашемъ мѣстѣ я не остался бы ни одной минуты у этого жалкаго мальчишки.

— Ну, такъ уведите же ее къ себѣ, милостивый государь, сказалъ Орасъ съ обиднымъ презрѣніемъ: — съ удовольствіемъ уступаю ее вамъ, потому-что понимаю теперь, что̀ происходитъ между вами.

— У меня, сударь, возразилъ хладнокровно Ларавиньеръ:— у меня она пользовалась бы уваженіемъ и спокойствіемъ; у васъ, она оскорблена и унижена. О, Боже мой! вскричалъ онъ:—еслибъ я былъ любимъ такою женщиною хоть одинъ день, я не забылъ бы этого счастія во всю жизнь свою...

Голосъ его прервался, какъ-будто все сердце его готово было вылиться въ одномъ словѣ. Въ голосѣ его было столько истины, что внезапная или притворная ревность Ораса исчезла въ минуту; волненіе Ларавиньера имѣло на него симпатическое вліяніе, и, повинуясь тому противодѣйствію, въ которое часто впадаемъ мы послѣ неистоваго гнѣва, вдругъ залился слезами и, протянувъ руку Ларавиньеру, сказалъ ему:—ты правъ, Ларавиньеръ! Ты благороденъ и великодушенъ, а я низокъ и презрителенъ; проси за меня прощенія у этой несчастной женщины, которой я недостоинъ.

Это искреннее и благородное признаніе кончило ссору между любовниками и растрогало Жана.—Въ добрый часъ! сказалъ онъ, положивъ руку Марты въ руки Ораса: — ты лучше, Орасъ, нежели я думалъ. Надо сознавать свои заблужденія такъ же скоро и великодушно, какъ ты это сдѣлалъ. Конечно, Марта все забыла. — И онъ убѣжалъ къ себѣ въ комнату какъ для того, чтобъ не быть свидѣтелемъ радости Марты, такъ и для того, чтобъ скрыть порывъ чувствительности, которую онъ привыкъ уже таить отъ всѣхъ. Но, не смотря на прекрасную развязку, подобныя сцены скоро повторились и съ каждымъ днемъ возвращались чаще и чаще. Орасъ, совершенно предавшись разсѣянности, не проводилъ ни одного вечера дома и не покидалъ партера Итальянскаго Театра и Оперы: тамъ ему не суждено было блистать, но зато онъ наслаждался хоть тѣмъ, что могъ смотрѣть на ложи, гдѣ тысячи прелестныхъ женщинъ ослѣпляютъ красотою своею и роскошью толпу молодыхъ людей, бѣдныхъ и неизвѣстныхъ, но страстно-любящихъ пышность, блескъ и удовольствія свѣта. Орасъ зналъ по именамъ всѣхъ модныхъ красавицъ, которыхъ титла, гордость и богатство полагали, казалось, непреодолимую преграду его желаніямъ. Ему извѣстны были ихъ ложи, эки-

пажи и даже связи. По окончаніи спектакля, онъ выбѣгалъ обыкновенно на подъѣздъ, чтобъ смотрѣть, какъ всѣ онѣ длиннымъ рядомъ тихо проходили передъ нимъ, выставляя бѣлыя плечики свои, несовсѣмъ прикрытыя дорогими соболями, которые, падая внизъ, дерзко смѣялись надъ смѣлостію его взглядовъ. Конечно, Жанъ-Жакъ Руссо ничего не сказалъ лишняго, говоря о безстыдствѣ велико-свѣтскихъ женщинъ; но по мнѣнію Ораса, это было не болѣе, какъ философская грубость, которую онъ никакъ не хотѣлъ раздѣлять съ женевскимъ мизантропомъ. Дерзкое самолюбіе его не оскорблялось также и тѣми холодными, надменными и вмѣстѣ ободрительными взглядами, которыми эти женщины, казалось, говорили каждому: «удивляйся, но не дотрогивайся». Наглый взглядъ Ораса какъ-будто отвѣчалъ: «Не мнѣ вы скажете это!» Наконецъ, впечатлѣнія сцены, могущество музыки, громъ рукоплесканій, все, даже самая фантасмагорія декорацій и блескъ ламиъ упояли этого молодаго человѣка, котораго вся вина состояла въ томъ только, что онъ стремился къ наслажденіямъ, которыя общество то показываетъ бѣднымъ издали, то скрываетъ отъ нихъ опять, какъ воду отъ Тантала.

Когда онъ возвращался въ тѣсную свою комнатку на чердакѣ и находилъ бѣдную и озябшую Марту, заснувшую отъ усталости передъ погасшимъ очагомъ, душа его стѣснялась какою-то неизъяснимою тоскою, въ которой досада и гнѣвъ боролись съ угрызеніями совѣсти. Тогда при малѣйшемъ случаѣ подымалась буря, и несчастная Марта призывала смерть, которая одна могла исцѣлить ее отъ роковой страсти.

Если съ этихъ домашнихъ тайнъ хоть одинъ разъ подниметея завѣса, всегда чувствуется съ обѣихъ сторонъ необходимость прибѣгнуть къ вмѣшательству третьяго лица; его приглашаютъ то какъ повѣреннаго, то какъ судью. Сначала, Ларавиньеръ былъ только посредникомъ. Онъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что начинаетъ принимать участіе въ этой ссорѣ, и признался Арсену, что не смотря на рѣшимость свою быть нейтральнымъ, онъ долженъ вступить съ Орасомъ въ нѣкотораго рода дружбу. Въ-самомъ-дѣлѣ, Орасъ оказывалъ ему довѣренность и обнаруживалъ великодушіе своего сердца, которое болѣе и болѣе обязывало Жана къ дружеству. Въ Орасѣ, вмѣстѣ съ недостатками, были и достоинства обольстительныя: онъ такъ же скоро укрощался, какъ и приходилъ въ бѣшенство. Мудрое слово всегда имѣло доступъ къ его разсудку; эффектная фраза еще скорѣе находила себѣ дорогу къ его сердцу. Посреди разлива гордости и суетности, онъ тотчасъ возвращался къ раскаянію скромному и робкому. Это была смѣсь расположеній и врожденныхъ наклонностей самыхъ противорѣчивыхъ, и ссора, которую мы разсказали выше, можетъ

служить образчикомъ всѣхъ слѣдовавшихъ за тѣмъ ссоръ, которыя Ларавиньеру должно было прекратить наконецъ.

Однакожь, частое повтореніе этихъ ссоръ истребило мало-по-малу въ Ларавиньерѣ уваженіе къ Орасу. Многократное возвращеніе одной и той же вины утомляетъ наконецъ терпѣніе судьи самаго справедливаго и снисходительнаго. Ларавиньеру такъ наскучила легкость, съ которою Орасъ обвинялъ самого-себя и потомъ просилъ прощенія, что прежнее удивленіе его къ этой способности обратилось наконецъ въ какое-то презрѣніе, и онъ увидѣлъ теперь, что Орасъ былъ не болѣе, какъ сантиментальный хвастунъ; онъ не чувствовалъ къ нему влеченія, отъ котораго прежде не могъ защититься. Этотъ приговоръ былъ очень-строгъ, но неизбѣженъ со стороны такого характера, твердаго и ровнаго, какимъ отличался Жанъ. Однажды, когда Орасъ пришелъ къ нему съ обыкновенными своими объясненіями, Ларавиньеръ сказалъ хладнокровно: «Любезный другъ, «не хочу долѣе скрывать отъ тебя, что связь твоя съ Мартою не вну«шаетъ уже мнѣ никакого участія; мнѣ наскучило уже видѣть съ од«ной стороны безумство, съ другой неизлечимую слабость или, луч«ше сказать, съ обѣихъ сторонъ и безумство и слабость. Марта одер«жима мономаніею, если любитъ тебя такъ страстно и постоянно, а «у тебя—жалкая слабость ко всѣмъ этимъ парадньмъ сценамъ, ко«торыми ты угощаешь насъ. Сначала я считалъ тебя эгоистомъ, по«томъ думалъ, что ты добръ, теперь вижу, что ты ни золъ, ни добръ, «ты просто холоденъ и любишь суетиться въ бурѣ притворныхъ стра«стей: ты актёръ! Я увѣренъ, что когда мы смотримъ на тебя съ ужа«сомъ, какъ ты топаешь ногами, кричишь, плачешь, — ты забавля«ешься на нашъ счетъ... О, пожалуйста, не сердись! Не верти «глазами, какъ Бокажъ въ Бюриданѣ, не сжимай кулаковъ... Я ви«далъ все это тысячу разъ и на все буду отвѣчать тебѣ: *старà шутка*! Меня не удивишь этимъ. Я привыкъ ко всякимъ представленіямъ и равнодушенъ, какъ человѣкъ, имѣющій безденежный входъ во всѣ театры. Не спорю, ты очень-искусенъ въ драмѣ, но къ-несчастію, вѣдь я ужь знаю всѣ твои роли наизустъ. Если хочешь, чтобъ я слушалъ тебя, перестань декламировать, брось трагическій кинжалъ свой и скажи въ прозѣ, что ты не любишь больше Марты, что она тебѣ надоѣла, и потомъ уполномочь меня извѣстить ее объ этомъ съ должною осторожностью. На этомъ только условіи возвращу я тебѣ мое уваженіе и буду считать тебя честнымъ человѣкомъ.

— Хорошо! отвѣчалъ Орасъ, едва удерживая гнѣвъ свой. — Я согласенъ говорить холодно... очень-холодно, потому-что умѣю побѣждать себя, и начинаю тѣмъ, что серьёзно, спокойно попрошу у васъ удовлетворенія въ оскорбленіяхъ, которыя вы мнѣ сдѣлали...

— И прекрасно! Только вотъ ужь, кажется, десятый разъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ ты вызываешь меня, и я надѣюсь оказать тебѣ услугу, поймавъ тебя на словѣ. Но мнѣ надо сдѣлать другое употребленіе изъ моей крови, и я не стану отваживать ее противъ такого неловкаго дуэлиста, какъ ты. Вспомни, что всякій разъ, когда мы шутя дрались съ тобою, я вышибалъ у тебя рапиру изъ рукъ, и потому извини, если откажусь отъ новаго твоего вызова.

— О, я принужу тебя принять его! вскричалъ Орасъ, блѣдный какъ смерть.

— То-есть, ударишь меня публично въ щеку, не правда ли? Но Боже тебя сохрани отъ такой подлости, Орасъ. Послушай, я тебя, конечно, не люблю, однакожь во мнѣ осталось еще къ тебѣ какое-то чувство, которое заставило бы меня скорѣе снести отъ тебя сумасбродное оскорбленіе, нежели отмстить за него. Молчи же, повторяю тебѣ; я не буду защищаться, и съ твоей стороны безчестно, низко было бы напасть на меня.

— Но кто жь изъ насъ здѣсь на кого нападаетъ? Кто изъ насъ подлецъ, трижды подлецъ,—ты или я? Ты осыпаешь меня оскорбленіями, поступаешь со мной, какъ съ самымъ презрѣннымъ человѣкомъ, и отказываешься отъ удовлетворенія!.. А! въ эту минуту я понимаю поединки Малайцевъ, которые въ присутствіи враговъ своихъ перерѣзываютъ себѣ горло.

— Вотъ славная фраза, Орасъ; но это все еще декламація, потому-что я тебѣ не врагъ, и клянусь, что совсѣмъ не имѣлъ намѣренія оскорблять тебя. Я хотѣлъ дать тебѣ дружескій урокъ, который ты можешь теперь принять отъ меня, потому-что очень-часто приходилъ за нимъ самъ. Давно я уже тебѣ отказывалъ въ немъ и слышу съ твоей стороны извиненія, которыхъ я, кажется, никогда не употреблялъ во зло.

— Ты употребляешь ихъ во зло сію-минуту, заставляя меня краснѣть при мысли о благородной довѣренности, которую я имѣлъ къ тебѣ.

— Нѣтъ; и въ доказательство я не хочу, чтобъ ты опять унижался передо мною—запрещаю тебѣ ходить ко мнѣ.

— Боже мой! Боже мой! вскричалъ Орасъ со слезами и ломая съ досады руки: — что̀ я сдѣлалъ, чтобъ со мной обходились такимъ образомъ?

— Что̀ ты сдѣлалъ? Пожалуй, я сейчасъ скажу тебѣ, отвѣчалъ Ларавиньеръ.—Ты довелъ до отчаянія несчастную женщину, которая любитъ тебя страстно и которую ты даже не уважаешь.

— Я не уважаю Марты? какъ смѣешь ты говорить, что я не уважаю женщины, которой пожертвовалъ своею молодостію, сердцемъ, всею жизнію?

— Я что-то не очень вѣрю этой жертвѣ; но пусть это и такъ, я все-таки не сожалѣю о тебѣ.

— Это потому-что ты не понимаешь любви. Ты — существо холодное, незнающее страстей...

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Жанъ съ горькою усмѣшкою: — но за то я и не силюсь выказывать въ себѣ противное. Ну, растолкуй же теперь, на что ты такъ жалуешься.

— Жанъ! вскричалъ Орасъ: — ты не знаешь, что̀ значитъ любить въ первый разъ и быть любиму во второй или третій!

— А! вотъ что! отвѣчалъ Ларавиньеръ, пожавъ плечами. —Только дѣвственная Діана достойна любви господина Ораса Дюмонтѐ! *Стара̀ штука*, братъ. Ты при мнѣ нѣсколько разъ повторялъ ее этой бѣдной Мартѣ. Но, видишь ли, говорить подобныя вещи, или даже только думать о нихъ—значитъ быть достойну по-крайней-мѣрѣ мамзель Луизы. Ка̀къ ты суетенъ, ка̀къ жестоко заблуждаешься! Нѣкоторыя ненепорочныя женщины гораздо-лучше иныхъ непорочныхъ юношей...

— Ты грубъ, Жанъ, дерзокъ, несносно-дерзокъ.

— Можетъ-быть; но говорю правду. Есть сердца чистыя подъ замаранными платьемъ, и сердца развращенныя подъ великолѣпными жилетами.

Орасъ разорвалъ на себѣ бархатный жилетъ и бросилъ лоскутки его въ лицо Ларавиньеру. Жанъ проворно отвернулся и, оттолкнувъ лоскутки носкомъ сапога, сказалъ: — Прекрасно! Не-уже-ли ты еще мало долженъ портному?

— Я знаю, что̀ долженъ вамъ, сударь! отвѣчалъ Орасъ. —Я не позабылъ этого и благодарю васъ за то, что напомнили.

— Очень радъ, что ты не забылъ! сказалъ безпечно Ларавиньеръ: — много бѣдныхъ, которымъ деньги эти пригодятся на сигарки... Полно молоть вздоръ-то; закури-ка сигарку, да поговоримъ по-пріятельски. Что ты виноватъ передъ Мартою, въ этомъ не можешь не сознаться; но зная, что ты избалованъ, одна́кожь уменъ, краснорѣчивъ, хорошъ собою, я нѣкоторымъ образомъ извиняю тебя, потому-что вообще красивенькіе мальчики, подобно хорошенькимъ женщинамъ, капризны. Не могу требовать, чтобъ ты былъ благоразуменъ, какъ я, на-примѣръ, потому-что я больше похожъ на кабана, чѣмъ на добраго христіанина; да и лицо у меня изрыто въ тотъ день, когда шелъ градъ алебардами. Но я не могу простить тебѣ удовольствія, которое ты находишь въ страданіяхъ другаго; не могу простить, что ты не разрываешь связи, которая надоѣла тебѣ, что ты не откровененъ, однимъ словомъ, и не хочешь лечить то зло, которое самъ же надѣлалъ.

— Но я люблю ее, эту женщину, которую заставилъ страдать. Я не могу разстаться съ нею, никогда не привыкну жить безъ нея...

— Еслибъ это была и правда (въ чемъ, однакожь, я сомнѣваюсь, потому-что ты стараешься быть какъ-можно-меньше съ нею), обязанность твоя была бы побѣдить любовь, которая такъ мертвитъ ее.

— Но она ни за что не рѣшится на это, еслибъ я и захотѣлъ.

— Ты увѣренъ въ этомъ?

— Она убьетъ себя, если я покину ее.

— Если ты покинешь холодно и грубо—можетъ-быть: но если ты сдѣлаешь это по чувству справедливости, во имя чести, во имя даже любви своей...

— Никогда, никогда Марта не согласится разстаться со мною —я ужь знаю.

— Это хвастовство. Поручи мнѣ поговорить съ нею такъ же откровенно, какъ теперь говорю съ тобою.

— Жанъ! ты имѣешь на нее виды!

— Кто, я? Для этого нужны были бы три вещи: 1) чтобъ въ цѣломъ мірѣ не было ни одного зеркала; 2) чтобъ Марта ослѣпла, и 3) чтобъ мы оба съ нею забыли о красотѣ моей.

— Но почему жь ты такъ упорно хочешь разлучить насъ?

— Скажу тебѣ откровенно: я имѣю виды, но для другаго.

— Ты взялся соблазнить ее, похитить? Для какого же это германскаго герцога, или дон-Хуана парижскихъ кафеень?

— Для сына сапожника, для Поль-Арсена.

— Кáкъ, ты видишься съ нимъ?

— Каждый день.

— И ты скрывалъ это?.. Странно!

— Напротивъ, очень-просто. Я зналъ, что ты не любишь его, и мнѣ не хотѣлось, чтобъ ты при мнѣ дурно говорилъ о немъ, потому-что я люблю его.

— Такъ ты Меркурій этого Юпитера, который уже превратился въ копеечный дождь, чтобъ выжить меня?

— Тройное оскорбленіе — *ему, ей* и *мнѣ*. Покорно благодарю! Это также входило въ твою ролю? Ты очень-хорошо продекламировалъ. Еслибъ я былъ клакёръ, я разорвалъ бы перчатки, хлопая тебѣ.

— Однакожь, Ларавиньеръ, ты ставишь меня въ дураки: дѣйствуешь противъ меня, предаешь меня, говоришь въ пользу другаго, —а я такъ ввѣрялся тебя!..

— Вы совершенно правы, милостивый государь. Никогда не произносилъ я имени Арсена при Мартѣ. Что же касается до того, чтобъ поссорить тебя съ нею, я всегда дѣлалъ противное. Но нынѣче отказываюсь мирить васъ: сердце мое и совѣсть запрещаютъ это. Или сегодня же я переѣду отсюда, чтобъ не видать ни тебя, ни Марты,

или возьмусь, съ твоего дозволенія, разорвать ту связь, которая тяготитъ тебя, а ее убиваетъ.

Побѣжденный грубою откровенностью и неумолимою твердостью Ларавиньера, Орасъ не зналъ, что дѣлать и какъ возвратить себѣ уваженіе этого человѣка, котораго мнѣнія боялся.

Онъ просилъ сроку на нѣсколько дней, чтобъ рѣшиться; но время проходило, и онъ все еще ни на что не рѣшался.

IV.

Онъ не лгалъ, говоря, что Марта ему необходима: онъ боялся одиночества и нуждался въ попеченіяхъ другаго, — двѣ вещи, дѣлавшія для него Марту еще дороже, нежели онъ смѣлъ сказать Ларавиньеру, потому-что Ларавиньеръ уже не былъ расположенъ обманываться на его счетъ, и еслибъ отгадалъ настоящую причину его настойчивости, назвалъ бы ее эгоизмомъ и своекорыстіемъ. Марту легче было обмануть или удовлетворить. Достаточно было вымолвить Орасу слово страха или сожалѣнія при мысли о разлукѣ, чтобъ она героически встрѣчала всѣ страданія, сопровождавшія ихъ несчастную связь. — Я нужнѣе ему, чѣмъ думаютъ, говорила она: — здоровье его не такъ крѣпко, какъ кажется съ-виду. Онъ часто хвораетъ отъ раздражительности нервовъ, которая заставляетъ меня иногда опасаться если не за жизнь его, то по-крайней-мѣрѣ за разсудокъ. При малѣйшемъ огорченіи, онъ раздражается ужаснымъ образомъ. Сверхъ-того, онъ разсѣянъ, безпеченъ, не умѣетъ хлопотать о себѣ: не будь меня, онъ въ своихъ мечтаньяхъ и раздумьяхъ забывалъ бы сонъ и пищу. Нечего и говорить, что у него никогда бы не достало предосторожности откладывать двадцать су на обѣдъ. Да онъ меня и любитъ, не смотря на всѣ его капризы. Въ минуты нѣжности и раскаянія, когда человѣкъ точно бываетъ самимъ-собою, онъ мнѣ сто разъ говаривалъ, что лучше хотѣлъ бы въ тысячу разъ болѣе страдать отъ любви, чѣмъ исцѣлиться, переставъ любить.

Такъ говорила Марта Ларавиньеру, который, видя, что Орасъ ни на что не рѣшается, обратился прямо къ Мартѣ, увѣдомивъ напередъ должнымъ образомъ Ораса о томъ, что̀ намѣренъ дѣлать. Орасъ, получивъ истинное къ нему отвращеніе за горькую критику и предвидя, что пришлось бы дойдти до серьёзной ссоры, чтобъ удалить его, предложилъ ироническій вызовъ похитить у него сердце Марты и уполномочилъ его на доступъ къ ней. Обижаясь презрительною увѣренностью, съ какою Жанъ открыто дѣйствовалъ противъ него, онъ однакожь не боялся его. Онъ зналъ его неловкость, робость, мнительность и мягкость больше, нежели тотъ хотѣлъ показать все это, и твердо былъ увѣренъ, что одно его слово разрушитъ въ умѣ его

снисходительной подруги все дѣйствіе наивозможно-длинной рѣчи Ларавиньера. Съ такимъ расположеніемъ старался онъ воротить свою власть надъ Мартою, какъ-будто дѣло шло о выигрышѣ заклада. Сколько несчастныхъ любовныхъ связей продолжалось такимъ образомъ и какъ-бы оживало насильно въ сердцахъ усталыхъ или остывшихъ, изъ одного страха уступить торжество тѣмъ, кто предсказывалъ ихъ близкій конецъ! Раскаяніе и прощеніе въ такихъ случаяхъ не всегда бываютъ безкорыстны, и потребно больше, чѣмъ думаютъ, чувства справедливости, чтобъ рѣшиться на униженіе разрыва, сдѣлавшагося необходимымъ.

Итакъ, Ларавиньеръ хлопоталъ совершенно-безплодно. Когда онъ рѣшился спасти Марту, она больше чѣмъ когда-нибудь была врагомъ собственнаго своего блага. Скоро увидѣлъ онъ, что вмѣсто согласія на предпринятое имъ намѣреніе, онъ только укрѣпляетъ ее въ намѣреніи противоположномъ. Онъ признался Арсену, что вмѣсто услуги, онъ только сдѣлалъ худшимъ его положеніе, и принялъ снова свой нейтралитетъ, утѣшаясь мыслію, что, вѣроятно, Марта не такъ несчастна, какъ ему казалось.

Вдругъ въ Парижѣ открылась холера и грустнымъ образомъ отвлекла толпу отъ политическихъ вопросовъ.

Я былъ тогда при походной больницѣ. Завернувшись плащомъ, въ одну изъ тѣхъ холодныхъ весеннихъ ночей, которыя, казалось, усиливали повѣтріе, и нашедши время заснуть кое-какъ съ четверть часа, я ждалъ, пока позовутъ къ новому больному, и вдругъ почувствовалъ чью-то руку у себя на плечѣ. Я быстро проснулся, и, вскочивъ по привычкѣ, собрался идти за звавшимъ меня человѣкомъ, не раскрывъ еще хорошенько глазъ, отяжелѣвшихъ отъ усталости. Только проходя мимо краснаго фонаря, висѣвшаго у входа въ больницу, узналъ я приглашавшую меня женщину, не смотря на происшедшую въ ней перемѣну.— Марта! воскликнулъ я: — такъ это вы? Къ кому вы зовете меня, скажите ради Бога!

— Къ кому же больше? сказала она, сплеснувъ руками.—О, пойдемте, пойдемте скорѣе!

Я уже шелъ съ нею.—Сильно онъ боленъ? спросилъ я дорогою.

— Не знаю, отвѣчала она: — но онъ очень страдаетъ; умъ его пораженъ до такой степени, что я всего опасаюсь. Ужь нѣсколько дней безпокоили его предчувствія, а нынче онъ нѣсколько разъ говорилъ, что ему не прожить долго. Впрочемъ, онъ порядочно обѣдалъ, былъ въ театрѣ и ужиналъ, воротясь домой.

— Какіе же съ нимъ припадки?

— Никакихъ нѣтъ; но онъ страдаетъ, онъ съ такимъ усиліемъ велѣлъ мнѣ поскорѣе бѣжать въ больницу, что мною вдругъ овладѣлъ ужасъ; я едва держусь на ногахъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, Марта, вы дрожите; у васъ ознобъ. Обопри тесь на мою руку.

— Нѣтъ, нѣтъ; этакъ мы опоздаемъ; пойдемте!

— Бѣдная Марта! какъ вы похудѣли, сказалъ я ей, проворно и и смотря, при тускломъ свѣтѣ фонарей, на опавшія ея щеки, кот рыхъ худоба еще увеличивалась тѣнью ея черныхъ волосъ, разв ваемыхъ холоднымъ вѣтромъ.

— Нѣтъ, я здорова, отвѣчала она съ озабоченнымъ видом Потомъ тотчасъ быстро прибавила: — скажите лучше, здорова Эжспи.

— Слава Богу, сказалъ я: — она страдаетъ только отъ-того, ч лишилась вашей дружбы.

— Ахъ, не говорите этого! отвѣчала она раздирающимъ душу го лосомъ. Пощадите меня! Богъ знаетъ, какъ мало я заслуживаю ва ши упреки! Скажите, что она не совсѣмъ еще разлюбила меня!

— Она все по-прежнему васъ любитъ, милая Марта.

— А вы все еще любите Ораса? возразила Марта, забывая вс лично до нея касавшееся, и бѣгомъ таща меня за руку.

Я побѣжалъ, и скоро мы очутились возлѣ него. Онъ громко вскр чалъ, увидѣвъ меня, и кинувшись мнѣ на шею, воскликнулъ съ жа ромъ:—Ну, теперь я могу умереть; я снова нашелъ друга!—И опя упалъ на кресла, блѣдный и слабый, будто готовясь испустить дух

Я очень испугался этого разслабленія. Пощупалъ пульсъ,—пуль былъ едва слышенъ. Я осмотрѣлъ его, уложилъ, разспросилъ вним тельно, и рѣшился провести возлѣ него ночь.

Дѣйствительно, онъ былъ болѣнъ. Мозгъ его находился въ болѣ ненномъ раздраженіи, всѣ нервы взволнованы; у него былъ род сумасшествія. Онъ говорилъ о смерти, о междоусобной войнѣ, о х лерѣ, объ эшафотѣ, и перемѣшивая въ бреду разныя занимавшія е идеи, то принималъ меня за croque-mort, который кидалъ его въ р ковую яму, то за палача, ведшаго его на казнь. За этими минута изступленія слѣдовали обмороки. Приходя въ память, онъ узнава меня, горячо жалъ мнѣ руки, и умолялъ не покидать его, не да ему умереть. Я не имѣлъ къ тому ни малѣйшаго желанія, и зада валъ себѣ настоящую пытку, стараясь угадать болѣзнь его; но как ни прилагалъ я вниманіе, не могъ въ ней увидать ничего, кромѣ не вическаго раздраженія, причиненнаго нравственнымъ волненіем Не было ни малѣйшаго признака ни холеры, ни лихорадки, ни отр вленія, ни опредѣленнаго страданія. Марта хлопотала около него с усердіемъ, котораго онъ, казалось, не примѣчалъ, и, взглянувъ н нее, я былъ такъ пораженъ ея истощеннымъ и измученымъ видом что просилъ пойдти лечь въ постель. Убѣжденія мои были напрас ны. Однакожь, когда на разсвѣтѣ Орасъ успокоился и заснулъ, он

въ свою очередь задремала на креслахъ въ ногахъ кровати. Я сидѣлъ у изголовья насупротивъ ея, и не могъ удержаться отъ сравненія наружности Ораса, исполненной силы и здоровья, съ наружностью этой женщины, которую недавно видѣлъ столь прекрасною, и которая теперь была настоящею тѣнью.

Я также сталъ засыпать, какъ вошелъ на-цыночкахъ, никого не разбудивъ, Ларавиньеръ и сѣлъ возлѣ меня. Онъ самъ провелъ ночь подлѣ одного изъ своихъ пріятелей, заболѣвшаго холерою, и, воротясь домой услышалъ, что Марта ходила въ больницу для Ораса. — Что съ нимъ? спросилъ онъ меня, наклонясь къ нему и осматривая. Когда я признался, что не нашелъ ничего опаснаго, и что однакожь онъ занималъ и безпокоилъ меня цѣлую ночь, Жанъ пожалъ плечами. — Сказать тебѣ, что̀ это такое? произнесъ онъ, еще больше понизивъ голосъ; — паническій испугъ, страхъ, и только. Вотъ ужь онъ въ другой или въ третій разъ повторяетъ намъ подобныя сцены; и будь я дома вчерашній вечеръ, Марта не пошла бы тебя тревожить по-напрасну. Бѣдняжка! она больнѣе его...

—И мнѣ кажется. Но едва ли ты не слишкомъ-строгъ къ бѣдному Орасу?

— Нѣтъ, я говорю правду. Вѣдь я не утверждаю, будто Орасъ то̀, что̀ называется подлецъ; я даже увѣренъ, что онъ смѣлый малой, и рѣшительно пошелъ бы въ огонь сраженія, или на дуэль. Но въ немъ есть родъ подлости, общей всѣмъ людямъ, которые нѣсколько через-чуръ любятъ самихъ-себя; онъ боится болѣзни, страданія, медленной, томительной смерти въ постели. Онъ то̀, что̀ мы называемъ *нѣженка*. Разъ я видѣлъ, какъ онъ на улицѣ не струсилъ людей подозрительнаго вида, которые хотѣли-было напасть на него, но которыхъ его твердость заставила удалиться; но видѣлъ также, какъ онъ упалъ въ обморокъ отъ легонькаго обрѣза, который сдѣлалъ себѣ на кончикѣ пальца, очинивая перо. У него женская натура, не смотря на бороду Юпитера олимпійскаго. Онъ въ состояніи возвыситься до героизма, а не можетъ вынести пустой ребячьей боли.

— Любезный Жанъ, отвѣчалъ я, каждый день вижу я людей въ полной силѣ лѣтъ и воли, которые слывутъ твердыми и мудрыми, и которыхъ мысль о холерѣ (и даже гораздо-меньшихъ болѣзнахъ) дѣлаетъ трусливыми до чрезвычайности. Не думай, чтобъ Орасъ былъ исключеніемъ. Люди, составляющіе исключеніе, стоически встрѣчаютъ болѣзнь лицомъ-къ-лицу.

— Не виню и я твоего пріятеля, возразилъ онъ:—но мнѣ хотѣлось бы, чтобъ эта бѣдная Марта привыкла къ его манерамъ, и не тревожилась всякій разъ, когда ему прійдетъ въ голову считать себя больнымъ при-смерти.

— Развѣ это, спросилъ я: — причина ея страданія?

— Нѣтъ, это только одна изъ причинъ! Впрочемъ, что̀ я за доносчикъ! До-сихъ-поръ я крѣпился и не говорилъ тебѣ, что̀ тутъ дѣлалось. Теперь ты опять съ ними сталъ видаться, и скоро самъ все узнаешь.

V.

Въ-самомъ-дѣлѣ, пришедъ на другой день увѣриться въ совершенномъ здоровьѣ Ораса, я, безъ всякихъ особенныхъ домогательствъ, получилъ отъ него признаніе въ тяготившихъ его неудовольствіяхъ. —Да, сказалъ онъ мнѣ въ отвѣтъ на одно мое замѣчаніе:—да, я недоволенъ своей судьбой, недоволенъ жизнью, даже, — почемужь не сказать этого! — усталъ жить. Упади еще одна капля жолчи въ мой кубокъ, я перерѣжу себѣ горло.

— Однакожь, вчера, воображая себя больнымъ холерою, ты сильно просилъ меня не дать тебѣ умереть. Надѣюсь, ты преувеличиваешь сегодняшній свой сплинъ.

— Это значило, что мозгъ мой былъ вчера разстроенъ, что я былъ сумасшедшій, трепеталъ за жизнь по животному инстинкту; сегодня же, пришедъ въ разсудокъ, опять чувствую скуку, отвращеніе и омерзѣніе къ жизни.

Я попробовалъ заговорить съ нимъ о Мартѣ, которой онъ былъ единственною опорой, и которая, можетъ-быть, не пережила бъ его, еслибъ онъ самъ посягнулъ на жизнь свою. Онъ сдѣлалъ движеніе нетерпѣливое, какъ человѣкъ, раздосадованный чуть не до бѣшенства; заглянувъ въ сосѣднюю комнату, и увѣрившись, что Марта еще не воротилась съ своего утренняго выхода, вскричалъ:— Марта! гм! такъ и быть! самъ ты назвалъ — бичъ мой, мое мученіе, мой адъ! Послѣ всѣхъ предсказаній, которыя ты дѣлалъ на этотъ счетъ, я почиталъ дѣломъ чести скрывать отъ тебя, до какой степени они оправдались... Ну, такъ и быть! я не заражонъ глупою гордостью, и не знаю почему, нашедъ снова моего лучшаго, единственнаго друга, не открылъ ему того, что̀ происходитъ во мнѣ. Узнай же истину, Теофиль: я люблю Марту, и вмѣстѣ съ тѣмъ ненавижу ее; обожаю, и въ то же время презираю; не могу съ нею разстаться, а только тогда и живу, когда ея не вижу. Объясни это мнѣ ты, который все умѣешь объяснять, который приводишь любовь въ теорію и стараешься подчинить ее правиламъ наравнѣ съ прочими болѣзнями.

— Любезный Орасъ, отвѣчалъ я: — мнѣ кажется, легко опредѣлить состояніе души твоей. Ты любишь Марту, я въ этомъ увѣренъ; но тебѣ хотѣлось бы любить ее больше, а этого ты не можешь сдѣлать.

— Именно такъ! воскликнулъ онъ. — Я домагаюсь любви выспренней, а чувствую одну низкую любовь. Я желалъ бы обнимать идеалъ, а нахожу одну жалкую дѣйствительность.

— Другими словами, возразилъ я, стараясь ласковымъ тономъ смягчить то, что могло быть жестоко въ моемъ отвѣтѣ: — тебѣ хотѣлось бы любить ее больше, нежели ты любишь самого-себя, и ты не можешь любить ее даже столько, какъ себя.

Онъ замѣтилъ, что я толкую его горе нѣсколько-грубѣе, нежели какъ онъ желалъ бы; но все, что ни говорилъ онъ, чтобъ измѣнить мое мнѣніе, которое, какъ ему казалось, не равнялось его страданію, — все это послужило только къ утвержденію меня въ моемъ мнѣніи. Марта воротилась, и Орасъ, которому также надобно было идти со двора, оставилъ меня съ нею. То, что мнѣ удалось узнать изъ ихъ взаимнаго другъ къ другу расположенія, почти отнимало у меня всякую надежду быть имъ полезнымъ. Однакожь, я не хотѣлъ ихъ оставить, не увѣрившись положительно, что не могу ничѣмъ помочь имъ.

Я нашелъ, что Марта столь же мало расположена была открыть свое сердце, сколько Орасъ готовъ былъ открыть свое. Этого и надо было ожидать: она была обижена, имѣла справедливый поводъ къ жалобамъ на Ораса, и благородное великодушіе осуждало ее на молчаніе. Желая разсѣять ея сомнѣнія, я сказалъ ей, что Орасъ обвинялъ себя передо мною, и признался мнѣ во всѣхъ своихъ проступкахъ: это и въ-самомъ-дѣлѣ такъ было. Орасъ не щадилъ себя: онъ открылъ мнѣ всѣ свои ошибки, отвергая только эгоистическую причину, которую я имъ приписывалъ. Но это ободреніе ни мало не перемѣнило намѣренія, принятаго, по-видимому, Мартою; я замѣтилъ въ ней родъ мрачной рѣшимости и нѣмаго отчаянія, которыя показались бы мнѣ несовмѣстными съ энтузіастическою подвижностью и чрезмѣрною чувствительностью ея характера, сколько онъ былъ мнѣ извѣстенъ. Она оправдывала Ораса и отказалась разсуждать о будущемъ, говоря въ общихъ выраженіяхъ о самопожертвованіи; не приняла также моего предложенія привести къ ней Эженй, сказавъ, что это сближеніе скоро опять разрушилось бы тѣми же причинами, какія прежде повлекли разрывъ; и выражая глубокую привязанность къ моей подругѣ, заклинала однако меня не говорить ничего объ ней. Единственною, постоянно-занимавшею ее мыслью, къ которой она нѣсколько разъ возвращалась, была, повидимому, мысль о какомъ-то таинственномъ долгѣ, который не хотѣла она опредѣлить точнѣе.

Внимательно слѣдя за ея положеніемъ и движеніями, я замѣтилъ, что она беременна: она такъ мало была расположена къ откровенности, что я не осмѣлился сдѣлать ни одного вопроса на этотъ счетъ, и рѣшился выждать удобнѣйшаго времени.

Оставивъ ее съ сердцемъ глубоко-огорченнымъ, я случайно проходилъ мимо кафе, куда Орасъ обыкновенно хаживалъ читать журналы, и какъ онъ въ эту минуту былъ тамъ, то позвалъ меня и принудилъ сѣсть возлѣ него. Ему хотѣлось знать, чтò говорила мнѣ Марта; а я началъ съ того, что спросилъ, не беременна ли она... Невозможно выразить перемѣны, происшедшей въ его лицѣ при этомъ словѣ. —Беременна! воскликнулъ онъ:—чтò ты говоришь?.. Боже мой! Такъ ты полагаешь, что она беременна? Она тебѣ сказала это?.. Только этого не доставало!

— Что же ужаснаго въ такой новости? сказалъ я ему. — Еслибъ Эжени объявила мнѣ подобную вѣсть, я считалъ бы себя очень-счастливымъ!

Онъ ударилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что вся посуда, бывшая въ залѣ, задрожала. — Ты можешь объ этомъ очень-покойно разсуждать, сказалъ онъ: — потому, во-первыхъ, что ты философъ, во-вторыхъ, имѣешь три тысячи ливровъ доходу и можешь свободно располагать собою. А я... чтò я стану дѣлать съ ребенкомъ? въ мои лѣта, съ моею бѣдностью, долгами и родителями, которыхъ это разсердитъ! Чѣмъ мнѣ кормить его? на что воспитывать?.. О, Боже мой! ты напомнилъ мнѣ, что она ужь двѣ недѣли читаетъ Эмиля, не выпуская его изъ рукъ! Такъ и есть: она сама хочетъ кормить ребенка! она намѣрена воспитывать его по жан-жаковски въ шести-футовой коморкѣ! Не доставало мнѣ только одного — быть отцомъ! Теперь я пропалъ!

Отчаяніе его было такъ забавно, что я не могъ удержаться отъ смѣха. Я думалъ, что это была одна изъ безразсудныхъ выходокъ, въ какія Орасъ любилъ пускаться, даже на-счетъ самыхъ серьёзныхъ предметовъ, только такъ, чтобъ дать немножко воли своему уму, какъ горячей лошади даютъ поскакать прежде, чѣмъ заставятъ ее идти мѣрной поступью. Я имѣлъ доброе мнѣніе о его сердцѣ, и боялся обидѣть его, серьёзно указывая на обязанности, которыя возлагало на него званіе отца. Притомъ же, я могъ ошибиться. Еслибъ точно Марта была въ такомъ положеніи, въ какомъ я предполагалъ ее, кàкъ же бы не знать о томъ Орасу? Мы разстались: я все продолжалъ шутить надъ его саркастическимъ отвращеніемъ къ дѣтямъ, а онъ все декламировалъ противъ нихъ съ неистощимымъ жаромъ.

Воротясь домой, я нашелъ у себя цѣлый списокъ больныхъ, къ которымъ меня приглашали. Я былъ медикомъ съ прошлой осени, и началъ свое поприще зловѣщимъ и горькимъ опытомъ надъ холерою. По милости холеры, вдругъ у меня оказалась практика многочисленнѣе, нежели я могъ желать, и нѣсколько дней былъ я до того обремененъ ею, что увидѣлся съ Орасомъ только черезъ двѣ недѣли,

и то подъ вліяніемъ страннаго происшествія, которое разомъ положило конецъ всѣмъ его горькимъ шуткамъ надъ ребятишками.

Однажды утромъ, онъ вошелъ ко мнѣ блѣдный и встревоженный. —Она здѣсь? было его первое слово.

— Кто? Эжени? сказалъ я:— разумѣется; она у себя въ комнатѣ.

— Марта! вскричалъ онъ въ безпокойствѣ. — Я говорю тебѣ объ Мартѣ: ея нѣтъ дома; она пропала. Теофиль! я не даромъ говорилъ тебѣ, что мнѣ прійдется бѣжать со свѣта... Марта меня покинула, бросила; Марта убѣжала съ отчаяніемъ въ душѣ, можетъ-быть, съ мыслью о самоубійствѣ...

Онъ кинулся на стулъ; испугъ и отчаяніе его не имѣли на этотъ разъ ничего поддѣльнаго. Мы бросились къ Арсену. Я полагалъ, что этотъ вѣрный другъ Марты могъ быть увѣдомленъ ею о ея намѣреніяхъ. Нашли мы дома только сестеръ Арсена, которыхъ удивленіе тотчасъ доказало намъ, что онѣ ничего не знали и даже не догадывались о причинѣ посѣщенія Ораса. Выходя отъ нихъ, мы встрѣтили Арсена, возвращавшагося домой. Орасъ бросился ему на встрѣчу, и, упавъ въ его объятія по одному изъ тѣхъ произвольныхъ порывовъ, которые въ-мигъ заглаживали всѣ его неправости, вскричалъ въ избыткѣ чувства:—Другъ мой, братъ, любезный Арсенъ! скажите, гдѣ *она?* Вы знаете, вы должны знать. О, не наказывайте меня за мои преступленія безжалостнымъ молчаніемъ! Разувѣрьте меня; скажите, что она жива, что она ввѣрилась вамъ. Не думайте, Арсенъ, чтобъ я ревновалъ. Нѣтъ! въ эту минуту, клянусь Богомъ, я чувствую къ вамъ только уваженіе и любовь. Я на все согласенъ, всему покорюсь! Будьте ея опорою, спасителемъ, любовникомъ. Я отдаю вамъ ее, ввѣряю ее вамъ; благословляю васъ, если вы можете, если вы должны сдѣлать ее счастливою; но скажите только, что она не умерла, скажите, что я не палачъ ея, не убійца!

Хоть имя Марты не было произнесено Орасомъ, но какъ на свѣтѣ одна *она* могла интересовать Арсена, то онъ тотчасъ понялъ, о комъ рѣчь, и стоялъ будто пораженный громомъ. Нѣсколько минутъ не могъ онъ вымолвить ни слова. Зубы его стучали; онъ глядѣлъ безсмысленно на Ораса, держа въ своей холодной, судорожно-сжатой рукѣ руку, которую тотъ протянулъ ему. Онъ ничего не зналъ, ничего не мыслилъ. Смѣщеніе ужаса и отчаянія повергало его въ какое-то дикое безуміе. Онъ пустился бѣжать съ нами. Мы отправились въ la Morgue: Орасу уже приходило-было въ голову пойдти туда же; но у него не достало духа. Мы вошли безъ него; онъ остановился подъ портикомъ и оперся на рѣшетку, чтобъ не упасть, не смѣя обратить взоры на страшное зрѣлище, котораго бы онъ не вынесъ, еслибъ оно представило ему въ числѣ жертвъ страстей и нищеты — Марту. Мы прошли въ залу, гдѣ трупы, лежавшіе на ро-

ковыхъ столахъ, представляли очамъ отвратительнѣйшую общественную язву, насильственную смерть во всемъ ея ужасѣ — доказательство и послѣдствіе самозабвенія, преступленія, или отчаянія. Бодрость Арсена возвратилась, казалось, съ упадкомъ бодрости Ораса: онъ подошелъ къ женщинѣ, которая лежала тутъ съ трупомъ ребенка у груди; твердою рукою приподнялъ онъ волосы, свѣянные вѣтромъ на лицо умершей, и какъ-будто густое облако помутило его зрѣніе; онъ наклонился къ этой бездушной массѣ, посмотрѣлъ на нее съ минуту, и выпуская изъ руки волосы съ равнодушіемъ, явно для него непривычнымъ: — Нѣтъ! произнесъ онъ твердымъ голосомъ, и увлекъ меня поскорѣе повторить Орасу это *нѣтъ*, которое облегчило бы его хоть на минуту.

Ступивъ нѣсколько шаговъ, Арсенъ остановился. — Покажите-ко еще разъ, сказалъ онъ: — письмо, которое она вамъ оставила.

Орасъ показывалъ намъ это письмо. Снова подалъ онъ его Полю, который внимательно его перечелъ. Вотъ оно:

«Успокойтесь, любезный Орасъ, я обманулась. Вы не будете нести тяжесть «и скуку обязанностей отца; но изъ всего, что вы сказали мнѣ двѣ недѣли на«задъ, я поняла, что наша связь не можетъ длиться безъ несчастія для васъ и «позора для меня. Давно должно было бы намъ приготовить другъ друга къ «этой разлукѣ, которая васъ огорчитъ, я увѣрена, но которую вы перенесете, «вспомнивъ, что мы были другъ другу обязаны этимъ подвигомъ твердости и «разсудка. Прощайте навсегда. Не ищите меня — это безполезно. Не безпо«койтесь обо мнѣ, я теперь тверда и покойна. Я оставляю Парижъ; возвра«щусь, можетъ-быть, на родину. Я ни въ чемъ не нуждаюсь, ни за что васъ «не упрекаю. Не поминайте меня зломъ. Я удаляюсь, призывая на васъ бла«гословеніе неба.»

Письмо не показывало роковыхъ намѣреній, однакожь ни мало насъ не успокоило. Я особенно, я недавно видѣлъ въ Мартѣ всѣ признаки безутѣшнаго отчаянія и дикую энергію, которая рѣшаетъ человѣка на крайнія мѣры.— Надобно тебѣ, сказалъ я Орасу: — сдѣлать еще большое усиліе надъ собою и разсказать намъ подробно, что̀ такое было у васъ за двѣ недѣли; по этому разсказу станемъ мы судить и о важности нашихъ опасеній. Можетъ-быть, боязнь твоя слишкомъ-преувеличена. Невозможно, чтобъ ты поступалъ съ Мартою такъ жестоко, что могъ довести ее до безумія. Это душа религіозная, характеръ болѣе, можетъ-быть, сильный, нежели ты думаешь. Говори, Орасъ; мы столько сожалѣемъ о тебѣ, что не будемъ упрекать тебя ни въ чемъ, что̀ бъ ты не сказалъ намъ.

— Исповѣдываться передъ нимъ? отвѣчалъ Орасъ, смотря на Арсена. — Жестокое мученіе! Но я заслужилъ его, и готовъ ему подвергнуться. Я зналъ, что онъ любилъ ее, что его любовь была больше достойна ея, нежели моя. Гордость во мнѣ страдала при мысли, что кто-нибудь другой могъ дать ей счастіе, котораго не видала она отъ меня.

—Да проститъ васъ Богъ! сказалъ Арсенъ:—но продолжайте. Зачѣмъ вы дѣлали ее такъ несчастною? Не-уже-ли изъ-за меня? Вѣдь вы знали, что она не любила меня!

— Да, я зналъ это! произнесъ Орасъ съ гордостью и эгоистическимъ торжествомъ; но глаза его тотчасъ же стали влажны и голосъ задрожалъ. — Я зналъ это, продолжалъ онъ:—но мнѣ не хотѣлось, чтобъ она и уважала тебя, благородный Арсенъ. Сравненіе, какое могла она дѣлать въ глубинѣ души своей между мной и тобою, было для меня смертельною обидою... Видите, друзья: въ моемъ тщеславіи были упреки совѣсти и стыдъ.

— Но вѣдь, возразилъ Арсенъ: — она не столько жалѣла меня, не столько думала обо мнѣ, чтобъ ей стòяло труда забыть меня совершенно.

—Она долго васъ защищала, отвѣчалъ Орасъ:—съ жаромъ, приводившимъ меня въ бѣшенство. Потомъ вдругъ перестала говорить о васъ, и рѣшилась на это съ такимъ спокойствіемъ, что казалось, будто она внутренно презираетъ меня. Въ это-то время бѣдность принудила меня позволить ей взяться опять за работу, и хоть по наружности я преодолѣлъ свою ревность, однакожь безъ мучительнаго подозрѣнія не могъ видѣть ее выходившею одну изъ дома. Но я боролся съ этимъ подозрѣніемъ, Арсенъ, боролся, и клянусь, мнѣ очень-рѣдко случалось его выказывать. Иногда только, въ сердцахъ, вырывалось у меня слово, одно слово, даже иногда непрямое слово, которое, казалось, оскорбляло и уязвляло ее смертельно. Она не могла выносить подозрѣнія во лжи, въ притворствѣ, какъ ни мгновенно бывало во мнѣ такое подозрѣніе. Гордость ея возмущалась противъ меня ежедневно въ такой прогрессіи, что я началъ бояться перемѣны съ ея стороны, или бѣгства. Нѣсколько недѣль я больше владѣлъ собою, и, кàкъ была она несправедлива! она сочла мою добродѣтель за равнодушіе. Вдругъ несчастное обстоятельство разбудило бурю. Я узналъ, что Марта беременна; Теофиль подалъ мнѣ эту мысль, которая жестоко поразила меня... Избавьте меня отъ униженія сказывать вамъ до какой степени было не развито во мнѣ чувство отца. Да и въ такихъ ли я лѣтахъ, когда этотъ инстинктъ пробуждается въ душѣ человѣка? Притомъ, страшная бѣдность не обращаетъ ли въ мученіе того, чтò въ другихъ обстоятельствахъ могло бы быть счастіемъ? Словомъ, назадъ тому двѣ недѣли, я опрометью кинулся домой, оставивъ Теофиля, и допрашивалъ Марту, признаюсь, больше съ ужасомъ, чѣмъ съ надеждою. Она не отвѣчала ничего рѣшительнаго; а потомъ, раздраженная моими опасеніями, сказала, что еслибъ и имѣла счастіе сдѣлаться матерью, то не стала бы вымаливать для своего дитяти помощи отца, такъ мало по-

нимающаго родительскую обязанность, какъ то водится у людей *моего сословія*. Я чувствовалъ намекъ на васъ, разгорячился; она обошлась со мною невыносимо-презрительно. Съ-тѣхъ-поръ, жизнь наша была безпрерывною бурей, и я не могъ прояснить мучительнаго сомнѣнія, послужившаго къ тому поводомъ. То говорила она, что беременна уже шесть мѣсяцевъ, то, что не беременна, и сказала наконецъ, что еслибъ это и точно была правда, то скрыла бъ отъ меня это и ушла бы воспитывать свое дитя далеко отъ меня. Я былъ жестокъ въ этихъ ссорахъ, — признаюсь въ томъ, проливая кровавыя слезы. Когда она отрицала свою беременность, я выманивалъ признаніе притворною нѣжностью, а когда она признавалась, я сокрушалъ ея сердце своимъ уныніемъ, проклятіями, и, — почему не сказать всего? — обидными сомнѣніями въ вѣрности, горькими насмѣшками надъ ожидаемымъ ею счастіемъ дать наслѣдника моимъ долгамъ, моей лѣности и моему отчаянію. Бывали однакожь минуты энтузіазма и раскаянія, когда я смотрѣлъ на эту будущность съ твердостью и съ какою-то лихорадочной отвагою; но скоро опять впадалъ въ противоположную крайность, и тогда Марта, съ ледянымъ презрѣніемъ, говорила мнѣ: «Успокойтесь; я васъ обманула, чтобъ посмотрѣть каковы вы. Теперь, когда я знаю степень вашей любви и твердости, могу сказать вамъ, что я не беременна, и повторить, что еслибъ точно была беременна, не захотѣла бы сдѣлать васъ участникомъ того, что̀ почитала бы единственнымъ для себя счастіемъ жизни»... Что̀ вамъ сказать еще? Каждый день рана растравлялась болѣе и болѣе. Третьяго-дня, неудовольствіе между нами было сильнѣе, чѣмъ наканунѣ, и наконецъ вчера достигло такой степени, что, казалось, привело бы насъ къ отчаянной катастрофѣ, еслибъ мы оба не были такъ изнурены горемъ. Въ полночь, послѣ ссоры, длившейся два смертельные часа, меня такъ испугала ея блѣдность и страдальческій видъ, что я залился слезами. Я бросился къ ногамъ ея, обнималъ колѣни. Она отвѣчала только горькою улыбкой, подняла глаза къ небу, и нѣсколько минутъ сидѣла въ какомъ-то восторженномъ состояніи; потомъ обняла меня и долго прижимала къ моему лбу свои губы, засохшія отъ изнурительной лихорадки. «Перестанемъ говорить объ этомъ, сказала она наконецъ, вставая: — чего ты столько боишься, того не случится. Вѣрно ты очень усталъ, ложись; мнѣ еще нужно кое-что поработать. Спи съ Богомъ; ты видишь, я покойна»... Въ-самомъ-дѣлѣ, она была очень-покойна! А я, безтолковый, грубый въ своей довѣренности, не понялъ, что это было спокойствіе смерти, распростиравшееся на мою жизнь. Я заснулъ утомленный, и проснулся поздно утромъ. Первымъ движеніемъ моимъ было пойдти къ Мартѣ, и на колѣняхъ благодарить ее за милосердіе; но вмѣсто ея, вдругъ нахожу эту роковую записку. Въ комнатѣ ничто не

показывало поспѣшнаго ухода. Все было въ обыкновенномъ порядкѣ; только коммодъ, гдѣ лежало ея бѣдное платье, былъ пустъ. Постель непомята: она не ложилась спать! Въ три часа поутру дворника разбудилъ звонокъ. Онъ машинально дернулъ снурокъ, какъ дѣлаетъ въ теперешнее холерное время, когда ежечасно люди выходятъ со двора или просить себѣ помощи, или подавать ее другимъ. Никого выходящаго онъ не видалъ, но слышалъ, какъ опять заперлась дверь. А я ничего не слыхалъ! Я лежалъ, растянувшись какъ мертвый, между-тѣмъ, какъ она совершала свое бѣгство, вырывала у меня сердце изъ груди, оставляя ее навсегда порожнею отъ любви и счастія.

Послѣ горестнаго молчанія, въ какое погрузилъ насъ этотъ разсказъ, мы пустились въ различныя догадки. Орасъ былъ убѣжденъ, что Марта не могла пережить ихъ разлуки, и что если она унесла съ собою платье, то для того только, чтобъ придать своему уходу видъ отъѣзда и лучше скрыть намѣреніе умертвить себя. Я не раздѣлялъ его страха. Во всѣхъ поступкахъ Марты видѣлъ я чувство долга и инстинктъ материнской любви, который долженъ былъ успокоить насъ на ея счетъ. Что касается до Арсена, то, проведши день въ побѣгахъ и поискахъ столь же мелочныхъ, сколько и безполезныхъ, онъ простился съ Орасомъ, пожавъ ему руку съ видомъ принужденнымъ, но торжественнымъ. Орасъ былъ въ отчаяніи. — Надобно, сказалъ ему Арсенъ:—имѣть больше надежды на Бога. Въ глубинѣ души что-то говоритъ мнѣ, что Господь не покинулъ свое созданіе, что Онъ печется о немъ.

Орасъ умолялъ меня не оставлять его одного. Будучи обязанъ навѣщать жертвы эпидеміи, я могъ провести съ нимъ только часть ночи. Ларавиньеръ съ своей стороны также бѣгалъ цѣлый день, ища какихъ-нибудь слѣдовъ Марты. Мы нетерпѣливо ждали его возвращенія. Онъ пришелъ домой въ часъ поутру, не бывъ счастливѣе насъ; но онъ нашелъ у себя нѣсколько строкъ отъ Марты, доставленныхъ вечернею почтою.

«Вы столько показали мнѣ участія и дружбы, писала она: — что я не хочу разстаться съ вами, не простившись. Прошу у васъ послѣдней услуги: разувѣрьте Ораса на счетъ меня; поклянитесь ему, что мое положеніе ни съ физической, ни съ нравственной стороны не должно причинять ему безпокойства. Я вѣрую въ Бога, этого довольно. Скажите то же и *брату моему* Полю. Онъ пойметъ это.»

Эта записка, возвративъ Орасу нѣкоторое спокойствіе, встревожила его снова въ другомъ отношеніи. Ревность опять овладѣла имъ. Въ послѣднихъ словахъ Марты онъ нашелъ увѣдомленіе, какъ-бы косвенное обѣщаніе Полю-Арсену. — Сходясь со мною, говорилъ

онъ: — она имѣла про себя еще мысль, которую всегда таила и которая всякій разъ приходила ей въ голову при нашихъ неудовольствіяхъ. Эта-то мысль дала ей силу покинуть меня. Повѣрьте, она надѣется на Поля! Еще она сохраняетъ къ нашей связи нѣкоторое уваженіе, которое не позволитъ ей тотчасъ предаться другому. Однакожь надѣюсь, что Поль не игралъ нынче со мною комедіи, и помогая мнѣ искать Марту даже въ la Morgue, не имѣлъ въ глубинѣ сердца своего эгоистической радости знать, что она жива и предана ему.

—Можешь ли ты въ этомъ сомнѣваться? отвѣчалъ я съ живостью: —Арсенъ страдалъ ужасно, и я сейчасъ же мимоходомъ покажу ему эту записку, чтобъ онъ уснулъ хоть часъ или два покойно.

— Я самъ пойду къ нему, сказалъ Ларавиньеръ :—потому-что его печаль занимаетъ меня больше всего прочаго. И необращая вниманія на гнѣвные взгляды Ораса , онъ взялъ у него изъ рукъ записку и вышелъ.

—Теперь видишь ты, что всѣ они согласились играть мною! вскричалъ Орасъ въ бѣшенствѣ.—Жанъ задушевный пріятель Поля и сантиментальный посредникъ этой цѣломудренной связи. Поль отправится куда-нибудь въ назначенное напередъ мѣсто, гдѣ найдетъ ее, либо станетъ препокойно спать, зная, что черезъ два-три дня слезъ, которыми она считаетъ себя мнѣ обязанною, гордая измѣнница пріиметъ его утѣшенія. Все это очень ясно для меня, хоть и довольно искусно придумано. Давно ужь искали случая отъ меня отдѣлаться; надо было сдѣлать меня виноватымъ. Нужно было имѣть возможность обвинить меня передъ друзьями и обезопасить себя отъ упрековъ совѣсти. Наконецъ этого добились, раскинули мнѣ сѣти притворствомъ, то-есть *притворясь, будто притворяются* въ беременности. Ты былъ безвинно участникомъ этой прекрасной хитрости; они знали мою слабость; знали, что сбыточность этого случая всегда приводила меня въ трепетъ. Мнѣ дали поводъ быть подлымъ, неблагодарнымъ, преступнымъ... И успѣвъ сдѣлать меня ненавистнымъ самому себѣ и другимъ, меня покидаютъ съ видомъ прощающей жертвы! Право, замысловато! Только меня-то именно и не проведутъ; вѣдь я помню, какъ оставили *минотавра*, и какъ прятались, чтобъ дать пройдти первому взрыву гнѣва и огорченія. Онъ также, бѣдный глупецъ, бѣгалъ въ полицію и въ la Morgue! Онъ также, разумѣется, нашелъ у себя прощальное письмо и прекрасныя фразы прощенія послѣ измѣны, условленной съ Полемъ-Арсеномъ! Полагаю, что письмо было такое жь, какъ и мое; его вѣрно всегда употребляютъ въ подобныхъ обстоятельствахъ!...

Орасъ долго говорилъ этимъ тономъ съ неслыханною язвительностью. Онъ показался мнѣ въ эту минуту такъ безразсуденъ и

несправедливъ, что, не имѣя духа открыто осуждать его, но отнюдь не раздѣляя его подозрѣній, я молчалъ. Сверхъ того, какъ я принужденъ былъ до слѣдующаго дня предоставить его самому-себѣ, то охотнѣе видѣлъ его оживленнымъ этою язвительною настроенностью духа, нежели убитымъ невыносимыми безпокойствами дня. Я разстался съ нимъ, не сказавъ ничего, что могло бы перемѣнить его мнѣніе.

VI.

На другой день, пришедъ повидаться съ нимъ послѣ-обѣда, я нашелъ его въ постели съ легкою лихорадкою и сильнымъ нервическимъ волненіемъ. Я старался успокоить его довольно-строгими увѣщаніями; но скоро пересталъ, замѣтивъ, что ему только и нужно слышать отъ кого-нибудь противорѣчіе, чтобъ излить всю свою досаду. Я упрекнулъ его, что въ немъ больше досады, нежели горести; онъ началъ увѣрять, что онъ въ отчаяніи, и говоря о своей печали, вдругъ почувствовалъ жестокіе припадки ея; гнѣвъ уступилъ мѣсто вздохамъ. Въ эту минуту вошелъ Арсенъ. Благородный юноша, забывая обидныя подозрѣнія Ораса, которыхъ Ларавиньеръ не скрылъ отъ него, пришелъ сколько-нибудь помочь ему, разсѣять эти подозрѣнія. Онъ сдѣлалъ это съ такимъ великодушіемъ и достоинствомъ, что Орасъ кинулся ему на шею, благодарилъ его съ жаромъ, и, переходя отъ самой ребяческой ненависти къ самой напыщенной нѣжности, просилъ быть *его братомъ, утѣшителемъ, лучшимъ другомъ, врачомъ его больной души и разстроенной головы.*

Очень чувствуя, что во всемъ этомъ было много преувеличенія, мы съ Арсеномъ были растроганы краснорѣчивыми словами, которыми Орасъ старался возбудить въ насъ состраданіе къ своему несчастію, и рѣшились провести съ нимъ остатокъ дня. Какъ лихорадка уже миновалась, а наканунѣ онъ ничего не ѣлъ, то я пригласилъ его встать съ постели и повелъ съ Арсеномъ обѣдать къ доброму Пенсону. Дорогою попался намъ Ларавиньеръ; я пригласилъ и его. Сначала, нашъ обѣдъ былъ молчаливъ и грустенъ, какъ прилично обстоятельствамъ; но мало-по-малу Орасъ одушевился. Я принудилъ его выпить немного вина, чтобъ освѣжить силы и возстановить равновѣсіе между сангвиническимъ и нервическимъ началами. Будучи обыкновенно умѣренъ въ питьѣ, онъ скорѣе, чѣмъ я думалъ, испыталъ слѣдствіе двухъ или трехъ рюмокъ бордо, и сталъ откровененъ и полонъ энергіи. Дружба его ко всѣмъ намъ удвоилась; сначала принимали мы ея изъявленія съ симпатіею, но вскорѣ они стали нѣсколько не нравиться Арсену, и очень не понравились Ларавиньеру. Орасъ этого не замѣчалъ, и продолжалъ энтузіастничать, превозносить ихъ

одного передъ другимъ, самъ хорошенько не зная за что. Воспоминаніе о Мартѣ нечувствительно вмѣшалось въ его сердечныя изліянія; онъ изъявилъ надежду отъискать ее, хвалился, что успокоитъ ее, сдѣлаетъ счастливою, и, чтобъ заставить насъ раздѣлять его увѣренность, началъ намъ разсказывать о страсти, какую умѣлъ внушить ей, описывалъ пламенность и силу этой страсти, съ гордостью несовсѣмъ приличною. Арсенъ нѣсколько разъ блѣднѣлъ, слыша, какъ онъ говорилъ о красотѣ и прелестяхъ Марты слогомъ романа, съ жаромъ, исполненнымъ тщеславія. Дѣло въ томъ, что Орасъ, не видавъ дотолѣ отъ насъ одобренія своей связи съ Мартою, принужденъ былъ наслаждаться ею въ молчаніи; теперь, когда общій интересъ случайно навелъ насъ на открытый съ нимъ разговоръ, когда мы стали его разспрашивать, выслушивать и разсуждать съ нимъ объ этомъ щекотливомъ предметѣ, когда онъ увидѣлъ все уваженіе и любовь, какія питали мы къ той, которую онъ столь худо оцѣнилъ, онъ нашелъ пріятное удовлетвореніе своему самолюбію говорить о ней, и припоминать себѣ цѣну сокровища, которое потерялъ. Это было для него предлогомъ хвалить ее передъ нами безъ предосудительнаго хвастовства; онъ замѣтно на-половину утѣшался въ своей невзгодѣ правомъ напоминать о своемъ счастіи. Какую пытку ни терпѣлъ Арсенъ, но слушалъ его, даже помогалъ ему въ этомъ безразсудномъ хвастовствѣ съ странною твердостью; хотя кровь ежеминутно бросалась ему въ лицо, онъ по-видимому рѣшился изучить Марту въ орасовомъ воображеніи, какъ въ зеркалѣ, показывавшемъ ее съ новой стороны. Ему хотѣлось постигнуть тайну этой любви, которую имѣлъ счастіе вдохнуть его соперникъ. Онъ зналъ, какъ тотъ потерялъ ее, ибо зналъ серьёзную сторону характера Марты; но онъ анализировалъ эту романическую сторону, поддавшуюся страсти безумца, и объяснялъ ее себѣ, слушая, какъ описывалъ ее этотъ самый безумецъ. Нѣсколько разъ жалъ онъ Ларавиньеру руку, чтобъ тотъ не прерывалъ Ораса, и узнавъ все, что хотѣлъ узнать, простился съ нимъ безъ горечи, безъ презрѣнія, хотя вѣрно такое легкомысліе и неумѣстное хвастовство внушало ему тайную жалость.

Едва оставилъ онъ насъ, какъ Ларавиньеръ, уступивъ долго-подавляемому негодованію, сдѣлалъ Орасу кое-какія замѣчанія съ нѣсколько-жосткою прямотою. Орасъ, какъ говорится, плотно усѣлся на своего конька. Онъ пилъ кофе съ ромомъ, какъ я ни жаловался на это усердіе переступать мои предписанія. Съ удивленіемъ поднялъ онъ голову, когда нѣмое вниманіе Ларавиньера перемѣнилось на довольно-сухія замѣчанія. Но онъ не могъ уже смиренно выносить упрека; припадокъ раскаянія и скромности миновался; суетность взяла верхъ. На холодное презрѣніе Ларавиньера отвѣчалъ онъ горь-

кими сарказмами надъ смѣшною и безразсудною любовью, какую предполагалъ въ немъ къ Мартѣ; остроуміемъ онъ не былъ обдѣленъ, и покончилъ тѣмъ, что совершенно увлекся жаромъ своихъ отвѣтовъ и нападеній. Онъ сталъ язвителенъ, сердился, усиливаясь смѣяться и унижать. Обѣдъ нашъ кончился бы очень-плохо, еслибъ я не пресѣкъ разомъ одной изъ самыхъ раздраженныхъ схватокъ. — Ты правъ, сказалъ мнѣ Ларавиньеръ, вставая съ мѣста: — я забылъ, что говорю съ сумасшедшимъ, и пожавъ мнѣ руку, вышелъ вонъ. Я проводилъ Ораса домой: онъ былъ совершенно-разстроенъ: раздраженіе нервовъ было сильнѣе прежняго. Лихорадка возобновилась, и какъ я принужденъ былъ еще идти къ своимъ больнымъ, то побоялся оставить его одного. Я сошелъ къ Ларавиньеру, который также воротился домой, и попросилъ его войдти посидѣть съ Орасомъ.—Хорошо, сказалъ онъ: — дѣлаю это для тебя, да еще для Марты, которая просила бы меня объ этомъ же, если бъ узнала, что онъ сколько-нибудь болѣнъ. А что до него лично, признаюсь, онъ не внушаетъ мнѣ ни малѣйшаго участія. Это хвастунъ, который драпируется своимъ горемъ, горюетъ безконечно меньше, нежели мы съ тобою.

Какъ-скоро я вышелъ, Жанъ помѣстился у постели своего больнаго, и минутъ съ десять внимательно смотрѣлъ на него. Орасъ плакалъ, кричалъ, вздыхалъ, приподнимался, декламировалъ, звалъ Марту то съ нѣжностью, то съ бѣшенствомъ. Онъ ломалъ себѣ руки, раздиралъ одѣяла, почти рвалъ волосы. Жанъ все глядѣлъ на него, не говоря ни слова и не шевелясь, готовый остановить дѣйствія настоящаго помѣшательства, но рѣшившись не даваться въ обманъ одной изъ этихъ драматическихъ сценъ, которыя тотъ, по его мнѣнію, имѣлъ способность хладнокровно играть середи самыхъ существенныхъ своихъ несчастій. Въ моихъ глазахъ (а кажется, я зналъ его какъ только можно знать лучше), Орасъ не былъ холоднымъ эгоистомъ, какимъ считалъ его Жанъ. Правда, онъ былъ холоденъ; но былъ также и страстенъ. Правда, не былъ онъ чуждъ эгоизма; но въ то же время имѣлъ потребность въ дружбѣ, въ участіи и симпатіи, обличавшихъ любовь къ подобнымъ себѣ. Потребность эта была въ немъ такъ сильна, что онъ доходилъ до дѣтской безпомощности, до болѣзненной воспріимчивости, до ревниваго господства. Эгоистъ живетъ одинъ; Орасъ не могъ четверти часа прожить безъ общества. Онъ былъ самолюбивъ, что очень-отлично отъ эгоизма. Онъ любилъ другихъ по отношенію къ себѣ, но любилъ, — это не подлежитъ сомнѣнію, и безъ всякаго софизма можно сказать, что, не могши привыкнуть къ уединенію, онъ предпочелъ бы бесѣду перваго встрѣчнаго своимъ собственнымъ мыслямъ, и что, слѣдо-

вательно, въ нѣкоторомъ смыслѣ предпочиталъ другихъ самому-себѣ.

Когда Орасъ бывалъ огорченъ, у него было одно только средство выхода, средство равно-хорошее и для примиренія съ тѣми, кого онъ уязвилъ, и для разогнанія собственнаго страданія: онъ истощался. Это странное истощеніе, одинаково-дѣйствовавшее и на нравственную и на физическую сторону, состояло въ томъ, чтобъ давать своей печали насильственный внѣшній выходъ словами, слезами, воплями, рыданьями, даже конвульсіями и сумасшествіемъ. То не была комедія, какъ полагалъ Ларавиньеръ; то былъ истинно-жестокій и болѣзненный припадокъ, которому онъ добровольно подвергался. Нельзя сказать, чтобъ также добровольно и освобождался онъ отъ него. Припадокъ длился иногда гораздо-долѣе той минуты, когда онъ чувствовалъ смѣшнымъ свое истощеніе; но какого-нибудь бездѣльнаго внѣшняго случая достаточно было, чтобъ его прекратить. Жосткій упрекъ, угроза отъ человѣка, котораго онъ принималъ за утѣшителя или за жертву, внезапное предложеніе разсѣянія, какая-нибудь нечаянность, легкій ушибъ или маленькая царапина, которые получалъ онъ ломаясь, или падая,—этого довольно было, чтобъ возвратить его изъ самаго жестокаго волненія къ самой покорной тихости, и все это для меня служило лучшимъ доказательствомъ, что волненія его были непритворны; ибо еслибъ и предположить, что онъ точно былъ такой актёръ, какъ думалъ Жанъ, то онъ искуснѣе выполнялъ бы переходъ отъ притворства къ дѣйствительности. Ларавиньеръ былъ съ нимъ безжалостенъ, какъ бываютъ люди, владѣющіе собою, съ людьми легко-увлекающимися. Еслибъ онъ отправлялъ должность медика или смотрителя за больными, онъ скоро узналъ бы, что между дѣтьми и помѣшанными стоитъ еще множество людей въ одно и то же время пылкихъ и слабыхъ, раздражительныхъ и покорныхъ, энергическихъ и бездѣйственныхъ, притворныхъ и простодушныхъ, словомъ, холодныхъ и страстныхъ вмѣстѣ, какъ я уже сказалъ и какъ повторяю еще. чтобы утвердить фактъ, котораго наблюденіе ни чуть не рѣдко, хотя вообще и почитаютъ его невѣроятнымъ. Такіе люди часто бываютъ посредственны, а иногда обладаютъ умомъ высокимъ. Обыкновенно нервическая и нѣжная организація артистовъ представляетъ больше или меньше эти явленія. Изнемогая при этомъ частомъ злоупотребленіи своихъ счастливыхъ дарованій, они однакожь съ какою-то роковою жадностью ищутъ всевозможныхъ средствъ къ волненію, добровольно вызываютъ эти бури, въ которыхъ къ-несчастію слишкомъ много истинной жестокости. Орасъ прибѣгалъ къ помѣшательству и отчаянію точно такъ же, какъ другіе прибѣгаютъ къ опіуму и крѣпкимъ напиткамъ.—Ему стóитъ только встряхнуться, говорилъ Жанъ:

—бѣшенство тотчасъ является будто волшебствомъ, подумаете, что его мучатъ тысяча страстей и десять тысячъ чертей. Но погрозитесь оставить его, и увидите, что онъ вдругъ присмирѣетъ какъ ребенокъ, котораго нянька обѣщала оставить въ потьмахъ. Жанъ не зналъ, что есть въ Бисетрѣ неистовые сумасшедшіе, которые умертвили бы себя, если бъ дать имъ волю; погрозитесь полить на голову имъ немного холодной воды — они вдругъ сдѣлаются боязливыми и тихими. — Но, говорилъ онъ, Орасъ поднимаетъ весь этотъ шумъ за тѣмъ, чтобъ его слышали; а если этимъ никто не растревожится, онъ заснетъ, либо пойдетъ гулять.

Къ-несчастію, это было правда, и въ этомъ отношеніи бѣдный мальчикъ былъ неизвинимъ. Припадки дѣлали ему добро; они привлекали къ нему участіе, попеченія, преданность другихъ; люди, близкіе къ нему, дѣлали тысячи усилій, изобрѣтали тысячи средствъ развлечь его и утѣшить. Одинъ льстилъ ему, и черезъ то успокоивалъ его оскорбленную гордость; другой жалѣлъ о немъ и дѣлалъ его интереснымъ въ собственныхъ глазахъ; третій насильно велъ его въ театръ, и забавами, которыя доставлялъ ему, исцѣлялъ его скуку. Наконецъ, онъ любилъ быть болѣнъ, какъ дѣлаютъ школьники, чтобъ уйдти въ больницу отдохнуть и полакомиться, и подобно конскрипту, который увѣчитъ себя, чтобъ не йдти въ армію, готовъ былъ надѣлать себѣ болѣзни, чтобъ избавиться отъ непріятной обязанности.

По несчастію для него, эту ночь имѣлъ онъ дѣло съ самымъ строгимъ изъ своихъ сторожей. Онъ зналъ это, но надѣялся побѣдить его большимъ обнаруженіемъ страданія. Добровольно усилилъ онъ лихорадку и сдѣлался сколько-можно-больнѣе. Ларавиньеръ былъ непреклоненъ.

— Послушайте, сказалъ онъ ему холоднымъ тономъ: — мнѣ васъ нисколько не жаль. Вы заслужили страданіе, и не страдаете столько, сколько стôите. Я осуждаю все ваше поведеніе, и презираю запоздалые упреки совѣсти. Знаю, у васъ есть льстецы, поклонники; но знаю также, что еслибъ они видѣли васъ столько жь, какъ я вблизи, то, вмѣсто того, чтобъ, по-моему, сидѣть надъ вами цѣлую ночь, они ушли бы хохотать надъ вами. Я осуждаю васъ, а все-таки храню тайну вашихъ несчастій; я оказываю вамъ больше услуги, нежели всѣ эти глупцы, которые васъ губятъ своимъ удивленіемъ. Выслушайте же, чѣмъ это кончится. Эти люди, узнавъ васъ короче, станутъ васъ презирать, и вы будете предметомъ ихъ шутокъ, если не поспѣшите сдѣлаться мужчиною и вести себя прилично; потому-что мужчинѣ не йдетъ плакать и надрываться о томъ, что его оставила женщина. У васъ есть другое дѣло, а вы о немъ и не думаете. Во Франціи готовятся преобразованія, и если точно вамъ наскучило

жить, то есть очень-простое средство умереть съ честью и съ пользою для другихъ. Спросите-ко себя, чего вы лучше хотите: задохнуться отъ слезъ, какъ какая-нибудь гризетка, или сражаться.

Это были единственныя утѣшенія, какія получалъ Орасъ отъ президента бузенготовъ; надо было принять ихъ. Слишкомъ-поздно было отвергать ихъ логику и выгодность; ибо еще до бѣгства Марты, до этого жестокаго отчаянія, онъ, по самолюбію ли, со скуки ли, или изъ честолюбія, обязался участвовать въ первомъ дѣлѣ. По словамъ Жана, этотъ случай не замедлилъ бы представиться. Орасъ припомнилъ свой обѣтъ, и Жанъ, имѣвшій слабость все прощать, если возьмутъ ружье за очистительное средство, тотчасъ возвратилъ ему свое уваженіе, довѣренность и преданность. Онъ согласился нѣсколько дней ухаживать за нимъ, развлекать его, ободрять приготовленіями къ дѣлу, которое каждый день обѣщалъ назавтра, и Орасъ, занявшись мыслью о своей смерти, пересталъ оплакивать Марту, и уже не поминалъ объ ней.

Прошелъ мѣсяцъ со времени пропажи этой женщины. Никто изъ насъ не узналъ ничего на ея счетъ, и такое глубокое молчаніе съ ея стороны, изъ котораго Эжени и Арсенъ особливо надѣялись-было быть изъяты, повергло насъ въ мрачныя опасенія. Я началъ думать, что она вдали отъ Парижа скрыла тяжкую болѣзнь, горькую кончину, и не смѣлъ пускаться передъ друзьями въ объясненія, которыя внутренно дѣлалъ себѣ. Кажется, то же уныніе овладѣло и прочими. Арсена я почти не видалъ. Орасъ уже не поминалъ имени несчастной, и питалъ, казалось, пагубныя намѣренія, о которыхъ проговаривалъ мнѣ съ видомъ трагическимъ и мрачнымъ. Эжени часто плакала украдкою. Ларавиньера всего поглотила политика.

Въ это время, графиня Шальи-мать написала ко мнѣ, что холера вторглась въ маленькій городокъ, съ которымъ граничили наши помѣстья. Она трепетала не за себя (о себѣ она и не думала), а за друзей, за семейство, за крестьянъ, и просила меня самымъ настоятельнымъ и убѣдительнымъ образомъ пріѣхать прожить съ ними это печальное время. Медика въ нашихъ деревняхъ не было; въ Парижѣ холера кончилась. Мнѣ предстояла возможность исполнить въ одно время долгъ человѣколюбія и дружбы, ибо опасность грозила всѣмъ стариннымъ друзьямъ моего отца. Я собрался ѣхать и взялъ съ собою Эжени.

Орасъ нѣсколько разъ приходилъ со мною прощаться. Онъ поздравлялъ меня съ возможностью покинуть *страшный Вавилонъ*, завидовалъ моей участи во всѣхъ отношеніяхъ, сожалѣлъ, что не можетъ *удалиться* со мною.

На слѣдующее утро я сбирался выѣхать. Безпокоясь, чтобъ Орасъ не рѣшился на что-нибудь опасное, я отправился къ нему вечеромъ,

но не нашелъ его, и мосьё Шеньяръ сказалъ мнѣ съ самымъ вѣжливымъ видомъ: — Г. Дюмонтё уѣхалъ изъ города. Онъ получилъ письмо отъ родителей; матушка его при-смерти. Бѣдный молодой человѣкъ отправился ужасно-разстроенный. Половину вещей оставилъ онъ мнѣ въ залогъ. Вѣрно черезъ нѣсколько дней воротится.

Я зашелъ къ Ларавиньеру. — Видѣлъ ты Ораса? спросилъ я у него.

— Нѣтъ, сказалъ онъ: — а Лувѐ видѣлъ, какъ онъ садился въ дилижансъ съ такимъ веселымъ видомъ, какъ-будто ѣхалъ получать наслѣдство послѣ дяди, а не хоронить мать.

— Право, ты его слишкомъ не любишь, воскликнулъ я: — ты къ нему жестокъ. Орасъ добрый сынъ; онъ безъ памяти любитъ мать.

— Мать! отвѣчалъ Жанъ, пожимая плечами: — да она столько же больна, какъ мы съ тобой.

Болѣе объясняться онъ не хотѣлъ.

VI.

Холера надѣлала много опустошенія въ сосѣднемъ съ нашими деревнями городкѣ; но за рѣку не перешла, и жители лѣваго берега, въ числѣ которыхъ были мы, сохранились отъ ея нашествія. Въ ожиданіи этого нашествія, все еще возможнаго, я оставался въ своемъ маленькомъ помѣстьѣ, ежедневно видясь съ семействомъ графа де-Шальи, котораго зáмокъ находился въ четверти льё отъ меня, и усердно заботясь объ моей старой пріятельницѣ графинѣ и ея внучкахъ, которыми она занималась гораздо-больше, нежели мать ихъ, дивная виконтесса Леонія. Виконтесса, хотя очень благосклонная въ обхожденіи со мною, все больше и больше мнѣ не нравилась. Не-то, чтобъ у ней не доставало ума или характера. Она имѣла нѣкоторыя блестящія по-наружности качества, равно привлекавшія къ ней людей очень-изъисканныхъ и людей очень-простыхъ: послѣдніе отъ-души принимали ее за женщину высшую, какою она и хотѣла казаться; первые, посредствомъ молчаливой сдѣлки съ нею, удовлетворяли собственнымъ претензіямъ казаться людьми высшими. Какъ и въ Парижѣ, въ Шальи былъ у нея свой дворикъ довольно-смѣшной, даже смѣшнѣе, чѣмъ въ Парижѣ, потому-что она набирала его обыкновенно изъ деревенскихъ дворянъ, приторныхъ любезниковъ, надъ которыми жестоко смѣялась съ любезниками лучшаго сорта, выписанными изъ Парижа. Бѣдные провинціальные юноши топорщились стать въ уровень съ ея остроуміемъ, и дѣлались еще пошлѣе, но вмѣстѣ съ ней катались верхомъ, провожали ее на охотѣ, жужжали по ея слѣду, или порхали около ея стремени, не замѣчая, что приня-

ты только для увеличенія свиты, да для того, чтобъ провинціальныя дамы говорили съ досадою, что виконтесса скупила всѣхъ мужчинъ въ департаментѣ.

Графиня, привыкшая къ высокой терпимости хорошаго общества, вела въ замкѣ уединенную жизнь. Она завѣдывала дѣтьми, учителями и гувернантами, сельскими работами и порядкомъ въ домѣ. Бодрая и дѣятельная, не смотря на свои преклонныя лѣта, она была такъ необходима безпечной Леоніи, что пользовалась отъ нея уваженіемъ и ласками, въ которыхъ, впрочемъ, отнюдь не участвовала привязанность. Виконтъ, сынъ ея, былъ человѣкъ пустой, снисходительный по нерадивости и очень-расположенный позволять женѣ все, лишь бы она ему ни въ чемъ не мѣшала. Богатый и ограниченный, онъ занимался больше расточеніемъ своего имѣнія съ оперными красавицами, нежели его устройствомъ съ матерью. Онъ почти всегда былъ въ Парижѣ, и чтобъ сдѣлать извинительными свои нѣсколько-двусмысленныя отлучки, очень-исправно выполнялъ многочисленныя порученія виконтессы на-счетъ покупокъ для ея туалета. Въ этомъ заключалась ихъ истинная супружеская связь и тайна ихъ добраго согласія. Бѣднякъ любилъ инстинктивно дѣтей, любилъ мать нѣжнѣе, чѣмъ кого-либо; но не понималъ ея, и былъ неспособенъ дать дѣтямъ должное направленіе. По наружности, все въ этомъ семействѣ дышало союзомъ и гармоніей, хотя на дѣлѣ это было не семейство и хотя безъ неограниченнаго и неутомимаго самоотверженія старухи, всѣ прочіе не прожили бы и сутокъ подъ одною кровлею.

Я почти только-что пріѣхалъ въ деревню, какъ получилъ отъ Ораса письмо изъ его городка. «Матушка выздоровѣла» писалъ онъ ко мнѣ. «На будущей недѣлѣ я возвращаюсь въ Парижъ; буду проѣз«жать въ двадцати льё отъ твоего помѣстья. Если ты еще тамъ, я «могу заѣхать и побесѣдовать съ тобою подъ липами, которыя видѣ«ли твое рожденіе. Напиши слово, и я, согласно этому, расположу «маршрутъ свой.»

Эжени немножко поморщилась, когда я сказалъ ей, что отвѣчалъ на это письмо убѣдительнымъ приглашеніемъ; но когда Орасъ пріѣхалъ, она все-таки приняла его въ нашемъ скромномъ жилищѣ съ простымъ и милымъ радушіемъ, отъ котораго не въ силахъ была отрѣшиться.

Г-жа Дюмонте не была такъ отчаянно больна, какъ мужъ ея писалъ къ Орасу подъ вліяніемъ перваго безпокойства. Холера туда не доходила, и Орасъ нашелъ мать почти-совсѣмъ здоровою, но не могъ вырваться изъ объятій родительскихъ, и еслибъ согласился на ихъ убѣжденія, провелъ бы съ ними остатокъ лѣта.

— Но жизнь въ городишкѣ стала мнѣ невыносима, говорилъ онъ: —и во сто кратъ живѣе почувствовалъ я, что покончилъ на-чисто съ

бѣдной моею родиной. Что за бытъ, другъ мой, что за грязное хозяйство, подъ сѣнію котораго тамъ прозябаютъ люди, безъ чести, безъ наслажденія и безъ пользы! Что за люди эти провинціалы, завистливые, невѣжественные, закоснѣлые, тщеславные! Будь я принужденъ прожить между ними цѣлые три мѣсяца, право, я разможжилъ бы себѣ голову!

Дѣло въ томъ, что скромныя привычки, нѣсколько-грязноватый духъ разсчетливости и принужденная безвѣстность маленькихъ городковъ были непримиримы съ наклонностями и потребностями, порожденными въ Орасѣ воспитаніемъ. Его добрые родители употребили всѣ средства, чтобъ сдѣлать его такимъ, и сами простодушно изумились результату своего тщеславія. Они не могли никакъ понять огромныхъ издержекъ молодаго человѣка, въ которомъ видѣли столько мудрости и даже столько пренебреженія къ забавамъ ихъ городка, публичному балу, кафѐ, странствующимъ актриссамъ, охотѣ, и проч. Ихъ огорчала смертельная скука, которая одолѣвала его съ ними, и которой онъ не въ силахъ былъ скрыть отъ нихъ. Нетерпимость его къ благоразумію въ политическихъ дѣлахъ, его горькое презрѣніе къ ихъ старымъ друзьямъ, отвращеніе отъ ласкъ и угожденій деревенской родни, задумчивость безъ видимой причины, его выходки противъ денежнаго вѣка (при такой надобности въ деньгахъ), мрачное и неровное расположеніе духа, таинственное умалчиваніе, когда рѣчь заходила о женщинахъ, любви и бракѣ, — все это было *для* нихъ предметомъ глубокихъ огорченій и мучительнаго безпокойства, особливо *для* бѣдной матери, которая предполагала причиною тому какое-нибудь особенное, неслыханное съ нимъ несчастіе, и которая не слыхала, чтобъ другія дѣти въ ихъ провинціи, воспитанныя какъ онъ, проклинали, подобно ему, свою участь.

Нѣсколько часовъ бесѣды съ Орасомъ показали мнѣ все безпокойство его семьи, всю скуку, какую наводило на него это безпокойство, и всѣ его ошибки, хоть онъ признавался мнѣ въ нихъ не иначе, какъ представляя ихъ неизбѣжными слѣдствіями своего положенія. Его *мучили* безотвязные вопросы отца объ ученьѣ и будущихъ видахъ. Его *терзали* совѣты и настоянія матери, касательно труда и бережливости. Наконецъ, пороптавши, подекламировавши, поплакавъ отъ бѣшенства и нѣжности, когда описывалъ мнѣ слѣпую и неразумную любовь дорогихъ и несносныхъ виновниковъ его дней, онъ заключилъ замѣчаніемъ, что чувствуетъ чрезвычайную потребность въ разсѣяніи, чтобъ отдохнуть отъ всѣхъ своихъ неудовольствій, и просилъ свезти его въ Шальи, гдѣ, слышалъ онъ, готовилась прекрасная поѣздка на охоту.

Черезъ часъ, его пригласила сама графиня, зашедшая ко мнѣ съ прогулки отдохнуть минуту, какъ часто дѣлывала. Она съ перваго

взгляда поняла Эжени, и почувствовала къ ней дружескую симпатію. Ораса поразила пріятельская короткость, съ какою знатная дама сѣла подлѣ простой дѣвушки, любовницы фельдшера, разговаривая съ нею просто и нѣжно. Онъ замѣтилъ также умъ и достоинство, съ какими Эжени вела этотъ разговоръ съ графинею. Съ-тѣхъ-поръ, онъ имѣлъ къ ней уваженіе, и отрекся почти отъ всѣхъ своихъ прежнихъ предубѣжденій.

Появленіе Ораса въ замкѣ было настоящимъ кладомъ для виконтессы, уже начинавшей скучать своимъ кружкомъ, и помнившей, что нашла умъ и оригинальность въ этомъ молодомъ человѣкѣ. Она наговорила ему множество пріятныхъ упрековъ за пренебреженіе ею въ Парижѣ. — Вамъ показался скученъ нашъ домъ, сказала она тономъ, гдѣ лесть такъ тѣсно граничитъ съ насмѣшкою, что всегда трудно распознать, которая изъ нихъ перевѣшиваетъ:—можетъ-быть, здѣсь мы будемъ не такъ скучны, да притомъ въ деревнѣ бываютъ снисходительнѣе.

— Эта-то мысль и дала мнѣ смѣлость явиться къ вамъ, отвѣчалъ Орасъ съ незастѣнчивымъ смиреніемъ, которое приняли не худо.

Истинный умъ виконтесса такъ же мало могла понимать, какъ и истинное достоинство. Ей нужна была въ мужчинѣ одна способность—умѣнье расточаться въ похвалахъ и лести передъ женщиною. Съ перваго взгляда она отгадывала, какое впечатлѣніе производила на умъ новичка, и если не видѣла побѣды надъ этимъ умомъ, то покидала безплодный трудъ, и тотчасъ обходилась съ нимъ, какъ съ непріятелемъ. Въ этомъ заключался весь тактъ ея. Она не роняла себя ни передъ кѣмъ и не отступала ни передъ какою враждою. Она умѣла набрать себѣ столько приверженцевъ, что могла не бояться противниковъ. Для сужденія о людяхъ былъ у нея одинъ вѣсъ и одна мѣра. Кто ея не оцѣнялъ, тотъ безвозвратно и неумолимо попадалъ въ невѣжды, педанты или дураки. Кто замѣчалъ ее и старался быть ею замѣченъ, тотъ заранѣе былъ вносимъ въ списокъ ея любимцевъ и кліентовъ. Робкія манеры, волненіе молодаго обожателя ей нравились; но дерзость отважнаго безумца нравилась еще болѣе. Холодная и болѣзненная, она не могла блистать совершенною любезностью; но была кокетлива и вольна по-своему, и подавала мнимыя права на свое сердце, всякаго рода надежды и мелкія благосклонности вдругъ нѣсколькимъ человѣкамъ, умѣя увѣрить каждаго, что онъ былъ первый и послѣдній, кого она любила и могла любить. Нѣтъ такого дурнаго характера, который не имѣлъ бы, какъ говорится, достоинствъ въ своихъ недостаткахъ, и въ похвалу ей можно сказать, что она не лицемѣрила со свѣтомъ, и не разъигрывала правилъ, которыхъ не имѣла. Она показывала большую независимость въ мысляхъ и большую вольность въ пове-

денія. Она не вѣрила ни въ одну добродѣтель; но, не охуждая ни одного порока, отзывалась о другихъ женщинахъ справедливѣе, нежели обыкновенно отзываются свѣтскія женщины. Она дѣлала это безъ снисхожденія и безъ злости, не щеголяя ни стыдливостью на этотъ счетъ, ни страстью.

Орасъ и не подумалъ усомниться въ этомъ женскомъ превосходствѣ, требовавшемъ его поклоненія. Онъ тотчасъ принялъ подданство, не только потому-что виконтесса была богата, знатна, любезна и блестяща, и что все это было ново для него и увлекательно, но и потому еще, что самъ точно также судилъ о людяхъ и, подобно ей, начиналъ ихъ любить или ненавидѣть, смотря потому, встрѣчалъ ли къ себѣ отъ нихъ вниманіе, или пренебреженіе. Съ первой минуты, какъ взглядъ виконтессы обмѣнялся съ его взглядомъ, обнаружилась эта обоюдная потребность въ удивленіи, овладѣвшая ими. Ихъ взаимное тщеславіе сошлось рука съ рукою, не довѣряя другъ другу и привлекая другъ друга, какъ два бойца, жадные помѣряться силами и повеличаться одинъ на-счетъ другаго.

Виконтесса всю ночь продумала о трехъ завтрашнихъ туалетахъ. Сперва, утромъ, явилась она на крыльцо въ пеньюарѣ столь бѣломъ, тонкомъ, волнистомъ, что напоминала собою Дездемону, поющую «Иву». Потомъ, пока сѣдлали лошадей, она одѣлась въ амазонку временъ Лудовика XIII, приткнувъ къ шляпкѣ чорное перо, которое никуда не годилось бы въ Булоньскомъ-Лѣсу, но было очень-поразительно и граціозно въ глубинѣ лѣсовъ Шальй. По возвращеніи съ охоты, она надѣла деревенское платье особаго вкуса, и до того напрыскалась духами, что у Ораса едва не заболѣла голова.

Что̀ касается до него-самого, онъ всталъ до разсвѣта, чтобъ снарядиться, какъ прилично охотнику, и, благодаря моему гардеробу, прибралъ себѣ костюмъ, не слишкомъ-отзывавшійся парижскимъ приказнымъ. Я предупредилъ его, что моя лошадь нѣсколько горяча, и совѣтовалъ обходиться съ нею осторожнѣе. Они отправились въ довольно-добромъ согласіи; но когда всадникъ очутился подъ огнемъ взглядовъ владѣлицы за̀мка, онъ забылъ мои предостереженія, и пришолъ въ жестокій разладъ съ конемъ своимъ. Зрители замѣтили, что онъ не умѣетъ править лошадью. — Вы ѣздите на-пропалую, мой милый, закричалъ ему за̀-просто графъ Мельерѐ, главный обожатель виконтессы:—она васъ разможжитъ объ стѣну.

Орасъ нашелъ замѣчаніе невѣжливымъ, и чтобъ доказать, что презираетъ его, заставилъ лошадь бѣшено подыматься на-дыбы. Онъ былъ смѣлъ и крѣпокъ на сѣдлѣ, хоть и мало учился верховой ѣздѣ; хорошо зная, что не можетъ тягаться въ искусствѣ и знаніи съ опытными и педантичными ѣздоками, окружавшими виконтессу, онъ хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ затмить ихъ отвагою. Онъ успѣлъ на-

пугать даму своихъ мыслей до того, что она, поблѣднѣвъ, умоляла его быть благоразумнѣе. Эффектъ произведенъ, и торжество Ораса надъ всѣми соперниками было упрочено. Женщины цѣнятъ бодрость больше ловкости. Мужчины говорили, что это гадко, что ни одинъ изъ нихъ не далъ бы своей лошади такому полоумному; но виконтесса сказала имъ, что никто изъ нихъ не отважился бы дѣлать подобныя глупости и такъ беззаботно рисковать жизнію. Видя, что все это сумасбродство Орасъ дѣлалъ въ честь ея, она была ему безконечно-благодарна, и занималась имъ однимъ во все время охоты. Орасъ превосходно помогалъ ей въ томъ, почти не покидая ея, и выказывая все свое равнодушіе къ охотѣ. Охотиться умѣлъ онъ такъ же плохо, какъ ѣздить верхомъ, и, зная, что надѣлалъ бы однихъ промаховъ, притворился, будто питаетъ глубокое презрѣніе къ этой грубой страсти. — Зачѣмъ же вы поѣхали? сказала ему виконтесса де-Шальи, желавшая льстиваго отвѣта.—Поѣхалъ, чтобъ быть подлѣ васъ, отвѣчалъ онъ непринужденно.

Такъ многаго ужь и не ожидала-было виконтесса. Но обстоятельства удачно служили Орасу; это рѣзкое признаніе, которое, при большей свѣтскости, онъ выразилъ бы вѣжливѣе, показалось той, которая его получила, слѣдствіемъ страсти сильной и готовой на все отважиться. Эта женщина спорной красоты и загадочнаго сердца никогда не бывала любима. За ней ухаживали и гонялись изъ любопытства или изъ самолюбія. Никогда не желали ея, и сама она ничего столько не желала, какъ внушить отчаянную любовь, хотя бы любовь эта стóяла ей репутаціи деликатной, свѣтской и гордой женщины, какую старалась она себѣ составить. Можетъ-быть, находила она, что такая любовь пробудила бы въ ней ощущенія восторга, котораго она не знавала. Несомнѣнно, что ея воображеніе было удовлетворено во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; ея тщеславіе было пресыщено тріумфами ума и кокетства, и она никогда не испытала восторговъ, которые воспламеняются красотою, а поддерживаются страстью. Она устала отъ лести, отъ услугъ и безвкусныхъ похвалъ. Ей хотѣлось, чтобъ для нея дѣлали дурачества; хотѣлось уже не возбужденія, а упоенія, и Орасъ казался какъ-нельзя-больше наклоненъ къ роли неистоваго и безразсуднаго любовника, котораго новость должна прекратить безцвѣтность и скуку любви обыкновенной.

Впрочемъ, у этой бѣдной женщины былъ въ жизни другъ, и она сохранила его. То былъ маркизъ де-Вернъ, бывшій на пятидесятомъ году жизни первымъ ея любовникомъ. Прошло ужь лѣтъ двадцать, и свѣтъ не зналъ о томъ, или не зналъ никогда навѣрное. Будучи другомъ дома, этотъ ловкій развратникъ воспользовался первыми неудовольствіями, къ какимъ невѣрность виконта Шальи подала поводъ женѣ. Онъ былъ повѣреннымъ горя Леоніи, и воспользовался

имъ, чтобъ соблазнить неопытное дитя, которое смотрѣло на него какъ на отца и довѣрялось ему. До-тѣхъ-поръ несчастная виновна была въ одномъ тщеславіи; этотъ жестокій шагъ въ жизни съ старымъ распутникомъ развилъ пороки въ ея сердцѣ и умѣ. Она ужаснулась своего паденія, почувствовала себя униженною, почла себя пропавшею на-вѣкъ, если, помощью умѣнья и кокетства, не удастся ей возстать. Маркизъ помогъ ей въ этомъ—не потому, чтобъ онъ былъ доступенъ упрекамъ совѣсти, но потому-что въ той морали, какую составилъ онъ себѣ изъ своихъ пороковъ, считалъ дѣломъ чести не пятнать женщины въ глазахъ свѣта и въ ея собственныхъ. Это былъ человѣкъ странный, таинственный, глубокій знатокъ въ коварствѣ, холодный лицемѣръ, въ притворствѣ котораго господствовала какая-то законность. Рожденный для дипломатіи, но удалившись отъ этого поприща приключеніями своей жизни, онъ обратилъ свое тайное могущество на службу страстямъ, не безъ тщеславія, но по-крайней-мѣрѣ безъ спора. На-примѣръ, ему нравилось слыть тѣмъ, что̀ свѣтскія женщины называютъ *вѣрнымъ человѣкомъ;* и хотя по приторно-циническому взгляду, по вѣжливо-безстыднымъ рѣчамъ, по хитро-догматическому тону въ дѣлѣ волокитства, видѣнъ въ немъ былъ превосходный развратникъ, никогда однакожь имя какой-нибудь его любовницы, хотя бы она умерла сорокъ лѣтъ назадъ невинною, не вырывалось изъ устъ его; никогда ни одна женщина не была имъ ославлена. На отказы онъ никогда не жаловался; за измѣны никогда не мстилъ. Такимъ образомъ, число побѣдъ его было баснословно, хотя онъ всегда былъ очень-дуренъ собою. Не любя сердцемъ, и зная, что обязанъ успѣхами только хитрости, онъ никогда не былъ любимъ, но всюду сдѣлалъ себя необходимымъ и сохранялъ свои права далѣе, чѣмъ люди, которыхъ любятъ и которые вредятъ репутаціи и спокойствію. Пока искалъ, онъ былъ опаснѣйшимъ преслѣдователемъ, и ослѣплялъ настойчивою и ледяною дерзостью. Сдѣлавшись обладателемъ, онъ снова становился не только кротокъ, но еще полезенъ и незамѣнимъ. Онъ велъ себя великодушно, отличался дѣлами самой нѣжной преданности, заботился объ устройствѣ жизни женщины, которую опорочилъ, словомъ, поведеніемъ своимъ, рѣчами и поступками, возстановлялъ въ свѣтѣ репутацію женщины, которую погубилъ втайнѣ. Все это дѣлалъ онъ хладнокровно, систематически, подводя всѣ свои интриги подъ три весьма-различныя дѣйствія: обмануть, покорить и сохранить. Въ первомъ дѣйствіи, онъ внушалъ къ себѣ довѣренность и дружбу, во второмъ — стыдъ и опасеніе, въ третьемъ — признательность и даже родъ уваженія: странный результатъ любви въ одно и то же время самой беззаконной и самой рыцарской, какая только приходила на умъ человѣку.

Виконтесса Леонія была одною изъ послѣднихъ жертвъ маркиза. Теперь она была женщина, которой онъ показывалъ себя наиболѣе преданнымъ. Нечистая драма обольщенія была также съ нею серьёзнѣе для него, чѣмъ съ большею частію другихъ женщинъ. Онъ не нашелъ въ ней ни малѣйшаго увлеченія, и принужденъ былъ напасть на тщеславіе, льстить ему, замысловатѣе и терпѣливѣе, можетъ-быть, чѣмъ льстилъ когда-нибудь въ жизни. Его мрачная побѣда возбудила въ Леоніи глубокое отвращеніе, горькое сожалѣніе, близкое къ ненависти. Она грозила открыть его поведеніе семейству, требовать мщенія у мужа, мстить даже сама кинжаломъ. Это сильное сопротивленіе не было въ ней дѣйствіемъ оскорбленной добродѣтели, но плодомъ уязвленнаго и униженнаго тщеславія. Ей, столь надменной, столь занятой собою, принадлежать человѣку пожилому, дурному и холодному! Она готова была умереть, и это составляло величайшее горе ея жизни. Никогда - непугавшійся маркизъ былъ напуганъ; онъ старался успокоить ее и возстановить ее въ собственныхъ ея глазахъ съ усердіемъ и ревностью, превосходившими всѣ предъидущія его чудеса въ этомъ родѣ. Ни за что въ свѣтѣ не согласился бы онъ оставить ненавистное воспоминаніе въ душѣ столь презрительной и столь мстительной. Онъ даже сталъ разъигрывать упреки совѣсти, отчаяніе, страсть,—и дѣлалъ это такъ искусно, что виконтесса подумала, будто она была первою любовью этого пресыщеннаго старика. Главной заботою его было найдти ей любовника, который утѣшилъ бы ея самолюбіе, и онъ достигъ этого, такъ что этотъ человѣкъ и не подозрѣвалъ его плана, не замѣчалъ соперничества. Леонія не знала, что маркизъ поступалъ такъ со всѣми женщинами, которымъ хотѣлъ остаться другомъ; притомъ же, онъ сдѣлалъ для нея ту разницу, что съ прочими онъ говорилъ языкомъ философа восьмнадцатаго вѣка, а съ нею языкомъ героя девятнадцаго столѣтія. Онъ притворился, что жертвуетъ собою, терзаетъ сердце, давая себѣ соперника; и какъ она охотно почитала себя способною вдохнуть возвышенное чувство, то приняла новую роль, которую онъ ей создалъ. Съ своей стороны, онъ наслаждался удовольствіемъ внушить ей восторженную къ нему признательность; и они за одно играли эту комедію во всю остальную жизнь свою. Онъ былъ покорнымъ повѣреннымъ всѣхъ ея капризовъ, и сантиментальнымъ посредникомъ всѣхъ интригъ. Слишкомъ-устарѣлый для притязаній на раздѣлъ, онъ утѣшался, видя себя превозносимымъ и открыто-ласкаемымъ женщиною, которая постыдилась бы признаться въ происхожденіи ихъ дружбы, но которая объявляла его замѣчательнѣйшимъ человѣкомъ, величайшимъ умомъ и превосходнѣйшимъ характеромъ, какой только знавала въ жизни. Женщины второй и третьей молодости, которыя, ко вреду своему, знали маркиза, не обманывались этой дочерней пріязнью, но не тщеславились раз-

гадкою ея причины, и когда случалось которой-нибудь изъ нихъ выслушивать похвалы, расточаемыя Леоніею маркизу, то довольно любопытно было видѣть цѣломудренную и спокойную наружность этихъ двухъ женщинъ, надѣявшихся взаимно обмануть другъ друга, и очень-хорошо знавшихъ горькую тайну одна другой.

Одного дня довольно было маркизу, чтобъ отгадать склонность виконтессы къ Орасу. Какъ, съ точки благоразумія, которое составляетъ всю свѣтскую нравственность, онъ всегда давалъ ей только добрые совѣты, то сначала непріязненно смотрѣлъ на эту склонность. Онъ не могъ ѣхать за ними на охоту; но на лицѣ молодаго homme du rien, когда онъ, воротившись, помогалъ виконтессѣ сойдти съ лошади, маркизъ прочелъ, что надежды его скакали во весь галопъ. Онъ отправился въ комнаты Леоніи, между-тѣмъ, какъ ей убирала голову одна изъ тѣхъ горничныхъ, какихъ ужь нынче немного и при которыхъ не затрудняются разговоромъ. Присутствовать при дамскомъ туалетѣ была привилегія старинной жизни, на которую лѣта маркиза еще давали ему право.

— Да, дитя мое, сказалъ онъ Леоніи: — надѣюсь, что если вы убираете голову для этого красиваго брюнета, который упалъ къ намъ съ облаковъ, то по-крайней-мѣрѣ не допустите его вскружить вамъ голову. Мальчикъ онъ пригожій и говоритъ недурно, согласенъ; но для васъ не годится.

— Я привыкла къ вашимъ шуткамъ, и не защищаюсь, отвѣчала со смѣхомъ виконтесса: — но скажите, почему бъ онъ для меня не годился?

— Вы сами это знаете, вы, догадливѣйшая и проницательнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ.

— Моя проницательность ничего мнѣ не сказала, потому-что я не обратила на этого молодаго человѣка ни малѣйшаго вниманія.

— Въ такомъ случаѣ, я вамъ скажу, возразилъ маркизъ, котораго ложь Леоніи отнюдь не обманула:—этотъ господинъ—человѣкъ ничтожный, такъ, дрянца.

— Я этого не понимаю, любезный другъ, сказала виконтесса:— вы все забываете, что мои мнѣнія и идеи ведутъ начало съ революціи.

— Мои постарѣе; однакожь предразсудковъ у меня не больше вашего, любезная виконтесса; есть факты, и я ихъ вижу. Люди извѣстнаго класса могутъ имѣть достоинства, которыхъ нѣтъ у насъ; но имѣютъ и недостатки, которыхъ тоже у насъ нѣтъ. Не отнимаю у нихъ ни таланта, ни образованности, ни энергіи; но положительно отнимаю умѣнье жить.

— Развѣ этотъ мальчикъ ошибается въ умѣньи жить? сказала виконтесса съ разсѣяннымъ видомъ; — я не замѣтила.

—Покамѣстъ еще не ошибается, и не будетъ ошибаться, до-тѣхъ-поръ, пока дѣло идетъ о пребываніи его въ числѣ вашихъ покорнѣйшихъ слугъ. Въ этомъ положеніи онъ можетъ иногда ошибаться противъ свѣтскихъ обычаевъ, а вы знаете, что я не придаю важности такимъ мелочамъ; но если вы взведете его на высоту, для которой онъ не созданъ, скоро увидите, что онъ, какъ и всѣ ему подобные въ такихъ случаяхъ, не имѣетъ такта, скромности, вкуса, и вамъ скоро прійдется краснѣть за него.

— Полноте! вскричала виконтесса съ принужденнымъ смѣхомъ: —вы говорите объ этомъ какъ о дѣлѣ мною рѣшенномъ; а я ни разу и не подумала взглянуть каковъ у него носъ.

Орасъ имѣлъ въ маркизѣ опаснаго противника, и еслибъ подозрѣвалъ это, навѣрное еще больше вооружилъ бы его своей надменностію и выходками. Но бѣдный ребенокъ былъ такъ невиненъ, что не могъ подозрѣвать власть, какую старый развратникъ имѣлъ надъ умомъ его прекрасной виконтессы. Онъ такъ мало остерегался его, что поддался благосклонному удивленію, которое внушали ему знатные люди. Не смотря на весь свой республиканизмъ, Орасъ былъ аристократъ въ душѣ. Къ нему можно было примѣнить изреченіе Мизантропа: *«знатность сводитъ его съ ума»*. Онъ чувствовалъ къ этому міру живое и дѣтское любопытство, непобѣдимое влеченіе, безпредѣльную политическую терпимость, природную симпатію. Какъ было видѣть ему преступленіе въ обычаяхъ знатности и величія, ему, котораго пожирала потребность этихъ вещей, который чувствовалъ себя созданнымъ въ нихъ участвовать! Онъ удивлялся знатному кругу, не уважая его; желалъ сравняться съ нимъ манерами, и пускался на это въ полной увѣренности очень-скоро успѣть въ томъ. Его легкость преображаться, отсутствіе упругости и боязни, въ-самомъ-дѣлѣ придавали ему большую прелесть. Онъ дѣлалъ дюжины неловкостей, и ни одна изъ нихъ не оскорбляла, потому-что онъ самъ первый замѣчалъ ее и смѣялся надъ нею отъ души, не извиняя своего незнанія въ томъ, чему его не учили, объявляя всѣмъ кому угодно, что онъ не видывалъ свѣта, и не показывая ни ложнаго стыда, ни глупой гордости. Вольность деревенской жизни помогала ему. Виконтесса старалась вести эту развязность какъ-можно-дальше и поправлять неловкость его шутокъ. Она отъ всего сердца смѣялась надъ промахами новичка, которые сама вызывала; но смѣялась этому только съ нимъ и передъ нимъ, а онъ съ своей стороны держалъ себя съ такимъ простодушіемъ и откровенностью, что несмотря на всѣ предубѣжденія кружка, въ одинъ день снискалъ себѣ расположеніе всѣхъ, даже графа Мельерѐ, который не подозрѣвалъ въ немъ соперника, увѣренный въ превосходствѣ своихъ изящныхъ манеръ. Къ-несчастію, графъ приписывалъ этимъ манерамъ важность,

которую виконтесса уже полусутки не ставила ни во что. Орасъ былъ во сто разъ любезнѣе, съ своей отчаянной и развязною осанкой, чѣмъ графъ съ своимъ дендизмомъ и разгильдяйствомъ. Это послѣднее слово употребила она, толкуя Орасу, наивно-спросившему, что̀ буквально значитъ «дендизмъ».

Не смотря на дневную усталость, въ гостиной сидѣли долго; въ полночь пили чай, а въ два часа утра еще разговаривали одушевленно вокругъ стола, уставленнаго плодами и лакомствами, на которыя Орасъ нападалъ безъ церемоніи. Графъ Мельерѐ, знавшій до какой степени Леонія была предана романтизму (такъ что говорила, будто Байронъ, котораго она никогда не видывала, былъ единственный человѣкъ, котораго бъ она полюбила), радовался, видя въ такомъ прозаическомъ положеніи того, кто безпокоилъ его утромъ. Онъ начинялъ его пирожными и конфектами, восхищаясь, ка̀къ виконтесса хохотала этой школьнической обжорливости, и исполненный дружеской признательности къ Орасу, который такъ охотно бралъ на себя роль человѣка ничтожнаго. Но виконтесса первый разъ въ жизни смѣялась безъ ироніи; она понимала, что Орасъ жертвовалъ собою для ея забавы, чтобъ добиться, во что бы ни стало, ея благосклонности. Она слышала его говорящимъ лучше всѣхъ тѣхъ, которымъ онъ позволялъ теперь шутить надъ собою; видѣла, ка̀къ онъ на охотѣ перескакивалъ рвы и заборы, передъ которыми всѣ останавливались, потому-что дѣйствительно было десять вѣроятностей противъ одной сломить себѣ шею. И такъ она знала, что онъ выше ихъ умомъ и отвагою. Съ этими-то преимуществами принять на себя послѣднюю роль для того, чтобъ *ей* доставить удовольствіе,—было, по ея мнѣнію, дѣломъ удивительной преданности и доказательствомъ любви безграничной.

VII.

Послѣ нея, больше всѣхъ поддался наружному простодушію Ораса его отъявленный противникъ, старый маркизъ де-Вернъ. Съ нимъ Орасъ не притворялся; онъ тотчасъ обольстился этимъ характеромъ знатнаго господина, этимъ повелительнымъ невѣжествомъ, этой смѣлой и блестящей наглостью, которыя придавали старику оттѣнокъ былыхъ нравовъ. Для того, кто видалъ старинныхъ маркизовъ только на сценѣ, увидѣть въ дѣйствительной жизни образчикъ этой погибшей породы — истинный кладъ. Не разсуждая, что придворные прежней монархіи столько же выродились, какъ и рыцари феодализма, Орасъ думалъ видѣть какого-нибудь Лозёна или Крекѝ въ маркизѣ де-Вернѣ. Немногаго не доставало, чтобъ видѣть въ немъ кн-

гда герцога Сен-Симона. Несомнѣнно, что онъ почувствовалъ къ нему уваженіе и удивленіе, выразившіяся въ желаніи уподобиться ему и подражать по-возможности. Орасъ былъ ума до такой степени подвижнаго, до того воспріимчивъ на впечатлѣнія, что не могъ отказаться отъ подражанія. Не прошло трехъ дней, какъ онъ началъ посѣщать зàмокъ, и ужь старался при насъ сморщивать губы, подобно маркизу, и заклиналъ меня дать ему одну изъ батюшкиныхъ табакерокъ, изъ которой пробовалъ изящно сорить табакъ себѣ на рубашку, копируя граціозную небрежность маркиза такъ вѣрно, какъ могъ это сдѣлать второгодичный студентъ, то-есть, уморительнѣйшимъ образомъ. Эжени замѣтила это ему и жестоко его уязвила; онъ забылъ, что образецъ очень-близокъ къ намъ и можетъ отнять у копіи всякій видъ оригинальности. Но тѣмъ не менѣе онъ рѣшился корчить маркиза передъ всѣми, кто не могъ, подобно намъ, дѣлать сравненія между учителемъ и ученикомъ.

Благодаря многочисленнымъ аномаліямъ своего характера, дѣлая насъ свидѣтелями попытокъ въ подражательномъ родѣ,—за четверть льё отъ насъ, передъ виконтессою, расточалъ онъ всѣ прелести простоты. Кому бы могло прійдти въ голову, что и это было притворство, все то же стремленіе къ эффектамъ? Правда, Орасъ дѣйствительно владѣлъ простотою обращенія, но пользовался ею или удалялся отъ нея, смотря по обстоятельствамъ. Если она ему доставляла успѣхъ, онъ предавался ей, и былъ *самимъ-собою,* то-есть, очаровательнымъ. Если жь она вредила, онъ входилъ въ какую-попало роль съ непостижимою легкостью, и овладѣвалъ ею вполнѣ, если только она была ему подъ-силу. Такая игра была бы очень-опасна съ старымъ маркизомъ, который зналъ ее больше, чѣмъ онъ; еще опаснѣе была бы она съ виконтессою, ученицею стараго развратника, способною бороться не безъ успѣха съ самимъ своимъ наставникомъ. Такимъ-образомъ, Орасъ, рѣшась быть естественнымъ, плѣнилъ ихъ обоихъ. Маркизъ не любилъ молодыхъ людей, хотя въ обществѣ женщинъ, которымъ посвятилъ себя, и былъ принужденъ жить безпрестанно между ними; но Орасъ показывалъ такъ много расположенія къ нему, слушалъ его такъ жадно, такъ отъ-души тѣшился его старыми анекдотами, дѣлалъ ему столько вопросовъ, просилъ столько совѣтовъ, словомъ, такъ слѣпо принялъ его себѣ за руководителя и судью, что старикъ, еще больше тщеславный, чѣмъ недовѣрчивый, обольстился имъ въ свою очередь, и даже объявилъ виконтессѣ, что онъ самый любезный, самый умный, самый лучшій молодой человѣкъ изъ всего новаго поколѣнія.

Орасъ, видя такое одобреніе, предался маркизу совершенно. Онъ сдѣлалъ маркиза своимъ повѣреннымъ и заклиналъ научить его, какъ понравиться виконтессѣ. Тогда въ умѣ учителя произошло нѣчто до-

вольно странное: онъ сталъ задумчивъ, серьёзенъ, чуть не грустенъ. Ударивъ ученика по плечу, онъ сказалъ: «Молодой человѣкъ, вы ставите меня въ довольно-щекотливое положеніе. Дайте мнѣ нѣсколько часовъ подумать, — вечеромъ я вамъ буду отвѣчать.» Торжественный тонъ маркиза поджегъ любопытство Ораса. Отъ-чего этотъ человѣкъ, который въ ихъ насмѣшливыхъ бесѣдахъ такъ мало цѣнилъ всякую нравственность, вдругъ принимаетъ важный видъ, когда дѣло идетъ о Леоніи? Стало-быть, она женщина особаго рода, даже въ глазахъ этого маркиза, презирающаго всякій стыдъ человѣческій? Дотолѣ казалась она ему свободною отъ предразсудковъ (предразсудками она называла то, чтò другіе зовутъ правилами), и Орасу, у котораго также не было предразсудковъ въ дѣлѣ любви, очень нравился такой взглядъ на вещи. Но изъ того, что она не налагала никакой узды на свои склонности, слѣдовало ли заключить, что она имѣла наклонности столько рѣшительныя, что могла отличить новичка середи фаланги искателей гораздо-знатнѣе его? Не сдѣлала ли она выбора между этими искателями? Не былъ ли графъ Мельерé ея любовникомъ? Можно ли его вытѣснить, и всѣ эти ласки, которыя, по-видимому, ему оказывали, не были ль сѣтями, которыя разставлялись ему, чтобъ принудить его какъ-можно-скорѣе записаться въ отставные любовники?

Между-тѣмъ, какъ Орасъ вопрошалъ такимъ образомъ судьбу свою, маркизъ также раздумывалъ о томъ, какой образъ поведенія онъ долженъ предписать молодому своему пріятелю. На эту минуту старый дипломатъ былъ вполнѣ проведенъ ученикомъ своимъ. Онъ воображалъ его такимъ невиннымъ, страстнымъ, великодушнымъ, что испугался послѣдствій его любви къ женщинѣ столь хитрой, столь холодной, столь себялюбивой, какъ виконтесса. Онъ боялся бурь, которыхъ уже не въ силахъ будетъ остановить; и какъ вся тактика, преподанная имъ Леоніи, состояла во всегдашнемъ предохраненіи себя отъ огласки, то онъ не зналъ, кàкъ примирить родъ привязанности, какую дѣйствительно имѣлъ къ ней, съ живою пріязнью, которую польщенное самолюбіе внушило ему къ Орасу.

Можетъ-быть, въ первый разъ въ жизни рѣшился онъ быть чистосердеченъ, какъ-будто откровенность Ораса оказывала на него такое же магнетическое вліяніе, какое безпутство его производило на этого юношу.—Послушайте, сказалъ онъ ему, идучи при лунномъ свѣтѣ по пустымъ аллеямъ англійскаго сада:—будемте говорить откровенно. Вѣрю отъ всей души, что вы любите виконтессу; не нахожу невозможнымъ, чтобъ она васъ выслушала. Но если, не смотря на ваши волненія и надежды, которыя очень угадываю, вы еще способны слушаться добраго совѣта, то вѣрно откажетесь пускать стрѣлу въ это сердце.

—Откажусь, если приведете на то основательныя причины, отвѣчалъ Орасъ:—а вы вѣрно ихъ имѣете, господинъ-маркизъ, потому-что обдумывали цѣлый день.

— Такъ вы не хотите вѣрить мнѣ на слово, и воздержаться для того, чтобъ въ-послѣдствіи времени самому разгадать мои причины?

— Можете ли вы требовать отъ меня этого, вы, такъ хорошо знающій сердце человѣческое? Исполненный вѣры къ вамъ, я напрасно обѣщалъ бы то, чего не могу выполнить.

— Хорошо, постараюсь убѣдить васъ. Любили ль вы когда-нибудь?

— Любилъ.

— Какого рода женщину?

— Женщину простую какъ и я, но прекрасную, умную, вполнѣ-преданную.

— Вѣрна вамъ была она?

— Кажется.

— Ревновали вы?

— Какъ сумасшедшій, или, лучше, какъ дуракъ.

— Ка́къ вы съ нею разстались?

— Не спрашивайте объ этомъ; не знаю, смѣшонъ былъ я, или ненавистенъ.

— Но вы покончили съ нею?

— Вы принуждаете меня сказать то, воспоминаніе чего мучитъ меня, и чему вы вѣрно не посовѣтуете мнѣ смѣяться: она умертвила себя...

— А! вотъ это хорошо, очень-хорошо! сказалъ маркизъ серьёзнымъ тономъ:—поздравляю васъ. Со мной этого не случалось. Да это чудо, мой милый, для вашихъ лѣтъ. Пусть-ка объ этомъ узнаютъ, да тогда всѣ женщины — ваши. О! васъ ждетъ завидная карьера!.. Теперь совѣтую вамъ не торопиться и выбирать. Скажите: ка́къ вы приняли эту смерть? сильно оно васъ поразило?

—Маркизъ, сказалъ Орасъ:—это уже переходитъ за предѣлы шутки. Не понимаю, ка́къ вы можете спрашивать меня о такомъ щекотливомъ предметѣ; но хотя бы вы презрѣли меня за слабость, я все-таки скажу, что готовъ былъ размозжить себѣ голову отъ этого несчастія. Теперь смѣйтесь, если угодно.

—Однакожь вы этого не сдѣлали? продолжалъ маркизъ, ведя свой допросъ съ величайшимъ хладнокровіемъ.—Вы не взяли въ руки пистолетовъ? не рапили себя? Ну, скажите же: вѣдь вы не сдѣлали подобнаго дурачества?

Орасъ остался смущенный, колеблясь между негодованіемъ, какое внушило ему циническое спокойствіе его наставника, и потребностью

видѣть извиненіе собственному малодушію. Маркизъ по-прежнему хладнокровно продолжалъ: — Такъ вы были сильно влюблены?

— Напротивъ, отвѣчалъ Орасъ:—я былъ не довольно-влюбленъ. Она была женщина слишкомъ-совершенная; я умиралъ съ нею отъ скуки.

— И она уморила себя, для того, чтобъ привязать васъ къ жизни? Это прекрасно съ ея стороны. А что? потребуете ли вы впередъ, чтобъ изъ-за васъ женщины умирали?

Орасъ, сдѣлавшій это преувеличенное признаніе о самоубійствѣ Марты только изъ тщеславія, увидѣлъ, что сдѣлалъ глупость; маркизъ давалъ ему это замѣтить своими насмѣшками. Смущенный и взбѣшенный, онъ перемогался нѣсколько минутъ молча. Наконецъ, не могши больше удерживаться, сказалъ:—Маркизъ, я ждалъ-было лучшаго отъ васъ. Чтò за слава величаться передъ бѣднякомъ знатному барину, передъ ребенкомъ человѣку съ сѣдыми волосами? Вы находите безумными и смѣшными всѣ мои виды на виконтессу. Пусть такъ! Если вамъ дано право шутить надо мною...

— Чтò жь бы вы сдѣлали въ такомъ случаѣ? сказалъ маркизъ живо.

— Чтò же бы мнѣ сдѣлать противъ женщины и...

— И старика? сказалъ маркизъ, спокойно договоривъ орасову фразу.—Хорошо, посмотримъ! вы отступили бы со стыдомъ?

— Можетъ-быть и нѣтъ, маркизъ, отвѣчалъ Орасъ съ энергіею: —можетъ-быть, я принялъ бы вызовъ, хоть съ тѣмъ, чтобъ остаться побѣжденнымъ, но по-крайней-мѣрѣ не уступилъ бы безъ боя.

—Въ добрый часъ, сказалъ маркизъ, протягивая ему руку.—Люблю, когда такъ говорятъ. Теперь выслушайте меня. Я не шучу, я люблю васъ; мнѣ васъ жалко; вы еще такъ мечтательны и пылки, что легко можете съиграть на свой счетъ комедію или, какъ говорятъ, «страстную драму». Вы еще неопытны, другъ мой.

— Знаю; потому-то я и просилъ у васъ совѣта.

—Хорошо! совѣтую же вамъ еще лѣтъ пять-шесть держаться женщинъ энтузіастокъ и сумасбродокъ, которыя умираютъ отъ любви или отъ досады. Истребивши съ дюжину ихъ, вы созрѣете для великаго предпріятія, безразсудно вами задуманнаго, — напасть на свѣтскую женщину.

— Это урокъ вашъ? принимаю его; но пусть онъ будетъ полнѣе и серьёзнѣе, чтобъ я могъ имъ воспользоваться. Ну, безъ презрѣнія, безъ колкости, маркизъ! Такъ свѣтская женщина слишкомъ-тверда, слишкомъ-непобѣдима для человѣка непринадлежащаго свѣту?

—Напротивъ. Ничего нѣтъ легче побѣды надъ самою твердою изъ этихъ женщинъ. Видите, я говорю съ вами безъ презрѣнія, не колко.

— Въ такомъ случаѣ... докончите, скажите все.

— Вы хотите этого? Знайте же, что легко восторжествовать надъ желаніями и любопытствомъ женщины. Это еще ничего. Этого достигаютъ ежедневно люди безъ молодости, безъ красоты, съ небольшимъ только умомъ. Но не быть назавтра сброшену этимъ непокорнымъ скакуномъ, котораго зовутъ *размышленіемъ,* — вотъ что дано не всякому, вотъ что требуетъ нѣкотораго искусства. Вы могли бы нынче же ночью нечаянно получить то, что зовется побѣдою; но также легко могли бы все потерять завтра вечеромъ, а послѣ-завтра вы встрѣтите свою плѣнницу, и она даже не отвѣтитъ вамъ на поклонъ.

— Это развѣ случается? онѣ обыкновенно такъ поступаютъ?

— Ужь таковы права ихъ. Что вы скажете противъ этого? Мы овладѣваемъ ими; мы насилуемъ ихъ мысли, воображеніе, совѣсть; при помощи хитрости и дерзости, вырываемъ у нихъ согласіе, — а имъ бы еще не одумываться въ то время, когда наше желаніе теряетъ свою напряженность и силу, не быть въ состояніи мстить за то, что были игрушками, не отплачивать при первой возможности! Помилуйте! что жь мы за мусульмане, чтобъ отнимать у нихъ разсудокъ и свободу?

— Ваша правда, я начинаю понимать. Но что это за таинственная наука, безъ которой нельзя имъ нравиться дольше дня?

— А! Это наука никогда не нравиться! Великая наука, повѣрьте...

— Откройте жь мнѣ; я хочу узнать ее, сказалъ Орасъ.

Старый маркизъ, съ тайнымъ самодовольствомъ и педантизмомъ тщеславія, насыщеннаго унизительными жертвами и ребяческими интригами полувѣковаго волокитства, началъ широковѣщательно излагать свои планы и ученіе Орасу. Онъ дѣлалъ это съ такою же торжественностью, какъ еслибъ дѣло шло о передачѣ юному адепту знанія глубокаго, тайны важной для будущности человѣчества. Орасъ слушалъ его съ изумленіемъ, и воротился такъ взволнованный и пораженный всѣмъ слышаннымъ, что прохворалъ цѣлую ночь. Онъ упорствовалъ въ своемъ удивленіи къ маркизу; но, противъ воли, имъ овладѣло такое отвращеніе къ описанію этихъ профанацій любви, къ идеѣ этихъ холодныхъ хитростей, что онъ не могъ рѣшиться идти на другой день въ замокъ. Трое сутокъ пробылъ онъ подъ убійственнымъ вліяніемъ этихъ открытій, не вѣря больше ни во что, горько раскаяваясь въ своихъ мученіяхъ, краснѣя то свѣта, въ который бросился такъ пылко, то самого-себя, чувствуя себя столь слабымъ въ искусствѣ лжи, и уже не думая о виконтессѣ, на которую смотрѣлъ теперь сквозь сухіе, отвратительные анализы маркиза, какъ на безобразный трупъ, вышедшій изъ-подъ ножа анатомиста.

Это отсутствіе много облегчило ему путь къ сердцу виконтессы.

Она сплела въ своей головѣ романъ, котораго не хотѣла оставлять на первой главѣ. Въ телескопъ, поставленный на высокомъ крыльцѣ замка, она ясно видѣла нашъ домикъ и окрестные луга. Она разглядѣла Ораса, прогуливавшагося въ нѣкоторомъ разстояніи, на открытомъ мѣстѣ, примыкавшемъ къ краю парка Шальи. Виконтесса отправилась туда гулять будто случайно, встрѣтила его, долго ходила съ нимъ, расточала передъ нимъ всѣ очарованія своего ума, и однакожь не довела его до объясненія. Орасъ былъ такъ пораженъ наставленіями маркиза, такъ испуганъ знаніемъ, которое тотъ сообщилъ ему, что, не смотря на упоеніе тщеславія, въ какое погружали его сантиментальныя упрежденія Леоніи, чувствовалъ въ себѣ силу противиться ей. Онъ поддерживалъ въ себѣ эту силу очень-долго, то-есть недѣли три:—срокъ необъятный для двухъ существъ, желающихъ сблизиться другъ съ другомъ и неудерживаемыхъ никакимъ правственнымъ раздумьемъ. Можетъ-быть, твердость молодаго человѣка оскорбила и оттолкнула бы отъ него виконтессу, еслибъ онъ упорствовалъ долѣе. Но маркизъ де-Вернъ, боявшійся холеры, какъ ни старался показываться покойнымъ, услышавъ, что оказался больной на лѣвомъ берегу рѣки, нашелъ предлогъ въ письмѣ своего банкира, будто бы принуждавшаго его возвратиться въ Парижъ, и уѣхалъ въ тотъ же день. Безъ ментора, Орасъ потерялъ всю свою твердость. Виконтесса, задѣтая за-живое, видя себя любимою, и не могши постичь, откуда неопытный ребенокъ почерпнулъ твердость остановить исканія сначала столь живыя, рѣшилась побѣдить его, и каждый день выдумывала новые соблазны. Сто разъ видѣла она его готовымъ преклониться передъ нею; но вдругъ онъ вырывался, встревоженный, разстроенный, не промолвивъ ни слова о любви. Дѣло не шло дальше симпатіи, дружбы. Виконтесса, середи самой прелестной забывчивости, умѣла во-время принимать видъ хладнокровія и выпутываться изъ ошибки, на которую отваживалась, съ удивительнымъ присутствіемъ духа. Орасъ ясно видѣлъ, что, бросаясь ему даже на шею, она сохраняла всѣ свои преимущества. Напрасно ждалъ онъ, что для нея настанетъ наконецъ невозможность мгновенно приходить въ разсудокъ; что онъ ни дѣлалъ, послѣ трехъ недѣль отчаяннаго кокетства, она не сказала ему ни слова, котораго не могла бы воротить и перетолковать въ противную сторону, при первомъ капризѣ, который пришелъ бы ей въ голову. Эта жалкая борьба страшно мучила его, и однакожь онъ не имѣлъ силы отъ нея освободиться. Онъ забывалъ все: не думалъ уже о возвращеніи въ Парижъ, не смѣлъ извѣстить родителей, что, покинувъ ихъ, остановился на полдорогѣ, и не желая огорчать ихъ такимъ знакомъ равнодушія, оставлялъ ихъ въ жертву безпокойству, не писалъ къ нимъ, и они не знали, что съ нимъ сталось.

Марта, казалось, никогда не существовала для него. Поглощенный одною мыслію, стоически играя роль беззаботнаго въ кружкѣ виконтессы, облекаясь мрачною и странной тайной въ уединенныхъ бесѣдахъ съ нею, и возвращаясь по вечерамъ къ намъ, грустный и молчаливый, онъ былъ терзаемъ тысячью фурій, и продолжалъ, постепенно слабѣя, ученье развратника, на которое осудилъ самъ себя, чтобъ быть похожимъ на маркиза де-Верна.

Долго искавъ слабую сторону въ этой дивной бронѣ, виконтесса нашла наконецъ ее: то было литературное самолюбіе. Она добилась отъ него признанія, что онъ поэтъ, и просила показать ей свои опыты. Орасъ, никогда неписавшій ничего полнаго, очень затудрнился-было удовлетворить ея требованіе; но она обнаружила такой энтузіазмъ къ литературному таланту, что онъ живо пожелалъ отвѣдать ядра этого новаго рода лести, и принялся за дѣло. Мѣсяца съ три не обмакивалъ онъ пера въ чернила, чтобъ склеить пару фразъ, или пару стиховъ. Копаясь въ изгибахъ своего мозга, нашелъ онъ только одно сколько-нибудь живое и полное впечатлѣніе: пропажу Марты и предполагаемое самоубійство. Не надо забывать, что это предположеніе перешло въ несомнѣнность у Ораса, съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ произвелъ эффектъ на двухъ или трехъ человѣкъ, повѣривъ имъ трагическую тайну, будто-бы сокрушившую его душу и разочаровавшую для него жизнь. Предметъ былъ драматиченъ; онъ удачно имъ вдохновился, написалъ довольно-хорошіе стихи и прочелъ ихъ мнѣ съ чувствомъ, придавшимъ имъ нѣкоторую цѣну. Я самъ былъ очень тронутъ. Я не зналъ, что это еще въ первый разъ по прошествіи шести недѣль думалъ онъ о Мартѣ; сердечныхъ дѣлъ своихъ съ виконтессою онъ мнѣ не довѣрялъ; словомъ, я никакъ не подозрѣвалъ, что слезы, текшія у него при этой элегіи, были только репетиція сцены, какую готовилъ онъ себѣ съ Леоніею.

На слѣдующій день совершилось его литературное торжество и — паденіе передъ виконтессою. Онъ прочелъ ей стихи, о которыхъ говорилъ, что они написаны за два года назадъ (не мѣшаетъ замѣтить, что онъ прибавилъ себѣ нѣсколько лѣтъ, чтобъ не показаться слишкомъ-молодымъ въ свѣтѣ; къ-тому же, эта передвинутая двумя годами назадъ горесть придавала ему болѣе-байроновскій видъ). Онъ декламировалъ съ еще бо̀льшимъ искусствомъ, нежели передо мною; рыданія прервали голосъ его на послѣднемъ полустишіи. Виконтесса едва не упала въ обморокъ — такъ усиливалась она заплакать. Наконецъ, къ чести ея, ей удалось побѣдить упорную свою натуру, и она пролила слезы... настоящія слезы. Увы, да! отъ поддѣльнаго волненія такъ же плачутъ, какъ и отъ истиннаго. Это бываетъ ежедневно, — и вотъ новое физіологически-психологическое открытіе, пріобрѣтенное наукою въ девятнадцатомъ вѣкѣ, — открытіе, которому

я долго не вѣрилъ, но которому видѣлъ доказательства явныя, неоспоримыя, поразительныя.

Всего страннѣе въ людяхъ, одаренныхъ этою способностью, что они легко вдаются въ обманъ, встрѣчая подобныя себѣ натуры. Орасъ очень-хорошо зналъ, что плачетъ о Мартѣ, не жалѣя о ней, но не видалъ, что заставилъ плакать виконтессу, не разтрогавъ ея. Когда онъ увидѣлъ эффектъ, на нее произведенный, голова у него закружилась: онъ забылъ всѣ свои намѣренія, всѣ уроки маркиза. Онъ кинулся къ ногамъ Леоніи, и высказалъ ей свою страсть съ величайшимъ краснорѣчіемъ, потому-что былъ въ восторгѣ: всѣ пружины ума его были натянуты. Глаза его были уже влажны, голосъ прерывистъ, волосы растрепаны, губы блѣдны. Виконтесса сочла себя обожаемою, и радость торжества сдѣлала ее прекрасною и молодою на нѣсколько минутъ. Но она была не такая женщина, которая уступила бы хотя днемъ раньше. Употребивъ столько труда, чтобъ вынудить нападеніе, она хотѣла дать почувствовать цѣну своему мнимому пораженію, и продлить величайшее удовольствіе, какое только извѣстно кокеткамъ,—удовольствіе быть умоляемою.

Казалось, вдругъ она сдѣлала надъ собою жестокое усиліе, и, вырвавшись изъ объятій Ораса со всею мимикою ужаса, удивленія и стыда, оставила его простертаго въ будуарѣ, гдѣ разъигралась эта сцена, и поспѣшно заперлась въ своей комнатѣ.

Можетъ быть, она думала, что Орасъ вломится къ ней въ дверь; но у него не доставало ни столько ума, ни столько глупости. Онъ покинулъ замокъ, смертельно уязвленный, полагая себя одурачeннымъ, оскорбленнымъ, пожираемый бѣшенствомъ. Виконтесса не приняла этой раздражительности за неловкость. Она видѣла въ ней свидѣтельство чрезвычайной гордости, и не ошиблась. Она поздравила себя съ открытіемъ, хорошо видя, что надобно было мало-помалу разбить эту гордость, если не хочетъ сама подвергаться тяжкимъ испытаніямъ.

Эта эгоистическая и недобросовѣстная игра длилась еще нѣсколько дней. Орасъ утратилъ всѣ свои выгоды. Онъ не шелъ, его приводили—все именемъ дружбы. Соглашались выслушать его, принудивъ говорить. Его заставляли молчать, когда онъ сказалъ то, что желали услышать. Его подчивали отказами и надеждами. Разъигрывали цѣломудріе братской дружбы, пораженное внезапностью и разстроенное удивленіемъ, безпокойство, нѣжное состраданіе, великодушное и робкое желаніе закрыть рану, по-видимому, невольно нанесенную. Леонія восхищалась; но, запутавшись въ собственныхъ сѣтяхъ, такъ же смѣшно была обманута, какъ вѣроломно лицемѣрила. Она воображала, что борется съ серьёзною любовью, сражается съ угрызеніемъ совѣсти еще свѣжимъ, кровавымъ, торжествуетъ

надъ ужаснымъ прошедшимъ. Бѣдная Марта служила ставкою въ этой игрѣ. Виконтесса думала изгладить ея память, и не подозрѣвала, что все это была выдумка, чтобъ заманить ее въ сѣти. Кто былъ обманутъ, Орасъ или Леонія? Оба они обманывались; и когда пали одинъ передъ другимъ, любовь ихъ, если только они чувствовали пламя, достойное этого прекраснаго имени, была уже истощена утомленіемъ и скукою борьбы.

VIII.

Этотъ день *счастія*, столь памятный и роковой въ жизни Ораса, запечатлѣнъ былъ инымъ образомъ въ памяти Парижанъ. 5 іюня 1832 года разъигралась другая драма на улицахъ Парижа. Ларавиньеръ и Арсенъ участвовали въ ней. Не знаю какъ собственно попалъ туда Ларавиньеръ, предвидѣлъ ли онъ эти происшествія, или бросился въ нихъ случайно, увлеченный общимъ безпорядкомъ; какъ бы то ни было, но могла ли не увлечь его борьба, происходившая передъ его глазами? Арсенъ желалъ смерти, и, видя, что его любезный Жанъ искалъ ее за баррикадами, послѣдовалъ за нимъ и раздѣлилъ съ инсургентами мрачное упоеніе отваги. Когда войска овладѣли Монастыремъ Сен-Мери, Ларавиньеръ, уже израненный, палъ пораженный пулею. —«Я умираю» сказалъ онъ Арсену: «но ты еще можешь спастись; бѣги!» — Никогда, сказалъ Арсенъ, обнимая умирающаго друга:—они убьютъ меня на твоемъ трупѣ.—«А Марта!» отвѣчалъ Ларавиньеръ: «Марта, можетъ-быть, жива еще; у нея ты одинъ на свѣтѣ! Послѣдняя воля умирающаго священна. Завѣщаю тебя Мартѣ, и приказываю спасать жизнь свою для нея. Бѣги!»

Черезъ двѣ минуты, безстрашный Жанъ испустилъ послѣднее дыханіе на рукахъ Арсена. Домъ, послѣднее убѣжище инсургентовъ, былъ захваченъ. Арсенъ былъ одинъ изъ спасшихся на кровлѣ какимъ-то чудомъ. Нѣсколько разъ таясь въ трубахъ, въ слуховыхъ окнахъ, нѣсколько разъ замѣченный и преслѣдуемый, и всякій разъ избавляясь чудеснымъ образомъ, Арсенъ, покрытый ранами, разбитый ушибами при паденіяхъ, чувствуя истощеніе силъ и бодрости, испыталъ послѣднее усиліе спасти жизнь, къ которой едва привязывала его слабая надежда. Надобно было перепрыгнуть съ одной крыши на другую, чтобъ войдти на чердакъ черезъ наклоненное окно, которое видѣлъ онъ въ нѣсколькихъ футахъ разстоянія. Нуженъ былъ одинъ шагъ, одна минута рѣшимости и хладнокровія: но Арсенъ былъ едва живъ; голова у него кружилась, сознаніе терялось; однакожь инстинктъ самосохраненія еще говорилъ въ немъ — Боже мой! думалъ онъ, приближаясь къ разсѣлинѣ между двумя кровлями:—если жизнь моя еще нужна къ чему-нибудь, сохрани ее

если нѣтъ, позволь угаснуть ей скорѣе! И наклонясь впередъ тѣломъ, онъ скорѣе упалъ, чѣмъ прыгнулъ на край противоположной крыши. Потомъ, ползя на колѣняхъ и на локтяхъ, — ноги и руки уже отказались ему служить, — добрался онъ до окна, проломилъ его упершись въ стекла обоими колѣнами, и, равнодушно предавшись великодушію того, кого пугалъ своимъ внезапнымъ появленіемъ въ этомъ бѣдномъ жилищѣ, покатился безъ памяти на полъ коморки. Паденіе заставило его опамятоваться на нѣсколько секундъ. Глаза его видѣли предметы, умъ едва понималъ ихъ, но сердце испытало какое-то радостное біеніе, освѣтившее его лицо въ ту минуту, когда онъ снова лишился чувствъ.

Что жь такое увидѣлъ онъ на этомъ чердакѣ? — Женщину блѣдную, худую, убого-одѣтую, сидящую на кровати, съ новорожденнымъ ребенкомъ на рукахъ, котораго пугливо спрятала она за себя при видѣ человѣка, упавшаго съ кровли къ ногамъ ея. Арсенъ узналъ эту женщину. Въ-теченіи мгновенія, быстраго какъ молнія, но полнаго какъ вѣчность въ его мысли, онъ смотрѣлъ на нее, и, забывая все, что вытерпѣлъ, равно какъ и все, что потерялъ, ощутилъ въ себѣ блаженство, котораго двадцать вѣковъ страданія не могли бы изгладить. Такъ выражалъ онъ въ-послѣдствіи это чудное мгновеніе въ своей жизни.

Марта не узнала его. Сокрушенная страданіемъ, нищетою и горестью, она не могла поддержаться лихорадочнымъ восторгомъ, который вдругъ одушевилъ бы ее и пролилъ бы радость въ отчаянную грудь. Сначала она испугалась, но не долго искала объясненія столь страннаго визита. Весь день, всю прошлую ночь, весь вечеръ наканунѣ прислушиваясь къ зловѣщему шуму, котораго театръ былъ близь ея квартиры, она имѣла одну только мысль: «Орасъ тамъ» говорила она сама себѣ, «и каждый изъ этихъ выстрѣловъ, которые я слышу, можетъ-быть, направленъ въ его грудь». Орасъ часто намекалъ ей, что кинется въ первую битву; она считала его способнымъ рѣшиться на это. Думала она также о Ларавиньерѣ, котораго пылкость и готовность ко всякой борьбѣ была ей извѣстна; но она столько разъ слыхала отъ Арсена отвращеніе къ трагическимъ воспоминаніямъ 1830 года, что никакъ не предполагала его участникомъ въ теперешнемъ возстаніи. Увидѣвъ упадшаго къ ней умирающаго человѣка, она поняла, что это бѣглецъ, побѣжденный; какой-бы партіи онъ ни былъ, она рѣшилась помочь ему. Только поднося лампу къ этому лицу, закопченному порохомъ и замаранному кровью, подумала она объ Арсенѣ, но не повѣрила глазамъ своимъ. Она взяла фартукъ, чтобъ унять кровь и обтереть порохъ, безъ страха и безъ отвращенія: несчастные недоступны такимъ слабостямъ! Она склонилась надъ этой головою помертвѣлой и обезображенной, которую

положила къ себѣ на дрожащія колѣни, и только тогда увѣрилась, что то былъ ея преданный братъ, ея лучшій другъ. Она почла его мертвымъ, и припавъ лицомъ къ этому жолтому лицу, которое еще улыбалось ей сжатымъ ртомъ и закрытыми глазами, нѣсколько разъ цаловала его, и сѣла, не выронивъ ни одной слезы, не испустивъ ни одного стона, погруженная въ нѣмое отчаяніе, близкое къ безчувственности.

Пришедъ нѣсколько въ себя, она искала въ біеніи артерій Арсена какого-нибудь признака жизни. Ей показалось, будто пульсъ его бился; но собственный пульсъ ея былъ такъ напряженъ, что она не могла хорошенько разобрать и увѣриться въ истинѣ. Она пошла-было къ двери кликнуть на помощь кого-нибудь изъ сосѣдей; но вспомнивъ тотчасъ, что изъ этихъ людей, съ которыми еще не была знакома, какой-нибудь злодѣй или трусъ могъ выдать бѣглеца, заперла дверь, воротилась къ Арсену, сложила руки, и громко просила Бога, своего единаго судію, наставить ее, что̀ дѣлать. Потомъ, повинуясь внезапному влеченію, попыталась она приподнять бездыханное тѣло. Дважды падала она подлѣ него, не могши сдвинуть его съ мѣста; потомъ вдругъ, исполненная сверхъестественной силы, подняла его, какъ подняла бы дитя, и положила на свою веревочную постель, подлѣ другаго несчастнаго, настоящаго дитяти, который спалъ тутъ, еще нечувствительный къ страхамъ и терзаніямъ матери.

— Вотъ, сынъ мой, сказала она ему въ помѣшательствѣ: — вотъ какъ начинается твоя жизнь. Вотъ кровь тебѣ вмѣсто крещенія, и трупъ вмѣсто подушки.—Потомъ она разорвала пеленки, чтобъ отереть и перевязать раны Арсена, омыла кровь, запекшуюся на его волосахъ, сжимала пальцами разорванныя жилы, грѣла ему руки своимъ дыханіемъ и горячо молилась Богу изъ глубины скорбной души своей. Больше ничего у ней не было; она не могла ничего больше сдѣлать.

Богъ внялъ ея молитву — Арсенъ пришелъ въ память. Онъ сдѣлалъ жестокое усиліе, чтобъ говорить. — Не безпокойся такъ, сказалъ онъ ей:—если раны мои смертельны, безполезно о нихъ заботиться; если жь не смертельны, что̀ нужды, что я получу помощь нѣсколько позже. Я не чувствую боли; сядь, поди сюда, дай мнѣ только испить немного воды, да оставь мнѣ этотъ платокъ: я самъ остановлю кровь, которая течетъ изъ груди. Положи руку мнѣ на високъ,—другой помощи мнѣ ненужно. Скажи, что я не брежу, потому-что я счастливъ!... Счастливъ? примолвилъ онъ съ ужасомъ, одумываясь, ибо воспоминаніе о Ларавиньерѣ проснулось въ немъ. Но разсудивъ, что Марта и такъ довольно страдаетъ, онъ скрылъ отъ нея ужасъ этой мысли, и замолчалъ. Онъ пилъ воду съ жадностью,

которую тотчасъ подавилъ въ себѣ. Возьми у меня стаканъ, сказалъ онъ ей: — когда раненные напьются, они тотчасъ умираютъ. Я не хочу умереть, Марта; для тебя, мнѣ кажется, я не долженъ умереть.

Однако въ-теченіе всей этой ночи онъ былъ между жизнью и смертью. Мучимый страшной жаждою, онъ имѣлъ твердость воздерживаться. Мартѣ удалось унять кровь. Раны, хоть были и глубоки, однакожь не грозили большою опасностью; но восторгъ, печаль и утомленіе произвели въ немъ горячку; онъ чувствовалъ огонь, пробѣгавшій по жиламъ его. Еслибъ онъ поддался овладѣвавшему имъ жару, непремѣнно умеръ бы, ибо чувствовалъ, что жажда разрушенія, владѣвшая имъ двое сутокъ, обращалась теперь на него самого. Въ этомъ насильственномъ состояніи, онъ сохранялъ однако столько силы, что могъ бороться съ своимъ недугомъ. Душа его не была порабощена. Эта мощная душа, борясь съ разстройствомъ физической жизни, терпѣла жестокое волненіе, но противостояла собственнымъ скорбямъ, и усиліями почти сверхчеловѣческими подавляла горячечные призраки и внушенія отчаянія. Двадцать разъ приподнимался онъ, чтобъ растерзать свои раны, оттолкнуть Марту, которую уже не узнавалъ по временамъ и принималъ за врага, измѣнить тайнѣ своего убѣжища криками ярости, разбить себѣ голову объ стѣну. Тогда-то совершались въ немъ чудеса могучей воли. Духъ его, глубоко-религіозный, сохранялъ даже въ помѣшательствѣ инстинктъ молитвы и надежды, и онъ, сплеснувъ руками, восклицалъ: — Боже мой, что̀ это? гдѣ я? Что происходитъ во мнѣ и внѣ меня? Не-уже-ли ты покинешь меня, Боже? Не-уже-ли не дашь мнѣ по-крайней-мѣрѣ кончины благочестивой и мирной? — То, оборачиваясь къ Мартѣ, онъ говорилъ: — Я человѣкъ, не правда ли? Я не убійца, я не проливалъ невинной крови съ намѣреніемъ! Я не отвергалъ Бога, не потерялъ права призывать Его! Скажи мнѣ, что это точно ты тамъ, Марта! Скажи, что ты надѣешься, что вѣруешь! Молись, Марта, молись за меня и со мною, чтобъ я былъ живъ или чтобъ умеръ какъ человѣкъ, а не какъ собака.

То онъ кидался лицомъ въ изголовье, чтобъ задушить рвавшіеся изъ груди вопли; кусалъ подушки, чтобъ не дать зубамъ раздробиться другъ о друга; и когда предметы принимали въ его глазахъ химерическіе образы, когда Марта преображалась его фантазіею въ страшныя видѣнія, онъ закрывалъ глаза, собирался съ мыслями, принуждалъ грезы уступить разсудку, и, отгоняя рукою призраки, заклиналъ ихъ именемъ вѣры и любви удалиться.

Страшная борьба эта длилась часовъ двѣнадцать. Марта взяла на руки дитя свое, и когда Поль терялъ твердость и прискорбно восклицалъ: «Боже мой, Боже мой, опять ты оставила меня» она протяги-

вала къ Арсену это невинное созданіе, котораго видъ внушалъ ему, казалось, какое-то боязливое почтеніе. Арсенъ не обнаружилъ еще никакой мысли на-счетъ этого ребенка. Онъ видѣлъ его, смотрѣлъ на него покойно, ни о чемъ не спрашивалъ. Но какъ-скоро, противъ воли, вырывался у него стонъ или вздохъ, онъ проворно вскакивалъ посмотрѣть, не разбудилъ ли его. Разъ, послѣ долгаго молчанія и неподвижности, походившихъ на припадокъ, онъ вдругъ сказалъ:— Развѣ онъ умеръ?—Кто? спросила Марта.— *Ребенокъ,* отвѣчалъ онъ: — ребенокъ, который ужь не кричитъ? Надо спрятать ребенка, разбойники торжествуютъ: они убьютъ его. Дай мнѣ ребенка; я спасу его: унесу его на крышу, тамъ они его не найдутъ. Спасемъ ребенка! Все прочее ничто, видишь ты; но ребенокъ вещь святая... Такимъ образомъ, въ припадкѣ безумія, въ которомъ идея долга и преданности не покидала его, повторялъ онъ безпрестанно:— *Ребенокъ,* ребенокъ спасенъ, не правда ли?.. О! не безпокойся о немъ! ужь мы спасемъ его. — Приходя въ память, онъ глядѣлъ на него, и ничего не говорилъ. Наконецъ, волненіе утихло и онъ уснулъ на часъ. Марта, истощенная усталостью, опять положила дитя на постель, подлѣ умирающаго. Сидя на стулѣ, одной рукой обнимала она сына, чтобъ онъ не упалъ, другой поддерживала голову Поля; ея собственная голова лежала на той же подушкѣ, и такимъ образомъ отдыхали эти трое несчастныхъ предъ лицомъ Бога, ихъ единаго прибѣжища, отдѣленные отъ остальнаго человѣчества опасностью, нищетою и смертельнымъ страданіемъ.

Но скоро ихъ разбудилъ глухой шумъ, происходившій вкругъ ихъ. Марта послышала незнакомые голоса, тяжелые и торопливые шаги, отъ которыхъ кровь застыла въ ея жилахъ. Полицейскіе агенты осматривали чердаки, ища бѣглецовъ. Подходили къ ея коморкѣ. Она набросила одѣяло на Арсена, сровняла постель съ платьемъ, которое накрыла простынями, и, положивъ ребенка на самаго Арсена, пошла отворять дверь съ рѣшительностью и твердостью, какія придаетъ крайняя опасность. Обломки рамы ея окошка спрятаны были въ уголъ комнаты; разбитое стекло завѣсила она фартукомъ, чтобъ скрыть поврежденіе. Сострадательная сосѣдка, у которой кончили осмотръ, проводила полицейскихъ до порога Марты.

— Здѣсь, господа̀, сказала она имъ:—нѣтъ никого, кромѣ бѣдной женщины, только-что оправившейся отъ родовъ, и еще очень-больной. Не пугайте ея, господа; она можетъ умереть со страху. — Эта просьба не тронула бы безжалостныхъ людей, къ которымъ она обращалась; но хладнокровіе, съ какимъ встрѣтила ихъ Марта, отняло у нихъ всякое подозрѣніе. Взглядъ, брошенный въ ея комнату, столь тѣсную и пустую, что въ ней нѣгдѣ было утаить спрятаннаго, убѣдилъ ихъ въ безполезности точнѣйшаго осмотра. Они ушли, неза-

мѣтивъ худо-стертыхъ слѣдовъ крови на полу; это было новое чудо къ избавленію Арсена. Старая сосѣдка была добрая и великодушная женщина, помогавшая Мартѣ въ родахъ. Она пособила ей укрыть бѣглеца, взялась приносить ему пищи и кое-какихъ лекарствъ; но не зная ни одного медика, на скромность котораго можно было бы положиться, ограничилась маловажными пособіями, какія могла сама доставить. Марта не смѣла ступить шагу изъ комнаты, боясь, чтобъ не стали опять безъ нея осматривать. Притомъ же, Арсенъ сдѣлался такъ тихъ, что безпокойство прошло, и она надѣялась на скорое его выздоровленіе.

Ожиданіе не сбылось. Слабость продолжалась до того, что въ-теченіи слишкомъ мѣсяца Арсенъ не могъ встать съ постели. Марта все это время спала на связкѣ соломы, которую достала себѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что хотѣла дѣлать тюфякъ. Но ей не на что было купить обшивки. Старая сосѣдка жила въ крайней нищетѣ. Состояніе больнаго и собственная слабость не позволяли Мартѣ работать, еще меньше выходить со двора за работою. Два мѣсяца съ-тѣхъ-поръ, какъ она разсталась съ Орасомъ, рѣшась не быть никому въ тягость, сдѣлавшись матерью, жила она деньгами, выручаемыми съ продажи или залога послѣднихъ вещей; а какъ оправленіе отъ родовъ было продолжительнѣе и болѣзненнѣе, чѣмъ она ожидала, то этотъ слабый источникъ такимъ образомъ изсякъ, и она очутилась въ совершенной нищетѣ. Арсенъ не былъ счастливѣе. Предвидя безпокойства въ Парижѣ, и желая быть свободенъ, онъ отдалъ всѣ небольшія скопленныя деньги сестрамъ, которыхъ отослалъ назадъ въ провинцію. Думая только о смерти, онъ не оставилъ себѣ ничего. Такимъ образомъ, положеніе этихъ двухъ покинутыхъ существъ было ужасно. Оба больны, оба сокрушены горемъ; одинъ прикованъ къ одру болѣзни; другая кормитъ грудью ребенка, питаясь только хлѣбомъ и засыпая на соломѣ, незащищенная даже отъ вѣтра на этомъ чердакѣ, котораго окна не смѣла починить, потому-что смертная тайна связана была съ его поврежденіемъ, и сверхъ-того, не имѣла силъ ступить шагу. Прибавьте къ этимъ препятствіямъ родъ апатіи и нравственнаго безсилія, произведеннаго лишеніями, истощеніемъ, гордымъ характеромъ, одиночествомъ, убивающимъ всѣ способности, и вы поймете, какимъ образомъ, могши прибѣгнуть къ Эжени и ко мнѣ съ нѣкоторою осторожностью и нѣсколько-меньшею гордостью, они въ-теченіи многихъ недѣль допускали себя гибнуть въ неизвѣстности.

Только ребенокъ не слишкомъ страдалъ отъ этой крайности. У матери его было мало молока; но сосѣдка отдѣляла ему молоко отъ своего завтрака, и каждый день выносила его гулять на солнечную сторону набережной aux Fleurs. Парижскому ребенку боль-

ше не нужно, чтобъ рости, какъ растенію хилому, но живучему, среди этихъ влажныхъ стѣнъ, гдѣ жизнь развивается вопреки всему, болѣзненнѣе, нѣжнѣе, и, однакожь, напряженнѣе, чѣмъ на чистомъ воздухѣ полей.

Въ-продолженіе этого жестокаго испытанія, терпѣніе Арсена не измѣнилось ни на минуту; онъ не произнесъ ни одной жалобы, хотя сильно страдалъ—не отъ ранъ, которыя уже не растравлялись и закрывались мало-по-малу безъ опасныхъ признаковъ, но отъ жестокаго раздраженія мозга, которое безпрестанно возобновлялось и причиняло глубокое ослабленіе. Между напряженіемъ и обезсиленіемъ, ему мало было промежутковъ на разговоры съ Мартою. Въ жару, онъ налагалъ на себя рѣшительное молчаніе, и тогда Марта не знала, до какой степени былъ онъ болѣнъ. Въ спокойномъ состояніи онъ умышленно берегъ силы, чтобъ быть въ состояніи бороться съ возобновленіемъ припадка. Слѣдствіемъ этой стоической рѣшимости было выздоровленіе, которое удивляло своею медленностью Марту, потому-что она не понимала жестокости болѣзни, но показалось неизъяснимо-быстрымъ мнѣ, когда въ-послѣдствія услышалъ я отъ Арсена подробности того, что̀ онъ вытерпѣлъ. Бывали минуты, что, не смотря на довѣренность, которую онъ умѣлъ внушить къ себѣ, Марта пугалась равнодушія, съ какимъ, казалось, ожидалъ онъ своего выздоровленія, не желая его. Она думала, что его умственныя способности потерпѣли жестокое пораженіе, и боялась, что полное ихъ употребленіе никогда ему не возвратится. Но между-тѣмъ, какъ она предавалась этой зловѣщей догадкѣ, Арсенъ, полный твердости и рѣшительности, считалъ дни и часы, и, чувствуя медленное ослабленіе припадковъ болѣзни, основательно заключилъ, что ему грозитъ тяжкій возвратъ недуга, по-крайней-мѣрѣ если онъ хоть на время опуститъ бразды своей воли. Поэтому, онъ старался воздерживаться отъ всякаго сильнаго движенія, отъ всякаго дѣтскаго унынія, и какъ-будто не видалъ ужаса положенія, которое дѣлила съ нимъ Марта.

Разъ, лежа съ закрытыми глазами, будто уснувшій, слышитъ онъ, что старая сосѣдка выражаетъ Мартѣ свое участіе по степени своего образованія и чувствованій, добрыхъ, конечно, и человѣческихъ, но ограниченныхъ и грубоватыхъ.—Знаете ли, душа моя, говорила она:—какое несчастіе для васъ быть принужденною принять къ себѣ этого человѣка? Вы и безъ того уже очень прожились, а тутъ принуждены дѣлить съ нимъ бѣдный кусокъ насущнаго хлѣба, который далъ бы вамъ молока для дитяти!

— Какъ-будто я, въ-самомъ-дѣлѣ, не могу подѣлиться, мой добрый другъ! отвѣчала Марта съ горькою усмѣшкою: — но онъ не съѣдаетъ въ день крошки хлѣба съ супомъ. И что̀ за супъ! Капля молока на чашку воды; не понимаю, какъ еще онъ живъ этимъ.

— Такъ эта болѣзнь, пожалуй, вѣкъ не кончится! отвѣчала старуха: — онъ никогда не оправится на этакой діэтѣ. Напрасно вы дѣлаете; вы себя измучите, а его не спасете.

— Скорѣе соглашусь умереть съ нимъ, чѣмъ оставить его, сказала Марта.

— А если уморите ребенка? замѣтила старуха.

— Богъ этого не попуститъ! вскричала испуганная Марта.

— Я не говорю, что это будетъ, отвѣчала старуха ласково: — не говорю и того, что ваше самоотверженіе для этого бѣглеца зашло слишкомъ-далеко. Знаю, чѣмъ мы обязаны ближнему; но ему-то надо бы понять, что онъ избавляется отъ эшафота только за тѣмъ, чтобъ васъ потащить съ собою въ больницу. Бѣдный молодой человѣкъ не знаетъ, сколько онъ вамъ вредитъ. Онъ не видитъ, что если вы будете спать на соломѣ, какъ вы спите, съ открытымъ окномъ назади — то васъ станетъ не на долго. Болѣзнь отнимаетъ у него разсудокъ, это очень понятно; но, еслибъ вы позволили мнѣ поговорить съ нимъ, увѣряю васъ, онъ въ тотъ же бы день рѣшился выбраться вонъ, ка̀къ бы могъ. Послушайте-ка, вѣдь насъ двое, мы можемъ довести его въ больницу; тамъ было бъ ему лучше, чѣмъ здѣсь.

— Въ больницу! вскричала поблѣднѣвъ Марта. — Развѣ вы не слыхали, развѣ не сказывали мнѣ сами, что медикамъ велѣно выдавать раненныхъ, которые попросятъ ихъ помощи, и что всякій больной, принятый въ больницу, выдается на осмотръ полиціи доскою, выставленною надъ его постелью? Доносъ поставленъ въ обязанность людямъ, которыхъ дѣло только помогать страждущимъ, а вы хотите, чтобъ я покинула этого несчастнаго? Нѣтъ, нѣтъ, если свѣтъ сталъ безжалостенъ, то, по-крайней-мѣрѣ, въ сердцѣ бѣдныхъ женщинъ, подъ крышами нашихъ чердаковъ, еще остается капля сострадания и человѣколюбія, — не правда ли, добрая сосѣдка?

— Быть такъ! отвѣчала сосѣдка, утирая слезы угломъ своего фартука: — вы изъ меня дѣлаете, что̀ хотите. Не знаю, откуда вы берете то, что̀ говорите, дитя мое; но вы говорите по Божьей заповѣди и по моему сердцу. Пойду принесу немножко молока съ сахаромъ вашему больному, да и этому драгоцѣнному сокровищу, прибавила она, поцаловавъ ребенка, висѣвшаго у груди матери.

— Нѣтъ, добрый другъ, сказала Марта: — не отнимайте у себя для насъ; вы и то ужь довольно дѣлали. Несправедливо будетъ въ ваши лѣта осуждать себя на лишенія. Мы молоды, у насъ достанетъ силы немного отказать себѣ.

— А если я хочу себѣ отказывать, хочу терпѣть! воскликнула добрая женщина, вспыхнувъ отъ гнѣва: — развѣ вы считаете меня за безжалостную, за скупую? Имѣете ли вы право отвергать меня,

особливо, когда дѣло идетъ о такомъ ангельчикѣ-ребенкѣ, какъ вашъ, и о несчастномъ, котораго поручилъ Господь вашимъ попеченіямъ?

— Хорошо, хорошо, принимаю, отвѣчала Марта, протягивая свои исхудалыя и покрытыя лохмотьями руки, чтобъ обнять старуху. — Принимаю съ радостью. Прійдетъ время — можетъ-быть, оно уже близко,—когда мы заплатимъ вамъ за все добро, которое вы намъ теперь дѣлаете; вѣдь и намъ Богъ возвратитъ силу и свободу!

— Ты правду говоришь, Марта, сказалъ Арсенъ слабымъ голосомъ, съ разстановкою, когда ушла сосѣдка.—Свобода намъ возвратится, и сила прійдетъ опять. Твое состраданіе спасаетъ меня,—настанетъ и моя очередь. Да, Марта, береги свою твердость, какъ я берегу свою въ молчаньѣ и покорности. Мнѣ нужно ея больше, чѣмъ тебѣ, чтобъ видѣть тебя страдающею, и думать безъ содроганія, что не только не могу тебѣ помочь, но еще увеличиваю нищету твою. Въ первые дни, я часто задавалъ себѣ вопросъ, не лучше ли мнѣ выбраться опять на крыши, и пойдти умереть гдѣ-нибудь въ сточной трубѣ, какъ умираетъ бѣдная птица, которой подстрѣлятъ крыло; но я чувствовалъ, по любви къ тебѣ, что перенесу эту болѣзнь, что, желая жить, останусь живъ, и принимая твою помощь, обезпечу этимъ тебѣ свою помощь на будущее время. Видишь ли, Марта, Богъ знаетъ, что̀ дѣлаетъ! Въ гордости ты удалялась и скрывалась отъ меня. Ты лучше хотѣла провести жизнь въ одиночествѣ, въ горѣ, въ нуждѣ, нежели принять мои услуги. Теперь, когда судьба послала меня сюда пользоваться твоими услугами, ты уже будешь не въ состояніи отвергать меня, не будешь въ правѣ отказываться отъ моей помощи. Не предлагаю тебѣ, Марта, ничего, кромѣ сердца и рукъ, потому-что у меня нѣтъ ни золота, ни серебра, ни платья, ни убѣжища, ни покровительства; но сердце мое любитъ тебя, руки мои смогутъ прокормить тебя и это «драгоцѣнное сокровище», какъ зоветъ его сосѣдка.

Говоря это, Поль взялъ дитя и поцаловалъ; это была первая его ласка. До-тѣхъ-поръ, онъ часто держалъ ребенка и укачивалъ на колѣняхъ, чтобъ успокоить мать; каждую ночь нѣсколько разъ убаюкивалъ его на своихъ рукахъ, согрѣвалъ у своей груди; но, ухаживая за нимъ такимъ образомъ, никогда не ласкалъ его. Въ эту минуту слеза нѣжности выкатилась изъ глазъ его на лицо ребенка, и Марта отерла ее своими устами.—Поль! братъ мой! воскликнула она: — если бъ ты могъ любить его, это драгоцѣнное, горькое сокровище!

— Молчи, Марта, не станемъ объ этомъ говорить, отвѣчалъ онъ, отдавая ей сына.—Я еще слишкомъ-слабъ; еще ни слова не сказалъ я тебѣ на-счетъ его. Мы объ этомъ поговоримъ, и надѣюсь, ты будешь мною довольна. Покамѣстъ, потерпимъ еще, если такова воля Божія. Вижу, что ты постишься; вижу, что ты спишь на полу съ

пукомъ соломы подъ головою, и не смѣю даже сказать тебѣ: возьми свою постель, и пусти меня валяться на соломѣ, потому-что при этой мысли ты возмущаешься, и обременяешь меня добротою, которая дѣлаетъ мнѣ много зла и много добра. Я долженъ оставаться тутъ, видѣть твои тягости, быть покоенъ и говорить: *все благо!* Господи! даруй мнѣ до конца эту побѣду!

— Смотри жь, Марта, говорилъ онъ въ другую спокойную минуту, на слѣдующій день: — не забудь, что́ ты дѣлала для меня, и не скажи когда-нибудь, когда я напомню тебѣ про это, что ты совсѣмъ не терпѣла столько, сколько я тебѣ приписываю! Вѣдь я тебя знаю, Марта: ты способна къ такому вѣроломству.

Слабая улыбка освѣтила ихъ уста, и Марта, наклонясь къ нему, напечатлѣла чистый поцалуй на челѣ друга. То была первая ласка, какую она осмѣлилась оказать ему въ-теченіи пяти недѣль, проведенныхъ вмѣстѣ безвыходно. Въ-продолженіи всего этого времени, каждый разъ какъ-только Марта, въ припадкѣ горести и опасенія за его жизнь, подходила поцаловать его будто на прощанье, онъ всегда проворно отталкивалъ ее, говоря съ нѣкоторою досадою: «Оставь меня. Тебѣ хочется меня убить!» Это были единственныя минуты, когда воспоминаніе страсти, казалось, пробуждалось въ немъ. Кромѣ этихъ быстрыхъ и рѣдкихъ движеній, которыя Марта уже научилась не вызывать своимъ братскимъ безпокойствомъ, они не промолвили между собою ни слова, которое намекало бы на ихъ прежнія несчастія. Можно было подумать, что отъ мирной дружбы ихъ дѣтства до дня кровавыхъ сценъ при Монастырѣ Сен-Мери ничего не произошло: — столько у одного было деликатности, чтобъ избѣгать воспоминанія о случившемся въ этотъ промежутокъ времени, столько стыда и тоски чувствовала другая, что не могла заговаривать объ этомъ предметѣ. Только въ этотъ день оба они безъ смущенія подумали о немъ, и оба поняли, что этой мысли пора перестать быть горькою. Поль, не отвергая поцалуя Марты, возвратилъ его ребенку съ еще-бо́льшею нѣжностью, чѣмъ наканунѣ, и примолвилъ съ какою-то меланхолическою веселостью: — Знаешь ли, Марта, вѣдь ребенокъ-то прелестный! Говорятъ, будто малютки безобразны въ этомъ возрастѣ; но кто говоритъ это, тотъ вѣрно никогда ни на одного ребенка не глядѣлъ глазами отца!..

IX.

Съ первыхъ дней прилежнаго посѣщенія за́мка Шальи намекалъ намъ Орасъ о своихъ видахъ на виконтессу и о полученныхъ имъ надеждахъ. Эжени шутила надъ его легковѣріемъ; а я, не находя успѣха несбыточнымъ, не поздравлялъ однакожь его съ этимъ пред-

пріятіемъ. Мало того: я прямо высказалъ ему свое невыгодное мнѣніе о характерѣ Леоніи. Наша манера принимать его довѣренность не понравилась ему, и онъ давно уже не говорилъ съ нами откровенно, какъ вдругъ настолъ день его побѣды, преисполнившій его гордостью, которой не могъ онъ скрыть. Ужиная въ этотъ день съ нами, онъ не могъ удержаться, чтобъ не толковать въ разговорѣ кстати и некстати о величавыхъ прелестяхъ, высокомъ умѣ, отборномъ тактѣ, о всѣхъ очарованіяхъ, какимъ хотѣлъ насъ заставить удивляться въ виконтессѣ. Эжени, которая на нее шила и видала съизнанки красоту ея, изящныя манеры и великій умъ, упорно отказывалась раздѣлять такой энтузіазмъ, и объявляла эту женщину надменною въ дружбѣ, сухою и язвительною въ покровительствѣ. Воспоминаніе о Мартѣ, негодованіе, которое втайнѣ чувствовала Эжени, видя ее такъ легко забытою, придали нѣсколько горечи этимъ противорѣчіямъ. Орасъ увлекся и началъ обходиться съ нею, какъ съ болтуньей, забывающей почтеніе, какимъ обязана виконтессѣ де-Шальи. Онъ даже сказалъ ей, что она не можетъ понимать прелестей женщины такого состоянія и такихъ достоинствъ.— Любезный Орасъ, отвѣчала ему Эжени съ величайшею кротостью: — не сержусь за то, что̀ вы говорите. Я никогда и не думала состязаться съ кѣмъ бы то ни было о вашемъ добромъ мнѣніи. Если, откровенно высказывая вамъ свое мнѣніе, я васъ оскорбила, пусть извинитъ меня участіе, которое беру въ васъ и опасеніе видѣть васъ мучимымъ и унижаемымъ этой прекрасною дамою, которая проводила много людей столько жь какъ и вы образованныхъ, и которая даже хвалится этимъ передъ своими швеями; это, по-моему, нехорошо и неприлично.

Орасъ выходилъ изъ себя. Я старался успокоить его, подтверждая истину словъ Эжени, и прося его въ послѣдній разъ хорошенько подумать, прежде чѣмъ онъ подвергнется насмѣшкамъ виконтессы. Тогда-то, уязвленный этой мыслью, и не могши долго воздерживаться, онъ принудилъ насъ замолчать, объявивъ въ очень-ясныхъ выраженіяхъ, что уже не рискуетъ быть со стыдомъ отвергнутъ, и что если виконтессѣ вздумалось бы считать его въ числѣ жертвъ своихъ, то онъ также могъ бы надѣть ея цвѣтъ на пуговицы своего платья.

— Вы бы этого не сдѣлали, хладнокровно возразила Эжени:—честный человѣкъ не хвастается своими любовными успѣхами.

Орасъ закусилъ губы; потомъ, подумавъ съ минуту, сказалъ:

— Честный человѣкъ не хвастается своими успѣхами, если можетъ ими гордиться; но иногда обвиняетъ себя, когда бываетъ принужденъ за нихъ краснѣть. Это я сдѣлалъ бы, будьте увѣрены, съ женщиною, которая довела бъ меня до крайности.

— Не такова система друга вашего, маркиза де-Верна, отвѣчалъ я.

— Система маркиза (а это человѣкъ, который разумѣетъ больше насъ съ вами въ подобныхъ дѣлахъ) состоитъ въ томъ, чтобъ не допускать никогда шутить собою. Употребляя тѣ же средства, я вовсе не хочу дѣлаться его подражателемъ. У всякаго свои средства.

— Не знаю, что̀ думаетъ на этотъ счетъ маркизъ де-Вернъ, сказала Эжени:—но что̀ касается до меня, я очень увѣрена въ томъ, что̀ подумали бъ вы въ подобномъ случаѣ.

— Что жь это такое? спросилъ Орасъ.

— Вотъ что̀, отвѣчала она.—Вы взвѣсили бы, въ духѣ разсудка и справедливости, тѣ непріятности, какія вамъ сдѣланы, и тѣ, какія вы хотѣли бы сдѣлать. Вы сравнили бы обиду, какую можетъ нанести вамъ женщина, хвастаясь, что васъ отвергла, и обиду, какую неминуемо нанесли бъ ей вы, хвастаясь побѣдою надъ ней; и вы увидѣли бы, что это значитъ мстить оскорбленіемъ за... много-много смѣшную роль. Свѣтъ—да, я увѣрена, большой свѣтъ такъ же, какъ и народное мнѣніе, уважаетъ женщину, уважаемую своимъ любовникомъ, и презираетъ ту, которую любовникъ презираетъ. Ей ставятъ въ преступленіе ошибочный выборъ, и, надо признаться, въ этомъ отношеніи женщины очень-жалки, потому-что самыя ловкія изъ нихъ подвержены еще опасности быть опозоренными мужчиною, который наканунѣ умолялъ ихъ. Не правда ли, Орасъ? Полноте улыбаться и отвѣчайте. Чтобъ быть выслушану даже самою виконтессою, которая едва-ли очень жестока, развѣ не были вы обязаны нѣсколько времени быть внимательными, покорными? Развѣ не должны вы были показывать любовь хоть притворную? Признайтесь!

— Эжени, милая, возразилъ Орасъ, полу-смущенный, полу-довольный тѣмъ, что̀ принималъ онъ за косвенное вывѣдываніе: — вы дѣлаете очень-нескромные вопросы; я не обязанъ вамъ отдавать отчетъ въ томъ, что̀ могло или могло бы происходить между нами съ виконтессою.

— Я предлагаю вамъ только такіе вопросы, на которые вы можете отвѣчать, не компрометтируя никого; дѣло идетъ только о правилахъ. Вѣдь вы не стали бы ухаживать за женщиною, которая отдалась бы вамъ безъ сопротивленія?

— Разумѣется; я не понимаю, ка̀къ можно волочиться за другими женщинами, кромѣ тѣхъ, которыя защищаются, и которыхъ завоеваніе бываетъ опасно и трудно.

— Зна́ю вашу гордость на этотъ счетъ, и говорю, что въ такомъ случаѣ вы никогда не имѣете права измѣнить ни одной женщинѣ, потому-что не овладѣете ни одной, которой вы не клялись бы ува-

женіемъ, преданностью и скромностью. Оставить ее послѣ этого было бы низостью и вѣроломствомъ.

— Милая моя, возразилъ Орасъ:—знаю, что вы учились преніямъ въ залѣ Тебу; знаю, слѣдовательно, что всѣ ваши заключенія будутъ всегда въ пользу женскихъ правъ. Но какъ бы ни были утонченны ваши доказательства, я вамъ отвѣчу, что никогда не соглашусь на это владычество, которое должны присвоивать себѣ женщины, по вашему мнѣнію. Я не нахожу справедливымъ, чтобъ вы имѣли право ославлять насъ дураками, безумцами или рабами, а мы не могли бъ и требовать равенства. Кàкъ это можно! кокетка привлекла бы меня къ своимъ ногамъ, дразнила бы меня цѣлыя недѣли, восторжествовала бы надъ моимъ благоразуміемъ, наконецъ, въ замѣнъ своей побѣды дала бы мнѣ надъ собою власть мужа и любовника; а потомъ, на другой день, начала бы ту же исторію съ другимъ, и отдѣлалась бы отъ меня, говоря моему преемнику, своимъ пріятелямъ, своимъ горничнымъ: «Видите ли этого болвана? онъ надоѣлъ мнѣ «своею любовью; но я указала ему его мѣсто, унизила его самолю-«біе.» Это было бы какъ-то жостко, и, право, я не расположенъ позволять такъ играть собою. Я нахожу, что смѣшная роль такъ же тяжела, какъ и всякій другой позоръ. Во Франціи теперь это даже хуже всего; и женщина, которая наложитъ на меня этотъ позоръ, должна быть готова къ отмщенію, котораго всю жизнь не забудетъ. Вѣдь въ такихъ кодексахъ господствуетъ право возмездія.

— Если вы считаете это право справедливымъ и человѣчнымъ, отвѣчала Эжени: — мнѣ нѐчего больше говорить. Значитъ, вы одобряете всѣ варварскіе обычаи, которыми, я полагала, сердце ваше гнушается. По-крайней-мѣрѣ, вы утверждали это, какъ я слышала, и думала-было, что въ дѣйствіяхъ личнаго поведенія, гдѣ всѣ мы можемъ поправлять неразумность и жестокость принятыхъ правилъ, въ отношеніяхъ вашихъ къ мнѣнію, напримѣръ, вы поступали бы великодушнѣе и благороднѣе, нежели какъ теперь хотите поступать. Но, прибавила она, вставая изъ-за стола: — надѣюсь, что все это только слова, и что на дѣлѣ ваши поступки будутъ лучше словъ.

Не смотря на упрямство Ораса, благородныя чувствованія Эжени сдѣлали на него сильное впечатлѣніе. Когда она вышла, онъ сказалъ мнѣ съ великодушнымъ порывомъ:

— Твоя Эжени превосходное созданіе, и кажется, если у ней нѣтъ столько ума, за то больше идей, чѣмъ у моей виконтессы.

— Такъ она рѣшительно *твоя*, мой бѣдный Орасъ? сказалъ я, взявъ его за руку.—Ну! признаюсь, это меня не-на-шутку огорчаетъ.

— Почему жь огорчаетъ? воскликнулъ онъ съ гордою усмѣшкою. —Право, ты и Эжени удивительные люди съ вашими сострадатель-

ными комплиментами! Чего добраго! Скажутъ, пожалуй, что я несчастнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ, отъ того-что владѣю прелестнѣйшею женщиной. Не знаю, совершенная ль она героиня романа въ вашемъ вкусѣ; но для меня, котораго требованія скромнѣе, это завоеваніе прекрасное, любовница восхитительная.

— Ты любишь ее? спросилъ я.

— Богъ-знаетъ, отвѣчалъ онъ вѣтрено. —Ты разспрашиваешь меня слишкомъ-обстоятельно. Я любилъ, и, кажется, любилъ первый и послѣдній разъ въ жизни. Теперь, я могу искать въ женщинахъ только развлеченія отъ скуки, пробужденія сердцу навсегда потухшему. Я пускаюсь въ любовь, какъ пускаются на войну, съ оченьмалымъ чувствомъ человѣколюбія, безъ всякой идеи добродѣтели, съ большимъ честолюбіемъ и значительнымъ количествомъ самолюбія. Признаюсь, эта побѣда льститъ моему тщеславію, потому-что стоила мнѣ много времени и труда. Что̀ ты находишь тутъ дурнаго? Что̀ за педантство? Или ты забылъ, что мнѣ двадцать лѣтъ и что, если чувства мои умерли, то страсти еще въ полной силѣ?

— То дурнаго, что все это кажется мнѣ ложнымъ и придуманнымъ, отвѣчалъ я. — Говорю тебѣ отъ чистаго сердца, Орасъ, безъ всякой пощады для тщеславія, къ которому ты прибѣгаешь, и которое кажется мнѣ чувствомъ слишкомъ для тебя мелкимъ. Нѣтъ, высокое чувство любви не умерло въ груди твоей. Думаю даже, что оно еще и не развивалось, что ты не любилъ еще до-сихъ-поръ. Думаю, что благородныя страсти, долго подавляемыя невѣдѣніемъ и самолюбіемъ, кипятъ въ тебѣ и сдѣлаются твоимъ мученіемъ, если не будутъ твоимъ счастіемъ. Любезный Орасъ, ты не былъ и быть не можешь Дон-Хуаномъ, котораго описываетъ Гофманъ, ещё меньше байроновскимъ героемъ. Эти поэтическія созданія слишкомъ-много занимаютъ твою голову, и ты насилуешь себя, желая осуществить ихъ въ своей жизни. Но ты юнѣе и могучѣе этихъ призраковъ. Ты не сокрушенъ потерею первой любви,—она была только несчастный опытъ. Берегись, чтобъ вторая, на зло вѣтренности, съ какою ты въ нее пускаешься, не была серьёзною и роковою въ твоей жизни.

— Что̀ жь, если и такъ? отвѣчалъ Орасъ, котораго гордости понравились мои предположенія:—очень радъ! Леонія можетъ внушить истинную страсть, потому-что сама ее чувствуетъ, — въ этомъ я не могу сомнѣваться. Да, Теофиль, я любимъ пламенно, и эта женщина готова для меня на величайшія пожертвованія, на величайшія безумства. Можетъ-быть, любовь ея пробудитъ мою, и мы вмѣстѣ будемъ наслаждаться страстными днями. Только этого требую я отъ судьбы, чтобъ выйдти изъ ненавистнаго оцѣпенѣнія, въ которое недавно погруженъ былъ.

— Орасъ! воскликнулъ я:—она тебя не любитъ. Она никогда ни-

чего не любила, и никогда не будетъ никого любить; она не любитъ собственныхъ дѣтей своихъ.

— Что̀ за нелѣпости, что̀ за педагогія! отвѣчалъ онъ съ досадою. —Очень радъ, что она ничего не любитъ, и отдаетъ мнѣ сердце еще дѣвственное. Это больше, чѣмъ я надѣялся, и слова твои приводятъ меня въ восторгъ вмѣсто того, чтобъ охладить. Да Боже мой! ты принимаешь меня за ребенка. Не-уже-ли ты думаешь, что я могу обманывать себя ею, что я не чувствовалъ сегодня ея восторговъ? О! какъ ея упоеніе было отлично отъ тихой забывчивости Марты! Но Леонія! это женщина, это демонъ!

— Просто комедіантка, возразилъ я печально. —Горе тебѣ, когда ты воротишься съ нею за кулисы!

Еслибъ виконтесса имѣла въ эту минуту подлѣ себя истиннаго друга, онъ сказалъ бы ей то же самое объ Орасѣ, что̀ я говорилъ о ней Орасу; но, предавшись неодолимому желанію быть любимой со всѣмъ романтическимъ бѣшенствомъ, какое находила она въ книгахъ и какого еще не обнаруживалъ ни одинъ мужчина ея касты, она приняла бы добрый совѣтъ не лучше того, ка̀къ Орасъ принималъ мои увѣщанія. Она отдалась ему, думая внушить къ себѣ сильную страсть, и увлекаясь только тщеславіемъ и любопытствомъ.

Я, съ своей стороны, никогда не понималъ, какимъ образомъ женщина столь проницательная, рано наученная уроками маркиза де-Верна коварствовать съ мужчинами и быть прозорливою, могла обмануться на-счетъ Ораса, какъ обманулась виконтесса. Она льстилась найдти въ немъ романическую преданность, которой не могло бы ничто поколебать, удивленіе, которое не разсматривало бы слишкомъ-вблизи, скромность, которая всегда считала бы за честь обладаніе такою, какъ она, женщиною. Она очень обманывалась; Орасъ, упоенный на нѣсколько дней, скоро долженъ былъ, руководимый въ своей неопытности выгодами самолюбія, вступить въ борьбу съ самолюбіемъ Леоніи. Не могу объяснить себѣ ошибки этой женщины иначе, какъ только вспомнивъ, что она пустилась въ область совершенно ей незнакомую, выбирая себѣ предметъ любви въ мѣщанскомъ классѣ. Аристократическіе предразсудки были ей чужды. Она составила себѣ идеалъ умственнаго превосходства и воображала его въ незнатномъ состояніи, чтобъ придать ему больше странности, таинственности, поэзіи. Не надо забывать, что воображеніе было у ней столько же живо, сколько холодно сердце. Наскучивъ всѣмъ, что̀ было ей извѣстно, и зная впередъ наизустъ всѣ фразы, которыхъ первые склады лепетали ея благородные обожатели, она нашла въ оригинальной дикости Ораса новость, которой жаждала. Но, угадывая достоинство человѣка незнатнаго, она не предвидѣла недостатковъ человѣка несвѣтскаго, лишеннаго *умѣнья жить*, ка̀къ очень

вѣрно выражался старый маркизъ. Въ обществѣ, чуждомъ нравственныхъ началъ, честь, замѣняющая ихъ, и воспитаніе, заставляющее хоть притворяться нравственнымъ, суть выгоды больше дѣйствительныя, нежели обыкновенно думаютъ.

Орасъ чувствовалъ превосходство такъ-называемаго хорошаго общества. Страстно любя все, что̀ могло его возвышать и отличать, онъ захотѣлъ привить это себѣ. Но если и успѣвалъ въ мелочахъ, то не имѣлъ никакой удачи въ вещахъ поважнѣе. Природа и привычка побѣждались тамъ, гдѣ этикетъ требовалъ однихъ легкихъ пожертвованій; гдѣ же предписывалъ жертвовать тщеславіемъ, тамъ былъ безсиленъ; и грубоватое самолюбіе, не совсѣмъ умѣстная увѣренность, нѣсколько-жосткая личность *разночинца* брали верхъ. Виконтесса желала-было совершенно-противнаго. Ей нравилась умная и граціозная неловкость Ораса; она увидѣла, что онъ теряетъ ее слишкомъ-скоро. Она надѣялась съ его стороны великаго самоотверженія, любовнаго героизма, но не нашла ни малѣйшихъ къ тому порывовъ.

Впрочемъ, какъ сердце молодаго человѣка только заблуждалось, то въ первые дни онъ чувствовалъ истинную признательность къ виконтессѣ. Онъ краснорѣчиво выразилъ ей свои чувства, и она сочла себя наконецъ обожаемою. Было уже нѣчто спокойное въ томъ, ка̀къ принялъ Орасъ прошлую жизнь своей новой любовницы: безъ недовѣрчивости, безъ любопытства, безъ волненія. Она говорила ему, что онъ первый мужчина, котораго она любила, и говорила правду, въ томъ смыслѣ, что онъ былъ первый мужчина, котораго любила она такимъ образомъ. Орасъ не поколебался повѣрить ей на̀-слово. Онъ безъ труда допустилъ мысль, что ни одинъ мужчина не могъ заслужить такую любовь, какую онъ внушалъ; что̀ же касается до небольшихъ погрѣшностей, которыхъ жизнь Леоніи, какъ было ему извѣстно, не чужда была, онъ такъ мало объ нихъ заботился, что не сдѣлалъ ей на этотъ счетъ ни одного нескромнаго вопроса. Съ ней онъ не зналъ ревности за прошедшее,—чувства, обратившаго въ ужасную муку любовь его къ Мартѣ. Съ одной стороны, его понятія о достоинствѣ женщинъ много измѣнились въ обществѣ виконтессы и въ школѣ стараго маркиза. Онъ искалъ уже не мѣщанской невинности, которая долго была его идеаломъ, а ловкой и любезной простоты модной женщины. Съ другой стороны, его не унижали предшественники его у виконтессы, тогда какъ въ сердцѣ Марты наслѣдовалъ онъ Пуассону, содержателю кафѐ, и, по его догадкамъ, Полю-Арсену, слугѣ кофейнаго дома. У Леоніи предшественники его были, разумѣется, знатные господа̀, герцоги, князья, можетъ-быть; а такой блестящій авангардъ казался ему свитой, которой нѐчего было краснѣть. Бѣдная Марта была мучима подозрительною гордостью Ораса за то, что приняла съ крото-

стью и раскаяніемъ упрекъ въ одномъ заблужденіи: великолѣпная виконтесса, готовая похвастаться длинною цѣпью проступковъ, была уважаема, благодаря той же гордости.

Будучи спрашиваема, подобно Мартѣ, виконтесса не удостоила бы его отвѣтовъ; если же бы отвѣчала, то не скрыла бы ни одного изъ своихъ дѣлъ. Она не была лицемѣркою по системѣ; напротивъ, даже отличалась въ этомъ отношеніи какимъ-то вольтеровскимъ цинизмомъ, который явно противорѣчилъ ея лицемѣрству по чувству. Она не имѣла претензіи быть добродѣтельною женщиной: она хотѣла быть юною, пламенною, открытою страстямъ, которыя бы умѣлъ ей внушить кто-нибудь. Она какъ-бы предлагала себя всѣмъ желаніямъ, заставляя себя уважать словами: «я не могу любить»; позволяя на себя нападать другими словами, которыя прибавляла нѣкоторымъ мужчинамъ: «я хотѣла бы любить».

Когда Орасъ сдѣлался ея любовникомъ, онъ и она были почти одни въ замкѣ де-Шальи. Графъ Мельерè уѣхалъ. Привычные поклонники разсѣялись. Однихъ холера напугала, другимъ она же принесла драгоцѣнныя наслѣдства, или чувствительныя потери. Впрочемъ, эпидемія удалялась изъ нашихъ краевъ, а виконтесса не сзывала къ себѣ двора своего. Поглощенная новою любовью и, можетъ-быть, затрудняясь возможностью скрыть ее отъ пріятелей, она избѣгала всякихъ посѣщеній, отвѣчая на всѣ письма, что сбирается воротиться въ Парижъ. Однако проходили недѣли, и Орасъ тайно (даже для него ужь слишкомъ-тайно) торжествовалъ надъ отсутствіемъ соперниковъ.

Не смотря на видимую обыкновенную непринужденность свою, виконтесса требовала отъ Ораса глубочайшей тайны относительно свекрови и дѣтей. Благодаря искусству Леоніи хранить тайну, еще больше, чѣмъ принятымъ предосторожностямъ, секретъ этой связи не обнаружился. Нравъ Леоніи, рѣчи ея, требованія, умалчиванія, недоговорки, вся эта смѣсь прямоты и лживости, сдѣлали изъ ея жизни, по наружности, нѣчто загадочное, что̀ счастливые любовники обыкновенно старались открывать, для усиленія своей славы, а любовники отверженные уважали, чтобъ смягчить стыдъ своего положенія. Орасъ прослылъ за лишняго короткаго человѣка, за одного изъ тѣхъ частыхъ посѣтителей, о которыхъ говорили: «Всѣ они счастливы», то-есть ни одинъ не счастливъ; «всѣ равно въ милости», то-есть держатся на приличномъ разстояніи. Орасъ не такъ установилъ бы свою роль, еслибъ дали ему на выборъ; главнымъ чувствомъ его въ связи съ Леоніею было желаніе подавить всѣхъ соперниковъ хоть по виду, если не на дѣлѣ, и заставить говорить о себѣ: «вотъ ея любимецъ; никого другаго она не хочетъ слушать». Поэтому, онъ скоро сталъ страдать отъ безвѣстности своего счастія и не-

достаточной гласности своей побѣды. Онъ утѣшался въ этомъ, повѣряя за тайну свою побѣду не только мнѣ, но и другимъ людямъ, съ которыми не былъ такъ знакомъ, чтобъ могъ говорить съ ними откровенно, и которые, считая его хвастуномъ, не вѣрили его успѣху.

Эта нескромность обратилась къ стыду Ораса и къ возвеличенію виконтессы, которая узнала ее и опровергла, сказавъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ и ангельскою кротостью, что это невозможно, потому-что Орасъ благородный человѣкъ, неспособный выдумывать и разглашать ложь. Но, увидѣвшись наединѣ съ нимъ, она дала ему почувствовать ошибку съ такою безжалостною пощадою, съ такою язвительною добротою, что онъ принужденъ былъ, задыхаясь отъ бѣшенства, пуститься передъ нею въ запирательства и ложь, чтобъ возвратить довѣренность къ себѣ и уваженіе. Но и довѣренность и уваженіе были уже навсегда потеряны. Любопытство Леоніи было удовлетворено; тщеславіе ея насытилось напыщенными похвалами, какія расточалъ ей Орасъ, вмѣсто восторга въ своихъ объясненіяхъ, вмѣсто страсти въ своихъ посланіяхъ стихотворныхъ и прозаическихъ. Онъ исчерпалъ для нея весь свой оглушительный словарь модной любви; пресытилъ ее горячечными эпитетами; письма его пестрѣли восклицательными знаками. Леонія была удовлетворена. Какъ умной женщинѣ, ей скоро надоѣла вся эта поэтическая безвкусица. Проницательная дипломатка, она скоро догадалась, что эта любовь только выраженіемъ отлична была отъ той, какую она знала уже, и что не стоило труда выставлять себя свѣту предметомъ смѣшныхъ замѣчаній на-счетъ любви, не менѣе смѣшной. Черезъ мѣсяцъ такого испытанія, становясь съ каждымъ днемъ холоднѣе и печальнѣе, Леонія рѣшилась постепенно развязаться съ этой интригою, чтобъ, въ ожиданіи лучшаго, возвратиться къ графу Мельерѐ, человѣку отличнаго тона.

Виконтесса, нестыдившаяся своихъ ошибокъ, очень часто стыдилась тѣхъ, кто вовлекалъ ее въ ошибки; и отъ-того, исповѣдуясь иногда очень-чистосердечно, никогда не промолвливалась ни однимъ именемъ. Этотъ стыдъ начала она питать съ-тѣхъ-поръ, какъ сдѣлалась добычею стараго маркиза. Она удержала съ нимъ только дочернія отношенія, но не нашла въ другихъ своихъ связяхъ ничего, чѣмъ можно было бы столько гордиться, чтобъ изгладить эту язву и смыть это пятно въ собственныхъ глазахъ. Она хранила ненависть и глубокое презрѣніе къ мужчинамъ, которыхъ не любила, или перестала любить; даже къ тѣмъ, кого любила, питала постоянную недовѣрчивость. Никогда не подтверждала она ихъ власти надъ собою признаніями друзьямъ своимъ (исключая маркиза, которому почти все сказывала), еще меньше рѣзкими поступками. Вообще, ей благопріятствовала деликатность ихъ поступковъ и холодность разрыва, по-

тому-что они были свѣтскіе люди, равно неспособные ни къ сожалѣнію, ни къ мщенію. Орасъ, для котораго ей должно было измѣнить своему благоразумію, Орасъ, котораго почитала она столь чистымъ, столь страстнымъ, столь наивнымъ, Орасъ, котораго она не остерегалась,—показался ей презрѣннѣйшимъ изъ всѣхъ, когда онъ захотѣлъ прослыть ея любовникомъ въ глазахъ другихъ. Это до такой степени возмутило ее, что она поклялась не только отдѣлаться какъ-можно-скорѣе, но еще отмстить, не оставивъ за собою никакихъ слѣдовъ своей къ нему снисходительности. «Ты будешь нака-«занъ тѣмъ же, чѣмъ согрѣшилъ» говорила она въ уязвленной душѣ: «ты хотѣлъ прослыть моимъ любовникомъ, а я при первомъ слу-«чаѣ выдамъ тебя за моего шута. Твое хвастовство падетъ тебѣ же «на голову; и тамъ, гдѣ ты сѣялъ тщеславіе, соберешь только стыдъ «и позоръ.»

Орасъ предчувствовалъ это мщеніе, и между ними завязалась новая борьба уже не о взаимномъ господствѣ, а о взаимномъ уничтоженіи.

X.

Между-тѣмъ, мы совершенно ничего не знали о судьбѣ трехъ особъ, внушавшихъ намъ наиболѣе участія: Марты, которую мы уже привыкли считать всегда для насъ потерянною; Ларавиньера, котораго друзья искали и не могли нигдѣ найдти, и Арсена, который обѣщалъ къ намъ писать и о которомъ мы также не имѣли извѣстія, какъ и о двухъ первыхъ. Жанъ рѣшительно пропалъ. Полагали, что онъ убитъ при Монастырѣ Сен-Мери. Отважнѣйшіе изъ бузенготовъ слѣдовали за нимъ весь день 5-го іюня; но ночью разошлись искать оружія, запасовъ и подкрѣпленія. Утромъ 6-го іюня имъ было нельзя соединиться съ инсургентами, которыхъ солдаты осадили въ ихъ послѣднемъ убѣжищѣ. Не стану утверждать, упорно ли они добивались этого соединенія; но знаю, что многіе на него покушались, и что, по взятіи дома, гдѣ заперся-было ихъ начальникъ, они воспользовались смятеніемъ и искали его, чтобъ помочь его бѣгству, или по-крайней-мѣрѣ поднять его трупъ. Но и въ этомъ не успѣли. Лувè нашелъ только его шапку, по которой нельзя было рѣшить, находится ли онъ въ числѣ плѣнныхъ. Учрежденіе суда надъ захваченными также не дало никакого извѣстія: имени Ларавиньера не поминалось въ спискѣ подсудимыхъ. Товарищи оплакивали его, и собрались почтить его память рѣчами и погребальными пѣснями, которыя одинъ изъ нихъ сочинилъ, а другой положилъ на музыку.

Они писали при этомъ случаѣ ко мнѣ, спрашивая, не слыхалъ ли я чего о Поль-Арсенѣ, и-такимъ-то образомъ узналъ я, что и онъ ис-

чемъ. Я написалъ къ его сестрамъ, которыя знали не больше моего. Луиза отвѣчала намъ плачевнымъ письмомъ, гдѣ довольно-замысловато выражала свою небезкорыстную любовь къ брату. Она оканчивала словами: «Мы лишились нашей единственной опоры, и теперь «принуждены работать безъ отдыха, чтобъ не дойдти до нищеты.»

Но пока мы предавались этимъ безпокойствамъ, въ которыхъ Орасъ почти не думалъ принимать участія, хоть и изъявлялъ искреннее сожалѣніе о Жанѣ и Полѣ, когда ему о нихъ напоминали, Поль выздоравливалъ на безвѣстномъ чердакѣ бѣдной Марты. Она уже начала выходить, и увѣрилась, что тишина водворилась наконецъ въ кварталѣ. Хотя сосѣди ея по коморкамъ и подозрѣвали скрывавшагося у нея бѣглеца, тайна была однакожъ свято хранима, и полиція не наблюдала за ея поступками. Впрочемъ, Арсену необходимо было, какъ-скоро будетъ въ силахъ выходить, перемѣнить квартиру и удалиться изъ мѣста, гдѣ лицо его навѣрное было замѣчено за баррикадами и въ осажденномъ домѣ. Ему нельзя было трехъ разъ сряду показаться въ сосѣднихъ улицахъ, чтобъ не подвергнуться замѣчаніямъ, произносимымъ вслухъ недоброжелательными или недогадливыми свидѣтелями, которыхъ могла подслушать полиція. Потому онъ рѣшился поселиться на другомъ краю Парижа. Затрудненіе состояло не въ выходѣ изъ убѣжища: онъ началъ уже ходить, и, осторожно сошедши вечеромъ, легко могъ бы пробраться, не будучи замѣченъ. Но онъ не смѣлъ оставить Марту въ нищетѣ, на жертву хозяину дома, которому нѣчѣмъ было платить ей, и который, осматривая квартиры, навѣрное замѣтилъ бы разломанное окошко: раздраженный кредиторъ предалъ бы, можетъ-быть, Марту преслѣдованіямъ полиціи. Но какъ, оставшись сложа-руки, Поль не отвратилъ бы опасности, то онъ рѣшился выйдти изъ дому до наступленія срока платежа, и ввѣрился Лувè, который тотчасъ посадилъ его въ фіакръ, помѣстилъ въ Белльвилѣ и отнесъ старой сосѣдкѣ деньги, сколько нужно было, чтобъ вывести Марту изъ затруднительнаго положенія. Потомъ отъискали мастероваго, на скромность котораго можно было полагаться; велѣли ему тихонько починить окно; и Лувè привелъ Марту съ ребенкомъ и сосѣдку, нехотѣвшую уже съ ними разставаться, въ бѣдную квартиру, гдѣ помѣстилъ Арсена подъ своимъ именемъ, давъ ему собственный паспортъ. Поль тужилъ, что не могъ отслужить ему за одолженія, которыя тотъ дѣлалъ съ такою готовностью, но принужденъ былъ принимать ихъ для Марты. Лувé не далъ ему времени просить о нихъ; дорóгою обѣщалъ онъ сохранить все въ тайнѣ, и соблюлъ тайну такъ свято, что эта перемѣна положенія оставила меня въ прежней неизвѣстности на-счетъ Марты и Арсена.

Едва успѣвъ поселиться въ Белльвилѣ, Поль сталъ искать работы;

но былъ еще такъ слабъ, что не могъ переносить усталости, и получилъ отказъ. Онъ отдохнулъ два-три дня, ободрился, и нанялся въ работники къ одному мостовщику. Арсену нѣкогда было терять времени, нѣчего было выбирать. Средства пропитанія готовы были пресѣчься. Онъ ничего не смыслилъ въ работѣ, которую ему дали, и опять получилъ отказъ. Попеременно былъ онъ прислужникомъ виноторговца, разбивальщикомъ гипса, коммиссіонеромъ, машинистомъ на белльвильскомъ театрѣ, сапожникомъ, землекопомъ, пивоваромъ, хлѣбникомъ и Богъ-знаетъ чѣмъ еще. Онъ предлагалъ трудъ свой всюду, гдѣ можно было заработать кусокъ хлѣба. Нигдѣ не могъ онъ остаться, потому-что здоровье его еще не возстановилось, и, не смотря на усердіе, онъ дѣлалъ меньше всякаго. Нищета съ каждымъ днемъ становилась ужаснѣе. Платья обращались въ лоскутки. Напрасно трудилась надъ вязаньемъ сосѣдка: она почти ничего не выработывала. Марта не могла найдти работы; ея блѣдность, лохмотья, ребенокъ, котораго кормила она,—всюду ей мѣшали. Она ходила хозяйничать по утрамъ за шесть франковъ въ мѣсяцъ. Сверхъ того успѣвала быть швеею на фигурантокъ белльвильскаго театра, и какъ эти дамы часто ей не платили за работу, то она рѣшилась хлопотать въ театрѣ о мѣстѣ придверницы въ ложахъ. Ей доказали, что она желаетъ слишкомъ-многаго, что это мѣсто важное; но изъ жалости дали мѣсто одѣвальницы, и *les grandes coquettes* были довольны ея ловкостью и расторопностью.

Тогда-то Поль-Арсенъ, который, бывъ короткое время машинистомъ, слушалъ пьесы и внимательно вглядывался въ актёровъ, вздумалъ испытать себя на сценѣ. Память у него была удивительная. Ему довольно было прослушать двѣ репетиціи, чтобъ знать всѣ роли наизустъ. Его проэкзаменовали: нашли, что онъ не безъ способностей къ серьёзнымъ ролямъ; но всѣ такія мѣста были разобраны, и вакантнымъ осталось только одно комическое амплуа, гдѣ онъ дебютировалъ въ ролѣ мошенника-слуги. Арсенъ потащился на подмостки, съ мукою въ сердцѣ, съ колѣнами дрожащими отъ стыда и отвращенія, съ отощалымъ желудкомъ, зубами стиснутыми отъ гнѣва, лихорадки и волненія. Онъ игралъ скучно, холодно, и былъ позорно освистанъ. Онъ перенесъ этотъ позоръ съ стоическимъ равнодушіемъ. Онъ явился передъ публику не удовлетворять глупое самолюбіе: это была отчаянная попытка, подобная двадцати другимъ, прежнимъ — найдти пропитаніе женѣ и ребенку (ибо онъ обручился съ Мартою въ душѣ и усыновилъ орасова ребенка). Директоръ, какъ человѣкъ привыкшій къ такому роду несчастій, посмѣялся надъ неудачею своего дебютанта и совѣтовалъ ему не отваживаться больше; однакожь замѣтилъ хладнокровіе и присутствіе духа, которыя тотъ выказывалъ въ своей неудачѣ, чистое произно-

шеніе, выразительный голосъ, неизмѣнную память, и умъ въ разговорѣ. Это подало ему надежды касательно будущности новаго актёра, и чтобъ доставить ему средства образоваться, не раздражая белльвильской публики, онъ опредѣлилъ его въ должность суфлёра, которую тотъ и началъ выполнять отлично. Скоро Арсенъ показалъ, что смыслитъ также и въ костюмахъ и декораціяхъ, хорошо и проворно рисуетъ, имѣетъ вкусъ и свѣдѣнія. Видѣнное и списыванное имъ у г. Соммерара послужило ему въ пользу. Скромность его требованій, честность, дѣятельность, духъ порядка и распорядительности, прибавили ему еще больше цѣны, и наконецъ, послѣ многихъ мѣсяцевъ отчаянія, крайности, страданій и неудачъ, онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ управителя при театрѣ, съ вѣрнымъ жалованьемъ въ нѣсколько сотъ франковъ.

Марта, съ своей стороны, продолжая одѣвать актриссъ и присутствовать за кулисами при представленіяхъ, ознакомилась со сценою. Живой умъ ея схватилъ слабыя и сильныя стороны сценическаго искусства. Она какъ-бы противъ воли запоминала цѣлыя сцены и, воротясь на свой чердакъ, толковала о нихъ съ Арсеномъ, превосходно разбирала пьесу, основательно критиковала выполненіе, и, насмѣшливо передразнивъ дурную манеру актриссъ, говорила ихъ роли какъ сама ихъ понимала, съ естественностью, съ искусствомъ и трогательнымъ движеніемъ, которое нѣсколько разъ вызывало слезы на рѣсницы Арсена и заставляло рыдать старую сосѣдку, между-тѣмъ, какъ ребенокъ, испуганный жестами и переливами голоса матери, бросался съ крикомъ на грудь старой Олимпіи. Разъ Арсенъ вскричалъ:—Марта! еслибъ ты захотѣла, ты была бы великою актриссою.—«Я попыталась бы», отвѣчала она: «еслибъ была увѣрена, что сохраню твое уваженіе».—А почему жь бы тебѣ потерять его? отвѣчалъ онъ:—развѣ самъ я не былъ плохимъ актёромъ?

Марта, покровительствуемая одною изъ *grandes coquettes*, которая хотѣла досадить какой-то *ingénue*, своей соперницѣ и непріятельницѣ, дебютировала въ первой ролѣ, и одержала блестящій успѣхъ. Черезъ двѣ недѣли была она принята въ труппу, съ 500 франковъ жалованья, не считая костюмовъ и трехъ мѣсяцевъ отпуска. Это было великимъ счастіемъ; довольство и обезпеченность настали для бѣдной семьи. Старуха Олимпія сдѣлалась участницею этого благосостоянія, и, гордая блистательнымъ положеніемъ своихъ молодыхъ друзей, она гуляла съ ребенкомъ по живописнымъ белльвильскимъ улицамъ, съ торжествующимъ видомъ, ища кому бы могла сказать, приподнявъ ребенка:—Это сынокъ мадамъ-Арсенъ!

Нося имя своего друга, живя подъ одною съ нимъ кровлею, показывая окружающимъ, что она соединена съ нимъ, Марта не была однакожь ни женою, ни любовницею Поля-Арсена. Бываютъ поло-

женія, въ которыхъ подобная ложь—дѣло безстыдства или лицемѣрія. Въ положеніи Марты, это было дѣломъ благоразумія и достоинства, безъ котораго она не избѣгла бы злыхъ розъисковъ и обидныхъ догадокъ. Скромная и смиренная чета признала свою невозможность содержать себя въ суровомъ, но почтенномъ классѣ работниковъ. Ни тому, ни другому изъ нихъ не было тяжело остаться на стезѣ, съ трудомъ пробитой его родителями; ни тотъ, ни другой, по любви или по тщеславію, не чувствовалъ охоты къ скитальческой жизни странствующаго артиста; но не было сомнѣнія, что только въ области искусства могли они найдти опору своему матеріальному существованію, среду для развитія своей умственной жизни. Въ общественной іерархіи еще всѣ состоянія пріобрѣтаются по праву наслѣдства. Состоянія, присвоенныя по праву завоеванія,—исключенія. Въ простолюдствѣ, какъ и въ другихъ классахъ, они требуютъ извѣстныхъ особыхъ талантовъ, которыхъ Арсенъ не имѣлъ и не могъ имѣть. Забывая собственную будущность, занятый только доставленіемъ какого-нибудь благосостоянія существамъ любимымъ, онъ не думалъ совершенствоваться въ какомъ-нибудь спеціальномъ дѣлѣ. Онъ охотно осудилъ бы себя на суровое и терпѣливое ученичество въ томъ или другомъ родѣ, еслибъ былъ одинокъ на свѣтѣ; но, обремененный семействомъ, онъ принужденъ былъ браться за всякую работу, лишь бы она была столько прибыльна, чтобъ доставляла ему возможность достигнуть благородной цѣли, какую онъ предположилъ себѣ. Въ довершеніе несчастія, ему не доставало физической силы именно тогда, когда она была всего нужнѣе. И такъ, онъ долженъ былъ увеличивать собою и безъ того уже огромное число пасынковъ нашей эгоистической цивилизаціи, которая забыла приготовить мѣсто для болѣзненныхъ и даровитыхъ бѣдняковъ. Такимъ людямъ театръ, литература, искусства, со всѣми своими блестящими или жалкими мелочами, представляютъ по-крайней-мѣрѣ поприще, куда, къ-несчастію, многіе кидаются по изнѣженности, по тщеславію или по любви къ безпорядку, но гдѣ, вообще, талантъ и усердіе могутъ чего-нибудь надѣяться. Арсенъ имѣлъ способность и даже можно сказать геній ко всему. Но все было ему недоступно, потому-что онъ не имѣлъ ни денегъ, ни кредита. Чтобъ быть живописцемъ, потребно было долгое изученіе, а онъ не могъ ему посвятить себя. Чтобъ служить, нужна была протекція, а у него ея не было. На малѣйшее канцелярское мѣсто есть пятьдесятъ искателей. Тотъ, который получилъ его, не будетъ этимъ обязанъ ни уваженію къ его достоинствамъ, ни участію въ его нуждахъ, а покровительству милостивцевъ. Поэтому, Арсенъ могъ стучаться только въ одну ту дверь, отъ которой ключи находятся у случайности и прихоти, и которая отворяется передъ талантомъ и смѣлостью,—въ дверь театра. Иногда это

бываетъ убѣжищемъ для того, чтó было бы самаго великаго въ обществѣ, еслибъ общество не принуждало его быть тѣмъ, что въ немъ есть самаго низкаго. Туда идутъ прекраснѣйшія и даровитѣйшія женщины; туда идутъ мужчины, которые, можетъ-быть, получили свыше даръ художническій. Но мужчина, который могъ бы, въ вѣкъ вѣры, творить чудеса слова; женщина, которая, въ поэтическомъ обществѣ, была бы жрицею и посвятительницею, — низходя до роли комедіантовъ, забавляя слушателей часто грубыхъ и несправедливыхъ, иногда нечестивыхъ и развратныхъ, — какое могутъ имѣть величіе, какую сознательность, какую высоту чувствъ и мыслей? Они сбиты съ своей стези, съ природнаго стремленія. И однакожь, по мѣрѣ того, какъ предразсудокъ исчезаетъ и уже не усиливаетъ уныніемъ, противорѣчіемъ и одиночествомъ могущественныя причины нравственной порчи, мы на множествѣ примѣровъ видимъ, что если честь и достоинство не легки, по-крайней-мѣрѣ возможны въ этомъ классѣ артистовъ. Не говорю о знаменитостяхъ, людахъ, достигшихъ вершины на общественной лѣстницѣ; но между самыми незнатными и безвѣстными, есть тамъ люди честные, трудолюбивые и почтенные.

Примѣръ Марты служитъ новымъ тому доказательствомъ. Нѣжная тѣломъ и душою, наклонная къ энтузіазму, одаренная умомъ болѣе постигающимъ, нежели творящимъ, мало-образованная, и потому немогущая извлекать произведенія искусства изъ собственной глубины, но способная понимать и выражать самыя высокія чувства, съ прекрасною наружностью, исполненной прелести и врожденнаго достоинства, — она не могла, не страдая, скрывать въ себѣ всѣ эти способности, уничтожать всю эту силу. Живучи въ свѣтѣ, она дѣлала однакожь это безъ горести и сожалѣнія, не знала даже причины своего внезапнагó изнеможенія, своихъ восторговъ, этого глубокаго унынія и безпрестанной потребности въ энтузіазмѣ и удивленіи, какую чувствовала. Любовь ея къ Орасу была слѣдствіемъ этихъ наклонностей, возбужденныхъ, но неудовлетворенныхъ чтеніемъ и мечтами. Театръ открылъ ей поприще изученія послѣдовательнаго, волненій животворныхъ. Арсенъ понялъ, что этой нѣжной и тревожной душѣ нужна была пища, и ободрилъ ея попытки. Онъ не скрывалъ отъ себя нѣкоторыхъ опасностей и не боялся ихъ. Онъ чувствовалъ, что великое спокойствіе низошло въ сердце Марты, и великая сила одушевила его собственное сердце, съ-тѣхъ-поръ, какъ оба они имѣли опредѣленныя цѣли. Цѣлью Марты было доставить своимъ трудомъ воспитаніе сыну; цѣль Арсена — помогать ей въ осуществленіи этого желанія, не нарушая ея независимости и не вредя ея достоинству. До-тѣхъ-поръ, дѣйствительно, достоинство Марты страдало отъ положенія, въ которомъ она должна обязываться дру-

гимъ и искать покровительства,—положенія, которое большую часть женщинъ дѣлаетъ какъ-бы подчиненными ихъ мужьямъ или любовникамъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ, вмѣсто того, чтобъ искать пособія отъ другихъ, она увидѣла себя матерью и въ свою очередь дѣятельною покровительницею существа слабѣйшаго,—почувствовала она сладостную гордость и приподняла голову, долго-склонявшуюся и униженную подъ владычествомъ мужчины. Новое благосостояніе удалило прискорбную для нея, въ началѣ соединенія съ Арсеномъ, мысль подлежать снова чужому покровительству. Она привыкла уже не пугаться его привязанности и принимать ее безъ упрековъ совѣсти теперь, когда могла обойдтись безъ нея. Она уже не видѣла въ немъ мужа, съ которымъ должна была жить для содержанія ребенка, любовника, котораго должна была выслушивать, чтобъ платить долгъ признательности: Арсенъ былъ въ глазахъ ея братъ, принимавшій участіе въ судьбѣ ея и сына, чисто по любви, а ужь не изъ великодушнаго состраданія. Она поняла, что это не благодѣтель, который прощалъ ей прошлое, а другъ, который, какъ милости, просилъ счастія жить подлѣ нея. Такая перемѣна положенія облегчила ея робкое сердце, и удовлетворила ея справедливую гордость. Она чувствовала это тѣмъ больше, что Арсенъ не промолвилъ ни слова о любви, со времени ихъ чудесной встрѣчи 6-го іюня. Каждый день со страхомъ ждала она взрыва этой долго-подавляемой любви; но Арсенъ, вмѣсто того, чтобъ ей поддаться, казалось, побѣждалъ ее, потому-что былъ спокоенъ, почтителенъ въ своей короткости, веселъ въ своей меланхоліи. Между ними не было инаго объясненія, кромѣ повторяемой Арсеномъ просьбы не удалять его отъ себя во время несчастныхъ дней. Когда положеніе того и другаго поправилось и обезпечилось, Арсенъ заговорилъ наконецъ, но съ такимъ благородствомъ, силою и простотою, что, вмѣсто всякаго отвѣта, Марта кинулась въ его объятія, воскликнувъ:—Твоя, твоя! вся твоя и навсегда! Я давно на это рѣшилась, но боялась, чтобъ ты не отказался. — Боже мой, наконецъ ты сжалился надо мною! сказалъ растроганный Арсенъ, воздѣвъ руки къ небу.—А дитя мое? прибавила Марта, припавъ къ колыбели сына:—вспомни, Арсенъ, что надо любить мое дитя какъ меня.—Дитя твое и ты одно для меня, отвѣчалъ Арсенъ.—Могу ли раздѣлять васъ въ моемъ сердцѣ и мысляхъ?.. Кстати ужь, послушай, Марта, у меня есть къ тебѣ важный вопросъ. Надобно рѣшиться произнесть имя, которое давно не бывало на устахъ нашихъ. Теперь, когда ты моя, а я твой, это дитя должно принадлежать однимъ намъ, и никто другой не долженъ имѣть правъ на то, что̀ будетъ у насъ драгоцѣннѣйшаго въ свѣтѣ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ ты разсталась съ Орасомъ, имѣла ль ты съ нимъ какія-нибудь сношенія?—Никакихъ, отвѣчала Марта:—я не слыхала ни гдѣ онъ, ни что̀ онъ дѣлаетъ. Ино-

гда хотѣла это знать, признаюсь тебѣ; и, хоть не чувствую уже къ нему никакой любви, однако, вопреки самой-себѣ, чувствовала по временамъ жалость и участіе. Однакожь я всегда подавляла эти ощущенія и противилась желанію спросить хоть однажды тебя о немъ.

— Что-же ты намѣрена дѣлать?

— Я ни на что не рѣшилась еще. Хотѣла бы никогда съ нимъ больше не видаться; надѣюсь, что это и сбудется.

— А если онъ когда-нибудь потребуетъ своего ребенка, что бы ты стала отвѣчать?

— Своего ребенка! своего ребенка! вскричала встревоженная Марта.—Ребенка, котораго онъ не знаетъ, о существованіи котораго не слыхалъ даже? Ребенка, котораго онъ не желалъ, котораго зачалъ противъ воли, и котораго ожиданіе проклиналъ во мнѣ? Ребенка, которымъ онъ меня обвинялъ, будто зачатымъ отъ другаго, и котораго раждать на свѣтъ запретилъ бы мнѣ, если бъ это было въ его власти? Нѣтъ, это не его ребенокъ, и не будетъ никогда его! О, Поль! такъ ты не понялъ, что я могла простить Орасу свое униженіе, огорченія, ненависть ко мнѣ; но ненависть къ ребенку, проклятіе его къ моей утробѣ никогда ему не простится... Нѣтъ! этотъ ребенокъ, Арсенъ, нашъ, а не орасовъ. Любовь, привязанность, попеченія условливаютъ настоящее родительское право. Въ этомъ жестокомъ свѣтѣ, гдѣ позволено мужчинѣ покидать плодъ своей любви и не слыть чудовищемъ, узы крови ничего не значатъ. Я съ своей стороны воспользовалась тутъ правомъ, которое даетъ мнѣ законъ, чтобы совершенно разорвать нить, могшую связывать моего сына съ Орасомъ. Старуха Олимпія носила его записывать подъ моимъ именемъ, и на мѣсто имени его отца, поставили имя *неизвѣстнаго*. Вотъ все мое мщеніе Орасу: жестоко было бы оно, если бъ онъ умѣлъ его почувствовать!

— Другъ мой, возразилъ Арсенъ:—поговоримъ безъ горечи и досады о человѣкѣ больше-слабомъ, нежели зломъ, и болѣе-несчастномъ, нежели виновномъ. Мщеніе твое было очень-жестоко, и ты можешь раскаяться въ-послѣдствіи. Орасъ просто мальчикъ, и будетъ мальчикомъ, можетъ-быть, еще много лѣтъ; но наконецъ сдѣлается же онъ мужчиною, и можетъ-быть проклянетъ заблужденія своего ума и сердца. Онъ раскается въ злѣ, которое дѣлалъ, не понимая его, и ты будешь однимъ изъ горькихъ упрековъ въ его жизни. Если онъ когда-нибудь увидитъ это прекрасное дитя, которое, благодаря тебѣ, навѣрное будетъ очаровательно, и если ты откажешь ему въ правѣ прижать его къ сердцу...

— Арсенъ, твое великодушіе обманываетъ тебя, прервала Марта съ горькою энергіей:—Орасъ никогда не будетъ любить свое дитя. Онъ не чувствовалъ этой любви въ тѣхъ лѣтахъ, когда сердце

всего могущественнѣе: откуда жь возьметъ онъ ее въ лѣта эгоизма и личной заботы? Если бъ сынъ могъ чѣмъ-нибудь польстить его тщеславію, онъ утѣшался бы имъ, можетъ-быть, нѣсколько дней, но, повѣрь, не далъ бы ему правилъ и примѣровъ по моему сердцу. Не хочу же, чтобъ онъ принадлежалъ ему—никогда! ни подъ какимъ видомъ!

— Твердо рѣшилась ты на это? сказалъ Арсенъ:—и никогда не раскаешься въ своемъ рѣшеніи?

— Нѣтъ, отвѣчала Марта.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ онъ:—есть очень-простое средство. Ребенокъ слыветъ моимъ сыномъ, потому-что никто изъ окружающихъ насъ теперь не знаетъ ни прошедшихъ, ни настоящихъ нашихъ отношеній. Насъ считаютъ супругами, или любовниками. Не въ театральныхъ нравахъ требовать отъ мужчины и женщины законнаго доказательства ихъ связи. Мы дали составиться этому мнѣнію, почли его нужнымъ для своей безопасности. Одна только старуха Олимпія можетъ сказать, что дитя не наше, а она такъ скромна, что не измѣнитъ намъ. До-сихъ-поръ нѣтъ ничего проще: все дѣло въ томъ, чтобъ только не разрушать уже-утвердившагося мнѣнія. Но когда мы сойдемся съ старыми друзьями (потому-что, даже хоть и станемъ избѣгать ихъ, непремѣнно встрѣтимся съ которымъ-нибудь изъ нихъ; рано или поздно это должно случиться),— подумай, Марта, что̀ мы скажемъ имъ?

Марта, смущенная и какъ-бы огорченная, подумала съ минуту; потомъ, оправясь, отвѣчала очень-твердо:—Скажемъ то, что̀ сказали другимъ, что этотъ ребенокъ—твой.

— Подумала ль ты о слѣдствіяхъ этой лжи, бѣдная Марта? Вспомни, что ревность Ораса была хорошо-извѣстна его пріятелямъ: никто не зналъ тебя столько, чтобъ вѣрить ея неосновательности... Подумаютъ, что ты его обманывала, и ложное обвиненіе, котораго ты не могла переносить, слыша его отъ Ораса, будетъ произноситься всѣми, даже друзьями, которые никогда въ тебѣ не сомнѣвались, какъ напр. Теофиль, Эжени, и другіе!

Марта поблѣднѣла.—Это сильно огорчаетъ меня, отвѣчала она. —Я была такъ горда! я такъ негодовала на подозрѣнія...Теперь подумаютъ, что я была безстыдна, лгала безсовѣстно. Но впрочемъ что̀ за дѣло? Меня могутъ обвинить только въ глупости и тщеславіи; они будутъ знать, что я не предоставила Орасу ребенка, какъ его собственнаго сына, и что удалилась отъ него, готовясь сдѣлаться матерью.

— Скажутъ, что онъ тебя прогналъ, что ты хотѣла-было его обмануть, но что онъ замѣтилъ твою невѣрность; и онъ будетъ совершенно оправданъ въ глазахъ другихъ и своихъ собственныхъ.

— Въ своихъ собственныхъ! воскликнула Марта, пораженная мыслью, которая еще не приходила ей въ голову.—О, правда! это значило бы избавлять его отъ наказанія, посылаемаго ему небеснымъ правосудіемъ! Это значило бы снимать съ него позоръ, который онъ долженъ чувствовать, видя, какъ ты, вмѣсто его, исполнилъ обязанности, имъ пренебреженныя. Нѣтъ! пусть же знаютъ твое великодушіе и чистоту любви твоей! Пусть онъ будетъ униженъ въ глубинѣ собственной души своей, пусть онъ принужденъ будетъ сказать самому себѣ: Марта имѣла право искать убѣжища на груди Арсена!

— Это бездѣлица, возразилъ Арсенъ: — а для меня важно то, чтобъ этотъ слѣпой и дерзкій человѣкъ не присвоилъ себѣ права презирать тебя и кричать твоимъ истиннымъ друзьямъ: «Видите, я былъ правъ, не вѣря Мартѣ! Она была любовницею Арсена въ то же время, какъ и моею. Ребенокъ, котораго она хотѣла дать мнѣ, имѣлъ двухъ отцовъ, и я не знаю, которому онъ принадлежитъ».

— Ты правъ, отвѣчала Марта.—Хорошо! мы не станемъ лгать нашимъ старымъ друзьямъ; и если мнѣ когда-нибудь доведется несчастіе встрѣтить Ораса, у меня достанетъ духа сказать ему въ лицо: «Вы отказались отъ своего дитяти; другой съ радостью взялъ его себѣ, и черезъ то заслужилъ быть на-вѣкъ моимъ супругомъ, моимъ любовникомъ, моимъ братомъ».

Сказавъ это, Марта кинулась въ объятія Арсена и покрыла его лицо поцалуями и слезами; потомъ вынула дитя изъ колыбели, и торжественно вручила ему. Поль взялъ его на руки, призвалъ Бога въ свидѣтели, и совершилъ усыновленіе передъ лицомъ неба.

XI.

Въ концѣ лѣта, виконтесса начала торопиться отъѣздомъ изъ деревни, подъ предлогомъ нужныхъ дѣлъ; въ самомъ же дѣлѣ для того, чтобъ бѣжать отъ Ораса, котораго уже не любила и даже начинала ненавидѣть. Желая отдѣлаться отъ этого опаснаго любовника, она писала къ своему старому другу, маркизу де-Верну, и просила у него совѣта, какъ обыкновенно дѣлывала, когда имѣла въ немъ нужду. Она признавалась ему въ своей склонности къ Орасу и слѣдовавшемъ за нею охлажденіи, не скрывала презрѣнія и досады, причиненныхъ ей его нескромностью, говорила о своемъ опасеніи, чтобъ тотъ не сдѣлалъ новой нескромности; разсказывала, какъ, попробовавъ обходиться съ нимъ нѣсколько-гордо, чтобъ пріучить его къ почтенію, она не успѣла въ своемъ намѣреніи: Орасъ хотѣлъ выка-

зать свои права, и чтобъ внушить страхъ, не внушая ненависти къ себѣ, говорилъ о ревности и мщеніи, какъ герой Кальдерона. Встревоженная Леонія умоляла маркиза помочь ей избавиться отъ этого бѣшенаго человѣка.

Маркизъ отвѣчалъ:

«Я предвидѣлъ, что случится. Этотъ молодой человѣкъ понравился мнѣ, а вамъ еще больше. Онъ имѣетъ достоинства человѣка талантливаго и недостатки человѣка, вышедшаго изъ ничтожества (*homme de rien*). Онъ любитъ васъ, а скоро станетъ васъ ненавидѣть, потому-что вы не можете ни любить его, ни ненавидѣть, сколько ему того хочется. И ненависть его и любовь одинаково будутъ вамъ пагубны. Есть одно средство предохранить себя отъ нихъ: стараться сдѣлать его равнодушнымъ. Для этого, вы должны остерегаться показывать ему равнодушіе. Иначе вы оживили бъ его желанія, пробудили досаду, и довели бы его до крайностей. Будьте напротивъ страстны; перещеголяйте его въ ревности, въ подозрѣніяхъ, въ угрозахъ. Напугайте его, утомите его волненіями. Постарайтесь ему наскучить требовательностью. Притворитесь въ свою очередь влюбленною Испанкой. сдѣлайте его столько несчастнымъ, чтобъ онъ пожелалъ васъ оставить. Пусть онъ сдѣлаетъ первый шагъ къ разрыву, и сдѣлаетъ насильственно. Тогда вы спасены. Онъ первый начнетъ ссору. Ваша поспѣшность воспользоваться ею и разстаться съ нимъ будетъ законною гордостью, достоинствомъ сильнаго характера, неумолимымъ гнѣвомъ пылкой любви. За остальное я ручаюсь. Я овладѣю имъ, когда настанетъ время, выслушаю его жалобы, докажу ему, что онъ одинъ виноватъ, и, при всей къ вамъ ненависти, онъ принужденъ будетъ уважать васъ. Можетъ-быть, онъ станетъ надоѣдать вамъ, будетъ дѣлать дурачества, чтобъ васъ тронуть — будьте непреклонны. Можетъ-быть, онъ разможжитъ себѣ голову — только слегка: онъ такъ уменъ, что не откажется отъ прекрасныхъ романовъ, которыми чревата его будущность. Тогда всѣ сумасбродства, какія будетъ онъ дѣлать для васъ, вмѣсто безчестія вамъ, обратятся въ торжество вашей гордости. Всѣ узнаютъ, можетъ-быть, что этотъ молодой человѣкъ влюбленъ въ васъ, но узнаютъ также, что вы доводите его до отчаянія. и если ему въ-сердцахъ случится похвалиться прошлымъ, его почтутъ хвастуномъ или сумасшедшимъ. Изъ всего этого, моя прекрасная виконтесса, послѣдуетъ приращеніе вашей славы. Женщины больше чѣмъ когда-нибудь станутъ завидовать вашему могуществу, а мужчины будутъ сотнями падать къ ногамъ вашимъ».

Виконтесса въ-точности послѣдовала совѣту своего ментора. Она такъ удачно разъиграла страстную роль свою, что Орасъ испугался. Замѣтивъ его отступленіе, она пошла дальше, и не побоялась потребовать отъ него, чтобъ онъ ее похитилъ. Эта мысль сначала понравилась Орасу, когда онъ подумалъ о шумѣ, какой надѣлало бы подобное приключеніе, и о чести, какую привлекла бы ему въ провинціи и даже въ свѣтѣ *безумная* страсть такой знатной и такой умной женщины. Виконтесса трепетала, видя его нерѣшимость; но черезъ сутки Орасъ испугался мысли жить съ такою ревнивой и повелительной любовницею. Онъ вообразилъ себѣ непріятность, какую будетъ чувствовать, когда любопытные, бѣгая за нимъ по слѣ-

даиъ, чтобъ взглянуть на него проходящаго съ своимъ завоеваніемъ, скажутъ: «о! такъ она не лучше этого?» или: «да она ужь не молода!» И, поразмысливъ хорошенько обо всемъ, онъ отказался отъ предлагаемой ею жертвы, говоря, что онъ бѣденъ, и что никогда не рѣшится заставить раздѣлять свою нищету женщину, подобно ей взлелѣянную въ богатствѣ. Предлогъ былъ сверхъ-того и довольно основателенъ. Виконтесса притворилась, что не смотритъ на это, ни во что не ставитъ богатство и не дорожитъ мнѣніемъ свѣта, который будтобы ненавидитъ и презираетъ. Но, убѣдившись въ искреннемъ отвращеніи Ораса отъ этого намѣренія, она начала жаловаться, что онъ не любитъ ея, притворилась, будто ревнуетъ его къ Эжени, выдумала какіе-то нелѣпые поводы къ подозрѣнію и досадѣ. Она даже заплакала, и вырвала у себя изъ головы нѣсколько поддѣльныхъ волосъ. Потомъ вдругъ прогнала Ораса изъ будуара, приготовилась къ отъѣзду, отказалась принять его извиненія, не хотѣла проститься съ нимъ, и воротилась въ Парижъ, порядочно-утомленная сыгранною драмою, но очень-довольная, что наконецъ избавилась отъ предмета своихъ опасеній.

Съ этой минуты побѣда ея была рѣшена, какъ предсказывалъ маркизъ; и Орасъ, жалѣя о ея мнимой горести, радуясь, что самъ уже не подверженъ припадкамъ этой горести, почувствовалъ себя слабѣйшимъ, потому-что былъ равнодушнѣйшимъ.

Молодые дворяне того края, составлявшіе обычный дворъ Леоніи, остались въ своихъ замкахъ, чтобы предаться охотѣ осенью; одинъ изъ нихъ, полюбявшій Ораса, и не-шутя считавшій его за великаго человѣка, пригласилъ его къ себѣ гостить до зимы. Орасъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе. Хозяинъ былъ человѣкъ богатый и холостой. У него было мало ума, доброе сердце и хорошія манеры, но не было никакихъ свѣдѣній. Это былъ человѣкъ, котораго Орасъ могъ ослѣплять своею ученостью и очаровывать блескомъ своего ума, находя вмѣстѣ съ тѣмъ возможность научиться въ его сообществѣ аристократическимъ манерамъ, которыя теперь больше чѣмъ когда-либо кружили ему голову.

Первою потребностью его было забыть недѣли тягостнаго волненія, которое онъ перенесъ, и домъ Луи Мерана былъ для него мѣстомъ наслажденій. Имѣть прекрасныхъ верховыхъ лошадей, и тильбюри въ своемъ распоряженіи, отличное оружіе и превосходныхъ собакъ для охоты, хорошій столъ, веселыхъ собесѣдниковъ, даже кой-какія другія развлеченія, которыми онъ мнѣ уже не хвастался послѣ высказаннаго имъ презрѣнія къ этому роду удовольствій, но которымъ онъ предавался, видя, что его образцы, денди, тщеславились распутствомъ: этого достаточно было, чтобъ оглушить и упоить его до наступленія зимы. Будучи дѣйствительно выше

умомъ всѣхъ своихъ новыхъ пріятелей, онъ дарованіями искупалъ недостатокъ знатнаго происхожденія, богатства и свѣтскости: что̀, впрочемъ, поставили бъ ему въ порокъ развѣ тогда только, когда бы онъ сталъ этимъ величаться; но онъ держалъ себя осторожно. Онъ такъ боялся, чтобъ гордость этихъ молодыхъ людей не превзошла его гордости, что увѣрилъ ихъ, будто онъ хорошей фамиліи и имѣетъ порядочное состояніе. Уютность его чемодана обличала это хвастовство; но онъ путешествовалъ, остался случайно въ ихъ краю, куда онъ заѣхалъ-было только на нѣсколько дней, и чтобъ оправдать въ глазахъ Луи Мерана слишкомъ замѣтную худобу кошелька своего, много разъ притворялся будто хочетъ ѣхать, чтобы по-крайней-мѣрѣ, говорилъ онъ, взять у *своего банкира* денегъ, которыя у него вышли.

— Что̀ за бѣда! сказалъ хозяинъ, который имѣлъ несчастіе скучать, когда оставался одинъ въ за̀мкѣ, и для котораго Орасъ былъ пріятнымъ собесѣдникомъ: — мой кошелекъ къ вашимъ услугамъ. Сколько вамъ надобно? луидоровъ сто, что̀ ли?—«Мнѣ нужно не больше ста франковъ»—воскликнулъ Орасъ, котораго такое богатое предложеніе заставило вытаращить глаза, и который дотолѣ безпокоился только, ка̀къ ему будетъ подарить *на-водку* слугамъ при отъѣздѣ».— Вы забыли, сказалъ пріятель: — вѣдь у насъ будетъ большое сборище молодежи, по случаю деревенскаго праздника, на который всѣ мы ѣздимъ, и гдѣ проводимъ иногда по недѣлѣ. Тамъ играютъ напропалу̀ю. Вамъ надобно быть въ состояніи кинуть нѣсколько горстей золота на столъ, если вы нѐ хотите прослыть здѣсь за *une espèce*.

Хотя Орасъ твердо зналъ, что никогда не будетъ въ силахъ заплатить эти деньги, развѣ если ему посчастливится въ игрѣ, однако слѣпо довѣрился случаю и принялъ предложеніе пріятеля. Ни разу въ жизни онъ не игрывалъ, потому-что никогда не имѣлъ на то средствъ, и не зналъ ни одной игры, кромѣ билльярда, на которомъ игралъ отлично, что̀ и заслужило ему уваженіе многихъ знатныхъ господъ, въ среду которыхъ онъ пустился. Онъ скоро выучился бульйоттѣ, глядя какъ они въ нее играли, и во время праздника горячо дебютировалъ на этомъ новомъ поприщѣ ощущеній и опасностей. Къ будущему своему несчастію, онъ имѣлъ этотъ день безумную удачу. Съ сотнею луидоровъ выигралъ онъ тысячу, и поспѣшно заплатилъ одну сотню Луи Мерану, пятьсотъ луидоровъ отложилъ, а съ остальными четырьмя стами продолжалъ играть каждый день. Проигрывалъ, опять выигрывалъ, и, послѣ нѣсколькихъ колебаній фортуны, воротился наконецъ въ за̀мокъ Меранъ съ 17,000 франками золотомъ и банковыми билетами въ чемоданѣ. Для молодаго человѣка, который очень нуждался въ деньгахъ и всегда имѣлъ ихъ мало, это было уже богатствомъ. Онъ едва не сошелъ съ ума

отъ радости, и, кажется, дѣйствительно съ-тѣхъ-поръ немного помѣшался. Онъ пріѣхалъ къ намъ похвастаться своимъ счастіемъ, и не заботился объ уплатѣ полутораста луидоровъ, которые былъ мнѣ долженъ. Я не имѣлъ духа напомнить ему, хотя самъ былъ въ довольно-затруднительномъ положеніи; мнѣ казалось невозможнымъ, чтобъ онъ забылъ долгъ свой. Однакожь онъ никогда не вспомнилъ о немъ, и я прощаю ему отъ чистаго сердца, увѣренный, что воля его отнюдь тутъ не участвовала. Поспѣшность, съ какою пришолъ онъ объявить мнѣ о своемъ богатствѣ—лучшее тому доказательство. Первою заботою его было отправить сто луидоровъ матери; но онъ не смѣлъ сказать ей, что это были выигранныя деньги: добрая женщина скорѣе бы испугалась, чѣмъ обрадовалась имъ. Онъ написалъ, что получилъ эти деньги за свои литературные труды, которымъ онъ предавался въ моей пустынѣ, и которые посылалъ въ Парижъ къ издателю.—Хочу, сказалъ онъ мнѣ смѣясь:—помирить ее съ ремесломъ литератора, на которое она смотритъ съ такой боязнью за меня, и которое станетъ теперь считать очень-почётнымъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пошлю ей еще тысячу франковъ, и буду такимъ образомъ постепенно пересылать, пока станетъ денегъ. За чѣмъ я не въ состояніи отправить ей сейчасъ же всю сумму! Какъ счастливъ былъ бы я, если бъ могъ вдругъ заплатить ей за всѣ пожертвованія, какія она дѣлала для меня съ самаго рожденія! Но она не поняла бы, что у меня за дѣла, и потребовала бы невозможныхъ объясненій; а мои земляки, столько же догадливые какъ и добрые, увидѣвъ, что старушка Дюмонтè обновила себѣ столовую посуду и накупила платьевъ дочери, навѣрное заключили бы изъ того, что для доставленія моей семьѣ такого богатства, я непремѣнно убилъ кого-нибудь. Правда, добрый батюшка, который немного прихвастываетъ своимъ вкусомъ въ литературѣ, захочетъ читать мою печатную прозу. Я скажу ему, что пишу подъ вымышленнымъ именемъ, вырѣжу изъ какаго-нибудь вновь-переведеннаго нѣмецкаго мистическаго поэта сотню страницъ, и пошлю за свое сочиненіе. Онъ увидитъ тамъ одни блестки, и станетъ показывать ихъ всѣмъ умнымъ головамъ своего городка, которые, не понявъ ни крошки, согласятся наконецъ, что я человѣкъ необыкновенный.

Говоря эти глупости, Орасъ, который иногда охотно шучивалъ надъ самимъ собою, помиралъ со смѣху. Правда, онъ отослалъ бы матери всѣ свои деньги, если бъ могъ это сдѣлать тогда же, не испугавъ ея. Сердце его было благородно; и если онъ до такой степени радовался своему богатству, то не столько потому-что обладалъ этимъ богатствомъ, сколько потому-что одержалъ нѣкоторую побѣду надъ своею, какъ онъ говорилъ, злой судьбою. Къ-несчастію, на другой день онъ уже забывалъ о своихъ намѣреніяхъ. Мать не получа-

ла отъ него ничего больше, и всѣ парижскіе заимодавцы также были забыты. Отъ этой минутной энтузіастической преданности въ немъ уцѣлѣла только какая-то безразсудная и странная гордость, въ-слѣдствіе которой онъ вѣрилъ въ свою звѣзду касательно денежныхъ успѣховъ, какъ вѣрилъ въ свою звѣзду Наполеонъ въ военномъ дѣлѣ. Эта нелѣпая вѣра въ какую-то судьбу, благопріятствующая его прихотямъ, въ какихъ-то боговъ, помогавшихъ всѣмъ его предпріятіямъ, сдѣлала его тщеславнымъ и безразсуднымъ. Онъ зажилъ молодымъ человѣкомъ, для котораго пятнадцать тысячъ франковъ были только полугодовымъ жалованьемъ. Онъ купилъ лошадь, сорилъ золотыя монеты всѣмъ слугамъ своего хозяина, написалъ своему портному въ Парижъ, что получилъ наслѣдство, и велѣлъ выслать себѣ самое модное платье. Черезъ двѣ недѣли, явился онъ одѣтый уморительнѣйшимъ образомъ. Пріятели шутили надъ его безвкуснымъ нарядомъ и совѣтовали перемѣнить портнаго изъ Латинскаго Квартала на какую-нибудь фешёнебльную знаменитость. Онъ тотчасъ роздалъ свой новый гардеробъ охотникамъ этихъ господъ, и заказалъ себѣ другой Гуманну, одѣвавшему Луи Мерана. Рекомендованный такимъ франтомъ и богачомъ, онъ имѣлъ у этого царя портныхъ открытый кредитъ, о которомъ не заботился, и который рылся подъ нимъ незримою пропастью.

Веселые товарищи, его окружавшіе, замѣтивъ его безумную расточительность и видя его одѣтымъ въ костюмъ денди, который чрезвычайно-удачно скрывалъ его плебейское происхожденіе, приняли его совершенно въ свой кругъ и стали имъ очень дорожить. Великій учитель уже не время, а деньги. Орасъ, неудерживаемый и непечалимый больше бѣдностью, предался всѣмъ порывамъ своей блестящей веселости и смѣлаго воображенія. Деньги сдѣлали въ немъ чудеса: вмѣстѣ съ увѣренностью въ будущемъ и наслажденіями настоящаго, возвратили онѣ ему способность къ труду, которую онъ, казалось, навсегда потерялъ. Онъ воспринялъ всѣ свои дарованія, подавленныя непріятностями и заботами прошлой зимы. Нравъ его опять сталъ ровенъ и веселъ. Идеи его, не сдѣлавшись справедливѣе, сдѣлались стройнѣе и обширнѣе. Слогъ вдругъ образовался. Онъ написалъ очень-замѣчательный небольшой романъ, котораго героинею была Марта, а содержаніемъ—его любовь. Онъ придалъ въ немъ себѣ гораздо-лучшую роль, чѣмъ какую имѣлъ въ дѣйствительности; но очень-искуснымъ образомъ развилъ и опоэтизировалъ свои заблужденія. Если бъ книга его надѣлала больше шума, то была бъ одною изъ самыхъ вредныхъ книгъ романтической эпохи. Это была не только апологія, но и апотеоза эгоизма. Конечно, Орасъ былъ лучше своей книги; но онъ употребилъ столько таланта, что могъ придать этому сочиненію существенную цѣну. Будучи тогда богатъ,

онъ легко нашелъ издателя, и романъ, напечатанный на его счетъ, вышедшій вскоръ послѣ его возвращенія въ Парижъ, имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, особливо въ высшемъ кругу публики.

Такая роскошная жизнь, съ примѣсью умственнаго труда и физической дѣятельности, была идеаломъ и настоящею стихіей Ораса. Я замѣтилъ, что его рѣчь и манеры, прежде смѣшныя, когда онъ хотѣлъ преобразить ихъ изъ мѣщанскихъ въ аристократическія, стали изящны и приличны, когда, сильный собственнымъ достоинствомъ и богатый собственными деньгами, онъ не подражалъ уже никому, преобразовывая себя. Въ Парижѣ новые пріятели представили его въ разные богатые и знатные дома, гдѣ онъ нашелъ прежнее хорошее общество и новый большой свѣтъ. Онъ увидѣлъ праздники банкировъ-Жидовъ и менѣе-пышные, но болѣе-утонченные вечера нѣкоторыхъ герцогинь. Онъ входилъ всюду смѣло, увѣренный, что нигдѣ не будетъ не на своемъ мѣстѣ, побывавъ любовникомъ и ученикомъ виконтессы де-Шальи. Черезъ два мѣсяца такой жизни, Орасъ преобразился совершенно. Онъ пріѣхалъ навѣстить насъ въ своемъ тильбюри, съ своимъ грумомъ, который держалъ его прекрасную лошадь. Онъ прошелъ наши пять этажей, какъ-будто и не дѣлывалъ отъ роду ничего другаго,—имѣлъ вѣжливость не показаться задохшимся. Платье его было безукоризненно; дикая прическа усмирена наконецъ искусствомъ Бушрò, преемника Мишалона. Руки у него были бѣлы какъ у женщины, ногти красиво обстрижены, сапоги лакированы, трость отъ Вердьѐ. Но всего удивительнѣе было, что онъ принялъ тонъ совершенно-натуральный, и нельзя было угадать, что все это плодъ изученія. Единственнымъ признакомъ, обличавшимъ недавнее его превращеніе, была какая-то торжествующая радость, которая ауреоломъ сіяла на челѣ его. Эженѝ, у которой онъ при входѣ въ комнату поцаловалъ руку (въ первый разъ въ жизни), сначала едва могла удержаться отъ смѣха, а потомъ не меньше моего дивилась легкости, съ какою этотъ молодой мотылекъ сбросилъ свою прежнюю личинку. Онъ былъ въ такой хорошей школѣ, что выучился не только ловко держаться, но и ловко вести разговоръ. Онъ уже не говорилъ о себѣ, спрашивалъ насъ обо всемъ, что̀ могло интересовать насъ лично, и показывалъ, будто самъ этимъ интересуется. Мы видѣли его первыя усилія достигнуть идеала, которымъ онъ теперь овладѣлъ наконецъ, и удивлялись, что онъ уже потерялъ надутость и дерзость выскочки.—Да скажи мнѣ что-нибудь о себѣ, говорилъ я ему.—Твои дѣла, кажется, процвѣтаютъ. Надѣюсь, что твое новое состояніе не основано на однѣхъ картахъ, или на литературѣ, въ которой ты дебютировалъ такъ удачно. — Выигранныя деньги выходятъ, отвѣчалъ онъ непринужденно.—Надѣюсь возобновлять ихъ, черпая изъ того же источника, и до-сихъ-поръ мои опы-

ты не были несчастливы; но какъ надо быть готову на проигрышъ, то я думалъ о литературѣ, какъ о доходѣ болѣе-прочномъ. Мой издатель высыпалъ мнѣ на дняхъ 3,000 франковъ за небольшой томъ, который напишу ему недѣли въ двѣ; и если публика пріиметъ эту книгу такъ же снисходительно, какъ приняла первую, то, надѣюсь, не буду больше нуждаться въ деньгахъ. 3,000 франковъ за небольшой томъ, думалъ я, дорогонько; но все зависитъ отъ сдѣлокъ?

— Романъ, сказалъ я, который ты недавно издалъ...

— О! сдѣлай милость, не говори мнѣ объ немъ. Это такая дрянь, что мнѣ не хочется и вспоминать.

— Ни чуть не дрянь, возразилъ я:—можно даже сказать, что это очень-замѣчательная перафраза «Адольфа», мастерскаго литературнаго произведенія Бенжамена-Констана, котораго ты, кажется, взялъ себѣ за образецъ.

Этотъ комплиментъ не слишкомъ понравился Орасу; лицо его вдругъ перемѣнилось.

— Такъ ты находишь, сказалъ онъ, стараясь сохранить свой равнодушный видъ:—что моя книга сколокъ? Очень можетъ быть; но я этого не думалъ, тѣмъ больше, что я никогда не читалъ «Адольфа».

— Я тебѣ давалъ его однако прошлаго года.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Точно.

— Не помню. Такъ моя книга не болѣе какъ воспоминаніе?

— Не возможно, возразилъ я:—чтобъ первое произведеніе двадцатилѣтняго автора было чѣмъ-нибудь больше; но твой романъ удачно обставленъ, хорошо написанъ, занимателенъ, никто на это не жалуется. Впрочемъ, рискуя быть педантомъ, я хочу тебя пожурить за цѣль его. Ты, мнѣ кажется, оправдываешь эгоизмъ...

— Э! мой милый, оставимъ это, пожалуйста! сказалъ Орасъ нѣсколько иронически:—ты говоришь какъ журналистъ. Я вижу, къ чему ты ведешь дѣло. Ты хочешь сказать, что *моя книга — дурной поступокъ*. Я въ этомъ мѣсяцѣ читалъ, по-крайней-мѣрѣ, пятьдесятъ фёльетоновъ, заключавшихся тѣмъ же.

Я настаивалъ на своемъ, поспорилъ съ нимъ нѣсколько; опровергалъ его теорію «искусства для искусства» съ нѣкоторымъ упрямствомъ, которое считалъ долгомъ дружбы къ нему, но котораго не выдержала долго позолота шутливой скромности, приданная ему знаніемъ приличій. Онъ разгорячился, защищался съ досадою, нападалъ на меня съ горечью, и теряя мало-по-малу все заимствованное равнодушіе и возвращаясь къ стариннымъ своимъ декламаціямъ, возгласамъ, театральнымъ жестамъ, даже къ нѣкоторымъ изъ своихъ трактирныхъ поговорокъ Латинскаго Квартала, выпустилъ прежняго Ораса изъ худо-запертой гробницы, куда заперъ-было его.

Замѣтивъ, что съ нимъ случилось, онъ такъ былъ пристыженъ и раздраженъ этимъ, что вдругъ сдѣлался мраченъ и молчаливъ. Но это было для насъ такъ же не ново, какъ и его шумный гнѣвъ: мы такъ часто видали въ немъ переходы отъ декламаціи къ досадѣ! — Послушайте, Орасъ, сказала Эжени, дружески положивъ ему руки на плеча: — кáкъ ни любезны вы были въ началѣ вашего визита, и кáкъ ни угрюмы теперь, а мнѣ пріятнѣе видѣть васъ такимъ, какимъ вы на самомъ дѣлѣ. По-крайней-мѣрѣ, это вы сами, со всѣми вашими недостатками, которые мы знаемъ наизусть, и которые не мѣшаютъ намъ любить васъ, между-тѣмъ, какъ, когда вы стараетесь быть свѣтскимъ человѣкомъ, мы васъ уже не узнаёмъ и не знáемъ что думать.

— Очень вамъ благодаренъ, моя прекрасная, сказалъ Орасъ, хотѣвъ-было поцаловать ее въ наказаніе за дерзость. Но она не позволила ему, грозя оцарапать лицо булавкою, что помѣшало бы ему ѣхать въ общество вечеромъ, и онъ остерегся. Онъ старался снова принять свой непринужденный видъ и отличныя манеры прежде, чѣмъ разстанется съ нами, но не успѣлъ, и чувствуя себя неловкимъ и принужденнымъ, сократилъ визитъ.

— Боюсь, мы его разсердили, и не скоро дождемся опять, сказалъ я Эжени, когда онъ уѣхалъ.

— Увидимъ опять, когда онъ еще выиграетъ деньги, и заведетъ карету, которую пріѣдетъ намъ показать, отвѣчала она.

— Я думалъ-было, что онъ исправился отъ всѣхъ своихъ недостатковъ, примолвилъ я: — и радовался...

— А я такъ огорчалась, сказала Эжени: — мнѣ казалось, что онъ дошелъ до безстыдства, которое хуже всѣхъ пороковъ. Къ-счастію, онъ никогда не перестанетъ быть смѣшонъ, потому-что, вопреки всѣмъ натяжкамъ, въ характерѣ его много наивности, которая увлекаетъ его.

Въ тотъ же день, мы были пріятно удивлены и взволнованы другимъ визитомъ. Слѣдя еще глазами съ балкона быстрое тильбюри Ораса, мы увидѣли, что, при поворотѣ на мостъ, онъ едва не задавилъ мужчины съ женщиною, которые шли ему на встрѣчу, и разговаривали смотря внизъ и не обращая вниманія на то, что вокругъ нихъ происходило. Орасъ закричалъ: «посторонитесь!» такъ громко, что голосъ долетѣлъ до насъ сквозь весь уличный шумъ, и мы видѣли, кáкъ онъ стегалъ свою горячую лошадь нарочно съ намѣреніемъ испугать невѣжливыхъ людей, принудившихъ его на секунду остановиться. Глаза наши невольно слѣдовали за этой скромной парой, которая подходила все ближе къ намъ, и не замѣчала, казалось, ни денди, ни его экипажа. Они шли подъ-руку, опираясь другъ на друга

и медленнѣе всѣхъ озабоченныхъ людей, спѣшившихъ по тротуару.

— Замѣчалъ ли ты когда-нибудь, сказала Эжени:—что по походкѣ двухъ человѣкъ равнаго пола, идущихъ подъ-руку, можно отгадать чувства ихъ другъ къ другу? Вотъ эта пара любитъ безъ-памяти другъ друга, хоть объ закладъ побиться! Оба они молоды, вижу это по ихъ таліи и походкѣ. Женщина должна быть красавица, по-крайней-мѣрѣ станъ у ней прелестный; а по манерѣ, какъ она опирается на руку этого молодаго мужа или любовника, видно, что она имъ очень-счастлива.

— Вотъ и цѣлый романъ, котораго эти прохожіе и не подозрѣваютъ въ себѣ, отвѣчалъ я.—Но посмотри-ко, Эжени! чѣмъ ближе подходитъ этотъ человѣкъ, тѣмъ больше онъ мнѣ кажется знакомымъ. Онъ сдѣлалъ жестъ какъ Арсенъ, поднимаетъ голову на нашъ балконъ... Боже мой! ужь не онъ ли это?

—Нельзя разглядѣть отсюда, сказала Эжени:—но кто же эта женщина съ нимъ? Это навѣрное не Сюзанна и не Луиза.

— Это Марта! воскликнулъ я.—У меня зоркіе глаза; она глядитъ на насъ, входитъ сюда... Да, Эжени, это Марта съ Поль-Арсеномъ.

— Полно! сказала встревоженная Эжени, уходя съ балкона.—Ты хочешь обрадовать меня...

Я такъ былъ увѣренъ въ своемъ открытіи, что бросился на лѣстницу на встрѣчу нашимъ воскресшимъ друзьямъ, которые черезъ минуту сжимали Эжени въ своихъ объятіяхъ. Эжени, считавшая ихъ обоихъ умершими и горько ихъ оплакивавшая, едва не упала въ обморокъ, когда увидѣла ихъ опять и обнимала, обливая слезами. Такой пріемъ живо тронулъ ихъ, и они провели у насъ нѣсколько часовъ, въ-продолженіи которыхъ терпѣливо разсказали малѣйшія подробности своей исторіи и настоящей жизни. Услышавъ, что ея подруга актрисса, Эжени посмотрѣла на нее съ удивленіемъ, и сказала мнѣ, указывая на нее: «Посмотри, какъ она все та же! Она похорошѣла, одѣта больше со вкусомъ; но голосъ, тонъ, манеры, ничто не перемѣнилось. Все это такъ же просто, такъ же истинно, такъ же мило, какъ бывало прежде. Это не то, что... Она остановилась, чтобъ не произнести имени, которое Марта въ своемъ разсказѣ повторяла однако много разъ безъ тягостнаго чувства. Но, глядя на Поля съ Мартою, и внутренно продолжая сравненіе ихъ съ Орасомъ, Эжени не могла удержаться, чтобъ не восклицать каждую минуту: «Это «они, они! Они не измѣнились. Кажется, будто мы вчера только разстались.» Марта спросила объясненія этихъ недомолвокъ, и я разсудилъ, что лучше говорить ей открыто и просто объ Орасѣ, чѣмъ принуждать ее спрашивать насъ о немъ. Я разсказалъ ей о его

посѣщенія, и обо всемъ, чѣмъ объяснялось это внезапное богатство; разсказалъ даже объ отношеніяхъ его къ виконтессѣ де-Шальи. Я считалъ долгомъ сдѣлать это, чтобъ окончательно исцѣлить спасенную. Она улыбнулась съ сожалѣніемъ, слегка затрепетала, и кидаясь на грудь супруга, сказала ему съ кроткой и печальной усмѣшкою:

— Видишь, какъ хорошо я знала Ораса!

Въ четыре часа мы принуждены были разстаться. Марта играла въ этотъ вечеръ. Мы пошли смотрѣть ее, и воротились растроганные и пораженные ея талантомъ, плача отъ радости, что опять нашли два любимыя существа, соединенныя наконецъ другъ съ другомъ и вполнѣ-счастливыя.

XII.

Появясь въ свѣтъ съ красивою наружностью, ловкою осанкою, смѣлымъ умомъ для разговора, началомъ литературной извѣстности, признаками хорошаго состоянія, съ именемъ, которое писалось *дю-*Монтѐ, Орасъ не могъ остаться незамѣченнымъ; и было время, когда, безъ всякаго самообольщенія, онъ могъ надѣяться величайшихъ успѣховъ у тѣхъ прекрасныхъ салонныхъ куколъ, которыхъ зовутъ модными дамами. Двѣ или три отцвѣтшія кокетки пустили бы его въ ходъ, еслибъ онъ захотѣлъ черезъ нихъ прославиться; но онъ метилъ выше, и это погубило его. Онъ забралъ себѣ въ голову, что такія мимолетныя связи слишкомъ-легки, что онъ можетъ надѣяться на блестящую партію. Отвѣдавъ богатства, онъ началъ думать, что на свѣтѣ только и есть существеннаго и хорошаго, что богатство. На талантъ и на славу смотрѣлъ онъ уже только какъ на средство къ обогащенію, и разсчитывалъ на дары, полученные имъ отъ природы, чтобъ плѣнить сердце какой-нибудь богатой наслѣдницы. Съ ловкостью, временемъ и благоразуміемъ, кто знаетъ, не осуществились ли бы и мечты его! Но онъ не умѣлъ распорядиться средствами своего положенія, и лишняя самонадѣянность сбила его съ дороги. Способный обманываться касательно внушаемыхъ имъ чувствованій, онъ завелъ интригу съ дочерью банкира, романическою пансіонеркою, которая отвѣчала на его письма, назначала ему свиданія, соглашаясь на бѣгство съ нимъ и бракъ въ Гретна-Гринѣ. Къ-несчастію, у Ораса не доставало денегъ на эту поѣздку. Двѣ или три тысячи франковъ за второй романъ были истрачены впередъ, и въ игрѣ началъ онъ становиться столько же несчастливъ, сколько воображалъ себя счастливымъ въ любви. Онъ погорячился дѣломъ, потребовалъ дѣвушку у родителей довольно-повелительнымъ тономъ, хвастался передъ ними страстью, которую она къ нему имѣла, и да-

же намекнулъ, что отказывать уже поздно. Этотъ послѣдній пунктъ была любовная хитрость, въ которой онъ надѣялся сдѣлать дѣвушку участницею, потому-что на дѣлѣ онъ былъ добросовѣстнѣе, нежели хотѣлъ казаться. Онъ уважалъ честь безразсудной героиньки своего романа, и самыя отношенія ихъ были такъ невинны, что она не боялась съ нимъ никакой опасности. Родители, люди тонкіе и благоразумные, какъ всѣ; сами себѣ нажившіе состояніе, скоро проникли истину. Они покорили дочь кротостью, представили ей Ораса хвастуномъ, человѣкомъ безъ сердца, готовымъ ее обезчестить, чтобъ разбогатѣть женившись на ней. Завели переговоры, прекратили переписку и тайныя свиданія, продлили время, соглашались отдать руку, но удержать приданое, и въ нѣсколько дней умѣли до такой степени охолодить другъ къ другу любовниковъ, что Орасъ отступилъ въ бѣшенствѣ на свою возлюбленную, которая съ своей стороны отвергла его съ презрѣніемъ и негодованіемъ. Это печальное приключеніе осталось втайнѣ: ни съ той ни съ другой стороны имъ не хвастались; и Орасъ, въ гнѣвѣ, тотчасъ обратился къ одной вдовѣ хорошей фамиліи, которая имѣла тысячь двадцать ливровъ годоваго дохода и была еще молода и прекрасна.

Видя ея сантиментальность и кокетливость, онъ вообразилъ, что она не согласится принадлежать ему иначе, какъ по браку, и ошибся. Хотѣла ль вдовушка сдѣлать изъ него только рыцаря добра и чести, или она была не такъ щекотлива и хотѣла любить не теряя своей независимости, только онъ былъ принятъ ласково, приманиваемъ искусно, и почувствовалъ себя влюбленнымъ, не зная еще, куда повести дѣло. Съ молодостью, которую онъ прикрывалъ своей густой бородою, съ простонароднымъ именемъ, которое передѣлывалъ на визитныхъ карточкахъ, и съ бѣдностью, которую могъ еще скрывать нѣсколько времени подъ новымъ платьемъ, не знаю, удовлетворилъ ли бы онъ въ себѣ любви и честолюбію. Надежда быть нѣкогда политическимъ человѣкомъ возвращалась къ нему вмѣстѣ съ надеждою сдѣлаться «избирателемъ» по брачному контракту. Онъ питалъ въ себѣ самыя лестныя надежды, и, чтобъ открыть настоящее свое положеніе, ждалъ только, когда внушитъ побольше страсти; но у него былъ врагъ, долженствовавшій преградить ему путь: — виконтесса де-Шальи.

Давно уже переставъ любить Ораса, она надѣялась, что онъ будетъ пресмыкаться передъ нею, согласно предсказаніямъ маркиза де-Верна, какъ-скоро она оставитъ его; но маркизъ, почитая Ораса гордымъ въ любви, ошибался. Орасъ былъ только тщеславенъ, и непостоянство, вмѣстѣ съ природной добротою, препятствовало ему чувствовать серьёзно сожалѣніе. Онъ увидѣлъ, что виконтесса возвратилась къ графу Мельерѐ; но какъ она принимала его съ наружною

благосклонностью и допускала въ число друзей своихъ, то счелъ себя удовлетвореннымъ, и продолжалъ видаться съ нею безъ сѣтованій, безъ притязаній. Для обоихъ это было бы лучшимъ положеніемъ дѣлъ; но Орасъ не могъ прожить недѣли безъ какой-нибудь тяжкой ошибки. Онъ любилъ пировать, заглушая тѣмъ, можетъ-быть, нѣкоторые тайные упреки совѣсти. За завтракомъ въ Кафѐ-де-Пари онъ напился, сдѣлался откровененъ, болтливъ, и выболталъ о своихъ успѣхахъ передъ виконтессою. Одинъ изъ людей, вѣроломно помогавшихъ этой исповѣди, ненавидѣлъ Леонію и былъ коротокъ съ графомъ де-Мельерѐ. На другой же день графъ узналъ о невѣрности виконтессы. Онъ не оскорбилъ ея разсказомъ, не столько ее любя, чтобъ увлечься, но надѣлалъ колкихъ упрековъ, которые ее глубоко уязвили. Съ-тѣхъ-поръ, Орасъ былъ для нея предметомъ непримиримой ненависти. Она довольно-коротко знала вдову, за которой онъ ухаживалъ, и уже замѣтила оборотъ, какой принимала эта связь. Она стала показывать ей дружбу, снискала ея довѣренность, и охладила ее къ Орасу, сказавъ одно слово: «Этотъ человѣкъ умѣетъ говорить»... Орасъ былъ немедленно отвергнутъ. Онъ вступилъ въ борьбу, которая только позорнѣе довершила его пораженіе.

Такая смертная обида не могла случиться въ злѣйшую минуту. Вышелъ его второй романъ, и былъ нехорошъ. Орасъ истощилъ въ первомъ небольшой запасъ таланта, потому-что растратилъ небольшое число нажитыхъ ощущеній. Для произведенія новаго творенія, внутренней жизни его надобно было обновиться быстро, чтобъ разогрѣть его и вдохновить вторично. Онъ принудилъ голову къ преждевременнымъ родамъ. Стараясь изобразить Леонію и свою любовь къ ней, онъ былъ холоденъ и ложенъ, какъ Леонія и какъ его собственное чувство. По-крайней-мѣрѣ, онъ могъ бы имѣть въ извѣстномъ кругу нѣкоторый успѣхъ этимъ плохимъ романомъ, еслибъ явно предалъ виконтессу злорѣчію гостиныхъ и еслибъ полакомилъ вкусъ своей свѣтской публики небольшимъ позоромъ женщины. Но Орасъ былъ такъ благороденъ, что не могъ искать подобнаго успѣха. Онъ такъ опоэтизировалъ свою героиню, что она перестала быть истинною, и никто не могъ узнать ее. Неспособный сохранять секретъ любви, онъ былъ равно неспособенъ огласить его хладнокровно и изъ мести.

Въ тотъ же день, какъ получилъ отставку у осторожной вдовы, онъ проигралъ послѣдніе луидоры и воротился домой въ довольно-трагическомъ расположеніи духа: на каминѣ у себя нашелъ онъ письмо отъ книгопродавца, въ отвѣтъ на записку, которую посылалъ къ нему наканунѣ, прося опять впередъ денегъ и обѣщая новый романъ. «Проклятое ремесло!» вкричалъ онъ, распечатывая письмо: «надобно все писать и писать, каково бы ни было расположеніе ду-

«ши! быть легкимъ въ слогѣ, когда голова утомлена, нѣжничать, ко-«гда душа горитъ отъ гнѣва, сыпать свѣжія и цвѣтущія метафоры, «когда воображеніе подавлено тоскою!» — Судорожно сломилъ онъ печать, и, къ великому удивленію, прочелъ чистый отказъ недовольнаго издателя, который потерялъ только деньги на второй романъ его. Въ-теченіи двухъ недѣль съ выхода его романа, не было раскуплено и тридцати экземпляровъ. Къ-тому же, онъ былъ такъ коротокъ! Томъ вышелъ плоскій, книгопродавцы не брали этой *лепешечки* иначе, какъ съ уступкою. Еслибъ Орасъ послушалъ его, онъ продлилъ бы развязку. Будь листами двумя больше, и книга выигрывала бы по 50 сантимовъ на экземпляръ. Да и заглавіе было не довольно *громко*, идея *не моральна*, было *слишкомъ-много разсужденій*, и тысяча другихъ причинъ неуспѣха, которыя заставили вспрыгнуть до потолка бѣднаго автора, разбѣшеннаго и приведеннаго въ отчаяніе.

Когда, вмѣсто всякаго состоянія, есть только красивыя слова, худые сапоги и изношенное платье, тогда не унываютъ отъ отказа *издателя*; тогда пускаются въ походъ, и, переходя отъ отказа къ отказу, кончаютъ тѣмъ, что находятъ издателя довѣрчивѣе и богаче прежняго. Но разъѣзжать въ тильбюри съ своимъ грумомъ, отъ дверей къ дверямъ, просить милостыни — не такъ легко. Орасъ однако рѣшился попытаться съ слѣдующаго же *дня*. Вездѣ принимали его очень-вѣжливо, но съ улыбкою недовѣрчивости къ его литературной будущности. Первый его романъ имѣлъ успѣхъ больше въ отзывахъ, чѣмъ въ распродажѣ. Второй рѣшительно сѣлъ на мель. Иной требовалъ у него предисловія Эжена Сю, другой рекомендательнаго письма отъ мосьё Ламартина, третій хотѣлъ напередъ обезпечить себя фёльетономъ Жюль-Жанена. Всѣ согласны были въ томъ, что безразсудно тратиться на изданіе, и ни одинъ не рѣшался дать ни малѣйшаго задатка. Орасъ проклялъ ихъ всѣхъ, отъ мала до велика, и воротился домой съ отчаяньемъ въ душѣ.

На другой день онъ продалъ лошадь, чтобъ разсчитать и отпустить слугу; на третій продалъ часы, чтобъ имѣть нѣсколько золотыхъ монетъ и еще разъ разъиграть роль богача. Онъ пошелъ къ Луи Мерану, котораго засталъ за вистомъ съ пріятелями. Орасъ выигралъ нѣсколько луидоровъ, проигралъ ихъ, снова выигралъ, и ушелъ въ три часа утра, задолжавъ 500 франковъ, которые, по законамъ этого кружка, долженъ былъ заплатить въ три дня одному изъ лучшихъ своихъ пріятелей, человѣку тысячами съ тридцатью ливровъ годоваго дохода, подъ страхомъ подвергнуться презрѣнію и прослыть нищимъ. Надорвавшись по-пусту хлопотами, чтобъ достать эти деньги у какого-нибудь издателя, вечеромъ на третій день онъ рѣшился занять ихъ у Луи Мерана, не безъ сердечнаго трепета, ибо зналъ, что, кромѣ новаго счастія въ игрѣ, не имѣетъ средствъ от-

дать ихъ; прежняя беззаботность замѣнилась недовѣрчивостью и страхомъ, послѣ того, какъ онъ изъвѣдалъ заманчивыя наслажденія богатства и горькія заботы внезапнаго обѣднѣнія. Это страданіе было тѣмъ больше, что ему показалось, будто во взглядѣ и во всей наружности пріятеля есть что-то холодное и принужденное, непохожее на обыкновенную его услужливость и довѣріе. До-тѣхъ-поръ, этотъ молодой человѣкъ, давая ему взаймы, казалось, больше одолжался, чѣмъ одолжалъ, и Орасъ, правда, до-тѣхъ-поръ платилъ ему аккуратно. Распустивъ о себѣ мнѣніе, какъ о человѣкѣ богатомъ, онъ платилъ неисправно — не прежніе долги, а тѣ, которые набиралъ у новыхъ своихъ знакомыхъ. Въ этотъ день ему показалось, что Луи Меранъ дѣлалъ одолженіе съ неудовольствіемъ, скрываемымъ изъ вѣжливости. Не-уже-ли онъ угадалъ, что нынче въ первый разъ Орасъ не имѣлъ средствъ расплатиться? Но какъ онъ могъ это угадать? Орасъ уничтожилъ свой экипажъ и съѣхалъ съ прекрасной меблированной квартиры, которую занималъ, подъ предлогомъ близкаго путешествія въ Италію, объявленнаго съ давнихъ поръ: — предпріятія, для котораго онъ отказывалъ себѣ въ покупкѣ мёбели и обзаведенія, сообразномъ съ его мнимымъ состояніемъ. Онъ притворялся, будто задержанъ еще на нѣсколько дней непредвидѣнными дѣлами, надѣясь, что въ это короткое время фортуна игры, и даже любовное счастіе, перемѣнятся въ его пользу, и позволятъ отсрочить на неопредѣленное время поѣздку.

Какъ бы то ни было, а холодное лицо знатнаго пріятеля и родъ принужденности, какую онъ замѣтилъ въ немъ по отказу ѣхать вмѣстѣ въ Оперу, причинили ему сильное безпокойство. Онъ боялся, не навлекъ ли на себя подозрѣнія въ жалкомъ положеніи озабоченнымъ видомъ, какой имѣлъ нѣсколько дней, и рѣшился истребить эти сомнѣнія, явившись вечеромъ въ обществѣ съ своимъ обычнымъ дендизмомъ. Онъ отъискалъ въ глубинѣ Сите мѣнялу, съ которымъ нѣкогда имѣлъ дѣло, продалъ ему съ большимъ убыткомъ свою бриліантовую булавку, за то положилъ сотню франковъ въ карманъ, нанялъ карету, надѣлъ лучшее остававшееся у него платье, заткнулъ великолѣпную розу за пуговицы, и помѣстился на аван-сценѣ Оперы, въ одной изъ тѣхъ видныхъ ложъ, которыя нынче называются, кажется, *львиными клѣтками*. Въ то время, франты Кафе-де-Пари еще не носили страннаго названія «львовъ»; но полагаю, это былъ тотъ же родъ денди, съ небольшою разницею. Орасъ записался въ исключеніе человѣческаго рода, и усердно показывалъ это. У него былъ входъ въ эту ложу, гдѣ Луи Меранъ платилъ за часть помѣщенія и возилъ туда его разъ или два въ недѣлю. Прочіе наемщики всегда принимали его съ радостью, потому-что онъ былъ любимъ всѣми и умъ его оживлялъ зѣвающую и скучливую группу. Но въ

этотъ вечеръ едва повернули голову, когда онъ вошелъ, и никто не посторонился дать ему мѣсто. Правда, Нурри пѣлъ съ мадамъ Дамо-рò дуэтъ изъ «Вильгельма Телля»:

«О Матильда, идолъ жизни моей» и проч.

Вѣроятно, въ эту минуту слушали его съ большимъ вниманіемъ. Орасъ, сначала испугавшійся, ободрился и скоро принялъ всю свою осанку, когда, по окончаніи дѣйствія, одинъ изъ этихъ господъ пригласилъ его къ себѣ ужинать, вмѣстѣ съ прочими, послѣ спектакля. Онъ усиливался быть забавнымъ, и въ-самомъ-дѣлѣ сталъ остроуменъ до чрезвычайности. Однакожь, время-отъ-времени, казалось ему, будто вкругъ него летаютъ презрительныя улыбки. Тогда глаза у него мутились, въ ушахъ звенѣло, онъ уже не слыхалъ оркестра, не видалъ въ залѣ ничего, кромѣ летающаго стада призраковъ, которые глядѣли на него, указывали пальцами, жестоко насмѣхались, — и женскихъ привидѣній, которыя говорили другъ другу странныя слова изъ-за опахалъ: *бродяга, хвастунъ, фанфаронъ, разночинецъ, homme de rien.* Онъ готовъ былъ упасть въ обморокъ, и когда, опомнившись, увѣрялся, что это только обманъ воображенія, то дѣлалъ жестокія усилія скрыть свою муку. Одинъ изъ товарищей спросилъ его, отъ-чего онъ такъ блѣденъ. Орасъ, смутившись еще больше этимъ замѣчаніемъ, отвѣчалъ, что болѣнъ. *Не голодны ли вы?* сказалъ другой. Орасъ совершенно растерялся. Въ этомъ незначительномъ словѣ ему слышалась жестокая эпиграмма. Онъ думалъ уйдти, скрыться, не показываться никогда. Потомъ разсудилъ, что такъ не слѣдуетъ оставлять дѣла, что должно добиться объясненія, открыто принять нападеніе, чтобъ защищаться смѣло, узнать во что бы ни стало, былъ ли онъ жертвою тайнаго преслѣдованія, или видѣлъ дурной сонъ. Онъ послѣдовалъ за веселой шайкою къ амфитріону этой ночи, попеременно то убиваемый, то оживляемый холоднымъ или ласковымъ видомъ товарищей.

Хозяйка амфитріона была очень красива, очень умна, насмѣшлива и язвительна до крайности. Орасъ всегда ненавидѣлъ ее и боялся, хоть она и оказывала ему благосклонность. Въ этотъ вечеръ, на ней было красное атласное платье; бѣлокурые волосы ея распущены по плечамъ, во взглядѣ свѣтилось что-то болѣе обыкновеннаго дерзкое. Глаза сіяли дьявольскимъ блескомъ: это была настоящая дочь Люцифера. Она приняла Ораса съ кошечьею ласкою, посадила подлѣ себя за столомъ, и наливала ему своей прекрасной ручкою самыя крѣпкія рейнскія вина. Много веселились, обращались съ Орасомъ по-прежнему, просили его читать стихи, апплодировали, наливали рюмки при каждой строфѣ, ободряли его, льстили, и наконецъ успѣли его опьянить если

не до потери разсудка, то по-крайней-мѣрѣ до возвращенія самоувѣренности.

Тогда одинъ изъ собесѣдниковъ сказалъ ему: — Кстати о женщинахъ; объясните намъ, мой милый, отъ-чего виконтесса де-Шальй такъ жестоко васъ преслѣдуетъ? Правда ли, что за завтракомъ въ Кафе́-де-Пари съ Б*** и А*** вы компрометтировали ее?

— Не помню, отвѣчалъ Орасъ:—кажется, нѣтъ.

— Такъ вамъ надобно бы оправдаться передъ нею; потому-что ей сказали, будто вы хвастались тѣмъ, чѣмъ честные люди никогда не хвастаются....

— На-тощакъ! подхватилъ другой. — Но вѣдь *in vino veritas*, не такъ ли, Орасъ?

—Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ Орасъ:—ка̀къ бы ни былъ я пьянъ, мнѣ не должно бы ни чѣмъ хвастаться.

— Онъ хочетъ сказать, замѣтила Прозерпина (такъ прозвалъ Орасъ въ этотъ вечеръ любовницу хозяина): — что ему нѐчѣмъ бы хвастаться, и я согласна съ нимъ. Ваша виконтесса суха, лоснится, и угловата какъ раковина.

— Она очень-умна, перервалъ кто-то.—Признайтесь, Орасъ, вѣдь вы были влюблены въ нее?

— Почему жь не такъ? Но если и былъ когда-нибудь влюбленъ, то ужь не помню объ этомъ.

—А говорятъ, будто вы такъ вспомнили, что разсказывали странныя вещи о вашемъ житьѣ-бытьѣ въ деревнѣ прошлымъ лѣтомъ?

— Что̀ значатъ всѣ эти вопросы? сказалъ Орасъ, поднявъ голову. —Развѣ я въ судѣ присяжныхъ?

— Э, нѣтъ! сказала Прозерпина: — много-что развѣ въ исправительной полиціи. Ну, любезный поэтъ, откройтесь намъ по-дружески. Виконтесса не стала бы васъ такъ сильно ненавидѣть, еслибъ прежде не любила сильно.

— А давно ли я имѣю честь быть у ней въ ненависти?

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ стали ей невѣрны, прекрасный вѣтреникъ!

— Если я былъ невѣренъ, въ этомъ вы виноваты, жестокая красавица, отвѣчалъ Орасъ такимъ же шуточнымъ тономъ.

— Такъ вы признаётесь, подхватила она: — что клялись обожать ее до гроба?

— Долго ли будутъ продолжаться эти допросы? сказалъ смѣясь Орасъ.

— Нѣтъ сомнѣнія, сказалъ кто-то:—что виконтесса очень-сердита на васъ, и говоритъ о васъ много дурнаго.

— Что̀ же дурнаго можетъ она говорить обо мнѣ, скажите, пожалуйста?

— Вамъ угодно знать?

— Очень...

— Извольте. Она говоритъ, будто вы бѣднякъ, а хотите слыть богачомъ; будто вы мальчикъ, а выдаете себя за мужчину; будто всѣ женщины смѣются надъ вами, а вы играете роль побѣдителя.

— Наконецъ-то, подумалъ Орасъ, пришла минута выдержать бурю. — Если виконтессѣ угодно разглашать подобныя нелѣпости, отвѣчалъ онъ твердо:—то, какъ я не знаю средства мстить женщинѣ, ограничусь тѣмъ, что скажу: она ошибается; но если бы мужчина повторилъ это мнѣ съ малѣйшимъ сомнѣніемъ въ моей добросовѣстности, я отвѣчалъ бы ему, что онъ лжетъ.

Человѣкъ, къ которому обращенъ былъ этотъ отвѣтъ, сдѣлалъ гнѣвное движеніе. Сосѣдъ остановилъ его, и поспѣшилъ сказать довольно-двусмысленнымъ тономъ:

— Никто здѣсь не сомнѣвается въ вашей добросовѣстности. Если вы измѣнили секрету вашей любви съ женщиною, въ состояніи нетрезвости, когда въ-самомъ-дѣлѣ истина вырывается безъ нашего вѣдома, то виконтесса простираетъ мщеніе слишкомъ-далеко, клевеща на васъ. Но если вы ее оклеветали? еслибъ, досадуя на отказъ, вы солгали, надобно бы извинить плату тою же монетою.

— Но вы сами, кажется, сомнѣваетесь, милостивый государь? сказалъ Орасъ.—Желательно было бы знать ваше мнѣніе на мой счетъ.

— Мое мнѣніе таково, что вы были ея любовникомъ, что сказали объ этомъ кому-нибудь, разгоряченные шампанскимъ, и поступили очень-непохвально.

— Кàкъ вамъ это кáжется? сказала Прозерпина, наливая Орасу рюмку:—рѣшайте, господа-судьи!

— Это стòитъ двухъ дней секретнаго заключенія въ молельнѣ мадамъ ***. Тутъ назвали прекрасную вдову, на которой Орасъ надѣялся жениться.

— Э! развѣ есть еще обвинительный актъ и за нее? сказала Прозерпина, посмотрѣвъ на Ораса съ такимъ укоризненнымъ видомъ, что у него голова закружилась отъ тщеславія.

Хотя Орасъ немного опьянѣлъ, однако понялъ, что имѣетъ нужду во всей головѣ своей, и воздержался опорожнить рюмку. По взглядамъ собесѣдниковъ старался онъ угадать, была ль эта перепалка коварными тенетами, или пріятельскою шуткою. Ему показалось, что тутъ не было ничего злонамѣреннаго, и онъ шутливо выдерживалъ всѣ допросы. Все, чтò ему говорили, объясняло таинственный для него дотолѣ пунктъ,—что виконтесса повредила ему у вдовы. Сверхъ-того, онъ видѣлъ, что виконтесса старалась очернить его въ мнѣніи пріятелей; и манера, какъ представляли всѣ эти вещи, давала поводъ думать, что такая ожесточенная война была слѣдствіемъ

оскорбленной любви. Ему казалось, что всѣ расположены судить такъ и освободить его отъ обидныхъ подозрѣній, взведенныхъ на него раздраженною и ревнивою женщиной. Онъ не могъ оправдаться иначе, какъ признавшись въ короткости съ нею; но не могъ признаться, не подвергаясь упреку въ непристойномъ хвастовствѣ, которое отрицалъ съ четверть часа. Оставалось одно: напиться совершенно пьянымъ, и онъ пустился пить сколько могъ больше, чтобъ имѣть право говорить будто противъ воли. Но по одной изъ странностей человѣческаго разсудка, который покидаетъ насъ, когда мы хотимъ его удержать, и который упорно остается намъ вѣренъ, когда хотимъ его прогнать, чѣмъ больше пилъ онъ, тѣмъ меньше чувствовалъ себя пьянымъ. Голова у него заболѣла, вѣки отяжелѣли, языкъ сталъ прилипать, а мозгъ никогда еще не бывалъ такъ ясенъ. Однакожь, надо было заговариваться, и Орасъ началъ заговариваться. Онъ признался мнѣ въ этомъ послѣ, вынужденный строгими разспросами: онъ притворялся пьянымъ не будучи пьянъ, и притворяясь потерявшимъ разсудокъ, очень разборчиво представлялъ неопровержимыя доказательства истины. Онъ дѣлалъ это съ нѣкоторымъ наслажденіемъ злобы на коварную женщину, хотѣвшую его обезславить, и думалъ, что насытилъ роковое удовольствіе мщенія, ибо видѣлъ слушателей готовыхъ рукоплескать его признаніямъ, и отмѣчать ихъ какъ-бы для того, чтобъ обличить хитрость его непріятельницы.

Но вдругъ хозяинъ всталъ, и, прощаясь съ уѣзжавшими гостьми, сказалъ ему съ презрительной холодностью слѣдующія циническія слова: «Ступайте спать, Орасъ, потому-что хоть вы одурманены не больше моего, однакожь вы...»

Орасъ не разслушалъ послѣдняго слова, а я не стану повторять его. Онъ какъ-будто ослѣпъ; ноги его подгибались, языкъ не могъ пролепетать ни слова; его увезли и скорѣе выкинули, чѣмъ высадили у дверей Луи Мерана, у котораго, сдавъ свою квартиру, онъ жилъ покамѣстъ. То, что̀ онъ вытерпѣлъ, очутившись одинъ, могутъ понять только тѣ, кому доводилось упрекать себя въ такихъ же заблужденіяхъ. Мучимый страшною физическою болью, не въ силахъ будучи дотащиться до постели, онъ провелъ остатокъ ночи на креслахъ, измѣряя ужасъ своего положенія, потому-что, на бѣду его, разсудокъ его былъ совершенно-свѣжъ, и онъ уже не обманывалъ себя на-счетъ презрѣнія, какое внушалъ этимъ людямъ, которыхъ хотѣлъ-было ослѣпить и обмануть, и которые, не смотря на превосходство его ума, заманили его въ грубыя сѣти. Теперь онъ понималъ испытаніе, которому его подвергали, и поведеніе, какое долженъ былъ бы соблюсти, чтобъ оправдаться. Еслибъ онъ твердо выслушалъ клеветы Леоніи, не нарушая тайны ея слабости, и допустилъ подозрѣніе, вмѣсто того, чтобъ отвращать его посредствомъ низкаго мщенія, то, хоть

судьи его не были ни слишкомъ-образованы, ни слишкомъ-деликатны на такіе предметы, у нихъ достало бы однакожь великодушнаго инстинкта въ душѣ простить ему все. Осуждая тщеславіе характера, они уважили бы благородство и доброту его сердца. Эти вѣтренные молодые люди, бывшіе не лучше его во многихъ отношеніяхъ, получили по-крайней-мѣрѣ отъ большаго свѣта какія-то рыцарскія понятія, которыя сдѣлали бы ихъ великодушными, еслибъ Орасъ умѣлъ подать имъ примѣръ великодушія. Схватившись за роль свысока, онъ упалъ ниже, чѣмъ заслуживалъ.

Сомнѣваться на этотъ счетъ онъ уже не могъ. Везя его въ каретѣ, четверо или пятеро изъ этой молодежи притворились, будто считаютъ его спящимъ, какъ онъ и самъ притворялся, и наговорили много страшныхъ словъ, выражавшихъ холодность и иронію. Онъ осужденъ былъ не вступаться за эти слова, потому-что осудилъ себя казаться неслышавшимъ ихъ. Ему хотѣлось кричать; неистовыя конвульсіи пробѣгали по всѣмъ его членамъ, и первый разъ отъ роду, вмѣсто того, чтобъ дать волю своему нервическому раздраженію, онъ имѣлъ силу подавлять его, ибо видѣлъ, что ему не повѣрятъ и не пощадятъ его безумства. Въ-самомъ-дѣлѣ, это было слишкомъ-суровое наказаніе для молодаго человѣка, который былъ только тщеславенъ, вѣтренъ и неопытенъ.

Поздно поутру, Луи Меранъ вошелъ къ нему въ комнату съ такимъ строгимъ лицомъ, что Орасъ, не могши выдержать, закрылъ руками глаза, чтобъ скрыть слезы. Луи, тронутый его горестью, подвинулъ стулъ, сѣлъ подлѣ него, и, взявъ его за руку съ серьёзною ласкою, заговорилъ съ нимъ гораздо-умнѣе и возвышеннѣе, чѣмъ, казалось, можно было бы ожидать отъ него. Это былъ молодой человѣкъ довольно-неученый, воспитанный баловнемъ, но добрый въ душѣ, а нѣжность сердца возвышаетъ умъ, когда нужно. — Орасъ! сказалъ онъ ему: — я знаю все, что̀ происходило нынѣшнею ночью за ужиномъ, на которомъ я не хотѣлъ быть, чтобъ не быть свидѣтелемъ униженія, какое вамъ тамъ готовилось. Я невольно вступился бы за васъ, и принужденъ бы былъ поссориться съ людьми, которыхъ, по праву старинной дружбы, долженъ предпочесть вамъ. Я употреблялъ все возможное, чтобъ заставить васъ остаться вчера дома: вы не хотѣли понять меня. Наконецъ вы поддались, и сдѣлали свое положеніе хуже прежняго. Вы надѣлали ошибокъ; передъ судомъ своей совѣсти я нахожу ихъ довольно-простительными, но за нихъ не найдете вы пощады въ этомъ надменномъ и холодномъ свѣтѣ, съ которымъ хотѣли бороться, не зная его. У васъ есть неумолимая непріятельница, которой вы можете платить раною за рану, обидой за обиду. Это злая женщина, которой остерегаться научился я горькимъ опытомъ. Она принадлежитъ свѣту, а вы нѣтъ. Насмѣшники

будутъ на вашей, люди съ вліяніемъ на ея сторонѣ. Она станетъ вытѣснять васъ отовсюду, какъ вытѣснила отъ мадамъ ***. Послушайтесь меня, оставьте Парижъ, уѣзжайте, дайте забыть о себѣ; и если непремѣнно хотите когда-нибудь опять явиться въ то, что очень-произвольно, разумѣется, зовутъ хорошимъ обществомъ, не возвращайтесь иначе, какъ съ обезпеченнымъ состояніемъ и почетнымъ именемъ въ литературѣ. Вы сдѣлали большую ошибку, желая насъ обманывать. Зачѣмъ это? Никто изъ насъ никогда не вмѣнилъ бы вамъ въ преступленіе бѣдности и незнатности. Съ вашимъ умомъ и достоинствами, вы вошли бы въ нашъ кружокъ, не такъ скоро, можетъ-быть, за то прочнѣе. Начавъ съ невѣрнаго положенія, вы захотѣли вдругъ наслаждаться выгодами богатства и уваженія, которыя только трудъ и поведеніе гордое и скромное съ нами могли вамъ доставить. Еслибъ я зналъ, что вы сынъ неважнаго провинціальнаго чиновника, а не внукъ совѣтника Парламента, я отвратилъ бы васъ отъ ребяческой мысли перемѣнять имя. Наконецъ, еслибъ я зналъ, что у васъ рѣшительно нѣтъ никакого состоянія, я не допустилъ бы васъ до образа жизни, въ которомъ вы могли только запятнать честь свою. Но ошибка сдѣлана. Поправить ее предоставьте времени, которое заглушаетъ пересуды, и моей дружбѣ, которая останется вамъ вѣрною. У васъ есть талантъ и свѣдѣнія. Вы можете, при хорошемъ поведеніи, пойдти когда-нибудь рядомъ съ этими блестящими лицами, которыхъ непринужденный видъ соблазнилъ васъ, и на которыхъ, можетъ-быть, станете смотрѣть тогда съ сожалѣніемъ. Обѣщайте мнѣ, что вы уѣдете, и притомъ не стараясь никакой опрометчивостью отмстить за подозрѣнія на свой счетъ. У васъ былъ бы десятокъ дуэлей, которыя не доказали бы истины вашихъ словъ, и только дали бы вашему приключенію гласность, которой оно еще не имѣетъ. Вамъ нужны деньги на путешествіе; извольте, вотъ онѣ— слишкомъ небольшія конечно, чтобъ жить за границею знатнымъ человѣкомъ, но достаточныя, чтобъ скромно ожидать плодовъ своего труда. Вы отдадите ихъ мнѣ, когда будете въ силахъ. Не совѣститесь принять это одолженіе; у меня есть состояніе, и я даю вамъ слово, Орасъ, что никогда не обязывалъ васъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ теперь.

Орасъ, проникнутый раскаяніемъ и признательностью, крѣпко пожалъ руку Луи, упрямо отказался отъ бумажника, который тотъ предлагалъ ему, очень-ласково поблагодарилъ его за добрые совѣты, обѣщалъ имъ послѣдовать, и поспѣшно оставилъ домъ. Луи Меранъ тотчасъ написалъ ко мнѣ, увѣдомляя обо всѣхъ этихъ происшествіяхъ, и прося принудить Ораса взять отъ моего имени пособіе, котораго онъ не хотѣлъ принять отъ него, и которое было ему необходимо для путешествія.

Къ-несчастію, обязательность этого отличнаго молодаго человѣка не

могла быть приведена въ исполненіе такъ скоро, какъ онъ желалъ того. Орасъ не являлся ко мнѣ, и я искалъ его нѣсколько дней, не могши открыть его убѣжища.

XIII.

Трое или четверо сутокъ провелъ онъ въ затворничествѣ, терзаясь стыдомъ и нищетою, не зная, куда бѣжать отъ одного, и какъ устранить другую. Душа его потерпѣла самое жестокое пораженіе, какое только способна была чувствовать. Страданія любви, угрызенія совѣсти, самыя заботы бѣдности никогда не потрясали его серьёзно; но глубокой раны, нанесенной его тщеславію, было слишкомъ-много для наказанія, хоть и недостаточно для исправленія. Орасъ не имѣлъ ни силы, ни бодрости противостать поразившему его приговору. Запершись на чердакѣ, одиноко бродя ночью по улицамъ, онъ ломалъ себѣ руки и плакалъ какъ дитя. И такъ свѣтъ, то - есть пышная и разсѣянная жизнь, этотъ элизей его мечтаній, это убѣжище отъ всѣхъ упрековъ совѣсти, былъ навсегда затворенъ для него! Утѣшенія, какія представлялъ ему Луи Меранъ, казались ему обманчивыми. Онъ зналъ, что люди, живущіе претензіями, по ихъ понятію законными, безжалостны къ неосновательнымъ претензіямъ другаго. Онъ былъ столько гордъ, что не хотѣлъ воротить къ себѣ милости, стараясь оправдать свое поведеніе; и даже тогда, когда былъ бы увѣренъ, что выйдетъ въ глазахъ свѣта побѣдителемъ изъ борьбы съ виконтессою, одна мысль подвергнуться униженіямъ, похожимъ на тѣ, которыя онъ испыталъ уже, заставляла его содрогаться отъ горечи и негодованія.

Онъ столько нахвасталъ своимъ кратковременнымъ богатствомъ, какъ передъ прежними друзьями, такъ и въ перепискѣ съ родителями, что уже не смѣлъ, въ крайности, ни къ кому прибѣгнуть. И, говоря правду, онъ не смѣлъ остановиться ни на одномъ планѣ. Онъ чувствовалъ, что самымъ удобоисполнимымъ, самымъ благоразумнымъ планомъ было бы воротиться на родину и работать тамъ надъ новымъ литературнымъ произведеніемъ, чтобъ уплатить послѣдніе долги и копить деньги, съ которыми можно бъ было пуститься пѣшкомъ въ Италію; но для этого не ставало у него духа. Онъ зналъ, что родители, обманутые на-счетъ его литературныхъ успѣховъ, разгласили о нихъ подъ всякою кровлею своего городка, и боялся, чтобъ когда-нибудь злословіе, случайно собранное вдалекѣ, не замѣнило презрѣніемъ извѣстность, которую онъ тамъ себѣ сдѣлалъ. Полугодомъ раньше, онъ весело и безпечно занималъ бы по луидору въ недѣлю у разныхъ школьныхъ своихъ товарищей. Въ этомъ мірѣ никто

не краснѣетъ своей бѣдности, и со смѣхомъ разсказываютъ другъ другу, что накакунѣ не обѣдали, за неимѣніемъ девяти су, чтобъ заплатить свою долю у Руссо. Но когда посѣщаешь салоны, запертые для нуждающихся, когда обрызгиваешь грязью своего экипажа пріятелей, идущихъ пѣшкомъ, тогда скрываешь свою бѣдность, какъ порокъ, и голодъ свой, какъ безчестіе.

Однакожь, какъ-то вечеромъ, Орасъ рѣшился прійдти ко мнѣ, предварительно возвращаясь разъ по-крайней-мѣрѣ десять назадъ. Видъ его былъ грустенъ: лицо поблекло, щеки впали, глаза потускли. Непричесанные волосы носили еще слѣды завивки, и, стремясь принять свое естественное положеніе, торчали жесткими, скрученными клоками вокругъ лба. У него не доставало духа скрывать свою бѣдность подъ усиліемъ опрятности. Во всей его небрежной наружности виднѣлось глубокое уныніе, въ какое впалъ онъ. Рубашка, тонкая и отлично-сшитая, была запачкана и измята. На платьѣ превосходнаго покроя было много оторванныхъ или надломленныхъ пуговицъ, и замѣтно, что его давно не чистили. Сапоги покрыты сухой грязью. Онъ былъ безъ перчатокъ, и держалъ въ рукахъ, вмѣсто трости, толстую свинчатую палку, какъ-будто безпрестанно былъ на сторожѣ отъ какой-нибудь засады.

Къ-счастію, мы съ Эженѝ были предупреждены, и не показали никакого удивленія, увидѣвъ его въ такомъ преображеніи. Мы притворились, будто не замѣчаемъ этого, и, не разспрашивая его, тотчасъ пригласили обѣдать. Впрочемъ, мы уже отобѣдали; но Эженѝ меньше чѣмъ въ четверть часа приготовила новый обѣдъ, который мы показывали будто ѣдимъ, и въ которомъ Орасъ такъ нуждался, что не могъ замѣтить хитрость. Онъ очень отощалъ, но чувствовалъ чрезвычайную тягость какъ-скоро наѣлся, и заснулъ на стулѣ прежде, чѣмъ успѣли снять скатерть. Комнатка, которую занимала Марта, рядомъ съ нашею, стояла случайно порожняя. Мы внесли туда на́скоро веревочную кровать и нѣсколько стульевъ; потомъ, подошедъ ласково къ Орасу, Эженѝ сказала ему: — Вы очень-нездоровы, любезный Орасъ, и хорошо бы сдѣлали, легши на постель, на которой у насъ спалъ въ послѣднее время одинъ пріятель, и которая стоитъ еще тамъ. Пользуйтесь ею, пока почувствуете себя лучше.

—Въ-самомъ-дѣлѣ, я больнёхонекъ, отвѣчалъ Орасъ:—и если это васъ не обезпокоитъ, принимаю ваше гостепріимство до завтра. Онъ пошелъ въ комнату Марты, и не казался пораженъ, входя туда, никакимъ прискорбнымъ воспоминаніемъ. Онъ какъ-то очерствѣлъ, и это состояніе, столь непохожее на его обычную живость, имѣло въ себѣ нѣчто ужасающее.

На другой день утромъ онъ еще спалъ, когда Поль-Арсенъ пришелъ къ намъ съ ребенкомъ Марты на рукахъ.—Принесъ вамъ ваше-

го крестника, сказалъ онъ Эжени, которая полюбила этого полнаго мальчика и дала ему имя Эжена.—Мать завалена сегодня работою; стало-быть и я тоже. Она дебютируетъ нынѣшній вечеръ въ Gymnase, куда я опредѣлился кассиромъ, какъ вамъ извѣстно. Старуха Олимпія немножко-больна, да и слаба становится головою. Мы боимся, что за нашимъ *сокровищемъ* нѣкому будетъ присмотрѣть. Помогите вы намъ и продержите его весь день у себя, если можете это сдѣлать безъ особенной себѣ помѣхи.

— Подайте мнѣ скорѣе *сокровище*! воскликнула Эжени, схвативъ съ радостью младенца, котораго Арсенъ, въ своей наивной и сильной нѣжности, уже не называлъ иначе.

— Сокровище прекрасно, сказалъ я ей: — но подумали ль вы о встрѣчѣ, которая неизбѣжна сейчасъ?..

—Арсенъ, сказала Эжени:—соберитесь хорошенько съ твердостью и хладнокровіемъ: здѣсь Орасъ.

Арсенъ поблѣднѣлъ.—Нужды нѣтъ, сказалъ онъ:—послѣ того, что̀ вы мнѣ открыли, я долженъ былъ ожидать встрѣтиться съ нимъ у васъ на-дняхъ. Имя ребенка не написано на лбу; притомъ же, по его милости, наше *сокровище* анонимъ. Бѣдный малютка! промолвилъ онъ, поцаловавъ дитя:—поручаю его вамъ, Эжени; не отдавайте его законному владѣльцу.

— Онъ и не потребуетъ, будьте покойны! отвѣчала она со вздохомъ.—А вы, увѣдомьте вашу жену, чтобъ она не ходила сюда нѣсколько дней. Орасу нельзя оставаться въ Парижѣ, и встрѣчи легко можно будетъ избѣжать.

— Очень желаю этого, сказалъ Арсенъ:—мнѣ кажется, этотъ человѣкъ не можетъ даже взглянуть на нее, не сдѣлавъ ей вреда. Впрочемъ, если она захочетъ видѣть его, да будетъ ея воля! До-сихъ-поръ говорила она, что не хочетъ. Прощайте. Вечеромъ я пріиду за моимъ дитятей.

— А! у васъ есть дитя? сказалъ равнодушно Орасъ, вошедъ къ намъ завтракать часовъ въ десять.

— Да, у насъ есть дитя, отвѣчала Эжени съ тайнымъ чувствомъ злости.—Какъ вы его находите?

Орасъ посмотрѣлъ на него.—Онъ на васъ не похожъ, сказалъ онъ также равнодушно.—Правда, эти куколки непохожи ни на что, или, лучше сказать, всѣ похожи другъ на друга. Я никогда не понималъ, ка̀къ можно отличить маленькаго ребенка отъ другаго ребенка того же возраста. Сколько этому отъ-роду? мѣсяцъ или два?

— Сейчасъ замѣтно, что вы никогда ни къ одному изъ нихъ не приглядывались! сказала Эжени. — Ему восемь мѣсяцевъ, и онъ безподобенъ для своего возраста. Не находите ли вы, что это прекрасный ребенокъ?

— Я въ нихъ не знаю толку. Готовъ найдти его *изумительнымъ,* если это вамъ пріятно... Однакожь, позвольте; не можетъ быть, чтобъ онъ былъ вашъ. Я васъ видѣлъ восемь мѣсяцевъ назадъ... Признайтесь, вѣдь это не вашъ ребенокъ?

— Нѣтъ, сказала Эжени отрывисто.—Я надъ вами пошутила; это ребенокъ нашего дворника, мой крестникъ.

— И вамъ весело носить его на рукахъ, занимаясь хозяйствомъ?

— Не подержите ль его немножко, сказала она, подавая ему:—пока я готовлю завтракъ?

— Если это нѣсколько ускоритъ нашъ завтракъ, извольте; но увѣряю васъ, что я не знаю, ка̀къ обходиться съ *этой вещью,* и если ему вздумается кричать, я не съумѣю ничего сдѣлать, какъ только положить его на полъ. Фи! Такъ какъ вы не мать ему, признаюсь вамъ, Эжени, онъ очень-гадокъ съ своими толстыми щеками и круглыми глазами!

— Онъ красивѣе васъ, вскричала Эжени съ непритворнымъ сердцемъ:—вы не сто̀ите того, чтобъ дотрогиваться до него.

— Ну, вотъ онъ и запищалъ! сказалъ Орасъ:—позвольте отнести его въ комнатку его любезныхъ родителей.

Ребенокъ, испугавшись большой черной бороды Ораса, кинулся съ крикомъ на грудь Эжени.—А я, сказала она, лаская его, чтобъ унять:—я была бы радёхонька, еслибъ имѣла такое дитя, какъ ты, мое бѣдное сокровище!

Орасъ презрительно усмѣхнулся, и, погрузясь въ кресла, задумался. Казалось, прошедшее проснулось наконецъ въ его памяти, и онъ грустно сказалъ мнѣ, когда Эжени, положивъ ребенка ко мнѣ на колѣни, вышла въ другую комнату:—Эжени никогда мнѣ не проститъ непониманія отеческихъ радостей: право, женщины несправедливы и безжалостны. Я объ этомъ много раздумывалъ послѣ *моего несчастія;* напрасно искалъ я, ка̀къ семейныя удовольствія могутъ годиться двадцати-лѣтнему человѣку,—ничего не нашелъ. Еслибъ ребенокъ могъ родиться на свѣтъ въ десятилѣтнемъ возрастѣ, въ развитіи красоты и смысла (предполагая конечно, что онъ не былъ бы ни безобразенъ, ни рыжъ, ни горбатъ, ни идіотъ), я еще понялъ бы до нѣкоторой степени, что можно имъ интересоваться. Но ухаживать за этимъ маленькимъ существомъ неопрятнымъ, сморщеннымъ, безсмысленнымъ, а между-тѣмъ деспотическимъ,—дѣло женщинъ, и Богъ далъ имъ для этого внутренность, отличную отъ нашей.

— Это справедливо только до нѣкоторой степени, отвѣчалъ я. — Женщины любятъ ихъ нѣжнѣе нашего и лучше умѣютъ ихъ воспитывать въ первые годы ; но я не понимаю, чтобъ передъ этимъ слабымъ и таинственнымъ существомъ, которое заключаетъ въ себѣ невѣдомое прошедшее и будущее, можно было ощущать что-ни-

будь, кромѣ отвращенія. Простолюдины лучше насъ, Орасъ. Они любятъ своихъ малютокъ съ удивительной чистотою. Не-ужь-то вы никогда не чувствовали почтенія и умиленія при видѣ грубаго работника, выходящаго вечеромъ за дверь съ младенцемъ на голыхъ, еще почернѣлыхъ отъ работы рукахъ, чтобъ утѣшить и облегчить его мать?

— Это добродѣтели несовмѣстимыя съ опрятностью, отвѣчалъ Орасъ презрительно-насмѣшливымъ тономъ, забывая, что въ эту минуту самъ былъ очень-неопрятенъ; потомъ, проведши рукою по лбу, какъ-будто для того, чтобъ собраться съ мыслями, сказалъ:—благодарю тебя за пріютъ на нынѣшнюю ночь; но ужь не для того ли, чтобъ пробудить во мнѣ благотворные упреки совѣсти, помѣстилъ ты меня въ этой несчастной комнатѣ? Мнѣ снились тамъ ужасные сны и, какъ ты теперь видишь меня рѣшительно въ самомъ пасмурномъ расположеніи духа, то позволь сдѣлать тебѣ тягостный и щекотливый вопросъ. Довѣдался ли ты, Теофиль, что̀ сталось съ несчастною, которой сердце разбилъ я по-истинѣ страннымъ преступленіемъ — тѣмъ, что не восхитился мыслью быть отцомъ въ двадцать лѣтъ, когда сверхъ-того былъ въ нуждѣ?..

— Орасъ, сказалъ я ему:— предлагаешь ли ты мнѣ этотъ вопросъ съ тѣмъ чувствомъ, которое у тебя на лицѣ въ сію минуту, то-есть съ довольно-равнодушнымъ любопытствомъ, или съ тѣмъ, которое должно быть у тебя въ сердцѣ?

— Лицо мое окаменѣло, любезный Теофиль, отвѣчалъ онъ съ выраженіемъ, переходившимъ мало-по-малу въ декламацію:—не знаю, могу ли я теперь еще плакать или смѣяться когда-нибудь. Не спрашивай причины; это моя тайна. Что̀ касается до моего сердца, ему, видно, суждено быть непризнаннымъ; но ты, который былъ всегда ко мнѣ добрѣе и снисходительнѣе другихъ, можешь ли ты такъ оскорблять его, сомнѣваясь, что оно вѣчно будетъ страдать этой раною? Еслибъ я узналъ, что Марта жива, что она утѣшилась,—съ меня сегодня бы, можетъ-быть, спа̀ла одна изъ горъ, гнетущихъ всю прошедшую жизнь мою, всю мою будущность, можетъ-быть!

— Если такъ, сказалъ я:— объявлю тебѣ истину: Марта не умерла; Марта не несчастна, и ты можешь забыть ее.

Орасъ услышалъ это извѣстіе не съ тѣмъ чувствомъ, какого я ожидалъ-было. Онъ скорѣе имѣлъ видъ человѣка, который переводитъ духъ, сбросивъ съ себя бремя, нежели грѣшника, примиряющагося съ небомъ.—Слава Богу! произнесъ онъ, и снова впалъ въ задумчивость, не прибавивъ ни одного вопроса.

Однако, спустя нѣсколько времени, воротился на этотъ предметъ, и спросилъ, гдѣ и ка̀къ она живетъ.—Я не уполномоченъ давать тебѣ никакого объясненія на этотъ счетъ, отвѣчалъ я: — да и совѣ-

тую, для твоего и для ея спокойствія, не разъискивать; слишкомъ-поздно было бы поправлять тебѣ свои ошибки: довольно съ тебя узнать, что онѣ не нуждаются въ поправленіи.

Орасъ отвѣчалъ мнѣ съ горечью: — Съ той минуты, какъ Марта покинула меня безъ сожалѣній, безъ плановъ на самоубійство, которыхъ я боялся; съ той минуты, какъ она, не будучи несчастною, сбросила свою любовь отъ утомленія или непостоянства, я вижу, что мои заблужденія были отнюдь не такъ тяжки, что ни она, ни другой кто, не имѣетъ права мнѣ напоминать объ нихъ.

— Оставимъ это, сказалъ я.—Теперешняя минута очень-неудобна для объясненія.

Онъ разсердился и ушелъ; однакожь воротился къ обѣденной порѣ. Эженй не смѣла его приглашать, боясь обнаружить, что знаетъ его положеніе. Я не хотѣлъ сказать, что мнѣ оно извѣстно, и ждалъ его собственнаго признанія. Онъ по-видимому былъ еще не расположенъ его дѣлать, и входя сказалъ мнѣ: —Я опять къ тебѣ; мы простились довольно-холодно, Теофиль, а съ тобою я не могу такъ разстаться. Онъ протянулъ мнѣ руку. — Хорошо, сказалъ я:—но въ доказательство, что ты на меня не сердитъ, отобѣдай съ нами. — Пожалуй, отвѣчалъ онъ: — если только это нужно для того, чтобъ загладить мою вину... Мы сѣли за столъ, и не вышли еще изъ-за него, какъ старушка Олимпія пришла за ребенкомъ.

Среди усиленныхъ занятій этого дня, Арсенъ и Марта забыли, что добрая женщина можетъ встрѣтить у насъ Ораса и проговориться передъ нимъ. Къ-несчастію, она была охотница поболтать. Она любила своихъ молодыхъ друзей, какъ сама говорила, безъ памяти; въ этотъ же день, больше обыкновеннаго восхищенная блескомъ ихъ новаго положенія на громкомъ театрѣ, она чувствовала неодолимую нужду поговорить объ нихъ. Эженй дѣлала напрасныя усилія отослать ее поскорѣе съ ея *сокровищемъ*, увести ее въ кухню, заставить понизить голосъ; старуха, не понимая предостереженій, выражала свою радость и умиленіе въ длинныхъ рѣчахъ, звонкихъ восклицаніяхъ, и много разъ поминала г-на и г-жу Арсенъ, до того, что Орасъ, который сперва, считая ее за дворницу, не удостоивалъ вниманія, посмотрѣлъ на нее, слушалъ пристально, и началъ насъ допрашивать тотчасъ по ея уходѣ. О какомъ Арсенѣ она говорила? Неуже-ли Массачіо супругъ и отецъ? Мнимый дворниковъ ребенокъ былъ, значитъ, его? Почему жь не сказать мнѣ этого тотчасъ же? Впрочемъ, я долженъ бы самъ угадать, прибавилъ онъ:—его малютка ужь такой же гадкій и курносый, какъ онъ.

Все это надменное униженіе волновало Эженй до негодованія. Она разбила двѣ тарелки, и, кажется, что, не смотря на свою кротость и привычное достоинство, ей очень хотѣлось пустить третьею Орасу

въ голову. Я чрезвычайно облегчилъ ее, рѣшившись немедленно сказать Орасу истину. Такъ-какъ рано или поздно долженъ же онъ былъ узнать, то лучше ему было узнать все отъ насъ и въ такую минуту, когда мы могли надзирать за ея дѣйствіемъ на него. Арсенъ нѣсколько дней назадъ уполномочилъ меня, и съ своей и съ мартиной стороны, дѣйствовать какъ мнѣ заблагоразсудится въ этомъ обстоятельствѣ.

— Статочное ли дѣло, Орасъ, сказалъ я: — чтобъ ты уже не угадалъ, что жена Поля-Арсена особа очень-знакомая тебѣ, и чрезвычайно-дорогая для насъ?

Онъ задумался на минуту, глядя на насъ попеременно то на одного, то на другаго смущенными глазами. Потомъ, принявъ вдругъ небрежный тонъ, наподобіе маркиза де-Верна, сказалъ: — Въ-самомъ-дѣлѣ, это не можетъ быть никто, кромѣ *ея*, и я очень-глупъ, не понявъ, почему вы такъ встревожились сейчасъ передъ старой корогою, которая приходила за ребенкомъ... Но ребенокъ?.. Да! ребенокъ!.. такъ и есть! старуха очень-ясно сказала *его отецъ,* говоря объ Арсенѣ... ребенокъ восьми мѣсяцевъ... вѣдь ему восемь мѣсяцовъ, сказали вы мнѣ сегодня по утру, Эжени?.. Марта меня оставила назадъ тому десять мѣсяцевъ, если припомню... Боже великій! вотъ превосходная развязка, на которую я не напалъ въ моемъ романѣ! Тутъ Орасъ опрокинулся на стулъ, захохотавъ такимъ принужденнымъ, такимъ насильственнымъ смѣхомъ, что намъ стало страшно, какъ отъ предсмертнаго хрипѣнія умирающаго. — Э! полноте смѣяться! вскричала Эжени, вставая съ раздраженнымъ видомъ, который дѣлалъ ее истинно-прекрасною и величавою: — этотъ ребенокъ, котораго Поль-Арсенъ воспитываетъ и любитъ какъ собственное дитя, — вашъ, если ужь вамъ угодно знать. Вамъ показался онъ гадокъ, потому-что, по вашимъ словамъ, похожъ на него; а ему кажется прекрасенъ, хоть невинный бѣдняжка и походитъ на человѣка самаго себялюбиваго и самаго неблагодарнаго, какой только есть въ мірѣ.

Этотъ порывъ негодованія истощилъ Эжени; задыхаясь и въ слезахъ она упала на стулъ. Орасъ, раздраженный этимъ какъ-бы проклятіемъ, изринутымъ на него съ такою силою, также всталъ-было, но также снова упалъ на стулъ, какъ ошеломленный воплемъ совѣсти, и закрылъ лицо руками.

Такъ оставался онъ больше часа. Эжени, осушивъ слезы, опять принялась за хозяйственные труды; а я въ молчаніи ждалъ, чѣмъ кончится борьба, которая происходила въ сердцѣ Ораса между гордостью, сомнѣніемъ, раскаяніемъ и стыдомъ.

Наконецъ, онъ вышелъ изъ этого бурнаго раздумья, всталъ и на-

чалъ ходить по комнатѣ большими шагами и съ большими жестами.

— Эжени, Теофиль! воскликнулъ онъ, схвативъ насъ обоихъ за руки и пристально глядя на насъ: — не шутите надо мною! Въ вашихъ рукахъ теперь рѣшительный переломъ моей жизни, моя гибель, или спасеніе. Дѣло идетъ о томъ, самый ли я смѣшный или самый низкій изъ людей. Мнѣ хотѣлось бы лучше быть самымъ смѣшнымъ, увѣряю васъ честью.

— Очень вѣрю! отвѣчала Эжени съ презрѣніемъ.

— Эжени, сказалъ я моей гордой подругѣ: — будь снисходительна и кротка съ Орасомъ, умоляю тебя. Онъ очень-жалокъ, потому-что очень-виновенъ. Ты поддалась пылкости своего сердца, обременивъ его сейчасъ тяжкимъ упрекомъ. Но не такъ должно обходиться съ душевными слабостями. Позволь мнѣ говорить съ нимъ, и положись на мою любовь и уваженіе къ твоимъ отсутствующимъ друзьямъ.

— Любовь, уваженіе, подхватилъ Орасъ: — только-то?.. Этого мало; не можешь ли пріискать какого-нибудь обожательнаго слова, болѣе-приличнаго великому, божественному Поль-Арсену? Я, съ своей стороны, готовъ сказать «аминь» на твои славословія; но не прежде, какъ ты мнѣ неоспоримымъ образомъ докажешь, что я точно отецъ, — слышишь ли? *единственный отецъ* этого ребенка, котораго хотятъ навязать мнѣ теперь на шею.

— Совсѣмъ не того хотятъ, сказалъ я ему съ холодной строгостью. — Хотятъ, чтобъ ты никогда не думалъ о своемъ сынѣ; никогда тебѣ не выдавали его за твоего сына; никогда про него не говорили; и еслибъ тебѣ пришло въ голову когда-нибудь потребовать его къ себѣ, то какъ законъ не даетъ тебѣ на него никакого права, его избавили бы отъ запоздалаго и непрошеннаго покровительства. Не ругайся же надъ благородствомъ и привязанностью, которой понять не можешь. Это значило бы унизить себя въ глазахъ всѣхъ, даже въ своихъ собственныхъ, когда спадетъ густая завѣса, ихъ покрывающая. Впрочемъ, въ теперешнюю минуту рѣшительнаго перелома, какъ ты справедливо его называешь, все дѣло въ томъ только, чтобъ стряхнуть эту роковую завѣсу. Ты долженъ одержать побѣду надъ чувствованіями тебя недостойными, и глубоко раскаяться, долженъ выйдти отсюда, исполненный почтенія къ матери твоего сына и признательности къ его названому отцу, — слышишь ли? Долженъ сказать мнѣ, что поступалъ какъ дитя, какъ полоумный, или навсегда унести мою антипатію и отвращеніе къ твоему характеру.

— Понимаю, отвѣчалъ Орасъ, усиливаясь еще бороться противъ моего приговора: — я долженъ изъявить торжественную признательность за то, что меня сдѣлали отцомъ ребенка, о которомъ я не слыхивалъ, и который, какъ оказывается, долженъ быть моимъ! Какому испытанію долженъ я подвергнуться, чтобъ показать великость

моего раскаянія? какое публичное покаяніе долженъ принести, чтобъ омыть себя отъ преступленія?

— Никакого! Все это дѣло—секретъ четверыхъ особъ, да тебя пятаго. Если же у тебя достанетъ безразсудства оглашать его, разсказывать на свой ладъ, тогда я принужденъ буду сказать истину и объявить всѣмъ твоимъ знакомымъ, что ты лжешь. Ты требуешь матеріальныхъ доказательствъ, которыя были бы неопровержимы? Какъ-будто ихъ можно найдти! какъ-будто на это есть другія доказательства, кромѣ нравственныхъ! Это все равно, еслибъ ты сказалъ, что умъ твой такъ-тупъ и душа такъ-невозвышенна, что ты не можешь повѣрить чему-нибудь, кромѣ непосредственнаго свидѣтельства твоихъ чувствъ. Будь это такъ, на землѣ не было бы человѣка, который не могъ бы не признать и отвергнуть своихъ дѣтей, ссылаясь на то, что вѣдь не былъ свидѣтелемъ всѣхъ минутъ жизни жены своей.

—Чего же ты отъ меня требуешь? возразилъ онъ съ подавляемымъ бѣшенствомъ.—Чтобъ я объявилъ свою тайну всѣмъ и подтвердилъ добродѣтель Марты на-счетъ моей собственной чести? Да ты мнѣ предлагаешь смертную дуэль между репутаціею этой женщины и моею!

— Ничего не бывало, Орасъ; мы теперь не въ томъ свѣтѣ, который ты недавно оставилъ. Двадцать салоновъ не заглядываютъ въ тайну твоей домашней жизни, и честь Марты не нуждается, какъ честь какой-нибудь виконтессы, въ твоемъ безславіи. Среда, въ которой совершились эти событія, очень-ограничена и негромка. Много-что четверо или пятеро старинныхъ пріятелей спросятъ у тебя о любви къ ней. Если ты имъ отвѣтишь, что она была любовница безъ чести и достоинства, слухъ этотъ можетъ распространиться и дойдти до нея теперь, когда она готовится вступить въ состояніе виднѣйшее и лучшее. Но ты можешь сохранить свое и ея достоинство, нисколько тутъ непротиворѣчащія другъ другу. Если самъ не знаешь, какъ долженъ поступать въ этомъ обстоятельствѣ, я пожалуй скажу тебѣ. Не входи ни въ какія объясненія; не поминай никогда о ребенкѣ, котораго Арсенъ признаетъ и выдаетъ за своего, изъ благочестивой лжи; скажи тономъ твердымъ и короткимъ, какой приличенъ серьёзному человѣку, что ты питаешь къ Мартѣ заслуженное уваженіе и почтеніе, и, повѣрь мнѣ, такое признаніе сдѣлаетъ тебѣ честь даже въ глазахъ тѣхъ, кто подозрѣвалъ бы истину. Одно лишь это можетъ заставить ихъ извинить и забыть твои заблужденія... Еслибъ ты поступилъ такъ даже съ другою женщиною, которая не столько этого достойна, ты былъ бы теперь, можетъ-быть, оправданъ въ мнѣніи судей, болѣе-привязчивыхъ и болѣе-требовательныхъ, нежели какими будутъ твои прежніе товарищи.

Это увѣщаніе подало поводъ къ другому объясненію, и Орасъ вы-

слушалъ мои проповѣди съ молчаніемъ побѣжденнаго. Но на-счетъ Марты, онъ долго защищался, и въ-теченіи двухъ часовъ мнѣ надлежало бороться не съ невѣріемъ его, — оно было притворное, — но съ его упрямствомъ и досадою. Не смотря на сопротивленіе, я однакожь видѣлъ, что онъ колебался и что побѣда была на моей сторонѣ. Въ девять часовъ вечера онъ ушелъ, сказавъ, что ему нужно побыть одному, подышать воздухомъ и подумать ходя.

— Я ворочусь къ полночи, сказалъ онъ мнѣ:—и откровенно исповѣдую тебѣ рѣшеніе моей совѣсти. Мы еще потолкуемъ объ этомъ, если я не надоѣлъ тебѣ до-смерти.

Онъ возвратился въ часъ утра, съ лицомъ оживленнымъ, хоть еще очень блѣднымъ, съ манерами ласковыми и мягкими.

— Ну, чтὸ? сказалъ я ему, пожавъ руку, которую онъ мнѣ подалъ.

— Ну! отвѣчалъ онъ: — я побѣдилъ, или лучше сказать, Марта и ты побѣдили меня, и теперь можешь сдѣлать изъ меня все, чтὸ хочешь. Я былъ безумецъ, несчастный, терзаемый тысячью ядовитыхъ сомнѣній; а вы, вы люди твердые, спокойные и мудрые. Вы помогаете мнѣ открывать лицо истины, когда оно заволокается тучами моего воображенія. Послушай, чтὸ со мною случилось; разскажу тебѣ все. Разставшись съ тобою, я былъ въ Gymnase; мнѣ хотѣлось увидѣть Марту, переодѣтую въ комедіантку, на этой дрянной сценѣ, выламывающую сантиментальныя нелѣпости нашихъ мѣщанскихъ драмочекъ. Да, я хотѣлъ увидѣть ее такою, чтобъ навсегда исцѣлиться отъ горечи, какую она оставила по себѣ въ моей душѣ, чтобъ внутренно презрѣть ее, и презрѣть самого-себя за любовь къ ней. Не просидѣлъ я пяти минутъ, какъ вижу ангела красоты, слышу голосъ чистый и трогательный, какъ у мамзель Марсъ. Правда, это были красота и голосъ моей бѣдной Марты; но кàкъ опоэтизированы, объидеализированы обработкою ума и серьёзной науки обольщенія! Я говаривалъ тебѣ, что женщина, которая не занимается прежде всего искусствомъ нравиться, не женщина; и въ то время въ Мартѣ, на-зло всѣмъ природнымъ дарамъ, была какая-то неподвижная грусть, унылое смиреніе, по которому она долго теряла всѣ свои преимущества. Но, Боже мой! чтὸ за превращеніе въ ней сдѣлалось! Какая роскошь красоты, какое изящество пріемовъ, какая превосходная дикція, какая осанка, какая грація! и все это безъ потери того простаго, чистаго и кроткаго вида, который, бывало, заставлялъ меня опомниваться и падать на колѣни среди моихъ подозрѣній и порывовъ. Она имѣла въ этотъ вечеръ, увѣряю тебя, успѣхъ не блестящій, но существенный и заслуженный. Ея роль была негодная, ложная, даже смѣшная; она умѣла ее сдѣлать истинною, благородною, увлекательною, безъ сильныхъ эффектовъ, безъ полоумныхъ средствъ. Мало апплодировали; не говорили: «это чудо, это

изумительно»; но каждый взглядывалъ на сосѣда и говорилъ: «вотъ хорошо; какъ это хорошо!» Да, *хорошо* тутъ приличное слово. Въ свѣтѣ, гдѣ среди множества дурнаго можно научиться кое-чему доброму, я узналъ, что хорошаго труднѣе достичь, нежели прекраснаго, или лучше сказать, хорошее есть видъ прекраснаго утонченнѣйшій, правильнѣйшій изъ всѣхъ прочихъ. Право! ка̀къ бы я былъ радъ, еслибъ эти безстыдныя вертушки, которыхъ зовутъ свѣтскими женщинами, увидѣли, ка̀къ бѣдная гризетка умѣетъ ходить, садиться, держать свой букетъ, разговаривать, улыбаться, гораздо-пристойнѣе и граціознѣе всѣхъ ихъ! Но гдѣ же Марта выучилась всему этому?.. Что за быстрая, проницательная сила — умъ! Я и не подозрѣвалъ, чтобъ у Марты было его столько; она открыла мнѣ глаза. До какой степени я не понималъ ея! говорилъ я себѣ, смотря на нее. Я такъ часто считалъ ее ограниченною, либо сумасбродною,—а вотъ она уличаетъ меня въ ошибкѣ, и какъ-будто мститъ за ложное о себѣ мнѣніе, являясь совершенною и торжествующею передъ всей этой публикой, передъ всѣмъ Парижемъ! потому-что скоро весь Парижъ заговоритъ объ ней, станетъ спорить за удовольствіе видѣть ее и рукоплескать ей! Признаюсь, я краснѣлъ за себя; и едва пьеса, въ которой она играла, кончилась, я бросился къ актерской двери, пробился сквозь всѣ преграды, перебѣсилъ всѣхъ придверниковъ и всѣхъ стражей этого святилища, искалъ, нашелъ ея комнату, постучавшись началъ толкаться въ дверь и, не дожидаясь обычныхъ переговоровъ, осмѣлился проникнуть до нея. Она была еще въ своемъ изящномъ костюмѣ, но уже стерла бѣлила; волосы, съ которыхъ она сняла цвѣты, падали длиннѣе, чернѣе и прекраснѣе, чѣмъ когда-нибудь, на ея царственныя плечи. Она была еще прекраснѣе, нежели на сценѣ, и я кинулся къ ногамъ ея; я прижималъ къ груди ея колѣни, къ великому смущенію горничной, которая показалась мнѣ крестьянкою, слишкомъ-наивною для театральной одѣвальщицы. Я зналъ, что не найду съ нею Арсена; я помнилъ, что онъ кассиръ, что онъ занятъ въ конторѣ, пока жена переодѣвается... Друзья мои! говорите что̀ хотите: она за-мужемъ, привязана къ мужу, уважаетъ его, почитаетъ; все это такъ,—но она меня любитъ! да, Марта еще любитъ меня, любитъ до-сихъ-поръ, и, хоть она сказала мнѣ совершенно противное, я въ этомъ увѣренъ. Она поблѣднѣла какъ смерть, увидѣвъ меня, зашаталась, упала бы въ обморокъ, еслибъ я не поддержалъ ея руками и не посадилъ на софу. Минутъ съ пять не могла она вымолвить слова, и какъ-бы растерялась; потомъ, когда заговорила со мною, выхваляя свое счастіе, спокойствіе, супружество, ея влажные глаза и волнующаяся грудь говорили мнѣ совершенно-другое; и я, лишь неясно слыша слова устъ ея, всѣмъ существомъ своимъ понималъ голосъ ея сердца, говори-

вшій гораздо-громче и красноръчивѣе. Она хотѣла-было, чтобъ я дождался прихода Арсена; кажется, она боялась его подозрѣній, принимая меня будто украдкою отъ него. Но г. Арсенъ безпокоилъ и мучилъ меня цѣлый годъ, и я не усомнился поплатить ему тѣмъ же одинъ вечеръ. Сверхъ-того, я нисколько не былъ расположенъ видѣть, какъ это пошлое и прозаическое существо стало бы обнимать, ласкать и уводить ту, на которую я не могу вдругъ отвыкнуть смотрѣть какъ на свою любовницу и подругу. Я уклонился, обѣщаясь въ другой разъ видѣть ее когда и при комъ ей угодно. Но по меньшей мѣрѣ съ четверть часа былъ я встревоженъ, взволнованъ, и, чтобъ сказать все, влюбленъ, какъ давно не бывалъ. Я двадцать разъ говаривалъ тебѣ это середи всѣхъ своихъ безумствъ, помнишь, Теофиль: я никогда не любилъ никого кромѣ Марты, и чувствую, что не буду любить никого, кромѣ ея, вопреки всему, вопреки ей и самому-себѣ. Зачѣмъ же ты морщишь брови? Зачѣмъ Эженй пожимаетъ плечами съ досаднымъ и безпокойнымъ видомъ? Я честный человѣкъ; а такъ какъ Марта женщина гордая и прямая, какъ она вѣрно захочетъ со мною видѣться только въ-присутствіи мужа; какъ согласіе на это мужа будетъ для меня безмолвнымъ обязательствомъ уважать его довѣренность и честь, то тебѣ нѐчего, кажется, бояться, чтобъ я возмутилъ спокойствіе этой семьи. О! не безпокойся, пожалуйста; я не имѣю ни малѣйшаго желанія похищать у него жену, хоть онъ и похитилъ у меня любовницу. Онъ превосходно поступилъ въ-отношеніи къ ней и къ моему сыну... потому-что это мой сынъ! Марта не поминала ни слова о ребенкѣ, и я тоже, какъ ты легко можешь себѣ представить...Какъ бы то ни было, но нѣтъ сомнѣнія, что священная, неразрывная связь соединяетъ меня съ нею, и что если я когда-нибудь наживу состояніе, то не забуду, что у меня есть наслѣдникъ. Такимъ образомъ я косвенно вознагражу Арсена за оказанныя ему попеченія, и такъ какъ они хотятъ лишить меня отцовскихъ правъ, то я стану оказывать свое родительское вліяніе только таинственнымъ и такъ-сказать промыслительнымъ образомъ. Вы видите, друзья мои, что я не намѣренъ быть ни столь низокъ, ни столь развратенъ, какъ вы думали сегодня утромъ; что, отнюдь не думая быть врагомъ и клеветникомъ Марты, я напротивъ остаюсь ея поклонникомъ, слугою, другомъ. Не думаю, чтобъ Арсенъ осудилъ меня за это: соединяясь съ женщиною, которая мнѣ принадлежала, онъ долженъ былъ предвидѣть, что ни я не могъ для нея умереть, ни она для меня; онъ человѣкъ благоразумный и хладнокровный: онъ не станетъ ее терзать, потому-что любитъ ее, и не будетъ ко мнѣ недовѣрчивъ, потому-что знаетъ меня. А я, я ободренъ, утѣшенъ, воскрешенъ происшествіями нынѣшняго дня. Утромъ я былъ нелѣпъ и несносенъ: Забудь это, и смотри на меня

теперь какъ на прежняго Ораса, котораго ты любилъ, уважалъ, и котораго свѣтъ не могъ ни унизить, ни развратить. Позволь тебѣ сказать, что я люблю теперь Марту больше чѣмъ любилъ когда-нибудь, что буду ее любить всю жизнь; ручаюсь тебѣ, что ей уже нѣчего будетъ трепетать и страдать отъ моей любви, точно такъ же, какъ тебѣ нѣчего будетъ упрекать и осуждать въ моемъ поведеніи съ нею.

Между-тѣмъ, какъ Орасъ, середи тысячи самохвальствъ, тысячи проектовъ и тысячи надеждъ, давалъ намъ самые смѣлые обѣты добродѣтели и разсудительности, Марта, воротясь съ мужемъ домой, разсказывала ему очень-откровенно о свиданіи съ Орасомъ. Арсенъ почувствовалъ страхъ и тоску при этомъ извѣстіи, но ничего не обнаружилъ, и напередъ одобрилъ все, что̀ заблагоразсудитъ сдѣлать жена. — Такъ ты полагаешь, сказала она: — что я должна съ нимъ еще увидѣться и обойдтись по-дружески?—Этого я не думаю, Марта, отвѣчалъ онъ: — ты ему ничѣмъ не обязана; но, если рѣшишься его видѣть, ты должна обращаться съ нимъ ласково и дружески. Во-первыхъ, у тебя, можетъ-быть, не достало бы силы быть съ нимъ холодною и строгою: а еслибъ и достало, для чего жь ее обнаруживать, если только онъ не принудитъ тебя къ тому новыми претензіями? Ты говоришь, что онъ ихъ не имѣетъ, не можетъ уже имѣть, что онъ проситъ у тебя только прощенія за прошедшее и великодушнаго сожалѣнія къ его раскаянію; если ты довольна его сегодняшнимъ поведеніемъ съ тобою, и не имѣешь причинъ ничего отъ него опасаться впередъ...—Поль! сказала Марта, прервавъ его: —пока ты мнѣ это говоришь, лицо твое блѣдно и голосъ дрожитъ: ты встревоженъ въ глубинѣ души?—Арсенъ помѣшкалъ съ минуту, и отвѣчалъ: — Клянусь Богомъ, другъ мой, если ты сама не встревожена, если чувствуешь себя столько жь спокойною и счастливою, какъ давича утромъ, то и я счастливъ и покоенъ. — Поль! воскликнула она:—не тебѣ, котораго люблю больше всего на свѣтѣ, стану я лгать. Я не чувствую себя въ такомъ какъ давича расположеніи. Я тѣмъ больше чувствую себя счастливою, принадлежа тебѣ, что увидѣла вновь человѣка, который нанесъ мнѣ много зла; но въ присутствіи его я не была спокойна, и теперь еще встревожена и разстроена, какъ-будто видѣла громовой ударъ подлѣ себя.

Арсенъ еще нѣсколько минутъ хранилъ молчаніе, и, собравшись съ силами, попросилъ Марту ничего не скрывать отъ него и объяснить родъ волненія, какое она чувствуетъ, не опасаясь его огорчить или встревожить. — Не могу никакъ тебѣ опредѣлить его, отвѣчала она: — потому-что уже съ часъ напрасно стараюсь понять его сама. Кажется мнѣ, это—чувство болѣзненнаго ужаса, содроганія, подобнаго тому, какое ощущаешь, смотря на орудія претерпѣнной

пытки. Могу сказать тебѣ навѣрно только то, что все въ этомъ чувствѣ тягостно, даже ужасно; сюда примѣшивается стыдъ и сожалѣнія, что я долго не оцѣняла тебя надлежащимъ образомъ; раскаяніе, что столько пострадала для такого пустаго человѣка; какое-то отвращеніе и ненависть къ самой-себѣ. Наконецъ, это мучитъ меня, нимало не удовлетворяя и не смягчая; все, что ни говоритъ этотъ человѣкъ, кажется мнѣ поддѣльнымъ, тщеславнымъ и лживымъ. Онъ пробуждаетъ во мнѣ сожалѣніе; но что за горькое и унизительное для обоихъ насъ сожалѣніе! Мнѣ кажется, если ты увидишь его теперешняго, щеголеватаго и неопрятнаго, смиреннаго и требовательнаго, постарѣвшаго ребенка, ты никакъ не удержишься отъ презрѣнія ко мнѣ за то, что я предпочла тебѣ этого комедіанта, худшаго, увы! всѣхъ тѣхъ, съ которыми имѣла я несчастіе играть любовныя сцены на белльвильскомъ театрѣ.

Марта чистосердечно говорила, что думала, и нисколько не старалась притворствомъ успокоить мужа. Однакожь она не спала ночь. Волненіе, произведенное дебютомъ, присовокуплялось къ волненію, какое произвелъ въ ней Орасъ. Она видѣла томительные сны, въ которыхъ ей нѣсколько разъ казалось, будто она снова подпала его пагубной власти, и въ которыхъ жестокія сцены прошедшаго представлялись ея воображенію еще хуже и ужаснѣе, чѣмъ были въ дѣйствительности. Она нѣсколько разъ кидалась на грудь Арсена, съ заглушенными воплями, какъ-будто ища на ней убѣжища отъ своего врага, и Арсенъ, успокоивая ее и благословляя за этотъ инстинктъ довѣренности и любви, чувствовалъ себя гораздо несчастливѣе, чѣмъ еслибъ нашелъ ее равнодушною къ памяти Ѳраса.

Когда, вставъ по-утру съ постели, Марта взяла на руки ребенка, чтобъ забыть, лаская его, всѣ мученія ночи, старуха Олимпія подала ей письмо, за сочиненіемъ котораго Орасъ просидѣлъ ту же ночь. Онъ показывалъ мнѣ его еще до отсылки. Дѣйствительно, это было образцовое произведеніе не только по слогу и краснорѣчію, но и по чувствамъ и по идеямъ. Никогда онъ не выражался такъ вдохновенно, никогда не казался исполненъ такими благородными, такими чистыми, нѣжными и великодушными побужденіями. Нельзя было не увлечься величіемъ его чувства, не повѣрить истинѣ его обѣтовъ. Онъ пламенно просилъ прощенія, дружбы, довѣренности Марты и Поля. Онъ обвинялъ себя съ полнымъ чистосердечіемъ, говорилъ объ Арсенѣ съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ. Онъ вымаливалъ, какъ милости, позволенія видѣть сына въ ихъ присутствіи и самому передать его, покорно и твердо, въ руки того, кто его усыновилъ, и кто былъ больше его достоинъ быть отцомъ.

Поль засталъ жену читающую это письмо съ слезами на глазахъ.

— Возьми, сказала она, подавая ему: — это письмо Ораса; ты ви-

дишь, оно заставило меня плакать. И однакожъ, что-то говоритъ мнѣ, что и это только одни слова, на которыя онъ такой мастеръ.

Арсенъ внимательно прочелъ письмо, и, возвращая его женѣ, сказалъ:—Не можетъ быть, чтобъ оно не было выраженіемъ истиннаго чувства и великодушной рѣшимости. Письмо это прекрасно, человѣкъ этотъ добръ, не смотря на свои пороки. Не могу не считать его лучше, нежели показываетъ онъ своимъ поведеніемъ. Безъ чувства такъ не говорятъ. Онъ плакалъ, пиша къ тебѣ. Повѣрь, тебѣ нѣчего краснѣть, что считала его тверже и благоразумнѣе, чѣмъ онъ есть: у него были всѣ наклонности къ добродѣтелямъ, которыхъ не было. Ты не должна отказывать ему въ прощеніи и дружбѣ, которыхъ онъ проситъ; совѣтуя противное, я давалъ бы тебѣ совѣтъ своекорыстный и низкій.

—Хорошо! я увижусь съ нимъ,—но въ твоемъ присутствіи, отвѣчала Марта. — Меня только огорчаетъ мысль, что онъ увидитъ Эжена, станетъ его цаловать при насъ, называть сыномъ, и будетъ видѣть во мнѣ мать своего ребенка. Нѣтъ, не хотѣлось бы мнѣ будить такимъ-образомъ прошлое. Я привыкла смотрѣть на этого ребенка, какъ на твоего. Рѣдко, очень-рѣдко вспоминала я, что онъ не твой; а теперь, его какъ-будто отнимутъ у насъ, похитивъ у насъ одну изъ его ласокъ!

—Эта мысль для меня мучительнѣе, нежели для тебя, бѣдная моя Марта, возразилъ Арсенъ:—но это долгъ, которому надо покориться. Я всю ночь объ этомъ раздумывалъ, и сказалъ себѣ одну очень-серьёзную вещь, вотъ какую. Свыше нашихъ желаній, нашего выбора и воли, есть цѣль, избраніе и воля Божія. Богъ не дѣлаетъ ничего, что̀ не было бы необходимо, и Его таинственныя изволенія должны намъ быть священны. Ему было угодно, чтобъ Орасъ сталъ отцомъ, хотя Орасъ отвергалъ семейныя наслажденія и тягости. Ему угодно, чтобъ Орасъ вновь тебя увидѣлъ и почувствовалъ желаніе обнять сына, хотя до-сихъ-поръ отрекался отъ родительскихъ удовольствій и обязанностей. Одинъ Богъ знаетъ, какое тайное и могучее вліяніе можетъ имѣть это дитя на будущность Ораса. Вѣдь эта связь между небомъ и имъ, которую никто не въ правѣ разрывать. Покушаться на то было бы нечестіемъ, преступленіемъ. Отнимать у него возможность знать и любить сына, хотя бъ онъ сталъ слабо его знать и любить, было бы родъ похищенія, и, такъ-сказать, неисправимое поврежденіе, которое мы причинили бы его нравственному существу. И такъ, вмѣсто того, чтобъ зарывать отъ него наше *сокровище,* мы должны ему дать имъ насладиться, потому-что Богъ призвалъ его пользоваться этимъ благодѣяніемъ. Не могу повѣрить, чтобъ видъ этого дитяти не сдѣлалъ его лучше и не произвелъ дѣйствительной перемѣны въ душѣ его.

Марта уступала такимъ высокимъ религіознымъ разсужденіямъ, а уваженіе ея къ Арсену усилило ихъ. Условленъ былъ завтракъ у меня для этой встрѣчи. Марта съ Арсеномъ принесли ребенка, и на эту пору Орасъ, снова сдѣлавшійся нѣжнымъ, наивнымъ и чувствительнымъ, былъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходенъ въ обращеніи съ нимъ, съ его матерью и особливо съ Арсеномъ, котораго благородная и ясная наружность расположила его къ почтенію и умиленію. То былъ прекраснѣйшій день орасовой жизни.

Надо сознаться, одно лишь тщеславіе развернуло въ душѣ его это прекрасное движеніе. Оскорбленный и поруганный людьми большаго свѣта, униженный и уязвленный нами, онъ почувствовалъ себя наконецъ падшимъ и очерненнымъ въ собственныхъ глазахъ. Онъ сильно ощутилъ потребность выйдти изъ этого униженія и возстановить себя передъ нами и передъ самимъ-собою, пока въ-послѣдствіи можетъ омыть себя въ глазахъ свѣта. Онъ не хотѣлъ выйдти изъ этого положенія вполовину и удовольствоваться тѣмъ только, чтобъ показать себя добрымъ и кающимся: онъ хотѣлъ показаться великимъ и перемѣнить нашу жалость на удивленіе. На цѣлый день удалось ему это; и величанье имѣло для него хоть ту выгоду, что познакомило его съ наслажденіями самолюбія, которыхъ онъ еще не зналъ, и которыя нашелъ выше мелкихъ удовольствій тщеславія. Съ того дня вступилъ онъ въ фазу гордости; существо его, не измѣнивъ свойствъ своихъ, возрасло по-крайней-мѣрѣ на назначенномъ ему пути.

На другой день, онъ проснулся нѣсколько-утомленный новыми ощущеніями и великимъ переворотомъ, происшедшимъ въ немъ довольно-быстро. Онъ думалъ о Мартѣ побольше, чѣмъ объ Арсенѣ; а о самомъ-себѣ побольше, чѣмъ о сынѣ. Энтузіастическая дружба его къ Мартѣ приняла характеръ проснувшейся страсти, которая не вдругъ разстается съ химерическими и преступными надеждами. Наконецъ, по выраженію Эжени, которая помнила нѣсколько блестящихъ фразъ, звѣзда его начала убывать въ блескѣ. Пора было Орасу уѣхать и не имѣть случая отступиться отъ своихъ благородныхъ рѣшеній. Я нѣкоторымъ образомъ понудилъ его къ тому, не безъ труда и борьбы, потому-что, какъ ни прельщала его мысль о путешествіи, онъ все-таки хотѣлъ выиграть нѣсколько дней. Но я говорилъ чрезвычайно-твердо, очень зная, что отъ его поведенія съ Мартою въ этомъ обстоятельствѣ зависѣла вся его нравственная будущность. Я заставилъ его принять, будто отъ меня, сумму, присланную мнѣ для него Луи Мераномъ, и назначилъ день его отъѣзда въ Италію, не позволивъ ни съ кѣмъ проститься.

—

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Радость Ораса, когда онъ увидѣлъ себя опять обладателемъ небольшаго состоянія, когда осуществился наконецъ одинъ изъ самыхъ лестныхъ его плановъ, до такой степени упоила его въ послѣдніе дни, что я испугался бѣшенаго расположенія духа, съ которымъ онъ готовился къ путешествію. На все составлялъ онъ себѣ обольщенія, заставлявшія опасаться сильныхъ безразсудствъ, либо горькихъ разочарованій. За недѣлею глубокаго унынія и сплина, причиненныхъ паденіемъ въ большомъ свѣтѣ, слѣдовала недѣля энтузіазма, сумасшедшаго восторга и гордости. Всѣ эти движенія надорвали его тѣло, ослабленное разсѣянною жизнью, которую велъ онъ въ-продолженіи всей зимы; я видѣлъ его пожираемаго лихорадкою, тѣмъ больше дѣйствительною, что онъ на нее нежаловался и не замѣчалъ ее. Боясь, чтобъ онъ не заболѣлъ дорогою, я рѣшился проводить его до Ліона, чтобъ тамъ остановиться и пользовать его, если первые дни дороги, вмѣсто счастливаго отвода, ускорятъ нашествіе болѣзни.

Мы вмѣстѣ приготовились къ отъѣзду, и я держалъ его на глазахъ, чтобъ онъ не нарушилъ нашихъ плановъ какимъ-нибудь нечаяннымъ сумасбродствомъ. Я предчувствовалъ близкій припадокъ, видѣлъ безпорядокъ въ его идеяхъ, странныя предубѣжденія въ малѣйшихъ его дѣйствіяхъ, и на лицѣ что-то неопредѣленное и дикое, что очень поражало Эжени. — Не знаю, отъ-чего я уже не могу смотрѣть на него, говорила она мнѣ:—не воображая, что ему суждено умереть сумасшедшимъ. Даже высокія чувствованія, которыя онъ сталъ обнаруживать, происходятъ, кажется мнѣ, отъ тайнаго разстройства во всемъ его существѣ, потому-что вѣдь чувствованія эти ужь не притворныя, это видно, — однако въ немъ они неестественны, да и не отстаютъ люди такъ въ одинъ день отъ привычекъ цѣлой жизни.

Я выговаривалъ Эжени за такое сомнѣніе въ божественномъ дѣйствіи любви на человѣческую душу, но въ глубинѣ собственной души самъ готовъ былъ раздѣлять ея опасенія.

Дѣло въ томъ, что Орасъ, въ первый и послѣдній разъ въ жизни, не владѣлъ самъ-собою. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ стремительныхъ движеніяхъ, которыя дотолѣ производилъ въ себѣ и будто лелѣялъ съ любовію. Позоръ, понесенный въ свѣтѣ, оставилъ въ немъ тайную, но жгучую боль; разсѣевать и прогонять ее успѣвалъ онъ, возвышаясь въ собственныхъ глазахъ на новомъ поприщѣ. Но эта стѣнь преслѣдовала его, и заставляла блѣднѣть даже среди самыхъ невинныхъ радостей. Чѣмъ больше думалъ онъ торжествовать, борясь съ этимъ горькимъ воспоминаніемъ и стараясь возвеличиваться въ собственныхъ глазахъ внутренними декламаціями, тѣмъ

меньше достигалъ того стоическаго спокойствія, того презрѣнія низкихъ нападокъ и глупыхъ пересудовъ, какими хвастался. Чтобъ изобразить его и опредѣлить въ послѣдній разъ, готовясь заключить разсказъ объ этомъ переходѣ его жизни, скажу, что это была голова очень-хорошо организованная, очень-умная, и очень-крѣпкая, которая могла однако смутиться и испортиться въ минуту, какъ прекрасная машина, у которой сломался бы главный рычагъ. Великая пружина орасовой головы была та способность, которую Шпурцгеймъ, основатель новаго психологическаго языка, назвалъ *аппробативностью;* а аппробативность Ораса потерпѣла страшный ударъ за ужиномъ у *Прозерпины.* Не смотря на перевязку, которую сладкая откровенность завтрака у меня положила на эту рану, въ глубинѣ орасовыхъ мыслей царствовало смятеніе и разстройство.

Утромъ 25 мая 1833 года (мѣсто въ дилижансѣ взяли мы у Лафитта и Кальяра на тотъ же вечеръ), Орасъ, видя всѣ сборы оконченными, и почувствовавъ выходъ изъ-подъ моего надзора, хитро ускользнулъ отъ меня и побѣжалъ къ Мартѣ. Онъ чувствовалъ неодолимое желаніе увидѣться съ нею наединѣ и проститься. Можетъ-быть, ея спокойная и ласковая манера при прощаньѣ съ нимъ на послѣдней встрѣчѣ у насъ оставила въ немъ тайное неудовольствіе. Онъ готовъ былъ ее покинуть и навсегда отъ нея отказаться по великодушному усилію надъ собою, но думалъ, что дѣлаетъ этимъ чрезвычайное пожертвованіе своихъ правъ и власти надъ душою этой женщины; между-тѣмъ, какъ она, понимая его роль иначе, думала, что, позволяя жать себѣ руку и цаловать своего сына, даетъ ему родъ религіознаго отпущенія.

Какъ бы то ни было, а Орасъ, принявъ такое положеніе, стоялъ не очень-высоко во мнѣніи Марты, въ которой хотѣлъ оставить о себѣ сожалѣніе,— во мнѣніи Арсена, которому хотѣлъ внушить признательность,—и въ нашемъ, желая насъ ослѣпить всѣми способами. Во время завтрака, не думаю, чтобъ у него была какая-нибудь подобная мысль; но она была на другой день, и, увидѣвъ въ насъ твердое рѣшеніе не возобновлять этой щекотливой сцены, онъ былъ недоволенъ всѣми нами и положеніемъ, какое принужденъ былъ наблюдать относительно насъ. Словомъ, онъ хотѣлъ увезти нѣсколько поцалуевъ и слезинокъ Марты, чтобы вступить въ Италію великодушнымъ побѣдителемъ одной женщины, а не жертвою невѣрности трехъ или четырехъ. Поспѣшимъ замѣтить, для нѣкотораго ему извиненія, что эти мысли не были правильно разсчитаны въ его умѣ, и что взять свое надъ Мартою искалъ не холодный ученикъ маркиза де-Верна, а настоящій Орасъ, взволнованный лихорадкою оскорбленнаго тщеславія, идущій, будто невольно и безъ всякаго опредѣ-

леннаго плана, искать какого-нибудь облегченія (хотя бъ то былъ одинъ взглядъ или одно слово) своему невыносимому страданію.

Онъ зашелъ въ кафѐ, дома черезъ три отъ квартиры Марты, неподалеку отъ Gymnase. Тамъ написалъ онъ карандашомъ нѣсколько безсвязныхъ строкъ, которыя послалъ съ мальчикомъ. Черезъ четверть часа мальчикъ воротился съ слѣдующимъ отвѣтомъ: «Ничего такъ не желаю, какъ сказать вамъ послѣднее прости: Арсенъ и я, съ Эженомъ на рукахъ, пойдемъ въ контору дилижансовъ проводить васъ. Теперь же принять васъ не могу.»

Орасъ горько усмѣхнулся, скомкалъ въ рукахъ записку, кинулъ ее на полъ, поднялъ, перечелъ, спрашивалъ нѣсколько разъ кофею, чтобы прояснить свои мысли, больше и больше мѣшавшіяся, и наконецъ остановился на слѣдующей догадкѣ: либо она сидитъ съ новымъ любовникомъ, и стало-быть она презрѣннѣйшая изъ женщинъ; либо мужа нѣтъ дома, а она не смѣетъ оставаться со мной одна, и въ такомъ случаѣ она прелестнѣйшая изъ любовницъ и добродѣтельнѣйшая изъ женъ. И такъ, я — или прижму ее къ сердцу въ послѣдній разъ, или увѣрюсь въ ея безсовѣстности, чтобъ навсегда освободиться отъ воспоминанія объ ней.

Онъ положилъ записку въ карманъ, подошелъ къ зеркалу, поправилъ волосы и увидѣлъ себя такъ блѣднымъ, что спросилъ полынной воды, думая возстановить силу разсудка этимъ возбудительнымъ средствомъ, оказывавшимъ надъ нимъ совершенно противное дѣйствіе.

Наконецъ онъ переступаетъ порогъ этого незнакомаго дома, подымается на пятый этажъ, звонитъ, притворяется будто не слышитъ положительнаго отказа старой Олимпіи, смѣло отталкиваетъ ее, пробѣгаетъ двѣ маленькія комнатки, входитъ въ будуаръ, одинъ изъ самыхъ простыхъ и цѣломудренныхъ будуаровъ, и застаетъ Марту одну, твердящую роль, съ ребенкомъ уснувшимъ подѣ нея на софѣ. Увидѣвъ его, Марта вскрикнула, и страхъ изобразился во всѣхъ чертахъ ея. Она встала, и сухимъ, хотя дрожащимъ голосомъ жаловалась на дерзость Ораса. Но онъ кинулся къ ногамъ ея, плакалъ, описывалъ ей свою безумную любовь со всѣмъ жаромъ природнаго краснорѣчія. Марта приняла сначала этотъ языкъ съ горькою холодностью; потомъ старалась, ласковыми убѣжденіями, насквозь проникнутыми добротою, которую умѣлъ внушить ей Арсенъ, возвратить Ораса къ благороднымъ чувствованіямъ, какія онъ ей недавно обнаруживалъ.

Но чѣмъ больше являлась она возвышенною, твердою, полною доброты и разума, тѣмъ больше чувствовалъ Орасъ цѣну сокровища, которое потерялъ по собственной винѣ; и какое-то отчаяніе, мрачная и мучительная гордость, будто въ-слѣдствіе настоящей любви, овла-

дѣли имъ. Онъ предался отчаянію съ необыкновенною энергіей; и испуганная Марта хотѣла-было кликнуть Олимпію, чтобъ послать въ театръ за мужемъ, какъ Орасъ, выхвативъ изъ-за пазухи очень-красивый кинжалъ, погрозилъ заколоть ее, если она не выслушаетъ его до конца. Тогда онъ началъ ей на свой ладъ разсказъ объ одинокой и ужасной жизни, которую велъ безъ нея, о неистовыхъ усиліяхъ заглушить ея память въ объятіяхъ другихъ женщинъ, о блестящихъ побѣдахъ, которыя онъ одерживалъ, и изъ которыхъ ни одна не могла заставить его забыться хоть на минуту. Онъ объявилъ ей, что уѣзжаетъ въ Римъ съ намѣреніемъ кинуться въ Тибръ, если не исцѣлится отъ любви своей, и послѣ долгихъ тирадъ, такихъ прекрасныхъ, что ему лучше бы поберечь ихъ для своего издателя, сдѣлалъ ей самыя безумныя предложенія: просилъ ее бѣжать съ нимъ, или лишить себя жизни вмѣстѣ съ нимъ.

Марта слушала его съ тѣмъ рѣшительнымъ невѣріемъ, какое пріобрѣтается въ любви горькимъ опытомъ. Она находила его поведеніе нелѣпымъ, а намѣренія преступными и низкими. Однакожь, хотя сердце ея было для него невозвратно затворено, съ ужасомъ почувствовала она, что прежній магнетизмъ этого человѣка готовъ воскреснуть, и что таинственное, какое-то сатанинское вліяніе, котораго она страшилась, начинало проникать въ ея жилы какъ холодъ смерти. Сердце ея сжималось, судорожное трепетаніе колебало ея руки, которыя Орасъ насильно держалъ въ своихъ рукахъ, и когда онъ упалъ на колѣни передъ спящимъ сыномъ, когда именемъ этого невиннаго созданія, навѣкъ соединявшаго ихъ другъ съ другомъ вопреки судьбѣ и людямъ, выпрашивалъ у ней каплю состраданія, она чувствовала къ тому, кто сдѣлалъ ее матерью, пробужденіе какой-то роковой нѣжности, смѣшанной съ жалостью, презрѣніемъ и безпокойствомъ. Орасъ увидѣлъ ея полные слезъ глаза, волнующуюся отъ вздоховъ грудь; онъ пламенно обнялъ ее, воскликнувъ: — Ты любишь меня, о! ты меня любишь, я — вижу это, знаю!—Но она вырвалась изъ его объятій съ необыкновенною силою; и вдругъ принявъ отчаянное рѣшеніе, чтобъ навсегда избавиться отъ своего злобнаго генія, сказала: — Орасъ, страсть ваша неумѣстна; вамъ должно излечиться отъ нея какъ можно скорѣе. Я не хочу дольше удерживать ваше уваженіе ко мнѣ цѣною вашего спокойствія и достоинства. Я не стòю похвалъ, которыя вы мнѣ расточаете: я была невѣрна вамъ; ваши подозрѣнія были очень-справедливы; этотъ ребенокъ не вашъ. Онъ точно сынъ Поля-Арсена, котораго я была любовницею въ то же время какъ и вашею.

Произнося эту ложь, Марта совершала истинно-фанатическій подвигъ. Это было похоже на заклинаніе *изгонять демоновъ во имя князя демоновъ*. Орасъ былъ такъ дикъ, что и не подумалъ о невѣроятно-

сти такого признанія послѣ поведенія Арсена съ нею. Онъ не поколебался обвинить этого добродѣтельнаго человѣка въ уговорѣ съ безсовѣстною женщиною навязать ему рожденіе ребенка. Онъ забылъ, что у него не было ни имени, ни богатства, ни положенія въ свѣтѣ, и что, слѣдственно, Арсену не было никакой выгоды такъ грубо его обманывать. Онъ повѣрилъ только этому раскаянію, которое разъиграла Марта, чтобъ отдѣлаться отъ него и, увлеченный внезапнымъ бѣшенствомъ, въ порывѣ настоящаго безумія, кинулся на нее, воскликнувъ: — Такъ умри же, распутница, и съ сыномъ вмѣстѣ и со мною!

Кинжалъ былъ у него въ рукѣ, и хоть очевидно онъ не имѣлъ другаго намѣренія, какъ только постращать ее, она получила, заслонивъ собою сына, не смертельный ударъ, а, увы!—приходится ужь сказать, не смотря на плоскую развязку единственной сколько-нибудь серьёзной трагедіи, какую имѣлъ Орасъ въ жизни, — легкую царапину...

При видѣ капли крови, обагрившей прекрасную руку Марты, Орасъ, убѣжденный, что закололъ ее, хотѣлъ-было заколоть самъ себя. Не знаю, простерлось ли бы до такой степени его отчаяніе; но едва дотронулся онъ до своего жилета, какъ человѣкъ или лучше сказать мертвецъ показался изъ-за стѣны, бросился на него, обезоружилъ и, обернувъ его за плеча, вытолкнулъ съ лѣстницы, закричавъ ему съ горькой насмѣшкою: — Ступай, любезный Орестъ, ломаться съ канатными плясунами, а всего лучше повѣсься тамъ.

Орасъ зашатался, полетѣлъ вдоль стѣны, вскарабкался ползкомъ, и, послышавъ шаги Арсена, всходившаго по лѣстницѣ ему на-встрѣчу, бросился бѣжать, потупивъ голову, надвинувъ на брови шляпу, и думая самъ себѣ: — Точно, я помѣшался; все, что̀ случилось, — мечта, призракъ, особливо это видѣніе Жана Ларавиньера, убитаго въ прошломъ году подъ Сенъ-Мерй, въ глазахъ и на рукахъ Поля-Арсена.

Онъ кинулся въ первый попавшійся кабріолетъ, велѣлъ себя везти, какъ-только могла кляча бѣжать скорѣе, въ Бур-ла̀-Рень, гдѣ воспользовался проѣздомъ перваго дилижанса, воображая себя преслѣдуемымъ за убійство, и какъ можно торопясь бѣжать изъ Парижа. Напрасно ждалъ я его весь вечеръ; я терялъ задатокъ, заплаченный за мѣсто, но никакъ не думалъ, чтобъ онъ уѣхалъ безъ меня, не взявъ ни вещей, ни денегъ. Увидѣвъ отъѣздъ кареты, въ которой мы должны были ѣхать, я пошелъ къ Мартѣ и тамъ узналъ въ двухъ словахъ происшедшее.—Онъ не убилъ бы меня, сказала Марта съ презрительною улыбкою: но сдѣлалось бы можетъ-быть что-нибудь дурное, если бъ меня не избавилъ мертвецъ. — Что̀ это значитъ? спросилъ я:—не помѣшались ли и вы, любез-

ная Марта?—Постарайтесь сами не помѣшаться, отвѣчала она:—потому-что въ самомъ-дѣлѣ есть отъ чего помѣшаться съ радости и удивленія. Посмотримъ, готовы ль вы къ самому неожиданному и самому счастливому событію, какое могло съ нами случиться?

— Что за длинныя предисловія! сказалъ Жанъ, выходя изъ будуара Марты: — я хотѣлъ дать ей срокъ приготовить тебя обнять мертваго, но не могу удержаться отъ нетерпѣнія обнять поскорѣе любимыхъ живыхъ.

Дѣйствительно, я принялъ въ объятія самого президента бузенготовъ во плоти и крови. Брошенный между мертвыми въ церкви Сен-Мери, въ день убійства, онъ почувствовалъ въ себѣ еще каплю жизни; ползя по окровавленнымъ плитамъ, дотащился до исповѣдальни, гдѣ одинъ добрый священникъ нашелъ его на другой день и подалъ ему помощь. Сострадательный человѣкъ скрывалъ и лечилъ его у себя нѣсколько мѣсяцевъ, которые онъ пролежалъ въ борьбѣ между жизнію и смертью. Но какъ священникъ былъ человѣкъ робкій и мнительный, то слишкомъ преувеличилъ ему результатъ преслѣдованій противъ жертвъ 6 іюня, и не позволилъ дать знать о своей участи друзьямъ, увѣряя, что этого невозможно сдѣлать, не навлекая на нихъ подозрѣній и не выдавая самого-себя строгости правосудія.

— Я тогда такъ ослабѣлъ душою и тѣломъ, сказалъ Ларавиньеръ, повѣствуя намъ свою исторію:—что далъ волю управлять собою моему благодѣтелю; а страхъ этого человѣка, впрочемъ превосходнаго, былъ такъ великъ, что онъ не дождался, пока я немножко поправлюсь, чтобъ перевезти меня въ свою деревню. Онъ оставилъ меня тамъ у овернскихъ крестьянъ, своего отца съ матерью, которые до-сей-поры скрывали меня въ глубинѣ своихъ горъ, ухаживая за мною какъ могли лучше, кормя очень-плохо, и муча меня своими убѣжденіями исповѣдаться, потому-что они очень-набожны, а мое болѣзненное состояніе каждый день заставляло ихъ думать, что мнѣ пришелъ конецъ. Правда, онъ недалекъ; нѐчего васъ обманывать, друзья мои, хоть вы видите меня на ногахъ и еще столько сильнымъ, чтобъ прогнать мосьё Ораса Дюмонте́. Я совсѣмъ добитъ. У меня двѣ пули въ груди, да двадцать другихъ тумаковъ, съ которыми даромъ не раздѣлываются. Но мнѣ захотѣлось умереть подъ небомъ моего возлюбленнаго Парижа, на рукахъ моихъ друзей, моей сестры Марты. Я очень-доволенъ, привыкъ страдать, рѣшился больше не лечиться, и спокоенъ за короткое время, какое остается мнѣ прожить, потому-что въ обвинительномъ актѣ на іюньскихъ патріотовъ не помянуто объ моей харѣ. А! кстати! я вѣдь не похорошѣлъ, милая Марта, и вамъ нѐчего ужь бояться влюбиться въ Жана, котораго вы знали такимъ красавцемъ, съ такимъ отличнымъ цвѣтомъ лица, съ такою густою бородою и большими черными глазами!

Жанъ шутилъ такимъ образомъ цѣлый вечеръ, и когда Арсенъ, который его уже видѣлъ (но отъ котораго скрыли выходку Ораса), воротился домой, мы сѣли вмѣстѣ ужинать, и героическая веселость *мертвеца* не измѣнилась ни на минуту. Видя его такимъ счастливымъ и шутливымъ, Марта не могла увѣрить себя, что онъ неизлечимъ. Самъ я, смотря на остатокъ силы и бодрости въ этомъ истощенномъ тѣлѣ, не отказывался отъ надежды. Но, боясь обмануться, я подвергъ его долгому и подробному осмотру. Какова же была моя радость, когда я нашелъ нетронутыми органы, которые Ларавиньеръ считалъ поврежденными, и когда убѣдился въ возможности успѣшнаго леченія! Нѣсколько мѣсяцовъ это было важнѣйшимъ моимъ занатіемъ, и, благодаря здоровому сложенію и удивительной терпѣливости больнаго, мы скоро увидѣли его оживающимъ и оправляющимся. Нѣжныя попеченія Марты и Арсена также не мало этому содѣйствовали. Онъ поселился жить у молодой четы, на счастливый и благородный союзъ которой смотрѣлъ съ радостью.—Видишь ли, говорилъ онъ мнѣ однажды:—я когда-то воображалъ себѣ, будто влюбленъ въ эту женщину, когда видѣлъ ее несчастною съ Орасомъ: то былъ обманъ горячей дружбы, какую я къ ней питаю. Когда же она поправилась и вознаграждена другимъ, я, къ искренней моей радости, чувствую, что люблю ее какъ сестру, и отнюдь не иначе.

Не стану вамъ досказывать исторіи Ларавиньера. Жизнь его представила бы еще много случаевъ и повела бы къ размышленіямъ, которыя слѣдовало бы развивать отдѣльно и постепенно. Могу о немъ сказать только, что, упорствуя въ своемъ неисправимомъ и дикомъ героизмѣ, онъ погибъ...

Отъ Ораса, чрезъ нѣсколько дней послѣ его внезапнаго отъѣзда, получилъ я письмо, писанное изъ Иссудена, гдѣ онъ признавался мнѣ въ истинѣ, изъявлялъ свой стыдъ и раскаяніе, просилъ выслать къ нему деньги и чемоданъ. Меня тронула его горесть и живо огорчило жалкое положеніе, въ какое онъ себя привелъ, тогда-какъ легко могъ бы быть въ очень-хорошемъ положеніи. Я нѣсколько опасался за него, и думалъ-было поѣхать къ нему уговаривать его и утѣшать, провожая до границы; но какъ письмо его написано было очень разсудительно, то я ограничился высылкою вещей и денегъ, обѣщая ему отъ Марты и отъ всѣхъ насъ прощеніе, забвеніе и тайну.

Авторъ этой исторіи проситъ у читателей такого же обѣщанія, тѣмъ больше, что послѣдній припадокъ безумства Ораса нисколько не нарушилъ счастія Марты, и что самъ Орасъ сдѣлался прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, порядочнымъ, прилежнымъ, скромнымъ, немного покамѣстъ еще напыщеннымъ въ разговорѣ и слогѣ, но благоразумнымъ и осторожнымъ въ поведеніи. Онъ побывалъ въ Италіи, присылалъ въ газеты и журналы очень-замѣчательныя и

очень-поэтическія описанія, на которыя никто не обратилъ вниманія: нынче вѣдь талантъ обыкновененъ. Онъ былъ учителемъ у одного богатаго неаполитанскаго дворянина, и оставилъ мѣсто, не докончивъ воспитанія своихъ учениковъ, кажется, потому-что волочился за ихъ матерью. Потомъ сочинилъ онъ огнедышащую драму, которую освистали въ Амбигю; написалъ три романа на любовь съ Мартою, и два на любовь съ виконтессою. Помѣщалъ довольно-благоразумныя статьи во многихъ оппозиціонныхъ журналахъ; наконецъ, имѣя меньше литературныхъ успѣховъ, чѣмъ таланта и нуждъ, бодро рѣшился докончить свой юридическій курсъ, и теперь трудится надъ наборомъ себѣ кліентовъ въ своей провинціи, гдѣ, я увѣренъ, онъ скоро будетъ самымъ блестящимъ адвокатомъ.

ДОРОГА.

—

Тускло мѣсяцъ дальній
Свѣтитъ сквозь туманы
И лежитъ печально
Снѣжная поляна.

Бѣлыя съ мороза
Вдоль пути рядами
Тянутся берёзы
Съ голыми сучками.

Тройка мчится лихо,
Колокольчикъ звонокъ,
Напѣваетъ тихо
Мой ямщикъ съ-просонокъ.

Я въ кибиткѣ валкой
Ѣду да тоскую:
Скучно мнѣ да жалко
Сторону родную.

Н. ОГАРЕВЪ.

ВЪ АЛЬБОМЪ АВТОРУ «КУРДЮКОВОЙ».

—

На нашихъ дамъ морозныхъ
Съ досадой я смотрю,
Угрюмыхъ и серьёзныхъ
Фигуръ ихъ не терплю.
Вотъ дама Курдюкова,
Ея разсказъ такъ милъ,
Я отъ слова до слова
Его бы затвердилъ.
Мой умъ скакалъ за нею, —
И часто былъ готовъ
Я броситься на шею
Къ Madame де-Курдюковъ.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

ИСПОВѢДЬ.

—

Мой другъ, тебѣ хотѣлъ бы я
  Сказать, что̀ душу мучитъ:
Я знаю, исповѣдь моя
  Тебѣ вѣдь не наскучитъ.
Да только лишь сказать хочу,
  Какъ вдругъ въ лицѣ я вспыхну,
Займется духъ, и я молчу,
  И головой поникну.

А все бы я сказалъ тебѣ:
  Люблю иль ненавижу,
Ка̀къ я не вѣрую судьбѣ,
  Ка̀къ мало въ жизни вижу...
Да стыдно жаловаться мнѣ;
  А въ томъ, что̀ какъ-то чудно
Живетъ въ душевной глубинѣ,
  Мнѣ высказаться трудно.

Н. ОГАРЕВЪ.

* * *

Внимаю ль я порой словамъ любви
Такъ искренно лiющимся изъ сердца,
Какой-то духъ мнѣ говоритъ: «Не вѣрь,
Не вѣрь, — во всемъ обманъ жестокiй.
Ты придалъ самъ имъ милое значенье,
Вокругъ себя самъ розлилъ чудный блескъ,
Довѣрчивой душой и пылкимъ чувствомъ
Ты чувство далъ тому, въ чемъ нѣтъ его.» —
Прочь, адскiй духъ, оставь меня въ покоѣ,
Оставь мой сонъ; пройдетъ его волшебство,
И я, сказавъ: все въ мiрѣ суета,
Его порой оплачу и скажу:
Какъ я любилъ разрушенный обманъ,
Горячихъ чувствъ волшебное безумье!...

А. МАЙКОВЪ.

КОЛЕСО ФОРТУНЫ.

(Повѣсть Огюста Арну.)

—

I.

Встрѣча.

Прекрасный день въ августѣ мѣсяцѣ 1825 склонялся къ вечеру. Солнце, начинавшее уже спускаться съ горизонта, проливало еще свѣтъ свой на голыя вершины горъ Божолѐ. Никакая свѣжесть не прохлаждала душной атмосферы; ни малѣйшее дыханіе вѣтерка не потрясало раскаленнаго и тяжелаго воздуха. Кое-гдѣ нѣсколько поблекшихъ и полуобнаженныхъ деревьевъ рисовалось въ эѳирѣ неподвижными силуетами: вездѣ царствовала глубокая тишина, и только рѣзкій крикъ стрекозы, жужжаніе насѣкомыхъ, играющихъ повечерамъ въ золотой пыли солнечныхъ лучей, или шелестъ сухихъ травъ, уклоняющихся отъ прикосновенія ящерицъ, испуганныхъ ихъ колебаніемъ, нарушали молчаніе. Вдругъ мертвая тишина этихъ пустынь прервалась громомъ ружейнаго выстрѣла, повторившагося въ ущелинахъ скалъ; на выстрѣлъ отвѣчалъ собачій лай, но очень вдали и въ самой высокой части горъ. Почти въ ту же минуту огромная датская собака съ налитыми кровью глазами, поднявъ рыло вверхъ, бросилась стремглавъ на узкую тропинку, проложенную между пропастью слѣва и стѣною скалъ, стоявшихъ по правой сторонѣ. Но черезъ нѣсколько секундъ громкій свистъ, раздавшійся за кустомъ терновника, принудилъ ее воротиться, по-видимому, нѐхотя, потому-что по-временамъ оборачивала она голову назадъ, задушая въ страшныхъ челюстяхъ своихъ сердитое ворчанье. Наконецъ она скрылась, и все смолкло по-прежнему.

Прошло съ четверть часа; вдругъ на нижней части дороги явился какой-то молодой человѣкъ, съ охотничьимъ ружьемъ и дорожною котомкою за плечами.

Хотя ноша его была легка, и онъ по росту и тѣлосложенiю сво
му казался довольно-силенъ, однакожь шелъ медленно, пробирая
съ трудомъ по тропинкѣ, усѣянной мелкими камнями, катившими
изъ-подъ ногъ его. Наконецъ онъ остановился и, заслонивъ отъ сол
ца глаза рукою, смотрѣлъ вокругъ себя, какъ человѣкъ, который ст
рается не сбиться съ пути.

— Это должно быть Тизи, проговорилъ онъ, увидѣвъ вдали нѣ
сколько домовъ и колокольню маленькаго городка, прiютившагос
какъ орлиное гнѣздо на самой вершинѣ горы. — Вотъ, продолжал
онъ: — первое человѣческое жилище, встрѣтившееся мнѣ съ-тѣхъ
поръ, какъ я оставилъ Кюблизъ.

Онъ повторилъ припѣвъ пѣсни, которая служила ему спутницек
и которую дорогою пѣлъ *для* разнообразiя то въ-полголоса, то с
всею силою своихъ легкихъ. Теперь онъ довольствовался только ти
химъ напѣвомъ, и, благодаря этой умѣренности, вокализацiя его н
была на этотъ разъ прервана неожиданнымъ и грознымъ появле
нiемъ собаки. Взоръ его обратился влѣво: — стѣна скалъ, на ко
торую за нѣсколько минутъ до того падали лучи солнца, постепенн
опустились и, сравнявшись съ землею, открыла одну изъ самыхъ уди
вительныхъ и вмѣстѣ неизвѣстныхъ перспективъ въ цѣломъ свѣтѣ
Ни одинъ изъ этихъ выспренныхъ умовъ, которыхъ называютъ по
этами или художниками, и которые творятъ новые мiры, поль
зуясь правомъ раздавать попроизволу славу и знаменитость, ни
одинъ изъ нихъ не искалъ еще вдохновенiй на этихъ величествен
ныхъ скалахъ Божолé. Генiй промышлености и спекуляцiи, нач
нающiй уже распространять тамъ свое владычество, проложитъ н
нихъ широкiя дороги, уровняетъ вершины, срубитъ лѣса, и, ро
въ нѣдрахъ, вырветъ изъ нихъ сокровища минеральныя, скопл
вшiяся тамъ вѣками, — прежде, нежели слово или кисть вздумают
прославитъ чудныя формы ихъ и живописныя окрестности.

Молодой человѣкъ забылъ на минуту усталость: подъ ногами ег
разверзлись пропасти; скалы разнообразной и странной формы, п
крытыя отчасти черною и скудною землею, на которой росъ тол
ко розовый кустарникъ и дикiя скабьёзы, спускались крутыми
прерывавшимися ступенями до самой границы, гдѣ вдругъ разв
тывалась по отлогостямъ горъ широкая лента виноградныхъ ло
Тамъ возвышались огромныя деревья, которыхъ верхи сiяли отбл
скомъ зари, раскидывались долины уже покрытыя ночною тѣнью
усѣянныя домиками, гдѣ поочереди зажигались огни, между-тѣм
какъ крыши ихъ дымились въ зелени высокихъ каштановыхъ д
ревьевъ; далѣе, по берегу Саоны, разстилались богатыя поля, а на д
гомъ берегу рѣки низкiя и глубокiя равнины Брессы, еще утопав
въ дневномъ свѣтѣ; потомъ, на самой крайней точкѣ горизонта, там

гдѣ даль застилала всѣ предметы, стояли Горы Савойскія, а противъ нихъ Монбланъ, на снѣжныхъ вершинахъ котораго отражались лучи заходившаго солнца, и эти величавыя вершины, окрашиваясь фантастическими оттѣнками, казались массою неподвижныхъ облаковъ, собравшихся на горизонтѣ. Не смотря на великолѣпіе зрѣлища, путешественникъ нашъ любовался имъ недолго, потому-что былъ по природѣ не очень способенъ къ продолжительнымъ восторгамъ, хотя впрочемъ съ живостію впечатлѣній, которая всѣмъ намъ свойственна въ двадцать лѣтъ, соединялъ весь огонь энтузіазма и той любви, которая еще желаетъ и надѣется. Жизнь положительная, избранная имъ по склонности, предохраняла его отъ всѣхъ излишнихъ порывовъ воображенія. Великія явленія природы трогали его только поверхностно, только своею матеріальною стороною, производя въ душѣ лишь минутное впечатлѣніе или желаніе стремиться далѣе того образа, который представлялся глазамъ его. Онъ удивлялся ему только до-тѣхъ-поръ, пока видѣлъ его, но не уносилъ его въ своемъ воспоминаніи для того, чтобъ сдѣлать его предметомъ внутренняго своего созерцанія. Повторивъ раза два восклицаніе: «Боже мой, кàкъ это прекрасно!» или «это чудесно!», онъ не говорилъ больше ни слова, и энтузіазмъ его потухалъ такъ же, какъ возгарался—тихо и спокойно. Въ этомъ отношеніи, онъ похожъ былъ на многихъ людей, которые, принимая безпечность ума за размышленіе, удивляются отъ нѣчего-дѣлать или отъ лѣни до-тѣхъ-поръ, пока зѣвота не увѣдомитъ ихъ, что время уже обратить глаза въ другую сторону и дать новую пищу тому, чтò называютъ они своею мечтательностію.

— Это чудесно! c'est superbe! вскричалъ Фредерикъ, и вдругъ, перешедъ отъ этого любимаго слова своего къ порядку идей совершенно-противоположныхъ, пошелъ впередъ, запѣвъ во весь голосъ:

Oui, vous avez des droits superbes,
Comme seigneur de ce canton;
Vous avez les premières...

Но онъ не могъ кончить третьяго стиха, и рифма остановилась у него въ горлѣ, потому-что страшная собака, услышавъ его голосъ, бросилась ему на встрѣчу и готовилась оспоривать дорогу. Фредерикъ хотѣлъ-было отогнать ее угрозами, но онѣ только раздражили непріятеля. Шагахъ въ сорокà отъ дороги какой-то человѣкъ, сидя подъ кустомъ, смотрѣлъ на эту сшибку, и Фредерикъ, боясь, чтобъ она не сдѣлалась настоящею борьбою, закричалъ ему:

— Кликните вашу собаку, или я убью ее!

Въ ту же самую минуту онъ зарядилъ ружье и прицѣлился въ собаку. Незнакомецъ свиснулъ, и собака неохотно начала пятиться назадъ, скаля зубы и готовясь возобновить сраженіе.

— Люди, находящіе удовольствіе въ обществѣ животныхъ страшныхъ и злыхъ, какъ эта собака, должны бы, по-крайней-мѣрѣ, держать ихъ на цѣпи и не травить ими прохожихъ, сказалъ Фредерикъ.

По приближеніи молодаго человѣка, незнакомецъ вдругъ вскочилъ; яркая краска покрыла блѣдное и сухощавое лицо его; онъ устремилъ на Фредерика такой любопытствующій взоръ, какъ-будто-бы появленіе молодаго человѣка возбудило въ немъ какое-то тяжкое воспоминаніе, или физіономія его представляла какое-то сходство еще невѣрное и неопредѣленное, въ которомъ онъ старался дать самому-себѣ отчетъ. Однакожъ, оказалось, что они видѣлись въ первый разъ въ жизни, и послѣ этого невольнаго движенія незнакомецъ принялъ на себя прежній холодный видъ свой и отвѣчалъ съ презрительною усмѣшкой:

— Вы, кажется, принимаете меня за какого-нибудь промышленика большихъ дорогъ, который скрывается по-вечерамъ съ товарищами въ засадѣ, чтобъ грабить прохожихъ? Позвольте же и мнѣ въ свою очередь выразить нѣкоторое сомнѣніе, видя передъ собою вооруженнаго человѣка, и спросить васъ, надъ какимъ живымъ существомъ испытывали вы сію минуту вѣрность своего глаза, потому-что, безъ сомнѣнія, это вы выстрѣлили изъ ружья подъ горою?

Разстояніе помѣшало сначала Фредерику разслышать слова незнакомца, и въ первомъ движеніи запальчивости онъ шелъ-было къ нему съ бранью, думая, что имѣлъ дѣло съ какимъ-нибудь грубымъ крестьяниномъ; но, подошедъ ближе, онъ очень удивился, увидѣвъ передъ собою человѣка почтенной наружности, съ физіономіею, выражавшею какое-то холодное и гордое благородство.

— Точно такъ, отвѣчалъ онъ: — я выстрѣлилъ въ двухъ дупелей, которыхъ видѣлъ въ винограднинкѣ, и далъ промахъ. Однакожь я могъ бы застрѣлить дичь крупнѣе этой. Хорошо, что вы кликнули вашу собаку, а то бы ей не миновать смерти.

— Страхъ заставилъ васъ думать, что вамъ предстояла истинная опасность. Я научилъ свою собаку защищать меня, а не нападать на прохожихъ... Лежать, Бугъ! смирно!

Приказаніе было сопровождено ударомъ по отвислымъ челюстямъ собаки, которая легла къ ногамъ своего господина, положа морду на переднія лапы, протянутыя къ нему, и смотря на Фредерика безпокойными и сердитыми глазами.

— Я, право, былъ бы въ отчаяніи, сказалъ Фредерикъ: — еслибъ вышелъ изъ терпѣнія и лишилъ васъ вѣрнаго товарища, можетъ-быть, друга.

— Друга! возразилъ незнакомецъ. — Нѣтъ, сударь, меня никто не любитъ, и я никого не люблю.

— Вы очень откровенны, и никто не скажетъ, чтобъ въ эгоизмѣ

вашемъ было лицемѣріе. Каждый воленъ понимать жизнь какъ ему кажется лучше.

— Да, но не въ ваши лѣта; въ мои—другое дѣло: въ мои лѣта поневолѣ затверживаются уроки опытности. Вы вѣрите въ дружбу, не правда ли? вѣрите въ доброту сердца, привѣрженность, въ безкорыстіе? Все это сказки! Знаете ли вы, что такое вѣрный слуга, искренній другъ? Слуга—это Бугъ мой, который лежитъ теперь у ногъ моихъ, лижетъ ихъ, и повинуется мнѣ изъ страха; однакожь, еслибъ вы, котораго онъ готовъ растерзать теперь по одному моему знаку, встрѣтили его завтра потерявшаго меня изъ виду, бѣгущаго по слѣдамъ моимъ, умирающаго отъ усталости и голода, то повѣрьте, за небольшой кусокъ хлѣба онъ тотчасъ присталъ бы къ вамъ и послѣдовалъ за вами всюду. Изъ всѣхъ слугъ нашихъ, этого рода слуги еще лучшіе, потому-что у нихъ нѣтъ ни разсудка, ни смысла: ими управляетъ только инстинктъ грубой природы; повинуясь одному побужденію голода, они ищутъ всѣхъ средствъ удовлетворить его; полный или пустой желудокъ дѣлаетъ ихъ признательными къ господамъ, или заставляетъ бунтоваться. Искренній другъ вашъ — тотъ, который болѣе всѣхъ другихъ вашихъ знакомыхъ желаетъ вамъ зла, который громче всѣхъ сожалѣетъ о васъ, когда вы страдаете, но въ сердцѣ своемъ радуется несчастію вашему гораздо-больше, нежели другіе; другъ вашъ—тотъ, кто, сидя съ вами, безпрестанно думаетъ о томъ, чтобъ какъ-нибудь обмануть васъ, и вывѣдываетъ тайны ваши для того, чтобъ измѣнить вамъ; это повѣренный, который васъ обкрадываетъ, убійца, который, обнимая васъ, ищетъ на груди вашей мѣста гдѣ бы вѣрнѣе вонзить кинжалъ. Вы улыбаетесь съ видомъ сожалѣнія и недовѣрчивости; слова мои кажутся вамъ бредомъ горячки, восторженною выходкою безумца, или глупою декламаціею педанта, которая не имѣетъ даже достоинства новости. Да, конечно, все, что я говорю вамъ, было уже сказано тысячу разъ; это одна изъ тѣхъ печальныхъ пошлостей, которыя таскаются по всѣмъ книгамъ; но моя ли вина, что люди вездѣ и во всѣ времена тѣ же развратные подлецы и безчестные мошенники? Увѣряю васъ, когда вы поживете на свѣтѣ подольше и короче познакомитесь съ ними, сами будете ненавидѣть и презирать ихъ.

Въ началѣ этой ѣдкой сатиры, произнесенной на открытомъ воздухѣ, Фредерикъ едва могъ удержаться, чтобъ не захохотать во все горло, но мало-по-малу сдѣлался внимательнѣе. Все, что въ другомъ казалось бы чрезвычайно-смѣшнымъ, имѣло въ этомъ странномъ ораторѣ какое-то достоинство, въ которомъ не было ничего поддѣльнаго, ничего изъисканнаго. Онъ говорилъ безъ всякой напыщенности въ голосѣ, безъ театральныхъ жестовъ, — въ словахъ его отзы-

валось глубокое внутреннее убѣжденіе; Фредерикъ слушалъ его съ какимъ-то невольнымъ увлеченіемъ, въ которомъ самъ не могъ дать себѣ отчета и которое заставляло его стоять неподвижно передъ этимъ человѣкомъ, несводившимъ съ него глазъ ни на минуту. Онъ думалъ даже, что встрѣтился съ однимъ изъ тѣхъ несчастныхъ, въ которыхъ безуміе скрывается иногда подъ рѣчами довольно-разсудительными, и которые, при всемъ разстройствѣ своего мозга, сохраняютъ въ разговорѣ наружность здраваго разсудка.

— Я понимаю, что слова мои должны казаться вамъ по-крайней-мѣрѣ странными, продолжалъ этотъ человѣкъ послѣ довольно-долгаго молчанія.—Однакожь, въ томъ, что̀ я сказалъ вамъ, есть нѣчто вамъ неизвѣстное.

— Что̀ же такое? прервалъ Фредерикъ.

— Если оно точно существуетъ, въ чемъ я еще неувѣренъ, то я не скажу вамъ этого.

— Какъ вамъ угодно. Но начинаетъ смеркаться, и я долженъ продолжать путь свой, какъ ни пріятно было бы мнѣ разговаривать съ вами. Добрый вечеръ!

— Не покажется ли вамъ нескромнымъ, если я спрошу, гдѣ вы намѣрены провести ночь?

— Въ Тизи.

— Но вы еще не тамъ.

— Да развѣ не первые домы его видны отсюда, вонъ тамъ на горѣ?

—Да. Но глаза ваши ошибаются на счетъ разстоянія; это оптическій обманъ. Съ той точки, гдѣ мы стоимъ, однѣ птицы могутъ достигнуть туда по прямой линіи. Въ трехстахъ шагахъ отсюда, дорога на скалѣ поворачиваетъ влѣво. Слышете ли въ этомъ направленіи и почти позади насъ звукъ колокольчиковъ? Это идутъ лошади фабрикантовъ нашего городка, которые теперь отправляются въ дорогу для того, чтобъ завтра поутру поспѣть съ холстомъ своимъ на рынокъ Вильфранша.

— Что̀ жь изъ этого слѣдуетъ? спросилъ Фредерикъ.

— То, что большая дорога идетъ тамъ, гдѣ вы слышете звонъ колокольчиковъ; то-есть, что вамъ остается еще около трехъ четвертей мили до Тизи.

— Это новость очень-непріятная. Я вышелъ сегодня поутру пѣшкомъ изъ городка, о которомъ вы говорите, изъ Вильфранша, и отдохнувъ только какихъ-нибудь четверть часа въ бѣдномъ кабакѣ, шелъ цѣлый день до-тѣхъ-поръ, пока остановился здѣсь; но эта минутная остановка, кажется, повредила мнѣ, потому-что, чувствую, ноги мои онѣмѣли, и вся усталость перешла въ пятки. Впрочемъ, это заставляетъ меня еще болѣе спѣшить въ путь. И такъ, еще разъ прощайте!

— Когда вы дойдете до поворота въ горѣ, то смотрите, не отдаляйтесь отъ скалъ, стоящихъ влѣво, идите возлѣ нихъ какъ-можно-ближе, безпрестанно придерживаясь за нихъ рукою. Земля по другую сторону отвисла, и обвалъ земли, случившійся въ прошломъ мѣсяцѣ послѣ сильной бури, оставилъ очень-узенькую тропинку; надобно знать ее очень-хорошо и ступать съ большою осторожностью, чтобъ пройдти безопасно.

— Покорно благодарю за предостереженія, сказалъ Фредерикъ раскланиваясь.

— Не хотите ли, чтобъ я былъ вашимъ проводникомъ?

— О, очень! Отъ такого предложенія никто бы не отказался.

— Зачѣмъ же вы сами не просили меня объ этомъ?

— Признаюсь, послѣ разговора нашего, судя по тѣмъ чувствамъ, которыя вы обнаружили, я никогда не думалъ бы, чтобъ вы захотѣли сдѣлать услугу человѣку вамъ совершенно-неизвѣстному.

— Можно ненавидѣть людей вообще, не желая, однакожь, чтобъ тѣ, которые не сдѣлали намъ никакого вреда, сломили себѣ шею. Пойдемте.

Отошедши шаговъ съ двадцать, незнакомецъ сказалъ Фредерику:

— Вы устали. Снимите съ себя котомку. Бугъ! сюда!

Онъ снялъ съ него суму и, привязавъ къ ней ремень, положилъ въ зубы собаки. — Теперь, продолжалъ онъ: — чтобъ вамъ легче было идти, возьмите мою трость и отдайте мнѣ свое ружье.

Молодой человѣкъ принялъ это предложеніе съ видомъ недовѣрчивости. Товарищъ угадалъ его мысли.

— Ахъ, Боже мой! да, мнѣ кажется, вы считаете меня способнымъ употребить ружье ваше противъ васъ. Какъ угодно; пожалуй, оставьте его у себя; но я, конечно, не возьму на тебя труда оправдываться въ намѣреніи убить васъ.

— Дѣйствительно, это было бы безполезно. Прошу васъ простить мнѣ первое движеніе, которому я не могъ противиться. Охотно принимаю ваше предложеніе.

— Ну, слава Богу! Теперь увѣрьтесь, что ружье ваше будетъ въ рукахъ моихъ такъ же безопасно, какъ суковатая трость, которую вы держите.

И онъ выстрѣлилъ на воздухъ.

Въ эту минуту звукъ колокольчиковъ раздался громче прежняго.

— Слышите ли? сказалъ онъ Фредерику: — лошадки поскакали, испугавшись выстрѣла. Страхъ придалъ имъ прыти, чего, вѣрно, не сдѣлали бы удары кнута.

«Ого-го-го!», кричали еще вдали два рѣзкіе голоса. Потомъ вдругъ блеснулъ свѣтъ, и нѣсколько лошадей, навьюченныхъ тюками холста, пронеслись рысью; вслѣдъ за тѣмъ показались въ концѣ дороги

два человѣка, которые, догоняя лошадей, бѣжали опрометью; одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ фонарь; приближаясь къ Фредерику и его товарищу, они умѣрили бѣгъ свой.

— Чтобъ вамъ чортъ сломилъ шею! кричалъ одинъ изъ нихъ. — Какую тутъ дичь стрѣляете вы теперь?

— Бѣлыхъ дроздовъ! отвѣчалъ молодой человѣкъ, обидѣвшись.

— А вотъ я научу тебя смѣяться надъ нами, кто бы вы ни были, ты и товарищъ твой.

— Полно, Пьеръ! поди сюда; чтò съ ними ссориться! сказалъ отводя его съ собою человѣкъ, несшій фонарь. — Развѣ ты не узналъ старшаго изъ нихъ? Вѣдь это господинъ...

Фредерикъ не разслышалъ имени, которое произнесъ крестьянинъ, понизивъ голосъ; онъ оборотился къ товарищу и при послѣднихъ лучахъ удалявшагося фонаря, увидѣлъ, что товарищъ его шелъ опустя голову, какъ-будто углубясь въ размышленіе и не обращая никакого вниманія на то, чтò произошло.

— Извините, если я перерву думу вашу, сказалъ онъ. — Надѣюсь, вопросъ мой не покажется вамъ нескромнымъ; вы меня обязали, слѣдовательно мнѣ очень-естественно желать узнать ваше имя.

— Вы похожи на всѣхъ людей; вамъ непремѣнно нужно знать имя, чтобъ оцѣнить услугу. Но какую важность можетъ имѣть для васъ имя человѣка, встрѣтившагося съ вами нечаянно, человѣка, котораго, вѣроятно, вы никогда ужь больше не увидите? Оно для васъ менѣе важно, нежели ярлыкъ на мѣшкѣ или стклянкѣ; буквы, его составляющія, сами собою не представятъ никакой идеи, не объявятъ вамъ, чтò заключаетъ въ себѣ голова или сердце того, кому принадлежитъ это имя. Впрочемъ, если вамъ угодно знать его, то я называюсь д'Аржель... Дайте мнѣ руку: передъ нами въ десяти шагахъ пропасть.

Они поворотили влѣво; помощь, предложенная Фредерику, была не безполезна, потому-что дорога шла неровно, пересѣкаясь скалами, которыя по-мѣстамъ выходили изъ земли; быстро спускаясь внизъ, она углублялась потомъ въ круглую ущелину, похожую на огромную воронку; мракъ былъ такъ густъ, что молодой человѣкъ не могъ видѣть своего товарища, съ которымъ шелъ плечо-съ-плечомъ. Единственный свѣтъ, освѣщавшій ихъ въ эту минуту, происходилъ отъ нѣсколькихъ звѣздъ, сіявшихъ на небѣ; но, блистая вверху, этотъ свѣтъ не проницалъ во внутренность мрака, сгустившагося подъ ногами путешественниковъ.

— Романистъ не могъ бы избрать лучшаго мѣста для разбойничьей сцены или для призыванія страшныхъ привидѣній, сказалъ Фредерикъ: — и скалы, и пещеры, и пропасти — чего хочешь,

того просишь, и я ежеминутно ожидаю, что какая-нибудь невидимая рука схватитъ меня за воротъ.

— У насъ не извѣстны ночныя нападенія, выключая развѣ тѣхъ, которыя дѣлаются изъ мести, отвѣчалъ д'Аржель. — Вы вѣроятно здѣсь въ первый разъ?

— Въ первый. Мнѣ вздумалось посѣтить пѣшкомъ эту часть горъ Божолè, которая была мнѣ неизвѣстна; вчера только я вышелъ изъ Ліона.

— Вы живете постоянно въ Ліонѣ?

— Да, я живу въ Ліонѣ года четыре.

— Ваше семейство поселилось тамъ?

— Почему вы знаете, что у меня есть семейство?

— Могу предполагать это. Вы еще такъ молоды, что родители ваши не могли умереть отъ старости.

— Но у меня ужь нѣтъ матери.

Потомъ, по нѣкоторомъ молчаніи, Фредерикъ прибавилъ съ легкою ироніею:

— Однакожь мнѣ кажется, что, порицая нескромность въ другихъ...

— Я самъ довольно-любопытенъ, хотите вы сказать, не правда ли? Признаюсь, я и самъ не знаю, для чего сдѣлалъ вамъ этотъ вопросъ.

Если бъ Фредерикъ могъ въ эту минуту видѣть лицо д'Аржеля, то конечно не повѣрилъ бы его равнодушію. Дѣйствительно, съ той минуты, какъ онъ началъ разспрашивать этого молодаго человѣка, д'Аржель слушалъ каждый отвѣтъ его съ увеличивавшимся безпокойствомъ и говорилъ съ разстановкою для того, чтобъ скрыть смущеніе, отъ котораго голосъ его дрожалъ.

— Я только пошутилъ, но охотно буду отвѣчать вамъ, сказалъ Фредерикъ.—Отецъ мой, который женился въ другой разъ нѣсколько лѣтъ назадъ,—негоціантъ въ Марсели. Онъ называется Ремонъ.

При этомъ имени, д'Аржель вздрогнулъ; изъ груди его невольно вырвался глухой крикъ, который онъ задушилъ въ ту жь минуту.

— Чтò съ вами? спросилъ молодой человѣкъ, остановясь.

— Ничего... ничего... У меня сильно забилось сердце, стѣснилось дыханіе... я подверженъ этимъ припадкамъ; они иногда поражаютъ меня вдругъ какъ громовой ударъ... Но вотъ ужь и прошло... Пойдемте.

Они стояли на самомъ опасномъ мѣстѣ горы; но, не смотря на трудность дороги и припадокъ, отъ котораго другой бы ослабѣлъ, д'Аржель сильно потащилъ съ собою Фредерика. Наконецъ, черезъ нѣсколько минутъ, мракъ сталъ рѣдѣть, и скоро показалось нѣсколько хижинъ, потомъ цѣлая группа домиковъ.

— Мы въ Тизи, сказалъ д'Аржель:—теперь надобно похлопотать вамъ о ночлегѣ.

— Развѣ здѣсь нѣтъ трактира?

— Есть, но очень-дурной и съ прескверными постелями. Я даже сомнѣваюсь, чтобъ вы могли найдти тамъ какой-нибудь ужинъ. Да не угодно ли вамъ переночевать у меня?

— Я боюсь васъ обезпокоить.

— Если вы не имѣете другихъ причинъ отказаться отъ моего приглашенія, то я считаю его принятымъ. Милости прошу... Ну, Бугъ! прибавилъ онъ, вынувъ изъ зубовъ его котомку Фредерика: —бѣги домой, и объяви тамъ о нашемъ приходѣ.

Собака бросилась къ одному уединенному домику и, подбѣжавъ къ воротамъ, стала громко лаять. Дверь отворилась, и молодой путешественникъ увидѣлъ при свѣтѣ фонаря вышедшую на встрѣчу служанку, которая, взглянувъ на него, отступила отъ удивленія назадъ.

— Войдите, прошу покорно, сказалъ д'Аржель Фредерику.

II.

Вызовъ.

Въ другихъ обстоятельствахъ, Фредерикъ, конечно, поколебался бы принять приглашеніе д'Аржеля. Можетъ-быть, осторожность не дозволила бы ему ввѣриться на цѣлую ночь человѣку ему неизвѣстному, ночевать въ домѣ почти пустомъ и отдаленномъ отъ всѣхъ другихъ; но взаимная довѣренность раждается обыкновенно гораздо-скорѣе между людьми, встрѣтившимися нечаянно и только на нѣсколько часовъ, нежели въ знакомствахъ, требующихъ частыхъ сношеній. Въ послѣднемъ случаѣ, взаимныя выгоды и тысячи необходимыхъ потребностей заставляютъ людей быть осторожными; прежде нежели обяжутся они къ чему-нибудь, тщательно изучаютъ другъ друга, потому-что поле, на которомъ они встрѣтились, есть нѣкоторый родъ арены, безпрестанно открытой для совмѣстничества. Напротивъ, при нечаянной встрѣчѣ, все ограничивается наружными изъявленіями расположенія и услужливости, искренними или ложными, но которыя не должны продолжаться долѣе нѣсколькихъ минутъ. Притомъ же, обхожденіе и разговоръ д'Аржеля возбудили въ Фредерикѣ сильное желаніе узнать, что было причиною этой мрачной мизантропіи, и онъ надѣялся вывѣдать у незнакомца тайну; сверхъ этихъ побужденій, болѣе или менѣе опредѣленныхъ, еще одна важная причина рѣшила молодаго путешественника: это былъ сильный голодъ, который чрезвычайно былъ встревоженъ предсказаніемъ о

дурномъ и скудномъ ужинѣ въ трактирѣ.—Наконецъ онъ вошелъ въ комнату и служанка, которая всё еще не выходила изъ своего остолбенѣнія, смотрѣла попеременно то на господина своего, то на Фредерика, какъ-будто не вѣря еще самой-себѣ, что чужой человѣкъ могъ переступить черезъ порогъ ихъ жилища. Лѣта и еще больше наружность этой женщины не внушали Фредерику никакихъ двусмысленныхъ предположеній на счетъ нравственности д'Аржеля, и онъ ясно видѣлъ, что ненависть его не простиралась на *прекраснѣйшую половину рода человѣческаго,* которой одинъ изъ самыхъ дурныхъ образчиковъ находился въ его домѣ.

— Пресвятая Богородица! что̀ это такое? сказала она наконецъ, чуть-чуть не сдѣлавъ крестнаго знаменія.

Д'Аржель, казалось, не слыхалъ этого восклицанія, но, сказавъ ей на ухо нѣсколько словъ, прибавилъ въ-слухъ:

— Жозефина! приготовь этому господину ужинать, да поскорѣе.

— Ка́къ, для меня одного? сказалъ Фредерикъ.—Я думалъ, что вы приглашали меня ужинать вмѣстѣ съ собою... развѣ вы не голодны?

— Нѣтъ.

— Вы нездоровы?

— Нѣтъ. Войдите сюда.

Они вошли въ комнату нижняго этажа; д'Аржель, указавъ Фредерику на стулъ, сѣлъ самъ у стола, на который поставилъ свѣчу, и, не обращая болѣе вниманія на присутствіе молодаго человѣка, открылъ книгу. Самымъ главнымъ или лучше сказать единственнымъ украшеніемъ этой комнаты были чрезвычайная чистота и опрятность. Надъ высокимъ и широкимъ каминомъ висѣли крестообразно два охотничьи ружья; а по одну сторону его, ближе къ рукѣ, пара пистолетовъ и кинжалъ, имѣвшій форму ножа. Два стола, буфетъ и четыре стула орѣховаго дерева составляли всю мёбель. Пока Жозефина разстилала скатерть, ставила тарелки, суетилась и, ходя по комнатѣ, поглядывала изподлобья на Фредерика, котораго посѣщеніе было *для нея,* привыкшей къ совершенному уединенію, таинственною и необъяснимою загадкою, молодой Ремонъ имѣлъ время разсмотрѣть д'Аржеля ближе и лучше прежняго. Видно было, что чтеніе служило ему только предлогомъ, но мысли и вся душа его были заняты совсѣмъ-другимъ; иногда пальцы его, трепетавшіе нервическимъ содраганіемъ, такъ часто перевертывали листы, что онъ едва-ли могъ прочесть что-нибудь; иногда книга оставалась открытою на одной страницѣ нѣсколько минутъ сряду. Словомъ, не трудно было угадать, что какая-то ужасная скорбь или какое-то глубокое разочарованіе потрясли всю жизнь этого несчастнаго человѣка и разорвали всѣ связи его съ обществомъ.

Говорилъ онъ или молчалъ — всегда было въ немъ что-то такое,

что́ невольно привлекало къ нему вниманіе; онъ носилъ на челѣ своемъ таинственный знакъ, отличающій тѣ существа, которыхъ жизнь была или отмѣчена какимъ-нибудь необыкновеннымъ событіемъ, или взволнована страстями. Черты лица его были правильны и прекрасны; волосы побѣлѣли совершенно и представляли странную противоположность съ его чорными какъ смоль бровями. Четвероугольная форма подбородка и ширина нижней части щекъ обнаруживали чрезвычайную энергію и рѣшительность, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ могли доходить до восторженности или превращаться въ отчаянную жестокость. Округленный лобъ его̀ доказывалъ также, что умъ его имѣетъ болѣе твердости и силы, нежели легкости и гибкости. Это былъ одинъ изъ тѣхъ умовъ, которые понимаютъ не всегда скоро, но въ которыхъ мысль, однажды посѣянная и взросшая, оставляетъ глубокіе и вѣчные корни. Главнѣйшею же характеристическою чертою этой физіономіи была тусклость глазъ; взглядъ безъ всякаго блеска не высказывалъ никакого движенія души; онъ холодно падалъ на предметы и казалось примерзалъ къ нимъ. Это отсутствіе выраженія, эта неподвижность, отдаляя всякую мысль о перемѣнчивости, довершали непреклонную строгость этого необыкновеннаго лица, котораго мускулы, сильно обрисованные, придавали ему нѣкоторое сходство съ медалью.

Жозефина, накрывъ на столъ, принесла ужинъ, состоявшій изъ холоднаго мяса и плодовъ, и, по знаку своего господина, тотчасъ вышла изъ комнаты. Фредерику было очень-неловко начать разговоръ съ д'Аржелемъ, который, продолжая погружаться въ чтеніе, или, лучше, въ мысли свои, казалось, не имѣлъ ни малѣйшей охоты разговаривать. Не зная съ чего начать, молодой человѣкъ рѣшился прежде всего удовлетворить свой голодъ и жажду, а потомъ уже приступить къ разговору.

— Вы видите, сказалъ онъ наконецъ:—я поступаю безъ церемоній и пользуюсь гостепріимствомъ вашимъ не жеманясь; однакожь мнѣ совѣстно, что я обезпокоилъ васъ.

— Ни мало. Иначе я не пригласилъ бы васъ.

— Надѣюсь однакожь, что вы не откажетесь налить эту рюмку и чокнуться со мною, продолжалъ Фредерикъ.

— Я не пью ни за чье здоровье.

— Извините! возразилъ Фредерикъ:—я забылъ, что вы не имѣете и не хотѣли имѣть друзей. — Дѣйствительно, слишкомъ-много было бы тщеславія съ моей стороны, еслибъ я надѣялся восторжествовать въ такое короткое время надъ правилами, которыя, по-видимому, давно и рѣшительно приняты вами и вѣроятно внушены вамъ горькою опытностію.

—Будьте откровенны, сказалъ д'Аржель.—Признайтесь, вамъ хо-

тѣлось только заговорить со мною, чтобъ узнать, для чего я убѣгаю свѣта и людей и избралъ такую уединенную, дикую жизнь.

— Если вы угадали, мнѣ нѐчего запираться. Но не принимайте любопытства моего за нескромность. Можетъ-быть, воображеніе мое увеличиваетъ странность обстоятельствъ, насъ соединившихъ; но досихъ–поръ жизнь моя была такъ спокойна, такъ однообразна, мое завтра такъ походило на вчера, что самая простая встрѣча, самый обыкновенный случай, нарушающій этотъ порядокъ, должны казаться мнѣ важными! Мнѣ двадцать-три года; въ эти лѣта вы имѣли уже безъ сомнѣнія тяжкія испытанія.

— Нѣтъ! отвѣчалъ д'Аржель:—но что̀ заставляетъ васъ такъ думать?

— И самъ не знаю; но мнѣ кажется, что исторія вашей жизни...

— Очень-похожа на исторію всѣхъ. Вы мало встрѣтите такихъ людей, которыхъ жизнь выходила бы изъ ряда обыкновенности. Всѣ мы по-большой-части бываемъ игралищемъ совершающихся вокругъ насъ событій, которыя увлекаютъ насъ вопреки нашей воли, желаніямъ и разсчетамъ и часто ввергаютъ въ бездну несчастій. Въ молодости, мы избираемъ себѣ цѣль для дѣятельности, въ намѣреніяхъ своихъ бываемъ осторожны и настойчивы, чѣмъ и приготовляемъ себѣ успѣхъ; отважность, свойственная молодости, утверждаетъ его. Но въ день, предназначенный судьбою, земля, скрывающая невидимые подкопы, вдругъ обрушается подъ ногами нашими и мы падаемъ въ пропасть вмѣстѣ съ обломками предпріятій и надеждъ своихъ,—одни съ высоты эшафота, другіе въ изгнаніи или въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ уголку отечества. Тогда на всѣхъ насъ, живыхъ и мертвыхъ, немедленно распространяется покровъ забвенія и скрываетъ насъ на-вѣки отъ свѣта и людей.

(—Безъ сомнѣнія, это какой-нибудь заговорщикъ, удалившійся отъ свѣта, подумалъ Фредерикъ.)

—Потомъ, продолжалъ д'Аржель:—приходятъ другіе и заступаютъ мѣсто прежнихъ жертвъ. Человѣкъ, обманувшійся въ надеждахъ своихъ, обыкновенно предается уединенію и неизвѣстности. Тогда мало–по-малу утихаетъ въ немъ буря страстей и желаній, и по мѣрѣ того, какъ члены его слабѣютъ въ бездѣйствіи, мечты воображенія становятся мало–по-малу не такъ пламенными и постепенно остываютъ. Наконецъ, мѣсто прежнихъ волненій, пылкости, восторженности заступаетъ совершенная тишина, и вы видите передъ собою какое-то жалкое, страдательное существо, утомленное самимъ-собою, безполезное для другихъ, не имѣющее ни радостей въ прошедшемъ и настоящемъ, ни отраднаго упованія на будущее.

— Если это точно жизнь ваша, сказалъ Фредерикъ: — то отъ всего сердца сожалѣю о васъ. Однакожь, позвольте мнѣ говорить откро-

венно. Мнѣ кажется, вы несчастны не отъ-того только, что имѣли неудачу, но и отъ-того, что не можете забыть претерпѣнное вами пораженіе.

— Это правда, отвѣчалъ д'Аржель мрачнымъ голосомъ. Сказавъ это, онъ отошелъ отъ Фредерика, противъ котораго стоялъ, и началъ ходить большими шагами по комнатѣ.

— Это правда, молодой человѣкъ! продолжалъ онъ. — Вы не знаете еще что̀ такое пытка воспоминаній. Нѣтъ спокойствія для того, кто помнитъ прошедшее, кто прощать не умѣетъ и не хочетъ. Тщетно обрекъ онъ самъ-себя на жертву; тщетно отдалъ судьбѣ жизнь свою на посрамленіе, тѣло на муки, слезы на утоленіе ея личной жажды; всего этого недовольно; ему надобно другая, отличительная жертва; въ душѣ его живетъ одна мысль, въ сердцѣ пылаетъ одно желаніе, грудь его поражена одною ужасною надеждой — и онъ говоритъ самоубійству: иди, оставь, не искушай меня! ты конецъ всему; но я хочу еще наслаждаться своимъ несчастіемъ; хочу заставить проливать слезы, слышать стоны, рыданія; хочу въ свою очередь отвергнуть безполезныя мольбы. Минута—одна только минута можетъ изгладить для меня годы страданій! Это минута, въ которую я могу сказать: «Я отмстилъ».

Удивленіе Фредерика достигло высочайшей степени; но къ этому удивленію присоединялся еще какой-то тайный, непонятный страхъ. Не смотря на жаръ, съ которымъ говорилъ д'Аржель, онъ былъ ужасно блѣденъ; взглядъ его, минутно оживившійся быстрою молніею, принялъ опять свою прежнюю страшную неподвижность; онъ тихо подошелъ къ столу.

— Я сумасшедшій, сказалъ онъ, садясь опять противъ Фредерика. — Вы, конечно, удивились моей запальчивости и не поняли моихъ бредней. Но вотъ я успокоился, и хоть отказался отъ предложенія вашего выпить рюмку вина, однакожь, если вы на меня не осердились, то прошу васъ позволить мнѣ выпить за здоровье ваше и пожелать вамъ исполненія всѣхъ вашихъ желаній.

— Съ величайшею охотою, отвѣчалъ Фредерикъ. — Пожелайте же мнѣ быть счастливу, какъ я желаю вамъ, чтобъ всѣ горести ваши, ка̀къ бы жестоки онѣ ни были, миновались.

— Желаю вамъ счастія, богатства и успѣха въ любви.

— Покорно благодарю! Ка̀къ жаль, прибавилъ мысленно Фредерикъ, ка́къ жаль, что эта сильная душа иногда ослабѣваетъ, что разсудокъ иногда затмѣвается въ этомъ человѣкѣ, отъ природы добромъ и снисходительномъ!

— Я отвѣчалъ на вопросы ваши, сказалъ д'Аржель, по нѣкоторомъ молчаніи: — теперь поговоримъ о васъ. Вы мнѣ сказали, что отецъ вашъ живетъ въ Марсели.

— Да.

— Что у васъ нѣтъ уже матери?

— Я былъ еще очень-малъ и въ разлукѣ съ ней, когда она скончалась, и потому никогда почти не пользовался ни ласками ея, ни попеченіями; но память ея будетъ мнѣ всегда священна. Тѣ, которые знавали ее, выхваляли ея кроткія достоинства; жизнь ея была чиста и безпорочна, и никто не смѣлъ оскорбить ея чести даже тѣнью подозрѣнія. Однакожь я знаю, что между ею и отцомъ моимъ никогда не было любви. Это было одно изъ тѣхъ супружествъ, въ которыхъ сердце не участвуетъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, оба они разсудили разстаться другъ-съ-другомъ; не приступая къ явному разводу, они жили розно по взаимному согласію и, не имѣя случаевъ ссориться, сохраняли всегда другъ къ другу искреннее уваженіе.

— Слѣдовательно, вы съ самаго младенчества жили всегда съ отцомъ своимъ, и никогда съ нимъ не разставались?

— Я лишился и этого счастія. Дѣла препятствовали отцу моему заниматься моимъ воспитаніемъ; онъ отослалъ меня въ коллегію, гдѣ я провелъ нѣсколько лѣтъ не видавшись съ нимъ.

— И тогда... извините, если я покажусь вамъ слишкомъ нескромнымъ... Тогда, видя себя нѣкоторымъ образомъ оставленнымъ, вы, вѣроятно, не имѣли уже къ нему прежней горячности...

— Вы могли бы подумать это, прервалъ Фредерикъ: — но очень бы ошиблись; я почитаю и люблю отца всѣмъ сердцемъ. Онъ рѣдко бралъ меня къ себѣ, но я знаю и увѣренъ, что онъ любитъ меня.

— Не повредила ли вамъ въ его мнѣніи женщина, на которой онъ женился? вы знаете, что мачихи очень-часто не терпятъ своихъ пасынковъ?

— Я могъ бояться этого сначала, потому-что, когда отецъ мой женился на ней, она была молода, чрезвычайно-хороша собою и любима имъ страстно.

— А она любила ли его?

— Конечно; по-крайней-мѣрѣ она добровольно отдала ему руку свою, и кàкъ я понялъ изъ нѣкоторыхъ ея словъ, предпочла его жениху, которому дала прежде слово, вѣроятно по принужденію.

Д'Аржель закрылъ на минуту глаза; правая рука его, которая съ перваго вопроса Фредерика лежала у него на груди, какъ-будто бъ онъ хотѣлъ остановить ею біеніе своего сердца, вдругъ судорожно сжалась и царапала ему грудь, но онъ по-видимому не чувствовалъ боли.

— Но, продолжалъ Ремонъ: — всѣ опасенія мои исчезли, лишь-только я увидѣлъ и узналъ вторую мать свою. Она приняла меня съ неизъяснимою добротою, когда, чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ свадьбы отца я пріѣхалъ въ Марсель. Я видѣлъ, что буду имѣть въ

ней друга и покровительницу, вмѣсто хитрой и злобной мачихи. Нѣтъ, сударь, я не думаю, чтобъ можно было найдти въ другой женщинѣ болѣе кротости, болѣе красоты, болѣе скромныхъ и семейныхъ добродѣтелей. Что̀ вамъ сказать еще? Я готовъ защищать ее отъ клеветы и злословія, такъ-какъ сынъ защитилъ бы мать свою, потому-что невозможно знать ее и не любить, видѣть ее и не привязаться къ ней всѣмъ сердцемъ; она влечетъ къ себѣ какою-то непостижимою силою; душа ея еще прекраснѣе прелестнаго лица...

— Вы говорите о ней съ большимъ энтузіазмомъ, сказалъ д'Аржель, который, не смотря на всѣ старанія владѣть собою, не могъ скрыть въ голосѣ горькой ироніи, къ-счастію незамѣченной Фредерикомъ.—Я долженъ вамъ вѣрить, продолжалъ онъ:—что портретъ этотъ сходенъ и не прикрашенъ; въ такомъ случаѣ, вы не имѣете права жаловаться на судьбу свою. Что̀ же касается до вашего отца, о которомъ говорите вы съ такою любовью и почтеніемъ, я думаю, онъ также достоинъ чувствъ вашихъ, представляя собою образецъ честности, великодушія и благородства. Вы очень-счастливы, г. Ремонъ, что нашли въ тѣсномъ кругу своего семейства два исключенія изъ общаго разврата человѣческаго. Не знаете ли вы еще третьяго примѣра?

— Думаю, что знаю, отвѣчалъ Фредерикъ съ улыбкою.—Можетъ-быть, небу угодно было сдѣлать чудеса *для* меня: я встрѣтилъ молодую дѣвушку, за честь и добродѣтель которой отвѣчаю жизнію! Это именно та, которую я люблю и которую скоро надѣюсь назвать своею женою.

— Говоря о ней съ такимъ жаромъ, вы не имѣли нужды прибавлять, что любите ее и намѣрены на ней жениться. Но... знаете ли, что вещь самая ненадежная, самая хрупкая изъ всѣхъ вещей въ мірѣ та, которая легче соломы и на которой каждый изъ насъ основываетъ все спокойствіе и блаженство своей жизни, есть... добродѣтель любимой женщины?

— Милостивый государь, я не могу сомнѣваться, отвѣчалъ Фредерикъ, выведенный наконецъ изъ терпѣнія такою упорною настойчивостью видѣть во всемъ зло.—Вотъ три года, какъ я знаю эту дѣвушку, о которой говорю вамъ, три года люблю ее, и, получивъ согласіе отца на бракъ съ нею, скоро отправляюсь въ Руанъ, гдѣ живетъ она, чтобъ назначить день нашей свадьбы. Мнѣ было бы прискорбно выговорить передъ вами такія слова, которыя выразили бы что-нибудь, кромѣ искренней благодарности за гостепріимство. Прошу васъ беречь про себя мнѣнія, которыхъ я не оспоривалъ, и дозволить мнѣ вѣрить въ существованіе добродѣтели.

— Какія же доказательства имѣете вы на это?

— Я могъ бы не отвѣчать вамъ, потому-что вы напередъ отвер-

гаете всѣ доказательства; но соглашаюсь сказать, что довѣренность моя основывается на святости слова, даннаго мнѣ добровольно, и на искренности признанія, которое получилъ я, не смѣя его требовать. Этихъ доказательствъ мнѣ достаточно для опроверженія намековъ вашихъ, которые, однакожь, сдѣлаются наконецъ оскорбительными, если вы станете продолжать ихъ.

— Знаю я эти доказательства!.. Увидѣвъ васъ, она смутилась, не правда ли? взглянула на васъ нѣжно, пожала тихо руку вашу своею дрожащею рукою? О! это вѣрные и несомнѣнные признаки любви!..

— Милостивый государь!..

Д'Аржель злобно захохоталъ.—А! такъ вотъ какія у васъ доказательства! Молодая дѣвушка сказала вамъ, что она любитъ васъ – и, конечно! какъ ей не повѣрить? развѣ женщины лгутъ когда-нибудь?

— Прошу васъ не заставить меня забыть, что я въ домѣ вашемъ.

— И вы такъ полагаетесь на любовь ея, что живете въ разлукѣ съ нею и не боитесь отсутствія. Славно, молодой человѣкъ, славно! Поѣзжайте жь къ ней скорѣе, требуйте подтвержденія даннаго ею слова, и вы увидите ту же нѣжную улыбку, тотъ же страстный взглядъ, услышете тѣ же клятвы... Но постарайтесь прочитать въ сердцѣ ея, подымите эту маску невинности и...

Фредерикъ вскочилъ со стула.

— Ни слова больше! закричалъ онъ:—или я найду въ словахъ вашихъ не жалкій бредъ сумасшедшаго, а умышленное оскорбленіе и вызовъ!

Д'Аржель также всталъ съ мѣста и схватилъ Ремона за руку съ такою силою, что принудилъ его стоять неподвижно. Потомъ, прислоня лицо свое къ его лицу, сказалъ голосомъ человѣка, рѣшившагося вывести противника своего изъ терпѣнія и принудить къ явной ссорѣ:

— Не я сумасшедшій, а ты! Скажи мнѣ имя той, которую ты любишь, поведи меня къ ней завтра, представь семейству ея какъ друга своего, и я, котораго она никогда не видала, который уже старъ, грустенъ, угрюмъ, отвратителенъ,— я обольщу эту женщину; я заставлю ее забыть и скромность, и стыдливость; скажу ей шопотомъ слова, которыя найдутъ отголосокъ въ ея сердцѣ. Чтобъ осквернить цѣломудріе этого сокровища, чтобъ затмить это чистое зеркало, въ которомъ ты видишь образъ твой, мнѣ стóитъ только пробудить въ ней порочныя наклонности природы, если онѣ спятъ еще, и вдунуть въ ухо ея гнусные совѣты и искушенія разврата, которыя заставятъ трепетать ея члены; словомъ, я уговорю ее измѣнить тебѣ для меня, твоего друга, и это священное имя придастъ въ глазахъ ея новую прелесть ея вѣроломству. Испытай, говорю тебѣ; послѣ этого опыта, мы, если хочешь, будемъ съ тобою рѣзаться; впрочемъ,

она бросится между нами съ крикомъ и рыданіями, говоря, что любитъ меня одного, и чтобъ я щадилъ жизнь свою!..

— Послушайте, милостивый государь, сказалъ Фредерикъ, выхвативъ руку свою, на которой отъ желѣзнаго натиска осталось синее пятно.—Я могъ бы зажать вамъ ротъ рукою, которую вы теперь оставили на свободѣ; но я ждалъ, чтобъ мѣра оскорбленій вашихъ исполнилась прежде, нежели я потребую отъ васъ удовлетворенія. Что осталось вамъ прибавить еще? Какая клевета, какая новая дерзость забыта вами? Вспомните поскорѣе... Недавно еще считалъ я васъ безумцемъ, и вы возбуждали во мнѣ сожалѣніе; теперь я возвращаю вамъ разсудокъ и презираю васъ... Еслибъ я не былъ у васъ въ домѣ...

— Забудьте, что вы у меня! Развѣ я просилъ помнить это? Если надобно избавить васъ отъ благодарности, чтобъ придать вамъ духу, я избавляю васъ отъ нея.

—Довольно! Завтра мы увидимъ, у кого изъ насъ не достанетъ смѣлости. Но каково бы ни было слѣдствіе нашего поединка, Богъ свидѣтель, не я искалъ его!

— Вотъ ваша комната! сказалъ д'Аржель, указывая ему на дверь.

— Развѣ я долженъ ночевать у васъ?

— Да, чтобъ я зналъ завтра, гдѣ найдти васъ. Конечно, вамъ, можетъ-быть, пріятнѣе было бы уйдти отсюда на честномъ словѣ; но...

— Довольно, сударь, довольно! Хотя вы дали мнѣ все право не полагаться на васъ, но я остаюсь. И такъ, до завтра.

— До завтра.

Фредерикъ бросился совсѣмъ-одѣтый на постель, приготовленную ему Жозефиной; но неожиданная развязка его встрѣчи такъ сильно волновало его мысли, что онъ не могъ уснуть. Поступки д'Аржеля были для него необъяснимы. Этотъ человѣкъ, котораго странныя рѣчи и восторженныя мысли сначала возбудили участіе его и любопытство, съ намѣреніемъ ли оставилъ его у себя, чтобъ вовлечь его въ свои сѣти? Фредерикъ вспомнилъ, съ какимъ вниманіемъ д'Аржель разсматривалъ его, хотя лицо его было ему вовсе незнакомо, и былъ увѣренъ даже, что имя д'Аржеля никогда не было произнесено въ его присутствіи: стало-быть, онъ, по какому-то таинственному и роковому опредѣленію судьбы, встрѣтился съ этимъ безумнымъ мизантропомъ, раздраженнымъ отъ продолжительнаго уединенія, который, задыхаясь отъ желчи, чувствовалъ нужду излить ее на кого ни попало и завелъ ссору, чтобъ дать кровавое упражненіе своей ярости. Фредерикъ не поколебался ни минуты, чтобъ объявить себя обиженнымъ, какъ-скоро увидѣлъ, что умѣренность его была безполезна и что намеки д'Аржеля обратились въ дерзкія личности. Бывъ оскорбленъ въ самыхъ нѣжныхъ чувствахъ своихъ,

онъ нимало не раскаявался въ той твердости, съ которою отвѣчалъ на обиду, и съ терпѣніемъ покорялся жестокой крайности, до которой былъ доведенъ; но въ то же самое время онъ спрашивалъ у самого-себя, точно ли повелѣвала ему честь подвергнуть опасности жизнь свою противъ полоумнаго человѣка, который невольно увлекался идеею, имъ преобладавшею, и былъ не въ состояніи понимать собственныхъ словъ своихъ. «Можетъ-быть, ночь» думалъ онъ: «укротитъ раздраженный умъ его; можетъ-быть, несчастный пріидетъ наконецъ въ себя и почувствуетъ вину свою.» Это были послѣднія мысли въ смущенной душѣ Фредерика; скоро усталость восторжествовала надъ волненіемъ души, и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Прошло съ часъ времени съ-тѣхъ-поръ, какъ взошло солнце; утро было тихо и прекрасно. Оставивъ Фредерика, д'Аржель остался въ нижнемъ этажѣ у окна, обращеннаго въ поле. Звѣзды затмѣвались при первыхъ лучахъ раждавшейся зари; гора мало-по-малу освѣщалась розовыми оттѣнками утра; но д'Аржель не видалъ ничего; по-временамъ, брови его хмурились, и можно было бы подумать, что какая-то нерѣшимость или позднее раскаяніе изображались на лицѣ его; наконецъ онъ всталъ и, какъ-будто отбросивъ отъ себя какое-то тяжкое сомнѣніе, вскричалъ:

— Рѣшено! Я знаю, что онъ ни въ чемъ не виноватъ передо мною. Но, при взглядѣ на него, кровь моя закипѣла; вся ненависть вспыхнула при видѣ этого роковаго сходства, и я тщетно желалъ бы имѣть сожалѣніе къ его молодости.

Въ эту минуту послышался чей-то голосъ, произнесшій его имя, и онъ увидѣлъ двухъ человѣкъ, остановившихся противъ окна. Одинъ изъ нихъ былъ ему неизвѣстенъ, но въ другомъ узналъ онъ трактирщика изъ городка Тизи.

— Вотъ тотъ, кого вы искали, сказалъ трактирщикъ своему товарищу.

Незнакомецъ подалъ д'Аржелю письмо.

Прочитавъ письмо послѣ довольно-жаркаго разговора съ этимъ человѣкомъ, д'Аржель наскоро осѣдлалъ лошадь и тотчасъ выѣхалъ тихонько изъ дому.

III.

Невѣрность любовника.

Тяжелый сонъ, овладѣвшій Фредерикомъ, еще продолжался, когда хозяинъ его скакалъ во весь опоръ по большой дорогѣ къ Роаннѣ, гдѣ хотѣлъ взять почтовую коляску. Но мы оставимъ молодаго Ре-

мона спать, хотя не столько лѣтъ, сколько проспала сказочная героиня, однакожь все то время, которое потребно намъ для разсказа о происшествіяхъ, случившихся до этой эпохи.

Теперь мы попросимъ читателя возвратиться съ нами къ осени 1817 года.

Въ площадкѣ парка, примыкавшаго къ дому, который стоялъ въ одномъ изъ южныхъ кварталовъ Монпелье, сидѣли двѣ женщины различныхъ лѣтъ у входа въ маленькую бесѣдку, которая, по неважности архитектуры своей, непринадлежавшей ни къ какому стилю, конечно не заслужила бы вниманія даже самаго ревностнаго литературнаго описателя дверей и окошекъ. Это былъ просто шалашъ для отдохновенія гуляющихъ, или лучше, хижина, выстроенная изъ камня въ самой уединенной части лѣса, для того, чтобъ служить убѣжищемъ отъ внезапной непогоды. Съ мѣста, гдѣ стояла она, видны были, налѣво, тонкія деревца молодой рощицы и стѣна, окружавшая паркъ, а направо, за зеленою лужайкой, около которой извивался свѣтлый ручей, или, говоря правильнѣе, каналъ, гдѣ вода, проведенная изъ сосѣдняго источника, почти высохла отъ лѣтнихъ жаровъ, возвышался довольно-большой домъ.

Разстояніе, которое оттуда до этого дома казалось съ перваго взгляда невелико, умножалось невозможностію дойдти до него по прямой линіи. Сверхъ того, полусгнившій деревянный мостъ, ведшій прежде черезъ каналъ въ паркъ, недавно обрушился, и потому надобно было проходить длинною извилистою аллеею, которая, обвиваясь разъ двадцать вокругъ самыхъ густыхъ чащей лѣса, выводила къ большому огороду, примыкавшему къ цвѣтникамъ.

Разговоръ, начавшійся между двумя женщинами, былъ прерванъ шумомъ и призывами къ оружію, раздавшимися внѣ парка. Въ эту эпоху, когда бѣшенство народныхъ страстей недавно еще взволновало всю южную часть Франціи, подобныя изъявленія буйства были страшны, потому-что могли сдѣлаться поводомъ къ междоусобной войнѣ. Сдѣланы были нѣкоторые домовые обыски, и по городу разъѣзжали патрули; народъ былъ чрезвычайно смущенъ этимъ, хотя никто не зналъ еще, какая опасность угрожала общему спокойствію, и что̀ было причиною этихъ строгихъ мѣръ, остававшихся тайною правительства и его исполнителей.

Младшая изъ двухъ женщинъ, о которыхъ мы говорили, была красоты необыкновенной; но глубокая меланхолія помрачила блескъ глазъ ея, и томная блѣдность лица высказывала тѣ тайныя и жестокія страданія души, для которыхъ нѣтъ утѣшенія. Безпрестанно терзаясь печальными предчувствіями, она во всемъ видѣла предзнаменованіе несчастій, и каждый крикъ, малѣйшая тревога въ народѣ отдавались въ ея сердцѣ. Подруга ея, казавшаяся съ виду лѣтъ

пятидесяти, не имѣла въ физіономіи своей ничего особеннаго; но всѣ пріемы ея показывали женщину, привыкшую жить если не въ роскоши, то по-крайней-мѣрѣ въ довольствѣ и между людьми высшаго общества. Когда умолкъ наконецъ голосъ офицера, командовавшаго патрулемъ, который проходилъ подъ стѣною парка, вниманіе ихъ обратилось на подошедшую къ нимъ старушку — кормилицу дѣвицы Эмиліи Ришомъ.

— Что́ тебѣ нужно, Марта? спросила госпожа Дерси: — ты насъ искала? вѣрно принесла какія-нибудь новыя вѣсти?

—Нѣтъ, сударыня, отвѣчала Марта:—я даже не знала, что вы здѣсь, и пришла сюда совсѣмъ-нечаянно. Говоря это, она бросила изподтишка на Эмилію значительный взглядъ; молодая дѣвушка хотя и замѣтила его, но не обратила особеннаго вниманія ни на него, ни на другія миганья и знаки старой няни. Марта никогда не разлучалась съ Эмиліею; она знала всѣ ея тайны и была нѣкоторымъ образомъ единственнымъ ея другомъ; но какъ жизнь Эмиліи была съ нѣкотораго времени чрезвычайно-однообразна, и сердце ея изнывало уже цѣлый годъ все одною грустію, то въ нетерпѣніи старушки говорить съ нею наединѣ она видѣла только желаніе повторить ей всегдашнія свои жалобы; она объяснила ей жестомъ, что теперь невозможно было оставить тетку. Съ своей стороны, госпожа Дерси сказала Мартѣ голосомъ, требовавшимъ немедленнаго повиновенія:

— Оставь насъ.

Бѣдная няня удалилась съ видимою досадою, и Эмилія долго слѣдовала за нею глазами, не понимая, что̀ бы такое могла она сказать ей; но ка̀къ ни важно было бы извѣстіе, принесенное Мартою, однакожь разговоръ, который боялась она имѣть съ теткою, такъ сильно занималъ ее въ эту минуту, что никакое другое обстоятельство не могло разсѣять ея мысли.

— Мы живемъ въ грустныя времена, начала г-жа Дерси, когда онѣ остались однѣ:—и тѣ, которые безразсудным неповиновеніемъ своимъ причиняютъ эти ужасные безпорядки, достойны жестокаго наказанія.

—Я такъ же, какъ и вы, не знаю, что̀ причиною этого новаго возмущенія, отвѣчала Эмилія, стараясь казаться равнодушною. — Но можетъ-быть мы тревожимся напрасно; говорятъ, будто не проходитъ недѣли, чтобъ мы не были подвержены какой-нибудь ужасной опасности, но я начинаю привыкать къ этому положенію; оно не пугаетъ меня такъ, ка̀къ пугало прежде; думаю, обѣимъ намъ нѐчего уже опасаться подозрѣній, и вы должны бы послѣдовать моему примѣру, быть спокойными.

— Но точно ли ты спокойна, Эмилія?

— Конечно.

— Когда такъ, то ты можешь выслушать то, что̀ я должна сказать тебѣ.

— Говорите же, тетушка, отвѣчала Эмилія, опустя глаза въ землю.

— Думала ли ты хорошенько о предложеніи, сдѣланномъ тебѣ мною на этихъ дняхъ?

— Думала.

— Что̀ жь ты будешь отвѣчать мнѣ?

Эмилія молчала.

— Это значитъ, что ты все-таки отвергаешь руку г-на Ремона.

— Я должна отвергнуть ее.

— Развѣ ты его ненавидишь?

— Я ни къ кому не имѣю ненависти.

— Не лучше ли признаться, что ты любишь другаго?

— Мнѣ нѐ въ чемъ ни признаваться, ни запираться, тетушка.—Мысли мои для васъ не тайна.

— Но ты поступаешь такъ, ка̀къ бы не зависѣла ни отъ кого въ свѣтѣ и забываешь свое положеніе.

— Ахъ, тетушка! слово это жестоко. Я увѣрена, что вы произнесли его не спросясь своего сердца. Не сомнѣвайтесь въ моей благодарности; я никогда не забуду, что я осталась бѣдною сиротою, не имѣя ничего, кромѣ имени отца моего, и что вы, давъ мнѣ убѣжище въ домѣ своемъ, укрыли отъ нищеты дочь сестры своей. Вы были для меня до-сихъ-поръ такъ добры и великодушны, за чѣмъ же принуждаете меня теперь отдать руку свою г-ну Ремону? О! позвольте мнѣ остаться съ вами, чтобъ имѣть о васъ тѣ попеченія, которыми нѣжная дочь окружаетъ мать свою!

—Чувства твои трогаютъ меня; но лучшимъ доказательствомъ твоей привязанности ко мнѣ было бы согласіе твое выйдти за г. Ремона.

— Никогда! вскричала Эмилія.

— Никогда, говоришь ты? Но я прощаю тебѣ этотъ невольный порывъ неповиновенія, которымъ ты какъ-будто вызываешь меня на ссору. Скажу больше: я согласна сложить съ себя власть и хочу говорить съ тобою какъ другъ. Предлагая тебѣ только совѣты, я буду стараться вывести тебя изъ заблужденія. Въ чемъ можешь ты упрекнуть г. Ремона? Онъ не принималъ дѣятельнаго участія въ возмущеніяхъ, обагрившихъ кровью отечество наше, но принадлежитъ къ господствующей партіи по родству и связямъ своимъ. Онъ въ близкомъ родствѣ съ нашимъ префектомъ. Имя его доставляетъ безопасность; ты знаешь это, потому-что покровительство его избавило уже насъ отъ бѣды. Ты дочь полковника, умершаго въ службѣ Наполеона; я вдова человѣка, который былъ преданъ ему до фанатизма; мы обѣ должны страшиться новаго правительства, преслѣ-

дующаго всѣхъ кто былъ въ какой-нибудь связи съ приверженцами имперіи. Бракъ твой съ г. Ремономъ отдалитъ отъ насъ всякую опасность. Женщины не могутъ жить безъ покровительства. Г. Ремонъ богатъ и повергаетъ къ ногамъ твоимъ все свое имѣніе. Конечно, онъ гордъ, въ характерѣ его есть что-то мрачное; но любовь его къ тебѣ смягчитъ эту суровость и для меня непонятно, почему ты отвергаешь его предложеніе... Или нѣтъ, я знаю давно настоящую причину твоего отказа; но надѣялась, что время и разсудокъ восторжествуютъ надъ твоею преступною страстью.

Тутъ Эмилія вздрогнула и хотѣла-было говорить, но жестъ тетки заставилъ ее молчать.

— Да, преступною! продолжала она: — потому-что предметъ ея —врагъ своего отечества, бѣглецъ, котораго голова оцѣнена уже.

— Но прежде, нежели судъ приговорилъ его къ смерти, я клялась ему никогда не принадлежать другому, и вы сами одобрили тогда мой выборъ.

— Правда; но съ-тѣхъ-поръ...

— Съ-тѣхъ-поръ, онъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ; но отъ-того, что онъ несчастливъ, вы хотите, чтобъ я забыла свои клятвы? О, нѣтъ, нѣтъ! скитаясь въ чужой землѣ безъ хлѣба, безъ друзей, безъ пристанища, онъ не имѣетъ ничего, кромѣ любви моей, и сердце мое говоритъ, что одна эта любовь заставляетъ его переносить жизнь со всѣми ея мученіями. Въ свѣтѣ нѣтъ вѣчной ненависти; люди, можетъ-быть, устанутъ современемъ преслѣдовать его, и если онъ когда-нибудь возвратится, если прійдетъ ко мнѣ требовать исполненія клятвъ своихъ, если принесетъ мнѣ сердце, оставшееся вѣрнымъ не смотря на всѣ претерпѣнныя имъ бѣдствія, ка̀къ снесу я взглядъ его, упреки, отчаяніе, если я, незнавшая другихъ страданій, кромѣ разлуки, другихъ опасностей, кромѣ увлеченія вѣтреной любви, предстану передъ него женою другаго?

— Теперь я понимаю, что̀ защищаетъ г. Вернона въ сердцѣ твоемъ отъ забвенія! это рыцарскій характеръ, который ты ему приписываешь. Онъ придаетъ силу любви твоей, потому-что ты воображаешь, будто г. Вернонъ укрылъ голову свою отъ казни для того только, что надѣялся со-временемъ посвятить тебѣ жизнь свою... Но разлука твоя съ нимъ не временная, а вѣчная.

—Боже, что̀ вы говорите! вскричала Эмилія, испугавшись и этого полу-объявленія и торжественнаго голоса, съ которымъ г-жа Дерси произнесла его.

— Богъ свидѣтель, я не хотѣла огорчить тебя. Не смотря на всю дружбу свою къ г. Ремону и желаніе, чтобъ ты отдала ему свою руку, я никогда не рѣшилась бы принудить тебя выйдти за него противъ воли. Вѣрь мнѣ, дитя мое, я люблю тебя и отъ всей души

желаю только твоего счастія. Съ этого дня смотри на меня какъ на друга... Ты открыла мнѣ сердце свое... и я должна растерзать его. Жестокая необходимость требуетъ сказать тебѣ всю истину!...

— Боже мой! какое еще новое несчастіе хотите вы объявить мнѣ, говорите, ради Бога, говорите скорѣе, не мучьте меня...

Но, не смотря на всѣ усилія свои казаться твердою, бѣдная дѣвушка почувствовала смертельную дрожь, которая проникла въ сердце и, казалось, остановила въ немъ и движеніе и жизнь. Глаза ея, въ которыхъ сначала было нѣсколько слезъ, вдругъ сдѣлались сухи и неподвижны, и онѣмѣвшія уста остались отверстыми. Наконецъ, она бросилась къ ногамъ г-жи Дерси, и проговорила умирающимъ голосомъ:

— Онъ умеръ?

Эмилія Ришомъ, живъ еще у отца своего въ эпоху перваго возстановленія Бурбоновъ, познакомилась съ молодымъ человѣкомъ, который назывался Шарлемъ Верномомъ и служилъ унтер-офицеромъ въ императорской гвардіи. Съ самаго перваго свиданія своего, они почувствовали другъ къ другу взаимное влеченіе. Красота Эмиліи, прелести образованнаго ума ея, тихость характера воспламенили въ Вернонѣ одну изъ тѣхъ сильныхъ страстей, которыя могутъ потухнуть только съ жизнію. Съ своей стороны, молодая дѣвушка, которой молодые люди старались нравиться, почувствовала, что взоръ ея встрѣтилъ наконецъ человѣка, котораго она должна была любить; Вернонъ прельстилъ ее не одною наружностію, хотя и отличался прекрасными мужественными чертами лица и благородною осанкою, но еслибъ онъ имѣлъ самое обыкновенное и даже дурное лицо, и тогда могъ бы производить непреодолимое впечатлѣніе. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, въ которыхъ благородство чувствъ и возвышенность души безпрестанно проливаютъ свѣтъ на наружность. Довольно было взглянуть на него, чтобъ угадать въ немъ характеръ отъ природы честный, откровенный, сильный, назначенный господствовать надъ другими безъ присвоенія себѣ власти и служить опорою слабости, вселяя въ нее невольное къ себѣ влеченіе. Любя страстно Эмилію, Вернонъ не думалъ, однакожь, чтобъ любовь была единственною цѣлью его жизни, и не жертвовалъ ей ни честолюбіемъ своимъ, ни желаніемъ славы, ни патріотизмомъ, ни надеждою мщенія на поляхъ битвы. Побѣжденный, но непокорившійся, онъ повиновался правительству, учрежденному чужеземцами. Онъ съ энтузіазмомъ вступилъ опять въ службу во время ста-дней и бывъ тяжело раненъ при Ватерлоо, узналъ, только спустя два мѣсяца, что полковникъ Ришомъ убитъ, и что Эмилію взяла къ себѣ тетка ея. Вернонъ былъ бѣденъ подобно Эмиліи. Онъ жилъ небольшою пенсіею, которую давалъ ему отецъ, приставшій къ ультра-роялист-

ской партіи и согласившійся уступить ему часть своего имѣнія только въ такомъ случаѣ, когда онъ отречется отъ клятвы мстить Бурбонамъ. Бывъ увѣрены другъ въ другѣ, молодые любовники рѣшились ждать перемѣны обстоятельствъ, и Вернонъ, ходя въ домъ г-жи Дерси, пользовался дозволеніемъ видѣть племянницу ея съ чрезвычайною скромностію, остерегаясь, чтобъ поступки его не повредили Эмиліи даже въ мнѣніи самыхъ искреннихъ друзей ея. Но оба они были молоды, любили другъ друга страстно; Вернонъ чувствовалъ, что добродѣтель его начинала колебаться; онъ видѣлъ, что испытаніе было свыше силъ его; однакожь строгость правилъ повелѣвала ему уважать молодую дѣвушку, долженствовавшую быть нѣкогда его супругою, и чѣмъ обольщеніе казалось легче, тѣмъ болѣе хотѣлъ онъ, чтобъ непорочность ея была такъ же чиста въ собственныхъ глазахъ его, какъ и въ глазахъ свѣта. Невозможно было ему обладать Эмиліею, и надобно было найдти какую-нибудь пищу для дѣятельности души; онъ тайно возобновилъ политическія свои связи, искалъ разсѣянія въ нихъ и, оставаясь вѣрнымъ клятвѣ, данной Эмиліи, произнесъ другую клятву, связавшую и волю и жизнь его. Бывъ принужденъ въ теченіи шести мѣсяцевъ часто отлучаться изъ Монпелье, онъ выдумывалъ разные предлоги, чтобъ обмануть Эмилію и особенно тетку ея, которыя безпрестанно опасались преслѣдованій. Въ это время Франціи угрожалъ переворотъ: недоразумѣніе и нетерпѣливая ревность нѣкоторыхъ демагоговъ ускорили минуту исполненія. Тщетно Вернонъ хотѣлъ замедлить ее, тщетно представлялъ имъ, что время еще не наступило, что, слѣдовательно, успѣхъ былъ невѣренъ: ропотъ недовѣрчивости прервалъ слова его. — Ну, такъ подайте же сигналъ, сказалъ онъ товарищамъ:— и я иду первый!— Предсказаніе его сбылось. Заговоръ вспыхнулъ вдругъ, какъ дѣйствіе безъ причины, какъ отчаянная попытка, предпринятая нѣсколькими безумцами, непринадлежавшими ни къ какой партіи, и былъ затушенъ, уничтоженъ въ самомъ своемъ началѣ. Вернонъ возвратился бѣглецомъ въ Монпелье, увидѣлъ Эмилію, объявилъ ей о разрушеніи надеждъ своихъ и о необходимости оставить тайно Францію для спасенія своей жизни. Въ этомъ короткомъ свиданіи они вторично поклялись быть другъ другу вѣрными, какъ бы ни была продолжительна ихъ разлука. Вернону удалось достигнуть Марсели, гдѣ онъ имѣлъ сообщниковъ и откуда отправился моремъ въ Испанію. Онъ былъ приговоренъ къ смерти, но преступленіе его не было доказано.

Прошелъ годъ послѣ всѣхъ этихъ происшествій, но, нѣсколько времени спустя по отъѣздѣ Вернона, г-жа Дерси познакомилась съ Полемъ Ремономъ, пріѣхавшимъ по дѣламъ въ Монпелье. Обѣ онѣ были тогда подъ надзоромъ полиціи, навлекая на себя подозрѣніе

тѣмъ, что имѣли нѣкогда сношенія съ явнымъ врагомъ правительства. Ремонъ оказалъ имъ покровительство, и эта важная услуга доставила ему признательность и уваженіе г-жи Дерси. Эмилія была бы не менѣе ему благодарна, еслибъ считала усердіе его безкорыстнымъ, но, къ-несчастію, она отгадала любовь его прежде, нежели онъ осмѣлился въ ней открыться. Сирота и безъ пристанища, она понимала, что такое супружество представляло ей чрезвычайныя выгоды и превзошло бы всѣ ожиданія г-жи Дерси, которая хоть и не тяготилась ею, однакожь, безъ сомнѣнія обрадовалась бы случаю избавиться отъ трудной обязанности, принятой ею въ первомъ движеніи великодушія и сострадація, безъ размышленія объ отвѣтственности. Ремонъ былъ богатъ, имѣлъ отъ роду не болѣе 40 лѣтъ, и если не обладалъ привлекательною наружностью, плѣняющею женщинъ съ перваго взгляда, однакожь и не имѣлъ въ себѣ ничего отвратительнаго. Эмилія не была уже властна въ своемъ сердцѣ; съ тайнымъ страхомъ замѣтила она, что этотъ человѣкъ, не имѣя надежды быть любимымъ, не переставалъ терзать ее объясненіемъ своей страсти, нѣмой, печальной и мрачной, какъ угрызеніе совѣсти, и замѣнялъ стараніе нравиться неутомимымъ преслѣдованіемъ. Никогда не слыхала она отъ него жалобъ, никогда не требовалъ онъ отъ нея ласковаго слова, или взгляда менѣе-равнодушнаго; но, сидя возлѣ нея въ глубокой задумчивости, онъ наблюдалъ холодное молчаніе, какъ тѣнь слѣдовалъ всюду за нею и, казалось, терпѣливо ожидалъ отъ времени или обстоятельствъ успѣха въ своихъ намѣреніяхъ. Каждый прошедшій день уносилъ у бѣдной Эмиліи какую-нибудь надежду и ослаблялъ бодрость ея. Каждый день чувствовала она, что роковой кругъ, очерченный около нея, все болѣе и болѣе стѣснялся, и что она приближалась къ той минутѣ, когда ея сопротивленіе будетъ безполезно и покажется дерзкимъ возмущеніемъ противъ власти ея благодѣтельницы. Она не ожидала помощи ни отъ кого и не имѣла извѣстія о Вернонѣ. Такимъ образомъ, очень понятенъ крикъ испуга, вырвавшійся у нея въ минуту отчаянія, понятенъ безпрестанный страхъ, который ежеминутно тревожилъ ея воображеніе, разгоряченное мрачными размышленіями и всегда готовое видѣть во всемъ несчастіе и гибель.

— Онъ умеръ? повторила она.

— Встань, Эмилія, и выслушай меня, сказала г-жа Дерси. — Ты, вѣрно, помнишь о немъ и приписываешь ему постоянство, которое существуетъ только въ твоемъ сердцѣ. Вспомни, что ты жила все это время въ уединеніи, занятая однимъ предметомъ, одною мыслію, безъ разсѣянія, безъ удовольствій; не забудь, что годъ разлуки и новость предметовъ производятъ тысячу перемѣнъ въ нашихъ склонностяхъ. Ты была еще очень-молода и неопытна, когда еще не

жила со мною: очень-естественно, милый другъ, ты ошиблась въ томъ, кого предпочла всѣмъ другимъ; заблужденіе твое простительно:—но kàкъ извинить неблагодарнаго, который за всю любовь твою отплатилъ вѣроломствомъ?

— Онъ обманулъ меня?.. Нѣтъ, этого быть не можетъ... Это неправда... по-крайней-мѣрѣ вы не имѣете доказательствъ...

— Читай! сказала г-жа Дерси, подавая ей открытое письмо. — Вотъ чтò получила я вчера изъ Лериды. Тебѣ извѣстно, что Вернонъ въ Испаніи... письмо писано ко мнѣ одною дамою... Но... ты блѣднѣешь?..

Эмилія взяла письмо и прочла слѣдующее:

«Милостивая государыня!

«Та, которая обращается къ вамъ не зная васъ, не имѣетъ никакихъ другихъ правъ на ваше вниманіе, кромѣ того, что она женщина и мать. Она проситъ васъ отвѣчать на вопросы ея, съ тою же искренностію, съ которою бы сама она въ подобномъ случаѣ отвѣчала вамъ. Съ полгода назадъ, одинъ молодой Французъ, отставной офицеръ гвардіи, по имени Шарль Вернонъ, пріѣхалъ въ нашъ городъ и, къ несчастію моему, познакомился со мною. Его обращеніе, разговоры и выказываемое имъ благородство чувствъ внушили мнѣ довѣренность, въ которой я горестно раскаяваюсь; но можно ли было думать, чтобъ всѣ эти прекрасныя качества сердца и ума были въ немъ только блестящею маскою, скрывавшею развратъ и вѣроломство?.. Что еще остается мнѣ сказать вамъ?.. Вы знаете уже, что къ вамъ пишетъ обманутая и горестная мать!»

При этихъ словахъ, голосъ Эмиліи стихъ; густое облако помрачило глаза ея, и письмо упало на землю; но г-жа Дерси подняла его и продолжала читать вслухъ:

«Дочь моя послѣдовала за своимъ обольстителемъ. Долго всѣ поиски оставались тщетными; но недѣли двѣ назадъ, узнала я, что будто-бы онъ возвратился во Францію. Я вспомнила, что въ первое время знакомства нашего, онъ часто произносилъ имя г-жи Дерси, которая живетъ въ Монпельѐ. Именемъ дѣтей вашихъ, если вамъ небо дало ихъ, именемъ всего, чтó почтенно и свято на землѣ, заклинаю васъ объявить мнѣ, видѣли ли вы его, слышали ли о немъ, знаете ли его убѣжище. Я не требую назадъ своей дочери, которая должна будетъ оплакивать свою слабость въ стѣнахъ монастыря; но хочу, чтобъ соблазнитель возвратилъ ей честь, давъ ей свое имя, и прощу ему тогда только, когда удовлетвореніе и раскаяніе загладятъ въ глазахъ моихъ вину его.»

«Поручаю эту тайну чести и благородству души вашей, потому-что, доставляя вамъ случай успокоить меня, я, въ то же самое время, даю вамъ средство разславить стыдъ цѣлаго семейства, подписывая здѣсь имя

Эстеллы Миндочи.

— Это обманъ, безчестный, гнусный обманъ! вскричала Эмилія.— Онъ бѣглецъ? Онъ изгнанникъ? Еслибъ онъ оставилъ Испанію, то ужь, конечно, не возвратился бы сюда, гдѣ голова его принадлежитъ палачу!

— Но развѣ ты забыла, Эмилія, что возвращеніе его во Францію только невѣрный слухъ? Притомъ же, Вернонъ даже и въ чужой землѣ долженъ для безопасности своей скрывать, что онъ государственный преступникъ, осужденный на смертную казнь. Если онъ точно похитилъ дочь г-жи Мендоче, то не могъ придумать лучшаго средства, для прекращенія всѣхъ поисковъ, какъ распустить эту вѣсть, заставивъ преслѣдовать себя въ той землѣ, куда онъ не смѣетъ показаться.

Долгое молчаніе слѣдовало за этимъ убійственнымъ доказательствомъ. Эмилія лучше всѣхъ могла оцѣнить благородство Вернона, потому-что борьба, выдержанная ею съ самой-собою, показала ей всю мѣру той силы характера, которую надобно было имѣть ему, чтобъ восторжествовать надъ искушеніемъ; но то, что̀, казалось, должно бы успокоить ее, увеличивало ея недоумѣніе, и чувство, дотолѣ ей неизвѣстное—ревность наполнила душу ея мрачными предчувствіями. Кто знаетъ, думала она:—Вернонъ, по-видимому столь благородный, столь великодушный, Вернонъ, щадя честь мою, имѣлъ можетъ-быть только сожалѣніе къ моей слабости; но когда другая женщина внушила ему истинную страсть, строгая добродѣтель его, можетъ-быть, дозволила побѣдить себя...

— Ну, что жь, Эмилія, что̀ скажешь ты противъ этого? спросила г-жа Дерси.

— Ничего, тетушка, по-крайней-мѣрѣ ничего такого, что̀ могла бы я доказать; въ совѣсти каждаго изъ насъ есть тайны, которыя извѣстны только одному Богу. Но противъ этого письма, которое обвиняетъ его совершенно, я могу только представить его клятвы, мои воспоминанія и убѣжденіе, которое теперь колеблется между обманомъ и истиною. До-сихъ-поръ я не вѣрила злу, — и вотъ вѣроломство сразило меня; я все еще надѣялась, но чтобъ разрушить всѣ мои надежды, довольно было одного слова... можетъ-быть, клеветы...

—Клеветы, говоришь ты? Надѣюсь, по-крайней-мѣрѣ, что подозрѣнія твои не падаютъ на меня?

— Избави меня Боже отъ этой мысли! Но если, для погубленія этого несчастнаго, обманываютъ и васъ и меня? если это письмо подложно?..

— Эмилія! я краснѣю за тебя! сказала г-жа Дерси: — кто жь его написалъ? Назови мнѣ его!

— Нѣтъ, я не назову его, но сдѣлаю лучше, вскричала Эмилія, какъ-будто уступая какому-то внезапному вдохновенію, и увидѣвъ какого-то человѣка, вышедшаго изъ аллеи и приблизившагося къ нимъ. — Скажите мнѣ откровенно, продолжала она:—знаетъ ли объ этомъ письмѣ кто-нибудь кромѣ васъ?

— Нѣтъ.

— Вы клянетесь въ этомъ?

— Клянусь.

— Дайте мнѣ его.

— На что?

— Дайте и оставьте меня одну съ тѣмъ, кто идетъ сюда. Я имѣю право испытывать, когда дѣло касается счастія всей моей жизни. Но ради Бога ни слова, ни знака, который бы могъ заставить его догадаться!—онъ долженъ прочесть это письмо при мнѣ, и во время чтенія я надѣюсь подмѣтить на лицѣ его тайну его сердца. Я хочу, чтобъ онъ смѣшался и измѣнилъ самому-себѣ, если точно онъ виноватъ... О! не говорите, что я оскорбляю его своимъ подозрѣніемъ, приписывая ему столько низости!.. Онъ любитъ меня, но я не люблю его; онъ долженъ быть ревнивъ. Съ той самой минуты, какъ открылись глаза мои, я вижу то, чего прежде никогда не видала, понимаю тысячи вещей, которыхъ не постигала, и сердце мое, открывшись сомнѣнію, потеряло уже свою невинность... Письмо!.. дайте мнѣ письмо!

Г-жа Дерси не могла противиться настойчивости своей племянницы, или, можетъ-быть, не боялась этого опыта для Ремона; она отдала письмо Эмиліи, которая судорожно смяла его въ рукѣ и потомъ, принявъ спокойный видъ, поклонилась Ремону.

—Чтò такое случилось, другъ мой? сказала г-жа Дерси.—Сейчасъ останавливался подъ стѣною сада нашего патруль. Не опасаются ли возмущенія?

—Не знаю! отвѣчалъ Ремонъ.—Мнѣ неизвѣстна тайна мѣръ, принятыхъ правительствомъ; но я поручилъ сегодня Бернару, слугѣ преданному и мнѣ и вамъ, узнать, чтò дѣлается въ городѣ.

— Мы теперь больше, нежели когда-нибудь, полагаемся на ваше покровительство, г. Ремонъ, сказала Эмилія.

Ремонъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ. Еще въ первый разъ со времени ихъ знакомства она заговорила съ нимъ сама, не вынужденная къ отвѣту. Для объясненія себѣ этой странной перемѣны, незамѣтной можетъ-быть для всѣхъ другихъ, кромѣ любовника, онъ обратился къ г-жѣ Дерси; но та, исполняя желаніе племянницы, притворилась будто не поняла нѣмаго вопроса его, и сказала уходя:

— Я оставляю васъ съ Эмиліей, потому-что мнѣ нужно пойдти на минуту домой отдать нѣкоторыя приказанія; однакожь не прощаюсь съ вами.

Лишь только успѣла она оставить ихъ, какъ Эмилія замѣтила подъ деревомъ Марту, которая, казалось, выжидала ухода г-жи Дерси. Но увидѣвъ Ремона, старая няня не могла удержаться отъ нетерпѣнія

и тотчасъ удалилась, показывая знаками Эмилія, что будетъ ждать пока Ремонъ уйдетъ, чтобъ поговорить съ нею наединѣ.

Эмилія вспомнила, что Марта явилась уже не въ первый разъ, и думала, что дѣйствительно она хотѣла сообщить ей что-нибудь очень важное. Ей пришло даже на умъ, не узнала ли она чего-нибудь отъ болтливаго Бернара, котораго она береглась какъ врага, и не открылъ ли онъ ей заговора, который она подозрѣвала.—Надобно рѣшиться, сказала она самой себѣ:—это моя послѣдняя надежда, я ставлю все счастіе жизни моей на одинъ взглядъ, на одно невольное движеніе, какъ отчаянный игрокъ ставитъ на карту все свое достояніе.

Ремонъ подошелъ къ ней.

— Позволите ли вы мнѣ, сударыня, остаться съ вами?

Эмилія стала противъ него и, подавая ему открытое письмо, сказала:

— Читайте.

IV.

Изгнанникъ.

Ремонъ взялъ письмо изъ рукъ Эмиліи и прочиталъ его медленно.

— Увы! думала она: — онъ нисколько не смѣшался; стало-быть, это письмо не подлогъ. Вернонъ обманулъ меня!

Она упала на стулъ, на которомъ сидѣла прежде ея тетка, и была нѣсколько минутъ почти въ безпамятствѣ. Сидя противъ нея, Ремонъ смотрѣлъ молча и хоть имѣлъ все право быть оскорбленъ опытомъ, которому она подвергала его, однакожь физіономія его выражала только участіе и глубокое сожалѣніе.

— Вы надѣялись, сказалъ онъ:—что при видѣ этого письма я измѣню самъ-себѣ невольнымъ смущеніемъ? Не довольствуясь сомнѣніемъ въ истинѣ этихъ обвиненій, вы хотѣли еще смутить клеветника. Не правда ли?

— Я заслуживаю упреки ваши, проговорила Эмилія, запинаясь:— и выслушаю ихъ безъ ропота, потому-что чувствую, какъ жестоко оскорбила васъ.

— Нѣтъ, возразилъ Ремонъ:—я такъ хорошо знаю страданія любви, что не могу не прощать ея заблужденій. Долгъ мой покориться и ждать, пока вы перемѣните обо мнѣ свое мнѣніе.

— Вы великодушны. На этомъ опытѣ основывалась послѣдняя моя надежда; но теперь все кончено, и я не сомнѣваюсь больше...

— Позвольте мнѣ молчать объ этомъ. Я навлекъ бы на себя подозрѣніе ваше, еслибъ повѣрилъ истинѣ; но съ другой стороны, вы усо-

minвилось бы въ моей искренности, еслибъ я пытался открыть тутъ ложь.

— Я не этого ожидаю отъ васъ; мнѣ не нужно удостовѣреній.

— Что жь вамъ угодно будетъ приказать мнѣ?

— Сегодня поутру тетушка уговаривала меня принять руку вашу. Я не соглашалась, какъ и въ первый разъ, потому-что, принявъ ее, я обманула бы васъ; языкъ мой сказалъ бы вамъ то, чего не говорило бы сердце, и я сдѣлала бы и свое и ваше несчастіе. Но теперь г. Вернонъ разорвалъ связи, насъ соединявшія, — я должна разорвать ихъ въ свою очередь... Но... я любила его... я все-еще люблю его, не смотря на его вѣроломство... Простите мнѣ это признаніе. Въ моемъ положеніи, гораздо-лучше не таить отъ васъ ничего и научившись читать въ сердцѣ вашемъ, открыть вамъ свое совершенно. Да; я любила Вернона страстно и не могу еще быть равнодушной. Не знаю, что ожидаетъ меня въ будущемъ; можетъ-быть, мнѣ никогда невозможно будетъ забыть его. И однакожь вы всегда будете здѣсь возлѣ меня, грустный, ищущій одного моего взгляда, одного слова... Я не имѣю уже права сказать вамъ теперь: «оставьте меня, я принадлежу «другому, которому дала клятву и который поклялся мнѣ въ свою «очередь». Но я всегда имѣю право быть чистою въ собственныхъ глазахъ своихъ; предпочесть безполезныя слезы и горесть, въ которой никому не обязана отчетомъ, мыслямъ, въ которыхъ не смѣла бы признаться, и чувствамъ, которыя возмутили бы ваше спокойствіе... Ни о чемъ не спрашивайте меня до-тѣхъ-поръ, пока я буду молчать! Когда же стану говорить, тогда не сомнѣвайтесь въ истинѣ словъ моихъ.

— Буду ждать, отвѣчалъ съ покорностію Ремонъ.

— Вы сдѣлаете больше, продолжала она.—Вернонъ скитается въ изгнаніи; онъ приговоренъ къ смерти и нарушилъ данную мнѣ клятву; ничто не можетъ привести его сюда, гдѣ ожидаетъ его казнь; но еслибъ по какому-нибудь случаю онъ былъ такъ неостороженъ, что явился бы во Францію, еслибъ жизнь его была въ опасности... то... вы пользуетесь довѣренностію, вліяніемъ... вы можете спасти того, кто былъ вашимъ соперникомъ... О, ради Бога, увѣрьте меня, что жизнь его будетъ спасена!

— Дай Богъ, чтобъ онъ не возвратился... отвѣчалъ Ремонъ.—Но обѣщаю вамъ спасти его.

— Благодарю васъ, благодарю отъ всего моего сердца, сказала Эмилія, протянувъ ему руку.

— Что остается вамъ приказать мнѣ еще? продолжалъ Ремонъ.— Становится темно; не угодно ли вамъ, чтобъ я проводилъ васъ къ тетушкѣ?

— Подите къ ней и оставьте меня здѣсь; если встрѣтите Марту,

потрудитесь прислать ее ко мнѣ: я прійду съ нею. Голова моя горитъ; вечерній воздухъ освѣжитъ ее.

Ремонъ поклонился и ушолъ.

— Я чуть-было не измѣнилъ себѣ, когда она показала мнѣ это письмо, размышлялъ онъ дорогою.—Но теперь тайна моя принадлежитъ мнѣ; нѣтъ другаго судьи дѣлъ моихъ, кромѣ совѣсти, и Эмилія будетъ моя.

Оставшись одна, Эмилія предалась отчаянію; сначала слезы облегчили ее, но потомъ она впала въ какое-то нравственное и физическое изнеможеніе—обыкновенно слѣдующее за сильнымъ припадкомъ горести. Черезъ нѣсколько минутъ она сняла съ груди своей жемчужное ожерелье и долго смотрѣла на него неподвижными глазами.

— Вотъ! сказала она наконецъ: — вотъ послѣдній подарокъ его; вотъ драгоцѣнное ожерелье, принадлежавшее его матери, которое онъ далъ мнѣ въ тотъ день, когда долженъ былъ бѣжать изъ Франціи! — «Береги его» говорилъ онъ «въ память несчастнаго, котораго ты, можетъ-быть, никогда болѣе не увидишь, но который будетъ вѣчно любить тебя; этотъ талисманъ не предохранилъ ни жизни отца, ни судьбы сына, но я отдаю его супругѣ, избранной мною предъ лицомъ Бога, не для того, чтобъ онъ спасъ ее отъ несчастія, но чтобъ напомнилъ ей о любви и клятвахъ моихъ.»—И я, легковѣрная, довѣрчивая, какъ его бѣдная мать —видѣла въ этомъ ожерельѣ залогъ счастливой будущности, приписывала ему таинственный языкъ, спрашивала его, какъ другія спрашиваютъ цвѣтокъ, ощипывая листочки. Зачѣмъ же обмануло оно меня? зачѣмъ отвѣчало, что онъ любитъ меня?.. Я должна бы отбросить его далеко отъ своего сердца, на которомъ оно покоилось; но ни руки, ни глаза мои не могутъ разстаться съ нимъ, и я, краснѣя отъ стыда, невольно прижимала его къ устамъ своимъ. Пріими же послѣдній поцалуй мой, и съ этой минуты не напоминай мнѣ больше ни о чемъ, кромѣ его измѣны!

Въ это время послышались вблизи шаги. Эмилія вскочила, почувствовавъ, что чья-то рука дотронулась до ея руки.

— Не бойтесь, сударыня, это я, сказала Марта.

— Ахъ это ты, няня? вскрикнула Эмилія. — Дай мнѣ руку, пойдемъ скорѣе домой. Ужь очень-темно.

— Для этого именно и надобно остаться здѣсь. Я давно выжидала минуты поговорить съ вами на-единѣ; тетушка ваша дома; г. Ремонъ, побродя по парку, встрѣтилъ Бернара и, слава Богу, ушелъ съ нимъ. — Знаете ли, сударыня, сегодня цѣлой день полиція искала бѣглаго преступника...

— Боже!.. чтò ты, Марта?..

— Но въ то время, какъ сыщики бѣгали по городу и по полямъ, онъ, благодаря мнѣ, былъ въ безопасности. Бѣдняжка пришелъ сю-

да на разсвѣтѣ, и я спрятала его въ одномъ изъ пустыхъ строеній старой фермы. Я давно хотѣла вамъ сказать объ этомъ, но вы знаете, что это было невозможно.

— Да кто же этотъ бѣглецъ, Марта?

Развѣ сердце ваше не отгадало его? вскричалъ, бросаясь къ ногамъ Эмиліи, какой-то человѣкъ, пришедшій вслѣдъ за Мартою.

— Вернонъ!

— Да, Вернонъ!

— Вернонъ! повторила Эмилія голосомъ, выражавшимъ вмѣстѣ радость, страхъ и недоумѣніе; но не смотря на его усилія удержать ее, она оттолкнула его отъ себя обѣими руками, какъ-будто не вѣря еще собственному слуху и глазамъ своимъ.

— Ты сомнѣваешься?

Онъ всталъ, схватилъ ее и удержалъ въ своихъ объятіяхъ. Эмилія опустила голову на его плечо и проговорила слабымъ голосомъ:

— Это слишкомъ... я умираю!..

— Теперь я пойду и буду караулить, чтобъ кто-нибудь не зашелъ сюда, сказала няня.—Смотрите жь, будьте осторожны, говорите тише. Я скоро прійду назадъ.

Эмилія была въ обморокѣ; Вернонъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, наткнулся на дерновую скамейку, и положивъ на нее молодую дѣвушку, сѣлъ возлѣ. Онъ обхватилъ Эмилію одною рукою, чтобъ она не упала, другою сжималъ и старался согрѣть оледенѣвшія ея руки. Но Эмилія лежала недвижимо, и только короткое, тяжелое дыханіе обнаруживало въ ней слабый признакъ жизни.

— Эмилія! шепталъ Вернонъ:—прійди въ себя. Съ тобою говоритъ другъ твой, презрѣвшій всѣ опасности, чтобъ только увидѣть тебя и бѣжать съ тобою... Эмилія, мнѣ много надобно говорить съ тобою! Ахъ, если радость при возвращеніи моемъ—свыше силъ твоихъ, то сколько ты должна была страдать въ разлукѣ! Бѣдное дитя! какъ часто, скитаясь далеко отъ тебя, не имѣя о тебѣ никакого извѣстія, боялся я, чтобъ ты не забыла меня, и сегодня поутру, перелѣзая черезъ эти стѣны, я не столько боялся быть пойманнымъ, сколько страшился найдти тебя невѣрною.—О, какъ я былъ несправедливъ! Нѣтъ, любовь моя не можетъ равняться съ твоею! Я былъ для тебя все,—а въ душѣ моей тѣснились другія желанія; жизнь моя дѣлилась между любовью и мечтами о славѣ... Теперь я принадлежу одной тебѣ —Франція для меня уже не существуетъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы не можемъ жить въ ней, отечество мое въ той странѣ изгнанія, гдѣ я назову тебя моею супругою. Эмилія! промолви одно слово—скажи, что ты слышишь меня... Я сѣялъ на пути моемъ золото, чтобъ достигнуть до тебя; цѣною золота купилъ я даже тѣхъ, которые обѣщались выдать мою голову... Въ эту ночь... скоро... два

человѣка, самые жестокіе изъ моихъ преслѣдователей, по-видимому самые преданные врагамъ моимъ,—будутъ ждать меня у воротъ парка и проводятъ до пристани... Скажи мнѣ только, что ты согласна бѣжать со мною... Все то же молчаніе!.. О, Господи! возьми половину души моей и оживи ее! Сердце ея бьется подъ рукою, дыханіе касается моего лица... но я напрасно говорю съ нею,—она не слышитъ меня. Эмилія! ты была для меня священна и тогда, когда горячка страсти, зажженная взоромъ твоимъ, палила кровь мою: ты принадлежишь мнѣ всѣмъ, что свято на землѣ — любовью и несчастіемъ. Пробудись къ жизни отъ поцалуя супруга. Клянусь, если небо судило намъ разстаться на вѣки,—никогда уста мои не прикоснутся къ устамъ другой женщины!

Онъ наклонился къ ней, и въ этомъ цѣломудренномъ, но страстномъ объятіи Эмилія очнулась, открыла глаза и, приложивъ руку ко лбу, какъ-будто для того, чтобъ удержать память и мысли еще смутныя и неопредѣленныя, проговорила едва-слышнымъ голосомъ:

— Верновъ? Я видѣла его!..

— Онъ у ногъ твоихъ, Эмилія!

— О, если это только сонъ—не будите меня!..

— Нѣтъ, это не мечта: это я, позабывшій всѣ свои страданія, всю пытку долгой разлуки! Если въ эту мрачную ночь, которая намъ покровительствуетъ, ты не можешь разсмотрѣть лица моего, по-крайней-мѣрѣ узнай меня по моимъ восторгамъ, по слезамъ радости, которыя каплютъ на твои руки: но мнѣ не нуженъ дневной свѣтъ, чтобъ видѣть тебя, читать на лицѣ твоемъ выраженіе радости и любви и эту милую улыбку, которая мелькаетъ опять на устахъ твоихъ, какъ тогда, когда мы были счастливы. Я смотрю на тебя очами души моей. Чтобъ видѣть тебя, блѣдную отъ горести, печальную, но все прелестную какъ прежде, еще болѣе прелестную, чѣмъ когда-нибудь, мнѣ стоитъ только взглянуть въ свое сердце... Да говори же, Эмилія: Почему ты не хочешь отвѣчать мнѣ?

— Верновъ! еслибъ ты зналъ... Разсудокъ мой не въ силахъ вынести столько душевныхъ потрясеній... Несчастный! если найдутъ тебя здѣсь...

— Если ты меня любишь, не бойся ничего.

— Если я люблю тебя... и ты это спрашиваешь?

— О, прости, если я оскорбилъ тебя минутнымъ сомнѣніемъ! Выслушай. Время дорого; черезъ часъ я пріиду сюда за тобою, черезъ часъ мы убѣжимъ отсюда...

— Убѣжимъ? какъ? вскричала она.

— Какъ ни опасно кажется тебѣ это намѣреніе, но все уже готово; успѣхъ несомнѣненъ. Ты знаешь, что можешь положиться на честь мою; знаешь, что я похищаю не любовницу, но супругу свою, пред-

Богомъ и людьми. Черезъ нѣсколько дней мы будемъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ церковь благословитъ союзъ нашъ. Не бойся со мною бѣдности: я предлагаю тебѣ руку изгнанника; но этотъ изгнанникъ не будетъ принужденъ просить милостыню. Дядя мой, сжалившись надъ моимъ несчастіемъ, прислалъ мнѣ большую сумму денегъ, которой будетъ для насъ достаточно, чтобъ жить уединенно въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ уголкѣ земнаго шара. Но послѣ, когда я буду владѣть имѣніемъ отца моего, я возвращу эти деньги доброму родственнику... Ты молчишь, Эмилія? Но вспомни, что когда мы разставались, ты сказала мнѣ: «Вернонъ, въ какой бы странѣ свѣта судь-«ба ни опредѣлила жить тебѣ, я раздѣлю жизнь мою съ тобою, какъ «скоро жизнь твоя будетъ въ безопасности»... Ты забыла слова свои!

— Нѣтъ; но тогда...

— Тогда ты любила меня, хочешь ты сказать? прервалъ Вернонъ, перешедъ вдругъ отъ одного чувства къ другому: — но теперь не любишь... Хорошо! пусть такъ; я возвращаю тебѣ свободу, не спрашиваю даже имени того, для кого ты забыла меня. Я хотѣлъ быть черезъ часъ сюда; но, вмѣсто того, черезъ часъ пойду отдать голову врагамъ своимъ. Прощай!

— Вернонъ! сказала она, удерживая его: — ты не оставишь меня! Какъ можешь ты говорить такъ, когда не ты, а я имѣю все право обвинять тебя въ вѣроломствѣ? Письмо, которое я читала, это письмо, присланное изъ Испаніи...

— Письмо, говоришь ты?

— Молодая дѣвица, которую ты покинулъ...

— Я? что это значитъ? Это какая-нибудь клевета, выдуманная нарочно, чтобъ погубить меня... Кто писалъ это письмо, кто тебѣ отдалъ его?

— Говорите тише, сказала подошедшая Марта: — васъ слышно на концѣ аллеи. Тетушка спрашивала васъ, сударыня; я сказала, что вы пошли въ свою комнату. Она можетъ спросить васъ опять, пойдти къ вамъ, и если не найдетъ васъ... Ради Бога, пойдемте скорѣе домой!

— Эмилія! одинъ только вопросъ... Все оправданіе мое въ одномъ словѣ моемъ, которому ты нѣкогда вѣрила: скажи, виновенъ я въ глазахъ твоихъ, или нѣтъ? Я презрѣлъ смерть, чтобъ видѣть тебя, пришелъ съ опасностію жизни для того, чтобъ найдти свое сокровище и похитить его у тѣхъ, которые подло клевещутъ на меня, когда я не могу обличить ихъ и отмстить за себя. Довольно ли этого доказательства, чтобъ увѣрить тебя въ любви моей?.. Если довольно, то черезъ часъ свѣча на твоемъ окошкѣ скажетъ мнѣ, чтобъ я былъ здѣсь.

— Черезъ часъ. Марта, пойдемъ!

И онѣ пошли такъ скоро, какъ позволяла имъ темнота. Вернонъ стоялъ нѣсколько минутъ, склоня голову въ ту сторону, въ которую онѣ удалялись, и когда шорохъ шаговъ ихъ затихъ, онъ направился къ воротамъ парка, чтобъ увѣриться, тамъ ли были люди, долженствовавшіе способствовать побѣгу его.

Дошедъ до конца длинной крытой аллеи и увидѣвъ наконецъ небо, на которомъ кое-гдѣ блистали звѣзды, Эмилія остановилась, чтобъ перевести духъ.

— Вы можете, если хотите, отдохнуть здѣсь нѣсколько минутъ, сказала Марта. — Г-жа Дерси, кажется, отложила намѣреніе говорить съ вами сегодня вечеромъ. Я думаю даже, что ужь она легла спать, потому-что въ комнатахъ не видно огня и только въ окнѣ спальни ея сквозь занавѣску мелькаетъ свѣтъ лампады. Да еслибъ она и узнала, что вы въ саду со мною, то не сказала бы ничего; но еслибъ она нашла васъ тамъ... Отдохни здѣсь, дитя мое!

— Хорошо, добрая Марта; я ужасно устала; мнѣ надобно поберечь силы свои.

— Надѣюсь, однако, милая моя *Лили*, продолжала няня съ вольностію, которую дѣвица Ришомъ, въ уваженіе лѣтъ ея, попеченія о ея дѣтствѣ и привязанности къ ней, позволяла, когда онѣ бывали однѣ: — надѣюсь, что ты мнѣ очень-благодарна. Признаться, я поступила не совсѣмъ хорошо; мнѣ бы должно было спросить прежде священника, не грѣхъ ли помогать любовникамъ; но еслибъ я не согласилась укрыть этого бѣдняжку и сказать тебѣ, что онъ здѣсь, то вѣдь Господь знаетъ, что́ бы могло случиться. Ну слава Богу! теперь вы видѣлись, это васъ немного успокоитъ... Однакожь я не пущу тебя къ нему сегодня.

— Мнѣ непремѣнно нужно видѣть его, няня. Развѣ онъ ничего не сказалъ тебѣ?

— Когда мнѣ было съ нимъ разговаривать? Я такъ боялась, чтобъ его не увидѣли!.. Я не сказала ему ни слова объ этомъ хитромъ лукавцѣ, господинѣ Ремонѣ; къ-чему было печалить бѣднаго молодаго человѣка? Притомъ же, онъ такой вспыльчивый, что, пожалуй, затѣялъ бы еще съ нимъ ссору. Ты, надѣюсь, также не говорила ему о немъ, Лили?

— Нѣтъ... я упала безъ чувствъ ему на руки и опомнилась тогда только, когда ты подошла къ намъ. О! какой день! добрая, милая Марта! Когда онъ явился передо мною, я воображала, что онъ измѣнилъ мнѣ, потому-что передъ тѣмъ тетушка показала мнѣ одно письмо, которое... Но я не смѣю думать, чтобъ она употребила такое средство... Она принуждаетъ меня выйдти за Ремона. Я еще противлюсь ей, и всегда буду противиться; но наконецъ навлеку на себя гнѣвъ ея, и она, можетъ-быть, выгонитъ меня изъ своего дома.

Тогда что̀ будетъ со мною?.. Но мнѣ остается только одно средство предупредить это несчастіе—уѣхать сегодня вечеромъ съ Вернономомъ...

— Уѣхать!

— Да, няня, непремѣнно уѣхать. Онъ мнѣ предложилъ это и приготовилъ все для нашего побѣга; его обвиняли передо мною; одну минуту я повѣрила его обвинителямъ, но теперь ввѣряю ему судьбу свою. Онъ грозилъ мнѣ выдать себя правительству, и сдѣлалъ бы это, еслибъ я не согласилась бѣжать съ нимъ. Кромѣ тебя, никто не знаетъ, сколько я люблю и ка̀къ чиста любовь моя; я оставлю по себѣ дурную славу, и меня назовутъ порочной женщиной... Я не прошу тебя защищать меня, но прошу помнить обо мнѣ, и простить, что я оставляю тебя... Ты не отвѣчаешь?.. Ты плачешь, Марта?

— Да, плачу... Ты покидаешь меня.

—Ты, можетъ-быть, сердишься, но не смѣешь сказать этого.

— Богъ съ тобою, дитя мое! мнѣ ли имѣть надъ тобою власть? Я не больше, какъ бѣдная старуха. Я выросла въ домѣ твоихъ родителей, ѣла хлѣбъ ихъ и надѣялась служить тебѣ до самой смерти. Еслибъ я могла ѣхать съ тобою, я просила бы тебя взять меня.

— Ты единственная повѣренная моя, и послѣ него я люблю тебя больше всего въ мірѣ. Ты знаешь Вернона такъ же хорошо, какъ и я; ты знаешь, что я могу положиться на его честность. Черезъ нѣсколько дней я буду его женою. Я не согласилась бы уѣхать съ нимъ безъ этой увѣренности. Но прежде нежели уѣду, я нуждаюсь въ ласковомъ словѣ, которое ободрило бы меня! Прошу его у тебя, добрая Марта...

— Что̀ вы дѣлаете, сударыня! вскричала Марта, увидѣвъ Эмилію у ногъ своихъ: — встаньте, ради Бога, встаньте!

— Нѣтъ, Марта; ты была мнѣ второю матерью, и должна замѣнить теперь ту, которую Богу угодно было отнять у меня. Благослови же дочь твою; скажи ей, что она невинна въ глазахъ твоихъ.

— Да будетъ надъ тобою мое благословеніе, милое дитя мое! Будь счастлива, и если ты дѣлаешь дурно, то пусть я одна буду отвѣчать за вину твою, потому-что я отпускаю тебя.

Эмилія встала, и со слезами бросилась въ объятія няни, потомъ сказала послѣ минутнаго молчанія:

— Совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ меня; я спасаю себя отъ несчастія, котораго боялась такъ долго; но мнѣ надобно было бы имѣть больше бодрости... Я невольно грущу и чего-то боюсь. Нѣтъ, я не смѣю войдти теперь въ домъ, который скоро должна оставить.

— Не бойся! Тетушка твоя ничего не подозрѣваетъ; я изъ предосторожности не заперла двери. Поди въ свою комнату; тебѣ надобно одѣться по дорожному.

Сходи туда, Марта, принеси сюда платье мое и все, что̀ нужно. Я

подожду тебя здесь, и прощусь съ тобою въ последній разъ. Поставь свечу на мое окно — это сигналъ.

— Все сделаю, дитя мое.

— Молчи! шепнула Эмилія, вдругъ схвативъ ее за руку въ ту минуту, какъ онъ хотели уже идти. Послушай, продолжала она наклонясь къ уху няни: — мне кажется, за нами сейчасъ говорили.

— Я ничего не слыхала.

Действительно, все вокругъ ихъ было тихо, и Марта пошла въ домъ.

Эмилія однакожь не обманулась: она точно слышала разговоръ двухъ человекъ. Ремонъ, спустя несколько времени после того, какъ оставилъ ее, встретилъ, возвращаясь домой, Бернара, того самаго слугу, который былъ ему преданъ и зналъ все его тайны. Поговоря между собою, оба они прошли въ паркъ стороннею дорогою и, не бывъ никемъ замечены, перелезли черезъ плетень, ограждавшій его съ этой стороны. Эмилія вслушалась неясно въ одно только слово, въ отрывокъ фразы, произнесенной шопотомъ; но Ремонъ и слуга его не знали, что она была такъ близко ихъ и подстерегали не ее.

V.

Два друга.

— Ну, теперь все слажено! сказалъ Бернаръ Ремону въ ту минуту, какъ, прошедъ осторожно сквозь часть леса, и притомъ ступая какъ можно тише, они остановились въ кругу противъ маленькой беседки. — Если вести, полученныя мною, справедливы, онъ долженъ быть здесь. Я всегда подозревалъ эту старую колдунью, бывшую кормилицу Эмиліи: она очень не жалуетъ васъ. Намъ нельзя было никакимъ образомъ привлечь ее на свою сторону. Она уже не въ техъ летахъ, когда женщины позволяютъ за собой волочиться и высказываютъ тайну ловкому любовнику. Самая прочная добродетель есть, какъ говорятъ, та, къ которой невозможно сделать приступа. Вы тутъ оставили девицу Рашомъ?

— Да. Но, кажется, она ничего не знала, потому-что неспособна къ такому искусному притворству. Мы говорили только о письме, полученномъ изъ Испаніи; кажется, мы ждемъ понапрасну. Однакожь если нужно, я останусь здесь до разсвета.

Вы не будете долго дожидаться, потому-что въ этой стороне аллеи кто-то идетъ.

— Оставь меня.

Бернаръ отошелъ за павильйонъ; шумъ приближался, и происходилъ отъ шаговъ какого-то человека, который шелъ тихо и ощупью.

Наконецъ, минуты черезъ двѣ, этотъ человѣкъ остановился прямо противъ Ремона.

Ремонъ узналъ его, и, не смотря на всѣ усилія превозмочь овладѣвшее имъ смущеніе, нервическій тренетъ пробѣжалъ по всѣмъ его членамъ; чтобъ не упасть, онъ долженъ былъ протянуть руку и удержаться за растворенную дверь беседки; какъ ни слабо было это движеніе, Верненъ услышалъ его, и началъ тихо осматриваться вокругъ: но густота мрака не дозволила ему различить что-либо. Нѣсколько минутъ оба они стояли неподвижно, занятые одною мыслію: разсмотрѣть гдѣ стоялъ невидимый врагъ—предупредить его и броситься на него первому. Но Верненъ, не зная, на какомъ мѣстѣ былъ его противникъ, медлилъ отъ того только, что боялся потерять удары свои въ воздухѣ; между-тѣмъ, какъ Ремонъ, невольно содрогаясь при мысли объ убійствѣ, чувствовалъ, что рѣшимость его ослабѣвала съ каждою минутою. Наконецъ совѣсть взяла верхъ, и онъ сказалъ громко, не стараясь измѣнить своего голоса:

— Кто здѣсь?

Ему не отвѣчали. Онъ повторилъ вопросъ, прибавя: — Кто бы вы ни были, отвѣчайте: что дѣлаете вы здѣсь въ этотъ часъ ночи?

— Поль! вскричалъ Верненъ. — Это голосъ Поля Ремона!

— Верненъ! сказалъ въ свою очередь Ремонъ, какъ-будто узнавъ его только по этому восклицанію.

— Сюда, Поль, въ мои объятія!

И они обняли другъ друга—одинъ съ довѣрчивою радостію, другой съ замѣшательствомъ. Но Ремонъ уже такъ далеко зашелъ, что не могъ не измѣнить до конца дружбѣ, потухшей въ его сердцѣ. Дѣйствительно, они были нѣкогда друзьями, но страсть, равно сильная въ душѣ каждаго разорвала теперь связь ихъ. Обѣщавъ Верну имѣть въ его отсутствіи попеченіе о Эмиліи, которую онъ не зналъ тогда, Ремонъ долго боролся съ чувствомъ, внушеннымъ ему дѣвицею Ришомъ, двадцать разъ говорилъ себѣ, что поведеніе его было безчестно, что онъ безсовѣстно нарушаетъ самыя священныя обязанности: но достигнувъ уже тѣхъ лѣтъ, когда страсти пріобрѣтаютъ непреодолимую власть, онъ, краснѣя самого-себя, уступилъ мало-по-малу влеченію любви и наконецъ, забывъ дѣла, призывавшія его обратно въ Марсель, остался въ Монжеле. Порученіе, возложенное на него Верноном, требовало большой осторожности, и ему должно было выдумать какой-нибудь предлогъ, чтобъ войдти въ домъ г-жи Дерси и сблизиться съ Эмиліею. Судьба ему благопріятствовала и онъ не говоря ни слова о Вернонѣ, употребилъ въ собственную пользу ту услугу, которую связи его и кредитъ дозволили оказать дѣвицѣ Ришомъ и ея теткѣ.

Мало-по-малу онъ привыкъ къ вѣроломству. Всѣ способности ума

его, твердаго и упорнаго, сосредоточились въ одну мысль: во что бы то ни стало овладѣть Эмиліею. Неожиданное возвращеніе Вернона въ ту самую минуту, какъ онъ только-что оклеветалъ его передъ нею, было громовымъ ударомъ, готовымъ разрушить всю громаду коварства и лжи, и онъ тотчасъ рѣшился исполнить свое намѣреніе. Но, въ томъ положеніи, въ которомъ былъ тогда Ремонъ относительно Вернона, ему должно было дозволить спрашивать себя, и соразмѣрять отвѣты свои по вопросамъ его, или упрекамъ, и наконецъ, если можно, продолжать его обманывать, чтобъ не погубить совершенно. Вотъ жестокая крайность, которая страшила Ремона, но на которую онъ, можетъ-быть, и отважился бы.

— Наконецъ я нашелъ тебя! сказалъ Вернонъ:—я думалъ, что ты забылъ меня, и эта мысль увеличивала страданія мои на чужбинѣ. Я писалъ къ тебѣ нѣсколько разъ, но ты никогда не отвѣчалъ.

— Письма твои не доходили до меня.

—По какому случаю ты здѣсь? развѣ ты зналъ, что я во Франціи, развѣ искалъ меня?

— Да. Отъ полиціи объявлено, что ты здѣсь.

— Полиція не поймаетъ меня! Но я все разскажу тебѣ, у меня нѣтъ отъ тебя тайнъ. Присутствіе твое здѣсь ясно доказываетъ, что дружба твоя не измѣнилась; ты берегъ сокровище, которое я тебѣ ввѣрилъ. Благодарю, другъ, благодарю отъ всего сердца.

И онъ крѣпко сжалъ его руку, которую Ремонъ освободилъ, оттолкнувъ его тихонько отъ себя. Прикосновеніе Вернона жгло его.

— Ты для меня вкрался въ милость къ г-жѣ Дерси, продолжалъ Вернонъ: — однакожь Эмилія ничего не говорила о тебѣ.

— Какъ! ты развѣ видѣлъ ее?

— Сію минуту.

— Чтò жь она говорила?

— Что любитъ меня, и согласна бѣжать со мною.

— Бѣжать? когда?

— Въ эту же ночь. Я жду ее.

— Несчастный! вскричалъ Ремонъ какимъ-то страннымъ голосомъ, отъ котораго Вернонъ вздрогнулъ.

— Несчастный, говоришь ты? Да, я былъ несчастенъ розно съ Эмиліею, но теперь... отъ-чего жалѣешь ты обо мнѣ?

— Не спрашивай.

— Говори! Я требую этого. Эмилія ничего не могла сказать мнѣ; увидѣвъ меня, она лишилась чувствъ въ моихъ объятіяхъ. Пришедъ въ себя, она все твердила о какомъ-то письмѣ... о какой-то дѣвушкѣ мною обольщенной... словомъ, я понялъ, что меня оклеветали; но мнѣ довольно было одного слова, чтобъ совершенно оправдаться передъ нею. Потомъ пришла ея няня, и мы должны были разстаться... Но ты

вѣроятно знаешь объ этомъ письмѣ... можетъ-быть, ты еще прежде защитилъ и оправдалъ меня... Что жь ты говорилъ? что сдѣлалъ? Узналъ ли, кто выдумалъ эту ложь? кого ты подозрѣваешь въ ней? Правда ли, что Эмилія повѣрила этому письму? Ты молчишь? что это значитъ?

— То, что я долженъ сказать тебѣ наконецъ всю правду. Вернонъ, повѣрь мнѣ—спасайся, пока еще есть время; бѣги невидавшись съ нею; не ищи мщенія.

— Мщенія?.. но противъ кого?

— Тебя обманываютъ.

— Кто?

Ремонъ молчалъ.

— Она?.. Это неправда.

— Эмилія помолвлена за другаго... Ты дрожишь, Вернонъ!

— Но я говорю тебѣ, что она согласна уйдти со мною!

— А я тебѣ говорю, что она съ тобою не уйдетъ! вскричалъ Ремонъ, схвативъ его за руку; но, боясь этою запальчивостію измѣнить самому-себѣ, сказалъ вдругъ самымъ печальнымъ, но спокойнымъ голосомъ:

— Если ты непремѣнно хочешь, чтобъ я говорилъ, такъ слушай. Когда бъ я получалъ твои письма, и зналъ гдѣ ты, то немедленно написалъ бы тебѣ, и ты конечно не возвратился бы во Францію съ опасностію потерять жизнь. Спустя два мѣсяца послѣ твоего отъѣзда, я пріѣхалъ въ Монпелье, и прежде нежели произнесъ твое имя, искалъ, какъ мы съ тобою условились, пріобрѣсти довѣренность г-жи Дерси. Скоро, однакожь, я долженъ былъ возвратиться въ Марсель: но, пріѣхавъ сюда во второй разъ, увидѣлъ, что было уже поздно напоминать о тебѣ Эмиліи: она начинала заниматься другимъ.

Вернонъ хотѣлъ прервать его.

— Дай мнѣ кончить! продолжалъ Ремонъ. Дружескіе совѣты мои были приняты холодно. Да хотя бъ Эмилія и не отвергла ихъ, — тетка ея, которая явно ко мнѣ не благоволила, безъ сомнѣнія предупредила бы Эмилію противъ нихъ. Наконецъ, рѣшась испытать послѣднее средство, я пріѣхалъ на-дняхъ сюда и узналъ, что свадьба дѣвицы Ришомъ уже объявлена.

— И такъ, сказалъ Вернонъ: этотъ обморокъ сдѣлался ей не отъ радости, а отъ страха, отъ стыда? Это письмо, меня обвиняющее, можетъ-быть, никогда не существовало... Вѣроятно, она выдумала этотъ предлогъ для того, чтобъ отдалить меня... Кто можетъ проникнуть во всѣ эти тайны! Они цѣлый годъ приготовляли сѣти обмана, въ которыя завлекли меня тогда, какъ у меня только одинъ часъ, одна минута, чтобъ защититься отъ измѣны и отмстить врагамъ моимъ. Но если правда, что она меня обманула, если точно это сердце, нѣ-

когда столь чистое, сделалось коварнымъ, то небо по-крайней-мѣрѣ сохранило мнѣ друга. Ты конечно знаешь того, для кого она забыла меня... скажи мнѣ его имя.

— На что тебѣ?

— Нѣтъ, имя его!.. Я требую...

— Ты погубишь себя.

— Ну, имя?..

— Берегись! Любовь его къ Эмиліи такъ же сильна, какъ твоя.

— Она любитъ его—не правда ли?

— Я повторяю тебѣ, что онъ любитъ ее.

— Онъ здѣсь?

— Да.

— Ты знаешь его?

— Да.

— Не нужно много времени, чтобъ оскорбить человѣка и драться съ нимъ на смерть. Проводи меня къ нему.

— Вернонъ!

— Я хочу его видѣть.

— Вернонъ! послушайся въ послѣдній разъ моего совѣта... Онъ поклялся, что она будетъ принадлежать ему... я... его знаю... Для нея онъ готовъ жертвовать всѣмъ: дружбою, родствомъ, состояніемъ... Не отваживай жизни своей противъ безумца, которому не останется терять ничего, если онъ потеряетъ Эмилію!

— Тѣмъ лучше. Я хочу, чтобъ онъ былъ безумцемъ, бѣшенымъ подобно мнѣ... Пойдемъ.

— Нѣтъ! прошу тебя, заклинаю на колѣнахъ, какъ старый другъ твой, какъ братъ, не заставить меня раскаяваться въ томъ, что я могъ избавить тебя отъ смерти и выдалъ тебя врагамъ! Нѣтъ! Я спасу тебя отъ тебя-самого. Я вырву тебя отсюда... Безразсудный! Чего ты надѣешься еще, когда она обманула тебя?

— Не говори этого, Поль!.. Перестань! Или я скажу тебѣ, что ты лжешь. Смотри! смотри! Видишь ли ты эту свѣчу на окошкѣ?

— Ну, что жъ?

— Это сигналъ, въ которомъ мы условились. Она сейчасъ прійдетъ сюда. О! ее принудили дать слово другому. Она любитъ меня, бѣднаго изгнанника. Она хочетъ быть со мною, а я еще обвинялъ ее. О! прости, прости меня, Эмилія!

— Все пропало! подумалъ Ремонъ.

— Слава Богу! сказалъ Бернаръ, вышедъ изъ бесѣдки.—Слава Богу, я подоспѣлъ во-время! Бѣгите, господинъ-Вернонъ! Спасайтесь!

— Кто это? спросилъ Вернонъ.

Ремонъ, не понимая еще, какое неожиданное обстоятельство избавило его отъ неудачи, былъ не въ состояніи отвѣчать.

— Не бойтесь ничего, продолжалъ Бернаръ: — я слуга господина Ремона, который поставилъ меня здѣсь на караулѣ. Васъ ищутъ, господинъ-Вернонъ. Офицеръ съ двумя полицейскими служителями вошелъ сію минуту къ г-жѣ Дерси. Они обыскиваютъ домъ ея и скоро прійдутъ сюда; но вы можете еще выбѣжать въ эту калитку парка. . . . .

Ремонъ, пришедъ въ себя и, понявъ знакъ Бернара, сказалъ:

— Бѣги скорѣе къ дѣвицѣ Ридюмъ, и скажи ей, чтобъ она не боялась, что Вернонъ въ безопасности. . . . .

— Уйдти безъ нея! вскричалъ Вернонъ. . . .

— Это необходимо! отвѣчалъ Ремонъ. — Развѣ ты хочешь, чтобъ тебя схватили, чтобъ Эмилія умерла отъ горести? Спаси себя, по-крайней-мѣрѣ, если ты увѣренъ теперь, что она любитъ тебя.

— Но я оставлю ее съ соперникомъ, который уже осмѣлился оспоривать ее у меня. . . . .

— Безумецъ! можешь ли ты отнять ее у него, стоя на эшафотѣ? Но гдѣ же ты намѣренъ былъ искать убѣжища? . . .

— На морскомъ берегу, въ хижинѣ рыбака, по имени Симона.

— Запомни это имя, Бернаръ; а ты, продолжалъ онъ, обратясь къ Вернону:—спѣши въ свое убѣжище. Завтра, или чрезъ нѣсколько дней, когда прекратятся поиски, которые мы съ Бернаромъ будемъ направлять, куда хотимъ, я тайно приведу къ тебѣ Эмилію. Ну, пойдемъ же! . . . .

Вернонъ сдѣлалъ-было слабое сопротивленіе, но наконецъ уступилъ, и Ремонъ увлекъ его съ собою. . . .

— А я, сказалъ Бернаръ:—пойду туда, чтобъ какъ-нибудь занять полицейскихъ и дать вамъ время уйдти, то-есть, прибавилъ онъ шопотомъ:—я пойду за ними. Они могутъ прійдти теперь; намъ нужны свидѣтели для того, что остается дѣлать. . . . .

И онъ вышелъ изъ парка по той дорогѣ, по которой вошелъ въ него съ Ремономъ. . . . .

Между-тѣмъ, никто не являлся въ садъ; только одна Марта тихонько сошла туда, и принесла Эмиліи шляпу, вуаль и мантилью, которыя заставила ее надѣть. . . . . .

— *Лили*, сказала она ей:—прошу у тебя одного обѣщанія. .

— Какого, добрая няня? . . . .

— Отписать ко мнѣ, какъ-скоро ты будешь замужемъ. Ты напишешь, не правда ли? . . . .

— Конечно; можешь ли ты думать, чтобъ я забыла тебя?

— О, нѣтъ! Но ты напишешь мнѣ, чтобъ я пріѣхала жить съ тобою. Гдѣ бы ты ни была, я найду средство отъискать тебя; ты попросишь своего мужа, чтобъ онъ взялъ меня къ себѣ и кормилъ меня. Конечно, еще нѣсколько годовъ, и я сдѣлаюсь негодна ни на

что; но все-таки я буду любить тебя столько же, сколько и теперь... Я не отпустила бы тебя ни за что въ свѣтѣ, милое дитя мое, еслибъ не надѣялась скоро увидѣться съ тобою опять. Скажи господину Вернону, что ты не можешь безъ меня обойдтись. Вѣдь онъ знаетъ, что я тебя выростила, что люблю тебя всей душою. Скажи ему также, что ты стала на колѣни передъ своею старою нянею, какъ передъ роднею матерью, что я благословила тебя. Ты сдѣлала хорошо, Лили, и это для меня дороже всякаго богатства. Теперь я не хочу служить другимъ, не хочу ѣсть ничьего хлѣба, кромѣ твоего, и когда стану умирать, мнѣ должна будетъ закрыть глаза дочь моя.

— Будь спокойна, добрая Марта! отвѣчала Эмилія. — Я сперва напишу къ тетушкѣ, чтобъ поблагодарить ее за всѣ ея милости, попрошу ее не считать меня неблагодарною и простить вину мою. Потомъ напишу особое секретное письмо къ тебѣ, и послѣ того мы, надѣюсь, скоро соединимся опять... Но время идетъ: намъ пора разстаться. Прости, милая, добрая няня; обними меня...

Онѣ долго стояли обнявшись и плакали.

Марта тихо побрела домой.

Увидѣвъ свѣчу на окнѣ своей комнаты, Эмилія въ послѣдній разъ взглянула на этотъ домъ, гдѣ столько различныхъ чувствованій блаженства и горести, страха и надежды волновали ея душу. Простясь съ убѣжищемъ, покидаемымъ ею для будущности столь невѣрной и неизвѣстной, она пошла къ знакомой намъ площадкѣ. Во всякомъ другомъ случаѣ, Эмилія не могла бы идти одна по этой длинной и темной аллеѣ, гдѣ довольно было бы одного шума шаговъ ея, чтобъ испугать ее; но теперь она должна была покориться всѣмъ случайностямъ рѣшительнаго и чрезвычайнаго предпріятія, тѣмъ болѣе, что этотъ уединенный путь во мракѣ ночи представлялъ ей только первую и самую мелкую опасность изъ всѣхъ тѣхъ, которымъ она подвергалась. Она шла скоро и по-временамъ останавливалась, прислушиваясь, не слѣдовалъ ли кто за нею; но по мѣрѣ приближенія своего къ мѣсту, гдѣ ожидалъ ее Вернонъ, она становилась бодрѣе, и наконецъ достигла павильйона.

Вокругъ нея все было тихо и спокойно. Сначала это глубокое молчаніе удивило ее; но потомъ она подумала, что Вернонъ или не узналъ шаговъ ея, или, можетъ-быть, молчалъ изъ предосторожности.

— Шарль! сказала она тихо.—Шарль!

Вѣтеръ глухо завывалъ въ чащѣ деревъ, какъ жалобный стонъ страдальца, отвѣчающій на слова утѣшенія. Эмилія позвала Вернона въ другой разъ и услышала тотъ же ропотъ. Но она стояла на условленномъ мѣстѣ: почему же Вернонъ тамъ не дожидался ея? Вдали мелькалъ еще свѣтъ, возвѣстившій приходъ ея, но гдѣ же тотъ, для кого знакъ этотъ долженъ бы быть вѣстникомъ радости? Эми-

лія не знала, обвинять его или трепетать за него; она хотѣла-было уже воротиться назадъ; но страхъ приковалъ ее къ землѣ и голова ея закружилась; этотъ далекій неподвижный свѣтъ, отъ котораго не могла она отвесть глазъ своихъ, показался ей вдругъ какимъ-то отверстымъ пламенѣющимъ окомъ, смотрѣвшимъ на нее и страшно свидѣтельствовавшимъ о ея побѣгѣ. Потомъ долетали до нея какіе-то смѣшанные звуки и сверкали какіе-то двигавшіеся огни, которые то потухая, то засвѣчаясь опять, кое-гдѣ проникали сквозь мракъ лѣса. Шумъ мало-по-малу опять сталъ приближаться, огни сдѣлались явственнѣе, говоръ слышнѣе. Наконецъ Эмилія поняла, что этотъ странный гулъ, слышанный ею, происходилъ отъ голосовъ человѣческихъ, перекликавшихся по лѣсу; эти таинственные огни были не что иное, какъ факелы и фонари въ рукахъ людей, разсыпавшихся по всѣмъ направленіямъ парка.

— Я погибла! вскричала она, и бросилась въ павильйонъ. Но лишь-только она вошла туда, какъ человѣкъ двадцать солдатъ, сопровождаемые полицейскими служителями и толпою простаго народа, высыпали со всѣхъ сторонъ на круглую площадку — одни изъ аллеи, другіе изъ лѣсу, и тотчасъ выстроились, между-тѣмъ, какъ зрители раздѣлились на группы, посреди которыхъ стоялъ Бернаръ, говорившій что-то на ухо какому-то человѣку.

Мы никого не нашли, г. поручикъ, сказалъ капралъ молодому офицеру, приведшему отрядъ.

— Видно насъ извѣстили слишкомъ-поздно, возразилъ офицеръ.— Мы пришли сюда въ безпорядкѣ, на-скоро, съ одной только стороны,—и вѣроятно не заслужимъ большой благодарности за нашу экспедицію.

Эмилія вздохнула свободно; хотя не произнесено было ни чьего имени, однакожь ей легко было догадаться, кого искали. Но еслибъ она и сохранила еще какое-нибудь сомнѣніе, оно исчезло бы въ ту минуту, какъ офицеръ, взявъ изъ рукъ полицейскаго какую-то бумагу, прочелъ громко при свѣтѣ факела примѣты Шарля Вернона, отставнаго поручика императорской гвардіи, осужденнаго на смерть за участіе въ заговорѣ противъ правительства.

— Г. офицеръ, сказалъ капралъ, указывая на часть аллеи, противоположную той, которая вела къ дому.—Не прикажете ли разставить въ этой сторонѣ нѣсколько карауловъ, пока мы опять будемъ ходить по лѣсу?

Предложеніе было принято. Бернаръ толкнулъ локтемъ человѣка, съ которымъ шепталея и который тотчасъ подошелъ къ павильйону и, преодолѣвъ слабое сопротивленіе Эмиліи, растворилъ дверь.

— Здѣсь дама! вскричалъ онъ, и, схвативъ ее за руку, хотѣлъ поднять покрывало; но Эмилія оттолкнула его отъ себя.

— Будьте учтивы! сказалъ ему офицеръ, подходя къ Эмиліи. — Я надѣюсь, продолжалъ онъ, что эта госпожа добровольно скажетъ намъ, для чего она здѣсь въ такую позднюю пору.

Эмилія молчала, а всѣ окружили ее.

— Мнѣ кажется, это не трудно угадать, сказалъ тотъ же человѣкъ. — Тутъ было назначено свиданіе.

— Свиданіе? вскричалъ Бернаръ, подошедъ съ почтительнымъ видомъ: — еслибъ не уваженіе мое къ г. офицеру, то я порядкомъ проучилъ бы тебя, невѣжа, за твои дерзкія догадки. Развѣ ты не узналъ племянницы г-жи Дерси, дѣвицы Эмиліи Ришомъ?

— Извините, сударыня, сказалъ крестьянинъ, съ видомъ того притворнаго простодушія, который обыкновенно принимаютъ на себя простолюдины, когда надъ кѣмъ-нибудь надѣваются: — извините. Теперь, какъ я вижу, что это вы, то конечно не скажу ничего; мнѣ право очень жаль, что я нашелъ васъ въ этой каморкѣ.

— Сударыня, сказалъ офицеръ: — сопротивленіе ваше было бы безполезно. Не угодно ли вамъ поднять покрывало и отвѣчать на мои вопросы. Во всякое другое время, я, конечно, не имѣлъ бы никакого права спрашивать васъ; но теперь должность обязываетъ меня узнать отъ васъ, для чего вы пришли въ эту бесѣдку.

— Мнѣ кажется, сударь, что здѣсь, въ саду моей тетки, я не обязана вамъ никакимъ отчетомъ въ моихъ поступкахъ.

— Берегитесь! Вы не знаете, чему вы подвергаетесь. Впрочемъ, если вамъ не угодно отвѣчать мнѣ, то вотъ идетъ сюда особа, которая можетъ-быть объяснитъ намъ все.

— Что такое? что сдѣлалось? спросила г-жа Дерси, которую разбудилъ шумъ въ саду и свѣтъ факеловъ, и которая пришла съ Мартою, испуганною больше нежели она. — Что вамъ угодно?.. Какъ, сударыня, и вы здѣсь?

— О! что дѣлать! что сказать!.. роптала Эмилія.

— Одинъ молодой человѣкъ, нѣкогда вхожій въ домъ вашъ, сударыня, сказалъ офицеръ: — г. Шарль Вернонъ, вошелъ, какъ сказываютъ, нынѣшнею ночью сюда безъ вашего вѣдома... Мы ищемъ его и нашли въ этой бесѣдкѣ племянницу вашу, которая не хочетъ объявить причины своего здѣсь пребыванія.

Въ эту минуту два человѣка, отдѣлясь отъ группы, выступили впередъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ: — Г. офицеръ, пошлите-ка въ эту сторону; калитка парка отворена; онъ вѣроятно выбѣжалъ въ нее, когда услышалъ, что вы пришли сюда.

— Маршъ-маршъ! закричалъ офицеръ солдатамъ.

Но вдругъ явился Поль Ремонъ и остановилъ ихъ.

— Не въ этой сторонѣ надобно искать его, сказалъ онъ: — калитку отворилъ я; съ дѣвицею Ришомъ былъ здѣсь также я.

— Вы?!

— *Да, я.* Съ согласія ея тетушки и по собственному ея выбору, я долженъ черезъ нѣсколько дней получить ея руку.—Не правда ли, сударыня? продолжалъ онъ, обратясь къ г-жѣ Дерси. — Не правда ли? вы сами позволили мнѣ остаться здѣсь съ вашею племянницею?

— Правда, сударь.

— Вы понимаете теперь, сказалъ твердымъ голосомъ Ремонъ, обратясь къ толпѣ: — что каждый изъ васъ долженъ молчать о всемъ, что здѣсь случилось. Дѣвица Ришонъ не должна краснѣть ни передъ кѣмъ, потому-что тотъ, кто скоро будетъ ея супругомъ, не можетъ ни въ чемъ упрекнуть ее.

— Великодушный другъ! сказала г-жа Дерси, пожавъ ему руку.

Эмилія бросила на него робкій, вопрошающій взглядъ.

— Осмотрѣли ли вы строенія старой фермы, господà? спросилъ Ремонъ.

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, Бернаръ васъ проводитъ туда. Тамъ очень-легко укрыться, и если Вернонъ точно въ Монпелье, то вы вѣрно найдете его на фермѣ.

Между-тѣмъ, какъ они готовились послѣдовать его совѣту, Эмилія сказала ему:

— Вы его видѣли?

— Да.

— Что жь вы сдѣлали, сударь?

— Я обѣщалъ вамъ спасти его, и онъ спасенъ. Ему остается двадцать минутъ, кромѣ четверти часа, которые я заставилъ ихъ потерять на фермѣ. Подите домой съ Мартою. Я скоро принесу вамъ добрыя вѣсти. — Потомъ онъ прибавилъ про себя: — Попробуй, Вернонъ, теперь отнять ее у меня.

Изгнанникъ имѣлъ время достигнуть морскаго берега; но тѣ два человѣка, которые выпустили его изъ парка, испугавшись поисковъ, которыхъ онъ сдѣлался предметомъ, и зная, что еслибъ ихъ схватили, то, конечно, имъ нельзя было бы ожидать помилованія, хотѣли сначала принудить его сѣсть на корабль и требовали, чтобъ онъ взялъ ихъ съ собою. Онъ не соглашался; но къ срединѣ ночи опасность увеличилась: отряды солдатъ явились на поляхъ и съ каждою минутою могли проникнуть въ его убѣжище. Товарищи силою увлекли его съ собою, и небольшое судно, ожидавшее ихъ у берега, тотчасъ понеслось съ ними по волнамъ. Поднявшаяся буря скоро вынесла ихъ къ берегамъ Прованса; оттуда они могли пробраться въ Италію и разстались съ Верономъ. Молодой человѣкъ, терзаясь отчаяніемъ, почти безъ денегъ, удалился наконецъ въ Швейцарію и

написалъ оттуда къ дядѣ своему. Находясь въ Женевѣ, узналъ онъ три мѣсяца послѣ своего вторичнаго побѣга, что дѣвица Ришом вышла за Поля Ремона. При этомъ ужасномъ извѣстіи, доказывающемъ, что Эмилія дѣйствовала за-одно съ вѣроломнымъ другомъ, Вернонъ едва не лишился разсудка и умиралъ медленною смертію отъ печали, которой причину не открывалъ никому. Тѣ, которымъ неизвѣстна была его исторія, сожалѣли о немъ какъ о человѣкѣ, одержимомъ неизлечимымъ сумасшествіемъ. Однакожъ, мало-по-малу крѣпость его сложенія и сила души восторжествовали надъ этою великою и справедливою горестію; Вернонъ устыдился слезъ, пролитыхъ имъ въ минуты перваго отчаянія и ограничилъ себя, если не забвеніемъ прошедшаго, то по-крайней мѣрѣ гордымъ и безмолвнымъ презрѣніемъ. Приговоръ, осуждавшій его на смерть, былъ произнесенъ безъ доказательствъ, и потому, въ 1823 году, когда уже не осталось въ Южной Франціи никакихъ слѣдовъ прежнихъ политическихъ волненій, друзья Вернона, пользовавшіеся кредитомъ у нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ, выхлопотали, чтобъ дѣло его было пересмотрѣно, и наконецъ Вернонъ получилъ позволеніе возвратиться тайно во Францію, съ условіемъ жить въ неизвѣстности въ одной изъ отдаленныхъ провинцій. Онъ избралъ убѣжищемъ своимъ горы Божоле, и хоть имѣлъ все право требовать у Ремона отчета въ его поступкѣ, однакожь былъ такъ гордъ, что не искалъ свиданія съ врагомъ, котораго презиралъ внутренно. Но продолжительная борьба съ самимъ собою, уединенное и безпрестанное размышленіе о своемъ несчастіи и торжествѣ соперника мало-по-малу измѣнили прекрасныя качества души его: гордость отвергала, какъ новое униженіе, месть слабую и несовершенную: ему надобно было мщеніе равное оскорбленію, и случайная встрѣча съ Фредерикомъ, котораго узналъ онъ по чрезвычайному сходству съ отцомъ, вдругъ пробудила въ его сердцѣ всю дремавшую ненависть. Вернонъ хотѣлъ всѣми средствами вывести изъ терпѣнія бѣднаго молодаго человѣка, и, вынудивъ у него вызовъ, убить его на поединкѣ безъ всякаго угрызенія совѣсти. Чтобъ совершить половину мщенія, ему непремѣнно было нужно покрыть себя кровію сына и потомъ уже обратить ярость свою на отца. Но судьба готовила Вернону радость, которой онъ не ожидалъ; утомясь наконецъ преслѣдовать его, она выдавала ему самого Ремона, и онъ, несчастный изгнанникъ, обманутый любовникъ, имѣлъ наконецъ во власти своей смертельнаго врага своего и ту женщину, которая была причиною всѣхъ его страданій.

Боясь, впрочемъ понапрасну, чтобъ настоящее имя его не возбудило въ Фредерикѣ подозрѣнія, тогда какъ онъ хотѣлъ завлечь его къ себѣ, Вернонъ назвался д'Аржелемъ; но молодой человѣкъ неско

запно удивился, когда на другой день поутру онъ, вмѣсто противника своего, увидѣлъ на столѣ слѣдующую записку:

«Я оставляю домъ свой, чтобъ, можетъ-быть, никогда въ него не возвратиться. Но не спѣшите обвинять меня въ трусости. Судьба наша повелѣваетъ намъ скоро увидѣться опять, и тогда, клянусь, вы получите отъ меня объщанное удовлетвореніе и узнаете почему я оскорбилъ васъ, и для чего скрылъ отъ васъ настоящее свое имя. Забудьте д'Аржеля и помните

Вернона.»

Записка эта была для Фредерика новою загадкою. Онъ поѣхалъ въ Роанну, куда черезъ нѣсколько времени дошли до него слухи, хотя не положительные, но возбудившіе въ немъ смертельное безпокойство на-счетъ отца его, и онъ поспѣшилъ возвратиться въ Марсель. По той же дорогѣ направлялся и Шарль Вернонъ, оставившій уединенное жилище свое въ Тизи.

VI.

Спустя восемь лѣтъ антракта.

Ремонъ сидѣлъ у стола, заваленнаго кучею разбросанныхъ бумагъ и приставленнаго къ бюро, котораго всѣ ящики были пусты и выдвинуты. Комната, гдѣ онъ провелъ цѣлую ночь за письмомъ, была въ первомъ жильѣ большаго дома, находившагося возлѣ марсельской гавани, на холмѣ, возвышавшемся надъ самымъ моремъ. Ремонъ жилъ въ немъ обыкновенно только лѣтомъ; зимою же поручалъ его надзору Бернара. Близость отъ города, живописность мѣстоположенія и прелесть видовъ, открывавшихся изъ него со всѣхъ сторонъ, дѣлали его самымъ пріятнымъ и вмѣстѣ удобнымъ загороднымъ домомъ, гдѣ часто давались блестящіе праздники, привлекавшіе къ себѣ все избранное общество Марсели. Съ годъ, однакожъ, это веселое жилище если не совсѣмъ опустѣло, то стало, по-крайней-мѣрѣ, уныдымъ и мрачнымъ, и хотя сохраняло еще остатки недавняго великолѣпія, но великолѣпіе это существовало теперь только въ цѣломъ, начиная блекнуть и пропадать въ деталяхъ. Огромныя комнаты представляли собою какую-то нерѣшительную средину между увядавшею пышностью и близкимъ разрушеніемъ, какое-то постепенное распространеніе безпорядка, о которомъ, казалось, никто не заботился. Тамъ драгоцѣнныя бездѣлки были большею частію перебиты или изломаны; пыль слоями лежала на штофной драпировкѣ и атласѣ, покрывавшемъ дорогую мёбель; на потолкахъ, украшенныхъ лѣпною работою, змѣились трещины, какъ морщины на лицѣ уста-

рѣлой кокетки, которыя, пробиваясь сквозь искусственный румянецъ ея, дѣлаются съ каждымъ днемъ глубже и замѣтнѣе. Словомъ, все въ этомъ плачевномъ домѣ представляло остатки минувшей роскоши; но сырость и холодъ, выходившіе изъ стѣнъ его, доказывали, что тутъ уже не было жизни. Ремонъ видѣлъ, не замѣчая, что солнце давно уже взошло на горизонтъ и не видалъ Бернара, который вошелъ въ комнату, остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего господина и нѣсколько разъ кашлялъ, чтобъ извѣстить его о своемъ присутствіи. Наконецъ Ремонъ обернулся.

— А! это ты, Бернаръ!.. Я думалъ, что я одинъ... Ахъ, Боже мой, да ужь день!.. Не говорилъ ли я самъ съ собою?.. не слышалъ ли ты чего-нибудь?

— Нѣтъ, сударь. Но вы грустны, какъ всегда, и мнѣ не нужно было слышать словъ вашихъ, чтобъ знать, о чемъ вы думали. Сказать ли вамъ правду, сударь.... если я упрекаю себя въ чемъ-нибудь, такъ это въ томъ, что помогъ вамъ жениться.

— Почему же?

— Вы несчастливы въ супружествѣ.

— Молчи, Бернаръ, и что бъ ни случилось, берегись обидныхъ подозрѣній на-счетъ жены моей. Грусть моя имѣетъ совсѣмъ другую причину, которую ты скоро узнаешь. Былъ ли ты вечеромъ въ городѣ?

— Былъ, сударь.

— Есть ли письма ко мнѣ? письма изъ Тулона?

— Нѣтъ, ни изъ Тулона, ни изъ другихъ мѣстъ.

— Жестокая неизвѣстность! прошепталъ Ремонъ. — Возьми это письмо и сейчасъ отнеси его на почту; но прежде спроси у госпожи Ремонъ, можетъ ли она принять меня, или не угодно ли ей прійдти сюда? Я думаю, она ужь встала.

— Встала, сударь. Вотъ ужь съ часъ, какъ какой-то господинъ велѣлъ доложить ей о себѣ; онъ называется Жербье, но я никогда не видалъ его у васъ... Изволите ли вы знать его, сударь?

— Нѣтъ.

— Я сказалъ ему, что у насъ такъ рано никого не принимаютъ, но онъ отвѣчалъ: скажите мое имя, и г-жа Ремонъ прійметъ меня. Дѣйствительно, она тотчасъ приказала впустить его. Это очень-странно, сударь!..

— Г-жа Ремонъ вольна дѣлать что ей угодно... Довольно, Бернаръ; никогда не осмѣливайся, по-крайней-мѣрѣ въ моемъ присутствіи, судить о поступкахъ г-жи Ремонъ... Чтобъ это было въ послѣдній разъ, слышешь ли? Поди, исполни мое приказаніе, и возвратясь съ почты, пройди опять ко мнѣ; можетъ-быть, письмо изъ Тулона прійдетъ вечеромъ.

Бернаръ поклонился и вышелъ.

— Я увѣренъ, что все это кончится худо... думалъ онъ дорогою: — еслибъ Марта была жива, то сказала бы, что Богъ наказываетъ г—на Ремона за то, что онъ женился обманомъ на ея «дочери», какъ называла она госпожу свою. О! она все знала, эта хитрая колдунья, и выдала бы меня, еслибъ могла, обѣими руками на висѣлицу... Что жь до меня, — я безъ дальняго умничанья говорю просто: тутъ не быть добру, потому-что мужъ ревнивъ, а жена не любитъ его.

Ремонъ, оставшись одинъ, погрузился въ задумчивость.—Кто этотъ человѣкъ? какія тайныя сношенія у нея съ нимъ?.. Но зачѣмъ предаваться подозрѣніямъ? зачѣмъ оскорблять имя Эмилію, теперь, когда черезъ минуту я долженъ сдѣлать ей признаніе, котораго уже невозможно долѣе откладывать? Впрочемъ, чего мнѣ бояться? Я обладаю всѣмъ, что̀ принадлежитъ мнѣ. Предметъ, за которымъ я тщетно гоняюсь — призракъ, тѣнь, которая вѣчно удаляется отъ меня; врагъ мой не имѣетъ вещественности, за которую бы можно было ухватиться; все несчастіе мое, все наказаніе, мною заслуженное, только въ томъ, что я во всемъ сомнѣваюсь, вижу вездѣ притворство и обманъ.

Ремонъ опять задумался, но былъ прерванъ нѣжнымъ, женскимъ голосомъ, спросившимъ:

— Ты меня звалъ, мой другъ?

Это была Эмилія, позванная къ мужу Бернаромъ.

— Мнѣ нужно говорить съ тобою, Эмилія, сказалъ онъ.— Садись; разговоръ нашъ будетъ дологъ. Что это такое? спросилъ онъ, увидѣвъ въ рукахъ ея какой-то ящичекъ.

— Узнаешь послѣ... Ты всю ночь писалъ?

— Кто тебѣ это сказалъ!

Она печально улыбнулась и указала на двѣ почти совсѣмъ догорѣвшія свѣчи.

— Еслибъ даже не было этихъ двухъ свидѣтелей, сказала она: — и тогда я угадала бы это по блѣдности лица твоего и усталости глазъ. О чемъ ты хочешь говорить со мной? Я готова тебя слушать.

Эмилія сѣла въ кресла, поставивъ ящичекъ къ себѣ на колѣни. Ремонъ молчалъ, какъ человѣкъ, собиравшійся съ мыслями.

— Вотъ ужь восемь лѣтъ, какъ мы вмѣстѣ, началъ онъ тихимъ и важнымъ голосомъ. — Всю любовь, которая только можетъ существовать въ сердцѣ человѣка, я имѣлъ тогда къ тебѣ, Эмилія. Но въ эти восемь лѣтъ я узналъ душу твою; лучше прежняго понимаю почему люблю тебя и однакожь люблю не болѣе, какъ въ первый день. Всякая другая привязанность исчезла во мнѣ при этой вѣчной любви, долженствовавшей наполнять всю жизнь мою, и еслибъ сынъ мой былъ для тебя предметомъ безпокойства или ревно-

сти, я запретилъ бы ему являться на глаза... Но я долженъ все открыть тебѣ, Эмилія... Признаюсь, мнѣ легче было бы сносить холодность твою къ нему, нежели ту ласку, съ которой ты приняла его. Да; я, кажется, благодарилъ бы тебя за ненависть къ нему, благодарилъ бы за то, что ты не терпишь раздѣла и хочешь обладать сердцемъ моимъ одна... Но, — продолжалъ онъ, устремивъ на нее пронзительный взглядъ и говоря голосомъ человѣка, который не высказываетъ всей мысли своей: — но, къ счастію твоему, Эмилія, ты не знаешь страстей сильныхъ, страстей бѣшеныхъ, можетъ-быть; ты безъ ревности увидѣла сына другой женщины, не спрашивая меня, сохранилъ ли я еще въ душѣ своей воспоминаніе о его матери.

— Ты сказалъ мнѣ, что никогда не любилъ ея, и я повѣрила тебѣ.

— Ты права; довѣренность есть добродѣтель душъ чистыхъ; сомнѣніе оскорбляетъ тѣхъ, кого мы любимъ. Женясь на тебѣ, я постигъ всю великость той обязанности, которую возложилъ на себя. Мнѣ не довольно было любви моей, я хотѣлъ еще, чтобъ любовь моя составила твое счастіе...

— Развѣ я когда-нибудь жаловалась, другъ мой?

— Не прерывай меня. Я хотѣлъ имѣть одинъ попеченіе о твоей будущности и увезъ тебя отъ твоей тетки. Каковы бы ни были желанія твоей молодости, какія бы мечты ни наполняли юнаго твоего воображенія, долгъ мой былъ исполнять ихъ. Будучи богатъ, я восемь лѣтъ сряду окружалъ тебя удовольствіями, роскошью, праздниками. Но теперь... теперь я предлагаю тебѣ совсѣмъ иную жизнь... Долго и отчаянно боролся я съ обстоятельствами; наконецъ, наступила минута, когда я долженъ открыть тебѣ истину. Эмилія! я не имѣю уже ничего... я разорился!..

— Я это знала, отвѣчала спокойно Эмилія.

— Знала! вскричалъ Ремонъ.—Знала?.. отъ кого?..

— Отъ тебя самого. Развѣ я не замѣчала, что съ годъ тому назадъ ты сдѣлался печаленъ и задумчивъ? развѣ не видала я, что расходы наши уменьшились, что пріятели твои начали мало-по-малу удаляться отъ насъ? Но я не спрашивала тебя ни о чемъ, полагая, что, вѣроятно, обстоятельства твои скоро должны будутъ перемѣниться, и ты не хочешь огорчить меня понапрасну. Наконецъ, видя, что уныніе твое и скрытность продолжаются, я боялась умножить страданія твои нескромными вопросами и сдѣлаться докучливою. Я лучше хотѣла притворяться, будто ничего не знаю.

Ремонъ хотѣлъ-было продолжать.

— Нѣтъ! теперь выслушай меня въ свою очередь, сказала она, протянувъ ему руки, которыя онъ сжалъ въ своихъ рукахъ. — Мы часто, продолжала Эмилія: — лишаемся спокойствія отъ-того только,

что даешь себѣ волю увлекаться пустыми мечтами и предполагаешь въ другихъ чувства, которыя не существуютъ. Но повѣрь, сердце человѣческое не имѣетъ ни одной тайны, какъ бы глубоко она ни скрывалась, которую бы оно могло хранить вѣчно, и которая бы рано или поздно не обнаружилась въ лицѣ, взглядѣ, голосѣ... Ты, надѣюсь, понимаешь меня?

— Понимаю, отвѣчалъ Ремонъ.

— Тысячи признаковъ открыли мнѣ тайну, которая терзала тебя. Я каждую минуту ожидала твоего признанія и давно къ нему приготовилась. Вчера собрала я всѣ брильянты, которыми ты дарилъ меня, и сегодня поутру г. Жербо, первый марсельскій ювелиръ, оцѣнивъ ихъ, далъ мнѣ за нихъ сумму, которую я заперла въ эту шкатулку. Возьми ее, другъ мой — она тебѣ принадлежитъ. Конечно, этого недостаточно, чтобъ совершенно поправить дѣла твои, но все-таки пятнадцать тысячъ франковъ могутъ доставить тебѣ средство снова испытать счастіе. Возьми; я упрекаю тебя только въ томъ, что ты не имѣлъ довѣренности къ женѣ своей.

— Эмилія! ты ангелъ! Я недостоинъ тебя!

Закрывъ лицо руками, Ремонъ молчалъ нѣсколько минутъ, потомъ вдругъ поднявъ голову, сказалъ:

— Такъ ты любишь меня, Эмилія? Въ первый разъ еще въ цѣлые восемь лѣтъ осмѣливаюсь я наконецъ вѣрить моему счастію, осмѣливаюсь сдѣлать тебѣ этотъ вопросъ, который я такъ часто обращалъ къ самому-себѣ... Эмилія! между нами носился призракъ, никогда не покидавшій насъ; жило воспоминаніе, которое меня убивало. Видя тебя печальною, задумчивою, я думалъ: — она грустить о томъ, кого любила! Теперь, когда я узналъ наконецъ, что сердце твое принадлежитъ одному мнѣ; теперь, въ замѣнъ этой безцѣнной увѣренности, предлагаю тебѣ бѣдность и униженіе!.. Но ты молода еще, ты прекрасна, а я уже старъ, старъ не столько лѣтами, сколько горестію, сохранивъ отъ молодости моей только пламенную и безумную страсть... Эмилія, искренны ли были слова твои? или ты произнесла ихъ только изъ состраданія къ несчастному, котораго пожираетъ вѣчное сомнѣніе? Скажи, точно ли забыла ты Вернона?

— Ремонъ, отвѣчала она: — не будемъ никогда говорить о прошломъ, забудемъ его такъ, какъ-будто оно никогда не существовало для насъ, — обратимся къ будущему. Не скрывай отъ меня ничего, скажи, какимъ-образомъ разорился ты до такой степени; что осталось у тебя...

— Ничего! Ты знаешь, что богатствомъ, котораго мы лишились, я былъ обязанъ только самому-себѣ. Долго судьба благопріятствовала мнѣ во всемъ, и не было предпріятія, котораго бы я не совершилъ съ успѣхомъ. Первыя потери мои относятся къ тому вре-

мени, которое прожилъ я для тебя въ Монпелье. Сохрани меня Боже, чтобъ я хотѣлъ этимъ упрекнуть тебя; но въ это время начало преслѣдовать меня какое-то особенное несчастіе, которое тщетно старался я отвратить. Съ тѣхъ самыхъ поръ все, къ чему я только прикасался, исчезало подъ рукою моею. Мысли мои, которыя нѣкогда превращались для меня въ золото, сдѣлались безплодными, и всѣ сѣмена, обѣщавшія обильную жатву, производили только одинъ пепелъ. Ты не знаешь, Эмилія, сколько душевныхъ силъ истратилъ я въ этой ежедневно-возобновлявшейся борьбѣ противъ судьбы и людей! — Въ глазахъ моихъ погибали одна за одною всѣ надежды, но я по наружности оставался спокойнымъ; видѣлъ пропасть, открывшуюся подъ ногами, чувствовалъ, что какая-то непостижимая сила влекла меня туда—и съ невѣроятною бодростію хватался за все, что хоть на минуту могло замедлить мое паденіе. Сколько разъ, чувствуя, что голова моя горѣла, умъ терялся въ мечтахъ и сердце изнывало ревностію, улыбался я посреди шумныхъ празднествъ, которыми окружалъ тебя, скрывая подъ новою роскошью новое разореніе. Но мнѣ надобно было,— по-крайней-мѣрѣ я такъ думалъ,—мнѣ надобно было предупреждать всѣ твои желанія, чтобъ разсѣявать твои мысли и не давать тебѣ времени вспоминать прошедшее и грустить о немъ... Собирая обломки моихъ предпріятій, я принимался опять за тяжкую свою работу, не съ надеждою, которая поддерживаетъ другихъ людей, облегчая для нихъ бремя трудовъ и заботы, но съ внутреннимъ сознаніемъ неизбѣжной гибели—какъ отверженникъ, довершающій свою гибель. Чѣмъ ужаснѣе было угрожавшее мнѣ несчастіе, тѣмъ болѣе воспламенялась моя пагубная неустрашимость. Я истощалъ всѣ исчисленія и выкладки, соображалъ всѣ возможности; только одна изъ нихъ была противъ меня, но именно та, которая обманывала всякое предусмотрѣніе и которую неумолимая судьба моя готовила мнѣ въ каждомъ происшествіи, выходящемъ изъ предѣловъ воли человѣческой — въ вихрѣ, бунтующемъ за нѣсколько миль; въ бурѣ, воздымающей волны морскія; словомъ, въ какомъ-нибудь изъ тѣхъ внезапныхъ случаевъ, которые заключаютъ въ себѣ цѣлую будущность. Въ прошедшемъ году, удовлетворивъ послѣднимъ пожертвованіемъ кредиторовъ моихъ, грозившихъ уже моей свободѣ, я занялъ еще большую сумму подъ залогъ городскаго моего дома, чтобъ поставить ее на послѣднюю карту, и нагрузивъ корабль дорогими товарами, отправилъ въ чужіе краи. Скоро получилъ я извѣстіе, что онъ достигъ своего назначенія, что товары были всѣ распроданы; но, восторжествовавъ надъ людьми, я не могъ побѣдить судьбы своей! Корабль мой, полный золота, возвращался уже къ берегамъ Франціи, какъ вдругъ на океанѣ поднялась буря и поглотила все мое имущество. Теперь не

осталось у меня ничего, кромѣ нѣсколькихъ червонцевъ, найденныхъ мною въ этихъ ящикахъ, — не осталось даже свободы: она принадлежитъ моимъ заимодавцамъ, которые сейчасъ прійдутъ сюда. Думая, что ты не любишь меня, Эмилія, я не хотѣлъ прибѣгнуть къ ихъ состраданію и — рѣшился умереть.

— Умереть! вскричала она.

— Да... Но теперь я желалъ бы жить.

— Ремонъ, клянись мнѣ не покушаться на жизнь свою. Не мнѣ совѣтовать тебѣ быть благоразумнымъ и твердымъ; я могу только удивляться тебѣ и молчать. Еслибъ точно я когда-нибудь страдала, что́ были бы всѣ мои страданія въ сравненіи съ твоими? — Ты могъ сомнѣваться въ чувствахъ моихъ тогда, когда, благодаря тебѣ, я была еще богата и счастлива, но не теперь, когда бѣдность ожидаетъ меня. Ты прежде боролся съ нею одинъ, но съ этого дня будешь бороться, опираясь на меня. Ка̀къ великъ долгъ, за который требуютъ у тебя свободы? Кто тѣ люди, которыхъ ты сегодня ожидаешь? Я брошусь къ ногамъ ихъ, и просьбы, слезы женщины, можетъ-быть, смягчатъ ихъ. Не бойся униженія: я не заражена ложною гордостью — она неприлична въ теперешнемъ нашемъ положеніи! Употреблю все, чтобъ спасти тебя, буду умолять ихъ всѣхъ...

— Нѣтъ! нѣтъ! не всѣхъ, вскричалъ онъ трепещущимъ голосомъ.

— Что̀ съ тобою? спросила Эмилія, удивленная восклицаніемъ его и смущеніемъ, котораго онъ не могъ скрыть. Отъ-чего ты поблѣднѣлъ?

Не отвѣчая на вопросъ, Ремонъ продолжалъ:

— Еслибъ послѣдняя спекуляція удалась мнѣ, я могъ бы заплатить этотъ долгъ; но я отдалилъ срокъ платежа и не могу просить отсрочки. Если сегодня поутру я не заплачу двадцати-пяти тысячь франковъ, тюрьма скроетъ меня отъ свѣта на многіе годы, потому-что черезъ нѣсколько дней потребуютъ съ меня десять тысячь, черезъ недѣлю восемь, и наконецъ тридцатаго числа двѣнадцать тысячь франковъ. А для удовлетворенія всѣхъ этихъ требованій у меня есть только та сумма, которую ты даешь мнѣ.

— Но развѣ ты не обращался ни къ которому изъ друзей твоихъ? сказала Эмилія.

— Друзей, говоришь ты? Я нашелъ только заимодавцевъ, которые ссужали меня деньгами, пока думали, что я могу отдать ихъ. Не говори мнѣ о друзьяхъ! Нѣтъ, никогда не соглашусь я подвергнуться отказу друга! лучше терпѣливо покорюсь моей участи, отдамъ себя въ руки тѣхъ, которые, не обѣщавъ мнѣ ничего, имѣютъ право во всемъ отказать.

— Но сынъ твой... не-ужь-ли ты стыдился бы прибѣгнуть къ его помощи?

— Фредерикъ ничего не знаетъ.

— Какъ? ты скрылъ отъ него свое положеніе?

— Да. Онъ честенъ, благороденъ и съ радостію готовъ бы былъ пожертвовать мнѣ всѣмъ: я въ этомъ увѣренъ. Но у него нѣтъ ничего, кромѣ какого-нибудь маленькаго капитала, скопленнаго имъ отъ небольшаго дохода. Какое право имѣю я отнять его у Фредерика? не мнѣ смущать жизнь его... Нѣтъ, Эмилія, я сужу самъ себя справедливо и не хочу требовать отъ него исполненія сыновняго долга, тогда какъ самъ я не выполнилъ въ-отношеніи къ нему долга отцовскаго. Сначала онъ будетъ сожалѣть обо мнѣ, потомъ забудетъ меня,—вотъ все чего я ожидаю, что̀ заслужилъ отъ него. На-дняхъ я писалъ ему, что согласенъ на его женитьбу, но даже не знаю, кто его невѣста. Фредерикъ считаетъ меня богатымъ, но я предупредилъ его, чтобъ онъ на меня не полагался. Въ жизнь свою имѣлъ я только одну глубокою привязанность, одну любовь—ту, которую внушила мнѣ ты, и которая одна наполняетъ собою всю мою душу. Кромѣ этой любви ничто меня не трогаетъ, ничто не доходитъ до сердца; я холоденъ ко всему, что̀ не касается до тебя, и хотя не переставалъ страдать съ самаго того дня, какъ увидѣлъ тебя въ первый разъ, но мнѣ кажется, я существую только съ той минуты, какъ полюбилъ тебя.

—Такъ я одна и должна спасти тебя...Сумма, которую я принесла тебѣ, конечно, недостаточна; но предложи ее своимъ заимодавцамъ; между-тѣмъ, мы можемъ найдти какое-нибудь средство, которое теперь не пріидетъ на умъ. Я ничего не разумѣю въ дѣлахъ, не знаю до какой степени золото можетъ сдѣлать человѣка жестокимъ; но во всякомъ случаѣ прежнее поведеніе твое можетъ быть имъ порукою за будущее: ты ничего не сберегъ отъ своего имѣнія. Сколько ты долженъ? пятьдесятъ тысячь франковъ? Ну, что жь? трудъ и немного счастія скоро доставятъ тебѣ средства освободиться отъ этого долга!

— Нѣтъ, Эмилія; ты не знаешь еще всего моего несчастія; но я обязанъ открыть тебѣ все. У меня есть другой кредиторъ, которому одному долженъ я втрое болѣе, нежели всѣмъ остальнымъ, и если онъ явится, то все кончено—я погибъ!

—Если онъ явится, говоришь ты? Но кто же этотъ человѣкъ, котораго ты такъ боишься? Его, можетъ-быть, нѣтъ здѣсь? Можетъ-быть онъ никогда не возвратится?..

— Дай Богъ, чтобъ не возвратился! вскричалъ Ремонъ: — потому-что если бъ даже мнѣ стоило сказать одно слово для обезоруженія его, — я не сказалъ бы этого слова. Скорѣе согласился бы я погубить тебя вмѣстѣ съ собою—тебя, которой одну слезу готовъ бы

былъ выкупить всею своею кровію! Не думай, что я говорю какъ безумецъ, что страхъ поколебалъ мой разсудокъ, что я жертвую тобою наступленію. Небу неугодно было, чтобъ несчастіе мое осталось неполнымъ и этотъ послѣдній ударъ долженъ довершить его. Въ прошломъ году мнѣ нужны были значительные капиталы; но гдѣ было найдти ихъ? Мнѣ уже многіе отказали, и я былъ въ самомъ критическомъ положеніи, какъ вдругъ одинъ посредникъ, не подозрѣвая какую бѣдственную помощь доставлялъ мнѣ, предложилъ въ займы полтораста тысячь франковъ. Долго я отговаривался, но искушеніе было сильно, и въ первый разъ въ жизни я забылъ осторожность, имѣя только въ виду счастливый оборотъ дѣлъ моихъ. Мнѣ оставался еще цѣлый годъ, и все повидимому благопріятствовало предпріятію; но я уже сказалъ тебѣ, что корабль, везшій золото, потопленъ бурею. Человѣкъ, который далъ мнѣ въ займы 150 тыс. франковъ и который, можетъ-быть, сжалился бы теперь надъ моимъ положеніемъ, умеръ, и оставилъ все свое имѣніе законному и единственному своему наслѣднику. Онъ назывался Жоржъ Дюрозе... ты, я думаю, знаешь имя его племянника?

Эмилія опустила голову на грудь, и оба замолчали. Наконецъ, чрезъ нѣсколько минутъ, она взглянула спокойно на мужа и сказала тихимъ голосомъ:

— Благодарю тебя за то, что ты ничего не скрылъ отъ меня. Да, конечно, мы очень несчастны! И еслибъ онъ явился сюда, я не могла бы предложить тебѣ ни совѣтовъ, ни утѣшеній; долгъ мой былъ бы молчать и ждать. Но нѣтъ, онъ не прійдетъ, и самое имя его не будетъ произносимо здѣсь; утаимъ его другъ отъ друга, но будь увѣренъ, что, забывъ прошедшее, я думаю только теперь о настоящемъ и будущемъ. Гдѣ онъ—не знаю, и клянусь тебѣ, никогда не желала знать о томъ.

— Не знаешь и того, что судъ оправдалъ его, что онъ давно уже могъ возвратиться во Францію?

— Въ первый разъ я слышу объ этомъ.

— Я писалъ въ Тулонъ къ нотаріусу, у котораго лежитъ духовная его дяди, и который, послѣ многихъ безуспѣшныхъ справокъ, получилъ наконецъ нѣкоторыя невѣрныя свѣдѣнія. Съ-часу-на-часъ дожидаюсь отъ него письма, которое рѣшитъ мою участь.

— Будемъ надѣяться, сказала Эмилія, вставъ съ креселъ: — но... въ сѣняхъ, кажется, говорятъ...

— А! это мои кредиторы!

— Оставляю тебя съ ними... Брось неумѣстную гордость, Ремонъ! Намъ надобно смириться. Вспомни, что я прошу тебя спасти свою свободу. Прощай, другъ мой. Когда они уѣдутъ, прійди ко мнѣ.

Прощай! У меня есть предчувствіе, что судьба перестанетъ наконецъ насъ преслѣдовать.

Она поспѣшно вышла не оборачиваясь на него. Ремонъ слѣдовалъ за нею глазами, и когда остался одинъ, погрузился въ размышленіе.

— Сердце женщины, думалъ онъ, непостижимая загадка! Безумецъ тотъ, кто любитъ!.. Съ минуту назадъ я вѣрилъ, но теперь сомнѣваюсь... Что она дѣлаетъ? думаетъ обо мнѣ, или... Зачѣмъ сказалъ я ей объ этомъ человѣкѣ?.. Однакожь, продолжалъ онъ, взглянувъ на открытую шкатулку, стоявшую на столѣ: — еслибъ она говорила неискренно, то для чего предупредила бы мое признаніе, для чего лишила бы себя добровольно этихъ денегъ и отдала ихъ мнѣ? «Брось неумѣстную гордость» сказала она... Хорошо, пусть такъ... я сдѣлаю послѣдній опытъ... Но силы мои истощились; я желалъ бы даже, чтобъ онъ былъ здѣсь; это возбудило бы во мнѣ энергію...

Бернаръ вошелъ съ докладомъ о пріѣздѣ гг. Привзака, Роиля, Марешаля, Томасена и Мореля.

— Здравствуйте, господа, прошу садиться! сказалъ Ремонъ.

Всѣ пятеро сѣли, принявъ на себя холодную и вытянутую мину, съ которою обыкновенно ожидаютъ дурной вѣсти.

— Чѣмъ бы ни кончилось свиданіе наше, сказалъ Ремонъ: — я желаю оставить вамъ выгодное мнѣніе о себѣ и заставить васъ отдать полную справедливость моей честности. Конечно, я ничего не могъ бы скрыть передъ судомъ; но здѣсь, передъ вами, ничто не препятствовало бы мнѣ утаить отъ васъ многое; однакожь, не смотря на то, я ничего не скрою отъ васъ. Главнаго кредитора моего нѣтъ здѣсь.

— Какъ! вскричали вмѣстѣ Привзакъ и Марешаль. Другіе помѣнялись между собою безпокойными взглядами.

— Почему жь вы его не пригласили?

— Его нѣтъ въ Марсели, но вы можете рѣшиться и безъ него. Теперь слушайте. Сумма, которую я долженъ вамъ, не болѣе 55 тысячь франковъ. Не стану напоминать вамъ о своихъ несчастіяхъ; не скажу, что, не смотря на мою осторожность, судьба разстроила всѣ мои предпріятія; не буду также оправдываться передъ вами въ нѣкоторыхъ издержкахъ, казавшихся вамъ чрезмѣрными: если вы порицали ихъ, то для чего не давали мнѣ чувствовать порицанія вашего средствами, которыя краснорѣчивѣе словъ? Прошу избавить меня отъ упрековъ прежде, нежели рѣшите мою участь. Объявляю вамъ, что для заплаты 55 тысячь франковъ у меня есть только пятнадцать тысячь.

Восклицанія неудовольствія и сомнѣнія раздались со всѣхъ сторонъ.

— Пятнадцать тысячь, продолжалъ онъ: — которыми одолженъ я

великодушію г-жи Ремонъ. Она продала брильянты свои, чтобъ доставить мнѣ сумму, которую я вамъ предлагаю.

— Сколько же должны вы тому, котораго здѣсь нѣтъ?

— Втрое больше того, что я долженъ вамъ.

— Это совершенное банкротство. Вы даже не можете дать по семи съ половиною за сто?

— Я даю все, что имѣю.

— Хорошъ платежъ!

— Вы разорились въ-конецъ!

—Да, если вы будете неумолимы. Послушайте, господа; мнѣ нѣтъ еще пятидесяти лѣтъ, и я доказалъ, что имѣю расторопность и знаніе въ дѣлахъ. Дайте мнѣ сроку только на десять лѣтъ... У меня ничего не было, когда я началъ наживать состояніе: разбогатѣть вторично такъ же легко какъ и въ первый разъ; я готовъ, если хотите, начать карьеру мою сызнова. Между вами есть негоціанты: кто изъ васъ хочетъ взять меня въ прикащики?

— Но кто же за васъ порукою? спросилъ Томасенъ.

— Слово мое. Если жь его недовольно, ищите вѣрнѣйшей поруки въ тюрьмѣ. Оставляю васъ совѣтоваться между собою о моемъ предложеніи и возвращусь узнать ваше рѣшеніе.

— Что жь намъ дѣлать? спрашивали другъ у друга кредиторы, оставшись одни.

— Остается ли у него что-нибудь? Есть ли какая-нибудь надежда?

— Кажется, у него есть родственникъ, отставной префектъ.

— Они ужь поссорились; съ этой стороны нечего надѣяться. Но вотъ мебель, которая имѣетъ еще нѣкоторую цѣну.

— Извините, господа, извините, сказалъ Томасенъ: —онъ мнѣ долженъ 15,000 франковъ. Этотъ домъ, изъ котораго я имѣю право выгнать его, принадлежитъ мнѣ, и я не уступлю вамъ здѣсь ни гвоздика.

— Помните ли, какъ безразсудно моталъ этотъ человѣкъ въ первое время своей женитьбы, — и все для жены!.. Какіе давалъ ей праздники!

— О, чудесные! я бывалъ на нихъ.

— И я также.

— Вотъ до чего довели они!

— Еслибъ онъ послушался меня...

— Онъ самъ виноватъ во всемъ.

— Если у него ничего нѣтъ, какая намъ польза посадить его въ тюрьму? Не лучше ли взять эти 15,000 франковъ и раздѣлить ихъ между собою?

— Не хочу ни одной копейки и ни на что не соглашаюсь, возразилъ Томасенъ.

Въ это время дверь отворилась и какой-то человѣкъ, никому изъ нихъ незнакомый, вошелъ въ комнату.

— Позвольте спросить васъ, господа, зачѣмъ вы здѣсь? сказалъ онъ, холодно но учтиво поклонясь имъ. — Я вижу, продолжалъ онъ, что вопросъ мой удивляетъ васъ; но у меня, можетъ-быть, есть важная причина знать, зачѣмъ вы въ этомъ домѣ. Вы говорили о деньгахъ: у васъ въ рукахъ бумаги, векселя... Не кредиторы ли вы г-на Ремона?

— Точно такъ, сказалъ Привзакъ: — а вы конечно изъ нашихъ товарищей?

— Что же? Подь Ремонъ банкрутъ, или нѣтъ? онъ сдѣлалъ вамъ какія-нибудь предложенія?

— Очень-сомнительныя.

— И вы ихъ приняли?

— Нѣтъ, я не принималъ! вскричалъ Томасенъ. Незнакомецъ поспѣшно обратился къ нему и улыбнулся презрительно, взглянувъ на узкій и короткій лобъ, подлую и безсмысленную физіономію этого человѣка, рожденнаго не ощущать никакой другой страсти, кромѣ жадности къ деньгамъ.

— Къ чему послужили бы намъ крайнія мѣры? сказалъ Привзакъ.

— Къ тому, чтобъ помѣшать ему обманывать и плутовать.

— Вы говорите правду, отвѣчалъ незнакомецъ, бросая другой презрительный взглядъ на Томасена: — но отъ-чего друзья г. Ремона не хотятъ помочь ему?

— У него, кажется, нѣтъ друзей.

— У него были друзья... По-крайней-мѣрѣ, жена его...

— У нея была старая тетка, которая умерла въ бѣдности, отъ-того что ввѣрила капиталъ свой г. Ремону. Жена его также во многомъ виновата. Если онъ дѣлалъ безразсудныя издержки, все это для нея же.

— Позвольте мнѣ посмотрѣть векселя ваши. Я пріѣхалъ въ Марсель именно за этимъ.

— Вотъ вексель въ десять тысячь франковъ; срокъ—завтра.

— А вашъ?

— Въ восемь тысячь; срокъ тотъ же.

— Вашъ?

— Въ 15,000, сказалъ Томасенъ: — и я имѣю право посадить его въ тюрьму.

— Стало-быть, всего-на-все пятьдесятъ-пять тысячь.

— Только сорокъ; потому-что г. Ремонъ предлагаетъ заплатить намъ пятнадцать тысячь, которыя лежатъ въ этой шкатулкѣ.

— Господа, вотъ векселя на здѣшнихъ банкировъ; посмотрите подписи. Какъ вы находите ихъ?

— Какъ-нельзя-надежнѣе.

— Такъ пойдемте же со мною. Но прежде напишите г. Ремону, что вы съ своей стороны отказываетесь отъ всякаго преслѣдованія, и что передали векселя свои...

— Кому, государь мой? какое имя должно написать?

— Оставьте пустое мѣсто, я самъ его напишу, потому-что скоро возвращусь сюда. Мнѣ пріятно будетъ обрадовать его неожиданно...

VII.

Подарокъ.

Не прошло десяти минутъ по уходѣ ихъ, какъ Ремонъ, который, сидя у жены, дожидался конца ихъ совѣщанія, и видя, что они за нимъ не посылали, рѣшился самъ войдти въ комнату и былъ чрезвычайно удивленъ, найдя ее пустою. Бернаръ, занятый въ саду, не зналъ, что гости вдругъ исчезли, и не могъ сказать, куда они дѣвались. Ремонъ подошелъ къ столу, на которомъ оставалась шкатулка и глаза его остановились на бумагѣ за пятью подписями кредиторовъ его; онъ прочелъ, не понимая, что̀ могло заставить ихъ отказаться письменно отъ ихъ требованій, но скоро не взвидѣлъ уже ничего больше, кромѣ бѣлаго мѣста, таинственно-раздѣлявшаго подписи. Онѣмѣвъ и трепеща отъ страха, который безпрестанно увеличивался, онъ смотрѣлъ на эту бумагу и въ тревожномъ воображеніи его одна за другой являлись буквы, представлявшія вмѣстѣ неизвѣстное и грозное имя.

— Ну что, какой отвѣтъ? сказала Эмилія, тихо отворивъ дверь.

Ремонъ смялъ бумагу и, превозмогая свое смущеніе, сказалъ:

— Они на все согласны.

— Ну, вотъ видишь, я не напрасно надѣялась.

— Да. Предчувствіямъ нельзя не вѣрить; они никогда не обманывали меня.

И, произнося эти слова, онъ отвернулся.

— Однакожь, возразила Эмилія: — ты теперь, кажется, еще болѣе смущенъ, нежели тогда, какъ не зналъ еще, что̀ они скажутъ. Они согласились, можетъ-быть, на какихъ-нибудь тяжкихъ условіяхъ. Можетъ-быть, оскорбили тебя обидными упреками. О! я знаю, еслибъ все это касалось до тебя одного, ты не снесъ бы этихъ оскорбленій; но ты думалъ обо мнѣ, ты для меня только казался покорнымъ....

— Не благодари меня, Эмилія! прервалъ Ремонъ съ горестью. — Они простерли великодушіе свое даже до того, что избавили меня отъ этого труда. Ты приписываешь мнѣ доброе свойство, котораго нѣтъ у меня.

— Что нужды! У тебя есть въ глазахъ моихъ другія безцѣнныя достоинства. Ты боишься, чтобъ бѣдность не испугала меня? Ошибаешься, другъ мой; я давно приготовилась къ ней и теперь смотрю на нее безъ страха: она шла медленно, шагъ-за-шагомъ, и потому не испугала меня. Мы теперь должны жить тихо, скромно, не давая праздниковъ, не бѣгая за удовольствіями, но за то будемъ наслаждаться взаимною нашею довѣренностію, не имѣя ничего скрытнаго другъ-отъ-друга. Несчастіе имѣетъ ту выгодную сторону, что обнаруживаетъ чувства преданности, которымъ не вѣрятъ въ счастіи... Но перестанемъ терять время въ безполезныхъ сѣтованіяхъ. Скажи, что̀ ты намѣренъ дѣлать? могу ли я быть тебѣ чѣмъ-нибудь полезною? Я не должна ограничивать себя терпѣливымъ ожиданіемъ минуты, когда ты возвратишь мнѣ прежнія удовольствія, богатство и роскошь. Я никогда не желала ихъ и оставляю безъ сожалѣнія; по намъ остается драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ сокровищъ—твоя свобода...

— До-тѣхъ-поръ, пока явится этотъ человѣкъ.

— Зачѣмъ думать безпрестанно о немъ? онъ не возвратится...Кто знаетъ, что̀ могло съ нимъ случиться въ эти восемь лѣтъ.

Чьи-то скорые шаги громко раздались по лѣстницѣ, и Фредерикъ, вбѣжавъ въ комнату, бросился въ объятія отца.

— Фредерикъ! вскричалъ Ремонъ, остолбенѣвъ отъ этого неожиданнаго явленія, и не бывъ въ-состояніи произнести ни одного слова, прижалъ сына къ груди своей. Не смотря на недовѣрчивость и суровость своего характера, этотъ несчастный, который только однажды уступилъ заблужденію непреодолимой страсти, вдругъ почувствовалъ, что душа его открылась нѣжнымъ впечатлѣніямъ. Кротость Эмиліи, любовь и покорность сына, смягчили наконецъ это желѣзное сердце. Ремонъ любилъ теперь какъ мужъ, какъ отецъ, безъ подозрѣнія, безъ скрытности. — Фредерикъ, сказалъ онъ, отирая слезу: — Фредерикъ! Эмилія! я до-сихъ-поръ не зналъ еще васъ. О, зачѣмъ блаженство, которое вы доставляете мнѣ, должно быть мгновеннымъ? Въ какую несчастную минуту возвратился ты, сынъ мой. Я не хотѣлъ увѣдомить тебя о своемъ положеніи, но теперь не могу уже таить его отъ тебя ни минуты...

— Мнѣ все извѣстно! сказалъ молодой человѣкъ. — Слухи, хотя невѣрные, дошли ко мнѣ, въ Роанну, и я тотчасъ поспѣшилъ къ вамъ. Теперь я вижу, что вы разорились; несчастіе ваше больше еще, нежели вы воображаете.

— Ты пугаешь меня, Фредерикъ, вскричала Эмилія.—Говори понятнѣе.

При этомъ полу-открытіи, физіономія Ремона приняла страшное выраженіе. Онъ сдѣлался недвижимъ и стоялъ сложа руки на-крестъ,

какъ человѣкъ, который готовъ на все, и котораго не можетъ уже удивить никакое несчастіе.

— Простите, сказалъ Фредерикъ: — если осмѣлюсь сдѣлать вамъ одинъ вопросъ. Я воспитанъ далеко отъ васъ, но любовь моя къ вамъ никогда не ослабѣвала. Обстоятельства, и ваша воля, которой я покорялся, находя ее, впрочемъ, слишкомъ жестокою, всегда почти разлучали насъ, и я ничего не зналъ о происшествіяхъ, возмутившихъ жизнь вашу; но теперь, что бъ вы ни отвѣчали мнѣ, я не позволю себѣ судить поступки ваши. О, нѣтъ! Еслибъ даже цѣлый свѣтъ объявилъ васъ преступникомъ, и тогда вы остались бы невинны въ глазахъ вашего сына. Позвольте же мнѣ спросить васъ, живъ ли человѣкъ, который имѣлъ бы нѣкогда справедливую или несправедливую причину на васъ жаловаться? человѣкъ, имѣющій право обвинять васъ, говорить, что вы обманули его и... называть васъ безчестнымъ?

— Что тебѣ до этого? спросилъ Ремонъ.

— Я уже предупредилъ васъ, что не осмѣлюсь судить васъ, и говорю это въ присутствіи госпожи Ремонъ, замѣнившей мнѣ мать — потому что она любитъ и почитаетъ васъ, какъ я, и что она также имѣетъ свою долю въ этомъ обвиненіи.

— Я?.. спросила Эмилія, запинаясь.

— Да; по словамъ его, вы оба, съ общаго согласія, поступили съ нимъ безчестно, нарушивъ данное слово и употребивъ во зло его довѣренность... Повторяю вамъ, я презираю эти дерзкія слова, но вы знаете, что существуетъ человѣкъ, который можетъ обвинять васъ?

— Да, отвѣчалъ Ремонъ дрожащимъ голосомъ: — мы знаемъ его.

— И человѣкъ этотъ въ полномъ разсудкѣ? онъ не изъ тѣхъ несчастныхъ, у которыхъ нельзя требовать отчета въ клеветѣ, произнесенной въ сумасшествіи? не правда ли, можно безъ угрызенія совѣсти обнажить противъ него шпагу, или прицѣлиться пистолетомъ въ грудь его?

— Какъ? онъ соглашается на поединокъ! вскричалъ Ремонъ: — онъ ищетъ только этого мщенія... Слава Богу!

— Остальное до меня не касается, отвѣчалъ Фредерикъ. — Батюшка, обнимите меня еще; черезъ часъ у васъ уже не будетъ сына, и тогда вы останетесь въ рукахъ этого человѣка, или черезъ часъ я васъ избавлю отъ него.

— Фредерикъ! я запрещаю тебѣ подвергать жизнь свою опасности.

— Власть ваша теряетъ свою силу тамъ, гдѣ говоритъ честь моя; онъ зазвалъ меня къ себѣ; но вмѣсто искренняго и дружескаго гостепріимства, осыпалъ меня ругательствами, оскорбилъ во всемъ, что̀ для меня священно; осмѣлился порочить ту, которую я люблю и которую вы позволили мнѣ назвать своею женою. Я отвѣчалъ на

[illegible], какъ приказывала мнѣ честь; поединокъ назначенъ былъ въ слѣдующее утро, но въ это утро онъ вдругъ исчезъ, оставивъ мнѣ письмо, въ которомъ открылъ настоящее свое имя и увѣрилъ меня, что мы скоро встрѣтимся опять. Я видѣлъ его сейчасъ и имѣлъ съ нимъ короткое объясненіе, въ которомъ онъ сказалъ, что узналъ меня по сходству съ вами, и, не имѣя средствъ отмстить вамъ самимъ, вознамѣрился обратить мщеніе свое на вашего сына; назвался д'Аржелемъ, для того, чтобъ истинное имя его не возбудило во мнѣ подозрѣнія и осторожности. Онъ сію-минуту только вышелъ отсюда, невидавшись съ вами, но долженъ скоро возвратиться, чтобъ дѣйствовать противъ васъ со всею жестокостію [illegible]давца. Бѣгите же, батюшка, бѣгите вмѣстѣ съ своею супругою отъ этого непримиримаго врага, котораго ни просьбы, ни слезы [illegible] умягчить не въ-силахъ. Я хотѣлъ-было идти къ нему, не предупредивъ васъ, но перемѣнилъ намѣреніе и рѣшаюсь ждать его здѣсь. Свобода моя отъ него безопасна; наслѣдникъ Жоржа Дюрове долженъ заплатить сперва долгъ чести, обязывающій Шарля Вернона.

Съ самой той минуты, какъ Фредерикъ началъ говорить, Эмилія ожидала услышать имя Вернона; но когда оно было произнесено, никакое новое смущеніе не обнаружилось на лицѣ ея, и душа ея осталась по-прежнему закрытою книгою для Ремона.

Фредерикъ продолжалъ:

— Не отчаивайтесь; вамъ надобно принять скорыя и рѣшительныя мѣры; повторяю, онъ будетъ неумолимъ, и вамъ [illegible] бѣжать отъ него. Пріѣхавъ сегодня поутру въ Марсель, я нечаянно узналъ, что черезъ два дня отправляется корабль въ Америку; на немъ есть еще мѣсто для нѣсколькихъ пассажировъ. Уѣзжайте! Прошу, заклинаю васъ, уѣзжайте!

— Уѣхать? сказалъ Ремонъ. — Не знаешь ли ты, что мнѣ не остается даже и этого послѣдняго средства?.. Да, и не властенъ идти просить хлѣба насущнаго въ чужой землѣ. Несчастіе приковало меня здѣсь и оставило мнѣ только на выборъ тюрьму или самоубійство. Взгляни... продолжалъ онъ, подведя Фредерика къ бюро: — вотъ все мое состояніе!

— Однакожь, сынъ твой говоритъ правду, сказала Эмилія: — мы должны необходимо бѣжать отъ этого человѣка, избавиться его мщенія... О! я съ радостію послѣдую вездѣ за тобою... Ты въ этомъ не сомнѣваешься, Ремонъ, не правда ли? Позволь же мнѣ дѣйствовать.

— Что ты хочешь дѣлать?

— Обѣщай мнѣ только не показываться ему на глаза; проси гдѣ-нибудь убѣжища, въ которомъ, конечно, никто тебѣ не откажетъ, скройся въ какомъ-нибудь домѣ, на пристани, куда я пріиду къ тебѣ съ Фредерикомъ.

Потомъ, обращаясь къ молодому человѣку, она сказала:

— Подите сюда; мнѣ нужно поговорить съ вами.

Въ голосѣ, во взорѣ, въ движеніи ея была какая-то восторженность, которую Ремонъ прежде не замѣчалъ въ ней. Онъ хотѣлъ-было говорить, но она заставила его молчать.

— Не дѣлай мнѣ никакихъ вопросовъ, сказала она: — я не буду отвѣчать на нихъ. Цѣлыя восемь лѣтъ я была покорна и трепетала твоей власти. Но теперь хочу повелѣвать въ свою очередь; хочу спасти тебя—и спасу. Но ты не узнаешь, тяжела или легка будетъ для меня эта послѣдняя жертва, которую я принесу тебѣ. Завтра Эмилія сдѣлается опять рабою твоею; но сегодня ты долженъ повиноваться ей. Бѣги! я этого требую. Черезъ два часа буду съ тобою, но теперь бѣги, или, прибавила она шопотомъ: — я все разскажу твоему сыну. Я знаю, сударь, что сдѣлано было нѣкогда; знаю кто писалъ письмо, пришедшее изъ Испаніи; знаю, что Вернонъ былъ вашимъ другомъ. Тетка моя, дѣйствовавшая за-одно съ вами, передъ смертью открыла мнѣ все, прося у меня прощенія въ томъ, что была вашею сообщницею. Бѣгите же, сударь! Пусть свѣтъ говоритъ, что жена ваша не покинула васъ, потому-что вы сдѣлали ее счастливою.

Въ первый еще разъ въ жизни Ремонъ уступилъ; онъ склонилъ голову предъ этою волею, такъ долго молчавшею, но проявившеюся вдругъ съ такою силою, съ такимъ упорствомъ. Онъ вышелъ, не сказавъ ни слова. Эмилія увидѣла въ окно, какъ онъ, прошедъ садъ, направилъ шаги свои стороннею дорогою къ пристани.

— Подите за мною, сказала она Фредерику.

Обѣ они вошли въ комнату, занимаемую ею на противоположномъ концѣ дома.

Минутъ черезъ двадцать послѣ этой сцены, молодой человѣкъ пробѣгалъ черезъ гостиную и былъ въ передней остановленъ Ремономъ.

— О чемъ она говорила съ тобой? спросилъ онъ.—Я хочу знать... Она на меня жаловалась, не правда ли?

— Вы къ ней несправедливы, батюшка, отвѣчалъ Фредерикъ. — Она васъ любитъ. Я оставилъ ее одну; она заперлась и не отопретъ двери до-тѣхъ-поръ, пока я не прійду за нею, чтобъ проводить къ вамъ... Но зачѣмъ же вы еще здѣсь? Этотъ человѣкъ можетъ прійдти сію минуту.

— Что она сказала тебѣ? Чего требовала отъ тебя? повторилъ Ремонъ.

— Обѣщанія, которое я далъ ей въ надеждѣ, что оно заставитъ васъ удалиться. Она хочетъ, чтобъ, разставшись со мною, вы не боялись за жизнь свою. Не упрекайте меня въ трусости, не думайте, чтобъ я не умѣлъ чувствовать оскорбленій, нанесенныхъ вамъ и мнѣ, —но я обѣщалъ ей не драться съ Верноломъ потому только, что это,

какъ говоритъ она, одно средство склонить васъ къ побѣгу. Я сдержу свое слово, если вы этого потребуете.

— Не дерись съ нимъ, Фредерикъ! Она хорошо сдѣлала, что плакала и просила тебя... Онъ убилъ бы тебя... онъ счастливъ во всемъ, счастливъ всегда! Одинъ я не имѣю ни въ чемъ удачи... Но буду я жить или нѣтъ, во всякомъ случаѣ заклинаю тебя оставить мщеніе. Ты не знаешь, что̀ такое ненависть, другъ мой... Наконецъ, если вы оба того хотите, скажи, какія средства предлагаетъ она мнѣ для побѣга... Отвѣчай же. Я вижу, что и это тайна; но ты мнѣ долженъ открыть ее, или я остаюсь.

— Вы узнаете ее, батюшка. — Госпожа Ремонъ полагала, что васъ здѣсь нѣтъ и не требовала отъ меня молчанія; впрочемъ то, что̀ она дѣлаетъ, не имѣетъ нужды въ скрытности; я сказалъ уже, что черезъ часъ мы должны были прійдти къ вамъ; тогда она, безъ сомнѣнія, сама сказала бы вамъ, откуда взяла деньги, которыя мы хотѣли вамъ доставить. Отдавъ вамъ 15,000, вырученные за бриліянты, она поручила мнѣ отнести къ знакомому ей ювелиру оставшееся у нея богатое жемчужное ожерелье, чтобъ...

— Жемчужное ожерелье?

— Да, вотъ оно, въ этомъ футлярѣ.

— Я не дарилъ ее этимъ ожерельемъ! вскричалъ Ремонъ, выхвативъ футляръ изъ рукъ сына.

— Знаю, отвѣчалъ Фредерикъ. — Она сказала мнѣ, что получила его въ наслѣдство отъ матери и, разставаясь съ нимъ, плакала.

Ремонъ разсматривалъ ожерелье, которое видѣлъ въ первый разъ; вдругъ глаза его на минуту закрылись и правая рука крѣпко прижалась къ груди, какъ-бы стараясь удержать въ ней сильное біеніе сердца... Несчастный разглядѣлъ вензель, вырѣзанный на фермуарѣ.

— Хорошо... сказалъ онъ. — Дѣйствительно, я вспомнилъ теперь... Да, эта жертва должна дорого стоять ей; я понимаю, почему она хотѣла сдѣлать послѣднее... Нѣтъ! вскричалъ онъ, бросясь въ кресла. — Этого уже слишкомъ-много... Я побѣжденъ!

— Побѣжденъ мною, сказалъ вдругъ вошедшій Вернонъ.

Ремонъ вскочилъ, спряталъ на груди своей ожерелье и бросился къ нему.

— А! наконецъ ты здѣсь! Сынъ мой! продолжалъ онъ, говоря Фредерику: — возвратись къ г-жѣ Ремонъ, скажи ей, что ты оставилъ меня съ смертельнымъ врагомъ моимъ. Я заочно прощаюсь съ нею, потому-что вѣроятно болѣе не увижу ея. Больше я ничего не могу сказать ей. Она знаетъ, что̀ для нея лучше — удалиться, или остаться здѣсь.

И, проводивъ его до дверей, онъ прибавилъ ему на-ухо:

— Уведи ее отсюда волею или неволею.

Онъ затворилъ дверь за Фредерикомъ и подошелъ къ Вернону; оба нѣсколько минутъ стояли молча, смотря другъ на друга — одинъ съ отчаяніемъ и яростію, другой холодно, презрительно, неумолимо, какъ судьба. Вернонъ первый заговорилъ:

— Ты ждалъ меня, не правда ли?

— Да.

— Ты знаешь, что ты въ рукахъ моихъ?

— Да.

— Что я, въ свою очередь, могу уничтожить всѣ твои радости?

— Послушай, Вернонъ; оставь пустыя слова, оставь оскорбленія и угрозы. Вражда наша такова, что въ ней смѣшивается обидчикъ съ обиженнымъ. Будемъ врагами, но не станемъ напоминать другъ другу о причинѣ вражды. Вспомни только, что въ одинъ вечеръ, въ тотъ, когда мы видѣлись съ тобою въ послѣдній разъ, ты просилъ меня назвать тебѣ твоего соперника и проводить тебя къ нему; вспомни, что ты хотѣлъ сразиться съ нимъ на смерть, почитая всякое другое мщеніе для себя недостаточнымъ. Этотъ счастливый соперникъ передъ тобою; для чего жь ты не вызываешь его? Развѣ ненависть твоя ослабѣла, или въ тебѣ нѣтъ уже прежней храбрости?

— Безумецъ! отвѣчалъ Вернонъ.—Тебѣ ненужно вспоминать прошедшаго; ты самъ забываешь, что судьба наша различна! Я, изгнанникъ, обманутый тобою и той, которую любилъ болѣе всего въ мірѣ. Всѣми горестями своими я обязанъ тебѣ. Я оспоривалъ голову свою у палача, жизнь свою у страданій, и если еще существую, то потому только, что имѣлъ довольно воли, чтобъ не умереть. Когда же возвратился я во Францію, мнѣ было уже все извѣстно. Я стерпѣлъ стыдъ и согласился оставить тебя наслаждаться спокойно, можетъ-быть, безъ угрызеній совѣсти, плодами твоего вѣроломства. Но однажды люди, посѣтившіе меня въ моемъ уединеніи, сказали мнѣ; «Вернонъ, ты разбогатѣлъ; поѣзжай въ Марсель; тамъ ожидаетъ тебя «огромное наслѣдство.» Я улыбнулся этой жалкой вѣсти. «Нѣтъ, «это не шутка, Вернонъ: дядя твой, г. Дюрозè, умеръ и оставилъ тебѣ все свое имѣніе.»—Не поѣду, отвѣчалъ я.— «Домы, капиталы, «корабли съ грузомъ.» — Не поѣду. — «Вексель, поданный ко взысканію на одного обанкротившагося негоціанта, Поля Ремона...»

— Поля Ремона?.. О, ѣду! вскричалъ я, сѣлъ въ почтовую коляску и поскакалъ въ Марсель. Понимаешь ли теперь, что съ моей стороны было бы большое безразсудство, еслибъ я бѣгалъ за невѣрнымъ мщеніемъ тогда, когда небо сберегало для меня вѣрное мщеніе, которое не можетъ миновать рукъ моихъ? Сперва мнѣ надобно разсчитаться съ тобою, а послѣ уже съ сыномъ твоимъ. Не думай, чтобъ я еще страдалъ, Ремонъ, нѣтъ; но я ненавижу тебя за всѣ мои страданія; я держу тебя подъ ногою моею, и еслибъ даже позволилъ тебѣ

встать, еслибъ рука твоя въ ту же самую секунду оставила на щекѣ моей пятно безчестія, то и тогда я остался бы хладнокровнымъ и, презирая это новое оскорбленіе, сказалъ бы, какъ говорю теперь: «Законъ отдалъ мнѣ свободу этого человѣка; приступите къ исполне-«нію закона.»

— Ты торжествуешь, Вернонъ; но не смотря на мое униженіе, я знаю куда нанести тебѣ ударъ. Будь неумолимъ, не щади меня, — я также не буду имѣть къ тебѣ состраданія. Ты хвастаешься нечувствительностію, которая, будто-бы, тебѣ неизвѣстна. Ты ужь не страдаешь, говоришь ты? Ты лжешь! Я знаю въ какихъ несомнѣнныхъ признакахъ обнаруживаются страсти, и какія страсти взрываютъ на лицѣ глубокія морщины. Отъ-чего волосы на головѣ твоей побѣлѣли такъ рано? Отъ-чего глаза твои померкли? Развѣ я не вижу, что любовь еще не совсѣмъ потухла; желаніе, безпрестанно возраждающееся, состарѣло тебя прежде времени? Тебѣ забыть ее? О! никогда не забудешь ты ея! И если мстишь мнѣ, то за то только, что она любитъ меня. Съ какою радостію ты промѣнялъ бы всё богатство свое на то сокровище, которымъ я обладаю! Не ты, Вернонъ, а я счастливъ, я богатъ — въ тысячу разъ богаче тебя, потому-что не могу выключить ничего изъ воспоминаній моихъ, не имѣю дня, котораго бы хотѣлъ вырвать изъ своей жизни. Всѣ дары любви моей были мнѣ возвращены, всѣ тѣ, которые получены мною принадлежатъ мнѣ навѣки; и я могу показать ихъ моему отверженному сопернику. Но, еслибъ я хотѣлъ выкупить свободу свою, — у тебя не стало бы всего твоего золота, чтобъ заплатить мнѣ... Узнаешь ли ты это ожерелье?

— Оно мое! вскричалъ Вернонъ.—Боже! она сохранила его!

— Не говорилъ ли ты сейчасъ, что ужь не любишь ея? Отъ-чего пустая, безразсудная надежда привела тебя въ такое смущеніе, что заставила высказать тайну сердца? Ты мнѣ завидуешь, не правда ли?

— Отдай мнѣ его!..

— Прочь! сказалъ Ремонъ, оттолкнувъ его отъ себя. — Нѣкогда силы наши были равны, но и теперь руки наши переломились бы въ схваткѣ прежде, нежели удержали бы или уступили это сокровище. Слушай. Я не похищалъ его у Эмиліи; — ты не найдешь на этомъ ожерельѣ ни знаковъ ея поцалуевъ, ни слѣдовъ слезъ ея. Въ самый день свадьбы, она отдала его мнѣ; она разсталась съ нимъ добровольно и съ-тѣхъ-поръ позабыла совершенно и о немъ, и о томъ, кто ей подарилъ его. Что жь, хочешь ли еще, чтобъ я уступилъ его тебѣ?

— Да.

— За эти векселя?

— Я разорву ихъ.

— И я буду свободенъ?

— Свободенъ.

— Ты бредишь, если думаешь искусить меня! Развѣ я не сказалъ тебѣ, что буду также неумолимъ? Мнѣ уступишь тебѣ ключъ, подарокъ, о которомъ я не зналъ, что онъ получилъ отъ тебя! Но развѣ ты не понялъ, что еслибъ она любила тебя, то сохраняла бы его у себя. Она отдала мнѣ его какъ честная и добродѣтельная женщина. Я осквернилъ бы его, еслибъ искупилъ имъ свою свободу; былъ бы недостоинъ любви ея. Она забыла тебя для меня, для меня измѣнила тебѣ. О возвращеніи твоемъ въ Монпелье я узналъ отъ нея. И этотъ сигналъ, котораго ты дожидался, эта свѣча на окнѣ ея, была поставлена для того только, чтобъ удержать тебя въ саду и дать мнѣ время возвратиться, удалить тебя.

— Ты лжешь!

— Я говорю правду; и пусть эта правда будетъ жестокою, смертельною обидою, которую я бросаю тебѣ въ лицо.

Въ эту минуту вошелъ Бернаръ.

— Госпожа Ремонъ, сказалъ онъ: — сейчасъ уѣхала съ господиномъ Фредерикомъ.

Лучъ радости мелькнулъ на лицѣ Ремона.

— Вернонъ! вскричалъ онъ: — ты слышалъ, что я предоставилъ на ея волю удалиться или остаться здѣсь? Ты надѣялся увидѣть ее; но теперь мнѣ нечего уже защищать ее противъ тебя; я арестантъ твой.

VIII.

Нѣмой домъ.

Послѣднія слова Ремона поразили Вернона, такъ-сказать, посреди торжества его. Не продолжая болѣе безполезной борьбы, Ремонъ отдался добровольно въ руки людей, пришедшихъ съ наслѣдникомъ Жоржемъ [illegible], и Бернаръ послѣдовалъ за господиномъ своимъ, чтобъ принимать его приказанія. Оставшись одинъ въ этомъ опустѣвшемъ домѣ, Вернонъ ходилъ по комнатамъ его и уединеннымъ аллеямъ сада, нѣсколько разъ намѣревался удалиться; но какая-то непостижимая сила приковывала его къ этому печальному жилищу. То уходя, то возвращаясь опять, онъ искалъ безпокойнымъ взоромъ какихъ-нибудь слѣдовъ недавняго присутствія той, которую любилъ такъ пламенно, и спрашивалъ всѣ предметы, какъ-будто ожидая, чтобъ эти нѣмые и безчувственные свидѣтели одушевились и отвѣчали ему. Скоро наступила ночь, и Вернонъ въ чрезвычайномъ

смущеніи сошелъ на морской берегъ. Спокойствіе и тишина природы противорѣчили волненію души его. Онъ желалъ бы, чтобъ свѣтила небесныя померкли, чтобъ вдругъ завыла буря и свергнули во мракъ разъяренныя волны. Но небо было ясно; томный свѣтъ луны дремалъ на золотомъ пескѣ берега, и легкое дуновеніе вѣтерка едва колебало серебристую поверхность моря.

Долго стоялъ онъ, погруженный въ размышленія, прислонясь къ скалѣ, которая уединенно возвышалась посреди берега; но вдругъ поднялъ голову, услышавъ бой часовъ, раздавшійся въ отдаленіи; и сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Этотъ колоколъ звучалъ въ тишинѣ ночи въ тотъ самый вечеръ, когда я бѣжалъ отъ моихъ преслѣдователей. Онъ раздавался на морскомъ берегу, отъ котораго люди, бывшіе со мною, не могли оторвать меня. Я прислушивался къ нему, какъ къ послѣднему прощанію милаго существа, какъ къ нѣжному голосу, долетѣвшему до меня сквозь пространство эѳира и повелѣвавшему надѣяться... Безумецъ! Развѣ сердце мое не забилось отъ радости, когда я увидѣлъ, наконецъ, сигналъ, котораго ожидалъ!.. Но теперь — что мнѣ нужды который часъ возвѣщаетъ этотъ колоколъ? Онъ промчится также, какъ и тотъ, котораго смѣняетъ, и я не увижу болѣе во мракѣ отраднаго свѣта!

Онъ возвратился къ дому, гдѣ у одного изъ открытыхъ оконъ горѣла свѣча. Вернонъ вскрикнулъ отъ удивленія. Почти упавъ на камень, служившій ему опорою, онъ еще сомнѣвался, не смотря на свидѣтельство глазъ своихъ, и спрашивалъ самого-себя, не былъ ли это обманъ его воображенія. Кто могъ прійдти туда послѣ него? Неужь-ли, полагаясь на его отсутствіе, кто-нибудь укрылся въ этомъ домѣ, который онъ считалъ пустымъ? По какому странному случаю свѣча эта зажглась въ самую ту минуту, какъ онъ, увлекаясь воспоминаніями, мысленно перенесся въ прошедшее? — Такъ размышлялъ онъ нѣсколько времени, и долго не могъ выйдти изъ оцѣпенѣнія, которое овладѣло всѣми членами и приковывало его къ одному мѣсту. Наконецъ, ему показалось, будто какая-то тѣнь, приближаясь къ окну, стала между глазами его и лампою. Онъ подвинулся ближе; но тѣнь, все неподвижная, росла по мѣрѣ его приближенія и отдѣлялась явственнѣе на свѣтлой атмосферѣ, наполнявшей комнату. Боясь на каждомъ шагу, чтобъ это видѣніе не исчезло, Вернонъ поспѣшно прошелъ берегъ, взбѣжалъ на тропинку, проложенную между скалами, окружавшими пристань, и въ нѣсколько секундъ перешелъ пространство, отдѣлявшее его отъ дома. Свѣча продолжала еще горѣть, но тѣнь уже скрылась. Онъ остановился, чтобъ перевести духъ, занявшійся въ немъ отъ сильнаго біенія сердца, потомъ побѣжалъ

опять, бросился на лѣстницу, толчкомъ растворилъ предъ собою всѣ двери и вошелъ въ одну изъ внутреннихъ комнатъ.

Тамъ сидѣла какая-то женщина.

— Эмилія! вскричалъ Вернонъ.

Она встала тихо и движеніемъ руки запретила ему подходить ближе; но запрещеніе это было напрасно: Вернонъ стоялъ какъ окаменѣлый, потерявъ голосъ, едва дыша и устремивъ глаза на одно мѣсто, какъ человѣкъ, который борется подъ вліяніемъ какого-то страшнаго сна.

— Несчастный! произнесла она шопотомъ: — несчастный! сколько страдалъ онъ!.. Потомъ продолжала, обратясь къ Вернону: — Я васъ ждала, сударь. Зная, что послѣ нашего отъѣзда вы остались въ этомъ домѣ; я пришла сюда одна, чтобъ видѣть васъ и просить сжалиться надъ нами; но васъ здѣсь не было; я хотѣла уже уйдти, какъ вдругъ, при свѣтѣ луны, увидѣла изъ этого окна кого-то, прохаживающагося по берегу. Какое-то тайное предчувствіе сказало мнѣ, что это вы, и я старалась дать вамъ себя замѣтить. Теперь отвѣчайте; прервите это молчаніе, которое пугаетъ меня... Отъ-чего вы трепещете? Не вамъ, а мнѣ должно трепетать передъ вами и въ смиреніи преклонить голову.

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ Вернонъ, стыдясь, что обнаружилъ свое смущеніе. — Вы ошибаетесь. Если имя, которое я не долженъ болѣе произносить, вырвалось изъ устъ моихъ, вы не имѣете нужды напоминать мнѣ о различіи нашего положенія, потому-что смущеніе мое, которое такъ удивило васъ, произошло совсѣмъ отъ другой причины... Вы желали со мною говорить? Что̀ вамъ угодно? чего вы отъ меня ожидаете?

— Свободы моего мужа.

— Вамъ извѣстно, что мы съ нимъ видѣлись; онъ самъ не просилъ меня о томъ.

— Онъ не долженъ былъ просить васъ; но жена его была бы преступна, еслибъ оставила его.

— Если вы этого требуете, то я, какъ кредиторъ, согласенъ выслушать ваши предложенія. Вѣроятно, онъ прислалъ васъ сюда?

— Нѣтъ, сударь; и каковъ бы ни былъ отвѣтъ вашъ, онъ никогда не узнаетъ, что я просила васъ за него. Я пришла изъ того убѣжища, куда удалилась съ Фредерикомъ. Никто не слѣдовалъ за мною, и для исполненія своего долга я укрылась въ темнотѣ ночи, какъ другіе скрываютъ въ ней порочные поступки свои. Свиданіе наше останется между вами и мною тайной, которую ввѣряю я вашей чести. Надѣюсь, что вы обѣщаете мнѣ свято сохранить ее?

— Обѣщаю, сударыня; до-сихъ-поръ я не далъ еще никому права сомнѣваться въ моемъ словѣ.

— Знаю, и я просила вашего слова для того, что всякая клятва вамъ священна.

—Это правда, сударыня. Я исполняю все, въ чемъ поклянусь, оставляя вѣроломство другимъ. Я клялся не имѣть никакого сострадания и быть нечувствительнымъ къ просьбамъ и слезамъ. И такъ, избавьте себя отъ нихъ, не простирайте ко мнѣ рукъ, не преклоняйте колѣнъ, не унижайтесь передо мною. Вы видите: передъ вами теперь не тотъ человѣкъ, котораго знавали вы нѣкогда легковѣрнымъ и довѣрчивымъ; въ эти восемь лѣтъ сердце мое измѣнилось такъ же, какъ и черты лица; волосы мои побѣлѣли, а душа высохла, какъ у старика. Я сталъ богатъ и недоступенъ для бѣдныхъ.

— Не вѣрю, сказала она: — вы не могли сдѣлаться жестокимъ до такой степени; вы были прежде такъ добры и великодушны.

— Испытайте, сударыня, отвѣчалъ Вернонъ голосомъ, исполненнымъ презрѣнія и насмѣшки, который вдругъ охладилъ ее. Послѣ нѣкотораго молчанія, онъ повторилъ опять эти жестокія слова, на которыя Ѳимлія не могла уже найдти отвѣта.

— Объявите мнѣ ваши предложенія, продолжалъ онъ. — Вы просите свободы своему мужу и, какъ говорите, выполняете обязанность супруги. Я готовъ слушать васъ; но надѣюсь, что вы не пришли сюда для того, чтобъ вспоминать прошедшее и заплатить мнѣ долгъ свой слезами. Дайте мнѣ золота, и мужъ вашъ свободенъ.

— Золота! О, еслибъ оно было у меня, онъ, конечно, имѣлъ бы его давно, и я не была бы здѣсь.

— Но развѣ вамъ не осталось ничего отъ роскоши, которая окружала васъ?

— Ничего.

— Даже какихъ-нибудь галантерейныхъ вещей?

Она отвѣчала, опустивъ глаза въ землю:

— Я продала все, что имѣла.

— Конечно, ихъ было бы недостаточно, продолжалъ онъ, постепенно разгорячаясь: — но эти лишенія заставили бы меня, можетъ быть, оцѣнить надлежащимъ образомъ ваши пожертвованія. Кто знаетъ, не заплатилъ ли бы я очень-дорого за нѣкоторый залогъ любви, вами сохраненный? Возвратитесь къ себѣ, сударыня, и принесите мнѣ то жемчужное ожерелье, съ которымъ вы нѣкогда обѣщали мнѣ никогда не разставаться. Оно принадлежало моей матери, которая была набожна и свято хранила клятвы свои. Она жила и умерла какъ праведница, и не прибѣгала ни къ чему сожалѣнію, потому что въ жизнь свою не оскорбила и не обманула никого. Отдайте мнѣ наслѣдство матери моей; я буду ждать его здѣсь.

— У меня ужъ нѣтъ его; я продала его въ надеждѣ избавить мужа моего отъ тюрьмы.

— Я видѣлъ его въ рукахъ вашего мужа.

— Онъ не зналъ, кто мнѣ подарилъ его.

— Но вы его отдали ему въ день вашей свадьбы.

— Это неправда.

— Это правда, сударыня, — такъ же правда, какъ и то, что вы открыли любовнику вашему тайну моего возвращенія въ Моннелье.

— Я?!..

— Да. Правда и то, что вы были съ нимъ въ заговорѣ, что свадьба ваша была уже рѣшена, когда вы соглашались на побѣгъ со мною; что свѣча на окошкѣ вашемъ была только обманъ, чтобъ удержать меня въ саду, гдѣ были спрятаны солдаты. О! вы знали все, вы во всемъ участвовали противъ меня!..

— Это ложь, это гнусная ложь, клянусь вамъ!

— Не клянитесь; онъ самъ разсказалъ мнѣ все.

— Онъ? Ремонъ?

— Да; тотъ, за кого вы пришли просить меня, — меня, котораго вы оба обманули... Что вы скажете теперь, сударыня? Не то ли, что онъ способствовалъ моему побѣгу, тогда-какъ могъ выдать мою голову, и вы имѣли столько великодушія, чтобъ не обременить совѣсти своей моею смертью? Благодарю васъ, благодарю отъ всего сердца. Но жизнь, которую вы сохранили мнѣ, такъ горестна, что я не могу быть за нее признательнымъ.

— Вернонъ, выслушайте меня.

— Молчите, сударыня! вспомните, что вы передъ судьею своимъ. Не вамъ слѣдуетъ говорить, а мнѣ: я долженъ потребовать отъ васъ отчета въ моемъ погибшемъ счастіи и въ этихъ восьми годахъ, проведенныхъ мною въ стыдѣ и отчаяніи. Можетъ-быть, я вспомнилъ бы, что былъ нѣкогда другомъ мужа вашего и забылъ бы его вѣроломство, хорошо зная, что не любить васъ невозможно; но вы, вы должны были отвергнуть любовь его, вы были супругою моею передъ Богомъ... О! я ненавижу и презираю васъ!

— Боже! вскричала она, упавъ на колѣни: — Тебѣ извѣстно, что я страдала безъ ропота и переносила съ покорностію судьбу мою; заслуживаю ли я, чтобъ онъ презиралъ меня? Я хотѣла молчать, скрывая тайну сердца; я пришла сюда вооружась терпѣніемъ и силою, рѣшась обвинить самое-себя, чтобъ спасти того, кто оскорбляетъ меня... Но если добродѣтель супруги безполезна, если самоотверженіе ея представляютъ измѣною, то мнѣ должно говорить истину! Шарль! я любила только тебя, онъ знаетъ это, онъ, хвастающійся, что обладаетъ сердцемъ, которое никогда не принадлежало ему. Возврати ему свободу и богатство, Шарль, и онъ отдалъ бы и свободу и богатство, и самую жизнь свою, со всѣмъ ея блаженствомъ и удовольствіями — за это одно слово: «я люблю одного тебя»!

— Эмилія! что говоришь ты? О, нѣтъ! это невозможно... Говоря со мною, ты думаешь о немъ... Взгляни: передъ тобою Вернонъ!.. Вы ошибаетесь, сударыня... вы хотите опять обмануть меня.

— Да, тебя одного! продолжала она вставая.—Залогъ любви, который ты требовалъ отъ меня, еще сегодня утромъ былъ на груди моей. Ремонъ не зналъ, что ты подарилъ мнѣ это ожерелье; но когда, по несчастному случаю, оно попалось ему въ руки, онъ, конечно, увидѣлъ на немъ слѣды слезъ моихъ. Изъ всѣхъ пожертвованій, которыя небу угодно было возложить на меня, это было самое жестокое! но мнѣ должно было выполнить послѣдній священный долгъ; я сдѣлала изъ ожерелья такое пожертвованіе, какое сдѣлала бы изъ него покойная мать твоя. И ты повѣрилъ словамъ Ремона! Когда этотъ человѣкъ обвинилъ тебя въ невѣрности, мнѣ довольно было одного слова твоего, чтобъ забыть все и быть готовой бѣжать съ тобою. Въ условный часъ я пришла на мѣсто свиданія, звала тебя, ожидала съ нетерпѣніемъ, плакала, но въ это самое время онъ увлекалъ тебя изъ парка! Пришли солдаты, которые искали тебя по лѣсу, застали меня одну въ поздній часъ ночи, и одинъ изъ нихъ говорилъ даже, что нашелъ меня въ бесѣдкѣ съ мужчиною. Изумленіе, стыдъ, страхъ за свое доброе имя, за тебя, Шарль, особенно за тебя! все это смутило меня такъ, что я остолбенѣла, и не знала, что сказать. Меня спрашивали, но отвѣчать значило бы назвать тебя, и я молчала. Наконецъ явился Ремонъ и объявилъ, что былъ со мною, имѣя на то право, какъ женихъ мой. Могла ли я опровергать слова его? Привязанность его ко мнѣ извѣстна была цѣлому городу; я обезславила бы себя навѣки, еслибъ отказалась отъ руки его! Тебя не было со мною, чтобъ внушить мнѣ смѣлость снести позоръ; но я не знала еще тогда, кто написалъ письмо, въ которомъ тебя оклеветали, не знала, что Ремонъ былъ тебѣ другомъ; мнѣ извѣстно было только, что онъ помогъ тебѣ уйти и обмануть людей, посланныхъ искать тебя. О! не упрекай меня въ слабости, не завидуй Ремону въ его счастіи; скажи, вѣришь ли ты словамъ моимъ?

— Вѣрю, Эмилія, но долженъ бы умереть, не видавъ тебя. Ты любишь меня и принадлежишь другому... зачѣмъ открыла ты мнѣ истину? зачѣмъ не молчала и не оставила меня въ моемъ горькомъ заблужденіи? Много ночей провелъ я безъ сна, осыпая тебя проклятіями; много насчиталъ дней мрачныхъ и горестныхъ, но по-крайней-мѣрѣ тогда адская злоба наполняла глубокую пустоту сердца моего, а теперь, когда ты возвратила мнѣ любовь свою, мнѣ должно потерять тебя во второй разъ; это невыносимо! Нѣтъ, я не уступлю тебя опять. Теперь ты опять моя и будешь принадлежать мнѣ вѣчно... Эмилія, продолжалъ онъ:—мы любимъ другъ-друга какъ прежде... жилище это пусто и уединенно, садъ мраченъ, какъ аллеи

парка, изъ котораго ты хотѣла уйдти со мною, ночь темна, какъ та, въ которую ты лежала безъ чувствъ въ моихъ объятіяхъ; я видѣлъ на окнѣ твоемъ прежній сигналъ нашъ; вотъ море, вотъ корабль, корабль, который унесетъ насъ далеко отсюда... бѣги со мной, Эмилія! Я уже не изгнанникъ, я свободенъ, богатъ, люблю тебя... ты принадлежишь мнѣ прежде его, я хочу овладѣть опять моимъ сокровищемъ, котораго никто уже не отниметъ у меня. Пойдемъ, пойдемъ!

— О, не говори такъ, Вернонъ!

— Пойдемъ! цѣлый міръ открытъ для насъ. Тамъ, за моремъ, которое не оставитъ на себѣ слѣдовъ нашихъ, найдемъ мы убѣжище, гдѣ скроемъ любовь свою... Эмилія, отвѣчай мнѣ! скажи, что ты любишь меня. Зачѣмъ же ты хотѣла видѣть меня, если не хочешь бѣжать со мною?

— Я пришла потому-что ты все тотъ же Шарль, какъ прежде; потому-что ты уважишь супругу, какъ уважалъ неопытную молодую дѣвушку... я пришла, чтобъ подать тебѣ примѣръ прощенія.

— Я прощу? никогда! Ты не знаешь, что я перенесъ въ эти восемь лѣтъ!

— А развѣ ты думаешь, что я меньше страдала?.. Но ты могъ открыть сердце свое другу, а я... я должна была глотать свои слезы и носить на лицѣ вѣчную маску притворства; улыбаться, чтобъ успокоивать его, утѣшать его, когда онъ бывалъ мраченъ и унылъ, и безпрестанно обманывать и его и самое-себя. Вотъ жизнь моя въ теченіи восьми лѣтъ! ты говоришь, что проводилъ ночи безъ сна! а я развѣ смыкала глаза? развѣ не искала уединенія? не молилась за тебя, изливая душу мою передъ Богомъ, когда одинъ Богъ слышалъ мои стенанія? Но я все простила. Ремонъ—супругъ мой; прости ему также! пощади его!

— Нѣтъ.

— Онъ несчастенъ: онъ любитъ меня, а я не люблю его...

— Оставь меня!

— Прости его!

— Развѣ онъ можетъ принять отъ меня прощеніе? Я на его мѣстѣ не принялъ бы.

— Онъ никогда не узнаетъ, что мы видѣлись; но развѣ ты не былъ другомъ его, развѣ не можешь забыть обиды? Ты сядешь за этотъ столъ противъ меня, напишешь приказаніе возвратить ему свободу. И завтра поутру эта бумага будетъ отдана его сыну. Пусть вся честь этого великодушнаго поступка принадлежитъ одному тебѣ: я не хочу раздѣлять ее съ тобою. Но послѣ того, Вернонъ, ты долженъ удалиться изъ Марсели; ты знаешь, что намъ нельзя жить такъ близко другъ отъ друга.

— Эмилія!

— Я замужемъ и люблю тебя! Каждый годъ, въ это самое число, въ эти самые часы ночи буду я отворять окно мое, искать тебя глазами на томъ мѣстѣ, гдѣ видѣла въ этотъ вечеръ, говорить: «Шарль! «я люблю одного тебя». И этотъ чистый, таинственный бракъ душъ нашихъ соединитъ насъ навѣки!

Онъ безъ сопротивленія подошелъ съ нею къ столу.

— Пиши!

— Не могу!

— Милый другъ, попытайся простить! Прощеніе — добродѣтель душъ слабыхъ, какъ моя. Прости, Шарль, прости!

Онъ написалъ нѣсколько строкъ и подалъ ей. Прочитавъ ихъ, она сказала:

— Теперь долгъ мой выполненъ. Прощай, Вернонъ!

— Навсегда?

— Навсегда!

— Эмилія! одну минуту...

— Нѣтъ, нѣтъ! не слѣдуй за мной. Вспомни, что мы не видались, что любовь наша—тайна между нами и небомъ. Прощай. Я люблю тебя!

И она вышла посиѣшно изъ комнаты. Вернонъ не старался удерживать ее, не сказалъ ей даже ни слова. На разсвѣтѣ вышелъ онъ изъ дому и отправился къ пристани.

Поутру Ремонъ возвратился домой съ женою и Бернаромъ, который объявилъ приказаніе Вернона освободить его изъ тюрьмы, потому-что Фредерикъ отлучился изъ города. Просидѣвъ нѣсколько времени одинъ, Ремонъ позвалъ Эмилію, которая ужаснулась его страшной блѣдности. Онъ всталъ и подвелъ ее къ окну.

— Видишь ли ты, сказалъ онъ:—корабль, который снимается съ якоря? На немъ отъѣзжаетъ Вернонъ, оставляя навсегда Францію. Онъ мнѣ писалъ сегодня поутру... онъ хотѣлъ довершить свое великодушіе... и навсегда избавилъ меня отъ мученій ревности... Смотри, Эмилія! корабль отплываетъ отъ берега... Теперь я не боюсь, что онъ увлечетъ тебя... теперь я могу умереть...

— Умереть! вскричала Эмилія: — но ты шатаешься; голосъ твой слабѣетъ... Ремонъ! мнѣ страшно спросить тебя...

— Фредерикъ!.. говорилъ Ремонъ:—Фредерикъ!.. гдѣ мой сынъ? я желалъ бы обнять сына!

— Несчастный, что ты сдѣлалъ! Помогите, помогите!

— Не зови никого, Эмилія... теперь... ужь поздно... ядъ...

— Боже!

— Корабль... исчезъ... Прости, Вернонъ, прости!.. я оспоривалъ у тебя эту женщину до послѣдняго издыханія, и возвращаю ей свободу, когда она не можетъ уже быть твоею!

— Ремонъ!

— Онъ собралъ всѣ свои силы и, вставъ противъ нея, сказалъ страшнымъ голосомъ:

— Я велѣлъ Бернару присматривать за тобою; онъ вошелъ сюда вчера по слѣдамъ твоимъ, спрятался въ этой комнатѣ, видѣлъ и слышалъ все и пересказалъ мнѣ... Я не хотѣлъ жить за эту цѣну... Фредерикъ! сынъ мой!.. гдѣ ты?

— Вы звали меня, батюшка? вскричалъ молодой человѣкъ, вошедшій въ эту минуту въ комнату.

— Это ты, Фредерикъ?

— Не здѣсь думалъ я найдти васъ. Не зная, что надъ вами наконецъ сжалились, я дрался.

— Дрался?

— Да!.. не понимаю, для чего онъ не сказалъ мнѣ, что освободилъ васъ.

— О комъ говоришь ты!

— О Вернонѣ.

— Но онъ уѣхалъ.

— О, нѣтъ! я искалъ его, нашелъ, напомнилъ ему о его обѣщаніи, и мы дрались. Онъ упалъ, тяжело-раненый въ грудь и, можетъ-быть, уже умеръ.

— Умеръ!.. Фредерикъ! сынъ мой! ты отмстилъ за отца!.. я умираю... отъ этого человѣка...

Ремонъ страшно закричалъ, волосы поднялись на головѣ его, глаза остановились; онъ выскользнулъ изъ рукъ сына и упалъ бездыханенъ на полъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого происшествія, о которомъ узналъ весь городъ, госпожа Ремонъ получила письмо, заключавшее въ себѣ слѣдующія строки, написанныя дрожащею рукою:

«Жизнь безъ тебя была мнѣ невыносима; я согласился на поединокъ, отъ котораго могъ бы отказаться, и ни сколько не оборонялся, получилъ тяжелую рану, отъ которой бы умеръ, еслибъ не былъ спасенъ какимъ-то чудомъ. Эмилія! ты увидишь меня черезъ годъ.»

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ.

—

I.

. . . .
. . . .
. . . .

Въ концѣ аллеи павильйонъ
Виднѣлся ярко освѣщонъ,
И въ немъ мазурка раздавалась;
Толпа гостей туда стекалась,
Привычнымъ ухомъ уловивъ
Ея плѣнительный мотивъ.

Тамъ весь увѣшанъ орденами
Старикъ почтенный и сѣдой
Сидѣлъ въ одеждѣ парчевой
На креслѣ бархатномъ съ гербами.
Блестящимъ сонмомъ окружонъ
Знатнѣйшихъ пановъ и вельможей,
Съ улыбкой ласковою онъ
Смотрѣлъ на танцы молодёжи.
Къ нему приближилась княжна; —
Съ любовью дѣтскою она
Къ его плечу лицомъ склонилась;
Онъ что-то тихо ей сказалъ,
Ее въ чело поцаловалъ;
И вотъ она оборотилась,
На руку графа оперлась
И съ нимъ въ мазуркѣ понеслась.

Ревнивый шопотъ удивленья
И громкой лести и похвалъ
Ихъ каждый шагъ сопровождалъ:
«Графъ Станиславъ обвороженье!»
«Какъ хороша и какъ жива!»
Повсюду слышались слова.

Богатство, знатность Станислава,
Красивый станъ, веселость нрава —

Все паннамъ нравилося въ немъ;
Но, ограниченный умомъ,
Заносчивъ, гордъ, непостояненъ,
Храбрецъ лишь только на словахъ,
Теперь въ Людвигиныхъ глазахъ
Онъ былъ и мелоченъ и страненъ;
И въ чувство новое княжна
Была душой погружена...

Ея цвѣтущія ланиты,
Ея могущественный взглядъ,
Блестящій праздничный нарядъ,
И пышный локонъ, вкругъ обвитый
Восточнымъ крупнымъ жемчугомъ,
И тюникъ шитый серебромъ —
Все въ ней о счастьѣ говорило;
И ей ничто не измѣнило:
Ни скорбь во взорѣ, ни порывъ
Тоски, любви, негодованья.
Она таитъ свои терзанья,
Ихъ твердой волѣ покоривъ...

II.

Письмо Людвиги къ Розѣ.

...Давно разстались мы съ тобой;
Въ бесѣдѣ искренней, живой,
Давно я чувствъ не изливала,
И съ милой Розой потеряла
Участья слово, дружбы взоръ.
—Какъ съ нами въ Вильнѣ ты простилась,
Тебѣ извѣстно, что съ-тѣхъ-поръ
Съ твоей Людвигою случилось:
Невѣста я.—Твой приговоръ
Пристрастьемъ дружбы не смягчая,
Скажи—безумная была я:
Безъ размышленій, безъ страстей,
Такъ необдуманно, невольно,
Дала обѣтъ я добровольный.
Явился графъ,—въ немного дней
Его узнать я не старалась;
Признаться ль?—Я и не боялась
Въ немъ ошибиться; и душой
Свободная, не постигая,
Какъ много чувствовать могла я,
Гордилась сердца тишиной...

Теперь же, Роза, ангелъ милый!
Прійди сюда на краткій мигъ;
Твоя душа волшебной силой
Утонетъ въ звукахъ неземныхъ.

Въ небесномъ, сладкомъ упоеньи,
Какъ я, въ безмолвномъ наступленьи,
Пріиди — и слушай здѣсь со мной;
И если сердце съ быстротой
Въ твоей груди не разобьётся,
И чувство лавой огневой
Въ потокахъ слезъ не изольётся,
И ты не будешь съ новымъ днёмъ
Жить ускореннымъ бытіёмъ,
Дышать удвоеннымъ дыханьемъ,
И жертвой тайнаго страданья
Въ тоскѣ любви изнемогать, —
Рѣзва, какъ прежде и спокойна, —
Нѣтъ, Роза, нѣтъ, ты недостойна
Ни жить, ни мыслить, ни дышать.

. . . .

. . . .

. . . О небѣ томъ, о той странѣ,
Когда-то въ дѣтствѣ снилось мнѣ;
Но чаще я объ ней мечтала,
Вступая въ свѣтъ. Чуждалась я
Того, что́ встрѣтила; меня
Здѣсь все невольно удивляло:
Какъ часто лепетъ нѣмыхъ словъ,
Любви нескромныя признанья,
Восторги, клятвы, обожанья —
Здѣсь жатва бальныхъ вечеровъ!
Здѣсь мысль необщая пугаетъ,
А кто безсуетной душой
Вознесся смѣло надъ толпой,
Тѣхъ свѣтъ и гонитъ и караетъ.

И въ этой безднѣ пустоты
Терялись думы и мечты;
Но что́ давно душа таила
О чемъ страдала, что́ любила —
Все пѣснь Италіи моей
Завѣтно высказала ей...

А *онѣ?* Но что́ языкъ нашъ бѣдный,
Что́ я могу о *нихъ* сказать? —
Перо безсильно, краски блѣдны..
О, Роза! мой удѣлъ страдать
Безмолвно... жаркими слезами
Все смыто здѣсь... Но ты прочтешь,
Ты сердца исповѣдь поймешь
Съ ея несвязными рѣчами...

Н. ТЕПЛОВА.

22 іюля 1842 года.
Серпуховъ.

ОХЪ, ФРАНЦУЗЫ!

НАБОРНАЯ ПОВѢСТЬ ИЗЪ БЫЛЕЙ,

ПО-РУССКИ ПИСАННАЯ.

—

Примѣчаніе. Авторъ этой повѣсти—*графъ Өедоръ Васильевичъ Растопчинъ*—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ лицъ въ народной войнѣ 1812 года. Шестнадцать лѣтъ прошло съ кончины его, и до-сихъ-поръ еще мы не имѣемъ полной его біографіи. А между-тѣмъ, графъ Растопчинъ вполнѣ заслуживаетъ почетное мѣсто въ ряду героевъ незабвенной эпохи. Современники помнятъ, какое живое участіе принималъ онъ въ освобожденіи Москвы и какъ могущественно дѣйствовалъ вліяніемъ своимъ на народъ, вооружая его противъ враговъ иноплеменныхъ. Въ виду самыхъ непріятелей, онъ хладнокровно распоряжался ввѣренною ему столицею. Наполеонъ былъ уже на Поклонной-Горѣ, а въ многолюдной Москвѣ царствовали тишина и безопасность, стрегомыя ея градоначальникомъ. Растопчинъ ободрялъ дворянство, наблюдалъ за чернью, посѣщалъ раненыхъ, пекся о спокойствіи каждаго и о безопасности всѣхъ. Неутомимая дѣятельность и истинно-русская сметливость Растопчина тотчасъ были замѣчены Благословеннымъ вождемъ священной брани. Императоръ Александръ, довольный мѣрами, принятыми Растопчинымъ къ поддержанію порядка и вполнѣ полагаясь на твердость его въ столь смутное время, пожаловалъ ему эполеты съ своимъ шифромъ, сказавъ: «Я самъ теперь у тебя на плечахъ». И дѣйствительно, твердость, опытность и благоразуміе Растопчина спасли Москву не только отъ мятежа, во время сдачи ея, но и отъ малѣйшаго безпорядка. Во все время пребыванія Наполеона въ Москвѣ, Растопчинъ всячески затруднялъ продовольствіе войскъ французскихъ, отрѣзывая имъ подвозъ провіанта. Обладая необыкновеннымъ даромъ говорить всякому языкомъ наиболѣе-понятнымъ, онъ особенно умѣлъ объясняться съ русскими мужичками; печатныя афиши его, написанныя языкомъ простымъ, но сильнымъ, убѣдительнымъ, приводили въ сильное движеніе подмосковныхъ крестьянъ, которые прятали женъ, дѣтей и имущество свое въ глубины лѣсовъ и зарывали въ землю, а сами, вооружась какъ могли и чѣмъ-нипопало, убивали всюду не только мародёровъ, но даже цѣлые непріятельскіе отряды. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что около 30,000 Французовъ

было побито въ самой Москвѣ и въ окрестностяхъ ея въ теченіе шести недѣль одними поселянами и обывателями, которые возбуждены были противъ враговъ прокламаціями Растопчина. Этого мало: подкрѣпляя убѣжденія примѣромъ, Растопчинъ самъ зажегъ великолѣпный домъ свой въ селѣ Вороновѣ, который Наполеономъ былъ избранъ для главной квартиры. Извѣстна французская надпись, прибитая имъ къ воротамъ, когда онъ выѣхалъ изъ объятаго пламенемъ дома: «Восемь лѣтъ украшалъ я «это село; восемь лѣтъ въ нѣдрахъ семейства моего жилъ я счастливо «подъ покровомъ отеческаго правленія Императора Александра. Поселя- «не этой деревни удаляются отъ васъ, а я зажигаю мой домъ, чтобы онъ «не осквернился вашимъ присутствіемъ. Въ Москвѣ оставилъ я вамъ въ «добычу два дома съ имуществомъ въ нихъ на полмильйона; здѣсь най- «дете вы одинъ пепелъ!» Надпись эта переведена была на всѣ языки и въ цѣлой Европѣ читалась тогда съ восхищеніемъ. Наконецъ, самый пожаръ Москвы, — теперь можно уже говорить объ этомъ не съ боязнію стыда, но съ гордостію, — самый пожаръ Москвы, въ которомъ погасла звѣзда наполеонова, былъ безсмертнымъ дѣломъ Растопчина. Конечно, будучи въ Парижѣ, графъ Растопчинъ издалъ брошюру подъ заглавіемъ: «La vérité sur l'incendie de Moscou», въ которой онъ уклоняется отъ славы, будто-бы имъ незаслуженной, приписывая пожаръ Москвы Французамъ. Не станемъ разъискивать истины, но на такое отреченіе можно сказать только, что во время изданія брошюры еще не зажили раны, нанесенныя Москвѣ этимъ достославнымъ пожаромъ, и что если мужественная рѣшимость въ бѣдственныхъ обстоятельствахъ можетъ доставить славу, то еще славнѣе уклоняться отъ похвалъ. — Пожаръ московскій положилъ начало освобожденію Москвы и Россіи. Растопчинъ, тотчасъ по выступленіи непріятелей изъ столицы, явился въ подорванномъ Кремлѣ и, окруженный еще дымящимися развалинами, принялся за возстановленіе Москвы. Въ короткое время все приняло въ ней совершенно-другой видъ: церкви вновь освятились, погорѣлые получили пристанища, бѣдные пищу, раненые надзоръ, больные пользованіе; городъ очистился отъ безчисленнаго множества мертвыхъ тѣлъ и лошадей, наполнявшихъ улицы, подвалы и колодези; присутственныя мѣста, почты и всѣ части государственнаго управленія приведены въ прежнее устройство; отовсюду стекались обозы со всѣми жизненными потребностями; словомъ, Москва быстро начала возникать изъ своего пепла... Въ 1814-мъ году Растопчинъ дожилъ до счастія — получить вѣсть о вступленіи Русскихъ въ Парижъ и праздновалъ это событіе торжествомъ великолѣпнымъ и оригинальнымъ. Въ 1815 году, по разстроенному здоровью онъ вышелъ въ отставку и, осыпанный милостями Императора Александра, уѣхалъ въ чужіе краи, гдѣ имя его давно уже было громко. Пріемы, сдѣланные ему королями прусскимъ и англійскимъ, доказывали то уваженіе, которымъ онъ пользовался у союзниковъ своего монарха. Пробывъ восемь лѣтъ за границею, онъ, въ 1823 году, возвратился въ Москву, и умеръ тамъ 18 января 1826 года, на 61-мъ году своей жизни, не проживъ и двухъ мѣсяцевъ по кончинѣ своего государя и благодѣтеля.

Графъ Растопчинъ, коротко-знакомый съ произведеніями литературъ англійской, итальянской, нѣмецкой, и преимущественно, французской, принадлежитъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. Онъ самъ писалъ очень-много и преимущественно комедіи, исполненныя, говорятъ, остротъ, юмора и оригинальности; но, по прочтеніи этихъ коме-

дій въ небольшомъ избранномъ своемъ обществѣ, онъ тотчасъ сжигалъ ихъ; одна комедія «Живой Мертвецъ» была представлена на театрѣ. Въ печати извѣстны только его «Мысли вслухъ на Красномъ Крыльцѣ», афиши 1812 года и «Правда о Пожарѣ Московскомъ». Послѣ него осталось нѣсколько рукописей, и между прочими разныя «Записки», касающіяся до него лично, или до другихъ важныхъ происшествій, которыхъ онъ былъ очевидцемъ свидѣтелемъ. Эти записки, разумѣется, не могутъ еще быть переданы печати.

Предлагаемая здѣсь повѣсть, нигдѣ доселѣ ненапечатанная, найдена также между бумагами графа Ѳ. В. Растопчина и доставлена намъ его наслѣдникомъ. Она вся писана рукою покойнаго графа, но не извѣстно гдѣ — въ Россіи, или во время пребыванія его за границею. Повѣсть эта отъ начала до конца проникнута оригинальнымъ характеромъ ея славнаго автора. Каждая страница запечатлѣна тѣмъ же умомъ тонкимъ, острымъ, опытнымъ; вездѣ тотъ же язвительный сарказмъ, дышащій ненавистью къ Французамъ, — плодомъ глубокаго убѣжденія, что мы были бы лучше и не навлекли бы на себя бѣды, еслибъ болѣе чуждались всего иноземнаго: — убѣжденіе, понятное въ человѣкѣ, видѣвшемъ своими глазами бѣдствія, наносимыя игомъ иноплеменнымъ, и долженствовшемъ, по благородному патріотическому увлеченію, бороться съ утѣснителями: наконецъ, тотъ же неподражаемый, своеобразный, но въ высшей степени выразительный языкъ, которымъ умѣлъ такъ сильно владѣть только Растопчинъ, — все то же въ этой повѣсти, что̀ восхищало современниковъ и въ «Мысляхъ вслухъ на Красномъ Крыльцѣ», и въ незабвенныхъ «афишахъ».

Время, исцѣляющее раны, потушаетъ и ненависть народную. Тридцать лѣтъ уже прошло съ той эпохи, когда мы видѣли въ иноземцахъ только губителей нашей свободы и спокойствія, и за этимъ образомъ не хотѣли видѣть ничего болѣе. Тридцать лѣтъ мира и тишины перемѣнили отношенія, сблизили новыя поколѣнія въ интересахъ науки, искусства, блага общественнаго, заставивъ позабыть старинную вражду и причиненныя ею бѣдствія. Мы уже не тѣ, что̀ были въ 1812 году. Мы уже видѣли могилу того, кого такъ ненавидѣли въ то время; мы уже вѣруемъ съ поэтомъ, что надъ этой «великолѣпной могилой горитъ лучъ безсмертія» и признаёмъ въ немъ великаго исполнителя судебъ Божіихъ; мы позабыли непріязнь и къ народу его, теперь намъ дружественному, тогда столь враждебному... Все измѣнилось, — но тѣмъ не менѣе мы съ особеннымъ любопытствомъ читаемъ эту повѣсть, такъ рѣзко запечатлѣнную духомъ той великой эпохи. Это голосъ Россіи 1812 года, звучащій намъ въ устахъ одного изъ знаменитѣйшихъ ея представителей. *Ред.*

Глава I. — Поднесеніе.

Сочинитель просто одѣтый, съ кроткимъ видомъ, съ книжкою въ рукѣ, подходитъ къ лицу, или къ особѣ, и говоритъ: «Позвольте, ваше сіятельство, — или ваше превосходительство, — или просто сударь, или сударыня, — поднести вамъ мое сочиненіе. Вы Русскіе, я Русскій. Многіе лекаря лечатъ не учась отъ всѣхъ болѣзней. Ну, и

я сдѣлался глазнымъ лекаремъ. Хочу снимать катаракты, и если не вылечу, то по-крайней-мѣрѣ не ослѣплю никого.»

За симъ привѣтствіемъ, сочинитель два поклона, потомъ изъ одной горницы въ другую, изъ передней въ сѣни, изъ сѣней на улицу, да и былъ таковъ.

Кто онъ?—никто не знаетъ. Гдѣ живетъ?—Господь вѣдаетъ
Ну, чортъ съ нимъ!

Глава II. — Возраженіе.

Зачѣмъ сочинителю таскаться по домамъ и подносить всѣмъ безъ разбора книгу, которую не всѣ читать будутъ, отъ которой пользы мало, за которую станутъ ругать, которая больше брань, чѣмъ поученіе, и о которой вотъ что заговорятъ:

— Какой вздоръ написанъ!
— Дурное подражаніе Тристрама Шанди.
— Авторъ видно стряпчій за бороды.
— Какой-нибудь бродяга!
— Либо голодный студентъ!
— Кто жь его послушаетъ?
— Вѣрно сердитъ, за то, что самъ не ученъ по-французски.
— Либо нé на что нанять учителя.
— Выскочка! плетью обуха не перебьешь.
— Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.
— C'est un fou!
— Un enragé!
— Un démoniaque!
— Un barbare!
— Un pédant ridicule!
— Un homme à jeter par les fenêtres.

Ну, да если послѣ всѣхъ этихъ восклицаній, брани, пословицъ, французскихъ пустыхъ словъ, послѣ того, что меня въ иномъ домѣ не пустятъ, въ другомъ насмѣются, въ третьемъ обидятъ холопы, въ четвертомъ обольютъ горячимъ, въ пятомъ потравятъ собаками, въ шестомъ, въ седьмомъ сочтутъ за сумасшедшаго,—ну, да если наконецъ хоть одинъ отецъ, хоть одна мать, сберегутъ дѣтей отъ разврата, то я и доволенъ и счастливъ. Сяду въ креслы, посмотрю съ удовольствіемъ на свою чернильницу, потру лобъ, и скажу: «Доброе дѣло! Велика милость Господня!»

Глава III.—Кому подносится книга.

Всѣмъ отцамъ, матерямъ, вдовымъ и вдовамъ, коихъ Богъ благословилъ дѣтьми.

Всѣмъ женатымъ и за-мужемъ безъ дѣтей, не старѣ сорока лѣтъ.

Всѣмъ холостымъ мужчинамъ до пятидесяти-пяти лѣтъ.

Всѣмъ дѣвушкамъ до тридцати лѣтъ.

Разумѣется, благороднымъ, по той причинѣ, что сіе почтенное сословіе есть подпора престола, защита отечества, и должно предпочтительно быть предохранено. Купцы же и крестьяне хотя подвержены всѣмъ извѣстнымъ болѣзнямъ кромѣ нервовъ, и меланхоліи, но еще отъ иноземства кой-какъ отбиваются, и сія летучая зараза къ нимъ не пристаетъ. Они и до-сихъ-поръ Французовъ называютъ Нѣмцами, вино ихъ—церковнымъ.

Одинъ ученый и умный духовный, разговаривая со мною о богатствѣ и силѣ россійскаго слова, сказалъ: «Нашъ языкъ такъ изобиленъ и столь краснорѣчивъ, что мало его хорошо знаютъ и отъ сего мало хорошо говорятъ, а еще меньше хорошо пишутъ.»

Сущая истина!

А все-таки пишутъ да пишутъ, говорятъ да говорятъ: всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ, и я пляшу, и мы пляшемъ, и они пляшутъ.

Глава IV.—Что за названіе?

Да вѣдь надобно какъ-нибудь назвать книгу! Если кто ее читать станетъ со вниманіемъ, тотъ вѣрно до конца нѣсколько разъ вздохнувъ скажетъ: о, Французы! а кто пробѣжитъ на́-скоро, тотъ на концѣ увидитъ: о, Французы! И моя книга съ головы до ногъ одинакова.

Но если вамъ хочется правильнаго доказательства по грамматикѣ, извольте! Вотъ задача:

Склоняйте Французовъ:

Именительный. Французы—много зла надѣлали.

Родительный. Отъ Французовъ—много зла вышло.

Дательный. Французамъ—ничего святаго нѣтъ.

Винительный. Французы—на все готовы.

Восклицательный. О, французы!

Вотъ и названіе книги! Оно, право, не меньше прилично, чѣмъ минутное заблужденіе, тысяча и одна глупость, несчастное ослѣпленіе, пагубный предразсудокъ, и проч. Если жь названіе моей книги все-таки вамъ не нравится, я перемѣню. Только прочтите ее, и подумайте, пожалуйста.

Глава V.—Откуда берется.

Когда стали перебирать Французовъ, и думали, что ихъ вышлютъ всѣхъ за границу, тогда я у одного богатаго русскаго купца въ бородѣ, который держитъ всѣ посты, ходитъ по субботамъ въ торго-

вую баню, и выпиваетъ по три самовара въ день чаю, боится смертнаго часа, бывъ истиннымъ христіаниномъ, спросилъ: радъ ли, что Французы выѣзжаютъ? А онъ отвѣчалъ: да какъ не радоваться! и клопы иное-мѣсто одолѣютъ, такъ не знаешь что̀ дѣлать, не только что Французы.

Глава VI.—Не взыщите!

Можетъ-быть, въ этой книжкѣ кто-нибудь изъ читателей и найдетъ что-нибудь на себя похожее, или приключеніе, или имя, или рѣчь, съ натуры списанное, то я при началѣ всѣхъ прошу на свой счетъ ничего не принимать, и увѣряю честнымъ словомъ, что я не живописецъ, не ругатель, не вѣстовщикъ, не трещотка, и сору изъ угловъ не выношу, хотя до чистоты охотникъ. Но мало ли чего похожаго на свѣтѣ? Кажется, всѣ люди на одинъ покрой; но сила не въ томъ, что носъ покороче, или подлиннѣй, ростомъ выше, или ниже, тяжеле или легче. Это наружность, а внутренность, кажется, у всѣхъ одна, сердце на лѣвомъ боку, легкое на правомъ, желудокъ по-середкѣ, и хоть кажется все на мѣстѣ, и все въ порядкѣ, — ну, а какъ станетъ мозгъ дѣйствовать, то и толку не найдешь! Великъ ли человѣкъ, а что въ немъ помѣщается? Невѣроятно! полкъ страстей, корпусъ слабостей, армія вздора, и мѣста нѣтъ добродѣтелямъ. Сидятъ голубушки въ уголку, да стонутъ, совсѣмъ въ загонѣ; дѣла не дѣлаютъ, а отъ дѣла не бѣгаютъ, точно какъ при герольдіи.

Глава VII.—Лѣнь.

Вотъ ужь десть бумаги измаралъ, а исторіи еще начала нѣтъ. Знаю, что писать надобно, и время есть, и фасада и расположеніе, и входы, и выходы, и проходы, все готово. Что жь не начинаю? Охъ, батюшки, матушки! вить я человѣкъ,—лѣнь. Пожалуйста, не браните; ей-Богу напишу исторію. Хороша ли будетъ, или нѣтъ, самъ не знаю—это ваше дѣло судить. Но въ моей исторіи все есть: изобиліе и богатство рѣдкое, людей куча, и Москва и Петербургъ, вся почти Европа, и крестины, слѣдственно и родины. Приключенія, диковинки, свадьбы, побѣги, похищенія, смерти; только нѣтъ погребеній. Но если кто изъ охотниковъ потребуетъ, то я тотчасъ чорный листъ привяжу къ книгѣ. Пусть самъ распоряжаетъ церемоніей. Трудно на землѣ управляться съ живыми людьми, а въ землю ихъ прятать бездѣлица. Чѣмъ знатнѣй, тѣмъ скорѣй. Порядокъ одинъ: напереди пѣвчіе поютъ, тамъ духовенство идетъ, потомъ тѣло везутъ за нимъ родня въ маскахъ, постарѣе пѣшками, помоложе въ

каретахъ; холопи, пьяные въ слезахъ, трезвые только-что не пляшутъ; а наконецъ народъ, сперва кланяется покойнику, потомъ говоритъ «смотрѣть нѣчего», а тамъ бранитъ, а все смотритъ: на то глаза!

Но рѣдко кто, видя мертваго, о смерти своей самъ подумаетъ, и хоть старѣе и слабѣе тащимаго покойника, но мнитъ, что самъ безсмертный, отъ-того что умереть никому не хочется. Сколькихъ захватила смерть безъ покаянія, въ развратѣ, въ тяжкихъ грѣхахъ, и тутъ, вмѣсто того, чтобъ употребить послѣдніе дни, часы, минуты на полезное, подумать о душѣ, о ближнихъ, всѣ мы почти сѣтуемъ, всѣ говоримъ: ахъ, кабы зналъ! можно ли было ожидать! батюшки, попа! отцы мои, доктора! голубчики, бумаги! сударики, спасите! пустите кровь! пропустите шалфейцу! припустите піявокъ! впустите ромашки! трите бокъ! виски! ноги! ай! ай! ай! плохо! ой! ой! ой! бѣда . . . . , ... , ...
. . . . , ... , ...
. . . . ! . . . . . ! . . . . . ? . . . ? . . . ?
. , ! , ? , ! , ? ? ? ? , , , , ... ! ! !

Но, часъ ударитъ! смерть махнетъ, — и всему конецъ.

Иной умираетъ безъ исповѣди, другой въ долгу, третій въ ссорѣ, четвертый въ развратѣ. Рѣдкій заслужилъ живой хорошее имя, едва изъ тысячи одинъ оставитъ добрую память...

Страшно!

Умереть не хочется, а книгу писать надобно.

Такъ и быть!

Глава VIII. — Необходимо.

Всегда, когда разсказываютъ въ обществѣ примѣчательное о комъ-нибудь, то мы, если тотъ, о комъ рѣчь, намъ неизвѣстенъ, распрашиваемъ обыкновенно меньше о нравственности, о дарованіяхъ и о дѣлахъ его, чѣмъ о примѣтахъ, и такъ подробно, какъ-будто-бы въ полиціи заявить надобно о побѣгѣ: великъ ли ростомъ? каковъ лицомъ? какое платье? и, по мѣрѣ красоты, лѣтъ и росту, усиливается или ослабѣваетъ участіе, радость, вниманіе и сожалѣніе. Бѣда старикамъ и старухамъ, хромымъ, кривымъ, горбатымъ, заикамъ или безобразнымъ! Пропали они! ужь никто не пожалѣетъ. А у всѣхъ на языкѣ: туда ему и дорога. Всему есть время и предѣлъ; но добродѣтель, великія дѣла, отличныя дарованія и важныя заслуги, должны-бы по справедливости оставлять память вѣчную. Да память-то на доброе у людей коротка, и большая часть, зная, что объ нихъ самихъ помнить нѣчего, не хотятъ и сами помнить о тѣхъ, кои переживаютъ смерть, доставъ себѣ мѣсто въ исторіи, въ почтенномъ

кругу, въ честной семьѣ; для этого-то я и опишу подробно своихъ актёровъ, изъ коихъ два человѣка рѣдкіе, нѣсколько изрядныхъ, а прочіе дрянь; однако жь, они въ дѣйствіи. Иначе нельзя. Пороки для добродѣтелей столько же нужны, какъ тѣнь для живописи, или черная фольга для брильянта. Если бъ дурныхъ людей не было, то бы не замѣчали и хорошихъ; однихъ больше, другихъ меньше. Ну, да и свѣтъ великъ! всѣмъ есть мѣсто, и дѣло. Вездѣ люди, и на землѣ, и въ землѣ, и на водахъ, даже и по воздуху летаютъ... Вотъ куда залетѣлъ! по просту—заврался.

Не въ первый разъ и не въ послѣдній, было бы извѣстно.

Глава IX. — Позвольте представить: это Лука Андреичъ Кремневъ.

Сей почтенный человѣкъ, отецъ, мужъ, Россіянинъ рѣдкій, родился въ 1739 году, въ одной изъ тѣхъ изобильныхъ губерній, гдѣ круглый годъ никто ни въ чемъ не знаетъ нужды. Родители его, старинные дворяне, были люди богатые и въ большемъ уваженіи. Воспитаніе дали дѣтямъ хорошее, укрѣпили тѣло, поселили въ душѣ страхъ Божій, любовь къ отечеству, почтеніе къ государю, уваженіе къ начальству и состраданіе къ ближнему. Отецъ Луки Андреича, Андрей Богдановичъ, жилъ 82 года и умеръ горячкою, простудясь зимою на пожарѣ въ чужой деревнѣ. Его тутъ уговаривали, чтобъ себя поберегъ, но онъ отвѣчалъ: «чего себя беречь, когда люди погибаютъ».

Глава X.—Приказанія отца при смерти.

Когда Андрей Богданычъ почувствовалъ, что трудно боленъ, то исполнилъ долгъ христіанскій, съ смиреннымъ сердцемъ, съ добрымъ духомъ, въ чистой памяти и съ незазрѣнною совѣстію. Лекарства принимать не хотѣлъ, говоря: «умирать время, а лечиться поздно». Призвалъ сыновей, и говорилъ большому: «Слушай, другъ мой, Николай! Тебѣ двадцать-шесть лѣтъ и ты своимъ умомъ жить можешь, а братъ еще молодъ; мать ваша не долго съ вами останется: она за мной въ гробъ пойдетъ,—такъ будь ты брату отцомъ, поставь его на ноги, правь имѣніемъ и не плошай. Я вамъ оставляю имя честное и кусокъ хлѣба. Что мнѣ больше вамъ приказывать? Молитесь Богу и наблюдайте заповѣди Его. Жизнь ваша будетъ честна и конецъ христіанскій.» Потомъ благословилъ дѣтей, каждаго образомъ, обнялъ вздохнувъ жену, простился съ людьми, попросилъ священника, чтобъ читалъ отходную, и отошелъ къ подателю всѣхъ благъ. Домъ, село наполнились воплемъ и слышны были одни слова: «не стало отца нашего Андрея Богданыча.»

Вотъ его надгробная!

Глава XI. — Настасья Матвѣевна.

Сія достойная жена предостойнаго мужа, жила съ нимъ въ союзѣ, то-есть въ счастьѣ, пятьдесятъ-два года. Любила мужа, дѣтей и молилась за нихъ Богу. Она была барыня, мать, жена, другъ, совѣтникъ, наставникъ, хозяйка, няня, мама и сущая христіанка. Видя опасность мужа, испугалась, упала духомъ и, истощивъ силы, не давая себѣ ни днемъ, ни ночью покоя, должна была лечь, и легла въ одной горницѣ съ умирающимъ мужемъ. Когда же онъ скончался, то она приказала снять съ него золотой крестъ съ мощами, надѣла на себя и стала сама готовиться къ смерти. Ни слезы дѣтей, ни родныхъ, ни людей, ни увѣщанія умнаго и почтеннаго священника, ничто не могло влить каплю отрады въ душу ея, погруженную въ тяжкую печаль. Она не вздыхала, не стонала и не плакала, но гасла три дни; занималась дѣтьми, учила ихъ доброму, приказывала чтить память отца, и, отдавъ большому сыну обручальное свое кольцо, сказала: «Когда Богъ сочетаетъ васъ, вотъ мое кольцо на счастье, да будетъ благословеніе мое надъ вами и надъ дѣтьми вашими. Простите. Богъ съ вами. Онъ милосердіе свое являетъ надо мною грѣшною и не оставляетъ меня одну въ мірѣ». За симъ, она посмотрѣла нѣжно на сыновей своихъ, положила имъ руку на голову, взвела взглядъ къ небу, произнесла «Вѣрую во единаго», но силъ не стало, свѣтъ помутился въ глазахъ ея, и она заснула вѣчнымъ сномъ.

Дѣти стояли на колѣняхъ подъ рукою матери, наконецъ взглянули и увидѣли, что они сироты.

Чрезъ два дня, однѣ дроги отвезли оба гроба въ церковь; въ одно время погребены мужъ и жена единодушные; одна могила сокрыла тѣла ихъ. Вѣчная вамъ память, благословенная чета!

Глава XII. — Николай Андреичъ —

по завѣщанію отца, заступилъ его мѣсто и хранилъ свято волю его. Недреманнымъ окомъ смотрѣлъ за братомъ и за имѣніемъ, записалъ его въ службу, снабжалъ всѣмъ, и когда, послѣ полученной раны, братъ принужденъ былъ оставить службу, то онъ уговаривалъ его жениться, имѣнія дѣлить не хотѣлъ, говоря: «Я нездоровъ, умру холостымъ, все достанется тебѣ, или дѣтямъ твоимъ. У насъ все общее, а ты управителя лучше и честнѣй меня не найдешь». Для сего, послѣ кончины родителей, пошолъ въ отставку. Но случась на Волгѣ въ своихъ деревняхъ, во время разбоевъ Пугачева, остановился въ одномъ маленькомъ городкѣ, гдѣ не было начальника и все было въ тревогѣ. Онъ пришелъ на площадь и сказалъ народу: «Злодѣй идетъ васъ грабить и губить. У васъ и ружья, и порохъ, и руки

есть, а нѣтъ командира. Я майоръ, радъ служить и умереть съ вами». — Намъ то и надо! закричала чернь. Николай Андреичъ сколько могъ и успѣлъ, учредилъ все. Чрезъ два дня пришелъ Пугачевъ, сталъ брать городъ. Защищать нѣкому. Смѣлые бросились въ окопъ съ храбрымъ начальникомъ, разстрѣляли весь порохъ, большая часть легла на мѣстѣ, остальные сдались, а Николая Андреича смертельно раненаго привели къ злодѣю. Онъ ему предложилъ присягу, или смерть, и вотъ какой получилъ отвѣтъ отъ достойнаго сына Андрея Богданыча: «Я дворянинъ Кремневъ, майоръ, и присягалъ въ вѣрности Великой Екатеринѣ. Кàкъ ты злодѣй смѣешь думать, чтобъ я осрамилъ себя и весь родъ мой измѣною? Конецъ—минута, позоръ—вѣчность. Спѣши казнить, или я умру своею смертію».

Злодѣй и толпа, его окружающая, разъяренная сею рѣчью, кою они постигать не могли, но слышали, бросились на него и изрубили его въ мелкія части. Палъ герой! Злодѣй пролилъ кровь драгоцѣнную, но она подъ нимъ текла рѣками.

Глава XIII. — Смѣшной вопросъ.

Полно правда ли? не-ужь-ли въ-самомъ-дѣлѣ былъ майоръ Кремневъ съ такимъ большимъ духомъ?

Вотъ тутъ меня и броситъ въ жаръ: одна щека покраснѣетъ, другая поблѣднѣетъ, губы затрясутся, глаза заморгаютъ, руки сведетъ въ кулаки, и я, заикаясь, стану проповѣдывать.

Развѣ я виноватъ, что вы ничего не знаете и знать о своей землѣ не хотите; чтò говорятъ о ней того не слышите, а чтò услышите, то забудете. Стыдно! непростительно! Да вы въ состояніи иные и тому дивиться, что Николай Андреичъ такъ говорилъ и такъ умеръ, а что онъ былъ? Дворянинъ, майоръ и сынъ Андрея Богданыча. Отцы ваши, дѣды и прадѣды этому бы не дивились; отцы бы сказали «спасибо», дѣды: «не диковина», прадѣды: «нашего поля ягода».

А вы говорите: «полно правда ли?» Да полно слыхали ли вы, что сдѣлалъ..... (*) при Дмитріи Самозванцѣ. Исповѣдался, причастился и пришолъ ему доказывать при всѣхъ, что онъ не царь, а Гришка разстрига. Тутъ его и изрубили.

А бомбардиръ, который попался къ Пугачеву и, нарочно привелъ разбойниковъ ночью на баттарею, закричалъ своимъ: «стрѣляйте, ребята, вотъ измѣнники!» и былъ убитъ съ ними?

Знайте, что геройству, вѣрности, государю и отечеству, великодушію и безкорыстію Русскихъ нѣтъ конца, и для того прежде сихъ никто не хвасталъ, что было не въ диковину. Гдѣ былъ Пожарскій, Мининъ и Еропкинъ?

(*) Пропускъ въ рукописи графа Ѳ. В. Растопчина.

Еще вотъ новая бѣда: тѣ, кои мало знаютъ, или вовсе не знаютъ знаменитыхъ своихъ соотчичей, а наизустъ вытвердили анекдоты французской монархіи отъ Фарамонда до Лудовика XVI-го, тѣ вѣрно всѣ помнятъ исторію сержанта Жилета и капитана д'Ассаса, *для того*, что они Французы, что учители про нихъ твердили, и что ихъ портреты вездѣ. Жилетовъ и я помню видѣлъ въ Замогорьѣ и въ Кременчугѣ въ трактирахъ. Цѣна имъ я думаю 10 копеекъ, да и дѣло бездѣльное. Жилетъ, инвалидный сержантъ, шелъ подлѣ лѣсу, кричатъ разбой, онъ на шумъ—видитъ двухъ воровъ, дѣвку привязанную къ дереву. Жилетъ одного вора ранилъ, другой ушолъ, дѣвку отвязалъ, отвелъ домой, исторію огласили, портретъ списали, награвировали, собрали денегъ, въ театрѣ надѣли лавровый вѣнокъ и, вмѣсто Жилета-просто, стали звать — храбрый Жилетъ. А д'Ассасъ, въ семилѣтнюю войну, пошолъ ночью дозоромъ по лѣсу, шолъ впереди. Его остановили прусскіе греңадеры и сказали: «Молчи, или смерть!» Д'Ассасъ вскрикнулъ: «Ко мнѣ, овернскіе! вотъ непріятели!» (à moi d'Auvergne! voilà les ennemis!), и д'Ассаса награвировали, но онъ дорогъ и въ трактирахъ его нѣтъ, а находится въ домахъ, гдѣ жалуютъ эстампы.

Къ стыду общему, у насъ, можетъ-быть, есть и не одинъ такой, который, смотря на д'Ассаса и на Жилета, воспламеняется духомъ, завидуетъ Французамъ и не въ первый разъ жалѣетъ, что и самъ не Французъ. Закричи: «A moi mes amis!» онъ радъ въ окно выпрыгнуть. Зареви: «нашихъ бьютъ!» онъ спроситъ: «чьихъ?»

Отецъ ихъ не отворачивайся, мать не прячь лица. Я дождусь какъ выйдутъ дѣти и скажу вамъ: «Жаль васъ, жаль время, жаль дѣтей: васъ—что вамъ въ старости не будетъ утѣшенья; время—что напрасно пропало; дѣтей—что они ни то, ни сё, ни рыба, ни мясо.»

Глава XIV. — Артельщикъ.

Шелъ я, гуляя, по Фонтанкѣ, въ ноябрѣ, въ то самое время, какъ рѣка только лишь стала; увидѣлъ толпу людей и посреди дѣвку въ дурномъ платьѣ, которая хотѣла-было утопиться; видъ у ней былъ и странный и развратный. Всѣ ее бранили, всѣ упрекали и давали не во время поученія. Я спросилъ, кто ее вытащилъ, и одинъ изъ толпы сказалъ: «а вонъ въ синемъ-то». Тогда, подошедъ къ этому человѣку, который, дрожа отъ холоду, выжималъ кулаки, я началъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

Я.—Ты, братъ, вытащилъ дѣвку-то изъ воды?

Синій.—Я-съ; мнѣ Богъ помогъ.

Я.—Да отъ-чего это она хотѣла утопиться?

Синій.—А Господь ее знаетъ; видно блажь нашла. Я вотъ шолъ

отъ хозяина съ письмомъ, — иду, а она, дурища, прибѣжала на ту сторону, посмотрѣла, знашь, черезъ перила-то, да и бултыхъ; а я перекрестился, да туда же за ней.

Я.—И не раздѣвшись?

Синій. — Куда раздѣваться! Ужь тутъ нечего кафтана жалѣть: какъ-нибудь бы да душу-то спасти.

Я.—И скоро ты ее схватилъ?

Синій. — Схватилъ-то скоро, да долго бился. Знашь, ледъ; онъ, правда, хоть и тонокъ, да плыть-то несподручно, а подсобить некому, вотъ што! Она же меня схватила за руку, да и замерла, видно отъ испуга; такая пострѣлъ, топиться-то топилась, а на дно не хочется.

Я. — Вѣдь и ты могъ бы съ нею утонуть? А ужь ей безъ тебя не быть бы въ живыхъ.

Синій.—А почему жь такъ? Народу много ходитъ; ну, не я, такъ другой бы вытащилъ. Пожалуй, не диковинка; ну, да вотъ вишь спасъ обѣхъ.

Я. — Доброе дѣло ты сдѣлалъ; вѣдь не смотрѣть на нее. Вотъ, братъ, тебѣ двадцать-пять рублей: ты прозябъ; выпей да согрѣйся.

Синій.—Да я-съ и вина-то сроду не пью, а озябать намъ не привыкать. Деньги-то лучше, баринъ, дай этой дѣвкѣ; не диви, она отъ бѣдности и руки-то на себя наложила.

Я.—Скажи же, другъ сердечный, откуда ты?

Синій.—А вотъ недалеко, отъ Вологды; я артельщикъ, служу на конторѣ. Прощайте, баринъ; доброе вамъ здоровье. Пойдти выпить сбитню съ перечкомъ.

Сказавъ сіе, синій другъ человѣчества пошелъ по Фонтанкѣ такъ, какъ-бы онъ не дѣлалъ славнаго дѣла, не подвергалъ жизнь свою опасности, и пристыдилъ меня отказомъ. Я вошелъ опять въ толпу; дѣвку узнали, что она Чухонка, не знала говорить. Чему дивить! и утонуть-то не умѣла. Я отъ ней хотѣлъ узнать, что ее принудило къ самоубійству; но она ни говорить, ни смотрѣть не хотѣла. «Вишь кака рыжая! эка чертовка!» Народъ разошелся, дѣвку взяли на съѣзжую сушить, спрашивать и увѣщевать; а у меня остался навсегда въ памяти артельщикъ. Я его какъ теперь вижу: мужикъ лѣтъ тридцати, невеликъ, бородка черная и взглядъ свой, то-есть честный. Онъ, вѣрно, тотчасъ забудетъ, что спасъ человѣка, и вспомнитъ развѣ иногда зимою, когда прозябнетъ.

Вотъ вы слышали о Чухонкѣ и о синемъ кафтанѣ; прошу сказать, каковъ вологодскій мужикъ? Взглянулъ, увидѣлъ опасность, забылъ себя, спасъ человѣка, встряхнулся и пошелъ!.. Вотъ д'Ассасъ! вотъ Жилетъ! Вотъ работа для живописца, для стихотворца; вотъ пища для сердца и души, но не для всякой...

Глава XV. — Рожденіе и крестины Луки Андреича.

Лука Андреичъ родился въ селѣ у отца, 1-го октября, то-есть въ самый Покровъ, и въ память сего происшествія обрадованные его родители, по обѣщанію, обложили мѣстный образъ въ богатую кованную ризу. Радость ихъ была отъ-того велика, что Настасья Матвѣвна (матушка Луки Андреича) шестнадцать лѣтъ не рожала послѣ родинъ перваго сына, такъ-что Андрей Богданычъ ужь отчаявался имѣть еще дѣтей. Иногда, сидя съ женою, говаривали они такъ:

Мужъ.—Настасья Матвѣвна, надобно бъ еще дѣтей!

Жена.—Гдѣ жь взять, другъ мой? Богъ не даетъ, что̀ дѣлать!

Мужъ. — Ну, ка̀къ что дѣлать? Молиться Богу. Николай малой хоть куда, да что-то слабъ; воля твоя, а не худо бы еще намъ ребеночка-другаго.

Жена.—Что жь? мы люди не совсѣмъ старые; можетъ-быть, Богъ въ нѐмочи намъ и поможетъ...

Мужъ.—Вотъ ты тутъ всегда нѐмочь-то и примѣшаешь. Эхъ, съ тобой о дѣлѣ говорить нельзя!

Жена.—Ну, какъ тебѣ угодно; да съ тобой все невпопадъ.

Андрей Богданычъ, послѣ этихъ разговоровъ, бывалъ иногда сердитъ по нѣскольку часовъ, отговаривался въ-сердцахъ верхомъ садиться и на лѣстницу идти, повторялъ, придираясь ко всему: «Да гдѣ мнѣ? я ужь изъ силъ выбился. Гдѣ мнѣ силы взять? Мы люди старые, не наше дѣло; только смѣху надѣлаешь.» И когда тутъ случалась жена, то она ему говаривала: «Вотъ ты, мой другъ, ко всему придерешься; у тебя всякое лыко въ строку.» Андрей Богданычъ будто не ей, всегда, бывало, сквозь слезъ проворчитъ: «Да коли нѣтъ ремешка, такъ и лычку обрадуешься»,

Послѣ родинъ втораго сына, когда разговоръ обращался на старость, слабость, и проч., тогда Андрей Богданычъ болѣе уже не серживался, а вмѣсто отвѣта всегда засвиститъ и велитъ малому сказать мамѣ, чтобъ принесла или привела Лукашу, и, приласкавъ дитя, посмотритъ лукаво на жену и всегда, бывало, ей скажетъ: «Настасья Матвѣвна! это не наше дѣло», а она ему:—И, мой другъ, что̀ за шутка? Пожалуйста, полно. — А онъ ей: «Что̀ дѣлать, матушка! люблю мѣшать дѣло съ бездѣльемъ.» — И такъ, родился Лука Андреичъ; а когда точно, это можно отъискать въ метрическихъ книгахъ и въ святцахъ (если цѣлы) Андрея Богданыча, въ которыхъ онъ своею рукою записалъ: «1739 года 1 октября, по власти Божіей, «родился у насъ сынъ Лука, коего крестилъ воевода Сидоръ Евста«фьевичъ Поборовъ съ Пульхеріей Евстигнеевной Кастиловой.» Чему жь вѣрить, какъ не этому?

Глава XVI. — Примѣта.

Мы думаемъ, что все знаемъ, а выходитъ ничего, или очень-мало. Иной заявляетъ, что ничему не вѣритъ, а ни въ чемъ не сомнѣвается; другой надъ всѣмъ смѣется, а все уважаетъ; третій ничего не боится, а отъ всего дрожитъ. Разсудокъ запрещаетъ вѣрить снамъ, предчувствіямъ, примѣтамъ; но многіе примѣры заставляютъ колебаться въ отверженіи существа многихъ вещей, совсѣмъ уму человѣческому непонятныхъ. Сны больше всего занимаютъ, радуютъ и печалятъ многихъ людей. Доктора̀ доказываютъ, что сонъ есть произведеніе обремененнаго слабаго желудка, раздраженныхъ нервовъ, паровъ, кои, поднимаясь въ голову, тѣснятъ мозгъ, приводятъ въ дѣйствіе воображеніе и разстроиваютъ сонъ, опредѣленный всякому животному, для возстановленія истощенныхъ бдѣніемъ силъ,— все это хорошо; однакожь, это все пустословіе, потому-что до-сихъ-поръ ни одинъ докторъ не знаетъ причины дѣйствія нервовъ, отъ-того, что анатомятъ тѣла мертвыя, въ коихъ жизненнаго движенія уже нѣтъ. Три вѣка анатомія была главный предметъ медицинской науки и служила ей фундаментомъ; думали всѣ, что она доведена до совершенства; но вдругъ какой-то Галлъ открылъ первый, что мозгъ въ черепѣ сложенъ какъ салфетка, и что его можно развертывать. Слѣдственно, судить по неодушевленному тѣлу о дѣйствіи моральномъ живаго человѣка все равно, что узнавать людей по домамъ, въ которыхъ они нѣкогда живали; но зато вареніе желудка въ точности доказано, надобно думать отъ-того, что безъ воображенія, безъ дѣятельности, безъ пылкости и безъ ума жить легко можно, а безъ ѣды никакъ; да она же главный предметъ эскулаповъ въ практикѣ; отъ ней они сыты сами и отъ нихъ аптекари, столяры, каменщики, рѣзчики, даже и мелкіе стихотворцы, потому-что стихи на смерть знатнаго или богатаго столь же по благопристойности необходимы, какъ плёрезы, черная фланель, мавзолей и вызовъ должниковъ.

Наканунѣ рожденія Луки Андреевича, отецъ его видѣлъ во снѣ, будто пришелъ къ нему въ домъ человѣкъ маленькій, сухой, блѣдный и убилъ сына; что онъ бросился на него, но маленькій человѣкъ обратился въ вѣтеръ и исчезъ, сказавъ: «не перваго и не послѣдняго». Андрей Богдановичъ проснулся, перекрестился, плюнулъ, перевернулся на другой бокъ и заснулъ; а на другой день въ-шутку разсказывалъ сосѣдямъ свой сонъ, заключая: «вѣрь, пожалуй, снамъ! такой вздоръ иногда лѣзетъ въ глаза, что и не сообразишь.»

Послѣ родинъ, бабушка повивальная хотѣла ребенку впустить въ ротъ капельку бѣлаго вина, но ошибкой ей подали французской водки, и дитя чуть не захлебнулся—по счастію не проглотилъ. Кормилицѣ сдѣлали изъ французскаго штофа тѣлогрѣю; но ребенокъ, ко-

гда она въ праздничные дни бывала въ нарядѣ, ни подъ какимъ видомъ не бралъ груди, до-тѣхъ-поръ, пока кормилица переодѣнется.

Изъ всего этого Андрей Богданычъ и сдѣлалъ заключеніе, что сынъ его новорожденный Французовъ любить не будетъ. «Смотри-ка» говаривалъ онъ Настасьѣ Матвѣевнѣ: «вѣдь это не даромъ Лукаша-то штофной тѣлогрѣи не любитъ; видно водкой-то его такъ отбаловали, что душа его ничего французскаго не принимаетъ.»

Настасья Матвѣвна. — И, другъ мой, захотѣлъ ты ума отъ ребенка! онъ блажитъ такъ; будто онъ знаетъ, что такое водка и штофъ французскій! Да за что̀ ему Французовъ не любить?

Андрей Богданычъ. — Ну, да и любить-то не за что; народъ пустой и люди сумасбродные, все гаеры. Я хоть мало ихъ видѣлъ, да довольно съ меня; они мнѣ совсѣмъ не по натурѣ.

Настасья Матвѣвна. — Да они, сказываютъ, такіе люди учтивые.

Андрей Богданычъ. — Я этого́-то и не люблю. Коли человѣкъ все кланяется: либо нищій, либо плутъ,—право такъ!

Настасья Матвѣвна. — Вотъ ты и готовъ бранить.

Андрей Богданычъ. — Да хоть и побить.

Настасья Матвѣвна. — Помилуй! За что же?

Андрей Богданычъ. — Да такъ. Все-таки лучше дать острастку.

Прошу не забыть сонъ отцовъ, водку бабушки и тѣлогрѣю кормилицы. Слѣдствіе покажетъ, что это все не даромъ.

Глава XVII. — Воспитаніе.

Кормилицу выбралъ самъ Андрей Богданычъ, молодую и здоровую бабу, разспросивъ подробно и провѣдавъ всячески о ея нравственности и поведеніи. Много при семъ случаѣ было искательства и происковъ: о иной бабѣ просилъ прикащикъ, о другой ловчій, о третьей казначей; но просьбы остались втунѣ, и до родинъ баринъ отговаривался однимъ словомъ: «посмотримъ»; а какъ родился дитя, то послалъ за назначенной имъ бабой, и она была приведена, объявлена кормилицей новорожденнаго и введена безъ присяги въ должность, получа слѣдующее поученіе отъ господина: «Смотри жь, Анисья! береги ребенка, какъ глаза, твое счастіе въ томъ: коли выкормишь порядочно, то тебѣ 20 рублей, и мужъ и ты въ отставку; а коли не то, такъ въ зашеи прогоню, да и на глаза ко мнѣ не показывайся! Слышишь? Было бъ тебѣ сказано.»

Анисья поклонилась въ поясъ и отвѣчала: «вѣстимо дѣло», и обратилась въ холмогорскую корову. Въ то же время опредѣлена къ ребенку и мама. Она хаживала нѣкогда за барыней, а послѣ за клю-

чами, была умная и честная женщина. Андрей Богданычъ за то ее любилъ, что мужъ ея утонулъ въ Окѣ, бросившись спасать его въ одно время, какъ онъ переѣзжая весною, провалился на льду, и когда рѣчь доходила до опасности, до вѣрности и до хорошихъ слугъ, то Андрей Богданычъ всегда со вздохомъ говаривалъ: «Много людей, а другаго Филиппа врядъ ли нажить! Сердечный! вѣчная ему память!»

Эта мама была при дитяти до 9-ти лѣтъ, сыпàла въ одной съ нимъ горницѣ, и поселила по-своему въ него страхъ Божій и любовь къ родителямъ, пріучила къ чистотѣ и опрятности, и столь умѣла довести ребенка себя любить и почитать, что когда она умерла, то онъ съ недѣлю былъ неутѣшенъ.

Физическое воспитаніе, надобно думать, было хорошо, потомучто Лукаша 10-ти мѣсяцевъ сталъ ходить; въ три года Герасимовна (имя мамы) не могла его догонять; въ шесть лѣтъ ужь онъ хаживалъ верстъ за пять въ поле ловить перепеловъ, а въ 9-ть могъ по цѣлому утру ѣздить на иноходцѣ съ собаками.

По-русски его училъ священникъ, ариѳметикѣ самъ отецъ, а послѣ смерти его — по-нѣмецки, геометріи и на скрипкѣ играть Іоганъ Христофоровичъ фон-Бутергаузенъ, оставной инженерный штык-юнкеръ. И не мудрено! онъ не зналъ простуды и неваренія желудка,— пилъ и ѣлъ чего сколько душа хотѣла, по субботамъ хаживалъ въ геенну, т. е. въ баню, сыпàлъ равно на сквозномъ вѣтрѣ и на лежанкѣ; въ горницѣ сиживалъ въ тулупѣ, а на дворѣ въ морозъ бѣгивалъ въ халатѣ, квасъ пилъ на молоко, чай па рѣпу, познакомился съ 3-хъ лѣтъ съ лѣнивыми щами, съ ботвиньемъ, съ няней, съ рубцами, съ блинами, съ киселями, кашами, чинеными желудками; и когда спѣшилъ ѣсть, то отецъ улыбаясь говаривалъ: «Э, какъ Лукаша уписываетъ! за ушми пищитъ!..»

Глава XVIII. — Няня.

Помѣстя въ числѣ кушаньевъ няню, намѣренъ тѣмъ, кои не знаютъ, чтó это за блюдо,—его описать. Няня составляется изъ телячьей головы, изъ гречневыхъ крупъ и свѣжаго коровьяго масла; все кладется въ горшокъ, замазывается тѣстомъ и становится на сутки въ печь; потомъ изъ горшка выходитъ кушанье, въ коемъ мудрено рѣшить: что вкуснѣй—каша или масо? Почему же такое смѣшное названіе? А почему же оно смѣшнѣе котлетовъ въ бумажкахъ (en papillotes), котлетовъ съ жабами (à la crapeaudine), и ста другихъ блюдъ, имѣющихъ смѣшныя и незначащія названія? Чтó нужды до имени, когда знаешь вещь; желудку надобна пища, а не слова; няня же, ей-Богу, здоровѣй, питательнѣй и вкуснѣй, чѣмъ бир-сунъ, габер-супъ,

клёцки, луковый супъ (soupe à la l'oignon), макарони и пуддинги съ изюмомъ.

Можетъ-быть, я напрасно выдаю эту главу; но хотѣлъ остеречь тѣхъ, кои, плохо зная русское, могутъ подумать, что дитя былъ людоѣдъ и кушалъ нянюшку; слѣдственно, это просто объясненіе въ непросвѣщеніи, да и куда мнѣ учить ученыхъ! я не философъ, а Русскій, живу по-русски, думаю по-русски, и еслибъ не родился Русскимъ, то сокрушался бы, что не Русскій.

Глава XIX. — Должно бы —

найдти другое слово для означенія воспитанія нравственнаго, потому-что слово «воспитаніе» больше относится къ тѣлесному, происходя отъ глагола питать, выкармливать; въ-старину въ этомъ нужды не было, потому-что нравственность и наука заключались въ наученіи закону Божію и въ присягѣ; но тогда молодые люди, по примѣру родителей, знали священное писаніе наизусть, и лучъ святой истины въ юномъ еще возрастѣ проникалъ въ глубину души и просвѣщалъ умы, неподверженные умствованіямъ и незараженные вольнодумствомъ. Люби Бога, государя, отечество, честь; стой и умирай за нихъ,—вотъ поученія, приказанія отцовъ и матерей... Они тогда умѣли любить, умѣли и наказывать дѣтей. Тогда косой взглядъ отца или матери былъ поразителенъ, даже для сѣдаго сына или дочери. Почтеніе и повиновеніе столько же тогда были свойственны дѣтямъ, какъ нынче вѣтреность и неуваженіе.

Такъ-какъ старики были люди умные, то они и знали всю цѣну здоровью; безъ него нѣтъ счастія, нѣтъ пользы, нѣтъ утѣхи... Мнѣ возразятъ: много было и есть людей съ слабымъ здоровьемъ, но съ отличными дарованіями? Я не спорю, но и со мной спорить не можно въ томъ, что эти же самые люди, съ крѣпкимъ сложеніемъ, имѣли бы еще гораздо больше и ума и знаній, и, занимаясь меньше сохраненіемъ слабаго здоровья, больше бъ могли быть полезны. Какъ сильно работать головою и быть дѣятельну, когда нѣтъ надежды довесть къ концу начатое, когда должно дѣлить время между болѣзнями и докторами! Какъ думать свободно о чемъ-нибудь, когда должно поминутно быть занягу собою... пять мѣсяцевъ бояться воздуха, а семь—сидѣть въ-заперти!.. Повѣрьте, что безъ хорошаго желудка человѣкъ и себѣ и другимъ въ тягость. Всѣ тѣ, которые произвели великія дѣла, были крѣпкаго сложенія и варили пищу хорошо. Посмотрите, что произошло отъ дурныхъ желудковъ! сколько прибавилось докторовъ, аптекарей, карликовъ, дураковъ и проч... Праотцы наши съ трудомъ наѣдались, а мы всего объѣдаемся; доказательство тому, что почиталось за обиду, когда почетный гость от-

кажетъ кушанье или вино, уговаривали словомъ: «за что же такая немилость? не обидьте насъ»... Ну, да если желудки испортились, на что̀ же ѣздить по званымъ обѣдамъ? а гдѣ жь почваниться, какъ не у подчиненнаго, у челобитчика, у купца, у приверженнаго? Они зовутъ изъ чина, изъ дѣла, изъ подряда, изъ хвастовства, чтобъ сказать: «его сіятельство, или высокопревосходительство, изволилъ, по милости своей, у насъ кушать», — и спасиба за такой обѣденный столъ никто не скажетъ хозяину; изъ пяти четыре, объѣвшись, его же бранятъ, приговаривая: «окормилъ, чортъ его побери». Чортъ у людей всегда въ чести и главный повѣренный во всѣхъ дѣлахъ.

Глава XX. — Мамы.

Хоть мамы эти, кои хаживали за дѣтьми и были простыя барскія-барыни, безъ просвѣщенія, въ набойчатыхъ или ситцевыхъ кофтахъ, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ; но онѣ отнюдь у дѣтей ни умовъ, ни сердецъ не портили; хотя и пугали ихъ волками, мертвецами и смѐртью-курноской, но не говаривали, что отецъ дуракъ, мать зла, что все послѣ дѣтямъ достанется. И чѣмъ жены англійскаго конюха, швейцарскаго пастуха и нѣмецкаго солдата должны быть лучше, умнѣй и добронравнѣй женъ нашихъ прикащиковъ, дворецкихъ и конюшихъ? Но это мамы, а тѣ bonnes — все для того, чтобъ ребенокъ первыя нужныя слова, которыя послѣ и забудетъ, выговаривалъ не по-русски; однакожь изъ него сдѣлаютъ не сѣраго попугая, скворца, сороку; эти говорятъ: «veux tu déjeûner Jacquot?», «попъ у воротъ», «сорокъ каши», а дѣти: «bonjour, papa», «тенкъ ю (thank you)», «гутъ моргенъ (gut morgen)». Тутъ мнѣ скажутъ: да какъ нынче маму выпустить? сынъ мой не Митрофанушка. Ну! берите иноземокъ!.. Да и барскихъ-барынь нынче ужь мало, а все дѣвушки, которыя днемъ и вечеромъ подъ окномъ, днемъ въ домѣ, а ночью на улицѣ, и онѣ больше знаютъ воспитательный домъ, чѣмъ приходскую церковь.

Глава XXI. — Послужный списокъ Луки Андреича.

Въ 1755 году записанъ въ преображенскій полкъ солдатомъ и въ томъ же году пожалованъ капраломъ. Въ 1756 въ фурьеры, въ 1757 въ подпрапорщики. Въ 1758 выпущенъ по именному указу въ поручики, бывъ въ Царскомъ Селѣ на ординарцахъ при полученіи извѣстія о побѣдѣ надъ Пруссаками, и опредѣленъ въ санктпетербургскій полкъ. Въ 1759 пожалованъ въ капитаны за взятіе въ плѣнъ роты съ офицерами. Въ 1760, за отличіе, въ секунд-майоры, отбивъ у непріятеля 8 пушекъ. Въ 1762, при производствѣ по арміи, произве-

денъ въ премьер-майоры. Въ 1766, въ подполковники, въ 1771 въ полковники, за храбрость, при взятіи штурмомъ Бендеръ. Въ 1773 раненъ и отпущенъ до излеченія, пожалованъ кавалеромъ военнаго ордена. Въ 1774 отставленъ бригадиромъ. Въ 1776 женился.

Глава XXII.—Помилуй, батюшка!

Зачѣмъ изволилъ помѣстить женитьбу въ послужной списокъ? Это, право, ни къ селу, ни къ городу!—Извольте выслушать, а тамъ подведите подъ военный артикулъ. Благословенъ и многосчастливъ тотъ человѣкъ, котораго Богъ надѣлитъ женой честной, умной, благонравной и великодушной. Въ ней супругъ имѣетъ любовницу, жену, друга, совѣтника для себя, наставника, попечителя и примѣръ для дѣтей. Ею удвояется счастіе самаго благополучнаго человѣка, умножаются забавы, спокойствіе, утѣшеніе и отрада въ жизни. Разставаясь со свѣтомъ, мужъ сей жены сокрушается больше о ней, чѣмъ о самомъ-себѣ. Полвѣка счастія кажется ему минутою; онъ не видитъ въ предстоящемъ ни разврата, ни невѣжества, ни напастей для дѣтей своихъ, представляя ихъ въ глазахъ и подъ покровомъ добродѣтельной матери, и умирая, проситъ у Бога единой милости — чтобъ продлилъ жизнь жены его... Вотъ союзъ, гдѣ всѣ дни ознаменованы взаимнымъ счастіемъ, единодушною молитвою благодарности къ Творцу міра!.. Союзъ завидный, примѣрный, — но рѣдкій, и очень-рѣдкій; однакожь, у насъ есть,—и я его описалъ, не выходя изъ своего дома. А тамъ далѣе—обыкновенно по тому, чтò мы знаемъ, чтò видимъ, чтò слышимъ, счастіе часто, кажется, будто женится на любви, или дружба на добрòдѣтели,—ничего не бывало: бѣда на проказѣ, или скука на дурнотѣ... Отъ-чего же это? Отъ-того, что женятся большая часть по страсти слишкомъ-молоды; тутъ ни разсудка, ни глазъ, ни ушей быть не можетъ; а тамъ и найдутъ причины, и вотъ въ какомъ порядкѣ: 1) страсть, 2) богатство, 3) знатность, 4) чины, 5) покровительство, 6) подлость, 7) скука, 8) огорченіе, 9) странность, 10) свычка, 11) скотство, 12) страхъ, 13) такъ. Какъ же, вынувъ изъ этой лотереи два нумера, то-есть, мужичка съ бабочкой, не найдти картину военной службы въ неудачной женитьбѣ: сперва служба легкой кавалеріи и конной артиллеріи, потомъ тяжелой кавалеріи, осадной артиллеріи, гарнизонная, инвалидная... Мужъ съ женой въ войнѣ — рѣдко въ перемиріи, сшибки частыя, жена въ разъѣздахъ, мужъ на часахъ ходитъ дозоромъ, всѣхъ окликаетъ, ловитъ курьеровъ, шпіоновъ, языковъ. Жена, какъ открытый городъ, или крѣпость съ проломомъ, сдается—кто ни подступитъ, и берутъ ее подкопомъ, переговоромъ или обманомъ, изнуренную форсированными маршами и трудами, приведя все въ безпорядокъ и затопя

окрестности. Когда муж появляется, непріятель отступает, а онъ исправляетъ все испорченное, осушаетъ залитое, засыпаетъ ворота. Часть гарнизона гоняетъ шпицрутенами, нѣсколькихъ, для страшнаго примѣра, отсылаетъ въ каторжную работу и сидитъ вооруженный у подъемнаго моста, увѣщеваетъ, напоминаетъ любовь, законъ, присягу; но только-лишь вонъ изъ крытаго пути и вышелъ въ форштатъ, то другой непріятель, или тотъ же опять, занимаетъ его мѣсто, и крѣпостца, по превратности вещей въ мірѣ семъ, ежедневно переходитъ изъ-рукъ-въ-руки; нѣтъ въ ней ни дня ни ночи покою, только и видно, что и свои и чужіе взадъ и впередъ входятъ и выходятъ. Теперь, прошу сказать, можно или нѣтъ помѣстить въ послужный списокъ ту женитьбу, въ которой мужъ попадаетъ въ крѣпость? Можно и должно!!!..

Глава XXIII. — Дополненіе къ русскимъ мамамъ.

Спорилъ, одинъ разъ, я до слезъ съ пріятелемъ, который, пріуча себя терпѣть Французовъ, читавъ много ихъ книги, проводя много время въ ихъ землѣ, сдѣлался нѣсколько къ нимъ пристрастенъ и несправедливъ на-счетъ своей земли. Онъ нападалъ слегка на многіе русскіе обычаи, охуляя ихъ, а я защищалъ все грудью, приводя примѣръ подобный или похожій на наши въ чужихъ краяхъ. Главное преніе было о воспитаніи, и онъ ополчился крѣпко противъ мамъ и нянь русскихъ. «Что это за дрянь!» кричалъ онъ: «чему отъ дуръ научиться? онѣ прививаютъ глупость дѣтямъ, продолжаютъ ихъ невѣжество, населяютъ въ нихъ предразсудки, удаляютъ просвѣщеніе и закаливаютъ ихъ головы.» —А французскія няни, или, по-вашему, bonnes (добрыя), не врутъ при дѣтяхъ? — «Совсѣмъ нѣтъ, или меньше, онѣ сказываютъ басенки, исторійки, поютъ пѣсенки, и во всемъ есть что-нибудь поучительное, занимательное и нравственное.»—Поздравляю! прошу выслушать: я видалъ много и русскихъ мамъ и нянь и чужестранныхъ; вспомню, что тѣ и другія говорятъ и станемъ сравнивать. До четырехъ лѣтъ дѣтей забавляютъ, унимаютъ отъ слезъ или мѣшаютъ плакать; обыкновенно держитъ няня ребенка на рукахъ или на колѣняхъ и сказываетъ ему, что знаетъ, а все одно.

Англичанки говорятъ:	*Переводъ:*
See, saw,	Си са
Margery Daw	Маржере да
Lord her bed	Продала постелю
And laid upon straw.	И легла на солому.
Was not she	Не была ли она
A nasty slut	Замараная потаскушка,
To sell her bed	Что постелю продала
And lay in the dirt?	И въ грязь легла?
—	—

To market goes the gentleman
So do we, so do we.
There goes a lady
An amble, an amble:
There goes a Mylord
A trot, a trot.
There goes a footman
A galop, a galop.

Ѣдетъ на торгъ господинъ,
Такъ и мы, такъ и мы;
Тамъ ѣдетъ барыня,
Иноходью, иноходью;
Тамъ ѣдетъ милордъ,
Въ рысь, въ рысь.
Тамъ ѣдетъ лакей,
Въ скокъ, въ скокъ.

Француженки:

Oeil oeillet
Joue brulée
Joue rotie,
Menton bis,
Bouche d'argent,
Nez cancan,
Craque, Margotte!

Переводъ:

Глазъ гвоздика,
Жжоная щека,
Жареная щека,
Черный подбородокъ,
Серебряный ротъ,
Прямой носъ,
Хватай, Маргота!

Русскія:

Сорока, сорока,
Кашу варила,
На порогъ поскакивала,
Гостей посматривала.
Вотъ этому дала
И этому дала,
А этому не дала,
Онъ оплошалъ.
Тутъ пень,
Тутъ колодезь,
Тутъ тепленькая водица.

И въ эту минуту сперва щекотятъ ребенка на ладонѣ, тамъ на сгибѣ рукъ, а наконецъ подъ мышкой — ка̀къ смѣется! А отъ 4 до 7 лѣтъ обыкновенная исторія по-французски:

De la Barbe Bleu,
Du petit Poucet
Du prince Riquet.

Синяя борода,
Мальчикъ съ пальчикъ,
Принцъ Рикетъ.

Пѣсни:

Compère, dors-tu?
Et si je ne dormais pas que me veux tu?
Prêtes-moi ton âne pour aller à Peron.

Ah! compère, je dors.

— Кумъ! спишь ты?
— А если не сплю, что тебѣ надо?
— Ссуди своимъ осломъ съѣздить въ городъ.

— Ахъ, кумъ! я сплю.

Что за поученіе — обманывать? притвориться соннымъ и отказать грубымъ и глупымъ голосомъ осла куму?..

J'ai du bon tabac dans ma tabatière
J'ai du bon tabac, tu n'en auras pas.

J'en ai du fin
Et du rappé,
Mais ce n'est pas pour ton vilain nez.

У меня есть славный табакъ въ табакеркѣ,
У меня есть славный табакъ, да не для тебя.

Есть хорошій
И стертый,
Но не для скверпаго твоего носа.

Что тутъ хорошаго: дразнить табакомъ и упрекать сквернымъ носомъ?..

Давно ужъ я примѣтилъ, какъ пріятно быть горбатымъ.

Это что за непристойность? и какъ пріучать ребенка насмѣхаться надъ безобразіемъ, отъ коего не въ нашей волѣ избавиться?.. Наши сказки о Бовѣ Королевичѣ, о Евдонѣ и Берьѳѣ, о Еруcланѣ Лазаревичѣ, о Ильѣ Муромцѣ, заключаютъ нѣчто рыцарское, и ничего неблагопристойнаго въ нихъ нѣтъ.

Глава XXIV.—Поведеніе.

Когда Луку Андреича братъ записалъ въ гвардію, то оставилъ жить въ домѣ у капитана той роты, который былъ внучатный дядя недорослю, человѣкъ старый, расположенный умереть въ гвардіи, отказавъ полковничій чинъ въ арміи; онъ жилъ дома по-старинѣ, былъ хлѣбосолъ, командиръ и наставникъ добрый. При Лукѣ Андреичѣ оставленъ былъ его дядька — Анисимычъ, у коего и деньги были на рукахъ, и онъ неохотно ихъ давая молодому своему барину, пріучалъ его нечувствительно къ бережливости, а чтобъ лучше отдѣлаться въ случаѣ требованій, имѣлъ всегда готовый отвѣтъ: «деньги не мои; пожалуй, извольте брать, да вѣдь я братцу отдамъ отчетъ, тогда не мнѣ стыдно будетъ, хоть я за васъ и дурное слово пріиму»... Да, въ тогдашнее время и слуги подобные бывали и присмотръ другой. Недовольно родные, да и знакомые, или сослуживцы старикамъ заступали ихъ мѣсто у дѣтей. Трактировъ не знали; и если не можно никакъ было помѣстить у себя въ домѣ, то заставляли молодыхъ людей жить по близости себя, чтобъ имѣть всегда подъ глазами. Бѣда, когда день не побываетъ — залѣнился на службу, или замотался: тотчасъ поученіе и наказаніе. Отъ этого самаго молодые люди сохраняли нравственность, здоровье, честь, почтеніе къ старикамъ и уваженіе къ начальству. Долгъ этотъ обращался въ привычку; имъ въ голову не приходило, чтобъ должность ихъ, законами предписанная, и старый или заслуженный человѣкъ могли быть смѣшны; и, проводя молодость въ семъ честномъ житіи, въ совершенныхъ лѣтахъ они сами содѣлывались примѣрами, а въ старости наставниками, возвращали внучатамъ правила, переданныя имъ дѣдами,—и вотъ этотъ-то долгъ красенъ былъ платежомъ. И такъ Лука Андреичъ ходилъ до смерти по стопамъ добродѣтели, молодымъ былъ замѣченъ по службѣ исправностію, поведеніемъ, ревностію и отличной храбростію начальниками, былъ учтивъ, но не искателенъ, съ подчиненными ласковъ, строгъ, всю жизнь веселъ, шутливъ, хлѣбосолъ, защитникъ притѣсненныхъ, благодѣтель бѣдныхъ, утѣшитель несчастныхъ. Офицеры, солдаты, слуги

его и крестьяне называли отцомъ; и онъ точно былъ нѣжный отецъ для всѣхъ тѣхъ, кои отъ него зависѣли. Что же счастливѣе могло быть. Подождите, онъ еще живъ.

Глава XXV.—Портретъ.

Росту онъ былъ 2 арш. 10 вершковъ съ четвертью, широкоплечъ, прямъ, по-русски богатырь, по-заморски Геркулесъ, черноглазъ и черноволосъ. Хотя черты его лица были нѣсколько и грубы; но глаза, въ коихъ была его душа, имѣли силу привлекательную: взглядъ его подзывалъ всѣхъ, никому не говорилъ: «не подходи». Сила была чрезвычайная, и онъ съ прусской войны заклялся никого изъ своихъ рукъ не бить, ударивъ разъ по щекѣ Жида, укравшаго артельныя деньги; но Евреи живущи, и плутъ Исаакъ, полежавъ замертво часовъ съ шесть, въ госпиталѣ съ мѣсяцъ и поплевавъ кровью съ годъ, оправился и пересталъ красть, что почти невѣроятно. Послѣ раны Лука Андреичъ потерялъ съ силою часть здоровья и подъ-старость имѣлъ препочтенный видъ; сохранилъ до конца жизни волосы и зубы, и всегда и вездѣ въ немъ видѣнъ былъ воинъ, баринъ и молодецъ. Одѣвался по лѣтамъ безъ всякой странности и всегда въ георгіевскомъ крестѣ, говоря: «это мой грудной аттестатъ и паспортъ». Портретовъ его не осталось, хотя два раза писали: одинъ не полюбился за то, что живописецъ, желая дать ему видъ геройскій, далъ видъ злой; а другой написалъ его съ книжкою, и онъ говорилъ мнѣ: «въ портретахъ неудача: на одномъ представили мизантропомъ, а на другомъ философомъ съ адресъ-календаремъ».

Глава XXVI.—Анекдоты.

Когда онъ былъ раненъ, то вылечившему его фельдмаршалову доктору офицеры подарили, собравъ между собою, 1000 рублей. — Подъ Хотинымъ сказали въ лагерѣ, что Лука Андреичъ убитъ, весь полкъ прибѣжалъ въ отчаяніи; увидя его невредима, солдаты стали креститься и, узнавъ, что убитъ майоръ фонъ Газенхиропъ, иные сказали: «ну, туда и дорога!» Лука Андреичъ ихъ за это сталъ-было бранить; но гренадеры отвѣчали: «майоровъ много, можно и нажаловать, а тебя, отца нашего, Богъ одного создалъ».— Во время мирнаго торжества, когда онъ былъ съ почтеніемъ у кагульскаго побѣдителя, то сей ему сказалъ: «Знаете? мнѣ жаль васъ видѣть въ отставкѣ, служба объ васъ всегда жалѣть будетъ; вѣдь я вамъ говорю это истину; я съ вами служилъ и васъ знаю, да кто же васъ и не знаетъ?»..

Когда сынъ его представленъ въ арміи былъ непобѣдимому Суво-

рову, то сей герой, спрося, и узнавъ, что онъ сынъ Луки Андреича, сказалъ: «Батюшка твой отличный человѣкъ, храбрый офицеръ, христіанинъ, патріотъ; коли ты въ него, то далеко пойдешь, помилуй Богъ; пожалуйста, будь въ отца, лучше быть нельзя; попы запоютъ «Тебе Бога хвалимъ».—Во всей губерніи при спорахъ всѣ говаривали: да, я правъ, хоть сейчасъ на судъ къ Лукѣ Андреичу. Въ домѣ, когда онъ сыпалъ, то ни одинъ человѣкъ громко не говаривалъ и всѣ ходили на-цыпочкахъ, передавая другъ другу: «баринъ изволитъ почивать; ему покой дать надо; не шумите, братцы». — Если въ разговорахъ кто въ привѣтствіе или въ похвалу напоминалъ объ этихъ лестныхъ случаяхъ и просилъ подтвержденія у самого Луки Андреича, то онъ изъ скромности перебивалъ разговоръ двумя рѣчьми: «мало ли чего было, не все припомнишь!» Какъ хочется обнять Луку Андреича! А я бъ у него и руку поцаловалъ...

Глава XXVII.—Свой языкъ.

Лука Андреичъ любилъ пошутить, но никогда въ обиду; многимъ вещамъ у него были собственныя названія, коимъ здѣсь прилагается списокъ:

Англоманъ — клеперкъ.
Французоманъ — стригунъ.
Нѣмцоманъ — моренкопфъ.
Щеголь — Леандръ.
Романическая женщина — лунатикъ.
Гордецъ — волынка.
Игрокъ банкиръ — лихой Татаринъ.
Банкъ или фараонъ — застѣнокъ.
Игрокъ-понтеръ — малолѣтный.
— коммерческій — сидень.
Влюбленный — астрономъ.
Путешественникъ — микроскопъ.
Человѣкъ совершенный — фениксъ.
— дурной — прописной.
— плутъ — уголовный.
Болтунъ — мельникъ.
Привѣтственникъ — колмогоръ.
Потакатель — віолончель.
Грубіянъ — дубинка.
Лгунъ — газетчикъ.
Женщина маленькая — капелька.
Красавица — жемчужина.
Дурная лицомъ — держи право.
Распутная — лоханка.
Худая — лучинка.
Жирная — маканая.
Ханжа — земляная.
Человѣкъ подлый — туфля.
— гибкій — поклонный.
Пьяница — кубикъ.
Попрошайка — насосъ.

Красавица — душа.
Горбунъ — киса.
Хромой — кавылюкъ.
Справедливый человѣкъ — солнечные часы.
Смерть — конфискація.
Заика — скрипунъ.
Ученый — кладовая.
Философъ — землекопъ.
Скучный — могильный.
Вольнодумецъ — римскій шутъ.
Добродѣтельная жена — даръ Божій.
Винокуръ — полугарный.
Знатный баринъ — Юпитеръ.
Дама-сплетница — кружевница.
— модная — шармантъ.
Модный молодой человѣкъ — дезертиръ.

Глава XXVIII. — Готовится.

Лука Андреичъ, раненый бригадиръ въ отставкѣ, прекрасный мужчина, извѣстный богачъ—если бы и не хотѣлъ жениться, то бъ на немъ женились. Привыкнувъ съ малолѣтства заниматься службою, принимать или давать приказанія, онъ почувствовалъ въ одиночествѣ скуку и часто бывалъ задумчивъ. Объѣхалъ свои деревни, но не могъ въ нихъ долго остаться. Въ елецкихъ не было дома, въ саратовскихъ кончина брата сильно дѣйствовала надъ его чувствами. Въ Рязани, гдѣ было отцовское пребываніе, картина малолѣтства его, вмѣсто пріятныхъ и живыхъ напоминовеній, представляла всегда любовь и кончину почтенныхъ родителей; тамъ все было дѣло рукъ и трудовъ ихъ: палаты, церковь, садъ, заведенія. Хотя прошло 25 лѣтъ послѣ смерти; но благодѣянія ихъ живы еще были въ памяти у всѣхъ, и въ селѣ старый и малой, проходя мимо кладбища, кланялись праху благотворительныхъ господъ. Многопочтительный сынъ пролилъ слезы надъ родительскою могилою, и, неутѣшно оплакивая потерю ихъ, утѣшался тѣмъ, что походилъ на нихъ сердцемъ и душою. Поѣхалъ въ Москву и нечувствительно рѣшился посягнуть на бракъ, о чемъ слѣдуютъ пункты:

Глава XXIX.—Невѣста.

Княжна Глафира Юрьевна Мишурская осталась десяти лѣтъ послѣ своихъ родителей; отецъ ея былъ человѣкъ простой, но надутый своимъ родомъ; не умѣя ни служить, ни жить порядочно, женился на прекрасной избалованной дѣвушкѣ, потянулся за богатствомъ—и лопнулъ. Имѣнія часть описали въ казну, другую продали съ публичнаго торга,—и мужъ съ женой, упрекая взаимно другъ друга въ разореніи, не имѣли ни довольно твердости, ни закону, чтобъ пе-

ренесть великодушно бѣдность, и отъ раскаянія, а больше отъ стыда, оставили міръ сей, въ коемъ будто отжили благородно по глупости и по вольности дворянства. Дочь взяла къ себѣ тётка — старая дѣвушка, и сберегла ей 200 душъ подъ Москвою, записавъ за себя по закладной. Деревня эта оброчная была мерзкая, мужики бѣдные отъ пьянства, стриженый сухой садъ, прудъ сердцемъ — съ карасями, и домъ безъ половъ, безъ оконъ и съ течью; а какъ тетка была сама довольно богата и жила въ Москвѣ, то и дала, что называется, отличное воспитаніе племянницѣ, т. е. выучила болтать по-французски, по-итальянски, пѣть и танцовать; хотя она читала всякій вздоръ и жила единственно для забавъ и похвалы, но веселье и разсѣянность не развратили ея сердца: оно съ природы было доброе, и сѣмя добродѣтели въ немъ не завядало. Лицомъ она была очень хороша, стройна, умна и правила удивительно парою прекрасныхъ глазъ. Жениховъ за нее много сваталось, но ни одинъ ей не нравился, и она просила тетку ее не неволить. Старушка ей все одно твердила: «Мнѣ хочется твоего счастія, чтобъ при себѣ пристроить къ мѣсту; тебѣ ужь 20 лѣтъ, ждать нечего, лучше не будетъ; чтобъ не заѣсть молодости.» Племянница жь, въ удовольствіе тётки, замѣчала, что она и сама не была за-мужемъ, а жила счастливо, и получала въ отвѣтъ: «Да вѣдь мало ли что кажется?.. Я конечно ужь свой вѣкъ отживаю, да что за жизнь? все одна, да одна, а Богъ не на то человѣка создалъ.» Племянница нѣсколько разъ принималась думать, отъ-чего тетка такъ скучала, бывъ старою дѣвушкою, — и нашла, что она не любила молодыхъ мужчинъ, дѣтей, свадебныхъ баловъ, весны и проч., но отгадать загадки не могла — и это дѣлаетъ обѣимъ честь: племянницѣ, что не все знала, а тёткѣ, что не хотѣла узнать.

Глава XXX. — Отхолкали.

Въ псовой охотѣ, всякъ тотъ, кто затравитъ русака или зайца, долженъ дать о семъ знать голосомъ, котораго на ноту никакъ положить нельзя; а онъ походитъ на ржаніе лошади, и это называется по-охотничьи: отхолкать. Ужь близъ года какъ травятъ Луку Андреича, но онъ силенъ, отъ всѣхъ отдѣлывается и отъ псовыхъ, и отъ хортыхъ, и отъ тѣхъ, что въ завиткахъ. Иногда угонятъ вкрутѣ, но онъ ушелъ назадъ, или завидитъ — и былъ таковъ; но не все увиливать, звѣрь бѣжитъ на ловца — отхолкаютъ!

Глава XXXI. — Начало.

Лука Андреичъ увидѣлъ Глафиру Юрьевну въ одной изъ тѣхъ церквей, куда, подъ предлогомъ пѣвчихъ, съѣзжаются изо всего го-

рода къ обѣднѣ, и, вмѣсто молитвы о старыхъ грѣхахъ, запасаются свѣжими. Видъ дѣвушки привлекъ его вниманіе, голосъ ея тронулъ, а взглядъ поразилъ. Онъ разспросилъ на паперти: кто и что̀ она. Черезъ три дня съѣхался съ нею на ужинѣ, игралъ съ теткою въ ломберъ, а племянница, сидя подлѣ нея, въ-продолженіе игры вмѣшалась въ разговоръ, а подъ конецъ разсуждала съ Лукою Андреичемъ, помѣщая кстати пустыя рѣчи, составляющія часть занятій хорошаго общества, то-есть: «вы бъ могли вскрыть»—«просить позволенія», «напрасно не козыряли», «тётушка! какъ вамъ пассовать?» Лука Андреичъ изъ всѣхъ силъ любезничалъ и Леандромъ рѣзвился, нарочно проигрался, но остался въ выигрышѣ тѣмъ, что видѣлъ княжну и почти влюбился; а она и тётка въ каретѣ объ одной матеріи лишь разговаривали, то-есть о Лукѣ Андреичѣ; тётка говорила: «вотъ человѣкъ-то! и молодецъ, и богатъ, и съ репутаціей, когда бъ да посватался»... А племянница свое говорила; «что жь! не просить его, спѣшить нѐчего, надобно покороче узнать; да онъ можетъ-быть обо мнѣ и не думаетъ». Но тётка и племянница шептали про себя: «дай Богъ».—Не знаю, искалъ или нѣтъ Лука Андреичъ, но про него было разговору часа два. Ужинали они на Воронцовскомъ Полѣ, а жили на Остоженкѣ, и отъ тягости кареты, старости лошадей и лишняго пьянства кучера, едва къ подъѣзду притащились и стали на якорь во второмъ часу. Ихъ выгрузили благополучно. Племянница пошла спать, а тетка стала на молитву, и часто повторяла со вздохомъ: «О, Господи! утѣшь меня хоть на старости», что̀ слыша дѣвка Машка, сказала: «живой о живомъ и думаетъ».

Глава XXXII. — Продолженіе.

Тетка съ племянницей искали Луку Андреича, а онъ ихъ. Слѣдственно, часто и сходились вмѣстѣ. Онъ и княжна старались всякими благопристойными способами понравиться другъ-другу; а какъ у нихъ на умѣ было одно, то они скоро другъ-друга безъ объясненія поняли. Лука Андреичъ для гулянья пѣшкомъ и верхомъ и въ каретѣ лучше улицы не находилъ Остоженки, и нѣсколько разъ жизнь его была въ опасности отъ кареты, дрожекъ и скотины. Всякая лошадь и человѣкъ могли его толкать и въ грудь и въ спину. Занятой княжною, онъ спѣшилъ или ее видѣть или опять на нее взглянуть. Рѣшился открыть свою любовь при первомъ свиданіи, но языкъ не говорилъ, и онъ до того ужь влюбился, что даже помѣшался и сталъ всего бояться. Племянница сдѣлалась ангеломъ, а тётка чортомъ, и онъ, забывъ себя, не смѣлъ уже и думать, что можетъ успѣть въ женитьбѣ. По ночамъ сбирался скрывать отъ всѣхъ свою несчастную

страсть. Но городъ весь былъ въ тайнѣ. Большая часть матерей, тётокъ и дѣвушекъ занялись разбивать свадьбу и отнять у Глафиры Юрьевны завиднаго жениха. Стали шептать, кричать, клеветать, ругать и хоть безъ успѣха, но до дня свадьбы у зависти и сплетней надежда не исчезала; барыни и барышни, бывшія въ заговорѣ противъ княжны, одобряли себя словами: «мы на своемъ поставимъ».

Стали смѣяться надъ княжною, и злословить ее Лукѣ Андреичу, описывая дурной нравъ, кокетство, сплетая тысячу преглупыхъ исторій, и съ видомъ кротости, добродушія, живаго участія и жалости, помѣщали и кстати и некстати слѣдующее: «Остерегайтесь, Лука Андреичъ. Вы человѣкъ здѣсь новый, чтобъ послѣ не тужить; ужь будетъ поздно; поразвѣдайте, когда мнѣ не вѣрите. Что за находка? кокетка ли счастье? много она бѣдняжка въ свой вѣкъ терпѣла отъ мужчинъ; пора ей отдохнуть, гонявшись за всѣми! Вѣдь я знаю давно: похвалить нѐ за что, и писать мастерица: переписочекъ десять ужь и побольше. Никто ея въ публикѣ терпѣть не можетъ; жениться на ней всякому можно, а жить съ ней — не знаю; эта штука хоть куда загадка коза-рара». Это говорили Лукѣ Андреичу о тёткѣ и княжнѣ.—«Не погубите, матушка, Глафиру Юрьевну: онъ мотъ; самый вѣрный человѣкъ меня увѣрялъ, что пьетъ по ночамъ. Сказываютъ, что женатъ на Молдаванкѣ: ужь она и просьбу подала. Домъ у него настоящій сераль турецкій; варваръ съ людьми; долгъ неоплатный, едва ли и вылечится, — чтобъ не идти пò-міру; заѣстъ вѣкъ ни зà что, ни прò что; головорѣзъ.»

А вотъ дѣйствіе, какое производили всѣ эти злыя сплетни. Лука Андреичъ, по твердости духа, здравому разсудку, презиралъ все, чтò ему ни говорили про княжну. Любовь и добродѣтель его были ея ходатаи.

Тётка стояла упорно въ своемъ мнѣніи, и только лишь все время качала головой, приговаривая: «Мудрёнъ свѣтъ. Кто на него угодитъ! Когда бъ я и сама меньше вздору въ молодости слышала, то бъ понапрасну не сохла.» Племянница все слушала, но ничему не вѣрила. Она умѣла разобрать всѣ достоинства Луки Андреича, отгадала качества души его, и заключила въ ней свое благополучіе; надѣялась, что злость останется безъ успѣха. Но боялась дѣйствія клеветы, и неудача свадьбы была бы ей приговоръ смертный.

Желающія же Луки Андреича въ зятья, племянники, мужья, мерзкія гончія собаки, разбойницы союзовъ, видя дурной успѣхъ клеветы, не прежде, какъ въ день свадьбы опредѣлили между собой, что женихъ дуракъ, невѣста дура, тётка дурища, и онѣ сами дуры, что хотѣли имъ добра.

Глава XXXIII. — Уголовное преступленіе.

Законы и государи наказываютъ всѣ преступленія и вины, нарушающія спокойствіе общее, благосостояніе каждаго. Для всякой вины есть соразмѣрное наказаніе, и строгость закона укрощается лишь властію царствующаго, которому отъ Бога вручены съ судьбою подданныхъ и вѣсы правосудія, и даръ отирать слезы несчастныхъ милостію, надеждою, великодушіемъ.

Но сколь много жизнь, собственность и права людей покровительствуемы правленіями, столь мало и слабо защищена и ограждена честь. И это первое украшеніе рода человѣческаго, пріобрѣтаемое трудною и непорочною жизнію, угнетаемо повсюду злостію, завистію, корыстью, клеветою и коварствами. Наука вреда отъ времени до времени и употребленія дошла до совершенства. Нападая вездѣ на добродѣтель, гонитъ до крайности, и упорствомъ въ своихъ предпріятіяхъ часто доводитъ драгоцѣнную честь до униженія—просить себѣ у порока помилованія отъ гоненій и спасенія отъ позора.

Сколько великихъ и достойныхъ, честныхъ и добродѣтельныхъ людей обоего пола стали несчастною жертвою вооруженной противъ нихъ толпы, скаредовъ, одушевленныхъ однѣми лишь гнусными страстями! Законъ требуетъ доказательствъ; но какія можетъ представить оклеветанный тысячами людей, изъ которыхъ всѣ виноваты тѣмъ, что пересказывали и утверждали выдуманное однимъ? Къ стыду общества, клевета въ немъ принята съ большимъ удовольствіемъ. Слова ея ловятся на-подхватъ, передаются съ прибавленіями и съ поспѣшностію, и когда новая ложь замѣнитъ другую, тогда эта помѣщается въ памяти въ статью неоспоримой истины.

Но пусть у мужчины есть много способовъ перемѣнить сбитое съ пути мнѣніе, защитить свою честь, изобличить, опозорить посягнувшихъ на нее: но что̀ можетъ наградить и утѣшить оклеветанную, тихую, скромную и добродѣтельную женщину? Преступленія ея въ глазахъ порока суть дары небесные: цѣломудріе, нравственность, содрогательное сердце, благородная душа, дарованія, красота. Уваженіе общества, любовь родни, мужа, исканія жениховъ вооружаютъ противъ нея зависть, злобу и мщеніе. Они кидаютъ ядъ на добродѣтель, помрачаютъ блескъ ея, отравливаютъ бытіе и наконецъ, преобразя невинность въ порокъ, для безразсудной и повторяющей толпы не престаютъ гнать до-тѣхъ-поръ, пока грусть, скука и страданіе вырѣжутъ, вычертятъ на лицѣ глубокіе слѣды свои, или смерть дастъ убѣжище во гробѣ. О, зависть! сколь ты гнусна, опасна и вредна. Свѣтъ тебя старѣе 129 лишь годами. Ты оросила землю первою человѣческою кровью, ты подняла руку каинову на брата. Неразлучная съ огорченіемъ, злобою и негодованіемъ, ты вселяешься въ

сердце человѣческое, убиваешь чувства, оглушаешь сострадание, человѣколюбіе и раскаяніе, раждаешь ненависть къ ближнему, дышешь злобою на все живущее, ищешь гибели добродѣтели и посягаешь на благоденствіе, тишину и успѣхи каждаго.

Ликургъ, въ наказаніе клеветникамъ, прикалывалъ имъ языкъ; Солонъ предавалъ ихъ народному поруганію. Въ Англіи сажаютъ на площади въ клѣтку, у насъ берутъ съ нихъ по чину безчестіе. Но клевету должно бы помѣстить въ числѣ преступленій надъ смертоубійствомъ, и имена виновниковъ оглася всемѣстно, ихъ самихъ ссылать въ монастыри на покаяніе и позволять имъ употреблять дары слова единственно на исповѣди.

Легковѣріе, дерзость, наклонность къ дурному, презрѣніе къ людямъ, желаніе смѣшить, занимать общество, дѣлаютъ насъ неразборчивыми на счетъ разговоровъ. Злословіе, которое любезные Французы называютъ душою бесѣды, есть предшественникъ клеветы. Нѣтъ вздора, глупости, нелѣпости и мерзости, которыя бы не были приняты съ жадностію. Чѣмъ выдуманное невѣроятнѣй, вреднѣй, и предметъ злости уваженія достойнѣй, или извѣстнѣй, тѣмъ скорѣй ложь утверждается, находитъ подтвердителей, защитниковъ, свидѣтелей, ревностныхъ рабовъ, громкихъ трубачей и неутомимыхъ гонцовъ: въ самомъ большомъ городѣ чрезъ сутки всѣ повторяютъ слышанное, вѣрятъ чему угодно. Новость столь же легко пустить въ свѣтъ, какъ сигналъ въ лагерѣ: прiймись бранить — тотчасъ сойдутся, зачни хвалить—всѣ по мѣстамъ, или перебьютъ рѣчь. Всѣ злословятъ больше или меньше, но никто не думаетъ, что трогаетъ честь, губитъ человѣка; иные злословятъ по привычкѣ, другіе аккомпанируютъ, третьи — чтобъ не сочли ихъ нѣмыми; но никто не подумаетъ, что, употребляя орудіе клеветы, подвергается самъ ея ударамъ. Всѣ мы хотимъ занимать другихъ собою и отличаться въ мгновенную жизнь нашу. Но и Эростратъ и Робеспьеръ спасали свое имя отъ забвенія. Еслибъ Діогенъ вздумалъ искать въ нашихъ обществахъ подобныхъ сему сумасшедшему зажигателю, то бъ начадилъ всѣ комнаты, задувая поминутно въ фонарѣ свѣчу.

Глава XXXIV. — Не въ силахъ.

Лука Андреичъ и очень познакомился съ тетушкою и племянницей. Старая дѣвушка уже давала ему нѣкоторыя препорученія, допускала сводить себя съ лѣстницъ, шутила надъ его нерѣшимостію жениться, просила, если, паче чаянія, когда вздумается, чтобъ ей препоручилъ его сватать. Всѣ эти старыя внушенія препровождаемы были увѣреніями о его изящныхъ качествахъ, о счастіи будущей жены, о благодарности ея и пр. Чего же бы лучше, какъ при этомъ

случаѣ Лукѣ Андреичу объясниться безъ затѣй, и сказать тётушкѣ, что душа желаетъ племянницы? но нѣтъ; онъ до третьяго часа ходя у себя по горницѣ, говорилъ въ изступленіи: «Какая я скотина! люблю, и не смѣю сказать; ищу счастія и боюсь отказа; былъ молодецъ, теперь сталъ баба. Ходилъ на штурмъ, билъ Пруссаковъ, Турокъ, Поляковъ, заслужилъ георгіевскій крестъ. Еслибъ не было во мнѣ страха Божія и почтенія къ родителямъ, то бы наложилъ на себя руки.» Полно, Лука Андреичъ; ложись-ка, батюшка, спать; утро вечера мудренѣй, возьмешь и эту крѣпость. Впередъ, да впередъ; коли и кричи «ура!»

Желаніе нравиться довело княжну даже до угожденія. Примѣтя, что Лука Андреичъ не охотникъ до танцованья и до румянъ, перестала почти-совсѣмъ танцовать и румяниться; удѣляла большую часть утра на чтеніе исторіи, географіи и познаніе Россіи. Она всегда боролась съ любовью, скромностью и надеждой, и слыша одинъ разъ, что ея возлюбленный намѣревался чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ объѣзжать родину по деревнямъ, не могла преодолѣть дѣйствія пораженнаго воображенія, и изъ обоихъ глазъ покатились ручьи слезъ. Лука Андреичъ взглянулъ, увидѣлъ и поблѣднѣлъ, не зная, что думать и что дѣлать. Тётка, отъ навычки и опытности, тотчасъ нашлась и стала будто бы съ сердцемъ выговаривать племянницѣ, что она не бережется и не лечитъ насморка. Лука Андреичъ съ радостію сему повѣрилъ и присталъ тутъ же пенять княжнѣ въ большомъ замѣшательствѣ, что она не бережетъ своего здоровья, не думаетъ о здоровьѣ и хочетъ быть нездоровой. Княжна принуждена была остальное время утирать по-минутно носикъ, закрывать ротикъ платкомъ, будто отъ простуды и уѣхать, для лучшаго успѣха въ обманѣ, ранѣе обыкновеннаго домой. Въ каретѣ начались не во время упреки, увѣщанія, утѣшенія, поученія. Тётка бранила и ворчала, племянница плакала и рыдала. Наконецъ, подъѣзжая къ дому, тетка сказала: «Да полно, сударыня, плакать-то; уймись; вѣдь всѣ люди узнаютъ, что плакала.» Отвѣтъ былъ: «Какая мнѣ нужда! я вижу, что я погибаю, что мое счастье въ смерти!» Вышли изъ кареты и простились сухо; тётка не поцаловала и не перекрестила племянницы, а та не чмокнула въ костяныя руки. Жалѣя о княжнѣ, но не хотя по старости сама себѣ признаться, что она всему была причиной, повторяла часто, лежа на спинѣ: «Господи, ужли я на то создана, чтобъ все хотѣть безъ успѣха? увижу ли я когда-нибудь конецъ? мало ли страдала за себя и теперь еще больна за другихъ.» Долго она не могла заснуть отъ неизвѣстности, жалости, старости, духоты въ комнатѣ, мухъ, блохъ и клоповъ.

Племянница не могла затворить глазъ отъ любви, отчаянія и сильнаго воображенія.

На другой день обѣ явились — одна въ видѣ флюса, другая рожи, и не хотя признаться въ настоящей причинѣ безсонницы, обвиняли другъ передъ другомъ, племянница—гнѣвъ тётушкинъ, а старуха—лишнее ядѣніе разварной малины.

Глава XXXV.—Счастіе отъ кареты.

Насморкъ прошелъ, но ничто еще не рѣшено: влюбленные все въ прежнемъ положеніи, то-есть въ любви, въ безпокойствѣ и въ отчаяніи. Лука Андреичъ чрезмѣрно хотѣлъ ѣздить въ домъ къ теткѣ, но не умѣлъ этого сдѣлать, думалъ, думалъ и ничего не придумалъ; наконецъ рѣшилъ его судьбу дикій камень, называемый голышъ, выбитый изъ мостовой, котораго съ недѣлю всѣ бранили, проклинали, но оставляли посреди улицы. Это странно; но точно правда. Всѣ знаютъ, читали и слыхали, что отъ малыхъ причинъ рождаются большія происшествія. Камень родилъ толчокъ, а отъ толчка и вычислить нельзя что̀ произойдти можетъ.

Подъ-Донскимъ было гулянье и достаточный поводъ городу ѣхать туда, ѣздить взадъ и впередъ, людей смотрѣть, себя показать, ломать у лошадей ноги, у каретъ колеса, и глотать пыль, которая ничѣмъ не хуже парижской грязи. Лука Андреичъ, въ прекрасномъ визави, на сѣромъ кургузомъ цугѣ, съ страшнымъ усатымъ кучеромъ, съ скороходомъ, егеремъ и лакеемъ богато-одѣтыми, проѣхавъ раза два и не видя той, для которой онъ ходилъ, ѣздилъ и жилъ, приказалъ везти себя на Остоженку, перешелъ Москву-Рѣку на Крымскомъ Броду, слышитъ «стой!», смотритъ и видитъ толпу народа, запрудившую всю улицу; посылаетъ спросить, что такое, и получаетъ въ отвѣтъ, что сломалась карета.—«Кто въ ней?»—«Тётка и племянница». Выскакиваетъ изъ визави, бѣжитъ какъ сумасшедшій, кричитъ: «ахъ, Боже мой! владыко мой!», толкаетъ встрѣчнаго и поперечнаго; все валится, все раздается, и княжна у ногъ его, и точно у ногъ — вотъ какъ:

Карета тетушки была на пассахъ, наѣхала на вышеозначенный камень, толкнулась, пассы обрушились—и кузовъ палъ на мостовую; тетка, племянница, Калмычка, моська, брюнетка и болонская собака венерка, остались на своихъ мѣстахъ, ничѣмъ невредимы, но выйдти на свѣтъ никакъ не могли, потому-что кузовъ спустился между дрогъ и сталъ на пути недвижимъ, презирая всѣ силы рода человѣческаго. Лука Андреичъ занялся изведеніемъ заключенныхъ въ сей темницѣ, давалъ деньги, помогалъ самъ, но все напрасно, народъ прибавлялся: иной подсоблялъ, другой мѣшалъ, нѣкоторая часть зѣвала сложа руки, а большая насмѣхалась, говоря громко между собою: «Смотритка, какая бѣда! Не диво, что тутъ ночуютъ! вѣдь экой рыдванъ! Да что въ него и напихали-то! Словно какъ ковчегъ. Нѣтъ,

ужь не куда ѣхать; тутъ и сиди! Небось, лошади-то рады, что ей конецъ. Словно какъ въ садкѣ! И собаки-то тутъ... Вишь, вишь, вонъ Калмычка. Ужь куда господа-то охотники до всево! Ужь затѣйливы-то, затѣйливы! Посидятъ, посидятъ, да и голодъ пройметъ! Жаль, что барышня-то тутъ попалась, сердечная! Безъ вины виновата. Смотри, чтобъ собаки-то ихъ еще не съѣли! Чево добраго, пожалуй! Да и Калмычка-то пособитъ: вить они охотники до сырова мяса.»— «Вотъ, дурачина, захотѣлъ мяса у старухи; видишь, кожа да кости.»

Эта шутка полюбилась; смѣхъ сдѣлался электрическимъ, и во всю улицу нѣсколько тысячь человѣкъ принялись хохотать, не зная чему, и спрашивая: «что такое, что такое?»

Луку Андреича это взбѣсило; да какъ и вытерпѣть, чтобъ кто могъ смѣяться надъ кузовомъ, гдѣ княжна? Тутъ подоспѣлъ полицейскій офицеръ, и, въ силу своей инструкціи, по коей сборище черни нетерпимо, погналъ бездѣльниковъ прочь. Народъ потекъ, какъ вода, съ неудовольствіемъ говоря про себя: «вѣдь мы худаго не дѣлаемъ; вѣдь карета не наша! Пожалуй, гнать не диковина, на это у всякаго ума станетъ. Все бѣда нашему брату; смѣяться не даютъ, а бьютъ,—плакать не велятъ. Да вѣдь и завсегда такъ бывало; намъ не привыкать стать.» Но тётка, племянница и находящіеся при нихъ, всѣ сидятъ въ кузовѣ, теряютъ терпѣніе и надежду. Тётка сердится, княжна стыдится, Калмычка плачетъ, моська рычитъ, венерка лаетъ, а Лука Андреичъ бѣсится, не зная, что дѣлать. Наконецъ, выходитъ изъ воротъ въ синемъ камзолѣ и въ кушакѣ человѣкъ въ-полпьяна, подходитъ и говоритъ; «Баринъ, что же? вѣдь матушкѣ-то вашей, да сестрицѣ не жить на улицѣ. Дѣло къ ночи; развѣ караулъ къ нимъ приставить, чтобъ, помилуй Богъ, чего не сдѣлалось. Всяко бывать! Объ каретѣ ужь думать нечего,—провались она; да ей ужь и конецъ: она свой терминъ отъѣздила; вѣдь людьми ее не осилить, только сердечушки надрываются. Коли прикажете распилить дроги, такъ вотъ будетъ и порядокъ, спасибо скажете. Этой манерой все съ-маху въ резонтъ приведу. Я каретникъ, не хуже Нѣмца инаго. Мое дѣло сторона...» Голосъ его принятъ, тотчасъ дано приказаніе; камзолъ явился съ пилой, принялся за работу, завелъ-было споръ съ сбитенщикомъ, что дроги буковыя, а не дубовыя, хотѣлъ доказывать, но окрикомъ Луки Андреича сталъ паки дѣйствовать. Дроги затрещали, задокъ отдернули, и осужденныя вѣчно на кузовное заточеніе получили свободу. Онѣ сѣли въ карету, а вышли изъ портшеза.

Лука Андреичъ говорилъ: «Боже мой, какъ я радъ!»

Тѣтка. — Я въ вѣкъ этого одолженія не забуду.

Княжна. — Какое счастье, что вы тутъ случились!

Полицкій офицеръ. — Имѣю честь поздравить; не прикажете ли, матушка, дрожки, до квартиры доѣхать?

Каретникъ. — Ужь я охулки на руку не положу; кабы дали, я и кузовъ-то на мелкія части расколю: намъ не учиться...

Лука Андреичъ предложилъ тёткѣ свой экипажъ, который и принять; самъ взялся проводить Калмычку и псовую охоту, отдавъ ее на руки скороходу. Каретнику выдано достаточно жить мѣсяцъ, и тѣмъ кончилось достопамятное разрушеніе пассовъ и паденіе кузова.

Княжна въ каретѣ сказала тёткѣ: «Ужь-ли, тетушка, вы Луку Андреича не позовете къ себѣ?» Отвѣтъ былъ: «Пожалуйста, Глафирушка, не учи; я, право, тебя не глупѣй. Я изъ деликатности это сдѣлаю». И вслѣдъ за симъ, только-лишь появился у дома влюбленный нашъ герой съ собаками, то къ нему вышелъ тёткинъ человѣкъ и сказалъ: «Степанида Кузьминишна приказала васъ просить; ужь-ли вы-дескать, батюшка, не зайдете къ намъ, выпить чашку горячева?»

Лука Андреичъ нашъ влетѣлъ, и поселился. Рѣчь была о происшествіи, и чрезъ часъ весь домъ наполнился однолѣтками хозяйки, которыя, изъ благопристойности, узнавъ чрезъ разосланныхъ отъ племянницы, пріѣхали навѣстить убіенныхъ и привезли съ собою всѣ болѣзни, удручающія страждущее человѣчество въ старости; пошли толки о пассахъ, о каретахъ, о подобныхъ приключеніяхъ, похвала Лукѣ Андреичу, удивленіе о присутствіи ума каретника въ синемъ камзолѣ, брань полиціи за мостовую, а потомъ доказательства, что въ-старину все было лучше. Но ни одна старуха не замѣтила, что вѣчнаго ничего нѣтъ, что карета была однихъ съ ними лѣтъ, и что и ей должно было кончить когда-нибудь свое трясучее бытіе.

Сѣли играть въ карты—тётка съ тремя подругами въ кадриль, племянница съ Лукою Андреичемъ и съ глухою старою бабушкою въ ломберъ. Влюбленные занимались собою и смотрѣли больше другъ-на-друга, чѣмъ на карты, а бабка между-тѣмъ стирала свои ремизы, писала лишніе на нихъ, прикупала по два раза, брала вдвое за игры, крала матадоры, фишки, и имѣла безстыдство хвастаться счастьемъ. Княжна напомнила Лукѣ Андреичу, что каретникъ принялъ ее за его сестру; любовникъ неосторожно вскрикнулъ: «о, помилуй Богъ!» и оба покраснѣли—княжна, отгадавъ мысль, а онъ, проговорясь. Но игра все успокоила; влюбленный сказалъ «позвольте», влюбленная: «я вскрою», и бабка: «сампрандеръ». Пока играли, то всѣ домашнія дѣвушки и женщины, растворя немного дверь, смотрѣли на Луку Андреича, и всѣ въ одинъ голосъ говорили: «То-то молодецъ! то-то красавецъ! Дай Богъ княжнѣ быть за нимъ! Ужь этотъ за себя постоитъ.»

Дѣвки знали отъ людей, а люди отъ себя, что барыня, барышня и Лука Андреичъ затѣяли сватьбу. Отъ людей у господъ не можетъ

быть тайны: нѣтъ барина, который бы утаился отъ ближняго человѣка, и нѣтъ слуги, который бы не проникнулъ господина. Узнаетъ одинъ—узнаютъ и всѣ, и для этого нѣтъ никогда тайны на свѣтѣ.

Наконецъ, день кончился, всѣ разъѣхались; влюбленный приглашенъ ѣздить когда ему угодно, и уѣхалъ доволенъ своею судьбою и тѣмъ, что проговорился; но къ успѣху у него ничего не прибавлялось, а у тётки убавилась карета.

Глава XXXVI. — Жизнь покойной кареты.

Карета сдѣлаетъ въ жизни Луки Андреича столько же важное происшествіе, какъ въ древней исторіи похищеніе златаго руна, троянскій конь и походы Александра-Македонскаго. Она имѣла на свѣтѣ семъ подобную участь общихъ красавицъ, которыя въ молодости даютъ въ мірѣ законы и моды, въ совершенныхъ лѣтахъ идутъ на миръ, а въ старости ходятъ по-міру. Она произведена была на свѣтъ въ 1725 году, въ городѣ Брисселѣ, славнымъ каретникомъ Симономъ, на заказъ одному духовному курфирсту, по случаю коронаціи римскаго императора въ Франкфуртѣ. Тамъ была въ употребленіи у его свѣтлости; сынъ каретника передъ отпускомъ ее объѣздилъ и умялъ; потомъ переходить стала изъ-рукъ-въ-руки къ обер-гофмаршалу, къ шталмейстеру, къ президенту, къ профессору, къ тремъ нѣмецкимъ баронамъ, къ содержателю наемныхъ каретъ, къ прусскому майору, къ саксонскому каммергеру, къ бременскому сенатору, къ гамбургскому бургомистру, къ любекскому синдику, къ калмыцкому князьку, къ русскому воеводѣ, къ архимандриту, къ Степанидѣ Кузьминишнѣ, и наконецъ, каретнику въ синемъ камзолѣ, который, вынувъ изъ нея все годное, ободравъ до-чиста, опредѣлилъ ей быть садкомъ для куръ-насѣдокъ.

Въ послѣдствіе сихъ переходовъ, удивительно покажется лишь то, какъ она попала въ руки къ калмыцкому князьку; но сіе объясняется занятіемъ въ 1759 году нашими войсками Берлина, при чемъ были и Калмыки. Нѣтъ нужды сказывать, что сія дѣйствительно-изъясненная карета множество разъ была передѣлана и въ починкѣ, сколько разъ ее перекрашивали, лакировали снаружи, набивали, обивали внутри, оковывали, перемѣняли ходъ, дышла, мазь, и первые ея хозяева тысячу разъ ее бъ увидѣли, но никакъ не могли бъ подумать, что и они сами въ ней ѣзжали.

Сравняйте съ каретою одну изъ тѣхъ красавицъ, кои изъ прелестей своихъ дѣлаютъ открытый домъ и подвижной магазейнъ: и согласитесь, что съ каретою много сходства: она переходитъ также изъ-рукъ-въ-руки, перекрашивается, чинится, клеится и продается за но-

вую; только не къ чему примѣнить дышла и мази,—можнобъ да не должно: охотники до вольныхъ художествъ отгадаютъ.

Глава XXXVII.—Неприятное донесение.

Сколь мы быть должны благодарны Провидѣнію, что оно сокрыло отъ насъ предстоящее! Забывая легко прошедшее, мы спѣшимъ жить въ настоящемъ, ни мало не думаемъ, чтò съ нами случиться можетъ чрезъ минуту; а если когда попущенное воображеніе покушается проникнуть въ будущее, найдти въ немъ, сходственно съ желаніемъ бѣды или утѣхи, тогда неизвѣстность останавливаетъ человѣка въ его забытьи, принуждая признаться, что онъ перешелъ предѣлы дарованныхъ ему чувствъ. Тотъ смѣется за минуту жестокой напасти; другой хвастается счастьемъ предъ совершенною гибелью, третій полонъ затѣй и предпріятій на 50 лѣтъ, а чрезъ пять минутъ не будетъ въ живыхъ; всѣ думаютъ, придумываютъ, обдумываютъ, но не вздумаютъ о косѣ смертной, коей удары съ большою точностію и вѣрностью размѣрены и распредѣлены какъ зубцы на колесахъ у самыхъ лучшихъ брегетовскихъ часовъ. Но еслибъ мы знали часъ смертный такъ, какъ день рожденія, то бъ, вмѣсто, чтобъ наслаждаться жизнію, занимались бы единственно и безпрестанно концомъ ея; тогда бъ суеты суетъ обратились въ печаль печали.

На другой день послѣ паденія кареты, тётка и племянница все утро занимались пріятнымъ разговоромъ о надеждѣ, что общее желаніе ихъ увѣнчано скоро будетъ успѣхомъ. Устроивали ходъ сватанья, сговора, свадьбы и счастливой потомъ жизни; говоря о всемъ утвердительно, довели себя до того, что совершенно увѣрились въ непремѣнномъ исполненіи своего намѣренія. Тетка уже уговорила, чтобъ Лука Андреичъ заплатилъ за нее небольшой долгъ, а племянница обѣщала. Но это восхитительное расположеніе было въ горницѣ; а чтò стояло за дверью и явилось—чудо!

У Степаниды Кузминишны правилъ домомъ и назывался дворецкимъ крѣпостной ея человѣкъ, Сафронъ Феклистовъ, коего она, для отличія, называла Феклистычемъ. Онъ былъ нѣкогда женскимъ портнымъ, спился-было до того, что кричалъ на барыню: «слово и дѣло», но послѣ какъ-то установился и, бывъ женатъ на любезной сѣнной дѣвушкѣ, долгою жизнію схороня всѣхъ по лучше себя людей, дошелъ до высшей степени почестей въ дворянскомъ домѣ, то-есть, до дворецкихъ. Онъ мужикъ былъ толстый и глупый, и грубый, и хотя изъ зависти и изъ мѣста много разъ были на него доносы въ воровствѣ и въ упущеніи господскаго интереса, но онъ во всемъ себя очистилъ и получилъ полное удовольствіе приказаніемъ наказать

на тѣлѣ доносчиковъ. На улицѣ его всѣ знали, да какъ и не знать увидя одинъ разъ? Лучшее его упражненіе было сидѣть въ колпакѣ и въ халатѣ на лавочкѣ у воротъ и заставлять мальчиковъ, для своей забавы, играть въ бабки. Но теперь, — въ синемъ застегнутомъ предлинномъ сюртукѣ, въ башмакахъ, на шеѣ черная тафтяная веревка, недѣлю не бритая борода и съ кудрявою, хохлатою головою, въ коей отъ сѣдины не видѣнъ былъ пухъ, Феклистычъ входитъ и начинаетъ съ барынею разговоръ:

Барыня. — Что, батюшка, зачѣмъ? вѣрно денегъ просить? или Абашку на съѣзжую опять взяли?

Феклистычъ.—Нѣтъ, сударыня, деньги еще не всѣ вышли, а Абашку я изъ стула не выпущалъ. Я пришелъ милости вашей доложить, неравно вздумаете со двора ѣхать, такъ кареты вѣдь нѣтъ.

Барыня. — Что ты мнѣ это сказываешь? Вѣдь ты дуракъ, а я, благодаря Бога, съ ума не сошла. Развѣ ты продалъ, или украли жолтую и мордаре карету?

Феклистычъ. — Нѣтъ, сударыня: Пропажи въ вашемъ домѣ нѣтъ,—что жь, грѣхъ сказать!— а кареты эти двѣ хотя и стоятъ въ сараѣ, да въ нихъ ѣздить опасно оченно: того и смотри, что разсыпются; а мнѣ вѣдь ваше здоровье пуще всего на свѣтѣ. Долгія вамъ лѣта; а послѣ васъ куда мы годимся!

Барыня.—Да развѣ я тебѣ, старый чортъ, не приказывала еще на первой недѣлѣ починить мордарееву-то карету? ты забылъ? Былъ глупъ, а теперь еще глупѣе сталъ.

Феклистычъ.—Воля ваша, сударыня, въ мои лѣта люди не глупѣютъ. Я все въ одной порѣ. Да эти кареты и чинить нечего: до нихъ дотронуться нельзя. Вотъ я и пытался отдавать, да никто не берется. Здѣшній же каретникъ, Обросимъ, причитаетъ на васъ 19 рублей съ полтиной прежнихъ. Что жь мнѣ дѣлать? Вѣдь не связать ево.

Барыня.—Тебя слушать, такъ и конца не будетъ. Вотъ вчерашнюю-то карету еслибъ ты осмотрѣлъ, такъ бы сраму не было со мною на улицѣ.

Феклистычъ. —Матушка, да ужь ее чинили-чинили, да и въ пень стали, и рукъ-то марать никому не хочется; а на леченой кобылкѣ не долго ѣздить.

Барыня. — Врешь, дуракъ, врешь. Вотъ я пошлю Крисанфовну осмотрѣть.

Феклистычъ.— Да хоть сами изволите пойдти; а все то же будетъ. Я вамъ точно докладываю.

Барыня тотчасъ закричала дѣвку. Дѣвка вошла, вышла, и явилась потомъ Крисанфовна, которой барыня приказала такъ: «Поди, пожалуйста, голубушка, въ каретный сарай; посмотри, что тамъ съ каретами дѣлается. Этотъ старый чортъ все у меня поломалъ и ни за

тѣмъ не смотритъ». Барская барыня сказавъ: «слушаю, матушка, сей же часъ вамъ обо всемъ представлю», отправилась съ симъ важнымъ препорученіемъ и съ полною довѣренностію. Не прошло десяти минутъ, какъ раздался крикъ, вопль, и влетѣла въ комнату стремглавъ Крисанфовна простоволосая, безъ косынки, и съ разодранной юбкой, отъ-чего сдѣлался у ней шлейфъ. За нею, по пятамъ, всѣ дѣвки, люди: «Что такое, что съ тобой? Опомнись! перекрестись!» Но едва чрезъ полчаса могли получить отвѣтъ и реляцію отъ Крисанфовны.

«Охъ, мать моя! Охъ, государыня ты наша, сударыня, Степанида Кузьминишна! Ахъ злодѣй! что онъ со мною сдѣлалъ! обругалъ, проклятый! Это дьявольское навожденіе. Охъ, матушка, прикажи дать испить; языкъ во рту не воротится. Ну, дошла была до року! Околѣть бы безъ покаянія! Полно бы вамъ служить!»

Тутъ дали ей выпить стаканъ кислыхъ щей. Дѣвки оправили на ней, смѣючись и отворачиваясь, косынку и платокъ; и Крисанфовна, держа свой шлейфъ въ рукѣ, начала сарайную повѣсть, охая вездѣ, гдѣ запятая.

«Вотъ, матушка, какъ вы мнѣ изволили приказать сдѣлать осмотръ каретамъ-то, я и пошла прямо въ сарай; пришла, а онъ запертъ. Я вызвала Петра, рыжева кучера, говорю ему: «Петръ, отопри сарай!» Онъ мнѣ: — да тебѣ какое, де-скать, дѣло? «Отопри», я говорю: «воръ! Барыня изволила приказать». Онъ и отперъ, — точно такъ было, хоть сейчасъ съ мѣста не сойдти, — и говоритъ: Ну, Крисанфовна, поди же ты сама смотри, чтобъ послѣ не кричать караулъ. Я его тутъ выбранила, — что жь! согрѣшила, нѣчего сказать, — да и въ сарай; подошла къ жолтой каретѣ, отворила дверцы, — какъ запрыгаютъ крысы, и видимо-невидимо! одна вскочила подъ платье, а я за хвостъ да объ земь — вѣдь я человѣкъ не робкій! Да что и за крысы: иная съ кошку, такія крупныя. Какъ я заглянула въ карету-то, и тамъ живаго мѣста нѣтъ — все съѣдено, все источено, а гдѣ сидень-то, тамъ гнѣзда съ крысятами, и духъ такой, что способу нѣтъ; а въ шишкахъ-то на верху воробьи гнѣзда натаскали. Ну, хорошъ присмотръ! ужь есть за что сказать спасибо Феклистычу! Да все это ничево, все бъ дѣло плёвое. Я, ни думая, ни гадая, только чтобъ вамъ, матушка, сдѣлать угодное, осмотря жолтенькую-то карету, да и пошла къ малиновой; только лишь я за дверцы, — вотъ не лгу, Богъ свидѣтель! — анъ какъ выскочитъ, какъ вопьется въ меня, что же, сударыня? Собачища съ медвѣдя: хамъ-хамъ, да и на меня. Тутъ я ужь свѣту не взвидѣла, такъ и бухнула на землю; а собака-то и ну меня, то туда, то сюда, облапила да и сидитъ. Я ни жива ни мертва, кричу во все горло, а она пуще серчаетъ, то тутъ рванетъ, то въ другомъ мѣстѣ; ужь какъ глаза уцѣлѣли, диковинка! Ну ужь я кое-какъ выкарабкалась

да бѣжать; а собачища схватила за юбку, да и ну драть! Охъ, матушка, видѣла страху, благодаря Феклистычу! Счастливъ онъ, воръ, что не попался мнѣ, а то бы я его не хуже собаки-то приняла. Вотъ онъ, матушка, какъ вамъ служитъ вѣрой и правдой, тавлинецъ проклятый! Небось, вы не изволите знать, что и въ той каретѣ, что сломать-то изволили, дѣлалось по ночамъ... Да при княжнѣ говорить-то будто непригоже».

Должно знать, что Феклистычъ и эта Крисанфовна были злодѣи непримиримые, и вражда между ими столько же была сильна, какъ въ родѣ Атридовъ, Монтеки и Капулетовъ, Турковъ и христіанъ. Крисанфовна въ молодости желала за Феклистыча замужъ, а онъ желалъ выйдти изъ сомнѣнія на счетъ ея добродѣтели, какъ-то слишкомъ повѣрялъ и слишкомъ углубился въ открытія,—а вышло ничего, и онъ женился на другой. У нихъ частыя бывали стибки, и Феклистычъ два раза ее невинно подвелъ подъ гнѣвъ: одинъ разъ сказавъ, будто она на салопѣ прожгла утюгомъ дыру, а въ другой взвелъ, будто она разбила банку медоваго варенья, отпуская повару на сладкій слоевой пирогъ.—Тётка запылала справедливымъ и законнымъ гнѣвомъ на глупаго раба своего. «Позови Феклистыча сюда! подай его сюда! Вотъ я его бестію! Нѣтъ, ужь терпѣнія не достаетъ!»

Дворецкій встрѣченъ былъ бранью и вопросомъ: «Затѣмъ развѣ я тебя, шельму, пою и кормлю, чтобъ ты травилъ крысами и собаками Крисанфовну и перегноилъ мои кареты?»

Феклистычъ.—Помилуйте, сударыня, да чѣмъ я тутъ виноватъ? вѣдь крысы меня не послушаютъ; ужь мы не знаемъ, какъ отъ нихъ отбиться: на погребѣ держать ничего нельзя, то-и-дѣло битую живность кидаемъ въ сосѣдскій колодезь. Вонъ на святой, у лакея Зиновья пукли прочь такъ и отъѣли, не успѣлъ прилечь, сердечушка, отдохнуть на лавку. Денегъ на мышьякъ не жалуете: что жь мнѣ дѣлать? Вѣдь въ каретѣ этой ѣздить нельзя: что жь ей понапрасну пустой стоять?

Барыня.—О, скотина! о, лошадь безмозглая! а въ другой каретѣ-то зачѣмъ зашла собака? Что это, псарня, что ли?

Феклистычъ.—Да извольте прежде спросить, что за собака; это дворникова нашего дворная сука. Время пришло, вскочила въ карету да и ощенилась. Ее и чортъ оттуда не выживетъ, ништо сама выйдетъ.

Барыня.—Хорошо. Ты было меня отправилъ самоё въ каретный-то сарай! Ну, да если бы я пошла, а собака-то на меня бросилась, вѣдь я бы умерла отъ страху.

Феклистычъ.— Съ вами бъ этого, сударыня, не случилось: всѣ собаки знаютъ. Какъ она смѣетъ?..А что Крисанфовна говоритъ про ту карету, что сломалась, такъ вѣдь это ея дѣло за дѣвками смотрѣть. На

мнѣ, сами изволите знать, весь домъ лежитъ. День великъ, умаешься. Радъ какъ бы довалиться; уже ничто на умъ не йдетъ. Только смеркнется, дѣвки и пошли ёрзать, словно какъ чортъ на нихъ поѣдетъ, — сущій содомъ! Воля ваша съ ними, а что имъ потачка большая!

За симъ словомъ съ великимъ сердцемъ, но слабою рукою Степанида Кузьминишна влѣпила Феклистычу двѣ пощечины, выгнала вонъ, и запретила являться дондеже не проститъ.

Племянница, стыдясь за тётку, давала ей чувствовать, что драться непристойно, и получила нравственный отвѣтъ: «Да ты, сударыня, рада за нихъ стоять! Поживи-ка съ мое, такъ и узнаешь каково домомъ править! Дай имъ хоть немного воли, да они верхомъ поѣдутъ. Ужь что я выношу! Не понимаю, какъ уцѣлѣла. Бить съ ними одинъ манеръ; что побьешь, то свѣтъ и увидишь». — Изорванной въ клочки Крисанфовнѣ приказала укушенныя мѣста натереть рижскимъ бальзамомъ, отъ-чего ехидная старуха на стѣны лѣзла.

А Феклистычъ пришелъ домой, разбудилъ всегда-спящую свою жену и бранилъ: «А тебѣ все равно хоть свѣту будь преставленье, ты все дрыхнешь, старая хрычовка, смерти на тебя нѣтъ!» Жена, зѣвая и потягиваясь, спросила перекрестясь: «Аль на тебя барыня изволила гнѣваться?»

— То-то гнѣвалась, да и задѣла въ-барышахъ. А тебѣ все разсказывай! Ты рада слушать! Меньше знаешь, больше спишь. Дай халатъ да колпакъ.

Одѣлся въ обыкновенное свое дезабилье, и пошолъ на улицу сидѣть на лавкѣ, пока позоветъ на ѣду.

Сидя, что жь онъ дѣлалъ? размышлялъ или думалъ? Нѣтъ, онъ думать не умѣлъ, и съ роду не размышлялъ, а сидѣлъ и смотрѣлъ. И гусь, и кротъ, и сова, и свинья не думаютъ, а живутъ. И Феклистычъ также жилъ, и многіе люди такъ живутъ.

Оно покойно, нехлопотно, здорово и никому невредно.

Глава XXXVIII. — Непростительный поступокъ.

Хотя послѣ всѣхъ сихъ важныхъ происшествій на другой день другаго слѣда не было, какъ на грѣшномъ тѣлѣ Крисанфовны, и все осталось по прежнему, то-есть Феклистычъ дворецкимъ, крысы въ жолтой каретѣ, сука съ дѣтьми въ мордаре, а барыня дома; но она сбила людей съ ногъ въ одинъ день, посылая къ своимъ знакомымъ съ письмами, и хотя и употребляла всѣ ласковыя слова для состава убѣдительнаго слога, повторяя «жизнь моя, милая, душа, голубчикъ, сударчикъ, одолжи, не откажи» и проч., но по-напрасну: всѣ тѣ, у коихъ она просила на нѣсколько дней кареты, ей отказали справед-

ливыми, а больше ложными отговорками; да и просьба была основана на лжи: тётка не хотя написать изъ чванства и отъ стыда, что ѣздить нè въ чемъ и кареты купить нè на что, припутала тутъ каретниковъ, мастеровыхъ, и составила изо всѣхъ цѣховъ одинъ цѣхъ— обманщиковъ для ея одной.

Княжна очень бы желала сидѣть дома, бывъ увѣрена видѣть всякій день Луку Андреича и разговаривать съ нимъ безъ всѣхъ помѣшательствъ, кои неизбѣжны въ многочисленной бесѣдѣ; но тёткѣ жить дома было невозможно: она любила людскость, карты, ѣду, горячее, и новости, кои она, точно какъ на Кяхтѣ товаръ, размѣнивала съ прочими городскими вѣстовщицами. Дома же ей сидѣть одной за большимъ пасьянсомъ, съ меледой и проч. Къ ней никто почти не ѣзжалъ, отъ-того, что кушанье у ней было дурное, и все почти изъ годоваго домашняго запаса; чай и кофе жидкіе, молоко за-урядъ сливками; питьё: горькія кислыя щи и клюковный морсъ съ увѣреніемъ, что очень-здоровъ, а ко всему этому кресла и стулья часто подламывались и подвергали явной опасности сѣдоковъ.

Что же дѣлать? какъ быть? денегъ нѣтъ, въ займы никто не даетъ.

Но нужда раждаетъ умъ. Онъ явился и внушилъ тёткѣ дурную мысль.

Обо-дворъ съ ней жилъ Сидоръ Абрамычъ Оплотовъ, который неотмѣнно всякій годъ уѣзжалъ изъ Москвы на саняхъ, по грязи на пятой недѣлѣ великаго поста въ медынскую деревню, откуда пріѣзжалъ въ Филиповки обратно для переписки закладныхъ и векселей, и продажи хлѣба и мясовъ. Въ отсутствіе, его домишка препоручался въ смотрѣніе дворнику съ женой; а въ немъ ничего не оставалось, кромѣ въ сараѣ кареты, а въ кладовой оловяннаго сервиза и двухъ людскихъ винчуръ. За всѣ сіи сокровища отвѣчала дворничиха; мужъ ея дѣлилъ время между полицейской должности и табаку, который теръ безпрестанно въ горшкѣ оглоблею, сидя у будки, мѣшая золы на-половинкъ и отпуская на деньги мѣрочкой не свыше копейки и не ниже полушки. Расходъ былъ великъ, потому-что Маську Губана (имя будочника), всѣ знали: онъ балагуръ и кричалъ какъ соловей съ раскатами:

Чокъ чокъ!
Табачокъ —
Ахтырскій,
Богатырскій,
Изъ рожка,
Съ соколка,
Въ натряску,
На закуску,
Красичочъ,

Каблучокъ,
Пучокъ,
Сморчекъ,
Лѣзь въ горшокъ,
Ахъ, табачокъ!

Степанида Кузьминишна, преодолѣвъ безъ большаго насилія отвращеніе къ неизволительному, отправила того же Феклистыча къ сосѣду на дворъ, и онъ въ одну конференцію заключилъ съ дворничихой слѣдующій свободный трактатъ:

1) Степанида Кузьминишна обязуется платить дворничихѣ по 50 коп. за всякій разъ, что возьметъ карету.

2) Дворничиха обязуется давать Степанидѣ Кузьминишнѣ карету всякій разъ, какъ она потребуетъ.

3) Деньги платить всякій разъ напередъ и отдавать въ руки.

4) Починку всякую дѣлать Степанидѣ Кузьминишнѣ на свой счетъ не отговариваясь.

5) Если карета сгоритъ въ ѣздѣ или утонетъ, или развалится, то Степанидѣ Кузьминишнѣ дворничиху защитить, чтобъ ей не пострадать отъ барина.

6) Степанида Кузьминишна выдаетъ для разныхъ потребностей, чтобъ пустить карету въ ходъ, дворничихѣ денегъ впередъ 2 рубля, кои послѣ и зачтутся.

А какъ никогда трактатовъ не бываетъ безъ сепаратныхъ и секретныхъ артикуловъ, то и въ этомъ прибавленъ одинъ такого содержанія:

А дабы Степанидѣ Кузьминишнѣ не быть безъ кареты, а дворничихѣ безъ пропитанія, то онѣ взаимно обѣщаются наблюдать свято и ненарушимо, дабы днемъ въ вышеозначенной г-на Ошлотова каретѣ по городу не ѣздить, а ѣздить ночной порой, до вторыхъ пѣтуховъ.

Вотъ дѣло и съ концомъ безъ ратификацій; Степанида Кузьминишна съ каретой, а дворничиха съ деньгами. Я знаю напередъ, что многіе мелочные и привязанные къ формамъ и послѣдніе въ истолкованіи смысла каждаго слова дипломаты, профессоры логики и метафизики найдутъ упущенія, ошибки и вредныя быть могущія слѣдствія въ семъ договорѣ. Но къ чему придраться нельзя? Я самъ вижу, что много есть тутъ непредвидѣннаго темнаго, необъясненнаго и ненужнаго, на-пр.: въ 1-мъ артикулѣ сказано, что Степанида Кузьминишна платить будетъ по 50 коп. за всякій разъ, что возьметъ карету: могло бы случиться, что она, взявъ карету, не разсудила бы ѣхать, и изъ сего долженъ выйдти споръ, чего бъ не случилось, еслибъ сказано было «возьметъ карету и поѣдетъ въ ней», или «возьметъ карету, хоть поѣдетъ, хоть не поѣдетъ въ ней».

2-й арт. основанъ совершенно на взаимной доброй вѣрѣ.

3-й арт. объясненъ совершенно и основанъ на познаніи сердца человѣческаго такъ, что нѣтъ мѣста ни спору, ни лишнему требованію, ни сомнѣнію.

4-й арт. немного-вѣтрено написанъ и могъ бы родить тьму затрудненій, отъ того, что не означены поименно и порознь всѣ части, составляющія повозку подъ именемъ кареты, подверженной во всѣхъ частяхъ равно поврежденію.

5-й арт. съ начала до конца вопреки здравому смыслу, чести и закону. Карета могла бъ сгорѣть и утонуть съ сидящею въ ней Степанидою Кузьминишною: тогда кто очистилъ бы статью сію? а оставшись въ живыхъ по истребленіи кареты стихіями, какъ защищать измѣнницу, не боясь себя и ея соучастниковъ? Лучше бъ написать: «въ такомъ случаѣ дворничиха получитъ отъ Степаниды Кузьминишны такое-то число денегъ, что откупится отъ слѣдуемаго наказанія», или «Степанида Кузьминишна дастъ дворничихѣ убѣжище и приличное содержаніе по смерть, или на такое-то время».

6-й арт. основанъ на предосторожности, хотя не въ пользу Степаниды Кузьминишны, потому-что при разсчетѣ дворничиха могла бъ и утаить эти два рубля.

Сепаратный артикулъ весь во вредъ дворничихи, и Степанида Кузьминишна могла бы всякій разъ до свѣту держать карету, виня въ ошибкѣ времени пѣтуховъ, сонъ, или глухоту людей. Притомъ всѣмъ извѣстно, что пѣтухи въ теплое время и въ дурную погоду поютъ ранѣе обыкновеннаго, а для сохраненія кареты, тайны измѣны и наблюденія времени, можно бы написать тако: «а дабы Степанида Кузьминишна во время выѣзжала и возвращалась домой, то вышеупомянутой дворничихѣ быть завсегда при ней и совѣтамъ ея слѣдовать безпрекословно, согласуясь съ обстоятельствами и съ мѣстнымъ положеніемъ.

Вотъ теперь всякій и увидитъ, что нѣтъ вздорнаго дѣла, которое бы лучше не можно было сдѣлать; но скорость, нетерпѣніе и самолюбіе суть большія препоны усовершенствованія. Со всѣми упущеніями и погрѣшностями и неосторожностію, трактатъ состоялся до конца, и безъ спора: видно въ доброй часъ заключенъ.

Княжна, въ первый разъ какъ поѣхала въ подкупной каретѣ, выговаривала тёткѣ съ жаромъ, чувствуя всю гнусность подобнаго поступка. Но тётка отдѣлалась словомъ: «а кто жь узнаетъ?» — Послѣ этого и говорить нечего, не только выговаривать.

Это слово «а кто жь узнаетъ?» — сынъ гордаго ослѣпленія точно такъ, какъ слово «живётъ» — сынъ лѣни. Отъ сего выходятъ не доделанная и дурная работа, а отъ «кто жь узнаетъ?» большая часть мерзостей въ обществѣ, и дурные люди думаютъ себя закрыть и оправдать однимъ «не я!», а тамъ какъ выйдетъ дѣло ихъ головы,

рукъ, языка, то всѣ прибѣгаютъ къ запирательству и къ обвиненію другихъ, и къ безстыдству, кое до того простирается, что извѣстные многіе воры, плуты кричатъ: «на меня воры и плуты нападаютъ». Но этихъ слушать не надобно, а схватя за что попало, тащить къ суду. Можетъ-быть, судья и хорошо посудитъ, узнать нельзя: правосудіе вѣдь съ закрытыми глазами; да жаль, что много портитъ ощупью!

Глава XXXIX. — Кстати.

Разрушеніе кареты, ставя важною эпохою въ жизни Лука Андреича, я стану считать впредь отъ нея, точно такъ, какъ магометане считаютъ отъ эгиры, или побѣга магометова. И такъ, въ седьмый день посѣтя тётку, она нашла случай, будто къ рѣчи, завести разговоръ о каретахъ, выхваляя всѣ, въ коихъ ѣздилъ Лука Андреичъ, обратила вниманіе на себя, описывая затрудненіе съискать въ Москвѣ и хорошую и крѣпкую и недорогую и годъ съ починкою карету; боялась, что ее обманутъ, да гдѣ ей ѣхать, да кто для ней поѣдетъ, — и говорила бы до упаду, еслибъ Лука Андреичъ не предложилъ ей избавить его отъ четверомѣстной кареты, въ которой онъ разъ только ѣздилъ и будто не могъ терпѣть за то, что на ней верде-помовый цвѣтъ, и что онъ ее отдаетъ съ уступкою за 250 рублей. Тётка безъ обиняковъ приняла щедрое предложеніе влюбленнаго въ княжну и попросила подождать до Покрова денегъ, бывъ рѣшительно намѣрена въ душѣ никогда ему ихъ не платить. Княжна блѣднѣла и краснѣла за тётку. Но та будто не примѣчала и располагалась забирать по возможности и впредь. Она ужь стоила рублей съ триста жениху бездѣлицами и плодами. Но въ такихъ случаяхъ угожденье есть первый предметъ въ любви. Лука Андреичъ тотчасъ прислалъ карету, и Степанида Кузьминишна такъ сей находкѣ обрадовалась, что сѣла въ нее на дворѣ и обратила въ присутственное мѣсто, разбирая просьбу мужиковъ на старосту, и кушая, будто отвѣдывая, яблоки и коврижки вяземскія, принесенныя въ кулькѣ ей на поклонъ; наконецъ изволила выйдти и устанавливала карету въ сарай, забывъ всѣ случившіяся странныя происшествія съ Крисанфовной во время войны съ крысами и собакою. Пришедъ въ комнату, расцаловала княжну, и не въ силахъ даже была хвалить Луку Андреича, а только повторяла съ мокрыми отъ радости глазами: «вотъ человѣкъ! вотъ то-то человѣкъ! ну ужь человѣкъ!»

Княжна, бывъ сердита, сказала: «я право не знаю, что̀ онъ о васъ подумаетъ послѣ этой кареты?» — И, другъ мой! въ мои лѣта не осудитъ: что̀ на мнѣ взъискать? я его люблю какъ душу, и все пріиму. Вотъ онъ мнѣ подарилъ въ чемъ ѣздить, а ты послѣ свадьбы —

на чемъ: эти сѣрыя лошади показались мнѣ бѣшены; помилуй Богъ, что съ тобою сдѣлается! — Княжна, вышедъ изъ терпѣнія, сказала, что еще не замужемъ. «Да если бы это и случилось, то какое право имѣю дарить лошадей? И если онѣ для меня бѣшены, то для васъ и еще опаснѣе». Затѣмъ она пошла къ себѣ, а тётка въ-слѣдъ говорила: «Да меня хоть убьютъ, такъ ничего; мнѣ и безъ того не долго на свѣтѣ биться; а ты, плутовка, все выпросишь, только проси: въ своей семьѣ какой разсчетъ!» Вотъ до чего набожная и цѣломудренная Степанида Кузьминишна забылась и говорила племянницѣ неприличное, а все отъ-того, что много ѣла коврижекъ, въ которыя много кладутъ гвоздики, корицы, инбирю; взяла даромъ карету — захотѣла и цугъ сѣрыхъ жеребцовъ...Трудно желаніе удовольствовать, и она тѣмъ была виновнѣе, что у всѣхъ просила, а у ней никто ничего; такъ къ сему привыкла, что это сдѣлалось второй ея натурой.

Глава XL. — Нельзя не поворожить.

Въ-продолженіе нерѣшимости Луки Андреича, тётка, погруженная въ тяжкое сомнѣніе, соблазнилась словами короткой своей знакомой, Маремьяны Бобровны Набатовой, которая вѣровала въ одну славную кофейницу, точно какъ древнія въ сибиллъ или оракула Апполона Дельфійскаго, превозносила до небесъ чухонскую колдунью и тысячью примѣрами поколебавъ духъ Степаниды Кузьминишны, взялась привести кофейницу, и хотя и увѣряла, что та для нея все сдѣлаетъ, бывъ ея задушевнымъ другомъ, но не прежде трехъ дней по обѣщанію могла съ нею явиться: такъ много было охотницъ открывать въ гущѣ судьбу.

Кофейница была родомъ изъ Выборга и получила въ наслѣдство отъ матери даръ брать пошлину съ легковѣрія и глупости; въ Ригѣ и Ревелѣ она едва могла достать нужное пропитаніе и извѣстна тамъ была подъ именемъ *мэдхенъ Минхенъ*, то-есть дѣвка Мина; но пріѣхавъ въ Москву изъ Риги съ обозомъ сельдей, анчоусовъ и прочей гнили, которую, за негодностію, изъ портовъ отправляютъ въ Москву ежегодно, принялась за свою профессію, чрезъ мѣсяцъ перестала ѣздить на дрожкахъ, а въ присылаемыхъ каретахъ; чрезъ два же года купила на Моросейкѣ домикъ, и зажила своимъ домомъ; содержаніе ей ничего не стоило, потому-что у насъ съѣстное для людей и скота ни зачто считаютъ; за колдовство брала у-себя по 5 р., на сторонѣ по 10 р. Гардеробъ ея ежедневно умножался и хотя былъ не самый модный и не новый, но весь почти шолковый. И скверная эта чухонка ѣздитъ въ каретѣ, живетъ въ своемъ домѣ, изъ Минхенъ превращается въ Мину Карловну мадамъ Шнапгельдъ, упиваетъ-

ся на ночь англійскимъ пивомъ, утѣшаетъ, огорчаетъ по своей волѣ въ Москвѣ.

Обида вамъ, ворожеи, Цыганки, колдуньи! Но вы сами виноваты за чѣмъ вы родились на Руси, говорите по-русски, шатаетесь пѣшкомъ по подоконью и по кабакамъ въ замаранномъ платьѣ. Дѣлать нечего, видно такъ вамъ на роду написано; а ужь этой записки никто не переправитъ и не подскоблитъ. Наука Мины Карловны состояла, смотря въ чашку выполосканную кофеемъ, врать вздоръ, описывая будто видимое. Говоря полчаса обо всемъ томъ, что̀ въ жизни каждаго легко случиться можетъ, должно что-нибудь непремѣнно и сбыться. Деньги, чины, почести, любовь, дружба, отъѣздъ, пріѣздъ, печальныя и пріятныя вѣсти, мужъ, женихъ, обожатель, смерть, родины, ссора, миръ,—вотъ загадка и отгадка науки Мины Карловны, начинка жизни нашей.

Мина Карловна, за недѣлю увидя въ чашкѣ, что одна знатная барыня 76 лѣтъ должна долго-долго еще жить, получила въ подарокъ за прибавленіе къ долголѣтію желтый гарнитуровый робронтъ, шитый дома въ пяльцахъ разводами. Барыня умерла чрезъ два дня отъ паралича, а робронтъ остался, и это въ порядкѣ вещей. Въ семъ-то нарядѣ съ Маремьяною Бобровной удостоила посѣщеніемъ тётушку выборгская волшебница. Отъ короткости въ домахъ, чрезъ разспросы дѣвокъ и людей, чрезъ свою догадку она знала почти напередъ, что̀ могло быть пріятно въ тѣхъ домахъ, гдѣ она хозяевъ дурачила, и исторія Луки Андреича давно дошла до ея обширнаго свѣдѣнія.

Должно при семъ случаѣ отдать справедливость княжнѣ, что она не хотѣла быть свидѣтельницею ворожбы и просидѣла все время въ своей комнатѣ.

Кофе поданъ, поставленъ на столѣ, люди высланы, двери затворены, и Мина Карловна, при слабомъ свѣтѣ двухъ сальныхъ коптившихся вологодскихъ свѣчь, завладѣвъ вниманіемъ Степаниды Кузьминишны и Маремьяны Бобровны, начала съ разстановкою во всѣхъ мѣстахъ рѣчи, гдѣ ставятся знаки правописанія:

«Много, сударыня, тутъ хорошаго. Вотъ тутъ прекрасная дѣвица что-то сидитъ задумавшись. Она думаетъ о кавалерѣ, и этотъ кавалеръ большаго роста и большой баринъ; онъ самъ очень, очень влюбленъ, но не знаю, что-то ему мѣшаетъ открыться, какія-то дамы и нѣсколько кавалеровъ. Вотъ эта дѣвушка будто и плачетъ; а одна дама, такая почтенная, уговариваетъ ее и обнимаетъ, а она все плачетъ; да и кавалеръ этотъ неспокоенъ: онъ все ходитъ будто въ отчаяніи; не знаю, тутъ что-то карета сдѣлала. Вотъ всѣ благодарятъ, а ужь кавалеръ-отъ такъ и подлетаетъ, такъ и таетъ. Много тутъ еще будетъ препятствій и слёзокъ. Посмотримъ, что̀ въ другой чашкѣ».

Поболтала другую чашку и продолжала :

«Постойте! постойте! Вотъ, кажется, и конецъ. Церковь; идетъ священникъ; поздравляю: вотъ и свадьба. Женихъ какъ герой. Дѣвушка очень-довольна, но ей тошно,—дурнота; вотъ ей даютъ въ руки скляночку. Ахъ мейнъ готъ! какое богатство въ домѣ-то! Все золото да позументы; ну, нѐчего сказать, все какъ во дворцѣ. Какой веселый балъ! А вотъ тутъ эта другая сидитъ дама: какъ важна, какіе ей подарки, и всѣ ее такъ благодарятъ. Ну, ужъ теперь нѐчего больше сказать; все кажется благополучно и какъ быть должно».

Въ-продолженіи этого пустословія, Набатова была въ восхищеніи такъ какъ ступающій по долговременномъ отсутствіи странникъ на землю родины, — другъ узнающій что его другъ живъ, — нѣжный мужъ, обрѣтающій жену и дѣтей, или отецъ, видящій при рекрутскомъ наборѣ, что сынъ его не входитъ въ мѣру, — и при всякомъ открытіи восклицала «каково? каково?» — а Степанида Кузьминишна, обратясь вся во вниманіе, не смѣла и дыхнуть, чтобъ не прервать нить счастливой своей судьбы въ устахъ чухонской парки, изъясняла выразительно свое наступленіе обоими глазами, изъ коихъ одинъ говорилъ «удивительно!», а другой кричалъ «непонятно!», смотрѣла сама въ чашки; но такъ какъ и Мина Карловна ничего въ нихъ не видала, уваженіе къ кофейницѣ преобразилось въ глубочайшее почтеніе: она не знала, гдѣ ее посадить, какъ угостить и чѣмъ возблагодарить за радость, которой она ее облила съ ногъ до головы.

—Жаль! сказала лукаво Набатова: — что княжны здѣсь не было; ее бы кофей-то занялъ. Да гдѣ она, мать моя?

— Все утро жаловалась головою: вѣдь у ней мигрень очень-часто бываетъ. Пойду ее бѣдняжку посмотрю.

Тётка вбѣжала къ племянницѣ точно такъ же скоро, какъ Крисанфовна изъ сарая, и бросилась цаловать и въ щеки, и въ губы, и въ лобъ. «Ну, Глафирушка! благодари Бога. Знаешь ли, Мина Карловна все узнала, все отгадала, и—свадьба, мой другъ, свадьба. Подъ вѣнецъ дурочку! Скажешь мнѣ спасибо. Велика милость Господня!» Княжна объявленіе приняла съ насмѣшкою; потомъ, желая будто узнать, чтò врала кофейница, выслушала все со вниманіемъ и отъ-того не объяснила своихъ мыслей, что вдругъ хотѣлось сказать «не бывать» и «будетъ». Тётка предложила ей подарить что-нибудь чухонкѣ; племянница отвѣчала, «я право не знаю, посмотрю», посмотрѣла —нашла, и послала прекрасное платье, на коемъ одно лишь было пятнушко.

Не вините, пожалуйста, сей добронравной княжны; вы знаете, что она влюблена; а кто изъ влюбленныхъ пользуется разсудкомъ? Онъ всегда въ отпуску, пока бродитъ голова и болтаютъ чувства, а является въ то время, какъ все устоится и любовь отсядетъ на дно.

Тётка хотѣла-было сохранить чашки, замѣтя номерами, какъ дѣ-

лают въ кровопусканія; но не знаю, что-то помѣшало, и я сего изслѣдовать не могъ.

Глава XLI. — Два случая.

Докторъ осуждаетъ подъ шниперъ больнаго и предписываетъ лекарство облегчить его выпускомъ нѣсколькихъ фунтовъ чистой крови.

Приговоръ чрезъ нѣсколько часовъ исполняется безъ отсрочки по той причинѣ, что эти сентенціи всегда конфирмуетъ смерть. Больнаго сажаютъ на стулъ, не велятъ смотрѣть, колютъ, рѣжутъ ноги, руки и достаютъ крови сколько лекарю угодно, и для занятія и чтобъ скорѣй она бѣжала фонтаномъ, а не ручьемъ, даютъ въ руки блѣдному страдальцу трость, а больше щотку и велятъ ее шевелить, и если въ семъ трогательномъ положеніи застигаетъ обморокъ, то оживляютъ спиртомъ, или уксусомъ четырехъ разбойниковъ, кромѣ лекаря.

А съ простымъ народомъ меньше затѣй: кровь ему не пускаютъ, а кидаютъ до обморока: это мѣра,— и неоспоримымъ доказательствомъ сему служатъ всѣ вывѣски на цирюльняхъ, гдѣ обоего пола особы пишутся съ свислою головою и въ обморокѣ; въ руки имъ даютъ кочергу или помело, оживляютъ спрыскомъ холодной воды, и вездѣ видно, что человѣкъ обезьяна, и перенимаетъ у людей. Операція та же, но цѣны разныя: лекарю у господъ обыкновенно въ чашки кладутъ бумажки съ нумерами по мѣрѣ какъ онѣ наполняются, и если докторъ охотникъ до крови и уваженъ лекаремъ, или лекарь умничаетъ, или о другомъ думаетъ, то нумеровъ выходитъ до 10. Чашки берегутъ до пріѣзда доктора, который ихъ осматриваетъ, изъявляетъ свое мнѣніе разстройкою лица, качаніемъ головы, или чмоканьемъ языка, предписывая или опять наполненіе чашекъ остальною кровью, или даетъ покой — часто вѣчный.

Не мнѣ судить должно, такъ или нѣтъ. Къ-чему этотъ инспекторскій смотръ чашекъ? Но вотъ что со мною случилось.

Мнѣ было 19 лѣтъ; я занемогъ жабою, впалъ въ бредъ и опомнился безъ шести чашекъ крови, кои стояли вокругъ меня, какъ трофеи вокругъ славнаго полководца. Докторъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ, хвалилъ мою кровь и сказалъ: «теперь довольно; увидимъ, что̀ далѣ», и всѣ увидѣли меня здороваго черезъ четыре дня. Но вѣдь кровь онъ смотрѣлъ не мою, и никто не знаетъ чью: слуга, который выносилъ чашки, упалъ съ подносомъ и все пролилъ; но чтобъ исправить, взялъ шесть чашекъ, побѣжалъ напротивъ дома въ цирюльню и за пять копеекъ нацѣдилъ крови изъ перваго человѣка, который явился къ фельдшеру подъ шниперъ. Сію-то смотрѣлъ докторъ, по ней судилъ обо мнѣ, и ею спасена моя жизнь; а дѣло сіе вышло послѣ чрезъ упре-

ки двухъ людей: они побранились, подрались и пришли доказывать другъ на друга всякаго рода мерзости за три года.

Глава XLII. — Закусилъ.

Когда г. Вейсманъ посланъ былъ для поиску Турокъ, найдя визиря съ большою арміею, разбилъ его и овладѣлъ цѣлымъ лагеремъ, тогда лучшая лошадь съ богатымъ приборомъ подарена была отъ начальника Лукѣ Андреичу; не знаю, арабской или барбарской породы былъ этотъ жеребецъ, но статей удивительныхъ, вороной какъ уголь, роста большаго, огненный какъ Везувій, легокъ какъ пухъ, быстръ какъ вихорь, гибокъ какъ змѣя, проворенъ какъ Жидъ, гордъ какъ временщикъ, послѣшливъ какъ лягавая собака; имя ему было визирь, — и на семъ-то дивномъ конѣ Лука Андреичъ въ шитомъ мундирѣ, окруженный друзьями и пріятелями, въ послѣдствіи толпы своихъ людей на прекрасныхъ лошадяхъ, явился на-Прѣснѣ въ день гулянья на Трехъ-Горахъ. Онъ былъ ѣздокъ и хватъ; визирь горячился, вертѣлся какъ бѣсъ, успѣвалъ всякому себя показывать спереди, справа и слѣва, леталъ какъ ласточка, прыгалъ какъ блоха, изъ ноздрей искры металъ какъ изъ трубы, а изо рта пѣну, какъ изъ моря. Въ окнахъ всѣ дивились, народъ останавливался и одно говорилъ: «ахъ, лошадь! ахъ молодецъ! ну ужь нечего сказать! эна! эна!» Лука Андреичъ, знавъ домъ, въ которомъ тётка съ княжкою сидѣли подъ окошкомъ, подъѣзжая, прибралъ поводья и захотѣлъ себя показать во всей верховой славѣ; но визирь, отъ-того ли, что долго былъ неѣзженъ, или былъ слишкомъ разгорячонъ, въ одно мгновеніе ока сдѣлалъ два престрашные скачка, закусилъ, полетѣлъ и исчезъ. Все это произошло въ глазахъ княжны; она смотрѣла на приближеніе Луки Андреича со страхомъ, съ самолюбіемъ и съ восторгомъ; но какъ лошадь его понесла, то она оцѣпенѣла, закрыла глаза и, услыша «бьетъ! бьетъ!», обмерла и упала съ окна на полъ полумертвая.

Ее вынесли въ другую комнату, стали разснуровывать, тереть, прыскать, заставлять чихать, и едва чрезъ часъ довели до того, что она открыла глаза и, не опомнясь еще совсѣмъ, залилась слезами, спрашивая довольно-громко: «гдѣ онъ? Боже мой, что со мною будетъ!» Дали ей выпить стаканъ простой воды съ колонскою, нанесли всякихъ сильныхъ снадобьевъ, всѣ углы платковъ завязали узлами и отправили съ тётушкою домой. Вотъ и гулянье.

Луку Андреича визирь несъ и билъ версты три, но не сбилъ, и нашъ Александръ Македонскій укротилъ своего буцефала, но ѣхать далѣе не могъ, разодравъ сапоги и оцарапавъ ногу о каретное колесо; поскакалъ къ себѣ переодѣться, но, узнавъ, что княжну боль-

вую привезли домой, въ первомъ движеніи бросился-было самъ провѣдывать, но отъ застѣнчивости отправилъ скорохода спросить о здоровьѣ и сказать, что съ нимъ случилось, и все это было не кстати.

Пока лошадь била Луку Андреича, то на улицѣ сдѣлалась суматоха престрашная; въ домахъ кричали: «ахъ! ахъ! что такое? кто такой?»; а народъ дѣйствительно съ усердіемъ вопилъ «держи! держи! ахъ Мати Божія! вѣдь это бѣда! убьетъ сердечушку! а молодецъ-отъ, молодецъ!» И изъ сего можно заключить, что красота дѣйствуетъ сильно надъ чувствами: народъ принимаетъ живое участіе въ опасности Луки Андреича, отъ-того, что онъ великъ, строенъ, молодецъ, и лошадь подъ нимъ богатырская; но выпустите сквернаго нарпашку, или важнаго карлика, или спѣсиваго горбунка,—пусть его понесетъ по улицѣ и при народѣ клеперокъ съ стриженою гривою, или сухой кургузый англійскій пострѣлъ, то другаго не услышете, какъ хохотъ и «Смотри, смотри, какъ треплетъ! экой срамъ! ну, комедія! и бить-то нѣчего, и охъ сказать нѐ по чемъ. Ужь штука, братъ! Ахъ, ты уродина! туда жь за людьми. Ну, спрашивай ума!» А если кто остановитъ и спасетъ этого горбуна или человѣчка, того пріймутся бранить: «Чтò тебѣ жаль его что ль стало? Ну, туда и дорога; не ѣзди; зачѣмъ, дурачина, останавливалъ. Да этакой потѣхи и не нажить!»

Глава XLIII. — Ядовитыя змѣи!

Въ томъ домѣ, гдѣ сидѣла подъ окномъ княгиня Глафира Юрьевна, много было гостей, и всѣ барыни подъ видомъ сожалѣнія пошли ее оттирать, слѣдственно слышали слова: «гдѣ онъ, Боже мой, что со мною будетъ!», и какъ-скоро она съ теткою уѣхала, то и пошли толки: «Жаль княжны бѣдненькой: она что-то не по себѣ и пріѣхала». «Этого однакожь не примѣтно было». «Да она ужь давно какъ въ воду опущена». «Кàкъ не испугаться, — есть отъ-чего!» «И конечно на это равнодушно смотрѣть нельзя, особливо ей. Ужь право, дай Богъ поскорѣе конецъ».

— Да-съ, эта свадьба что-то идетъ въ длинный ящикъ.

— Не простительно Лукѣ Андреичу ѣздить на такой лошади; она же, сказываютъ, и турецкая.

— Матушки, какой страхъ! всѣхъ перепугала до смерти.

— Да вѣдь онъ и о себѣ не думаетъ, не токмо что о другихъ. Это видно по его поведенію съ княжною.

— Ну, въ этомъ больше тётка виновата: она Богу дастъ отчетъ.

— Мудрено разобрать, кто причиною, а и княжну похвалить грѣ-

шно. Да что̀ она такое въ немъ нашла? мужикъ съ гайдука; я право его боюсь; того и смотри, что убьетъ.

— Да у гайдука-то, матушка, 5,000 душъ, и все хлѣбныя деревни, одна другой лучше; ну да и бригадиръ: цугомъ-то поравняется со всякимъ.

— Вотъ то-то, все до случая; кабы не запрыгала лошадка, такъ бы княжна не облабетилась.

— Да она не помнила, что̀ говорила; такъ безъ памяти.

— Ахъ, мать моя! да у ней памяти никто не отбивалъ.

— Да Лука-то Андреичъ ее убилъ.

— А мнѣ такъ тётушка-то мила: точно какъ сушеный черный грибъ; готовитъ племянницу заступить свое мѣсто. Хорошее дѣло— воспитаніе! Ахъ, избави Богъ дѣтямъ оставаться безъ отцовъ и матерей, пропадшія бѣдняжки.

— Да, сударыня, примѣръ этотъ мы сейчасъ видимъ. Чтобъ княжна-то не умерла отъ испугу. Долго ли до бѣды! Что же? Дѣвичій отъ нея не далеко; тамъ мѣста еще много.

— И, полно, матушка; все пройдетъ, изволите увидѣть. Что̀ за болѣзнь! тошнота маленькая.

— Можетъ-быть разстроенъ желудокъ.

— Да, можетъ-быть; я такъ не то̀ думаю.

— А что же такое? не-уже-ли?.. И, нѣтъ! ужь этому никакъ не повѣрю, воля твоя.

— Ну, не вѣрь, мать моя; Богъ дастъ доживемъ,— увидимъ либо услышимъ; вѣдь девять мѣсяцевъ не вѣкъ...

— Вообразите! Ахъ, Боже мой! вотъ до чего дожили!

— Я надѣюсь, что съ ней это будетъ въ послѣдній.

— И, полно, матушка! развѣ тебѣ жизнь надоѣла, хочешь свѣту преставленія!

— И дай Богъ ему здоровья; мы-то чѣмъ же виноваты?

— Ну натурально!

И пошло тутъ толкованье, шептанье. сообщенія, замѣчанія, лжи, клеветы, и изъ сего дома въ полночь выѣхало фурій съ дюжину, навьюченныхъ ядомъ клеветы, которая въ сутки поднялась, разрослась и разнеслась, какъ въ одно лѣто башня, качанъ капусты и прахъ земной.

Проклятыя злодѣйки, чортовы посланники, адскіе почтальйоны, звѣри ехидные! достойно бы вамъ родиться слѣпыми, глухими и нѣмыми. Что̀ предъ вами убійца? Того законы отдаляютъ навсегда отъ общества людей; а вы настоящіе душегубцы. О, ка̀къ жаль, что на васъ не привязываютъ почтовыхъ колокольчиковъ! Тогда бы звукъ ихъ при первомъ движеніи вашемъ предохранялъ родъ человѣческій отъ остраго жала вашего, такъ-какъ шумящій хвостъ змѣи съ коло-

кольчиками извѣщаетъ людей о приближеніи сей ядовитой пресмыкающей.

Глава XLIV. — Посольство.

Двоюродный дядя по матери Луки Андреича, человѣкъ стараго вѣка, честныхъ правилъ и при грубой наружности внутренно чувствительный, узналъ на другой день приключеніе племянника на улицѣ и княжны въ домѣ. Навѣстивъ разстроеннаго любовію Луку Андреича, разсказалъ ему все происшедшее, представилъ всѣ пагубныя слѣдствія, молву городскую и, разсердясь, заключилъ вопросомъ: «Что жъ ты думаешь, жениться или нѣтъ? Если хочешь, такъ напрасно откладывать. Ступай перекрестясь; у тебя люди, лошади и кареты, благодаря Бога, есть, не занимать-стать; не давай на поруганіе будущей своей жены, не губи честной дѣвушки. Если не хочешь жениться, такъ запрягай лошадей, да убирайся куда глаза глядятъ. Полно срамиться! зачѣмъ лѣзъ какъ сомъ въ вершу? Подумай, братъ племянникъ, вѣдь это дѣло не шутка. Да, нынче все не такъ, какъ въ наше время; тогда была смерть копейка, а нынче честь полушка. Ужели надѣешься на то, что сирота тебѣ досталась? Ты думаешь, что не знаю всѣхъ твоихъ шашней. Нѣтъ, братъ Лука, я самъ у себя. Подойди-ка къ зеркалу, да посмотрись: вѣдь краше въ гробъ кладутъ; а она, моя милая, была какъ розовый цвѣтъ, а теперь въ чемъ душа держится. Только и разговору, что о ней, да о тебѣ; куда не завернешь, вездѣ въ набатъ бьютъ. Ну, что это такое? Если бъ съ моею дочерью этакъ кто пошутилъ, да я бъ ему, собачьему сыну, и руки и ноги переломалъ—воля государева со мною. Я отецъ; дѣтей въ обиду не дамъ ни подъ какимъ видомъ. Нѣтъ, ты не въ батюшку. И изволь знать, если ты не поѣдешь свататься, то тебя прошу ко мнѣ въ домъ не ѣздить. Хотя и родной племянникъ и сынъ сестры, моей благодѣтельницы, но я тебѣ въ вѣкъ этого не прощу.»

Хотя Лукѣ Андреичу было 36 лѣтъ, но дядя точно такъ ему говорилъ, потому-что права были его родственныя и честныя; онъ его не обидѣлъ словами, а растрогалъ упрекомъ памяти отцовской. Племянникъ обнялъ дядю и расцаловалъ у него руки, разсказалъ исторію своей страсти, настоящаго положенія, желаніе и страхъ, что откажутъ. Дядя опять заговорилъ: «Ну, да если ты онѣмѣлъ и поглупѣлъ, такъ чего тебѣ лучше: изволь, я ѣду; скажи только слово— тётка мнѣ человѣкъ знакомый: она въ чуму у меня въ карантинѣ въ Королевцѣ сидѣла, и до-сихъ-поръ хлѣбъ-соль помнитъ. Мы съ ней въ трехъ словахъ дѣло сладимъ—и по рукамъ; а вы тамъ остальное сами додѣлывайте.»

Опять принялся племянникъ дядю цаловать и упрашивать, чтобъ ѣхалъ тотчасъ; но дядя отговорился, что ему надо идти домой, что у него званые гости, что надо соснуть, одѣться, и заключилъ пословицей «поспѣшимъ да людей насмѣшимъ».

И въ-самомъ-дѣлѣ, ему надобно было прибраться: онъ ходилъ пѣшкомъ къ обѣднѣ, а оттуда къ Троицѣ-подъ-Гору; его забрызгали грязью; онъ былъ въ сюртукѣ и безъ камзола, во уваженіе жаркаго время.

Глава XLV.—Сватанье.

Лукѣ Андреичу показалось, будто княжна съ нимъ перемѣнилась отъ-того, что она отъ любви, отъ неизвѣстности и отъ разглашеній на ея счетъ по городу съѣдаема была печалью и лишилась своего веселаго нрава; а отъ сей мечты продозрѣніе, ревность и гнѣвъ стали постоемъ въ душѣ его, и если бъ визирь не закусилъ удилъ на Прѣснѣ, то бъ нельзя и предвидѣть, чѣмъ бы кончилось это любовное похожденіе. Но нѣтъ худа безъ добра; иногда все идетъ къ лучшему, иногда къ худшему, и это слѣдстіе общаго движенія въ мірѣ.

Дядя, наѣвшись, напившись дó-сыта, прилегъ на старое канапе и всхрапнулъ ровно часъ съ четвертью; сна его ничто тревожить не могло: шумъ—отъ-того, что человѣкъ надъ нимъ читалъ третій томъ «Тысячи Одной Ночи»; мухи—ихъ сгонялъ мальчикъ полотенцемъ.

Проснулся, засвисталъ, выпилъ пять чашекъ чаю, съѣлъ дыню, напудрилъ бѣлую голову, надѣлъ кирасирскій мундиръ, сырсаковый камзолъ, препоясалъ мечъ и отправился говорить за племянника къ Степанидѣ Кузьминишнѣ.

Онъ ее засталъ дома; княжна еще не совсѣмъ-здоровая, сидѣла тутъ же въ комнатѣ. Посла приняли со всею надлежащею почестію, посадили въ большое мѣсто. Тётка спросила, каковъ Лука Андреичъ; а дядя отвѣчалъ: «все охаетъ, да крѣпкую думу думаетъ», спросилъ самъ у княжны: «а ваше сіятельство чтò такъ печальны? въ ваши бъ лѣта и грустить не объ чемъ! право такъ». За отвѣтомъ: «я не очень здорова и не могу избавиться отъ боли въ головѣ», почувствовала, что слезы хотѣли бѣжать изъ глазъ, успѣла встать, и пошла къ себѣ въ комнату.

Лишь она за двери, то посолъ и приступилъ къ трактованію о союзѣ.

— Послушай, матушка Степанида Кузминишна; мы съ тобой люди немолодые, давно уже въ свѣтѣ толкаемся. Чтò пустяки понапрасну калякать? Изволь-ка милостиво выслушать. У тебя племянница невѣста, а у меня есть женихъ; ты его знаешь довольно; мнѣ хва-

лить его не годится, ибо онъ мнѣ родной племянникъ; отъ роду ему тридцать-шесть лѣтъ, бригадиръ и кавалеръ; имя его Лука, по отчеству Андреичъ, а фамилія Кремневъ; имѣнія за нимъ пять тысячь душъ, ума палата, сущій христіанинъ и человѣкъ много-честный. Такого молодца поискать со свѣчкою: чего же думать? Помолимся Богу, да и по рукамъ: намъ же будетъ любо на нихъ смотрѣть; право такъ!

Хотя душа и сердце Степаниды Кузминишны готовы были повергнуть тѣло ея къ личнымъ сапогамъ свата, но умъ сохранилъ равновѣсіе, далъ видъ важный, съ прибавкою спѣси, и внушилъ слѣдующій отвѣтъ:

— Я, конечно, благодарна вамъ за сдѣланную честь моей племянницѣ, что желаете ее имѣть въ своемъ семействѣ, и знаю достоинства Луки Андреича, слышавъ много объ немъ добраго. Но она еще молода. Я хоть увѣрена, что она изъ воли моей не выйдетъ, но принуждать ее не намѣрена, и выборъ жениха предоставляю собственному ея расположенію. И такъ, вы не обидьтесь отсрочкою и позвольте мнѣ подумать хорошенько и узнать мысли племянницы. Я же вамъ чистосердечно признаюсь, что съ моей стороны желала бы очень, чтобъ расположеніе ея могло быть согласно съ вашей пропозиціей. Бракъ есть вещь столь важная, что... немудрено... если я... и она... вы знаете...

Отвѣта она не кончила отъ радости, отъ непривычки говорить рѣчи и отъ нетерпѣнія сообщить сіе неожиданное извѣстіе княжнѣ; а посолъ, подхватя послѣднее слово, продолжалъ:

— Да я знаю, что княжна непрочь отъ моего племянника. Что̀ тутъ за церемоніи! А для соблюденія канцелярскаго порядка, отправляйся, любезная сватья, къ невѣстѣ, да пришли ко мнѣ записочку, изволишь ли слышать? Что̀ мучить понапрасно молодёжь? Я теперь пойду къ моему, а ты пробирайся къ своей. Прощай, милая; дай ручку. Вотъ такъ.

Засимъ онъ поѣхалъ прямо къ племяннику, разсказалъ слово-до-слова все, и описаніемъ отвѣта и удаленія княжны изъ комнаты конференціи привелъ его сперва въ задумчивость, потомъ въ отчаяніе. Тщетно добрый старикъ принимался утѣшать жениха, доказывая, что княжнѣ неприлично было тутъ оставаться; но онъ, ходя по комнатѣ какъ сумасшедшій, то билъ, то теръ лобъ и говорилъ съ перерывкой: «Такъ... вотъ хорошо... я это зналъ... Ахъ, Боже мой!.. Съ чего я вздумалъ?.. Вотъ чего боялся!.. Отказъ и смерть...»

Пока дядя пошелъ, а племянникъ бѣсновался, тётка полетѣла въ горницу къ племянницѣ и, обнимая ее со слезами при каждомъ словѣ, едва могла пересказать разговоръ съ дядею Луки Андреича. Княжна перекрестилась, протянула руки къ тёткѣ, произнесла: «что̀ жь

мнѣ дѣлать?» и упала въ обморокъ. Опять пошло оттиранье, бѣганье, нюханье. На этотъ разъ, обморокъ скоро прошелъ, такъ какъ и радость проходитъ,—а она была его причиною; тётка же, смотря на племянницу, думала: «Куда-какъ молодые люди нынѣ хилы! Все въ нихъ слабости: лошадь убьетъ—обморокъ, не сватается—обморокъ, сватается — обморокъ. А я, бывало, бьюсь часъ объ стѣну, а все въ памяти; да вѣдь за меня и никто не сватался. Богъ не далъ этой утѣхи за то, что я, грѣшная, очень замужъ хотѣла. Чтò правда, то правда!»

По возвращеніи чувствъ, княжна, воображая отчаяніе Луки Андреича и судя по себѣ, просила тётку убѣдительно, чтобъ она отправила къ дядѣ письмо, или записочку собственной ея руки, писанную безъ правописанія, кривыми строками и буквами, сложенную на-уголокъ и запечатанную рѣзной печатью. Вотъ содержаніе сего посланія:

«Батюшка Ѳома Егорычь! Мне кажется что племянница неимѣетъ отвращенія. Благодаря Бога, по мне хотя и зговоръ когда разсудите. Глафирушка слаба; пажалуйте зафтря: аба всемъ переговоримъ и паложимъ. Милава Луку Андреича съ племянницею желаю видить щасливыхъ. А я погробъ ваша гатовая къ слугамъ

Стк. Позвонкова.»

Письмо вручено дядѣ, передано имъ племяннику и произвело перерожденіе. Горесть исчезла и явилась радость: онъ бросился въ слезахъ передъ образомъ на колѣни, потомъ къ ногамъ дяди, и они, обнимаясь, съ восторгомъ повторяли: «ахъ, дядюшка!», «ахъ, другъ мой!»

Разведемъ всѣхъ ихъ по кроватамъ: надобно отдохнуть и собраться съ силами. Много успѣли сдѣлать, но дѣло еще все впереди.

Глава XLVI. — Печатка —

та, которой Степанида Кузьминишна печатала всѣ свои письма, была у нея лѣтъ двадцать: она ее вымѣняла на бирюзу у французской мадамы, которая образовала воспитаніе дѣвицъ въ одномъ благородномъ домѣ. Печать была оправлена въ золотѣ и вырѣзана на яшмѣ; но отъ времени и частаго тисненія нижняя часть стерлась, остался одинъ пѣтухъ, и такъ, что нельзя было видѣть на чемъ онъ сидитъ; внизу подпись *Gratis*; ее только два раза и толковали Французъ и Итальянецъ; но такъ-какъ они были не сильны въ натуральной исторіи, еще меньше въ художествахъ, то и не могли проникнуть и утвердительно положить, чтò подъ пѣтухомъ было, и подпись истолкована двояко: Французъ утверждалъ, что *Gratis*, то-есть «даромъ», значило, что пѣтухъ можетъ ѣсть безъ заплаты, и потому вѣроятно,

что онъ сидѣлъ на мѣшкѣ, или кулькѣ; а Итальянецъ, принимая литеру *е* за *і*, доказывалъ, что надпись значитъ *Grates*, то-есть «скребетъ», и, по его мнѣнію, подъ пѣтухомъ должна была быть ника *intaglio*.

Глава XLVII. — Сговоръ.

Собралась родня; священникъ прочелъ молитвы и, обруча влюбленную чету, вручилъ ей вмѣстѣ съ кольцами блаженство, утѣхи и надежду всего міра. Начались поздравленія, поѣхали во всѣ заставы по почтѣ извѣстительныя и препоручительныя письма ко всей роднѣ до пятаго колѣна; сговоренные не наговаривались, не насматривались другъ на друга; свѣтъ весь заключался въ томъ углу, гдѣ они сидѣли; весь родъ человѣческій въ нихъ-самихъ, верхъ счастія въ каждомъ словѣ, взглядѣ, усмѣшкѣ; но каждый, однакожь, съ своей стороны заботился о свадьбѣ, и главная причина сему была грусть разлуки, ибо хотя они съ утра и до вечера были вмѣстѣ и совершенно при людяхъ и безъ людей одни, но хотя поздно, а должно было всякій день жениху ѣхать, а невѣстѣ идти спать. Это главная непріятность въ сговорномъ положеніи.

Сговоръ для свадьбы то, что̀ введеніе для исторіи, паперть для храма, сѣни для палатъ и рожденіе для жизни.

Глава XLVIII. — Влюбленные —

точно какъ дѣти, коихъ еще водятъ на помочахъ: всего просятъ, всего хотятъ, радуются, когда выпрашиваютъ, плачутъ, когда имъ отказываютъ. Точно какъ сумасшедшіе, на одномъ пунктѣ приходятъ иногда въ память, но скоро опять впадаютъ въ безумство; со всѣмъ тѣмъ всѣ почти выздоравливаютъ и возвращаются въ первобытное состояніе. Точно какъ нищіе, слѣпая братія, просятъ милостыню Христа ради; но поводырь ихъ съ завязанными глазами и заводитъ самъ не знаетъ куда.

От 15 до 25 лѣтъ влюбленные жалки,
— 25 — 30 — — терпимы,
— 30 — 35 — — сносны,
— 35 — 40 — — смѣшны,
— 40 — 50 — — страшны,
— 50 — 60 — — отвратительны,
— 60 — смерти — гадки.

Глава XLIX. — Неблагопристойность.

Между многими странностями въ нашей землѣ, должно помѣстить въ заглавіе сговоренныхъ: они кидаются въ глаза, колятъ ихъ и заставляютъ часто закрывать.

Чтò на свѣтѣ боязливѣе влюбленнаго? чтò скромнѣе влюбленной? Какой предметъ для мужчины почтеннѣе женщины, въ коей онъ полагаетъ найдти дружбу, любовь и счастіе, дѣлить печали и утѣхи цѣлой жизни, и которая, преисполненная нѣжною страстію, жертвуетъ настоящимъ благоденствіемъ неизвѣстному, надѣясь его найдти въ томъ, съ коимъ она соединяетъ судьбу свою навѣкъ, преображаясь добровольно изъ властителя въ невольницу? Но сколь влюбленные тихи, робки и почтительны во все время исканія, столь напротивъ дѣлаются смѣлы, дерзки и предпріимчивы въ минуту сговора: женихъ тотчасъ хочетъ пользоваться многими правами мужа, а молодая, прекрасная и часто невинная невѣста, ободряясь присутствіемъ своихъ ближнихъ, снисходитъ на вольности будущаго своего супруга, не находитъ въ страсти своей причины, а въ любви силы къ отказу, сперва не хотя огорчать его, а потомъ себя пріучаетъ дѣлить съ нимъ упоеніе чувствъ, и, вмѣсто зрѣлища счастія, женихъ и невѣста выставляютъ часто картины неблагопристойности.

Понимаю, что влюбленные могутъ забываться: они всегда, какъ Адамъ и Ева, въ раю; но мудрено, кàкъ матери и отцы терпятъ подобныя вольности! При нихъ, при большомъ обществѣ, при собраніи цѣлаго города, сговоренные обнимаются, цалуются, вздыхаютъ, губами раздуваютъ другъ въ другѣ жаръ, раждаютъ въ зрителяхъ или зависть, или отвращеніе, и сею страстною горячкой отнимаютъ заранѣе всю силу у любви, у воображенія, освобождаются сими задатками изъ плѣну, и опускаются ко дню свадьбы на точку замерзанія.

Я хотѣлъ бы, если уже нельзя перемѣнить сего безпорядка вещей и нетерпѣнія, чтобъ сговоренные при людяхъ не показывались, чтобъ ихъ заставляли ширмами, или завѣшивали покрывалами, а всего лучше, чтобъ надѣвали на нихъ маски съ длинными носами.

Возраженіе идетъ на молодыхъ и взаимно влюбленныхъ, коихъ страсть подводитъ подъ вѣнецъ брачный; но отнюдь не касается до тѣхъ сговоренныхъ, кои другъ въ другѣ видятъ большую дорогу, лобное мѣсто, духовную, деньги, и кои, вмѣсто легкой цѣпи цвѣтовъ, сплетенной рукою счастія и любви, попадаютъ въ желѣза и на канатъ преступниковъ.

А и эти цалуются, но точно такъ, какъ на святой недѣлѣ со всѣми и на похоронахъ съ покойникомъ. Вообще, большая часть влюбленныхъ цалуются, цалуются, — а потомъ кусаются.

Глава L. — Мѣрка.

Только сговорятъ—и явится барская-барыня безъ рѣчи, точно какъ нѣмой изъ сераля, съ тесемкою смѣрить діаметръ шеи жениховой.

Это для шитья сорочекъ, — будто онъ ходилъ прежде нагой; но такъ должно.

Прежде сего шивали бѣлье по домамъ русскія швеи, и тогда полотна не жалѣли, даже и голландскаго; а нынче подрядомъ берутъ шить магазейныя мадамы, и, вмѣсто рубашекъ, будто ошибясь мѣркой, дѣлаютъ жилеты съ рукавами. Иноземцы сперва намъ обрѣзали бороды, потомъ волосы; тамъ укоротили чувства, раздѣли; а нынче принимаются драть кожу; но все это такъ нѣжно, легко и мило, что мы радуемся и утѣшаемся тѣмъ, что можемъ благодарить ихъ на ихъ языкѣ.

Глава LI.—Свадьба.

Наконецъ, насталъ день, въ который бракъ соединилъ два сердца въ одно, двѣ души въ одну, два рока въ одинъ. Домъ былъ снова весь прибранъ, люди богато одѣты, въ окнахъ пирамиды, на улицѣ плошки, столъ удивительный, музыка огромная, и, въ одно слово, и дворянство и народъ согласились, что свадьба Луки Андреича Богатырева (*) была свадьба великолѣпная и знатная. Въ восемь часовъ пополудни въ приходской церкви обвѣнчались два истинно-влюбленные. Они молились Богу отъ чистаго сердца о взаимномъ благополучіи каждаго и просили Его, чтобъ умереть прежде другаго. Въ девять часовъ, возвратились домой—Лука Андреичъ мужемъ, а княжна Глафира Юрьевна женой. Въ десять, обрядъ и нетерпѣніе освободили новобрачныхъ отъ свидѣтелей и предали ихъ будто сну. Но Морфей, сдавъ ихъ тотчасъ съ-рукъ-на-руки сыну паѳосской богини, удалился, пожелавъ доброй ночи.

А въ десять часовъ съ четвертью у Глафиры Юрьевны осталось лишь право писать на гербовой бумагѣ и на визитныхъ билетахъ: «урожденная княжна Мишурская».

Ничего, Глафира Юрьевна!

Славно, Лука Андреичъ!

(*) Вѣроятно, Кремнева? *Ред.*

Глава LII.—Напрасно.

На что церемонія въ день свадьбы? не лучше ли имѣть свидѣтелями оной съ обѣихъ сторонъ самую лишь ближнюю родню, обвѣнчаться утромъ, отобѣдать въ домѣ, откуда невѣста; потомъ кончить день у новобрачнаго, и избѣжать тысячу непріятностей, безпокойствъ, тягостей въ самый важный, единственный и рѣшительный день жизни нашей.

Но какъ не выставить приданаго, изъ котораго три части никуда послѣ не годятся—отъ перемѣнъ въ модѣ и отъ сырости кладовой?

Какъ его не везти по улицамъ на чужихъ лошадяхъ и какъ не занять цѣлыя дроги и осанистаго цугу перевозомъ между прочимъ необходимой утвари, изъ коей, кромѣ дурнаго запаха, ничего выйдти не можетъ.

А-ай! я слышу старухъ, кои въ одинъ голосъ всѣ крикнули: «Ахъ, злодѣй! чего хочетъ! прилично ли молодой бѣгать на низъ и на дворъ? ей сидѣть должно!»

Извольте. Честь ей и мѣсто.

Глава LIII.—Курицу яицы учатъ.

Тревожить духъ, приводить въ трепетъ юность, преобращать милаго человѣка въ злодѣя, заставлять краснѣть цѣломудріе, отравлять самую счастливую минуту любовной жизни, и обращать неизвѣстность и стыдъ въ страхъ и въ любопытство, а иногда въ нетерпѣніе и обиду,—вотъ что дѣлается. Какая нужда учить той одной наукѣ, въ коей ученики превосходятъ учителей?

Но это обычай.

А обычаи почитать должно; однако не запрещено надъ ними и смѣяться; а смѣшная вещь можетъ иногда выйдти наконецъ изъ употребленія.

Желаю, чтобъ всѣ смѣялись со мною, — кромѣ молодыхъ дѣвушекъ.

Глава LIV.—Дядя.

Тотъ самый Ѳома Егорычъ, который ѣздилъ къ Степанидѣ Кузьминишнѣ сватомъ, былъ у Луки Андреича, въ качествѣ роднаго дяди, посажонымъ отцомъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ вольныхъ

словъ, непристойныхъ шутокъ и двусмысленныхъ привѣтствій по случаю свадебнаго пира, велъ себя очень-хорошо до тѣхъ самыхъ поръ, какъ всѣ разъѣхались, молодые пошли спать, а онъ, приглася своихъ короткихъ, истребовалъ шампанскаго вина и, выдумывая разныя здоровья, но не по примѣру Англичанъ, такъ упился, что люди племянника, опасаясь положить его въ карету, положили на канапе, гдѣ онъ сномъ и временемъ пересталъ быть пьянымъ и проснулся опять трезвымъ. Тутъ въ пьянствѣ онъ доказалъ, что пословица «языкъ мой врагъ мой» справедлива; хотя онъ и любилъ чистосердечно племянника и безъ памяти радъ былъ его свадьбѣ, приписывая оную своему краснорѣчію и искусству, но, пивъ здравіе новобрачныхъ, примолвилъ: «дай Богъ и впредь у племянника на свадьбѣ повеселиться». Ахъ, закричитъ всякой: — экой негодяй! хорошъ дядюшка! не успѣлъ племянникъ обвѣнчаться и ужь женѣ его желаетъ смерти!

Извините Ѳому Егорыча: онъ самъ не помнилъ что̀ говорилъ; онъ былъ пьянъ, совралъ ненарочно; сколько и трезвыхъ врутъ—и какъ долго, иной пока живъ; а если хорошенько разобрать, то умные еще больше врутъ, чѣмъ дураки, отъ-того, что на этихъ надѣются — и правду сказать, есть на кого.

Глава LV.—Тѣтка.

Сколь ни довольна она была предстоящимъ счастіемъ племянницы, сколь много ни видала она пріятностей и выгодъ для себя самой, но минута разлуки съ ней была тяжела—не отъ любви, не отъ привязанности, не отъ чувствительности, а просто отъ привычки и отъ любви къ себѣ. Она выражала сіе двумя рѣчьми: «Она со мною жила 9 лѣтъ; съ кѣмъ я останусь?» Но посреди слезъ, вздоховъ, уксусовъ и спиртовъ, должна была отпустить племянницу въ церковь вѣнчаться. Она ей сдѣлала пристойное наставленіе касательно обязанностей жены, госпожи, матери, и заставила на-единѣ выслушать на первый разъ сокращенный курсъ, который преподала одна коротко-знакомая тёткина, бывшая три раза за-мужемъ и два раза у разбойниковъ на Волгѣ.

Тётка, благословя образомъ племянницу, просила ее неотступно, чтобы она ступила прежде жениха на подножіе. Но должно отдать справедливость княжнѣ, что она презрѣла сей совѣтъ, — и хорошо сдѣлала, а дурно то, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ разговорѣ сказала о семъ мужу.

Этотъ предразсудокъ происходитъ вѣрно отъ принятаго правила, что все зависитъ отъ перваго шага; но спотыкаются послѣ; а всего лучше, чтобъ мужъ и жена ходили въ одну ногу.

Глава LVI.—Бѣлая горячка.

Что за вздоръ! что за чудо! на другой день свадьбы, въ новой каретѣ везутъ замкнутую шкатулку, и она для родни невѣсты сущій ящикъ Пандоры, въ коемъ оставалась единая надежда.

Что это?

Туника Юлія Кесаря, коей Маркъ-Антоній хотѣлъ вооружить чернь римскую и подвигнуть ее на отомщеніе убитаго, который былъ слишкомъ-затѣйливъ?

О, честь, честь! вездѣ ты сокрыта, закрыта и притѣснена! Одно мгновеніе ока тебя истребляетъ на вѣки; подобная ночнымъ птицамъ, ты убѣгаешь свѣта дневнаго и прячешься отъ глазъ людскихъ, обыкшихъ въ тѣсномъ мѣстѣ твоего скрытаго пребыванія находить иногда, вмѣсто тебя, слѣды гнуснаго порока!

Глава LVII.—Продолженіе вреда.

Зачѣмъ, выведя обвѣнчанную, представить ее опять предъ лицемъ всѣхъ созванныхъ въ легкомъ ночномъ платьѣ, —допустить, чтобы всѣ съ нею прощались и большая часть говорила глупыя привѣтствія, завсегда обидныя или непонятныя истинной добродѣтели?

Отъ нихъ краснѣетъ невинность отъ стыда и замѣшательства, а порокъ отъ нетерпѣнія и сладострастія.

Все сіе происходитъ у подножія брачнаго ложа...

Глава LVIII. — Колпаки.

Высокіе и смѣшные колпаки надѣваютъ на домашнихъ, на дураковъ, на лѣнивыхъ учениковъ, и на обветшалыхъ жениховъ.

Лука Андреичъ отъ колпака не ушелъ: надѣли на него; но онъ не будетъ домашнимъ дуракомъ; онъ не ученикъ и не лѣнивъ. Какая жъ нужда представлять супругѣ супруга, въ первый день брака, въ смѣшномъ видѣ испанскаго дона Лимнордаса, итальянскаго оперпаго шута, или нѣмецкаго профессора?

Глава LIX.—Просьба.

Помилуйте, отцы мои, матушки! сжальтесь надъ сиротою, дайте духъ перевесть. Я измучился, на человѣка не похожу. Мало ли тру-

довъ было? Родителей и брата Луки Андреича погребъ, его воспиталъ, записалъ въ службу, вывелъ въ люди, въ отставкѣ женилъ и спать положилъ. Сколько хвалилъ, сколько бранилъ... Ну, позвольте и мнѣ отдохнуть.

Если узнàю, что хоть одинъ глазъ прослезился, и одинъ ротъ разсмѣялся, то опять примусь за перо; зачну чертить новыя исторіи. Если же несчастный книгопродавецъ сей книги пойдетъ по міру, то не взыщите, — я уже тогда самъ заплàчу и засмѣюсь: заплàчу—что погубилъ человѣка, засмѣюсь—что вздумалъ быть цензоромъ Катономъ, и писать ужь больше не буду, какъ къ своимъ роднымъ и къ прикащикамъ. Сколько сберегу бумаги, перьевъ, зрѣнія и покоя!... Но судьба Луки Андреича, дѣтей его и моя въ вашихъ рукахъ. Нѣсколько васъ, составляющихъ общество, нѣсколько обществъ публику, а публика — вещь безсмертная, премудрая, вѣтренная, орденская дума, уголовная палата, Титъ, Неронъ, мать и мачиха... Впрочемъ, имѣю честь пребыть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію,

милостивая государыня, публика,
вашъ покорнѣйшій слуга

ГРАФЪ ѲЕДОРЪ РАСТОПЧИНЪ.

ЖИВАЯ ВОДА.

Пѣсня.

Скорѣй, други, воду живую
Въ стаканы большіе нальёмъ!
Про эту же воду, злодѣйку лихую,
Мы пѣсню споёмъ;

Вино, даръ небесный, безцѣнный,
Ты въ жизнь отворяешь намъ дверь!
Въ томъ праотецъ нашъ, первый мужъ благовѣрный,
Намъ первый примѣръ.

Къ чему наша мудрость людская?
Надъ чѣмъ все коптятъ мудрецы?..
Моль міра!.. А слава?—Дымъ слава мірская,
Твердили отцы...

Вино же не дымъ мимолетный,
Оно дымомъ ставитъ судьбу;
Ему честь и слава! вновь кубокъ завѣтный
Тостъ новый вину!

Съ нимъ пышетъ огонь вдохновенья,
Играя, бунтуя въ груди;
Оно сожигаетъ, приводитъ въ забвенье
Тревоги души.

Ну, снова жь, бокалъ, наполняйся
И горькимъ и сладкимъ виномъ!
И снова и больше душа наслаждайся
Отраднымъ питьёмъ!

Вновь полны стаканы живою водою,
Вновь радостно сердце звучитъ,
И такъ, годъ за годомъ, своей чередою
Пусть глупое время летитъ!..

БАРОНЪ ШТРАЛЬ.

Казань.

М. П. СОЛОМИРСКОЙ.

Надъ бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читаетъ на воротахъ рая
Узоры надписи святой.

И часто тайную отраду
Находитъ мукѣ неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.

Такъ, разбирая въ заточеньѣ
Досель мнѣ чуждыя черты,
Я былъ свободенъ на мгновенье
Могучей волею мечты.

Залогомъ вольности желанной
Лучомъ надежды въ морѣ бѣдъ
Мнѣ сталъ тогда вашъ безъимянный
Но вѣчно-памятный привѣтъ.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПОЛЬСКАЯ КОНФЕДЕРАЦІОННАЯ ВОЙНА.

1768–1772.

Статья вторая и послѣдняя.

—

Дѣйствія Дюмурье.—Его операціонный планъ.—Причины его неудачи. —Первоначальные успѣхи конфедератовъ.—Появленіе Суворова.—Гибель Савы. — Сраженіе при Ландскронѣ. — Развитіе Пулавскаго. —Суворовъ оправдывается предъ Дюмурье. — Его дѣятельность. — Походъ Коссаковскаго въ Литву.—Огинскій объявляетъ войну Русскимъ.—Суворовъ идетъ на него, поражаетъ при Саловичахъ и успокоиваетъ Литву.—Письмо его къ Бибикову. — Графъ Вьёмениль заступаетъ мѣсто Дюмурье. — Взятіе Французами Краковской цитадели. — Суворовъ спѣшитъ туда и осаждаетъ замокъ.—Приступъ.—Пораженіе Коссаковскаго. — Сдача замка. — Первый раздѣлъ Польши. — Нѣкоторыя изъ писемъ Суворова къ Бибикову. — Суворова посылаютъ въ Финляндію. — Постоянное стремленіе Суворова къ одной цѣли. — Путешествіе его въ Финляндію.

Вниманіе Дюмурье устремлено было преимущественно на устройство хорошей пѣхоты. Чтобъ достигнуть этой цѣли, онъ разослалъ на границы французскихъ и нѣмецкихъ офицеровъ, поручивъ имъ вербовать австрійскихъ и прусскихъ дезертеровъ (мѣра эта дала ему около 2000 человѣкъ). Сверхъ того, Краковское и Сендомиржское Воеводства должны были поставить 25,000 милиціи; но польскіе дворяне, боявшіеся дать оружіе въ руки мужиковъ своихъ, не охотно приступали къ дѣлу. Наконецъ, принцъ Карлъ саксонскій, котораго Биронъ съ помощію Русскихъ вытѣснилъ изъ Курляндіи, обѣщалъ прислать 4000 саксонской пѣхоты. Въ Венгріи и Силезіи были куплены ружья, которыхъ значительный транспортъ ожидался, сверхъ

того, изъ Баваріи. Такимъ образомъ надѣялся Дюмурьё имѣть скоро въ своемъ распоряженіи порядочную пѣхоту; но занимаясь образованіемъ ея, онъ не забывалъ и кавалеріи. Полкъ коронныхъ драгунъ перешолъ въ Краковѣ къ конфедератамъ; кромѣ того, Дюмурьё имѣлъ въ виду 1000 человѣкъ саксонской конницы, которые, вмѣстѣ съ эскадронами Міончинскаго, Валевскаго, Оржевскаго и другихъ, составляли около 8000 отличной кавалеріи, предводительствуемой искусными начальниками.

Такимъ образомъ, новая жизнь, новая дѣятельность закипѣла въ станѣ Поляковъ, и во всѣхъ дѣйствіяхъ ихъ стало обнаруживаться вліяніе сильнаго, геніальнаго ума. *Одинъ человѣкъ* измѣнилъ все и далъ дѣлу ихъ совершенно новый и благопріятнѣйшій оборотъ.

Создавъ такую значительную силу, Дюмурьё хотѣлъ употребить ее съ пользою и составилъ на этотъ конецъ весьма искусный планъ.

Все пространство Польши было занято русскимъ корпусомъ, непревышавшимъ 12,000 человѣкъ (въ томъ числѣ одна треть казаковъ), которые были раздѣлены на малые отряды, преслѣдовавшіе Поляковъ «какъ коршуны голубей» (*). Сильнѣйшимъ изъ этихъ отрядовъ (около 4000 человѣкъ) начальствовалъ Суворовъ. — Генералъ Эссенъ съ двумя пѣхотными и четырмя кавалерійскими полками занималъ Кіевъ, Украйну и Подолію, и составлялъ такимъ образомъ арьергардъ арміи Румянцова, расположенной въ Молдавіи. — По разсчету Дюмурьё, генералъ Веймарнъ, бывшій въ Варшавѣ, не долженъ былъ выпускать изъ вида двухъ обстоятельствъ: безопасность этой столицы, гдѣ находился король, и оборону магазиновъ, учрежденныхъ въ Подоліи. Но не имѣя возможности прикрыть въ одно время и то и другое малымъ числомъ войска, бывшимъ въ его распоряженіи, онъ долженъ былъ оставить безъ защиты или городъ, или магазины, черезъ что конфедераты получали значительный перевѣсъ.

Для приведенія въ исполненіе предположеннаго плана, Заремба и Сава должны были, съ отрядомъ въ 1,000 человѣкъ, выйдти изъ Познани, явиться предъ Варшавою и тревожить Русскихъ; Пулавскому, усиленному до 8,000, было назначено дѣйствовать на границахъ Подоліи, гдѣ находились всѣ запасные магазины непріятеля; наконецъ Огинскій, коронный великій маршалъ, долженъ былъ гласно объявить себя врагомъ Русскихъ и съ восьмитысячнымъ корпусомъ регулярныхъ войскъ, взявъ направленіе къ Смоленску, пройдти Россію и угрожать Москвѣ. Дюмурьё, съ своей стороны, имѣя армію въ 20,000 пѣхоты и 8,000 кавалеріи, овладѣвъ Краковомъ, долженъ былъ идти на Сендомиржъ, чтобъ дѣйствовать тамъ сообразно обстоятельствамъ. Въ случаѣ, еслибъ Веймарнъ собралъ свои силы въ Варшавѣ, чтобъ удержать за собою этотъ городъ и защитить короля, то Дюмурьё потянулся бы къ Подоліи и разорилъ тамошніе магазины; еслибъ же, напротивъ, Веймарнъ рѣшился спасти магазины, то Дюмурьё пошелъ бы на Варшаву и учредилъ тамъ главный совѣтъ конфедераціи.

Тогда все приняло бы совершенно-другой видъ. Верховный совѣтъ сдѣлался бы властителемъ всей Польши; Огинскій внесъ бы войну въ Россію,

---

(*) Слова Дюмурьё.

гдѣ было мало войска; театръ войны измѣнился бы совершенно, и Румянцовъ, тревожимый съ тыла, былъ бы принужденъ оставить Молдавію, при чемъ Турки стали бы неминуемо его преслѣдовать. Такимъ образомъ, возгорѣлась бы всеобщая война, какую желалъ Шуазёль, и Дюмурьè съ точностью исполнилъ бы данное ему порученіе.

Хотя планъ этотъ былъ составленъ съ большимъ благоразуміемъ и хотя успѣхъ его казался несомнѣннымъ, онъ принялъ однакожь совершенно-неожиданный оборотъ; такъ почти всегда бываетъ съ человѣческими предположеніями, которыя часто отъ самаго ничтожнаго обстоятельства разстроиваются, и, вмѣсто пользы, приносятъ вредъ.

Первый ударъ былъ нанесенъ этому плану паденіемъ Шуазёля (24 декабря 1770 года) и совершеннымъ измѣненіемъ политики французскаго двора. Преемникъ Шуазёля, герцогъ д'Эгильйонъ, во всемъ ему непріязненный, сталъ преслѣдовать то, что̀ поддерживалъ его противникъ, и поддерживать то, что̀ онъ преслѣдовалъ. Такая перемѣна въ политикѣ Франціи сдѣлалась скоро ощутительною и для Польши, хотя дѣло конфедератовъ не было оставляемо вовсе безъ вниманія и хоть она высылала имъ по-прежнему деньги (по 6,000 червонцевъ въ мѣсяцъ) и офицеровъ.

Вторымъ препятствіемъ къ благопріятному успѣху замысловъ Дюмурьè было честолюбіе отдѣльныхъ предводителей партій: чего хотѣлъ одинъ, то отвергалъ другой; младшій отклонялся отъ повиновенія старшему, для того, чтобъ, какъ прежде, воевать по собственной своей волѣ; главные начальники не хотѣли зависѣть ни отъ кого, тѣмъ менѣе отъ чужеземца, неимѣвшаго никакого значительнаго званія, которое могло бы придать ему вѣсъ. Пулавскій, любившій независимость, былъ явнымъ противникомъ системы правильной войны, потому-что, будучи незнатнымъ дворяниномъ, онъ былъ бы принужденъ служить подъ начальствомъ Сапѣги и Потоцкихъ, которыхъ ненавидѣлъ. Точно также думали Заремба, Міончинскій, Валевскій и другіе; однакожь обѣщаніе оставить имъ главное начальство надъ партіями и даже усилить ихъ, заставило ихъ дѣйствовать въ общемъ духѣ. Что̀ же касается до Огинскаго, то никто не сомнѣвался въ готовности его содѣйствовать успѣху принятаго плана.

Но главнѣйшею причиной неуспѣха этого плана была дѣятельность Русскихъ и въ-особенности Суворова. Сначала, все, казалось, соотвѣтствовало какъ-нельзя-лучше надеждамъ Поляковъ; 31 марта (11 апрѣля) 1771 года всѣ начальники и предводители конфедератовъ собрались въ Біалѣ, на силезской границѣ, гдѣ имъ былъ сообщенъ операціонный планъ; всѣ обѣщали строго слѣдовать ему и, полные увѣренности, надеждъ и мужества, спѣшили приступить къ новой кампаніи, которая, казалось, предзнаменовала самый счастливый успѣхъ.

Русскіе, занимавшіе Краковское Воеводство, съ корпусомъ въ 4,000 человѣкъ, растянулись отъ силезской границы до Донаеча, на пространствѣ 70-ти верстъ, заняли всѣ главные пункты, какъ-то: Бобрекъ, Освіенци, Шатеръ, Калварію, Скавину, и учредили между отдѣльными постами разъѣзды изъ казаковъ и драгунъ. Хорошій выборъ ихъ квартиръ сдѣлалъ то, что Поляки оставались въ горахъ какъ въ блокадѣ.

Итакъ, прежде всего необходимо было сбить Русскихъ съ занимаемыхъ

ими пунктовъ и отбросить за Вислу. Для достиженія этого, Зарема долженъ былъ идти изъ Познани на Раву, встревожить Варшаву и потомъ вдругъ своротить на Радомъ. Между-тѣмъ, Пулавскій изъ Ченстохова, а Валевскій изъ Біалы, должны были явиться на главномъ пунктѣ, переправиться черезъ Вислу близь Бобрека (тамъ, гдѣ рѣка эта вытекаетъ изъ горъ) и овладѣть имъ. Полковнику Шютцу, отличному кавалерійскому офицеру, незадолго предъ тѣмъ перешедшему къ Полякамъ, было поручено выступить изъ Кента и занять Освіенцы; наконецъ, Міончинскому, изъ Ландскроны, было вмѣнено въ обязанность пробиться чрезъ Калварію, отбросить русскіе посты передъ Краковомъ и очистить отъ нихъ всю равнину.

Быстрота, точность въ движеніяхъ и глубочайшая скрытность были необходимы для приведенія въ исполненіе этихъ предположеній, — все это было соблюдено; Русскихъ надобно было обмануть и утомить. Успѣхъ увѣнчалъ предпріятіе. На пространствѣ 16 верстъ при всѣхъ выходахъ собранные мужики должны были зажигать ночью большіе огни, между-тѣмъ, какъ малочисленные отдѣльные отряды, производя фальшивую тревогу, дѣлали видъ, будто намѣревались спуститься въ равнину. Въ первыя ночи, Русскіе были чрезвычайно бдительны: лошади ихъ не разсѣдлывались, пѣхота стояла подъ-ружьемъ; они проникали даже въ дефилеи и гнали предъ собою конфедератовъ. Наконецъ, однакоже, эти безпрестанно-повторяемыя ночныя вылазки и тревоги, утомивъ ихъ, ослабили ихъ бдительность.

Только этого и ожидали Поляки. Дюмурье, извѣщенный чрезъ Жидовъ, что $^{18}/_{29}$ апрѣля будетъ данъ въ Краковѣ большой балъ, и предполагая, что главнѣйшіе русскіе начальники и офицеры не преминутъ посѣтить его, назначилъ эту ночь для всеобщей аттаки. Совершенный успѣхъ увѣнчалъ ее: Русскіе, аттакованные значительными силами на всѣхъ пунктахъ, принуждены были отретироваться за Вислу, и на другой день вся равнина была во власти конфедератовъ.

Послѣ этого важнаго успѣха, первымъ стараніемъ Дюмурье было укрѣпиться на завоеванномъ имъ пространствѣ и привести въ оборонительное положеніе нѣкоторые изъ важнѣйшихъ пунктовъ, которые Русскіе, не имѣя тяжелой артиллеріи, не могли подвергнуть осадѣ. Замокъ Бобрекъ, на Вислѣ, и монастырь Тинецъ, въ 4-хъ верстахъ отъ Кракова, по укрѣпленіи ихъ, были снабжены гарнизономъ, первый въ 200 человѣкъ, при 4-хъ орудіяхъ, а второй въ 400 чел., при 6 орудіяхъ; крѣпость Ландскрона была уже прежде во власти Поляковъ. Такимъ образомъ, въ нѣсколько дней пѣхота конфедератовъ была размѣщена по разнымъ хорошо-укрѣпленнымъ пунктамъ, снабженнымъ артиллеріею, достаточною для удержанія Русскихъ. Защита Донаеча была поручена Пулавскому, Ландскроны—Міончинскому, а Бобрека и Освіенцъ—Валевскому; самъ же Дюмурье отправился въ Біалу къ верховному совѣту, для ускоренія сбора рекрутъ. Но время бѣдствій снова настало для Поляковъ.

Успѣхи, одержанные конфедератами, преисполнили ихъ самонадѣянности и были причиною тысячи глупостей. Они разоряли города, били мужиковъ, грабили Жидовъ и смотрѣли на Русскихъ съ гордостью и презрѣніемъ. Начальники затѣяли снова старинные споры; дворяне не хотѣли ходить въ караулъ, офицеры разъѣхались по сосѣднимъ замкамъ, волочились

тамъ за дамами, танцовали, или играли въ карты; словомъ, несчастіе сдѣлало ихъ кроткими и смиренными, а счастіе возвратило имъ прежнюю ихъ надменность.

Весь май мѣсяцъ и начало іюня были проведены Поляками въ бездѣйствіи или въ спорахъ между собою и съ Дюмурье, отъ котораго они требовали непремѣнно выдачи денегъ, бывшихъ у него въ рукахъ и опредѣленныхъ на необходимые и полезные расходы. Между-тѣмъ, Суворовъ приближался.

Суворовъ не оставался въ бездѣйствіи, но былъ занятъ на другихъ пунктахъ. Сава появился еще въ мартѣ мѣсяцѣ въ окрестностяхъ Люблина, гдѣ нашолъ Суворова, который разбилъ его въ сраженіи подъ Урцендовомъ и Красникомъ. Савѣ удалось, однакоже, отретироваться, но для того только, чтобъ быть совершенно-уничтоженнымъ на другомъ краю Польши. Неутомимо-преслѣдуемый Русскими, былъ онъ настигнутъ ими 21 апрѣля (1 мая) близь Шренска (на прусской границѣ не въ дальнемъ разстояніи отъ Млавы); тамъ Суворовъ аттаковалъ его, разбилъ, и Сава, раненный, достался въ руки побѣдителей. Хотя Русскіе обращались съ нимъ человѣколюбиво и хотя генералъ Веймарнъ прислалъ къ нему своего доктора, однакоже онъ вскорѣ умеръ отъ ранъ, которыя отъ безпокойства и горя сдѣлались смертельными (*).

Суворовъ, между-тѣмъ, потянувшись къ Владиміру, разбилъ тамъ полковника Новицкаго и очистилъ отъ непріятельскихъ партій всю окрестную страну. Возвратясь къ Люблину, получилъ онъ отъ генерала Веймарна извѣстіе объ успѣхахъ конфедератовъ подъ Краковомъ и приказаніе немедленно идти туда, чтобъ опять возстановить тамъ перевѣсъ Русскихъ. Онъ сдѣлалъ это и долженъ былъ отнынѣ сражаться не съ неустроенными партіями конфедератовъ, но съ регулярными войсками, предводительствуемыми такимъ искуснымъ офицеромъ, каковъ былъ Дюмурье.

Имѣя около 1600 человѣкъ (2 батальйона, 5 эскадроновъ и 80 казаковъ) и 8 полевыхъ орудій, двинулся онъ отъ Люблина сначала къ Саву, гдѣ разсѣялъ многія партіи конфедератовъ, потомъ къ Донаечу, гдѣ Пулавскій долженъ былъ защищать переправу. Подъ огнемъ непріятельскимъ переправился онъ черезъ эту рѣку и пошелъ на Краковъ. Здѣсь нашелъ онъ полковника Древица, съ отрядомъ изъ 2000 пѣхоты и казаковъ. Соединясь съ нимъ, пошолъ онъ безъ промедленія на Тиницъ; попытка взять это мѣстечко холоднымъ оружіемъ не удалась, потому-что оно было сильно укрѣплено и хорошо защищаемо. Суворовъ, чтобъ

(*) Рюльеръ, которому ложь не стоитъ ничего, описывая пораженіе Савы, прибавляетъ: «Впрочемъ, увѣряютъ, будто бы онъ израненный былъ умерщвленъ русскими солдатами, «получившими на то приказаніе Суворова» (Т. IV. стр. 214). Кто говорилъ объ этомъ? — Никто въ цѣлой Польшѣ не могъ сказать подобной нелѣпости, тѣмъ болѣе, что Суворовъ былъ въ то время за нѣсколько сотъ верстъ. Только какой-нибудь Рюльеръ, въ слѣпой ненависти своей къ Русскимъ могъ выдумать такую клевету. Ферондъ, которому въ-послѣдствіи были переданы бумаги Рюльера, признается добросовѣстно, что онъ не нашолъ въ нихъ никакихъ данныхъ, на которыхъ можно было бы основать подобное предположеніе.

не потерять даромъ времени, пошолъ назадъ къ Ландскронѣ, гдѣ собрались главныя силы конфедератовъ. Дюмурьё, получивъ извѣстіе о выступленіи Суворова изъ Сандомиржа, поручилъ Пулавскому защиту Донаеча и назначилъ Скавину сборнымъ мѣстомъ всѣхъ остальныхъ войскъ. Но $^{8}/_{19}$ іюня узналъ онъ, что Суворовъ прошелъ уже Донаечъ, приближался къ Кракову форсированными маршами, и что Пулавскій отступилъ къ горамъ, для того, какъ онъ доносилъ, чтобъ аттаковать Русскихъ съ тыла. Дюмурьё послалъ умолять его присоединиться къ нему и видя, что это не помогало, сталъ требовать угрожающимъ тономъ, чтобъ онъ исполнилъ его волю. Пулавскій, оскорбленный этимъ, отвѣчалъ, что «не считаетъ «себя обязаннымъ исполнять приказанія чужеземца и будетъ вести вой«ну по-своему; что идетъ на Замостье, куда Дюмурьё, если ему угодно, мо«жетъ послѣдовать за нимъ» (*).

Дюмурьё, потерявшій всякую надежду на содѣйствіе Пулавскаго, собралъ $^{11}/_{22}$ іюня при Ландскронѣ всѣ остальныя партіи конфедератовъ, бывшія подъ начальствомъ Шютца, Міончинскаго, Оржевскаго, Валевскаго и составлявшія всего около 3000 человѣкъ почти одной кавалеріи. Ландскрона лежитъ на вершинѣ холма, имѣющаго около 1500 шаговъ длины и 500 шаговъ ширины. Передняя и лѣвая его сторона довольно-круты и покрыты хвойнымъ кустарникомъ, а задняя примыкаетъ къ лѣсу, простирающемуся до самой Суши (Sucha). Здѣсь-то Дюмурьё избралъ свою позицію. Лѣвый флангъ его примыкалъ къ крѣпости, защищаемой 600 человѣками гарнизона и 30 пушками; правый, къ еловому лѣсу, который былъ занятъ 20 пушками и 100 егерями подъ начальствомъ французскихъ офицеровъ; 100 другихъ егерей были введены въ кустарникъ, лежавшій предъ самымъ фронтомъ.

Этою позиціею командовала другая ей параллельная, но лежавшая ниже, которую занялъ Суворовъ, незаставившій себя долго дожидаться. Обозрѣвъ непріятельскую позицію, приказалъ онъ немедленно одному казацкому полку, подкрѣпленному эскадрономъ карабинеровъ, очистить кустарникъ отъ непріятельскихъ егерей. Казаки разсѣваютъ стрѣлковъ и взбираются на высоту, занятую непріятелемъ. Дюмурьё, видя ихъ приближающихся въ розсыпную, безъ всякаго порядка, съ радостью возвѣщаетъ своимъ побѣду и приказываетъ аттаковать казаковъ прежде, чѣмъ успѣютъ выстроиться. Поляки обѣщаютъ сдѣлать чудеса.

Казаки, подкрѣпленные карабинерами, являются на высотѣ и выстраиваются быстро. Дюмурьё и юный Сапѣга намѣреваются съ Литовцами Оржевскаго встрѣтить ихъ; но Литовцы обращаются въ бѣгство при первой аттакѣ Русскихъ и убиваютъ Сапѣгу, который хотѣлъ остановить ихъ.

(*) Исторія конфедератовъ напоминаетъ собою весьма-часто исторію новыхъ Грековъ, отличительными чертами которой былъ тотъ же духъ распри между начальниками, та же ненависть къ правильной, систематической войнѣ, та же страсть дѣйствовать по своему произволу. Несчастіе соединяло ихъ и дѣлало послушными, счастіе снова ихъ разлучало и возвращало имъ всѣ ихъ пороки. При такихъ обстоятельствахъ, необходимъ человѣкъ съ возвышеннымъ геніемъ, который могъ бы сосредоточить вокругъ себя всѣхъ другихъ, направить ихъ къ одной цѣли и дѣйствовать сообразно съ нею. Такого-то человѣка не доставало Польшѣ и новой Греціи.

Оржевскiй и нѣсколько храбрыхъ, слѣдующихъ за нимъ, падаютъ подъ казачьими пиками. Дюмурье спѣшитъ къ гусарамъ Шютца, но они, вмѣсто того, чтобъ броситься въ сабли на непрiятеля, разряжаютъ свои карабины и обращаются въ бѣгство. Только одинъ Мiончинскiй, предводительствуя своею храброю партiею, бросается съ рѣшительностiю на Русскихъ, но, будучи раненъ, падаетъ съ лошади и подвергается плѣну. Валевскiй, начальствовавшiй лѣвымъ крыломъ, отступаетъ въ порядкѣ за Ландскрону; всѣ остальные разсыпаются по разнымъ сторонамъ. Казаки преслѣдуютъ бѣгущихъ около двухъ верстъ, поражаютъ ихъ и, потерявъ только нѣсколько человѣкъ, берутъ въ плѣнъ около 100 Поляковъ. Все дѣло было кончено не болѣе, какъ въ полчаса.

Пораженiе и бѣгство конфедератовъ было такъ быстро, что другiя войска, долженствовавшiя подкрѣпить казаковъ, не приняли въ дѣлѣ никакого участiя. Кромѣ Сапѣги и Оржевскаго, потеряли Поляки 500 убитыми и 200 плѣнными, въ числѣ которыхъ были Мiончинскiй (*) и маршалъ Лессоцкiй; два орудiя достались также въ руки побѣдителей.

Дюмурье, огорченный малодушiемъ конфедератовъ, отступаетъ съ небольшою толпою Французовъ къ лѣсу и достигаетъ безъ преслѣдованiя около полудня Суши, куда собираются также и разбѣжавшiеся гусары Шютца. Французскiе стрѣлки, занимавшiе лѣсъ, укрываются въ Ландскрону.

Но еще оставался Пулавскiй, который съ 2000 партiею потянулся отъ Донаеча, гдѣ онъ успѣлъ укрыться отъ Суворова, къ Замостью. Крѣпость эта отворила ему ворота. Отсюда угрожалъ онъ Люблину и Лембергу; но Суворовъ спѣшилъ уже остановить его успѣхи. Пулавскiй выступаетъ къ нему на встрѣчу изъ Замостья, но Суворовъ аттакуетъ его на половинѣ дороги, и принуждаетъ, послѣ кратковременнаго сопротивленiя, обратиться въ бѣгство. Пулавскiй лишается своихъ пушекъ, большей части своихъ людей и спасаетъ остальныхъ только искуснымъ отступленiемъ (заслужившимъ даже похвалу самого Суворова), сначала чрезъ горы къ венгерской границѣ, а оттуда черезъ Кенте и Бобрекъ къ Ченстохову. Съ-этихъ-поръ, Суворовъ отзывался о немъ не иначе, какъ съ уваженiемъ, и послалъ къ нему какъ доказательство своего расположенiя и въ знакъ памяти, небольшую фарфоровую табакерку.

Дюмурье, пристыженный неудачею всѣхъ своихъ плановъ, увѣрялъ въ-послѣдствiи, что распоряженiя Суворова при Ландскронѣ неминуемо должны были сдѣлаться причиною его собственной гибели. Замѣчанiе это было бы, можетъ-быть, справедливо, еслибъ дѣло шло объ обыкновенномъ военачальникѣ и обыкновенныхъ войскахъ; но Суворовъ, знавшiй совершенно своихъ противниковъ, разсчитывалъ на нравственное превосходство своихъ воиновъ. Если онъ аттаковалъ конфедератовъ въ ихъ крѣпкой позицiи казаками, то это было сдѣлано (даже не принимая во вниманiе

(*) Этотъ Мiончинскiй, вѣрный другъ Дюмурье, перешелъ въ-послѣдствiи во французскую службу въ качествѣ генерала и послѣ бѣгства Дюмурье отъ Якобинцевъ, былъ гильйотинированъ.

дѣйствія, какое должна была произвести эта совершенно-неожиданная аттака), потому-что онъ заранѣе предвидѣлъ бѣгство Поляковъ и хотѣлъ имѣть подъ рукою для ихъ преслѣдованія свою легкую кавалерію. Но еслибъ даже конфедераты не обратились въ бѣгство, то время, употребленное ими на отпоръ казакамъ, было бы достаточно для приближенія пѣхоты, которая неминуемо рѣшила бы дѣло. Употребивъ же сначала сію послѣднюю, Суворовъ, при медленности ея движеній и при сильномъ непріятельскомъ огнѣ, потерялъ бы много людей и непріятель, состоявшій большею частію изъ кавалеріи, могъ бы легко уйдти отъ него. Только посредственный военачальникъ придерживается всегда буквальному смыслу правилъ, геніальный же умѣетъ примѣнять эти правила къ обстоятельствамъ, основываясь на вѣрномъ познаніи характера своихъ противниковъ. Впрочемъ, Суворовъ самъ часто смѣялся надъ учеными выводами, которыми ему старались доказать, что онъ долженъ бы былъ подвергнуться пораженію тамъ, гдѣ онъ оставался побѣдителемъ. «Да, да» говаривалъ онъ тогда съ усмѣшкою: «у насъ нѣтъ ни тактики, ни практики, а мы все-таки бьемъ непріятеля.»

Такимъ образомъ разрушились вдругъ всѣ надежды конфедератовъ; лучшіе ихъ предводители были взяты въ плѣнъ, ихъ войска разбиты, разсѣяны, уничтожены, и раздоры и несогласія снова начались между ихъ начальниками. Одинъ упрекалъ другаго, какъ это всегда бываетъ послѣ несчастныхъ событій, въ слабости и измѣнѣ, тогда какъ въ-самомъ-дѣлѣ ни одинъ изъ нихъ не былъ, можетъ-быть, совершенно-правъ.

Дюмурьé, обманутый въ своихъ разсчетахъ, огорченный и недовольный, рѣшился бросить конфедератовъ на волю судьбы и съ досадою въ сердцѣ возвратился во Францію.

Всѣми успѣхами, одержанными надъ Поляками, были обязаны Русскіе въ-особенности невѣроятной дѣятельности Суворова. Съ удивительною быстротою являлся онъ на всѣхъ пунктахъ, гдѣ только показывался непріятель, и разбивалъ или разсѣвалъ его повсюду; не давая отдыха ни себѣ, ни солдатамъ своимъ, дѣлалъ онъ въ 17 дней по 100 миль, сражаясь между тѣмъ безпрестанно, такъ что не проходило 48 часовъ, чтобъ не было какой нибудь стычки (*). Этою быстротою удвоивалъ онъ свои силы и поселялъ страхъ въ сердцахъ непріятелей. Тѣмъ, которые удивлялись этой быстротѣ движеній отвѣчалъ онъ: — «это еще ничего; Римляне далеко пре«восходили насъ въ быстротѣ (**); прочтите-ка Цезаря.»

Такимъ образомъ, дѣло конфедератовъ было почти-совершенно уничтожено, и только какое-нибудь особенно-счастливое обстоятельство могло придать ему новую жизнь. Въ такомъ положеніи обратили они взоры на Огинскаго и старались возбудить его и Литовцевъ къ явному возстанію противъ Русскихъ. Чтобъ привести его къ этому, было поручено юному Коссаковскому (доказывавшему уже не разъ высокій умъ свой и распорядитель-

---

(*) Даже Рюльеръ, котораго ненависть къ русскимъ не хотѣла видѣть въ нихъ ничего хорошаго, принужденъ противъ воли отдать Суворову въ этомъ случаѣ должную справедливость.

(**) Врядъ ли!

ность) съ отрядомъ изъ 400 смѣльчаковъ выступить изъ Ченстохова и пробраться оттуда до Литвы, гдѣ онъ долженъ былъ произвести тотъ переворотъ, отъ котораго ожидали такъ много. Коссаковскій исполнилъ это порученіе съ большимъ искусствомъ. Вмѣсто того, чтобъ взять прямую дорогу, на которой неминуемо встрѣтилъ бы большія опасности, потянулся онъ первоначально къ прусской границѣ, своротилъ оттуда вправо къ сѣвернымъ провинціямъ, гдѣ было мало войска, и поспѣшилъ форсированными маршами въ Литву, куда прибылъ въ началѣ августа. Чтобъ затруднить путь своимъ преслѣдователямъ, онъ разрушалъ всѣ остававшіеся за нимъ мосты; когда же и это средство не помогало, то углублялся въ лѣса и появлялся опять на такихъ пунктахъ, гдѣ его меньше всего ожидали. Быстротою своихъ движеній сбивалъ онъ всѣ разсчеты противниковъ и въ-теченіи нѣсколькихъ дней появился на такомъ множествѣ различныхъ мѣстъ, что Русскіе не знали наконецъ гдѣ искать его.

Повсюду на пути своемъ предъявлялъ онъ актъ, по которому начальники Барской Конфедераціи объявляли престолъ польскій упраздненнымъ, и раздавалъ множество прокламацій, призывавшихъ дворянство къ возстанію.

Солдаты его отряда были одѣты въ черное платье, въ знакъ траура по бѣдствующей отчизнѣ; вездѣ проповѣдовалъ онъ единодушіе, вѣрность и возбуждалъ всѣхъ на защиту отечества. Вліяніе его на умы было такъ сильно, что Русскіе страшились всеобщаго возстанія и ожидали, что вся Польша возьмется за оружіе.

Сверхъ всѣхъ этихъ мѣръ, не было упущено ни одного средства къ склоненію великаго короннаго маршала Огинскаго объявить себя рѣшительно въ пользу конфедератовъ. Графъ Огинскій пользовался въ своей провинціи большимъ вліяніемъ; какъ коронный маршалъ, содержалъ онъ при себѣ нѣсколько тысячь человѣкъ и имѣлъ главное начальство надъ всѣми войсками, расположенными въ Литвѣ. До-сихъ-поръ онъ казался равнодушнымъ и къ той и къ другой сторонѣ, но внутренно былъ совершенно преданъ дѣлу конфедератовъ и ждалъ только благопріятной минуты объявить себя въ ихъ пользу. Онъ слишкомъ-хорошо зналъ всѣ опасности, сопряженныя съ такимъ важнымъ шагомъ, и не хотѣлъ сдѣлать его опрометчиво. Король предостерегалъ его: «Вы погубите и себя и меня» писалъ онъ къ нему, желая остановить его; и Огинскій, всегда отличавшійся слабымъ, нерѣшительнымъ характеромъ, казалось, былъ готовъ послѣдовать совѣту. Между-тѣмъ, подобно прежнему коронному маршалу въ Бѣлостокѣ, графу Браницкому, поддерживалъ онъ тайно разными способами конфедератовъ, не объявляя себя явно ихъ союзникомъ. Однакоже, въ то время, когда дѣло союзниковъ отъ распоряженій Дюмурьё начало принимать такой счастливый оборотъ, и когда содѣйствіе Огинскаго было предметомъ всеобщаго желанія, всѣ стали уговаривать его не колебаться больше. Старикъ Браницкій склонялъ его, конфедераты умоляли, французскій агентъ, кавалеръ де-Муриnè прибылъ для того нарочно изъ Данцига въ Бѣлостокъ, и говорили даже, будто австрійскій посланникъ подъ-рукою также старался на него дѣйствовать. Наконецъ, русскій посланникъ Салдернъ, обратился къ Огинскому съ вопросомъ: «за кого,

или противъ кого содержитъ онъ въ готовности свои войска?» — Получивъ извѣстіе о нѣкоторыхъ движеніяхъ, предпринятыхъ Русскими, Огинскій рѣшился предупредить ихъ; онъ внезапно оставилъ лагерь свой подъ Телешанами (недалеко отъ Пинска), обнародовалъ въ Пинскѣ актъ присоединенія своего къ конфедератамъ, пошелъ на Рѣшицу, гдѣ 26 августа (6 сентября) настигнувъ батальйонъ Русскихъ подъ начальствомъ полковника Албутчева, взялъ большую часть онаго въ плѣнъ, разсѣялъ и разбилъ нѣкоторыя другія партіи и манифестомъ объявилъ себя союзникомъ Барской Конфедераціи. Событіе это преисполнило радостью конфедератовъ, внушило имъ новыя надежды, новые планы и заставило ихъ вѣрить возможности присоединить къ себѣ вскорѣ западныя русскія провинціи, въ которыхъ не было русскихъ войскъ. Небольшая армія Огинскаго съ каждымъ днемъ увеличивалась; противопоставленные ей русскіе военачальники, генералъ Кашкинъ, полковники Тюрингъ и Древицъ, не предпринимая ничего рѣшительнаго, ограничивались только наблюденіемъ за непріятелемъ. Все заставляло опасаться, что Огинскій, не останавливаемый ничѣмъ, увеличитъ свои силы и успѣетъ наконецъ совершенно вытѣснить Русскихъ изъ Литвы. Онъ писалъ уже къ Коссаковскому, чтобъ тотъ присоединился къ нему съ своею партіею, и одержалъ близъ Несвижа значительный верхъ надъ полковникомъ Тюрингомъ. Но вдругъ всѣ эти успѣхи были остановлены, и несчастіе поразило его внезапно и неожиданно, какъ ударъ грома среди яснаго, безоблачнаго дня.

Суворовъ, окончивъ дѣйствія свои противъ Савы, Дюмурьё и Пулавскаго, возвратился въ Дублинъ; тамъ узналъ онъ о безпокойствахъ въ Литвѣ, о походѣ Коссаковскаго, о волненіи умовъ и наконецъ о явномъ возстаніи Огинскаго. Въ одну минуту представились его быстрому, проницательному уму всѣ пагубныя слѣдствія, какія могъ имѣть такой важный шагъ, если вредъ не будетъ остановленъ въ самомъ началѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ извѣстій объ операціяхъ офицеровъ, дѣйствовавшихъ противъ Огинскаго; вдругъ узнаётъ онъ о пораженіи Албутчева, объ отступленіи Тюринга и о бездѣйствіи другихъ. Все это сильно взволновало его и, не смотря на рѣшительное запрещеніе генерала Веймарна предпринимать что-нибудь противъ Огинскаго безъ особеннаго приказанія, рѣшился онъ на это подъ своею личною отвѣтственностью. «Спасемъ прежде нашихъ, сказалъ онъ, а потомъ пусть возьмутъ мою голову»; въ лаконическомъ рапортѣ, къ какимъ онъ прибѣгалъ иногда въ запутанныхъ обстоятельствахъ, донесъ онъ объ этомъ генералу Веймарну, и выступилъ съ 4 ротами пѣхоты и однимъ эскадрономъ кавалеріи, черезъ Коцкъ на Біалу, гдѣ, присоединивъ къ себѣ еще двѣ роты, два эскадрона и нѣсколько казаковъ, продолжалъ путь свой форсированнымъ маршемъ къ Бресту. Онъ шелъ такъ скоро, что изъ 1000 человѣкъ, слѣдовавшихъ за нимъ, болѣе 150 отстало на дорогѣ. Къ вечеру четвертаго дня, былъ онъ въ Слонимѣ, сдѣлавъ болѣе 200 верстъ (30 миль). Здѣсь узналъ онъ, что Огинскій съ своею небольшою арміею отъ 3 до 4000 человѣкъ, стоялъ верстахъ въ 50 оттуда въ прекрасной позиціи. Давъ своему отряду часа два отдыха, Суворовъ снова отправился въ путь и на слѣдующій день ($^{11}/_{22}$ сентября) за два часа до полуночи прибылъ къ Сталовичамъ.

Ночь была темна, небо покрыто тучами. Тихо, безъ барабаннаго боя, сталъ приближаться небольшой отрядъ къ мѣстечку; свѣтъ, зажженный на одной изъ башень монастыря, бывшаго недалеко оттуда, служилъ ему маякомъ; 4 улана, схваченные внезапно, сообщили свѣдѣнія о положенiи непрiятеля и принуждены были служить проводниками. Такимъ образомъ достигли Русскiе Сталовичей, гдѣ больше-открытая мѣстность позволила Суворову выстроить въ тишинѣ свой небольшой отрядъ. Въ первую линiю поставилъ онъ четыре роты, помѣстивъ между ними двѣ пушки, за которыми стала еще одна рота; 3 эскадрона вытянулись во второй линiи, а 1 рота, 2 взвода конницы и казаки составили резервъ. Въ этомъ боевомъ порядкѣ, двинулся онъ впередъ къ мѣстечку, направляя путь свой по огнямъ непрiятельскимъ, но былъ вдругъ задержанъ болотомъ, чрезъ которое шаговъ на 200 тянулась узкая гать. Пѣхота, послѣ минутнаго промедленiя, двинулась съ рѣшимостью впередъ; кавалерiя послѣдовала за нею; офицеръ, бывшiй при орудiяхъ, желая перебраться скорѣе, попытался перевезти ихъ чрезъ болото; но пушки увязли. Русскiе были уже предъ самымъ мѣстечкомъ, какъ вдругъ непрiятельскiй пикетъ, завидя ихъ, произвелъ тревогу «Къ оружiю! непрiятель!» раздалось со всѣхъ сторонъ и началась пальба. Русскiе съ громкимъ «ура» бросаются въ мѣстечко: страхъ овладѣваетъ Литовцами; всѣ разсыпаются по сторонамъ; иные стрѣляютъ изъ оконъ, другiе силятся защищаться на улицахъ; вездѣ кипитъ бой; но Русскiе дѣйствуютъ штыками — кавалерiя поддерживаетъ пѣхоту и рубитъ противящихся; въ страшномъ безпорядкѣ стараются Поляки выбраться въ поле, гдѣ была расположена наибольшая часть ихъ войска. Самъ Огинскiй едва успѣваетъ броситься на лошадь и спастись бѣгствомъ, истощивъ всѣ усилiя собрать своихъ солдатъ. Только 300 его лейб-янычаровъ защищаются упорно въ нѣкоторыхъ домахъ на рынкѣ; почти всѣ они падаютъ подъ штыками Русскихъ. Русскiе плѣнные, взятые при Рѣшицѣ и запертые въ одномъ большомъ домѣ, не имѣя возможности выбраться въ двери, выпрыгиваютъ изъ оконъ и присоединяются къ своимъ избавителямъ.

Темнота усилила еще болѣе ужасъ этой ночи; къ утру Сталовичи были во власти Русскихъ; но бой не былъ еще конченъ; настоящая позицiя Поляковъ была за городомъ и тамъ-то пытались они удержаться. Суворовъ поспѣшно собралъ своихъ солдатъ и устремился на непрiятеля; кавалерiя его, скакавшая впереди, завязала уже бой. Такъ-какъ непрiятельская линiя была несравненно-болѣе его линiи, то онъ потянулся влѣво и бросился потомъ стремительно на правое крыло. Литовцы храбро защищались и гренадеры ихъ мужественно дѣйствовали штыками противъ штыковъ Русскихъ, но были наконецъ принуждены уступить. Побѣда склонялась уже на сторону Русскихъ, какъ вдругъ генералъ Бьеланъ, стоявшiй въ получасѣ пути отъ мѣста сраженiя, приспѣлъ съ двумя уланскими полками, состоявшими изъ 1,000 человѣкъ каждый, и окружилъ три эскадрона Русскихъ. Тогда завязался страшный рукопашный бой; Русскiе нѣсколько разъ прорубались сквозь ряды непрiятельскiе, въ особенности отличались храбростiю казаки; наконецъ, послѣ необыкновенныхъ усилiй, Поляки были опрокинуты и отбиты.

Нѣсколько сотень непріятельскихъ тѣлъ покрывали поле сраженія; число плѣнныхъ превышало число побѣдителей. Обозъ, маршальскій жезлъ Огинскаго, денежная казна (болѣе 50,000 червонцевъ), знамена, разное оружіе, двѣнадцать пушекъ и множество драгунскихъ лошадей достались въ руки Русскихъ. При этомъ случаѣ, нельзя умолчать, что каждый изъ подчиненныхъ Суворова содѣйствовалъ въ этотъ день къ одержанію столь славной побѣды; изъ 900 человѣкъ, составлявшихъ его отрядъ, сто были убиты и большая половина переранена; офицеры же почти всѣ были ранены.

По окончаніи сраженія, Суворовъ далъ своимъ *часъ* отдыха и пошелъ назадъ на Слонимъ. Отрядъ его растянулся почти на цѣлыя полмили по причинѣ множества захваченныхъ повозокъ, орудій, раненныхъ и плѣнныхъ. Еслибъ ужасъ побѣжденныхъ былъ не такъ великъ, или еслибъ ими начальствовалъ хорошій офицеръ, то имъ предстоялъ здѣсь самый благопріятный случай склонить счастіе снова на свою сторону. Но пораженный Огинскій, растерявшись совершенно, помышлялъ только о своемъ спасеніи и тогда только считалъ себя въ безопасности, когда достигъ наконецъ Кёнигсберга.

Суворовъ охотно прибѣгалъ къ нечаяннымъ нападеніямъ и въ войнѣ съ конфедератами большею частью такъ дѣйствовалъ. «Хорошо-исполненное нечаянное нападеніе, говаривалъ онъ, удается всегда; солдатъ, разбуженный внезапно ночью, рѣдко противопоставляетъ сильное «сопротивленіе; чѣмъ неожиданнѣе бываетъ опасность, тѣмъ большею «представляется она ему, и первая мысль аттакованнаго такимъ образомъ «непріятеля есть не сопротивленіе, а спасеніе и бѣгство».

Такъ кончилось это предпріятіе, въ которомъ русскій военачальникъ обнаружилъ необыкновенную дѣятельность; не болѣе какъ въ-продолженіи 14 дней, видѣлъ себя Огинскій на вершинѣ счастія, и потомъ низвергнутый въ пучину бѣдствія и скитающійся, какъ изгнанникъ, на чужой землѣ. Въ послѣднихъ числахъ августа съ гордостью поднялъ онъ оружіе; $^{11}/_{22}$ сентября скитался онъ уже въ Пруссіи, отъискивая какого-нибудь мѣста, гдѣ бы могъ преклонить голову. Но съ этого дня также слава Суворова, котораго имя сдѣлалось уже извѣстно Европѣ, возрастая безпрестанно, достигла наконецъ съ послѣднею и наиблистательнѣйшею изъ его кампаній наивысочайшей степени.

Не останавливаясь въ Слонимѣ, оставилъ онъ тамъ при небольшомъ отрядѣ взятое имъ оружіе и плѣнныхъ, и пошелъ къ Пинску, какъ къ центральному пункту дѣйствій Огинскаго, для того, чтобъ совершенно уничтожить остатки его арміи и успокоить страну. На пути представился ему случай доказать свое безкорыстіе. Одинъ непріятельскій офицеръ съ значительною суммою полковыхъ денегъ попался въ его руки; не желая воспользоваться несчастіемъ этого офицера, приказалъ онъ выдать ему паспортъ, чтобъ доставить ему чрезъ то средство достигнуть безпрепятственно мѣста его назначенія. Въ Пинскѣ находился штабъ Огинскаго. Устроивъ здѣсь все къ совершенному покоренію и успокоенію Литвы и отобравъ у жителей оружіе, возвратился онъ чрезъ Брестъ и Біалу въ Люблинъ. На-

небольшая часть приверженцовъ Огинскаго разошлись по домамъ; Коссаковскiй присоединилъ остальныхъ къ себѣ и проселочными дорогами поспѣшилъ къ силезской границѣ. Литва была опять спокойна, и опасность, угрожавшая Русскимъ, счастливо отвращена.

Надъ головою Суворова собиралась однакоже сильная гроза. Генералъ Веймарнъ, раздраженный его самовольнымъ походомъ на Огинскаго, и можетъ быть также завидуя его возрастающей славѣ, жаловался въ Петербургѣ на противные субординацiи поступки его, и требовалъ, чтобъ онъ былъ отставленъ и преданъ военному суду. Но императрица, предвидѣвшая въ Суворовѣ будущую и вѣрнѣйшую опору своего трона, оставила это дѣло безъ вниманiя и даже наградила Суворова орденомъ св. Александра Невскаго. Веймарнъ и безъ того бывшiй въ ссорѣ съ властолюбивымъ Салдерномъ, былъ отозванъ и замѣненъ кроткимъ Бибиковымъ, который сталъ изъискивать всѣ средства поправить вредъ, нанесенной странѣ войною.

Суворовъ во время бездѣйствiя, которому былъ обреченъ, пока дѣло его не было кончено, писалъ къ генералу Бибикову слѣдующее письмо, которое мы приводимъ здѣсь, какъ одно изъ первыхъ, сдѣлавшихся извѣстными. Люди замѣчательные лучше всего познаются изъ собственныхъ ихъ словъ, которыя объясняютъ настоящiй смыслъ ихъ дѣйствiй.

«Крейцбургъ, 25-го ноября 1771 (*).

«Животное, говорю я, намъ подобное, привыкнувъ къ заботамъ, сопряженнымъ съ неизбѣжными неудобностями, за недостаткомъ ихъ, почитаетъ себя безсмысленнымъ: продолжительный отдыхъ его усыпляетъ. «Какъ сладостно воспоминать прошедшiе труды! Ограничиваясь обязанностями службы моей государыни, я стремился только къ благу отечества моего, не причиняя особеннаго вреда народу, среди котораго я находился. Неудачи другихъ воспламеняли меня надеждою. Доброе имя есть при-

(*) Письмо это писано на французскомъ языкѣ. Вотъ оно въ подлинникѣ:

Le 25 Novembre 1771. Kreizbourg.

Un animal, dis-je, de nôtre espéce, accoutumé aux soucis malgré les inconvéniens inévitables, se croit être une bête quand il en manqueroit, et les trop longs délassemens casuels l'assoupissent. Que ces fatigues passées me sont douces! Je ne visois qu'au bien patriotique enclavé dans mon devoir du service de mon Auguste Impératrice, sans faire un tort particulier à la nation où je me trouvais, et les revers mêmes occasionnés par quiconque, ne faisaient que m'encourager. La réputation est le partage de tout homme de bien; mais je fondais cette réputation dans la gloire de ma patrie, dont les succès n'étaient que pour sa prospérité. Jamais un amour propre, le plus souvent occasionné par un instinct passager, n'était maître de mes actions, et je m'oubliais s'il y allait du patriotisme. Une éducation farouche dans le commerce du monde, mais des moeurs innocentes de ma nature et une générosité de coutume m'applanissait les travaux; mes sentimens étoient libres et je ne succombais pas. Dieu! me trouverais-je bientôt dans des cas pareils! A présent je languis dans une vie oisive, propre à ces âmes basses, qui ne vivent que pour elles et qui cherchent le souverain bien dans cette lassitude, et de voluptés en voluptés courent dans les amertumes. Une misantropie couvre déjà mon front, et je crois prévoir dans la suite une plus grande détresse: une âme laborieuse doit être toujours nourrie dans son métier, et les frequens exercises lui sont aussi sains comme les exercises ordinaires du corps.

«надлежность каждаго честнаго человѣка; но я заключалъ доброе мое имя «въ славѣ моего отечества, и всѣ успѣхи относилъ къ его благоденствію. «Никогда самолюбіе, часто производимое мгновеннымъ порывомъ, не «управляло моими дѣяніями. Я забывалъ себя тамъ, гдѣ надлежало мы-«слить о пользѣ общей. Суровое воспитаніе въ свѣтскомъ обхожденіи, но «нравы невинныя и естественное великодушіе облегчали мои труды; чув-«ствія мои были свободны, и я не изнемогалъ. Боже! скоро ли возвратят-«ся такія обстоятельства! Теперь я унываю въ праздной жизни, свой-«ственной тѣмъ низкимъ душамъ, которыя живутъ только для себя, ищутъ «верховнаго блага въ истомленіи, и, переходя отъ утѣхъ къ утѣхамъ, до-«стигаютъ тягостной скуки. Уже мрачность изображается на челѣ моемъ; «въ будущемъ предвижу еще болѣе скорби. Трудолюбивая душа должна «всегда заниматься своимъ ремесломъ: частое упражненіе ее такъ же ожи-«вотворяетъ, какъ обыкновенныя движенія укрѣпляютъ тѣло.»

Суворовъ не долженъ былъ, однакоже, оставаться долго въ такомъ тягостномъ для него бездѣйствіи. Слово императрицы оправдало его, и ему скоро представился случай снова обнаружить во всей силѣ свою неутомимую дѣятельность.

Дюмурьё, хотѣвшій повелѣвать конфедератами вмѣсто того, чтобъ служить имъ совѣтникомъ, былъ замѣненъ графомъ Вьёменилемъ, который своимъ кроткимъ и уклончивымъ характеромъ могъ возстановить опять потерянное единодушіе. Хотя онъ, съ самаго начала, видѣлъ, что дѣло конфедератовъ не представляло большихъ надеждъ, однакоже рѣшился употребить всѣ средства замедлить , какъ-можно-далѣе, ихъ совершенное паденіе.

Первымъ стараніемъ его было собрать ихъ разсѣянныя партіи ; офицеры, прибывшіе съ нимъ, должны были осмотрѣть значительнѣйшіе пункты, находившіеся еще во власти Поляковъ и привести ихъ въ лучшее оборонительное положеніе; мѣра эта казалась ему тѣмъ болѣе необходимою, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Варшавы, было рѣшено въ чрезвычайномъ военномъ совѣтѣ у русскаго посланника привести изъ Россіи подкрѣпленія, съ помощью осадной артиллеріи , обѣщанной королемъ прусскимъ, отнять всѣ бывшіе еще въ рукахъ конфедератовъ крѣпости и укрѣпленные пункты, усилить армію до 12,000 человѣкъ и раздѣлить ее на три корпуса — одинъ для открытыхъ дѣйствій, а два остальные для блокадъ и осадныхъ работъ; во избѣжаніе потери людей, не брать крѣпости штурмомъ, а принуждать ихъ голодомъ къ сдачѣ; начать съ Тиница и Ландскроны и кончить Ченстоховомъ, какъ самымъ крѣпкимъ пунктомъ. Королевско-польскія войска, подъ начальствомъ генерала Браницкаго, должны были содѣйствовать во всемъ Русскимъ.

Вьёмениль надѣялся, что успѣетъ воспрепятствовать завоеванію этихъ крѣпостей до ближайшей весны, и намѣревался самъ начать тогда наступательныя дѣйствія. «Русскіе» писалъ онъ въ первыхъ числахъ января 1772 года: «при нападеніи на эти маленькія крѣпости, встрѣтятъ такое сопро-«тивленіе, какого не ожидаютъ. Они дали намъ время послать туда хоро-

«шихъ офицеровъ, снабдить ихъ запасами и исправить укрѣпленія. Въ «отчаянномъ положеніи конфедератовъ только какой-нибудь блистатель-«ный подвигъ можетъ возвратить имъ бодрость и мужество. Я заботливо «стараюсь приготовить къ тому всѣ нужные способы.» Двѣнадцать дней послѣ письма, блистательный подвигъ этотъ былъ совершенъ, и горсть Французовъ овладѣла краковскимъ зàмкомъ. Предпріятіе это, сопряженное съ большими трудностями, приноситъ величайшую честь мужеству французскихъ офицеровъ, совершившихъ его.

Для приведенія въ исполненіе этого предпріятія, было придумано нѣсколько плановъ: то хотѣли овладѣть зàмкомъ съ той стороны, гдѣ стѣна его не имѣла карауловъ; то предполагали проникнуть въ него посредствомъ подземнаго хода; то намѣревались воспользоваться проточною трубою, которая служила для выбрасыванія въ Вислу всѣхъ нечистотъ изъ зàмка, но по которой можно было влѣзть не иначе, какъ на четвереньках. Наконецъ, было рѣшено сдѣлать опытъ всѣми этими тремя путями.

Ночь на 23 января (3 февраля) была назначена къ приведенію въ исполненіе задуманнаго предпріятія. Во весь день шелъ сильный снѣгъ; всѣ окрестныя поля были покрыты имъ, и небольшой отрядъ, назначенный для овладѣнія крѣпостью, надѣлъ, сверхъ платья, бѣлыя рубашки, для того, чтобъ приближеніе его не было замѣчено. Принявъ эту предосторожность, отрядъ двинулся отъ Тиница. Въ самомъ Краковѣ, съ которымъ конфедераты имѣли сообщеніе, были приняты всевозможныя мѣры для счастливаго окончанія предпринятаго дѣла. Полковникъ Штакельбергъ съ частью суздальскаго полка занималъ этотъ городъ; онъ былъ офицеръ храбрый, но по характеру слабый, и одна знатная польская дама успѣла просьбами своими и кокетствомъ склонить его снять часовыхъ съ такихъ пунктовъ, гдѣ они были необходимы, увѣряя, что ночная перекличка мѣшаетъ ей спать. Сверхъ того, въ городѣ вообще не была соблюдаема должная осторожность, не смотря на близость конфедератовъ, которые казались неопасными. Даже въ самомъ зàмкѣ, гдѣ находились четыре орудія и весь полковой обозъ, было, кромѣ 100 безоружныхъ работниковъ, всего только 30 человѣкъ караула, при одномъ офицерѣ. Остальныя войска занимали городъ. Такая безразсудная безпечность должна была стòять Русскимъ дорого. Небольшой отрядъ Французовъ уже приближался; начальники его, Вьёмениль, племянникъ генерала, и Сельянъ, каждый съ 60 человѣкъ отборныхъ солдатъ, должны были попытаться проникнуть въ зàмокъ по одной изъ вышеназванныхъ дорогъ (Сельянъ чрезъ подземный ходъ, а Вьёмениль чрезъ проточную трубу), отворить ворота и впустить бригадира Шуази, который дожидался по близости съ 500 рейтарами.

Мужественно вступилъ Сельянъ въ подземный ходъ, который скоро сдѣлался такъ узокъ, что едва одинъ человѣкъ могъ подвигаться впередъ, и потому Сельяну показалось слишкомъ-опаснымъ пускаться въ такое мѣсто съ столь малымъ числомъ людей, и онъ предпочелъ лучше обойдти кругомъ зàмка, надѣясь, что случай представитъ ему какое нибудь другое средство проникнуть во внутренность крѣпости. Вьёмениль, напротивъ, достигнувъ проточной трубы, остановился-было сначала, но потомъ, обо-

дрясь, предался совершенно на произволъ судьбы, и съ обнаженною въ рукахъ шпагой мужественно влѣзъ въ трубу. «За мною, ребята! Въ нѣсколько минутъ будемъ мы наверху» закричалъ онъ своимъ солдатамъ — и всѣ послѣдовали за нимъ безъ малѣйшей нерѣшимости. Въ ту минуту, когда послѣдніе изъ солдатъ Вьёмениля начали влѣзать въ трубу, подошелъ Сельянъ съ своимъ отрядомъ; узнанный по бѣлымъ рубашкамъ, былъ онъ приглашенъ слѣдовать тѣмъ же путемъ, и тутъ же рѣшился на это.

Между-тѣмъ, Шуази напрасно бродилъ около города, стараясь найдти какой-нибудь входъ; вездѣ видѣлъ онъ передъ собою только высокія стѣны, съ которыхъ ему не подавали никакого знака. Лѣстницъ у него не было, и день начиналъ уже вечерѣть. Обманутый въ своихъ надеждахъ, рѣшился онъ наконецъ возвратиться, но не хотѣлъ сдѣлать этого, не соединясь съ Вьёменилемъ и Сельяномъ. Долго и тщетно поджидалъ онъ ихъ: въ зáмкѣ все было тихо; ни малѣйшій шумъ не раздавался за его стѣнами; медлить долѣе значило бы подвергнуть себя опасности быть отрѣзаннымъ отъ Тиница. Съ сокрушеннымъ сердцемъ пустился онъ въ обратный путь, опечаленный мыслію, что долженъ былъ оставить на вѣрную гибель двухъ лучшихъ своихъ офицеровъ съ ихъ солдатами. Онъ отошелъ уже 2 версты, какъ вдругъ услышалъ, со стороны Кракова, сильную перестрѣлку; полный надежды и боязни, посылаетъ онъ, для развѣданія, одного польскаго офицера, который, возвратясь, доноситъ, что зáмокъ во власти тѣхъ, которыхъ онъ считалъ погибшими. Шуази, съ крикомъ радости, возвращается въ ту же минуту назадъ, на помощь къ своимъ.

Вьёмениль первый выбрался изъ трубы и убилъ полусоннаго часоваго, который окликнулъ его; такая же участь постигла и другаго, а между-тѣмъ люди его также выбрались. Свѣтъ, горѣвшій на гауптвахтѣ, привелъ ихъ туда, и они, напавъ внезапно на караулъ, скоро овладѣли имъ; только 11 солдатъ успѣли выскочить въ окно и, бросясь бѣжать, произвели тревогу. Тогда на смѣльчаковъ было сдѣлано нападеніе со всѣхъ сторонъ. Штакельбергъ пытался опять овладѣть зáмкомъ; но Французамъ удалось нѣсколько времени держаться противъ отдѣльныхъ аттакъ, неимѣвшихъ дружнаго натиска. Видя, однакожь, что ожидаемое подкрѣпленіе не являлось, рѣшились они пробиться съ оружіемъ въ рукахъ. Еще не всѣ выходы были заперты для нихъ; еще можно было надѣяться, что они выберутся благополучно, какъ вдругъ шумъ, раздавшійся извнѣ, возвѣщаетъ имъ помощь. Они не ошиблись: то былъ Шуази, который успѣлъ проложить себѣ дорогу къ зáмку черезъ форштатъ.

Теперь можно было надѣяться удержать замокъ, тѣмъ болѣе, что въ этотъ же самый день подошелъ еще новый отрядъ подъ начальствомъ Голибера, который хотя и потерпѣлъ большую потерю на пути своемъ, однакоже составлялъ собою значительное подкрѣпленіе.

Суворовъ располагалъ предпринять походъ въ Литву, когда получилъ извѣстіе объ этомъ событіи. Не медля ни минуты, обратился онъ къ Кракову, куда прибылъ на слѣдующій день 24 января (4 февр.) вечеромъ. Въ это самое время Французы, желая овладѣть городомъ, сдѣлали сильную вылазку, но упорное сопротивленіе Русскихъ принудило ихъ скоро къ отступленію.

Трудный подвигъ предстоялъ теперь Русскимъ: не имѣя осадной ар-

тиллерiи они должны были снова овладѣть столь крѣпкимъ замкомъ. Замокъ этотъ, окруженный стѣною въ 7 футъ толщины и 30 футъ вышины, стоялъ на возвышенiи, командующемъ городомъ и у подножiя котораго съ другой стороны протекаетъ Висла. Прекрасная церковь, полуразрушенный королевскiй дворецъ и около 30 домовъ составляли всѣ его строенiя. Гарнизонъ его, усиленный разными прибывшими партiями, состоялъ изъ 400 человѣкъ пѣхоты и 500 кавалерiи (въ этомъ числѣ были Французы, Саксонцы и Поляки — но всѣ они были старые и хорошо-обученые солдаты), и имѣлъ значительный запасъ всякаго продовольствiя.

Суворовъ и Браницкiй, начальствовавшiй королевскими войсками и прибывшiй съ 5 польско-уланскими полками, заняли окрестности, прилегающiя къ замку. Браницкiй принялъ на себя защиту всѣхъ пунктовъ по ту сторону Вислы, противъ разныхъ партiй конфедератовъ, показывавшихся тамъ; Суворовъ занялся собственно осадой; мостъ, устроенный черезъ Вислу, служилъ имъ для сообщенiя другъ съ другомъ.

Сначала, Французы дѣлали сильныя вылазки; скоро однакоже они удостовѣрились, что вылазки эти служили имъ только во вредъ; они теряли только людей, не выигрывая ничего.

Для осаждающихъ главное затрудненiе состояло въ обстрѣливанiи замка, лежавшаго такъ высоко. Съ невѣроятнымъ трудомъ успѣлъ Суворовъ поставить нѣсколько пушекъ на нѣкоторые изъ самыхъ высокихъ домовъ; въ то же время дѣятельно занимался онъ рытiемъ двухъ минъ, и наконецъ $^{18}/_{29}$ февраля въ 2 часа утра послѣдовалъ всеобщiй приступъ. Между-тѣмъ, какъ сильный картечный и ружейный огонь, поддерживаемый съ верхушки домовъ, тревожилъ осажденныхъ на стѣнахъ, 2 колонны подошли къ нимъ съ лѣстницами. Одна изъ этихъ колоннъ достигла воротъ, бросила туда петарду, но безъ успѣха, и такъ какъ ей не доставало смѣлаго предводителя, то она ограничилась ружейною перестрѣлкою, въ которой выгода осталась на ея сторонѣ. Другая колонна дѣйствовала рѣшительнѣе: она подступила подъ самыя стѣны, поставила свои лѣстницы и пошла на приступъ съ такимъ мужествомъ и твердостью, что возбудила даже изумленiе непрiятеля; но и этотъ подвигъ остался безуспѣшенъ.

Потерявъ около 150 человѣкъ убитыми и раненными и не выигравъ рѣшительно ничего, Суворовъ принужденъ былъ ударить отбой и прекратить штурмъ, тѣмъ болѣе, что храброе сопротивленiе Французовъ не подавало никакой надежды на успѣхъ.

Тогда было рѣшено подвергнуть замокъ самой тѣсной блокадѣ, и это, казалось, тѣмъ болѣе обѣщало вѣрный успѣхъ, что по словамъ одного плѣннаго, осажденные начинали уже терпѣть недостатокъ въ нѣкоторыхъ съѣстныхъ припасахъ, особенно же въ мясѣ, такъ, что были принуждены питаться конинной.

Около этого времени, Коссаковскiй съ партiею, состоявшею изъ нѣсколькихъ сотень отборнѣйшихъ черныхъ всадниковъ, пытался снабдить осажденныхъ подкрѣпленiемъ. Онъ успѣлъ уже принудить къ отступленiю два уланскiе полка, которые хотѣли заградить ему дорогу, какъ вдругъ Суворовъ съ двумя эскадронами и нѣсколькими казаками бросился на него и послѣ жаркаго боя прогналъ его назадъ, подвергнувшись однакоже самъ

великой опасности. Одинъ молодой, храбрый кавалеристъ (Лифляндецъ, по имени Рейхъ), выстрѣливъ изъ обоихъ пистолетовъ, бросился на него съ саблею. Съ трудомъ защищался противъ него Суворовъ до-тѣхъ-поръ, пока один кирасиръ, приспѣвшій къ нему на помощь, выстрѣломъ изъ карабина не повергъ нападавшаго мертвымъ. Послѣ большой потери, испытанной Коссаковскимъ, исчезъ онъ съ своими черными всадниками; 20 лѣтъ спустя найдемъ мы его опять, но только съ измѣнившимся образомъ мыслей, противоборствующаго тому, за что онъ прежде сражался, и увидимъ его умирающимъ насильственною смертью отъ рукъ собственныхъ людей его.

Недостатокъ продовольствія въ замкѣ усиливался съ каждымъ днемъ, и скоро у осажденныхъ не было рѣшительно никакихъ запасовъ: тогда Суворовъ потребовалъ сдачи. Апрѣля $^{8}/_{19}$ явился бригадиръ Ганиберъ для переговоровъ. Желая задобрить своего противника, онъ прибѣгнулъ къ лести; но Суворовъ, не обративъ на это никакого вниманія, съ величайшею холодностью просилъ его сѣсть къ письменному столу, чтобъ не терять даромъ время и продиктовалъ ему условія сдачи, которыя были столь выгодны, что самъ Ганиберъ не могъ бы никогда желать ничего лучшаго. Отвѣтъ долженъ былъ послѣдовать на другой день; Ганиберъ возвратился, но съ новыми условіями: Суворовъ, раздраженный этимъ, предложилъ другія гораздо-строжайшія и объявилъ, что если они не будутъ приняты въ 24 часа, то требованія его сдѣлаются еще строже. Однакожь они были приняты въ тотъ же вечеръ. Главный пунктъ состоялъ въ томъ, что гарнизонъ долженъ былъ сложить оружіе и признать себя плѣнными, но не *военно-плѣнными*, какъ того желали Французы. Требованіе это не могло быть принято (какъ объявилъ Суворовъ), потому-что Франція не находилась въ войнѣ съ Россіею. Сдача замка была назначена $^{15}/_{26}$ апрѣля, въ первый день пасхи.

Когда гарнизонъ, состоявшій еще изъ 800 человѣкъ, сложилъ свое оружіе, Віёмениль и прочіе французскіе офицеры въ свою очередь подали Суворову свои шпаги. «Сохрани меня Богъ отнимать шпаги у храбрыхъ офицеровъ, состоящихъ въ службѣ государя, который въ дружескихъ отношеніяхъ съ моею монархиней», сказалъ Суворовъ и обнялъ всѣхъ Французовъ одного за другимъ. Веселая трапеза соединила за однимъ столомъ тѣхъ, которые еще недавно были врагами; въ вечеру, Французы подъ сильнымъ прикрытіемъ были отправлены въ Люблинъ, а оттуда пошли во-внутрь Россіи. Суворовъ же остался въ Краковѣ, до совершеннаго окончанія войны.

Оттуда предпринималъ онъ осаду Тинца, сильно укрѣпленнаго конфедератами и окруженнаго многими редутами; былъ, однакожь, скоро смѣненъ Австрійцами, получившими въ свое владычество всю эту страну. Участь Польши была рѣшена: Австрія, Пруссія и Россія, опираясь на древнія права, опредѣляли, раздѣливъ Польшу на части, присоединить се къ своимъ владѣніямъ.

Укрѣпленные замки Ландскрона, Тинецъ и Ченстохово были взяты; партіи конфедератовъ разсѣяны; предводители ихъ бѣжали, или изъявили покорность; со всѣхъ сторонъ вступали въ Польшу австрійскія, прус-

скія и россійскія войска; кто не оставлялъ оружія, былъ объявляемъ разбойникомъ и строго преслѣдуемъ; конфедерація была уничтожена.

Августа 5-го 1772 года, былъ подписанъ трактатъ, въ силу котораго три монархіи присоединили къ своимъ владѣніямъ разныя части Польши; трактатъ этотъ былъ представленъ 26-го сентября королю въ Варшавѣ, и въ слѣдующемъ году, послѣ сильныхъ противорѣчій и преній, утвержденъ наконецъ на общемъ сеймѣ.

Такимъ образомъ было положено начало къ исключенію Польши изъ ряда европейскихъ государствъ; но начало бываетъ всегда дѣломъ самымъ труднымъ: совершенный и полный раздѣлъ былъ уже съ-тѣхъ-поръ неизбѣжнымъ, и его легко можно было предвидѣть.

Злоупотребленія, вкрадывавшіяся постепенно въ правленіе, достигли наконецъ такой силы, что Польша не могла уже существовать въ своемъ настоящемъ видѣ; она должна была или обновиться внутренними революціями, или сдѣлаться добычею своихъ сосѣдей.

Государства, подобно людямъ, умираютъ, или отъ старости или отъ болѣзней, одно ранѣе, другое позже. Внутренній червь долго точилъ жизнь Польши; со времени великаго короля Стефана Баторія, приближалась она быстрыми шагами къ своему паденію, въ той же мѣрѣ, въ какой Россія, особенно съ восшествія на престолъ дома Романовыхъ, давшаго ей такъ много великихъ государей, стремилась съ мужествомъ къ своему возвышенію. Предавшись совершенному разстройству, Польша должна была погибнуть, для того, чтобъ въ-послѣдствіи, по-крайней-мѣрѣ частію возродиться въ новомъ, лучшемъ образѣ, въ братскихъ объятіяхъ Россіи.

Приведемъ еще нѣсколько писемъ, писанныхъ Суворовымъ въ это время къ генералу Бибикову въ Варшаву о тогдашнихъ событіяхъ. Они высказываютъ его взглядъ и образъ мыслей лучше, чѣмъ могли бы это сдѣлали описанія.

Безъ числа (вѣроятно въ февралѣ 1772).

«Теперь вашему высокопревосходительству донести долженъ о причинѣ, невѣроятнаго происшествія въ замкѣ. Полковникъ Штакельбергъ!... по прибытіи моемъ сюда, я истинно отъ него никакого вѣрнаго объясненія добиться не могъ: и 1-ое, онъ изъ числа избалованныхъ Иванъ Ивановичемъ Веймаромъ, перепискaми съ нимъ на иностранныхъ языкахъ, и для того онъ съ принятія его полку никогда шпаги не вынималъ; 2-ое, здѣсь, какъ въ знакомомъ ему мѣстѣ, *ксендзы* и бабы голову ему весьма повредили. Онъ вмѣсто *благодѣтельнаго* человѣка былъ *человѣкъ добрый* и на томъ онъ спалъ. Не имѣлъ я ухищренія ловить даваемыя мнѣ иногда о семъ послѣ увѣдомленія. Опасаясь, чтобъ ксендзовъ и бабъ никогда не тревожить, разрядилъ онъ и ружья, да и по просьбамъ ихъ сводилъ часовыхъ, а того часоваго дѣйствительно свелъ, который былъ у скважины, гдѣ Французы вошли; Коренныхъ плѣнныхъ бунтовщиковъ, не взирая на мое при-

казанію изъ Кракова къ Люблину не отправилъ. Я думалъ дѣйствительно, что для увольненія ихъ отъ вашего высокопревосходительства на то повелѣніе имѣлъ, въ числѣ которыхъ одинъ изъ выпущенныхъ изъ замка застрѣлилъ нашего офицера. Къ нимъ всѣ ходили, кто хотѣлъ; а отъ утрени, когда *каноники* ходятъ въ замокъ съ двухъ часовъ пополуночи, и ворота замковыя отворяемы были. *Каковъ попъ, таковъ и приходъ.* Сіе я говорю о ближнемъ полковникѣ Штакельбергѣ, исключая изъ того весьма-достойныхъ офицеровъ, которые ему о томъ въ свое время представляли; но онъ бывъ обремененъ ксендзами и бабами, ихъ не слушалъ. Однако, милостивый государь, все сіе въ точности утверждать не можно до будущаго разбирательства, не имѣя нынѣ на то достаточно времени.

«Французы, пользовавшись симъ добрымъ человѣкомъ и трактирщикомъ, предпріяли то дерзновеннѣйшее дѣло; поелику то видно изъ трактирщикова допроса. Прочее по французской *реляціи* рѣдко что не правда, кромѣ гдѣ излишнее хвастовство. Поправленіе же горшаго должно приписать подполковнику Елагину».

Послѣ неудачнаго приступа къ замку, Суворовъ писалъ:

«Быть такъ! неудачное наше *штурмованіе* доказало, правда, весьма храбрость, но купно въ тѣхъ работахъ и не искусство наше, превозвышающее «невозможность. Безъ *Вобана* и *Когорна* учиться было намъ лучше прежде «тому на петербургской сторонѣ. Согласіе поздно. А ежели платить на одпѣ «осадѣ», то дѣйствительно конца не будетъ. Пока одну крѣпостцу беремъ, «укрѣпляться могутъ въ другой: а у нихъ противъ истраченнаго будетъ, «безъ сомнѣнія, прибавка. Трехъ крѣпостей въ годъ не отобрать. Въ го«рахъ сіе тяжелѣе, а къ сторонѣ Ченстохова легче. Выживать ихъ оттуда «можно и уповать на удачу, хотя съ перваго взгляда покажется дерзно«венно.»

Во время переговоровъ съ союзными коммиссарами писалъ онъ къ Бибикову:

«Да дайте мнѣ, м. г., такое философское мѣсто (какъ кончится съ Ченстоховомъ и расписаніе дѣлать изволите), чтобъ никому не было завидно. «Здѣсь около четырехъ лѣтъ, часто думается бѣжать... Грѣхъ отъ васъ... «Я нагрубилъ, и мнѣ злодѣйствуютъ... меня ссорятъ... Я человѣкъ доб«рый, отпору дать не умѣю: здѣсь боюсь и сосѣдей *езуитовъ;* всѣ тѣ же «*д'Алтоны*. Простите мнѣ... Пора бы мнѣ на покой въ Люблинъ. Честный «человѣкъ со срѣтеньева дня не разувался: что́ я у тебя, батюшка, сталъ «за политикъ? Пожалуй пришли другаго; чортъ ли съ ними сговоритъ?»

—

Суворовъ, вслѣдъ за тѣмъ, въ сентябрѣ 1772 года, былъ переведенъ въ корпусъ генерала Эльмпта, который долженъ былъ идти въ Финляндію. Около этого времени, произошла въ Швеціи извѣстная революція, посредствомъ которой Густавъ III, при помощи Франціи, уничтожилъ аристократическую партію и присвоилъ себѣ почти самодержавную власть. Дальнѣйшія его намѣренія были неизвѣстны; слѣдуя внушеніямъ французскаго

кабинета и пользуясь тогдашними обстоятельствами, онъ могъ тревожить Россiю со стороны Финляндiи. Для этого были на всякiй случай придвинуты туда войска.

Около этого времени писалъ Суворовъ къ Бибикову:

«Вильна, 21 октября 1772 года.

«Теперь я въ своей тарелкѣ. Слѣдуя моему предопредѣленiю, я приближаюсь къ отечеству и оставляю страну, гдѣ желалъ дѣлать добро или, покрайней-мѣрѣ, всегда стремился къ тому. Сердце мое не затруднялось въ этомъ, а долгъ не препятствовалъ тому. Откровенный въ своихъ поступкахъ, я остерегался только нравственнаго зла, и зло физическое уничтожалось само-собою. Свободный отъ упрековъ совѣсти, я радуюсь одобренiю, которое заслужили мои поступки. Здѣсь пользуюсь я только нѣкоторою извѣстностью, потому-что пребыванiе мое въ этомъ краю было недолговременно; по-крайней-мѣрѣ, чувствую, что не былъ ему столько полезенъ, сколько бы могъ. Чистосердечная признательность раждаетъ во мнѣ любовь къ этой странѣ, гдѣ мнѣ желаютъ добра; я покидаю ее съ сожалѣнiемъ.

«Но когда я посмотрю на Д... Р. . и Алш..., этихъ несправедливыхъ оскорбителей моей невинности, то начинаю дышать свободнѣе. Я оканчиваю здѣсь мое поприще, какъ человѣкъ благородный, и освобождаюсь отъ нихъ; напрасныя мои жалобы усиливали только мою грусть, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда я хотѣлъ преувеличивать свои обязанности. Я не ненавидѣлъ ихъ, презирать же не могъ никогда; и зная ихъ свойства, можно ли было надѣяться, чтобъ козни ихъ измѣнились.

«Правда, я мало обращался съ женщинами, но когда бывалъ съ ними, то никогда не забывалъ къ нимъ уваженiя. У меня не доставало времени заниматься ими и я боялся ихъ. Онѣ управляютъ страною здѣсь какъ и вездѣ; я не чувствовалъ въ себѣ столько твердости, чтобъ защищаться отъ ихъ прелестей» (*).

—

(*) Письмо это писано на французскомъ языкѣ; у г. Шмидта приведено оно не вполнѣ.

Lettre à l'Angloise, Wilna le 21 Octobre 1772.

Me voilà dans mon assiette au possible. Je suis mon destin qui m'approche de ma patrie et me tire d'un pays où je n'ai voulu faire que du bien, au moins l'ai-je taché toujours. Mon coeur ne s'y embarassait pas et mon devoir n'y mettait jamais d'obstacles. Sincère dans mes actions, je ne me gardais que du mal moral et le mal phisique dépérissait par lui-même. Ma vertu sans remords est fort contente de la satisfaction qu'on témoigne de ma conduite; ici on ne me connait que du côté de quelque reputation, puisque je ne m'y étais arrêté que peu, ou du moins je ne me sens pas avoir assez servi cette contrée. La reconnaissance naive engendre dans moi un amour pour ce pays où on ne me veut que du bien; je le quitte à regret.

Mais si j'envisage les D .. les R... les Alt... ministres iniques/de mon innocence, je commence à respirer; je finis ici ma carrière en honnête homme, je me débarasse d'eux; mes plaintes fragiles augmentoient mon chagrin, là principalement où je voulais outrer dans mon devoir. Je ne les haissais pas, je ne les pouvais jamais mépriser; et quel changement à espérer de leurs embuches, connoissant leurs qualités?

Il est vrai, je n'entrais pas trop dans le commerce des femmes, mais quand je m'y amu-

Суворовъ есть живой примѣръ того, что можетъ совершить человѣкъ, проникнутый *одною* мыслію, *однимъ* желаніемъ. Все, что привлекаетъ другихъ людей, или что отстраняетъ ихъ отъ предположенной цѣли, было не для него; наслажденія богатства, женская любовь, удовольствія общества, тихая радость семейной жизни, — все это было ему чуждо; онъ жилъ только благороднымъ стремленіемъ къ славѣ и любовью къ отечеству. Эти два чувства были постояннымъ предметомъ его мыслей, разговоровъ, надеждъ и желаній; они слились въ немъ въ одно нераздѣльное цѣлое и онъ старался однимъ поддерживать другое. Все, до чего можетъ только достигнуть частный человѣкъ въ государствѣ монархическомъ, было достигнуто имъ; но за то онъ и совершилъ все, что только въ состояніи совершить частный человѣкъ. Онъ, смотря по обстоятельствамъ, былъ или крѣпкій щитъ, или грозный мечъ, который противопоставлялся врагамъ его родины.

Въ юности своей онъ уже говаривалъ: «*Я хочу быть фельдмаршаломъ*», и никогда не выпускалъ изъ вида этой цѣли. Съ твердостью и постоянствомъ, свойственными только немногимъ, стремился онъ къ этой цѣли и достигнулъ ея. Чего не можетъ совершить воля человѣка, если только воля эта непоколебима! Вотъ письмо Суворова изъ Успота, отъ 27 октября 1772 года:

«Нѣтъ ли какихъ новостей, касающихся до меня? Ваше превосходительство, въ отдаленіи отъ меня не пишете мнѣ ничего. Я скучаю въ бездѣйствіи въ здѣшнихъ пустыняхъ. Не-уже-ли я долженъ разстаться съ вами... или есть еще надежда? Должно ли будетъ сражаться посреди льдовъ? Я иду туда какъ солдатъ; если будетъ время, то пойду назадъ и ворочусь еще скорѣе, чѣмъ шелъ туда на авось... Тотлебенъ... идетъ туда же, куда я, и если во мнѣ будетъ нужда, то явлюсь туда въ двѣ недѣли (*)».

Корпусъ русскихъ войскъ выступилъ изъ Польши осенью, двинулся медленными маршами къ Петербургу, куда прибылъ зимою, и былъ немедленно отправленъ далѣе. Суворовъ остался самъ въ столицѣ. Въ февралѣ 1773 года получилъ онъ повелѣніе осмотрѣть финляндскую границу въ военномъ отношеніи и въ-особенности узнать, какого образа мыслей были жители на счетъ перемѣны правленія, происшедшей въ Стокгольмѣ. Онъ отправился чрезъ Выборгъ, Кексгольмъ, Нейшлотъ къ шведской границѣ, прожилъ тамъ нѣсколько времени тайно, собиралъ свѣдѣнія, удосто-

---

sais, le respect n'y manquait jamais. Le temps me manquait de les pratiquer et je les craignais; ce sont elles qui gouvernent le pays ici comme partout ailleurs; je ne me sentais pas assés fort pour me défendre contre leurs charmes.

(*) Письмо это писано также на французскомъ языкѣ:

Usspot le 26 Octobre.

Et quelles nouvelles y-a t-il en ce qui me concerne? Votre Excellence éloignée de moi ne me mande rien. Je m'ennuye ici dans les solitudes sans faire rien du tout. Dois-je donc vous quitter tout de bon, ou... ai j'ai encore des espérances? Faudra t'-il se battre dans les glaces? j'y vais en soldat; reste t-il du temps, je rebrousse chemin et je serai de retour plutôt que je ne marchais en avant à l'aventure. Tottleben... va là où je vais, et s'il y faudra de moi, je suis là dans 15 jours.

вѣрился въ общемъ неудовольствiи дворянства, духовенства и крестьянъ и возвратился съ донесенiемъ обратно въ Санктпетербургъ.

Недолго оставался онъ здѣсь; отношенiя къ Швецiи измѣнились, и онъ, по собственной его просьбѣ, былъ переведенъ къ графу Румянцову въ молдавскую армiю, куда отправился съ радостью, надѣясь найдти случай къ новой дѣятельности. Покой былъ для него тягостенъ, и только тревожная жизнь солдата могла доставить ему счастiе.

Съ нѣмец. Н. М—ТЪ.

ШЕКСПИРЪ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ И ЛИРИКЪ.

—

His life was gentle; and the elements
So mix'd in him, that nature might stand up
And say to all the world: This was a man.

(Жизнь его была кротка, и стихіи такъ соединились въ немъ, что природа могла бы встать и сказать цѣлому міру: «вотъ былъ человѣкъ!»)

Шекспиръ, въ «Юліи Цезарѣ».

Все глубочайшее и величайшее духа человѣческаго исходитъ изъ нѣдръ таинства, такъ же, какъ и физическое существованіе духа; особенно бываетъ замѣчательно, что во внѣшней жизни людей истинно-великихъ, не смотря на жадныя изслѣдованія, остается столько неразгаданнаго, столько пробѣловъ. Такъ и съ Шекспиромъ. Мы едва въ силахъ уловить въ нѣдрахъ таинствъ, гдѣ скрыта его личность, лишь однѣ отрывочныя, улетучивающіяся черты ея, а многія стороны его духа, его человѣческая индивидуальность, остаются для насъ загадкою. И дѣйствительно, созданія его дивной творческой силы предстоятъ словно замурованные въ сталь исполинскіе замки, въ которыхъ самое достовѣрнѣйшее свидѣтельство ихъ дѣйствительнаго существованія нисколько не ослабляетъ вѣры въ ихъ баснословное происхожденіе. Не отраженіе міра,—эти созданія сами суть объективные міры, обращающіеся на своихъ собственныхъ осяхъ; а духъ, сотворившій ихъ, забывая себя въ своемъ преображеніи, весь преданный своему творчеству, кротко, блаженно взираетъ на безконечно-разнообразную жизнь своихъ созданій. Слыханное ли дѣло: столько поэтическихъ произведеній, обнаруживающихъ такую самостоятельную, неимовѣрную силу, заключающихъ въ самихъ-себѣ великіе законы своего движенія, и— такъ совершенно отрѣшенныхъ отъ личности творца своего! Кромѣ гомерическихъ пѣсень и нибелунговъ, въ литературѣ всѣхъ народовъ нѣтъ ни одного примѣра въ этомъ родѣ. Но тѣ поэмы требуютъ совсѣмъ иного взгляда: принадлежа младенческой эпохѣ человѣческаго развитія, онѣ болѣе относятся къ духу цѣлаго народа, нежели къ поэтическому генію одного человѣка. Кромѣ ихъ нельзя указать ни на одно произведеніе, при которомъ бы можно было забыть творца его. Есть родъ критики, какъ у Французовъ, которая сличаетъ личность поэта съ его произведеніями, и въ исторіи его жизни находитъ тотъ или другой мотивъ его поэтическаго творчества. Въ такой критикѣ есть, можетъ-быть, своя хорошая сторона,

потому-что въ ближайшемъ знаніи собственныхъ обстоятельствъ и положеній поэта, какъ человѣка, лежитъ часто особенная привлекательность, иногда причинность и тайный или явный источникъ его творчества. Но драмы Шекспира предстоятъ цѣлымъ, отдѣльнымъ міромъ, за самостоятельно-могучею жизнію котораго творецъ совершенно отрицаетъ личность свою.

Мы особенно рады предпріятію г. Кетчера,—огромному предпріятію — перевести *всего* Шекспира. Переводъ міроваго поэта является у насъ въ такое время, когда литература наша находится въ такомъ хаотическомъ броженіи, при самомъ неопредѣленномъ направленіи вкусовъ, понятій, сужденій и, главное, при совершенномъ отсутствіи образованія, основаннаго на наукѣ, или на изученіи великихъ явленій поэзіи и жизни. У насъ ужь даже есть и такъ-называемые учёные, которые, подобны совамъ, безсильнымъ выносить дневной свѣтъ — принялись кричать, что Западъ гніетъ, что въ немъ народился антихристъ, что намъ уже нѐ чему учиться у Запада, что намъ надо выдумать свою философію. Въ этихъ людяхъ *мракобѣсіе* (впрочемъ, понятное) дошло до того, что имъ уже ничего не стóитъ говорить о томъ, чего они не понимаютъ и даже не предчувствуютъ, клеветать на цѣлую философскую систему, о которой они узнали изъ чужой брошюрки, написанной въ духѣ мистической инквизиціи. Но отворотимся отъ этихъ нечистыхъ явленій и порадуемся, надѣясь, что созерцаніе духовно-прозрачныхъ, исполненныхъ всей роскоши природы твореній британскаго поэта, можетъ-быть, приведетъ нашу читающую публику въ сознаніе того, чтò такое истинная поэзія, истинное искусство.

Для того, чтобъ приблизиться къ личности Шекспира и его индивидуальности, необходимо узнать его лирическія стихотворенія, не теряя однакожь изъ вида и драматическихъ его произведеній. И въ нихъ, какъ мы уже сказали, заключается его личность; хотя замкнутая и скрытая, она тѣмъ не менѣе пребываетъ въ нихъ. Изъ каждаго созданія звучитъ особенная настроенность духа, подобно органу изъ замкнутаго храма, въ которомъ тихо заключилась субъективность поэта.

Скромная оболочка его тѣснаго гражданскаго быта скрывала страстно-подвижную, пламенно-бурную душу. Шекспиръ не былъ тою робкою письменною душею, какимъ представляетъ его Тикъ въ своей «Жизни Поэтовъ», для-того, чтобъ ярче выставить, въ противоположности, демонскую одичалость поэтическихъ натуръ, какія онъ мастерски изобразилъ въ Гринѣ и Марловѣ. Эта безграничная жадность Грина къ чувственнымъ наслажденіямъ, и дошедшая до демонской искаженности страстность мрачнаго Марлова,—ихъ было не меньше и въ груди Шекспира; но надъ всѣмъ этимъ вѣялъ духъ кротости и мира. Да, побѣждены имъ, но и глубоко прочувствованы были отчаяніе, безуміе, смерть,—роковыя нити, которыми судьба опутываетъ всегда поэтическія натуры; онѣ были вырваны имъ у мрачныхъ богинь, и онъ сталъ властелиномъ всего, чтò есть ужаснаго въ темной сторонѣ жизни человѣческой. Источникъ страшныхъ волкановъ страстей, раскрывающихся въ его драматическихъ образахъ, былъ въ немъ-самомъ; не одна только кроткая нѣжность, сладостная тишина, увлекательная веселость, — но и жалкая сторона жизни, мрачно-сверкающая въ

картинахъ его, были пережиты его собственною душою. Можно почти утвердительно сказать, что поэтъ, въ творимыхъ имъ объективныхъ образахъ, не глубже и не выше того прозрѣваетъ въ мірѣ дѣйствительности, сколько даетъ ему его духовное ясновидѣніе и собственный внутренній опытъ.

Но могущество воспроизводить сокровенные міры души человѣческой исходитъ къ нему не изъ мрачныхъ тучь страстей человѣческихъ, не изъ муки, въ которую онъ самъ погруженъ. Это могущество возможно только при той тишинѣ духа, какую единственно даетъ побѣда надъ мрачными силами жизни.

Всѣ внутреннія страданія, надъ которыми восторжествовалъ великій поэтъ, не выступаютъ бурно изъ него вмѣстѣ съ его личностью, что видимъ у бо̀льшей части поэтовъ: онъ сдержалъ въ самомъ-себѣ ихъ громадныя массы и остался наружно тѣмъ же тихимъ человѣкомъ простой гражданской жизни. Никто не видалъ безсонныхъ ночей, которыя проносились надъ его одинокою головою; ужасъ, которымъ фурія жребія человѣческаго наполняла душу его, эту неимовѣрную силу духа, закаленнаго въ борьбѣ съ титанами, это торжество побѣды и роскошное ликованіе души, какое ниспосылали ему боги, какъ своему избранному,—кто могъ предчувствовать всѣ эти сокровища подъ кроткимъ образомъ тихаго Вилльяма, котораго внѣшняя жизнь была такъ же проста и спокойна, какъ жизнь самыхъ обыкновенныхъ дѣтей привычки и ежедневности? Нельзя приписать случайности, что именно изъ лучшаго времени всей полноты его жизни, изъ его лѣтъ мужества, не осталось никакихъ слѣдовъ его внѣшней жизни: онъ дѣйствительно былъ простымъ товарищемъ актёровъ, который въ безпечной юности своей, по причинѣ разныхъ продѣлокъ, бѣжалъ изъ Стратфорда, присталъ въ Лондонѣ къ странствующей труппѣ, долгое время дѣлилъ съ нею горькую жизнь, и въ шумѣ столицы, гдѣ кружилось передъ нимъ и великое и ничтожное, оставался незамѣтнымъ, размышляющимъ созерцателемъ. Въ такомъ положеніи нечего было фантазировать о достиженіи какой-нибудь суетной цѣли, нечего было побѣждать въ себѣ стремленія къ блестящему поприщу, которое стѣснило бы свободу духовнаго развитія. Почти мальчикомъ вырвался онъ изъ-подъ тяжелаго гнёта тѣсной семейной жизни маленькаго городка, и возмужалъ среди самаго сердца своего народа, въ томъ центрѣ, гдѣ смыкались всѣ нервы его духовнаго организма. Носимый потокомъ живо движущейся современности, онъ пріобрѣлъ свою мудрость жизни, и именно потому-что былъ самый открытый духъ и самое простое, свѣжее сердце,—сталъ онъ мудрѣйшимъ человѣкомъ своего народа, хотя Бен-Джонсонъ, среди всей славы его, и осмѣивалъ его публично со сцены, какъ неуча. Противъ нападокъ такого рода, Шекспиръ былъ тихъ и молчаливъ: духъ его уже переступилъ за грань легкомыслія и узкой колеи жизни и внутреннѣе сосредоточивался, углубляясь въ себя и наслаждаясь видѣніемъ духовъ, которымъ втайнѣ обладала душа его. Лучшія сокровища свои держалъ онъ скрытыми подъ простою, скромною наружностью, подобно тому, кто глубоко наслаждается въ тихомъ уединеніи. Духъ раскрылся въ немъ въ тысячахъ дивныхъ

цвѣтовъ, а онъ, по прежнему, оставался во внѣшности, совершенно-простымъ, тихимъ, обыкновеннымъ человѣкомъ, не себѣ приписывая величіе свое, но міру, изъ котораго онъ все бралъ, и которому все его принадлежитъ. На этомъ, по внѣшности ничтожномъ, въ самомъ-себѣ замкнутомъ образѣ *Вилльяма*, лежитъ какое-то умилительное, трогательное очарованіе!

Все величіе драматической изобразительной силы Шекспира заключается въ томъ, что онъ глубокомысленную жизнь души своей и индивидуальность свою сдерживаетъ позади явленій дѣйствительнаго міра и даетъ имъ говорить самимъ за себя. Страстный Байронъ не больше Шекспира видалъ тьмы, но мы чувствуемъ въ немъ, какъ ужасъ часовъ душевнаго мрака протекаетъ по нервамъ его: въ пламенной воспріемлемости рисуетъ онъ страсть, его потрясающую, льетъ ее лирическимъ потокомъ и рисуетъ только ночь потому-что не даетъ взойдти надъ нею утру. Шекспиръ, напротивъ, является отрѣшеннымъ отъ того, что изображаетъ, даже тамъ, гдѣ его собственная душа кажется въ опасности потеряться въ безконечныхъ подробностяхъ мрачныхъ и бездонныхъ страстей. И если въ созданіяхъ его мрачное, всепожирающее бѣдствіе увлекаетъ въ своемъ бурномъ потокѣ даже и нѣжныя звѣзды кроткаго міра (какъ Корделія), тогда буря стихаетъ, мрачный жребій, истощенный самъ-въ-себѣ, закрываетъ страшную пасть свою и снова водворяется миръ. Въ Байронѣ безпрестанно слышно клокотаніе ада, его демонъ ненасытимъ; въ Шекспирѣ же онъ видѣнъ лишь въ пылу борьбы; борьба совершилась—и снова чувствуешь кроткое вѣяніе мира, чувствуешь его даже на могилахъ, вырытыхъ страстями и преступленіемъ. Въ этомъ заключается различіе между картинами великихъ лирическихъ и великихъ драматическихъ поэтовъ.

Можно сказать утвердительно, что бо́льшая часть шекспировскихъ драмъ провѣяна унылою меланхоліею души. Эта черта всего болѣе можетъ раскрыть намъ настроенность духа Шекспира. Драмы эти, созданія неисчерпаемаго глубокомыслія, разоблачающаго міръ явленій до костей его, всѣ принадлежатъ тому періоду его жизни, когда поэтъ приближался къ своимъ сороковымъ годамъ и давно уже былъ во всемъ могуществѣ силъ своихъ. Этотъ основный характеръ преобладающаго помраченія міра явленій лежитъ на всѣхъ драмахъ, сочиненныхъ между 1603, когда написалъ онъ своего «Гамлета», котораго въ-послѣдствіи пересоздалъ, и 1614, или 1615 годами, которыми заключилось его поэтическое творчество. Къ этому же послѣднему году, по всей вѣроятности, принадлежитъ и послѣдній трудъ поэта, его «Цимбелинъ», чудесное созданіе, которое въ своемъ цвѣтистомъ сліяніи исторіи и вымысла, комедіи и трагедіи, предстоитъ какъ-бы заключительною гармоніею всѣхъ его родовъ.

Равнымъ образомъ, къ обозначенному нами періоду, обнаруживающему совершенно-особенную настроенность души поэта, принадлежатъ и Сонеты его (*). Они дополняютъ то, что относительно внутренной настроенности

(*) Дрэкъ (Drake) относитъ сонеты къ промежутку между 1592 и 1609 годами, между 28 и 45 годами жизни Шекспира. Но здѣсь невозможно точное опредѣленіе времени. По настроенности и содержанію многихъ сонетовъ почти съ достовѣрностію

Шекспира, невозможно удовлетворительно узнать изъ его драмы, объективно, какъ-бы изъ себя самихъ создающихся. Мы разумѣемъ здѣсь стихотворенія его къ графу Соутгэмптону, тѣсно соединенному съ нимъ дружбою. Въ нихъ говоритъ онъ о чувствѣ приближающейся старости, о зрѣлости жизни, лишенной свѣжей прелести юношескаго стремленія, объ однообразной, одинокой тишинѣ своей жизни, о недовольствѣ своимъ положеніемъ въ актёрскомъ быту, жалуется на разстояніе, полагаемое рожденіемъ между имъ и графомъ. «Если читатель хочетъ истинно понять эти сонеты, говоритъ въ предисловіи ихъ нѣмецкій переводчикъ (*), то «не долженъ читать ихъ отрывочно, но въ томъ порядкѣ, въ какомъ они «напечатаны, съ начала до конца. Одно уже первое чтеніе покажетъ, что «не случайность управляла ихъ послѣдовательностію». Въ нихъ видна не та легкая, игривая, беззаботная фантазія, для которой одно благоуханіе замѣняло цвѣтокъ, а какая-то унылая, тяжелая дума сомнѣнія. Но то, что̀ въ лирическихъ изліяніяхъ уже чрезъ одно сообщеніе дружескому сердцу принимало кроткій, примиряющій колоритъ, — все это тяготѣетъ страшными массами въ цѣломъ міросозерцаніи, которое обнаруживается въ драмахъ послѣдняго періода. Здѣсь, въ мрачныхъ картинахъ, какія развертываетъ предъ нами міръ въ своемъ шествіи, подавляетъ насъ необычайное величіе духа, постепенно-завоеванная сила души, которая и самому ужаснѣйшему даетъ совершаться, какъ сообразному съ естественнымъ ходомъ вещей, и среди всеобщаго разрушенія лишь въ самой-себѣ находитъ ручательство своего непотрясаемаго существованія. Послѣ пересозданія «Гамлета» рѣдко уже являются лирическія стихотворенія: сжатая форма сонета становится слишкомъ-тѣсною для созерцательнаго глубокомыслія Шекспира. Одолѣваемый потребностію выговорить свое субъективное чувство во внѣшнемъ образѣ, онъ болѣе прежняго передаетъ великимъ лицамъ своихъ трагедій то, что̀ наполняетъ и потрясаетъ его собственную душу въ сокровенныхъ глубинахъ ея. Въ «Гамлетѣ», «Лирѣ», «Королѣ Іоаннѣ» и «Тимонѣ», выговариваетъ онъ тяжкіе вопросы своей души. «Гамлетъ» болѣе всѣхъ пропитанъ сердечною кровію самого поэта; это его субъективное лицо. Онъ отрѣшается отъ него неохотно, какъ-бы съ грустію, для которой тяжело прощаніе съ милымъ, роднымъ образомъ (**). То, что̀ здѣсь является тончайшею остротою мысли, подвергающей своему меланхолическому анализу все, что̀ существуетъ во времени и пространствѣ, въ «Лирѣ» (по времени тотчасъ слѣдующемъ за «Гамлетомъ») выступаетъ, какъ горестное заблужденіе. Въ «Лирѣ» олицетворена случайная, часто возмутительная сторона историческаго духа, и поэтъ мститъ ему въ образѣ низверженнаго величества. Подъ добродушною остротою бѣднаго дурака скрывается самъ поэтъ и сверкаетъ изъ этой

можно отнести ихъ къ тому времени, когда Шекспиръ написалъ «Гамлета»; но многіе изъ нихъ принадлежатъ и прежнему періоду его жизни.

(*) W. Schakespears Sämmtliche Gedichte, im Versmaasse des Originals übersetzt von Emil Wagner. Königsb. 1840.

(**) «Гамлетъ» въ первомъ своемъ видѣ, принадлежитъ къ прежнему періоду; въ послѣднемъ своемъ видѣ, въ которомъ рефлексія Гамлета проступаетъ неистощимымъ потокомъ, драма стала въ половину длиннѣе.

тѣсной, жалкой оболочки то утѣшительнымъ словомъ, то молніеносными, потрясающими мыслями. Три римскія трагедіи (написанныя одна за другою), по содержанію своему, представляютъ одну общую картину. Въ нихъ чувствуешь менѣе собственной, сердечной крови поэта. Здѣсь онъ перенесся въ отдаленный древній міръ, котораго болѣе-прохладная температура сама-по-себѣ сдерживала страстные разливы души. Въ «Юліи Цезарѣ», великій человѣкъ, облеченный всею граціею величія, становится жертвою стараго времени; но и главѣ этого движенія не сужденъ жребій возстановить разрушающійся міръ. Брутъ погибаетъ, человѣкъ, ниспровергающій порядокъ новой жизни, безсильный при возстановленіи старой. Въ «Коріоланѣ» гибнетъ человѣкъ воинственнаго эгоизма, самолюбивая субъективность, которая думаетъ передѣлать пребывающій порядокъ по своимъ эгоистическимъ понятіямъ; падаетъ въ борьбѣ съ субстанціальными силами государства, отъ собственной, благороднѣйшей слабости души,—нѣжнаго удѣла человѣческой природы, недопускающей его стать, можетъ-быть, великимъ историческимъ дѣятелемъ. Въ римскихъ трагедіяхъ Шекспира лежитъ не менѣе грустнаго чувства, чѣмъ въ «Гамлетѣ», но здѣсь оно воплощается въ духѣ поэта, какъ непобѣдимая сила характера, взирающая въ спокойствіи, которое можно принять за холодность, на совершающіеся предъ нею міровые процессы. Лишь въ величайшихъ геніяхъ войны, какъ Наполеонъ, можно видѣть такую непоколебимость духа, какая обнаруживается здѣсь въ поэтической натурѣ, высочайшей во всѣхъ вѣкахъ. Во время созданія этихъ драмъ (съ 1607 по 1610) ни одного лирическаго вздоха не слетѣло съ устъ его: скорбь о жребіи человѣческомъ кристаллизовалась лишь въ тѣхъ великихъ картинахъ. Въ «Королѣ Іоаннѣ» она заговорила горькимъ сарказмомъ: устами незаконнорожденнаго Фолькенбриджа говоритъ самъ поэтъ. Въ «Тимонѣ» снова грозитъ субъективность поэта, какъ въ «Гамлетѣ», разорвать не столь-внѣшнюю оболочку. Глубокомысленная ипохондрія самовластно царствуетъ здѣсь, и на всѣ свѣтлые элементы жизни, которыми съ такою радостію любилъ играть поэтъ, набрасываетъ ядовитую тѣнь бездонной, унылой меланхоліи. Нѣтъ здѣсь ни одного взмаха къ свѣтлому полету въ ясную сферу; вся полнота жизни вянетъ подъ этимъ грустнымъ созерцаніемъ. Эта скорбная драма души, опустошенной въ самой-себѣ, есть мрачная ночь, изрѣдка прорѣзываемая молніею. Ипохондрія субъективной болѣзненности, раскрывая свою горькую рану, возвышается здѣсь до трагическаго величія, и такое необъятное страданіе поэтъ могъ отрѣшить отъ своей личности! Въ «Генрихѣ VIII» отдалъ Шекспиръ народу и двору Елизаветы послѣднюю радость своего національнаго одушевленія: духъ его уже стремился за предѣлы отечества, къ міровому созерцанію. Въ созданіяхъ его третьей эпохи, которая началась пересозданіемъ «Гамлета», вездѣ проблескиваютъ уже сатирическія черты противъ англійской національности.

Трудно въ точности опредѣлить, какою степенью поэтической значительности, между современными драматическими писателями, пользовался Шекспиръ въ царствованіе Елизаветы, хотя достовѣрно извѣстно, что онъ не нуждался въ деньгахъ, такъ, что плата, которую получалъ онъ за пьесы

свои, дала ему наконецъ возможность удаляться въ тишину своего Стратфорда (*). Вообще, съ смертію Елизаветы, уменьшилась любовь къ театру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число театровъ. Король Іаковъ любилъ театральное искусство лишь изъ тщеславія; онъ гораздо больше любилъ процессы вѣдьмъ и колдуній, и магію, о которой, какъ извѣстно, самъ написалъ книгу. И хотя роскошь театровъ увеличилась, но съ возрастаніемъ роскоши словно исчезалъ интересъ къ чистой поэзіи. Французскія актрисы смѣнили простоту прежнихъ представленій; съ другой стороны, вмѣстѣ съ искаженіемъ истиннаго вкуса, пробуждался фанатизмъ англиканскаго духовенства. Распространявшійся духъ сухаго, прозаическаго пуританизма долженствовалъ постепенно разрушать свободный цвѣтъ англійскаго искусства. Но поэтъ, возроствшій этотъ цвѣтъ до его высочайшей красоты, не дожилъ до совершеннаго увяданія его, хотя еще во время его поэтической дѣятельности уже пробудился духъ стѣсненія. Такъ въ 1606 году издано было строгое повелѣніе не употреблять на сценѣ имени предметовъ религіозныхъ. Французскій посланникъ жалуется на нѣкоторыхъ актёровъ за то, что они вывели на сцену исторію герцога Бирона. Въ 1617 году, лордъ-мэръ и алдерманы воспротивились открытію одного новаго театра. Лондонскіе мастеровые во вторникъ на страстной недѣлѣ пытались разломать театръ Фениксъ: — въ этотъ день они имѣли привиллегію ломать подозрительные дома, и уже на театры распространили ревность свою. Въ 1619 лордъ-мэръ и альдерманы старались вовсе уничтожить Блакфрайерскій Театръ, а уже въ 1642 послѣдовалъ парламентскій актъ объ уничтоженіи всѣхъ вообще публичныхъ драматическихъ представленій.

Замѣчательная надпись, которую поэтъ велѣлъ вырѣзать на могилѣ своей, достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, какими мрачными взорами смотрѣлъ этотъ великій духъ на угрожавшую будущность. Если кому изъ читателей случится быть въ Англіи, просимъ его побывать въ Стратфордѣ: это только день ѣзды отъ Лондона. Тамъ ключарь поведетъ васъ по густой липовой аллеѣ на пригорокъ: влѣво журчитъ серебристый Эвонъ, на холмѣ стоитъ церковь, — вокругъ тихо. Вошедъ въ церковь, пройдите къ алтарю: тамъ покоятся кости Шекспира, и вы съ удивле-

(*) Графъ Бодисенъ (Baudissin), которому въ шлегелевскомъ переводѣ Шекспира принадлежатъ переводы «Отелло», «Лира», «Мѣра за Мѣру» и «Много шума изъ пустаго» (Шлегель, кажется, отступилъ передъ безчисленными трудностями, какія представляютъ эти пьесы для перевода, или, можетъ-быть, потерялъ ужь первую ревность), недавно издалъ книгу: Ben Jonson und seine Schule, dargestellt und erläutert durch Wolf Grafen von Baudissin, 2 части. Сочиненіе чрезвычайно интересное для знакомства съ англійскимъ театромъ. Въ его хронологическомъ обзорѣ исторіи англійскаго театра, находимъ, между-прочимъ, что сборы Блакфрайерскаго Театра (въ 1612) простирались до 660 фунтовъ стерлинговъ и раздѣлялись на 20 частей, каждая въ 33 фунта стерлинговъ. Изъ этого въ томъ году имѣли: Барбэджъ (великій актёръ того времени) 4, Флетчеръ 3, Шекспиръ 4, Геммингъ 2, Конделъ 2, Тайлоръ и Лоуинъ (оба знаменитые актёра, игравшіе Гамлета) вмѣстѣ 3, и 2 остальные — другіе. Если положить доходы театра Глобусъ въ такомъ же количествѣ и прибавить къ нимъ плату за двѣ или за три новыя пьесы въ годъ (отъ 10 до 25 фунтовъ стерлинговъ), то выходить, что доходы Шекспира простирались ежегодно до 300 фунтовъ стерлинговъ, что, по теперешнему счету, составитъ до 7,800 руб. асс. [illegible]

ніемъ прочтете надпись: «Добрый другъ, ради Христа—не тронь праха, «здѣсь положеннаго. Благословенъ тотъ, кто пощадитъ этотъ камень; проклятъ тотъ, кто потревожитъ мои кости». Извѣстно, что пуритане, разрушавшіе всѣ подобные памятники въ церквахъ, равно-какъ и всѣ слѣды, оставленные искусствомъ, отступали назадъ предъ симъ заклятіемъ. Но все же для этого не меньше нужно было какъ проклятіе, и великій поэтъ, отходя на вѣчный покой, боялся, что кости его не уцѣлѣютъ отъ разлива набожнаго варварства.

Говоря объ этомъ послѣднемъ періодѣ его поэтической дѣятельности, въ которомъ жизнь откинула предъ нимъ покрывало съ таинственнаго лица своего, казалось намъ особенно важнымъ отдалить все то, что французская бельлетристика и нѣмецкая сантиментальность придали этому великому духу. Изнѣженная любовь къ тишинѣ и миру, увеселяющая себя различными милыми фантазіями, обнаруживающаяся въ характерѣ Нѣмцевъ и въ ихъ дѣйствіяхъ,—по британскому масштабу есть прямая противоположность всякому величію духа. Никогда-неуспокоивающійся духъ есть духъ глубочайшій; тотъ, кто чувствуетъ дисгармонію жизни и страдаетъ этимъ чувствомъ, — еслибъ даже онъ пребывалъ и внѣ просвѣтленія и примиренія,—благословеннѣе того, кто старается трусливою рукою какъ-нибудь прикрыть или замазать немногія стороны и диссонансы жизни и успокоивается въ мелкихъ, самодовольныхъ піетистическихъ мечтаніяхъ.

Къ третьему же періоду принадлежатъ «Макбетъ» и «Отелло»—мрачныя картины страсти, удушающей самую-себя. Въ «Макбетѣ», великое сердце дичаетъ отъ обаянія демонскихъ силъ, которыя потому только являются ему на-яву, что въ глубинѣ его собственной природы находится гнѣздо ихъ. Въ «Отелло» гибнетъ глубокій, роскошно-благородный духъ чрезъ коварную игру, въ которой все, что мы называемъ случаемъ, тайною, неуловимою злобою, совокупляется въ личность одного человѣка. Въ Яго представилъ Шекспиръ то, что мы равнодушно зовемъ судьбою. Предъ величіемъ шекспировскихъ мыслей нѣтъ спасенія: мы изнемогаемъ отъ нихъ такъ же, какъ изнемогаемъ и отъ тяжкихъ трагедій міровой исторіи. Въ «Отелло» нѣтъ никакого примиренія, даже нѣтъ успокоенія; нѣтъ и того юмора, который въ прежнихъ драмахъ его шелъ рядомъ съ разрѣшающимися процессами страшныхъ силъ, озаряя позорище горя своимъ краткимъ мерцаніемъ, прохлаждая его горящія раны. Здѣсь, можетъ-быть, необходимо общее созерцаніе созданій Шекспира, чтобъ въ духовной личности поэта найдти дополненіе, котораго не достаетъ въ самой драмѣ. Послѣ «Отелло» написалъ Шекспиръ «Зимнюю Сказку». Здѣсь темою также ревность, но уже не чувствуешь демонскаго присутствія въ страсти. Миръ любви разрушенъ, и Герміона должна, въ наказаніе за легкомысленное небреженіе своимъ милымъ существомъ, умереть для людей. Но она отнята у нихъ лишь на-время, и снова потомъ вступаетъ въ раскаявающуюся среду ихъ, подобно примиренной и примиряющей Дездемонѣ, чтобъ возстановить разрушенное. Такъ примиряетъ здѣсь вымыслъ то, въ чемъ погрѣшила исторія, но это уже не та игривая веселость комедіи, въ какой обнаруживалась прежняя святая настроенность шекспирова духа:, надъ міромъ, лишь фантастиче-

ски-примиреннымъ, разстилается элегическая грусть, сообщающая меланхолическій колоритъ свой обоимъ послѣднимъ актамъ этой пьесы.

Замѣчательно, что Шекспиръ, во все продолженіе этого третьяго періода, не написалъ ни одной комедіи по свободному влеченію собственнаго желанія. «Виндзорскія Проказницы» были первоначально написаны еще прежде 1603 года, хотя Мэлонъ и относитъ ихъ къ этому году, а передѣлку ихъ еще къ позднѣйшему времени. Достовѣрно, что, въ первоначальномъ своемъ видѣ, эта пьеса была представлена въ 1599 или въ 1600 году. Taming of the shrew Тикъ относитъ къ 1606 или 1607 годамъ. Эта пьеса въ такомъ легкомъ тонѣ, что даже можно усомниться въ подлинности ея шекспировскаго происхожденія. «Троилусъ и Крессида», по остроумному предположенію Тика, есть не болѣе, какъ пьеса, написанная къ-случаю, для домашняго театра короля Іакова или для кого-нибудь изъ знатныхъ придворныхъ. Глубоко-занятый древнею жизнію (съ 1607 по 1609 годъ), поэтъ очень-легко могъ выполнить желаніе — представить въ пародіи тотъ героическій міръ древности, который изобразилъ онъ въ его трагическомъ разрушеніи. Эта пьеса, съ каррикатурнымъ лицомъ Ѳерсита, вѣроятно, была истиннымъ объядѣніемъ для тучнаго Джона-Буля старой Англіи; но ей не достаетъ, вмѣстѣ съ граціею его прежнихъ комедій, и самодовольной веселости юмора. «Буря» также была написана къ-случаю, и была представлена вскорѣ послѣ бракосочетанія дочери Іакова съ курфирстомъ Фридрикомъ пфальцскимъ, и исполнена намековъ на этотъ бракъ. Идиллическій колоритъ этого чуднаго созданія дышетъ такою нѣжною, эѳирною чувствительностію, что чувствуешь, какъ она каждую минуту готова перейдти въ меланхолію. «Мѣра за Мѣру» по своему упругому языку и глубокомысленной тяжести содержанія, почти-совершенно выходитъ изъ сферы комедіи.

Теперь постараемся раскрыть первый и второй періоды его поэтическаго творчества. Для этого мы должны обратиться къ его лирическимъ стихотвореніямъ, которыя служатъ для насъ единственною нитью въ этомъ совершенномъ отсутствіи всякихъ свѣдѣній о личной настроенности поэта. Прежде всего представимъ его себѣ двадцатилѣтнимъ юношей, какимъ онъ вступилъ въ Лондонъ; кромѣ этого, намъ должно сообразить его индивидуальный характеръ, потому-что съ нимъ необходимо соединены и мотивы его созданій. На времени его пребыванія въ Стратфордѣ лежитъ много темноты; достовѣрно, что онъ занимался скромнымъ ремесломъ своего семейства: — внутренній геній его долго велъ лишь одну растительную жизнь. Легко-возбуждавшаяся чувственность имѣла слѣдствіемъ своимъ проступокъ, а проступокъ этотъ — слишкомъ-раннюю женитьбу на Аннѣ Гэтэуэ (Hathaway), которая была старше его восемью годами. Въ два года было уже у него трое дѣтей. Но бракъ этотъ былъ безъ всякаго благословенія сердца, безъ всякаго духовнаго оплодотворенія. Вилльямъ не имѣлъ никакой способности ни къ ремесленной дѣятельности, ни къ почтеннѣйшему апатическому супружеству, и чтобъ найдти какое-нибудь развлеченіе отъ этого двойнаго горя, онъ связался съ обществомъ праздныхъ и буйныхъ гулакъ. Какъ онъ, въ-послѣдствіи, съ увлекательною веселостію изобразилъ любимца своего принца Генриха въ обществѣ разгульной сволочи—Фаль-

стафа, Полиса, Бардольфа и имъ подобныхъ, такъ самъ онъ въ то время жилъ съ отчаянною ватагою, которая, между прочимъ, и пострѣливала дичь въ близь-лежавшемъ паркѣ почтеннаго сэра Томаса Люси. Сэръ Томасъ былъ шерифомъ высшаго суда графства и членомъ парламента; такой человѣкъ не могъ равнодушно смотрѣть на продѣлки буйной ватаги. Молодой Вилльямъ, обвиненный въ воровствѣ дичи, былъ пойманъ и отданъ подъ судъ. Тутъ, въ первый разъ, посѣтили его рифмы: онъ написалъ балладу, въ которой осмѣялъ почтеннаго господина Томаса, какъ скареднаго, длинноухаго осла. Послѣ этого, процессъ, который кончился бы пустымъ штрафомъ, принялъ совсѣмъ другой оборотъ. Сэръ Люси повелъ дѣло по всей строгости законовъ, и Вилльямъ, давно уже скучавшій своимъ душнымъ жребіемъ, измученный бранчивостью и гадкимъ характеромъ жены, можетъ-быть также тѣснимый долгами — вдругъ исчезъ, и очутился въ Лондонѣ. Онъ пришелъ туда, совершенно безъ всякихъ духовныхъ интересовъ, безъ свѣдѣній, но зато и безъ сжатаго школьнаго образованія, лишь съ одною острою, всеиспытующею силою духа, съ взглядомъ, провидѣвшимъ самыя излучистыя движенія страстей человѣческихъ: такимъ вступилъ онъ въ столицу Англіи, гдѣ развертывались тогда величайшія силы жизни человѣческой. Съ удивленіемъ увидѣлъ онъ, что міръ идетъ инымъ шагомъ; для него было ново видѣть, что опорою жизни служили глубокія идеи и интересы. Могучій воинственный духъ, блестящая королева на упроченномъ долгими тревогами престолѣ, знаменитости, ее окружавшія, сила и энергія характеровъ, блестящія празднества, тревожная, подвижная толпа, вѣчно-занятая, важная и полная интересовъ,—все это охватило его съ необычайной силой и сдѣлалось моментомъ его новаго рожденія. Здѣсь, при созерцаніи этого міра, зажегся свѣтильникъ его духа. Ему надобно было прочувствовать совершающееся предъ нимъ, потому-что передъ нимъ было все: отечество, полное могучихъ силъ и величайшей будущности, блистательный тронъ,—словомъ, колоссальная жизнь націи, разливавшаяся до отдаленныхъ странъ міра—и слитая воедино, въ одно тѣло, въ одну душу. Вдохновенное чувство созерцающаго юноши стремилось воспроизвести весь этотъ блескъ національной жизни (*).

Когда Шекспиръ пришелъ въ Лондонъ (въ 1586 году, если не ранѣе), англійскій театръ былъ уже въ полномъ цвѣтѣ. Декретами королевы даны были привилегіи нѣкоторымъ театрамъ; четырнадцать лордовъ имѣли свои собственныя труппы; жалобы пуританъ на возрастающее множество актёровъ и ихъ язычество оставались безъ успѣха; историческія представленія и комедіи вытѣснили со сцены филистерскую моральность. Джорджъ Пиль сдѣланъ былъ поэтомъ города Лондона и написалъ своего «Давида и Батсебу»; Робертъ Гринъ написалъ «Бэкона», Марлоу «Massacre of Paris» и скоро послѣ «Мальтійскихъ Жидовъ» и «Дидону». На Блакфрайерскомъ Театрѣ играли его «Тамерлана». Первыя пьесы Шекспира явились на Театрахъ Соутверскомъ и Ньюингтонскомъ, — «Король Іо-

(*) Вѣроятно, слишкомъ-увлеченный національнымъ чувствомъ, Шекспиръ такъ чудовищно исказилъ лицо Іоанны д'Аркъ: — единственный упрекъ, который можно сдѣлать его историческому ясновидѣнію.

аннъ», въ своемъ первомъ видѣ, три части «Генриха VI»,—старый «Гамлетъ», «Титъ Андроникъ», «Ричардъ III» и «Король Лиръ», въ своемъ прежнемъ грубомъ видѣ. Поэтъ уже началъ входить въ славу (1592). Его привѣтствуютъ, какъ «новаго феномена»; и между-тѣмъ, какъ Спенсеръ въ своихъ «Слезахъ Музъ» смѣется надъ его неученостью, а Робертъ Гринъ ругаетъ его гордою вороною, которая важничаетъ воображая себя only Schake—scen in a country—національное чувство, торжествовавшее паденіе Стуартовъ и гибель армады, привѣтствуетъ поэта, видя празднество свое въ его одушевленіи. Но лично онъ тогда оставался незамѣтнымъ; сначала занимая должность callboy, состоявшую въ томъ, чтобъ называть зрителямъ дѣйствующія лица, выходившія на сцену, потомъ самъ сталъ играть нѣкоторыя незначительныя роли, и въ-послѣдствіи сдѣлался акціонеромъ въ труппѣ лорда Чамберлэна.

Этими драмами положенъ былъ широкій фундаментъ его національной поэзіи; талантъ его явился здѣсь какъ-бы носителемъ великихъ интересовъ своего народа, которые господствовали надъ его субъективными порывами: отсюда ясно, почему этотъ первый періодъ его поэтической дѣятельности чуждъ лирики, которая лишь въ личномъ, субъективномъ чувствѣ находитъ свое содержаніе. На этой прочной основѣ началъ уже самъ въ себѣ сооружаться геній его. Рѣзкую опредѣленность исторической характеристики растворилъ онъ вѣчно-мечтательною, стремящеюся любовію, и все, что̀ только вымыслъ лепечетъ въ поэтическомъ предчувствіи, что̀ музыка говоритъ не выговаривая, что̀ въ процессахъ дѣйствительности, въ каждомъ движеніи духа времени, тихо раскрывается, какъ вѣчная тайна, и снова опускаетъ мистическую завѣсу свою, — все это звучитъ и льется сквозь всѣ созданія поэта, то тихимъ, нѣжнымъ шопотомъ, то потокомъ безграничной страсти. Въ «Ромео и Юліи» раскрывается міръ собственной души его, и быстро одна за другою слѣдуютъ до 1600 года его романтическія комедіи и историческія пьесы. Это самый ясный періодъ его художественнаго творчества. Фантазія и юморъ играютъ всѣми роскошнѣйшими цвѣтами своими; граціи и геній свѣтлой и вѣчно-радостной жизни словно спорятъ со всѣмъ, что̀ онъ являетъ здѣсь великаго и возвышеннаго; грандіозность мыслей переполнена роскошествомъ чувства: — ясновидѣцъ и пророкъ въ поэтѣ даютъ чело свое обвивать гроздіями и упоенные благоуханіемъ любви, созерцаютъ свои великія видѣнія. Здѣсь нельзя указать ни на отдѣльныя лица, въ которыхъ отзывалась бы субъективность поэта; здѣсь юморъ не та будущая молніеносная иронія, которая заставляетъ содрогаться сердце,—здѣсь онъ летитъ шаля и играя со всѣмъ въ мірѣ; всюду-разлитая ясность показываетъ, что душа поэта совершенно обнаружилась въ его созданіяхъ.

Въ этой свѣтлой, лучезарной сферѣ созданы «Венеціянскій Купецъ», «Сонъ въ Лѣтнюю Ночь», «Двѣнадцатая Ночь, или Что Угодно». Если въ которой-нибудь изъ этихъ пьесъ и является серьёзное лицо, какъ, на-примѣръ, меланхолическій Жакъ (и какое лицо!), оно тотчасъ же сглаживается всеобщими волнами пѣнящейся веселости; даже такое трагическое лицо, какъ Шейлокъ, который въ послѣдующемъ періодѣ поэта поставленъ былъ бы на первомъ планѣ трагедіи, здѣсь нисколько не разрываетъ ра-

дужной ткани комедіи; веселость сглаживаетъ даже и его, упоенная игрою мечты и жизни.

Въ этотъ періодъ и личность Шекспира праздновала скромное торжество свое: эту свѣтлую игру его фантазіи нельзя допустить безъ сладостнаго довольства всего человѣка. Мы ничего не знаемъ въ немъ о счастливой склонности къ какому-либо женскому существу, въ которой обыкновенно сосредоточивается все личное счастіе человѣка. Жену свою онъ совершенно оставилъ: мы не знаемъ, видѣла ли даже Анна Гэтэуэ когда своего супруга въ Лондонѣ. Изъ отношеній этого несчастнаго брака можно объяснить многое, что̀ въ пьесахъ его вырывается, какъ нападки на счастіе супружеской жизни. Конечно, поэзія и безъ этого никогда не любила воспѣвать блаженство супружеской жизни: — она любитъ лишь чудеса цвѣтущей, а не результаты, увы! часто очень-прозаическіе, оплодотворенной любви; и прочное счастіе, въ которомъ было отказано Шекспиру, какъ человѣку, не могло же требовать отъ него безусловнаго обожанія, какъ отъ поэта. Достовѣрно, что жена его и въ послѣдствіи времени не поѣхала за нимъ въ Лондонъ. Возвратясь за нѣсколько лѣтъ до смерти своей въ Стратфордъ, жилъ онъ тамъ съ любимицей своей, старшей дочерью Сусанной, бывшею замужемъ за медикомъ. Въ духовномъ завѣщаніи, оставленномъ имъ, все имущество, которое было очень-небѣдно, отказалъ онъ двумъ дочерямъ своимъ; женѣ же завѣщалъ только ихъ старую, брачную постель —и больше ничего. Горькая иронія! Но причина этому заключалась не столько въ добродушномъ остроуміи Шекспира, сколько въ жестокости и сварливости характера Анны. Равнымъ образомъ и включенное въ завѣщаніе желаніе, чтобъ она по кончинѣ положена была возлѣ него, надобно принять ни за что другое, какъ за иронію надъ жребіемъ, имъ же самимъ себѣ выбраннымъ. Вѣдь должно же было терпѣть гробовыхъ червей: почему же было не потерпѣть возлѣ себя и жены!

Предметомъ склонности его, которую не столько можно назвать дружбою, сколько самою искреннею, глубочайшею любовію, былъ графъ Генрихъ Соутгэмптонъ. Если въ этомъ сплетеніи двухъ жизней, въ этомъ обмѣнѣ двухъ душъ, изъ которыхъ каждая теряется, оставленная въ одиночествѣ, заключается собственно вся прелесть любви, то Шекспиръ любилъ этого Соутгэмптона и чувствовалъ къ нему такую склонность, какая только условливается очарованіемъ различія половъ. Внѣшнею причиною ихъ сближенія, какъ разсказываетъ Дрэкъ въ написанной имъ «Жизни Шекспира», было то, что отчимъ графа занималъ должность государственнаго казначея, которая поставила его въ частыя сношенія съ актёрами и театральными поэтами.

Шекспиръ былъ тогда незамѣтнымъ, тихимъ человѣкомъ; изъ скромности, онъ не выставлялъ еще имени на своихъ пьесахъ, игралъ небольшія роли, и конечно, по своимъ прежнимъ обстоятельствамъ, имѣлъ причины къ жизни скромной и незамѣтной. При одушевленіи графа (который былъ девятью годами моложе его) къ національной поэзіи, при энтузіазмѣ его къ романтикѣ и всякаго рода величію, пробудилась къ нему склонность поэта, обратившаяся скоро въ искреннѣйшую взаимную дружбу, которая лишь увеличивалась съ духовнымъ развитіемъ юноши. Соутгэмп-

тонъ дѣйствительно былъ образцомъ рыцарства: герой въ битвѣ и любви, счастливый самъ, и умѣвшій счастливить другихъ, исполненный мужественной гордости и женственной кротости. Онъ былъ осуществленіемъ всего, что̀ лежало въ натурѣ Шекспира, но не могло вполнѣ развиться въ его личности, при тѣснотѣ его скромной, ограниченной жизни, и что̀ обнаруживалось лишь въ созерцаніяхъ его творческаго духа. Соутгэмптонъ былъ блестящимъ внѣшнимъ отраженіемъ духовнаго образа и субстанціи самаго поэта; и если справедливо, что въ любви мы ощущаемъ лишь идею и просвѣтленіе нашей собственной натуры, то поэтъ наслаждался безсознательно въ Соутгэмптонѣ внѣшнимъ отраженіемъ самого-себя, которое было украшено всею роскошью блестящихъ и быстро-преходящихъ даровъ свѣта. Въ сонетахъ своихъ онъ не нарадуется на этотъ весенній цвѣтокъ своего духа, потому-что въ этомъ цвѣткѣ раскрылось то, что̀ было замкнуто въ его внутреннемъ геніи, вся его внутренняя красота и полнота жизни. Потому-то онъ такъ элегически и грустить о быстромъ увяданіи этого цвѣтка, а безпрестанно повторяетъ себѣ въ утѣшеніе, что стихъ его долженъ быть кузнецомъ и сковать безсмертіе этому Соутгэмптону.

Въ «Венерѣ и Адонисѣ», эпическомъ стихотвореніи, Шекспиръ, еще робкій и несовсѣмъ-сблизившійся съ графомъ, принесъ первый открытый даръ любви своему любимцу. Въ посвященіи «Тарквинія и Лукреціи» виденъ уже тонъ болѣе короткій. Венера Шекспира есть не болѣе, какъ чувственная, соблазнительная дама того времени, и мы совершенно-согласны съ мнѣніемъ нѣмецкаго переводчика этой поэмы. «Венера и Адонисъ» говоритъ онъ, «принадлежитъ къ самымъ первымъ произведеніямъ юности «Шекспира, и носитъ на себѣ печать жосткой, матеріальной чувственно«сти. Это нидерландская, превосходнаго колорита, картина, на которой ро«жденная изъ пѣны богиня представлена съ роскошно-цвѣтущимъ тѣломъ и «непреодолимо-сладострастными формами. Это просто милое рококо, наив«ный анахронизмъ, который является почти-вездѣ въ искусствѣ того вре«мени. Въ немъ на Олимпѣ такъ же живутъ, какъ въ «старой веселой Ан«гліи». Боги любезничаютъ и волочатся точно франты двора Елизаветы. «Венера и Адонисъ» есть не болѣе, какъ шалость высокаго генія. Тотъ, «кто съ такою ненасытимою чувственностію могъ представить борьбу пла«менѣющей, дышащей сладострастіемъ богини съ холоднымъ, неопытнымъ «Адонисомъ, онъ же въ-послѣдствіи раскрылъ предъ нами и святыя мисте«ріи любви въ ея идеальномъ просвѣтлѣніи, и вмѣстѣ въ такомъ простомъ «человѣческомъ видѣ.» Впрочемъ, легко можно предположить, что въ неопытномъ, холодномъ Адонисѣ поэтъ хотѣлъ представить своего друга, дѣйствительно бывшаго въ подобномъ положеніи. Это было, кажется, единственнымъ обстоятельствомъ такого рода въ жизни Соутгэмптона, послѣ котораго онъ сдѣлался ненавистникомъ женщинъ, и первые семнадцать сонетовъ Шекспира оплакиваютъ жизнь друга, лишенную любви и ея радостей. Тонъ и языкъ этихъ стихотвореній нѣсколько гармонируютъ съ «Венерою и Адонисомъ», отличаясь иногда отъ этой поэмы любящимъ, нѣжно-грустнымъ колоритомъ; сладостный, чарующій лепетъ, какимъ облиты рѣчи Ромео и Юліи, льется въ языкѣ этихъ сонетовъ. Съ-тѣхъ-поръ началась между ними самая искренняя дружба, и поэтъ, без-

прерстанно то ободряя, то предостерегая своего друга, въ самомъ-себѣ переживалъ всѣ треволненія его жизни и судьбы, перестрадалъ ихъ, какъ своя собственныя. Вскорѣ послѣ Соутгэмптонъ почувствовалъ сильную и глубокую склонность къ Елизаветѣ Вэрнонъ, кузинѣ графа Эссекса, сблизился съ нимъ, и съ-тѣхъ-поръ дѣлилъ перемѣнчивость судьбы его. Будучи начальникомъ корабля, послѣдовалъ онъ, волонтеромъ, за генераломъ своимъ на Азорскіе Острова. Любовь къ битвѣ увлекла его въ горячую схватку, въ которой онъ потопилъ испанскій фрегатъ, за что Эссексъ возвелъ его въ кавалеры. Но это не могло отвратить нерасположенія королевы отъ геройскаго юноши: дуэли, непріятности и разнаго рода шалости, которыя надѣлалъ онъ, будучи еще при дворѣ, были, кажется, причиною этого нерасположенія. Въ парламентѣ онъ былъ замѣчательнымъ оратором и горячимъ защитникомъ интересовъ народа; между-тѣмъ велъ съ друзьями разгульную жизнь, собиралъ около себя поэтовъ и художниковъ, и, женясь тайно на миссъ Вэрнонъ, почти насмѣялся надъ волею королевы, которая и слышать не хотѣла объ этомъ бракѣ. Съ государственнымъ секретаремъ Цециломъ пробылъ онъ потомъ нѣкоторое время въ Парижѣ, послѣ поѣхалъ въ Ирландію за графомъ Эссексомъ, который самъ назначилъ его начальникомъ кавалеріи. Декретъ королевы лишилъ его этого начальства, и онъ, воротясь въ Лондонъ, велъ прежнюю веселую, художническую жизнь, пока, вмѣстѣ съ Эссексомъ, не былъ обвиненъ какъ соучастникъ въ возмутительныхъ его намѣреніяхъ. Эссексъ, какъ извѣстно, былъ обезглавленъ, а Соутгэмптонъ заключенъ въ Тоуэръ. Ходатайство пэровъ и Цецила спасло его отъ участи Эссекса. Онъ былъ освобожденъ лишь по смерти королевы.

Трудно объяснить, почему шекспировы стихотворенія къ другу не были напечатаны въ царствованіе Елизаветы, а ходили лишь въ рукописи въ кругахъ высшаго общества, и вѣроятно многія изъ нихъ затерялись. До насъ дошло, кромѣ упомянутыхъ 17, всего 171, считая въ томъ числѣ и его сонеты «Страстнаго Странника» (the Passionate Pilgrim). Мотивы бóльшей части ихъ взяты изъ жизни Соутгэмптона. Поэтъ предостерегаетъ, утѣшаетъ, ободряетъ, совѣтуетъ, и во всемъ, даже въ словахъ упрека, вѣетъ у него дыханіе самой нѣжнѣйшей любви. Часто къ горю друга пріютится и его собственная скорбь, и душевное разстройство, которое въ иные часы глубоко волнуетъ великія души, выливается вмѣстѣ въ грустной элегіи. Поэтъ чувствуетъ, что онъ приросъ къ этому Соутгэмптону, а другъ, въ шумѣ и бурѣ жизни, безпрестанно исчезаетъ изъ объятій его; Шекспиръ ропщетъ на него, груститъ, и наконецъ умолкаетъ въ печали. Тогда Соутгэмптонъ снова бросается къ нему, и его упрекъ, что Вилльямъ ужь не любитъ его, зажигаетъ любовь двойнымъ пламенемъ. Такъ раскрывается здѣсь вся сладостная мука непреодолимой, глубочайшей любви; и, все, чтò въ «Ромео и Юліи» выговорено нѣжнаго и искренняго, чтò въ комедіяхъ его вѣетъ чарующею граціею и полнотою внутренняго чувства, чтò въ нихъ блеститъ эпиграмматическою тонкостію ироніи и раскрывается колоссальнаго, облеченнаго въ форму младенческаго игранія, все это переливается радужными цвѣтами въ сонетахъ.

Съ недоумѣніемъ останавливаемся мы передъ 28 сонетами къ женскому существу. О многихъ изъ нихъ можно допустить мнѣніе нѣкоторыхъ англійскихъ критиковъ, что Шекспиръ писалъ ихъ по просьбѣ другихъ, какъ между-прочимъ сонетъ 130, отличающійся тяжеловатостію и принужденностію; но въ большей части ихъ разлито столько трепетнаго, искренняго чувства, что поэтъ не иначе могъ написать ихъ, какъ отъ самого-себя. Неизвѣстно, кто была эта женщина; впрочемъ, разъисканіе не представляетъ особеннаго интереса, тѣмъ болѣе, что любовь поэта является здѣсь вовсе не чистымъ, возвышеннымъ пламенемъ, и предметъ склонности его во многихъ отношеніяхъ весьма-подозрительной нравственности. Мы предоставляемъ добродушнымъ моралистамъ доказывать, что подобная склонность и ея выраженіе недостойны великаго поэта, и сожалѣть о свободно-страстной натурѣ его. Въ первомъ изъ этихъ 28 сонетовъ (127 отъ начала), воспѣваетъ онъ сверкающіе глаза, смуглую грудь, черныя кудри и благоухающее дыханіе своей милой; 128-й и особенно 129-й проникнуты всею нѣжностію стремленія самаго искренняго чувства; меланхолическій тонъ еще больше увеличиваетъ прелесть его. Въ послѣдующихъ примѣшивается и жажда чувственныхъ наслажденій; 133-й сонетъ заставляетъ думать, что другъ его Соутгэмптонъ самъ находится въ подобномъ положеніи; 143-й показываетъ его милую весьма-подозрительною красотою:

I have sworn thee fair, and thought thee bright,
Who art as black as hell, as dark as night.

Въ 145-мъ видно глубоко-тревожное состояніе духа; пробуждаются демонскія силы и васъ охватываетъ тяжелая тоска, которая въѣдается въ сердце, еще ядовитое отъ раздражительной остроты поэта, и хотя въ 147-мъ слова «любовь такъ молода, что не можетъ знать, что такое совѣсть» (Love is tov young to know what conscience is) на-минуту, какъ-бы вѣютъ успокоеніемъ, но безсильны снова возвратить насъ къ кроткому ощущенію. Чувства поэта сильнѣе и сильнѣе кружатся въ пламенныхъ переливахъ, въ которыхъ горитъ не столько любви, сколько сладострастной ненависти. Изъ 137-го и 140-го ясно видно, что сознаніе не покидаетъ души поэта; но не смотря на это, разорванная неопредѣленность выраженія, обнаруживающаяся въ большей части сонетовъ, принадлежащихъ къ этой категоріи, доказываетъ мрачную запутанность чувствъ. Это, какъ кажется, была связь безъ опредѣленности въ чувствѣ, безъ спокойствія въ наслажденіи, безъ гармоніи въ тѣлесныхъ и духовныхъ желаніяхъ. Въ 140-мъ внутренняя дисгармонія доходитъ до какого-то мрачнаго паѳоса:

Two loves I have of comfort and despair,
Which like two spirits do suggest me still;
The better angel is a man right fair,
The worser spirit a woman, colour'd ill.
To win me soon to hell, my female evil
Tempteth my better angel from my side,
And would corrupt my saint to be a devil,
Wooing his purity with her foul pride.

And whether that my angel be furr'd fiend,
Suspect J may, yet not directly tell;
But being both from me, both to each friend,
J guess one angel in another's hell.
Yet this shall J ne'er know, but live in doubt,
Till by bad angel fire my good one out.

Чтобъ не оставить въ душѣ читателей никакого тяжелаго чувства, мы заключимъ взглядъ на личность Шекспира одимъ изъ сонетовъ его къ Соутгэмптону; въ переводѣ мы не въ силахъ передать и самаго блѣднаго отраженія всей сердечной, меланхолической простоты подлинника:

«Когда меня не будетъ, пусть печаль твоя ко мнѣ продолжится не долѣе унылаго звука похороннаго колокола, который возвѣститъ свѣту, что я отошелъ отъ этого пошлаго свѣта къ червямъ. И если ты когда-нибудь прочтешь эти строки, не вспоминай о рукѣ, написавшей ихъ: я такъ люблю тебя, что хочу лучше, чтобъ ты вовсе забылъ меня, нежели чтобъ воспоминаніе обо мнѣ тебя печалило. О, если взглянешь ты на эти строки, — когда я, можетъ-быть, уже смѣшаюсь съ прахомъ, — пусть онѣ даже не припоминаютъ тебѣ моего имени, — и пусть вмѣстѣ съ моею жизнію исчезнетъ любовь твоя; не то, умный свѣтъ увидитъ твои слезы и насмѣется надъ тобою, — а меня уже не будетъ!»

Мы считали это изложеніе жизни и индивидуальности Шекспира не лишнимъ *для* читателей, потому-что, предполагая, по возможности, посвящать отдѣльный разборъ произведеніямъ Шекспира, какъ они вполнѣ появятся въ переводѣ г. Кетчера, мы желали первоначально ввести читателей нашихъ въ общее созерцаніе этого міробъемлющаго поэта. При разсматриваніи же его созданій мы отрѣшимся отъ его личности, и должны совершенно измѣнить точку воззрѣнія. Здѣсь занималъ насъ Шекспиръ, какъ человѣкъ, его взглядъ на міръ, внутренняя настроенность души его, его судьба и такъ-сказать разъисканіе его личности въ его созданіяхъ. Вступивъ же въ сферу самихъ созданій, мы должны совершенно отрѣшиться отъ такой психологической точки, ибо каждое шекспировское созданіе—есть отдѣльный, замкнутый въ себѣ міръ, живущій своею идеею, лежащею въ глубинѣ его, которая имѣетъ оправданіе и доказательство въ самой-себѣ, а не въ личности и обстоятельствахъ поэта. Въ сферѣ критики не въ томъ *дѣло*, что было причиною того, или другаго произведенія, но въ томъ, чтобъ произведеніе было истинно въ самомъ себѣ, въ идеѣ, и формѣ этой идеи, и раскрывало бы собою въ частномъ явленіи общечеловѣческое. И тѣмъ значительнѣе, прочнѣе дѣйствіе художественнаго произведенія, чѣмъ болѣе оно, въ опредѣленномъ, временномъ или историческомъ событіи, раскрываетъ дѣйствіе вѣчныхъ законовъ, на которыхъ зиждется міръ. Въ индивидуальной опредѣленности характеровъ, въ представленіи какого-либо дѣйствія или событія, оно обнаруживаетъ вмѣстѣ великій глаголъ общей, всеобъемлющей истины. И если мы, не мудрствуя *лукаво*, съ чистымъ, искреннимъ чувствомъ углубимся въ художественное созданіе, то всегда почувствуемъ въ немъ нравственную идею, которая подкрѣпляетъ насъ въ противорѣчіяхъ жизни, указуя на высшее примиреніе. Но чѣмъ ближе задача поэта подходитъ къ нравственному ученію, и соединяется съ нимъ, чѣмъ болѣе хочетъ онъ *научить* уважать

нравственность, тѣмъ дальше отходитъ его произведеніе отъ искусства, которое пребываетъ само въ себѣ и для себя, не заботясь объ улучшеніи людей, и, какъ цвѣтокъ, хочетъ радовать ихъ только самимъ собою, своимъ душевнымъ образомъ. Истинно-художественныя созданія хотя и принадлежатъ извѣстному вѣку и народу, какъ на-прим., творенія Шекспира, но вмѣстѣ съ тѣмъ они пребываютъ внѣ извѣстной цивилизаціи, какъ-бы уничтожаютъ собою время, принадлежа всѣмъ вѣкамъ и призывая равно всѣхъ людей къ вѣчному наслажденію собою. Такія произведенія абсолютно выполняютъ собою требованія, налагаемыя идеею искусства, являя собою образы, въ которыхъ безконечная мысль приняла чувственную форму. Созерцая ихъ, критика должна не разбирать отдѣльныя мѣста похваляя, или порицая, а открыть и понять идею въ нихъ присутствующую и обнаружившуюся въ чувственное, тожественное себѣ явленіе.

Но такая критика принадлежитъ къ философіи искусства и требуетъ, кромѣ глубочайшаго изученія даннаго художественнаго произведенія, предварительнаго обширшаго философскаго образованія. Въ самой Германіи (во Франціи еще не понимаютъ ея) она явилась лишь въ недавнее время и до-сихъ-поръ представляетъ немного именъ. По глубокой проницательности, превосходному изложенію и возвышенности созерцанія, первое мѣсто изъ нихъ занимаетъ Рётшеръ, котораго одушевленную философскую критику «Короля Лира», Шекспира, можетъ-быть, прочтутъ читатели «Отечественныхъ Записокъ» въ этомъ журналѣ.

В. Б—ТК—НЪ.

ПАМЯТИ КАРАМЗИНА.

(Опровержение нѣкоторыхъ обвиненій, взводимыхъ на мнѣніе Карамзина о Ляпуновѣ.)

—

Потомство безпристрастно — гласъ утѣшительный для тружениковъ! Но ужели, и за предѣлами гроба, должна преслѣдовать ихъ неблагодарность *современниковъ? Ужели современники*, свидѣтели безсмертныхъ подвиговъ, должны непремѣнно основывать славу свою на отзывахъ несправедливыхъ, или, слыша эти отзывы, молчать, какъ-будто соглашаться, вводя въ заблужденіе умы довѣрчивые, нежелающіе пожертвовать нѣсколькими часами, чтобъ раскрыть, на чьей сторонѣ справедливость?

Такъ мыслилъ я, читая сужденія г. Полеваго о Карамзинѣ (см. «Русскую Бесѣду», изд. 1842 г., т. III, стр. 2—38). Намъ, Русскимъ, извѣстны важныя услуги, оказанныя словесности нашей незабвеннымъ исторіографомъ: онъ образовалъ, очистилъ слогъ нашъ и послѣднимъ трудомъ, сократившимъ жизнь его, къ-сожалѣнію, неконченнымъ, увѣковѣчилъ имя свое, не только въ любезномъ отечествѣ, но и въ Европѣ, хотя иностранцы не могутъ судить, по переводу, о красотѣ, силѣ слога Карамзина. Еще при жизни, зависть старалась уязвлять чувствительное сердце его: онъ отвѣчалъ молчаніемъ, принимая съ благодарностію замѣчанія безпристрастныя, пользуясь благонамѣренною критикою и не присвоивая себѣ изъисканій стороннихъ. Такъ *критика* всегда должна быть безпристрастна; открывая ошибки и опровергая ихъ *ясными доказательствами*, она приноситъ существенную пользу, ибо кто изъ смертныхъ не ошибался? Но должно ли, нападая несправедливо на знаменитаго писателя, котораго вѣчность оковала молчаніемъ, оскорблять память его неприличными выраженіями, называть его: *историческимъ софистомъ, тщеславнымъ и краснорѣчивымъ лжеумствователемъ* (стр. 24); *постыдно изощрившимъ хитрости краснорѣчія для оправданія дѣлъ Ляпунова* (стр. 31), *этого отвратительнаго* (какъ отзывается объ немъ г. Полевой) *сборища преступнаго честолюбія, клятвопреступленій, вѣроломства, неблагодарности, гордости* (стр. 30), *произвольно и непонятно пристрастнымъ* (стр. 37); *создавшимъ славу*

героя человѣку того недостойному (стр. 37); *впавшимъ въ грубую ошибку, которой г. Полевой не можетъ простить Карамзину* (стр. 37)? Слѣдуетъ ли основывать *критическія изслѣдованія* на словахъ: *вѣроятно* (стр. 10); *вѣроятно* (стр. 12); *вѣроятно* (стр. 13); *вѣроятно* (стр. 15); *вѣроятно* (стр. 15); *можетъ быть* (стр. 16); *можетъ быть* (стр. 17); *едва-ли* (стр. 19); *можетъ быть* (стр. 37)? И не самъ ли г. Полевой оканчиваетъ *историческія свои изслѣдованія* словами: «Судъ человѣческій судитъ только то, «что было, но не то, что *могло быть*»?

Теперь разсмотримъ, справедливо ли г. Полевой, руководствующійся, какъ говоритъ (стр. 37), *историческою совѣстію*, опровергаетъ *произвольное и пристрастное* будто-бы *мнѣніе Карамзина* о Ляпуновѣ.

Г. Полевой винитъ исторіографа (стр. 26), что онъ, *пропуская измѣну Ляпунова при Басмановѣ*, привѣтствуетъ его, при первомъ появленіи въ шайкѣ Болотникова, именемъ «мужа, *дотолѣ неизвѣстнаго*, отселѣ знаменитаго, созданнаго быть вождемъ и повелителемъ людей въ безначаліи, въ мятежахъ и буряхъ».

Исторіографъ началъ свое повѣствованіе о Ляпуновѣ (т. XII, стр. 33) съ того времени, какъ послѣдній явился на поприщѣ отечественной исторіи отдѣльнымъ вождемъ. Онъ писалъ *Исторію Государства Россійскаго*, а не *біографію Ляпунова*, который, при Годуновѣ, не имѣлъ никакого значенія; но, входя во всѣ подробности измѣны Басманова, упомянулъ (въ XI томѣ, изд. 1824, стр. 192), что между измѣнниками отличались ревностію *боярскія дѣти* городовъ *Рязани*, Тулы, Каширы, Алексина, и, въ примѣчаніи 321-мъ, *наименовалъ Ляпуновыхъ*, слѣдовательно, не умолчалъ объ измѣнѣ *Прокофія*, *еще тогда* (какъ изъяснился Карамзинъ въ XII томѣ, стр. 33) *неизвѣстнаго*, умножавшаго, только, собою, толпу мятежниковъ.

Г. Полевой, на стр. 31, повторяетъ вышеприведенныя слова исторіографа: «Мужъ знаменитый, созданный быть вождемъ людей въ безначаліи, мятежахъ «и буряхъ» — и говоритъ: но гдѣ же показалъ *сіи дарованія* Ляпуновъ? Въ измѣнѣ съ Басмановымъ? Въ приходѣ подъ Москву съ Болотниковымъ? Въ предложеніи престола Скопину, низведеніи Василія? *Въ крамолѣ* потомъ подъ Москвой, гдѣ вовсе не умѣлъ управить умами и погибъ жертвою грубой клеветы?

Исторіографъ не упоминаетъ (въ XII томѣ, стр. 33) ни о какихъ *дарованіяхъ* Ляпунова, противъ которыхъ возстаетъ г. Полевой (на стр. 31); но, по всей справедливости, даетъ Ляпунову наименованіе *знаменитаго*, и этой знаменитости, г. Полевой, со всею *историческою своею совѣстію* (стр. 37) не лишитъ Ляпунова, сначала мятежнаго, потомъ вѣрнаго сына отечества, а *не крамольнаго*, до послѣдней минуты жизни, безстрашнаго, твердаго среди убійцъ, подъ ножами.

«Когда» продолжаетъ г. Полевой (стр. 26): «Ляпуновъ *продаетъ* Шуйскому товарищей бунта, сообщникъ его Истома Пашковъ получаетъ (отъ исторіографа) названіе *витязя и вѣрнаго слуги царскаго*.»

Исторіографъ, описывая событія тѣхъ временъ, ни слова не говоритъ о *продажѣ* Ляпуновымъ Шуйскому мятежниковъ, но повѣствуетъ (т. XII,

стр. 40): «что Ляпуновъ, удостовѣрившись въ обманѣ, первый явился въ «столицѣ *съ повинною;* а за нимъ и всѣ Рязанцы.» Тайныя сношенія его съ царемъ *неизвѣстны:* онъ могъ просить у Василія помилованія, могъ оправдываться передъ нимъ, ходатайствовать за товарищей, но *не продавалъ* ихъ. Это заключеніе не подвержено никакому сомнѣнію, ибо царь *простилъ* и Ляпунова, которому *далъ* санъ думнаго дворянина, и всѣхъ *Рязанцевъ* (т. XII, стр. 40).

Разсмотримъ другую статью обвиненія: *Истома Пашковъ*, бунтовавшій вмѣстѣ съ Болотниковымъ и Ляпуновымъ противъ Василія, передался къ воеводамъ его съ знатною частію войска (т. XII, стр. 41), и, вслѣдъ за тѣмъ, когда Болотниковъ разогналъ многочисленную рать царскую, когда всѣ обратили тылъ, только юный князь Скопинъ-Шуйскій, повѣствуетъ Карамзинъ (стр. 54) «и *витязь* Истома Пашковъ, *уже* вѣрный слуга цар«скій, упорно сражались.»—Ляпуновъ и Пашковъ принесли *повинную* въ 1606 году; битва съ Болотниковымъ, въ которой отличился Пашковъ, явивъ примѣры храбрости и вѣрности, произошла въ 1607 году: за годъ передъ тѣмъ, онъ былъ бунтовщикомъ, каковымъ Карамзинъ называетъ его (т. XII, стр. 33 и 38, —тогда заслужилъ именованія *витязя и вѣрнаго слуги царскаго.*

«Первый удостовѣрился въ обманѣ» повторяетъ (стр. 31) г. Полевой слова Карамзина, прибавляя: «Но не-уже-ли дотолѣ Ляпуновъ не зналъ обмана, *онъ, знавшій,* что и первый самозванецъ былъ обманщикъ?»

Это обвиненіе такъ *сильно*, что мы, при всемъ уваженіи къ таланту знаменитаго историографа, не можемъ ничего сказать въ защиту его. Г. Полевой *рѣшительно* объявляетъ, что Ляпуновъ *зналъ* перваго самозванца, *какъ обманщика!* Ему извѣстны *мысли* человѣка, жившаго за двѣсти-тридцать-семь лѣтъ передъ симъ: ибо онъ ни откуда не могъ почерпнуть этого *вѣрнаго* свѣдѣнія о *неизвѣстномъ*, въ то время (1605 г.), дворянинѣ Ляпуновѣ. Самъ г. Полевой (выше, на стр. 7) противорѣчитъ себѣ, говоря: «что Русскіе возстали *единодушно* противъ Ѳеодора Годунова и перешли «къ Самозванцу, *обольщенные тѣмъ, что онъ законный наслѣдникъ Іоан«на»*; и, потомъ, *изъ всѣхъ Русскихъ* исключаетъ только Ляпунова, *вѣроятно*, или *можетъ-быть* (ибо нѣтъ доказательствъ), не съ тою ли цѣлію, чтобъ опровергать слова Карамзина?

«Устыдился быть союзникомъ бродягъ, холопей, разбойниковъ, безъ всякой государственной, благородной цѣли (Ист. Госуд. Рос., т. XII, стр. 39 и 40)».—«Но развѣ» восклицаетъ г. Полевой (стр. 32): «*государственная, благородная цѣль* могла оправдать гнусное дѣло Ляпунова?»

Историографъ повѣствуетъ (стр. 39 и 40): «Ляпуновъ первый удосто«вѣрился въ обманѣ, и стыдясь быть союзникомъ бродягъ, холопей, раз«бойниковъ, *безъ всякой государственной, благородной цѣли*, первый явил«ся въ столицѣ съ повинною.»—*Государственною, благородною цѣлію* Карамзинъ, справедливо, разумѣетъ возстаніе въ пользу вѣнценосца законнаго, каковымъ почитали тогда втораго Самозванца (Ист. Госуд. Рос., т. XII, стр. 34).

«Когда Ляпуновъ» продолжаетъ г. Полевой (стр. 26): «предлагаетъ Скопину престолъ, какъ представляетъ исторіографъ (т. XII, стр. 173), сіе своевольное вѣроломство, равно пагубное и при согласіи и при отказѣ юноши, котораго обольщалъ хитрый крамольникъ? Человѣкъ, сильный духомъ, дерзнулъ всенародно изъявить овую (мысль о новомъ царѣ).»—«Человѣкъ сильный духомъ» повторяетъ г. Полевой, на стр. 32: «*гдѣ и когда*»?

Тогда, то есть въ 1609 году, человѣкъ, слабый духомъ, безхарактерный не рѣшился бы, именемъ Россіи, предложить, чрезъ пословъ своихъ, царство Скопину. Но исторіографъ не оправдываетъ своевольнаго поступка Ляпунова; говоритъ (т. XII, стр. 172): «Князь Михаилъ *(Скопинъ)* служилъ царю и царству по закону и совѣсти, безъ всякихъ намѣреній властолюбія, въ невинной, смиренной душѣ едва ли плѣняясь и славою»—и, вслѣдъ за тѣмъ, приступая къ описанію вѣроломства Ляпунова, продолжаетъ: «не такъ мыслили за него другіе, *уже съ бѣдственнымъ навыкомъ къ* «*перемѣнамъ, низверженіямъ и беззаконіямъ.*»

«Тотъ, кто господствомъ ума своего рѣшилъ судьбу перваго бунта»—и, приведя эти слова Карамзина (т. XII, стр. 173), г. Полевой вопрошаетъ (стр. 32): «Еще разъ: *когда и гдѣ?*»

Подъ Москвою—отвѣчаю: въ 1606 году, когда Ляпуновъ первый, удостовѣрившись въ обманѣ, явился въ столицѣ съ повинною, а за нимъ и *всѣ Рязанцы и многіе* сподвижники бунта; когда, съ прекращеніемъ страха и печали, все ожило въ Москвѣ и запылало ревностію противъ остальныхъ мятежниковъ (Ист. Госуд. Рос., т. XII, стр. 40). Въ это время Ляпуновъ получилъ санъ думнаго дворянина.

Упоминая о томъ, г. Полевой говоритъ (стр. 14): что *чинъ* думнаго дворянина — *отличіе мелкихъ дворянъ и безродныхъ гражданъ.*

И здѣсь г. Полевой удалился отъ строгой справедливости: не одни мелкіе дворяне носили это званіе почетное, ибо оно давало имъ право засѣдать въ государственной думѣ, вмѣстѣ съ боярами и окольничими. Мы встрѣчаемъ въ спискѣ *думныхъ дворянъ* (до назначенія Ляпунова) многія древнія фамиліи: Воейкова, Татищевыхъ, Ржевскаго, князей Буйносовыхъ-Ростовскихъ, Пушкиныхъ, Измайлова, Стрешневыхъ. (См. Древнюю Рос. Вивліоѳику, изд. 1791, ч. XX).

«Что дѣлалъ тогда Ляпуновъ?» продолжаетъ г. Полевой (стр. 32). «Съ толпою злодѣевъ шелъ, какъ шли Пашковъ, Сунбуловъ и другіе, къ Москвѣ; какъ они, *продавалъ* Болотникова, который и послѣ того принудилъ, однакожъ, самого Шуйскаго идти въ битвы, и только, утопая въ наводненной Тулѣ, положилъ къ его ногамъ мечъ свой, удивляя мужествомъ злодѣйства? Гдѣ же «господство ума» и «рѣшеніе» Ляпуновымъ «судьбы» перваго бунта?»

Ляпуновъ, какъ мы сказали выше, никого не продавалъ царю: онъ первый явился къ нему *съ повинною*, удостовѣрившись въ обманѣ Болотникова; не могъ *продать* послѣдняго, потому-что продаваемый выдается, а Болотниковъ продолжалъ еще злодѣйствовать; но Ляпуновъ, примѣромъ своимъ и господствомъ ума, усилилъ многими мятежниками войско Василія и далъ ему возможность *рѣшить судьбу перваго бунта*; «способствовалъ успѣхамъ «и гибели опаснаго Болотникова» (*Ист. Госуд. Росс., т. XII, стр. 175.*)

На стр. 32-й «Беседы», т. III, г. Полевой, приводя слова историографа, что Ляпуновъ, «изменивъ Василію, загладилъ измѣну важными заслугами» (т. XII, стр. 173), вопрошаетъ: *какими?* «Не присталъ ко второму самозванцу.» — *Какъ не присталъ, и это уже называютъ:* «важная услуга!» — «Не далъ ему Рязани.» — *Ничего не понимаемъ,* продолжаетъ г. Полевой: — *могъ ли Ляпуновъ дать и не дать Рязань, когда онъ былъ только помощникомъ старшихъ воеводъ, сначала Лыкова, потомъ Хованскаго? И тутъ, что они дѣлали? Отбили самозванца отъ Каширы; но лѣтописи, хваля подвигъ Лыкова, ни слова не говорятъ о Ляпуновѣ. Еще было дѣло подъ Пронскомъ, гдѣ ранили Ляпунова, а пьянаго брата его разбилъ Лисовскій. Что же послѣ сего значатъ слова:* «не далъ Рязани»? *И за то Ляпунову новый титулъ* «знаменитаго слуги отечества»!

Исторіографъ, приступая къ описанію вѣроломнаго поступка Ляпунова, который *дерзнулъ* предложить престолъ Скопину, говоритъ (т. XII, стр. 173): «Тотъ, кто господствомъ ума своего рѣшилъ судьбу перваго бунта, «способствовалъ успѣхамъ и гибели опаснаго Болотникова, измѣнилъ Ва«силію и загладилъ измѣну важными услугами,—не только не присталъ ко «второму Лжедимитрію, но и не далъ ему Рязани. Думный дворянинъ Ля«пуновъ, и проч.»—«*Какими важными услугами*» вопрошаетъ г. Полевой: «*загладилъ Ляпуновъ измѣну Василію?*» — Отвѣчаю словами исторіографа: способствовавъ успѣхамъ и гибели опаснаго Болотникова; не приставъ ко второму Лжедимитрію, когда многіе воеводы: князья Катыревъ, Трубецкій, Троекуровъ измѣнили царю, городъ за городомъ сдавался самозванцу и самые воины толпами бѣжали къ нему. Въ это бѣдственное для Василія время, Ляпуновъ сразился съ мятежниками на берегахъ рѣчки Восми (въ Каширскомъ Уѣздѣ), обратилъ ихъ въ бѣгство; отбросилъ вмѣстѣ съ Булгаковымъ за тридцать верстъ; усталъ дорогу трупами убитыхъ; взялъ многихъ въ плѣнъ (см. Примѣч. 132, т. XII, Ист. Гос. Росс.); намѣревался, съ княземъ Хованскимъ, выгнать измѣнниковъ изъ Пронска, овладѣлъ внѣшними укрѣпленіями, вломился въ городъ, но былъ тяжело раненъ въ ногу, и тогда князь Хованскій отступилъ подъ стѣны Зарайска, гдѣ Лисовскій на-голову разбилъ его (Ист. Гос. Росс. т. XII, стр. 78). Г. Полевой вопрошаетъ: «*могъ ли Ляпуновъ дать и не дать Рязань, когда онъ былъ только помощникомъ старшихъ воеводъ, сначала Лыкова, потомъ Хованскаго?*» Отвѣчаю: могъ такъ, какъ и за три года передъ тѣмъ (1606 г.), и вотъ еще доказательства: князь Хованскій, потерпѣвшій пораженіе, въ 1607 году, подъ Михайловымъ, былъ смѣненъ княземъ Лыковымъ, которому оставленъ товарищемъ Ляпуновъ (Примѣч. 114 къ XII т. Ист. Гос. Росс.). Лыковъ покрылъ себя славою на берегахъ Восми (т. XII, стр. 56); но, въ 1608 году, Хованскій получилъ прежнее мѣсто и, снова, былъ разбитъ мятежниками подъ Пронскомъ. Ляпунова, раненаго, отвезли въ Рязань. Тогда начальство въ этомъ городѣ перешло къ нему, и онъ остался вѣрнымъ Василію: «Въ 1609 году, изъ городовъ россійскихъ, только Ко«ломна, *Переяславль-Рязанскій* (нынѣшняя *Рязань*), Смоленскъ, Новго«родъ, Нижній, Саратовъ, Казань и Сибирь не пристали къ Самозванцу» (Ист. Госуд. Росс. т. XII, стр. 128). Во второй части «Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ» (стр. 385) также упоминаютъ о военныхъ подвигахъ Ляпунова: «А на Резане Прокоѳей Ляпуновъ *съ товарыщи* Зараской

«городъ и Пронескъ и Михайловъ и иные городы (въ 1609 году) отъ во-«ровъ очистили». Кажется, довольно заслугъ *для знаменитости*, которую оспориваетъ у Ляпунова г. Полевой, поставляя ему въ вину и разбитіе Лисовскимъ пьянаго его брата!

«Безъ отвращенія описываетъ исторіографъ новый бунтъ Ляпунова, *щадитъ его, когда* уже *оправдать не можетъ,* щедрый на бранчивыя прилагательныя другимъ, называетъ его *только:* явный *злодѣй* Царя, сильный духомъ болѣе, нежели знатностію сана» («Бесѣда», стр. 27).

«Первая страшная вѣсть» повѣствуетъ исторіографъ (т. XII, стр. 215): «пришла въ Москву изъ Рязани, гдѣ Ляпуновъ, явный *злодѣй* царя, сиљ-«ный духомъ болѣе, нежели знатностію сана, *не обольстивъ* Михаила (Ско-«пина) *властолюбіемъ беззаконнымъ* и предвидя для себя опалу въ случаѣ «рѣшительнаго торжества Василіева, именемъ героя вѣрности *дерзнулъ на «бунтъ и междоусобіе.»* Далѣе (стр. 216): «Чего хотѣлъ сей *мятежникъ*? «Свергнуть Василія, избавить Россію отъ Лжедмитрія, отъ Ляховъ, и быть «государемъ ея, какъ утверждаетъ одинъ историкъ (*Беръ*); другіе пишутъ «вѣроятнѣе, что Ляпуновъ желалъ единственно гибели Шуйскихъ, имѣя «тайныя сношенія съ знатнѣйшимъ крамольникомъ бояриномъ княземъ «Василіемъ Голицынымъ въ Москвѣ, и даже съ Самозванцемъ въ Калугѣ, «но не долго: онъ презрѣлъ бродягу какъ орудіе срамное, видя и безъ то-«го легкое исполненіе желаемаго имъ и многими иными *врагами Царя не-«счастнаго.»—Злодѣй, обольститель, властолюбецъ беззаконный, дерзнувшій на бунтъ и междоусобіе, мятежникъ, врагъ царя несчастнаго*,—кажется, довольно прилагательныхъ! Гдѣ же *пощада*, которою винитъ исторіографа г. Полевой?

«Но какія же слова найдетъ исторіографъ, когда Ляпуновъ станетъ за правое дѣло? Здѣсь Ляпуновъ первый среди всѣхъ, и когда Пожарскій едва удостоивается упоминанія, когда подвиги Авраамія Палицына, Шеина, Филарета остаются почти незамѣтны, Ляпуновъ является чѣмъ-то въ родѣ миеическихъ героевъ — все прощено ему, все причтено ему въ заслугу, даже бой Пожарскаго въ Москвѣ (когда современники *ничего не говорятъ* о посылкѣ Пожарскаго Ляпуновымъ) причитается въ заслугу ему, и два только лица являются поборниками правды: *Гермогенъ,* святой страдалецъ православія и отчизны, и рядомъ съ нимъ *Ляпуновъ* и — никто болѣе!» («Бесѣда», стр. 27 и 28).

Какъ! исторіографъ *едва удостоилъ упоминанія* Пожарскаго? *Оставилъ почти незамѣтными подвиги Аврамія Палицына, Шеина и Филарета?* И объ этомъ утверждаетъ г. Полевой, руководствующійся *историческою истиною?* Раскроемъ XII-й томъ «Исторіи Государства Россійскаго»: на стр. 138, исторіографъ описываетъ побѣду, одержанную, въ 1608 году, Пожарскимъ въ селѣ Высоцкомъ, въ 30 верстахъ отъ Коломны, надъ Литовцами и нашими измѣнниками; на стр. 175: оказанную имъ услугу истребленіемъ, въ 1609 году, на берегахъ Пехорки, шайки разбойниковъ; на стр. 215 и 216: вѣрность его царю Василію въ 1610 году; на стр. 224: усмиреніе Зарайска; на стр. 282: военные подвиги въ Пронскѣ и у Зарайска, въ 1611 году; на стр. 287: мужество Пожарскаго въ Москвѣ; въ кро-

вопролитной битвѣ съ Ляхами, *которыхъ онъ отогналъ въ Китай;* на стр. 291: самоотверженіе его въ новой битвѣ, на которой онъ не берегъ себя отъ пуль и мечей, изнемогъ отъ ранъ и палъ на землю. «Вѣрные сподвижники» говоритъ исторіографъ: «взяли и спасли *будущаго спасителя* «*Россіи:* отвезли въ Лавру.»—*Объ Аврамiѣ Палицынѣ:* на стр. 113, исторіографъ описалъ, какъ этотъ мужъ, *исполненный любви къ злосчастному отечеству и къ истинѣ,* склонялъ царя Василія спасти Троицкую Лавру отъ осады Поляковъ и измѣнниковъ; на стр. 124 — 127 помѣстилъ любопытное повѣствованіе Палицына объ ужасномъ состояніи, въ которомъ находилась тогда Россія; на стр. 147, передалъ намъ, какъ Аврамій, въ 1608 году, во время голода, отворилъ московскія житницы Троицкой Обители; на стр. 249: участіе его въ посольствѣ къ Сигизмунду; на стр. 274: причину возвращенія «единственно для того, чтобы огласить въ «столицѣ и въ Россіи вѣроломство Сигизмундово», и, наконецъ, на стр. 294: какъ Аврамій, въ 1611 году, оживлялъ, подъ Москвою, сердца воиновъ, укрѣплялъ мужество ихъ. — *О Шеинѣ*: на стр. 177 и 178, описалъ осаду Смоленска Сигизмундомъ, въ 1609 году; вѣрность, мужество, разумъ Шеина; на стр. 199: непоколебимость его во время пятимѣсячной осады; на стр. 336: непреклонность; на стр. 264: неудачные приступы Ляховъ, въ 1610 году; на стр. 277: твердость характера Шеина, длившаго время въ переговорахъ и готоваго на славную гибель; на стр. 281: *упрямство,* которымъ укорялъ его Сигизмундъ; на стр. 301: новые приступы короля къ Смоленску снова неудачные, въ 1611 году; бѣдственное положеніе осажденныхъ; *истинное геройство Шеина* и, на стр. 303, взятіе Смоленска.— *О Филаретѣ:* описалъ, на стр. 120, 121, 128, 187 и 204, плѣнъ его и претерпѣнныя бѣдствія при Самозванцѣ (*Тушинскомъ*), оказанное имъ мужество; на стр. 248, 249, 253—260, 263 и 264: посольство его къ Сигизмунду; произнесенный имъ обѣтъ передъ отъѣздомъ: *умереть вѣрнымъ;* твердость въ неволѣ, и, на стр. 309, упомянулъ, что Филаретъ девять лѣтъ томился внѣ отечества, вмѣстѣ съ Шеинымъ: «дожилъ, къ счастію, до свободы; дожилъ и знаменитый Шеинъ (казненный потомъ въ 1635 году за «потерю сраженія подъ Смоленскомъ) къ несчастію своему и къ горести «Россіи!..» Смерть воспрепятствовала исторіографу описать достопамятную эпоху освобожденія Россіи и новой жизни, которую она получила подъ скипетромъ благословеннаго дома Романовыхъ; но г. Полевой и въ этомъ винитъ исторіографа словами: «Ляпуновъ *первый* среди всѣхъ!» Не самъ ли г. Полевой (стр. 19 «Бесѣды») отзывается, что «Ляпуновъ *едва-ли не первый* заговорилъ о защитѣ отчизны и православія», хотя и съ прибавленіемъ: *подобно другимъ?* А на стр. 33 «Бесѣды» тотъ же г. Полевой повѣствуетъ, что ежели кому обязана была Россія *первымъ возстаніемъ,* то, безспорно, Гермогену, защитникамъ Смоленска, Филарету, Аврамію Палицыну и архимандриту Діонисію»; что ихъ вопли, ихъ грамматы подняли всю Русь православную; — о Ляпуновѣ говоритъ, что онъ *не отсталъ отъ другихъ,* писалъ грамматы, шелъ въ походъ, когда и другіе писали грамматы и возставали. Явное противорѣчіе! *Первый* и *не отставалъ отъ другихъ!* — Что Ляпуновъ (стр. 36 «Бесѣды) не былъ страшенъ врагамъ, только *храбростію,* прибавляетъ г. Полевой: — героемъ своего времени, *главою*

словамъ г. Полеваго, *ничего не можно найдти, кромѣ гнуснаго мелкаго эгоизма и ничтожнаго корыстолюбія!*

«А нестерпимая гордость Ляпунова,—пишетъ г. Полевой, на стр. 35,—отвращавшая отъ него сердца всѣхъ и показывавшая чего должно было ожидать отъ него далѣе? Исторіографъ и здѣсь нашелъ *извиненіе*, если не *похвалу* своему мнимому герою».

Посмотримъ, какъ *извиняетъ* исторіографъ, какъ *хвалитъ* онъ гордость Ляпунова: «Одинъ Россіянинъ былъ душею всего и валъ, казалось, не «гробъ отечества. Врагамъ иноплеменнымъ ненавистный, еще ненавистнѣйшій измѣнникамъ и злодѣямъ россійскимъ, тотъ, на кого атаманъ «разбойниковъ, извергъ Заруцкій, скрежеталъ зубами—Ляпуновъ дѣйствовалъ подъ ножами. Уважаемый, но *мало любимый за свою гордость, онъ «не имѣлъ*, по крайней мѣрѣ, *смиренія Михаилова (Скопина)*; зналъ цѣну «себѣ и другимъ; *снисходилъ рѣдко, презиралъ явно*; жилъ въ избѣ, *какъ «во дворцѣ недоступномъ*, и самые знатные чиновники, самые раболѣпные «уставали въ ожиданіи его выхода *какъ бы царскаго*.» (Истор. Государ. Россійскаго, т. XII, стр. 325 и 326.)

«Слава Богу! восклицаетъ г. Полевой (стр. 36 «Бесѣды»), Ляпуновъ *и не палъ на гробѣ отечества*. Болѣе добліе мужи явились на его мѣсто, такъ, какъ и не тамъ, гдѣ «искалъ онъ лучшаго царя для одушевленія Россіи, иноземца державнаго племени, безъ связей наслѣдственныхъ и личныхъ, родственниковъ «и клевретовъ, враговъ и завистниковъ между подданными», не тамъ готовило его Россіи провидѣніе, но ближе: въ плѣну польскомъ, въ Кремлѣ, котораго не умѣлъ добыть Ляпуновъ, таился будущій царь Русскій, на котораго давно уже указывалъ Гермогенъ, котораго не тронули мечи враговъ, невинный юноша, залогъ благоденствія и славы Россіи, сынъ ея и страдалецъ за нее! («Бесѣда», стр. 37).

Здѣсь г. Полевой повторяетъ слова исторіографа, съ пропускомъ только одного: *казалось*, и тѣмъ даетъ имъ превратное значеніе! Какимъ краснорѣчивымъ, образцовымъ слогомъ старается онъ убѣдить читателей: «Болѣе добліе мужи! Такъ, какъ и не тамъ, гдѣ! Въ Кремлѣ, *котораго* не «умѣлъ *добыть* Ляпуновъ, *таился* будущій царь Русскій, на *котораго* «давно уже указывалъ Гермогенъ, *котораго не тронули* мечи враговъ, *не«винный юноша*». Какъ! маститый патріархъ Эрмогенъ—*невинный юноша?* Его не *тронули* мечи враговъ? Да развѣ мечи могутъ сами-собою *трогать* кого-либо? *Не понимаемъ!*

«Это ли подвиги поборника правды, дѣла мужа государственнаго! «вопрошаетъ г. Полевой, возставая (стр. 35) противъ гордости Ляпунова.—«Ляпуновъ умѣлъ только смѣло погибнуть».

Исторіографъ описалъ бурную жизнь Ляпунова въ настоящемъ видѣ, безпристрастно: отдѣлилъ добро отъ зла, обнаружилъ преступленія, далъ вѣсъ настоящимъ заслугамъ. Сначала, мы видимъ въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ *мятежника неблагодарнаго:* онъ измѣнилъ царю Ѳеодору Годунову, въ 1605 году (Примѣч. 321, т. XI, Истор. Государ. Рос.);

измѣнилъ, въ 1606 году, царю Василію Шуйскому въ пользу втораго Лжедимитрія: отправилъ въ Путивль, *на смерть:* рязанскаго намѣстника, боярина князя Черкасскаго, воеводъ: князя Тростенскаго, Вердеревскаго, князя Каркадинова, Измайлова (т. XII, стр. 34); участвовалъ въ опустошеніи Коломны и окрестностей Москвы; въ мятежныхъ обнародованіяхъ противъ Василія (т. XII, стр. 38); но, тщетно ожидая мнимаго Димитрія, убѣжденный грамматами патріарха и святителей, удостовѣрился въ обманѣ, оставилъ Болотникова и *первый* явился въ столицѣ съ повинною; а за нимъ и всѣ Рязанцы, Сумбуловъ и другіе (стр. 39 и 40). Василій простилъ ихъ и далъ *Ляпунову* санъ думнаго дворянина. Онъ содѣйствовалъ потомъ (1607 г.), князю *Лыкову* въ пораженіи мятежниковъ на берегахъ Восмы (примѣч. 132 къ XII тому); намѣревался (въ 1608 г.) выгнать ихъ изъ Пронска: овладѣлъ внѣшними укрѣпленіями, вломился въ городъ, но былъ тяжело раненъ въ ногу (Т. XII, стр. 78); снова измѣнилъ Василію (котораго самъ г. Полевой называетъ, на стр. 8, *робкимъ и слабодушнымъ*), желая Россіи царя лучшаго и, чрезъ пословъ своихъ, предложилъ (въ 1609 году) вѣнецъ герою Скопину. Василій, во второй разъ, простилъ Ляпунова (Т. XII, стр. 173); но послѣдній, неблагодарный, клятвопреступный, *предвидя* — какъ говоритъ исторіографъ на стр. 215 — *неминуемую для себя опалу въ случаѣ рѣшительнаго торжества Василіева:* объявилъ (въ 1610 году) всенародно царя: убійцею и отравителемъ Скопина; возстановилъ противъ *Василія* Княжество Рязанское, кромѣ Зарайска, гдѣ находился вѣрный князь Пожарскій (Т. XII, стр. 215); сносился съ измѣнниками и съ Самозванцемъ (стр. 216); возмущалъ другіе города, крамольствуя и въ столицѣ, волнуемой отчаяніемъ (стр. 223); отсталъ отъ Самозванца и, чрезъ брата своего, склонялъ Москвитянъ: *оставить Василія, избрать новаго царя и ополчиться противъ Ляховъ, обнадеживая, что Лжедимитрій будетъ выданъ* (стр. 226). Приговоромъ Думы, Василій былъ лишенъ престола (стр. 228 и 229). Въ это смутное время взялъ верхъ надъ Ляпуновымъ князь Өедоръ Мстиславскій, *чуждый*—какъ изъясняется исторіографъ, на стр. 233—*властолюбія и козней*: онъ торжественно объявилъ боярамъ, духовенству, всѣмъ чинамъ и гражданамъ, что, для спасенія царства, должно вручить скипетръ... Владиславу. Гетманъ Жолкѣвскій стоялъ подъ Москвою; Самозванецъ спѣшилъ къ столицѣ, расположился уже станомъ въ селѣ Коломенскомъ; Жолкѣвскій могъ избавить Москву отъ злодѣевъ; каждый часъ былъ дорогъ—и большинство голосовъ въ думѣ, на самомъ лобномъ мѣстѣ, рѣшило: «принять совѣтъ Мстиславкаго!» (стр. 234—236). Гетманъ подписалъ условія въ пользу вѣры, древнихъ обычаевъ, законовъ русскихъ (стр. 237 — 241); присягнулъ въ вѣрномъ соблюденіи ихъ, за короля и королевича, Республику Польскую и Великое Княжество Литовское, за себя и за войско (Т. XII, стр. 242). Бояре и сановники, дворянство и купечество, воины и граждане, числомъ не менѣе трехъ сотъ тысячь, также присягнули (стр. 243). Оставленный Сапѣгою, Самозванецъ обратился въ бѣгство въ Калугу (стр. 246). Къ Сигизмунду отправлено великое посольство съ хартіею Владиславова избранія и съ утварью царскою для Владислава (стр. 248). Въ свитѣ представителей народа, находился *Захарій Ляпуновъ*, братъ Прокофія, дерзнувшій поднять руку на Василія,

великій ростомъ, силы необычайной, дерзкій и лукавый (стр. 229 и 273). Онъ посланъ Прокофіемъ, ревностнымъ противникомъ Владиславова царствованія, чтобъ наблюдать, выв**ѣ**дывать и тайно изв**ѣ**щать обо всемъ (стр. 273). Поляки, между-т**ѣ**мъ, заняли Москву (стр. 250); несчастный Василій находился въ рукахъ ихъ, какъ-бы заложникомъ (стр. 251). Вскор**ѣ** великіе послы, долженствовавшіе возвратиться въ Москву съ Владиславомъ и склонить его къ принятію греческой в**ѣ**ры, услышали подъ Смоленскомъ, отъ вельможъ королевскихъ, «что Владиславъ малол**ѣ**тный не мо-«жетъ устроить Царства смятеннаго; что Сигизмундъ долженъ прежде ути-«шить оное и занять Смоленскъ, будто бы преклонный къ Лжедимитрію; «что не сл**ѣ**дуетъ *разд**ѣ**лять отца съ сыномъ; что Смоленскъ долженъ при-«слушать имъ обоимъ*» (стр. 255 и 256). Наконецъ, посл**ѣ** многихъ переговоровъ, объявлено посламъ: «что король *жалуетъ* сына на престолъ «московскій, *но не прежде, какъ занявъ Смоленскъ, истребивъ Лжедими-«трія и совершенно умиривъ Россію...*» (стр. 259). Честолюбивый Жолкевскій сдалъ начальство Госевскому и отправился къ королю, для личнаго объясненія, взявъ съ собою несчастнаго Василія (стр. 260 и 261): тщетно старался гетманъ склонить Сигизмунда на свою сторону — Сигизмундъ, желая самъ быть царемъ, не соглашался утвердить его договора (стр. 262); возобновилъ неудачные приступы къ Смоленску (стр. 264); отъ *собственнаго имени* давалъ указы Дум**ѣ** о вознагражденіи бояръ и сановниковъ, къ нему усердныхъ: Салтыковыхъ, Мосальскаго, Хворостинина, Мещерскаго, Долгорукаго, Молчанова, печатника Грамотина и другихъ; жаловалъ чины и м**ѣ**ста, земли и деньги; однимъ словомъ, уже д**ѣ**йствовалъ какъ властелинъ Россіи, не им**ѣ**я ни т**ѣ**ни права,— и Дума уважала его волю, какъ-будто-бы нераздельную съ волею царя малол**ѣ**тнаго!.. (стр. 267). Въ столиц**ѣ** господствовали Ляхи и въ ней только они вели себя благоразумно; но въ другихъ городахъ, грабили, жгли, мучили, убивали Россіянъ. Шведскій генералъ Делагарди занялъ Ладогу, осадилъ Кексгольмъ, торжественно предлагалъ, безъ в**ѣ**дома своего короля, одного изъ шведскихъ принцевъ въ государи, вм**ѣ**сто Владислава. Въ Псков**ѣ**, именемъ Лжедимитрія, злод**ѣ**йствовалъ Лисовскій (стр. 268). Великія-Луки, занятыя изм**ѣ**нникомъ Просовецкимъ, Яма, Ивангородъ, Копорье, Ор**ѣ**шекъ также упорствовали въ в**ѣ**рности Самозванцу, отъ ненависти къ Ляхамъ. Казань пристала къ нему (стр. 269). Самозванецъ угрожалъ, изъ Калуги, Москв**ѣ** и Сигизмунду, мучилъ Ляховъ, захватываемыхъ его шайками въ разъ**ѣ**здахъ (стр. 270) и вскор**ѣ** умерщвленъ княземъ Нагайскимъ, Арсланомъ Урусовымъ (стр. 271). Тогда—пов**ѣ**ствуетъ Карамзинъ — два мужа, избранные Провид**ѣ**ніемъ начать великое д**ѣ**ло... и быть жертвою онаго, бодрствовали за Россію: одинъ старецъ ветхій, но адамантъ церкви и государства—патріархъ Ермогенъ; другой, кр**ѣ**пкій мышцею и духомъ, *стремительный на пути закона и беззаконія* — Ляпуновъ Рязанскій. Первому надлежало ув**ѣ**нчать свою доброд**ѣ**тель: второму *примириться съ доброд**ѣ**телью*. Ляпуновъ *враждовалъ*, Ермогенъ усердствовалъ *несчастному Шуйскому*: новыя б**ѣ**дствія отечества согласили ихъ. Оба, уступивъ сил**ѣ**, признали Владислава, но съ условіемъ—и не безмолствовали, когда, нарушая договоръ, гетманъ овлад**ѣ**лъ столицею. Ляпуновъ зналъ все, что д**ѣ**лалось

въ королевскомъ станѣ, гдѣ братъ его, въ личинѣ измѣнника, пировалъ съ вельможными панами, грубо смѣялся надъ послами нашими, винилъ ихъ въ упрямствѣ и обманывалъ Ляховъ (Т. XII, стр. 272 и 273). Ермогенъ, въ искреннихъ бесѣдахъ съ людьми надежными, Ляпуновъ въ перепискѣ съ духовенствомъ и чиновниками областей (Ляпуновъ склонилъ на свою сторону не только всѣхъ Рязанцевъ, но и жителей городовъ: Тулы, Владиміра, Суздаля, Калуги, Ярославля, Нижняго, Костромы, Вологды, областей низовыхъ, степныхъ, восточныхъ и сѣверныхъ до пустынь сибирскихъ. *Примѣч.* 678 къ XII Тому и стр. 276 и 280 того жь тома, убѣждали ихъ не терпѣть насилія иноплеменниковъ (стр. 274). Патріархъ объявилъ торжественно, что Владиславу не царствовать, *если не крестится въ нашу вѣру* и не вышлетъ всѣхъ Ляховъ изъ Державы Московской (стр. 275). Боярская Дума донесла Сигизмунду на Ляпунова, какъ на мятежника, требуя казни его брата и единомышленника, Захаріи; велѣла посламъ, Филарету и Голицыну, уважать Сигизмундову волю и ѣхать въ Литву къ Владиславу, если такъ будетъ угодно королю. Но Филаретъ и Голицынъ уже все знали и благопріятствовали великому начинанію Ляпунова; замѣтили, что граммата боярская не скрѣплена патріархомъ, и не хотѣли повиноваться (стр. 276 и 277). Въ это время войско союзныхъ городовъ близъ Владиміра встрѣтило и разбило Куракина. Симъ междоусобнымъ кровопролитіемъ рушилась государственная власть Думы (въ 1611 году). Ляпуновъ остановивъ всѣ доходы казенные и не велѣвъ пускать хлѣба въ столицу, всенародно объявилъ вельможъ синклита богоотступниками, *преданными славѣ міра и враждебному Западу, не пастырями, а губителями христіанскаго стада* (Т. XII, Истор. Госуд. Рос., стр. 277 и Собран. Госуд. Грам., Ч. 2, стр. 497). Тщетно Михайло Салтыковъ требовалъ, чтобъ Ермогенъ не велѣлъ ополчаться Ляпунову. *Не велю* — отвѣтствовалъ патріархъ—*если увижу крещеннаго Владислава въ Москвѣ и Ляховъ выходящихъ изъ Россіи; велю, если не будетъ того, и разрѣшаю всѣхъ отъ данной королевичу присяги* (Т. XII, стр. 279). Ляпуновъ, имѣя еще мало рати, выгналъ толпы непріятельскія изъ Пронска, но чрезъ нѣсколько дней былъ осажденъ ими въ семъ городѣ, и спасенъ княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ, уже ревностнымъ его сподвижникомъ (Т. XII, стр. 282). Рать Ляпунова и другихъ областныхъ начальниковъ была странною смѣсью людей воинскихъ и мирныхъ, граждадъ съ бродягами и хищниками, которые искали единственно добычи подъ знаменами силы, законной или беззаконной: къ нему присоединились потомъ: атаманъ Просовецкій, съ шестью тысячами казаковъ; князь Дмитрій Трубецкой, атаманъ Заруцкій и вся остальная дружина тушинская (Т. XII, стр. 283). Около трехъ мѣсяцевъ готовились—и, наконецъ, въ мартѣ (1611 г.) выступили къ Москвѣ: Ляпуновъ изъ Рязани, князь Дмитрій Трубецкой изъ Калуги, Заруцкій изъ Тулы, князь Литвиновъ-Мосальскій и Артемій Измайловъ изъ Владиміра, Просовецкій изъ Суздаля, князь Ѳедоръ Волконскій изъ Костромы, Иванъ Волынскій изъ Ярославля, князь Козловскій изъ Романова, съ дворянами, дѣтьми боярскими, стрѣльцами, гражданами, земледѣльцами, Татарами и казаками; шли бодро, но тихо—и сія, вѣроятно *невольная*, неминуемая по обстоятельствамъ *медленность* (войскъ не устроенныхъ и чуждыхъ взаим-

ной доверенности) имѣла для Москвы ужасное слѣдствіе (Т. XII, стр. 284): 19 и 20 марта произошло кровопролитіе въ столицѣ между *Ляхами* и Россіянами, ознаменованное мужествомъ князя Дмитрія Пожарскаго, отчаянною обороною Госѣвскаго, который, съ семью тысячами воиновъ, сражался противъ двухъ сотъ или трехъ сотъ тысячъ жителей (Т. XII, стр. 286 и 287) и сильнымъ пожаромъ, превратившимъ Москву *въ громаду золы* —какъ выъясняется исторіографъ (стр. 291). Прибывшій отъ Ляпунова воевода Иванъ Плещеевъ, съ легкою дружиною, обращенъ былъ въ бѣгство королевскимъ полковникомъ Струсомъ (Т. XII, стр. 290); неустрашимый Пожарскій изнемогъ отъ ранъ и палъ на землю (стр. 291); Патріархъ Ермогенъ, твердый, непреклонный, томился въ тѣсномъ заключеніи; жители разсыпались по дорогѣ къ Лаврѣ, Владиміру, Коломнѣ, Тулѣ; ревностные иноки Троицкой Лавры умилительными грамматами заклинали областныхъ воеводъ угасить дымящійся пепелъ Москвы кровію измѣнниковъ и *Ляховъ*: воеводы уже не медлили. 25 марта атаманъ казаковъ Просовецкій сразился, на владимірской дорогѣ, съ *Ляхами*; но побѣда осталась на сторонѣ послѣднихъ. 26-го пришелъ *Ляпуновъ* отъ Коломны, Заруцкій отъ Тулы; соединились съ другими воеводами близь обители Угрѣшской, и 28 числа двинулись къ пепелищу московскому, въ числѣ ста тысячъ человѣкъ (Т. XII, стр. 294). Непріятель отступилъ къ Китаю и Кремлю. *Ляпуновъ* сталъ на берегахъ Яузы, князь Дмитрій Трубецкой съ атаманомъ Заруцкимъ противъ Воронцовскаго Поля, ярославкое и костромское ополченіе у Воротъ Покровскихъ, Измайловъ у Срѣтенскихъ, князь Литвиновъ-Мосальскій у Тверскихъ, внутри обожженныхъ стѣнъ Бѣлаго-Города. Тутъ, на завоеванныхъ кучахъ пепла, водрузивъ знамена, воины и воеводы съ торжественными обрядами дали клятву: не чтить ни Владислава царемъ, ни бояръ московскихъ правителями, служить церкви и государству до избранія государя новаго, не крамольствовать ни дѣломъ, ни словомъ,—блюсти законъ, тишину и братство, ненавидѣть единственно враговъ отечества, злодѣевъ, измѣнниковъ, и сражаться съ ними усердно. Битвы начались. Дѣлая вылазки, осажденные дивились несметности Россіянъ и еще болѣе умнымъ распоряженіемъ *Ляпунова* (Примѣч. 742 къ XII тому. Исторіографъ ссылается на *Дневникъ Машкѣвича и на Рукоп. Филар.*), который въ битвѣ 6 апрѣля стяжалъ имя *львообразнаго* стратига: его звучнымъ голосомъ и примѣромъ одушевляемые, Россіяне кидались пѣшіе на всадниковъ, рѣзались человѣкъ съ человѣкомъ и, втѣснивъ непріятеля въ крѣпость, ночью заняли берегъ Москвы-рѣки и Неглинной (Томъ XII, стр. 295). Тогда измѣнники и самъ Госѣвскій снова приступили къ Ермогену съ увѣщаніями, чтобъ онъ велѣлъ *Ляпунову* и сподвижникамъ его удалиться. «Пусть удалятся *Ляхи!*» отвѣчалъ патріархъ. Грозили ему злою смертію. Старецъ указывалъ имъ на небо, говоря: «боюся Единаго, тамъ живущаго!» Къ-несчастію, между воеводами господствовало несогласіе. Рѣшились торжественно избрать начальника; но, вмѣсто одного, выбрали трехъ: вѣрные *Ляпунова*, чиновные мятежники тушинскіе князя Дмитрія Трубецкаго, грабители-казаки атамана Заруцкаго (Томъ XII, стр. 296). Сіи ратные тріумвиры сдѣлались и государственными: ибо войско представляло Россію. Они писали указы въ города: Казань, стыдясь

своего заблужденія, снова присоединилась къ отечеству и выслала дружины къ Москвѣ; области Низовыя и *Поморскія* (такъ назывались земли сѣверной части Россіи, отъ Бѣлаго и Ледовитаго Моря. Примѣч. 635 къ XII Тому) также. Пришелъ и Сапѣга съ своими шайками и занялъ Поклонную Гору, объявляя себя другомъ Россіи. Ему не вѣрили; предложенія его выслушали, но отвергнули (Томъ XII, стр. 297). Онъ вступилъ въ неровный бой и удалился къ Переяславлю, чтобъ грабить внутри Россіи. Вслѣдъ за нимъ *Ляпуновъ* отрядилъ нѣсколько легкихъ дружинъ: Сапѣга разбилъ ихъ въ Александровской Слободѣ. Между-тѣмъ, *Ляхи*, громкими восклицаніями, звономъ колоколовъ, стрѣльбою изъ пушекъ и ружей праздновали, въ Кремлѣ и Китаѣ, счастливую вѣсть о скоромъ прибытіи къ нимъ гетмана съ сильнымъ войскомъ—вѣсть еще несправедливую, которая рѣшила Ляпунова и товарищей его не медлить. 22 мая начался приступъ къ Китаю-Городу (Томъ XII, стр. 298): Ляпуновъ, вездѣ первый (стр. 299. Исторіографъ ссылается на *Дневникъ* Машкѣвича), и Трубецкой, послѣ жаркаго кровопролитія, очистили весь Бѣлый Городъ, взяли укрѣпленія на Козьемъ Болотѣ, башни Никитскую, Алексѣевскую, Ворота Тресвятскія, Чертольскія, Арбатскія. Чрезъ пять дней сдался имъ и Дѣвичій Монастырь съ двумя ротами Ляховъ и пятью стами Нѣмцевъ. Въ то же время Ляпуновъ (Рукопись Филарета. Примѣч. 759 къ XII Тому) сдѣлалъ укрѣпленія за Москвою-Рѣкою и велѣлъ стрѣлять изъ нихъ въ Кремль, препятствовалъ сношенію осажденныхъ съ Сигизмундомъ (Т. XII, стр. 299). Король стоялъ подъ Смоленскомъ, отправилъ въ Литву пословъ нашихъ, несогласившихся писать къ Ермогену, воеводамъ и войску *объ унятіи кровопролитія* (стр. 300), хвалился, въ письмахъ къ боярамъ московскимъ, своею милостію къ Россіи, благодарилъ за ихъ вѣрность и *непричастіе къ бунту Ермогена и Ляпунова* (*) (Т. XII, стр. 301), возобновлялъ неудачные приступы. Уже двадцать мѣсяцевъ продолжалась осада Смоленска; осталась едва пятая доля защитниковъ, не столько отъ ядеръ, пуль и сабель непріятельскихъ, сколько отъ трудовъ и болѣзней; бѣглецъ, Андрей Дедишинъ, указалъ Ляхамъ слабое мѣсто крѣпости, новую стѣну, дѣланную въ осень на-скоро и непрочно. Сію стѣну безпрестанною пальбою обрушили, и въ полночь (3 іюня 1611 г.) непріятель вломился въ крѣпость. Доблій Шеинъ еще сражался, среди развалинъ и пылавшихъ зданій, но слезы жены, юной дочери и сына малолѣтняго склонили его сдаться Потоцкому (Т. XII, стр. 301–303). Восхищаясь своимъ блестящимъ успѣхомъ, Сигизмундъ уѣхалъ въ Варшаву: тамъ Жолкѣвскій представилъ ему державнаго плѣнника, несчастнаго Шуйскаго. Въ это время, воеводы

(*) «Учинилось намъ вѣдомо, по вражью дѣйству и умыслу лихихъ людей»— писалъ король къ боярамъ московскимъ, въ апрѣлѣ 1611 года,—«которые не хотятъ видѣти «въ христіанствѣ покою и тишины, учала быти въ Московскомъ государствѣ въ го-«родехъ многая смута, что будто мы государь сына своего на ваше Государство дати «не хотимъ, а хочемъ будто Московъсково Государства доступати къ Полще и къ Лит-«ве, и после того, *по сылке і по умышленію Ермогена Патріарха Московъскаго «съ Прокоовьемъ Ляпуновымъ*, почала на Москве во всякихъ людехъ быти великая «смута» и проч., *Собраніе Госуд. Грамотъ, Ч. II, стр.* 540.

московскаго стана могли бы одолѣть упорную защиту Госѣвскаго, еслибъ они дѣйствовали съ единодушною ревностію; но съ Ляпуновымъ и съ Трубецкимъ сидѣлъ въ совѣтѣ и начальствовалъ въ битвахъ атаманъ Заруцкій, сильный числомъ и дерзостью своихъ казаковъ -разбойниковъ, дозволявшій имъ опустошать селенія, жить грабежемъ, какъ-бы въ землѣ непріятельской (стр. 309) и посягавшій на царство! Марина была въ рукахъ его: онъ обѣщалъ ей возвесть Лжедимитріева сына-младенца на престолъ и, въ качествѣ правителя, властвовать съ нею! Лицемѣрно приставъ къ Трубецкому и Ляпунову, Заруцкій дружелюбно сносился съ Госѣвскимъ, обманывалъ Россіянъ и Ляховъ, искалъ единомышленниковъ въ пользу Лжецаревича Іоанна, между людьми чиновными, и находилъ. Ковъ огласился, надлежало обуздать беззаконія, и Ляпуновъ одинъ, безъ слабаго Трубецкаго, сдѣлалъ, что всѣ дворяне, дѣти боярскія и люди служивые написали челобитную къ тріумвирамъ о собраніи Думы Земской, требуя уставовъ для благоустройства и казни для преступниковъ (Т. XII, стр. 310. Исторіографъ ссылается, въ Примѣч. 792, на *Лѣтоп. о Мятеж.* и на *Никон. Лѣтоп.*). Уставная граммата (смотри выше) утвердила власть тріумвировъ, но предписала имъ правила. Тогда Ляпуновъ занялся главнымъ дѣломъ: вопросомъ, гдѣ искать *лучшаго* царя для одушевленія Россіи? Подобно Мстиславскому, страшась видѣть соотечественника на престолѣ, окруженнаго родственниками и клевретами, врагами и завистниками, онъ остановилъ мысль свою на иноземцѣ державнаго племени и, ненавидя Ляховъ, обманувшихъ насъ, питавшихъ къ намъ вражду, рѣшился испытать сосѣдственныхъ Шведовъ (Т. XII, стр. 313). Кексгольмъ находился въ рукахъ ихъ. Ляпуновъ отправилъ къ генералу Делагарди воеводу Бутурлина, князя Троекурова, думнаго дворянина Собакина и дьяка Васильева. Переговоры начались въ станѣ шведскомъ, близь Хутынской Обители. Делагарди требовалъ, прежде всего, въ залогъ нашей искренности, денегъ и крѣпостей: Орѣшка, Ладоги, Ямы, Копорья, Ивана-Города, Гдова. Наученный обманомъ Сигизмунда, Ляпуновъ не думалъ дѣлиться Россіею съ Шведами, соглашался, однакожь, впустить ихъ въ Невскую Крѣпость и выдать имъ нѣсколько тысячь рублей изъ казны Новгородской, если они поспѣшатъ къ Москвѣ, чтобъ вмѣстѣ съ вѣрными Россіянами очистить ея престолъ отъ тѣни Владиславовой, для Филиппа (сына короля шведскаго), (Т. XII, стр. 316 — 317). Все зависѣло отъ Делагарди, какъ прежде отъ Сигизмунда, и Делагарди сдѣлалъ то же, что̀ Сигизмундъ: предпочелъ городъ державѣ!.. По тайному совѣту легкомысленнаго Бутурлина, шведскій генералъ вломился ночью, съ 15 на 16 іюля, въ Новгородъ и заключилъ (17 числа) отъ имени Карла IX съ митрополитомъ Исидоромъ и воеводою бояриномъ княземъ Одоевскимъ договоръ, которымъ они, отъ имени Новагорода, признали короля своимъ защитникомъ и покровителемъ, а сына его царемъ великимъ княземъ владимірскимъ и москоскимъ, съ тѣмъ, чтобъ Швеція общими силами противилась Сигизмунду и наслѣдникамъ его; а Делагарди, третьею статьею, *обязывалъ и Государство Московское признать своимъ покровителемъ короля шведскаго и наслѣдниковъ его*, обѣщая, что въ такомъ случаѣ Карлъ IX дастъ сына своего въ цари (т. XII, стр. 319 — 324). Бутурлинъ, участвовавшій въ ограбленіи Новагорода, возвратился

въ станъ московскій въ то время, когда онъ представлялъ уже не Россію вооруженную, а мятежное скопище людей буйныхъ, между которыми честь и добродѣтель въ слезахъ и въ отчаяніи укрывались! Одинъ Россіянинъ былъ душею всего, и палъ, казалось, на гробѣ отечества (стр. 325). Хищники, унимаемые *Ляпуновымъ*, пылали злобою и замышляли убійство въ надеждѣ угодить многимъ личнымъ непріятелямъ сего величаваго мужа. Первое покушеніе обратилось ему въ славу: 20 казаковъ, кинутыхъ воеводою Плещеевымъ въ рѣку за разбой близь Угрѣшской Обители, были спасены ихъ товарищами и приведены въ станъ московскій. Сдѣлался мятежъ: грабители, вступаясь за грабителей, требовали головы Ляпунова. Видя остервенѣніе злыхъ и холодность добрыхъ, онъ, въ порывѣ негодованія, сѣлъ на коня и выѣхалъ на рязанскую дорогу, чтобъ удалиться отъ недостойныхъ сподвижниковъ. Казаки догнали его у Симонова Монастыря, но не дерзнули тронуть: напротивъ того, убѣждали остаться съ ними. Онъ ночевалъ въ Никитскомъ Укрѣпленіи, гдѣ въ слѣдующій день явилось все войско: кричало, требовало, слезно молило именемъ Россіи, чтобъ ея главный поборникъ не жертвовалъ ею своему гнѣву. *Ляпуновъ* смягчился, или одумался: занялъ прежнее мѣсто въ станѣ и въ совѣтѣ, одолѣвъ враговъ, или только углубивъ ненависть къ себѣ въ сердцѣ ихъ (Т. XII, стр. 326. Исторіографъ, въ 818 примѣчаніи, ссылается на *Никон. Лѣтоп.* и на *Лѣтоп. о Мятежахъ*). Мятежъ утихъ; возникъ гнусный ковъ, съ участіемъ и внѣшняго непріятеля. Имѣя тайную связь съ атаманомъ-тріумвиромъ (*Заруцкимъ*), Госѣвскій изъ Кремля подалъ ему руку на гибель человѣка, для обоихъ страшнаго: вмѣстѣ умыслили и написали, именемъ Ляпунова, указъ къ городскимъ воеводамъ о немедленномъ истребленіи всѣхъ казаковъ въ одинъ день и часъ. Сію подложную, отнятую, будто-бы, у гонца бумагу, представлялъ товарищамъ атаманъ Заварзинъ: рука и печать казались несомнительными. Звали Ляпунова на сходъ; онъ медлилъ; наконецъ, увѣренный въ безопасности двумя чиновниками, Толстымъ и Потемкинымъ, явился среди шумнаго сборища казаковъ; выслушалъ обвиненія; увидѣлъ граммату и печать, сказалъ: «писано не мною, а врагами Россіи»; свидѣтельствовался Богомъ; говорилъ съ твердостію; смыкалъ уста и буйныхъ, не усовѣстилъ единственно злодѣевъ: его убили, и только одинъ Россіянинъ, личный непріятель Ляпунова, Иванъ Ржевскій, сталъ между имъ и ножами, ибо любилъ отечество, не хотѣлъ пережить такого убійства, и великодушно пріялъ смерть отъ изверговъ (Т. XII, стр. 327. См. *Лѣтоп. о Мятежахъ*): жертва единственная, но драгоцѣнная, въ честь герою своего времени, главѣ возстанія, животворцу государственному, коего великая тѣнь, уже примиренная съ закономъ, является лучезарно въ преданіяхъ исторіи, а тѣло, искаженное злодѣями, осталось, можетъ-быть, безъ христіанскаго погребенія и служило пищею вранамъ, въ упрекъ современникамъ неблагодарнымъ, или малодушнымъ, и къ жалости потомства (Ист. Гос. Росс., т. XII, стр. 328)! Слѣдствія были ужасны. Не умѣвъ защитить мужа силы, достойнаго стратига и *властителя* (такъ называютъ Ляпунова и въ *Рукописи Филаретовой*: «всего московскаго воинства властель». См. 742 Примѣч. къ XII тому Ист. Гос. Росс.), войско пришло въ неописанное смятеніе; надежда, довѣренность, мужество, устройство

исчезли. Злодѣйство и Заруцкій торжествовали; грабительства и смертоубійства возобновились не только въ селахъ, но и въ станѣ, гдѣ неистовые казаки, расхитивъ имѣніе Ляпунова и другихъ, умертвили многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Многіе воины бѣжали изъ полковъ, думая о жизни болѣе, нежели о чести, и вездѣ распространилѣ отчаяніе; лучшіе, благороднѣйшіе искали смерти въ битвахъ съ Ляхами... Въ сіе время явился Сапѣга отъ Переяславля, а Госѣвскій сдѣлалъ вылазку: напали дружно и снова взяли все отъ Алексѣевской Башни до Тверскихъ Воротъ, весь Бѣлый-Городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою-рѣкою. Россіяне вездѣ противились слабо, уступивъ малочисленному непріятелю и Монастырь Дѣвичій. Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и съ запасами. Хотя Россія видѣла еще знамена на пеплѣ столицы, но чего могла ждать отъ войска, коего срамными главами оставались тушинскій лжебояринъ (князь Трубецкой) и злодѣй, сообщникъ Марины, вмѣстѣ съ измѣнниками, атаманомъ Просовецкимъ и другими, не воинами, а разбойниками и губителями?» (Т. XII Истор. Госуд. Росс., стр. 329. Исторіографъ, въ Примѣчаніяхъ 821, 822 и 823, ссылается на *Аврамія Палицына, Никон. Лѣтопись* и на *Дневникъ Машкевича*).

И г. Полевой называетъ (на стр. 35 «Бесѣды») эти подвиги Ляпунова *не подвигами поборника правды, не дѣлами мужа государственнаго!* Говоритъ (на стр. 36), что *Ляпуновъ не былъ героемъ своего времени, главою возстанія, животворцемъ государственнымъ! Что онъ* (стр. 35) *умѣлъ только смѣло погибнуть!* Что нестерпимая гордость *отвратила отъ него сердца всѣхъ* (стр. 35); а на стр. 22 упоминаетъ, что *никто не скрывалъ скорби о погибели Ляпунова; что горестно оплакивали его и честно похоронили* на погостѣ церкви Благовѣщенія (которая, по придѣльной церкви во имя пророка Иліи, болѣе извѣстна подъ именемъ церкви Ильи Пророка на Воронцовскомъ Полѣ). *Ненавидѣли* и *скорбѣли о погибели, горестно оплакали* злодѣя, каковымъ г. Полевой представляетъ Ляпунова, *умѣвшаго только смѣло погибнуть!* Какъ согласить эти обвиненія съ слѣдующимъ повѣствованіемъ г. Полеваго (стр. 22 и 23), что «событія въ таборѣ московскомъ «увеличили скорбь о Ляпуновѣ: вскорѣ исчезъ послѣдній порядокъ; войско «только грабило и буйствовало. Поляки выгнали Русскихъ изъ Бѣлаго-Го«рода. Многіе изъ воеводъ присягнули псковскому самозванцу, а Заруц«кій сыну Марины. Русскій таборъ представлялъ позорное зрѣлище раз«врата, пьянства, игры, злодѣйства.» Этими словами не сплетаетъ ли г. Полевой, въ явное себѣ противорѣчіе, вѣнецъ хвалы Ляпунову, *мужу*, какъ описываетъ онъ его, *не государственному, непотребному сыну Россіи, созданію, достойному другихъ презрительныхъ его современниковъ* (стр. 30 «Бесѣды»), *умѣвшему только смѣло погибнуть* (*)? Но не одинъ г. Полевой бранитъ Ляпунова: бранили его и угодники сигизмундовы, бояре князья Мстиславскій, Куракинъ, Лыковъ съ товарищами: «А то вы все «сами разумѣете і видите» писали они въ январѣ 1612 года къ костром-

(*) Г. Полевой пишетъ (стр. 29 «Бесѣды»), что «могила Ляпунова давно была извѣстна, и непонятно почему исторіографъ изъявлялъ горесть о невозданіи почести праху его, когда у него въ рукахъ была лѣтопись, гдѣ говорится о мѣстѣ погребенія Ляпунова».

скимъ воеводамъ, склоняя ихъ на свою сторону: «Божью милость надъ Ве-«ликимъ Государемъ нашимъ Его Царскимъ Величествомъ (*Владиславомъ*), «и Его Государьскую правду и счастіе: которой былъ большой завотца «Прокоѳей Ляпуновъ, отъ котораго болшая крестьянская кровь начала «литися и Московское Государьство до конца пустошитися, и того тѣ во-«ры, которые с нимъ были в томъ воровскомъ заводе, Івашка Заруцкой «с товарыщи, убили, и *тѣло его держали собакамъ на снеденье на пло-«щади три дни*» (Собр. Гос. Грам. Ч. 2, стр. 581). — Исторіографъ при-держался этого засвидѣтельствованія бояръ-очевидцевъ.

Въ заключеніе, приведу отзывъ о Ляпуновѣ современника его *Кобѣржицкаго*, человѣка враждебнаго Россіи. Повѣствуя (въ *Исторіи Владислава*) объ убіеніи Ляпунова и забывая ненависть послѣдняго къ Полякамъ, онъ называетъ его *самымъ мужественнымъ и сильнымъ воеводою русскимъ, который съ тѣлесною красотою соединялъ заботливость въ дѣлахъ, заслужилъ въ народѣ славу искуснаго и опытнаго полководца.*

Судъ человѣческій судитъ только то, что было, но не то, что могло быть.

Д. БАНТЫШЪ-КАМЕНСКІЙ.

5 сентября
1842 года.

ПОСЛѢДНЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ДЮМОН-Д'ЮРВИЛЯ КЪ ЮЖНОМУ ПОЛЮСУ И ВЪ ОКЕАНІЮ, ВЪ 1837, 1838, 1839 И 1840 ГОДАХЪ (*).

—

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ МАГЕЛЛАНОВА-ПРОЛИВА.

Первые два тома описанія этого путешествія вышли въ свѣтъ. Не смотря на плачевную кончину Дюмон-д'Юрвиля, сочиненіе будетъ продолжаться по его собственнымъ рукописямъ, просматриваемымъ и, въ случаѣ надобности, пополняемымъ офицерами экспедиціи. Спѣшимъ отдать нашимъ читателямъ отчетъ въ томъ отдѣлѣ путешествія, который напечатанъ. Этотъ отдѣлъ самъ собою разнится отъ цѣлаго сочиненія, ибо содержитъ въ себѣ изслѣдованіе Магелланова-Пролива и первое плаваніе въ антарктическія страны. Такимъ образомъ, очень-удобно можно обозрѣвать эти два тома отдѣльно, прежде чѣмъ выйдутъ остальные.

Въ 1837 году, черезъ полтора года послѣ окончанія и изданія своего перваго путешествія вокругъ свѣта на *Астролябіи*, д'Юрвиль, тогда капитанъ корабля, томимый жаждою моря, которая безпрестанно одолѣваетъ моряковъ, просилъ и получилъ отъ правительства начальство надъ второю кругосвѣтною экспедиціей. На этотъ разъ дѣло шло уже не объ одномъ пополненіи гидрографіи мало-извѣстныхъ частей Океаніи: въ планъ путешествія входило проникнуть въ страны южнаго полюса, и сколь-возможно-дальше изслѣдовать этотъ міръ снѣговъ и тумановъ. Инструкція предписывала командиру также осмотрѣть и описать Магеллановъ-Проливъ.

Задача была нелегкая. Одно плаваніе въ южныхъ льдахъ могло бы уже испугать экспедицію. Возвращеніе по Океаніи давало предпріятію страшные размѣры. Капитанъ д'Юрвиль не колеблясь принялъ это трудное и опасное порученіе. Если поѣздка къ полюсу устрашила его на минуту, онъ не замедлилъ ободриться при мысли, что послѣ этого подвига сму уже нé въ чемъ будетъ завидовать славному Куку.

Двѣ корветты, *Астролябія* и *Усердная* (*la Zélée*), отданы въ его распоряженіе; товарищами путешествія назначены молодые люди, полные страсти къ путешествіямъ и свѣдѣній. Въ первый разъ еще правительство вздумало поручить спеціальному ученому физіологическое изученіе человѣческихъ породъ, которыя будутъ встрѣчены путешественниками; выборъ д'Юрвиля палъ на доктора Дюмутьé, который по глубокимъ своимъ френо-

(*) Voyage au Pôle Sud et dans l'Océanie, sur les corvettes l'Astrolabe et la Zélée, exécuté pendant les années 1837, 1838, 1839, 1840, sous le commandement de M. J. Dumont D'Urville. Paris, 1842. 2 vol.

логическимъ свѣдѣніямъ удивительно-способенъ къ такому труду. Съ одной стороны, антропологическія наблюденія г. Дюмутье, съ другой, издавна-начатое изученіе океанических языковъ самого начальника экспедиціи, должны были сдѣлать сколь-возможно-полнымъ описаніе народовъ, живущихъ на земляхъ Тихаго-Океана. Этнографія воспользовалась бы результатомъ этой морской кампаніи, и это было бъ совершенно-новымъ пріобрѣтеніемъ; ибо со времени Перона, котораго сочиненіе до-сихъ-поръ еще въ памяти у всѣхъ географовъ и натуралистовъ, океаническія племена не были изучаемы съ наблюдательностью, ведущею къ важнымъ ученымъ выводамъ.

Астролябія и *Усердная* отплыли 7 сентября 1837 года, и скоро прошли Гибралтарскій-Проливъ, направляясь на Канарскіе Острова. Остановка на нѣсколько дней въ Тенериффѣ позволила офицерамъ совершить восхожденіе на знаменитый пикъ. Такъ-какъ этотъ эпизодъ путешествія не представляетъ ничего особенно-важнаго, то мы минуемъ его подробности. Въ-продолженіе переѣзда изъ Тулона до Канарскихъ Острововъ, сдѣлано много важныхъ опытовъ на бортѣ обоихъ судовъ. Во-первыхъ, рѣшена безполезность скопелоскопа, инструмента, изобрѣтеннаго г. Араго и которому, благодаря свойствамъ турмалина, приписывали-было способность показывать предметы, находящіеся на довольно-значительной глубинѣ въ морѣ. Многіе пріемы доказали, что простымъ глазомъ видѣть можно на дальнѣйшемъ разстояніи, чѣмъ помощію скопелескопа: — законное и удачное мщеніе г-ну Араго за его страшные нападки на командира *Астролябіи*! Другой инструментъ, изобрѣтенный г. Біо, для доставанія морской воды на различныхъ глубинахъ, также, послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ, оказался рѣшительно-безполезнымъ:—еще месть Институту! Чтобъ повѣрить силу давленія на различныя существа, употребили спускъ отвѣсной бичевки на 800 брассовъ глубины. Къ концу отвѣса привязали холстинный мѣшокъ, заключавшій въ себѣ герметически-закупоренную бутылку, куски дерева и минераловъ. Бутылка, по вынутіи, оказалась раздавленною въ-дребезги. Минералы, каковы золото, серебро, мѣдь, желѣзо, олово, свинецъ, цинкъ и такія вещества, какъ каучукъ и сургучъ, не были слишкомъ пропитаны водою, не смотря на огромное давленіе, во 156 разъ сильнѣйшее давленія атмосферы. Вынутое дерево оказалось гораздо-тяжеле, чѣмъ было до погруженія. Такъ пихта, вѣсившая 19 грам. 30 до опыта, послѣ него вѣсила 45 грам. 93; орѣшина отъ 11 грам. 82 первоначальной тяжести, дошла до 23 грам. 59; дубъ, отъ 14 грам. 30 поднялся до 26 грам. 60; и т. д. Вмѣстѣ съ однимъ изъ офицеровъ *Астролябіи*, мы полагаемъ, что подобные опыты могли бы показать степень солености глубокихъ слоевъ моря, и повести къ важнымъ заключеніямъ о подводныхъ морскихъ потокахъ. Средство было бъ очень-просто: достаточно бы опустить въ море кубическій кусокъ дерева, предварительно взвѣшенный, дать ему совершенно напитаться водою, и, вынувъ, свѣсить снова; разница между результатами перваго и втораго взвѣшиванія дала бы вѣсъ поглощенной жидкости. Высушенное на солнцѣ и совершенно-очищенное отъ всосанной воды дерево взвѣсить бы опять, и разность между новой тяжестью и тяжестью поглощенной жидкости указала бы степень соленности.

Опыты надъ подводною температурою моря дали вообще результаты сходные съ извѣстными уже, разумѣя прогрессивное пониженіе температуры соразмѣрно глубинѣ. На счетъ этихъ первыхъ опытовъ, какъ и всѣхъ, происходившихъ во время экспедиціи корветтъ, скажемъ однажды навсегда, что имъ не слѣдуетъ приписывать важности бóльшей, чѣмъ какую они дѣйствительно имѣютъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, средства, доселѣ употребляемыя для измѣренія подводныхъ морскихъ температуръ, такъ недостаточны, что могутъ производить только невѣрные результаты. Отъ обыкновеннаго термометра, которымъ пользовались Соссюръ и путешественникъ Перонъ, до горизонтальнаго термометра съ подвижнымъ указателемъ, употребленнаго Да-Бешемъ при опытахъ въ швейцарскихъ озерахъ, отъ вертикальнаго термометра съ *minima* и *maxima*, называемаго *термометрографомъ*, до снарядовъ, изобрѣтенныхъ для предотвращенія слѣдствій давленія, всѣ употребительные термометры только умножаютъ трудности рѣшенія задачи о морскихъ температурахъ и потокахъ. Въ термометрографѣ, инструментѣ обыкновенно употребляемомъ, подвижной указатель неизбѣжно сдвигается съ надлежащей точки сотрясеніями, происходящими при вытаскиваніи лота, всегда очень-затруднительномъ. Сверхъ того, огромное давленіе водяныхъ слоевъ имѣетъ слѣдствіемъ сжатіе инструмента, и это сжатіе, дѣйствуя на ртуть, дѣлаетъ ошибочнымъ указаніе; часто также инструментъ ломается. Но даже и въ томъ случаѣ, еслибъ давленіе не измѣняло его значительно, подвижность указателей и ихъ перемѣщеніе отъ сотрясенія дѣлали бы опытъ по-крайней-мѣрѣ весьма-сомнительнымъ. Наконецъ, покривленіе отвѣса въ подводныхъ опытахъ также служитъ причиною ошибочности, потому-что нельзя знать до какой глубины опустился термометрографъ. По всему этому надобно заключать, что изъ многочисленныхъ опытовъ, доселѣ дѣланныхъ, можно извлечь только весьма-неопредѣленныя рѣшенія задачь, и что ученые и моряки трудились очень-много для результатовъ очень-малыхъ.

Есть однако термометры, которые по-видимому не представляютъ многихъ изъ означенныхъ неудобствъ. Изобрѣтенный Вальферденомъ термометръ съ водоотливомъ вѣрно показываетъ *minimum* и *maximum* температуры, и поднятіе инструмента послѣ погруженія ни въ чемъ не нарушаетъ подлиннаго результата опыта. Самыя сотрясенія, вмѣсто того, чтобъ быть причиною нарушенія, служатъ существеннымъ условіемъ успѣха. Сверхъ того, обертка, окружающая термометръ, есть по-видимому дѣйствительное средство противъ давленія по причинѣ эластичности стекла. Наконецъ, г. Вальферденъ придумалъ способъ исправить покривленіе отвѣса и съ точностью опредѣлить перпендикулярную глубину за предѣлами, достигаемыми помощію эриксонова лота.

Жаль, что инженеры экспедиціи не имѣли съ собою инструментовъ г. Вальфердена, хоть бы для того только, чтобъ торжественно опредѣлить ихъ достоинство. Ученая коммиссія, посыланная въ моря Гренландіи и Шпицбергена, подъ начальствомъ г. Гемара, запаслась этими термометрами и употребила ихъ съ наилучшимъ успѣхомъ. Прибавимъ, что важные опыты, дѣланные въ гренельскомъ артезіанскомъ колодцѣ помощью инструментовъ, о которыхъ мы говоримъ, показали, что съ ними можно

достичь едва не баснословной верности въ наблюденіяхъ надъ maximum температуры.

Сказавъ это, мы уже не возвратимся къ опытамъ надъ подводною морскою температурою, произведеннымъ въ-теченіе кампаніи *Астролябіи* и *Усердной*, — опытамъ, дѣланнымъ съ большимъ тщаніемъ и трудомъ, и слѣдственно, очень-достойнымъ уваженія, но къ-несчастію безполезнымъ отъ несовершенства способовъ.

Зная, что благопріятнѣйшее, по мнѣнію многихъ путешественниковъ, время года для плаванія въ водахъ южнаго полюса еще не наступило, д'Юрвиль рѣшился начать кампанію осмотромъ Магелланова-Пролива, вмѣсто того, чтобъ назначить его послѣ поѣздки ко льдамъ. Въ-слѣдствіе такого рѣшенія, послѣ суточной остановки въ Ріо-Жанейро, гдѣ высадили заболѣвшаго грудью офицера, корветты поплыли къ южной оконечности американскаго материка. 12 декабря 1837 года онѣ обошли Мысъ Дѣвичій, и быстро миновавъ узкій Мысъ Донгенессъ, вступили въ знаменитый проливъ, столь давно и притомъ несправедливо-пользовавшійся привилегіею пугать мореплавателей.

Будучи открытъ въ 1520 году Магеллановъ, проливъ, носящій имя этого славнаго мореходца, былъ подробнѣе осмотрѣнъ только въ послѣдніе годы. Испанцы, прежде всѣхъ прошедшіе черезъ него, увлекшись множествомъ рыбныхъ гаваней, ими встрѣченныхъ, и видомъ зеленыхъ лѣсовъ, поражавшихъ ихъ взоры, составили очаровательныя его описанія, чтобъ склонить мадритское правительство основать колонію на этихъ отдѣльныхъ водахъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, тамъ заведено было поселеніе въ 1581 году; но этотъ опытъ не удался, какъ дальше увидимъ. Нѣсколько попытокъ, предпринятыхъ въ семнадцатомъ вѣкѣ, повлекло за собою только плачевныя событія и кораблекрушенія, которыхъ горькая память хранится въ морскихъ лѣтописяхъ Англіи, Испаніи, Франціи и Голландіи, — и Магеллановъ-Проливъ былъ совершенно покинутъ. Ему начали предпочитать проходъ мимо мыса Горна, особливо со времени открытія Лемерова-Пролива, отдѣляющаго Огненную-Землю отъ Земли-Штатовъ. Напуганные непогодами, отъ которыхъ пострадало въ Магеллановомъ-Проливѣ нѣсколько худо-построенныхъ и еще хуже управляемыхъ кораблей, мореходцы лучше рѣшались выдерживать бури открытаго моря, чѣмъ пускаться въ почти-неизвѣстныя имъ воды страшнаго пролива. Только въ нынѣшнемъ столѣтіи, нѣкоторыя суда, особливо китоловныя, предпочли путь по проливу объѣзду мыса Горна. Когда мореходцы, проходившіе этимъ путемъ, дали менѣе-страшное извѣстіе о плаваніи черезъ Магеллановъ-Проливъ, англійское правительство рѣшилось сдѣлать точную и полную гидрографію этого пролива, чтобъ опредѣлить удобства и затрудненія въ плаваніи съ востока на западъ, и обратно. Такое важное порученіе возложено было на капитана Перкер-Кинга, который, съ 1826 года, употребилъ на исполненіе его нѣсколько лѣтъ, и замѣненъ былъ капитаномъ Фиц-Роемъ, столь же отличнымъ офицеромъ. Плодомъ этихъ двухъ экспедицій было собраніе картъ, которыя, не смотря на недостатки методы, употребляемой англійскими моряками, показываютъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ расположеніе безчисленныхъ каналовъ, омыва-

южныхъ съ одной стороны берега Патагоніи, съ другой печальные острова Огненной-Земли.

Д'Юрвилю предстояло повѣрить труды Кинга и Фиц-Роя, составить натуральную исторію пролива, и пополнить извѣстія, существующія на счетъ Патагоновъ и обитателей Огненной-Земли. Къ-несчастію цѣль могла быть достигнута только отчасти.

Входъ въ Магеллановъ-Проливъ, со стороны Атлантическаго Океана, открывается между 52° 24′ и 52° и 38′ южной широты; ширина его около 10 миль. Все протяженіе пролива, считая его многочисленные изломы, — 130 миль (*). На сѣверѣ, проливъ идетъ вдоль берега Патагоніи, омывая его въ нѣкоторыхъ частяхъ безъ глубокихъ разрѣзовъ, индѣ составляя значительныя углубленія; на югъ, онъ образуетъ безконечное множество извилистыхъ протоковъ, вьющихся по дробному архипелагу Огненной-Земли. Простой гидрографическій осмотръ этихъ водъ потребовалъ бы довольно-значительнаго времени; ибо нужно изучить не одинъ собственно-такъ-называемый проливъ: для пользы судовъ, которыя могутъ быть загнаны бурею въ боковые протоки, слѣдуетъ еще предаться такимъ же разъисканіямъ и трудамъ въ побочныхъ каналахъ главнаго пролива. Трудъ мелочный, продолжительный, однообразный, но полезный въ высшей степени. Экспедиція не могла кончить его вполнѣ: ей не достало времени; къ-тому же, это изслѣдованіе должно было составить только эпизодъ путешествія Дюмон-д'Юрвиля.

Корветты прошли первое отверстіе пролива, обогнули Островъ-Елисаветы, обозрѣли Мысъ Валентина на оконечности Доусонова Острова (Огненной-Земли), и сдѣлали первую остановку въ Голодной-Пристани, главномъ якорномъ мѣстѣ пролива. Мѣстность эта была вдвойнѣ-интересна для офицеровъ *Астролябіи* и *Усердной*. Во-первыхъ, тутъ была основана испанская колонія, о которой мы уже упоминали (**), и любопытно было открыть ея слѣды, или по-крайней-мѣрѣ, удостовѣриться, существуютъ ли еще они. Во-вторыхъ, выгоды гавани, пособія, какія представляютъ воды и окрестные лѣса экипажамъ, ищущимъ пристанища въ этомъ пустынномъ мѣстѣ, стоили изученія и опредѣленія. Такимъ образомъ, стояніе кораблей въ Голодной Пристани длилось нѣсколько дней, въ-теченіе которыхъ труды всякаго рода производились съ удивительною дѣятельностію. Геологи и натуралисты собрали богатую жатву любопытныхъ предметовъ. Касательно слѣдовъ колоніи, основанной Сармьенто, доказано, что ихъ уже нѣтъ, и даже нельзя опредѣлить мѣста испанскаго селенія. Въ офицерахъ мѣсто это оставило только пріятныя впечатлѣнія, потому-что Голодная-Пристань—одинъ изъ живописнѣйшихъ пунктовъ Магелланова-Пролива. Лѣса тамъ роскошны, и экипажи могутъ обильно снабжаться рыбою, дичью и водою. Прежде снятія съ якоря, начальникъ положилъ въ ящикъ,

---

(*) У Мальтбрёна 180 миль.

(**) Этотъ опытъ колонизаціи имѣлъ самый плачевный конецъ. Большая часть Испанцевъ померла съ голода (откуда и взялось названіе Голодной-Пристани). Оставшіеся въ живыхъ усиливались, но тщетно, добраться до поселеній Южной Патагоніи. Изъ всѣхъ этихъ несчастныхъ уцѣлѣлъ одинъ, который, черезъ нѣсколько времени по смерти товарищей, принятъ былъ на англійское судно.

служащій почтовой конторою, свои депеши во Францію. Предусмотрительность мореплавателей въ-самомъ-дѣлѣ устроила на этомъ дикомъ мѣстѣ средство пересылать письма по назначенію. Столбъ, съ прикрѣпленнымъ на верху предметомъ, виднымъ на довольно-большомъ разстояніи, указываетъ мимоидущимъ судамъ присутствіе ящика, содержащаго депеши ихъ предшественниковъ по плаванію въ проливѣ; и всякій капитанъ, положивъ свои посылки въ ящикъ, беретъ тѣ изъ находящихся тамъ, за которыя его назначеніе позволяетъ ему взяться. Нѣтъ примѣра, чтобъ какой-нибудь мореходецъ измѣнилъ довѣренности своихъ собратій.

Изъ Голодной-Пристани, экспедиція отплыла въ западную часть пролива, обогнула мысъ Фроуардъ, составляющій южную оконечность американскаго материка, и направилась на Пор-Галланъ, идя въ близкомъ разстояніи вдоль береговъ Огненной-Земли. Во время этого краткаго переѣзда, экипажи поражены были роскошью панорамы, раскрывавшейся передъ ихъ взорами. «Мысъ Фроуарда» говоритъ д'Юрвиль: «есть высокая гора «въ формѣ конуса, округленнаго на вершинѣ, круто-поднимающаяся изъ са«маго нѣдра волнъ до удивительной высоты. Надъ ней господствуютъ одна«ко острые пики, которые покрыты вѣчными снѣгами, и которыхъ бока, «часто облеченные песчаною, совершенно голою землею, съ красноватыми «или синеватыми оттѣнками, свидѣтельствуютъ о частыхъ обвалахъ, увле«кающихъ, конечно, со снѣгомъ и поверхность покрываемой имъ почвы. «На всемъ южномъ архипелагѣ, принадлежащемъ къ Огненной-Землѣ, зем«ли, еще болѣе ненадежныя, представляютъ самыя странныя формы: то «острыя пирамиды, то округленные куполы, то колокольни или сосцы, «сложенные по-двое, иногда трехгранные пни, часто, наконецъ, уродливые «длинные ряды зубцовъ; все это перемѣшано съ глубокими и темными «рытвинами. На вершинахъ снѣгъ гуще, и растительность болѣе-чахлая «принимаетъ цвѣтъ унылый, желтоватый, совершенно-похожій на цвѣтъ «блеклыхъ листьевъ. При разсматриваніи этихъ чудныхъ случайностей «почвы, воображеніе невольно переносится къ одному изъ тѣхъ переворо«товъ земнаго шара, котораго мощныя усилія вѣроятно раздробили южный «конецъ Америки и дали ему форму тѣснаго архипелага, названнаго Огнен«ной-Землею. Но какого дѣятеля употребляла природа для достиженія «этихъ результатовъ? Огонь, воду, или простое перемѣщеніе полюсовъ? До«сихъ-поръ, вопросъ остается нерѣшеннымъ».

Еслибъ корветты посѣтили Каналъ св. Гавріила, открывающійся на югъ отъ мыса Фроуарда, экипажи увидѣли бы зрѣлища еще болѣе-величавыя, и полюбовались бы еще болѣе-примѣчательнымъ образчикомъ красотъ Огненной-Земли. Перкер-Кингъ, посѣщавшій всѣ эти протоки, такъ описываетъ Проливъ-св.-Гавріила: «Берега, до порта Уатерфалль, покрыты громадными ледниками, содержащими, отъ мѣста до мѣста, великолѣпные водопады, которые числомъ и высотою превосходятъ всѣ извѣстные. На пространствѣ девяти или десяти миль, считается слишкомъ полтораста водопадовъ, низвергающихъ свои кипучія воды въ проливъ, съ перемѣнной высоты отъ пятисотъ до двухъ тысячь англійскихъ футовъ. Нѣкоторые изъ этихъ потоковъ прикрыты навѣсомъ деревьевъ, отѣняющихъ берега ихъ; но дошедъ до половины спуска, они вдругъ предстаютъ взору,

будто прядая изъ среды этихъ густыхъ лѣсовъ. Другіе соединяются при концѣ своего теченія, и вмѣстѣ впадаютъ въ море посреди тучи брызговъ. Разнообразныя и прихотливыя формы этихъ каскадовъ, контрастъ ихъ съ темными листьями деревъ, покрывающихъ бока горъ; гора Боклэндъ, которой вершина, облеченная вѣчнымъ снѣговымъ покровомъ, поднимается въ воздухѣ наподобіе красиваго обелиска; бѣлыя тучи, останавливающіяся на челѣ этихъ волканическихъ высотъ,—все представляетъ взорамъ зрѣлище, котораго красоты передать невозможно. Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ, можетъ-быть, природной сцены, равняющейся по живописности и великолѣпію съ тою, которая видна въ этой части Магелланова-Пролива».

Повторивъ въ Пор-Галланѣ тѣ же труды, какіе производились въ Голодной-Пристани, д'Юрвиль, принимая въ разсчетъ позднѣйшее время года и пору отплытія въ полярныя страны, предпринялъ обратный путь, чтобъ выйдти изъ пролива тамъ же, гдѣ вошелъ въ него. Больше трети столь удачно-начатаго дѣла оставалось еще исполнить, и часть пролива, отъ которой отказывались, была не меньше достойна изученія, какъ и та, которую посѣтили. Въ-самомъ-дѣлѣ, начиная отъ Пор-Галлана, проливъ съуживается и становится труднѣе для плаванія. На сѣверномъ его берегу открывается родъ внутренняго моря, называемаго Отвей-уатеръ, а немного подальше обширный заливъ Хаультегуа, которые оба любопытно бы изслѣдовать хотя при входѣ въ нихъ. Сверхъ-того, важно было повѣрить точность наблюденій Кинга надъ потоками и вѣтрами, господствующими при западномъ входѣ въ заливъ. Это достойный сожалѣнія пробѣлъ въ столь полезномъ предпріятіи; и тѣмъ болѣе можно сожалѣть о немъ, что, по всей вѣроятности, правительство французское долго не займется довершеніемъ трудовъ, начатыхъ въ проливѣ офицерами *Астролябіи* и *Усердной*. Впрочемъ, вина падаетъ тутъ не на д'Юрвиля, котораго стѣсняла краткость времени, а на морское министерство, которое, по непростительной небрежности, протянуло вооруженіе корветтъ и слишкомъ мѣсяцемъ замедлило отправленіе экспедиціи.

Послѣдняя остановка судовъ была въ гавани Пекетъ, недалеко отъ Острова-Елисаветы. Тамъ экспедиція впервые увидѣла Патагоновъ. Народъ этотъ доставилъ офицерамъ интересный предметъ для наблюденія. Отъ-того эта часть описанія путешествія д'Юрвиля — любопытнѣйшая во всемъ томѣ.

Кто не знаетъ басень, распространенныхъ о Патагонахъ прежними мореплавателями, чудесныхъ исторій, всегда разсказывавшихся объ этихъ мнимыхъ исполинахъ Америки? Странно, что между-тѣмъ, какъ большая часть задачь, касающихся до различій человѣческаго рода, была изслѣдуема и рѣшаема, Патагоны, предметъ столь жаднаго любопытства, оставались неизвѣстными въ Европѣ. Лишь нѣсколько лѣтъ прошло, какъ стали знать, чему вѣрить на-счетъ роста, характера и нравовъ этого дикаго народа. Алькидъ д'Орбиньи, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ у сѣверныхъ Патагоновъ, могъ изучить разныя колѣна этого племени въ физіологическомъ и нравственномъ отношеніи. Кингъ и Фиц-Рой, пришедъ послѣ китолова Уиддля, наблюдали южныя поколѣнія. И такъ, ученымъ *Астролябіи* и *Усердной* оставалось только подбирать кое-что на этомъ полѣ, уже прой-

денномъ ихъ ловкими предмѣстниками. Во всякомъ случаѣ, наблюденія ихъ заслуживаютъ особаго упоминанія.

Прежде, чѣмъ перескажемъ подробности о Патагонахъ, находящіяся въ первомъ томѣ сочиненія д'Юрвиля, представимъ читателямъ необыкновенное разнообразіе противорѣчивыхъ показаній, поочередно ходившихъ на-счетъ роста этого народа.

Въ 1520 году, Магелланъ, по словамъ Пигафетты, историка его путешествія, говоритъ: «Наши головы едва доставали имъ по поясъ».

Въ 1526 году, Лоайза (Loaysa) говоритъ о тринадцати пальмахъ вышины.

Въ 1578 году, Дрэкъ утверждаетъ, напротивъ, что есть Англичане выше самаго высокаго Патагона.

Въ 1579 году, Сарміенто приписываетъ обитателямъ Патагоніи ростъ трехъ варръ, то-есть около девяти футовъ.

Въ 1592 году, Англичанинъ Кэвендишъ ограничивается замѣчаніемъ, что эти Индійцы высоки и крѣпки.

Въ 1593 году, Ричардъ Гоукинсъ представляетъ ихъ настоящими исполинами.

Въ 1615 году, Голландцы Лемеръ и Шоутенъ, разсчитывая по скелетамъ, найденнымъ на берегахъ Патагоніи, увѣряютъ, что туземцы должны быть отъ десяти до одиннадцати футовъ ростомъ.

Въ 1670 году, Нерборо̀ (Narborough) и Вудъ даютъ имъ ростъ обыкновенный.

Въ 1704 году, Кармонъ считаетъ его въ десять французскихъ футовъ.

Въ 1745 году, отцы Кардіэль и Квирога, миссіонеры, подтверждаютъ мнѣніе Нерборо̀ и Вуда.

Въ 1764 году, Биронъ назначаетъ семь англійскихъ футовъ, или около шести футовъ семи дюймовъ французскихъ.

Въ 1766 году, Дюкло Гюйо́ и Лажироде́ приписываютъ самымъ малымъ Патагонамъ ростъ пяти французскихъ футовъ и семи дюймовъ.

Въ 1767 году, Бугенвиль даетъ наименьшимъ пять футовъ десять дюймовъ французскихъ. Товарищъ его путешествія, Коммерсонъ, идетъ далѣе: онъ полагаетъ ростъ Патагоновъ отъ пяти футовъ восьми дюймовъ до шести футовъ четырехъ дюймовъ.

Въ томъ же году, Уоллисъ и Картре́ объявляютъ, что мѣряли одного изъ самыхъ высокихъ Патагоновъ и получили въ результатѣ шесть англійскихъ футовъ семь дюймовъ, или съ-небольшимъ шесть футовъ французской мѣры; но присовокупляютъ, что наибольшее число Патагоновъ было не выше пяти футовъ десяти дюймовъ, то-есть, среднимъ числомъ, пять футовъ пять дюймовъ французскихъ.

Еще въ томъ же году, іезуитъ Фалькнеръ говоритъ, что эти Американцы рѣдко имѣютъ семь англійскихъ футовъ вышины, и что большая часть ихъ не выше шести англійскихъ футовъ, стало-быть, меньше шести французскихъ футовъ.

Въ 1820 году, Готье́, снаряжатель китоловныхъ судовъ, упоминаетъ о ростѣ шести французскихъ футовъ.

Въ 1834 году, капитанъ Кингъ мѣрялъ ростъ нѣсколькихъ туземцевъ

и нашелъ его отъ пяти футовъ десяти дюймовъ до шести футовъ англійскихъ.

Въ 1839 году, д'Орбиньи, окончательно рѣшившій вопросъ, положилъ ростъ самыхъ высокихъ Патагоновъ въ пять французскихъ футовъ одиннадцать дюймовъ, а средній ростъ въ пять футовъ четыре дюйма.

И такъ, извѣстно, что Патагоны высокаго роста; какъ бы то ни было, настоящій ихъ ростъ далеко не оправдываетъ смѣшныхъ сказокъ, написанныхъ и распространенныхъ путешественниками.

Извѣстіе д'Юрвиля согласно почти вполнѣ, какъ увидимъ, съ извѣстіемъ д'Орбиньи.

Вотъ подробности, которыя находимъ въ его разсказѣ:

«Когда большой ботъ спущенъ былъ поутру съ офицерами, толпа туземцевъ верхомъ уже собралась на берегу близь мѣста высадки: очень-дружески приняли они гостей. Потомъ, видя, что ботъ готовъ воротиться, многіе изъ нихъ кинулись въ него, чтобъ заплатить намъ визитъ. Большаго труда стбяло заставить ихъ выйдти вонъ. Только трое получили позволеніе остаться въ ботѣ.

«Пріѣхавъ, они смѣло взошли на бортъ, представились довѣрчиво и безъ замѣшательства, и вели себя прилично. Одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, другой лѣтъ двадцати-пяти или тридцати; наружность третьяго показывала не больше двадцати или двадцати-двухъ лѣтъ. Кроткіе, мирные и ласковые, они старались какъ-можно-лучше отвѣчать на вопросы, которыми ихъ осыпали; они спокойно и смирно разсматривали предметы, которые имъ показывали, не изъявляя большой жадности владѣть ими и не обнаруживая никакой наклонности къ воровству...

«Средній ростъ ихъ есть, кажется, 1 м. 732 милл.; одинъ изъ нихъ былъ 1 м. 760 милл; но они широки въ плечахъ, не будучи, однако, мускулисты; члены ихъ полны, округлы, соразмѣрны, имѣютъ замѣчательно-малыя оконечности. Для дикарей, столь дурно-одѣтыхъ, кожа ихъ гладка, мягка и только желтовата, да и то больше отъ неопрятности и отъ-того, что обыкновенно открыта на воздухѣ, чѣмъ отъ природнаго сложенія. Волосы у нихъ чорные, длинные, не густые, висятъ сзади и подбираются спереди повязкою. Лицо открыто, очень-широко въ нижней части и съужено кверху, потому-что лобъ чрезвычайно низокъ, узокъ и сбѣгаетъ назадъ. Физіономія обыкновенно спокойна и безъ выраженія, иногда только оживляется простодушной улыбкою, какъ-будто свидѣтельствующей о кроткомъ характерѣ этихъ людей. Узкіе, продолговатые, мало-открытые глаза напоминаютъ монгольскій типъ; скулы довольно выдаются; носъ приплюснутъ, скорѣе малъ, чѣмъ великъ; ротъ, какъ и подбородокъ, умѣренный. Бороды и волосъ на тѣлѣ мало. Осанка вообще вялая, безпечная и лѣнивая. Ничто не обнаруживаетъ въ нихъ силы, проворства и гибкости. Смотря на нихъ сидящихъ, стоящихъ, или идущихъ, скорѣе можно принять ихъ за женщинъ восточнаго сераля, нежели за дикарей, столь близкихъ къ природному состоянію.

«Національная одежда ихъ — широкій плащъ изъ кожъ гванаковъ, лисицъ, или дикихъ кошекъ, опрятно выдубленныхъ и крѣпко сшитыхъ вмѣстѣ. У нѣкоторыхъ исподъ украшенъ рисунками, красиво-вытисненными

Сверху носятъ они родъ фартука, поддерживаемаго повязкою вкругъ поясницы. На одномъ изъ нихъ, подъ плащомъ, былъ полный европейскій нарядъ: верхнее платье, жилетъ, панталоны и картузъ; не доставало только обуви. Вѣроятно, онъ получилъ это отъ какого-нибудь Европейца, вымѣнявъ на кожи. Какъ бы то ни было, подобно дикарямъ Океаніи, онъ, казалось, очень гордился своимъ нарядомъ, который шелъ къ нему гораздо-меньше, нежели національный костюмъ.»

Почти всѣ офицеры и ученые экспедиціи писали объ одномъ и томъ же, и д'Юрвилю пришла счастливая мысль приложить къ своему тексту отрывки изъ журналовъ своихъ спутниковъ. Приводимъ разсказъ г. Дюбузе, лейтенанта *Усердной:*

«Едва очутился я среди этого племени, какъ началъ съ величайшимъ вниманіемъ разсматривать знаменитыхъ Патагоновъ, которыхъ столько желалъ видѣть,—народъ исполиновъ, о которомъ нѣкогда распущено было столько басень, и котораго ростъ, по другимъ противорѣчивымъ показаніямъ, былъ ниже средняго. Поразилъ меня сначала въ нихъ не столько ростъ, котораго я не встрѣчалъ ниже пяти футовъ и пяти или шести дюймовъ, а часто видалъ въ пять футовъ восемь, девять и десять дюймовъ, но никогда выше, — сколько ихъ чрезвычайная плечистость, широкая и большая голова, члены плотные и крѣпкіе. Шея у нихъ немного-коротка; они слегка-сутуловаты и имѣютъ округлыя формы; но хотя полнота мѣшаетъ мускуламъ обрисовываться, тѣмъ не менѣе они кажутся крѣпки. Голова, очень-большая, лишена соразмѣрнаго мозговаго развитія; однакожь они, кажется, не глупы. Скулы у нихъ выдаются; широкое лицо способствуетъ черепу казаться не столь огромнымъ. Лицо кругло и плосковато: глаза слегка косы, какъ у Китайцевъ, не лишены выраженія, но обнаруживаютъ больше кротость, нежели другое свойство. Волосы черные, длинные, прямые, связанные на головѣ; зубы отличаются бѣлизною; цвѣтъ кожи мѣдно-красный, какъ у всѣхъ туземцевъ Америки, безъ различія климата. Ноги и руки пропорціональны; но голени кажутся слабоваты, что объясняется родомъ жизни, протекающей по-большой-части на лошади, или въ лежаньѣ. Все это, вмѣстѣ взятое, образуетъ красивую породу людей сильныхъ и крѣпкихъ.

«Начальникъ ихъ, высокій, красивый Индіецъ лѣтъ тридцати, который, не смотря на видимую ограниченность своей воли, все-таки имѣлъ на нихъ нѣкоторое вліяніе, показалъ намъ ихъ военный костюмъ и одѣлся въ него при насъ. Костюмъ этотъ состоялъ изъ какой-то рубашки съ рукавами, сдѣланной изъ бычьей кожи, очень-плотной и очень-крѣпко сшитой, которая, закрывая почти все тѣло, могла замѣнять отчасти кирасу и отражать по-крайней-мѣрѣ слабѣйшіе удары. На головѣ у него была большая шляпа съ округлой тульею въ видѣ каски, покрытая мѣдными пластинами, и украшенная густымъ султаномъ изъ страусовыхъ перьевъ. Этотъ старшина, котораго звали *Конгуэръ* (имя, полученное имъ отъ Англичанъ), носилъ свой тяжелый костюмъ красиво, не смотря на его обременительность. Онъ вооружился копьемъ, вертѣлъ имъ съ замѣчательной ловкостью и показалъ намъ образчикъ ихъ сраженій. По росту, атлетическимъ формамъ, крѣпкимъ мышцамъ, его можно бы принять за одного

изъ тѣхъ героевъ, которыхъ Гомеръ описываетъ настоящими гигантами, устрашавшими обыкновеннаго врага сколько мужествомъ, столько и громадностью. Сожравъ полусырую часть гванака, Конгуэръ показалъ намъ, что онъ еще болѣе походитъ на нихъ аппетитомъ и достойно бы могъ возлежать на пирахъ ихъ.

«Женщины, окончивъ свои работы, собрались въ палатки; онѣ показались намъ не такъ красивы, какъ мужчины. Нарядъ ихъ былъ почти такой же, какъ у мужчинъ, такъ-что мы часто смѣшивали ихъ съ мужчинами. Плащъ ихъ, изъ той же матеріи, отличался только тѣмъ, что былъ застегнутъ на груди, и такимъ образомъ давалъ свободное движеніе рукамъ. Лица у нихъ были вообще расписаны охрою и жиромъ неодинаково; но я замѣтилъ многихъ, которыя распестрили себѣ лица поперечными черными и красными чертами, выведенными тщательно, кокетливо и производившими довольно-странное впечатлѣніе... Всѣ эти женщины оказались большими охотницами до прикрасъ, какъ то до бусъ и стекляруса; но, подобно мужчинамъ, предпочитали имъ краску. Около шалашей вертѣлось множество дѣтей, для которыхъ особенно матери выпрашивали у насъ ожерелья и вѣшали имъ на шею и на руки. Дѣти были почти неодѣты; небольшой лоскутокъ кожи прикрывалъ имъ только плеча; ни одинъ изъ нихъ, однакожь, не зябъ, хотя холодъ былъ тогда довольно-чувствителенъ, ибо вѣтеръ очень-сильно дулъ съ юговапада. Мужчины, женщины, и дѣти показались намъ безпрестанно занятыми прожорливой ѣдою мяса, либо какого-то корня, обильно росшаго въ окрестности, и котораго питательное начало казалось весьма-скудно. Этотъ корень и родъ красныхъ ягодъ, собираемыхъ на кустарникахъ, похожихъ на тѣ, какіе видѣли мы по всему берегу, были преимущественно ихъ обыкновенной пищею.»

Г. Дегра, секретарь начальника экспедиціи, послѣ нѣсколькихъ подробностей, которыя недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести здѣсь, такъ говоритъ о патагонскомъ нарѣчіи: «Они рѣдко разговариваютъ между собою и говорятъ тихо, никогда не кричатъ; почти всегда улыбаются и часто смѣются гортаннымъ смѣхомъ. Произношеніе ихъ совершается по-большой-части горломъ; ново-греческія буквы: δ, γ, θ, арабская т часто попадаются въ ихъ словахъ; но буква *k* употребляется еще чаще: они произносятъ ее почти ежеминутно, такъ же, какъ короткое придыханіе передъ звуками, которые мы выражаемъ гласными, отъ-чего слова раздѣляются на-двое. Такъ *лее*, вода, произносится *ле-хе*, или *ле-ехъ*; *оттель*, глаза, *отт-ль*.»

Экспедиція не долго пробыла въ гавани Пекетъ, и потому не могла съ пользою наблюдать нравы туземцевъ. Офицеры ограничились только помѣщеніемъ въ своихъ запискахъ свѣдѣній, переданныхъ имъ двумя Европейцами, найденными у Патагоновъ и принятыми на бортъ *Астролябіи*.

«Законъ возмездія» говоритъ г. Купванъ, шкиманъ корабля: «не силенъ у Патагоновъ. Одинъ Индіецъ сказывалъ мнѣ, что когда случается убійство, то разсматриваютъ, важны ли его причины; въ такомъ случаѣ, все кончено. Если вождю не покажутся онѣ довольно-уважительными, убійца изгоняется изъ племени, иногда бываетъ умерщвляемъ вождемъ. Когда воинъ умираетъ» прибавляетъ тотъ же офицеръ: «всѣ жившіе

въ его шатрѣ переходятъ въ другіе. Вождь дѣлятъ между ними важнѣйшую утварь покойнаго, какъ то: ножи, сабли, ножницы; остальное — лошади, собаки, кожи, шатры, убивается или предается огню на могилѣ умершаго. Могила эта есть простая дыра въ землѣ, сдѣланная такъ, чтобъ тѣло находилось въ сидячемъ положеніи, вмѣсто лежачаго; посадивъ, его засыпаютъ землею.»

Еще одну черту нравовъ замѣтили моряки: вольность Патагонокъ и равнодушіе ихъ мужей. Не оказывая ни малѣйшей ревности, мужчины, повидимому, готовы были предлагать своихъ женъ путешественникамъ, а женщины, казалось, усердно добивались чести имъ нравиться.

Г. Дюмутьé, френологъ экспедиціи, хотѣлъ-было вымѣрять нѣсколько патагонскихъ череповъ и подвергнуть ихъ ученому изслѣдованію. Къ несчастію, краніометръ былъ у него украденъ одною Патагонкою во время ночлега подъ индійскимъ шатромъ, и онъ не могъ исполнить своего намѣренія.

Мы упомянули о Европейцахъ, найденныхъ у Патагоновъ. То были Англичанинъ, по имени Бирдейнъ, и Швейцарецъ, нѣкто Нидергаузеръ, взятые д'Юрвилемъ въ гавани Пекетъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ этомъ унылόмъ краю. Нидергаузеръ былъ родомъ изъ Берна, гдѣ отправлялъ ремесло часовщика, поѣхалъ въ Нью-Йоркъ, не успѣлъ тамъ выгодно пристроиться — и нанялся къ одному промышленику тюленей дѣлать масло и собирать мѣха въ магелланическихъ странахъ. Онъ съ шестерыми товарищами оставленъ былъ на одномъ изъ островов Огненной-Земли *для ловли*, до возвращенія корабля; только по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ подвезли имъ съѣстныхъ припасовъ, и снова оставили продолжать ихъ тяжелую и скучную работу; но въ этотъ разъ судно не воротилось, и семеро тюленьихъ охотниковъ были предоставлены собственнымъ средствамъ въ краю почти-необитаемомъ. Въ утломъ челнокѣ попытались они перебраться на материкъ; послѣ плаванія столь же медленнаго, сколько опаснаго, имъ удалось войдти въ проливъ западнымъ его отверстіемъ, и чрезъ нѣсколько дней они достигли гавани Пекетъ. Тамъ пятеро изъ нихъ рѣшились продолжать путь, полагаясь на счастіе; двое остальныхъ, Нидергаузеръ и Бордейнъ, предпочли остаться у Патагоновъ, которые оказали имъ усердное гостепріимство: дали женъ, платье и пристанище въ своихъ шатрахъ. Однакожь, шесть или восемь мѣсяцевъ такого жалкаго существованія жестоко подѣйствовали на тѣло этихъ двухъ несчастныхъ, и когда пристали корветты, они были такъ тощи и худы, что сначала ихъ приняли-было за природныхъ жителей Огненной-Земли, ибо почти у всѣхъ урожденцевъ этого архипелага прежалкая наружность. Командиръ согласился принять авантюристовъ на корабль и употребилъ въ дѣло свѣдѣнія, какія они пріобрѣли въ патагонскомъ языкѣ.

Секретарь д'Юрвиля разсказываетъ, что между тамошними же Патагонами жилъ одинъ Бразильянецъ, который, проведши нѣсколько времени на Малуинскихъ Островахъ, гдѣ занимался ремесломъ *gaucho*, попалъ на сѣверный берегъ Магелланова-Пролива и остался тамъ, не стараясь возвратиться въ отечество. Кончилось тѣмъ, что онъ отожествился съ своими хозяевами до такой степени, что его можно было принять за природнаго

Патагона. Онъ даже совершенно позабылъ испанскій языкъ, и понималъ его съ большимъ трудомъ. Этотъ человѣкъ, принявшій дикое состояніе въ странѣ негостепріимной, послѣ жизни въ образованномъ обществѣ и подъ благорастворенньімъ небомъ, — явленіе довольно-примѣчательное. Что касается до забвенія роднаго языка, это фактъ, который, при всей видимой необыкновенности, тѣмъ не менѣе довольно-сбыточенъ. Въ числѣ прочихъ примѣровъ, помнимъ, мы читали въ путешествіи д'Орбиньи, что одинъ Французъ, котораго встрѣтилъ онъ во внутренности провинціи Коріэнтесъ, забылъ отечественный языкъ до того, что не понималъ изъ него ни слова.

Экспедиція покинула гавань Пекетъ и отплыла къ восточному отверстію пролива, не видавъ или по-крайней-мѣрѣ не изучивъ, со всей надлежащей основательностью, обитателей Огненной-Земли. Еще достойный сожалѣнія пробѣлъ въ отношеніи этнографическомъ и филологическомъ! Фуэгійское племя (race fuégienne) во многихъ отношеніяхъ достойно было внимательнаго изученія. Племя это, тощее и слабое, существенно разнится отъ патагонскаго, отлично отъ него физическимъ образованіемъ, языкомъ, обычаями; и такое несходство тѣмъ удивительнѣе, что Фуэгійцы отъ Патагоновъ отдѣляются только морскимъ рукавомъ въ полмилю широты, по нѣкоторымъ мѣстамъ. Еще же страннѣе, что по словарю, собранному капитаномъ Кингомъ, два главныя поколѣнія Огненной-Земли говорятъ совершенно-различными одно отъ другаго нарѣчіями. Мы знаемъ, что, по наблюденіямъ Гумбольдта и Фатера, въ Америкѣ есть первообразные языки, совершенно-различные корнями и сходные между собою механизмомъ и физіономіей; знаемъ, что въ американскомъ нарѣчіи не столько должно смотрѣть на отдѣльныя слова, сколько на построеніе и содержаніе рѣчи. Во всякомъ случаѣ, нельзя не согласиться, что поразительное несходство въ словахъ двухъ языковъ, употребляемыхъ однимъ и тѣмъ же народомъ, — фактъ примѣчательный, особенно, если дѣло идетъ о двухъ племенахъ, которыхъ раздѣляетъ чрезвычайно-узкое пространство моря, и которымъ привычка къ мореплаванію и одинаковый образъ жизни позволяютъ находиться въ безпрестанныхъ сношеніяхъ.

Къ какой вѣтви американскихъ породъ принадлежитъ фуэгійское племя? Никто еще серьёзнымъ образомъ не касался этого вопроса, кромѣ д'Орбиньи, который, видѣвъ на сѣверѣ Патагоніи одного жителя Огненной-Земли, утверждаетъ, что этотъ народъ слѣдуетъ отнести къ племени араваканійскому, обитающему на западной сторонѣ Андовъ, а Патагоны должны принадлежать къ отрасли пампейской (pampéen). Не скажемъ ничего о Патагонахъ; но касательно Фуэгійцевъ усомнимся въ истинѣ такого этнографическаго распредѣленія. Не только гармоніи, отличающей араваканійскій языкъ, нѣтъ въ нарѣчіяхъ Огненной-Земли, чрезвычайно-гортанныхъ и жесткихъ; но въ нихъ еще есть существенная разница. Физіологическія изслѣдованія также сильно противорѣчатъ системѣ д'Орбиньи, ибо въ отношеніи физическаго образованія, фуэгійскія племена похожи на Андовъ или Араваканов только ростомъ. Правда, Бори-де-Сен-Венсанъ, въ своемъ «Зоологическомъ Опытѣ о Человѣческомъ Родѣ» (Essai zoologique sur le genre humain), ошибся, относя Фуэгійцевъ къ черной породѣ, населяющей Ван-Дименову Землю; но если мнѣніе этого натурали-

ста' можно относительно цвѣта, то съ другой стороны должно сказать, что длинноты и тонкость членовъ Фуэгійцевъ, ихъ раскачистая походка, странная физіономія, удивительно сближаютъ ихъ съ народами Великаго-Океана.

Изученіе и изслѣдованіе фуэгійскаго племени тѣмъ желательнѣе, что до-тѣхъ-поръ нельзя будетъ рѣшить, простиралось ли азіатское переселеніе, полагаемое Малтбрёномъ, на основаніи сцѣпленія языковъ, за Чили, въ магелланическія страны. Изданіе патагонскихъ словарей г. д'Орбиньи и адмирала *д'Юрвиля* позволитъ повѣрить эту догадку до Магелланова-Пролива; но нельзя будетъ продолжить изслѣдованія до Огненной-Земли, которая останется внѣ обзора до-тѣхъ-поръ, пока не сдѣлается извѣстнѣе.

Экспедиція покинула проливъ послѣ двадцати-семи-дневнаго пребыванія. Во время этой краткой кампаніи, замѣчены всѣ свойства сѣверныхъ береговъ до Пор-Галлана, начерчено съ десятокъ картъ бухтъ и гаваней, собраны драгоцѣнные матеріалы для науки, именно: множество образцовъ по натуральной исторіи, геологіи и ботаникѣ. Начальникъ самъ лично занимался флорою пролива, и собралъ богатую жатву для пополненія бывшихъ уже во Франціи магелланическихъ гербаріевъ. Д'Юрвиль былъ свѣдущій ботанистъ, какъ то достаточно свидѣтельствуетъ «Флора Малуинскихъ Острововъ», изданная имъ въ 1825 году, въ-слѣдствіе кругосвѣтнаго путешествія его на корветтѣ *la Coquille*, подъ начальствомъ капитана Дюперре. Во всѣхъ отношеніяхъ собраніе растеній, сдѣланное въ проливѣ командиромъ *Астролябіи*, заслуживаетъ большаго уваженія.

Послушаемъ мнѣніе д'Юрвиля о выгодахъ и неудобствахъ плаванія изъ одного океана въ другой черезъ Магеллановъ-Проливъ. Вотъ, что говоритъ онъ: «Магеллановъ-Проливъ непремѣнно сдѣлается обыкновеннымъ мѣстомъ прохода для кораблей, потому-что нѣтъ никакого сравненія между тихимъ и безопаснымъ плаваніемъ по каналу и труднымъ и опаснымъ объѣздомъ около мыса Горна. Этотъ послѣдній путь совершенно покинутъ тѣ, кто станетъ плыть изъ Тихаго-Океана въ Атлантическій. По всему надобно думать, что скоро выгоды эти будутъ поняты Англичанами, неутомимыми похитителями въ цѣломъ свѣтѣ». Года три назадъ, капитанъ Дюб Сильй, командиръ корветты *Аріаны*, въ своемъ рапортѣ морскому министру превозносилъ выгоды Магелланова-Пролива. — «Гдѣ можно найдти, говорилъ онъ, проливъ столь глубокій, столь длинный, столь способный къ плаванію, и вмѣстѣ столь сжатый, представляющій такое большое число естественныхъ гаваней, рейдовъ удобныхъ и надежныхъ? Всюду въ обиліи превосходная вода и дерево, дичь, рыба, раковины, — всѣ средства продовольствія, какія только можетъ доставить страна досель невоздѣланная и почти-необитаемая». Сравнивая эти два свидѣтельства съ показаніями офицеровъ *Астролябіи* и *Усердной*, естественно приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: проходъ изъ Атлантическаго въ Великій-Океанъ черезъ проливъ представляетъ только одну выгоду — безопасность; требуетъ времени столь же долгаго, какъ и объѣздъ мимо Мыса Горна; въ каналѣ господствуютъ юго-западные вѣтры и бываютъ такъ иногда, особенно лѣтомъ, весьма жестоки; восточный и сѣверовосточный

вѣтры, будучи благопріятнѣе всѣхъ другихъ, наносятъ погоду мрачную и дождливую, которая значительно затрудняетъ плаваніе въ столь узкомъ пространствѣ; но великое число гаваней, находящихся на обоихъ берегахъ, вознаграждаетъ за эту невыгоду. И такъ нѣтъ никакой причины предпочитать путь мимо мыса Горна для прохода изъ Атлантическаго-Океана въ Южное-Море. Что же касается до возвращенія въ Атлантическій-Океанъ, то нечего и говорить въ его похвалу, зная, что въ направленіи съ запада на востокъ проливъ бываетъ удобенъ почти весь годъ, и что плаваніе по немъ очень-легко. Еслибъ была въ проливѣ европейская колонія, неудобства путешествія съ востока на западъ немедленно исчезли бы, потому-что тогда мореплаватели находили бы услужливыхъ лоцмановъ, которые проводили бы ихъ по изгибамъ канала, да сверхъ того, были бъ уверены, что въ случаѣ несчастія тутъ же найдутъ себѣ убѣжище и съѣстные припасы. Основётся ли когда-нибудь такая колонія? По словамъ д'Юрвиля и Дюбузе, на это нѣтъ никакого матеріальнаго препятствія. Все заставляетъ думать, что поселеніе, заведенное въ Голодной-Пристани, не только успѣло бы удержаться, но еще пришло бы въ цвѣтущее состояніе черезъ нѣсколько лѣтъ. Климатъ мѣста очень-сносенъ и представляетъ большое сходство съ климатомъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ частей Европы, каковы Шотландія и Данія. Почва тамъ плодородна; лѣса и морскія воды могли бы доставлять жителямъ обильную и разнообразную пищу, въ случаѣ недостатка надлежащаго продовольствія. Наконецъ, колонистамъ нечего бы страшиться туземцевъ, живущихъ въ окрестности, потому-что Патагоны самый кроткій и миролюбивый народъ въ свѣтѣ. Французская колонія, основанная Бугенвилемъ на Малуинскихъ Островахъ, начинала-было процвѣтать, когда версальскій кабинетъ разсудилъ уступить этотъ архипелагъ Испаніи. А климатъ этихъ острововъ столько же, если не больше, суровъ, какъ и климатъ Магелланова-Пролива. Почему же бы европейскому поселенію не удержаться на какомъ-нибудь мѣстѣ этого канала?

Англія вѣрно первая подастъ тутъ примѣръ, какъ подаетъ его всегда въ подобныхъ дѣлахъ, къ стыду прочихъ морскихъ державъ. Извѣстно, что многіе офицеры британскаго флота предлагали лондонскому кабинету завести колонію на магелланическихъ земляхъ. Доказательствомъ, что такое предложеніе согласуется съ давнишнимъ планомъ ихъ правительства, служитъ всегдашнее стараніе Англіи удержать за собою обладаніе Малуинскими Островами, которые господствуютъ надъ проходомъ мимо Мыса Горна, по Проливамъ Лемерову и Магелланову. Нельзя объяснить себѣ настойчивости Англичанъ въ сохраненіи этого архипелага иначе, какъ допустивъ твердо-задуманный планъ сдѣлать изъ него передовую стражу новаго англо-американскаго королевства, или по-крайней-мѣрѣ опору колоніи, основанной на южной оконечности Новаго-Свѣта. Посредствомъ обладанія Мысомъ-Доброй-Надежды и Вандименовымъ-Островомъ, составляющими оконечности двухъ частей свѣта при южныхъ полярныхъ моряхъ, Великобританія держитъ въ своихъ рукахъ ключи отъ Атлантическаго и Тихаго Океановъ. Оконечность Южной-Америки есть третій господствующій пунктъ южнаго полушарія; вмѣстѣ съ двумя прочими, онъ замыка-

етъ все пути, которыми могутъ совершаться кругосвѣтныя плаванія и торговля. Когда Англичане утвердятся въ Магелланіи, то, при помощи принадлежащихъ имъ межуточныхъ пунктовъ, каковы Острова св. Елены и св. Маврикія, они въ состояніи будутъ держать великія моря земнаго шара въ такомъ же надзорѣ и зависимости, въ какомъ Гибральтаръ, Мальта и Корфу держатъ Средиземное-Море. Тогда владычество на всѣхъ моряхъ будетъ уже вполнѣ принадлежать одной Англіи!

II.

ПЛАВАНІЕ ВО ЛЬДАХЪ.

Географы признаютъ Голландца Гуэритка первымъ мореходцемъ, проникшимъ въ южныя полярныя страны, въ 1600 году. Судно, на которомъ находился этотъ плаватель, составляло часть эскадры, бывшей подъ начальствомъ Симона де-Кордъ. Отбитый вѣтромъ отъ эскадры, онъ загнанъ былъ подъ 64 градусъ южной широты, гдѣ открылъ земли, оказавшіяся потомъ островами Новой-Южной-Шетландіи (New-South-Shetland).

По прошествіи почти двухъ столѣтій, въ 1770 году, Кергеленъ, посланный въ тѣ же моря, не достигъ цѣли своего путешествія, и воротился въ Европу, открывъ только землю, носящую его имя.

Почти въ то же время знаменитый Кукъ получилъ опасное порученіе перенестись подъ самый дальній градусъ южной широты, какого только можно будетъ достигнуть, и такимъ образомъ объѣхать земной шаръ, держась сколь-можно ближе антарктическихъ странъ. Неустрашимый мореходецъ съ честью выполнилъ порученіе, открылъ Сандвичеву-Землю, и проникъ до 71° 15′ южной широты черезъ меридіанъ 100° запада. По основательнымъ замѣчаніямъ д'Юрвиля, вѣроятно, англійскій капитанъ, самъ того не подозрѣвая, зналъ южный материкъ, котораго существованіе предполагалъ.

Съ 1774 до 1819 года, ни одна держава не рѣшалась возобновить предпріятіе Кука. Основываясь на болѣе или менѣе вѣроятныхъ ипотезахъ, всегда подозрѣвали, что существуетъ полярный материкъ, но не старались открыть его. Наконецъ, 19 февраля 1819 года, Англичанинъ Смитъ, капитанъ купеческаго корабля, увидѣлъ Новую-Южную-Шетландію. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Бренсфильдъ увидѣлъ тѣ же самыя земли, и достигъ до 56° широты.

Въ томъ же году, русскому капитану Беллингсгаузену поручено было съ двумя судами обозрѣть эти почти-неизвѣстныя страны. Въ первую свою поѣздку къ полюсу, достигъ онъ до 69° 30′, не замѣтивъ никакой земли; во вторую же, проникъ до 70°, и продолжая путь на востокъ отъ мѣста, гдѣ Кукъ нашелъ свободный проходъ, открылъ подъ 69° 30′ два острова, которымъ далъ имена Александра I-го и Петра I-го.

Между-тѣмъ какъ Беллингсгаузенъ оканчивалъ свои поиски, Американецъ Пальмеръ (Palmer), капитанъ небольшаго рыболовнаго судна, открылъ землю, которой оставилъ свое имя, и которая прежде на англійскихъ картахъ означалась подъ названіемъ *Земли-Троицы*. Тотъ же мореходецъ, вмѣстѣ съ Англичаниномъ Пуиллемъ, къ извѣстнымъ уже остро-

ваніи этихъ печальныхъ водъ прибавилъ Новые-Южные-Оркадскіе Острова (New-South-Orkney).

Только для счета должно упомянуть о путешествіи Американца Моррели (Morrell), который въ 1820 году будто бы проникъ до 70 градуса южной широты, но который послѣ уличенъ былъ во лжи.

Изслѣдованіе Уиддля также было подозрѣваемо въ неточности; но все доказываетъ, что это обвиненіе несправедливо. Уиддль, простой человѣкъ, занимавшійся тюленьимъ промысломъ, но безстрашный мореплаватель, прибылъ въ антарктическіе льды въ теченіе января 1823 года, и могъ безпрепятственно достичь 74 градуса широты подъ меридіаномъ 36° 40′. Слѣдовательно, онъ тремя градусами зашелъ дальше капитана Кука. Это было большою удачею; потому и путешествіе Уиддля надѣлало много шуму между мореплавателями и учеными.

Путешествіе капитана Генриха Форстера, совершенное въ 1829 году, было не очень важно, и признано полезнымъ только въ ученомъ отношеніи.

Наконецъ, англійскій капитанъ Бискоэ, посланный въ тѣ же воды въ 1830 году, дошелъ до 68° 51′, и открылъ землю Эндерби подъ 66° 2′ южной широты и 42° восточной долготы. Во вторую свою поѣздку, Бискоэ увидѣлъ островъ, который назвалъ островомъ *Аделаиды*, и болѣе значительную землю, лежащую подъ 64° широты и 68° долготы. Земля эта, которую онъ назвалъ землею *Граамъ*, больше извѣстна подъ его собственнымъ именемъ.

Мы сдѣлали перечень изслѣдованій антарктическаго полюса для того, чтобъ показать, какъ экспедиціи въ эту часть свѣта были рѣдки и недостаточны, особливо въ сравненіи съ морскими кампаніями въ полярныя страны сѣверныя. Между-тѣмъ, какъ на сѣверъ предпринималось семьдесятъ путешествій — то для отъисканія знаменитаго прохода на западъ, то для открытія новыхъ земель и достиженія полюса, — до-сихъ-поръ едва можно насчитать десятокъ путешествій на югъ. Всякому извѣстна причина этой разницы: плаваніе въ южныхъ льдахъ гораздо труднѣе плаванія въ странахъ арктическихъ. Не то, чтобъ холодъ на сѣверѣ былъ слабѣе, чѣмъ на югѣ, — отнюдь нѣтъ; но онъ не такъ ровенъ, и льды, будучи подвижнѣе, позволяютъ кораблямъ, въ извѣстныя времена года, заходить далѣе къ полюсу. На югѣ, встрѣчаются льды даже подъ такими широтами, куда бы, казалось, они не должны были доходить, и мореплаватели иногда съ 62 или 63 градуса бываютъ останавливаемы непроходимою преградою. Откуда же такая подвижность въ сѣверныхъ льдахъ? Вотъ вѣроятная ея причина:

Если великое протяженіе земель, прилегающихъ къ арктическому полюсу, благопріятствуетъ образованію огромнаго количества льдовъ, то съ другой стороны оно же условливаетъ значительное развитіе теплоты. Когда солнце освѣщаетъ бореальныя страны, то лучи этого свѣтила получаютъ отъ отраженія, производимаго землями, силу, которой они не имѣли бы, еслибъ падали только на море. Многіе плаватели видали, въ гренландскихъ моряхъ, въ нѣкоторые дни года, что смола растапливалась и текла съ кораблей отъ дѣйствія чрезвычайной теплоты. То же обширное протяженіе земель позволяетъ вѣтрамъ, дующимъ изъ экваторіальныхъ странъ,

или по-крайней-мѣрѣ, изъ умѣреннаго пояса, достигать до странъ, покрытыхъ льдами, и эти теплыя дуновенія могущественно дѣйствуютъ на массы замерзшей воды. Сверхъ-того, великое число рѣкъ, берущихъ истоки въ теплыхъ странахъ, впадаютъ въ арктическія моря, и смѣшивая свои волны съ волнами заливовъ, въ которыхъ онѣ исчезаютъ, нечувствительно возвышаютъ температуру водъ, гдѣ образуются морскіе льды. Отъ всѣхъ такихъ обстоятельствъ, вмѣстѣ взятыхъ, происходитъ то, что сѣверные льды бываютъ подвержены причинамъ таянія, которыя почти всегда столь сильны, что могутъ измѣнять ихъ формы и объемъ. Это еще не все. Въ сѣверныхъ моряхъ есть потоки, которые проходятъ огромныя пространства съ востока на западъ, и которыхъ стремительность возрастаетъ по мѣрѣ сжатія материковъ, между коими они принуждены двигаться. Эти потоки суть вѣрнѣйшіе разрушители для льдовъ, которые зима накопляетъ вдоль береговъ. Сила ихъ неодолима, и какъ-скоро солнечные лучи, совокупно съ дѣйствіемъ вѣтровъ, начали растоплять ледяныя поверхности, они далеко уносятъ ихъ отрывки, оставляя свободныя пространства тамъ, куда за нѣсколько дней плаватель не могъ проникнуть.

Ничего подобнаго нѣтъ въ краяхъ южныхъ. Земли тамъ лежатъ уединенно и удалены отъ всякой страны, имѣющей теплый климатъ; море также занимаетъ обширнѣйшее пространство, и потому солнце не можетъ тамъ, какъ на сѣверѣ, смягчать температуру лучистостью нагрѣтой земли. Съ другой стороны, материки, пользующіеся экваторіальными жарами, не могутъ посылать къ южному полюсу вѣтровъ, дующихъ на ихъ поверхности. Какъ Америка и Африка оканчиваются на югѣ узкими полосами, и Ванъ-Дименова-Земля, продолжающая въ томъ же направленіи Азію, имѣетъ размѣры ничтожные въ-сравненіи съ размѣрами окружающаго ее океана, то и выходитъ, что теплые вѣтры доходятъ до южныхъ полярныхъ странъ, охлажденные обширными пространствами моря, которыя они прошли, чтобъ туда достигнуть. Нѣтъ рѣкъ, которыя могли бы нагрѣвать массу замерзшихъ водъ. Потоки, по отсутствію всякой могучей движущей причины, не могутъ быть столь сильны, какъ потоки сѣвернаго пояса. Оттуда меньшая возможность видоизмѣненія и полома льдовъ около южнаго полюса; оттуда, слѣдовательно, также гораздо-большія трудности плаванія въ этой оконечности земнаго шара, чѣмъ по морямъ сѣвернымъ. Разница въ подвижности льдовъ объясняетъ безуспѣшность большой части попытокъ проникнуть подъ дальнія южныя широты, тогда-какъ сѣверъ могъ нѣсколько разъ быть изслѣдуемъ даже за 83-й градусъ широты.

Препятствія, полагаемыя усиліямъ человѣка природою, были самымъ сильнымъ побужденіемъ для мореходцевъ и ученыхъ. Нетерпѣніе тѣхъ и другихъ не могло укротиться послѣ счастливаго путешествія Уэддля и удачной экспедиціи Бискоа. Всякая великая морская нація пожелала ознакомиться съ южнымъ полюсомъ, который какъ-будто захотѣлъ открыть свои тайны простому китолову, неимѣвшему на то никакой оффиціальной обязанности. Франція, Англія и Соединенные-Штаты почти въ одно время назначили экспедиціи въ антарктическія страны. Франція подала примѣръ, и Дюмонъ-д'Юрвилю досталась честь начать этотъ новый рядъ попытокъ для открытія материка, о которомъ столь давно мечтали.

Главнымъ назначенiемъ д'Юрвиля было — плыть по слѣдамъ Уиддля, и рѣшить, точно ли внутри ледянаго пояса, образовавшагося около острововъ, лежащихъ подъ 60° и 70° широты, есть свободное пространство моря, по которому англiйскiй китоловъ могъ безпрепятственно плыть до 74° 15'. Разрѣшивъ этотъ вопросъ, начальникъ экспедицiи долженъ былъ изслѣдовать антарктическiя моря, устремляя преимущественно свои розыски на рѣшенiе задачи о существованiи южнаго материка.

Вышедъ изъ Магелланова - Пролива, экспедицiя осмотрѣла весь берегъ Огненной-Земли до Лемерова - Пролива, — трудъ важный, который былъ пренебреженъ капитаномъ Кингомъ, и который выполнилъ со всею тщательностiю г. Венсендонъ-Дюмуленъ, инженеръ *Астролябiи*. Наконецъ корветты потеряли землю изъ виду, и пустились къ югу. 15 января 1838 года экипажи замѣтили первые пловучiе льды: «Эти льды, первые поразившiе наши взоры, были всѣми разсматриваемы съ живѣйшимъ любопытствомъ, и сдѣлались предметомъ множества наблюденiй. Матросы, при такомъ непривычномъ зрѣлищѣ, почувствовали, казалось, нѣкоторую робость. Дѣйствительно, это былъ авангардъ страшнаго врага, съ которымъ готовились они сражаться, и ничто не могло имъ ручаться, что они уцѣлѣютъ въ жестокихъ съ нимъ схибкахъ». Нужно замѣтить, что суда находились еще только подъ 59 градусомъ южной широты.

Съ этой минуты, количество льдовъ, разсѣянныхъ на пути двухъ кораблей, съ-часу-на-часъ возрастало. Однакожь корветты плыли свободно, и все давало право думать, что онѣ достигнутъ отдаленныхъ широтъ. Многiе льстились даже надеждою проникнуть далѣе Уиддля. Офицеры и матросы были исполнены радости и одушевленiя.

Прошло шесть дней съ перваго появленiя льдовъ. Наступило 22-е января. Командиръ легъ спать, надѣясь, при помощи попутнаго вѣтра, достигнуть на другой день 65 градуса. Но въ три часа съ половиною, его разбудили, объявляя, что проходъ запертъ. Онъ бросается на палубу, и въ-самомъ-дѣлѣ видитъ, что передъ *Астролябiей* возвышается ледяная преграда. То была уже страшная ледяная поверхность, твердая опояска, которую плаватели ожидали встрѣтить гораздо-дальше!

При видѣ этой глыбы, капитанъ ощутилъ тѣмъ живѣйшее безпокойство, что ему вдругъ пришла въ голову мысль о неуспѣхѣ. Но первое впечатлѣнiе скоро разсѣялось, уступивъ мѣсто заботамъ. Д'Юрвиль понялъ, что ему осталось одно средство: плыть вдоль окраины ледянаго пространства, держась къ востоку, и искать канала, гдѣ могла бы пройдти корветта. Между-тѣмъ, какъ суда слѣдовали вдоль ледянаго берега, офицеры могли вдоволь налюбоваться страннымъ и великолѣпнымъ зрѣлищемъ, открывавшимся передъ ихъ удивленными взорами. «Зрѣлище это, говоритъ д'Юрвиль, сурово и величественно; оно выше всякаго описанiя, и плѣняя воображенiе, наполняетъ сердце невольнымъ ужасомъ. Нигдѣ человѣкъ съ такою живостiю не испытываетъ убѣжденiя въ своемъ безсилiи. Очамъ его раскрывается новый мiръ, но мiръ неподвижный, печальный и безмолвный, гдѣ все грозитъ ему уничтоженiемъ. Тамъ, еслибъ онъ имѣлъ несчастiе быть предоставленъ самому-себѣ, ни одно пособiе, ни одно утѣшенiе, ни одна искра надежды не усладили бы его послѣднихъ минутъ...

до предѣловъ горизонта, на востокъ и на западъ, простиралась огромная равнина ледяныхъ глыбъ, всякихъ формъ, нагроможденныхъ и безпорядочно натыканныхъ другъ-на-друга, въ родѣ того, какъ мы видимъ на поверхности большой рѣки, когда наступаетъ минута вскрытія. Средняя вышина ихъ не превосходила 4 или 5 метровъ; но на этой мерзлой равнинѣ торчали тамъ-и-сямъ глыбы гораздо-большія, изъ которыхъ иныя доходили до 30 и 40 метровъ вышины и имѣли соразмѣрный объемъ. Онѣ казались высокими зданіями города, построеннаго изъ бѣлаго мрамора или альбастра. Берега ледянаго пространства обыкновенно хорошо очерчены и обрублены въ видѣ стѣны; но иногда они расколоты, разбиты, и образуютъ небольшіе и неглубокіе каналы, гдѣ могли бы плавать мелкія суда, но куда съ трудомъ вошли бы наши корветты. Тогда сосѣдніе льды, тревожимые и вращаемые валами, находятся въ безпрерывномъ движеніи, которое необходимо ихъ скоро разрушаетъ. Обыкновенный цвѣтъ этихъ льдовъ сѣроватый, въ-слѣдствіе почти-постояннаго тумана. Если же случается, что туманъ пропадаетъ, и солнечные лучи могутъ освѣщать сцену, то происходятъ истинно-чудесныя оптическія явленія. Словно большой городъ воздымается середи инея съ своими домами, дворцами, укрѣпленіями и колокольнями. Иногда передъ глазами будто красивая колонія, съ замками, деревьями и веселыми рощицами, осыпанными легкимъ снѣгомъ. Глубочайшее безмолвіе царствуетъ посреди этихъ мерзлыхъ равнинъ; жизнь имѣетъ представителей только въ нѣсколькихъ глупышахъ, вьющихся безъ шуму, или китахъ, которыхъ тяжелое и глухое дыханіе по временамъ нарушаетъ это безотрадное однообразіе». Въ другомъ мѣстѣ капитанъ такъ дополняетъ свое описаніе ледяной равнины: «Удивительное множество окружавшихъ насъ льдовъ представляло видъ бѣломраморнаго города съ палатами, куполами, шпицами, арками и мостами въ развалинахъ. Повременамъ, когда солнечные лучи падали, подъ надлежащимъ угломъ, на блестящія стѣны этихъ кристальныхъ глыбъ, онѣ казались окнами множества дворцовъ, отражающими первые огни восходящаго солнца. Мы не могли налюбоваться великолѣпными явленіями, и раздумывали, что это было бы предметомъ дивной панорамы, еслибъ можно было вѣрно его представить».

Однакожь корветты поворотили къ сѣверу и отправились обозрѣвать Южные-Оркадскіе Острова. Не достигнувъ еще этихъ островов, онѣ очутились между двухъ краевъ ледяной равнины, которая открылась передъ ними; но имъ удалось выбраться въ открытое море. Офицеры наблюдали глыбы по истинѣ удивительныя формою и величиною. «Одна изъ нихъ, говоритъ д'Юрвиль, казалась огромною колокольней въ 76 метровъ высоты; другая, которую прошли мы только на разстояніи полумили подъ вѣтромъ, походила сначала на большую круглую цитадель, съ боками совершенно-отвѣсными и гладкими какъ зеркало; когда мы находились въ приличномъ положеніи, пробоина въ ея стѣнахъ показала намъ, что она была рѣшительно пуста внутри, и тогда казалась обширнымъ амфитеатромъ со ступенями, въ 40 метровъ вышины и слишкомъ 300 въ діаметрѣ, такъ что напомнила мнѣ исполинскій Колизей Рима».

Подобно большей части мореходцевъ, адмиралъ д'Юрвиль думаетъ, что

ледяныя горы образуются при берегахъ земель, а не въ открытомъ морѣ, гдѣ постоянное движеніе волнъ должно препятствовать смерзанію. Образовавшись однажды, глыбы во время вскрытія или въ-слѣдствіе какого-нибудь потрясенія отрываются отъ береговъ и уносятся въ средину океана. Тамъ, если море спокойно, онѣ становятся центрами и точками опоры для пловучихъ льдинъ, которыя, набираясь мало-по-малу, составляютъ наконецъ огромныя ледяныя пространства. Такимъ образомъ архипелаги и материки производятъ толстыя льдины, а онѣ—ледяныя пространства. Мнѣніе повидимому основательное; однакожь оно только ипотеза, и слѣдственно не можетъ возвыситься до достоинства теоріи. Впрочемъ, таковы всѣ системы на-счетъ образованія морскихъ льдовъ: достоинство ихъ чисто относительное. Что же касается до мнѣнія, которое, по одному тому, что морскіе льды даютъ прѣсную воду, утверждаетъ, будто льды эти образуются исключительно при устьяхъ рѣкъ, то оно давно признано ложнымъ. Прѣсность воды изъ ледяныхъ горъ не доказываетъ образованія на берегу рѣкъ; она происходитъ отъ необъяснённаго доселѣ феномена превращенія. Эти ледяные острова образуются на самомъ морѣ,—фактъ нынѣче неоспоримый.

Экспедиція не могла пристать къ Южнымъ-Оркадскимъ-Островамъ по множеству окружавшихъ ихъ льдовъ. Она пошла въ сѣверовосточномъ направленіи, возвратилась подъ 58 градусъ 40′ широты, потомъ, поворотивъ на югъ, снова пошла къ тому поясу, гдѣ встрѣтила ледяное пространство. Оно показалось подъ 62 градусомъ широты; но на этотъ разъ начальникъ экспедиціи и офицеры, рѣшившись подвергнуться опасностямъ борьбы со льдами, смѣло пустились въ первый открывшійся передъ ними проливъ. 4 февраля 1838 года, въ полдень, корветты дерзко ринулись въ узкій каналъ, образованный параллельными берегами ледянаго острова. Экипажи знали, что двѣ ледяныя стѣны, которыя, раздѣлясь по утру, дали имъ проходъ, закроются за ними и отнимутъ всякую надежду воротиться тѣмъ же путемъ; слѣдовательно, надо было открытой силою пролагать себѣ путь сквозь безчисленныя льдины, останавливавшія ходъ кораблей. Началась страшная борьба между судами и пловучими глыбами, между человѣкомъ и природою. Въ описаніи путешествія капитана Джона Росса есть мѣсто, которое может дать понятіе о положеніи корабля, принужденнаго сражаться съ движущимися льдами; «Вообразите, говоритъ англійскій мореплаватель, ледяныя горы, которыя влечетъ въ узкій проходъ вѣтеръ или быстрое теченіе, которыя сталкиваются, подобно встрѣтившимся скаламъ, съ громовымъ трескомъ, отрываютъ одна отъ другой огромные куски, разбиваютъ одна другую, и, потерявъ наконецъ равновѣсіе, падаютъ въ море, выплескивая волны и подымая вихри, между-тѣмъ, какъ ледяныя поля, наткнувшись на эти массы или на эти скалы, летятъ изъ моря обломками на нихъ же обрушающимися, и такимъ образомъ увеличиваютъ смятеніе и шумъ, который отъ того происходитъ, и котораго описать невозможно. Не легко, въ-самомъ-дѣлѣ, знать и чувствовать свое безсиліе при подобномъ случаѣ. Нѣтъ минуты, когда бы можно угадать, что будетъ въ слѣдующую минуту. Нѣтъ шага, который бы не могъ быть послѣднимъ. Если окружающій васъ шумъ, волненіе, сумятица отвлекаютъ вниманіе и не позволяютъ

ему ни на мигъ, остановиться среди такого смятенія, оно должно однакожъ безпрестанно быть на-сторожѣ, чтобъ воспользоваться первою минутою, какая представится для избѣжанія опасности. Не смотря на это (а тутъ-то труднѣйшая задача), нечего дѣлать, не за что приняться, и хотя одинъ уже видъ окружающаго движенія побуждаетъ моряка къ дѣятельности, хотя онъ насилу можетъ подавить инстинктъ, заставляющій его помышлять о сохраненіи себя въ минуту опасности, ему должно вооружиться терпѣніемъ, будто постороннему зрителю, и покорно ждать участи, которой нельзя ни перемѣнить, ни предвидѣть». Таковы были опасности, грозившія экипажамъ *Астролябіи* и *Усердной* среди льдовъ замерзшаго пространства.

Корветты скоро очутились въ бассейнѣ, въ двѣ мили шириною. Со всѣхъ сторонъ видѣли они только непрерывную ледяную стѣну. Путешественники были рѣшительно заперты.

Для начальника экспедиціи такое положеніе должно быть полно ужаса и безпокойства. Горестная судьба, угрожавшая его спутникамъ, отвѣтственность на немъ лежавшая, скорбь видѣть свои усилія покидаемыми счастіемъ, должны были наполнить сердце капитана д'Юрвиля самыми мучительными чувствами. Надобно было однако нисколько не обнаруживать собственныхъ ощущеній, сохранять непоколебимое хладнокровіе, и ободрять экипажи обоихъ кораблей поведеніемъ, чуждымъ безпокойства и смущенія. Командиръ не упалъ духомъ. Онъ удивлялъ всѣхъ своею бодростью и твердостью. Уже одного благороднаго выполненія тягостнаго долга въ такомъ критическомъ обстоятельствѣ достаточно бы для доказательства превосходства его ума и характера. Прибавьте, что и товарищи его приключеній обнаружили неустрашимость, долженствовавшую облегчать начальнику бремя его положенія. Въ обоихъ экипажахъ незамѣтно было ни малѣйшей боязни; офицеры весело поздравляли другъ-друга съ отвагою и братались за широкими пуншевыми чашами, зажженными для празднованія этого достопамятнаго дня. Начальство обѣихъ корветтъ дѣлало другъ другу визиты, и самая откровенная веселость господствовала при этихъ свиданіяхъ. Французскій характеръ выказывался у большей части этихъ людей, которыхъ судьба поставила лицомъ-къ-лицу съ ужасными опасностями (*).

Первою мѣрою, принятою командиромъ, было прикрѣпить оба судна ко льдинамъ. Онъ, конечно, не предвидѣлъ ужасовъ ночи. Проснувшись внезапно, часовъ въ одиннадцать вечера, онъ услышалъ смутный шумъ, въ которомъ сперва не могъ дать себѣ отчета. «То слышались ему рѣзкіе «и жестокіе удары, сопровождаемые сильными потрясеніями, издававшими «звукъ подобный звуку большаго барабана, какъ-будто корветта натыкалась на скалы; то продолжительныя дрожанія, по-видимому столь необыкновенныя, что можно бы подумать, будто мощная сила обрываетъ и ло-

---

(*) Англичане, подъ командою капитана Перри, показали столь же удивительную твердость. Принужденные зимовать въ приполярныхъ сѣверныхъ странахъ, подъ весьма-далекою широтою, они вздумали, для развлеченія, устроить, при свѣтѣ непрерывныхъ сумерекъ, маленькій театръ и играть мѣщанскую комедію. Матросы очень забавлялись этими представленіями, хотя реомюровъ термометръ показывалъ въ залѣ спектакля 30 градусовъ ниже нуля.

«маетъ всѣ ея обшивки. Надо быть самому при подобной сценѣ, чтобъ «понять, какое странное впечатлѣніе производила она. Впрочемъ, при«бавляетъ адмиралъ, черезъ минуту размышленія, я понялъ, что провес«тись сквозь бассейнъ, гдѣ я прикрѣпился, *Астролябія* наткнулась нако«нецъ на льды, гдѣ сдѣлалась подвержена нападеніямъ льдинъ, которыя «вѣтеръ влекъ быстрѣе ея самой. Ударяясь объ ея киль, твердѣйшія и «свободнѣйшія изъ нихъ производили рѣзкіе и мгновенные удары; длин«нѣйшія и въ то же время наиболѣе-тѣснимыя сосѣдними льдинами, усиль«но скользя вдоль ея боковъ, причиняли страшное треніе, которое будто «рвало ее на части».

Утромъ д'Юрвиль попытался выйдти изъ засады, въ которую попался; поворотилъ носъ *Астролябіи* къ сѣверу, и старался открытою силою разрушить ледяную ограду, за которою виднѣлось море. Ринувшись со всей быстротою въ первое представившееся ей отверстіе, корветта смѣло начала борьбу съ пловучими глыбами; но скоро остановилась передъ препятствіями, сопротивлявшимися ея ходу. Тогда матросы сошли на ледъ, и стали помогать судну выбираться изъ западни. Вооруженные пешнями, ломами, заступами, они съ величайшимъ усиліемъ разбивали льдины; и когда проходъ становился сколько-нибудь свободенъ, тянули корветту руками, и такимъ образомъ она подавалась нѣсколько шаговъ впередъ. Можно вообразить себѣ всю тягость, всю утомительность и даже опасность такой работы. Вдругъ увидѣли на льду тюленей; всѣ наперерывъ одинъ передъ другимъ кинулись ловить ихъ, и передавать добычу натуралистамъ. Нѣсколько человѣкъ съ *Усердной* горячо преслѣдовали уродливыхъ амфибій. Между-тѣмъ, какъ они забавлялись на мѣстѣ, куда вышли играть тюлени, корветта, несомая вѣтромъ, быстро удалялась. Капитанъ Жакино видѣлъ матросовъ, старавшихся принести добычу и незаботившихся о пространствѣ, которое отдѣляло ихъ отъ корабля. Онъ кричалъ имъ, чтобъ они бросили тюленей и лодку, и воротились пѣшкомъ по льдамъ, заграждавшимъ имъ проходъ. Но они не слушались. Между-тѣмъ, положеніе ихъ становилось чрезвычайно-критическимъ. На борту корветтъ всѣ трепетали страхомъ и печалью, при видѣ пятерыхъ человѣкъ, подвергавшихся опасности остаться безъ помощи среди этихъ ужасныхъ пустынь. Но охотники не робѣли. Таща бечевою лодку и тюленей, они кое-какъ пробирались по ледянымъ глыбамъ. *Усердная* замедлила ходъ свой; и, прошедъ, съ неслыханными усиліями, пространство около осьми сотъ метровъ, пятеро матросовъ достигли напослѣдокъ своего судна, при рукоплесканіяхъ всѣхъ товарищей. Корветты однако уже не подвигались впередъ. Вѣтеръ перемѣнился и сдѣлался противнымъ. Столько трудовъ и усталости потеряны были понапрасну! Собранные на совѣтъ офицеры подали мнѣніе воротиться по тѣмъ же слѣдамъ. Черезъ нѣсколько минутъ, корветты опять были уже въ своей тюрьмѣ.

Въ нѣсколько слѣдующихъ дней и ночей тѣ же безпокойства, тѣ же опасенія. Ничто не перемѣнилось вокругъ судовъ. Ледъ становился даже плотнѣе и, образуясь около корветтъ, готовъ былъ скоро совершенно окружать ихъ. Путешественники начинали предаваться грустнымъ размышленіямъ объ ожидающей ихъ участи, если имъ прійдется оставаться нѣсколь-

ко мѣсяцевъ посреди льдовъ. Экипажъ *Усердной* казался особенно встревоженнымъ перспективою опасности; однакожъ офицеры, особливо же безстрашный капитанъ Жакино, сохранили всю свою энергію, и поклялись помогать начальнику до конца, что бы ни случилось. Положеніе командира было ужасно; но онъ умѣлъ скрывать свои чувства и внушать окружающимъ надежду, которой самъ можетъ-быть уже не имѣлъ.

Вступили въ ледяное пространство 4 февраля въ полдень, а было уже 9 число; и такъ минуло пятеро сутокъ опасностей, жестокаго утомленія и нравственной муки! Наконецъ, пользуясь благопріятнымъ обстоятельствомъ, командиръ отдалъ приказъ сниматься съ якоря. Поплыли вновь и снова старались одолѣть преграду, грозно предстоявшую корветтамъ. «Истинно любопытно было, говоритъ д'Юрвиль, видѣть неровный и урывистый ходъ *Астролябіи*. Всего чаще останавливаемая вдругъ, послѣ одного изъ своихъ порывовъ, слишкомъ-плотными льдами, она качалась и вырвала въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ, потомъ, нашедъ порожнее мѣсто, кидалась въ это новое отверстіе. Въ эти минуты, она казалась смышленымъ животнымъ, которое, будучи принуждено бѣжать отъ преслѣдованія сквозь густой кустарникъ, попробовавъ ринуться сперва туда и сюда, и нашедъ потомъ удобное мѣсто, продолжаетъ бѣгъ свой. Въ другой разъ, не могши найдти выхода, корабль страшно нагибался на-бокъ, будто изнемогая отъ стремленія своихъ парусовъ; ибо вѣтеръ скоро сильно посвѣжалъ, и мачты нѣсколько разъ грозили рухнуть на палубу. Тогда надобно было прибѣгать къ кабельтовамъ, и проворно подбирать всѣ паруса. «Но самыми критическими минутами были тѣ, когда корветта, ринувшись всею силою, была увлекаема, почти-неизбѣжнымъ образомъ, прямёхонько на какую-нибудь глыбу, объ которую носовая часть ея неминуемо должна была разбиться. Тогда дѣйствіе руля, часто стѣсненнаго льдами, было совершенно-недостаточно; надлежало прибѣгать къ переднимъ и заднимъ «парусамъ и быстро ими распоряжаться, смотря по обстоятельствамъ».

Борьба была ужасна, но кратковременна. Въ четыре часа вечеромъ, корветы, все избитыя, достигли предѣла ледянаго пространства. «Спаслись!» былъ общій крикъ на обоихъ судахъ, и командиръ затрепеталъ отъ радости, увидѣвъ, что *Астролябія* и *Усердная* побѣдоносно пѣнятъ прозрачныя волны. Человѣкъ восторжествовалъ надъ природою!

Однакожъ первая часть предложенной д'Юрвилю задачи была еще не рѣшена: еще не знали, свободенъ ли былъ пунктъ, по которому могъ пройдти Уиддль. Въ слѣдствіе того, экспедиція, ознакомившаяся теперь со льдами, направилась вдоль ледянаго пространства, около котораго и шла до 14 февраля. Наконецъ она достигла 33 градусовъ 11' западной долготы, и 62 градусовъ 3' южной широты. Тутъ она находилась именно на пути, по которому плылъ англійскій китоловъ въ 1823 году. Горесть экипажей достигла высшей степени, когда они увидѣли, что проходъ запертъ нерасторгаемыми льдами. И такъ Уиддль встрѣтилъ самыя благопріятныя обстоятельства и былъ вспомоществуемъ чрезвычайно-тихимъ временемъ года, слѣдовавшимъ за жестокою зимою. Французскіе мореходцы были не такъ счастливы, и благородныя усилія ихъ сокрушились о непредвидѣнную

препону. После этого уже ничего не оставалось предпринять дальше на югъ; экспедиція вернулась и направилась къ западу.

Во время всего этого осмотра ледянаго пространства, особливо же во время пребыванія во льдахъ, капитанъ д'Юрвиль постоянно показывалъ себя достойнымъ столь труднаго и столь тягостнаго порученія, какое было возложено на него. Не смотря на удручавшія его физическія страданія, бодрость, энергія и присутствіе духа не покидали его ни на минуту. Спутники его единогласно воздаютъ честь характеру и талантамъ истинно-высокимъ, которые обнаружилъ онъ въ этихъ необычайно-критическихъ случаяхъ. Мы съ удовольствіемъ прочли отрывокъ изъ дневника капитана Жакино, искуснаго командира *Усердной*, гдѣ этотъ офицеръ простосердечно выражаетъ удивленіе къ отличному поведенію своего начальника. Это свидѣтельства, которыхъ не могутъ ослабить никакія нелѣпыя и предосудительныя выходки.

Скорбь командира *Астролябіи* заставила его почти обвинять во лжи Уиддля. Ничто однако не давало ему права на подобное заключеніе. Если французскую экспедицію остановили льды, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ англійскій мореходецъ встрѣтилъ то же препятствіе. Напротивъ, успѣхъ усилій капитана Джемса Росса, который прошлаго года проникъ до 78° 15′ южной широты, побѣдоносно доказываетъ истину словъ Уиддля. Французамъ просто не посчастливилось! Замѣчательно, что тотъ же злой геній, который принудилъ д'Юрвиля воротиться назадъ тамъ, гдѣ другой нашелъ себѣ легкій путь, преслѣдовалъ его во всѣхъ его морскихъ кампаніяхъ, и не отставалъ до самой смерти, столь плачевной.

20 февраля, экспедиція опять увидѣла группу-Южныхъ-Оркадскихъ-Острововъ. Г. Венсендонъ-Дюмулёнъ, отличавшійся во все время путешествія *Астролябіи* усердіемъ и талантомъ, пополнилъ географію этого южнаго архипелага.

По близости Южныхъ-Оркадскихъ-Острововъ, д'Юрвиль замѣтилъ огромныя пловучія кипы того исполинскаго *фукуса*, котораго стволы изумили Кука своей чудесной длиною. Противоположность, какую въ отдаленныхъ широтахъ представляютъ растительное царство земное и растительное царство подводное, ведетъ къ тому физіологическому закону, что когда огромныя растительныя формы исчезаютъ на материкахъ, то переходятъ въ воды (*).

Плывя все къ западу, экспедиція увидѣла Островъ-Слоновый и Островъ-Клеренціи, составляющіе часть Новыхъ-Южныхъ-Шетландскихъ-Острововъ, архипелага пустаго, покрытаго вѣчными льдами, подобно всѣмъ землямъ этого пояса. Подвигаясь потомъ къ юго-западу, она увидѣла земли, не означенныя ни на одной картѣ. Это было ея первымъ открытіемъ въ приполярныхъ странахъ. Земля эта неопредѣленно тянулась на юго-западъ, между 63 и 64 градусами южной широты. Ее назвали *Землею-Луи-Филиппа*. Другая, замѣченная на восточной сторонѣ, получила названіе *Земли-Принца-Жуанвильскаго*. Наконецъ обширное отверстіе, отдѣляющее Землю Луи-Филиппа отъ Земли-Троицы, наименовано *Каналомъ-Герцога Орлеанскаго*.

(*) La Pilaye, *Flore de Terre-Neuve*.

Покинувъ воды, гдѣ сдѣланы эти открытія, корветы пошли осмотрѣть западную оконечность Южныхъ-Шетландскихъ-Острововъ. Потомъ, по чрезмѣрной усталости экипажей, командиръ рѣшился воротиться въ Чилійскую Гавань, для починокъ и для доставленія своимъ спутникамъ отдыха, сдѣлавшагося уже необходимымъ.

Результаты этой первой поѣздки во льды можно вкратцѣ обозначить такимъ образомъ: предпріятіе на югъ неудачное, но положительно подтвердившее существованіе ледяной преграды на мѣстѣ, пройденномъ Уидделемъ; возможно-точный чертежъ, сдѣланный г. Дюмулэномъ всего пространства ледяного острова, вдоль котораго плыли корветы; обозрѣніе Южныхъ Оркадовъ и Острововъ-Новой-Южной-Шетландіи; открытіе земель Луи-Филиппа и Принца-Жуанвильскаго, открытіе, стоящее проплытія нѣсколькими лишними градусами къ полюсу; наконецъ, многочисленныя наблюденія физическія, магнетическія и метеорологическія, и любопытные образчики по естественной исторіи,—вотъ плоды этого тяжкаго плаванія въ южныя приполярныя страны. Оно было не безплодно, но этого не довольно было для д'Юрвиля. Убѣдившись въ неуспѣхѣ своей первой попытки, онъ рѣшился сдѣлать вторичное покушеніе обозрѣть тѣ же страны, послѣ осмотра Океаніи; но на этотъ разъ онъ хотѣлъ пуститься къ полюсу съ другой точки. Этого намѣренія не довѣрилъ онъ никому изъ подчиненныхъ, опасаясь, чтобъ нѣкоторые изъ нихъ, устрашенные свѣжимъ еще воспоминаніемъ понесенныхъ тягостей, не испугались новой поѣздки во льды, и чтобъ экспедиція такимъ образомъ не разстроилась въ самомъ началѣ.

Впрочемъ, безуспѣшность путешествія къ полюсу могла заставить капитана сожалѣть развѣ только о невыполненіи одного изъ спеціальныхъ пунктовъ инструкціи. Тутъ просто дѣло самолюбія, а утѣшиться въ такомъ случаѣ легко. Смотря съ точки полезности, неудача, разумѣется, гораздо-маловажнѣе; ибо открытіе южнаго материка имѣло бы только ученый интересъ; для мореплаванія и торговли оно не значило бы ничего или почти ничего. Что за выгоду можетъ доставить мореходству совершенное знаніе безплодныхъ земель, постоянно-окруженныхъ непроходимыми льдами и такими густыми туманами, что мореплаватели, всего чаще, замѣчаютъ эти земли только тогда, когда готовы на нихъ наткнуться,—странъ безлюдныхъ, пустынныхъ, и сверхъ того удаленныхъ отъ всякаго обыкновеннаго пути? Торговля также почти-ничего не выиграетъ отъ разрѣшенія вопроса. Въ-самомъ-дѣлѣ, тюлени, обитавшіе въ этихъ странахъ, въ нѣсколько лѣтъ такъ переведены англійскими и американскими промышлениками, что стали весьма-рѣдки; ихъ даже почти ужь нѣтъ въ архипелагахъ Южныхъ-Оркадскихъ и Южныхъ-Шетландскихъ-Острововъ. Китовъ, правда, находятъ очень много въ сосѣднихъ полярному кругу моряхъ; но порода, называемая *вольнымъ китомъ*, единственная, которой ищутъ китоловы по обилію получаемаго отъ нея жира и по легкости, съ какой ее бьютъ, столько жь рѣдка, какъ и тюлени, по-крайней-мѣрѣ въ пустыняхъ, проплытыхъ экспедиціей. И такъ одна наука пріобрѣла бы что-нибудь отъ полнаго узнанія южнаго материка; но и тутъ великіе вопросы магнетизма и общей физики земнаго

шара не могутъ ожидать очень-яркаго свѣта отъ открытія этой отдаленной земли.

Извѣстно, впрочемъ, что адмиралъ д'Юрвиль сторицею вознаградилъ себя при концѣ кампаніи открытіемъ *Земли-Аделіи*, составляющей часть материка, исканнаго съ такимъ любопытствомъ. Но не станемъ покамѣстъ говорить о послѣдней части путешествія корветтъ, и отложимъ до изданія послѣдняго тома описанія подробности этой удачи.

Астролябія и *Усердная* вошли, 6 апрѣля 1838 года, въ Чилійскій Портъ Талкагуано. Скорбутъ, этотъ страшный врагъ моряковъ, свирѣпствовалъ на судахъ, особливо на *Усердной*, гдѣ оставалось не больше десятка человѣкъ здоровыхъ. Пора была пристать къ землѣ, чтобъ вылечить больныхъ, да и закрыть раны корветтъ, столь жестоко поврежденныхъ льдами.

Слѣдующіе томы поведутъ насъ въ Океанію. Мы отдадимъ въ нихъ отчетъ, какъ скоро они выйдутъ въ свѣтъ. Въ числѣ результатовъ, которые намъ прійдется исчислять, поставимъ на первомъ мѣстѣ результаты любопытныхъ трудовъ г. Дюмутье. Черепа и бюсты, снятые этимъ искуснымъ френологомъ,—совершенная новость въ антропологическомъ отношеніи. Они прольютъ яркій свѣтъ на физіологію океаническихъ племенъ и на соединенные съ тѣмъ этнологическіе вопросы, особливо когда можно будетъ ихъ сличить съ лингвистическими свѣдѣніями, собранными самимъ адмираломъ д'Юрвилемъ. Записка, читанная въ Академіи Наукъ г. Серромъ, касательно этой части результатовъ экспедиціи, показываетъ всю важность, какую должны имѣть для науки наблюденія и коллекція г. Дюмутье.

Описаніе, составленное адмираломъ д'Юрвилемъ, ясно, просто, часто живописно, вездѣ увлекательно. Оно очищено отъ всякаго ученаго разглагольствія, и написано больше *для* свѣтскихъ людей, чѣмъ *для* ученыхъ по ремеслу. Начальникъ экспедиціи понялъ, что приличнѣе было предоставить спутникамъ достоинство ученыхъ подробностей, а самому ограничиться простой исторической частью путешествія. Плодомъ этого мнѣнія была книга, которую всякій прочтетъ съ удовольствіемъ, что рѣдко случается съ сочиненіями о подобномъ предметѣ. Почти всѣ описанія путешествій бываютъ написаны тяжело и не нравятся читателю сколько сухостію разсказа, столько жь и смѣшеніемъ матеріаловъ. Этого недостатка не было бы, еслибъ на каждое судно, посланное съ ученымъ назначеніемъ, брали исторіографа, обязаннаго исключительно заниматься исторіею путешествія, подъ надзоромъ командира. Берутъ же рисовальщиковъ: почему бы не брать писателей? Еслибъ въ шпицбергенской экспедиціи не было между специіальными людьми отличнаго литератора, вѣрно публика никогда бы не узнала Исландіи и другихъ странъ, посѣщенныхъ экипажемъ *Изысканія* (la Recherche). Еслибъ Перонъ, будучи превосходнымъ натуралистомъ, не былъ вмѣстѣ и краснорѣчивымъ писателемъ, путешествіе его вѣроятно было бы давно забыто.

Избѣгаемъ здѣсь всякихъ біографическихъ подробностей о Дюмонд'Юрвилѣ. Удерживаемся отъ панегириковъ, и хотимъ представить покойнаго адмирала только тѣмъ, чѣмъ онъ дѣйствительно былъ, то-есть неустрашимымъ морякомъ, искуснымъ ботанистомъ, отличнымъ филологомъ и превосходнымъ начальникомъ экспедиціи. Этихъ неоспоримыхъ титуловъ достаточно, кажется, чтобъ оправдать его славу, снискавшую больше народности послѣ страшнаго происшествія, столь нежданно и столь жестоко прервавшаго дни несчастнаго командира *Астролябіи*.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ІЮЛЬ 1842 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Въ Высочайшемъ указѣ, за собственноручнымъ Государя Императора подписаніемъ, данномъ Правительствующему Сенату 4 іюня, изображено: «для ограниченія усиливающагося, во вредъ нравственности и здоровью жителей, непомѣрнаго употребленія горячихъ напитковъ въ губерніяхъ и областяхъ, гдѣ существуетъ вольная онымъ продажа, считая необходимымъ принять мѣры противъ размноженія числа мѣстъ раздробительной продажи сихъ напитковъ и вмѣстѣ противъ сбыта оныхъ по цѣнамъ слишкомъ-низкимъ, Мы признали заблаго утвердить составленныя на сей конецъ министромъ финансовъ и въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣнныя правила о продажѣ горячихъ напитковъ по опредѣленнымъ цѣнамъ и положеніе объ акцизѣ съ мѣстъ раздробительной оныхъ продажи, и препровождая все сіе въ Правительствующій Сенатъ, повелѣваемъ: 1) Означенныя постановленія, во всѣхъ поименованныхъ въ нихъ губерніяхъ и областяхъ, привести въ дѣйствіе съ 1 января 1843 года, съ тѣмъ, чтобы къ тому же сроку, въ-теченіи двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ нынѣшняго года, взяты были и учреждаемыя нынѣ свидѣтельства на мѣсто раздробительной продажи горячихъ напитковъ. 2) Въ тѣхъ случаяхъ, когда малороссійскіе казаки и войсковые обыватели изъявятъ желаніе, и въ слѣдствіе составленныхъ мірскихъ приговоровъ будутъ просить о дозволеніи раздробительную продажу горячихъ напитковъ въ селеніяхъ ихъ отдавать на откупъ съ публичныхъ торговъ, разрѣшить министра государственныхъ имуществъ давать таковыя дозволенія съ тѣмъ, во-первыхъ, чтобы въ селеніяхъ, гдѣ, вмѣстѣ съ казаками и войсковыми обывателями, живутъ и крестьяне помѣщичьи, либо принадлежащіе другимъ вѣдомствамъ, означенная мѣра допускаема была неиначе, какъ съ общаго на оную согласія владѣльцевъ и тѣхъ вѣдомствъ, и, во-вторыхъ, чтобы изъ откупной суммы, слѣдующей въ пользу войсковыхъ обывателей и казаковъ, вносима была въ казну причитающаяся съ нихъ внѣшняя пошлина, а остатокъ за тѣмъ обращался для употребленія на ихъ же надобности, въ общественный сборъ. 3) По вниманію къ настоящему положенію казаковъ и

войсковыхъ обывателей, акцизный съ принадлежащихъ имъ заведеній и мѣстъ раздробительной продажи горячихъ напитковъ сборъ, равно какъ и половину установленныхъ за нарушеніе правилъ о продажѣ вина по опредѣленной цѣнѣ штрафовъ, предоставить, впредь до повелѣнія, также въ пользу ихъ обществъ, обращая акцизный сборъ на удовлетвореніе общественныхъ расходовъ, уплату винной пошлины, взносъ текущихъ податей и пополненіе недоимокъ, а штрафныя деньги въ хозяйственный капиталъ, по дальнѣйшимъ о томъ распоряженіямъ министра государственныхъ имуществъ.»

— Высочайше повелѣно: распространить на облигаціи Польскаго Казначейства 3-й серіи силу Высочайше утвержденнаго 8 марта 1839 года Мнѣнія Государственнаго Совѣта (опубликованнаго въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 8 апрѣля 1839 года) о пріемѣ въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ и къ учету въ Коммерческомъ Банкѣ и конторахъ онаго облигацій первыхъ 2-хъ серій.

— Въ Именномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату, изображено: указомъ даннымъ Правительствующему Сенату въ 11 день октября 1835 года, опредѣлено основаніе россійской метрической системы и въ слѣдствіе того приготовлено, подъ наблюденіемъ особой коммиссіи, полное собраніе образцовъ россійскихъ мѣръ: длины, емкости жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ и вѣса, которыя хранятся въ особомъ устроенномъ въ Санктпетербургской Крѣпости несгараемомъ зданіи, вмѣстѣ съ собраніемъ мѣръ и вѣсовъ главнѣйшихъ иностранныхъ государствъ, оффиціально засвидѣтельствованныхъ. Съ помянутыхъ образцовъ во всѣ губерніи разосланы вывѣренныя съ подлежащею точностію копіи аршина, фунта, ведра и четверика. Сверхъ того, изданы сравненія съ россійскими: а) разныхъ иностранныхъ мѣръ и вѣсовъ и б) разныхъ мѣстныхъ мѣръ и вѣсовъ, кромѣ Закавказскаго Края. За сими распоряженіями, признавъ нужнымъ принять нынѣ рѣшительныя мѣры къ повсемѣстному употребленію въ государствѣ однихъ россійскихъ мѣръ и вѣсовъ, и утвердивъ составленное на сей конецъ министромъ финансовъ и въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣнное положеніе, повелѣваемъ: 1) Положеніе сіе привести въ дѣйствіе съ 1-го январа 1845 года во всѣхъ частяхъ Имперіи. 2) Постоянное наблюденіе за сохраненіемъ по всему государству единообразія въ вѣсахъ и мѣрахъ возложить на Министерства Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ. Министерству Финансовъ, по Департаменту Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, предоставляются: храненіе нормальныхъ образцовъ, въ вѣдомствѣ Санктпетербургскаго Монетнаго Двора состоящихъ, и производство дѣлъ по приготовленію и исправленію копій съ оныхъ; разрѣшеніе вопросовъ по части метрологіи, вывѣрка вновь-приготовляемыхъ вѣсовъ и мѣръ и клейменіе оныхъ. Наблюденіе же за вѣрностію находящихся въ употребленіи вѣсовъ и мѣръ, преслѣдованіе тѣхъ, у которыхъ будутъ найдены вѣсы и мѣры незаконные, или невѣрные, наказаніе виновныхъ и другія по симъ предметамъ полицейскія распоряженія входятъ въ обязанности Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 3) Надзоръ за устроеннымъ въ Санктпетербургской Крѣпости зданіемъ, въ которомъ помѣщены

россійскіе нормальные мѣры и вѣсы и собраніе иностранныхъ, поручить Монетному Двору, который обязанъ пещись какъ о надлежащемъ охраненіи сего зданія, такъ и о поддержаніи онаго въ исправности. 4) На сей конецъ опредѣлить въ вѣдѣніе Монетнаго Двора особаго надъ упомянутымъ зданіемъ смотрителя, на отвѣтственности котораго должны лежать содержаніе сего зданія въ должномъ порядкѣ и сохраненіе въ наличности нормальныхъ мѣръ и вѣсовъ и всѣхъ другихъ помѣщаемыхъ тамъ вещей. Смотрителю сему назначить, изъ суммъ Государственнаго Казначейства, жалованье въ 300 р. сер. и на квартиру 150 р. сер. въ годъ. 5) Для надзора за сохраненіемъ въ надлежащей исправности россійскихъ нормальныхъ мѣръ и вѣсовъ и собраніе мѣръ и вѣсовъ иностранныхъ, назначить особаго ученаго хранителя изъ членовъ Академіи Наукъ, или другихъ лицъ, имѣющихъ спеціальныя въ метрологіи свѣдѣнія, возложивъ на обязанность его, сверхъ помянутаго надзора: а) повѣрку копій основныхъ образцовъ и мѣръ, доставленныхъ отъ казенныхъ палатъ, градскихъ думъ или ратушъ, въ случаѣ сомнѣнія о вѣрности сихъ копій, отъ времени или другихъ обстоятельствъ повредившихся; б) исправленіе, чрезъ извѣстныхъ механиковъ, копій вѣсовъ и мѣръ, которыя утратили свою точность; в) изготовленіе чрезъ таковыхъ же механиковъ вѣрнѣйшихъ копій россійскихъ мѣръ и вѣсовъ, еслибъ оказалась въ нихъ надобность; г) представленіе мнѣній о всѣхъ могущихъ встрѣтиться по части метрологіи вопросахъ или случаяхъ, которые будутъ требовать особенной вѣрности въ измѣреніи и которыхъ мѣстныя начальства не будутъ въ состояніи разрѣшить, и д) всѣ другія занятія по видамъ ученымъ. 6) По доставленіи отъ ученаго хранителя вѣсовъ и мѣръ мнѣній по вышеприведеннымъ дѣламъ и вообще по вопросамъ, которые могутъ встрѣтиться по части метрологіи, окончательное разрѣщеніе оныхъ предоставлять Академіи Наукъ, или назначать для того каждый разъ особыхъ экспертовъ. 7) Помянутому ученому хранителю состоять въ непосредственномъ вѣдѣніи министра финансовъ, которому предоставляется и избраніе его. На жалованье ему, независимо отъ получаемыхъ имъ по другимъ вѣдомствамъ окладовъ, назначить 1,200 руб. и на могущіе случиться расходы 300 руб. въ годъ, а всего 1,500 р. сер., которые отпускать также изъ Государственнаго Казначейства. 8) Расходы на содержаніе зданія, въ которомъ помѣщены нормальные вѣсы и мѣры, заимствованы, съ разрѣшенія министра финансовъ, изъ оборотнаго капитала Монетнаго Двора. 9) Расходы на исправленіе въ какихъ-либо случаяхъ нормальныхъ мѣръ и вѣсовъ, или разосланныхъ по губерніямъ копій съ оныхъ, производить съ разрѣшенія министра финансовъ, изъ свободныхъ суммъ, остающихся отъ ассигнованій по горнымъ сметамъ. 10) Для предохраненія нормальныхъ мѣръ и вѣсовъ отъ всякаго, въ случаѣ какого-либо непредвидѣннаго происшествія, измѣненія или утраты, равно и для того, чтобъ образцы сіи имѣть во всякое время подъ-рукою, по поводу могущихъ возникнуть въ губерніяхъ вопросовъ, копіи съ оныхъ, подобныя тѣмъ, которыя разсылаются по губерніямъ, передать въ Правительствующій Сенатъ, въ Министерства: Военное, Морское и Внутреннихъ Дѣлъ, въ Академію Наукъ и въ Санктпетербургскій Монетный Дворъ; потребную же на приготовленіе

сихъ копій сумму, простирающуюся до 2,443 руб. сер., отпустить изъ Государственнаго Казначейства.

— Въ имянномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату 9 іюня, изображено: «По отдаленности и мѣстнымъ неудобствамъ жизни въ губерніяхъ и областяхъ сибирскихъ, а также въ Губерніяхъ: Астраханской, Оренбургской и Вятской и Области Кавказской, и въ уѣздахъ Вологодской Губерніи: Яренскомъ, Устьсысольскомъ и Сольвычегодскомъ, и Архангельской: Кольскомъ, Кемскомъ и Мезенскомъ, Мы признали за благо для гражданской въ сихъ мѣстахъ службы, установить частію вновь, а частію въ замѣнъ существовавшихъ доселѣ разнообразныхъ положеній, нѣкоторыя особенныя преимущества, и въ слѣдствіе того утвердивъ разсмотрѣнное въ Государственномъ Совѣтѣ и у сего прилагаемое общее о таковыхъ преимуществахъ положеніе, повелѣваемъ Правительствующему Сенату сдѣлать нужныя къ обнародованію и исполненію онаго распоряженія и вмѣстѣ съ тѣмъ предписать къ руководству слѣдующее: 1) Изданіемъ настоящаго положенія замѣняются всѣ прежнія по сему предмету постановленія, исключая только мѣстъ и чиновъ, въ самомъ томъ положеніи особо поименованныхъ, и Закавказскаго Края, для котораго остаются въ своей силѣ существующія нынѣ правила. 2) Отнынѣ впредь во всѣ назначенныя выше губерніи и области, чиновники и канцелярскіе служители могутъ быть посылаемы, съ опредѣленными въ настоящемъ положеніи пособіями и преимуществами, не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ тамошними главными мѣстными начальствами, или по ихъ требованію. Отправляющіеся же туда по собственному желанію, безъ требованія или согласія тамошнихъ начальствъ, ни на какое со стороны казны вспомоществованіе права не имѣютъ, и до дѣйствительнаго вступленія тамъ въ службу никакимъ особымъ преимуществомъ не пользуются. 3) Особенныя преимущества, положеніемъ симъ установленныя, предоставляются тѣмъ лишь чиновникамъ, которые поступаютъ въ должности, положенныя по росписанію гражданской службы не выше VI-го класса. Но преимущества сіи, исключая сокращеніе сроковъ, въ §§ 26 и 28 положенія опредѣленное, не относятся вовсе: а) къ лицамъ, которыя переходятъ изъ одного поименованнаго въ семъ указѣ мѣста въ другое; б) къ переходящимъ въ отдаленныя или малонаселенныя мѣста изъ губерній или областей, съ ними смежныхъ, кромѣ случая, когда въ Губернію Олонецкую поступятъ чиновники и канцелярскіе служители изъ Губерніи Санктпетербургской, а въ Восточную Сибирь изъ Западной, по прослуженіи въ послѣдней не менѣе шести лѣтъ. 4) Всѣ изложенныя здѣсь преимущества присвоиются *гражданской* службѣ *вообще по всѣмъ ея вѣдомствамъ*, съ сохраненіемъ притомъ для чиновниковъ учебной части Министерства Народнаго Просвѣщенія существующихъ особыхъ о производствѣ имъ пенсій правилъ. 5) Классные чиновники, служащіе въ помянутыхъ мѣстахъ по управленіямъ *морскому* и *военно-сухопутному*, пользуются другими предоставленными имъ на основаніи военныхъ узаконеній преимуществами.»

— Въ Высочайшемъ указѣ 24-го Іюня изображено: «Утвердивъ, по заключенію учрежденнаго Нами особаго комитета, предположеніе о постройкѣ постояннаго моста черезъ рѣку Неву, Мы признали за нужное потреб-

ную на сію постройку сумму, по невозможности покрыть столь значительный расходъ обыкновенными доходами здѣшней столицы, занять изъ кредитныхъ установленій, а для уплаты процентовъ и погашенія самого займа на 37-ми-лѣтнихъ правилахъ, согласно мнѣнію членовъ означеннаго комитета отъ купечества, по разсмотрѣніи дѣла сего въ Государственномъ Совѣтѣ, повелѣваемъ: 1) со всѣхъ привозимыхъ къ санктпетербургскому порту иностранныхъ товаровъ взимать, сверхъ существующей теперь тарифной пошлины, прибавочный сборъ по $1^1/_4$ проц. съ пошлиннаго рубля; 2) взиманіе сего прибавочнаго сбора начать съ 1-го января будущаго 1843 года, распространивъ оный и на всѣ привозные товары, которые къ тому сроку останутся въ пакгаузахъ Санктпетербургской Таможни неочищенными пошлиною.

II. Губернскія учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Высочайше повелѣно: опредѣленную положеніями льготу отъ платежа процентнаго сбора на постойную въ городахъ повинность для вновь-возведенныхъ каменныхъ строеній на 10 лѣтъ, для деревянныхъ на каменномъ фундаментѣ на 6 лѣтъ, и для деревянныхъ безъ каменнаго фундамента на 4 года, распространить и на строенія, возобновляемыя послѣ пожаровъ.

— Въ слѣдствіе представленія объ издержкахъ на погребеніе умершихъ неизвѣстныхъ людей повелѣно: а) погребеніе тѣхъ неизвѣстныхъ людей, находимыхъ мертвыми внѣ жилищъ или умирающихъ въ полицейскихъ помѣщеніяхъ, возложить на обязанность градскихъ земскихъ полицій; б) для покрытія необходимыхъ при сихъ случаяхъ издержекъ, отпускать изъ казны такую же сумму, какая, по составляемымъ ежегодно въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ табелямъ, назначается приказу общественнаго призрѣнія за погребеніе умирающихъ въ больницахъ онаго арестантовъ; в) предоставить полиціи употреблять деньги изъ наличныхъ своихъ суммъ, съ возвратомъ потомъ изъ уѣзднаго казначейства.

— Въ разрѣшеніе вопроса, должно ли постановленнымъ Св. Зак. Т. 4, въ ст. 615 правиламъ, воспрещающимъ воинскимъ чинамъ, уволеннымъ отъ службы на инвалидное содержаніе, давать обывательскія квартиры, руководствоваться и въ отношеніи нижнихъ чиновъ, состоящихъ при инвалидныхъ командахъ на казенномъ содержаніи, Высочайше повелѣно: означеннаго воспрещенія на нижнихъ чиновъ не распространять, такъ какъ прежнее повелѣніе 1825 года, на которомъ упомянутое постановленіе основано, относилось собственно до однихъ офицеровъ; нижніе же чины, причисляемые къ инвалиднымъ командамъ, по старости лѣтъ и увѣчью, бывъ лишены средствъ снискивать себѣ пропитаніе собственными трудами и неимѣя родственниковъ, остаются на полномъ отъ казны содержаніи; а слѣдовательно и безъ отвода имъ обывательскихъ квартиръ, наравнѣ съ прочими нижними чинами, обойдтись не могутъ.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ въ 24-й день іюня даннымъ, повелѣно: 1) Оренбургскую Межевую Контору закрыть, предоставя Правительствующему Сенату сдѣлать всѣ нужныя по сему предмету распоряженія; 2) окончательное размежеваніе Оренбургской Губерніи произвести Ме-

жевой Канцеляріи посредствомъ собственныхъ ея землемѣровъ, и 3) имѣющую остаться, по упраздненіи упомянутой Конторы, сумму обратить, по другому Высочайшему указу, въ сей же день состоявшемуся, на содержаніе Межевой Канцеляріи, въ новомъ ея составѣ, съ тѣмъ, чтобъ за удовлетвореніемъ сихъ издержекъ, излишекъ отъ означенной суммы былъ оставленъ въ сметѣ Министерства Юстиціи, для отнесенія, на счетъ оваго, въ-послѣдствіи, содержанія новыхъ межевыхъ конторъ и другихъ, необходимыхъ по межевой части расходовъ.

— Высочайше утвержденъ штатъ Московской Канцеляріи для усиленія способовъ ея, и притомъ именнымъ Высочайшимъ указомъ въ 24-й день іюня повелѣно: 1) Штатъ сей привести нынѣ же въ полное дѣйствіе, обративъ на покрытіе предлежащихъ по оному расходовъ: во-первыхъ, всѣ суммы, ассигнуемыя по сметѣ Министерства Юстиціи, какъ на членовъ и прочее содержаніе Межевой Канцеляріи, такъ и на состоящихъ при ней упраздненныхъ Межевыхъ Конторъ: Саратовской, Вятской и Екатеринославской и закрываемой нынѣ Оренбургской; во-вторыхъ, всѣ другія свободныя суммы на устройство межевой части по той же смѣтѣ предназначаемыя, а равно и въ указѣ 12 ноября 1841 года поименованныя; в въ третьихъ, имѣющую остаться, по упраздненіи Оренбургской Межевой Конторы, сумму, поступивъ въ распредѣленіи сей послѣдней на томъ основаніи, какъ въ вышеприведенномъ указѣ постановлено. 2) Для большей постепенности въ землемѣрныхъ должностяхъ, раздѣлить оныя на три разряда: VIII-го, IX-го и X-го классовъ и за симъ наименованіе старшихъ и младшихъ землемѣровъ замѣнить званіемъ 1 го, 2-го и 3-го разрядовъ, а помощниковъ землемѣровъ положить: старшихъ въ XII-мъ классѣ. 3) Выпускаемыхъ изъ Константиновскаго Межеваго Института воспитанниковъ предоставить межевому начальству, въ случаѣ неимѣнія вакантныхъ мѣстъ помощниковъ землемѣровъ, опредѣлять въ званія сіи сверхъ штата, съ производствомъ жалованья изъ суммъ неполнаго комплекта, но вмѣстѣ съ тѣмъ прекратить уже содержаніе тѣхъ 33-хъ сверхштатныхъ помощниковъ землемѣровъ, которыхъ доселѣ позволено было имѣть при Межевой Канцеляріи.

III. Постановленія относительно службы гражданской.

— Высочайше повелѣно: постановленное въ 3-мъ пунктѣ § 30 Высочайше утвержденнаго въ 30-й день января 1839 года положенія о корпусѣ лѣсничихъ правило на счетъ присвоенія лѣсничимъ и подлѣсничимъ чиновъ, первымъ отъ подпоручика до штабс-капитана, а послѣднимъ отъ прапорщика до поручика отмѣнить, а вмѣсто сего опредѣлять въ обѣ сіи должности офицеровъ, отъ прапорщика до штабс-капитана включительно.

— Прогонныя деньги членамъ Строительныхъ Коммиссій и прочимъ чиновникамъ, командируемымъ по дѣламъ земства, разрѣшено относить на земскіе сборы, какъ и допущено по самымъ сметамъ земскихъ повинностей, удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія.

— Разрѣшено: чиновника для иностранной переписки, состоящаго при главномъ командирѣ Черноморскаго Флота и Портовъ, по особому Высо-

чайшему повелѣнію, включить въ штатъ Канцеляріи Главнаго Командира, 16 декабря 1831 года Высочайше утвержденный.

IV. Законы гражданскіе.

— По вопросу относительно производства дѣлъ между государственными крестьянами и частными лицами о денежныхъ претензіяхъ и движимыхъ имуществахъ, постановлено: 1) Дѣла по искамъ обществъ государственныхъ поселянъ на частныхъ лицахъ и взаимно сихъ послѣднихъ на обществахъ, о денежныхъ претензіяхъ и вообще о движимомъ имуществѣ, поступаютъ изъ суда первой степени во вторую безъ всякаго по цѣнѣ тяжбы ограниченія. Но въ гражданскихъ палатахъ тѣ изъ сихъ дѣлъ, по которымъ искъ составляетъ менѣе 600 р. сер., рѣшатся окончательно, если съ таковымъ рѣшеніемъ согласится мѣстная палата государственныхъ имуществъ, и въ семъ случаѣ дѣло не представляется уже начальнику губерніи, развѣ онъ самъ того потребуетъ, заявя требованіе сіе до постановленія еще окончательнаго въ гражданской палатѣ опредѣленія. При означенномъ выше согласіи обѣихъ палатъ, и при согласіи губернатора, когда онъ въ разсмотрѣніе дѣла входилъ, рѣшеніе приводится въ исполненіе безъ переноса въ Сенатъ; если же заключеніе градской палаты не будетъ принято палатою государственныхъ имуществъ, или, въ указанномъ случаѣ, начальникомъ губерніи, то дѣло черезъ сего послѣдняго представляется министру государственныхъ имуществъ, отъ котораго зависитъ или согласиться съ рѣшеніемъ, или внести дѣло въ Сенатъ съ своимъ заключеніемъ. 2) Всѣ дѣла сего рода на сумму свыше 600 р. сер. представляются начальникомъ губерніи въ Сенатъ, съ его мнѣніемъ, порядкомъ слѣдственнымъ.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ІЮЛЬ 1842 ГОДА.

Народное просвѣщеніе. По всеподданнѣйшему докладу Министра Народнаго Просвѣщенія Высочайше повелѣно: 1) Надзоръ Министерства Народнаго Просвѣщенія надъ всѣми еврейскими учебными и учеными заведеніями, раввинскими школами, клаузами, и другими, какого бы они наименованія ни были, въ которыхъ Евреи занимаются какъ ученымъ толкованіемъ закона своего и книгъ священныхъ, такъ и обученіемъ или воспитаніемъ юношества, учредить на общихъ основаніяхъ, по учебной части существующихъ. 2) Для ближайшаго содѣйствія видамъ правительства, учредить временно въ Санктпетербургѣ коммиссію изъ четырехъ раввиновъ, т. е., по одному изъ каждаго генералъ-губернаторства, въ которыхъ проживаютъ Евреи, по назначенію министерства и по предварительному соглашенію съ мѣстными генералъ-губернаторами. 3) Коммиссіи именоваться Коммиссіею, Высочайше учрежденною для Образованія Евреевъ въ Россіи. Устройство въ ней внутренняго порядка и дѣлопроизводства предоставить Министерству Народнаго Просвѣщенія. 4) По окончаніи трудовъ Коммиссіи, закрыть оную, съ назначеніемъ членамъ ея вознагражденія по усмотрѣнію министерства, изъ тѣхъ же источниковъ, которые предназначаются на устройство еврейскихъ училищъ.

— По устройству въ сельскихъ обществахъ приходскихъ училищъ повелѣно: 1) Сельскія приходскія училища въ казенныхъ селеніяхъ учреждать на основаніи общаго учебнаго устава 1828 года и согласно съ учрежденіемъ о управленія государственныхъ имуществъ т. I, ст. 171 и 172 и т. II ст. 163—166, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстнаго управленія, сохраняя притомъ вліяніе училищнаго начальства въ мѣрѣ, опредѣленной училищнымъ уставомъ. 2) Ученіе въ приходскихъ училищахъ возложить: а) на мѣстныхъ священниковъ, если въ приходѣ ихъ будетъ болѣе одного, или если это представится удобнымъ по обстоятельствамъ самого прихода; б) на дьяковъ и причетниковъ, когда они признаны будутъ способными къ тому, подъ непосредственнымъ однакожъ наблюденіемъ и руководствомъ приходскаго священника, и наконецъ; в) на учениковъ, уволенныхъ изъ семинарій, но неполучившихъ еще мѣста при церквахъ, подъ такимъ же наблюденіемъ священника. 3) Училища учреждать въ тѣхъ приходахъ, которые населены исключительно государственными крестьянами и гдѣ, по отзыву епархіальныхъ архіереевъ, избраны будутъ способныя къ тому духовныя лица; 4) Объ открытіи каждаго приходскаго училища, палаты государственныхъ имуществъ должны увѣдомлять директоровъ училищъ по принадлежности, а въ концѣ года доставлять имъ перечневыя вѣдомости о сихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ показаніемъ числа учителей и учащихся. 5) Устройство помѣщеній или наемъ таковыхъ, а равно расходы на первоначальное обзаведеніе и содержаніе училищъ отнести на счетъ общественнаго сбора.

Промышленость. Въ «Мануфактурныхъ и Горнозаводскихъ Извѣстіяхъ» сообщали, что для облегченія и удешевленія перевозки золотосодержащихъ песковъ отъ мѣстъ добычи къ фабрикамъ, въ екатеринбургскомъ заводскомъ округѣ была устроена переносная желѣзная дорога. Нынѣ пишутъ, что еще одна такая дорога устроена въ означенномъ округѣ на николаевскомъ пріискѣ, на разстояніи 115-ти саженъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлана желѣзная дорога въ нагорнскомъ золотопесчаномъ рудникѣ, гдѣ пески залегаютъ на глубинѣ $4^1/_2$ саж. отъ земной поверхности. Она проведена къ андреевской золотопромывальной фабрикѣ на $65^1/_2$ саж. по капитальной штольнѣ, и на $17^1/_2$ саж. по главному штреку, перпендикулярному штольнѣ. Устройство этихъ дорогъ весьма-значительно уменьшаетъ число рабочихъ рукъ, такъ, что при обѣихъ фабрикахъ сберегается до $109^1/_2$ поденщиковъ въ сутки, и отъ этого, полагая, по существующимъ штатамъ, поденщику 39 коп., сберегаются въ теченіе рабочаго года до 5500 руб. на ассигнаціи.

— Химику Карлу Шлиппе выдана привилегія на способъ добыванія сѣрной кислоты изъ сѣрныхъ колчедановъ безъ предварительнаго отдѣленія изъ нихъ сѣры и безъ употребленія особаго горючаго матеріала.

Благотворительность. Въ Галерной Гавани, 1 числа іюля, въ высокоторжественный день рожденія августѣйшей Покровительницы дѣтскихъ пріютовъ, открытъ дѣтскій пріютъ, уже третій на Васильевскомъ Островѣ. Въ сей же день открытъ и въ Харьковѣ дѣтскій пріютъ на первый случай для 30-ти человѣкъ обоего пола дѣтей.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА АВГУСТЪ 1842 ГОДА.

—

I. Государственныя учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

— Въ слѣдствіе представленія министра государственныхъ имуществъ о необходимости усилить общую журнальную часть его канцеларіи, Высочайше повелѣно: 1) Къ положенному по Высочайше-утвержденному 26 декабря 1837 года штату Министерста Государственныхъ Имуществъ помощнику общаго журналиста канцеларіи министра, получающему содержаніе наравнѣ съ старшими помощниками столоначальниковъ, прибавить еще другаго съ содержаніемъ, положеннымъ младшимъ помощникамъ столоначальниковъ, т. е. съ жалованьемъ по 285 р. 92 к. и столовыми по 57 р. 18 к. сер. въ годъ; 2) Въ-слѣдствіе того, помощниковъ сихъ наименовать: перваго, получающаго высшій окладъ, старшимъ, а вновь-прибавляемаго младшимъ; 3) соотвѣтственно сему, оставивъ старшаго помощника въ томъ классѣ и разрядѣ по должности, пенсіи и мундиру, въ какихъ онъ положенъ росписаніемъ, приложеннымъ къ штату министерства, отнести назначаемаго нынѣ младшаго помощника по должности къ XII классу, по пенсіи къ VIII, по мундиру къ X разрядамъ; 4) полагаемыя на содержаніе младшаго помощника всего 343 р. 10 к. сер. въ годъ, производить изъ суммы, положенной по штату на усиленіе канцеларіи чиновниками, впредь до окончательнаго составленія и утвержденія штата Министерству.

— Въ данномъ 1 іюля Санктпетербургскому Опекунскому Совѣту Высочайшемъ указѣ за собственноручнымъ Государя Императора подписаніемъ изображено: «Желая распространить кругъ благотворительныхъ учрежденій, Санктпетербургскому Опекунскому Совѣту подвѣдомственныхъ, устроеніемъ особаго заведенія для призрѣнія и воспитанія сиротъ женскаго пола, принадлежащихъ къ званіямъ духовному, купеческому и мѣщанскому, въ соотвѣтствіе Сиротскому Институту обер-офицерскихъ дочерей, при Санктпетербургскомъ Воспитательномъ Домѣ состоящему, Мы при-

знали за благо преобразовать для сей цѣли Александринскій Сиротскій Домъ, который, при новомъ его предназначеніи, Ея Императорское Величество, любезнѣйшая Супруга Наша, принимаетъ подъ Свое покровительство, въ сей радостный для сердца Нашего день совершившагося по благости Божіей двадцатипятилѣтія счастливаго Нашего супружества. Утвердивъ прилагаемые у сего уставъ и штатъ Александринскаго Сиротскаго Дома, повелѣваемъ Санктпетербургскому Опекунскому Совѣту потребную на содержаніе онаго дома сумму, двадцать-девять тысячь пятьсотъ-сорокъ-восемь рублей серебромъ отпускать ежегодно изъ общихъ доходовъ; въ вящшее же доказательство отеческаго Нашего попеченія объ участи сиротъ, Мы жалуемъ Александринскому Сиротскому Дому, единовременно, сто тысячь рублей ассигнаціями изъ суммъ государственнаго казначейства.»

— Даннымъ 9 іюля Правительствующему Сенату Высочайшимъ указомъ повелѣно: 1) въ портахъ россійскихъ, прусскіе купеческіе корабли уравнять съ русскими по платежу корабельныхъ сборовъ, съ условіемъ подобнаго уравненія въ портахъ Пруссіи, исключая, впрочемъ, изъ сего правила каботажное судоходство, которое предоставляется однимъ россійскимъ подданнымъ. Равнымъ образомъ, въ портахъ Великаго Княжества Финляндскаго допустить таковое уравненіе прусскихъ судовъ съ финляндскими, коль скоро, по дальнѣйшему соглашенію, финляндскіе корабли будутъ пользоваться въ прусскихъ портахъ правами, предоставленными туземнымъ судамъ; 2) для вящшаго облегченія торговли, учредить, на основаніи прилагаемыхъ у сего штатовъ, двѣ новыя таможни 3-го класса въ Кретингенѣ и Новомъ-Мѣстѣ (Нейштатѣ), съ тѣми правами, которыя предоставлены Горждовской Таможнѣ, при чемъ министръ финансовъ не оставитъ распорядиться, чтобъ сіи таможни были открыты не позже 1 января будущаго 1843 года; 3) для удобства пограничныхъ сношеній, возлагается на министра финансовъ открыть, кромѣ таможенъ, еще три удобные пункта для перехода черезъ прусскую границу, съ предоставленіемъ ему назначать въ-послѣдствіи еще сверхъ оныхъ, нѣкоторые другіе подобные пункты по мѣрѣ удобности и надобности; 4) распорядиться, чтобъ впредь земскіе исправники пограничныхъ съ Пруссіею уѣздовъ выдавали русскимъ подданнымъ, въ томъ надобность имѣющимъ, на переходъ въ Пруссію и возвращеніе оттуда, какъ черезъ таможни, такъ и черезъ особые переходные пункты, съ поименованіемъ оныхъ, виды на трое сутокъ, на простой бумагѣ, безъ всякаго платежа, съ соблюденіемъ, впрочемъ, полицейскихъ и таможенныхъ мѣръ осторожности; 5) въ случаѣ желанія прусскаго правительства, для оживленія порубежныхъ сношеній, учредить по особому соглашенію нѣкоторыя рыночныя мѣста на самой границѣ, для распродажи опредѣленныхъ предметовъ сельской и ремесленной промышлености, съ возвращеніемъ пошлинъ съ товаровъ, непроданныхъ на сихъ рынкахъ; 6) для вящшаго облегченія торговли вышеозначенными и нѣкоторыми другими предметами уменьшить съ иныхъ товаровъ таможенныя пошлины, и въ нѣкоторыхъ вовсе оныя снять, на основаніи прилагаемой у сего особой росписи; 7) таможнямъ въ Полангенѣ, Таурогенѣ и Юрбургѣ предоставить право очистки всѣхъ позволенныхъ по общему

европейскому тарифу товаровъ, исключая сахарнаго песку, рома, арака, французской водки, шалей турецкихъ и кашемирскихъ, также золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, съ предоставленіемъ привознымъ товарамъ права складки на 6 и 8 мѣсяцевъ, подобно какъ въ Санктпетербургѣ. Впрочемъ, если въ уѣздахъ сосѣднихъ съ прусскими владѣніями будетъ устроенъ какой-либо сахарный заводъ, то дозволить и привозъ сахарнаго песку опредѣленнымъ количествомъ, съ платежомъ установленной на оный пошлины; 8) Таможню Брест-Литовскую возвести въ 1-й классъ, на основаніи прилагаемаго у сего штата, и предоставить оной тѣ же права, какъ означеннымъ въ предъидущемъ пунктѣ тремъ таможнямъ, при чемъ она обязывается допускать къ транзиту въ Одессу съ узаконенными залогами всѣ товары, привозимые изъ Пруссіи черезъ Царство Польское; 9) по истеченіи привилегіи Компаніи Любскаго Пароходства, прусскимъ подданнымъ предоставить одинаковое право съ россійскими, къ участію въ предпріятіяхъ пароходныхъ сообщеній между портами обоихъ государствъ.

— По докладу Святѣйшаго Синода Высочайше повелѣно: учредить, съ 1 января 1843 года, въ Области Кавказской и Черноморіи особую епархію третьяго класса, съ назначеніемъ содержанія изъ казны, равною съ епархіями сего класса, и именовать архіерея ея кавказскимъ и черноморскимъ, а Новочеркасской Епархіи—донскимъ и новочеркасскимъ.

— Къ штату Контроля Министерства Императорскаго Двора, Высочайше конфирмованному въ 5 день сентября 1839 года, прибавлены одинъ старшій и два младшихъ помощниковъ контролера и одинъ канцелярскій служитель перваго разряда.

— Устройство санктпетербурго-московской желѣзной дороги присоединено къ Главному Управленію Путями Сообщенія и Публичными Зданіями въ томъ уваженіи, что непосредственно къ кругу обязанностей сего управленія принадлежитъ предпринятое сооруженіе, какъ въ настоящее время, при совершеніи онаго, такъ и въ-послѣдствіи, при дальнѣйшемъ его въ Имперіи развитіи. Въ-слѣдствіе сего, Высочайше повелѣно: 1) для распоряженій по сооруженію означенной дороги и вообще для управленія и исполненія всего, до желѣзныхъ дорогъ относящагося, образовать въ Главномъ Управленіи Путями Сообщенія и Публичными Зданіями особый департаментъ, которому и именоваться *Департаментомъ Желѣзныхъ Дорогъ*. 2) Департаменту сему присвоить составъ по особому штату, впредь до дальнѣйшаго усмотрѣнія и опредѣленія всѣхъ его дѣйствій и обязанностей. 3) При департаментѣ семъ, на время сооруженія санктпетербурго-московской желѣзной дороги, собственно для разсмотрѣнія предположеній, проектовъ и смѣтъ, по части технической и искусственной, имѣть временную коммиссію; 4) коммиссіи сей состоять изъ особаго числа членовъ по Высочайшему указу, главноуправляющему путями сообщенія и публичными зданіями данному; 5) порядокъ дѣйствій учреждаемаго департамента, его права, обязанности, отвѣтственность и отчетность, подчинить общимъ правиламъ, для прочихъ департаментовъ Главнаго Управленія Путями Сообщенія и Публичными Зданіями установленнымъ; но дѣла устройства санктпетербурго-московской желѣзной дороги, власть главноуправляющаго превышающія, вносить ему въ Комитетъ Санктпетербурго-Московской Же-

лѣзной Дороги, указомъ 1 февраля сего года учрежденный; 6) дѣла по сему комитету производить въ Департаментѣ Желѣзныхъ Дорогъ, и директору сего департамента быть и управляющимъ дѣлами комитета; 7) за симъ строительную коммиссію санктпетербурго-московской желѣзной дороги и канцелярію сей коммиссіи и комитета упразднить, а чиновниковъ канцеляріи перечислить въ Департаментъ Желѣзныхъ Дорогъ.

—Высочайше-утверждено положеніе о черноморскомъ казачьемъ войскѣ, по которому оно въ военномъ и гражданскомъ его устройствѣ получаетъ новое образованіе. Положеніе сіе, имѣя главною цѣлію упрочить благосостояніе войска въ общихъ и частныхъ видахъ, и посему, объемля всѣ предметы къ управленію и благоустройству онаго относящіеся, раздѣляется на четыре части: первая опредѣляетъ общій составъ черноморскаго казачьяго войска, его обязанности и преимущества; вторая заключаетъ военное и гражданское управленіе въ совокупности, третья содержитъ военное управленіе въ особенности, и четвертая—гражданское управленіе въ особенности.

II. Губернскія учрежденія. (Измѣненія и дополненія состава и правъ ихъ.)

— Срокъ для ярмарки въ городѣ Николаевскѣ, Саратовской Губерніи, назначенъ вмѣсто первой, въ третью недѣлю великаго поста.

— Высочайше-утверждено положеніе для управленія заведеніями общественнаго призрѣнія въ городѣ Вильнѣ. По сему положенію, въ городѣ Вильнѣ учреждается Попечительный Совѣтъ. Онъ подчиняется Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, отъ котораго получаетъ разрѣшенія по дѣламъ, до управленія ввѣренными ему заведеніями относящимися. Вѣдѣнію сего совѣта поручается: а) Госпиталь св. Іакова, на форштатѣ Лукишкахъ; б) госпиталь на улицѣ Савичь; в) Домъ для Умалишенныхъ; г) воспитательное заведеніе подъ названіемъ *Младенецъ Іисусъ*; д) Еврейскій госпиталь. Вѣдѣнію попечительнаго совѣта могутъ подлежать и другія благотворительныя заведенія, если въ-послѣдствіи признано будетъ нужнымъ поручить ему управленіе оными. Также предоставляется совѣту вновь учреждать заведенія, цѣли общественнаго призрѣнія соотвѣтствующія, по мѣрѣ способовъ и мѣстной потребности, съ разрѣшенія высшаго начальства. Попечительный совѣтъ управляетъ заведеніями посредствомъ попечителей. Онъ составляется изъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго военнаго губернатора или генерал-губернатора. Виленскій гражданскій губернаторъ, или, въ отсутствіе его, исправляющій его должность, и также губернскій предводитель дворянства, попечители заведеній и градскій глава — суть члены попечительнаго совѣта.

—Для производства городскихъ работъ въ городѣ Керчь-Ениколѣ, учреждается арестантская полу-рота гражданскаго вѣдомства въ составѣ 80-ти арестантовъ, во всемъ на правилахъ, существующихъ для подобныхъ ротъ новороссійскаго края.

— Высочайше разрѣшено: учредить сберегательную кассу при Одесскомъ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, на основаніи Высочайше-утвержденнаго 30 октября 1841 года устава.

— Въ-слѣдствіе ходатайства генерал-губернатора Восточной Сибири, Высочайше разрѣшено: 1) на ежегодное добавочное содержаніе презуса и трехъ ассессоровъ Красноярской Военно-судной Коммиссіи назначить примѣрно первому 210, а послѣднимъ по 60, всего 390 руб., да на канцелярскіе расходы по 30 р., а вообще 420 руб. сер. въ годъ, которые и отнесть на счетъ 4-хъ-рублевой съ частнаго золота подати; 2) распредѣленіе этой суммы предоставить усмотрѣнію генерал-губернатора Восточной Сибири. 3) На годовое содержаніе аудитора Красноярской Коммиссіи назначить изъ того же 4-хъ рублеваго сбора 210 р. сер., и 4) на случай надобности предоставить главному управленію горному, распространить всѣ означенныя выше издержки на одинаковомъ основаніи и на подобныя красноярской военно-судныя коммиссіи, въ Томскѣ и Иркутскѣ.

— *Въ-слѣдствіе* представленія министра внутреннихъ дѣлъ въ Комитетъ Министровъ о мѣрахъ къ искорененію въ Санктпетербургѣ безпорядковъ и злоупотребленій при продажѣ съѣстныхъ припасовъ, Государь Императоръ, по положенію Комитета 4 числа августа, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Для наблюденія въ здѣшней столицѣ за продажею съѣстныхъ припасовъ по таксѣ, назначить четырехъ *торговыхъ смотрителей*, по избранію купеческаго общества, изъ лицъ, извѣстныхъ честностію и заслуживающихъ полнаго довѣрія. Для удобнѣйшаго надзора, раздѣлить между ними городъ на четыре участка, именно: къ первому отнести двѣ первыя Адмиральтейскія и Литейную Части, ко второму прочія Адмиральтейскія и Нарвскую, къ третьему Московскую, Каретную и Рождественскую, и къ четвертому Васильевскую, Петербургскую и Выборгскую. 2) Торговыхъ смотрителей выбирать на годъ, причисливъ ихъ должность къ 8-му разряду, съ правомъ ношенія мундира на общемъ основаніи, и предоставивъ купеческому обществу назначить имъ приличное жалованье. 3) Подъ личною отвѣтственностію они обязаны наблюдать, чтобъ съѣстные припасы, для которыхъ издается такса, продавались не иначе, какъ указнаго вѣса и мѣры и по цѣнѣ, опредѣленной таксою. Для сего смотрители имѣютъ входъ во всѣ торговыя заведенія, подлежащія ихъ наблюденію, и если обнаружатъ обманъ, то, пригласивъ въ свидѣтели одного или двухъ сосѣднихъ торговцевъ, составляютъ журналъ объ открытомъ злоупотребленіи и за общимъ подписаніемъ представляютъ вмѣстѣ съ уликами, какія найдутся, въ Городскую Думу. 4) Дума немедленно повѣряетъ донесеніе смотрителя съ представленными уликами, а въ случаѣ надобности отряжаетъ и своего члена для изслѣдованія на мѣстѣ. Если по несомнѣннымъ доказательствамъ торговецъ уличенъ въ обманѣ, то подвергается наказанію по журнальному постановленію Думы, которая сообщаетъ о томъ Управѣ Благочинія для зависящихъ отъ нея распоряженій и доноситъ военному генерал-губернатору. 5) Градская Дума во всякое время, сама и чрезъ своихъ членовъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ 19 мая 1842 года, наблюдаетъ за торговлею съѣстными припасами и за дѣйствіемъ торговыхъ смотрителей. 6) За обманъ всякаго рода при продажѣ съѣстныхъ припасовъ, для которыхъ издается такса, подвергать уличеннаго торговца денежному штрафу: въ первый разъ 30 руб. сер., а во второй вдвое противъ того, съ обращеніемъ каждый разъ по-

ловины взъисканныхъ денегъ въ пользу города, а другой въ пользу открывателей; при обнаруженіи обмана въ третій разъ, торговое заведеніе закрывать, и виновному воспрещать торговлю въ городѣ, какъ лицу неблагонамѣренному. Объ этомъ постановленіи объявить нынѣ же торговцамъ, подъ росписками.

— Разрѣшено учредить въ городѣ Одоевѣ двѣ ярмарки: первую въ день св. великомученика Георгія, 23 числа апрѣля, срокомъ на 9-ть дней, а вторую въ день скорбящей Божіей Матери, 24 октября, срокомъ на 6-ть дней.

III. Постановленія относительно службы гражданской.

— При утвержденіи проекта штата миссіи и консульствъ нашихъ въ Турціи, Высочайше повелѣно: 1) Должность консула въ Турціи (за исключеніемъ консула въ Яссахъ, отнесеннаго уже къ VI классу) перечислить изъ VIII въ VII классъ, по росписанію должностей по классамъ. 2) Должности по миссіи и консульствамъ въ Турціи, невошедшія въ общее росписаніе, а также тѣ, которыя состоятъ въ несоотвѣтственныхъ разрядахъ, отнести къ нижеслѣдующимъ классамъ: къ V — совѣтника и перваго драгомана миссіи; къ VI—старшаго секретаря и помощника перваго драгомана миссіи; къ VII—младшихъ секретарей миссіи и помощника управляющаго Коммерческою Канцеляріею въ Константинополѣ; къ VIII — старшаго секретаря Коммерческой Канцеляріи, секретарей и старшихъ драгомановъ всѣхъ вообще генеральныхъ консульствъ въ Турціи и консульства въ Яссахъ; къ IX—младшаго секретаря Коммерческой Канцеляріи и младшихъ драгомановъ всѣхъ вообще генеральныхъ консульствъ въ Турціи и консульства въ Яссахъ, и къ X—драгомановъ, состоящихъ при вице-консульствахъ; и 3) пребывающимъ въ Турціи генеральнымъ консуламъ, консуламъ и вице-консуламъ, вмѣсто консульскаго мундира, присвоить мундиръ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

— Должность секретаря Дворянскаго Полка, для полученія пенсіи, причислена къ 6 му разряду росписанія пенсіонныхъ окладовъ, наравнѣ съ правителями дѣлъ кадетскихъ корпусовъ, въ томъ вниманіи, что обязанности ихъ одинаковы.

— Членамъ и чиновникамъ состоящей при варшавскихъ Правительствующаго Сената департаментахъ Герольдіи присвоены мундиры, установленные для чиновъ состоящей при Правительствующемъ Сенатѣ Герольдіи Имперіи.

IV. Постановленія относительно состояній.

— По возникшему вопросу о дополненіи закона относительно порядка возведенія въ почетное гражданство, мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Высочайше-утвержденнымъ, постановлено: къ 4 пункту 370-й ст. Закон. о Сост. (т. IX) присовокупить слѣдующее примѣчаніе: лица, переходившія изъ 1-й или 2-й гильдіи въ 3-ю, не прежде могутъ быть удостоиваемы почетнаго гражданства, какъ пробывъ, по выходѣ изъ 3-й гильдіи, вновь 10 лѣтъ сряду въ 1-й, или 20 лѣтъ сряду же во 2-й гильдіи.

V. Законы гражданскіе

— Въ-слѣдствіе представленія объ ограниченіи числа дѣлъ, поступающихъ въ ликвидаціонныя коммиссіи, Высочайше повелѣно: 1) Вновь заводимыя дѣла по конфискованнымъ имѣніямъ въ судебныхъ мѣстахъ вести по порядку, установленному для дѣлъ, сопряженныхъ съ казеннымъ интересомъ, не вводя въ ликвидаціонныя коммиссіи. 2) Въ ликвидаціонныхъ коммиссіяхъ оставить дѣла, требующія ликвидація и о выдѣлахъ. 3) Остальныя неразсмотрѣнныя въ коммиссіяхъ дѣла, относящіяся до ликвидацій конченныхъ, или вообще неимѣющихъ съ ними никакой связи, передать изъ коммиссій, для производства и дальнѣйшаго хода по правиламъ по дѣламъ, сопряженнымъ съ казеннымъ интересомъ, въ надлежащія присутственныя мѣста, возложивъ распредѣленіе по онымъ тѣхъ дѣлъ, по принадлежности, на генерал-губернаторовъ, и 4) изъ дѣлъ, въ судебныхъ мѣстахъ остающихся, передать въ ликвидаціонныя коммиссіи на прежнемъ основаніи и по наступленіи очереди, только тѣ дѣла, которыя имѣютъ связь съ ликвидаціею, производимою въ сихъ коммиссіяхъ, а всѣ прочія, не вводя въ оныя, предоставить тому порядку, какой существуетъ для дѣлъ частныхъ лицъ съ казною.

— По вопросу, какъ считать въ общихъ собраніяхъ кредиторовъ несостоятельнаго должника большинство ихъ голосовъ, постановлено: при общихъ собраніяхъ кредиторовъ несостоятельнаго должника большинство голосовъ ихъ считается не по числу лицъ, сіи голоса подающихъ, а по количеству долговой суммы.

— Силу и дѣйствіе изложенныхъ II-й кн. III Разд. въ гл. VIII ст. 842 Зак. Гражд. правилъ о вводѣ во владѣніе недвижимыми имуществами и о срокѣ выкупа оныхъ повелѣно распространить въ той же степени и на Бессарабскую Область.

VI. Законы уголовные.

— Въ-слѣдствіе представленія министра финансовъ Высочайше-повелѣно: 1) Съ 1843 года, въ обѣихъ столицахъ и въ тѣхъ губернскихъ городахъ, въ которыхъ находится наиболѣе табачныхъ фабрикъ и домашнихъ заведеній, опредѣлить особыхъ акцизныхъ надзирателей и помощниковъ при казенныхъ палатахъ, и въ Санктпетербургѣ, по значительности табачной промышлености, при Департаментѣ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, на основаніи особаго штата. 2) Подтвердить корчемнымъ и таможеннымъ засѣдателямъ при земскихъ судахъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они назначены (Св. Зак. т. V и VI, ст. 70 и 620), и вообще городскимъ и земскимъ полиціямъ, мѣстнымъ управленіямъ удѣльному и казенныхъ крестьянъ, волостнымъ и сельскимъ начальствамъ на томъ же основаніи, какъ и по питейному сбору (т. V, ст. 615, 617 и проч.), объ искорененіи, въ мѣстахъ, имъ подвѣдомыхъ, корчемства и неправильной промышлености табакомъ. 3) Акцизные надзиратели и помощники, а равно полиція, какъ само-по-себѣ разумѣется, должны руководствоваться изданными и издаваемыми о надзорѣ правилами. 4) Въ обѣихъ столицахъ опредѣлить, по мѣрѣ надобности, служителей изъ отставныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, которые должны имѣть на груди знаки съ надписью: «Корчемная стража

по акцизу съ табаку». 5) Изъ штрафовъ и конфискацiонныхъ суммъ, въ пользу казны поступающихъ, отдѣлять половину въ особый капиталъ при Департаментѣ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, на томъ же основанiи, какъ постановлено въ Св. Зак. т. V, ст. 725 о взысканiяхъ по части питейнаго сбора. Изъ этого капитала, по усмотрѣнiю министра финансовъ, выдавать награжденiе мѣстнымъ чиновникамъ, отличившимся при открытiи корчемства, или неправильной продажи табаку.

— Принимая въ соображенiе, что, по силѣ XXX ст. Всемилостивѣйшаго манифеста 16 апрѣля 1841 года, взысканiя, наложенныя на разныхъ лицъ, на основанiи 543, 544 и 930 ст. VIII т. Св. Уст. Лѣснаго, за неклейменiе лѣсовъ, должны быть слагаемы, въ томъ уваженiи, что взысканiя сiи со штрафами за неимѣнiе билетовъ по роду своему между собою сходствуютъ, постановлено: разрѣшить таковыя взысканiя, за дѣйствiя по 1840 годъ слѣдующiя, и въ недоимкѣ числящiяся, со счета сложить.

СОБЫТIЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА АВГУСТЪ 1842 ГОДА.

Народное просвѣщенiе.—Высочайше-утверждено предположенiе Святѣйшаго Правительствующаго Синода объ учрежденiи въ городѣ Казани духовной академiи, съ назначенiемъ отпуска суммъ изъ духовно-учебныхъ капиталовъ.

— По случаю быстраго развитiя гальванопластики и многоразличнаго примѣненiя оной въ художествахъ, фабрикахъ и ремеслахъ, учреждается при Санктпетербургской Рисовальной Школѣ для вольно-приходящихъ особенное отдѣленiе для преподаванiя первыхъ началъ практическаго употребленiя гальванопластики, какъ то: правилъ формировки моделей, практическое устройство гальванопластическаго аппарата, употребленiе онаго для фигуръ, барельефовъ, украшенiй, снятiя эстамповъ, на мѣди вырѣзанныхъ, и другiе предметы и по удобности прiемы для золоченiя посредствомъ гальванопластической струи. Въ отдѣленiе принимаются художники, мастера, подмастерья, ремесленники и нѣкоторые изъ лучшихъ воспитанниковъ Рисовальной Школы, вообще изъ людей извѣстныхъ и добронравныхъ. Отдѣленiе открывается съ 12 августа сего года, съ котораго времени начнется въономъ обученiе гальванопластикѣ, но не болѣе десяти человѣкъ въ одно время, по порядку явки ихъ. Курсъ ученiя продолжится отъ четырехъ до пяти недѣль, по средамъ и субботамъ, отъ шести до восьми часовъ пополудни, такимъ образомъ, что по окончанiи каждаго курса тотчасъ начнется новый и поступятъ въ классъ записавшiеся по старшинству.

— Государь Императоръ пожаловать соизволилъ Варшавскому Учебному Округу собранiе книгъ на россiйскомъ и иностранныхъ языкахъ до 12,000 томовъ, въ видѣ дополненiя къ Высочайшему дару 1840 года.

— Въ-слѣдствiе ходатайства наказнаго атамана войска донскаго, Высочайше-повелѣно: 1) Для преподаванiя сельскаго хозяйства и практическаго

счетоводства учредить въ войскѣ донскомъ шесть реальныхъ классовъ, при войсковой гимназіи и окружныхъ училищахъ: новочеркасскомъ, хоперскомъ, устьмедвѣдицкомъ и первомъ и второмъ донскихъ, съ тѣмъ, чтобъ въ классахъ этихъ было преподаваемо: въ гимназіи, въ небольшомъ объемѣ, сельское хозяйство и практическое счетоводство; въ Новочеркасскомъ Окружномъ Училищѣ—практическое счетоводство; въ остальныхъ окружныхъ училищахъ одно практическое счетоводство. 2) Преподаваніе сихъ наукъ возложить: а) въ классахъ Новочеркасскаго и Устьмедвѣдицкаго Окружныхъ Училищъ на особыхъ учителей, съ производствомъ жалованья по 143 руб. сер. въ годъ каждому, изъ суммъ, жертвуемыхъ торговымъ обществомъ и отставнымъ штабс-ротмистромъ Серебряковымъ; б) въ классахъ гимназіи и Хоперскаго и Втораго Донскаго Окружныхъ Училищъ, — на учителей математическихъ наукъ, съ назначеніемъ имъ прибавочнаго жалованья изъ войсковыхъ суммъ: въ гимназіи, за преподаваніе сельскаго хозяйства, по 57 руб. 14 коп., а практическаго счетоводства по 50 руб.; въ окружныхъ училищахъ по 85 руб. 80 коп., всего по 278 руб. 74 коп. сер. въ годъ; в) въ классахъ Перваго Донскаго Окружнаго Училища также на учителя математическихъ наукъ, съ производствомъ прибавочнаго жалованья по 85 руб. 80 коп. сер. въ годъ, изъ суммъ, жертвуемыхъ дворянствомъ перваго донскаго начальства.

— Въ торжественный день рожденія Государыни Императрицы въ Иркутскѣ совершилось освященіе закладки зданія для Института Благородныхъ Дѣвицъ, перваго заведенія сего рода въ Иркутскѣ и во всей Сибири.

Благоустройство. — Открыты для судоходства вновь-устроенные шлюзы на новомъ устьѣ Ладожскаго Канала въ городѣ Новой-Ладогѣ. Къ построенію сего важнаго въ торговомъ отношеніи сооруженія приступлено въ 1840 году. Имъ замѣнены прежніе шлюзы, стѣны которыхъ отъ ветхости наклонились, отъ-чего камеры сдѣлались такъ узки, что барки и другія большаго размѣра суда не могли проходить. Сіе огромное и великолѣпное государственное сооруженіе состоитъ изъ трехъ камеръ, каждая между воротами длиною въ 24 сажени, шириною въ 4 сажени 2 фута, бассейна отъ Волхова длиной въ 35½ саженъ и бассейна отъ шлюзовъ до стараго устья длиною въ 161 сажень. Нижнія части стѣнъ шлюзовъ обложены кругомъ гранитнымъ камнемъ въ два ряда; остальныя части плитныхъ стѣнъ обложены кирпичомъ-желѣзнякомъ, толщиною до шести футовъ, осмолены, покрыты напитаннымъ въ смолѣ войлокомъ и обшиты также высмоленными досками. Сверхъ стѣнъ, наложенъ гранитный корпусъ и барьеръ; возлѣ кордова плитный троттуаръ шириною въ полторы сажени; средніе устои или быки покрыты тёсаною лещадною плитою. Берега бассейновъ обложены гранитнымъ камнемъ, покрытымъ гранитнымъ кордономъ, и по сторонамъ устроено шоссе шириною въ три сажени. Чтобъ имѣть понятіе о важности шлюзовъ, ограничивающихъ Ладожскій Каналъ въ городахъ Новой-Ладогѣ и Шлиссельбургѣ, упомянемъ только о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. До открытія, въ прошедшемъ году, вновь-построенныхъ двухъ каменныхъ шлюзовъ на Новомъ Устьѣ Ладожскаго Канала въ Шлиссельбургѣ, отъ впуска въ каналъ съ рѣки Волхова до выпуска на

рѣку Неву, караванныя барки находились въ каналѣ до двухъ недѣль, тяжелогрузныя суда до трехъ, и лѣсные плоты, сплоченные въ гонки узаконенной длины и ширины, до одного мѣсяца. Присемъ платилось за тягу по каналу каждаго легкаго судна до 12 руб., тяжелогрузнаго до 18 руб. и лѣсной гонки до 36 руб. сер. Въ нынѣшнемъ же году, когда пропускъ судовъ въ Шлиссельбургѣ чрезъ новыя шлюзы ускорился, каждый разрядъ судовъ и лѣсныя гонки проходятъ каналъ втрое скорѣе и платятъ вдвое дешевле. Прежде сего перевозныя суда совершали съ большимъ трудомъ два рейса (оборота) между Санктпетербургомъ и мѣстами нагрузки на рѣкахъ Волховѣ, Сяси, Свири и впадающихъ въ нихъ рѣкахъ; въ нынѣшнемъ году, они совершили уже три рейса и, вѣроятно, совершатъ четвертый, а потому цѣна за провозъ дровъ съ означенныхъ рѣкъ до столицы значительно уменьшилась, чему много способствовало предпринятое въ прошедшемъ году и нынѣ продолжающееся углубленіе Ладожскаго Канала въ мѣстахъ, гдѣ онъ наиболѣе обмелѣлъ отъ наносной земли. Оно доставило возможность идти судамъ съ большею осадою въ водѣ, а вмѣстѣ устранило накопленіе судовъ и тѣсноту въ каналѣ, причинявшія замѣшательства, сопряженныя съ поврежденіемъ судовъ. Съ открытіемъ новыхъ шлюзовъ въ Новой-Ладогѣ уничтожится существованіе простоя судовъ на рѣкѣ Волховѣ, при дружномъ подходѣ вышневолоцкихъ каравановъ и судовъ съ системъ тихвинской и маріинской. На Новоладожской Пристани скоплялось до восьмисотъ судовъ и до четырехъ тысячь лѣсныхъ плотовъ, которые впускаются въ каналъ съ соблюденіемъ строгой очереди; по недостатку шлюзовъ, суда и лѣсные плоты, пришедшіе послѣдними, простаивали, въ ожиданіи очереди, по двѣ и по три недѣли; нынѣ же, при открытіи новыхъ шлюзовъ, впускъ въ каналъ ускорится въ два съ половиною раза, слѣдовательно, такихъ простоевъ не будетъ, и успѣхъ судоходства увеличится, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно уменьшится цѣнность доставки товаровъ, въ-особенности дровъ и лѣсовъ.

Благотворительность.—Тверской 2-й гильдіи купецъ Григорій Богдановъ предложилъ въ ежегодное пожертвованіе Демидовскому Дому Призрѣнія Трудящихся тысячу рублей и сверхъ того пожертвовалъ тысячу рублей ассигнаціями единовременно. — Въ Минскѣ, въ торжественный день рожденія Государыни Императрицы, открытъ дѣтскій пріютъ.

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕНОСТЬ ВООБЩЕ.

ЗАПИСКИ ПЕНЗЕНСКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА О ТЕОРІИ И ПРАКТИКѢ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе.)

—

§ 22.

Какое хозяйство авторъ называетъ «подозрительнымъ». При увеличенной запашкѣ можно довольствоваться малыми урожаями. Температура имѣетъ главное вліяніе на растительность.

Возьмемъ еще примѣръ, который вмѣстѣ съ тѣмъ объяснитъ, что я разумѣю подъ словомъ «подозрительное хозяйство».—Неудобряемыя пахатныя поля помѣщика истощились отъ безпрерывныхъ посѣвовъ колосовыхъ хлѣбовъ (это истощеніе можно вездѣ встрѣтить, особенно въ имѣніяхъ среднихъ губерній). Помѣщикъ не только это видитъ, но и знаетъ, что, удобривъ ихъ навозомъ, онъ возвратитъ, на нѣкоторое время, потерянную ими тучность. Но чтобъ удобреніе земли произвело полное, благотворное вліяніе на посѣвы — въ средней полосѣ, на порядочную почву, надобно положить на каждую экономическую десятину (3,200 кв. саженъ) отъ 150 до 200 возовъ (каждый въ 12 пудъ) *добраго* навоза, или плохаго отъ 300 до 400 возовъ.

Добраго навоза негдѣ взять, когда скотоводство, по нашимъ азіатскимъ разсчетамъ, должно быть содержимо патріархально (о при-

чинахъ такого содержанія уже было говорено). Но плохаго вывѣтрѣвшагося навоза въ деревнѣ пропасть.

Запахивается у этого помѣщика на каждое тягло, по малоземелью, только по одной десятинѣ въ полѣ; но вывезти по 300 или 400 возовъ на каждую десятину одного изъ его трехъ полей, въ наше кратковременное лѣто, въ глубокую осень, или сначала марта до весенней пашни, не имѣетъ онъ средствъ, потому-что, какъ уже было замѣчено, во все лѣтнее время продолжаются полевыя работы, для которыхъ помѣщикъ имѣетъ не болѣе 65 дней, работая полною своею барщиною; а въ послѣдующее время домашнія подѣлки, ужасная грязь и гололедица, зимою глубокіе снѣга, морозы, молотьба и вывозка произведеній на продажу, почти всегда на отдаленные рынки, весною распутица — не дадутъ времени вполнѣ исправить эту работу. Слѣдовательно, опять нуженъ денежный капиталъ для того, чтобъ наймомъ вывезти отъ 300 до 400 возовъ навоза на десятину. Кладя по 15 копеекъ возъ и по 10 возовъ на подводу, если поля близки, — чтобъ человѣкъ съ лошадью выработалъ въ день самую меньшую плату, 150 копеекъ, надобно положить на каждую десятину, безъ обработки, на одно одобреніе, отъ 45 до 60 рублей.

Хорошо-удобренная и вовремя-посѣянная десятина ржи даетъ, въ хорошій хлѣбородный годъ, 15 четвертей. Вычтя $2^1/_2$ четверти на расходъ и сѣмена, остается на продажу $12^1/_2$ четвертей.

Цѣны на хлѣбъ зависятъ у насъ, какъ уже сказано, всегда отъ мѣстности, урожая и, что всего важнѣе, отъ *требованія*. Полагая имѣніе не сѣвернѣе 53° градуса широты, можно каждой четверти положить сложную цѣну на пристаняхъ, рынкахъ, или винокуренныхъ заводахъ, отъ 5 до 6 рублей ассигн. Слѣдовательно, если предположить, что надо отвезти свое произведеніе часто за 100 и болѣе верстъ, каждая десятина дастъ выручки отъ $62^1/_2$ до 75 рублей (*). Но расходы помѣщика не ограничиваются одною платою за вывозку удобренія на его поля. Обработка земли, уборка десятины, высушка сноповъ, молотьба и отвозъ не даромъ ему обходятся. Оцѣниваются эти работы: 1) тѣмъ капиталомъ, который заплаченъ за имѣніе; 2) тѣмъ количествомъ земли, которое дается каждому тягловому крестьянину отъ господина; 3) денежнымъ капиталомъ, который былъ употребленъ на хозяйственныя постройки, и 4) тѣми денежными расходами, которые ежегодно бываютъ: a) на поддержаніе строеній; b) на жалованье употребленнымъ по хозяйству должностнымъ людямъ; c) на мелочныя домашнія надобности; d) на помощь крестьянамъ и e) на непредвидимые несчастные случаи. Всѣ эти статьи составятъ расходъ на десятину, засѣянную рожью, самымъ скупымъ счетомъ до 25 рублей; а вмѣстѣ съ суммою, употребленною на удобреніе, — отъ 70 до 85 рублей. Слѣдовательно, въ виду скорѣе убытокъ, нежели барышъ. Ука-

(*) Если бы возразили, что этихъ цѣнъ теперь нѣтъ, то можно отвѣчать, что и урожаевъ подобныхъ нѣтъ.

жутъ, можетъ-быть, на будущія выгоды, которыя получатся въ слѣдующіе годы отъ земли уже удобренной. Онѣ, конечно, неотразимо могутъ прійдти въ руки земледѣльца; но не надобно позабывать, что у нашихъ помѣщиковъ лежачихъ капиталовъ нѣтъ, или есть, но очень-мало; а у земледѣльца они и быть не могутъ. Весь его капиталъ состоитъ въ землѣ, дешевой сбруѣ, орудіяхъ и личной досужливости; эта досужливость въ сельскомъ хозяйствѣ у насъ требуетъ скораго возмездія; она не можетъ зарывать чистыхъ денегъ въ землю, въ чаяніи будущихъ благъ, какъ бы будущія выгоды ни были велики и несомнѣнны.

Но могутъ случиться неурожаи, съ 1831 года такъ часто насъ посѣщающіе и происходящіе отъ засухи, безпрерывныхъ дождей, насѣкомыхъ, преждевременныхъ морозовъ и снѣга, и долголежащихъ снѣговъ. Всѣ эти неблагопріятные случаи, принадлежности сѣверовосточнаго нашего климата, если не столько же пагубны для растительности на тучной и отлично-воздѣланной почвѣ, какъ на тощей, то конечно слишкомъ-достаточны для того, чтобъ уменьшить урожай вполовину, т. е. на удобренной десятинѣ до $7^{1}/_{2}$ четвертей, а на неудобренной до $4^{1}/_{2}$; другими словами: съ тучной почвы снимется самъ-пять, а съ тощей самъ-третей, полагая по полторы четверти сѣменъ на экономическую десятину. Вычтя эти полторы четверти сѣменъ и расходъ зерна, который въ такой годъ долженъ непремѣнно увеличиться, потому-что нѣкоторую часть крестьянъ надобно будетъ кормить господскимъ хлѣбомъ,— на продажу, съ тучной десятины едва останется 4 четверти, которыя, если продадутся даже по 15 рублей, все-таки дадутъ только 60 рублей (*). При этихъ расчетахъ, при сильномъ удобриваніи и отличномъ воздѣлываніи почвы —гдѣ вѣроятная возможность считать на прибыль, и возможно ли жертвовать денежнымъ капиталомъ на шаткое и малоприбыльное производство? Если она бываетъ, то ужь конечно такъ рѣдко, что весь разсчетъ вѣроятія на противной сторонѣ. А еслибъ вѣроятная надежда опиралась на прибыль, то нашлись бы у помѣщиковъ денежные капиталы на этотъ задатокъ, — и прибыль получалась бы непремѣнно. Такого-то рода хозяйство Пензенскій Земледѣлецъ почитаетъ «подозрительнымъ».

(*) Пензенскій Земледѣлецъ основалъ разсчетъ на ржи, потому-что обыкновенно она служитъ мѣриломъ цѣнъ и разсчетовъ, да притомъ рожь всегда значительно-дороже яровыхъ хлѣбовъ, исключая пшеницы, проса и гороха. Но эти послѣдніе хлѣба составляютъ произведеніе особыхъ мѣстностей, гдѣ по-большой-части весьма-рѣдкое народонаселеніе, владѣя большими пространствами земли, еще не помышляло о удобреніи почвы, и гдѣ, какъ уже сказано, господствуетъ Азія во всемъ значеніи этого слова. Къ-тому еще, не надобно позабывать, что у насъ общихъ правилъ и разсчетовъ для всѣхъ мѣстностей нѣтъ: у каждой свое. Такъ и тутъ говорится о тѣхъ только мѣстностяхъ, гдѣ воздѣлывается преимущественно рожь, греча и овесъ, т. е. гдѣ почвы черноземныя и ржаныя. Тутъ пшеница, горохъ и просо не считаются въ числѣ выгодныхъ посѣвовъ.

Съ другой стороны, дайте этому же помѣщику столько земли, чтобъ онъ могъ запахивать на тягло, въ каждомъ полѣ, вмѣсто одной, двѣ десятины: тогда ему гораздо-выгоднѣе получать въ неурожайный годъ съ двухъ десятинъ его тощей почвы и неотчетливо-обработанной по $4^1/_2$ четверти, нежели съ одной удобренной и хорошо-обработанной по $7^1/_2$; ибо тогда капиталъ, назначенный на удобреніе, превратится въ лишнюю десятину земли, которая во многихъ мѣстностяхъ стòитъ не дороже ея удобренія; работа при воздѣлываніи земли уменьшится, да и хлѣба будетъ собираться болѣе, потому-что съ двухъ неудобренныхъ десятинъ получится 9 четвертей, т. е. полутора четвертями болѣе, нежели съ одной удобренной. Разсчетъ этотъ въ пользу увеличенной запашки на неудобренныхъ поляхъ гораздо-сильнѣе выказывается, если случится посредственный и, особенно, хорошій урожайный годъ; ибо хорошая температура, если не совершенно, то много поправитъ тощую почву и неотчетливую обработку. Впрочемъ, въ нашемъ сѣверовосточномъ климатѣ, можно утвердительно сказать, что изъ всей суммы различныхъ вліяній на растительность, $^9/_{10}$ принадлежатъ температурѣ, съ которой можно спорить въ огородѣ, саду, или вѣрнѣе, въ теплицѣ и оранжереѣ, но не на площадяхъ, занимающихъ нѣсколько мильйоновъ десятинъ. Слѣдовательно, утученіе почвы и отчетливая обработка у насъ не всегда дѣйствительное средство для выгоднаго хозяйства.

Впрочемъ, разсужденіе мое клонится единственно къ тому, что только сильное и дорого-стòящее удобреніе и отчетливо-сложная обработка земли дорогими орудіями, подобная той, которую мы видимъ въ огородныхъ хозяйствахъ Западной Европы, убыточна для большей части нашихъ помѣщиковъ и крестьянъ, владѣющихъ значительнымъ количествомъ земли. Живущіе въ малоземельѣ необходимо должны удобривать свои поля, и должны это сдѣлать, но не такими дорогими пріемами, какъ это дѣлается въ Бельгіи, Англіи, Германіи и Франціи, хотя въ этихъ малоземельныхъ мѣстностяхъ и при такой обработкѣ земли, *хлѣбопашество уже перестаетъ служить главною опорою для благосостоянія жителей.*

§ 23.

Въ сѣверномъ климатѣ и на ржаныхъ почвахъ нѣтъ возможности замѣнить обыкновенные наши посѣвы другими болѣе-цѣнными.

Не смотря на всѣ доказательства, которыя подкрѣпляютъ мое мнѣніе о томъ, что главныя основанія нашего сельскаго хозяйства перемѣнить нельзя, можетъ-быть, захотятъ все-таки улучшеній. Почему жь и не хотѣть ихъ! Зачѣмъ довольствоваться тѣми выгодами, которыя имѣемъ? Надобно имѣть въ виду и тѣ, которыя имѣть

можемъ. Все должно идти впередъ. Основываясь на этомъ послѣднемъ правилѣ, можетъ-быть скажутъ: зачѣмъ же сѣять малоцѣнныя хлѣба: развѣ нѣтъ другихъ растеній дороже ржи, овса и гречи? Какія же? — Пшеница, горохъ и просо на ржаныхъ почвахъ, въ *сѣверной* полосѣ, да и въ большей части *средней*, очень-дурно родятся; а тамъ, гдѣ эти хлѣба родятся хорошо, то-есть въ полосахъ болѣе-южныхъ, или на почвахъ известковатыхъ, они сѣются безъ искусственнаго удобренія и отчетливой обработки, и произведеніе ихъ огромно, потому-что тамъ, при помощи способной почвы, искусственное удобреніе и тщательная обработка земли *замѣняется 40—50-ю десятинами земли, на каждое тягло*; т. е. такимъ огромнымъ количествомъ земли, которое даетъ рѣшительную возможность обходиться безъ всякаго удобренія, посредствомъ *выгонной системы*. Между-тѣмъ, и эти цѣнные хлѣба не болѣе дадутъ денежной выручки, потому-что всѣ хлѣба имѣютъ не относительную цѣну, но сравнительную; т. е. если пшеница, горохъ, просо дороже ржи, овса и гречи, за то первыхъ хлѣбовъ обыкновенно собирается съ нивы гораздо-менѣе, или для нихъ обработка земли становится дороже. Слѣдовательно, для всѣхъ, годовыя выручки уравновѣшиваются. Конопля, капуста, картофель, морковь, рѣпа и табакъ — огородныя произведенія; слѣдовательно, посѣвъ ихъ приличенъ только весьма-тѣсному народонаселенію и отчасти въ климатѣ болѣе-умѣренномъ, нежели тотъ, въ которомъ лежатъ наши среднія и сѣверныя губерніи. Не сурепица ли, — основываясь на блестящихъ надеждахъ барона Унгернъ-фон-Штернберга?—Во-первыхъ, эти надежды еще только на бумагѣ и послѣ пятилѣтняго хозяйства, судя по отчетамъ г. барона Унгернъ-фон-Штернберга, не только ни въ одномъ отношеніи не осуществились, но, кажется, останутся и навсегда надеждами. Во-вторыхъ, я твердо увѣренъ, что если бы въ нѣкоторые годы, увеличившіеся доходы (разумѣется, не въ томъ видѣ, какъ ихъ предполагаетъ г. баронъ) и оправдали принятое имъ устройство хозяйства, со всѣмъ тѣмъ рѣшительно утверждаю, что основаніе этихъ доходовъ ненадежно, какъ въ-отношеніи сурепицы, такъ и въ-отношеніи мериносовъ (Эти двѣ статьи г. баронъ Унгернъ-фон-Штернбергъ принялъ за основаніе будущихъ своихъ колоссальныхъ доходовъ, которыхъ мы, обще съ Шехерезадой, отъ души ему желаемъ).

На счетъ посѣва сурепицы и дальнѣйшей ея обработки, вотъ мое мнѣніе: озимая сурепица не вынесетъ нашей зимы; о ней — и говорить нечего. Яровую, сколько мнѣ извѣстно, сѣютъ помѣщики и крестьяне въ нашемъ околодкѣ очень-давно. Отъ увеличившагося числа фабрикъ, съ нѣкотораго времени и посѣвъ ея увеличился до того, что на рѣдкомъ полѣ, въ нашихъ мѣстахъ, не встрѣтишь сурепицы. Между-тѣмъ, послѣ снятія зеренъ, дальнѣйшая ея обработка, здѣсь, уже перешла къ крестьянамъ. У нихъ заведено множество маслобоенъ, по селамъ и деревнямъ. При такомъ ходѣ этого окончательнаго производства, его ни одному помѣщику заводить не-

льзя, потому-что масло обойдется ему дороже, нежели крестьянину. Цѣны на сурепицу и масло поднялись только съ 1839 года, по случаю неурожая. Обыкновенный урожай сурепицы, смотря по году, отъ $3^1/_2$ до 8 четвертей съ неудобренной десятины. Цѣна ей въ урожайные годы отъ 6 до 7 рублей; но когда урожай плохъ, цѣна возрастаетъ до 15-ти рублей. Тогда и на масло цѣны возвышаются. Въ началѣ 1841 года, цѣна сурепицы была 7 рублей, маслу отъ 4 руб. 50 копеекъ до 5 рублей. Слѣдовательно, выручка отъ каждой десятины сурепицы все около 50 рублей, немного-болѣе, немного-менѣе. Но еслибъ она немного и превышала ржаную, ненадобно забывать, что сурепица, у насъ, какъ и горохъ, чрезвычайно истощаетъ землю, что̀ всегда, къ ущербу хозяина, оказывается на послѣдующемъ урожаѣ. Между-тѣмъ, если посѣвъ сурепицы и дальнѣйшая ея обработка, въ 500 верстахъ отъ Москвы, главнаго рынка, перешла къ крестьянамъ, которые ее производятъ и обработываютъ простыми и дешевыми средствами (*), отъ-чего цѣны на зерно и масло подешевѣли до послѣдней возможности, можно ли надѣяться получать постоянную, да еще и огромную прибыль отъ такого же производства, на которое предварительно истраченъ огромный денежный капиталъ, и оно производится искусственными, дорогими пріемами, хотя бы такое заведеніе было 300 верстъ ближе нашего къ главному рынку и произведеніе отпускалось въ нѣсколько-лучшемъ качествѣ? Конечно, ни огромной, ни постоянной прибыли ожидать нельзя, а можетъ случиться только временная и частная прибыль, и притомъ чѣмъ огромнѣе, тѣмъ непостояннѣе — отъ того, что, при огромной прибыли, явится немедленно совмѣстничество, которое, у насъ, по всѣмъ такого рода производствамъ, можетъ быть сильнѣе, нежели гдѣ-нибудь. Если бы въ Тульской же Губерніи помѣщики, заведя тоже маслобойни, засѣвали сурепицею только въ десять разъ болѣе того количества земли, которое засѣваетъ г. баронъ Унгернъ-фон-Штернбергъ, то ручаться можно, что не было бы возможности продавать все получаемое масло, или оно такъ подешевѣло бы, что въ виду были бы одни убытки, потому-что количество произведенія превосходило бы требованіе, какъ теперь подобное обстоятельство случилось съ винокуренными заводами и къ чему должны быть готовы овчарные заводы — если не помѣшаютъ этой несчастной будущности эпидемическія болѣзни и засухи на югѣ, тѣмъ болѣе, что наше фабричное суконное производство тонкихъ шерстей, при совершенно-новыхъ для него элементахъ, еще не укоренилось на новомъ своемъ пепелищѣ (**).

(*) Обработка четверти сурепицы стóитъ крестьянину около 150 коп., считая коммерціальнымъ счетомъ.

(**) Въ двѣнадцати верстахъ отъ Пензы находится малоземельное село Бессоновка, состоящее изъ 1,500 душъ. Всѣ въ немъ живущіе крестьяне, по поймамъ Суры и въ поляхъ сѣятъ лукъ и, продавая его зеленью и луковицами, какъ въ этой мѣстности, такъ и въ дальнихъ разстояніяхъ отъ жилищъ своихъ, основываютъ на немъ все свое благосостояніе. Возьмись за эту не

§ 24.

Теорія можетъ быть точна, но приложеніе ея къ практикѣ убыточно. Со времени Олега, у насъ не измѣнился ходъ дѣлъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

Всѣ эти разсчеты доказываютъ, что еслибъ теорія сельскаго хозяйства была точна и учила насъ трансцендентально, какъ улучшить какую бы то ни было отрасль сельскаго хозяйства, — все рядомъ съ теоріею стоитъ хозяйственный разсчетъ, который весьма-легко,

---

промышленость еще три-четыре такихъ селенія, всѣ выгоды безсоновскихъ крестьянъ немедленно рушатся. Такъ у насъ, да и вездѣ, когда произведеніе превышаетъ требованіе.

Равномѣрно и мериносы по таблицѣ барона Унгернъ-фон-Штернберга никакъ не расплодятся; а еслибъ и расплодились, въ этомъ имѣніи, лежащемъ на самой возвышенной точкѣ великороссійскихъ губерній, подъ 54 градусомъ широты (слѣдовательно въ климатѣ очень суровомъ), то далеко нельзя будетъ содержать 30,000 головъ и прокормить ихъ домашними средствами. Кажется, отъ этой причины, должно будетъ это предполагаемое имъ количество уменьшить, и не мало. При уменьшеніи скота, слѣдовательно, и навоза будетъ недостаточно на удобреніе огромныхъ полей, не говоря уже о имѣющейся силѣ, посредствомъ которой эти огромныя площади должны быть удобрены. Она, въ свою очередь, едва ли будетъ тоже достаточна. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы ни были первоначально-заведенные мериносы отличны, они далеко не будутъ давать по 12 рублей съ каждой головы годовой выручки. (Эти оба заключенія, впрочемъ, оправдались въ полной мѣрѣ его же послѣдними отчетами).

Такую выручку до 1837 года нѣкоторые помѣщики, въ томъ числѣ и Пензенскій Земледѣлецъ, получали. Нынѣче прошли эти счастливыя времена; вездѣ заведены мериносы; шерсть сильно упала въ цѣнѣ, отъ-того, съ одной стороны, что ея болѣе производятъ, нежели требуютъ; слѣдовательно, тонкія шерсти уже не рѣдкій товаръ; съ другой стороны, отъ-того, что случались сильныя банкрутства между московскими фабрикантами. Между-тѣмъ, вездѣ есть не только прекрасныя стада, но гораздо-прежде заведенныя, очищенныя сильнымъ бракомъ, чего баронъ Унгернъ-фон-Штернбергъ, увеличивая свое стадо всѣмъ приплодомъ, дѣлать не можетъ; слѣдовательно, шерсть его стадъ будетъ годъ-отъ-году хуже и хуже; да и требованіе на шерсти высокой тонины, у насъ, какъ и вездѣ, очень-малое, и цѣны на нихъ стали очень низки — какъ потому-что юная наша фабрикація еще не искусна, такъ и отъ-того, что большая часть гг. фабрикантовъ, предпринявъ заведенія сверхъ силы своихъ капиталовъ, вещественныхъ и невещественныхъ, не имѣетъ средствѣ производить товары лучшаго разряда, по такимъ цѣнамъ, которыя были бы сходны для покупателей и вмѣстѣ приносили бы фабрикантамъ прибыль, хотя ихъ производство охранено отъ иностраннаго совмѣстничества сильными пошлинами.

По моему мнѣнію, вотъ по-большой-части отъ-чего это случается. Всякое заведеніе такого рода требуетъ двухъ капиталовъ: первый для постройки нужныхъ строеній и принадлежностей фабрики, если работы не раздѣлены, и нѣтъ собственно-фабричнаго народонаселенія, какъ у насъ. Это капиталъ *осѣдлый*. Второй, *оборотный*, долженъ быть ассигнованъ на покупку матеріа-

а у насъ почти повсемѣстно, не допускаетъ дѣлать улучшеній, предписываемыхъ западною теоріею, потому-что выручки не окупятъ тѣхъ пожертвованій, которыя истратятся на улучшенія, предписываемыя теоріею.

Чтобъ эта аксіома была понятнѣе, представимъ примѣры въ другихъ отношеніяхъ, которые доказали бы, что большая часть сложныхъ и искусственныхъ производствъ, даже независимо отъ сѣвернаго нашего климата, намъ невыгодны, — потому, съ одной сторо-

---

ловъ, плату рабочимъ, должностнымъ лицамъ и на расходы. Этотъ капиталъ долженъ быть такъ силенъ, чтобъ могъ вести заведеніе въ должномъ порядкѣ два года, потому-что ходъ торговли заставляетъ всякаго значительнаго фабриканта продавать свой товаръ въ 8-ми и 12-ти-мѣсячные сроки. Слѣдовательно, денежныя его выручки не могутъ къ нему доходить прежде этого времени. Тогда фабриканту можно у насъ разсчитывать на 10%, какъ бы его заведеніе ни было велико, потому-что пошлины на иностранный товаръ, идущій изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ фабриканты очень-довольны 5%, защищаютъ его отъ иностраннаго совмѣстничества.

У насъ, купецъ, торговавшій, на-примѣръ, полушубками или другими предметами, неимѣющій ни малѣйшаго понятія о фабричномъ дѣлѣ, о требованіяхъ публики, нажилъ капиталъ. Вздумалось ему быть суконнымъ фабрикантомъ,—онъ не поѣдетъ этому дѣлу поучиться, даже не приглядится по всѣмъ ступенямъ этого производства. Вздумалъ, загадалъ, да и къ дѣлу, съ русскимъ проворствомъ, торопливостію, безотчетливостію и, что всего важнѣе: «было не было, во что бы ни стало, а фабрикантомъ буду». На заведеніе онъ издержитъ весь наличный капиталъ, развѣ оставитъ на плату рабочимъ. Всѣ нужные матеріалы онъ купитъ въ кредитъ. Тутъ онъ за обожданіе и страхъ платитъ по 12%, да потому-что покупаетъ не на чистыя деньги, по-крайней-мѣрѣ лишняго столько же, — итого 24% лишнихъ.

Произведеніе готово; но его, какъ выше сказано, нельзя иначе продать, какъ въ сроки. Слѣдовательно, онъ остается до полученія выручки совершенно безъ денегъ. Тутъ поневолѣ онъ приступаетъ къ займамъ, и опять платитъ 6% за время, да 6% за страхъ, итого 12%. Вотъ уже наросло на недостававшій у него капиталъ, который иногда бываетъ сильнѣе первобытнаго, до 36%. Между-тѣмъ, не всегда огромное производство имѣетъ постоянный сбытъ, не всегда фабрикантъ попадаетъ на исправнаго плательщика, особенно когда произведеніе его дорого. Случись остановка въ платежахъ,—то и другое часто случается,—опять затрудненія, опять расходы, увеличивающіе цѣну на произведеніе, которое, по разсчету фабриканта, должно было ему дать милльоны. Эти мильйоны въ свою очередь настроили его воображеніе и расходы, не придавъ однакоже умѣнья и той хозяйской распорядительности, которая, съ одной стороны, устроиваетъ всему вѣрный учетъ, съ другой обращаетъ въ пользу всѣ остатки, весь, такъ-сказать, соръ фабрики. Итогъ тотъ, что такому фабриканту по-большой-части надобно накладывать до 40% на свой товаръ болѣе противъ того, кто возьмется за то же производство искусно, хозяйственно, собственнымъ капиталомъ покроетъ всѣ издержки и будетъ имѣть въ предметѣ получать не рубль на рубль, какъ наши фабриканты, но отъ 6% до 10%. Всякія цѣны на всѣ произведенія нашихъ фабрикъ, кажется, довольно оправдываютъ эти соображенія; а при сравненіи цѣнъ иностранныхъ товаровъ съ нашими, эти 40% вездѣ явно замѣтны. Отъ-того, полагать надобно, суконныя фабрики у насъ не укоренились, какъ бы имъ слѣдовало; отъ-

ны, что не въ-мѣру они дорого намъ, бѣднымъ сѣвернымъ жителямъ, обходятся, и несравненно-дороже, нежели иностранцамъ; съ другой—потому-что тотъ же результатъ получится у насъ можетъ, въ тысячѣ случаяхъ, простыми, несовершенными и дешевыми способами, или пріемами.

Между Дубовки и Качалинской Станицы, на 60-ти верстахъ, между Волгою и Дономъ, проходитъ торговый путь, соединяющій сѣверъ съ югомъ. Этотъ пунктъ одинъ изъ важнѣйшихъ въ Имперіи. Казалось, чего бы нужнѣе и легче на 60-ти верстахъ сдѣлать желѣзную дорогу, которая, во-первыхъ, укоротила бы время перевозки, во-вторыхъ, замѣнила бы удобнѣе тысячи возниковъ и воловъ, на это употребляемыхъ. Пожалуй, можно еще сказать, руководствуясь нерусскимъ толкомъ, что поперечника дороги, или дорогъ, на этомъ пространствѣ, занимая 5 верстъ, пролегала бы полосою много на 30 саженяхъ ширины. Слѣдовательно, 25,000 десятинъ осталось бы свободными для хлѣбопашества, скотоводства, и пр. Но хозяйственный разсчетъ уничтожитъ всякій порывъ къ этому европейскому усовершенствованію, которое не только не можетъ быть у насъ усовершенствованіемъ, но было бы дѣломъ убыточнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Это легко доказать слѣдующими вопросами и отвѣтами. Какія главныя тяжести провозятся по этому пути? Чугунъ, желѣзо, лѣсной товаръ и хлѣбъ. Что стоитъ перевозка? Отъ 5 до 10-ти коп. съ пуда. Можно ли будетъ по желѣзной дорогѣ перевозить дешевле? Напротивъ, гораздо-дороже. Слѣдовательно, усовершенствованіе и улучшеніе этого пути, для торговли, посредствомъ желѣзной

того, мы видимъ такъ часто, что одинъ фабрикантъ рушится, другой возникаетъ. Нынче, однакоже, больше первыхъ, нежели вторыхъ. Кто тутъ виноватъ? Мудрое и благотворное наше правительство убѣждено въ неоспоримой истинѣ, что безъ фабрикъ не можетъ быть народъ денежно-богатъ—оно и дало всѣ способы завести ихъ, оградило первоначальное устройство отъ чужеземнаго, опытнаго совмѣстничества высокими пошлинами на всѣ наши фабричныя произведенія, и при всемъ томъ мы не умѣемъ пользоваться дарованными выгодами.

Исчисленныя причины, повидимому, также ясно выказываютъ, отъ-чего фабриканты не въ состояніи платить производителямъ за высокія шерсти настоящую цѣну и почему шерсть должна идти чрезъ вторыя руки вольно-торговцевъ, что для овчарныхъ заводчиковъ понижаетъ ея цѣну значительно, и возвышаетъ, какъ сказано, для фабрикантовъ. Отъ этихъ обстоятельствъ, торговля шерстяными товарами не распространилась во внутренности Имперіи, какъ бы ей распространиться можно и должно было, т. е. наши фабрики не взяли того размѣра, который приличенъ внутреннему требованію, и до тѣхъ-поръ его не пріймутъ, пока произведенія ихъ, на внутреннихъ рынкахъ, не будутъ продаваться сходными для покупщика цѣнами. Все это въ совокупности грозитъ понизить выгоды овчарныхъ заводчиковъ значительно, особенно въ средней полосѣ Имперіи, преимущественно тѣ, которыя разсчётены на шерсти высокаго достоинства, потому-что иностранные фабриканты, на которыхъ метили многіе овчарные заводчики, нынче изъ шерстей низкаго качества начали дѣлать сукна высокой доброты.

дороги, несбыточно. Европеецъ, незнакомый съ нашими разсчетами, спроситъ, какая причина столь дешеваго извоза? Вотъ она: этотъ путь, подъ 49 градусомъ широты, лежитъ въ такой степи, гдѣ народонаселеніе едва примѣтно. Слѣдовательно, земля на этомъ пространствѣ принадлежитъ всѣмъ, кто имѣетъ въ ней нужду для подножнаго корма своему скоту, въ-продолженіи 6 или 7 мѣсяцевъ въ году.

Для перевозки кладей, употребляются волы, запряженные деревянною упряжью въ фуры, желѣзомъ не окованныя, не окрашенныя, просто сдѣланныя. Такая фура съ парою воловъ стòитъ нынче отъ 200 до 220 рублей.

Перевозкою занимаются Малороссіяне изъ приволжскихъ селеній, которые на этомъ пути живутъ 6 или 7 мѣсяцевъ въ году подъ своими фурами, питаются домашними своими произведеніями—хлѣбомъ и пшонною кашицею со свинымъ саломъ,—вездѣ гдѣ имъ случится остановиться на необозримой степи, для того, чтобъ покормить своихъ воловъ. Весь скарбъ такого возчика состоитъ изъ двухъ рубахъ съ портами, полушубка, кафтана, одной пары сапоговъ, что на немъ, или только поршнéй, шапки, да трубки съ домашнимъ же табакомъ. Выручаютъ они посредствомъ каждой пары воловъ отъ 200 до 250 рублей въ 6 — 7 мѣсяцовъ, которые замѣняютъ цѣлый годъ.

Вотъ причины, почему перевозка такъ дешева. Пріемы и разсчеты тутъ не перемѣнились со временъ Олега: и въ его время перетаскивали ладьи на колесахъ по землѣ; и нынче точно также перевозятъ барки съ грузомъ изъ Дубовки въ Качалинскую Станицу сухопутно, на волахъ. И тогда южный житель питался кашицею съ саломъ, существовалъ 6 — 7 мѣсяцевъ въ году подъ открытымъ небомъ, одѣвался какъ нынче одѣвается, и закаленный жаромъ и стужею громилъ своихъ сосѣдей и прибивалъ щитъ своего верховнаго владыки къ стѣнамъ изнѣженнаго и дряхлѣющаго Константинополя; и нынче мы были гостями и побѣдителями у воротъ Константинополя и наложенною также данью смирили кичливость, или были миротворцами-защитниками...

Эти древніе обычаи во многихъ отношеніяхъ не измѣнились въ неизмѣримой Россіи, и еще долго-долго не измѣнятся, только не мѣсто здѣсь вычислять ихъ. Лучше повторимъ читателю, что изъ всѣхъ производствъ техническихъ, заведеній или устройствъ, гдѣ основаніемъ также служитъ раціональное хозяйство, у насъ по-большой-части истинно-выгодны только тѣ, которыя отпускаютъ товаръ самой плохой и низкой руки, или устроены самыми простыми, дешевыми средствами, преимущественно для такихъ народныхъ потребностей, которыя производителю обходятся дешево, а потребителями всегда и вездѣ покупаются на чистыя деньги; которыя позволяютъ съ малыми капиталами заводить большія производства, и наконецъ, которыя не требуютъ особеннаго искусства и привычки къ этому искусству, точности, постоянства и усиленнаго терпѣнія, т.

е. тѣхъ нравственныхъ качествъ, которыя между русскими людьми рѣдки.

Послѣ всѣхъ этихъ практическихъ соображеній, обратимся къ теоріи сельскаго хозяйства—главной цѣли этихъ «Записокъ».

§ 25.

Ошибочныя примѣненія теоріи сельскаго хозяйства къ практическому производству.

Раскройте наши знаменитыя творенія о сельскомъ хозяйствѣ и прочтите ихъ: чудо да и только! Съ одной стороны, не имѣя понятія о нашихъ климатахъ, не изуча вліянія температуры, не зная во что обходится произведеніе и по чему продается, не постигнувъ происходящихъ отъ того различныхъ устройствъ, пріемовъ и разсчетовъ, которые служатъ основаніемъ сельскому хозяйству, — одинъ хочетъ, чтобъ тамъ, гдѣ оно не обѣщаетъ никакихъ выгодъ и гдѣ живетъ богатое, торговое народонаселеніе, занималось оно скотоводствомъ и земледѣліемъ (*), да еще съ тѣмъ, чтобъ уничтожить паровыя поля и независимо отъ объема пашни, засаживать цѣлыя клинья картофелемъ, рѣпою, морковью, бобами; чтобъ эти клинья удобривать мергелемъ, известью, пережжоною глиною, пудретомъ, компостами, какъ-будто и то и другое дѣла выгодныя въ сѣверномъ климатѣ, который не допускаетъ насъ 6 или 7 мѣсяцевъ въ году до полевыхъ работъ,—полезные по существующимъ у насъ цѣнамъ на произведенія сельскаго хозяйства, гдѣ объемъ его отошелъ такъ далеко отъ мелкихъ иностранныхъ фермъ и ихъ огородныхъ пріемовъ, или гдѣ мѣстное произведеніе обходится дороже купленнаго!—Другой указываетъ намъ на силу каждаго удобренія, разсчитываетъ истощеніе почвъ послѣ каждаго посѣва, ссылаясь на слабые опыты, сдѣланные въ чуждыхъ для насъ климатахъ и при условіяхъ совершенно-различныхъ. Третій совѣтуетъ употреблять тѣ изъ дорого-стоящихъ сложныхъ машинъ и хлѣбопашенныхъ орудій, которыя выдуманы единственно безотчетливою роскошью, въ богато-убранныхъ кабинетахъ, и безъ которыхъ вездѣ обходиться можно. Четвертый укоряетъ насъ за частые посѣвы, какъ-будто-бы мы не знаемъ, что, высѣвая отъ 10 до 13-ти четвериковъ ржи на экономическую десятину, получаемъ плодъ только въ обильные годы отъ двухъ (**).

(*) Этотъ примѣръ тоже почерпнутъ изъ «Библіотеки для Чтенія». Онъ стоитъ предложенной кѣмъ-то желѣзной дороги отъ Таганрога до Астрахани, которая, вѣроятно, будетъ нужна для переѣзда Калмыковъ изъ одного кочевья въ другое.

(**) Въ столь неблагопріятномъ сѣверномъ климатѣ, какъ нашъ, для искусственной растительности, частый посѣвъ дѣлается по слѣдующимъ причинамъ: 1) если стоитъ сухая температура во время посѣва; 2) если земля то-

Пятый, руководствуясь филантропіею, подвялъ войну на жнитво ржи и овса, проповѣдуя, что оно слишкомъ-тяжело, особенно для мужчинъ, хоть бабамъ-де оно легче, отъ-того, что у нихъ ноги короче (!!), какъ-будто мы, владѣя столь же исправно косою, какъ и серпомъ, не умѣемъ и приловчиться къ нашей родной работѣ, съ которой родились и умремъ. Шестой проповѣдуетъ посѣвъ клевера, который въ рѣдкихъ мѣстахъ у насъ можетъ входить въ сѣвообороты; для корма овецъ предлагаетъ торицу, ни на что намъ не нужную въ тѣхъ хозяйствахъ, гдѣ овцеводство даетъ существенныя выгоды, или учитъ насъ кормить и содержать скотъ во всѣ 12 мѣсяцевъ въ году, въ конюшнѣ, заводить электоральной породы мериносовъ и содержать ихъ по-саксонски въ Крыму, или южныхъ степяхъ, гдѣ всѣ разсчеты, касающіеся до скотоводства, сосредоточены въ выгодной возможности содержать скотъ отъ 10 до 11 мѣсяцовъ въ году на подножномъ корму и на дешевомъ пастбищѣ, а такое содержаніе вовсе неприлично мериносамъ, носящимъ электоральную шерсть. . . . .

щи; 3) когда посѣвъ поздно начинается; 4) когда запахиваются зерны глубже обыкновеннаго. Потомъ берутся въ соображеніе: 5) насѣкомыя, поѣдающія, особенно на не очень-тучныхъ почвахъ, посѣвы; 6) раннія морозы и снѣгъ; 7) двадцатиградусные морозы въ ноябрѣ безъ снѣга; 8) подснѣжная вода; 9) сухая весна и вообще неблагопріятная температура, и наконецъ 10) качество зеренъ, потому-что и при хорошемъ общемъ наливѣ не всѣ зерна могутъ дать нужную пищу молодому растенію. Всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства требуютъ у насъ непремѣнно усиливать количество зеренъ для посѣва. Сверхъ того, опытный хлѣбопашецъ всегда имѣетъ въ виду, что частый, до извѣстной степени, посѣвъ не испортитъ дѣла. Съ частыми озимами справиться легко: осенью ихъ выбьютъ скотомъ; весною можно частыя мѣста скосить; да и это послѣднее средство рѣдко приходится употреблять, потому-что сильное растеніе уничтожаетъ слабое, по общему закону природы. Но когда посѣвъ окажется рѣдокъ, тогда никакія средства не могутъ помочь бѣдѣ. Впрочемъ, и мы сѣемъ очень-рѣдко рожь, но только: на весьма-тучныхъ, новыхъ земляхъ, глубоко-рыхлыхъ, *во время влажной и теплой температуры*, когда посѣвъ начинается въ іюлѣ, зерна зарываются не сохою, а только бороною, или распашникомъ (cultivateur), и когда для посѣва назначенная сухая, свѣжая рожь тянетъ въ четверикѣ отъ 1 пуда до 5—6 фунтовъ. Тогда на то же пространство (экономическая десятина 3,200 кв. саж.), на которое въ первомъ случаѣ высѣваемъ 12 *или* 13 четвериковъ, выбрасываемъ не болѣе 7 или 8. Чтобъ вполнѣ убѣдиться, сколь рѣдкій посѣвъ обыкновенно гибеленъ, надобно спросить тѣхъ, которые попали подъ несчастный этотъ урокъ. Пусть они скажутъ по совѣсти, если можно, во что онъ имъ обошелся. Я, съ своей стороны, признаюсь, что заплатилъ за него гораздо-болѣе 100.000 рублей. Вся бѣда сдѣлалась отъ-того, что въ 12 четверикахъ 12,000,000 ржаныхъ зеренъ, а на тучной нивѣ не болѣе 2,000,000 растеній. Счетъ вѣренъ, а математика плохая. . . . .

Огородная обработка земли, конечно, требуетъ для посѣва меньшаго количества зеренъ; но вѣдь наши площади полей не подходятъ подъ огородную категорію. Въ огородѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и особенно въ теплицѣ, или оранжереѣ, можно принимать искусственныя мѣры противъ климата, темпе-

Съ другой, «Курсы Сельскаго Хозяйства» опредѣляютъ названія для различныхъ сѣвооборотовъ, доказывая различія между «полевой системой» и «плодоперемѣнной», «плодосмѣнной», какъ-будто не всякій сѣвооборотъ плодоперемѣнный и не всѣ они полевые. Казалось бы, чего легче и понятнѣе всѣ сѣвообороты называть двухъ, трехъ, четырехъ, или болѣе лѣтними. Да это, видно, слишкомъ-просто, и безъ систематическихъ, высокопарныхъ словословій будетъ всякому понятно. Примѣры сѣвооборотовъ предлагаютъ намъ одинъ другаго безполезнѣе, убыточнѣе и всегда съ мѣстностію, сбытомъ и климатомъ несогласные. Не имѣя еще точнаго понятія о безчисленно-различномъ составѣ почвъ, о настоящемъ вліяніи ихъ составныхъ частей на разнородную растительность, и причинахъ, породившихъ, порождающихъ и упрочивающихъ различные эти составы, не зная ихъ химическаго и механическаго сцѣпленія, находящагося, полагать надобно, въ прямомъ отношеніи съ плодородіемъ, или безплодіемъ почвы, принялись раздѣлять систематически эти безчисленно-различныя почвы на «первобытные разряды» по ихъ «составамъ» (!?!). Не постигая еще точнаго и многосложнаго вліянія температуры и атмосферы на зарожденіе и перерожденіе растеній, ростъ и развитіе посѣвовъ, не изслѣдовавъ основательно вредныхъ и полезныхъ для того условій, предлагаютъ намъ одностороннія замѣчанія, по-большой-части въ практическомъ быту безполезныя, или понятія совершенно-ложныя, и называютъ ихъ непреложными правилами, закономъ. Наконецъ, не вникнувъ въ составъ иностранныхъ хозяйствъ, не понимая причинъ, породившихъ ихъ устройство, не замѣтивъ, что Тэеръ, Синклеръ, Домбаль, Шверцъ, Петри, и проч., опредѣляя правила для устройства и хода сельскаго хозяйства, не могли имѣть въ виду нашего климата и нашихъ разсчетовъ, въ примѣръ намъ ставятъ «раціональныя» хозяйства французскія, англійскія и фламандскія, «которыми», увѣряютъ насъ, будто «гордится просвѣщенная Европа», чего подлинно никогда не бывало, потому,

---

ратуры и другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Тутъ, равно какъ и въ климатѣ, для растительности болѣе-способномъ, можно и должно посѣвъ дѣлать рѣже; но на обширныхъ площадяхъ это невозможно: здѣсь $^9/_{10}$ вѣроятностей для успѣха въ рукахъ Провидѣнія. Во Фландріи, гдѣ климатъ благопріятнѣе для растительности, гдѣ яровые посѣвы начинаются въ мартѣ, а осенніе въ сентябрѣ, когда земледѣльцы могутъ пользоваться тѣми дождями, которые обыкновенно идутъ во время равноденствія, конечно, должно сѣять рѣже. По этой же причинѣ, и у насъ на югѣ посѣвы обыкновенно дѣлаются не такъ часто. Просвѣщенный и основательный нашъ хозяинъ, г. Ребровъ, словамъ котораго можно во всякомъ случаѣ вѣрить, увѣдомляетъ, что около Кумы, въ Кавказской Области, сѣютъ на указную десятину среднимъ числомъ озимой пшеницы и яровой отъ 4 до 5 мѣръ, у насъ 8; озимой ржи отъ 3 до 4, у насъ отъ 7 до $8^1/_2$; ячменя яроваго и полбы 6, у насъ $10^1/_2$; проса отъ $^3/_4$ до 1, у насъ $1^3/_8$; горчицы 1, у насъ $1^3/_8$; маку 5 фун., у насъ $7^1/_2$; льну отъ 4 до 5 четвериковъ, у насъ 11.

во-первыхъ, что истинное просвѣщеніе ничѣмъ и никогда не гордится; во-вторыхъ, что просвѣщеніе не можетъ гордиться тѣми успѣхами, которые, безъ его посредства, водворены единственно толкомъ, сметливостію и искусствомъ такого народонаселенія, которое столь же далеко отъ истиннаго просвѣщенія, какъ и всякое другое.

Примѣры посѣвовъ, вошедшихъ въ составъ сѣвооборота и сами сѣвообороты, въ учебной книгѣ, конечно, быть должны, но съ ясными и полными указаніями, въ какой мѣстности и въ какомъ объемѣ тѣ или другіе могутъ быть полезны, или вредны, какъ въ-отношеніи качества почвы и растительности, у насъ всегда зависящей отъ температуры, такъ и по всѣмъ разсчетамъ хозяйскимъ, хотя по этому послѣднему предмету трудно быть ученію опредѣлительному; вѣдь у насъ мѣстности столько же разнообразны, какъ границы и объемы владѣній, въ-отношеніи качества и количества земли и числа рукъ; а потому посѣвы, покосы, или выгоны, входящіе въ составъ сѣвооборотовъ, зависятъ отъ мѣстныхъ разсчетовъ, у насъ безчисленно-разнообразныхъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЗАПИСКИ ПЕНЗЕНСКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА О ТЕОРІИ И ПРАКТИКѢ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

ЧАСТЬ II.

(Окончаніе.)

—

§ 26.

Есть ли у насъ систематическое дѣльное руководство для сельскаго хозяйства, или дѣльныя статьи, помѣщаемыя въ періодическихъ изданіяхъ? Благотворное вліяніе агрономическихъ обществъ на сельское хозяйство. Назидательныя творенія иностранцевъ могутъ быть полезны только весьма-опытнымъ хозяевамъ.

Исчислить странные вопросы и отвѣты, указать на лжеученіе по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ составъ сельскаго хозяйства, у насъ во многихъ книгахъ разбросанные, невозможно, да и нѣтъ нужды; между-тѣмъ, есть ли у насъ какое-нибудь напечатанное систематическое дѣльное руководство для сельскаго хозяйства, которое вмѣстѣ съ тѣмъ объясняло бы его составъ и разсчеты? Нѣтъ и сто разъ нѣтъ. Потому-то, приложивъ къ этому недостатку избытокъ смѣшно-ошибочныхъ правилъ нашей книжной теоріи, Пензенскій Земледѣлецъ утверждаетъ, что не только сносной учебной книги для сельскаго хозяйства у насъ еще не написано, но по главнымъ его предметамъ, это ученіе, большею частію, имѣетъ опору для насъ безполезную, или убыточную.

Я не считаю въ числѣ учебныхъ руководствъ дѣльныя статьи, помѣщаемыя въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества», равно въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, также записки многихъ помѣщиковъ, какъ напримѣръ, весьма-полезныя записки г. Майера; не отрицаю благотворнаго вліянія «Листковъ Южнаго Общества Сельскаго Хозяйства» и «Журнала Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства»—не на расчеты наши и главныя основанія сельскаго хозяйства, которыхъ измѣнить нельзя, но на сношенія между хозяевами, особенно этимъ послѣднимъ журналомъ основанныя, посредствомъ которыхъ зачали объясняться наши разсчеты и спорныя статьи, высказываться по всѣмъ предметамъ любо-

пытныя или дѣльныя улучшенія, хозяевами предпринятыя, или уже исполненныя, и всегда Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства поощряемыя, при заботливой готовности быть во всѣхъ отношеніяхъ полезнымъ всѣмъ вообще и каждому помѣщику-хозяину; что̀ неоднократно Общество и выполняло съ пріятною для всѣхъ и каждаго готовностію, которая производила во многихъ случаяхъ истинную и несомнѣнную пользу.

Изъ дѣльныхъ сочиненій по сельскому хозяйству мы имѣемъ только переведенныя творенія Тэера и Синклера. Вмѣстѣ съ «La Maison Rustique du XIX siècle» это настольныя книги для всякаго мыслящаго хозяина. Но и онѣ, въ практическомъ быту, для молодаго неопытнаго помѣщика, какъ уже сказано, съ одной стороны недостаточны и неприличны, потому-что ходъ описанныхъ въ нихъ хозяйствъ не подчиненъ нашимъ возможностямъ, нашему устройству, климатамъ и разсчетамъ; съ другой, объемъ предметовъ сельскаго хозяйства, т. е. такого дѣла, которое надобно стараться привести въ ремесло, слишкомъ-отвлеченъ и сложенъ. Между-тѣмъ, слѣпо-приложенное ученіе, которое мы видимъ въ этихъ знаменитыхъ иностранныхъ твореніяхъ, нашему практическому производству можетъ принести болѣе вреда, нежели пользы, хотя теорія, опирающаяся на науки естественныя, сколько можетъ она опираться на нихъ, практическія соображенія, касающіяся до иностраннаго хозяйства и многіе умозрительные предметы, относящіеся до общаго, всѣмъ странамъ и народамъ приличнаго, обработаны въ этихъ твореніяхъ возможно-полнымъ, отчетливымъ и во многихъ отношеніяхъ превосходнымъ образомъ; въ-слѣдствіе чего изученіе правилъ, соображеній и наставленій, въ нихъ начертанныхъ, конечно можетъ быть полезно, но только весьма-опытнымъ и мыслящимъ хозяевамъ, которые имѣютъ возможность, отстраня все, нашему хозяйству вредное, или неудобное, пользоваться только тѣмъ, что̀ можетъ быть полезно въ кругу ихъ дѣятельности, по практическому ли производству, по административной ли части, или для общихъ хозяйскихъ соображеній (*).

Во многихъ отношеніяхъ Синклеръ, Домбаль и особенно глубокомысленный Тэеръ могутъ быть наставниками; но надобно знать

(*) Многолѣтній и отчетливый трудъ С. А. Маслова и похвальное предпріятіе почтеннаго г. Ширяева передали намъ «Раціональное Хозяйство Тэера». Но приложенныя къ нему «Примѣчанія» не восполняютъ недостатка, тѣмъ болѣе, что въ этихъ примѣчаніяхъ просвѣщенный и опытный хозяинъ, отдавая должную справедливость безкорыстному труду покойнаго и почтеннаго Ник. Ник. Муравьева и его пламенному стремленію на пользу общую, всегда и всѣми образованными людьми много уважаемыхъ, найдетъ, изъ необходимо-нужныхъ примѣненій западной теоріи къ нашему сельскому хозяйству, только ясно и постоянно, но слишкомъ-общими выраженіями высказанное мнѣніе, что это западное хозяйство мы въ образецъ принять не можемъ (Смотри предисловіе Н. Н. Муравьева ко II-й части). Эта, впрочемъ основная мысль, всѣмъ опытнымъ хозяевамъ давно извѣстна.

именно по какимъ предметамъ. А для того, чтобъ извлечь пользу изъ твореній этихъ знаменитыхъ хозяевъ-писателей, надобно прежде изучить наши отношенія сельскаго хозяйства. Тогда въ твореніи Тэера легко можно будетъ найдти подтвержденіе принятыхъ нами нѣкоторыхъ правилъ, о которыхъ онъ говорилъ умозрительно и не распространялся потому-что писалъ не для Россіи, а для своего отечества, гдѣ добываются выгоды отъ сельскаго хозяйства другими правилами, пріемами, устройствомъ и разсчетами. Но какъ изучить всѣ различныя отношенія нашего сельскаго хозяйства? Книгъ объ этомъ предметѣ, систематически-написанныхъ, у насъ нѣтъ; теоріи, излагаемыя ученымъ обрядомъ имѣютъ основаніе иноземное, намъ неприличное: — какъ же узнать гдѣ и на какихъ правилахъ должно быть устроено у насъ выгодное сельское хозяйство? По моему мнѣнію, рѣшить эту задачу очень легко, ибо, частно, эти правила, равно какъ и нужныя для того устройства, пріемы и расчеты — многимъ, не только помѣщикамъ, но и крестьянамъ извѣстны; слѣдовательно, надобно узнать мнѣніе на этотъ счетъ дальновидныхъ, опытныхъ нашихъ сельскихъ хозяевъ, особенно въ средней полосѣ, осмотрѣть и изучить устройство ихъ хозяйствъ и обогатиться сметливою и дѣятельною ихъ опытностію. Въ этомъ отношеніи, агрономическое путешествіе по Тульской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Саратовской, Пензенской, Симбирской и Казанской Губерніямъ, равно какъ и по многимъ южнымъ, гораздо-болѣе принесетъ пользы молодому хозяину, нежели обозрѣнія, дѣлаемыя въ Германіи, Фландріи и Англіи. Тутъ въ каждомъ уѣздѣ найдутся просвѣщенные въ точной силѣ слова помѣщики, всегда готовые ясно и весьма-поучительно изложить причину каждаго ихъ дѣйствія, соображенія, или пріема; слѣдовательно, многому можно научиться.

§ 27.

Для сельскаго хозяйства нельзя написать курса. Нужны руководства для различныхъ мѣстностей.

Конечно, составъ учебной книги для сельскаго нашего хозяйства труденъ; по моему мнѣнію, предпринять весьма-сложное и необыкновенныхъ соображеній требующее дѣло, т. е. составленіе для великороссійскихъ губерній, не «Курса Сельскаго Хозяйства», котораго ни одинъ еще ученый человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ ученъ и опытенъ, по всѣмъ предметамъ сельскаго хозяйства не написалъ и врядъ-ли написать можетъ, но нѣсколькихъ руководствъ, приспособленныхъ къ различнымъ нашимъ мѣстностямъ, — предпринять это дѣло, говорю, тогда только можно будетъ, когда всѣ способы и недостатки этихъ мѣстностей, какъ въ первой части этихъ «Записокъ» было сказано, зависящіе отъ климата и почвы земель, всѣ

соображенія, на которыя должны опираться хозяйскіе разсчеты и вообще устройство хозяйства, вѣрно будутъ разсчитаны и описаны; когда сложное разнообразіе нашихъ хозяйствъ приведено будетъ въ ясность, и когда все это составителю руководства извѣстно будетъ какъ опытному, просвѣщенному хозяину и безкорыстно-трудолюбивому человѣку.

§ 28.

Разнообразная сложность нашихъ хозяйствъ. Такого разнообразія въ хозяйствахъ Западной Европы нѣтъ. Въ помѣщичьемъ управленіи оно увеличивается. Непріятности помѣщичьяго управленія. Разрушительный климатъ для построекъ. Наши архитектурныя книги. Затрудненія при сбытѣ произведеній. Трудно одному человѣку имѣть потребный запасъ для написанія правилъ сельскаго хозяйства. Удѣльное Училище. Благодѣтельное его вліяніе.

Разнообразіе нашего сельскаго хозяйства, о которомъ уже нѣсколько разъ говорено, и сложный его составъ, проистекающій какъ отъ климата, такъ и отъ особеннаго, только намъ приличнаго, или у насъ существующаго хода дѣлъ, ничего не имѣютъ подобнаго въ хозяйствахъ Западной Европы. И замѣтьте притомъ, что всякая мѣстность разнообразитъ хозяйство по-своему, что и быть должно на неизмѣримомъ пространствѣ имперіи.

На-примѣръ, во многихъ имѣніяхъ надобно прясть, ткать и вмѣстѣ съ тѣмъ сидѣть хлѣбное вино по-нашему, а не по-англійски, имѣть поташный заводъ, бочаровъ, кузнецовъ, слѣсарей, мѣдниковъ, мельниковъ, машинистовъ; по всѣмъ этимъ предметамъ, слѣдовательно, руководство должно давать ясныя и основательныя наставленія. Но прежде всего сельскому хозяину-помѣщику нужно необходимо знать административную часть хозяйства и тѣ законы, на которые опираться должно управленіе имѣніемъ—и то и другое совершенно различныя отъ иностранныхъ законовъ и управленія.

И этого мало: намъ надобно произведенія хозяйства *умѣть продавать*, соображаясь съ коммерческими разсчетами и внутреннимъ ходомъ торговли сельскими произведеніями. Въ этомъ отношеніи, надобно, особенно сельскому хозяину, во многихъ случаяхъ хватать на-лету хозяйскую выгоду, часто для того только, чтобъ добыть себѣ хлѣбъ насущный. Одни эти послѣднія соображенія у насъ до того спутаны, разнообразны и измѣнчивы, что систематическое ихъ изученіе можно будетъ прикладывать къ различнымъ мѣстностямъ только въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ случаяхъ. — Тутъ безъ мѣстной опытности и большой сметливости хозяину обойтись нельзя.

Чтобъ убѣдиться въ справедливости всего, что̀ тутъ на-счетъ сбыта произведеній сказано, возьмемъ въ примѣръ зиму 1840-1841 годовъ. Съ первозимья, всѣ помѣщики Пензенской и Тамбовской Губерній могли продать рожь отъ 22 до 24 рублей, какъ многіе и продали. Между-тѣмъ, къ концу февраля, опоздавшіе принуждены были отдавать ее за 13 и 14 рублей. Разница ужасная, особенно при неурожаѣ! Отъ-чего же сдѣлался въ карманѣ ихъ такой сильный недочётъ? — Отъ-того, что тѣ помѣщики, которые выжидали цѣнъ еще высшихъ, основываясь на повсемѣстномъ весьма-плохомъ урожаѣ ржи; не знали, что хлѣбная торговля приняла другое направленіе; что для сѣвера у насъ не будетъ требованія, потому-что на Камѣ можно было купить хлѣбъ сходнѣе. Мѣстное требованіе, поддерживаемое обыкновенно винокуренными заводами, на этотъ разъ должно было сдѣлаться гораздо слабѣе; требованіе народонаселенія этихъ губерній—худъ ли урожай, или хорошъ—всегда ничтожно, потому-что народонаселеніе состоитъ почти все изъ сельскихъ жителей-хлѣбопашцевъ, запасающихъ себѣ годовое продовольствіе; сверхъ того, при сильномъ неурожаѣ ржи, каковъ подлинно и былъ, народу этому покупать дорогой хлѣбъ нѐ на что. Онъ въ такомъ случаѣ прокармливается овсомъ и гречею, а за неимѣніемъ того и другаго, лебедою, которою подлинно, на этотъ разъ, во многихъ селеніяхъ кормились люди и скотъ.

Всѣхъ этихъ затрудненій и такого разнообразія въ хозяйствахъ Западной Европы нѣтъ. Тамъ фермеръ, или владѣлецъ-хлѣбопашецъ, нанялъ работниковъ, платитъ имъ поденщину, или годовое жалованье—и только. У насъ помѣщикъ дѣйствуетъ собственными крестьянами; права его ограничены законоположеніями и не вездѣ одинаковыми. Отъ этого одного обстоятельства операціи его сдѣлались вдвойнѣ-сложнѣе: онъ долженъ пещись о своемъ хозяйствѣ и крестьянскомъ, присовокупляя къ тому судъ и расправу. Что̀ можетъ быть сложнѣе и непріятнѣе послѣднихъ двухъ предметовъ? Хозяйственныя постройки (*) у насъ если не многосложнѣе и не

(*) Иностранныя руководства *для* сельскаго хозяйства, подручныя по дешевымъ цѣнамъ *для* всѣхъ сословій, наполнены планами, фасадами и профилями сельскихъ строеній, приспособленныхъ къ ихъ климату, произведеніямъ и устройству хозяйствъ. Мы этого пособія лишены совершенно. Изъ множества архитектурныхъ книгъ, которыя божатся Виніолою и Витрувіемъ, руководствуются греческимъ, или итальянскимъ вкусами, нѣтъ ни одной, которая сколько-нибудь могла бы служить приличнымъ руководствомъ *для* сельскихъ построекъ. Вы хотите построить въ своемъ имѣніи *для* себя домъ, конюшню, службы, основываясь на газетныхъ объявленіяхъ, или пріятельскихъ журнальныхъ отзывахъ, выписываете архитектурную книгу, платите за нее, по обыкновенію нашему, вдесятеро дороже, нежели чего она стоитъ — не по достоинству, котораго оцѣнивать деньгами нельзя (да и слава Богу, тутъ не приходится) но по тому, во что обошлось изданіе,—получаете, раскрываете, и остается вамъ засвидѣтельствовать, что во всемъ расхваленномъ

огромнѣе, за то всегда не такъ прочны, отъ климата особенно въ средней и сѣверной полосахъ имперіи; между-тѣмъ, цѣль построекъ, относительные къ нимъ хозяйскіе разсчеты и употребленные на постройку капиталы ничего не имѣютъ общаго съ иностранными. Тамъ сельскій хозяинъ не обязанъ имѣть овина для сушки въ снопахъ всей жатвы, не обязанъ строить огромныхъ помѣщеній для собраннаго хлѣба, котораго количество несравненно-менѣе; не обязанъ носить кафтана изъ домашняго сукна, рубахи изъ домашняго хол-

---

произведенія неудобство спорить съ варварскимъ вкусомъ,—а вездѣ пароеноны, пантеоны, виллы и уродливаго устройства коттичи; вездѣ, гдѣ нужно и не нужно, всѣ пять ордеровъ стоятъ чинно; не забыты въ экстраординарныхъ случаяхъ и пестумскій съ рустиками; вездѣ открытыя галлереи, мезонины, сквозные бельведеры, чтобъ всѣ эти эстетическія (полагать надобно) украшенія скорѣе гнили сами и гноили строенія; вездѣ широкія итальянскія, или египетскія плоскія крыши, для того, чтобъ наносило и держалось на нихъ по нѣскольку сотъ пудъ снѣгу; вездѣ бездна дорогихъ матеріаловъ для малаго помѣщенія; вездѣ забыты хозяйственныя удобства; вездѣ старались жертвовать полезнымъ пріятному—но не успѣли, потому-что для перваго не доставало хозяйской опытности, трудолюбія и терпѣнія, а для втораго много требуется, и прежде всего зародышъ того врожденнаго искусства, для котораго умные люди написали особенную науку, назвавъ ее эстетикою; эта наука столько же способна влить эстетическій вкусъ въ того, кто съ нимъ отъ природы въ разладѣ, сколько наши «Курсы Сельскаго Хозяйства» сотворить сметливаго и опытнаго хозяина. Но какіе употреблять въ нашемъ климатѣ матеріалы, какъ приготовлять ихъ дешевыми, домашними способами, какъ узнавать ихъ прочность, или неспособность, какіе хозяйственные способы принимать, чтобъ строеніе было прочно, тепло, сухо и помѣстительно,—всѣ эти главныя необходимыя условія, какъ-будто дѣла посторонніа, оставлены безъ вниманія; а если сочинители и касаются этихъ предметовъ, то отдѣлываются общими выраженіями. Но когда дѣло дошло до мельницы, плотины, магазина, винокуреннаго завода, риги, овина, печки—есть планы, профили, фасады и даже модели въ продажѣ—только эти дивныя произведенія всѣмъ и каждому изъ хозяевъ извѣстны, равно-какъ извѣстны и всѣ ихъ непростительные недостатки, изъ которыхъ главнѣйшіе состоятъ въ томъ, что они не приспособлены ни къ климату, ни къ обычаямъ, ни къ разсчетамъ нашимъ. Что остается въ такомъ случаѣ дѣлать неопытному хозяину? Выписать или пріискать опытнаго человѣка, перекреститься, заключить съ нимъ условіе и быть увѣрену, что изъ десяти такихъ построекъ, девять сдѣлаются съ важными недостатками, влекущими за собою потерю времени, работы и денегъ, если долговременная опытность не научила хозяина, какъ въ нашемъ климатѣ и по нашимъ разсчетамъ должно строиться. И этого мало: надобно самому помѣщику присматривать за всѣми работами, отъ утра до вечера, для того, чтобъ работники или подрядчикъ, руководствуясь обыкновеннымъ «*какъ-нибудь*» и во всѣхъ отношеніяхъ совершенною безотчетливостію, безсовѣстно не портили дѣла. По всѣмъ этимъ предметамъ хозяинъ долженъ быть у насъ не только самъ архитекторомъ, механикомъ, печникомъ и проч., но надсмотрщикомъ, и всегда строиться сообразяясь единственно съ своимъ смысломъ и опытностью.

Истинное благодѣяніе сдѣлаетъ для нашихъ хозяевъ тотъ, кто составитъ ру-

ста, ѣздить на телегѣ и употреблять сбрую своими руками сдѣланную, какъ это водится у насъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ жители не имѣютъ возможности, посредствомъ земледѣлія и скотоводства, снабжать себя нужнымъ черезъ продажу произведеній этой промышлености. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по милости тѣснаго народонаселенія, частыхъ мѣстечекъ и городовъ, и говоря вообще, хорошихъ сообщеній, на каждыхъ 5—10 верстахъ, всякій фермеръ имѣетъ въ виду рынокъ, гдѣ онъ на чистыя деньги можетъ все сбывать, не ломая себѣ, подобно намъ, головы надъ вопросомъ, гдѣ и кому продать произведеніе; можно ли успѣть поставить его туда, гдѣ покупаютъ; найдутся ли возчики; не случится ли недостатка въ лошадяхъ у крестьянъ; не помѣшаютъ ли осенняя и вешняя распутицы, зимнія ухабы и вьюги; можно ли надѣяться своевременно получить уплату за поставленное произведеніе; не будетъ ли при пріемѣ какихъ-нибудь затрудненій и обстоятельствъ, которыя 10 процентовъ убавятъ изъ цѣны проданнаго произведенія; въ какую мѣру или вѣсъ продавать, какими деньгами получать уплату: разнородною ли иностранною монетою, которая не вездѣ принимается въ уплату, ассигнаціями, билетами Государственнаго Казначейства, депозитными билетами, серебряными рублями, или серебромъ-мелочью, потому-что курсъ этихъ различныхъ денегъ, хотя съ 1839 года пересталъ измѣняться по частному произволу, но все еще отъ-того, какими деньгами получена уплата, получившій можетъ потерпѣть нѣкоторый убытокъ, что̀ всего важнѣе; не пропустить того дня, часа, въ который произведеніе можно продать выгодно, потому-что малѣйшее упущеніе, въ этомъ случаѣ, можетъ причинить хозяину значительную потерю. Коротко сказать: русскій хозяинъ всѣ дѣйствія свои долженъ подчинить не только зрѣло-обдуманнымъ разсчетамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мимолетнымъ, въ Западной Европѣ неизвѣстнымъ соображеніямъ, для которыхъ нужна истинно-русская сметливость, которую изучить по книжному ученію нельзя (объ этомъ было уже говорено): это даръ Провидѣнія, и имъ-то надѣлены щедрою рукою мы, Русскіе, отъ-того, можетъ-быть, что мы болѣе другихъ народовъ имѣемъ нужду въ сметливости.

Возможно ли одному человѣку имѣть такой огромный запасъ познаній, на которыя у насъ должно опираться сельское хозяйство?

ководство, гдѣ законы, на которыхъ должны опираться такого рода сельскія постройки, были бы объяснены вѣрно и понятно. А вѣдь это не мудрено было бы сдѣлать? Но тутъ архитектура, механика, пиротехнія и гидравлика еще недостаточны; шарлатанство же, равно-какъ иностранные образцы и поверхностные взгляды, могутъ быть полезны только тѣмъ, кто въ виду имѣетъ не полезнымъ трудомъ, но изданіемъ книжки добыть *деньгу*. — Сверхъ этихъ наукъ нужна опытность, приспособленная къ нашимъ климатамъ, нашимъ разсчетамъ, работникамъ, сельскимъ способамъ и капиталамъ, и постоянное, безкорыстное терпѣніе и трудолюбіе.

Но, положимъ, что нашлось бы чудо памяти, другой Пикъ-де-ла-Мирандоль, который, охватя необыкновенными своими способностями весь міръ наукъ, вошедшихъ, какъ подсобное средство, въ составъ сельскаго хозяйства, вооружась необыкновеннымъ терпѣніемъ и прилежаніемъ — равносильными истинному самоотверженію, написалъ бы сельскому хозяйству дѣльную теорію для какой-нибудь мѣстности — этого мало, повтотряю: надобно автору умѣть приложить эту теорію къ дѣлу и учить другихъ приложенію, для чего ему самому необходимо должно быть опытнымъ практикомъ. Этотъ-то камень преткновенія на всѣхъ путяхъ, которымъ слѣдуетъ практика, если она захочетъ имѣть пособіемъ теорію, встрѣчается и заставляетъ труженика останавливаться, а предпріимчиваго остроумца, или ни въ чемъ не сомнѣвающагося невѣжду сбиваться съ настоящаго пути, или увлекаться за тридевять земель въ тридесятое царство; отъ-того-то одно книжное ученіе не только по предметамъ сельскаго хозяйства, но и вообще по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ познаній, къ полезной цѣли приводитъ подлинно «немногихъ». Я не говорю о той теоріи сельскаго хозяйства, которая имѣетъ основаніемъ корыстолюбивые виды: она, съ запасомъ шарлатанства, подъ личиной общей пользы, нерѣдко достигаетъ своей цѣли (*).

Не говоря о примѣрахъ послѣдняго рода, взглянемъ на скромный

(*) По моему мнѣнію, самый благодѣтельный результатъ, при изученіи сельскаго хозяйства, у насъ оказался въ Удѣльномъ Училищѣ, основанномъ близь Петербурга. Тутъ вышедшій изъ училища крестьянинъ остался крестьяниномъ, но образованнымъ, дѣятельнымъ, полезнымъ себѣ, отечеству, и вмѣстѣ сдѣлался прекраснымъ примѣромъ для подражанія. Европа не представила еще такого примѣра образованія, да и трудно ей представить: надобно для этого имѣть способы, силу и могущество Царя Русскаго, который тутъ, въ видѣ нашего перваго, главнаго и августѣйшаго помѣщика, не жалѣя никакихъ издержекъ, повелѣлъ въ особенномъ заведеніи сосредоточить и наставить молодыхъ избранныхъ людей на добро и пользу. Курсъ ученія 250 учениковъ, введенный Министерствомъ Удѣловъ въ этомъ заведеніи, превосходенъ, особенно тѣмъ, что нравственность—фундаментъ зданія, и что учащихся болѣе заставляютъ разсуждать о предметахъ ихъ ученія, давая этому разсужденію правильное, ясное и весьма-простое направленіе. Между-тѣмъ, молодой ученикъ необремененъ ни одною лишнею идеею, не только ученіемъ,— и вмѣстѣ съ тѣмъ ни что не забыто изъ того, что̀ въ его быту знать ему нужно. Министерство разсылаетъ своихъ питомцевъ во всѣ края Имперіи, водворяетъ ихъ на мѣстахъ жительства, обзаводитъ полною рукою и снабжаетъ всѣми пособіями, которыя, по мѣрѣ ихъ образованія, нужны имъ. Истинно-просвѣщенная и благодѣтельная мѣра эта теперь въ обширной Имперіи конечно еще мало замѣтна; но вѣдь и первоначальное построеніе Петербурга не произвело большаго вліянія на Россію; теперь же Петербургъ не окно въ Европу, какъ многіе его называютъ, но нашъ кормилецъ: всякаго рода избытки наши направляются туда по водѣ и сушѣ. Такъ и водвореніе образованныхъ крестьянъ со-временемъ должно измѣнить обычаи, бытъ и пріемы сельскихъ жителей, во многихъ отношеніяхъ, къ лучшему.

трудъ г. Усова «Курсъ Земледѣлія съ приложеніемъ къ полеводству». Съ должнымъ вниманіемъ къ этому труду, со всѣмъ уваженіемъ къ автору, нельзя не сказать, что заглавіе его «Курса» обѣщаетъ болѣе для хозяина, нежели подлинно въ «Курсѣ» находится — именно потому-что не только выгоднаго приложенія теоріи къ практикѣ тутъ нѣтъ, но читатель, узнавъ этотъ «Курсъ Земледѣлія», не получитъ дѣльнаго понятія о выгодномъ хозяйствѣ. Между-тѣмъ, и г. Усовъ вездѣ опирается на системы полеводства иностранныя, нашему климату не способныя, по разсчетамъ невыгодныя, и на шаткія гипотезы, прикрытыя химіею, ботаникою и физикою, т. е., на громкія слова, не вполнѣ-освященныя опытностію. Осторожныя и дѣльныя, но слишкомъ-общія его сужденія на счетъ приложенія системъ полеводства къ различнымъ мѣстностямъ, въ послѣднихъ трехъ §§ помѣщенныя, не искупаютъ этого главнаго недостатка его курса, который имѣетъ, конечно, свою полезную сторону, но и эта сторона по-крайней-мѣрѣ уравновѣшивается промахами какъ въ общихъ сужденіяхъ, такъ и частныхъ (*). Три послѣдніе параграфа «Курса Земледѣлія» г. Усовъ заключилъ вотъ чѣмъ: «Опредѣленіе выгодъ системы сѣвооборота должно относиться къ статьѣ общаго управленія хозяйствомъ»; другими словами: выгоды эти основаны на приложеніи теоріи къ практикѣ. Англичане, Бельгійцы, Французы, жители всей Германіи имѣютъ для всѣхъ мѣстностей это пособіе, по всѣмъ предметамъ, вошедшимъ въ составъ ихъ сельскихъ хозяйствъ. Почему же намъ не имѣть этого приложенія? Г. Усовъ, какъ человѣкъ просвѣщенный, имѣя понятіе о разнообразіи нашихъ хозяйствъ, постигъ, что трудно его составить; въ-слѣдствіе этого, ограничиваясь общими сужденіями, онъ, конечно, не вышелъ изъ предѣловъ благоразумія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не показалъ намъ примѣровъ, которымъ русскіе хозяева должны слѣдовать, а между-тѣмъ это обѣщано заглавіемъ его «Курса».

§ 29.

Когда и въ какихъ отношеніяхъ мы будемъ имѣть возможность принять практическіе пріемы и разсчеты иностранные.

Здѣсь, кажется, довольно доказательствъ тому, что иностранное ученіе, даже дѣльное, по всѣмъ практическимъ пріемамъ намъ не го-

---

(*) Эти промахи я всегда готовъ указать. Но «Записки» мои не для того пишутся, чтобъ выказывать ошибочныя сужденія и ложныя понятія, которыя, начиная съ самого меня, всѣмъ людямъ общи. Напротивъ, если когда-нибудь онѣ будутъ изданы во всеобщее извѣстіе, я желаю, чтобъ онѣ обратили вниманіе нашихъ учителей, и преимущественно г. Усова, на ошибочное направле-

дится, а по разсчетамъ не приходится; и что мы, русскіе помѣщики, конечно со словъ «Курса Сельскаго Хозяйства», «Земледѣльца» и пр. и пр. прилагать его къ нашимъ хозяйствамъ не будемъ до-тѣхъ-поръ, пока не измѣнится въ пользу новаго хозяйства весь ходъ стараго; или короче сказать, когда повсемѣстно въ Россіи не будетъ, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Западной Европы, приходиться на душу по одной десятинѣ пахатной земли, — съ тѣмъ условіемъ, чтобъ значительная часть хлѣбопашцевъ, поселившись въ городахъ, перешла въ мѣщанство, купечество, или занялась единственно рукодѣльными промыслами, совершенно отъ хлѣбопашества и скотоводства отдѣльными; чтобъ число городовъ нашихъ увеличилось и народонаселеніе ихъ распространилось; устроились бы сообщенія не столь тягостныя и долговременныя; да сверхъ-того еще, чтобъ *перемѣнился нашъ климатъ*, что вѣроятно не такъ-то скоро случится—и чтобъ произведенія сельскаго хозяйства вездѣ и всегда продавались соразмѣрно оцѣненному труду, заботѣ и положеннымъ капиталамъ — чему, при всей сметливости нашихъ хозяевъ, трудно быть; или хотя бы только торгъ этими произведеніями не былъ подчиненъ нѣкоторой зависимости, какъ это во многихъ мѣстностяхъ иногда случается, тѣмъ болѣе, что потребность продовольствія для войскъ и винокуренныхъ заводовъ, составляющая значительную часть въ итогѣ всего покупаемаго количества земныхъ произведеній, не рѣдко основываетъ имъ цѣны.

§ 30.

Для какихъ предметовъ можно писать курсы. Наука и ея приложеніе. Расточительное хозяйство. Собственно хозяйство наука безконечная и умозрительная. Только нѣкоторые отдѣльные его предметы могутъ изучаться теоретически. Нормальныя руководства. Кто можетъ написать руководство съ приложеніемъ. Всякая наука посредствомъ книжнаго ученія должна быть приведена въ ремесло. Гг. агрономы силятся изъ ремесла сдѣлать науку. Собственно-теоретическое книжное ученіе нигдѣ сколько-нибудь значительной пользы сельскому хозяйству не принесло. Сноровка, сметка, да догадка обходятся безъ физики, химіи, ботаники и зоологіи. Ученый и неученый. Кому книжное ученіе въ пользу. Системы въ практическомъ быту. Къ чему онѣ привели сельское хозяйство. Довольно одного ученаго агронома на каждый уѣздъ.

Можно написать курсъ, какъ я выше сказалъ, для многихъ пред-

ніе, данное ученію о сельскомъ хозяйствѣ. Если же эти записки указываютъ мѣстами, сверхъ ошибочной теоріи, на задорное самохвальство, имѣющее опорою превратно-понимаемый чужой трудъ, и особенно на шарлатанство, къ которому, я твердо знаю, не причастенъ г. Усовъ, такъ это сдѣлалось единственно по необходимости, весьма для меня непріятной.

метовъ сельскаго хозяйства отдѣльно, но не вообще *для* сельскаго хозяйства, потому-что курсъ какой-либо науки *долженъ* опираться на систему неизмѣнную, основательно-доказанную и вообще принятую. Такъ можно написать курсъ *для* садоводства, лѣсоводства, огородничества, тѣмъ болѣе, что теорія этихъ предметовъ довольно полна, отчетливо объяснена и уже составлена; равно *для* механики, архитектуры, географіи и *даже* физики, химіи и пр. и пр. Но собственно сельское хозяйство, т. е. *примѣненіе выгоднѣйшихъ соображеній къ дѣлу сельскаго хозяйства*, по необъятной сложности своей и по безчисленнымъ разнообразнымъ мѣстнымъ примѣненіямъ, будетъ всегда предметомъ болѣе-опытнымъ и только-что умозрительнымъ, нежели точнымъ и прикладнымъ, и достояніемъ малаго числа людей, если мы будемъ имѣть притязаніе на весь его объемъ, въ чемъ я не вижу никакой надобности, потому-что и близко удовлетворить этому стремленію не найдется возможности. Слѣдовательно, всегда и вездѣ будетъ трудно привести въ систему всѣ условія, упрочивающія сельское хозяйство, особенно у насъ, гдѣ эти условія неизслѣдованы, столь разнообразны и извѣстны только частно.

Изъ множества учебныхъ книгъ, показавшихся въ XIX столѣтіи въ Европѣ, безъ противорѣчія самыя дѣльныя и возможно-полныя: «Практическое и Умозрительное Земледѣліе» Синклера, «Основанія Раціональнаго Хозяйства» А. Тэера, и новѣйшее «La Maison Rustique du XIX siècle», о которыхъ я говорилъ уже. Ни Синклеръ, ни Тэеръ, положившіе начало полезному ученію о многихъ предметахъ, вошедшихъ въ составъ сельскаго хозяйства, ни общество французскихъ агрономовъ, составившее послѣднее руководство *для* французскихъ сельскихъ хозяевъ, не осмѣлились назвать свои творенія «Курсомъ Сельскаго Хозяйства», который написать, по моему мнѣнію, возьмется нынче и *для* насъ, при томъ незрѣломъ состояніи наукъ, входящихъ въ составъ его и при неизслѣдованныхъ началахъ, на которыя опирается наше хозяйство, — только тотъ, кто не постигъ, изъ какихъ предметовъ состоитъ оно и въ какомъ состояніи находится вообще теорія этой до безконечности сложной науки, — коротко сказать, кто занимался сельскимъ хозяйствомъ на досугѣ, въ четырехъ стѣнахъ своего кабинета, или на каѳедрѣ, руководствуясь только своимъ воображеніемъ и памятью — чего и было бы довольно *для* какихъ-нибудь стишковъ, повѣстцы, или «Фантастическаго Путешествія», — но не *для* изложенія правилъ сельскаго хозяйства, гдѣ каждое слово должно опирать на фактъ, многолѣтними опытами освященный, каждую мысль доказывать неоспоримыми доводами, ясными, простыми и краткими.

Можетъ-быть, скажутъ: наука вездѣ одна и та же, а приложеніе зависитъ отъ толка и сметливости прилагателя. Пусть онъ дѣлаетъ ей приложеніе въ-пору и къ-мѣсту.

Кажется, здѣсь довольно практическихъ доказательствъ тому, что преподаваемая у насъ теорія сельскаго хозяйства не что иное, какъ

схоластическое словословіе, безъ котораго легко обойдтись проходившему обыкновенный университетскій курсъ ученія; а практическое ея приложеніе—неумѣстный, опрометчивый и ложный сколокъ съ иностраннаго ученія, дѣлающій болѣе вреда, нежели пользы нашему хозяйству и особенно вредящій тѣмъ, что породилъ и порождаетъ неприличное нашему климату и разсчетамъ хозяйство, такъ справедливо названное у Синклера «расточительнымъ земледѣліемъ». Да и можетъ ли быть иначе? Иностранцы не знаютъ нашихъ разсчетовъ, а наши агрономы не заботились узнать ни нашихъ, ни ихъ разсчетовъ. Слѣдовательно, теорія сельскаго хозяйства для насъ не написана. Но еслибъ и сотворилось это чудо въ наше время, то все-таки приложенію надобно точно такъ же учить, какъ и наукѣ; для чего практическое мѣстное ученіе необходимо, да и прямѣе ведетъ къ цѣли. Иначе—on mettra la charrue devant les boeufs, чему, кажется, примѣровъ довольно.

Я сказалъ, что изучаться могутъ умозрительно, или теоретически только нѣкоторые отдѣльные предметы, вошедшіе въ составъ сельскаго хозяйства. Для нихъ-то нужны руководства нормальныя, которыя имѣли бы опорою правила положительныя, ясныя и простыя, безъ математики математически-доказанныя. Тутъ нельзя допускать безотчетныхъ системъ, отвлеченнаго словословія, или ипотезъ, только-что вѣроподобныхъ. Все это можетъ быть удѣломъ человѣка ученаго, или агронома, любителя сельскаго хозяйства, но не хозяина-практика, который не долженъ терять времени и денегъ на отвлеченности, точно такъ же, какъ и на мнимыя улучшенія, потому-что они заманчивы для всякаго мыслящаго человѣка, отнимаютъ нужное время для соображеній хозяйскихъ, отъ присмотра за исполненіемъ этихъ соображеній, и вообще влекутъ за собою не прибыль, а убытки.

Конечно, въ нѣкоторомъ отношеніи, сельское хозяйство можетъ опираться на многія науки, слѣдовательно, оно можетъ почитаться въ числѣ сложныхъ наукъ; но надобно желать, чтобъ у насъ обратили на него вниманіе люди дѣльные, хозяева опытные и наконецъ, пожалуй, люди ученые, и составили бы не курсы сельскаго хозяйства, но руководства съ приличными разнымъ мѣстностямъ примѣненіями, для неопытныхъ молодыхъ хозяевъ. Это благотворное событіе не можетъ быть плодомъ труда одного лица; хотя бы запасъ безкорыстія, опытности и познаній былъ, въ этомъ лицѣ, необыкновенный,—такое учебное руководство для сельскаго хозяйства должно быть написано такъ, чтобъ въ немъ было все, что́ необходимо знать сельскому хозяину, и ни одного слова болѣе. Это гораздо-труднѣе исполнить, нежели написать пространный курсъ, гдѣ физика, химія, ботаника и зоологія вездѣ будутъ опорою; поверхностныя выписки изъ иностранныхъ изданій займутъ всю прозаическую часть; а измѣненія, новизны, догадки и отвлеченности наполнятъ поэтическую.

Тэеръ сказалъ, что сельское хозяйство можно изучать какъ нау-

ку. Я уже говорилъ въ 1-й части «Записокъ», почему это опредѣленіе болѣе нежели неопредѣлительно-ошибочно. Но хоть бы это и такъ было, кажется, назначеніе всякой науки для какого-либо дѣла, или производства состоитъ въ томъ, чтобъ передать учащемуся опытность въ малый періодъ времени и упростить ее до конечной степени; другими словами, обратить науку въ ремесло. Такъ, напр., до Карамзина познаніе русской исторіи было только наукою (*), и самою трудною, на которую надобно было посвящать многіе годы. Явился Карамзинъ, — не говорю о философскомъ взглядѣ на исторію — это не мое дѣло, тѣмъ болѣе, что эта канва такъ длинна и широка, что вѣки, и каждый по своему, на ней шить будутъ, и все не ушьютъ ея неизмѣримой площади, — явился, говорю, Карамзинъ, и исторія русскаго государства сдѣлалась ремесломъ, для котораго нужна стала только память и нѣкоторое прилежаніе — по-крайней-мѣрѣ для насъ, непосвященныхъ въ таинственныя судьбы прошлыхъ, темныхъ временъ. Теорія сельскаго хозяйства идетъ совершенно-противоположнымъ путемъ: гг. ученые агрономы силятся изъ ремесла сдѣлать науку, которую съ каждымъ годомъ развиваютъ все болѣе и болѣе, и, слѣдовательно, съ каждымъ годомъ она дѣлается сложнѣе и сложнѣе. Да и теперь уже сдѣлалась она достояніемъ только ученыхъ, посвятившихъ всю свою жизнь созерцанію, въ тиши кабинета. Что же будетъ далѣе? Какъ хотите судите, гг. агрономы, но такое ученіе обѣщаетъ, право, мало пользы; потому-то и не диво, что собственно-теоретическое агрономическое ученіе нигдѣ сколько-нибудь значительной пользы еще не принесло сельскому хозяйству. Куки, Фелемберги, Тэеры, Домбали, Синклеры и еще, можетъ-быть, десятокъ ученыхъ не опровергаютъ этого мнѣнія. Это капля въ морѣ, если поставить вмѣстѣ съ ними безграмотныхъ, или мало-грамотныхъ мастеровъ своего дѣла—отъ зажиточнаго нашего крестьянина до богатаго арендатора включительно. Сочтите, сколько въ хозяйственномъ быту на одного ученаго и громко-славнаго агронома найдется искусныхъ, безграмотныхъ хозяевъ? — Конечно, мильйоны. Право, «горшки не боги дѣлаютъ»; практическія науки недавно славны, а люди давно живутъ. Всѣ они были ли грамотными и учеными, или только отъ нихъ и свѣтъ свѣтомъ сталъ? Мудрено повѣрить, особенно на-слово. Называйте меня вандаломъ, пожалуй; но поживите поближе съ безграмотными, да замѣтьте ихъ сноровку, сметку, да догадку—вы увидите, что безъ химіи, физики, ботаники, зоологіи, да политической экономіи, многіе изъ нихъ, съ перваго взгляда, опредѣлятъ вамъ, въ самыхъ сложныхъ и затруднительныхъ дѣлахъ, соображеніяхъ и обстоятельствахъ, какъ и почему должно сдѣлать такъ, а не иначе; или отъ-чего это дурно, а то хо-

(*) Очевидно, почтенный авторъ «Записокъ» придаетъ здѣсь «наукѣ» свое, особенное значеніе. *Ред.*

рошо. Скажете: исключенія изъ общаго порядка; а «за ученаго все-«таки двухъ неученыхъ даютъ»? Я такъ думалъ до 50-ти лѣтъ моей жизни, а послѣ раздумалъ! Впрочемъ, и вдвое дать за ученаго не мудрено—вездѣ за пріятное платятъ вдвое, нежели за полезное. Однакожь русскіе люди понимаютъ эту пословицу двояко. Многіе думаютъ, что въ ней слово «ученый» значитъ *проученый*. Между-тѣмъ, пословица, относясь къ тому книжному ученію, о которомъ рѣчь идетъ, была бы справедлива и въ буквальномъ смыслѣ, еслибъ подлинно это ученіе было, во всякомъ случаѣ, синонимомъ преждевременной опытности, ума и способности, Того-то и нѣтъ въ *практическомъ* быту, или случается очень-рѣдко; отъ-того ли, что естественныя и политическія науки по новизнѣ своей не могли еще быть во всѣхъ отношеніяхъ дѣльно приложены къ безчисленнымъ фазамъ практическаго быта, въ которомъ человѣкъ и общество существуютъ; или потому-что приложенія дѣлаются невпопадъ. Впрочемъ, немудрено случиться и тому и другому, тѣмъ болѣе, что начертать правила для приложенія и дѣльно ихъ приложить, можетъ только человѣкъ съ высокимъ разумомъ и съ большой сметливостію, и притомъ человѣкъ дѣятельный, трудолюбивый, пожалуй, и ученый; особенно же тотъ, кто, изучивъ половину науки, другую самъ постигъ. Кому надобно передать ее отъ альфы до омеги, кто затверживаетъ ее посредствомъ памяти, а изучаетъ только необыкновеннымъ прилежаніемъ, тотъ закрой книгу и брось ее въ печь: въ ней не найдетъ онъ пособія для *практической дѣятельности,* которую прошу читателя не смѣшивать съ другими принадлежностями человѣческаго быта.

Конечно, между людьми безграмотными, способныхъ, искусныхъ и дѣловыхъ мало; за то между многоучеными, говорятъ, еще менѣе; поэтому утверждаютъ, что у первыхъ умъ свѣжѣе и простое, одностороннее, прямое понятіе о дѣлѣ не перекрещивается въ ихъ соображеніи съ «завиральными идеями», высшими и общими взглядами; и потому еще станется, что, вмѣсто системъ, безграмотные, но смышленые люди, руководствуются только здравымъ смысломъ. У многоученыхъ часто умъ заходитъ за разумъ, или воображеніе руководствуется часто системою, а не разумомъ. Попугаемъ быть, право, не мудрено, особенно тому, кто усидчивъ, да памятливъ.

Странное дѣло, всѣ ученые и просвѣщенные люди, кажется, согласны въ томъ, что человѣкъ разумнѣйшее твореніе. Какъ же это сдѣлалось, что они же не даютъ ему того инстинктивнаго чувства собственной своей пользы, которое неразлучно съ комаромъ и орломъ, съ бобромъ и слономъ. А вѣдь это такъ,—потому-что кабинетные агрономы хотятъ насъ увѣрить, будто, не прошедши курсовъ физики, химіи, ботаники, зоологіи и пр. и вообще агрономіи, нельзя быть дѣльнымъ и себѣ-полезнымъ хозяиномъ. Въ этой увѣренности я вижу врача, который, отвергая помощь природы, непремѣнно хочетъ, чтобъ излеченіе больнаго сдѣлалось по принятой имъ си-

стемѣ и прошло сквозь рядъ сложныхъ лекарствъ, приготовленныхъ въ колбахъ и ретортахъ.

Въ нашъ матеріальный вѣкъ, мы силимся изъ всего и для всего состроить систему на какихъ бы то ни было подмосткахъ, и для того обобщаемъ тѣ понятія, которыя были, будутъ и должны остаться въ тѣсномъ кругу спеціальными, частными, мѣстными, или въ общемъ вѣчно-подвижными, вѣчно-колеблемыми измѣняющимся ходомъ практическихъ дѣлъ, или столько же непостояннымъ общественнымъ мнѣніемъ, тогда какъ ни провидѣть, ни измѣнить и даже во многихъ отношеніяхъ направить человѣкъ не въ-состояніи ни тѣхъ, ни другихъ. Эти системы, основанныя на общихъ понятіяхъ, въ практическомъ быту, какъ я сказалъ, только путаютъ частности и дѣлаютъ человѣка, привыкшаго смотрѣть на людей, свои дѣла и занятія свысока, котораго, между-тѣмъ, судьба обрекла въ частной заботѣ обнимать радіусомъ своимъ кругъ едва-замѣтный, — совершенно-неспособнымъ идти по прямому пути къ предназначенной частной цѣли. Да и нельзя въ одно время собственнымъ частнымъ трудомъ добывать себѣ хлѣбъ насущный и вмѣстѣ съ тѣмъ пещись о пользѣ общественной, которая еще въ рукахъ Провидѣнія, а не человѣка. .

Посмотрите, къ чему приведено общими системами и ученіемъ сельское хозяйство. Писали, писали, и наконецъ дописались до того,—и не болѣе, какъ въ 30—40 лѣтъ, — что жизни человѣка не достанетъ пройдти теорію съ толкомъ. А теорія эта, по убѣжденію опытныхъ и умныхъ людей—еще въ дѣтствѣ. Что же будетъ далѣе? Раскройте, нѐчего сказать, глубокомысленное твореніе «La Maison Rustique du XIX siècle»: въ немъ тысячи статей, и большая часть изъ нихъ зрѣло обдуманы, но сокращены, или изложены поверхностно. Но на чемъ все это зданіе основано? на наукахъ естественныхъ, политическихъ, математическихъ, технологическихъ, и пр. Между-тѣмъ, въ два столбца болѣе 2000 страницъ, въ четырехъ большихъ томищахъ —и все дѣла, говорятъ, для сельскаго хозяйства нужныя, необходимыя, къ которымъ, для нашихъ хозяйствъ, еще бы слѣдовало прибавить, по крайней-мѣрѣ, столько же, потому-что Россія — шестая часть свѣта, гдѣ всѣ климаты, исключая тропическаго, всѣ недостатки съ избытками перекрещиваются; гдѣ тѣснота народонаселенія, съ привольнымъ патріархальнымъ просторомъ живутъ рука-объ-руку; гдѣ югъ служитъ сѣверу, а сѣверъ югу; гдѣ по обличью, вѣрѣ, обычаямъ и занятіямъ обитающіе на этомъ неизмѣримомъ пространствѣ народы столько между собою различны, какъ ихъ одежда, досужество и бытъ. Слѣдовательно, въ нашемъ отечествѣ есть и то, что есть и въ другихъ государствахъ Западной Европы, да и найдется много кое-чего такого, чего нигдѣ не увидишь и не услышишь. Но не-уже-ли и вправду сельскому хозяину, чтобъ быть настоящимъ хозяиномъ, все, что въ сказанномъ твореніи только для Французовъ написано, и что еще для насъ написать должно — все это надобно пройдти, выучить (lernen), затвердить и изучить (studi-

гер) и посвятить на это головоломное ученіе, скажемъ мало—20 лѣтъ цвѣтущей жизни, и наконецъ, къ 40 годамъ постичь эту теорію отъ альфы до омеги, *для* того, чтобъ опять начинать учиться съ практики? Сто разъ правъ г. Майеръ, сказавъ, «что ученаго агронома весьма бы достаточно имѣть по одному въ уѣздѣ»—и то на опытной фермѣ, или хуторѣ, гдѣ онъ имѣлъ бы *законное право* получать доходовъ мало, а тратить денегъ на опыты и *расходы*—много.

Н. САБУРОВЪ.

NB. Третья часть «Записокъ Пензенскаго Земледѣльца» будетъ напечатана въ первыхъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» 1843 года.

ЗАДАЧИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЯ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ, ДЛЯ КОНКУРСА НА 1842—43 ГОДЪ.

—

I.

Въ послѣднее время многіе изъ просвѣщенныхъ хозяевъ, убѣдившись въ истинѣ, что для усовершенствованія у насъ сельскаго хозяйства необходимо ввести разнаго рода коренныя измѣненія и улучшенія въ хозяйствѣ крестьянъ, высказывали свои о томъ мысли въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ то же время, при распространеніи грамотности между крестьянами, замѣтнѣе стала проявляющаяся болѣе и болѣе необходимость въ составленіи собственно для крестьянъ руководства къ практическому познанію правилъ сельскаго хозяйства. Для объясенія по возможности перваго изъ сихъ предметовъ, требующаго критическаго разсмотрѣнія его со всѣхъ сторонъ, и для удовлетворенія настоятельной нужды во второмъ, Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ приглашаетъ: *написать разсужденіе—о настоящемъ состояніи хозяйства у крестьянъ-земледѣльцевъ, съ объясненіемъ причинъ, экономическихъ и нравственныхъ, препятствующихъ развитію его, и съ указаніемъ средствъ къ отвращенію оныхъ;* и вмѣстѣ съ тѣмъ *составить краткое, но ясное наставленіе, заключающее въ себѣ основныя правила земледѣлія, доступныя понятіямъ и средствамъ крестьянъ, и приноровленныя къ одной изъ трехъ полосъ Россіи: средней, сѣверной и южной или степной.*

Вопросъ сей можетъ быть раздѣленъ и на двѣ части, и каждая можетъ быть обработана и представлена въ Комитетъ отдѣльно. Во всякомъ случаѣ, желательно, въ-отношеніи къ первой, чтобъ всѣ разсужденія и выводы были основаны на фактахъ, неподлежащихъ сомнѣнію, и подкрѣпленныхъ, гдѣ слѣдуетъ, числовыми показаніями и разсчетами; а въ-отношеніи къ послѣдней, чтобъ изложеніе было сколько можно просто, безъ излишняго многословія и безъ особенной натянутой поддѣлки къ простонародному тону.

II.

Всякому, кто знакомъ съ существенными основаніями сельскаго хозяйства, извѣстно, что скотоводство, и въ-особенности двѣ его отрасли: разведеніе лошадей и рогатаго скота, составляютъ необ-

ходимое условіе процвѣтанія земледѣлія. У насъ, говоря вообще, только въ южныхъ степныхъ губерніяхъ оно существуетъ какъ особая, въ нѣкоторомъ смыслѣ, отдѣльная отъ земледѣлія, отрасль промышлености. И тамъ количество и качество скота зависятъ не столько отъ рачительнаго ухода за нимъ, сколько отъ обилія естественныхъ пастбищъ. Но въ средней и сѣверной полосахъ скотоводство тѣсно, неразрывно связано съ земледѣліемъ; успѣхи послѣдняго идутъ объ-руку съ успѣхами перваго.

Министерство Государственныхъ Имуществъ, обративъ вниманіе на улучшеніе породы крестьянскихъ лошадей, собирало отъ разныхъ мѣстъ и лицъ нужныя по сему предмету свѣдѣнія (*). Желая нынѣ подвергнуть болѣе-разностороннему обсужденію коренныя основанія вопроса: *въ чемъ состоятъ причины упадка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьянскихъ лошадей и какія могутъ быть употреблены удобнѣйшія средства къ улучшенію оныхъ*,—Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ предлагаетъ написать по сему предмету разсужденіе.

Сіе разсужденіе естественно должно раздѣляться на двѣ части: въ первой необходимо объяснить причины, почему лошади у крестьянъ дурны, и почему даже тамъ, гдѣ мѣстныя удобства и какія-либо случайности были причиною заведенія въ прежнія времена улучшенныхъ породъ лошадей, эти породы постепенно измѣняются, и лошади дѣлаются хуже, какъ напримѣръ клеперы въ остзейскихъ губерніяхъ, обвинскія лошади въ Вятской Губерніи, и проч.?

Во второй части должны быть изложены технические способы улучшенія крестьянскихъ лошадей, и между прочимъ: а) посредствомъ сводныхъ конюшень или заведеній общественныхъ жеребцовъ, изъ мѣстной ли породы или изъ другихъ, свойствами своими

(*) Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ объяснено:

1) Что причина перерожденія хорошихъ крестьянскихъ лошадей произошла единственно отъ извѣстнаго въ крестьянскомъ быту обычая пускать лошадей на пастьбу, безъ раздѣленія пола и возраста, чрезъ что молодыя кобылы и жеребцы случаются сами, не достигнувъ возраста для случки необходимаго и, будучи сами хотя сильной и хорошей породы, даютъ приплодъ слабый и малорослый, и такимъ образомъ постепенно содѣлываются неспособными къ труднымъ крестьянскимъ работамъ.

2) Дабы устранить указанную причину дурнаго состоянія крестьянскихъ лошадей и улучшить породу оныхъ, необходимо: ввести у крестьянъ правила степнаго коннозаводства, т. е. учредить такой порядокъ, чтобъ при выпускѣ на паству табуны были раздѣляемы на три разряда: въ первомъ должны пастись матки, достигшія 4-хъ лѣтъ, и старѣе, къ коимъ для случки припускать жеребцовъ, по свойству кобылъ выбранныхъ, и отнюдь не моложе 5-ти лѣтъ; во второмъ табунѣ кобылы молодыя, къ случкѣ еще неспособныя, и наконецъ въ третьемъ жеребцы и мерины. Для устроенныхъ такимъ образомъ крестьянскихъ табуновъ купить степныхъ жеребцовъ, которые были бы къ сорту кобылъ, но соединяли бы въ себѣ силу, плотность и сухость, сообразно свойству матокъ. Жеребцовъ таковыхъ возможно купить въ сложности по 100 руб. серебромъ.

могущихъ удовлетворять разнообразныя потребности крестьянскаго быта; б) посредствомъ улучшенія содержанія и вообще правильнаго ухода за матками и жеребятами; при семъ желательно, чтобы объяснено было въ какихъ мѣстахъ выгодно воспитаніе жеребятъ и въ какихъ покупная лошадь прійдется дешевле, подкрѣпивъ заключеніе числовыми разсчетами; в) посредствомъ мѣръ поощрительныхъ, состязаній и премій, и на какихъ основаніяхъ онѣ могутъ быть установлены?

Кромѣ вопроса о лошадяхъ, Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ предлагаетъ такимъ же образомъ написать разсужденіе: *о причинахъ недостаточнаго состоянія разведенія и содержанія рогатаго скота, преимущественно тамъ, гдѣ онъ содержится для удобренія полей, и о средствахъ, какія могутъ быть употреблены для улучшенія сей отрасли хозяйства, доступныхъ настоящимъ способамъ и понятіямъ крестьянъ.* Желательно, чтобы при семъ случаѣ были изложены отличительныя свойства настоящей породы крестьянскаго рогатаго скота, а равнымъ образомъ, чтобъ критически было изслѣдовано мнѣніе нѣкоторыхъ хозяевъ, что въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ улучшенная порода рогатаго скота, которая бы давала болѣе масла, мяса и сала, не окупитъ издержекъ и не доставитъ прибыли хозяину.

—

Срокъ для присылки отвѣтовъ на предлагаемыя выше задачи назначается не далѣе 1-го августа 1843 года.

За разрѣшеніе котораго-либо изъ вышеизложенныхъ вопросовъ,

---

3) Чрезъ шесть или даже и менѣе лѣтъ, когда порода лошадей симъ средствомъ видимо улучшится, приступить къ учрежденію при волостныхъ правленіяхъ или въ главныхъ селеніяхъ, какъ по разстоянію признается удобнѣйшимъ, сводныхъ конюшенъ для ручной случки. Въ сихъ конюшняхъ имѣть жеребцовъ не степныхъ уже, но заводскихъ и приличныхъ къ молодымъ улучшеннымъ маткамъ, приплодившимся отъ степныхъ жеребцовъ. Заводскіе жеребцы такого сорта могутъ быть покупаемы на частныхъ заводахъ, не дороже 200 руб. серебромъ.

Такимъ образомъ установлена будетъ постепенность улучшенія, въ коннозаводствѣ необходимая, и какъ степные жеребцы не требуютъ особеннаго надзора и къ вольной случкѣ привычны, то крестьяне, сохраняя въ началѣ почти-прежній порядокъ своего коннозаводства, увидятъ вскорѣ полный успѣхъ улучшенія, и чрезъ-то постигнутъ пользу и случныхъ конюшенъ.

Но какъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне, по роду своей промышлености, имѣютъ и нынѣ лошадей лучшей предъ прочими породы, равномѣрно есть губерніи, представляющія по мѣстному своему положенію болѣе удобства къ разведенію хорошихъ лошадей, то въ таковыхъ губерніяхъ возможно начать улучшенія прямо съ учрежденія сводныхъ конюшенъ при волостныхъ правленіяхъ или въ селеніяхъ, и какъ отъ сего именно ожидать должно скорѣйшаго улучшенія, то число случныхъ заводскихъ жеребцовъ усилить сколько возможно болѣе.

вполнѣ-удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ програмы, опредѣляются въ награду большія золотыя медали, въ 150 червонцевъ.

Сочиненія, которыя наиболѣе приблизятся къ симъ требованіямъ, вознаграждаются золотыми медалями меньшаго размѣра, въ 50 червонцевъ каждая.

За сочиненія, которыя, не удовлетворяя всѣмъ требованіямъ програмы, будутъ однакоже найдены заслуживающими вниманіе, полагаются въ награду серебряныя медали.

Имена сочинителей, удостоенныхъ наградъ, будутъ включены въ годовой отчетъ Его Императорскому Величеству по Министерству Государственныхъ Имуществъ, и объявлены чрезъ официальное припечатаніе въ разныхъ газетахъ.

Отвѣты на задачи могутъ быть писаны на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и должны быть доставлены къ назначенному сроку въ Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, безъ подписи авторовъ. Каждая рукопись имѣетъ быть снабжена какимъ-либо девизомъ, который долженъ находиться и на обверткѣ приложенной къ сочиненію запечатанной записки, содержащей имя, званіе и мѣсто жительства автора.

Сочиненія, неудостоенныя награды, хранятся въ Ученомъ Комитетѣ, безъ распечатанія приложенныхъ при нихъ записокъ, или возвращаются автору, если онъ того пожелаетъ, но не иначе, какъ по предъявленіи избраннаго имъ девиза.

Если по истеченіи года авторъ такого сочиненія не объявитъ желанія получить оное обратно, то запечатанная записка, содержащая означеніе его имени, сжигается въ присутствіи Комитета.

V.

КРИТИКА.

РѢЧЬ О КРИТИКѢ, *произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Санктпетербургскаго Университета, марта 25-го дня 1842 года, экстраордин. профес., докторомъ философіи,* **А. Никитенко.** *Санктпетербургъ. 1842.*

Статья I.

Духъ анализа и изслѣдованія—духъ нашего времени. Теперь все подлежитъ *критикѣ*, даже сама *критика*. Наше время ничего не принимаетъ безусловно, не вѣритъ авторитетамъ, отвергаетъ преданіе; но оно дѣйствуетъ такъ не въ смыслѣ и духѣ прошедшаго вѣка, который, почти до конца своего, умѣлъ только разрушать, не умѣя созидать; напротивъ, наше время алчетъ убѣжденій, томится голодомъ истины. Оно готово принять всякую живую мысль, преклониться предъ всякимъ живымъ явленіемъ; но оно не спѣшитъ имъ на встрѣчу, а спокойно ожидаетъ ихъ къ себѣ, безъ страсти и увлеченія. Боясь разочарованія, оно боится и очаровываться наскоро. Какъ-будто враждебно смотритъ нашъ, закаленный въ буряхъ ученій и событій вѣкъ, на все новое, которое претендуетъ замѣнить ему неудовлетворяющее его старое; но эта враждебность есть въ сущности только благоразумная осторожность, плодъ тяжелыхъ опытовъ. Нашъ вѣкъ и восхищается какъ-будто холодно; но эта холодность у него не въ сердцѣ, а только въ манерѣ; она признакъ не старости, а возмужалости. Скажемъ болѣе: эта холодность есть сосредоточенность внутренняго восторга, плодъ самообладанія, умѣющаго видѣть всему настоящее мѣсто и настоящія границы, равно презирающаго и искусственную, на-живую-нитку смётанную *золотую середину*—этого идола посредственности, и фанатическое увлеченіе крайностями, этой болѣзни одностороннихъ умовъ. И это покажется намъ очень-естественнымъ, когда вспомнимъ, что послѣдняя половина прошедшаго и еще-некончившаяся половина настоящаго вѣка могутъ многіе изъ своихъ дней назвать вѣками: такъ много въ-продолженіи ихъ было испытано и пережито человѣчествомъ. Юноша на все бросает-

ся горячо и опрометчиво: ему ничего не стоитъ пасть на колѣни, воздѣть руки горѣ и обоготворить то, къ чему черезъ минуту онъ будетъ или холоденъ, или враждебенъ. Мужъ, искушенный опытомъ, не скоро поддается увлеченію: онъ сперва хочетъ изслѣдовать и повѣрить, онъ начинаетъ съ сомнѣнія, и если что̀ выдержитъ его строгое, холодное изслѣдованіе, то̀ уже не на-мигъ овладѣетъ его любовію и уваженіемъ. Возмужалый человѣкъ доволенъ чувствомъ, и не хлопочетъ, чтобъ это чувство замѣчали другіе: онъ дорожитъ имъ для него-самого, и скорѣе постарается скрыть его, чѣмъ обнаружить. Юноша все любитъ для восторга, и восторгъ давитъ и рветъ грудь ему, если онъ не сообщитъ его другимъ. На нашъ вѣкъ много нападокъ, и весьма-справедливыхъ. Дѣйствительно, это вѣкъ какой-то нерѣшимости, разъединенія, индивидуальности, вѣкъ личныхъ страстей и личныхъ интересовъ (даже умственныхъ), вѣкъ перехода, вѣкъ, котораго одна нога уже переступила за порогъ невѣдомаго будущаго, а другая осталась на сторонѣ отжившаго прошедшаго, и который оборачивается то назадъ, то впередъ, не зная, куда двинуться. Все это правда; но въ то же время, правда и то, что этотъ вѣкъ уже такъ опытенъ, такъ уменъ, такъ много помнитъ и знаетъ, что не можетъ рѣшиться играть роль паладина среднихъ вѣковъ, жить мечтами и ломать копья за невѣдомую красоту, или, подобно донъ-Кихоту, увѣрить себя въ несравненной красотѣ какой-нибудь безобразной Дульсинеи, за неимѣніемъ въ наличности красоты дѣйствительно-существующей.

Да, прошли безвозвратно блаженныя времена той фантастической эпохи человѣчества, когда чувство и фантазія давали ему отвѣты на всѣ его вопросы, и когда отвлеченная идеальность составляла блаженство его жизни. Міръ возмужалъ: ему нуженъ не пестрый калейдоскопъ воображенія, а микроскопъ и телескопъ разума, сближающій его съ отдаленнымъ, дѣлающій для него видимымъ невидимое. *Дѣйствительность*,—вотъ лозунгъ и послѣднее слово современнаго міра! Дѣйствительность въ фактахъ, въ знаніи, въ убѣжденіяхъ чувства, въ заключеніяхъ ума,—во всемъ и вездѣ дѣйствительность есть первое и послѣднее слово нашего вѣка. Онъ знаетъ, что лучше на картѣ Африки оставить пустое мѣсто, чѣмъ заставить вытекать Нигеръ изъ облаковъ, или изъ радуги. И сколько отважныхъ путешественниковъ жертвуетъ жизнію изъ географическаго факта, лишь бы доказать его дѣйствительность! Для нашего вѣка, открыть песчаную пустыню, дѣйствительно-существующую, болѣе-важное пріобрѣтеніе, чѣмъ вѣрить существованію *Эльдорадо*, котораго не видали ничьи смертныя очи. Онъ знаетъ, что въ песчаной степи, дѣйствительно-существующей, болѣе видно всемогущество Творца и величіе природы, чѣмъ во всѣхъ эльдорадо, существующихъ только въ праздномъ воображеніи мечтателей. Нашему вѣку не нужно шутовскихъ бубенчиковъ, пріятныхъ заблужденій, ребяческихъ погремушекъ, отрадныхъ, утѣшительныхъ лжей. Если бы ложь предстала передъ нимъ въ видѣ юной и прекрасной женщины и съ улыбкою манила его въ свои роскошныя объятія, а истина въ видѣ страшнаго остова смерти, летящаго на гигантскомъ конѣ съ косою въ рукахъ: онъ отвергся бы, съ презрѣніемъ и ненавистію, отъ обольстительнаго призрака, и бросился бы въ мертвящія объятія остова... Ему лучше ощутить себя въ дѣйствительныхъ объятіяхъ страшной смерти духа, чѣмъ схватить въ свои руки призракъ, долженствующій исчезнуть при первомъ къ нему прикосновеніи... И это совсѣмъ не скептицизмъ: это, напротивъ, обожествленіе истины, которая можетъ быть страшна только для ограниченности индивидуальнаго человѣка, а сама-въ-себѣ есть вѣчная красота и вѣчное блаженство. Скептицизмъ отчаявается въ истинѣ и не

ищетъ ея; нашъ вѣкъ—весь вопросъ, весь стремленіе, весь исканіе и тоска по истинѣ... Онъ не боится, что его обманетъ истина, но боится лжи, которую человѣческая ограниченность часто принимаетъ за истину.

И однакожь, человѣкъ всегда стремился къ познанію истины; слѣдовательно, всегда мыслилъ, изслѣдовалъ, повѣрялъ. Такъ; но его изслѣдованіе не было свободно: оно всегда находилось подъ вліяніемъ его непосредственнаго созерцанія, или зависѣло отъ авторитета чувства и заранѣе-принятыхъ началъ. Если же когда-нибудь изслѣдованіе освобождалось отъ авторитета и преданія, то враждебно разрушало полноту непосредственной жизни, не замѣняя ея полнотою новой жизни. Такъ въ Греціи сначала всѣ явленія дѣйствительности, фантастически-представлявшіяся людямъ, и объясняемы были фантастически же. Умъ явно находился подъ преобладающимъ вліяніемъ фантазіи и чувства. И эта фантастическая дѣйствительность не выдержала разлагающей философіи Сократа: она пошатнулась, рухнула и погребла философа подъ своими развалинами. Въ фантастическіе средніе вѣка философія была чѣмъ-то въ родѣ кабалистики, химія—алхиміей, астрономія—астрологіей, исторія—романомъ, географія—волшебною сказкою. Въ XVI и XVII вѣкахъ умъ началъ вступать въ права свои, постепенно завоевывая у чувства и фантазіи принадлежавшія ему области. Въ XVIII вѣкѣ, онъ одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду, нанесъ имъ послѣдній ударъ. Но эта побѣда и показала ему, что одинъ и самъ-по-себѣ онъ долженъ страшиться собственной силы, которая увлекла бы его къ исключительности и односторонности. И потому, въ XIX вѣкѣ, разумъ обнаружилъ стремленіе къ примиренію съ чувствомъ и фантазіею; онъ призналъ ихъ права, но какъ подчиненныхъ ему союзниковъ, которые должны дѣйствовать подъ его преобладающимъ вліяніемъ. И теперь разумъ во всемъ ищетъ самого-себя, и только то признаетъ дѣйствительнымъ, въ чемъ находитъ самого-себя. Этимъ наше время рѣзко отличилось отъ всѣхъ прежнихъ историческихъ эпохъ. Разумъ все покорилъ себѣ, надъ всѣмъ возпреобладалъ! для него уже ничто не есть болѣе само-себѣ цѣль, но все должно отъ него получать утвержденіе своей самостоятельности и дѣйствительности. Сомнѣніе и скептицизмъ уже болѣе не враги ему, приводящіе его въ отчаяніе на пути сознанія истины, но его орудія, средства, помогающія ему въ сознаніи истины.

Мы сказали, что разумъ тогда только признаетъ извѣстную истину, ученіе, или явленіе, дѣйствительными, когда находитъ въ нихъ себя, какъ содержаніе въ формѣ. Для этого, ему только одинъ путь и одно средство — разъединеніе идеи отъ формы, разложеніе элементовъ, образующихъ собою данную истину, или данное явленіе. И это дѣйствіе разума отнюдь не отвратительный анатомическій процессъ, разрушающій прекрасное явленіе для того, чтобъ опредѣлить его значеніе. Разумъ разрушаетъ явленіе для того, чтобъ оживить его для себя въ новой красотѣ и новой жизни, если онъ найдетъ себя въ немъ. Отъ процесса разлагающаго разума умираютъ только такія явленія, въ которыхъ разумъ не находитъ ничего своего, и объявляетъ ихъ только эмпирически-существующими, но не дѣйствительными. Этотъ процессъ и называется «критикою». Многіе подъ критикою разумѣютъ или охужденіе разсматриваемаго явленія, или отдѣленіе въ немъ хорошаго отъ худаго:—самое пошлое понятіе о критикѣ! Нельзя ничего ни утверждать, ни отрицать на основаніи личнаго произвола, непосредственнаго чувства, или индивидуальнаго убѣжденія: судъ предлежитъ разуму, а не лицамъ, и лица должны судить во имя обще-человѣческаго разума, а не во имя своей особы. Выраженія: «мнѣ нравится, мнѣ не нравит-

са» могутъ имѣть свой вѣсъ, когда дѣло идетъ о кушаньѣ, винахъ, рысакахъ, гончихъ собакахъ и т. п.; тутъ могутъ быть даже свои авторитеты. Но когда дѣло идетъ о явленіяхъ исторіи, науки, искусства, нравственности, —тамъ всякое я, которое судитъ самовольно и бездоказательно, основываясь только на своемъ чувствѣ и мнѣніи, напоминаетъ собою несчастнаго въ домѣ умалишенныхъ, который, съ бумажною короною на головѣ, величаво и благоуспѣшно правитъ своимъ воображаемымъ народомъ, казнитъ и милуетъ, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, благо никто ему не мѣшаетъ въ этомъ невинномъ занятіи. Критиковать—значитъ искать и открывать въ частномъ явленіи общіе законы разума, по которымъ и чрезъ которые оно могло быть, и опредѣлять степень живаго, органическаго соотношенія частнаго явленія съ его идеаломъ. А такъ-какъ бываютъ явленія вполнѣ-выражающія общее въ частномъ, идеалъ въ конечномъ, и бываютъ явленія, только въ извѣстной степени выражающія это единство частнаго съ общимъ, и бываютъ явленія только претендующія на это единство, въ самомъ же дѣлѣ совершенно-чуждыя его; слѣдовательно, и критика не только безусловно хулитъ, или только похваливаетъ и побраниваетъ, но иногда ограничивается одною похвалою. У насъ, на Руси, особенно, критика получила въ глазахъ массы превратное понятіе: критиковать—для многихъ значитъ ругать, а критика одно и то же съ ругательною статьею. Мало того: критикою называютъ и сатиру и пасквиль, а въ провинціи, въ среднихъ кругахъ общества, критикою называютъ пересуды, сплетни и злоязычіе. Понимать такимъ образомъ критику все равно, что̀ правосудіе смѣшивать только съ обвиненіемъ и карою, забывая объ оправданіи. Равнымъ образомъ, критика не ограничивается однимъ искусствомъ, хотя ея имя и употребляется больше только въ-отношеніи къ искусству. Критика происходитъ отъ греческаго слова, означающаго «судить»; слѣдовательно, въ обширномъ значеніи, критика есть то же, что̀ «сужденіе». Поэтому, есть критика не только для произведеній искусства и литературы, но и критика предметовъ наукъ, исторіи, нравственности, и пр. Лютеръ, на-пр., былъ критикомъ папизма, какъ Боссюэтъ былъ критикомъ исторіи, а Вольтеръ критикомъ феодальной Европы.

Критика всегда соотвѣтственна тѣмъ явленіямъ, о которыхъ судитъ: поэтому, она есть сознаніе дѣйствительности. Такъ, на-пр., что̀ такое Буало, Баттё, Лагарпъ? Отчетливое сознаніе того, что̀ непосредственно (какъ явленіе, какъ дѣйствительность) выразилось въ произведеніяхъ Корнеля, Расина, Мольера, Лафонтена. Здѣсь не искусство создало критику, и не критика создала искусство; но то и другое вышло изъ одного общаго духа времени. То и другое—равно сознаніе эпохи; но критика есть сознаніе философское, а искусство—сознаніе непосредственное. Содержаніе того и другаго — одно и то же; разница только въ формѣ. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается важность критики, особенно для нашего времени, которое по преимуществу мыслящее и судящее, слѣдовательно, критикующее время. Въ критикѣ нашего времени, болѣе, чѣмъ въ чемъ-нибудь другомъ, выразился духъ времени. Что̀ такое само искусство нашего времени?—Сужденіе, анализъ общества; слѣдовательно, критика. Мыслительный элементъ теперь слился даже съ художественнымъ,—и для нашего времени мертво художественное произведеніе, если оно изображаетъ жизнь для того только, чтобъ изображать жизнь, безъ могучаго субъективнаго побужденія, имѣющаго свое начало въ преобладающей думѣ эпохи, если оно не есть вопль страданія, или диѳирамбъ восторга, если оно не есть вопросъ, или отвѣтъ на вопросъ. Удивляться ли, послѣ этого, что критика есть самовластная царица современ-

наго умственнаго міра? Теперь, вопросъ о томъ, чтó скажутъ о великомъ произведеніи, не менѣе важенъ самаго великаго произведенія. Чтó бы и какъ бы ни сказали о немъ, — повѣрьте, оно прочтется прежде всего, возбудитъ страсти, умы, толки. Иначе и быть не можетъ: намъ мало наслаждаться — мы хотимъ знать; безъ знанія для насъ нѣтъ наслажденія. Тотъ обманулся бы, кто сказалъ бы, что такое-то произведеніе наполнило его восторгомъ, если онъ не отдалъ себѣ отчета въ этомъ наслажденіи, не изслѣдовалъ его причинъ. Восторгъ отъ непонятаго произведенія искусства—мучительный восторгъ. Это теперь выражается не только въ отдѣльныхъ лицахъ, но и въ массахъ.

Въ Россіи, пока еще существуетъ только критика искусства и литературы. Это обстоятельство придаетъ ей еще большій интересъ и большую важность. Литературныя мнѣнія разносятся у насъ скоро и быстро, и каждое находитъ себѣ послѣдователей. Можно сказать безъ преувеличенія, что пока еще только въ искусствѣ и литературѣ, а слѣдовательно, въ эстетической и литературной критикѣ, выражается интеллектуальное сознаніе нашего общества. Поэтому, нисколько не должно казаться страннымъ, что почтенный профессоръ, оффиціально избранный быть органомъ годичнаго торжества ученаго заведенія, избралъ предметомъ своей рѣчи — критику. Нельзя было избрать лучшаго предмета, вопроса болѣе-современнаго и болѣе-близкаго къ жизни. И нѣтъ пріятнѣе зрѣлища, какъ то, что у насъ наука сближается съ жизнію и обществомъ, перестаетъ быть чѣмъ-то въ родѣ элевзинскихъ таинствъ, отправляемыхъ, въ добавокъ, на латинскомъ языкѣ, понятномъ лишь оратору да еще десяти человѣкамъ изъ нѣсколькихъ сотъ, присутствующихъ на торжественномъ собраніи. Неменѣе пріятно и то, когда органами ученаго сословія и ученаго общества бываютъ люди, умѣющіе соединить интересъ предмета и основательность, глубокость взглядовъ съ живымъ, красорѣчивымъ изложеніемъ. Этимъ умѣньемъ вполнѣ обладаетъ авторъ рѣчи, подавшей намъ поводъ къ этой статьѣ. Рѣчи г. Никитенко, какъ и все, чтó ни выходитъ изъ-подъ его пера, полны мыслей и отличаются особенною красотою выраженія. Каждый имѣетъ свое убѣжденіе, и потому не каждый безусловно согласится съ г. Никитенко во всемъ, чтò составляетъ основаніе, или частности его идей; но каждый, даже и не соглашаясь съ ними вполнѣ, прочтетъ ихъ съ тѣмъ вниманіемъ и уваженіемъ, которыя могутъ возбуждаться только мыслями, вызывающими на размышленіе, поражающими умъ. Парадоксъ или явная ложь не могутъ возбудить критическаго спора (ибо критика есть сужденіе, сравненіе явленія съ его идеаломъ), но могутъ возбудить опроверженіе; критическіе споры могутъ возбуждаться только мыслями. Опровергаютъ то, чтó считаютъ ложью; спорятъ о томъ, чтò обѣ стороны, несмотря на ихъ противорѣчіе, уважаютъ. Опровергающій мнѣніе считаетъ себя безусловно-правымъ; спорящій старается быть правымъ, не почитаетъ побѣду столько же возможною и для противной стороны, какъ и для самого-себя. Судъ побѣды предоставляется обществу и времени.

У насъ такъ мало является по части критики (сужденія) достойнаго даже опроверженій, не только спора, что мы вдвойнѣ обрадовались рѣчи г. Никитенко: какъ прекрасному произведенію мысли и красорѣчія, которое обратило бы на себя вниманіе во всякой литературѣ,—и какъ случаю поговорить о дѣлѣ. Сверхъ-того, предметъ рѣчи профессора такъ близокъ нашему сердцу, что для насъ поговорить о немъ, по такому достойному поводу,—истинное наслажденіе.

Съ первыхъ же строкъ «Рѣчи» поражаютъ читателя и блескъ ея изложенія, и ея живые мотивы, такъ-сказать,

животрепещущіе интересомъ современности.

«ММ. ГГ.! Удостоивая благосклоннаго участія скромное наше торжество во имя науки, вы конечно въ правѣ требовать отъ насъ не только обнаруженія нашихъ ученыхъ успѣховъ, результатовъ [illegible] дѣятельности [illegible] служенія истинѣ, но и сочувствія къ тѣмъ вопросамъ науки и словесности, которые предлагаетъ сама жизнь всѣмъ намъ совокупно, какъ членамъ живаго организма — общества. Университетъ не можетъ быть чуждъ ни одного изъ возвышенныхъ интересовъ и движеній общественныхъ: ибо ему ввѣрено развивать и направлять силы поколѣнія, призванныхъ [illegible] для [illegible]. Самое [illegible] и [illegible] участіе науки въ событіяхъ міра [illegible] безъ [illegible] тамъ, гдѣ предстоятъ ей отверстые, свѣжіе умы и откуда несутъ они ея сокровища прямо въ дань исторіи и великимъ судьбамъ народа. Здѣсь-то слагается тотъ прекрасный союзъ вѣчныхъ всеобщихъ истинъ съ живыми силами вещей, который одинъ дѣлаетъ событіями, а въ другіи вноситъ свѣтъ [illegible], смыслъ и законность».

Ораторъ разсматриваетъ критику только въ отношеніи къ искусству, и опредѣляетъ ее «судомъ разума надъ творчествомъ».

«Но (говоритъ онъ) какъ же разумъ осмѣливается присвоить себѣ право суда и приговора надъ августѣйшею, первоначальною властію міра, совершительницею жизни и судебъ ея? Что значатъ блѣдныя, безкровныя и безплотныя понятія предъ яркимъ и звучнымъ могуществомъ событій! То, что родитъ только тѣни, дерзаетъ состязаться съ силою, воздвигающею вещи?.. И какъ заглянуть въ нѣдра волкана, или въ лице солнцу, чтобъ спросить у нихъ: «зачѣмъ эти непріязненныя тревоги вещества, обуздываемыхъ закономъ тяготѣнія, зачѣмъ это сіяніе?» или сказать имъ: «вотъ этому быть бы такъ, а тому иначе». Суетны слова тамъ, гдѣ нѣтъ имъ другаго отзыва, кромѣ жизни или смерти.

«И точно, есть творчество неподвластное силу и приговору разума, [illegible]: это творчество природы. У нея нѣтъ разнорѣчащаго смысла въ требованіи и рѣшеніи, нѣтъ ни теорій, ни идеаловъ недостижимыхъ; что есть, то и должно быть, и должно быть такъ, какъ есть. Каждая степень развита, каждый моментъ въ явленіяхъ природы содержитъ въ себѣ безъ недостатка *все свое*, все имъ подобающее; [illegible] и [illegible] большимъ они [illegible] не могутъ быть. Природа [illegible] во всемъ блескѣ роскошной красоты, или неожиданно поникнетъ юношескимъ вѣнцомъ своимъ предъ хладнымъ дыханіемъ сѣвера — законъ природы одинаково и окончательно выполненъ, тамъ въ законномъ развитіи отдѣльнаго организма, здѣсь въ законныхъ послѣдствіяхъ превозмогающей силы — и нѣтъ другаго приговора событію, какъ: «оно совершилось».

Съ этимъ нельзя вполнѣ согласиться, и вотъ на какомъ основаніи: духъ, или разумъ, произведшій природу, выше природы, слѣдовательно, можетъ судить ее. Сужденіе не всегда состоитъ въ томъ, чтобъ произнести приговоръ судимому предмету, рѣшивъ: «вотъ этому быть бы такъ, а тому иначе», но часто состоитъ въ оправданіи предмета такъ, какъ онъ есть, въ признаніи, что онъ хорошъ только такъ, какъ есть, и другимъ быть не можетъ. «Что значатъ блѣдныя, безкровныя и безплотныя понятія предъ яркимъ и звучнымъ могуществомъ событій? То, что родитъ только тѣни, дерзаетъ состязаться съ силою, воздвигающею вещи?...» Такъ говоритъ ораторъ, но сама природа — что же она такое, если не самыя эти блѣдныя, безкровныя и безплотныя понятія, воплотившіяся въ живые образы, — изъ міра возможности и идеаловъ перешедшія въ міръ дѣйствительности?... Понятія родятъ не тѣни — тѣни родитъ только ложь; весь міръ, вся жизнь есть явленный образъ этихъ понятій. И какъ же разуму не дерзать состязаться съ силою, имъ же самимъ рожденною? Какъ духу уступать первенство имъ живущей и имъ дышащей матеріи? Еслибъ разумъ, суда о природѣ, т. е. приводя для себя въ сознаніе ея же собственные законы, ею выраженные, сталъ доходить до заключеній, что вотъ это не такъ, а то могло бъ быть иначе, — онъ этимъ при-

шелъ бы въ противорѣчіе съ самимъ-собою, отрекся бы отъ самого-себя и изрекъ бы страшный приговоръ надъ самимъ-собою. Природа есть нѣчто мертвое, несуществующее само для себя: только духъ человѣческій знаетъ, что она есть, что она полна жизни и красоты, что въ ней скрыта глубокая мудрость; только духъ человѣческій знаетъ все это, и блаженствуетъ въ своемъ знаніи. Зеркало отражаетъ въ себѣ стоящіе противъ него предметы, но не видитъ ихъ, и для него все равно, отражать ихъ, или нѣтъ; важность и неважность такого вопроса существуютъ только для человѣка. Умри на землѣ человѣчество — и земли больше не будетъ, хотя бы она и осталась такою, или еще и лучшею, чѣмъ была при человѣчествѣ: ея не будетъ, потому-что не́ кому будетъ знать, что она есть. Даже нельзя безусловно думать, чтобъ духъ, или разумъ только видѣлъ себя въ природѣ, а не дѣйствовалъ на нее. Разумъ не скажетъ: зачѣмъ листья растеній зелены? имъ слѣдовало бъ быть голубыми; зачѣмъ дубъ высокъ, а розанъ низокъ? и т. п. Онъ знаетъ, что такъ должно быть, что дѣйствующія силы природы неизмѣнны; онъ не претендуетъ измѣнять ихъ; но, сообразуясь съ ними и дѣйствуя черезъ нихъ же, онъ измѣняетъ климаты, осушаетъ болота и тундры, утучняетъ песчаныя степи, и на тѣ и другія призываетъ богатство и роскошь растительной природы, велитъ течь водѣ тамъ, гдѣ ея не было, и каналами *соединяетъ разъединенныя* природою моря, озера и рѣки; цвѣтокъ, взлелѣянный имъ, лучше, красивѣе и благоуханнѣе цвѣтка дико-растущаго, вода и вѣтеръ покорно работаютъ на его машинахъ, мелятъ и пилятъ; пары съ быстротою молніи носятъ его по сушѣ и по морю; обезоруженные громы минуютъ его жилища и зданія; онъ побѣдилъ и время и пространство; онъ царь природы, повелѣвающій ею въ неизмѣнномъ и предвѣчномъ духѣ собственныхъ законовъ. Совсѣмъ-иное видитъ ораторъ въ искусствѣ, чѣмъ въ природѣ. Съ этимъ опять нельзя безусловно согласиться. Впрочемъ, дѣло можетъ быть понято и такъ и иначе, смотря по тому, съ какой стороны на него взглянешь. Дѣйствительно, каждое произведеніе природы, на какой бы ступени ея ни стояло оно, совершенно въ-отношеніи къ самому-себѣ, тогда-какъ произведенія искусства, часто самыя совершеннѣйшія, заключаютъ въ себѣ какую-то примѣсь временнаго и случайнаго, что́ теряетъ свое достоинство въ глазахъ потомства. Но это означаетъ скорѣе превосходство, чѣмъ низшую степень искусства въ-отношеніи къ природѣ: это значитъ, что искусство развивается свободно, а природа неподвижно заключена въ математическіе законы своего существованія. Свободное можетъ ошибаться, несвободное никогда не ошибается; и потому, животныя чужды заблужденій, ошибокъ и пороковъ, которымъ подверженъ человѣкъ. Притомъ же, преходящее въ созданіяхъ искусства есть ошибка не творящаго духа художника, а времени, въ которое онъ дѣйствовалъ. То, что́ мы отвергаемъ въ такихъ произведеніяхъ, отвергаемъ не какъ ошибку искусства, но какъ утратившее свою силу начало, бывшее нѣкогда истиннымъ; слѣдовательно, отвергаемъ форму не за форму, а за ея содержаніе. Сознательное творчество не можетъ не быть выше безсознательнаго. И если въ природѣ явилась мудрость Божія, то развѣ не она же является и въ дѣйствіяхъ *разумной* воли человѣка, и развѣ человѣкъ творитъ великое отъ себя и собою, а не Богомъ и черезъ Бога?... Только въ неразумныхъ дѣйствіяхъ своей воли личность человѣческая является самостоятельною и отпавшею отъ божественнаго источника, въ которомъ ея жизнь и сила; но тогда-то она и является ничтожною, случайною, безсильною и униженною.

«Творчество человѣческое есть только безпрерывно-повторяемое покушеніе осуществить безконечную идею изящества — идею полноты и совершен-

ства жизни», говоритъ ораторъ. Опредѣленіе справедливое, но, смѣемъ думать, не совсѣмъ полное и удовлетворительное. Во-первыхъ, идеи «полноты и совершенства жизни» не должны быть смѣшиваемы съ идеею «изящества» и «красоты», особенно если эта «полнота и совершенство жизни» не опредѣлены ничѣмъ, даже эпитетомъ. Во-вторыхъ, изящество и красота еще не все въ искусствѣ. Мы сами были нѣкогда жаркими послѣдователями идеи красоты, какъ не только единаго и самостоятельнаго элемента, но и единой цѣли искусства. Съ этого всегда начинается процессъ постиженія искусства, и красота *для* красоты, самоцѣльность искусства, бываетъ всегда первымъ моментомъ этого процесса. Миновать этотъ моментъ—значитъ никогда не понять искусства. Остаться при этомъ моментѣ—значитъ односторонно понять искусство. Все живое движется и развивается; понятіе объ искусствѣ не алгебраическая формула, всегда мертво-неподвижная. Заключая въ себѣ много сторонъ, оно требуетъ развитія во времени каждой изъ нихъ, прежде, чѣмъ дастся въ своей полнотѣ и цѣлостности. Подвинуться впередъ въ сознаніи, отъ низшей его ступени перейдти къ высшей, не значитъ измѣнять своимъ убѣжденіямъ. Убѣжденіе должно быть дорого потому только, что оно *истинно*, а совсѣмъ не потому-что оно *наше*. Какъ-скоро убѣжденіе человѣка перестало быть въ его разумѣніи *истиннымъ*, онъ уже не долженъ называть его *своимъ*: иначе онъ принесетъ истину въ жертву пустому, ничтожному самолюбію, и будетъ называть «своимъ» ложь. Людей послѣдняго разряда довольно на бѣломъ свѣтѣ; одни заставляютъ себя насильно вѣрить тому, чему вѣрили прежде свободно и чему теперь уже имъ не вѣрится. Они думаютъ унизиться, отказавшись отъ одного убѣжденія въ пользу другаго, забывая, что это другое есть истина, и что истина выше человѣка. Другое дѣло переходить отъ убѣжденія къ убѣжденію вслѣдствіе внѣшнихъ расчетовъ, эгоистическихъ побужденій: это низко и подло...

Что красота есть необходимое условіе искусства, что безъ красоты нѣтъ и не можетъ быть искусства—это аксіома. Но съ одною красотою искусство еще не далеко уйдетъ, особенно въ наше время. Красота есть необходимое условіе всякаго чувственнаго проявленія идеи. Это мы видимъ въ природѣ, въ которой все прекрасно, исключая только тѣ уродливыя явленія, которыя сама природа оставила недоконченными и спрятала ихъ во мракѣ земли и воды (моллюски, черви, инфузоріи, и т. п.). Но намъ мало красоты эмпирической действительности: любуясь ею, мы все-таки требуемъ другой красоты, и отказываемъ въ названіи искусства самому точному копированію природы, самой удачной подделкѣ подъ ея произведенія. Мы называемъ это ремесломъ. Какая же та красота, которой жаждетъ нашъ духъ, неудовлетворяющійся красотою природы, и которой мы требуемъ отъ искусства? Красота міра *идеальнаго*, міра безплотнаго, міра разума, гдѣ отъ-вѣка заключены всѣ прототипы живыхъ образовъ, откуда исходитъ все реально-существенное. Слѣдовательно, красота есть дщерь разума, какъ Афродита — дщерь Зевеса. Но у Грековъ, не смотря на это подчиненіе красоты разуму, красота болѣе, чѣмъ у какого-нибудь другаго народа, имѣла самостоятельное, абсолютное значеніе. Они все созерцали подъ преобладающимъ вліяніемъ красоты, и у нихъ было искусство, по преимуществу имѣвшее цѣлью красоту—изящное. Впрочемъ, и сами Греки отдѣляли красоту отъ другихъ сторонъ бытія и обожествляли ее только въ идеальномъ образѣ Афродиты. Красота Зевса есть красота царственнаго величія міродержавнаго разума; красота другихъ боговъ также выражаетъ и еще какую-нибудь идею, кромѣ красоты. Что же касается до ихъ поэзіи, въ ея прекрасныхъ образахъ выражалось цѣлое содержаніе эллинской жизни, куда вхо-

дала и религія, и нравственность, и наука, и мудрость, и исторія, и политика, и общественность. Красота безусловная, абсолютная, красота какъ красота, выражалась только въ Афродитѣ, которую вполнѣ могло выражать только ваяніе. Слѣдовательно, даже и о греческомъ искусствѣ нельзя сказать безусловно, чтобъ цѣлью его было одно воплощеніе изящества. Содержаніе каждой греческой трагедіи есть нравственный вопросъ, эстетически-рѣшенный.

Христіанство нанесло рѣшительный ударъ безусловному обожанію красоты, какъ красоты. Красота мадонны есть красота нравственнаго міра, красота дѣвственной чистоты и материнской любви; ее могла выразить только живопись, но ужь никакимъ образомъ не могла выразить бѣдная скульптура. Конечно, какое нравственное выраженіе ни придайте дурному лицу, оно отъ этого все-таки не будетъ прекраснымъ лицомъ, и потому красота греческая вошла и въ новое искусство, но уже какъ элементъ, подчиненный другому высшему началу, слѣдовательно, она стала уже скорѣе средствомъ, чѣмъ цѣлью искусства. Только здѣсь слово «средство» не должно понимать, какъ что-то внѣшнее искусству, но какъ единую, ему присущую форму проявленія, безъ которой искусство невозможно. Съ другой стороны, искусство безъ разумнаго содержанія, имѣющаго историческій смыслъ, какъ выраженіе современнаго сознанія, можетъ удовлетворять развѣ только записныхъ любителей художественности по старому преданію. Нашъ вѣкъ особенно враждебенъ такому направленію искусства. Онъ рѣшительно отрицаетъ искусство *для* искусства, красоту *для* красоты. И тотъ бы жестоко обманулся, кто думалъ бы видѣть въ представителяхъ новѣйшаго искусства какую-то отдѣльную касту артистовъ, основавшихъ себѣ свой собственный фантастическій міръ, среди современной имъ дѣйствительности. Вальтеръ Скоттъ, своими романами, рѣшилъ задачу связи исторической жизни съ частною. Онъ живописецъ среднихъ вѣковъ, равно какъ и всѣхъ эпохъ, которыя онъ изображалъ; онъ вводитъ насъ въ тайники ихъ семейной, домашней жизни. Онъ столько же романистъ и поэтъ, сколько и историкъ. Поэтому неудивительно, что историческій критикъ, Гизо, ненаписавшій не только ни одного романа—даже ни одной повѣсти, съ признательностію ученика называетъ Вальтера Скотта своимъ учителемъ. Дать историческое направленіе искусству XIX вѣка—значило геніально угадать тайну современной жизни. Байронъ, Шиллеръ и Гёте—это философы и критики въ поэтической формѣ. О нихъ всего менѣе можно сказать, что они поэты, и больше ничего. Правда, Гёте, въ-слѣдствіе своей уже слишкомъ-нѣмецкой натуры и аскетическаго образа воззрѣнія на міръ, Гёте еще могъ бы подходить подъ идеалъ поэта, который поетъ, какъ птица, *для* себя, не требуя ничьего вниманія (лишь печатаетъ свои пѣснопѣнія *для* людей); но и онъ не могъ не заплатить дани духу времени: его «Вертеръ» есть не что иное, какъ вопль эпохи; въ его «Фаустѣ» заключены всѣ нравственные вопросы, какіе только могутъ возникнуть въ груди внутренняго человѣка нашего времени; его «Прометей» дышитъ преобладающимъ духомъ вѣка; многія изъ его мелкихъ лирическихъ пьесъ суть не что иное, какъ выраженіе философскихъ идей. Изъ великихъ поэтовъ современности, Куперъ болѣе другихъ держится въ чисто-художественной сферѣ, потому только, что гражданственность его юнаго отечества еще не выроботала изъ себя элементовъ *для* современной поэзіи. Впрочемъ, какъ *живой* человѣкъ, а не *птица*, поющая *для* себя, Куперъ взялъ возможно-полную дань съ жизни Сѣверо-Американскихъ Штатовъ: содержаніе «Шпіона» составляетъ борьба его отечества за независимость; въ «Американскихъ Пуританахъ», въ «Эва Эффингемъ» и другихъ романахъ, онъ касается разныхъ сторонъ

невыформировавшейся гражданственности страны-будущаго.

Духъ нашего времени таковъ, что величайшая творческая сила можетъ только изумить на время, если она ограничится «птичьимъ пѣніемъ», создастъ себѣ свой міръ, неимѣющій ничего общаго съ историческою и философическою дѣйствительностію современности, если она вообразитъ, что земля недостойна ея, что ея мѣсто на облакахъ, что мірскія страданія и надежды не должны смущать ея таинственныхъ ясновидѣній и поэтическихъ созерцаній. Произведенія такой творческой силы, какъ бы ни громадна была она, не войдутъ въ жизнь, не возбудятъ восторга и сочувствія ни въ современникахъ, ни въ потомствѣ. Возьмемъ, для подтвержденія этой истины, современную французскую литературу. Викторъ Гюго, Бальзакъ, Дюма, Жаненъ, Сю, де-Виньи, конечно, не громадные таланты, особенно пятеро послѣднихъ; но все же это люди замѣчательно-даровитые. И что̀ же? — они не успѣли еще и состарѣться, какъ ихъ слава, занимавшая всю читающую Европу, умерла уже. Первый еще пользуется старинною славою, не прибавляя къ ея увядающимъ лаврамъ ни одного свѣжаго лепестка; а другіе стали во Франціи то же самое, что̀ у насъ теперь иные нраво-описательные и нравственно-сатирическіе сочинители: — горе-богатыри, модели для каррикатуръ, мишѐнь для насмѣшекъ критики. Отъ-чего же эти французскіе литераторы такъ скоро выписались? — Отъ-того, что съ однимъ естественнымъ талантомъ недалеко уйдешь: талантъ имѣетъ нужду въ разумномъ содержаніи, какъ огонь въ маслѣ, для того, чтобъ не погаснуть. А эти люди или сами не знали, что̀ пѣли и изъ чего хлопотали, за отсутствіемъ всякихъ живыхъ интересовъ, или съ добродушною искренностію — результатомъ безсознательности и мелкости ихъ натуръ, выдавали пороки современнаго общества за добродѣтели, заблужденія — за мудрость, и гордились тѣмъ, что это прекрасное общество нашло въ нихъ достойныхъ выразителей. Послѣ этихъ явились другіе даровитые люди — Сулье, Бернаръ, и пр. Но что̀ же? — читая повѣсть, написанную тѣмъ или другимъ изъ этихъ новыхъ геніевъ, вы удивляетесь необыкновенному таланту разсказа, мастерской рисовкѣ характеровъ, живости изложенія; читаете ее съ наслажденіемъ, и — забываете завтра же, какъ кушанье, о которомъ помнятъ только тогда, когда ѣдятъ его. Отъ-чего это? — Отъ-того, что у этихъ людей нѣтъ ни взгляда на жизнь, ни кровныхъ убѣжденій, составляющихъ вѣрованіе души и сердца, ни доктрины, ни началъ; отъ-того, что они пишутъ для того только, чтобъ писать, какъ птицы поютъ для того, чтобъ только пѣть. Въ нихъ нѣтъ ни любви, ни ненависти, ни сочувствія, ни вражды къ обществу, съ которымъ они связаны только внѣшними узами, а не духовнымъ родствомъ, основаннымъ на паѳосѣ къ идеѣ вѣка и общества. Общество, въ свою очередь, смотритъ на нихъ, какъ на своихъ потѣшниковъ и забавниковъ, не любя, не ненавидя, не уважая и не презирая ихъ; оно кричитъ о нихъ, пока они для него новы, и тотчасъ же забываетъ, какъ-скоро они наскучатъ ему и какъ-скоро явятся другіе потѣшники и забавники съ новыми выдумками и фокус-покусами. Не такое зрѣлище представляетъ собою геніальная женщина, извѣстная подъ именемъ Жоржа-Занда. Это, безспорно, первая поэтическая слава современнаго міра. Каковы бы ни были ея начала, съ ними можно не соглашаться, ихъ можно не раздѣлять, ихъ можно находить ложными; но ея самой нельзя не уважать, какъ человѣка, для котораго убѣжденіе есть вѣрованіе души и сердца. Отъ-того, многія изъ ея произведеній глубоко западаютъ въ душу и никогда не изглаживаются изъ ума и памяти. Отъ-того талантъ ея не слабѣетъ ни въ силѣ, ни въ дѣятельности, но крѣпнетъ и растетъ.

И — что ещё болѣе доказываетъ истину нашего убѣжденія — всѣ *такіе* таланты замѣчательны еще и какъ характеры нравственные, энергическіе, которыхъ жизнь такъ же безукоризненна, какъ глубоки и свѣтлы ихъ созданія, трепещущія симпатіею къ человѣчеству, любовію къ истинѣ. И это очень естественно: только птица поетъ оттого, что ей поется, не сочувствуя ни горю, ни радости своего птичьяго племени... И какъ горько думать, что и между людьми, при рожденіи помазанными свыше елеемъ вдохновенія, есть «птицы»: они счастливы, если имъ поется; они выше человѣчества, выше своихъ страждущихъ братій, тщетно обращающихъ къ нимъ полныя мольбы и ожиданія очи; они живутъ въ себѣ, они въ душѣ своей умѣютъ находить радости и утѣшенія, и этотъ опоэтизированный эгоизмъ называютъ жизнью въ непреходящемъ и вѣчномъ, чуждомъ мелкой современности... . . .

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что искусство подчинено, какъ и все живое и абсолютное, процессу историческаго развитія, и что искусство нашего времени есть выраженіе, осуществленіе въ изящныхъ образахъ современнаго сознанія, современной думы о значеніи и цѣли жизни, о путяхъ человѣчества, о вѣчныхъ истинахъ бытія...

Переходя собственно къ критикѣ, какъ къ главному предмету рѣчи, краснорѣчивый ораторъ дѣлитъ критику на три разряда: на *личную*, *аналитическую* и *философскую*, или по-преимуществу *художественную*.

Намъ кажется, что личная критика, судя по тому значенію, какое ей даетъ авторъ, есть не родъ и не видъ, а злоупотребленіе критики. Личную критику можно раздѣлить на два рода —*искреннюю* и *пристрастную*. Первая иногда заслуживаетъ вниманія. Она принадлежитъ тѣмъ критикамъ, которые, не зная ни о современномъ состояніи теоріи изящнаго, ни объ отношеніи искусства къ обществу, все выводятъ изъ себя, опираясь на собственныхъ воззрѣніяхъ и собственномъ, непосредственномъ чувствѣ и вкусѣ. Это критика добродушнаго невѣжества, которое думаетъ, что съ него начался міръ, и что прежде него ничего не было. Если такой критикъ человѣкъ съ природнымъ, хотя и неразвитымъ умомъ, съ чувствомъ и душою, — въ его критикахъ могутъ встрѣчаться проблески здравыхъ мыслей, горячаго чувства, но смѣшанные со множествомъ парадоксовъ, давно-остывшихъ основаній, давно-забытыхъ заблужденій (ибо человѣкъ, все выводящій изъ себя, не можетъ сказать и новаго заблужденія); все у него неопредѣленно и сбивчиво. Такіе критики иногда встрѣчаются между плодовитымъ и мелкимъ народомъ фельетонистовъ; они возбуждаютъ искреннее сожалѣніе къ своимъ парализированнымъ чрезъ невѣдѣніе дарованіямъ. Если же критикъ, основывающійся на личныхъ убѣжденіяхъ, при невѣжествѣ своемъ, еще и человѣкъ ограниченный, —то берите его скорѣе въ фельетонисты газеты, гдѣ великіе писатели судятся со стороны грамматики и опечатокъ, и, ради всего святаго, упражняйте ихъ больше въ объявленіяхъ о табачныхъ и кандитерскихъ лавочкахъ, о ножевщикахъ и водочистительныхъ машинахъ. Это литературная тля, о которой не стоитъ и говорить...

Разсуждая о *личной* критикѣ, ораторъ разумѣетъ исключительно *лично-пристрастную* критику, которую онъ характеризуетъ сильно, энергически, живописно, но слишкомъ-общими чертами, — чему причиною, разумѣется, оффиціальный характеръ торжества, подавшаго поводъ къ рѣчи, который не долженъ былъ допустить ничего такого, что могло бы послужить поводомъ къ намеку или примѣненію. Если рыцарей добродушной, искренней личной критики, отличающейся вдругъ и невѣжествомъ и ограниченностью, мы назвали *тлею*, то витязей пристрастно-личной критики можно назвать саранчою литературною. Здѣсь

тѣмъ умнѣе такой критикъ, тѣмъ вреднѣе онъ для вкуса неустановившагося общества; его литературному безстыдству и наглости нѣтъ никакихъ преградъ, и онъ безнаказанно можетъ издѣваться надъ публикою, увѣряя ее, что умъ «надуваетъ» человѣчество; что добродѣтель есть полезный предразсудокъ; что Сократъ былъ тонкій плутъ, «надувшій» Грековъ своимъ мнимымъ демономъ, прославляя имъ посредственность и наглою ложью унижая истинные таланты, или говоря о своихъ талантахъ и своихъ добродѣтеляхъ, о невѣжествѣ, злобѣ и глупости своихъ враговъ, и т. п. Впрочемъ, такимъ критикамъ и такой критикѣ, вѣрно, будутъ не по сердцу многія строки въ энергической филиппикѣ г. Никитенко. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать нѣсколько изъ этихъ строкъ, которыя можно назвать диѳирамбомъ благороднаго негодованія:

«Но какъ! неужели для такой критики есть мѣсто въ литературѣ и сочувствіе въ обществѣ? Неужели эта юродивая дщерь слѣпой прихоти и эгоизма осмѣливается, сама собою, безъ полномочія науки, безъ доказаннаго призванія, безъ искры любви къ святому дѣлу совершенствованія человѣческаго — неужели осмѣливается она присвоить себѣ священные аттрибуты судьи въ искусствѣ, назваться критикою, выйти изъ дымнаго логовища умовъ невѣжественныхъ и празднословныхъ на свѣтъ и небоязненно произносить свои беззаконные приговоры, раздавать поддѣльные лавры, поражать карами? Что жъ дѣлаетъ общественное мнѣніе? Однимъ ударомъ своего побѣдоноснаго презрѣнія оно могло бы стереть съ лица литературы эту лжекритику, хищницу чужаго достоянія, принадлежащаго уму, знанію и таланту. Но общественное мнѣніе въ дѣлѣ искусства у насъ еще такъ юно, и потому скромно и застѣнчиво. Шаткое въ основныхъ понятіяхъ искусства, которыхъ еще не успѣло себѣ усвоить, оно робко склоняется предъ всякимъ смѣлымъ натискомъ высокомѣрія и самоувѣренности; рѣшительный тонъ въ глазахъ его есть сильнѣйшее логическое доказательство истины, а насмѣшка признакъ генія, который до того великъ, что для него нѣтъ ничего великаго. Удивительно ли, что личная критика вовсе не занимается искусствомъ и порождаетъ одиѣ личности? Здѣсь судьи не подлежатъ никакой отвѣтственности: ибо кто будетъ пересуживать ихъ сужденія? Пусть говорятъ смѣло все, что хотятъ: имъ повѣрятъ, потому что для тѣхъ, у кого нѣтъ никакого убѣжденія, все равно принять его изъ однихъ устъ, или изъ другихъ. Какой соблазнъ! Какъ широко отворяются въ литературу двери всѣмъ мелкимъ страстямъ, которыя невозможностію развитія осуждены были бы развѣ только шевелиться на самомъ днѣ общества, а теперь дорогою почти выходятъ изъ своихъ презрѣнныхъ убѣжищъ, всползаютъ, какъ черви, на самыя вершины юнаго, только что распускающагося искусства и истощаютъ его живыя соки. У всякаго безъ сомнѣнія есть враги, друзья, покровители: гдѣ какъ не въ критикѣ удобнѣйшій случай заклеймить врага позоромъ самымъ глубокимъ, самымъ вожделѣннымъ для ненависти, потому-что онъ падаетъ на самую нѣжнѣйшую часть человѣческаго самолюбія — на умственную славу, друзьямъ оказать услугу, не требующую никакихъ жертвъ, потому-что она вся состоитъ изъ словъ, и покровителямъ принести дань глубокой лести, не касаясь ногою даже порога ихъ прихожей? Личная критика для того и сдѣлана, чтобы, подъ видомъ литературы, говорить о своихъ нуждахъ, о своихъ великихъ дарованіяхъ, о своей книжной торговлѣ, друзьяхъ и недругахъ, о всемъ, что не составляетъ литературы. Къ чему жъ ей и стремиться къ пріобрѣтенію уваженія публики? Публика столь снисходительна, что не требуетъ уваженія, а готова даже прощать неуваженіе къ себѣ. Къ великимъ цѣлямъ искусства? Но тогда не была бы она личною, тогда старалась бы она возвыситься до чистыхъ идей красоты и истины, она стала бы дѣйствовать въ духѣ разума — и погибла бы. Извѣстно, что разумъ уважаетъ только интересы всеобщіе, гармонію силъ, правду, законность: маленькіе личности тонутъ, какъ пылинки, въ широтѣ его безмѣрнаго горизонта.»

Картина, къ-несчастію, весьма-вѣрная дѣйствительности, не смотря на общность ея чертъ! Теперь, безъ сомнѣнія, интересно будетъ для читателя узнать, какъ понимаетъ ораторъ истинную критику, которую онъ дѣ-

лить на *аналитическую* и *философскую*, или по преимуществу *художественную*.

«Не такова, мм. гг., истинная критика, органъ блюстительнаго разума, приводящаго въ гармонію человѣческое свободное творчество со всеобщимъ и необходимымъ порядкомъ вещей, представительница вѣчныхъ законовъ искусства, мысль, произносящая судъ торжественный и всенародный надъ дѣломъ, предвозвѣстница приговора потомства, драгоцѣнная награда дарованія, кара нелицепріятная бездарности, стражъ изящнаго вкуса. Принявъ на себя характеръ аналитическій, она изслѣдуетъ стихіи, изъ коихъ слагается красота въ готовыхъ произведеніяхъ таланта, и условія ея развитія. Она разсматриваетъ писателя со стороны его *генія*, *направленія*, *взгляда на вещи*; рисуетъ картину общества, отношеніе къ нему *писателя*, степень принимаемаго имъ *участія въ движеніяхъ* современной мысли и жизни. Обращаясь къ самому произведенію, аналитическая критика разсматриваетъ его содержаніе, разлагаетъ образы на ихъ элементы, обнажаетъ пружины, коими авторъ дѣйствуетъ *для* достиженія своей цѣли, и изъясняетъ, какъ зрѣла, чѣмъ питалась основная, завѣтная мысль его созданія, что принадлежитъ въ ней его свободному художническому воззрѣнію на вещи, и что принадлежитъ набѣгу случайныхъ обстоятельствъ, волновавшихъ его душу. Мудрая аналитическая критика знаетъ, *какія* изъ этихъ понятій могутъ осуществиться только въ разсматриваніи произведеній, *сдѣлавшихся* уже достояніемъ исторіи, и какія должно прилагать къ искусству современному. Здѣсь вы читаете, такъ сказать, отчетъ самой природы о томъ, какъ она поступаетъ въ важнѣйшей части своей экономіи — въ творчествѣ умственномъ. Ничто не можетъ сравниться съ занимательностію подобныхъ изысканій. Вы вводитесь въ святилище глубочайшихъ тайнъ человѣческой природы; вы присутствуете при самомъ рожденіи геніальной мысли; встрѣчаете ее потомъ на рубежѣ при переходѣ изъ идеальнаго міра въ дѣйствительный; передъ вами движутся всѣ силы, образующія изящное созданіе, — и талантъ *писателя*, и духъ времени, и духъ общества; въ вашихъ глазахъ слагаются стихіи его въ этотъ удивительный нравственный организмъ, коему суждено вмѣщать въ себѣ чистѣйшую жизнь — жизнь красоты, слѣдовательно, истины и добра.

«Аналитическая критика, однакожъ, не удовлетворяетъ еще цѣли искусства. Мы знаемъ, какъ образовалось твореніе, но не знаемъ, что такое самое твореніе. «Вы, возразятъ мнѣ, видите его предъ собою раскрытымъ со всѣхъ сторонъ, объясненнымъ — чего жь болѣе?» — Такъ! Но у каждаго изящнаго произведенія, кромѣ отношеній къ художнику, эпохѣ, народу и проч., есть еще одно отношеніе, очень важное — это отношеніе къ идеѣ красоты. Вѣдь оно *для* нея и существуетъ; всѣ творческія операціи, которыя аналитическою критикою такъ хорошо намъ раскрыты, именно *для* нея и предприняты. Прекрасно *ли* и почему прекрасно то, что произвело искусство? Этихъ вопросовъ она не рѣшитъ.

«Всѣ начинанія человѣческаго творчества подлежатъ двумъ законамъ: закону частныхъ соотношеній съ вещами и закону *идей*. То, чему назначено занять мѣсто между первыми, войдти въ дружескій союзъ съ ними, участвовать въ исторіи, то должно и дѣйствовать въ духѣ ихъ судьбы и потребностей. Но высокое дѣло разума и воли не было бы разумнымъ и свободнымъ, еслибы оно не соединялось также узами съ тѣмъ, что выше вещей — съ основнымъ ихъ началомъ, съ родовой своей идеей. И отъ кого же, какъ не отъ нея дѣло получаетъ опредѣленный характеръ, неизгладимую физіономію? Одно становится заслугою въ наукѣ, потому-что его направляетъ идея истины, другое пріобрѣтаетъ значеніе въ искусствѣ, потому-что его оживотворила идея красоты. Критика, руководимая идеей истины по пути анализа, возвышается наконецъ къ идеѣ изящнаго и становится вполнѣ художественною. При свѣтѣ ея разбираемое твореніе, безъ всякаго вліянія лицъ, безъ ухищреній, само собою займетъ приличное ему мѣсто въ литературѣ, и если оно падетъ на пути къ славѣ, то падетъ не отъ оскорбленій, а отъ истины, которая посвѣтила ему въ лицо и показало на немъ людямъ клеймо бездарности. Между-тѣмъ, съ произведеніемъ истиннаго таланта вы имѣете всѣ способы соединиться тѣснѣйшими узами: оно изслѣдовано глубоко и вѣрно со всѣхъ сторонъ; вотъ и изящная его сторона, вотъ нѣжные, тонкіе, едва уловимые, но можетъ быть и самые занимательные изгибы красоты, коими писатель означилъ свою идею — они могли отъ васъ ускользнуть; зоркое око критики

ихъ различаетъ и дѣлаетъ вамъ доступными; наслаждайтесь тѣмъ, чего собственный вашъ взглядъ не успѣлъ уловить, и будьте благодарны руководству, дополняющему ваше упущеніе. Критика наперстница искусства, посвященная въ глубочайшія его тайны; въ то же время она органъ общества, коимъ оно принимаетъ прекрасные дары искусства и несетъ ихъ къ своему сердцу. Высоко и достославно ея назначеніе! Двѣ могущественнѣйшія силы — искусство и духъ общественный, опираются на ея мудрость и правоту: одно ввѣряетъ ей драгоцѣннѣйшее свое достояніе—славу, другой—честь и достоинство своихъ чувствованій.

«Но въ каждомъ произведеніи искусства есть недостатки: что дѣлаетъ съ ними критика? Вотъ ея правило: знать только одни недостатки—тѣ, которыхъ изобличеніе можетъ служить урокомъ въ истинѣ, или защитою противъ заблужденій. Съ помощію анализа, она особенно отличаетъ ошибки, или невѣрное направленіе вкуса, бывшія плодомъ вѣка—и не караетъ безщадно писателей, честно служившихъ искусству въ духѣ своего времени, за то, что они не предупредили хода судьбы и не дѣйствовали по идеямъ, которыхъ не было. Она каждому воздаетъ по заслугамъ — относительному достоинству свое, безусловному свое и не забываетъ, что если потомство умнѣе прошедшаго, которое оно судитъ, то въ свою очередь оно будетъ имѣть также потомство. И горе тѣмъ, кои не умѣли сдѣлать всего и не умѣли прощать той же вины другимъ!...»

Нельзя не согласиться въ сущности со всѣмъ этимъ. Дѣйствительно, критика *аналитическая*, какъ называетъ ее ораторъ, или *историческая*, какъ называютъ ее во Франціи и Германіи, необходима. Миновать ее, особенно теперь, когда вѣкъ принялъ рѣшительно историческое направленіе, значило бы убить искусство, или, еще скорѣе, опошлить критику. Каждое произведеніе искусства непремѣнно должно разсматриваться въ-отношеніи къ эпохѣ, къ исторической современности, и въ отношеніяхъ художника къ обществу; разсмотрѣніе его жизни, характера, и т. п. также можетъ служить часто къ уясненію его созданія. Съ другой стороны, невозможно упускать изъ виду и собственно-эстетическихъ требованій искусства. Скажемъ болѣе: опредѣленіе степени эстетическаго достоинства произведенія должно быть первымъ дѣломъ критики. Когда произведеніе не выдержитъ эстетическаго разбора, оно уже не стоитъ исторической критики; ибо, если произведеніе искусства чуждо животрепещущаго историческаго содержанія, если въ немъ искусство было само себѣ цѣлью, —оно все-еще можетъ имѣть хотя одностороннее, относительное достоинство; но если, при живыхъ современныхъ интересахъ, оно не ознаменовано печатію творчества и свободнаго вдохновенія; то ни въ какомъ отношеніи не можетъ имѣть никакой цѣнности, и самая жизненность его интересовъ, будучи выражена насильственно въ чуждой имъ формѣ, будетъ безсысленна и нелѣпа. Изъ этого прямо выходитъ, что не для чего и раздѣлять критику на разные роды, а лучше, признавъ одну критику, отдать въ ея завѣдываніе всѣ элементы и стороны, изъ которыхъ слагается дѣйствительность, выражающаяся въ искусствѣ. Критика историческая безъ эстетической, и наоборотъ, эстетическая безъ исторической, будетъ одностороння, а слѣдовательно, и ложна. Критика должна быть одна, и разносторонность взглядовъ должна выходить у нея изъ одного общаго источника, изъ одной системы, изъ одного созерцанія искусства. Это и будетъ критикою нашего времени, въ которомъ многосложность элементовъ ведетъ не къ дробности и частности, какъ прежде, а къ единству и общности. Что же касается до слова «аналитическій», — оно происходитъ отъ слова «анализъ», означающаго разборъ, разложеніе, которые составляютъ свойство всякой критики, какая бы ни была она, историческая, или художественная.

Насъ спросятъ: какимъ образомъ въ одной и той же критикѣ могутъ органически слиться два различныя воззрѣнія, историческое и художественное? или: какъ можно требовать отъ поэта, чтобы онъ, въ одно и то же время, свободно слѣдовалъ своему вдо-

вдохновенію, и служилъ духу современности, не силя выйдти изъ ея заколдованнаго круга? Этотъ вопросъ весьма-легко рѣшить и теоретически и исторически. Каждый человѣкъ, а слѣдовательно, и поэтъ, испытываетъ на себѣ неизбѣжное вліяніе времени и мѣстности. Съ молокомъ матери всасываетъ онъ въ себя тѣ начала, ту сумму понятій, которою живетъ окружающее его общество. Отъ-этаго, онъ дѣлается Французомъ, Нѣмцемъ, Русскимъ, и т. д.; отъ-этого онъ, родившись, на-примѣръ, въ XII вѣкѣ, благочестиво убѣжденъ, что самое святое дѣло жечь на кострахъ людей, думающихъ такъ, какъ не всѣ думаютъ, а родившись въ XIX вѣкѣ, онъ религіозно убѣжденъ, что никого не должно жечь и рѣзать, что дѣло общества не мстить наказаніемъ за проступокъ, а исправить наказаніемъ преступника, чрезъ что̀ удовлетворится и оскорбленное общество, и выполнится святой законъ христіанской любви и христіанскаго братства. Но человѣчество не вдругъ же перескочило отъ XII вѣка къ XIX-му: оно должно было прожить цѣлые шесть вѣковъ, въ-продолженіи которыхъ развивалось, въ своихъ моментахъ, его понятіе объ истинномъ, и въ каждомъ изъ сихъ шести вѣковъ это понятіе принимало особенную форму. Вотъ эту-то форму философія и называетъ *моментомъ* развитія общечеловѣческой истины; а этотъ-то *моментъ* и долженъ быть пульсомъ созданій поэта, ихъ преобладающею страстію (паѳосомъ), ихъ главнымъ мотивомъ, основнымъ аккордомъ ихъ гармоніи. Нельзя жить въ прошедшемъ и прошедшимъ, закрывъ глаза на настоящее: въ этомъ было бы что-то неестественное, ложное и мертвое. Отъ-чего европейскіе живописцы среднихъ вѣковъ писали все мадоннъ да святыхъ? — Отъ-того, что религіозность христіанская была преобладающимъ элементомъ жизни Европы того времени. Послѣ Лютера всѣ попытки къ возстановленію религіозной живописи въ Европѣ были бы тщетны. «Но» скажутъ намъ: «если нельзя выйдти изъ своего времени, то не можетъ быть и поэтовъ не въ духѣ своего времени, а слѣдовательно, нечего и вооружаться противъ того, чего быть не можетъ?» — Нѣтъ, отвѣчаемъ мы: это не только можетъ быть, но и есть, особенно въ наше время. Причина такого явленія—въ обществахъ, которыхъ понятія діаметрально-противоположны ихъ дѣйствительности, которыя учатъ въ школахъ дѣтей своихъ такой нравственности, за которую надъ ними же теперь смѣются, когда тѣ выйдутъ изъ школы. Это есть состояніе безрелигіозности, распаденія, разъединенія, индивидуальности и—ея необходимаго слѣдствія—эгоизма: къ-несчастію, слишкомъ рѣзкія черты нашего вѣка! При такомъ состояніи обществъ, живущихъ старыми преданіями, которымъ болѣе не вѣрятъ, и которыя противоположны новымъ истинамъ, открытымъ наукою, выработавшимся изъ историческихъ движеній,—при такомъ состояніи обществъ иногда самыя благородныя, самыя даровитыя личности чувствуютъ себя отдѣленными отъ общества, одинокими, и тѣ изъ нихъ, которыя послабѣе характеромъ, добродушно дѣлаются жрецами и проповѣдниками эгоизма и всѣхъ пороковъ общества, думая, что такъ видно должно быть, что иначе быть не можетъ, что не нами-де началось, не нами и кончится; другіе,—и это, увы! часто лучшіе,—убѣгаютъ вовнутрь себя, съ отчаяніемъ махнувъ рукою на эту оскорбляющую чувство и разумъ дѣйствительность. Но это средство къ спасенію ложное и эгоистическое: когда на улицѣ пожаръ, должно бѣжать не отъ него, а къ нему, чтобъ, вмѣстѣ съ другими, искать средствъ и трудиться братски для потушенія его. Но многіе, напротивъ, изъ этого эгоистическаго и малодушнаго чувства сдѣлали себѣ начало, доктрину, правило жизни, наконецъ догматъ высокой мудрости. Они имъ горды, они съ презрѣніемъ смотрятъ на міръ, который, изволите видѣть, не

стоитъ ихъ страданій и ихъ радостей; засѣвъ въ разубранномъ теремѣ своего фантастическаго замка и смотря изъ него сквозь расцвѣченныя стекла, они поютъ себѣ какъ птицы... Боже мой! *человѣкъ* дѣлается *птицею!* Какое истинно-овидіевское превращеніе! Къ этому еще присоединилась обаятельная сила нѣмецкихъ воззрѣній на искусство, въ которыхъ дѣйствительно много глубокости, истины и свѣта, но въ которыхъ также много и нѣмецкаго, филистерскаго, аскетическаго, анти-общественнаго. Чтó же изъ этого должно было выйдти?—Гибель талантовъ, которые, при другомъ направленіи, оставили бы по себѣ въ обществѣ яркіе слѣды своего существованія, могли бы развиваться, идти впередъ, мужать въ силахъ. Отсюда происходитъ это размноженіе микроскопическихъ геніевъ, маленькихъ великихъ-людей, которые дѣйствительно обнаруживаютъ много таланта и силы, но пошумятъ, пошумятъ, да и замолкнуть, скончавшись вмалѣ еще прежде своей смерти, часто во цвѣтѣ лѣтъ, въ настоящей порѣ силы и дѣятельности. Свобода творчества легко согласуется съ служеніемъ современности: для этого не нужно принуждать себя, писать на тэмы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія отъ жизни. Чтó вошло, глубоко запало въ душу, тò само-собою проявится во внѣ. Когда человѣкъ сильно потрясенъ страстію, исключительно занятъ одною мыслію,—все, о чемъ онъ думаетъ днемъ, повторяется у него въ снахъ. Пусть же творчество будетъ прекраснымъ сномъ, въ роскошныхъ видѣніяхъ своихъ повторяющимъ святыя думы и благородныя симпатіи художника! Въ наше время талантъ, въ чемъ бы ни проявлялся—въ практической ли общественной дѣятельности, или въ наукѣ и искусствѣ, долженъ быть добродѣтелью, или гибнуть въ себѣ-самомъ и черезъ себя-самого. Человѣчество дошло наконецъ до такихъ убѣжденій, которыхъ *нечистые люди*, уже изъ собственныхъ видовъ, чтобъ не осудить себя, не рѣшатся произнести и выговорить. Они знаютъ, что общество имъ не повѣрило бы, ибо въ нихъ-самихъ увидѣло бы лучшее опроверженіе ихъ идей...

Высказавъ наше воззрѣніе на искусство и критику, и разсмотрѣвъ «Рѣчь», подавшую поводъ къ этой статьѣ, — мы, въ слѣдующей статьѣ, сдѣлаемъ историческое обозрѣніе русской критики, отъ начала ея до нашего времени.

РѢЧЬ О КРИТИКѢ, *произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Санктпетербургскаго Университета, марта 25-го дня 1842 года, экстраордин. профес., докторомъ философіи*, **А. Никитенко.** *Санктпетербургъ. 1842.*

Статья II.

—

Историческое обозрѣніе русской критики.

Обозрѣть исторически ходъ и развитіе русской критики—значитъ обозрѣть, въ общихъ чертахъ, исторію русской литературы, ибо, какъ мы уже сказали въ первой статьѣ, содержаніе критики, какъ сужденіе, есть то же самое, что и содержаніе литературы, какъ судимаго; вся разница въ формѣ. Художникъ и литераторъ выражаютъ свое понятіе объ искусствѣ и литературѣ *непосредственно*, самыми твореніями своими; критикъ выражаетъ свое понятіе объ искусствѣ и литературѣ чрезъ *посредство* мысли, сознательно. Въ этомъ случаѣ, искусство и литература идутъ объ-руку съ критикою, и оказываютъ взаимное дѣйствіе другъ-на-друга. Если новый геній открываетъ міру новую сферу въ искусствѣ и оставляетъ за собою господствующую критику, нанося ей тѣмъ смертельный ударъ; то, въ свою очередь, и движеніе мысли, совершающееся въ критикѣ, приготовляетъ новое искусство, опереживая и убивая старое. Такое явленіе было въ Германіи, гдѣ литературный переворотъ совершился не чрезъ великаго поэта, а чрезъ умнаго, энергическаго критика —Лессинга. Такъ-называемая романтическая школа, или юная литература Франціи, водрузила свои побѣдоносныя знамена на завоеванной ею у псевдо-классицизма почвѣ, едва-ли не болѣе при помощи критики, чѣмъ собственными усиліями. Жаненъ, нѣкогда столь даровитый, а теперь столь пустой фельетонный крикунъ, горячо сражался противъ мертвой литературы имперіи еще прежде, чѣмъ написалъ свой романъ «Мертвый Оселъ и Гильйотинированная Женщина». И этотъ союзъ искусства съ критикою со-дня-на-день становится тѣснѣе и неразрывнѣе. Отъ-того, теперь искусство становится мышленіемъ въ образахъ, а критика—искусствомъ.

Русская литература была не плодомъ развитія національнаго духа, а плодомъ реформы. Хотя Петръ-Великій ничего не писалъ и не издавалъ, подобно Екатеринѣ II, но тѣмъ не менѣе онъ такъ же творецъ русской литературы, какъ и творецъ русской цивилизаціи, русскаго просвѣщенія, русскаго величія и славы, словомъ— творецъ новой Россіи. Написать исторію русской литературы, не сказавъ ни слова о Петрѣ-Великомъ,—это все равно, что написать о происхожденіи міра, не сказавъ ни слова о Творцѣ

міра. Русь до Петра кипѣла дикими и нестройными силами: его всемощное «да будетъ!» водворяло порядокъ и гармонію въ этомъ хаосѣ, дало боровшимся въ немъ элементамъ опредѣленную форму и указало имъ цѣль. Уже болѣе вѣка прошло послѣ смерти Великаго; но Русь все еще движется отъ него, слѣдовательно, и чрезъ него. Русь уже давно не та; Петръ не узналъ бы ея, еслибъ могъ взглянуть на нее изъ своего гроба. Русь уже не та, но и не другая. Такъ широколиственный дубъ совсѣмъ не то̀, что̀ жолудь, изъ котораго онъ вышелъ; но онъ все же дубъ, а не береза, и не другое дерево; все же онъ вышелъ изъ жолудя, и безъ жолудя не могъ бы быть.

Реформа Петра вообще была искусственная, ибо совершилась не въ сферѣ русской жизни и не ея собственными средствами, а посторонними посредствомъ чуждой ей жизни. Однакожъ, это можетъ не нравиться только раскольникамъ и староверамъ; въ глазахъ же людей, умѣющихъ проникать въ глубь явленій, это-то самое и свидѣтельствуетъ о колоссальности генія творца новой Россіи. Правда, можно много остраго и забавнаго наговорить, на-примѣръ, о русскихъ мужикахъ, вдругъ, экспромптомъ, превращенныхъ въ подобіе цесарскихъ и прусскихъ солдатъ, съ выбритыми бородами, съ пучками на затылкахъ, въ смѣшныхъ мундирахъ XVII вѣка, объ этихъ солдатахъ, которые съ трудомъ заучивали на память нѣмецкую военную терминологію, мудреные нѣмецкіе чины и званія; сверхъ-того, нарвская битва могла служить прекраснымъ фактомъ противъ преобразованій, но за то, битва подъ Лѣснымъ заставляетъ разумниковъ призадуматься, смѣшаться, прикусить язычокъ, какъ выразительно говорится по-русски; а полтавская битва лучше всякихъ доказательствъ, теоретическихъ и философскихъ, доказываетъ, что у генія своя логика, свой здравый смыслъ, свое ясновидѣніе дѣйствительности, которыя чѣмъ менѣе подходятъ подъ сужденія толпы, тѣмъ истиннѣе и дѣйствительнѣе. Реформа, по-видимому, чисто внѣшняя, по-видимому, состоявшая только въ формахъ, могла казаться странною не только для Русскихъ, бывшихъ ея жертвою, но и для тогдашней Европы; теорія и практика, умозрѣніе и опытъ — все повидимому было противъ нея. Несчастное нарвское дѣло походило на порывъ урагана, сдувшій со стола карточный домикъ; оно всѣхъ убѣдило въ невозможности улучшеній — всѣхъ, кромѣ самого реформатора. Но подъ Лѣснымъ обстоятельства перемѣняются и для непріятеля настаетъ прологъ трагедіи, а при Полтавѣ разъигралась и самая трагедія.

Такимъ же точно образомъ, много умнаго и остроумнаго можно наговорить о новыхъ гражданскихъ литерахъ, которымъ нечего было выражать собою; о заведенныхъ имъ типографіяхъ, которымъ нечего было печатать; о высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, когда еще негдѣ было учиться грамотѣ; о проектѣ Академіи Наукъ, когда еще не было приходскихъ и уѣздныхъ училищъ; словомъ, обо всемъ этомъ неестественномъ развитіи сверху внизъ, не снизу вверхъ, съ крыши къ фундаменту, не съ фундамента къ крышѣ. А между-тѣмъ, это-то и положило прочное основаніе русскому просвѣщенію, ибо прежде всего дало учителей, безъ которыхъ ученики не могутъ учиться. Каково бы ни было наше просвѣщеніе, на какой бы ступени ни стояло оно и теперь, но надо быть слѣпымъ, чтобъ не видѣть, что оно все развивается, все идетъ впередъ. Иначе, какъ бы могли у насъ являться и полководцы, и моряки, и инженеры, и врачи, и математики? Давно ли было время, когда безъ иностранцевъ мы не въ состояніи были сдѣлать шагу? А теперь, мы нуждаемся въ Европѣ, но уже не въ иностранцахъ; намъ надо слѣдить за успѣхами въ Европѣ наукъ, не-

кусствъ и промышлености, но не высылать оттуда людей для заведенія того и другаго и третьяго, какъ было прежде. Если же мы и теперь иногда нуждаемся въ иностранцахъ и приглашаемъ ихъ къ себѣ, то такіе случаи уже кажутся теперь исключеніями изъ общаго правила.

Не менѣе дѣльнаго, умнаго и остраго можно наговорить (да и было уже довольно наговорено) о русской литературѣ, возникшей не изъ потребности общества, а изъ слѣпаго подражанія иностраннымъ литературамъ. И чего бы, въ-самомъ-дѣлѣ, можно было ожидать отъ этого сколка, списка, отъ этой копіи съ чужихъ образцовъ, отъ этого мертваго, бездушнаго, слѣпаго подражанія и передразниванія чужихъ мыслей и чужихъ формъ? А между-тѣмъ, мы гордимся именами (конечно, еще немногими) національныхъ и самостоятельныхъ поэтовъ — Крылова, Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова... А между-тѣмъ, наша литература имѣла на общество великое и благодѣтельное вліяніе, какъ живой источникъ гуманическаго, человѣчественнаго образованія...

Странное дѣло! какъ же такія живыя слѣдствія могли выйдти изъ такой мертвой, чисто-внѣшней, отвлеченно-формальной реформы? Здѣсь въ томъ-то и дѣло, что только близорукіе, ограниченные люди, да развѣ еще раскольники и староверы, поборники ложно понимаемой народности и дикаго невѣжества, могутъ видѣть въ реформѣ Петра одно внѣшнее и формальное. Люди мыслящіе, способные проникать взоромъ своего разума въ сокровенную глубь вещей, очень-хорошо видятъ, что Петръ старался не объ одномъ внѣшнемъ европеизмѣ, что онъ былъ столько же духовнымъ, сколько и матеріальнымъ реформаторомъ. Его великій, зиждительный духъ былъ источникомъ его преобразовательной дѣятельности, — онъ началъ реформу прежде всего съ себя-самого. Неумолимый къ другимъ, онъ былъ еще безпощаднѣе къ самому-себѣ. Поставивъ идею правосудія выше личнаго произвола, онъ готовъ былъ бы самого-себя отдать подъ уголовный судъ, еслибъ могъ умышленно поступить неправо въ дѣлѣ государственной правды. Поставивъ идею государства выше личнаго значенія, онъ бодро и неуклонно прошелъ длинную и тяжкую лѣствицу чиноначалія, былъ солдатомъ, юнгою, и съ такою страстію подчинялся повиновенію, съ какою въ его возрастѣ предаются обаянію властвованія. Счастію Россіи, ея будущности принесъ онъ въ жертву своего сына, говоря, что лучше чужой да достойный, чѣмъ свой недостойный... Онъ искушалъ своихъ сановниковъ, прося у нихъ себѣ мѣста, слѣдовавшее достойнѣйшему его по службѣ, и сказалъ, что благо имъ, отказавшимъ ему въ просьбѣ... Говоря о Петрѣ, многіе видятъ въ немъ больше реформатора, и забываютъ колоссально-нравственный и религіозный духъ, котораго вся жизнь была страстнымъ служеніемъ идеѣ. А паѳосъ къ идеѣ есть живой источникъ, изъ котораго не могутъ не вытекать живые результаты. Еслибъ Петръ былъ только необыкновенно-умный человѣкъ, только *политическій*, а не религіозно-нравственный дѣйствователь, его реформа не имѣла бы такихъ великихъ слѣдствій. Глубокое религіозно-нравственное начало, составлявшее основу его духа, въ соединеніи съ исполинскою геніальностью, — вотъ что̀ оплодотворило и оживило реформу Петра, дало ей силу, прочность и жизненность... Но объ этомъ можно было бы написать цѣлую книгу; здѣсь мы говоримъ только вскользь, какъ о предметѣ, который имѣетъ отношеніе къ главной мысли нашей статьи и не составляетъ ея прямаго содержанія. Обращаемся къ русской литературѣ, чтобъ отъ нее перейдти къ русской критикѣ.

Русская литература началась такъ же, какъ и русская цивилизація — подражаніемъ, слѣпымъ усвоеніемъ формъ. Подобно цивилизаціи, ея движеніе и развитіе состояли въ стремленіи къ самобытности и националь-

ности, и каждый успѣхъ ея былъ шагомъ къ этой цѣли. Русская поэзія сперва проблеснула въ басняхъ Крылова, которыхъ форма была заимствованная и подражательная, но въ которыхъ, не смотря на то, русскій языкъ и русскій практическій умъ нашли средство развернуться широко, свободно и непринужденно. Но басня есть только родъ поэзіи, и притомъ созданный XVIII вѣкомъ, а не самая поэзія. Русская поэзія началась собственно съ Пушкина. Утверждая это, мы нисколько не думаемъ унижать блестящіе таланты, предшествовавшіе нашему поэтическому Протею. Безъ нихъ не было бы и его, или, по-крайней-мѣрѣ, онъ былъ бы далеко не тѣмъ, чѣмъ былъ. Каждый изъ этихъ талантовъ былъ для нашей литературы шагомъ впередъ; и неполнота ихъ успѣха заключалась не въ слабости дарованія, а въ незрѣлости общества, еще не могшаго выработать никакого содержанія для самобытной поэзіи. Пушкинъ былъ первый русскій поэтъ въ смыслѣ художника. Природная поэтическая сила Державина выше поэтической силы, на-примѣръ, Батюшкова: но *какъ художникъ*, Батюшковъ несравненно-выше Державина. Державинъ, этотъ богатырь русской поэзіи, былъ связанъ духомъ своего времени, которое понимало поэзію не иначе, какъ *торжественною одою* на какой бы то ни было случай—на побѣду, или просто на иллюминацію, и которое было увѣрено, что поэзія «сладостна и пріятна какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ». Оно требовало отъ поэзіи высокопарности—и больше ничего; оно исключало изъ нея это внутреннее, субъективное начало, которое, въ-послѣдствіи, господствовало въ русской поэзіи, подъ неопредѣленнымъ именемъ *элегическаго тона*, и безъ котораго нѣтъ истинной поэзіи. Душа Державина была поэтическая и уже по сему самому не чуждая этого внутренняго, субъективнаго, задушевнаго и сердечнаго начала; и оно у него часто проторгалось, но какъ-бы противъ его воли, ибо, по духу своего времени, онъ не давалъ ему воли и простора, стараясь постоянно держаться въ напряженной торжественности. Прибавьте къ этому, что въ его время языкъ русскій былъ крайне-необработанъ, вращался въ тяжелыхъ славяно-латинскихъ формахъ, въ которыя заковалъ его Ломоносовъ; о гармоніи и пластикѣ, словомъ, *виртуозности* стиха, никто тогда не имѣлъ и малѣйшаго понятія; усѣченія прилагательныхъ, коверканіе словъ, какофонія реченій, были узаконены самою піитикою того времени подъ именемъ «піитическихъ вольностей». И вотъ почему Державинъ, будучи столь великимъ явленіемъ въ исторіи русской поэзіи и литературы, мертвъ для современнаго общества; поэзія же его стала теперь предметомъ изученія записныхъ литераторовъ, а не предметомъ наслажденія для общества, которое какъ-бы едва знаетъ о Державинѣ, и то изъ піитикъ, по которымъ когда-то училось въ лѣта своего дѣтства. Есть люди, которые, даже не читая Державина, почитаютъ такой взглядъ на него оскорбленіемъ его имени и чести русской литературы. Но не-уже-ли и въ-самомъ-дѣлѣ значитъ унижать Державина, говоря, что его огромный талантъ явился въ неблагопріятное для развитія время? Не думаемъ! И не-уже-ли можно унизить великаго человѣка, поставивъ его въ историческую зависимость отъ времени, отъ которой не освобождался ни одинъ геній съ-тѣхъ-поръ, какъ существуетъ міръ? Едва ли!... Державинъ — великій талантъ для всякаго времени; но великій поэтъ онъ — только для своего времени; а для нашего—едва ли онъ какой-нибудь поэтъ; потому-что для насъ мертвы и идеальные мотивы и самая форма его поэзіи. Это уже не наша вина, да и не его, конечно. И мы не винимъ его, а только судимъ о немъ; пусть же судятъ и насъ, а не дѣлаютъ безъ вины виноватыми.— Жуковскій внесъ въ русскую поэзію

именно тотъ самый элементъ, которого недоставало поэзіи Державина: мечтательная грусть, унылая мелодія, задушевность и сердечность, фантастическая настроенность духа, безвыходно погруженнаго въ самомъ-себѣ, — вотъ преобладающій характеръ поэзіи Жуковскаго, составляющій и ея непобѣдимую прелесть и ея недостатокъ, какъ всякой неполноты и всякой односторонности. Жуковскій діаметрально противоположенъ Державину, — и хотя содержаніе и тонъ поэзіи Жуковскаго суть экзотическія растенія въ отношеніи къ русской поэзіи, переселенцы съ чуждой почвы, изъ-подъ чуждаго неба, однако, вопреки толкамъ и крикамъ поборниковъ народности въ поэзіи, Жуковскій поэтъ не одной своей эпохи: его стихотворенія всегда будутъ находить отзывъ въ юныхъ поколѣніяхъ, приготовляющихся къ жизни и еще только мечтающихъ о жизни, но не знающихъ ея. Не можемъ сказать, способствовало ли какое-нибудь внѣшнее обстоятельство къ обращенію юнаго Жуковскаго, еще ученика въ Благородномъ Пансіонѣ при Московскомъ Университетѣ, къ нѣмецкой и англійской поэзіи; но во всякомъ случаѣ духъ времени былъ главною причиною этого обращенія. Псевдо-классическая поэзія Франціи XVII и XVIII вѣковъ уже не могла безусловно нравиться юному поколѣнію XIX вѣка, и оно должно было искать другихъ источниковъ эстетическаго наслажденія. Нѣмецкая литература тогда уже дѣлалась извѣстною самой Франціи; въ Россіи, она могла плѣнять только немногихъ людей, знакомыхъ съ ея языкомъ. Не знаемъ, къ сожалѣнію, когда написана Державинымъ его передѣлка одной шиллеровой пьесы (вѣроятно, съ французскаго перевода, или подражанія), названная имъ «Арфою»; не знаемъ также и времени передѣлки извѣстной пьесы Гёте Дмитріевымъ (тоже, должно быть, съ французскаго перевода, или подражанія), названной имъ «Размышленіемъ по случаю грома»: знакъ, что темные слухи о Шиллерѣ и Гёте доходили еще и до патріарховъ нашей поэзіи, и что въ лицѣ Жуковскаго, съ малолѣтства знакомаго съ нѣмецкимъ языкомъ, наша литература сдѣлала естественный шагъ впередъ, обратившись къ новому и болѣе-жизненному источнику питанія—къ нѣмецкой поэзіи. Что же касается до англійской литературы, съ нею наша была знакома еще до Жуковскаго; самъ Карамзинъ писалъ о ней въ своемъ путешествіи, даже перевелъ монологъ Лира во время бури и отрывокъ изъ Оссіана; но о Шекспирѣ, не смотря на то, знали черезъ Французовъ, какъ о варварѣ, и почетными именами англійской литературы считались Попъ, Адиссонъ, Драйденъ, Томсонъ, Грей, Юнгъ, Мильтонъ, Фильдингъ, Ричардсонъ, Стернъ. Жуковскій первый перевелъ, своимъ крѣпкимъ и звучнымъ стихомъ, нѣсколько (впрочемъ, очень-мало) англійскихъ балладъ и написалъ въ ихъ духѣ свою («Эолову Арфу»), чѣмъ вѣрно передалъ *романтическій* характеръ англійской поэзіи. Когда уже англійская поэзія сдѣлалась знакома русской публикѣ и черезъ журнальные толки и прозаическіе переводы,—Жуковскій далъ бо́льшую прочность и дѣйствительность этому знакомству своими переводами изъ Вальтера Скотта, Байрона, Мура, Сутея и пр. Это оригинальное (уже по одному тому, что новое) направленіе, эта обаятельная сила и богатство содержанія, заимствованныя Жуковскимъ у его нѣмецкихъ и англійскихъ образцовъ, поставили его на высокую чреду между русскими поэтами, какъ самобытнаго поэта, а не переводчика. Прибавьте къ этому неизмѣримое пространство, раздѣляющее языкъ и стихъ Жуковскаго отъ языка и стиха Державина. Причина этого явленія заключается не въ одной силѣ превосходнаго таланта пѣвца Минваны, но и въ историческомъ развитіи русской литературы: между Державинымъ и Жуковскимъ стоятъ Карамзинъ и Дмитріевъ, которымъ

такъ много обязанъ русскій языкъ и русская версификація. Батюшковъ внесъ въ русскую поэзію совершенно-новый для нея элементъ: античную художественность, которой, кромѣ его, были чужды всѣ наши поэты—до Пушкина. Душа Батюшкова была по-преимуществу артистическая. Онъ сочувствовалъ древнимъ, превосходно перевелъ нѣсколько антологическихъ пьесъ, любилъ образовательныя искусства, съ страстью писалъ о живописи. Преобладающій паѳосъ его поэзіи — артистическая жажда наслажденія прекраснымъ, идеальный эпикуреизмъ; но эта жажда часто растворяется у него кроткою меланхоліею, легкою и свѣтлою грустію. И потому мечтательность у него замѣняется задумчивостію, фантазмъ—радужными образами фантазіи; читая его, вы чувствуете себя на почвѣ дѣйствительности и въ сферѣ дѣйствительности. Кажется, какъ-будто въ граціозныхъ созданіяхъ Батюшкова русская поэзія хотѣла явить первый результатъ своего развитія, примиреніемъ дѣйствительнаго, но односторонняго направленія Державина, съ односторонне-мечтательнымъ направленіемъ Жуковскаго. Этотъ результатъ не былъ удовлетворителенъ, потому ли, что талантъ Батюшкова не былъ для этого довольно могучъ, глубокъ и многостороненъ, или потому-что онъ слишкомъ увлекался вліяніемъ французской литературы XVIII вѣка, и больше любилъ и зналъ итальянскую, чѣмъ нѣмецкую и англійскую словесность, хорошо былъ знакомъ съ латинскою, и, кажется, не зналъ греческой поэзіи. По той или другой причинѣ, или по обѣимъ вмѣстѣ, но въ Батюшковѣ есть что-то неполное, недоконченное; идеи его не глубоки, содержаніе его поэзіи вообще бѣдно; самый языкъ обилуетъ усѣченіями и вольностями, а художественность часто борется съ реторикою. Батюшкову дѣйствительно не доставало геніальности, чтобъ освободиться изъ-подъ вліянія своей эпохи. Несчастная болѣзнь парализировала его талантъ и дѣятельность именно передъ тѣмъ временемъ, когда на небосклонѣ русской поэзіи взошло ся великое свѣтило, которое не могло бы не имѣть и на него сильнаго и благодѣтельнаго вліянія... Мы говоримъ о Пушкинѣ, поэзія котораго была повершеніемъ всѣхъ усилій, достиженіемъ всѣхъ стремленій, плодомъ и результатомъ всего искусственнаго развитія русской поэзіи. Да, Пушкинъ—*первый*, даже и по времени, поэтъ русскій: ибо все, что въ предшествовавшихъ ему поэтахъ было или отдѣльными силами, или односторонними элементами, или только усиліемъ, или стремленіемъ,—въ немъ явилось какъ разрѣшенная загадка, какъ уже обрѣтенное слово, какъ исполненіе, какъ единство, полнота и цѣлость разнообразнаго и многосторонняго. Въ Державинѣ часто проблескиваетъ русская натура, русская душа: Пушкинъ вездѣ и во всемъ національно-русскій поэтъ. Пареніе, возвышенность, сила, — все, что у Державина вспыхиваетъ по-временамъ, часто заливаемое тотчасъ же прѣсною водою реторики, у Пушкина горятъ свѣтлымъ, чистымъ и ровнымъ пламенемъ безъ треска, дыма и чада. Грусть составляетъ одинъ изъ основныхъ звуковъ въ аккордѣ поэзіи Пушкина, и потому она придаетъ ей задушевность, сердечность, мягкость, *влажность* (если можно такъ выразиться, говоря о противоположномъ *сухости* качествѣ), а не преобладаетъ надъ нею: это грусть души великой, знающей свою силу; въ ней нѣтъ ничего общаго съ уныніемъ—болѣзнію слабыхъ душъ. Кромѣ того, въ грусти Пушкина такъ много русскаго, того самаго, что такъ сильно овладѣваетъ душою въ протяжной и разгульной русской пѣсни. И такъ-какъ эта грусть составляетъ только одинъ звукъ въ аккордѣ поэзіи Пушкина, а не цѣлый аккордъ, — то поэзія Пушкина и чужда всякой монотонности, всякой односторонности. Фантастическое иногда является и въ поэзіи Пушкина, но оно у него естественно, такъ какъ бываетъ въ

самой дѣйствительности: вспомните *сонъ Татьяны*, балладу «Женихъ». Что же касается до фантазма, его нѣтъ и признаковъ въ поэзіи Пушкина: душа Пушкина была такъ крѣпка и здорова, что не могла подчиниться этому болѣзненному направленію. А между-тѣмъ, хотя и трудно показать слѣды вліянія Жуковскаго на Пушкина (ибо почва и сфера поэзіи послѣдняго слишкомъ-дѣйствительны и чужды всего отвлеченнаго, туманнаго и неопредѣленнаго); однакожь нельзя отрицать, чтобъ Жуковскій не имѣлъ вліянія на Пушкина, когда тотъ самъ называетъ его «наставникомъ, пѣстуномъ и хранителемъ своей вѣтреной музы». Не менѣе, если еще не болѣе, любилъ Пушкинъ сладостные стихи Батюшкова: вліяніе этой любви ярко замѣтно на первыхъ произведеніяхъ Пушкина. И не могло быть иначе: Пушкинъ былъ по-преимуществу артистическая натура; слѣдовательно, Батюшковъ былъ ему родственнѣе всѣхъ другихъ русскихъ поэтовъ. Но, что̀ такое стихъ Батюшкова, пластика и виртуозность его поэзіи, передъ стихомъ, пластикою и виртуозностію поэзіи Пушкина! Какъ поэзія Батюшкова, поэзія Пушкина вся основана на дѣйствительности; но какая же безконечная разница въ объемѣ, глубокости и значеніи той и другой поэзіи! Ужь нечего и говорить о томъ, что поэзія Батюшкова чужда національности, тогда какъ поэзія Пушкина по преимуществу русская. Все, что̀ прежніе поэты имѣли каждый порознь, все это Пушкинъ имѣлъ одинъ, имѣя еще много и своего, чего ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ; всѣмъ, что̀ обладало прежними поэтами, — всѣмъ этимъ спокойно владѣлъ Пушкинъ. Вотъ почему мы отъ него ведемъ русскую поэзію и называемъ его первымъ русскимъ поэтомъ. Это совсѣмъ не значитъ, чтобъ до него не было поэтовъ, и притомъ еще достойныхъ вниманія, уваженія, любви, извѣстности и славы; но значитъ только, что въ нихъ выражались постепенныя условія русской поэзіи, начиная отъ Кантемира и Ломоносова—изъ искусственной и подражательной сдѣлаться естественною и самобытною, стремленіе изъ книжной сдѣлаться живою, общественною, сблизиться съ жизнью и обществомъ; а въ Пушкинѣ выразились торжество и побѣда этихъ усилій и стремленій. Пушкинъ—художникъ въ полномъ значеніи этого слова; это его преобладающее значеніе, его высочайшее достоинство и, можетъ-быть, его недостатокъ, въ-слѣдствіе котораго онъ чѣмъ болѣе становился художникомъ, тѣмъ болѣе отклонялся отъ современной жизни и ея интересовъ, и принималъ аскетическое направленіе, наконецъ охолодившее къ нему общество, которое дотолѣ безусловно обожало его. Кажется, въ этой натурѣ не было капли прозаической крови, но все былъ чистый огонь поэзіи. Къ чему ни прикасался онъ—всему давалъ поэтическіе о́бразы, полные жизни и очарованія, всему, даже самымъ уже по существу своему прозаическимъ предметамъ. Его стихъ—это скульптура, живопись и музыка вмѣстѣ. Къ нему безусловно можно приложить его же собственные стихи объ Овидіи:

Имѣлъ онъ пѣсень дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный...

Никто такъ не былъ связанъ исторически съ преданіями русской литературы, какъ Пушкинъ. Онъ изучилъ старинныхъ писателей, которыхъ теперь никто не читаетъ; онъ бралъ эпиграфы изъ Хераскова и Княжнина. Изъ лицейскихъ его стихотвореній (за напечатаніе которыхъ нельзя довольно возблагодарить издателей трехъ послѣднихъ томовъ его сочиненій) видно, что онъ былъ ученикъ не только Державина, Дмитріева, Жуковскаго и Батюшкова, но и дяди своего В. Пушкина,—и первые дѣтскіе опыты его являютъ въ немъ стихотворца первыхъ годовъ текущаго столѣтія, хотя онъ родился только въ послѣдній годъ прошлаго. Особенно-любопытны и поучительны тѣ изъ его лицейскихъ

пьесъ, которыя онъ потомъ передѣлалъ: какое искусство иногда однимъ словомъ, однимъ эпитетомъ передѣлать стихъ такъ, что его не узнаешь! Какой тонкій художественный тактъ въ знаніи того, что можно оставить безъ перемѣны, что надо переправить, и изъ чего нельзя ничего сдѣлать! Удивительно ли, что этотъ человѣкъ какъ-будто перестроилъ вновь и языкъ и версификацію, съ такимъ успѣхомъ уже перестроенные Карамзинымъ и Дмитріевымъ, Жуковскимъ и Батюшковымъ! Стихъ Пушкина—это вѣковѣчный образецъ, неумирающій типъ русскаго стиха: не было и не будетъ лучшаго. Искусство какъ искусство, поэзія какъ поэзія на Руси—это дѣло Пушкина. Безъ него не было бы у насъ поэзіи; и это потому, что онъ былъ слишкомъ поэтъ, слишкомъ художникъ, можетъ-быть, въ ущербъ своей великости въ другихъ значеніяхъ. И вотъ почему — повторяемъ — отъ него ведемъ мы русскую поэзію и называемъ его первымъ, даже по времени, русскимъ поэтомъ...

Такъ думаемъ мы о развитіи русской поэзіи и русской литературы: ея исторія, по нашему мнѣнію, есть исторія ея усилій отъ искусственности и подражательности перейдти къ естественности и самобытности, изъ книжной сдѣлаться живою и общественною. Это продолжается и теперь, но уже въ другой сферѣ—въ сферѣ «возведенія въ перлъ созданія прозы жизни». И скоро наступитъ время, когда совсѣмъ рѣшится эта задача и кончится эта работа. Уже и теперь замѣтно новое требованіе отъ искусства — требованіе разумнаго содержанія, которое соотвѣтствовало бы историческому духу современности. И уже явился-было на Руси новый великій поэтъ, въ первыхъ, еще юныхъ и незрѣлыхъ произведеніяхъ котораго проглядывали полнота и богатство глубокаго содержанія, при художественности формъ, достойной преемника Пушкина; но преждевременная смерть внезапно рушила надежды, которымъ не было конца и мѣры...

> Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ:
> Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!

Таковъ, въ-особенности, прибавимъ мы, удѣлъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ талантовъ...

Повторяемъ: такъ думаемъ мы о развитіи русской поэзіи и литературы, и такъ многіе могутъ теперь думать объ этомъ предметѣ. Въ этомъ случаѣ, мы дали нашимъ читателямъ фактъ объ одной сторонѣ современной русской критики. Дай Богъ, чтобъ это была сторона *свѣтлая*! Что же до *темной*,—ея грустною картиною мы заключимъ нашу статью... Теперь же перескажемъ, какъ думали современники о фазисахъ русской литературы, которые мы слегка означили. Это будетъ исторіею русской критики.

Исторія русской критики та же, что и исторія русской поэзіи и литературы: постепенное стремленіе изъ эха господствующихъ въ Европѣ мнѣній перейдти въ самобытный взглядъ на искусство. Посему, русская критика такъ же носитъ въ себѣ элементы всевозможныхъ чужихъ національностей, какъ и русская поэзія. Прежде, а отчасти и теперь, это, съ одной стороны, можно ставить ей въ недостатокъ; но со временемъ, изъ этого недостатка выйдутъ великія слѣдствія. Мы уже и теперь не можемъ удовлетворяться ни одною изъ европейскихъ критикъ, замѣчая въ каждой изъ нихъ какую-то односторонность и исключительность. И мы уже имѣемъ нѣкоторое право думать, что въ нашей сольются и примирятся всѣ эти односторонности въ многостороннее, органическое (а не пошлое *эклектическое*) единство. Можетъ-быть, и назначеніе нашего отечества, нашей великой Руси состоитъ въ томъ, чтобъ слить въ себѣ всѣ элементы всемірно-историческаго развитія, досель исключительно являвшагося только въ Западной Европѣ. На этомъ условіи, на обѣщаніи этой великой будущности,

наша скромная роль учениковъ, подражателей и перенимателей не должна казаться ни слишкомъ-смиренною, ни слишкомъ-незавидною... На томъ же основаніи, не будемъ отчаяваться и за нашу критику, видя, что она часто бросается изъ крайности въ крайность и является то чопорнымъ аббатомъ XVIII вѣка, то нѣмецкимъ буршемъ, съ длинными растрепанными волосами на плечахъ, съ трубкою во рту и дубиною въ рукѣ, то неистовою вакханкою юной французской литературы, съ восторженною рѣчью, блуждающими взорами, бѣшеными движеніями; не будемъ отчаяваться, видя ее въ разноцвѣтной мантіи, сшитой изъ разныхъ лоскутковъ... Лучше порадуемся, что въ ней есть жизнь и движеніе, что она кипитъ и пѣнится... Дайте время, она отстоится... Пока не установилось еще искусство, критика не можетъ быть готова: нашей въ особенности много еще нужно фактовъ, много опытности, чтобъ возмужать, окрѣпнуть и получить собственную, оригинальную физіономію...

Сначала, у насъ самовластно царила критика французская. Украшенное подражаніе природѣ: вотъ начало, прежде всего усвоенное отъ Французовъ XVIII вѣка нашею критикою; отъ себя прибавила она къ нему своего собственнаго — искаженный языкъ, тяжелый и шероховатый стихъ и «піитическія вольности». Все это дѣлалось во имя господина-Буало, который весьма бы удивился, еслибъ могъ узнать, какъ у насъ проказили во имя его. Впрочемъ, и у насъ были люди болѣе или менѣе понявшіе глубоко французскую теорію искусства, какова бы она ни была. Изъ нихъ всѣхъ примѣчательнѣе Мерзляковъ; но о немъ мы еще будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а теперь начнемъ съ начала.

Первый свѣтскій поэтъ на Руси былъ Кантемиръ — сатирикъ. Какъ литература искусственная и подражательная, русская литература не могла начаться съ другаго какого - либо рода поэзіи, кромѣ сатиры. Причина этого, сверхъ того, заключалась и въ историческомъ положеніи русскаго общества. Борьба внѣшняго, формально-понимаемаго европеизма съ роднымъ, вѣками взлелѣяннымъ азіатскимъ варварствомъ, не могла не вызвать сатиры. Въ-слѣдствіе этого, сатирическое направленіе Кантемира не было ни случайно, ни вредно, но было необходимо и чрезвычайно-полезно. Отъ-того оно и укоренилось въ нашей литературѣ. Отсюда же можно объяснить, почему Сумароковъ въ массѣ общества имѣлъ гораздо-бо́льшій успѣхъ, чѣмъ Ломоносовъ — человѣкъ неизмѣримо высшій Сумарокова. Направленіе перваго было болѣе-ученое и книжное, а втораго болѣе-жизненное и общественное. Сумароковъ, желая быть «россійскимъ господиномъ-Вольтеромъ», писалъ во всѣхъ родахъ; онъ же былъ и первымъ русскимъ критикомъ, ибо первый, такъ или сякъ, выражалъ печатно свои понятія объ искусствѣ и литературѣ. Это онъ сдѣлалъ въ предисловіи къ своему «Димитрію Самозванцу», и въ отдѣльныхъ журнальныхъ статьяхъ, ибо Сумароковъ былъ и журналистомъ — издавалъ «Трудолюбивую Пчелу»... О чемъ не писало, т. е. о чемъ не высказывало своего мнѣнія живое, раздражительное, безпокойное самолюбіе этого человѣка! Перелистывать, отъ нечего дѣлать, его прозаическія статьи — истинное наслажденіе: столько въ нихъ добродушнаго, наивнаго, вѣющаго духомъ того давно прошедшаго для насъ времени, давно - умершаго общества! Прозаическія статьи Сумарокова столь же интересны и забавны, сколько скучны и тяжелы его вздорныя трагедіи. Самую интересную сторону литературной дѣятельности Сумарокова составляетъ ея полемическое направленіе, источникомъ котораго былъ его раздражительно - самолюбивый характеръ, все относившій къ себѣ и все выводившій изъ себя. Это самое и заставляло его хвататься за все. Онъ рѣшительно почиталъ себя *россійскимъ господиномъ-Вольтеромъ*, и кромѣ себя и *господина-Вольтера* никого

не хотѣлъ знать, ничьего не признавалъ авторитета. Онъ писалъ къ нему о разныхъ литературныхъ предметахъ, и получая лестные отвѣты со стороны фернейскаго оракула XVIII вѣка, еще болѣе увѣрялся въ своемъ геніи и своей всеобъемлемости.

Здѣсь мы не считаемъ лишнимъ сдѣлать перечень всему, что написалъ Сумароковъ: *переложеній псалмовъ* — 158; *одъ духовнаго содержанія* — 33; *торжественныхъ одъ* — 33; *разныхъ одъ* — 36; *вздорныхъ* одъ (пародія на Ломоносова) — 5; *трагедій* — 9 («Хоревъ», «Гамлетъ», «Синавъ и Труворъ», «Артистона», «Семира», «Ярополкъ и Димиза», «Вышеславъ», «Дмитрій Самозванецъ», «Мстиславъ»); одну *драму* («Пустынникъ»); двѣ *оперы* («Альцеста», «Цефалъ и Прокрисъ»); одинъ *прологъ* («Новыя Лавры»); одинъ *балетъ* («Прибѣжище Добродѣтели»); *комедій* — 12 («Опекунъ», «Лихоимецъ», «Три брата совмѣстники», «Ядовитый», «Нарцисъ», «Приданое обманомъ», «Чудовищи», «Тресотиніусъ», «Пустая Ссора», «Рогоносецъ по воображенію», «Мать Совмѣстница Дочери», «Вздорщица»); *притчей* — 378; *сатиръ* — 10; *эпистолъ* — 7; *эклогъ* — 65; *идиллій* — 7; *пѣсенъ и хоровъ* — 126; *элегій* — 27; *стансовъ* — 4; *сонетовъ* — 9; *эпиграммъ, эпитафій, мадригаловъ, загадокъ, надписей и разныхъ мелкихъ стихотвореній* — 216. Это по части стихотворства! А вотъ и по части прозы: «Слово похвальное о государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ». «На день коронованія ея величества императрицы Екатерины II», «Е. И. В., государю великому князю Павлу Петровичу»; «Е. И. В. государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, императрицѣ и самодержицѣ всероссійской», «На открытіе императорской Санктпетербургской Академіи Художествъ», «На заложеніе Кремлевскаго Дворца», «О любви къ ближнему», «На день восшествія на престолъ Е. В., государыни императрицы Екатерины II»; «Мнѣніе во сновидѣніи о Французскихъ трагедіяхъ»; «Краткая московская лѣтопись», «Первый и главный стрѣлецкій бунтъ», «Краткая Исторія Петра Великаго», «Нѣкоторыя статьи о добродѣтели», «Основаніе любомудрія», «О россійскомъ духовномъ краснорѣчіи», «О первоначаліи и созиданіи Москвы», «Истолкованіе личныхъ мѣстоименій, *я, ты, онъ, мы, вы, они*», «О несогласіи», «О разности между пылкимъ и острымъ разумомъ», «О неестественности»; «Россійскій Виѳлеемъ», «О разумѣніи человѣческомъ по мнѣнію Локка», «О типографскихъ наборщикахъ», «О несправедливыхъ основаніяхъ», «Разговоры мертвыхъ»; *письма*: «О красотѣ природы», «О большихъ бесѣдахъ», «О гордости», «О скорости и медленности», «О честолюбствѣ», «Четыре отвѣта», «Объ остроумномъ словѣ», «О чтеніи романовъ», «О нѣкоторой заразительной болѣзни», «О думномъ дьякѣ», «Сонъ счастливое общество», «О копистахъ», «Письмо»; «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ между Александромъ и Геростратомъ», «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ: Кортецъ и Монтецума: Благость и милосердіе потребны героямъ», «О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка», «О стихотворствѣ Камчадаловъ», «О коренныхъ словахъ русскаго языка», «Части 3. изъ 1 рѣчи Смотрителя» (вѣрно, переводъ изъ какого-нибудь англійскаго зрителя Spectator!), «Пришествіе на нашу землю и пребываніе на ней Микромегаза; изъ сочиненій г. Вольтера», «Письмо къ артиллеріи г. подполковнику Петру Богдановичу Тютчеву», «Къ подъячему, писцу или писарю, то-есть къ такому человѣку, который пишетъ, не зная того, что онъ пишетъ», «Къ несмысленнымъ риѳмотворцамъ», «Сонъ», «Сонъ», «Сонъ», «Блохи», «Переводъ письма г. Сумарокова, писаннаго имъ же на нѣмецкомъ языкѣ къ пріятелю», «Переводъ эпистолы россійскимъ ратникамъ, писанной на французскомъ языкѣ г. Сентикола», «О казни», «Господину Цесену; вотъ нашъ бывшій разговоръ», «Изъ Вол-

ирія глава 10», «Противурѣчіе г. Примѣчаеву», «О всегдашней ревности въ продажѣ товаровъ», «Разговоръ между ученымъ и старою женщиною», «Разговоръ Ирсиккусъ и Касандръ», «Предложеніе разумнымъ Россіанамъ о принятіи новаго исчисленія времени», «О путешествіяхъ», «О модѣ», «О правописаніи», «Примѣчаніе о правописаніи», «Наставленіе ученикамъ», «О стопосложеніи», «Критика на оду», «Разсмотрѣніе одъ г. Ломоносова», «Отвѣтъ на критику», «О происхожденіи россійскаго народа», «Испенія и Исмена», «О новой философической сонтѣ», «Къ добру или худу человѣкъ рождается», «О безбожіи и безчеловѣчіи», «О словѣ мораль», «О почтеніи автора къ приказному роду», «О происхожденіи слова царь», «О суевѣріи и лицемѣріи», «О пребываніи въ Москвѣ Монбрана», «Странное обыкновеніе», «О критикѣ», «О домостроительствѣ», «Переводъ съ французскаго языка изъ чужестраннаго журнала мѣсяца апрѣля 1755 года, стран. 114 и слѣдующія, напечатаннаго въ Парижѣ: Синавъ и Труворъ россійская трагедія, сочиненная стихами г. Сумароковымъ», «Наставленіе младенцамъ: мораль, исторія и географія» (итого 88 статей).

Мы не безъ намѣренія привели здѣсь этотъ полный перечень сочиненій Сумарокова. Такая дѣятельность изумительна въ человѣкѣ того времени! Годы и здравый смыслъ давно уже произнесли свой судъ надъ поэтическими произведеніями Сумарокова: ихъ теперь невозможно читать, не смотря на то, что современники ими восхищались. Однакожь никакъ нельзя презирать и судомъ современниковъ, обязанныхъ сочиненіямъ Сумарокова своею грамотностію и—что особенно важно—своею наклонностію къ благородному наслажденію чтеніемъ и театромъ. Слѣдовательно, поэтическія сочиненія Сумарокова, и не будучи читаемы, должны остаться навсегда фактомъ исторіи русской литературы и образованія русскаго общества. Что же касается до собственно-литературныхъ статей Сумарокова, онѣ чрезвычайно-интересны и для нашего времени, какъ живой отголосокъ давно-прошедшей для насъ эпохи, одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ русскаго общества. Сумароковъ обо всемъ судилъ, обо всемъ высказывалъ свое мнѣніе, которое было мнѣніемъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей того времени. Плохой поэтъ, не порядочный по своему времени стихотворецъ, характеръ мелкій, завистливый, хвастливый, задорный и раздражительный,—Сумароковъ все-таки былъ человѣкъ умный и притомъ высоко-образованный въ духѣ того времени. И потому въ его прозаическихъ статьяхъ много фактовъ о состояніи общества и духѣ его эпохи. Въ нихъ онъ является критикомъ въ многостороннемъ значеніи этого слова, какъ судія не только искусства и литературы, но и мнѣній и нравовъ современнаго ему общества. Посему, говоря о русской критикѣ, мы никакъ не могли обойдти перваго (по времени) ея представителя—Сумарокова. Мы должны взглянуть, хотя мимоходомъ, на тѣ изъ его сочиненій, гдѣ онъ является критикомъ и полемическимъ мыслителемъ. И мы увѣрены, что послѣ нашихъ указаній, многіе захотятъ покороче познакомиться съ прозаическими сочиненіями Сумарокова и пожалѣютъ, что они изданы Новиковымъ безъ толку, безъ плана, съ страшными опечатками и искаженіями смысла, безъ примѣчаній, и что теперь некому издать всѣхъ сочиненій Сумарокова какъ слѣдуетъ, и главное —съ необходимыми поясненіями и примѣчаніями. Вообще, надо замѣтить, что компактныя дешевыя изданія старинныхъ русскихъ писателей, игравшихъ въ глазахъ своихъ современниковъ болѣе или менѣе важную роль, были бы очень полезны для литераторовъ, которымъ необходимо знать основательно исторію отечественной литературы и роднаго языка. Въ царствованіе Екатерины было много пишущаго народа и однако немногіе пользовались огром-

мою известностію: знакъ, что въ нихъ было нѣчто соотвѣтствовавшее ихъ эпохѣ и удовлетворявшее ея требованіямъ. Пусть вкусъ эпохи бываетъ иногда ложенъ, но эпоха всегда важнѣе человѣка, и самыя заблужденія ея всегда представляютъ любопытный и поучительный фактъ для мыслителя. Смѣшно и жалко видѣть безплодныя усилія старичковъ прошлаго вѣка возстановить славу корифеевъ ихъ юности на-счетъ славы новыхъ талантовъ; смѣшно и жалко видѣть, какъ они силятся соблазнить новое поколѣніе умершею поэзіею прошедшаго; но въ то же время, можно уважать имена тружениковъ, которые своими сочиненіями, каковы бы они ни были, размножали въ обществѣ число грамотныхъ людей, возбуждали въ немъ любовь къ благороднымъ наслажденіямъ, и способствовали къ произведенію того, что̀ называется «публикою» и безъ чего не возможна никакая литература. Такимъ образомъ, желательно было бы видѣть изданіе въ одинаковомъ форматѣ, компактное и дешевое, не только Ломоносова (старинныя и неопрятныя, притомъ и не совсѣмъ-полныя изданія котораго составляютъ теперь библіографическую рѣдкость), или Державина (Смирдинское изданіе котораго такъ неудачно и такъ безполезно, ибо въ немъ пьесы расположены по родамъ, а не по времени ихъ явленія), или Фонвизина (который изданъ г. Салаевымъ довольно толковито, но безъ переводовъ этого писателя), или Озерова (котораго всѣ изданія уже устарѣли); но и Кантемира, и Тредьяковскаго, Поповскаго, Сумарокова, Хераскова, Муравьева, Петрова, Богдановича, Княжнина, Кострова, Плавильщикова, Ильина, Иванова, Макарова и другихъ; еще желательнѣе, чтобъ все это было издано съ примѣчаніями и поясненіями, какъ издаютъ своихъ старинныхъ писателей Французы.

Мы обратимъ вниманіе только на тѣ статьи Сумарокова, въ которыхъ видны понятія того времени объ искусствѣ, или которыя, при полемическомъ тонѣ, характеризуютъ общество его времени.

Первое мѣсто между такими статьями Сумарокова должно занимать его предисловіе къ «Димитрію Самозванцу». Тонъ этого предисловія самый полемическій и устремленъ противъ такъ-называвшейся у насъ встарину «слезной комедіи», что̀ называлась въ Европѣ мелодрамою. Извѣстно, что мелодрамы были въ страшномъ гоненіи въ XVIII вѣкѣ, и тогдашніе судьи и теоретики искусства столько же не терпѣли ихъ, сколько любила ихъ та часть публики, которая цѣнила литературныя произведенія по мѣрѣ доставляемаго ими наслажденія, а не по піитикѣ Буало. Сумароковъ, въ свою очередь, не могъ не ненавидѣть ихъ, и одна изъ нихъ «Евгенія», переведенная какимъ-то московскимъ чиновникомъ, имѣла значительный успѣхъ на сценѣ, что̀ еще болѣе возстановило противъ нея ревниваго ко всякому чужому успѣху Сумарокова. Въ его филиппикѣ противъ этой драмы высказывается и понятіе объ искусствѣ знатоковъ того времени, и нравы общества, и характеръ самого Сумарокова. Выписываемъ ее вполнѣ, тѣмъ болѣе, что она не велика:

Слово публика, какъ нѣгдѣ и г. Вольтеръ изъясняется, не знаменуетъ цѣлаго общества, но часть малую онаго: то есть людей знающихъ и вкусъ имущихъ. Естьли бы я писалъ о вкусѣ диссертацію, я бы сказалъ то, что такое вкусъ, и изъяснилъ бы оное; но здѣсь дѣло не о томъ. Въ Парижѣ, какъ извѣстно, невѣжды не малы, какъ и вездѣ; ибо вселенная по большей части ими наполнена. Слово чернь принадлежитъ низкому народу, а не слово: подлой народъ; ибо подлой народъ суть каторжники и протчія презрѣнныя твари, а не ремесленники и землѣдѣльцы. У насъ сіе имя всѣмъ тѣмъ дается, которые не дворяне. Дворянинъ! великая важность! Разумный священникъ и проповѣдникъ величества божіяго, или кратко богословъ, естествословъ, астрономъ, риторъ, живописецъ, скульпторъ, архитекторъ и протч: по сему слѣпому положенію члены черни. О несносная дворянская гордость, достой-

ли презрѣнія и поруганія? Истинная чернь суть невѣжды, хотя бы они и великія чины имѣли, богатство крезово, и вѣдали бы свой родъ отъ Зевса и Юноны, которыхъ никогда не бывало; отъ сына Филиппова побѣдителя или паче разорителя вселенной, отъ Іюлія Цесаря утвердившаго славу римскую, или паче разрушившаго оную. Слово публика и тамо, гдѣ гораздо много ученыхъ людей, не значитъ ничего. Людовикъ XIV далъ Парнасу златой вѣкъ во своемъ отечествѣ; но по смерти его вкусъ мало по малу сталъ исчезать. Не изчезъ еще; ибо видимъ мы онаго остатки въ г. Вольтерѣ и во другихъ французскихъ писателяхъ. Трагедіи и комедіи во Франціи пишутъ; но не видно еще ни Вольтера, ни Моліера. Ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій: ввелся тамъ; но тамъ не исторгнутся сѣмена вкуса Расинова и Моліерова: а у насъ по театру почти еще и начала нѣтъ; такъ такой скаредный вкусъ, а особливо вѣку величія Екатерины не принадлежитъ. А дабы не впустить онаго, писалъ я о таковыхъ драмахъ къ г. Вольтеру: но оны, въ сіе краткое время вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ: нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе, какъ скаредно ни переведена Евгенія, и какъ нагло актриса подъ именемъ Евгеніи бакханту ни изображала: а сіе рукоплесканіе переводчикъ оныя драмы, какой-то подъячій, до небесъ возноситъ, соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судіею Парнаса и утвердителемъ вкуса московской публики!.... Конечно скоро преставленіе свѣта будетъ. Но неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ: и неужели вкусъ жителей московскихъ сходнѣе со вкусомъ сего подъячева! Подъячему соплетать похвалы вкуса княжичей и господичей московскихъ, толь малоковстно; коль не пристойно лакѣю, хотя и придворному, мои пѣсни, безъ моей воли, портить, печатать и продавать, или противъ воли еще пребывающаго въ живых автора портить его драмы, и за порчу собирать себѣ деньги, или съѣзжавшимся видѣть Семиру, сидѣть возлѣ самаго оркестра: и грызть орѣхи, и думати, что когда за входъ деньги заплачены въ позорище; можно въ партерѣ въ кулачки биться, а въ ложахъ разсказывать исторію своей сосѣдки громогласно, и грызть орѣхи; можно и дома грызть орѣхи: а публиковать газетно весьма малонужнымъ, можно и изъ театра; ибо таковыя газетчики къ тому довольно времени имѣютъ. Многіе въ Москвѣ зрители и зрительницы не для того на позорище ѣздятъ, дабы имъ слушать ненужныя имъ газеты: а грызеніе орѣховъ не приноситъ имъ удовольствія, ни зрителямъ разумнымъ, ни актерамъ, ни трудившемуся въ удовольствіе публики автору: его служба награжденія, а не наказанія достойна. Вы путешествователи, бывшіе въ Парижѣ и Лондонѣ, скажите! грызутъ ли тамъ во время представленія драмы орѣхи; и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, сѣкутъ ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ, ко тревогѣ всего партера, ложъ и театра. Но какъ то ни есть: я жалѣю, что не имѣю копію съ посланнаго къ г. Вольтеру письма, бывъ тогда въ крайней разстройкѣ, и крайне боленъ, когда князь Козловскій, отъѣзжавшій къ г. Вольтеру, по письмо ко мнѣ заѣхалъ: я отдалъ мой подлинникъ, ниже ево на бѣло переписавъ; однако отвѣтное письмо сего отличнаго автора и слѣдственно отличнаго и знатока, нѣсколько моихъ вопросовъ заключаетъ: а особливо что до скаредной слезной комедіи касается. А ежели ни г. Вольтеру, ни мнѣ кто въ этомъ повѣрить не хочетъ; такъ я похвалю и такой вкусъ, когда щи съ сахаромъ кушать будутъ, чай пити съ солью, кофе съ чеснокомъ: и съ молебномъ совокупятъ панафиду. Между Таліи и Мельпомены различіе таково, каково между дня и ночи, между жара и стужи, и какая между разумными зрителями драмы и безумными. Не по количеству голосовъ, но по качеству утверждается достоинство вещи: а качество имѣетъ основаніе на истинѣ.

Достойной похвалы невѣжи не умалятъ!
А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ.

За тѣмъ слѣдуетъ письмо Вольтера въ подлинникѣ. Вотъ слова Вольтера касательно мелодрамы: «Со времянъ «Ренара, который былъ рожденъ съ «истинно-комическимъ геніемъ и одинъ «нѣсколько приближался къ Мольеру, у «насъ были только одни чудища. Ав«торы, неспособные написать даже хо«рошенькой шутки, хотѣли писать ко«медіи, чтобъ только пріобрѣтать денежки. Не имѣя достаточной силы ума, «чтобъ сочинять трагедіи, ни довольно «веселости, чтобъ писать комедіи, —

«они не умѣли добиться извѣстности «иначе между линеями. Тогда они на- «чали выставлять трагическія происше- «ствія подъ мѣщанскими именами. Го- «ворятъ, будто въ этихъ пьесахъ есть «интересъ и будто они возбуждаютъ «вниманіе зрителя, если хорошо игра- «ются; можетъ быть; впрочемъ, я ни- «когда не могъ ихъ читать; но утвер- «ждаютъ, будто актёры производятъ «нѣкоторую иллюзію. Это незаконно- «рожденныя пьесы — ни трагедіи, ни «комедіи; когда нѣтъ лошадей, то счи- «таешь себя счастливымъ, если мо- «жешь ѣхать на мулахъ».

Похваставшись письмомъ Вольтера, Сумароковъ оканчиваетъ свое преди- словіе слѣдующимъ разсмотрѣніемъ содержанія «Евгеніи»:

«Содержаніе сей слезной комедіи есть слѣдующее. Молодой, худо воспитанный и нечистосердечный графъ внѣ Лондона распалился красотою дочери нѣкоего небогатаго дворянина, и велѣлъ своему слугѣ себя съ нею обвѣнчать: она обрюхатѣла, а онъ возвратился въ Лондонъ и помолвивъ жениться на какой-то знатной дѣвицѣ, собирается на это сочетаніе; первая его супруга пріѣхала въ его домъ: свѣдала, что сожитель ея съ другою бракомъ сочетавается: бѣгаетъ растрепавъ волосы: она плачетъ, отецъ сердится: въ домѣ иной плачетъ, иной хохочетъ: наконецъ сожитель ея сей повѣса и обманщикъ достойный висѣлицы за поруганіе религіи и дворянской дочери, которую онъ плутовски обманулъ, обманываетъ другую невѣсту, знатную дѣвицу: входитъ изъ бездѣльства въ бездѣльство: отказываетъ невѣстѣ, и вдругъ перемѣнивъ свою систему опять женится вторично на первой своей женѣ; но кто за такова гнуснаго человѣка поручится, что онъ на завтрѣ еще на комъ-нибудь не женится, ежели правительство и духовенство его не истребятъ. Сей мерзкой повѣса не слабости и заблужденію подверженъ, но безсовѣстности и злодѣянію».

Изъ самого этого изложенія видно, что пьеса «Евгенія» самая моральная: повѣса раскаивается и бракомъ заглаживаетъ свой проступокъ; но нашъ критикъ никакъ не хочетъ простить ему рукоплесканій московской публи- ки, и упорствуетъ видѣть въ немъ злодѣя. Онъ даже ругнулъ порядкомъ и актрису, за то, что она единожды хорошо играла роль Евгеніи. Такіе критики не рѣдкость и въ наше время...

Выраженія: «Неужели Москва боль- «ше повѣритъ подъячему, нежели г. «*Вольтеру* и *мнѣ*» и «А ежели ни г. «*Вольтеру*, ни *мнѣ* кто въ этомъ по- «вѣрить не захочетъ» и пр., показываютъ достаточно, *какъ* думалъ Сумароковъ о самомъ-себѣ. Въ выходкахъ его самолюбія есть какая-то наивность и достолюбезность: это не столько наглое самохвальство, сколько теплая вѣра въ свою великость. Въ этомъ отношеніи, особенно забавна его статья «Отвѣтъ на критику», которая начинается такъ: «Не надлежало бы мнѣ «отвѣтствовать на сочиненную про- «тивъ меня г. Т. критику; ибо я въ ней «кромѣ брани ничего не нашелъ; од- «нако надо его потѣшить и что-нибудь «на то написать, чтобъ онъ не поду- «малъ, что я его такъ много уничто- «жаю, что ужь и отвѣчать не хочу». Вотъ нѣсколько возраженій Сумарокова на эту критику, хорошо характеризующихъ вообще критику того времени:

«Не дивлюсь говоритъ онъ (авторъ критики), что поступка нашего автора, безмѣрно сходствуетъ съ цвѣтомъ его волосовъ, съ движеніемъ очей, съ обращеніемъ языка и съ біеніемъ сердца». О какомъ онъ говоритъ біеніи сердца, того я не понимаю, въ протчемъ сія новомодная критика очень преславна!

«Не думаетъ ли онъ, — говоритъ онъ обо мнѣ, чего онъ самъ стоитъ, и что [illegible] тотъ, противъ котораго онъ пишетъ [illegible] спустилъ своевольную въ [illegible] музу?» — Думаю.

Приводя въ примѣръ строфу изъ нѣкоторой оды г. Л. не узналъ онъ, что авторъ недремлющими называетъ [illegible] та то и совершенно изъяснено, что авторъ недремлющими очами называетъ [illegible], а онъ подумалъ, что то сказано о [illegible]. А строфа сія очень ясна.

Привязался онъ къ типографскимъ погрѣшностямъ, какъ будто я ихъ дѣлалъ. Надлежало написать [illegible], все, а [illegible]

кою напечатано *умножъ сей*, и вмѣсто *удобно* напечатано *удробно*: какъ же подумать, чтобы первую ошибку кто-нибудь сдѣлать могъ, кто хотя немного о стихотворенiи слыхалъ, а другую, кто хотя несколько по Русски умѣетъ.

«И хотя оды свойство, говоритъ онъ, по мнѣнiю авторову, что она

Взлетаетъ къ небесамъ, свергается во адъ,
И мчася въ быстротѣ во всѣ края вселенны,
Врата и путь вездѣ имѣетъ отворенны.

Вторая изъ двухъ моихъ епистолъ. Однако ее сiе не значитъ, чтобъ ей совиться во всѣ стороны, какъ угорѣлой кошкѣ». Я какъ угорѣлая кошка не суюсь, а подлому изъясненiю, *какъ угорѣлой кошкѣ*, кромѣ его сочиненiй ни въ какой критикѣ мѣста не нахожу.

Говоритъ онъ о мнѣ моими стихами:

Нѣтъ тайны никакой безумственно писать,
Искусство, чтобъ свой слогъ неправно предлагать,
Чтобъ мнѣнiе творца воображалось ясно,
И рѣчи бы текли свободно и согласно.

Изъ второй изъ двухъ моихъ епистолъ. Я не знаю, къ кому сiи стихи, ко мнѣ или къ нему, больше приличествуютъ. Пѣсенка:

Поютъ птички
Со синички,
Хвостомъ машутъ и лисички.

—

Плюнь на суку
Морску скуку,
Держись черней и знай штуку.

Кажется мнѣ не лутче моихъ сочиненiй.

Изъ послѣдняго возраженiя ясно видно, что г. Т., написавшiй на Сумарокова такую грозную критику, есть ни кто иной, какъ профессоръ элоквенцiи, а паче всего хитростей пiитическихъ, безсмертный Василiй Кирилловичъ Тредiаковскiй.

Этотъ, *эта*, *это*, за (вмѣсто) *сей*, *сiя*, *сiе*, мнѣю (почитаю) я за вольность, что въ одѣ положить нельзя, а въ трагедiяхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полагать можно, ибо оны слова не чужестранныя и непростонародныя: да я жъ кладу (употребляю) ихъ очень рѣдко.

Братiевъ вмѣсто *братiй*, есть вольность же, такъ же *слѣдственно*, и протчее: а братiевъ есть и весьма вольность малая; ибо хотя *братiй* и правильнѣе, нежели *братiевъ*; однако вмѣсто *братiевъ* сокращенно *братiевъ* еще употребительнѣе, нежели *братiй*: *вѣмо, вѣмо братьевъ и здѣсь въ угодность его положилъ много*. А и употребленiю съ такимъ же слѣдую раченiемъ, какъ и правиламъ: правильныя слова дѣлаютъ чистоту, а употребительныя слова изъ склада грубость выгоняютъ, на примѣръ: *Я люблю сего, а ты любишь другова* есть правильно, но грубо. *Я люблю этова, а ты другова*. — Отъ употребленiя и изгнанiя трехъ слоговъ во много слышится прiятнѣе. Вотъ для чего я это дѣлаю, а не отъ незнанiя, какъ гнѣвался на меня г. Т. говорить изволитъ.

Кладетъ въ порокъ, что я пишу *опять* за *паки*; но прилично ли положить въ ротъ дѣвицѣ семьнадцати лѣтъ, когда она въ крайней съ любовникомъ разговариваетъ страсти, между нѣжныхъ словъ *паки*, а *опять* слово совершенно употребительное, и ежели не писать *опять* за *паки*, такъ и *который*, *которая*, *которое*, надобно оставить и вмѣсто того употреблять къ превеликому себѣ посмѣшеству, не употребительныя нынѣ слова *иже*, *яже* и *еже*, которыя хорошо слышатся въ церковныхъ нашихъ книгахъ, и очень будутъ дурны, не только въ любовныхъ, но и въ геройскихъ разговорахъ.

Особенно примѣчательны въ этой антикритикѣ Сумарокова слѣдующiя слова объ авторѣ критики, т. е. Тредiаковскомъ: «Меня онъ пуще всѣхъ «не любитъ, за нѣкоторыя въ одной мо«ей епистолѣ стихи и за комедiю, ко«торыя онъ беретъ на свой счетъ. Пу«скай ево беретъ, а я въ томъ, что не «къ нему это сдѣлано, клясться причи«ны не имѣю. Я то писалъ такъ, какъ «вездѣ писать позволено, хотя бъ то и «о немъ было: однако я не говорю, что «то о немъ писалъ, можетъ - быть о «немъ, а можетъ-быть и не о немъ». Здѣсь дѣло идетъ о комедiи «Тресотиниусъ», въ которой подъ именемъ педанта *Тресотиниуса* дѣйствительно выведенъ Тредiаковскiй, и въ которой, какъ во всѣхъ комедiяхъ Сумарокова, нѣтъ ни нравовъ времени, ни характеровъ, ни комизма, ни остроумiя, ни правдоподобiя, ни здраваго смысла. Естественно, что Тредiаковскiй осо-

бенно напалъ на комедію, въ которой увидѣлъ пасквиль на себя.

Жестоко злобясь и браня меня, говорятъ онъ, что *Тресотиніусъ* мой изъ Гольберга. Какимъ же образомъ подъ именемъ Тресотиніуса находитъ онъ себя, ежели сія комедія взята изъ Гольберга; или онъ думаетъ, что у нихъ такой же Русской не знающій педантъ былъ, какой подъ именемъ Тресотиніуса у меня представленъ. А капитанъ Брамарбасъ, по характеру своему взятъ изъ Терентіева Евнуха, который комикъ не только греческихъ комиковъ былъ подражателемъ, но почти переводчикомъ. Чтожъ имя Брамарбаса взято изъ Гольберга, и въ томъ онъ ошибается; ибо гольберговъ офицеръ въ нѣмецкомъ переводѣ симъ названъ именемъ, а въ дацкомъ подлинникѣ, онъ не Брамарбасомъ называется.

Хоревъ, говоритъ онъ, взятъ весь изъ Корнелія, Расина и Вольтера, а наипаче изъ Расиновой Федры. Это не правда; а что есть въ ней подражанія, а стиховъ пять-шесть есть и переводныхъ, что я и укрывать не имѣлъ намѣренія; для того, что то ни мало не стыдно. Самъ Расинъ, сей великій стихотворецъ и преславный трагикъ, въ лутчія свои тагедіи взялъ подражаніемъ и переводомъ изъ Еврипида въ *Ифигенію* *** стиховъ, въ *Федру* *** стиховъ, чего ему никто не поставитъ въ слабость, да и ставить невозможно.

Гамлетъ мой, говоритъ онъ, не знаю отъ кого услышавъ, переведенъ съ французской прозы Аглинской Шекеспировой Трагедіи, въ чемъ онъ очень ошибся. Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ окончаніи третьяго дѣйствія и Клавдіева на колѣни паданія, на Шекеспирову трагедію едва, едва походитъ.

Епистола моя о Стихотворствѣ, говоритъ онъ, вся Боалова, а Боало взялъ изъ Горація. Нѣтъ: Боало взялъ не все изъ Горація, а я не все взялъ изъ Боало. Кто захочетъ мою епистолу сличить съ Боаловыми о Стихотворствѣ правилами; тотъ ясно увидитъ, что я изъ Боало может быть не больше взялъ, сколько Боало взялъ изъ Горація, и что нѣчто изъ Боало взято, я въ томъ и запираться никогда не хотѣлъ.

Отъ Вольтеровыхъ двухъ стиховъ, которыя я почти перевелъ и положилъ въ трагедію Хорева, въ прежестокую г. Т. вступилъ ярость, дѣлаетъ протчія восклицанія, и протчія неистовствы: а дѣло все состоитъ, что въ печати не въ томъ мѣстѣ поставлена запятая.

Кромѣ языка и тона, тутъ и весь кодексъ искуства и литературы того времени: взять цѣликомъ идею, сюжетъ чужаго сочиненія, перенести цѣлыя мѣста изъ него,—это не считалось похищеніемъ и не умаляло цѣны произведенія. И такъ дѣлалось не у однихъ у насъ: Французы нещадно обворовывали Грековъ, Римлянъ, Англичанъ и Испанцевъ, и изъ этого воровства не думали дѣлать тайны. Поэзія была сборомъ общихъ мѣстъ; ей можно было и учиться и выучиваться; собственно талантъ, какъ даръ природы, составляло стихотворство, а не поэзія. Чтобъ писать стихи, особенно съ рифмами, нужно, если не таланта, то способности, по-крайней-мѣрѣ; чтобъ выдумать сюжетъ поэмы или драмы, нужно было только знать, въ подлинникѣ, или переводѣ, произведенія иностранныхъ поэтовъ: бери цѣликомъ и копируй—это значило «сочинять». Даже подражать рабски отечественнымъ писателямъ значило быть поэтомъ наравнѣ съ тѣми, которые въ состояніи были сами изобрѣтать. И въ смыслѣ поэзіи, какъ сбора общихъ мѣстъ, Сумароковъ былъ совсѣмъ не плохой поэтъ для своего времени, на которое, поэтому, онъ и не могъ не имѣть сильнаго вліянія. Онъ зналъ хорошо французскій и нѣмецкій языки, былъ хорошо воспитанъ и образованъ въ духѣ своего времени; и будь у него не много побольше вкусу, не много поменьше самолюбія, да владѣй онъ рускимъ языкомъ хоть такъ хорошо, какъ владѣлъ имъ Ломоносовъ,—то, при своемъ жизненномъ и общественномъ направленіи, онъ рѣшительно затмилъ бы всѣхъ писателей своего времени и былъ бы, въ отношеніи къ этому времени, дѣйствительно необыкновеннымъ и достойнымъ серьёзнаго изученія явленіемъ. Въ статьѣ Сумарокова «О пребываніи въ Москвѣ Монбрана» есть пренаивно-выраженное мнѣніе о «заимствованіяхъ». Кто этотъ Монбранъ—не знаемъ; дѣло только въ

томъ, что онъ, какъ образованный Французъ, хорошо былъ принятъ въ лучшихъ московскихъ домахъ, и скоро обратилъ на себя общее вниманіе своею болтовнею о томъ, что въ Россіи нельзя достать хорошаго бургонскаго вина, что честныхъ людей нѣтъ и быть не можетъ на свѣтѣ. Но больше всего взбѣсилъ онъ Сумарокова разговорами «о бездѣльствахъ г. Вольтера и г. маркиза Даржинса и о невѣжествѣ послѣдняго». — «А разговаривалъ онъ больше всѣхъ со мною (говоритъ Сумароковъ), думая искоренить мое къ г. Вольтеру и къ г. Даржинсу почтеніе. А не сбивъ меня съ моей дороги, солгалъ на меня, будто я говорилъ, что г. Вольтеръ окрадываетъ стихотворцевъ, чего онъ отъ меня никогда не слыхалъ. А подражаніе ни которому стихотворцу безславія не приноситъ. Я и самъ изъ сочиненій г. Вольтера, г. Расина и г. Корнелія не тâясь заимствовалъ, чтò изъ одной моей трагедіи, которая на французской переведена языкъ, всѣмъ довольно видно, а говорилъ я только то, что одна изъ новыхъ г. Вольтера трагедій, съ одной моей трагедіей очень сходна. Изъ сего не слѣдуетъ, что я возвышалъ себя и понозилъ г. Вольтера, котораго трагедіи по достоинству ихъ, похвалу себѣ у всей Европы заслужили».

«Мнѣніе во сновидѣніи о французскихъ трагедіяхъ» есть настоящая критическая статья, кажется, писанная, по догадкѣ Новикова, къ Вольтеру. Форма критики затѣйлива въ духѣ того времени, какъ тò показываетъ и ея заглавіе и это маленькое предисловіе къ ней:

Разныя обстоятельства отвратили меня вѣчно отъ театра. Легче было мнѣ разстаться съ Таліею, нежели съ прелюбезною моею Мельпоменою; но я нынѣ и о ней рѣдко думаю: не для того, что она мнѣ противна, но что она мила: а о той любовницѣ, которая мила, паче жизни, по разлученіи вспоминати мучительно. Но кто отъ мучительнаго сновидѣнія спастися можетъ? Востревожилъ меня сонъ, и извлекъ изъ очей моихъ, во время своего продолженія, слезы. Былъ я сновидѣніемъ на театральныхъ представленіяхъ парижскихъ, и видѣлъ нѣкоторыя трагедіи такъ живо, какъ на яву.

За тѣмъ, Сумароковъ начинаетъ съ «Цинны» Корнеля, излагая, какія онъ, во время представленія, имѣлъ чувствія и разсужденія. Потомъ слѣдуютъ замѣтки, что такой-то-де стихъ «преславенъ», и такой-то «скареденъ», что такой-то монологъ хорошъ, только дологъ, такое-то мѣсто «презизящно», а такое-то «гнусно и подло»: Сумароковъ, какъ русскій человѣкъ, сильно выражался! Но почему онъ одно находитъ хорошимъ, а другое дурнымъ,—этого въ наше время никто не пойметъ: такъ перемѣнчивы времена! Хваля особенно четыре стиха изъ «Федры» Расина, нашъ критикъ восклицаетъ: «Едино сіе явленіе сплело бы вѣчныя Расину лавры, еслибъ онъ и ничего болѣе не писалъ»! Разбирая вольтерова «Брута», критикъ говоритъ: «Первое явленіе прекрасно. Во второмъ явленіи сіи стихи вкусъ вашъ назначали (*слѣдуетъ выписка семи стиховъ*). Брутъ перервалъ Аратову рѣчь по Вольтерски. Все явленіе достойно Вольтера и Музъ самихъ. Сіе явленіе не одну забаву приноситъ и не одни цвѣты, но пользу и плоды. Франція, Европа и Парижъ должны много Вольтеру, за нововведенный вкусъ, и къ удовольствію сердца и разума нашего. Остатокъ дѣйствія весь хорошъ. Первое явленіе Втораго дѣйствія вы отъ жара любовнаго нѣсколько отдерживаете, родъ искусства Авторскаго, дабы любопытство смотрителей умножено, и сердце послѣ сильно поражено было». Далѣе, онъ нашелъ такія красоты въ «Брутѣ», что говоритъ: «Восхищеніе и пораженіе симъ явленіемъ моего сердца, препятствуетъ устамъ моимъ изобразити чувствіе души моей, и жертвовати похвалою Французскому Софоклу, Расинову, Метастазіеву и можетъ-быть и *моему совмѣстнику*, которому я еще больше долженъ, нежели Расину».

Мнѣніе о «Заирѣ» Вольтера такъ добродушно-оригинально, или, можетъ-быть, такъ ловко и хитро выражено, что его нельзя не выписать вполнѣ:

Первое Явленіе прекрасно, вкуса щегольскова. Второе прекрасно. Остатокъ дѣйствія хорошъ. Втораго Дѣйствія Первое Явленіе, хорошо, а паче многократно Христіянамъ. Второе Явленіе хорошо. Третіе Явленіе писано весьма хорошо и Христіянамъ крайне жилостно. Не плакали во время Явленія одни только невѣжи и Деисты: одни по причинѣ, а другіе по другой, хотя послѣднія были и тронуты, свиданіемъ и разительными обстоятельствами отца и дочери. Сія Трагедія весьма хороша, но я, по нещастію моему, окруженъ былъ беззаконниками, которыя во все время кощунствовали, и ради того, вступающія въ очи мои слезы, не вытекали на лицо мое. Видно, что сію сочиняя Драму Авторъ, о томъ имѣлъ попеченіе, дабы Христіанскій Законъ утвердити въ сердцахъ нашихъ, и отвлечи беззаконниковъ, сихъ заблужденныхъ людей, отъ естественнаго Богопочитанія, которыя не пріемлютъ Священнаго Писанія. И ежели сія Драма съ прямымъ успѣхомъ передъ Деистами представлена будетъ; такъ и Драма Магометъ въ Константинополѣ понравится. Брутъ когда нибудь можетъ войдти больше въ моду въ Парижѣ; ибо изъ Монархіи республики дѣлаются. А Заира никогда изъ моды не выдетъ; Христіанскій Законъ не изчезнетъ никогда, по словамъ вочеловѣчившагося Бога. Вы здѣлали великое по общему Христіанскому мнѣнію, дѣло, проповѣдывая и утверждая Христіанство; хотя и думаютъ безбожники, что вы сею прекрасною Трагедіею отвлекаете людей отъ истиннаго Богопочитанія, и уже зараженныхъ людей, еще заражаете. Ежели бы вы были Деистъ; такъ бы я въ вѣчномъ остался невѣденіи, ради чего вы сію Трагедію сочинили. А зная, что вы Христіянинъ вѣдаю и то, что вы ее сочинили, умножая нашу по Христіянству вѣрность.

Послѣ одного стиха въ «Альзирѣ» критикъ нашъ былъ восторженъ, а восторженный партеръ восплескалъ громко и троекратно. Въ IV актѣ, сочиненномъ самою Мельпоменою, критику не понравилось то, что Альзира, въ предъидущихъ дѣйствіяхъ «ругавшаяся европейскому о чести разсудку», тутъ говоритъ о томъ въ другомъ совсѣмъ духѣ. «Я хвалю васъ безстрастно, такъ безстрастно говорю, что мнѣ это крайне не нравится; а рѣчи и Альзиры и Замора божественны».

Критика заключается разборомъ «Меропы», и послѣднія строки этого разбора могутъ служить и resumé и характеристикою всей критики:

«Нечего отличати: все прекрасно въ сей Трагедіи, по сіе время: придемъ къ Четвертому Явленію Третьяго Дѣйствія: Музы его писали. Чего оно достойно, я чувствую, но словами изобразити не могу. Остатокъ Дѣйствія прекрасенъ. Четвертое Дѣйствіе все весьма прекрасно. Второе Явленіе несравненно. Четвертое Явленіе Пятаго Дѣйствія несравненно, и все Дѣйствіе прекрасно. Альзира, Цинна и Аталія кажется мнѣ должны уступить первенство Меропѣ и Федрѣ. Сія двѣ Трагедія будутъ вѣчною честію своимъ Авторамъ и Мельпоменѣ, и вѣчною славою Франціи, Европѣ, и всему роду человѣческому.

Точно подписи учителя на тетрадкахъ школьниковъ: не дурно, порядочно, изрядно, хорошо, очень-хорошо, отлично-хорошо, прекрасно, превосходно!.. Но это - то и называлось тогда критикою, и, право, Сумароковъ ни чѣмъ не хуже многихъ знаменитыхъ критиковъ въ Европѣ того времени...

«Переводъ съ Французскаго языка изъ чужестраннаго журнала мѣсяца Апрѣля 1755 года, стран. 114 и слѣд. напечатаннаго въ Парижѣ. Синавъ и Труворъ Россійская трагедія сочиненная Стихами господиномъ Сумароковымъ»—есть не что иное, какъ разборъ «Синава и Трувора», напечатанный въ парижскомъ журналѣ, переведенный самимъ же Сумароковымъ, и, можетъ-быть, имъ же и написанный. Статья эта заключается слѣдующими строками:

Въ протчемъ кажется, что Господинъ Сумароковъ, прежде нежели обогатилъ Россійскій театръ сею трагедіею, имѣлъ знаніе о нѣкоторыхъ чужестранныхъ театрахъ: за что ему Россія тѣмъ большее благодареніе приносить должна. *Сколь ни остроуменъ онъ отъ природы, сколь ни блистаютъ естественныя его дарованія ис-*

здѣ въ семъ сочиненіи; однако можетъ быть не столь сильно, не столь съ правдою сходственно изобразилъ бы онъ любовь и ревность, естьли бы никогда не читалъ *Расина и Шекеспира*. Что жъ? Должно ли стыдиться таковаго училища? Самыя лучшія сочиненія сихъ Авторовъ, служили бы только къ тому, чтобъ въ отчаяніе привесть стихотворцевъ послѣдующихъ вѣковъ, естьли бы по крайней мѣрѣ не позволено было подражаніе. Представимъ себѣ Андромаху, Федру, Отелла, Ромеа и Іуліетту, то увидимъ ясно, что древніе трагики неизчерпнули всей матеріи о сихъ двухъ, или лучше сказать, о сей единственной страсти: но всякъ признаетъ, что выше упомянутые два великіе мужи не оставили ничего, чтобъ послѣ ихъ будущіе, какъ нѣчто новое могли предложить. И такъ, когда Авторъ всѣ силы свои на то употребляетъ, чтобъ писать такимъ же образомъ, какимъ они; то чѣмъ ближе онъ къ ихъ слогу приходитъ, тѣмъ большую себѣ похвалу вмѣсто строгаго истязанія заслуживаетъ. Тотъ былъ бы весьма несправедливъ, кто бы не приносилъ должной похвалы Господину Сумарокову за то, что онъ красоты чужестранныхъ стихотворцевъ не только умѣлъ познать и почитать, но и употребить оныя въ свою пользу. Достойное поруганія невѣжество многихъ нынѣшнихъ писателей подвергаетъ сему осужденію для того, что они пріобыкнувъ окрадывать или грабить другихъ авторовъ имъ единовременныхъ и единоземцевъ, наполняютъ безстыднымъ образомъ свои сочиненія чужими мыслями и словами, не вѣдая въ чемъ состоитъ разумное подражаніе. Еще меньше можно винить Господина Сумарокова въ томъ, что содержаніе его трагедіи сходственно со многими Французскими. Двухъ братьевъ, влюбившихся въ одну особу находимъ мы въ нѣкоторыхъ самыхъ лучшихъ трагедіяхъ, которыя до сего времени остались на театрѣ, напримѣръ: въ Родогунѣ, Никомидѣ, Митридатѣ, Британникѣ, Радомистѣ и протчихъ: однако никакого другаго сходства не сыщется въ нихъ съ Синавомъ и Труворомъ. Въ чемъ можно легко увѣриться слича оную со всѣми вышеписанными.

Неизвѣстны намъ древнія преданія, на которыхъ можетъ быть однихъ основана вся Россійская Исторія до припятія Россіянами Христіанской вѣры. Авторъ не упоминаетъ ничего, откуда онъ взялъ сію матерію, для того и намъ не можно знать, есть ли въ исторіи какіе слѣды приключеній изображенныхъ имъ въ его трагедіи, или содержаніе ея совсѣмъ вымышленное. Обнадеживаютъ насъ, что сія Господина Сумарокова драма въ отечествѣ его великій успѣхъ имѣла, и мы не сомнѣваемся, что и на другихъ театрахъ не здѣлаетъ она ни малѣйшаго ущерба чести Авторовой, по крайней мѣрѣ отечеству стихотворца славу принесетъ, какъ произведшему на свѣтъ такого стихотворца, который живымъ примѣромъ показываетъ о успѣхахъ наукъ введенныхъ Петромъ-Великимъ и процвѣтающихъ подъ покровительствомъ Августѣйшей Его Дщери.

Критики Сумарокова на Ломоносова составляютъ самую забавную сторону авторства Сумарокова. Замѣтивъ въ одѣ погрѣшность (не всегда истинную), Сумароковъ иногда очень-ясно даетъ знать, что онъ такихъ погрѣшностей избѣгать старается, на-примѣръ: «*Межь льдистыми горами!*» межь льдистыми дѣлаетъ выговору великую трудность, что (чего) я весьма обѣгать стараюсь». Замѣчаніе его на два первые стиха одной оды Ломоносова можетъ дать понятіе о цѣлой критикѣ:

Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градо̀въ ограда.

Градо̀въ ограда, сказать не можно. Можно молвить, селенія ограда, а не ограда града; градъ отъ того и имя свое имѣетъ, что онъ огражденъ. Я не знаю, сверхъ того, что за ограда града тишина. Я думаю, что ограда града войско и оружіе, а не тишина. Городъ имѣетъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа городовъ, а градъ гра̀довъ, а не градо̀въ; для того, что въ именительномъ падежѣ множественнаго числа, городъ имѣетъ званіе города̀, а градъ гра̀ды, а не града̀ и не грады.

Все это отчасти и справедливо; но самъ Сумароковъ, въ своихъ стихахъ, даетъ еще болѣе чудовищные факты подобнаго терзанія и коверканія языка и смысла.

Особенно оригинальна статья Сумарокова «Разсмотрѣніе одъ г. Ломоносова». Въ ней нѣтъ никакихъ разсужденій, даже никакого приступа: все дѣло въ ней рѣшается цифрами, та-

кимъ образомъ: «*Строфы прекраснѣйшія:* (слѣдуютъ римскія цифры для означенія одъ и обыкновенныя цифры для означенія строфъ); *строфы прекрасныя*: (цифры); *строфы весьма хорошія:* (цифры); *строфы хорошія:* (цифры); *строфы изрядныя:* (цифры); *строфы, по моему мнѣнію, требующія большова исправленія:* (цифры); *строфы о которыхъ я ничего не говорю:* (цифры).

Но этимъ не оканчивается смѣшное въ соперничествѣ Сумарокова съ Ломоносовымъ: есть у Сумарокова отдѣльная статья подъ названіемъ «нѣкоторыя строфы»; она вся состоитъ изъ 12-ти строфъ, изъ которыхъ, попеременно, надъ одною стоитъ «его», а надъ другою «моя». Слѣдующее же предисловіе объясняетъ эту странную загадку:

Мнѣ уже прискучилося слышати всегдашнія о г. *Ломоносовѣ* и о себѣ (т. е. обо мнѣ) разсужденія. Слово громкая ода къ чести автора служить не можетъ: да сіе же объясненіе значитъ галиматію, а не великолѣпіе. Мнѣ приписываютъ нѣжность: и сіе изъясненіе трагическому автору чести не приноситъ. Можетъ ли лирическій авторъ составити честь имени своему громомъ! и можетъ ли представленный въ драмѣ Геркулесъ быти нѣжною Сильвіею и Амариллою воздыхающими у Тасса и Гваринія! Во стихахъ г. *Ломоносова* многое для почерпанія лирическимъ авторамъ сыщется: а *я* имъ совѣтую взирати на его лирическія красоты и отдѣляти хорошее отъ худова. *Г. Ломоносовъ* со мною нѣсколько лѣтъ имѣлъ хорошее знакомство и ежедневное обхожденіе, и нерѣдко слыхалъ я отъ него, что онъ самъ часто гнушался, что нѣкоторые его громкимъ называли. Ево достоинство въ одахъ не громкость. А что жъ? объ етомъ долго говорить, и *я* прилагаю здѣсь предисловіе, и нѣкоторые къ чести ево строфы, для сравненія съ моими, а не толкованія. О преимуществѣ себѣ я публику не прошу; ибо похвалы выпрошенныя гадки: а естьли и г. Ломоносову дастся и въ одахъ преимущество, я объ етомъ тужить не стану: желалъ бы *я* только того, чтобы разборъ и похвалы были основательны. Въ протчемъ я свои строфы распоряжалъ, какъ распоряжали Мальгербъ и Руссо (Жанъ Батистъ) и всѣ нынѣшніе лирики; а г. *Ломоносовъ* етова не наблюдалъ; ибо наблюденіе сево, какъ чистота языка, гармонія стопосложенія, изобильныя риѳмы, разношеніе неогласныхъ литеръ, не привыкшимъ писателямъ толикаго стоятъ затрудненія, коликую приносятъ они сладость. Наконецъ: во надгробной надписи г. *Ломоносова* изображено, что онъ учитель поэзіи и краснорѣчія: а онъ ни кого не училъ и ни кого не выучилъ; ибо г. *Ломоносова* честь не въ риторикѣ его состоитъ, но въ одахъ. Потомки и ево и мои стихи увидятъ и судить насъ будутъ, или паче письма наши; но потомки могутъ, или должны будутъ подумати, что и *я* по сей ему надгробной надписи былъ ево ученикъ: а *я* стихи писалъ еще тогда, когда г. *Ломоносова* и имени не слыхала публика. Онъ же въ Германіи писати началъ, а я въ Россіи, не имѣя отъ него не только наставленія, но ниже зная его по слуху. Г. *Ломоносовъ* меня нѣсколькими лѣтами былъ по старѣе; но изъ того не слѣдуетъ сіе, что я ево ученикъ, о чемъ я не трогая ни мало чести сево стихотворца предувѣдомляю потомковъ, которыя и г. *Ломоносова* и меня не скоро увидятъ: а особливо ради того, что и языкъ нашъ и поэзія наша изчезаютъ: а зараза пінтичества весь россійскій Парнассъ невѣжественно охватила: а я истребленія овому предвидѣти не могу, жалѣя, что прекрасный нашъ языкъ гибнетъ. А что въ протчемъ до г. *Ломоносова* надлежитъ; такъ *я*, похваляя ево, думаю только о живности его духа видняго во строфахъ его. *Великій былъ бы онъ мужъ во стихотворствѣ, ежели бы онъ могъ вычищати оды свои, а во протчія поэзіи не вдавался.*

Вотъ какъ! Сумароковъ не любилъ шутить тамъ, гдѣ чья-нибудь слава могла бросать тѣнь на его славу. Въ длинной статьѣ своей «О правописаніи» онъ безпрестанно придирается къ Ломоносову, съ профессорскимъ тономъ какого-то неоспоримаго преимущества передъ нимъ. Нападая на употребленіе буквы *е* вмѣсто буквы *і*, достоенъ вмѣсто достоинъ, бывшей, вмѣсто бывшій, Сумароковъ не безъ основательности замѣчаетъ, что «сіе нововведенное правило, не имѣетъ основанія, ни на свойствѣ языка, ни на древнихъ книгахъ, ни на употребленіи: а

единственно на произволеніи г. Ломоносова и на почтеніи къ нему его последователей, или паче сказать на семъ правилѣ, что г. Ломоносовъ былъ академикъ; такъ полагаютъ основаніе на академіи, хотя онъ не составлялъ академіи, но былъ ея членъ; и ни академія, ни Россія того не утвердила да и утверждати того Академіи не можно: ибо она въ наукахъ, а не въ словесныхъ наукахъ упражняется». Далѣе, Сумароковъ жалуется, что Ломоносовъ ввелъ въ нѣкоторыхъ словахъ провинціальное произношеніе, какъ на-прим., *лѣтà*, вмѣсто *лѣта*, *градòвъ*, вмѣсто *грàдовъ*, и что «многіе не размышляя, таковыя его ошибки приняли украшеніемъ піитическимъ, и употребляютъ оныя къ безобразію нашего языка, что г. Ломоносову яко провинціальному урожевцу простительно, какъ рожденному еще и не въ городѣ, и отъ поселянъ; но протчимъ, которыя рождены не въ провинціяхъ и не отъ поселянъ, сіе извинено быть не можетъ».—«Но (прибавляетъ онъ) дабы не подумали, что я о происхожденіи г. Ломоносова въ ругательство ему вспоминаю; такъ насъ не благородство, но Музы на Парнассъ возводятъ; ибо благородство есть послѣднее качество нашева достоинства, и тѣ только много о немъ думаютъ, которыя другова достоинства не имѣютъ».—Изъ отвѣта Ломоносова Сумарокову о причинѣ замѣненія буквы ѳ буквою ф, видно, что Ломоносовъ не находилъ нужнымъ вступать съ нимъ въ серьёзныя объясненія: «Эта-де литера стоитъ подпершися, слѣдовательно бодряе». — «Отвѣтъ издѣвоченъ, но не важенъ» замѣчаетъ Сумароковъ. Говоря о томъ, что въ предлогѣ *при*, употребляемомъ слитно съ глаголами, должно сохранять букву *и*, не перемѣняя ее на *і*, Сумароковъ прибавляетъ: «Г. Ломоносовъ годъ цѣлый мнѣ въ семъ противурѣчилъ, и признався по разысканію точныя обстоятельности, мое мнѣніе съ великимъ утверждалъ жаромъ; но не успѣлъ письменно со мною въ ономъ согласиться, или по *частнымъ со мною не до краснорѣчія и не до языка касающимся распрямъ*, не хотѣлъ согласиться до времени: какъ онъ покритиковалъ у меня не знаю за что нарѣчіе *днесь*, и не нашелъ другова къ тому реченія, зачалъ употребляти вмѣсто *нынѣ*, *нынь*; но *нынѣ* не знаменуетъ той краткой точности: а *нынь* не можно вмѣсто *нынѣ* писать; ибо *ѣ* претворяти въ *ь* писатели вольности не имѣютъ, хотя они и стихотворцы; ибо и имъ дозволяется нѣчто, а не все, да и то что рѣчи нимало не обезображиваетъ. Да и на что *нынь*; ибо *нынь* ево тоже изображаетъ какъ и *ныне*: а краткость одного слога не стоитъ труда искуснаго риѳмотворца». — Дѣйствительно, Ломоносово *нынь*, вмѣсто *нынѣ*, такъ же нелѣпо, какъ и Сумароковы *мя* и *тя*, вмѣсто *меня* и *тебя*. Вообще, говоря о другихъ, Сумароковъ нерѣдко бываетъ и основателенъ и справедливъ: Такъ, на-прим, жалуясь на постепенную порчу языка, онъ приводитъ разительные примѣры этой порчи, какъ-то употребленіе «февраль» вмѣсто «феврарь», «пролубь» вмѣсто «прорубь». Но зато, видитъ иногда гибель тамъ, гдѣ нѣтъ даже и опасности, и часто противорѣчитъ самому-себѣ; такъ на-прим., съ одной стороны, требуя, чтобъ, *для* сохраненія кореннаго происхожденія словъ, писать *приятный* вмѣсто *пріятный*, съ другой стороны не хочетъ, чтобъ предлогъ *возъ*, соединяясь съ глаголами, сохранялъ коренную свою букву *з*, и вооружается противъ этого со всѣмъ комизмомъ своей запальчивости. «Но бывало ли отъ начала міра въ какомъ-нибудь народѣ такое въ писаніи скаредство, каково мы нынѣ дожили! *Востокъ*, *источникъ*, *превосходительство*! Конечно, паденіе нашего языка скоро будетъ, когда такая нелѣпица могла быть воспріята!»

Замѣчательно, какъ фактъ того времени, что Сумароковъ за искаженіе русскаго языка жалуется на Малороссіянъ, и не только писателей, но и на пѣвчихъ, которые, вмѣсто *во вѣки вѣковъ*, писали и пѣли *во вики виковъ*,

вмѣсто *Тебѣ Гдсподи—Теби Господы*, и т. п. «Не подумаетъ ли кто (прибавляетъ Сумароковъ), что я вооружаюся противъ ученыхъ Малороссіянъ: нѣтъ; дай Боже, чтобъ не только мы, но хотя наши потомки изъ Малороссіи другаго Ѳеофана имѣли! Есть нѣчто во краснорѣчіи худова, но сколько напротивъ того и славы его имени, и славы нашихъ временъ!»

Послѣ забавно-энергической выходки противъ *востока*, *источника*, и *превосходительства*, Сумароковъ дѣлаетъ слѣдующее не менѣе забавно-энергическое воззваніе къ Ломоносову:

О Ломоносовъ, Ломоносовъ! Что бы ты сказалъ, когда бы ты по смерти своей симъ кривописаніемъ увидѣлъ напечатаны свои сочиненія! Сіе тебѣ въ возмездіе, что ты участныя имѣя со мною распри, часто мнѣ противоборствовалъ и во правописаніи, и въ другомъ, касающемся до нашего языка, въ чемъ мы прежде нашихъ участныхъ ссоръ и распрей всегда согласны были: и когда мы другъ отъ друга совѣты принимали, ругаяся несмысленнымъ писателямъ, которыхъ тогда еще мало было, и переводу Аргениды. Не было бы у меня болѣе съ тобою распрей, ежели бы въ твое время столько врали на Руси. Были врали и при жизни твоей, но было ихъ и мало, и были они по скромняе: а нынѣ они умножилися за грѣхи своихъ прародителей: и такъ пишутъ они, чтобы имъ и стѣнъ стыдиться надлежало; а они и просвѣщенныхъ людей не стыдятся. Жаль того, что со вракъ не положено пошлины: а изъ стихотворцевъ не берутъ въ рекруты; ибо полка два изъ нихъ легко составить можно: а когда изо всѣхъ и сочинителей и переводчиковъ набирать рекрутовъ; такъ въ одинъ мѣсяцъ цѣлая великая армія на сраженіе будетъ готова; но ежели они таковыя будутъ солдаты, каковыя писатели; такъ не прогонимъ ни визиря, ни возьмемъ Бендеры.

Замѣчательна выходка Сумарокова противъ перевода Треліаковскаго ролленевой исторіи: «Вотъ (говоритъ онъ) ожидаемая польза отъ умноженія сочиненій и переводовъ, которыми васъ невѣжи обогащаютъ! Вредно ободряли вралей похвалами, чтобъ они больше врали; ибо де не писавъ худо, нельзя писать и хорошо; но враки должно ли издавать на свѣтъ? Древняя исторія неоцѣненнаго Роллина, въ переводѣ нашемъ, подаетъ читателю, не знающему чужихъ языковъ, нѣкоторое ему познаніе, къ малому просвѣщенію, безъ другихъ знаній, и ко прогнанію скуки: *а языкъ нашъ какъ моровая заражаетъ язва*».

Вообще, эта статья такъ и дышетъ своею современностію и личностію Сумарокова: въ ней, онъ и его время какбы олицетворились и лично бесѣдуютъ съ ними. Кому тутъ не достается, кто не задѣвается! И писатели, и женщины, и подьячіе!.. «Женщины наши (говоритъ критикъ) по большой части никакова правописанія не соблюдаютъ, и пишутъ какъ ни попало, на-прим., *матушка мая галубушка пажалуй атпишика мне душа мая гдѣ ты купила вчерашнай градитурв*, а иногда и *гарнитулъ*».—Противъ безграмотности подьячихъ, по длиннотѣ филиппики, и выписать нельзя: когда Сумароковъ заговаривалъ объ этомъ *крапивномъ зельи*, объ этомъ *хамовомъ поколѣніи* (какъ онъ называлъ подьячихъ), его сатирическое негодованіе всегда лилось рѣкою, затоплявшею берега свои.

Слѣдующее мѣсто представляетъ для нашего времени особенно интересный фактъ старинной нашей литературы:

Силы (ударенія надъ словами) писывалъ и я, долго того держался, хотя и ненавидѣлъ, дожидался кого себѣ въ изверженіи оныхъ сотоварища, но г. Козицкій и г. Мотонисъ люди и во правописаніи и во грамматикѣ и во краснорѣчіи, которымъ я никогда ненависти моей къ силамъ не открывалъ, сами предварили меня, дабы обще начати въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, называемыхъ Трудолюбивою Пчелою, силы извергнуть: что мы и здѣлали: а сіе не въ началѣ того изданія начать. О, ежели бы и то принято было, въ чемъ также будто узнавъ мое мнѣніе предварилъ меня нѣкогда г. Полѣтика, человѣкъ искусный, чтобы *собственныхъ прилагательныхъ именъ не писать большими литерами*, наприм.

россійское войско и прочч. Я не знаю, дѣльно ли еще и то, что мы большими литерами всѣ свои страницы излишно шпикуемъ: а по правописанію нашему, большіе литеры становилися только послѣ точекъ, во началѣ сочиненія, и должны еще становиться при каждой строкѣ въ началѣ стиха.

Статья «О стопосложеніи» изобилуетъ комически-смѣшными выходками Сумарокова противъ Ломоносова.

Г. Ломоносовъ зналъ недостатки сладкорѣчія: то есть, убожество риѳмъ, затрудненіе. отъ неразноски литеръ, выговора, нечистоту стопосложенія, темноту склада, рушеніе грамматики и правописанія, и все то, что нѣжному упорно слуху и неповрежденному противно вкусу; но убѣгая сей великой трудности, не находя ко стопосложенію и довольно имѣя къ одной только лирической поэзіи способности: а при томъ опираяся на безразборныя похвалы, вмѣсто исправленія стопосложенія, ево болѣе и болѣе портилъ: и ставъ почти порчи сея образцемъ, не хуля того и во другихъ, чѣмъ онъ самъ былъ наполненъ, открылъ легкій путь ко стихотворенію; но путь сей на парнасскую гору не возводитъ. У г. Ломоносова во строфахъ его много еще достойнаго осталось, хотя, что, или лучше сказать, хотя и все недостаточно: а у преемниковъ ево иногда и запаха стихотворнаго не видно. Что г. Ломоносовъ былъ неисправный и непроворный стопослагатель, ето я не пустыми словами, но неопровергаемыми доводами покажу; и всѣ мою истину увидятъ ясно: что ему много и самому часто говорено было. Жаль того, что въ нѣкакое время мы были съ нимъ приятели, и ежедневныя собесѣдники: и другъ отъ друга здоровыя принимали совѣты, я самъ тогда тонкости стопосложенія не зналъ; но послѣ долговременною приобрѣлъ себѣ истинное о немъ понятіе практикою...... А спондеи обезображивали и самыя лутчія г. Ломоносова строфы, къ великому мнѣ о немъ сожалѣнію: ибо онъ только и г. Поповскій нашему парнасу истинную честь, отъ начала Россія, что до стиховъ надлежитъ, и приносили. И есть ли бы г. Ломоносовъ не разстроивался со мною; не въ такомъ бы состояніи видѣли мы россійское красноръчіе, увядающее день отъ дня и грозящее увянути на долго. Я ему еще подпора: нѣкоторыя духовныя и такія люди, каковъ г. Козицкій, Матописъ и имъ равнознающія, ежели есть такія.

Статья «О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка» можетъ быть отнесена къ любопытнѣйшимъ фактамъ исторіи русской литературы: она доказываетъ, что вторженіе въ нашъ языкъ французскихъ словъ и оборотовъ отнюдь не было слѣдствіемъ реформы Карамзина, ибо еще до него было въ самомъ сильномъ разливѣ. Сумароковъ смѣется надъ словами: *фрукты*, *сервизъ*, *антишамбера*, *камера*, *сюртукъ*, *супъ*, *гувернанта*, *аманта*, *дама*, *валетъ*, *атутъ* (козырь), *роа* (король), *мокероваться*, *эложе* (похвала), *принцъ*, *бурса*, *тоалетъ*, *пансивъ* (задумчивъ), *корреспонденція*, *кухмистръ*, *томъ*, *эдиція*, *жени* (т. е. геній; подъ *жени* Сумароковъ понималъ *остроуміе*), *бонсанъ* (здравый смыслъ; Сумароковъ переводитъ *разсужденіе*), *эдюкація*, *манификъ*, *деликатно*, *пассія*. Однакожь если многія изъ этихъ словъ вывелись изъ употребленія, зато многія и остались; геній языка умнѣе писателей, и знаетъ, что̀ принять и что̀ исключить. Вѣроятно были употребительны и такія фразы, если Сумароковъ надъ ними смѣется: «Я въ дистракціи и дезеспере; аманта моя сдѣлала мнѣ инфиделите; а я а̀ ку сюръ противъ риваля моего буду реванжироваться».

Какъ о чертѣ смѣшнаго и добродушно-наглаго самохвальства Сумарокова, нельзя не упомянуть о его вызовѣ проѣздить за границею два года и потомъ описать свое путешествіе. «Каково мое перо (говоритъ онъ), о томъ и по худымъ переводамъ всѣ ученѣйшія въ Европѣ знаютъ и ту мнѣ похвалу сплетаютъ, которая превосходитъ желаніе авторовъ и тѣхъ народовъ, въ которыхъ науки созрѣли и утвердилися. И что я Россіи сдѣлалъ честь моими сочиненіями, въ томъ я всѣхъ ученѣйшихъ людей во всей Европѣ свидѣтелями имѣю». За два года и четыре мѣсяца онъ просилъ у

правительства, кромѣ своего жалованья, 12,000 рублей, «которыя деньги по изданіи моего путешествія возвратятся въ казну съ излишкомъ; ибо 6000 экземпляровъ продаваяся по три рубля, 18,000 рублевъ, а потомъ оная во всегдашнее время продаваться будетъ, и такъ казнѣ убытка не будетъ». — «Еслибъ такимъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа; не дорого бы стало Россіи, ежели бы она и 300,000 на это безвозвратно употребила. Я прошу о семъ не для себя, но для пользы моего отечества, а мой собственный прибытокъ изъ того только одна честь имени моему».

Эклоги Сумарокова таковы, что ихъ теперь странно видѣть въ печати. Всѣ онѣ оканчиваются одинаково, въ родѣ этого:

О лютый Періандръ!.. невинность исчезаетъ:
Вручаюся тебѣ... Пастухъ на все дерзаетъ.
Не споритъ Туллія, гоня упрямство прочь,
И въ изступленіи препровождаетъ ночь,
Въ веселіи пробывъ со пастухомъ безъ спора,
Доколѣ не взошла на паствѣ къ нимъ аврора...

И несмотря на это, Сумароковъ и не думалъ быть соблазнительнымъ, или неприличнымъ; а напротивъ, онъ хлопоталъ о нравственности, и былъ увѣренъ, что эклога такой ужь родъ поэзіи, который, по сущности своей, требовалъ такихъ сюжетовъ и съ такими развязками. Онъ посвящаетъ свои эклоги «прекрасному россійскаго народа женскому полу», и въ этомъ посвященіи такъ излагаетъ теорію эклоги, какъ рода поэзіи:

Я вамъ, прекрасныя, сей мой трудъ посвящаю: а ежели кому изъ васъ подумается, что мои эклоги наполнены излишно любовію; такъ должно знати, что недостаточная (не полная?) любовь не была бы матерію поэзіи: сверхъ того должно и то вообразити, что въ дни златаго вѣка не было ни бракосочетанія, ни обрядовъ къ оному принадлежащихъ: едина нѣжность только препровождаема жаромъ и вѣрностью была основаніемъ любовнаго блаженства. Говорятъ о воровствѣ, о убійствѣ, о грабежѣ, о ябедничествѣ безазорно во всякихъ бесѣдахъ; не уже ли такіе разговоры благородные рѣчей любовныхъ? А особливо когда не о скотской и не о непостоянной говорится любви. Въ еклогахъ моихъ возвѣщается нѣжность и вѣрность, а не злопристойное сластолюбіе, и нѣтъ таковыхъ рѣчей, кои бы слуху были противны. Презрѣнна любовь имущая едино сластолюбіе во основаніи: презрѣнны любовники, устремляющіеся обманывати слабыхъ женщинъ: подверженны нѣкоторому поношенію и женщины, въ обманъ давшіяся: презрѣнно неблагородное сластолюбіе; но любовныя нѣжность и вѣрность отъ начала міра были почтенны и до скончанія міра почтенны будутъ. *Любовь* источникъ и основаніе всякаго дыханія: а въ добавокъ сему источникъ и основаніе поэзіи; такъ можно ли сочиняти еклоги, естьли піитъ ужаснется глупыхъ предвареній и невкусныхъ кривотолкованій. А вы, прекрасныя, помните только то, что неблагопристойная любовь и непостоянство стыдны, несносны, вредны и пагубны, а не любовь, и что любовію наполненныя еклоги и основанныя на нѣжности, подпертой честностію и вѣрностію, читательницамъ соблазна, точною чертою, принести не могутъ; хотя и нѣтъ никакова блага, изъ котораго бы не могло быти злоупотребленія. Что почтенние правосудія; но колико изъ него происходитъ ябедъ и крючкотвореній, а слѣдовательно утѣсненій и погибели роду человѣческому? И что почтенние, еклоги ли составлять, наполненныя любовнымъ жаромъ и пишемыя хорошимъ складомъ, или тяжебныя ябедниковъ письма, наполненныя плутовствомъ и складомъ писанныя скареднымъ?

Оставьте въ сторонѣ старинный языкъ и вникните въ мысль этого предисловія: она была мыслію вѣка. Дезульеры, Гесперы и Флоріаны писали свои эклоги и идилліи именно по этой теоріи. Они изображали дѣйствительность, которой никогда и нигдѣ не бывало. Они воображали, что точно былъ золотой вѣкъ невинности, не понимая того, что состояніе невинности есть то же, что состояніе животности, какъ то доказываютъ всѣ дикія племена Африки, Америки и Австра-

лія. Этимъ-то мнимо-невиннымъ людямъ придавали они сладенькія чувствованьица своего времени, и были вполнѣ увѣрены, что изображаютъ пасторальную жизнь, и что ихъ Дафнисы, Меналки, Титиры, Коридоны, Аглаи, Хлои, Амариллы и Галатеи суть лица живыя и невинныя, тогда-какъ это просто общія реторическія мѣста, какъ и вся поэзія (а не литература въ обширномъ смыслѣ) XVIII вѣка. У Сумарокова вполнѣ достало ума и способности понять это искусство общихъ мѣстъ и воспользоваться имъ *для* своего времени.

Истинный критикъ своего времени, Сумароковъ судитъ обо всемъ — о добродѣтели, о философіи, о грамматикѣ, о поэзіи, о стѣснительной системѣ запретительной торговли, о большихъ бесѣдахъ, чтенія романовъ, и проч. и проч. Часто у него попадаются мысли хотя не глубокія, но здравыя и тѣмъ болѣе полезныя для общества его времени. Можно написать цѣлую статью о его войнѣ противъ подьячихъ: Боже мой, гдѣ и какъ ни пятналъ, ни позорилъ ихъ этотъ неутомимый боецъ! Говоря о подьячихъ, Сумароковъ становится и желченъ, и остеръ, и вдохновененъ! Ненависть къ этому гнусному отродію (говоря его выраженіемъ) была живою струною его души; и кто же не согласится, что источникъ этой ненависти былъ благороденъ, а ея проявленіе не могло не принести пользы обществу: дидактическое направленіе въ поэзіи самобытной есть признакъ антипоэтическаго характера народа; но въ поэзіи подражательной, бывшей плодомъ реформы, нововведеніемъ, какова была, въ своемъ началѣ, поэзія русская, дидактическое направленіе есть признакъ жизненности, соціальности, и полезно какъ для общества, такъ и для самого искусства: ибо общество потому только и принялось за нее, что увидѣло въ ней *поученіе*, дѣйствительно-полезное для него. Когда дидактическая поэзія истощила все свое содержаніе и не могла идти далѣе, противъ нея явилась реакція, заговорили о поэзіи, какъ о творчествѣ, какъ о цѣли самой-себѣ, а между-тѣмъ привычка къ чтенію, къ занятію поэзіею, благодаря ея дидактическому направленію, была уже сдѣлана. Послѣ этого не трудно было отвергнуть дидактическую поэзію, какъ ложную и враждебную истинному искусству. Но это, какъ мы покажемъ въ слѣдующей статьѣ, сдѣлалось не вдругъ, а постепенно. Сперва позволили поэзіи воспѣвать геройскіе подвиги и побѣды, не увольняя ея отъ обязанности поучать; потомъ, стали позволять ей, между прочимъ, быть выразительницею прихотей фантазіи, и наконецъ, ради граціи и обаятельности формъ, воспѣвать и шалости чувства, и пѣнистое вино, и веселыя пирушки, и сладостную лѣнь. Ужь послѣ этого провозгласили, къ крайнему соблазну литературныхъ старовѣровъ, что искусство есть само-себѣ цѣль, что поэзія внѣ себя цѣли не имѣетъ и не должна имѣть. Такъ-какъ въ этой мысли заключается значительная часть истины, и такъ-какъ, не перейдя черезъ нее, нельзя было понять идеи искусства, какъ особной и самостоятельной сферы сознанія, то эта мысль и овладѣла свѣжими умами до того, что ее довели до односторонности и исключительности, а слѣдовательно, и до нелѣпости. Теперь критикѣ предстоитъ новая задача—примирить свободу творчества съ служеніемъ историческому духу времени, съ служеніемъ истинѣ.

Итакъ, дидактическое направленіе Сумарокова было полезно для современнаго ему общества. Въ этомъ отношеніи его эпистолы и сатиры имѣютъ свою относительную цѣнность. Не смотря на грубый языкъ, цинизмъ выраженій, *для многихъ* было весьма полезно и поучительно въ тотъ зараженный спѣсью барства вѣкъ читать, на-прим., такіе стихи:

Сію сатиру вамъ, дворяне, приношу:
Ко членамъ первымъ я отечества пишу.
Дворяне безъ меня свой долгъ довольны
знаютъ;

Но многія одно дворянство вспоминаютъ,
Не помня, что отъ бабъ рожденныхъ и отъ дамъ,
Безъ изключенія всѣмъ праотецъ Адамъ.
На то ль дворяня мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
Какое барина различье съ мужикомъ?
И тотъ, и тотъ земли одушевленный комъ.
И если не яснѣй умъ барскій мужикова,
Такъ и различія не вижу никакова.
Мужикъ и пьетъ и ѣстъ, родился и умретъ,
Господскій такъ же сынъ, хотя и слаще жретъ,
И благородіе свое не рѣдко славитъ,
Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поставитъ.
Ахъ, должно ли людьми скотинѣ обладать?
Не жалко ль? можетъ быкъ людей быку продать?

Въ числѣ эпистолъ, мы находимъ и слѣдующія: «Любовь къ отечеству есть первая добродѣтель», «Къ неправеднымъ судіямъ», «О русскомъ языкѣ», «О стихотворствѣ» (передѣлка L'Art Poëtique Буало) и «Наставленіе хотящимъ быти писателями». Во всемъ этомъ видѣнъ или критикъ искусства и литературы, или критикъ нравовъ. Въ томъ и другомъ Сумароковъ особенно примѣчателенъ, какъ представитель своего времени. Не изучивъ его, нельзя понимать и его эпохи. Если бъ кто вздумалъ написать историческій романъ, или историческую повѣсть изъ тѣхъ временъ, — изученіе Сумарокова дало бы ему богатые факты объ обществѣ того времени; а что̀ такое историческій романъ, какъ не исторія общества въ извѣстную эпоху? Да; предметъ исторіи — человѣчество, или народъ; предметъ историческаго романа—общество. Постепенность развитія идей въ обществѣ представляетъ собою картину въ высшей степени интересную. На само искусство нельзя смотрѣть только въ сферѣ самого искусства, безъ отношенія къ жизни: такой взглядъ можетъ быть иногда вѣренъ, но онъ всегда одностороненъ, особенно въ-отношеніи къ искусству въ Россіи. Повторяемъ: наша поэзія, наша литература—плодъ реформы Петра-Великаго, какъ наша цивилизація. Начавшись формами безъ жизни, онѣ постепенно стремились къ жизни и самобытности, и достигли наконецъ того и другаго чрезъ историческій процессъ. Сумароковъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ фактовъ этого процесса, — что́ и заставило насъ говорить о немъ подробнѣе. Въ слѣдующей статьѣ, мы постараемся обозначить постепенность процесса формированія и развитія нашей поэзіи и литературы отъ знаменитой войны шишковистовъ съ карамзинистами до болѣе-знаменитой войны классицизма съ романтизмомъ. Мы думаемъ, что это значитъ показать ту сторону исторіи нашей литературы, на которую еще никто не обращалъ вниманія.

VI.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Августъ.

288) Сумерки. *Сочиненіе* Евгенія Баратынскаго. *Москва. Въ тип. А Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академіи. Въ 12-ю д. л. 88 стр.*

Въ этой книжкѣ содержатся стихотворенія г. Баратынскаго, писанныя имъ послѣ изданія въ двухъ томахъ собранія стихотвореній въ 1835 году. Эти, послѣднія, стихотворенія были разсѣяны въ разныхъ журналахъ: «Московскомъ Наблюдателѣ», «Отеч. Запискахъ» и пр.; изданныя теперь отдѣльно, они могутъ служить дополненіемъ къ означенному собранію стихотвореній г. Баратынскаго 1835 года. Это обстоятельство даетъ намъ поводъ поговорить въ особой статьѣ о всей поэтической дѣятельности такого замѣчательнаго лица въ русской литературѣ, какъ г. Баратынскій, — что мы и сдѣлаемъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Отеч. Записокъ».

289) Христіернъ II и Густавъ-Ваза, *драматическій очеркъ въ четырехъ актахъ. Соч.* А. (?) Лажечникова. *Спб. Въ тип. А. Бородина и К°. 1842. Въ 8-ю д. л. 119 стр.*

Мы говорили уже объ этой драмѣ въ предъидущей книжкѣ «Отеч. Записокъ», говоря о «Дагеротипѣ»: теперь остается дополнить, что драму г. Лажечникова желающіе могутъ пріобрѣтать мимо «Дагеротипа». Да еще развѣ не мѣшаетъ дополнить, что или буква *А* передъ фамиліею г. Лажечникова въ заглавіи поставлена ошибкою, вмѣсто *И*, или что эта драма не есть сочиненіе даровитаго автора «Ледянаго Дома», «Новика» и «Басурмана». И то и другое можетъ быть весьма-вѣроятно.

290) **Осеннія Цвѣты.** *Стихотворенія* М. Демидова. *Въ двухъ отдѣленіяхъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Военно-учебныхъ Заведеній. 1842. Въ 8-ю д. л. 73 стр. Съ эпиграфомъ:* «Военный и партикулярный портной изъ Парижа Өедоръ Прохоровъ». *Вывѣска въ одномъ губернскомъ городѣ.*

291) **Вечерніе Досуги.** *Стихотворенія* М. Демидова. *Въ двухъ отдѣленіяхъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Военно-учебныхъ Заведеній. 1842. Въ 8-ю д. л. 62 стр. Съ эпиграфомъ:* «0×0=0». *Таблица умноженія.*

292) **Завѣтныя Думы.** *Стихотворенія* М. Демидова. *Въ двухъ отдѣленіяхъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Военно-учебныхъ Заведеній. 1842. Въ 8-ю д. л. 57 стр. Съ эпиграфомъ:* «Полкъ впередъ, дирекція на середину, рысью, маршъ!» *Командныя слова.*

Какое огромное богатство поэтическаго запаса! «Осенніе Цвѣты», и «Вечерніе Досуги» и «Завѣтныя Думы», и все это, для бóльшаго эффекта, въ двухъ отдѣленіяхъ, и притомъ, съ изящными, глубокознаменательными эпиграфами. Русская поэзія снова оживаетъ въ лицѣ г. Демидова, — и если нельзя сказать, чтобъ въ г. Демидовѣ Россія пріобрѣла новаго Пушкина, или новаго Лермонтова, то съ достовѣрностію и утвердительно можно сказать, что Россія пріобрѣла въ немъ новаго — г. Тимоѳеева... «Какого же это г. Тимоѳеева?» — спрашиваютъ насъ изумленные читатели: «мы не помнимъ никакого г. Тимоѳеева»... Кàкъ не помните? (отвѣчаемъ мы) Да того самого, что печаталъ въ «Библіотекѣ» и пѣсни, и элегіи, и поэмы, и мистеріи.. «А! мистеріи! мистеріи! теперь вспоминаемъ! эти мистеріи такъ забавляли насъ...» — хоромъ говорятъ намъ обрадовавшіеся читатели. Чтобъ еще болѣе усилить ихъ радость, напомнимъ имъ, что этотъ г. Тимоѳеевъ былъ провозглашенъ «Библіотекою» прямымъ наслѣдникомъ таланта Пушкина, и что этотъ г. Тимоѳеевъ издалъ свои пѣсни, элегіи, поэмы и мистеріи въ четырехъ томахъ, съ своимъ портретомъ. Гдѣ теперь этотъ г. Тимоѳеевъ, или гдѣ теперь эти четыре тома съ пѣснями, элегіями, поэмами, мистеріями и портретомъ г. Тимоѳеева, — мы также не знаемъ, какъ не знаетъ и публика. Это горестное обстоятельство повергло-было насъ въ унылыя размышленія о суетѣ поэтической славы въ семъ треволненномъ мірѣ, о непрочности патентовъ на безсмертіе, выдаваемыхъ инымъ поэтамъ пріятельскими журналами, и о многомъ другомъ; мы готовы были даже предаться отчаянію, которое было такъ сильно, такъ сокрушительно, что чуть-было не заставило насъ пуститься отъискивать четыре безъ вѣсти пропавшіе тома съ пѣснями, элегіями, поэмами, мистеріями и портретомъ г. Тимоѳеева, или, въ случаѣ неудачи, отъискать по-крайней-мѣрѣ тѣ книжки «Библіотеки», въ которыхъ г. Тимоѳеевъ провозглашенъ былъ прямымъ наслѣдникомъ таланта Пушкина... какъ вдругъ — о радость! — мы вспомнили о лежащихъ передъ нами трехъ тоненькихъ книжкахъ стихотвореній г. Демидова, изъ которыхъ каждая такъ удобно раздѣлена на два отдѣленія, снабжена такими затѣйливыми, остроумными и глубокомысленными эпиграфами.... Мы поскорѣе разрѣзали ихъ, начали перелистывать, заглянули туда-сюда (сердце говорило намъ, что насъ ожидаетъ что-то радостное) — хорошо, прекрасно, превосходно! Но, Боже великій! — это что̀ въ «Осеннихъ Цвѣтахъ»? — цѣлая поэма! Названіе ея — «Любопытный Мальчикъ»; она посвящается поэтомъ «его мальчикамъ-друзьямъ, Васин(ь)кѣ и Сережѣ»; въ ней съ мальчикомъ разговариваютъ, русскими стихами съ риѳмами Соловей, Стрекоза, Волна въ рѣкѣ, Цвѣтокъ... Такъ! это не поэма! предчувствіе не обмануло насъ: это — **мистерія**!. . Но далѣе — «Комета»! Слушайте:

Возсталъ съ ножемъ на брата братъ,
Вездѣ господствуетъ развратъ,
Порокъ, предательство, грабёжъ,
И въ людяхъ правды нѣтъ—все ложь.

Затѣмъ «Хоръ нечистыхъ духовъ» поетъ какой-то романсъ о томъ, что золото горитъ, блеститъ, и что для сердецъ оно—магнитъ. Потомъ является обсерваторія, а на ней астрономъ съ телескопомъ въ рукахъ. За обсерваторіей является *бѣдная крестьянская изба, мальчикъ дѣвочка* и *старикъ;* за ними—*нечистая, мрачная и холодная комната, съ скупцомъ;* далѣе—*площадь, сидѣлецъ изъ одной лавочки, сидѣлецъ изъ другой лавочки, господинъ А и господинъ Б; паяцъ изъ балагана,*—все это заключается «хоромъ небесныхъ силъ». Рѣшительная мистерія! Но не ею оканчивается все: есть еще мистерія подъ названіемъ «Талисманъ», и еще мистерія—«Картина», съ художникомъ,—все какъ у г. Тимоѳеева. Слѣдующая пьеса, не смотря на свою краткость и лаконизмъ, тоже принадлежитъ къ разряду мистерій:

Гордость.

«Пойду—и покорю себѣ моря и сушу,
И царства сильныя и грады, все разрушу!
Мнѣ міръ сей малъ!» сказалъ одинъ гордецъ.
«Заутра въ бой! Пусть свѣтъ меня узнаетъ,
Я богъ! безсмертный богъ! — Юпитеръ мой отецъ!»
Сказалъ и умеръ. День свѣтаетъ.
А гдѣ онъ, тотъ *глупецъ*?

Тотъ «глупецъ» долженъ быть не кто другой, какъ Александръ Македонскій... Но не удивляйтесь, что величайшій геній и герой древности—глупецъ: таково свойство мистерій; въ нихъ умные представляются дураками, а дураки умными. Потому-то онѣ и мистеріи!

Одно только странно показалось намъ въ стихотвореніяхъ г. Демидова. Всякая поэзія есть плодъ душевныхъ силъ поэта, а душевныя силы заключаются въ движеніи, жизни, вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ. Господинъ же Демидовъ, кажется, давно уже изжилъ всю свою жизнь и лишился всѣхъ своихъ душевныхъ силъ, какъ это ясно видно изъ слѣдующихъ стиховъ, разсѣянныхъ въ разныхъ его стихотвореніяхъ.

Вотъ, на-прим., что̀ говоритъ онъ о страстяхъ, безъ которыхъ поэту нельзя писать, какъ нельзя кораблю плыть безъ вѣтра:

Я ихъ не имѣю. Уже протекли,
Исчезли лѣта молодыя,
А съ ними потухли, пропали, прошли
Желанья и страсти былыя.
Угасли мечтанья подъ гнетомъ тоски;
Но часто онѣ оживаютъ,
Въ вѣнкахъ, какъ и прежде; *но эти вѣнки*
Ужь тлѣнье гробовъ навѣваютъ.

Или—и это еще ужаснѣе:

Увы! друзья! я юность *промоталъ*,
Я бросилъ въ грязь *алмазы вдохновеній*,
Я и *мечты* свои и *чувства* растерялъ
На пыльномъ торжествѣ сутъ и заблужденій.
Я для грядущаго въ *младенчествѣ быломъ*
Не собиралъ, увы! ни опытовъ, ни знаній,
И нынѣ, одряхлѣвъ и *тѣломъ* и *умомъ*,
Не рву, мои друзья, плодовъ воспоминаній.
Въ пирахъ промчалася она, моя весна,
Трудъ беззаботному гулякѣ былъ неве(ѣ)домъ;
И жизнь кончается, увы! *озарена*
Только (читай: *тольк*о̀) *эпо̀хами* межъ чаемъ и обѣдомъ.
Отъ вѣка я отсталъ (замѣтно!): чужой между своихъ,
Я въ одиночествѣ жизнь скучную кончаю,
И этихъ новыхъ мнѣній ихъ (*чьихъ*?)
И новыхъ думъ не понимаю.
И мнѣ былая жизнь печальна и тяжка,
Минувшіе поступки безъ значенья:
Минувшая тоска, увы! одна тоска
Чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй въ моемъ воображеньи...

Прерываемъ на минуту пьесу, чтобъ замѣтить, что два послѣдніе стиха суть весьма-удачное подражаніе двумъ стихамъ Пушкина:

Но какъ давно, печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ, чѣмъ старѣй, тѣмъ силь-
нѣй.

Такихъ весьма-удачныхъ подражаній весьма-много въ стихотвореніяхъ г. Демидова, и притомъ подражаній не одному Пушкину, но и Дельвигу и другимъ, въ-особенности же Полежаеву... Теперь кончимъ пьесу:

Хотя еще въ груди подъ *снѣгомъ пу-
стоты*,
Блистаетъ огонекъ, но безъ тепла и си-
лы;
Хотя еще и есть въ душѣ моей мечты,
Но ужь холодныя, какъ выходцы могилы.
О други! есть, *да*, есть ужасная печаль,
Ее вамъ высказать и вѣчности не ста-
нетъ:
Она какъ хладная, зазубренная сталь,
Грудь бѣдную пронзаетъ и *тиранитъ*.

Но, не смотря на это по-истинѣ бѣдственное положеніе поэта, въ его стихотвореніяхъ встрѣчаются красоты вѣчныя и неумирающія. Всѣхъ ихъ не выпишешь — такъ ихъ много; но *сталь*, которая *тиранитъ* бѣдную грудь, напоминаетъ удивительную красоту въ одномъ стихотвореніи г. Демидова: ея мы не можемъ не выписать. Вотъ она:

Что имя?—звукъ, *пороховой буракъ*,
Волна средь волнъ, песчинка въ массѣ
міра,
Мусатова *курительный* табакъ,
Или Гамлетъ великаго Шекспира!

Непонятно — и высоко: непонятно потому-что высоко, и высоко потому-что непонятно!...

Но лучше всего намъ понравились двѣ вещи во всѣхъ трехъ книжкахъ стихотвореній г. Демидова: во-первыхъ, эпиграфъ къ «Вечернимъ Досугамъ» — $0 \times 0 = 0$, что, вѣроятно, значитъ: «нуль, помноженный на нуль, даетъ въ произведеніи нуль»: во-вторыхъ, вотъ эти стихи:

Нѣтъ, нѣтъ! сегодня вдохновенье
Не озаряетъ хладный умъ;
И нѣтъ въ моемъ стихотвореньи
Ни сильныхъ чувствъ, ни новыхъ думъ!
Иди жь въ огонь, ты, трудъ несчастный,
Дитя горбатое мое,
Да не увидитъ свѣтъ безстрастный
Въ тебѣ убожество твое!
Какъ скучно! (*Веч. Дос., стр. 6.*)

Эти стихи до того намъ понравились, что мы невольно повторяли ихъ по прочтеніи каждаго изъ стихотвореній г. Демидова...

Рѣшительно, если «Библіотека для Чтенія» права, что г. Тимоѳеевъ былъ прямымъ наслѣдникомъ таланта Пушкина, то мы еще правѣе, утверждая, что г. М. Демидовъ прямой наслѣдникъ и таланта и славы г. Тимоѳеева.

293) Наслѣдство Комедіанта, или Имперія и Возстановленіе. (L'homme aux trois culottes). *Романъ* Поль-де-Кока. *Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Н. Греча. Двѣ части. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 346, во II-й—355 стр.*

Поль-де-Коку вздумалось, по-своему, охарактеризовать, въ романѣ, три знаменитыя эпохи французской исторіи послѣдняго времени — Республику, Имперію и Возстановленіе, — и онъ превосходно это сдѣлалъ, если смотрѣть на дѣло съ его точки зрѣнія. Впрочемъ, о содержаніи этого романа было уже говорено въ XVI томѣ «Отеч. Записокъ», въ отдѣлѣ *Иностранной Литературы* (стр. 7). Переводъ вообще сносенъ; изданіе сдѣлано по-человѣчески: бумага и печать порядочные, и, вмѣсто четырехъ тощенькихъ уродливыхъ частицъ, читатели получатъ двѣ убористо и четко-напечатанныя части, въ форматѣ, котораго длина и ширина соотвѣтственны толщинѣ. Словомъ, это одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ переводовъ романовъ Поль-де-Кока, которые еще можно брать въ руки тѣмъ, кто не можетъ читать по-французски.

294) Черный Гробъ *или Кровавая Звѣзда. Кіевское повѣрье XVII вѣка.* Изданіе второе. *Москва. Въ тип. Лазаревыхъ. 1842. Въ 12-ю д. л. 99 и 79 стр.*

Книга, которой, какъ можно надѣяться по всему, суждено безсмертіе въ

«россійской» литтературѣ. Отличаясь всѣми похвальными качествами, которыя такъ нравятся извѣстнаго рода публикѣ въ «Гуакахъ», «Милордахъ» и другихъ тому-подобныхъ неподражаемыхъ твореніяхъ, она, конечно, дотѣхъ-поръ не будетъ имѣть недостатка въ читателяхъ, пока не выведутся на Руси полуграмотные люди, читающіе книги по складамъ; — а такіе не взъискательные читатели едва-ли когда переведутся. И такъ, мы смѣло обѣщаемъ «Черному Гробу» такую же продолжительную жизнь, какою, благодаря невѣжеству, пользуются уже у насъ «Гуаки» и «Милорды», и нисколько не удивимся, если встрѣтимъ не только третье, даже десятое изданіе такого творенія. Жалѣемъ, что скромность автора не позволила ему откровенно напечатать свое имя на заглавномъ листкѣ: по всѣмъ правамъ, и оно, вмѣстѣ съ твореніемъ, должно бы перейдти къ потомкамъ и сохраниться до позднѣйшаго времени.

295) Сказка *объ Игнашѣ Разумѣ, о прекрасной Людмилѣ, пріамской царевнѣ, объ алмазномъ замкѣ, о чугунномъ мостѣ, двѣнадцатиглавомъ змѣѣ и о волшебникѣ Колдоранѣ. Въ вольныхъ стихахъ. Соч.* И. Руссо. *Санктпетербургъ. Въ тип. А. Сычева. Въ 12-ю д. л. 95 стр.*

Хотя нелѣпое заглавіе и типографія г. Сычева сами-по-себѣ удовлетворительно опредѣляютъ достоинство этой книжонки, однако мы все-таки выпишемъ изъ нея нѣсколько *вольныхъ* стиховъ (т. е. *плохихъ*, ибо, по мнѣнію сочинителя этихъ пустяковъ, *вольные* и *плохіе* стихи — одно и то же), чтобъ читатели сами могли видѣть, каково это новое «макарьевское» произведеніе:

Время шло и шло не мало,
Лѣтъ пятнадцать миновало;
Сынъ растетъ не по годамъ,
Не по днямъ, а по часамъ.
Парень всѣмъ былъ такъ хорошъ.
Переросъ отца Игнаша,
Да ума въ немъ, *воля ваша*,
Не найдется ни на грошъ.

Именно, ни на грошъ — ни въ Игнашѣ, ни во всей этой книжкѣ.

296) Русскіе *въ доблестяхъ своихъ въ вѣрѣ, вѣрности и въ любви своей къ престолу и отечеству. Соч.* Сергѣя Глинки. *Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. А. Сычева. Две книжки. Въ 8-ю д. л. Въ I-й книжкѣ 86, во II-й — 62 стр.*

Предметъ и содержаніе этихъ книжекъ заслуживали бы, по своей важности, лучшей бумаги, лучшей типографіи и лучшаго изложенія. Но, по русской пословицѣ: «чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ», г. Глинка «предъявилъ» (говоря его любимымъ словомъ) какъ могъ и что могъ россійской публикѣ въ ея пользу и назиданіе. Если публика узнаетъ о существованіи этого «предъявленія», то, вѣроятно, будетъ за него благодарна усердному сочинителю; если же не узнаетъ — ловкіе книгопродавцы распродадутъ ее вмѣстѣ съ пѣсенниками и сѣренькими романами. Въ томъ и другомъ случаѣ, книга не пропадетъ.

297) Объ Отношеніи Семейнаго Воспитанія къ Государственному. *Рѣчь произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, 25 іюня 1842 года, ординарнымъ профессоромъ русской словесности, докторомъ философіи и членомъ Педагогическаго Института* Степаномъ Шевыревымъ. *Москва. Въ Университетской тип. 1842. Въ 8-ю д. л. 89 стр.*

Рѣчь, или, — какъ называетъ ее самъ авторъ — слово, исполненное многихъ высокихъ мыслей и сильныхъ ораторскихъ движеній. Мысль, которую ораторъ полагаетъ въ основаніе своего слова, и которая, какъ онъ говоритъ, «глубоко запала ему въ душу», весьма проста и естественна: она состоитъ въ томъ, что идеалъ совершеннаго воспитанія «въ настоящую минуту, въ нашемъ отечествѣ особенно», заключается въ неразрывной связи воспитанія семейнаго съ государственнымъ. Это прекрасно, и это всѣ мы знаемъ. Но

насъ сбиваетъ съ толку способъ, принятый авторомъ для раскрытія передъ нами этого положенія, и логика, которою онъ руководствовался при изложеніи своихъ мыслей объ этомъ предметѣ. Сказавъ, въ чемъ, по его мнѣнію, состоитъ идеалъ современнаго воспитанія въ нашемъ отечествѣ, ораторъ тотчасъ прибавляетъ: «сію-то мысль постараюсь раскрыть передъ вами, сначала путемъ мышленія, послѣ — путемъ исторіи». Въ-слѣдствіе такого дѣленія, вся рѣчь автора дѣйствительно распадается на двѣ отдѣльныя половины, изъ которыхъ въ одной, на основаніи выводовъ, сдѣланныхъ знаменитѣйшими нѣмецкими педагогами, излагается идеалъ современнаго воспитанія, а въ другой дѣлается историческій обзоръ воспитанія у важнѣйшихъ народовъ древняго и новаго міра. Положимъ, что та и другая половина, взятыя въ отдѣльности, представлены ораторомъ въ совершеннѣйшемъ видѣ, достойномъ современнаго состоянія вопроса; положимъ, что въ той и другой части, разсматриваемыхъ порознь, нѣтъ ни значительныхъ пропусковъ, ни странныхъ парадоксовъ, ни произвольно-составленныхъ понятій; но прежде, чѣмъ мы станемъ читать или слушать это двойное изложеніе одного и того же предмета, мы еще спросимъ у оратора: къ-чему же это произвольное дѣленіе? зачѣмъ вамъ путь исторіи, когда вы хотите говорить о современности? къ-чему послужитъ вамъ этотъ длинный - длинный переборъ всѣхъ націй на земномъ шарѣ, съ подробными розысканіями о семейномъ бытѣ у каждаго народа, когда вы сами избрали себѣ задачею — представить идеалъ *современнаго* воспитанія, и притомъ въ особенности въ своемъ отечествѣ? Знаемъ, что почти каждый народъ смотритъ на воспитаніе съ своей точки зрѣнія, и что, сообразно съ тѣмъ, у каждаго народа воспитаніе принимало свой особенный, національный характеръ; знаемъ, что, коснувшись разъ этого предмета, можно говорить много, безконечно много, такъ-что и конца не будетъ вашему многоглаголанію, особенно если вы отъ природы довольно-словоохотливы; но, Бога-ради, къ-чему все это? какъ это вяжется съ вашею тэмою, которую вы сами избрали для себя съ полною свободою и высказали намъ съ такою опредѣленностью? Или вы, можетъ-быть, хотѣли *кстати*, пользуясь случаемъ, насказать намъ множество прекрасныхъ вещей, которыя вы очень-хорошо знаете, и которыя мы рисковали бы никогда не узнать въ противномъ случаѣ? Пусть и такъ; соглашаемся и на то, что, ревнуя къ нашей пользѣ, вы не могли лучше сдѣлать, какъ сказать намъ двѣ отдѣльныя рѣчи, изъ которыхъ въ одной тотъ же самый предметъ былъ бы разсмотрѣнъ съ исторической точки зрѣнія, а въ другой — съ философской. Но мы опять въ недоумѣніи: мысль свою вы раскрываете *сначала* путемъ мышленія, а потомъ уже путемъ исторіи: почему же не наоборотъ? Мы такъ привыкли начинать всѣ наши познанія съ опыта и представлять себѣ прошедшее предшествующимъ настоящему, что, при всемъ нашемъ желаніи вѣрить въ логику вашихъ мыслей, не можемъ не видѣть въ вашей рѣчи превращенія самаго обыкновеннаго логическаго порядка. Если вы рѣшили намъ вопросъ «путемъ мышленія», то къ-чему еще слушать намъ другое рѣшеніе, которое, конечно, должно сказать намъ то же самое; къ-чему возвращаться далеко назадъ и снова дѣлать, можетъ-быть, еще дальнѣйшій путь, чтобъ прійдти опять къ тому же самому пункту? И точно ли это будетъ рѣшеніе, второе раскрытіе той мысли, которую вы разъ уже раскрыли путемъ мышленія? Нисколько! это будетъ только предисловіе, поставленное на мѣстѣ заключенія: внѣ мышленія, однимъ путемъ исторіи вы можете объяснить намъ всѣ подробности воспитанія въ прежнія времена и ничего не сказать о современныхъ тре-

бованіяхъ воспитанія; тогда вы снова должны будете обратиться къ оставленному вами пути мышленія и еще разъ повторить то, что вы уже сказали прежде, во время вашего путешествія по первому изъ двухъ извѣстныхъ вамъ путей. Просимъ сообразить при этомъ, какой хаосъ частей долженъ быть въ цѣломъ сочиненіи при такомъ способѣ изложенія. Мы нарочно заглядывали во вторую половину рѣчи оратора, чтобъ видѣть, какимъ невѣдомымъ искусствомъ умѣлъ онъ выйдти изъ этого затруднительнаго положенія, и нашли въ ней ни больше, ни меньше, какъ нѣсколько отдѣльныхъ, коротенькихъ извѣстій не о воспитаніи, а о семейномъ бытѣ Евреевъ, Китайцевъ, Египтянъ, Грековъ и проч., — извѣстій, не связанныхъ между собою никакою общею мыслію, и потому нисколько непомогающихъ раскрытію главной мысли. За то, конечно, въ этой части сдѣлано множество блестящихъ открытій, доказано, напримѣръ, ясно какъ день Божій, что семейная жизнь въ Германіи находится въ плачевномъ состояніи (стр. 57), что древніе Славяне могли гордиться, въ-отношеніи къ семейному быту, даже передъ образованными Римлянами и Греками (стр. 61), и разное иное тому подобное; но это частности, — а мы искали связи между главными мыслями.

Плохо знаемъ мы условія краснорѣчія академическаго: можетъ-быть, оно и позволяетъ такого рода отступленія отъ общаго порядка вещей, которыя мы въ простотѣ нашей называемъ неправильностями. Но мудрено кажется намъ, какъ могъ ораторъ не замѣтить, что два избранные имъ пути нераздѣльны одинъ отъ другаго, и что путь исторіи есть также путь мысли, конечно уже прошедшей, отжившей, но все же мысли, и что на основаніи, положенномъ этою прошлою, отжившею мыслію, утверждается зданіе новой, современной. Отдѣлять одно отъ другаго, дѣлать изъ одного два «пути», и построенія такъ-называемаго чистаго мышленія предпосылать даннымъ исторіи, значитъ то̀ же, что̀ сначала строить воздушные за̀мки, а потомъ полагать имъ солидное основаніе.

Но, остановившись на дѣленіи, мы отвлеклись отъ предмета. Рѣчь нашего оратора, мы уже сказали, изобилуетъ многими высокими мыслями и движеніями истинно-ораторскими. Самое же важное, неотъемленое достоинство сочиненія составляетъ слогъ его. Любители истиннаго слогу не найдутъ здѣсь развѣ только одного изъ существенныхъ признаковъ, по которымъ они отличаютъ слогъ отъ не-слога, то-есть буквы *у*, которою они вооружаютъ всѣ русскіе родительные падежи. Все прочее въ своемъ видѣ. Фраза господина Шевырева изящна, умна, оборотлива; это фраза ученая, дышащая мыслію, фраза, которая сама есть мысль. Тѣ, которые будутъ имѣть удовольствіе читать рѣчь, сами увидятъ, какъ много такихъ фразъ разсыпано въ цѣломъ сочиненіи, начиная съ первой страницы, гдѣ говорится о «мирной субботѣ покоя и торжества», и до послѣдней.

298) Описаніе Древнихъ Русскихъ Монетъ. *Прибавленіе третіе. Съ изображеніемъ шестидесяти монетъ. Москва. Въ тип. Селивановскаго. 1842. Въ 8-ю д. л. 67 стр.*

Русской нумизматикѣ, столько уже обязанной трудамъ почтеннаго г. Черткова, съ успѣхомъ разработывающаго эту важную и до него почти нетронутую часть, представляется новый случай благодарить дѣятельнаго своего споспѣшника: послѣднее прибавленіе къ «Описанію Древнихъ Русскихъ Монетъ» есть новое важное завоеваніе, новый шагъ впередъ въ этой, до-сихъпоръ еще мало очищенной области. Здѣсь описаны и объяснены нѣкоторыя вновь открытыя монеты Княжествъ — Московскаго, Тверскаго, Рязанскаго, нѣкоторыхъ князей удѣльныхъ (звенигородскаго, можайскаго и проч.) и мо-

неты неизвѣстныя. Особенно-замѣчательны изображенія монетъ, съ величайшею отчетливостію сдѣланныя художникомъ Тромонинымъ, который въ своемъ искусствѣ, кажется, не имѣетъ у насъ соперниковъ.

299) Поучительныя Слова *протоіерея* Сергія Соколовскаго. *Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Инст. Восточ. Языковъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 122 стр.*

Если бы эта книга и не отличалась особеннымъ краснорѣчіемъ, то по предмету и цѣли своей могла бы найдти себѣ множество читателей.

300) Общій Отчетъ, представленный Его Императорскому Величеству по Министерству Народнаго Просвѣщенія *за 1841 годъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Академіи Наукъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 109 стр.*

Министерство Народнаго Просвѣщенія, продолжая, въ-теченіи 1841 года, съ равнымъ успѣхомъ и дѣятельностью заботиться о постепенномъ развитіи и усовершенствованіи многочисленныхъ заведеній, ввѣренныхъ его управленію, занималось, сверхъ того, преобразованіемъ важной отрасли университетскаго преподаванія.

Двѣ медико-хирургическія академіи, въ Москвѣ и Вильнѣ, учрежденныя съ спеціальною цѣлію и состоявшія подъ надзоромъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, не имѣя болѣе прежняго назначенія, съ 1839 года были присоединены къ числу учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія. Въ-послѣдствіи, оказалось необходимымъ дать имъ другое, полезнѣйшее направленіе. Заведенія эти много выиграли отъ присоединенія ихъ къ университетамъ, въ которыхъ студенты должны находить средства пріобрѣтать возможно-болѣе обширныя и разнообразныя познанія. По разсмотрѣніи всего, относящагося къ этому преобразованію во временномъ медицинскомъ комитетѣ, открывшемъ свои засѣданія въ началѣ года, рѣшено было, чтобъ Виленская Медико-Хирургическая Академія, замѣщенная уже, такъ-сказать, факультетомъ медицинскимъ, учрежденнымъ въ прошломъ году при Университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ и отъ-того сдѣлавшаяся лишнею, была совершенно закрыта. Большая часть библіотеки и другихъ коллекцій этой академіи перенесена уже въ Кіевъ, куда не замедлятъ перевезтись и остальное; низшіе классы уже закрыты, и въ нихъ не принимаются болѣе воспитанники; только высшіе классы остаются еще открытыми до совершеннаго окончанія курса наукъ всѣми находящимися въ академіи студентами. Подобныя же мѣры приняты въ Московской Медико-Хирургической Академіи, которую назначено присоединить къ тамошнему университету; низшіе классы тамъ также закрыты, и молодые люди, желающіе посвятить себя изученію медицины, должны уже обращаться въ Московскій Университетъ. Въ-слѣдствіе этихъ распоряженій, число воспитанниковъ въ сихъ заведеніяхъ должно было уменьшиться значительно; между-тѣмъ, какъ число молодыхъ людей, оканчивающихъ свое образованіе въ университетахъ, замѣтно возрастало, что̀ видно изъ слѣдующей сравнительной таблицы состоянія этихъ заведеній въ-продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ:

	1840.		1841.	
	Число чиновниковъ и преподавателей.	Число студентовъ.	Число чиновниковъ и преподавателей.	Число студентовъ.
Университеты.				
Санктпетербургскій	59	433	58	503
Московскій	82	932	97	925
Дерптскій	66	530	64	504

Харьковскій.	79	468	77	451
Казанскій.	74	237	81	275
Св. Владиміра (въ Кіевѣ). . .	55	140	55	200
Итогъ	415	2,740	432	2,858
Медико-Хирургическія Академіи:				
Московская.	54	416	53	289
Виленская.	40	381	24	100
Итогъ	94	797	77	389

Что касается до заведеній, занимающихъ первое мѣсто послѣ университетовъ, какъ то: Главный Педагогическій Институтъ въ Санктпетербургѣ и три лицея, то вотъ итоги, какіе они представляютъ въ-теченіи двухъ лѣтъ, о которыхъ говоримъ мы:

	1840. Число чиновниковъ и преподавателей.	1840. Число учащихся.	1841. Число чиновниковъ и преподавателей.	1841. Число учащихся.
Главный Педагогическій Институтъ.	43	168	47	148
Ришельёскій Лицей	25	52	29	81
Демидовскій —	20	33	20	39
Князя Безбородки.	15	19	18	49
Итого въ лицеяхъ	60	104	67	169
Итогъ по всѣмъ заведеніямъ перваго разряда . . .	612	3,809	629	3,564 (*)

Число лицъ, получившихъ какъ различныя ученыя степени, такъ болѣе или менѣе ограниченное право занимать должности хирурговъ, дантистовъ, ветеринаровъ, фармацевтовъ и проч. въ-теченіи года простиралось до 845; въ это число входятъ студенты, окончившіе курсъ наукъ, и другія

(*) Въ библіотекахъ, при этихъ заведеніяхъ, въ концѣ 1841 года, находилось слѣдующее число книгъ: Въ Университетахъ: — Санктпетербургскомъ — 28,880 томовъ; Московскомъ — 69,410 томовъ; Харьковскомъ — 39,805 том.; Казанскомъ — 36,421 томъ; Дерптскомъ — 68,426 том., Кіевскомъ — 56,367 том. — Въ Педагогическомъ Институтѣ — 8,841 томъ; въ лицеяхъ: Ришельёскомъ — 8,848 том., Демидовскомъ — 5,644 тома; князя Безбородки — 6,777. — Сравнивая эти числа съ прежними, приведенными въ отчетахъ за 1840, 1839 и 1838 годы, найдемъ, что всѣ эти библіотеки получили значительное приращеніе въ-продолженіи прошлаго года, такъ же, какъ и въ предъидущихъ годахъ. То же должно разумѣть и о другихъ коллекціяхъ университетскихъ, какъ-то: музеяхъ естественной исторіи, минц-кабинетахъ, собраніяхъ астрономическихъ и другихъ снарядовъ, изъ которыхъ нѣкоторые сдѣлались очень-замѣчательными, особенно астрономическія обсерваторіи при университетахъ Дерптскомъ, давно уже прославившемся, Казанскомъ и Кіевскомъ, пріобрѣтшемъ превосходное собраніе инструментовъ, сдѣланныхъ въ мастерскихъ Уцшнейдера и Фрауэнгофера, въ Мюнхенѣ. Многія другія библіотеки, находящіяся въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, также обогатились новыми пріобрѣтеніями и въ нихъ число книгъ слѣдующее: въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ (вмѣстѣ съ рукописями) — 434,567 томовъ; въ Библіотекѣ С. П. Б. Академіи Наукъ — 100,475 томовъ, въ Библіотекѣ Румянцовскаго Музеума — 32,750 томовъ, въ Публичной Варшавской Библіотекѣ — 62,299 томовъ.

лица, подвергавшіяся предписаннымъ законами экзаменамъ.

Вообще, дѣйствія университетовъ не были ни менѣе-живы, ни менѣе-богаты результатами, въ сравненіи съ предшествовавшими годами. Занимаясь безпрерывно расширеніемъ области наукъ, многіе профессоры предпринимали путешествія для обозрѣнія малоизвѣстнѣйшихъ частей нашего обширнаго отечества, или же за границу, для обозрѣнія замѣчательнѣйшихъ общественныхъ заведеній и богатѣйшихъ коллекцій. Между-прочимъ, двумъ молодымъ ученымъ Казанскаго Университета, гг. Березину и Диттелю, даны позволеніе и средства для усовершенствованія въ языкахъ арабскомъ, персидкомъ и турецко-татарскомъ, предпринять трехлѣтнее путешествіе по Европейской Турціи, Малой Азіи, Персіи, Сиріи и Египту. Сверхъ-того, Казанскій Университетъ продолжаетъ издавать свои «Записки», составляющія четыре тома въ годъ.

Въ отчетахъ за прошедшіе годы мы имѣли случай обратить вниманіе читателей на особенное попеченіе Министерства о развитіи преподаванія техническихъ наукъ во всѣхъ частяхъ Россійской Имперіи. Съ 1839 года, для этой цѣли сочтено нужнымъ образовать, при извѣстномъ числѣ гимназій и уѣздныхъ училищъ, спеціальныя отдѣленія, похожія на заведенія, извѣстныя въ Германіи подъ названіемъ *реальныхъ школъ* (Real-Schulen) и назначенныхъ для доставленія воспитанникамъ средствъ пріобрѣтать свѣдѣнія необходимыя для торговли и промышлености. Первыя школы такого рода открыты были въ томъ же году въ Москвѣ, Тулѣ, Курскѣ и Вильнѣ при гимназіяхъ, въ Ригѣ и Керчи при уѣздныхъ училищахъ; въ 1841 году оказалась возможность приступить къ образованію новаго заведенія въ этомъ родѣ при Архангельской Гимназіи. Сверхъ-того, публичныя лекціи о точныхъ наукахъ, примѣненныхъ къ земледѣлію и промышлености, продолжались въ разныхъ университетахъ Имперіи.

Число низшихъ учебныхъ заведеній увеличилось въ-теченіи прошлаго года въ первыхъ восьми учебныхъ округахъ одною гимназіею, 4 уѣздными и 38 приходскими училищами, и представляло въ концѣ періода, объемлемаго этимъ отчетомъ, слѣдующіе итоги:

Гимназій	74		съ 16,896 учащимися.
Уѣздныхъ училищъ . . .	442	}	съ 80,594 учащимися.
Приходскихъ.	1,021	}	
Частныхъ школъ и пансіоновъ.	481 (*)	}	
Итого. .	2,018 училищъ		— 97,490 — — —
Въ предъидущемъ году считалось	1,981		— 97,561 — — —

а, вмѣстѣ съ университетами и другими высшими учебными заведеніями, о которыхъ говорено выше,

въ 1840 году.	1,995 заведеній		съ 101,370 учащимися.
— 1841 —	2,032 — — —		— 101,054 — — —

Въ Санктпетербургскомъ Учебномъ Округѣ успѣхи, въ-теченіи послѣднихъ лѣтъ, были самые замѣчательные; въ немъ, не только число учебныхъ заведеній увеличилось съ 1833 года 2 гимназіями, 3 уѣздными, 49 приходскими, 4 школами при церквахъ иностранныхъ исповѣданій, и 12 пансіонами, основанными частными людьми; но и число воспитанниковъ въ-теченіи этого времени удвоилось, а число студентовъ даже утроилось.

(*) Въ предъидущемъ году было ихъ 486.

Здѣсь, какъ во всей Имперіи, быстрые успѣхи такого множества заведеній, устроенныхъ въ столь короткое время, были облегчаемы многочисленными пожертвованіями дворянства и купечества въ разныхъ губерніяхъ, оцѣнившаго по достоинству благодѣтельные виды правительства. Благодаря денежнымъ приношеніямъ дворянства, превзошедшаго даже надежды правительства, представилась возможность основать при 45 гимназіяхъ въ различныхъ городахъ внутренней Россіи *благородные пансіоны* – заведенія полезныя, которымъ родители, живущіе въ деревняхъ, могутъ ввѣрять своихъ дѣтей и въ которыхъ бѣднымъ людямъ предоставлено безденежное содержаніе. Такъ, напр., дворянство Минской Губерніи въ-теченіи прошлаго года назначило капиталъ въ 15,000 рубл. сер. на построеніе дома для благороднаго пансіона при Минской Гимназіи, а проценты съ такой же суммы, положенной въ одномъ изъ кредитныхъ установленій, на содержаніе извѣстнаго числа дѣтей бѣдныхъ дворянъ.

Изъ числа учебныхъ заведеній, основанныхъ частными людьми, нѣкоторыя обязаны своимъ происхожденіемъ также благотворительности частныхъ лицъ. Сюда принадлежитъ особенно школа для молодыхъ бѣдныхъ дѣвицъ, основанная въ столицѣ Ея Свѣтлостію, Принцессою Ольденбургскою. Нельзя также умолчать о другомъ счастливомъ обстоятельствѣ: Евреи, столь многочисленные въ западныхъ губерніяхъ Россіи, начинаютъ наконецъ понимать благодѣтельныя намѣренія правительства и подражаютъ примѣру другихъ классовъ общества; въ Вильнѣ и Гольдингенѣ, въ Курляндіи, основаны двѣ элементарныя школы насчетъ послѣдователей закона моисеева, для дѣтей-Евреевъ, равно какъ шесть другихъ въ Польшѣ.

Между заведеніями, сравненными съ гимназіями, заслуживаетъ вниманіе во многихъ отношеніяхъ Московскій Лазаревыхъ Институтъ Восточныхъ Языковъ, основанный на иждивеніи частнаго лица, г. каммергера Лазарева. Суммы, опредѣленныя на содержаніе этого заведенія, дали, въ прошломъ году, возможность устроить два новые класса, равно какъ особенное отдѣленіе, въ которое будетъ принято до 20 учениковъ, назначаемыхъ въ духовное званіе армянскаго исповѣданія.

Остается упомянуть еще о девятомъ учебномъ округѣ—Варшавскомъ. Тамъ приведенъ въ дѣйствіе новый уставъ для школъ, основанныхъ частными лицами; одно изъ тѣхъ училищъ, которыя мы означили выше подъ названіемъ *реальныхъ*, основано въ Варшавѣ, а курсы, открытые при Санктпетербургскомъ и Московскомъ Университетахъ, представляютъ польскому юношеству средства изучать, въ общемъ курсѣ университетскаго преподаванія, права своего отечества. Вотъ сравнительное состояніе, въ-теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, учебныхъ заведеній въ этомъ округѣ:

	Число заведеній.	Число учащихся.	Число заведеній.	Чис. учащихся.
1. Спеціальныя училища.				
Дополнительные Педагогическіе Курсы	1	126	1	178
Институтъ Сельскаго Хозяйства въ Маримонтѣ	1	90	1	115
Реальная Гимназія	»	»	1	325
Институтъ первоначальныхъ учителей въ Ловичѣ	1	63	1	54
Училище Раввиновъ	1	160	1	175
2. Общія учебныя заведенія.				
Гимназій	10	4,042	10	3,886

Обводовыхъ училищъ	21	3,132	21	2,847
Воскресныхъ ремесл. училищъ . .	69	7,159	74	6,842
Начальныхъ училищъ.	936	42,573	941	40,758
Еврейскихъ училищъ	»	»	6	279
	1,036	56,942	1,052	54,612
3. Частныхъ заведеній . . .	195	4,660	185	5,400
Итого. . .	1,235	62,050	1,242	60,859

Такимъ-образомъ, во всей Россійской Имперіи и Царствѣ Польскомъ число учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, въ 1841 году, простиралось до 3,274, а число учащихся въ нихъ—до 161,919.

Что касается до трудовъ Санктпетербургской Академіи Наукъ, Археографической Коммиссіи и пр., мы отдавали о нихъ отчеты въ отдѣлѣ Смѣси, подъ названіемъ «Засѣданія Ученыхъ Обществъ въ Россіи и Чужихъ Краяхъ».

301) Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, 1842 *годъ. Треть первая. С. Петербургъ. Въ тип. Фишера. Въ 8-ю д. л. IV и* 238 *стр. Съ рисунками.*

Изъ предисловія узнаемъ мы, что впредь Общество будетъ издавать труды свои каждую треть по одной книжкѣ отъ 10 до 12 листовъ. Нельзя не порадоваться такому намѣренію. — Вотъ содержаніе 1-й книжки:

1) Отчетъ о дѣйствіяхъ Общества за 1841 годъ, изъ котораго между-прочимъ видно, что Общество поставило себя на ту ногу, на которой подобныя учрежденія существовать должны. И такъ, надежды наши при извѣстіи о избраніи новаго предсѣдателя и секретаря сбылись въ полной мѣрѣ; послѣдствія должны быть полезны для успѣховъ нашего хозяйства и для славы Общества.

2) Взглядъ на полуостровъ Крымъ въ земледѣльческомъ и промышленомъ отношеніи, члена Шмальца, безъ сомнѣнія извѣстнаго нашимъ агрономамъ. Нынѣшнее его сочиненіе есть не болѣе, какъ краткій, обзоръ но оно достойно поддерживаетъ знаменитость, заслуженную профессоромъ Альтнустгофской Земледѣльческой въ Лифляндіи Школы.

Этимъ не хотимъ мы однакожь сказать, чтобъ были согласны во всѣхъ многочисленныхъ статьяхъ творенія почтеннаго сочинителя; на-примѣръ: мы думали бы для разведенія точно-необходимыхъ лѣсовъ въ Таврической Губерніи вообще черенки тополей перевозить осенью и рано весною, отнюдь не разрѣзывая, но цѣлыми вѣтвями, у которыхъ завядшіе въ дорогѣ концы отрѣзывать прочь, а остальное на мѣстѣ уже, помочивши около сутокъ въ водѣ, раздроблять для садки; при томъ не слѣдуетъ забывать опытовъ уже сдѣланныхъ въ Южной Россіи о разведеніи красной ветлы или шелюги и айлантуса.

Всего болѣе несогласны мы съ мнѣніемъ г. Шмальца относительно наполненія Крыма колонистами, вызванными изъ прусскихъ областей, и еще съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать ихъ хозяевами, а классъ работниковъ (въ которыхъ почтенный авторъ тоже чувствуетъ большую нужду), кажется, склоненъ онъ составить изъ русскихъ сельскихъ жителей, вызванныхъ изъ другихъ губерній, какъ должно догадываться.

На это замѣтимъ, что изъ Германіи и изъ Европы вообще, ежегодно переселяется въ Америку огромное количество людей всякаго рода, безъ малѣйшихъ изъ тѣхъ поощреній, которыя Россія имъ такъ щедро оказываетъ. О жалкой участи большей части этихъ людей въ Америкѣ неоднократно имѣли мы случай читать извѣстія въ журналахъ и мѣстныхъ описаніяхъ, которыя доказываютъ, что положеніе ихъ

не дѣлается лучше, хотя они только того и ищутъ тамъ, чтобъ быть работниками. Къ-чему же эти претензіи на особыя хозяйства? и чему научатъ, по части садоводства, дѣланія вина, разведенія шолка, жители Пруссіи, подобнымъ производствомъ на родинѣ своей незанимавшіеся? По-нашему, всего было бы ближе и надежнѣе вызвать нѣкоторое число семействъ изъ губерній, въ которыхъ жители наиболѣе занимаются садоводствомъ, на-примѣръ: Туляковъ, Владимірцевъ, Вязниковцевъ, Гороховцевъ, Курчанъ, Дорогобужцевъ и пр. и пр., поселить ихъ въ Крыму, съ привилегіями и правами колонистовъ; дать имъ хорошія печатныя руководства по части винодѣлія, шелководства и проч., поручить ихъ особому надзору Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи; для нагляднаго ученія, между ними поселить семьи по двѣ Нѣмцевъ, вызванныхъ не изъ Пруссіи, а съ береговъ Рейна, Неккера или Дуная; для лучшаго образованія дѣтей ихъ, учредить школу садоводства, гдѣ преподовалось бы разведеніе шелка, табака, гармалы, крапа, polygonum tinctorium и пр. и пр., вмѣстѣ съ правилами съемки на планъ, нивеллированія, строенія шлюзовъ (для поливки), производства строеній изъ сырцоваго кирпича, изъ плетня, обмазаннаго глиною, и пр. и пр. Все это было бы удобнѣе, дешевле и полезнѣе, нежели наполнять Крымъ иноземцами, которыхъ тамъ и безъ того слишкомъ много и, слѣдовательно, обрусить ихъ трудно; а обрусить непремѣнно-нужно.

3) О пользѣ заведенія рыбныхъ прудовъ. Надобно было бы намъ обратить на этотъ предметъ давно болѣе вниманія.

4) Замѣчаніе объ искусственномъ освѣженіи воздуха въ ульяхъ (съ рисункомъ).

5) Опыты объ употребленіи жидкостей для закалки стекла въ Россіи.

Надѣемся, что публика окажетъ участіе, принимаемое ею въ полезномъ начинаніи или возобновленіи прежняго журнала Санктпетербургскаго Экономическаго Общества.

302) Описаніе Олонецкой Губерніи *въ историческомъ, статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, составленное* В. Дашковымъ. *Спб. Въ тип. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1842. Въ* 8-ю *д. л.* 222 *стр.*

Особенной похвалы заслуживаютъ сочиненія, имѣющія цѣлію ознакомленіе Русскихъ съ ихъ великимъ отечествомъ, части котораго такъ разнообразны, такъ непохожи одна на другую, и для узнавія которыхъ у насъ мало средствъ. Но еще-большей похвалы заслуживаютъ такія сочиненія, когда они составляются такъ хорошо, полно и удовлетворительно, какъ сочиненіе г. Дашкова. Книга издана опрятно; къ ней приложены: литографированный видъ Петрозаводска и — что удвоиваетъ цѣну книги — вѣрно-составленная и хорошо-отпечатанная карта Олонецкой Губерніи.

303) Картины Русской Живописи. *Выпускъ третій. Гравюра: Явленіе Христа Магдалинѣ, съ картины Иванова. Санктпетербургъ.* 1842. *Въ* 8-ю *д. л.* 32 *стр.* (Цѣна каждому выпуску 50 к. сер.; при полученіи выпуска вносятся деньги за слѣдующій).

Гравюра «Явленіе Христа Магдалинѣ», приложенная при этомъ третьемъ выпускѣ «Картинъ Русской Живописи» сдѣлана превосходно. Скорбное, плачущее лицо Магдалины, на которомъ замѣтны слѣды долговременныхъ, глубокихъ страданій, и которое такъ поражало всѣхъ знатоковъ живописи въ превосходной картинѣ нашего знаменитаго художника Иванова, присланной изъ Рима нѣсколько лѣтъ назадъ, — сохранило въ гравюрѣ всѣ черты свои, всю энергію, всю прелесть. Смотря на эту гравюру, можно получить полное понятіе о высокомъ художественномъ достоинствѣ картины. Чистота и отчетливость англійской гравировки не оставляютъ ничего желать больше.

Въ третьемъ выпускѣ помѣщена статья г-на Кукольника «Русская Живописная Школа», служащая продолженіемъ первой его статьи о томъ же предметѣ, помѣщенной въ первомъ выпускѣ «Картинъ».

Выпуски четвертый и пятый, говорятъ, выйдутъ на-дняхъ. Гравюры для нихъ давно уже получены изъ Лондона.

304) Римскіе Папы, *ихъ церковь и государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Сочиненіе* Леопольда Ранке. *Переводъ съ нѣмецкаго. Берлинъ.* 1834. *Спб. Въ тип. Ильи Глазунова и К°.* 1842. *Въ* 8-ю *д. л.* 480 *стр.*

Нельзя не порадоваться, что такое глубокое европейское сочиненіе переведено наконецъ на русскій языкъ, хотя и не вполнѣ; но нельзя тутъ же не пожалѣть, что оно переведено языкомъ тяжелымъ, неопредѣленнымъ, сбивчивымъ, иногда неправильнымъ; а издано хотя и красиво, но со множествомъ опечатокъ, съ набойчатою пестротою безъ нужды, вопреки ороографіи, щедрою рукою насыпанныхъ прописныхъ буквъ. Однакожь спасибо и за то! Русскому, незнающему иностранныхъ языковъ, лучше прочесть такое глубокое твореніе въ какомъ-нибудь переводѣ и какъ-нибудь изданное, чѣмъ совсѣмъ не читать его. Мы поговоримъ о немъ въ отдѣлѣ критики, въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Отеч. Записокъ».

305) Денница Ново-Болгарскаго Образованія. *Сочиненіе* Василія Априлова, *изданное имъ на своемъ иждивеніи въ пользу Габровскаго Училища. Часть первая. Одесса. Въ городской типографіи. 1841. Въ 8-ю д. л. 146 и XXII стр.*

Цѣль этой книжки — познакомить Русскихъ съ возникающимъ просвѣщеніемъ родственнаго намъ болгарскаго племени. Цѣль похвальная и выполненая отчасти недурно. Въ книжкѣ есть интересные факты. Просвѣщеніе Болгаръ пока еще не отличается слишкомъ-большимъ свѣтомъ; но другъ человѣчества не можетъ не порадоваться и одному началу благаго дѣла. Въ этомъ случаѣ, вопросъ не о Болгарахъ и не о Славянахъ, а о *людяхъ*. Всѣ люди должны быть братьями людямъ. Изъ-за большихъ не слѣдуетъ не любить меньшихъ. Если эти меньшіе уже слишкомъ-малы, такъ-что едва лепечутъ кое-что, можно ихъ не слушать; но зачѣмъ же не порадоваться, что они начинаютъ лепетать и тѣмъ даютъ надежду, что, можетъ-быть, будутъ когда-нибудь и говорить? Вотъ, наприм., стихи — дѣло другое: если они плохи, имъ нѣчего радоваться. Если же они внушены какимъ-нибудь благороднымъ чувствомъ, какъ напр., признательностію, — воздадимъ должную похвалу чувству, а стихи все-таки назовемъ дурными. Одно другому не мѣшаетъ. Намъ рѣшительно не нравится «Рыданіе на смертьта Ю. И. Венелина». Вотъ для примѣра отрывокъ:

Плачѐте, рыдайте,
Всы бо́лгарски чада,
Изгубихме вѣчно
Юрья Венелина,
   Нашъ премудрый братъ!...

Но па вѣчный споменъ
Въ нашите сердцата
Нѐговото име
Ше бы безсмертно
   Ако и умрелъ.

Впрочемъ, и то сказать: можетъ-быть, эти стихи и хороши для людей, знакомыхъ съ болгарскимъ языкомъ и болгарскимъ вкусомъ въ поэзіи, — не споримъ. — Учитесь, учитесь, добрые, почтенные Болгары! До того же времени, постарайтесь внушить своимъ поклонникамъ и вообще всѣмъ славянофиламъ побольше вѣжливости и человѣчности. Кто больше интересуется литературою Франціи, Германіи и Англіи, нежели болгарскими букварями, на тѣхъ они смотрятъ, какъ на злодѣевъ и изверговъ, какъ Испанцы смотрѣли на лютеранъ, которыхъ, въ своемъ невѣжественномъ фанатизмѣ, называли

еретиками. Наши Испанцы, т. е. ваши ревнители, хоть сейчасъ готовы были бы учредить инквизицію для истребленія духа европолюбія и для распространенія духа азіелюбія и обскурантизма, т. е. мраколюбія. Одинъ изъ нихъ (мы забыли его неизвѣстное и темное въ литературѣ имя) недавно напечаталъ на насъ, въ московскомъ журналѣ, именно по поводу книжки г-на Априлова, ужасную филиппику, обвиняя насъ въ равнодушіи къ ученымъ государствамъ, находящимся подъ владычествомъ Турціи, и въ любви къ нѣмецкимъ гелертамъ. Прочитавъ это «предъявленіе», мы воздали хвалу Богу, что живемъ въ XIX-мъ вѣкѣ, а то сгорѣть бы намъ на кострѣ. Въ самомъ-дѣлѣ, добрые Болгары, насъ уличили въ страшномъ преступленіи: мы, видите, какъ-то сказали, что Турки — народъ, образующій собою государство, а Болгаре — только племя, не образующее собою никакого политическаго общества, и что въ этомъ-то и заключается причина турецкаго владычества надъ вами, какъ *историческаго права, которое есть сила.* Досталось же за это и намъ, и нѣмецкимъ гелертамъ! Вспомнить страшно! Если у всѣхъ *славянскихъ* гелертовъ такой крутой нравъ и такая инквизиціонная манера раздѣлываться съ *русскими* литераторами, которые не хвалятъ ихъ сочиненій, то русскимъ литераторамъ прійдется также избѣгать всякаго съ ними столкновенія, какъ вы избѣгаете его съ турецкими кадіями... Да! просвѣщаейтесь, добрые Болгары! дай вамъ Богъ успѣховъ! Даже пишите стихи, если ужь не можете безъ нихъ обходиться; только, Бога ради, берегитесь защитниковъ, которые роняютъ васъ своимъ заступничествомъ и вредятъ вамъ больше Турковъ.

306) Полное Наставленіе, какъ должно ходить за больными, *или учебная книга для руководства фельдшерамъ, сердобольнымъ вдовамъ, повивальнымъ бабкамъ и другимъ лицамъ, посвящающимъ себя хожденію за больными обоего пола, въ больницахъ и частныхъ домахъ. Сочиненіе* Ѳедора Зауера, *штабъ-лекаря Надвор. Сов. и пр. Часть вторая. Санктпетербургъ. Въ тип. Н. Греча. Въ 8-ю д. л. XVI и 391 стр.*

О выходѣ первой части этого сочиненія было говорено въ 4-й книжкѣ «Отеч. Записокъ» 1841 года. Не распространяясь теперь о пользѣ книги г. Зауера, представимъ обзоръ содержанія второй ея части. Она состоитъ изъ шести главъ: I. О кровопусканіи. Вскрытіе артерій, венъ; производство кровопусканія изъ венъ въ локтевомъ сгибѣ, ручной кисти, на ногѣ, шеѣ и пр. При этихъ операціяхъ показаны также всѣ необходимыя предосторожности и приведены случаи, когда должно употреблять ланцетъ или шнеперъ. При описаніи кровопусканія, производимаго піявицами, весьма кстати присоединена естественная исторія ловли, транспорта и болѣзни піявицъ; также нельзя не одобрить, что г. Зауеръ научаетъ, какъ должно разводить піявицъ: это, конечно, покажется страннымъ тому, кто не знаетъ, чего стоятъ подъ часъ піявицы. Описаніе скарификаціи (насѣчекъ) и кровопусканія рожками очень-удовлетворительно, и показываетъ, что авторъ знаетъ это дѣло до nec plus ultra. — II. О прививаніи предохранительной оспы. Нельзя не быть признательнымъ г. Зауеру за обстоятельное изложеніе этого предмета; ибо сколько люди ни увѣрены въ пользѣ оспопрививанія, но доселѣ все еще остается оно почти незнакомымъ для многихъ. — III. Общія наставленія фельдшерамъ и хожатымъ, какъ должно обращаться съ больными относительно душевнаго ихъ состоянія, какъ наблюдать за ихъ припадками во время бдѣнія и сна, и какъ доносить объ этомъ врачу, и что должно наблюдать относительно покоя и движенія больныхъ. Польза этого наставленія очевидна. — IV. Правила, какія наблюдать должны фельдшера и

хожатые при различныхъ болѣзненныхъ состояніяхъ. Эти правила вовсе не лишни даже для самыхъ врачей, хотя г Зауеръ, по свойственной ему скромности, предлагаетъ свои наставленія лишь фельдшерамъ. Болѣзни, исчисляемыя въ этой главѣ, суть: рожа, ожогъ, отморозъ, раны вообще, и въ частности раны a) порѣзанныя и порубленныя; b) колотыя, c) ушибенныя и разорванныя; d) огнестрѣльныя, и e) отравленныя, ядовитыя. Ушибы, грыжа и выпаденіе внутренностей, переломы костей, вывихи, кровотеченія изъ естественныхъ полостей тѣла. Наставленіе касательно беременныхъ, когда онѣ ожидаютъ наступленія родовъ и касательно родильницъ, равно какъ и дѣтей, весьма-отчетисто и нелишне для каждаго, кромѣ фельдшеровъ и хожатыхъ. Далѣе, интересны въ этой главѣ наставленія, какъ спасать жизнь людямъ внезапно-впавшимъ въ смертные случаи, именно: помощь, подаваемая *замерзшимъ*, *повѣсившимся* и *удавившимся*, *задохшимся газами или испорченнымъ воздухомъ*, *пораженнымъ молніею*, *обжегшимся*, *обварившимся*, *мертво-пьянымъ*, отравленнымъ и пр. Пространно изложивъ правила, какъ пособлять людямъ въ обморокѣ и смертоподобіи, въ апоплексическомъ ударѣ и падучей болѣзни, авторъ даетъ наставленіе, какъ должно ходить за выздоравливающими. Прибавимъ къ этому, что наблюдать за больнымъ въ періодѣ его выздоровленія труднѣе, нежели думаютъ объ этомъ. — V. Попеченіе объ умирающихъ и умершихъ. Здѣсь укажемъ особенно на § 643, въ которомъ говорится о погребеніи. — VI. Правила, соблюдаемыя при хожденіи за больными, которые одержимы заразительными и прилипчивыми болѣзнями. Опредѣливъ, что́ такое прилипчивыя и заразительныя болѣзни, авторъ различаетъ заразу отъ міазмы и раздѣляетъ заразы на a) постоянныя, b) летучія, c) бывающія въ одно и то же время постояннаго и летучаго свойства, и d) заразы непремѣнныя и временныя. Весьма-хорошо объяснена воспріимчивость или расположеніе къ заразѣ и показаны общія и особенныя правила или наставленія, какъ должно предохранять себя отъ заразительныхъ и прилипчивыхъ болѣзней.

Вообще книга г. Зауера содержитъ въ себѣ правила не лишнія для врачей, и даже заслуживаетъ почетное мѣсто въ ихъ библіотекѣ. Это вадемекумъ, въ которомъ можно найдти необходимое наставленіе. Судя по заглавію книги г. Зауера, думаешь, что она приспособлена только къ понятію лицъ, которыя поучать хотѣлъ авторъ, но въ-самомъ-дѣлѣ, это пространное изложеніе врачебныхъ предметовъ, ежедневно встрѣчающихся въ больницахъ и частныхъ домахъ. Совѣстный и истинно-полезный трудъ! Г. Зауеръ заслуживаетъ совершенную признательность своихъ собратій-врачей; но мы надѣемся, что еще болѣе будутъ благодарны ему друзья человѣчества.

307) Практическая Фармакологія, *или лекарства съ описаніемъ ихъ физическихъ свойствъ, химическаго состава, дѣйствія на человѣческое тѣло, пріема, формы, болѣзней, въ коихъ каждое лекарство оказалось полезнымъ, и съ приложеніемъ рецептовъ лучшихъ практическихъ врачей. Составлено докторомъ медицины, Императорской Московской Медико-Хирургической Академіи адъюнктъ-профессоромъ, членомъ Физико-Медицинскаго Общества при Московскомъ Университетѣ, надворнымъ совѣтникомъ* Козьмою Лебедевымъ. *Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Инст. Вост. Языковъ. 1842. Тетрадь первая (Ab—Cyd). Въ 8-ю д. л. IV и 240 стр.*

По выходѣ слѣдующихъ тетрадей мы дадимъ отчетъ объ этомъ сочиненіи.

308) Московскій Адресъ-Календарь, *для жителей Москвы, составленъ по оффиціальнымъ документамъ и свѣдѣніямъ* К. Нистремомъ. *Томъ III.*

Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1842. Въ 8-ю д. л. 287 стр.

Въ этомъ томѣ заключаются алфавитные списки неслужащихъ чиновниковъ и купцовъ всѣхъ гильдій.

309) Истинная Ворожея, *или гадательная книжка для прекраснаго пола, посвященная любителямъ и любительницамъ (?!), служащая къ невинному увеселенію и къ пріятному препровожденію времени, замѣняющая собою всѣ оракулы, кабалистики (,) астрологіи и прочія гаданія. Москва. Въ тип. Смирнова. 1842. Въ 64-ю д. л. 36 стр.*

«*Винновая дама.* Злая невѣрная женщина сдѣлаетъ вамъ много непріятностей. Она будетъ имѣть съ вами ссору и поссоритъ васъ съ другими.» — Экая свирепая дама!

310) Краткій Отчетъ *о состояніи Московскаго Дворцоваго Архитектурнаго Училища за* 1840 *и* 1841 *годы, и* Рѣчи, *произнесенныя на актѣ* 1842 *года, авгуcта 5-го. Москва. Въ тип. А. Семена. 1842. Въ 4-ю д. л. 26 стр.*

Рѣчей двѣ: одна имѣетъ предметомъ — «Вліяніе мѣстнаго климата на сооруженія», другая — «О вкусѣ въ архитектурѣ у разныхъ народовъ». Московское Дворцовое Архитектурное Училище, какъ извѣстно, подвергается теперь коренному преобразованію: слѣдственно, «Отчетъ» и «Рѣчи» относятся къ прежнему его состоянію. Разумѣется, взглядъ и мысли «Рѣчей» принадлежатъ не учащимся, произносившимъ ихъ, а тѣмъ отъ кого они все это слышали: и такъ замѣтимъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что отличія въ стилахъ, какъ начала архитектуры, могли образоваться только во времена младенчества народовъ, во времена непосредственности и ихъ уединенія. Но по-мѣрѣ-того, какъ народы сближались между собою, отличія сглаживались, и заимствованное съ кореннымъ такъ сливалось, что трудно было различить ихъ между собою. Хотя вообще полагаютъ, что типомъ греческой архитектуры были первоначальныя деревянныя постройки, однако жь, есть ли что балаганное въ Пареенонѣ аѳинскомъ? Скорѣе въ колоннахъ его замѣчается типъ египетскій, каменный, слѣдовательно, типъ чуждый, заимствованный, но тѣмъ не менѣе прекрасный! Греки, конечно, не все выдумывали и создавали сами, но все заимствуемое такъ проникалось ихъ духомъ, такъ сливалось съ ихъ собственными элементами, что оно становилось кореннымъ, національнымъ, греческимъ. Даже скучные боги египетскіе, переселясь въ Грецію, зажили припѣваючи!

Римлянъ упрекаютъ за то, что они, при своей самобытности, не создали своей архитектуры. И спасибо имъ! Вмѣсто дѣтскаго лепетанья, они начали съ того, чѣмъ кончили Греки, и примѣнивъ греческіе элементы къ своимъ потребностямъ, къ своей національности, значительно расширили предѣлы архитектуры. То же самое сдѣлали Итальянцы, а за ними и вся Европа. Не-ужели европейскіе народы, усвоивая себѣ древнее просвѣщеніе, дѣлали это безотчетно, безъ всякаго сознанія, не умѣя отличить бѣлаго отъ чернаго, негоднаго отъ полезнаго? И справедливо ли думать, что вся Европа стала безразличной Итальянкой въ архитектурѣ? Столько же справедливо, какъ называть Французами всѣхъ тѣхъ, кто говоритъ по-французски, или носитъ французскій костюмъ. Не смотря на тождество частей человѣческаго тѣла, есть однакожь у всякаго народа, у всякаго человѣка своя физіономія, своя осанка, свой отличительный характеръ. И потому національность можетъ, кажется, обойдтись безъ пѣтушковъ на воротахъ, безъ овчинныхъ шубъ, кислой капусты и квасу?...

311) Энциклопедія Русскаго городскаго и сельскаго Хозяина-Архитектора, *садовода, землемѣра, мебельщика и машиниста. Составилъ* П. Фурманнъ. *Со 164 листами чертежей. Гравировалъ* К. Теребеневъ.

Спб. Въ тип. Штаба Отд. Корпуса Внутр. Стражи. 1842. Четыре части. Первыя двѣ въ 8-ю д., третья и четвертая въ 4-ю д. л. 168, 105, XXIII и XI стр. (Цѣна 7 р., съ перес. 8 р. сер.).

Кто знаетъ, какъ трудно издавать на Руси книги съ чертежами по части строительнаго искусства и механики — тому съ перваго взгляда покажется, что г. «свободный художникъ» Фурманнъ сдѣлалъ прекрасный подарокъ гг. городскимъ и сельскимъ хозяевамъ-архитекторамъ: за 7 р. с. онъ даритъ имъ двѣ книжки текста и двѣ тетради чертежей. Но подобныхъ компиляцій у нашихъ помѣщиковъ много: всѣ онѣ — сборъ нѣсколькихъ практическихъ правилъ безъ всякой системы, старинные взгляды на искусство построеній, и безконечныя разглагольствія о томъ, что такое дверь, лѣстница; тирады о прелестяхъ сельской жизни, поэзіи садовъ, и пр. Таковы всѣ наши «опыты сельскаго домостроительства», «руководства къ произведенію построекъ» и проч. и проч.

Сочиненіе г. Фурманна принадлежитъ къ этому же разряду книгъ; текстъ его безпрестанно отступаетъ отъ дѣла, толкуетъ о прелести дачь, «которую развѣ только люди съ очерствѣлымъ сердцемъ не постигаютъ» (ч. I. стр. 29.30); или что «нѣтъ ничего пріятнѣе пѣнія птицъ *населяющихъ* сады» (II ч. стр. 29) и «какъ пріятно *наблюдать* за этими миленькими обитателями *воздуха*»... По мнѣнію г. Фурманна, птичка въ клѣткѣ и сорванный цвѣтокъ совершенно теряютъ свою природную прелесть (Часть II, стр. 30)...

Съ легкой руки Дюрана (извѣстный курсъ архитектуры) преподаватели и составители архитектуръ пустились доказывать, что человѣкъ сначала обиталъ въ пещерахъ, потомъ срубилъ деревья и ставилъ ихъ наклонно, дѣлалъ мёбель изъ хвороста и соломы, какъ прилично хорошему архитектору; нельзя читать безъ улыбки подобное «вступленіе» въ архитектуру у г. Фурманна, занимающее 8 страницъ: тутъ у него и пещеры, гдѣ люди укрывались отъ звѣрей, «часто изъ этихъ же пещеръ ими вытѣсненныхъ»; тутъ вдругъ появились комнаты (необъяснено, какъ), сухіе листья — диванъ, столы, стулья — пень. Наконецъ «провидѣніе вѣчно благодѣтельное, вѣчно справедливое во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, *для поддержанія законовъ равновѣсія, на которыхъ основанъ весь міръ,* дало одному силу, другому умъ — и здѣсь-то послѣдній чудеснымъ образомъ дополняетъ *какъ - будто* забывчивость самой природы(!!!)» — и такъ далѣе .. Подобная «исторія архитектуры» не новость на русскомъ языкѣ; этой погрѣшности не избѣгъ и опытный архитекторъ нашъ г. Свіязевъ, у котораго, впрочемъ, эти идеи выражены гораздо-проще, и выкупаются другими достоинствами книги.

Другое сходство сочиненія г. Фурманна съ упомянутыми нами можно видѣть въ опредѣленіяхъ. Русскія «архитектуры» говорятъ: окно служитъ для доставленія свѣта, двери бываютъ внутреннія и наружныя, первыя служатъ для... и проч.; лѣстницы служатъ для сообщенія верхняго этажа съ нижнимъ... Такія опредѣленія, но еще въ ужасающей подробности, вы найдете у г. Фурманна (прекрасно на-прим. у него опредѣленіе дачи)... Поменьшей мѣрѣ три четверти двухъ тоненькихъ крупно - напечатанныхъ книгъ г. Фурманна заняты подобными отступленіями, такъ что собственно техническая часть его можетъ быть перепечатана на одномъ листѣ самымъ крупнымъ шрифтомъ. Но верхъ многоглаголанія — на трехъ страницахъ, отъ 11-й до 14-й втораго тома «Искусственные Сады»; тутъ и геніи, и поэты, и бѣдняки, и герои, отличавшіеся на полѣ брани; тутъ найдете, что старецъ будетъ счастливъ и вамъ обязанъ будетъ счастіемъ счастія своего (стр. 13), и проч. и проч.

Въ 1-й части представлена примѣрная смета не на основаніи извѣстныхъ

«*Урочныхъ Положеній на всѣ работы*» а такъ, какъ ее дѣлаютъ наши гг. *вольные* архитекторы и которымъ «хозяинъ» обыкновенно «на слово вѣритъ». Тутъ мы нашли исчисленіе разныхъ издержекъ «оптомъ» и разныхъ издержекъ въ частности...

Собственно-технической части въ текстѣ, какъ уже сказано, немного; двѣ страницы о построеніи стѣнъ и фундаментовъ (стр. 116 и 117) - этомъ важномъ вопросѣ архитектуры. Г. Фурманнъ говоритъ, что бревна срубовъ надо «скоблить» снаружи (стр. 116) о полахъ — другомъ важномъ вопросѣ, - одна страница (121), да на слѣдующей описаніе двухъ-трехъ примѣровъ. О дверяхъ — полстраницы, и то занято больше опредѣленіемъ, что такое двери внутреннія и наружныя, — а построеніе дверей дѣло важное въ плотничномъ искусствѣ, Такимъ же образомъ описаны окна, *перила*, крыши (все съ подробными опредѣленіями) — старинная система устройства печей, трубъ, и пр. — Второй томъ заключается описаніемъ наружныхъ признаковъ матеріаловъ, признаковъ часто - обманчивыхъ (не знаемъ, почему альбастръ производитъ кипѣніе отъ кислоты?): матеріалы лучше описаны даже въ курсѣ г. Эльснера. Есть нѣсколько словъ о земледѣліи, орудіяхъ и мёбеляхъ.

Таковъ текстъ г. Фурманна. Двѣ тетради чертежей составлены ужасно небрежно, по выбору, безвкусію; выгравированы на-скоро, съ грубыми ошибками.

На русскомъ языкѣ нѣтъ почти ни одной хорошей архитектуры (да и иностранцы этимъ не очень хвастаютъ). за то есть превосходныя собранія архитектурныхъ чертежей: мы имѣемъ отчетливо - перепечатаннаго Шинкеля, имѣемъ превосходное собраніе двухъ-сотъ рисунковъ, изданное отъ начальства военныхъ поселеній для руководства при частныхъ постройкахъ въ губерніяхъ, имѣемъ много другихъ собраній образцовыхъ фасадовъ и плановъ. «*Архитекторъ XIX Столѣтія*» о которомъ было въ свое время говорено въ О. З., взялъ часть рисунковъ изъ Шинкеля, другую часть перепечаталъ изъ Allgemeine Bauzeitung, германскаго журнала, извѣстнаго всѣмъ инженерамъ. Это прекрасное собраніе чертежей, изданное покойнымъ Ширяевымъ, — истинная драгоцѣнность для желающихъ строиться. — Чертежи г Фурманна гораздо-ниже всего этого... У него есть домы безъ крышь (чер. 66,67): вѣроятно онъ *чертилъ* ихъ *снаружи* и не знаетъ, что фасадъ есть вертикальная проекція зданія, а не перспектива его, что если онъ желаетъ *рисовать* фасадъ, то долженъ представить и другіе бока его и постепенность удаленія. — Впрочемъ, что г. Фурманнъ не знаетъ искусства рисованія, можно видѣть на чер. 132, гдѣ звѣзды на куполѣ идутъ гирляндами! — Любо смотрѣть на чертежи 62 (III часть), гдѣ парапетъ стоитъ на карнизѣ! Еще лучше чертежи 70-й и 71-й; что за карнизъ! что же сверхъ карниза — Господь знаетъ... Десятки подобныхъ грубыхъ ошибокъ найдутся въ чертежахъ г. Фурманна... А что за вкусъ! Посмотрите на чертежъ 112 (III части) и множество другихъ. — Не говоримъ уже о небрежности гравёра, какого-то К. Теребенева, выставленнаго въ заглавномъ листѣ: у него антаблементы, карнизы такіе, что ни одинъ кондукторъ такъ не начертитъ; карнизъ — часто — треть колонны!..

Мы никогда не кончили бы, еслибъ стали исчислять всѣ нелѣпости этой пустой книжки. Рѣшительно можемъ сказать, что эта «Энциклопедія» не принесетъ никакой пользы *хозяевамъ*, у которыхъ, какъ говоритъ г. Фурманнъ, есть кому строить. По чертежамъ его ничего не выстроишь; а если кто и выстроитъ, то послѣ и самъ не будетъ радъ своему строенію.

Изданіе книги опрятно; но двѣ тетради чертежей, какъ сказано, весьма-плохи. Что же касается до стоящихъ въ заглавіи: «садовода», «землемѣра», «мёбельщика» и «машини-

ста», — то по этимъ частямъ книга г. Фурманна больше можетъ доставить свѣдѣній своимъ читателямъ, нежели по архитектурѣ.

312) Подробный Практическій Способъ Приготовленія Искусственныхъ Навозовъ, или Компостовъ, *свойственныхъ различнымъ почвамъ, климату и засѣваемымъ на нихъ растеніямъ; время ихъ приготовленія и унавоживанія ими полей подъ колосовыя, огородныя, стручковыя, товарныя и маслоносныя растенія и удобренія разныхъ кормовыхъ травъ, съ показаніемъ числа возовъ на указную десятину. Книга для помѣщичьихъ и крестьянскихъ запашекъ. Сантпетербургъ. Въ тип. Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражи.* 1842. *Въ 12-ю д. л. 22 стр.* (Цѣна 50 к. с.)

Судя по обширности безграмотнаго заглавія, иной подумаетъ, что это большая книга, въ которой подробно излагаются различные способы приготовленія компостовъ. Ничего не бывало! Это тоненькая брошюрка, на 22-хъ страничкахъ, въ которой сельскій хозяинъ не отыщетъ ничего для себя новаго, а развѣ найдетъ все старое, избитое, но выраженное довольно-безтолково. По всему замѣтно, что эта книжонка — не болѣе, какъ книгопродавческая спекуляція.

313) Русская Исторія. Н. Устрялова. *Часть пятая. Новая Исторія. Санктпетербургъ. Въ тип. Эксп. Загот. Государств. Бумагъ. 1841 (1482). Въ 12-ю д. л. 234 стр.* (Цѣна за всѣ пять частей 5 р. сер.., отдѣльно 1 р, с., вѣсов. за фунтъ).

Этою частію оканчивается учебникъ, начатый г-мъ Устряловымъ въ 1837 году. Въ ней заключается царствованіе Императора Александра отъ войны 1812 года. Собственно «исторія» занимаетъ только двѣ трети книги; остальная треть наполнена двумя «приложеніями», которыя сочинитель составилъ изъ давно-изданной диссертаціи своей «О Системѣ Прагматической Русской Исторіи» и тоже давно-напечатанной брошюры своей «Изслѣдованіе Вопроса, какое мѣсто въ русской исторіи должно занимать Великое Княжество Литовское».

314) Краткая Россійская Исторія *для низшихъ учебныхъ заведеній. Санктпетербургъ. Въ тип. Импер. Академіи Наукъ. 1842. Въ 8-ю д. л.* 83 *стр.*

Автору этой книжки должны быть очень-благодарны учащіе и учащіеся. Въ маломъ объемѣ онъ успѣлъ собрать всѣ замѣчательные, рѣзкіе факты русской исторіи и изложить ихъ просто, удобопонятно, безъ фразъ и разглагольствій. Книжка его съ успѣхомъ можетъ замѣнить собою «Краткую Россійскую Исторію» г-на Кайданова, по которой, какъ давно уже доказано, ничему нельзя выучиться. Но, несмотря на искусство свое выбирать существенное и наиболѣе-нужное для первоначальнаго ознакомленія съ русскою исторіею, авторъ не избѣгъ общаго всѣмъ нашимъ преподавателямъ недостатка. Изъ 83-хъ страницъ, составляющихъ его книжку, онъ 58 занялъ исторіею до Петра-Великаго, и только 25 удѣлилъ исторіи послѣ Петра. Мы думали бы, что еслибъ, на-оборотъ, бо́льшую часть своей книги посвятилъ онъ исторіи Россіи съ 1700 года, книга его имѣла бы еще болѣе достоинства. Для анекдотической исторіи всѣхъ Рюриковъ, Святославовъ, Ярославовъ, право, довольно было бы и двухъ страничекъ — въ краткомъ учебникѣ. Дѣтямъ надобно представлять наиболѣе-рельефное, наиболѣе-жизненное, оставляя туманныя частности для позднѣйшаго ихъ возраста.

315) Краткая Всеобщая Географія Константина Арсеньева. *Семнадцатое изданіе, вновь исправленное. Спб. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ.* 1842. *Въ 8-ю д. л. 276 стр.* (Цѣна 3 р., съ перес. 4 р. сер.)

Доселѣ лучшее руководство къ географіи изъ всѣхъ русскихъ сочиненій по этой части. И потому нисколько не удивительно, что оно дошло до *семнад-*

цатаго изданія: честь, вполнѣ заслуженная!

316) **Всеобщая География**, *соч.* Г. Ф. Бланка. *Переводъ съ нѣмецкаго. (Съ четвертаго изданія). Въ трехъ томахъ. Томъ I. Спб. Въ тип. Ильи Глазунова и К°.* 1842. *Въ 8-ю д. л.* 183—707 *стр.*

Это продолженіе, или второй выпускъ труда, о которомъ мы говорили уже. Внимательно просмотрѣвъ это продолженіе, мы остались при томъ же мнѣніи о русскомъ переводѣ и изданіи географіи Бланка. Географія эта полна, обширна, составлена дѣльно, умно, съ истинно - нѣмецкою аккуратностію въ дѣлахъ такого рода. Переводъ могъ бы быть гораздо-лучше, все-таки не будучи отличнымъ. По-крайней - мѣрѣ, исключеніе нѣкоторыхъ канцелярскихъ фразъ не сдѣлало бы его хуже. Изданіе крайне-дурно: бумага толстая, сѣрая, чуть не оберточная, опечатокъ бездна, а отъ изобилія прописныхъ буквъ рябитъ въ глазахъ. Словомъ, такая книга стоила бы и лучшаго перевода и хоть сколько-нибудь сноснаго изданія.

Этимъ выпускомъ оканчивается первая часть (всѣхъ будетъ три). Кромѣ предварительныхъ понятій, астрономическихъ и до математической и физической географіи относящихся первый томъ содержитъ въ себѣ географію Пиренейскаго Полуострова, Франціи, Британскаго Королевства, Нидерландъ, Швейцаріи и скандинавскихъ государствъ, съ краткою политическою исторіею каждой изъ этихъ земель. Аналитическаго алфавита нѣтъ; но, должно, думать онъ будетъ приложенъ при третьемъ томѣ; если же его совсѣмъ не будетъ, то книга потеряетъ половину своей цѣну, о чемъ мы не преминемъ поговорить въ свое время.

317) **Краткая Всеобщая География**, *принятая для руководства въ гимназіяхъ Московскаго Учебнаго Округа. Соч.* Штейна. *Переведена съ нѣмецкаго девятнадцатаго изданія и исправлена по новѣйшимъ извѣстіямъ* Ѳ. Соколовымъ. **Изданіе третіе.** *Москва. Въ универс. тип. 1842. Въ 8-ю д. л. 309 стр.*

Третье изданіе въ короткое время: ясный знакъ, что книга полезна. Она принята за руководство въ училищахъ Московскаго Учебнаго Округа.

318) **Обозрѣніе Пяти Частей Свѣта** *въ географическомъ, физическомъ и политическомъ отношеніяхъ, служащее объясненіемъ физической и политической карты земнаго шара, изображеннаго на двухъ полушаріяхъ. Составилъ и издалъ* И. Эйнерлингъ. *Спб. Въ тип. Конрада Вингебера и сына. 1842. Въ 12-ю д. л. 187 стр.*

Должно быть, это вторая часть, или продолженіе какого-нибудь труда г-на Эйнерлинга: говоримъ, *должно быть*, потому-что въ концѣ книжки есть оглавленіе *перваго* выпуска, хотя въ заглавіи нынѣ-изданной книжки и не означено, что это вторая часть, или второй выпускъ. Впрочемъ, сама книжка гораздо-лучше своего страннаго заглавія. Ее можно назвать однимъ изъ лучшихъ руководствъ по части географіи, на русскомъ языкѣ.

319) **Упражненія въ Древней Исторіи** *для младшихъ классовъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, составленныя* А. Аникіевымъ. *Спб. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. 1842. Въ 8-ю д. л. 87 стр.*

Г. сочинитель этихъ «Упражненій» называетъ ихъ, въ предисловіи, «разсказами», которыхъ цѣль будто-бы — «ознакомить дѣтей съ именами нѣ«сколькихъ примѣчательнѣйшихъ лю«дей и нѣкоторыми происшествіями «древняго свѣта, а чрезъ то пригото«вить ихъ къ слушанію систематиче«скаго курса исторіи». Все это очень хорошо: худо только, что тутъ нѣтъ никакихъ «разсказовъ», а есть одни сухіе отрывочные перечни историческихъ событій, перемѣшанныхъ съ историческими сказками (объ Эвеѣ, и

проч.). Дѣтей можно знакомить съ историческими именами и событіями не иначе, какъ чрезъ обширные и оживленные разсказы, которые заинтересовали бы ихъ вниманіе; плохою же компиляціею, или выборкою изъ исторіи г. Кайданова можно только отбить у дѣтей всякую охоту къ занятію исторіею.

320) **Курсъ Чистой Математики**, *составленный по порученію Белявена, профессорами математики: Аллезомъ, Билли, Пюиссаномъ и Будро. Съ французскаго перевелъ, значительно измѣнилъ и пополнилъ* П. Погорѣльскій. **Изданіе четвертое.** *Москва. Въ университетской типографіи. 1842. Въ 8-ю д. л. 95 стр.*

Книга, извѣстная преподавателямъ математики. О ней такъ часто говорили, что на этотъ разъ весьма-достаточно простаго извѣщенія о появленіи четвертаго ея изданія.

321) **Жизнь и Приключенія Робинсона Крузо**, *описанныя имъ самимъ. Соч* Д. Дефо. *Новый переводъ съ англійскаго* П. А. Корсакова. *(Выпускъ второй). 161—320 стр.* (Цѣна каждаго выпуска 1 р. сер., съ перес. 1 р. 50 к. сер., — всего сочиненія 5 р., съ перес. 6 р. сер.)

Переводъ «Робинсона Крузо», соч. Дефо, безостановочно подвигается впередъ: въ предъидущей книжкѣ «Отеч. Записокъ» говорили мы о первомъ выпускѣ — теперь является второй. Повторяемъ: это книга чрезвычайно-полезная для дѣтей, по содержанію и духу своему, а прекрасное изданіе и 200 превосходныхъ политипажей всего лучше могутъ пріохотить дѣтей къ чтенію. Русскій переводъ весьма-хорошъ, какъ этого и должно было ожидать отъ такого опытнаго литератора, какъ г. Корсаковъ. Цѣна книги очень-дешева, если взять въ разсчетъ изящество изданія и необходимыя для него значительныя издержки. Разумѣется, для бѣдныхъ такія роскошныя изданія не по силамъ; но еще дороже для нихъ плохая компиляція Камое, напечатанная на сѣрой бумагѣ, съ двумя политипажами, и стóящая *два рубля серебромъ.*

322) **Подарокъ Прилежнымъ Дѣтямъ**, *или азбука для обучающихся русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ. Состав.* Эрнестомъ Гольдомъ. *Переводъ съ четвертаго изданія.* **Изданіе второе.** *Москва. Въ тип. Лазар. Инст. Восточн. Языковъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 68 стр.*

Довольно-хорошая азбука, напечатанная опрятно и чисто, чего никогда почти не водится за русскими азбуками.

323) **Русская Хрестоматія**, *или отборныя сочиненія русскихъ писателей въ прозѣ и стихахъ. Третье изданіе. Спб. Въ тип. Ильи Глазунова и К°.* 1842. *Въ* 8-ю *д. л. 744 стр.*

Сборъ, или лучше сказать, сбродъ отчасти хорошихъ, но больше посредственныхъ и плохихъ стихотвореній, расположенныхъ по *родамъ*, т. е. оды съ одами, сатиры съ сатирами, и т. д., отъ-чего Пушкинъ попадаетъ въ сосѣдство Богдановичу, Дельвигъ — Капнисту и т. д. Безобразный и чудовищный сбродъ этотъ напечатанъ на толстой оберточной бумагѣ.

324) **Руководство къ Изученію Русской Словесности**, *содержащее въ себѣ основныя начала изящныхъ искусствъ, теорію краснорѣчія, піитику и краткую исторію литературы, составленное профессоромъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея и Императорскаго Училища Правовѣденія* Петромъ Георгіевскимъ. *Въ четырехъ частяхъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова и К°. 1842. Въ* 8-ю *д. л. 71, 92, 169 и 216 стр.*

Въ мірѣ умственномъ такъ же есть свои аномаліи, какъ и въ физическомъ. Особенно-богата ими русская учебная литература. У насъ есть удивительная «Всеобщая Исторія», надъ которою образованные люди улыбаются вотъ

уже, кажется, около двадцати, если не болѣе, лѣтъ, и которая все-таки продолжаетъ-себѣ втихомолку распложаться новыми изданіями. Но особенно посчастливилось на аномаліи русской учебной литературѣ по части теорій и исторій искусствъ и литературы. Это уже даже и не аномаліи: это просто чудовища и чудища, въ сравненіи съ которыми всякое безобразіе есть красота. Какъ бы ни дурна была всеобщая исторія, все же она говоритъ о фактахъ, дѣйствительно-бывшихъ, все же изъ нея можно узнать хоть нѣсколько именъ историческихъ, все же въ ней нельзя Александра Македонскаго назвать китайскимъ императоромъ, а Перикла турецкимъ пашою. Теорія изящнаго, напротивъ, даетъ каждому возможность говорить, что на умъ взбредетъ, называть свѣчу собакою, а луну пирогомъ—полная свобода! благо за подобныя вещи пошлинъ не берутъ, а иногда еще и деньги даютъ. Наши учебники по части теоріи и исторіи изящнаго тѣмъ уродливѣе и нелѣпѣе, что по-большой-части пишутся людьми добраго стараго времени, когда толковали только о трехъ единствахъ, о подражаніи украшенной природѣ, а въ примѣръ высокаго приводили «c'est moi» и «qu'il mourût». Но еслибъ эти господа остались вѣрны своему времени, они были бы меньше смѣшны, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ ихъ совсѣмъ не читали бы, и о нихъ совсѣмъ не было бы слышно. Но вотъ горе: застигнутые врасплохъ новымъ временемъ, пережившіе уже и великую войну классицизма съ романтизмомъ, — они увидѣли себя въ горькой и тяжелой необходимости смѣшать свои старыя понятія съ новыми, признать авторитеты. Изъ этого вышла такая дикая смѣсь книгъ, что трудно и характеризовать ее; она напоминаетъ собою дикарей Океаніи, которые, въ-слѣдствіе вліянія на нихъ англійской цивилизаціи, стали ходить въ европейской одеждѣ, прицѣпляя сабли къ юбкамъ, надѣвая военный мундиръ безъ нижняго платья, или сапоги безъ всякой другой одежды.

Все сказанное отнюдь не должно относиться къ безподобному «Руководству» г. Георгіевскаго. Оно по истинѣ *безподобно*, ибо нѣтъ ничего подобнаго ему въ цѣломъ мірѣ. Въ немъ нѣтъ ни классицизма, ни романтизма, ни старыхъ, ни новыхъ понятій. Оно составлено особеннымъ образомъ и по особенному, неслыханному въ мірѣ источнику — по рецензіи 230 и 231 №№ «Сѣверной Пчелы» 1836 года, — какъ добродушно признается, въ предисловіи, самъ г. сочинитель этого безподобнаго руководства!... Разсмотримъ же это безподобное «Руководство къ Изученію Русской Словесности».

Разсмотримъ прежде всего заглавіе книги: оно такъ же безподобно, какъ и вся книга.

«Руководство къ изученію русской словесности, содержащее въ себѣ *основныя начала изящныхъ искусствъ*, *теорію краснорѣчія и краткую исторію литературы* (какой?)». Какимъ образомъ «основныя начала изящныхъ искусствъ и теорія краснорѣчія» сдѣлались «русскою словесностью»? Они должны составлять предметъ эстетики, а не русской словесности, предметъ которой, какъ самое названіе ея показываетъ, есть русское слово, русскій языкъ. Сочинитель толкуетъ въ своемъ «Руководствѣ» о *живописи, зодчествѣ*, и даже *садоводствѣ*: но теорія первыхъ двухъ искусствъ есть предметъ эстетики, а не русской словесности, а теорія садоводства есть полезное знаніе для садовниковъ, но не для учениковъ класса русской словесности.

Теперь не угодно ли взглянуть на «основныя начала изящныхъ искусствъ»? На первой страницѣ, въ выноскѣ, есть мысль, поражающая своею глубокостію и новостію. Она состоитъ ни болѣе ни менѣе, какъ въ томъ, что «подъ художникомъ должно разумѣть собственно такъ называемаго художника, артиста и поэта». Хорошія мысли и другихъ невольно заставля-

ютъ выдумывать хорошія мысли: это мы испытали на себѣ, и по примѣру г. Георгіевскаго рѣшительно утверждаемъ, что «подъ сапожникомъ должно разумѣть собственно такъ-называемаго сапожника, чеботаря и иногда башмачника». Послѣ этого интересно знать, какъ г. Георгіевскій опредѣляетъ «искусство». Слушайте! слушайте! «Подъ искусствомъ разумѣютъ способность, или *навыкъ* (!...) *посредствомъ упражненія* (!!...) производить какой-либо предметъ, по извѣстнымъ правиламъ, съ извѣстною цѣлію». Не правда ли, подъ это опредѣленіе удивительно-хорошо подходитъ искусство тачать сапоги?..

«Живопись есть искусство, представляющее предметы на гладкой поверхности посредствомъ рисовки и красокъ». Какъ хорошо это опредѣленіе схватило идею живописи! Жаль только, что оно забыло о *свѣтло-тѣни*...

«Подъ *музыкою нынѣ* разумѣютъ искусство производить и соединять звуки пріятнымъ для слуха образомъ». Если это опредѣленіе г. Георгіевскаго вѣрно, то пѣтухъ никогда не будетъ хорошимъ музыкантомъ, а соловей и канарейка — отличные музыканты.

«Говоря о природѣ, которой подражаютъ изящныя искусства, объяснимъ это слово. Природа артистовъ и *стихотворцевъ* весьма обширна; она заключаетъ въ себѣ четыре міра: міръ *дѣйствительный*, т. е. физическій, нравственный и гражданскій, котораго мы сами составляемъ часть; потомъ міръ *историческій*, населенный великими тѣнями и великими происшествіями: далѣе міръ *баснословный*, миѳологическій, въ которомъ обитаютъ боги и герои; наконецъ міръ *идеальный*, или возможный, въ которомъ нѣтъ ни людей, ни дѣйствій, но есть время, мѣсто, лица и обстоятельства для тѣхъ и другихъ (??!!..). — Аристофанъ осмѣивалъ Сократа при другихъ — это міръ дѣйствительный; трагедія: *Димитрій Донской* взята изъ исторіи; трагедія: *Медея* взята изъ баснословія; *Кій*, *Синавъ* и *Труворъ* взяты изъ нашихъ героическихъ, или баснословныхъ временъ. *Скупой* Плавта и *Тартюфъ* Мольера взяты изъ міра возможнаго, или идеальнаго. — Вотъ то, что вообще называется для художника *природою*.»

Именно то самое! Поняли ль вы тутъ хоть что нибудь, читатели? — Мы, признаемся, ровно ничего не поняли. По нашему искреннему мнѣнію, это даже не то, что называется пустословіемъ — мы не видимъ тутъ даже желанія прикрыть фразами отсутствіе мысли; это — извините за откровенность — просто сумбуръ! Какимъ образомъ подобныя пошлости Сумарокова, какъ *Кій*, *Синавъ* и *Труворъ*, могли попасть въ книгу, систематически-разсуждающую о началахъ изящнаго? Откуда это раздѣленіе природы на четыре міра? Развѣ міръ историческій не есть міръ дѣйствительный, а міръ воображаемый? И не-уже-ли комедія Аристофана потому взяты изъ дѣйствительнаго міра, что онъ при другихъ, а не наединѣ съ собою осмѣивалъ Сократа?... Но намъ совѣстно говорить о такихъ пустякахъ и упиэательно опровергать ихъ... А между-тѣмъ вся эта толстая книга, состоящая изъ 548 страницъ въ 8-ю долю листа, биткомъ набита подобными дивами. Желая угодить всѣмъ и никого не обидѣть, сочинитель всѣхъ равно пожаловалъ въ геніи: онъ съ равнымъ уваженіемъ и равною любовію упоминаетъ о Херасковѣ и о Пушкинѣ, о Сумароковѣ и Грибоѣдовѣ, о Шекспирѣ и о г. Хмѣльницкомъ, о Вальтерѣ Скоттѣ и баронѣ Брамбеусѣ. Съ такимъ же безпристрастіемъ повторяетъ онъ, не вникая въ смыслъ, мнѣнія и Батте, и Нѣмцевъ, и «Вѣстника Европы», и «Московскаго Телеграфа», и гг. Толмачева, и Кошанскаго, и Платона съ Аристотелемъ. И все это произошло не изъ эклектическаго желанія помирить различныя ученія, а изъ того, что сочинителю всѣ мнѣнія равны, ибо онъ не взялъ себѣ въ толкъ ни одного изъ нихъ. Исполать!

—

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

24) Etincelles et Cendres. *Poesies par Mademoiselle* Elise d'O... ...ff. *Москва. Въ тип. А. Семена. 1842. Въ 8-ю д. л. 189 стр.*

Съ недовѣрчивостію, свойственною всѣмъ начинающимъ, или въ первый разъ являющимся передъ публикою, смотритъ авторъ на свои стихотворенія. По представленіямъ, весьма-естественнымъ въ его положеніи, авторъ, кажется, не ожидаетъ, чтобъ нашлось хотя одно сердце, которое отозвалось бы на призывный голосъ его со-стороны, и спѣшитъ посвятить произведенія своей музы брату, въ надеждѣ обезпечить себя хотя однимъ вѣрнымъ читателемъ, котораго бы заставляли быть снисходительнымъ, если не внутреннія достоинства стихотвореній, то общія съ авторомъ воспоминанія прежнихъ лѣтъ дѣтства и юношества. Такія опасенія были бы очень-спасительны для нашей литературы, еслибъ они чаще приходили на умъ тѣмъ изъ нашихъ многочисленныхъ производителей стиховъ, которые принадлежатъ къ другой, болѣе-тщеславной половинѣ человѣческаго рода, нежели та, къ какой принадлежитъ авторъ «Etincelles et Cendres»; но на этотъ разъ, думаемъ мы, подобныя опасенія, если не совершенно-излишни, то вѣрно очень-преувеличенны. Намъ бы хотѣлось разувѣрить въ нихъ автора. Мы всегда вѣрили и вѣримъ, что есть сердце женщины — не то, о которомъ толкуется въ одной новоизобрѣтенной московской книгѣ, называемой «романъ г. Воскресенскаго», а настоящее женское сердце — полное жизни и чувства, любящее, страдающее, довѣрчивое, вѣчно-сгорающее любовію и вѣчно-жаждущее любви, и есть поэзія женскаго сердца, нѣжная, страстная, упоительная, благоухающая. Рѣдко, очень-рѣдко такое сердце изливается въ поэтическихъ откровеніяхъ; но счастливъ тотъ, кто, встрѣтивъ разъ въ жизни такое сердце, пріиметъ въ себя его чистѣйшія изліянія, вызоветъ изъ глубины его лучшія откровенія женской души: ибо изъ нихъ онъ можетъ составить себѣ роскошнѣйшій поэтическій букетъ, котораго ароматъ на-долго обниметъ все существо его, проникнетъ всѣ чувства и отзовется въ самомъ сердцѣ, если только это сердце еще не утратило способности любить и понимать поэзію. Мы подозрѣваемъ, сердце автора «Etincelles et Cendres», хранитъ въ себѣ обильный запасъ такихъ откровеній. Въ книгѣ, правда, ихъ немного; но часто, совершенно-неожиданно, сверкаютъ и блещутъ яркія искры, которыя заставляютъ сильно подозрѣвать въ ихъ источникѣ присутствіе не огня, а пламени страсти и вдохновенія. Изъ всѣхъ стихотвореній, напечатанныхъ въ «Etincelles et Cendres», мы возьмемъ себѣ, можетъ-быть, только два или три; но и за нихъ наша полная признательность автору! Это чистѣйшая, безпримѣсная поэзія женской души, которая почерпаетъ свои вдохновенія не изъ книгъ, а прямо изъ источника — изъ жизни, полной любви и страданія. Одно изъ нихъ, лучшее въ цѣломъ собраніи, мы рады въ десятый разъ перечитать съ нашими читателями. Вотъ оно:

«Oh! fixe un jour, un jour de pure ivresse,
Dans les ténèbres de ma nuit!..
Allume un phare au sein de ma détresse,
Que son rayon me calme et me sourit!

Accorde un jour, un seul à ma démence!
Jour tout entier passé à ton coté!
Tout frémissant des joies de ta présence,
Tout rayonnant des feux de ta beauté!

Oh! fixe un jour, empreint de ces délices,
Que ton regard apporte à mon regard!
Et hâte-toi pour que tes vains caprices
N'en marquent un qui viendrait luir trop tard!

Oh! fixe un jour, pour que soumise et douce
Ta froide main languisse dans ma main,
Pour que mes pleurs en tombant sur ton sein,
Jettent leurs feux au coeur qui me repousse!

Pour que son front succombant au vertige,
Trouve en ses bras un appui protecteur;
Pour que je meure affaisée sur ton coeur;
Tel que le lys qui tombe de sa tige!

Oh! fixe un jour avant que ma paupière
Ne soit crispée sous le froid de la mort;
Et que la loi de l'immuable sort
Ne t'offre en moi qu'une horrible poussière.

Oh! fixe un jour, afin que mon haleine
Atteigne encor ton visage adoré!
Et que ma mort soit l'étoile soudaine
Qui se dissipe en un reflet doré!

Это молитва любящаго сердца, и мы напрасно старались бы объяснить всю невыразимую прелесть этого стихотворенія, все это неуловимое благоуханіе, которое вѣетъ почти надъ каждымъ куплетомъ. Тѣ, которые прійимутъ на себя трудъ прочесть все стихотвореніе, поймутъ и безъ нашихъ словъ, что составляетъ его особенную поэзію.

Мы не называемъ другихъ пьесъ, которыя особенно можно рекомендовать въ этомъ собраніи: опытный глазъ легко отличитъ ихъ самъ-собою, какъ-скоро нужно будетъ выбирать: но предваряемъ въ одномъ: не читайте двухъ *русскихъ* стихотвореній, которыя по какому-то случаю также попали въ эту книжку; они вѣрно принадлежатъ другому, неизвѣстному писателю, который не имѣетъ ничего общаго съ авторомъ «Etincelles et Cendres».

25) Considérations sur le Procès de Marie Capelle veuve Lafarge, *contenant les preuves juridiques de son innocence, pour faire suite à l'histoire de son procès. Traduit du russe par un Russe. Москва. Въ тип. А. Семена. 1842. Въ* 8-ю *д. л. 56 стр.*

Переводъ весьма-замѣчательной статьи о процессѣ Лафаржъ, напечатанной въ одномъ изъ русскихъ журналовъ прошлаго года. Переводчикъ сдѣлалъ весьма-доброе дѣло для тѣхъ, которые не могутъ читать по-русски, передавъ хорошимъ французскимъ языкомъ эту статью, представляющую замѣчательный образецъ яснаго и самостоятельнаго анализа въ дѣлѣ такъ запутанномъ и неопредѣленномъ. Желаемъ, чтобъ этотъ переводъ нашелъ себѣ читателей, особенно между иностранцами, которыхъ всего болѣе долженъ занимать предметъ этого разсужденія.

26) Evangelisches Erbauungsbuch. *Ein Gebelt-Kommunion- und Gesangbuch von* Dr. Karl Sederholm. *Zweite Auflage. Москва. Въ* 12-ю *д. л. 1842. 312 стр.*

Изданіемъ этой полезной книги докторъ Зедергольмъ предполагаетъ восполнить ощутительный недостатокъ христіанскаго назиданія для своей многочисленной паствы, разсѣянной во многихъ, смежныхъ съ Москвою, губерніяхъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Всѣ литературные интересы, всѣ журнальные вопросы сосредоточены теперь на Гоголѣ. Можно сказать безъ преувеличенія, что «Мертвыя Души» оживили погруженную въ апатію современную русскую литературу. Большая часть журналовъ, по весьма-понятнымъ причинамъ *соревнованія* (ибо ихъ издатели сами романисты и нувеллисты, словомъ — «сочинители»), боль-

шая часть журналовъ, справедливо и основательно испугавшаяся успѣховъ поэмы Гоголя, употребляетъ всѣ сродныя ей средства къ униженію перваго поэтическаго таланта въ современной русской литературѣ. Остальная часть журналовъ — или просто отдаетъ должную дань достоинству новаго творенія Гоголя, или, сверхъ того, принимаетъ на себя обязанность выводить на свѣжую воду нападателей. У насъ такъ немного журналовъ, что не нужно объяснять читателямъ, какой журналъ именно играетъ ту или другую ролю въ отношеніи къ Гоголю, который, между-тѣмъ, не читая русскихъ журналовъ, спокойно живетъ-себѣ въ Римѣ, гдѣ была написана имъ первая часть «Мертвыхъ Душъ» и гдѣ, вѣроятно, будетъ написано имъ еще не одно твореніе, долженствующее привести многихъ сочинителей въ совершенное отчаяніе, заранѣе возбуждающее самыя живыя опасенія за ихъ умственное здоровье. Въ предъидущей книжкѣ «Отеч. Записокъ» мы говорили объ одной восторженной московской брошюрѣ, явившейся по поводу «Мертвыхъ Душъ»: кто знаетъ, не явится ли и еще нѣсколько брошюръ pro и contra? Таково свойство всего великаго, далековыдающагося изъ-подъ уровня обыкновенности: оно производитъ движеніе, возбуждая и обожаніе и ненависть, восторженныя рукоплесканія и ожесточенный крикъ, преувеличенныя похвалы и брань. И если что-нибудь можетъ вредить такому великому явленію въ литературѣ, такъ ужь конечно исполненное дѣтскаго энтузіазма и дѣтской добродушной искренности удивленіе, видящее въ твореніи не то великое, которое въ немъ есть дѣйствительно, а то великое, котораго въ немъ совсѣмъ нѣтъ. Что же касается до ожесточенной брани, — чѣмъ неосновательнѣе она, тѣмъ болѣе служитъ въ пользу и прославленіе творенія, которое силится она унизить и загрязнить собою. «Герой Нашего Времени» Лермонтова имѣлъ замѣчательный успѣхъ, какъ все, что ни появляется въ Россіи ознаменованнаго печатью высшаго таланта; но успѣхъ этого превосходнаго творенія былъ бы безъ сомнѣнія, еще блестящѣе и прочнѣе, еслибъ не имѣлъ несчастія нигдѣ не встрѣтить себѣ ожесточенныхъ нападокъ, и еслибъ не имѣлъ несчастія встрѣтить написанную слогомъ аффишъ похвалу въ одномъ захолустьѣ газетной литературы, откуда бы и должны были раздаться хулительные вопли оскорбленной самолюбивой посредственности. «Мертвыя Души» избѣжали подобнаго несчастія, и зато успѣхъ ихъ напоминаетъ собою успѣхъ первыхъ произведеній Пушкина. Мы здѣсь разумѣемъ не матеріальный успѣхъ, хотя и достовѣрно знаемъ, что «Мертвыхъ Душъ» скоро нельзя будетъ достать ни въ одной книжной лавкѣ, не смотря на то, что онѣ печатались въ большомъ числѣ экземляровъ, — но успѣхъ нравственный, состоящій въ томъ, что «Мертвыя Души» со-дня-на-день болѣе и болѣе раскрываются передъ глазами публики, во всей безконечности и глубокости ихъ идеальнаго значенія, со-дня-на-день болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ себѣ почитателей и приверженцевъ даже между людьми, немогшими оцѣнить ихъ сразу, при первомъ чтеніи, и со-дня-на-день болѣе и болѣе становятся живою новостію минуты, вмѣсто того, чтобъ постепенно отступать въ архивъ рѣшенныхъ дѣлъ и старыхъ, потерявшихъ свой интересъ новостей... Трудитесь же, почтенные сочинители, пишите новыя брани на «Мертвыя Души» и ихъ знаменитаго творца, чтобъ выше и выше еще становились они, и безъ васъ уже высоко-ставшіе!..

Между-тѣмъ, какъ «сочинители» бранятъ «Мертвыя Души» и Гоголя, а литераторы хвалятъ ихъ и спорятъ о нихъ, — что же дѣлаетъ русская читающая публика? — То же самое, что и всегда дѣлала она съ сочиненіями Гоголя. Не смотря на незрѣлость образованія нашего общества, допускающую

его иногда обольщаться и увлекаться мишурными явленіями, въ немъ есть какое-то чутье, которое замѣняетъ ему недостатокъ развитія, и которое заставляетъ его окончательно становиться на сторонѣ только истинно-прекраснаго и великаго. «Вечеровъ на Хуторѣ» разошлось два изданія; «Арабесокъ» и «Миргорода» уже нигдѣ нельзя достать; передъ выходомъ, весною нынѣшняго года, втораго изданія «Ревизора», за экземпляръ перваго желавшіе имѣть его платили по 25-ти рублей ассигнаціями. И теперь, чтобъ собрать всѣ сочиненія Гоголя, даже еслибъ можно было купить ихъ по объявленнымъ цѣнамъ, нужно заплатить *сорокъ-три* рубля асс. («Вечера на Хуторѣ», «Арабески» и «Миргородъ» — каждое сочиненіе по 12-ти рублей, и новое изданіе «Ревизора» 7 рублей). Но и тутъ еще будете имѣть не все, если не пріобрѣли того года «Современника», въ которомъ напечатаны повѣсти «Носъ» и «Коляска», и драматическая сцена «Утро Дѣловаго Человѣка», да «Москвитянина» за нынѣшній годъ, гдѣ напечатанъ «Римъ». — Итакъ, спѣшимъ извѣстить русскую читающую публику, что это неудобство на-счетъ пріобрѣтенія сочиненій ея любимаго писателя скоро будетъ устранено. Къ декабрю мѣсяцу текущаго года выйдетъ собраніе сочиненій Гоголя въ *четырехъ* томахъ, красиво и изящно-изданныхъ. Въ *первый* томъ войдутъ «Вечера на Хуторѣ» въ двухъ частяхъ, съ предисловіемъ къ каждой, какъ было при второмъ ихъ изданіи. *Второй* томъ будетъ состоять изъ «Миргорода», въ которомъ повѣсти «Старосвѣтскіе Помѣщики» и «О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» напечатаются безъ всякихъ поправокъ и измѣненій; повѣсть «Вій» съ исправленіями, а «Тарасъ Бульба» совершенно-передѣланный, чуть не вдвое обширнѣе прежняго, ибо авторъ развилъ въ немъ многія подробности, о которыхъ въ первомъ изданіи только слегка было намекнуто, какъ наприм., любовь Андрія и прекрасной Польки, и проч. Въ *третій* томъ, кромѣ повѣстей, помѣщенныхъ въ «Арабескахъ»: — «Невскій Проспектъ», «Записки Сумасшедшаго» и «Портретъ» (послѣдняя совершенно передѣлана), — войдутъ помѣщенныя въ «Современникѣ» 1836 года повѣсти «Носъ» и «Коляска», напечатанный въ «Москвитянинѣ» эпизодическій разсказъ «Римъ», и новая, еще нигдѣ - ненапечатанная повѣсть «Шинель» — одно изъ глубочайшихъ созданій Гоголя. Въ *четвертомъ* томѣ помѣстятся: «Ревизоръ», комедія въ пяти актахъ, съ новыми противъ втораго изданія поправками автора и съ письмомъ его о первомъ представленіи этой пьесы; «Женитьба», *новая комедія* въ двухъ дѣйствіяхъ, нигдѣ-ненапечатанная; драматическія сцены: «Утро Дѣловаго Человѣка» (напечатанная въ «Современникѣ»), «Тяжба», «Лакейская Сцена», «Разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи», «Свѣтскія Сцены», «Игроки» (послѣднія пьесы еще нигдѣ не были напечатаны).

Все изданіе заключитъ въ себѣ болѣе *ста* печатныхъ листовъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Сентябрь.

—

325) Сочинения Платона. *Переведенныя съ греческаго и объясненныя профессоромъ Санктпетербургской Духовной Академіи* Карповымъ. *Часть II-я. Санктпетербургъ. Въ тип. Император. Академіи Наукъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 385 стр.* (Цѣна 3 р. сер. за обѣ части.)

Во второй части «Сочиненій Платона» также еще нѣтъ самого Платона, какъ не было и въ первой: герой той и другой части — великій учитель Платона, Сократъ. Но въ этой части, Сократъ является уже съ другой, болѣе интересной для всѣхъ, нежели для немногихъ, стороны своей. Въ первыхъ трехъ разговорахъ мы видѣли только *діалектика* Сократа, который обезоруживалъ хитросплетенную ложь софистовъ ихъ же собственнымъ оружіемъ — діалектикою, но который не высказывалъ своихъ убѣжденій и идей, довольствуясь тѣмъ, что изобличалъ пустоту и ничтожество софистическаго лжемудрованія. Въ слѣдующихъ же пяти разговорахъ, — «Хармидѣ», «Эвтифронѣ», «Менонѣ», «Апологіи Сократа» и «Критонѣ», изъ которыхъ состоитъ эта вторая часть, мы видимъ мыслителя и мудреца Сократа, знакомимся съ его высокою мудростью, исполненною глубочайшаго нравственнаго и жизненнаго содержанія. Эта мудрость всѣмъ доступна и всякому понятна, кто только жаждетъ мудрости: ибо Сократъ, какъ истинный Грекъ, есть мудрецъ, а не философъ. Между этими двумя словами большая разница. Мудрецовъ могла производить только древность, гдѣ всѣ стихіи жизни были слиты въ органическое цѣлое и единое, гдѣ жрецъ, ученый, художникъ, купецъ, воинъ, прежде всего былъ человѣкомъ и гражданиномъ; гдѣ гуманическое начало развивалось въ человѣкѣ прежде всего, гдѣ воспитаніе было столько же развитіемъ тѣла, сколько и духа, на томъ основаніи, что только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ обитать и здоровая душа; гдѣ мыслить значило вѣровать, и вѣровать значило мыслить; гдѣ имѣть нравственное убѣжденіе значило быть всегда готовымъ умереть за него; гдѣ наука и искусство не отдѣлялись отъ жизни, и образъ мыслей отъ образа жизни; гдѣ гражданинъ былъ участникомъ и въ правленіи и въ жречествѣ; гдѣ воинъ, въ мирное время, учился мудрости и наслаждался искусствомъ; а ученый, артистъ и ораторъ, во время войны, сражались за отечество и умирали за него; гдѣ праздники были столько же религіозными, сколько эстетическими, общественными, государственными и національными... Гре-

ція въ-особенности была такою страною въ древности, и только она могла произвести такого мудреца, какъ Сократъ, который поучалъ мудрости бесѣдуя съ народомъ на площадяхъ, въ собраніяхъ, въ торжествахъ, въ темницѣ,—вездѣ, гдѣ могъ сойдтись и встрѣтиться съ человѣкомъ... Наше время—время не мудрецовъ, а философовъ, не людей, а книжниковъ, ученыхъ... Это потому, что многосторонніе и безконечно-разнообразные, въ сравненіи съ древностію, элементы новой жизни до-сихъ-поръ еще въ броженіи, до-сихъ-поръ еще не примирились и не слились въ единое и цѣлое. Въ наше время, всѣ — или штатскіе, или военные, или мѣщане, купцы, художники, ученые, земледѣльцы, все, что угодно — только не «люди»; титло «человѣка» священно и велико только на словахъ да въ книгахъ, а въ жизни о немъ никто не заботится, никто не спрашиваетъ... Въ юности мы учимся всѣмъ наукамъ, исключая той, которая научаетъ каждаго быть человѣкомъ. Званіе такое-то можетъ въ наше время избавлять отъ обязанности знать что-нибудь внѣ его сферы; знаніе ученаго, напримѣръ, позволяетъ быть трусомъ, блѣднѣть и прятаться при звукѣ оружія. Но всего грустнѣе, что не только званіе, но даже всемірная слава философа, у насъ, не только избавляетъ отъ обязанности считать себя въ какихъ бы то ни было кровныхъ связяхъ съ обществомъ и народомъ, но еще какъ-бы поставляетъ въ обязанность считать для себя за честь быть выше общества и современности... Отъ-того-то въ наше время иной философъ, пока на каѳедрѣ — Промеѳей, рѣшительный Промеѳей; слушаешь и дивишься, какъ одинъ человѣкъ можетъ вмѣстить въ себѣ столько мудрости, столько знанія!.. Но прійдите въ домъ къ этому Промеѳею: Боже мой, какое превращеніе! Филистеръ, мѣщанинъ, человѣкъ, котораго вся поэзія жизни ограничена какою-нибудь кухаркою-женою, трубкою кнастера и кружкою пива... На каѳедрѣ — ему, кажется, только и бесѣдовать бы что съ богами; а въ жизни, это одинъ изъ почтеннѣйшихъ членовъ бюргер-клуба... На каѳедрѣ, это герой истины, готовый защищать ее, логическими построеніями, противъ всей вселенной; а въ жизни — это человѣкъ, хорошо вытвердившій правило «мое дѣло сторона», и живущій въ ладу со всякою дѣйствительностію, равно счастливый при всякихъ обстоятельствахъ. Удивительно ли, что философія въ наше время производитъ только школьныя партіи, и что жизнь такъ же не хочетъ ее знать, какъ и она не хочетъ знать жизнь?.. А художникъ нашего времени?.. Онъ живетъ въ прошедшемъ, поетъ, какъ птица, и подобно птицѣ перепархиваетъ съ вѣтки на вѣтку, ища мѣстечка, гдѣ бы ему было получше... Не такова была древность — эта великая школа людей и мужей, гдѣ самыя женщины были героинями своихъ обязанностей, и, будучи женами и матерями, умѣли быть и гражданками, гдѣ художники и ученые были не птицами и не педантами, а жрецами, хранителями прометеева огня національной жизни... Тамъ слово было дѣломъ, и дѣло было словомъ, мысль — фактомъ, и фактъ — мыслію. Зато, въ Греціи, на-примѣръ, Гомера знали не одни ученые, а цѣлый народъ; Пиндару и Кориннѣ рукоплескала вся Эллада на олимпійскихъ играхъ; Геродотъ, на тѣхъ же олимпійскихъ играхъ (а не въ собраніи общества любителей словесности), читалъ Эллинамъ исторію славной борьбы ихъ съ Азіею, а юноша-Ѳукидидъ плакалъ, слушая вѣщаго старца... Софоклъ, обвиненный неблагодарными дѣтьми въ помѣшательствѣ ума, передъ лицомъ всего народа выигрываетъ процессъ, прочтя судіи-народу отрывокъ изъ своего «Эдипа»... А между-тѣмъ, Греки не знали великаго искусства книгопечатанія, которымъ мы столько гордимся, забывая, что у насъ большая часть и знающихъ-то грамотѣ читаютъ толь-

ко прейс-куранты да объявленія о продажахъ и подрядахъ.

Вѣрить и не знать — это еще значитъ что-нибудь для человѣка; но знать и не вѣрить — это ровно ничего не значитъ. Сознательная вѣра и религіозное знаніе — вотъ источникъ живой дѣятельности, безъ котораго жизнь хуже смерти. А между-тѣмъ, сколько людей въ наше время безъ памяти рады, что они — скептики, и что они вѣрятъ только въ то, что чѣмъ больше въ карманѣ денегъ, тѣмъ веселѣе быть скептикомъ!.. Только въ такое несчастное время могутъ существовать люди, которыхъ ремесло состоитъ въ томъ, чтобы тѣшить праздную толпу, кувыркаясь передъ нею на канатѣ, въ нарядѣ паяца, въ колпакѣ съ бубенчиками, и которые готовы доказывать, для ея потѣхи, что Сократъ былъ умный плутъ, который морочилъ Аѳинянъ своимъ демономъ, внутренно смѣясь надъ ними, какъ-будто бы Сократъ былъ забавникъ-журналистъ, или шутъ... Эти «скептики», по себѣ-самимъ судящіе о великихъ людяхъ, эти потѣшники толпы, — съ свойственнымъ имъ безстыдствомъ, готовы доказывать, что Сократъ и чашу-то съ цикутою выпилъ изъ желанія плутовать и тѣшиться... Для низкихъ натуръ ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ истить за свое ничтожество, бросая грязью своихъ воззрѣній и мнѣній въ святое и великое жизни... А безсмысленная толпа, дикая, невѣжественная чернь, за то-то и удивляется этимъ гаерамъ, принимая ихъ наглость и дерзость за знаніе и умъ...

Кстати о Сократѣ и о чашѣ съ цикутою, которая прекратила дни мудреца и праведника: въ разговорѣ «Критонъ» Платонъ представляетъ Сократа бесѣдующимъ въ темницѣ съ ученикомъ его, Критономъ. Критонъ уговариваетъ Сократа бѣжать, Сократъ доказываетъ ему, что не можетъ этого сдѣлать, не отрекшись отъ своего собственнаго ученія, и не запятнавъ безчестіемъ всей своей жизни. Критонъ говоритъ, что не хорошо, если толпа подумаетъ, что Сократъ больше пожалѣлъ денегъ, для подкупленія стражи, чѣмъ друзей своихъ.

Сокр. Но что намъ такъ заботиться о народной молвѣ, добрый Критонъ! Люди честнѣйшіе, которыхъ мнѣніемъ надобно особенно дорожить, будутъ думать, что дѣлу надлежало сдѣлаться такъ, какъ оно могло сдѣлаться.

Крит. Но вотъ ты видишь, Сократъ, что необходимо заботиться и о народномъ мнѣніи: настоящее именно событіе показываетъ, что толпа можетъ производить не маленькое, а дѣйствительно величайшее зло, когда кто-нибудь бываетъ оклеветанъ передъ нею.

Сокр. Да и надобно, Критонъ, чтобъ она могла производить величайшее зло, дабы имѣть силу и для произведенія величайшаго добра: тогда было бы хорошо. Но теперь она не въ состояніи сдѣлать ни того, ни другаго, ни умнаго, ни глупаго, а дѣлаетъ, что случится.

Какая глубокая соціальная мысль заключена въ этихъ словахъ Сократа! Именно, общественное мнѣніе потому и имѣетъ силу убивать часто доброе и безукоризненное имя, чтобъ быть въ состояніи воздать должное и великому подвигу: нужно ему быть просвѣщеннымъ, чтобъ имѣть силу дѣлать одно доброе и великое; но будучи невѣжественно, оно управляется вѣтромъ случая, и само-по-себѣ не можетъ дѣлать ни умнаго, ни глупаго, ни добра, ни худа...

Въ «Критонѣ» выражено понятіе Сократа о законахъ, и объ отношеніяхъ къ нимъ гражданина. Какъ послѣдній доводъ противъ Критона, Сократъ олицетворяетъ законы и заставляетъ ихъ такъ говорить ему, еслибъ онъ бѣжалъ:

«Сократъ, что ты это задумалъ? Видно предпринимаемымъ поступкомъ умышляешь, сколько отъ тебя зависитъ, причинить погибель и намъ — законамъ и цѣлому обществу? Развѣ, по твоему мнѣнію, то общество можетъ еще существовать и не разрушиться, въ которомъ судейскія опредѣленія не имѣютъ никакой силы, въ которомъ они теряютъ свою важность и искажаются людьми частными!— — — — Сократъ! не удивляйся нашимъ рѣчамъ,

но отвѣчай; ты вѣдь привыкъ предлагать вопросы и давать отвѣты. Скажи-ка: за какую вину нашу и общественную хочешь погубить насъ? Во-первыхъ, не мы ли родили тебя? Не черезъ насъ ли твой отецъ женился на твоей матери и далъ тебѣ жизнь? Говори же, порицаешь ли ты за какіе-нибудь недостатки тѣ изъ насъ — законовъ, которыми скрѣпляются брачныя узы? — Не порицаю, сказалъ бы я. — А тѣ, которые завѣдываютъ воспитаніемъ и образованіемъ рожденнаго и подъ управленіемъ которыхъ образованъ самъ ты? Развѣ законы, завѣдывающіе сими дѣлами, не хорошо предписали, чтобы твой отецъ научилъ тебя музыкѣ и гимнастикѣ? — Хорошо, отвѣчалъ бы я. — Конечно; но получивъ бытіе, воспитаніе и образованіе, можно ли тебѣ во-первыхъ сказать, что ты и не потомокъ нашъ и не рабъ? Можешь ли сказать это и за себя и за своихъ предковъ? А если такъ, то думаешь ли, что твои и наши права равны? Думаешь ли, что когда мы рѣшаемся предписать тебѣ какое-нибудь дѣло, — ты имѣешь право противодѣйствовать нашимъ предписаніямъ? Да твое право не равнялось и праву твоего отца, и праву господина, еслибъ онъ былъ у тебя; ибо, конечно, тебѣ непозволительно было подвергать страданію, слушая брань противорѣчить, принимая побои, бить, и многое тому подобное. Ужели же позволительно тебѣ это дѣлать въ отношеніи къ отечеству и законамъ, такъ-что, когда мы, опираясь на свое право, намѣреваемся погубить тебя, ты рѣшаешься, сколько отъ тебя зависитъ, погубить насъ — законы и отечество, и говоришь, что твой поступокъ справедливъ, — говоришь ты, ревнитель истины и добродѣтели? Такова-то твоя мудрость! Ты забылъ, что отечество почтеннѣе и матери, и отца, и всѣхъ предковъ; что оно досточтимѣе, священнѣе, выше ихъ и передъ богами, и передъ людьми умными; что передъ нимъ должно благоговѣть и, когда оно гнѣвается, покорствовать и угождать ему болѣе, чѣмъ отцу; что повелѣваетъ ли оно дѣлать, — надобно или уговорить его, или дѣлать, предписываетъ ли страдать, — надобно страдать, притомъ, молча. Пусть оно бьетъ, налагаетъ оковы, ведетъ на войну для ранъ и смерти, надобно исполнять. — И вотъ справедливость: не уклоняться, не отступать, не оставлять своего мѣста, но и на войнѣ, и въ судѣ, и вездѣ дѣлать то, что повелѣваетъ общество и отечество; или ужъ показать ему, въ чемъ состоитъ существо справедливости. Насиліе же и въ отношеніи къ отцу и матери нечестиво, а въ отношеніи къ отечеству оно еще хуже. Что скажешь на это, Критонъ? Правду ли говорятъ законы, или нѣтъ?

Крит. Да, кажется.

Сокр. Смотри же, Сократъ, продолжали бы законы, истинны ли слова наши, что, намѣреваясь совершить противъ насъ настоящій поступокъ, ты не правъ. Родивъ, воспитавъ, образовавъ тебя и давъ тебѣ, какъ и прочимъ гражданамъ, все зависѣвшее отъ насъ прекрасное, мы однакожъ публично предоставили на волю каждаго Аѳинянина выдержать испытаніе, узнать дѣла общества и насъ — законы, и, если кому не нравится, взять свое имущество и удалиться, куда угодно. Въ этомъ случаѣ ни который изъ насъ — законовъ не препятствуетъ и не запрещаетъ вамъ, если хотите, переселиться въ колонію, какъ скоро ни мы, ни общество не по мысли, а оттуда переѣхать въ какое угодно иное мѣсто и взять свое имущество. Но кто изъ васъ, видя, какъ мы разсматриваемъ судебныя дѣла и управляемъ обществомъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, остался, тотъ у насъ почитается уже такимъ человѣкомъ, который далъ намъ согласіе на самомъ дѣлѣ — исполнять все, что бы ни было приказано, и если онъ непослушенъ, то мы признаемъ его втройнѣ виноватымъ: и потому, что оскорбляетъ насъ, своихъ воспитателей, и потому, что согласившись слушаться насъ, и не слушается и не показываетъ намъ, что мы въ чемъ-нибудь поступаемъ худо. Между-тѣмъ, какъ съ нашей стороны только предлагается, а не предписывается строго исполнять то, что приказываемъ, только позволяется одно изъ двухъ — или доказать намъ, или исполнить, — онъ не дѣлаетъ ни того, ни другаго. Этимъ же обвиненіямъ подвергнешься и ты, Сократъ, какъ скоро совершишь то, что замышляешь, — подвергнешься и ты не только не менѣе прочихъ Аѳинянъ, но еще болѣе, чѣмъ они. А если бы я спросилъ ихъ: почему это такъ? — то они, можетъ быть, справедливо бы укорили меня и сказали: потому, что ты далъ имъ это согласіе преимущественно предъ другими Аѳинянами. Они сказали бы: Сократъ! у насъ есть важныя доказательства, что и мы, и общество — тебѣ нравились, ибо ты, конечно, не жилъ бы здѣсь отлично отъ всѣхъ Аѳинянъ, если бы не имѣлъ столь же отлич-

наго расположенія къ мѣсту своего жительства. Ты никогда не оставлялъ города даже и для общественныхъ праздниковъ, развѣ только ходилъ на Истмъ; никогда не отправлялся въ другія мѣста, развѣ сражаться; никогда не предпринималъ и путешествій, какъ дѣлаютъ многіе. У тебя не было охоты познакомиться съ иными обществами и иными законами: мы и наше общество удовлетворяли тебя. Вотъ какъ ты предпочиталъ насъ и соглашался управляться нами! Да и дѣтей родилъ здѣсь, потому-что здѣшнее тебѣ нравилось. Притомъ, во время самаго судопроизводства, если бы тебѣ хотѣлось, въ твоей власти было обречь себя на изгнаніе; и тогда ты сдѣлалъ бы то же самое съ согласія общества, что теперь предпринимаешь противъ его воли. Между-тѣмъ, тогда ты показывалъ видъ, будто не оскорбляешься, если тебѣ надобно умереть, и говорилъ, что смерть предпочитаешь ссылкѣ: а теперь и тѣхъ словъ своихъ не стыдишься, и насъ—законовъ не совѣстишься, но умышляешь намъ погибель; теперь ты дѣлаешь то, что сдѣлалъ бы самый негодный рабъ, потому-что рѣшаешься бѣжать, вопреки условіямъ и согласію управляться нами. И такъ, сперва отвѣчай, правду ли мы говоримъ, утверждая, что ты обѣщался слѣдовать намъ, хоть не словомъ, такъ дѣломъ, или не правду? Что скажешь на это, Критонъ? Не приходится ли согласиться?

Крит. Необходимо, Сократъ.

Сокр. Значитъ, ты нарушаешь заключенныя съ нами условія, сказали бы они, и забываешь о своемъ согласіи, которое далъ и не по дѣйствію обмана, и не потому, что имѣлъ мало времени для размышленія. Въ продолженіи семидесяти лѣтъ, тебѣ можно было бы удалиться, если бы мы не нравились, или, если бы твое согласіе казалось несправедливымъ. Такъ нѣтъ, ты не предпочелъ ни Лакедемона, ни Крита, которые всякій разъ признавалъ благоустроенными, и никакого иного эллинскаго или варварскаго общества: ты рѣже оставлялъ свое отечество, чѣмъ хромые, слѣпые и другіе калеки. Очевидно, что тебѣ болѣе, нежели прочимъ Аѳинянамъ, нравилось—наше общество и мы законы; ибо кому понравилось бы общество безъ законовъ? И вотъ теперь однакожь ты не стоишь въ своихъ обѣщаніяхъ?—Нѣтъ, Сократъ, насъ-то ты послушаешься и не уйдешь изъ общества, чтобы сдѣлаться предметомъ смѣха. Разсмотри-ка хорошенько: совершивъ свое преступленіе и уклонившись отъ своего долга, какое благо доставишь ты себѣ, или друзьямъ своимъ? Что друзья твои подвергнутся также необходимости бѣжать и лишиться отечества, или потерять имущество,—это почти вѣрно. А самъ ты?—положимъ во-первыхъ придешь въ которое-нибудь изъ ближайшихъ обществъ, въ Ѳивы или Мегару, потому-что оба они отличаются благоустройствомъ: но туда явишься ты, Сократъ, какъ врагъ ихъ учрежденій; и тѣ, на которыхъ возложено попеченіе о сихъ обществахъ, будутъ смотрѣть на тебя съ недовѣрчивостію, какъ на разрушителя законовъ. Значитъ, твой поступокъ только подтвердитъ мнѣніе судей, что ихъ приговоръ надъ тобою должно быть справедливъ; ибо кто нарушаетъ законы, тотъ безъ сомнѣнія можетъ показаться развратителемъ юношей и глупцовъ. Положимъ опять, что ты постараешься бѣгать обществъ благоустроенныхъ и людей порядочныхъ: но дѣлая это, стоитъ ли тебѣ жить на свѣтѣ? Приближаясь къ нимъ, развѣ тебѣ не стыдно будетъ собственныхъ ихъ словъ? — и какихъ словъ, Сократъ! — тѣхъ, которыя ты говорилъ здѣсь, что добродѣтель и справедливость, политическія учрежденія и законы—для людей весьма важны. Не-уже-ли не думаешь, что тогда Сократъ явится человѣкомъ презрѣннымъ? И вѣдомо. Положимъ также, что, вырвавшись изъ этихъ мѣстъ, ты придешь въ Ѳессалію, къ Критоновымъ знакомымъ; тамъ-то уже величайшее неустройство и своеволіе; тамъ, можетъ быть, не безъ удовольствія будутъ слушать, какъ забавно бѣжалъ ты изъ темницы, завернувшись въ какой-нибудь плащъ, или одѣвшись въ шубу, либо во что другое, по обычаю бѣглецовъ, и такимъ образомъ измѣнивши свою наружность. Но и тамъ ужели никто не скажетъ, что ты, въ старыхъ лѣтахъ, доживая, по всей вѣроятности, небольшой остатокъ своего времени, дерзнулъ такою скользкою дорогою усильно искать жизни и преступить великіе законы? — Можетъ быть, если никого не оскорбишь: а не то, —услышишь, Сократъ, много и такого, что недостойно тебя. Ты будешь жить, приноровляясь ко всѣмъ людямъ и служа имъ. Да и что тебѣ дѣлать въ Ѳессаліи, если не пировать, пріѣхавъ туда будто на балъ? А тѣ рѣчи о справедливости и другихъ добродѣтеляхъ—куда дѣнутся у насъ? Но представимъ, что твоя жизнь будетъ посвящена воспитанію и образованію

дѣтей? Такъ что жъ? Они воспитаются и образуются, перешедши ли въ Ѳессалію и сдѣлавшись иностранцами, чтобы и этимъ быть обязанными тебѣ? или, не подвергаясь такому переселенію и воспитываясь при твоей жизни, получать лучшее воспитаніе и образованіе въ твоемъ отсутствіи, то есть, когда объ нихъ будутъ заботиться друзья твои? Но если твои друзья примутъ ихъ на свое попеченіе, по отшествіи твоемъ въ Ѳессалію; то почему не попекутся о нихъ по отшествіи твоемъ въ преисподнюю? И вѣдомо;—какъ скоро тѣ, которые называютъ себя твоими друзьями, искренно хотятъ услужить тебѣ. Такъ, Сократъ, повинуясь намъ—воспитателямъ твоимъ, не ставь выше справедливости ни дѣтей, ни жизни, ничего другаго, чтобы сошедши въ преисподнюю, мочь въ свое оправданіе сказать все это властямъ ея. Твой поступокъ, видишь, и здѣсь не обѣщаетъ ничего хорошаго, справедливаго и святаго, какъ тебѣ, такъ и твоимъ ближнимъ, и по пришествіи туда не встрѣтитъ тебя ничѣмъ хорошимъ. Если ты теперь отойдешь, то отойдешь обиженнымъ —не отъ насъ—законовъ, а отъ людей: напротивъ, если уйдешь и такъ постыдно воздашь обидою за обиду, зломъ за зло, нарушивъ свои обѣщанія и договоръ съ нами и сдѣлавъ зло тѣмъ, которые менѣе всего виноваты, то-есть, себѣ, друзьямъ, отечеству и намъ; то во время твоей жизни будемъ гнѣваться на тебя мы, а послѣ неблагосклонно примутъ тебя наши братья —законы преисподней, зная, что ты, сколько отъ тебя зависѣло, умышлялъ на нашу погибель. Не вѣрь же Критону болѣе, чѣмъ намъ, и не дѣлай того, что онъ говоритъ.

Вотъ слова, любезнѣйшій другъ, Критонъ, которыя я, кажется, слышу, какъ изступленные жрецы слышатъ флейту! Звуки этихъ словъ такъ поражаютъ меня, что я не могу внимать ничему другому. Знай же, что ты напрасно бы говорилъ, если бы сталъ утверждать что-нибудь противъ настоящаго моего мнѣнія. Впрочемъ, если можешь сказать болѣе, говори.

Крит. Нѣтъ, Сократъ, не могу.

Сокр. Такъ перестань, Критонъ; сдѣлаемъ то, къ чему ведетъ Богъ. (*Стр.* 306—316).

Вотъ какъ мыслилъ и чувствовалъ Сократъ — этотъ тонкій плутъ, этотъ ловкій «надувало», тѣшившійся надъ легковѣріемъ Аѳинянъ!.. И какъ его мышленіе было его вѣрою,—онъ мученическою смертью утвердилъ справедливость своего религіознаго сознанія. Изучать доктрину Сократа, изложенную въ бесѣдахъ, преніяхъ, какъ самъ онъ излагалъ ее, — значитъ не только просвѣщать свой разумъ свѣтомъ истины, но и укрѣплять свой духъ въ вѣрѣ въ истину, пріобрѣтать божественную способность дѣлаться жрецомъ истины, готовымъ все приносить въ жертву ей и прежде всего—самого-себя.

Вотъ почему, нисколько не увлекаясь и не преувеличивая дѣла, но видя его совершенно-такимъ, каково оно есть дѣйствительно, — мы смѣло можемъ сказать, что г. Карповъ, если онъ кончитъ изданіе своего перевода, совершитъ подвигъ столько же гражданскій, сколько и ученый. Это великая заслуга передъ обществомъ, это безцѣнный подарокъ его настоящему и будущему. Изученіе классической древности въ новѣйшей Европѣ положено краеугольнымъ камнемъ публичнаго воспитанія юношества, — и въ этомъ видна глубокая мудрость. Есть люди, которые кричатъ: за чѣмъ намъ нѣтъ спасенія безъ Грековъ и Римлянъ? за чѣмъ непремѣнно изучать греческій и латинскій, а не санскритскій, или не арабскій языкъ, если ужъ безъ древнихъ языковъ нельзя обойдтись? — За тѣмъ, милостивые государи, что связь новѣйшей Европы съ Индіею и Аравіею гораздо-отдаленнѣе, нежели съ Греціею и Римомъ. То родство въ двадцатомъ колѣнѣ, а это родство—близкое, кровное. Изученіе классической древности преобразовало Европу, свергло тысячелѣтнія оковы съ ума человѣческаго, способствовало освобожденію отъ инквизиціи и тому подобныхъ человѣколюбивыхъ и кроткихъ мѣръ къ спасенію душъ. Законодательство римское замѣнило, въ новѣйшей Европѣ, феодальную тиранію правомъ, на разумѣ основаннымъ. Древняя Греція и Римъ — страны духа, впервые освободившагося отъ деспотическаго вла-

дычества природы, представитель котораго Азія. Тамъ, на этой классической почвѣ, развились сѣмена гуманности, гражданской доблести, мышленія и творчества; тамъ начало всякой разумной общественности, тамъ всѣ ея первообразы и идеалы. Правда, тамъ общество, освободивъ человѣка отъ природы, слишкомъ и покорило его себѣ. За то, средніе-вѣка ужь слишкомъ освободили его отъ общества, и впали въ другую крайность. Теперь настаетъ время примиренія этихъ двухъ крайностей, во имя *среднихъ-вѣковъ* и *древняго міра;* слѣдовательно, Греція и Римъ и теперь еще живутъ и дѣйствуютъ въ насъ, къ нашему благу и нашему преуспѣянію въ осуществленіи на дѣлѣ *идеальной* истины, которая одна только истинна, ибо всякая эмпирическая истина — ложь.

Переводъ г. Карпова именно такой, какого только нужно желать въ наше время: вѣрный и точный до буквальности, носящій на себѣ отпечатокъ того языка, съ котораго онъ сдѣланъ; но отъ-того русскій языкъ въ немъ нисколько не изнасилованъ и не лишенъ своей естественности. Переводъ изящный болѣе обогатилъ бы нашу литературу, чѣмъ познакомилъ бы насъ съ Платономъ. Такой переводъ можетъ быть важенъ для насъ только послѣ перевода г. Карпова; но и тогда мы читали бы его texte en regard съ переводомъ г. Карпова, имѣя послѣдній подъ рукою, какъ-сказать, для повѣрки перваго. Честь и слава человѣку, скромно, въ тиши кабинета, наединѣ, совершающему свой трудъ, который былъ бы истиннымъ подвигомъ для цѣлаго ученаго общества! Не-уже-ли этотъ трудъ не поддержится публикою? — Страшно и подумать объ этомъ...

326) Шекспиръ. *Съ англійскаго* Н. Кетчера. *Выпускъ десятый.* Генрихъ VIII. *Москва. 1842. Въ тип. Николая Степанова. Въ 8-ю д. л. 160—286 стр.*

Теперь всѣ сомнѣнія на счетъ матеріальнаго успѣха прекраснаго предпріятія г. Кетчера разрѣшились самымъ лучшимъ образомъ: оно идетъ успѣшно и непремѣнно дойдетъ до своего окончанія, за что мы смѣло ручаемся, зная твердость и постоянство въ трудѣ переводчика Шекспира. Публика поддержала его, и за нимъ дѣло не станетъ. *Одиннадцатый* выпускъ, заключающій въ себѣ «Комедію Ошибокъ», скоро выйдетъ; *двѣнадцатый,* заключающій въ себѣ «Макбета», совсѣмъ готовъ къ печати.

327) Няни, *списанные съ натуры Русскими. Выпускъ двѣнадцатый.* Няня. *Соч.* ***вой. *101 — 120 стр.* (Цѣна этого выпуска 60 коп. сер.).

Статья «Няня» служитъ новымъ доказательствомъ, что русскія дамы могутъ писать — по-крайней-мѣрѣ не хуже русскихъ мужчинъ... Русская няня изображена тутъ вѣрно и живописно. Какъ и слѣдуетъ, она является въ статьѣ ангеломъ-хранителемъ дитяти, любитъ его безсознательно, страдаетъ его страданіями, радуется его радостями. Впрочемъ, это только одна сторона русской няни, любящей до самоотверженія, но и необразованной, и и грубой, и переполненной всевозможными предразсудками черни. Жаль, что даровитая писательница только слегка коснулась другой стороны няни, едва намекнувъ, какъ няня балуетъ дѣтей глупымъ потворствомъ и грубымъ заступничествомъ передъ гувернантами, на которыхъ, за ихъ справедливую строгость къ дѣтямъ, уже вышедшимъ изъ-подъ ея надзора, ворчитъ и злится за-глаза и въ-глаза. Тутъ можно было бы нарисовать широкую картину, какъ няня, всегда балуя младшихъ на-счетъ старшихъ, озлобляетъ послѣднихъ чувствомъ несправедливости, и изъ тѣхъ и другихъ ангело-подобныхъ существъ подготовляетъ исподоволь существа совсѣмъ не похожія на ангеловъ... А впрочемъ, она ихъ любитъ страстно и нѣжно, только безсознательно, какъ любятъ животныя и люди невѣжественные, какъ любятъ коровы телятъ, а куры цыплятъ,

какъ любятъ русскія няни порученныхъ ихъ заботливости чужихъ дѣтей... Потомъ не мѣшало бы замѣтить, какъ эти няни портятъ воображеніе дѣтей страшными разсказами о привидѣніяхъ и тому подобныхъ вздорахъ, которые сильно впечатлѣваются въ юномъ мозгу и, въ - слѣдствіе этого, часто одолѣваютъ разсудокъ взрослыхъ людей... Еще замѣтимъ, что никакъ нельзя согласиться съ мыслію сочинительницы статьи, будто-бы нянею, въ смыслѣ ангела-хранителя дѣтей, обязаны мы только крѣпостному сословію. Причина любви старухъ къ дѣтямъ лежитъ въ натурѣ человѣка: старость вездѣ и всегда другъ дѣтства, а дѣтство другъ старости. Дитя любитъ свою «бабу» (т. е. мать отца или матери) едва-ли не болѣе, чѣмъ мать свою, ибо первая — такъ какъ для нея нѣтъ уже въ жизни никакихъ другихъ интересовъ — занимается имъ съ какою-то неизъяснимою преданностью.

Изложеніе и вообще языкъ статьи «Няня» — просто прелесть; всѣ подробности такъ вѣрно схвачены съ натуры, такъ мастерски перенесены на бумагу, что, читая, будто видишь все на самомъ дѣлѣ. Какъ, на-прим., хорошо вотъ это:

Больше всего досаждаютъ ей старшія дѣти, которыя, играя у столика въ углу комнаты, не смотря на всѣ ея просьбы и угрозы, шумятъ и спорятъ.

«Анна Александровна», говоритъ няня строгимъ голосомъ, обращаясь къ старшей дѣвочкѣ лѣтъ пяти, большой проказницѣ: «Бога ты не боишься!.. сестрица почиваетъ...Не шуми, а не то я тебя...»

Не успѣла она выговорить слова, вдругъ — или дѣти не поладили между собою, или нечаянно — только оловянный сервизъ полетѣлъ со стола на полъ. Въ эту минуту стоитъ взглянуть на испуганную няню!

«Безстыдница!» шепчетъ она и, вооруживъ гребенкою одну руку, сжавъ въ кулакъ другую, летитъ съ распущенными волосами на дѣтей.

«Убью на мѣстѣ!» говоритъ няня, приближаясь къ маленькой Анютѣ, которая какъ цыпленокъ отъ коршуна, прижалась къ спинкѣ своего стульчика, приподнявши надъ головою обѣ ручки въ защиту, и лепечетъ умоляющимъ голосомъ: «нянюшка, миленькая, не я, право, не я».

«И не я», — прерываетъ мальчикъ — сервизъ самъ упалъ.» Но няня, не слушая ихъ, схватила обоихъ за руки и выпихнула въ другую комнату, ворча имъ вслѣдъ: «вѣдь вы сдѣлаете сестру уродомъ; ахъ ты, Господи! прости мнѣ мои согрѣшенія! — продолжаетъ она, осторожно запирая за ними двери, — наказаніе Божье съ этими дѣтьми: долго ль до бѣды!»

Но можно ли повѣрить ея жестокосердію? Она готова за каждаго изъ дѣтей душу отдать, и даже старшія, отъ которыхъ она немного отвыкла, ей во сто разъ дороже самой-себя. Когда, во время сна Машеньки, она сидитъ у окна, съ очками на носу, и штопаетъ чулки, надо видѣть, какое негодованіе изображается на ея лицѣ, если до нея долетаютъ угрозы Нѣмки на Анюту или Ѳедю.

Няня потряхиваетъ головою и бормочетъ про-себя: «Охъ ужь эта мнѣ проклятая чухонка! вишь какъ она ихъ мучитъ! Словно за душу тянетъ... и барынѣ-то охота давать дѣтей ей въ руки».

Но шумъ въ сосѣдней комнатѣ увеличивается, и наконецъ Анюта входитъ къ нянѣ вся въ слезахъ. «Это что?» вскрикиваетъ няня: «стыдись, сударыня!.. стыдись плакать», продолжаетъ она, смягчивъ голосъ.

«Миленькая няня, Шарлотта Карловна все бранится», жалобно отвѣчаетъ малютка.

«Оттого, что ты ее не слушаешься», продолжаетъ няня, принимая на себя менторскій видъ. «*Уничтожь* себя, сударыня, *прекрати* ты свой характеръ». Потомъ, вынимая изъ кармана какую-то давно лежащую въ немъ конфетку, она, отерши слезы Анюты, говоритъ: «На-ко, заѣшь горе, горемычная ты моя; ну, *чортъ бы ее взялъ твою губернатку*... На-ко, *пососи сладенькаго*».

Если на бѣду Шарлотта Карловна, входя въ эту минуту, требовала, чтобы Анюта шла за нею, Агаѳья Семеновна не можетъ воздержаться, чтобъ не сдѣлать ей выговора съ досадою. «Какъ вамъ не стыдно, Шарлотта Карловна! всегда дитя раздразните; и что она вамъ сдѣлала?.. У меня сидитъ умнешенька, а лишь попадетъ къ вамъ, такъ и пошли жалобы, да слезы... *Диви* кабы своенравна была, а въ ней *хитрости ни на синь пороха* нѣтъ».

Съ этими словами она вынимаетъ изъ

кармана табакерку и, понюхивая табачокъ съ разстановками, говоритъ вполголоса уходящей Нѣмкѣ, которая по-нѣмецки что-то объясняетъ Анютѣ: «Толкуй ты тутъ! А у самой ни ложки, ни плошки. Нищей взяли въ домъ! Давно ль такъ спѣсива стала?.. Дискать мамзель, а такая же холопка какъ нашъ братъ...»

Да, это няня, живая русская няня! Скажите, много ли у насъ литераторовъ, которые бы такъ же умѣли изображать разныя стороны нашей общественности! Право, для спасенія чести современной русской литературы, безвременно погибающей отъ нравственно-сатирическихъ шмелей и другихъ драныхъ и докучныхъ насѣкомыхъ, одно только средство.— просить дамъ, чтобъ онѣ побольше писали по-русски...

Касательно же изданія «Нашихъ» вообще, вотъ что при этомъ выпускѣ объявляетъ издатель ихъ, книгопродавецъ Я. А. Исаковъ:

«Согласно съ желаніемъ, изъявленнымъ многими изъ подписчиковъ, продолжая изданіе *Нашихъ* полными статьями, *безъ раздѣленія каждой на нѣсколько выпусковъ*, мы, *вмѣстѣ*, понизили значительно цѣну въ двухъ отношеніяхъ, *во-первыхъ:* украшеніемъ текста, чрезъ увеличеніе въ немъ числа виньетокъ, составляющихъ важнѣйшую издержку, *во-вторыхъ:* уменьшеніемъ платежа, не смотря на значительное увеличеніе расхода. Такимъ образомъ, сообразно съ намѣреніемъ первоначально принятымъ нами, будемъ мы дѣйствовать и впередъ; по-мѣрѣ умноженія числа подписчиковъ, удостовѣряющаго, что изданіе наше все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе публики, мы будемъ всегда облегчать ей способы пріобрѣтать оное.

«Дѣятельно изготовляются и въ скоромъ времени будутъ выпущены одна за другою статьи: *Уралъскій казакъ*, В. И. *Даля*; *Извощикъ*, ***; *Знахарь*, Основьяненко; *Дачники*, Башуцкаго. Сей новый порядокъ изданія *былъ* единственною причиною нѣкотораго замедленія въ выходѣ двѣнадцатаго выпуска.»

328) Картинки Русскихъ Нравовъ. *Книжки III и IV*. *Спб. Въ тип.* Journal de St.-Pétersbourg. *Въ 52-ю д. л. Въ III-ей книжкѣ 54, въ IV-ой 94 стр.* (Цѣна за обѣ книжки 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. сер.).

«Картинки Русскихъ Нравовъ» продолжаются и, кажется, будутъ продолжаться: стало-быть, на нихъ есть охотники... Да и почему жь не быть? — книжки маленькія, миньятюрныя, красиво-напечатанныя, съ миленькими оберточками и съ миленькими картинками; цѣна, по красивости изданія, довольно-умѣренная: какъ же, послѣ этого, не покупать, особенно когда, по части книжнаго товара, рѣшительно нѣчего покупать? Но текстъ — каковъ-то текстъ? — спросятъ насъ. Э! да кто же думаетъ о текстѣ, когда дѣло идетъ о красивенькихъ игрушкахъ? Тутъ текстъ совсѣмъ-постороннее дѣло, тѣмъ болѣе, что его никто не станетъ и читать, любуясь картинками. А сколько людей покупаютъ такія хорошенькія вещицы для дѣтей, вмѣсто игрушекъ! Дѣти же составляютъ самую невзъискательную публику и, при картинкахъ, готовы восхищаться всякимъ текстомъ. Издатели «Картинокъ Русскихъ Нравовъ» очень-хорошо это поняли и печатаютъ все, что попало, лишь бы было къ чему прилѣпить картинки.

Третья книжка «Картинокъ Русскихъ Нравовъ» заключаетъ въ себѣ «Петергофскій Праздникъ», стихотвореніе, въ трехъ пѣсняхъ, г. Мятлева, автора «Курдюковой». Тутъ, по-прежнему, весь юморъ состоитъ въ смѣшеніи нижегородскаго съ французскимъ, и это, по-прежнему, многіе находятъ и острымъ, и замысловатымъ, и поэтическимъ. Что касается до насъ, мы нисколько не удивляемся такому вкусу, особенно при современномъ состояніи русской литературы.

Четвертая книжка заключаетъ въ себѣ «Невскій Пароходъ» прозаическую статью г. А. Греча. Эта статья насъ особенно порадовала: изъ нея мы узнали, что если русская литература гордилась доселѣ знаменитымъ сочинителемъ, г. Н. Гречемъ, то впредь она будетъ гордиться не менѣе знаменитымъ

сочинителемъ, г. А. Гречемъ, и что, по отношенію къ таланту, одинъ въ другомъ не умретъ... Удивительна эта статья «Невскій Пароходъ!» Сколько въ ней новаго, оригинальнаго, какой игривый юморъ, какое остроумное наложеніе, сколько глубокихъ идей! Вотъ, наприм., начало:

«Прогуливаясь по плѣнительнымъ аллеямъ Царскаго Села или Каменнаго Острова, прислушиваясь къ шуму фонтановъ въ Петергофѣ, или *услаждая полудикую природу Парголова занимательною бесѣдою*, захотятъ ли П(п)етербургскія дамы и дѣвицы взглянуть на книжечку, въ которой имъ принимаются разсказывать про Петербургъ, про городъ!»

«*Услаждая полудикую природу Парголова занимательною бесѣдою*, — какъ это хорошо сказано, и какое дивное открытіе заключается въ этихъ словахъ! Парголовская природа, въ отличіе отъ царскосельской и всякой другой, которыя глухи и безчувственны для всякихъ бесѣдъ, и занимательныхъ и незанимательныхъ, — парголовская природа одарена способностью, подобно существамъ разумнымъ, услаждать себя занимательною бесѣдою петербургскихъ дамъ и дѣвицъ!.. Послѣ этого, очень-естественъ вопросъ сочинителя: захотятъ ли петербургскія дѣвицы взглянуть на книжечку, въ которой *имъ принимаются разсказывать* такія *чудеса?*.. Въ другомъ мѣстѣ, сочинитель восклицаетъ: «Есть ли на свѣтѣ что̀ ужаснѣе прощанія? *Увѣряемъ васъ, разлука выдумана демономъ!*» Глубокая, оригинальная мысль, и ка̀къ патетически выражена она!.. Но главное достоинство этой статейки составляетъ точность, съ какою въ ней означены часы прихода и отхода пароходовъ на Англійской Набережной. Вѣрность описаній мѣстности также изумительна: Англійская Набережная помѣщена сочинителемъ именно тамъ, гдѣ она въ-самомъ-дѣлѣ находится; Нева, въ статьѣ сочинителя, и широка и глубока; по дорогѣ къ Кронштадту, съ-права виднѣется берегъ Финляндіи, а съ-лѣва — дачи петергофской дороги, и наконецъ самъ Петергофъ, — словомъ, все, ка̀къ оно есть въ-самомъ-дѣлѣ...

Картинки прекрасны — объ этомъ спора нѣтъ; но вотъ что̀ странно: во всѣхъ картинкахъ всѣхъ изданій такого рода: фигуры и физіономіи въ нихъ крѣпко сбиваются на иностранныя, за исключеніемъ развѣ будочниковъ, таможенныхъ и извощиковъ... Очевидно, что въ числѣ нашихъ талантливыхъ рисовальщиковъ еще нѣтъ ни одного Гоголя, а все гг. Булгарины, А. Гречи и тому подобные нравоописатели и юмористы...

329) **Сплетни.** *Переписка жителя луны съ жителемъ земли, издаваемая дворянкомъ* Кукарику. *Спб. Въ тип. Штаба Отдѣльн. Корп. Внутр. Стражи. 1842. Въ 4-ю д. л. Тетради I и II 28 стр.* (Цѣна каждой тетради 20 коп. серебр.)

Мысль этой брошюры очень-остроумна; но исполненіе — такъ, ни то, ни сё. Послѣ исторіи двухъ пріятелей, разсказанной ни хорошо, ни худо (что̀ гораздо-хуже, нежели просто-худо), слѣдуютъ письма въ луну. Что̀ же въ этихъ письмахъ? — Все и ничего. Вотъ *легонькое* сужденьице о «Мертвыхъ Душахъ»: бездоказательная и неопредѣленная похвала съ коротенькою выпиской изъ поэмы; потомъ, реестръ *новыхъ* книгъ, изъ которыхъ иныя (какъ напр. первый томъ «Матеріаловъ для Статистики Россійской Имперіи») вышли еще въ 1839 году; затѣмъ, старые анекдоты, переведенные изъ старинныхъ французскихъ хрестоматій, и теперь столько же не забавные, сколько и не новые; одинъ анекдотъ перепечатанъ изъ «Сѣв. Пчелы»; наконецъ замѣтка на одинъ современный журналъ, какой-то «Маякъ», который не знаемъ гдѣ издается и даже издается ли гдѣ-нибудь въ-самомъ-дѣлѣ; почему, боясь объявить ложный фактъ, не разсказываемъ содержанія замѣтки, тѣмъ болѣе, что, судя по ея же словамъ, этотъ журналъ, если онъ подлинно существуетъ, въ высшей сте-

пени безграмотенъ и нелѣпъ, такъ-что замѣтку можно счесть мистификаціею.

Вотъ и все, изъ чего состоитъ «Сплетни». Если слѣдующія тетради будутъ лучше, мы готовы сказать о нихъ доброе слово; а пока русская литература въ нихъ ровно ничего не выигрываетъ. Къ этому замѣтимъ еще, что «Сплетни» издаются довольно-скромненько и преисполнены множествомъ нестерпимыхъ опечатокъ, если только это опечатки, а не ороографическія ошибки.

330) Мать-Испанка. *Драматическое представленіе. Спб. 1842. Въ 8-ю д. л. 62 стр.*

Радушному хлѣбосольству сочинителя показалось мало, что онъ угощалъ насъ своимъ посильнымъ издѣліемъ на сценѣ Александринскаго-Театра: онъ вторично угощаетъ насъ имъ въ печатной брошюрѣ. Это угощеніе напоминаетъ извѣстную прекрасную басню нашего несравненнаго баснописца — «Демьянову Уху».

331) Послѣдній Хеакъ. *Поэма* В. Зотова. *Спб. Въ тип. Императ. Академіи Наукъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 66 стр.*

На русскомъ языкѣ есть удивительная поэма; ея имя: «Гуакъ, или непоколебимая вѣрность». Подобно «Гонзальву Кордуанскому», она писана прозою, съ присовокупленіемъ, впрочемъ, нѣсколькихъ романсовъ съ риѳмами: г. В. Зотовъ, въ своемъ «Послѣднемъ Хеакѣ», очень-счастливо подражалъ ей въ томъ, въ вымыслѣ и въ идеяхъ, и лишь только для бо́льшаго эффекта рѣшился, вмѣсто прозы, размахнуться стихами. Онъ посвятилъ свое стихотворное издѣліе памяти Пушкина, Марлинскаго и Лермонтова, которые — счастливцы! — не прочтутъ его и не пожалѣютъ о насъ, его прочитавшихъ... Изъ этого слѣдуетъ, что смерть не совсѣмъ зло, и что въ ней есть своя хорошая сторона... По-крайней-мѣрѣ, жизнь — величайшее зло для тѣхъ, кто, подобно намъ, не только долженъ читать, между-прочимъ, все выходящее на заднемъ дворѣ россійской словесности, но еще и писать о прочитанномъ. Г. В. Зотовъ рѣшительно грозитъ сдѣлаться одинъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ каждый порознь были и суть гг. Орловъ, Сиговъ, Кузмичевъ, Славинъ, и проч. Театральныя пьесы его пока еще тихо падаютъ; но онъ неутомимо изготовляетъ ихъ, и есть надежда, что, понабивъ руку, сравнится, наконецъ, съ знаменитѣйшими нашими драматургами: гг. Полевымъ, Коровкинымъ, Соколовымъ, и проч. Что же касается до поэмъ въ стихахъ и вообще до всякихъ стиховъ, мы посовѣтовали бы г. В. Зотову совсѣмъ бросить писать ихъ: со смерти Лермонтова, стиховъ почти вовсе не читаютъ, и, кромѣ насъ да самого сочинителя стиховъ, г. В. Зотова, — никто читать не будетъ. Драмы — другое дѣло: кто пришелъ въ театръ, тотъ будетъ ихъ слушать хоть въ-просонкахъ.

332) Тоскана и Римъ въ 1838 и 1839 годахъ. *Письма изъ Италіи, сочиненіе* М. Пужула. *Перев.* В. В. *Спб. 1842. Въ тип. III Отдѣленія Собств. Е. И. В. Канцеляріи. Въ двухъ частяхъ. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 232, во II-й — 243 стр.* (Цѣна за обѣ части 2 р. сер., съ перес. 2 р. 50 коп. сер.)

Всѣ путешествія бываютъ довольно-скучны въ описаніяхъ, потому-что описаніе — самая скучная вещь въ свѣтѣ. Хорошо-написанное путешествіе истинная рѣдкость. Причина очевидна: кромѣ обладанія литературнымъ талантомъ, путешественнику надо быть еще человѣкомъ современнымъ, въ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова, умѣющимъ помолчать о томъ, о чемъ и безъ него тысячу разъ было говорено, что́ безъ него знаютъ всѣ наизусть, и умѣющимъ открыть въ странѣ новыя, никѣмъ прежде незамѣченныя стороны, или по-крайней-мѣрѣ взглянуть на нихъ иначе, чѣмъ другіе глядѣли. Г. Пужула не принадлежитъ къ числу такихъ путешественниковъ: это обыкновенный «говоритель», который о чемъ угодно

будетъ говорить красно и плавно, которого разъ послушать хорошо, въ другой — скучно, а читать — почти невозможно. Онъ случайно написалъ свое путешествiе, сопровождая по Италiи друга своего Мишо, который поѣхалъ въ Италiю для поправленiя своего здоровья и тамъ умеръ. Съ-горя и отъ-нечего-дѣлать, г. Пужула принялся за свои письма о Тосканѣ и Римѣ; изъ этихъ писемъ вышла довольно-толстая и огромно-скучная книга, которую кто-то прекрасно перевелъ на русскiй языкъ. Переводъ изданъ весьма-опрятно.

333) Историческое Описанiе Одежды и Вооруженiя Россiйскихъ Войскъ, *составленное по Высочайшему повелѣнiю. Часть вторая. Санктпетербургъ. Въ Военной типографiи, 1842. Въ-листъ. 208 и XXX стр.*

— Рисунки къ Историческому Описанiю Одежды и Вооруженiя Россiйскихъ Войскъ, *составленному по Высочайшему повелѣнiю. Часть вторая. Санктпетербургъ. Литографировано въ Департаментѣ Военныхъ Поселенiй. 1842. Въ-листъ. 441 рисунокъ.*

Это колоссальное предпрiятiе, начатое по Высочайшему повелѣнiю и такъ успѣшно совершаемое старшимъ адъютантомъ г. дежурнаго генерала Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, А. В. Висковатовымъ, идетъ впередъ безостановочно. Мы говорили уже о первой части этого изданiя, вышедшей въ концѣ прошлаго года; теперь появляется вторая его часть, нисколько неуступающая первой ни въ-отношенiи къ достоинству текста, ни въ-отношенiи къ точности, вѣрности и изяществу рисунковъ. Въ ней заключается подробное описанiе одежды и оружiя русскихъ войскъ, съ присоединенiемъ свѣдѣнiй о знаменахъ, знакахъ отличiй и артиллерiйскихъ орудiяхъ, въ царствованiя Петра-Великаго, Екатерины I-й, Петра II-го и Анны Iоанновны. Такимъ-образомъ здѣсь включены первые сорокъ лѣтъ XVIII вѣка, а именно та эпоха изъ исторiи Россiи вообще и русскихъ войскъ въ-особенности, когда Русь, оторвавшись отъ своей азiатской жизни и принимая въ себя элементы европейской цивилизацiи, начала перерабатывать ихъ, усвоять себѣ и нерѣдко бороться съ ними. Одну изъ сторонъ этой любопытной переходной эпохи составляютъ перемѣны, которымъ подвергалось русское войско какъ въ образѣ жизни своей и управленiи, такъ и въ своемъ наружномъ видѣ. Лучшимъ, совершеннѣйшимъ пособiемъ для изученiя этой стороны тогдашней русской жизни остается навсегда почтенный трудъ г-на Висковатова. Съ неутомимымъ вниманiемъ отъискивалъ онъ слѣды малѣйшихъ измѣненiй, водившихся въ-теченiи этихъ сорока лѣтъ въ костюмѣ и вооруженiи русскаго войска. Ничто не забыто, ничто не пропущено имъ; осмотрѣна всякая мелочь, упомянуто всякое незначительное отступленiе отъ прежняго, и все это объяснено простымъ, точнымъ, но весьма-правильнымъ языкомъ, съ указанiями на источники въ «Приложенiяхъ». Этихъ «приложенiй» — 135. Тутъ вы найдете чрезвычайно-любопытныя выписки какъ изъ разныхъ русскихъ актовъ, никому неизвѣстныхъ, еще-ненапечатанныхъ и хранящихся въ архивахъ, такъ и изъ книгъ, служащихъ матерiалами для исторiи Россiи отъ 1700 до 1740 года. Авторъ прочелъ все, что только относится къ этой эпохѣ, на русскомъ, французскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; онъ приводитъ выписки и изъ Корба, и изъ Гейе, и изъ Бергольца, и изъ де-Бруйна, и др. Подробныя и чрезвычайно-занимательныя описанiя его объясняются литографированными изображенiями, которыхъ при этой части сто-тридцать-семь, и которыя сами составляютъ большой отдѣльный томъ in-folio. Къ нимъ приложены прекрасно-сдѣланные портреты Петра-Великаго, Екатерины I-й, Петра II-го

и Анны Іоанновны, снятые съ портретовъ, находящихся въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Всѣ рисунки отличаются точностію, чистотою отдѣлки и изяществомъ. Какъ и въ первой части, эти рисунки суть не только простыя, строгія, отчетистыя изображенія отдѣльныхъ частей одежды и вооруженія, но и цѣлыя картины, состоящія изъ фигуръ вполнѣ окостюмированныхъ, — часто по двѣ, по три, по четыре фигуры на одномъ листѣ. Для дополненія картинъ, здѣсь, вмѣстѣ съ фигурами, представлены разные виды мѣстъ, достопамятныхъ въ описываемую эпоху. Такъ, на-пр., вы увидите тутъ часть города и крѣпости Нарвы, покоренной русскимъ войскомъ въ 1704 году; мазанковое строеніе на берегу Невы, на мѣстѣ нынѣшней Дворцовой Набережной, въ томъ видѣ, въ какомъ оно было въ первые дни существованія Петербурга; домъ Петра-Великаго въ Екатеринентальскомъ Саду, въ Ревелѣ; замокъ Иваньгородъ; крѣпость Маріенбургъ (въ Лифляндіи), знаменитую тѣмъ, что здѣсь взята въ плѣнъ воспитанница пастора Глюка, будущая Императрица Екатерина I-я; часть Петербургской Стороны, съ Соборомъ св. Троицы, гостинымъ дворомъ, мазанковыми коллегіями и домомъ, служившимъ для жительства Петру при основаніи Петербурга; крѣпость Ямбургъ; часть кремлевской стѣны и Арсенала, въ Москвѣ; главный фасадъ залы, построенной въ 1724 году въ Петербургскомъ Лѣтнемъ Саду для бракосочетанія цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ голштинскимъ; часть петербургскаго Адмиралтейства, церковь Исаакія и домъ князя Меншикова; пушечный литейный анбаръ; Сухарева Башня, въ Москвѣ; часть дворца въ Московскомъ Кремлѣ, и пр. и пр. Все это, придавая разнообразіе и занимательность рисункамъ, даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и понятіе о тѣхъ мѣстахъ, которыя были сценами историческихъ событій того времени.

Изданіе, по-прежнему, великолѣпно! Бумага, шрифтъ, бордюры, окаймляющіе каждую страницу текста, — все это образецъ типографическаго изящества.

Душевно желаемъ, чтобъ публика обратила вниманіе на эту превосходную книгу, соединяющую въ себѣ и ученый трудъ и внѣшнюю красоту, что весьма рѣдко у насъ встрѣчается. Для образованнаго же военнаго человѣка это изданіе необходимо, какъ источникъ пользы и удовольствія. Въ то же самое время оно можетъ служить украшеніемъ всякой, какой угодно великолѣпной библіотекѣ.

384) Сказанія Князя Курбскаго. *Изданіе второе, исправленное и дополненное,* Н. Устрялова(имъ?). *Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Импер. Академіи Наукъ. Въ* 8-ю *д. л. XLII и 306 стр.*

Г. Устряловъ издалъ «Сказанія Князя Курбскаго» въ 1833 году, взявъ за основаніе текста списокъ, хранившійся въ Патріаршей Библіотекѣ. Это изданіе все раскуплено. Теперь онъ сдѣлалъ второе, для котораго сврилъ первое съ двумя рукописями XVII вѣка, полученными имъ отъ г. Малиновскаго и изъ Археографической Коммиссіи. Сверхъ-того, онъ дополнилъ свѣдѣнія о пребываніи Курбскаго въ Литвѣ, о процессѣ его съ женою и потомствѣ его, по матеріаламъ, находящимся въ Литовской Метрикѣ. Весь вышедшій нынѣ томъ состоитъ изъ трехъ частей: въ первой помѣщена «Исторія Іоанна Грознаго», разсказываемая Курбскимъ; во второй «Переписка Курбскаго съ Іоанномъ»; въ третьей «Письма Курбскаго къ разнымъ лицамъ». Въ началѣ тома находится небольшая статья «О жизни и сочиненіяхъ князя Курбскаго», изъ которой вы нисколько не увидите, до какой степени можно давать вѣру разсказамъ Курбскаго, тогда какъ читатель имѣлъ бы полное право требовать, чтобъ издатель опредѣлялъ степень этой достовѣрности (по-крайней-мѣрѣ, по личному своему убѣжденію)

обстоятельствами, принадлежащими тому времени и относящимися лично до Курбскаго. Въ концѣ книги приложены «Примѣчанія», «Синодикъ Іоанна Грознаго», «Акты Литовской Метрики», «Словарь иностранныхъ и старинныхъ речений», и «Указатель». — Съ одной стороны, это второе изданіе полнѣе перваго, съ другой — не такъ полно: въ немъ сокращенъ планъ осады и взятія Казани и сдѣланъ неудобопонятнымъ, ибо въ немъ, вмѣсто названій русскихъ войскъ, поставлены цифры, которыя не изъяснены въ самомъ «Изъясненіи Плана»; также нѣтъ бывшихъ при первомъ изданіи снимковъ съ синодика Іоанна Грознаго, съ рукописи Патріаршей Библіотеки, и проч., хотя помѣщены, по-прежнему, портретъ Іоанна Грознаго и гербъ князя Курбскаго.

335) Опытъ Теоріи Стратегіи. *Сочиненіе полковника* Языкова (*автора* «Теоріи Военной Географіи и приложенія оной къ избранію пунктовъ для сооруженія крѣпостей»). *Санктпетербургъ. Въ тип. Путей Сообщ. и Публичн. Зданій. 1842. Три части. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части IV и 90, во II-й — 131, въ III-й — 76 стр.*

Г. полковникъ Языковъ уже извѣстенъ въ военной литературѣ своимъ сочиненіемъ «Теорія Военной Географіи», которое удостоилось одобренія со стороны знаменитыхъ военныхъ людей, было переведено на нѣмецкій языкъ и, изданное въ Берлинѣ, благосклонно принято въ Германіи. Продолжая съ ревностію двадцатилѣтнее занятіе любимымъ предметомъ, г. Языковъ выступаетъ теперь на поприще военной литературы съ новымъ трудомъ, который, еще до появленія своего въ свѣтъ, въ прошломъ 1841 году, былъ одобренъ покойнымъ графомъ Толемъ, имя котораго знаменито и славно въ дѣлѣ военнаго искусства.

Раздѣливъ свое сочиненіе на три части, авторъ излагаетъ въ первой: «Предварительныя Понятія о Стратегіи»; во второй: «Сводъ Стратегическихъ Истинъ, предшествующихъ разсмотрѣнію вопроса о употребленіи вооруженныхъ силъ на театрѣ войны»; въ третьей: «Сводъ Стратегическихъ Истинъ, относящихся къ разсмотрѣнію вопроса объ употребленіи вооруженныхъ силъ на театрѣ войны».

Въ первой части излагается взглядъ автора на теорію стратегіи. Такъ-какъ этотъ взглядъ отличается изложеніемъ строго-отчетливымъ и яснымъ, то предметъ становится интереснымъ даже и для людей, чуждыхъ ему по роду своихъ занятій. Что же касается до вопроса о возможности теоріи стратегіи, какъ науки, — безъ всякаго сомнѣнія, это вопросъ общій, вопросъ чисто-ученый, равно для всѣхъ интересный, кого только интересуютъ ученые вопросы. Авторъ начинаетъ съ обозрѣнія исторіи теоріи стратегіи. Первое начало ей положено Лойдомъ, который обратилъ особенное вниманіе на изслѣдованіе нравственныхъ причинъ въ сферѣ военныхъ соображеній. Этотъ предметъ изслѣдованъ имъ въ статьѣ «Философія Войны». Лойдъ изложилъ также нѣкоторыя основныя понятія о физическихъ причинахъ, дающихъ направленіе механическимъ дѣйствіямъ арміи, и объяснилъ зависимость движеній арміи отъ заготовленныхъ запасовъ для снабженія дѣйствующихъ силъ. Бюловъ распространилъ эту мысль до односторонности, и на ней одной исключительно основавъ всю теорію стратегіи. Генералъ Жомини обратилъ вниманіе на выгоды наибольшаго сосредоточенія военныхъ массъ въ пунктѣ дѣйствія, и развилъ эту мысль на основаніи историческихъ фактовъ. Изслѣдованія Жомини, касательно вліянія нравственныхъ причинъ на военныя дѣйствія, представляютъ не столь удовлетворительные выводы. Сочиненіе о стратегіи эрц-герцога Карла есть развитіе основныхъ идей Лойда, Бюлова и Жомини; кромѣ того, онъ глубже и подробнѣе Лойда изслѣдовалъ вопросъ о зависимости военныхъ

дѣйствій отъ свойства земной поверхности, т. е. горъ, рѣкъ, и т. п. Стратегическія сочиненія Коншандера, Декеръ, Роньи, генерала Окунева и другихъ суть развитіе этихъ трехъ основаній, впервые трактованныхъ учеными образомъ Лойдомъ, Бюловымъ и Жомини.

Изъ этого обозрѣнія историческаго развитія теоріи стратегіи видно, что стратегія всегда основывалась на какомъ-нибудь одностороннемъ началѣ. Генералъ Клаузевицъ, въ своемъ сочиненіи «О Войнѣ» (vom Kriege), первый сдѣлалъ попытку объяснить совокупное вліяніе на военныя дѣйствія различныхъ причинъ, — и хотя онъ не достигъ своей цѣли, однакожь трудъ его былъ не безполезенъ для развитія теоріи стратегіи, и уже одна мысль — *разсматривать стратегическія соображенія по элементамъ,* пролила большой свѣтъ на весь составъ теоріи стратегіи.

Авторъ разсматриваемой книги также долженъ занимать свое мѣсто въ исторіи стратегіи, какъ науки. Въ «Теоріи Военной Географіи», онъ отдѣльно изслѣдовалъ географическій элементъ въ-отношеніи къ высшимъ военнымъ соображеніямъ, и сдѣлалъ приложеніе своей теоріи къ разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ стратегическихъ вопросовъ — къ избранію пунктовъ для сооруженія крѣпостей. Въ этомъ новомъ своемъ сочиненіи, въ «Опытѣ Теоріи Стратегіи», онъ разсматриваетъ всѣ элементы стратегическихъ дѣйствій, и такимъ-образомъ даетъ ей истинное значеніе науки, имѣющей общія начала и единство. Предоставляемъ людямъ военнымъ рѣшить, до какой степени успѣлъ г. Языковъ въ достиженіи своей цѣли; но уже самая цѣль обнаруживаетъ въ немъ истиннаго теоретика и систематически-ученаго. Если военное искусство есть выраженіе разума, а не слѣпой случайности, оно должно имѣть свою теорію, которой разнообразіе и многосложность элементовъ должны быть выведены изъ одного начала и приведены подъ единство. Никакая стратегія не научитъ искусству побѣждать, которое присуще таланту и генію; но она должна имѣть свойство укрѣплять талантъ и геній. Наука никогда и ни въ чемъ не давала человѣку того, въ чемъ отказала ему природа; но наука всегда бываетъ союзницею искусства и сообщаетъ ему силу и крѣпость. Ошибка всѣхъ противниковъ теоріи именно въ томъ и состоитъ, что они думаютъ, будто теорія можетъ *дѣлать* полководцевъ, администраторовъ, художниковъ; нѣтъ, ея дѣло — *образовывать* ихъ. И если геній, въ какой бы сферѣ ни дѣйствовалъ, дѣйствуетъ не на-обумъ, не на-удачу, а разумно — значитъ, въ его дѣйствіяхъ, какъ ни разнообразны они, есть общія начала. Открыть эти начала и привести въ систему трудно, но не невозможно; а чѣмъ болѣе труда, тѣмъ больше и славы!

336) Политическая и Военная Жизнь Наполеона. *Сочиненіе (11) Генералъ-Адъютанта,* Барона Жомини, *переведенное съ французскаго Генеральнаго Штаба капитаномъ* Линдеорсомъ. *Часть шестая. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Отд. Корпуса Внутр. Стражи. 1842. Въ 8-ю д. л. 564 стр.*

Изданною нынѣ шестою частію оканчивается переводъ этого творенія, давно уже знаменитаго въ Европѣ и стяжавшаго извѣстность его издателю и объяснителю, — а не «сочинителю», какъ сказано въ заглавіи, — барону Жомини. Эта книга есть сочиненіе Наполеона, а не барона Жомини. Послѣдняя глава ея носитъ вотъ какой титулъ: «Партіи вооружаются противъ меня. «Вторичное отрѣченіе мое. Я предлагаю «разбить Пруссаковъ; мнѣ отказыва«ютъ. Я взятъ англійскими крейсерами»...

Этимъ и окончилась жизнь великаго человѣка въ дѣйствительности. Все, что было далѣе, было не жизнь, а предсмертная агонія, прекратившаяся 5-го мая 1821 года. Переводчикъ, г. Линд-

форсъ, пріобрѣлъ благодарность всей образованной публики добросовѣстнымъ исполненіемъ труда полезнаго, доставляющаго русской литературѣ книгу весьма-замѣчательную по важности подробностей и полнотѣ историческихъ фактовъ.

337) Горный Словарь, *составленный* Григоріемъ Спасскимъ, *оберъ-бергауптманомъ 5-го класса и кавалеромъ, и проч. Часть вторая.* О — С. *Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1842. Въ 8-ю д. л. 272 стр.*

Продолженіе дѣльной книги, въ которой видны обширныя и опытныя знанія автора. Есть небольшіе недостатки, о которыхъ упоминали мы при выходѣ первой ея части; но вообще нельзя не рекомендовать этого добросовѣстнаго, полезнаго труда, за который многіе и многіе скажутъ автору большое спасибо.

338) О Средствахъ Улучшенія Пеньковой Промышлености, *во всѣхъ ея отрасляхъ. Составлено* А. Бутовскимъ *и напечатано по приказанію министра финансовъ. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Департамента Внѣшней Торговли. Въ 8-ю д. л. 200 стр. Съ приложеніями.*

У насъ, гдѣ видна общественная польза, тамъ видны и дѣйствія правительства; такъ пеньковая промышленость обратила на себя вниманіе г. министра финансовъ, по приказанію котораго издана книга, выше означенная.

При этомъ случаѣ не должно забывать, что въ Европѣ разводится вновь-вывезенное изъ Новой-Зеландіи растеніе phormium tenax, которое будто-бы может замѣнять ленъ и пеньку. Въ «Bulletin Universel des Sciences et de l'Industrie», на 1828 г., Agriculture мѣсяцъ январь № 1, стр. 10, приведено сочиненіе М. В. Салисбори (1825 г.), изъ котораго видно, что phormium съ успѣхомъ разводится въ Ирландіи. Надобно бы знать, точно ли phormium равенъ добротою льну и пенькѣ? точно ли очень-дешевъ? нельзя ли его и у насъ разводить? и пр. и пр. О канатахъ, изъ него витыхъ, было довольно писано и въ позднѣйшихъ журналахъ; но въ дѣлѣ такой важности нужно точное удостовѣреніе, на опытахъ основанное, чрезъ сравненіе издѣлій изъ пеньки, льна и phormium.

Пока будемъ надѣяться, что разсказы журналистовъ несовсѣмъ основательны и что надобность въ пенькѣ не уменьшается.

339) Красильное Искусство, *по новѣйшимъ иностраннымъ опытамъ, для употребленія въ большомъ и маломъ видѣ. с(С)ъ присовокупленіемъ способовъ окрашивать всякую поминаемую матерію въ желаемый цвѣтъ. Съ приложеніемъ образцовъ (чего?). Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. 1842. Въ 12-ю д. л. 54 стр.*

Подобная безграмотная книжка уже явилась года съ два тому назадъ. Почему на заглавномъ листкѣ не выставлено: *второе изданіе,* про то вѣдаетъ издатель. Не смотря на это, мы и теперь скажемъ то же, что говорили тогда: книга годная для полуграмотныхъ, которые, подобно ей, пишутъ: *аглинскій,* или даже *аглицкій.*

340) Правила Ѣзды Рысистыхъ Лошадей. *Сочиненіе* Сергѣя Шишкина. *Москва. 1842. Въ тип. Н. Степанова. Въ 12-ю д. л. 44 стр.*

Книга, написанная знатокомъ дѣла, которое рѣшительно исключаетъ литературу. Это гораздо-извинительнѣе такъ-называемыхъ литературныхъ сочиненій, изъ которыхъ исключена литература.

341) Священная Исторія. *Спб. Въ тип. А. Бородина и К°. 1842. Въ 8-ю д. л. 516 стр.*

342) Краткая Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, *изданная Андреевскаго Собора священни-*

комъ Василіемъ Полянскимъ. Изданіе третіе. *Исправленное и дополненное. Спб. Въ тип. Штаба Отдъльн. Корпуса Внутренней Стражи. 1842. Въ 12-ю д. л. 73 стр.*

Первая изъ этихъ книгъ заключаетъ въ себѣ только исторію ветхаго завѣта, и есть полнѣйшая и наилучшимъ образомъ составленная изъ всѣхъ священныхъ исторій, до-сихъ-поръ издававшихся на русскомъ языкѣ. Внѣшнее достоинство книги соотвѣтствуетъ внутреннему.

«Краткая Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта» г. Полянскаго составлена въ вопросахъ и отвѣтахъ. Она въ семь разъ короче предъидущей; слѣдственно, нельзя и требовать отъ нея тѣхъ же достоинствъ. Но она выходитъ нынѣче *третьимъ* изданіемъ; слѣдственно, достигаетъ своей цѣли.

343) Чтенія для Умственнаго Развитія Малолѣтныхъ Дѣтей и *обогащенія ихъ познаніями. Составлены* Егоромъ Гугелемъ. Шестое изданіе, *исправленное и дополненное. Санктпетербургъ. Въ Военной тип. 1842. Въ 8-ю д. л. 155 стр.*

Шестое изданіе давно-извѣстной книги, составленной инспекторомъ классовъ Сиротскаго Института въ Гатчинѣ, г. Гугелемъ, и принятой за руководство въ этомъ заведеніи. Мы надѣемся въ непродолжительномъ времени сообщить читателямъ замѣчанія наши объ оригинальной методѣ обученія, введенной г-мъ Гугелемъ и о руководствахъ, для нея изданныхъ.

344) Дѣтская Учебная Книжка(,) *или* Новая Азбука, *составленная изъ картинокъ, съ поясненіемъ оныхъ.* Изданіе второе. *Спб. 1842. Въ тип. Штаба Военно учебныхъ Заведеній. Въ 16-ю д. л. 158 стр.*

«На безлюдьи и Ѳома дворянинъ» говоритъ русская пословица. Въ смыслѣ этой пословицы, мы готовы признать «Новую Азбуку» довольно-хорошею азбукою, стало-быть, лучшею изъ всѣхъ, потому-что всѣ другія крайне-дурны. Картинки въ этой «Новой Азбукѣ» очень-недурны, а для русской азбуки даже очень-хороши. Языкъ текста довольно-плохъ.

345) Ариѳметика. *Учебное руководство для учениковъ Марьинской Школы Практическаго Земледѣлія и Ремеслъ, Графини С. В. Строгановой. Санктпетербургъ. Въ тип. Фишера. 1842. Въ 8-ю д. л. 92, 28 и 12 стр.*

Книга — чисто для спеціальнаго употребленія и довольно-порядочно составленная, хотя и можно указать на нѣкоторые недостатки, на-примѣръ, при объясненіи понятія о числѣ, гдѣ вовсе упущено изъ виду объясненіе чиселъ дробныхъ и смѣшанныхъ. Самое опредѣленіе числа, что́ такъ важно для начинающихъ учиться счисленію, здѣсь не генетическое, какъ бы долженствовало быть, и потому понятіе числа представляется какъ-то произвольнымъ. Впрочемъ, относительное достоинство книги для ея недалекой практической и столь полезной цѣли неоспоримо. Изъ дѣйствій ариѳметическихъ тутъ только дѣйствія съ цѣлыми числами отвлеченными и вещественными; намъ казалось бы этого недостаточно: умѣнье обращаться съ числами дробными не только не лишнее, но оно даже необходимо для предполагаемаго образованія земледѣльцевъ и мастеровыхъ, воспитывающихся въ Практической Школѣ. Сверхъ дѣйствій ариѳметическихъ, тутъ сообщаются понятія геометрическія, сколько ихъ нужно для простаго измѣренія полей. Въ статейкѣ объ измѣреніи полей, составитель руководствуется нѣмецкимъ учебникомъ для сельскихъ школъ. Къ особеннымъ выгодамъ книги принадлежитъ довольно-большое собраніе практическихъ задачь съ отвѣтами на нихъ. Къ менѣе-значительнымъ недостаткамъ ея можно отнести слабую отдѣлку ея діалогической формы, которая была бы здѣсь полезнѣе всякой дру-

гой, но только подъ условіемъ большей естественности и полноты.

346) Маркшейдерское Искусство. *Учебное руководство съ чертежами, для воспитанниковъ Школы Горнозаводскихъ Наукъ Графини С. В. Строгановой. Санктпетербургъ. Въ тип. Е. Фишера. 1842. Въ 8-ю д. л. 31 стр.*

347) Пробирное Искусство. *Учебное руководство для воспитанниковъ Школы Горнозаводскихъ Наукъ Графини С. В. Строгановой. Санктпетербургъ. Въ тип. Е. Фишера. 1842. Въ 8-ю д. л. 34 стр.*

Какъ «Ариөметика» назначена для Марьинской Практической Школы Земледѣлія и Ремеслъ, графини Строгановой, такъ и эти двѣ книжки имѣютъ свою спеціальную цѣль—служить руководствомъ для преподаванія пробирнаго и маркшейдерскаго искусствъ въ Горнозаводской Школѣ графини Строгановой. Принаровленныя къ способамъ и потребностямъ учащихся, для которыхъ именно и составлены, онѣ вѣроятно достигаютъ своей цѣли.

348) Практическое Руководство къ Шведскому Языку, *изданное* Яковомъ Лангены(о)мъ. *Гельсингфорсъ. Въ тип. Г. О. Васеніуса. 1842. Въ 8-ю д. л. 134 стр.*

Едва-ли кто-нибудь узнаетъ хоть тѣнь шведскаго языка по этой книжонкѣ. Судите сами: вся она состоитъ изъ 134 страницъ, изъ которыхъ 64 заняты спискомъ какихъ - попало шведскихъ именъ существительныхъ, съ переводомъ ихъ на русскій, а 40 наполнены спискомъ кое-какихъ глаголовъ, тоже съ переводомъ на русскій; за тѣмъ на 6 страницахъ слѣдуютъ нарѣчія, предлоги и союзы въ томъ же видѣ, и наконецъ на 20 страницахъ «разговоры» — самая безполезная вещь, безполезнѣе означенныхъ именъ, глаголовъ, нарѣчій, и пр. Итого 130 страницъ. Слѣдственно, все «Практическое Руководство» должно заключиться на остальныхъ 4-хъ страницахъ? Очень хорошо! Видно и въ Гельсингфорсъ проникло умѣнье петербургскихъ и московскихъ книгопромышлениковъ издавать книги съ заманчивыми заглавіями...

349) Самоучитель Нѣмецкому (аго?) Языку(а?)(,) *или легкое средство узнать этотъ языкъ безъ руководителя.* Изданіе второе. *Спб. Въ тип. А. Сычева. 1842. Въ 12-ю д. л. 123 стр.*

Эта пустая книжонка съ безграмотнымъ заглавіемъ лжетъ безъ милосердія. Во-первыхъ, безъ руководителя нельзя *легко* узнать никакого языка; во-вторыхъ, нельзя узнать языка изъ книжонки въ 123 странички въ 12-ю д. л., и притомъ дурно-составленной; въ-третьихъ, учиться произносить слова чужаго языка, написанныя русскими буквами, значитъ навсегда погубить свой выговоръ, тѣмъ болѣе, когда, какъ въ этой книжонкѣ, нѣмецкія слова переврáны русскими буквами, наприм.: *der* Bürste—*ди* бюрсте; въ-четвертыхъ, изданіе второе—ложь для привлеченія покупателей; въ-пятыхъ, изъ типографіи г. Сычева не можетъ выйдти книга, которая, по своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ достоинствамъ, годилась бы на что-нибудь другое, кромѣ завертыванія свѣчей и мыла въ «авошенныхъ» лавкахъ.

350) Начальныя Правила Русской Грамматики, *изданныя* Николаемъ Гречемъ. *Изданіе девятое. Санктпетербургъ. Въ тип. издателя. 1842. Въ 8-ю д. л. 144 стр.*

Грамматики г. Греча, краткія и пространныя, теоретическія и практическія, сокращенныя и полныя, сдѣлались теперь похожи на учебныя исторіи г. Кайданова. Онѣ претерпѣли столько изданій и перенесли столько пораженій, что публика привыкла считать ихъ чѣмъ-то въ родѣ литературныхъ инвалидовъ, и сколько по привычкѣ, столько и по состраданію къ старости и увѣчью, покупаетъ ихъ.

Критика. по той же причинѣ, отказалась говорить о нихъ. Да что бы сказала она о нихъ новаго? Все сказано! Для чего бы стала она нападать на нихъ? Что онѣ плохи изъ рукъ вонъ—это и такъ знаютъ всѣ вмѣстѣ и каждый порознь. Исправиться же онѣ не могутъ, потому что слишкомъ стары, а въ старости — извѣстное дѣло—способности деревенѣютъ и покрываются плесенью. Впрочемъ, намъ обѣщана большая статья—разборъ всѣхъ, почему бы то ни было, замѣчательнѣйшихъ грамматикъ. Какъ нарочно для этой статьи неожиданно вышли въ свѣтъ «Филологическія Наблюденія протоіерея г. Павскаго надъ составомъ Русскаго Языка» (*), которыя, какъ твореніе глубокое, исполненное совершенно-новыхъ идей и взглядовъ на русскій языкъ, дадутъ обѣщанной намъ критикѣ и путеводную нить и факелъ для указанія новаго пути въ недоступномъ и загражденномъ мусоромъ зданіи русской грамматики.

(*) Кстати: мы очень виноваты передъ книгою г. Павскаго, о которой до-сихъ-поръ еще ничего не сказали; но этому причиною не невниманіе, а скорѣе уваженіе къ глубокомысленному труду ученаго филолога. Въ слѣдующей книжкѣ «Отеч. Записокъ» мы постараемся познакомить нашихъ читателей съ сущностію сочиненія г. Павскаго, столь важнаго для теоріи русскаго языка и въ грамматическомъ и въ филологическомъ отношеніяхъ.

—

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изданіе «Картинъ Русской Живописи» идетъ своимъ правильнымъ, аккуратнымъ ходомъ. На-дняхъ вышелъ *четвертый* выпускъ, въ которомъ помѣщена прекрасная гравюра съ картины Венеціанова «Причащеніе Умирающей», и разсказъ г. Кукольника «Староста Меланья», написанный по поводу этой гравюры.—Картина Венеціанова имѣетъ большое достоинство по типической вѣрности лицъ, составляющихъ изображенную имъ сцену. Сюжетъ взятъ изъ крестьянской жизни. Молодая крестьянка, и въ болѣзни сохранившая прекрасныя черты лица, готовится принять святое причащеніе. Сельскій священникъ подошелъ съ дарами къ ея постели; группа крестьянъ и крестьянокъ окружаетъ умирающую съ выраженіемъ глубокой скорби и благоговѣнія; на первомъ планѣ стоитъ сельскій дьячокъ въ своемъ оригинальномъ костюмѣ и колѣнопреклоненная старуха, можетъ-быть, мать больной, молящаяся со всѣмъ экстазомъ души вѣрующей. Обѣ эти фигуры, вмѣстѣ съ фигурою священника, превосходны. О выполненіи гравюры говорить нѣчего: она дѣлана однимъ изъ искуснѣйшихъ художниковъ Лондона. — Въ пятомъ выпускѣ издатели обѣщаютъ гравюру съ картины Воробьева «Іерусалимъ», бывшую однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній на послѣдней выставкѣ Академіи Художествъ.

Подписка на «Картины Русской Живописи» продолжаетъ приниматься, по-прежнему, въ Конторѣ Отечественныхъ Записокъ, или лучше, въ книжномъ магазинѣ А. И. Иванова, состоящемъ при этой Конторѣ (*).

—

(*) Цѣна каждому выпуску 50 к. сер.; за 12 выпусковъ вдругъ вносится 5 р. с.; за пересылку каждыхъ трехъ выпусковъ 25 к. сер.

Кстати о *книжномъ магазинѣ А. И. Иванова.* Читатели вѣрно помнятъ, какъ рекомендовали мы г. Иванова, для выписки книгъ и періодическихъ изданій, преимущественно передъ прочими книгопродавцами, и какъ за это возставали на насъ нѣкоторые газетёры, привыкшіе властвовать въ русской книжной торговлѣ, давать ходъ тому, кому имъ нужно, и бросать тѣнь на тѣхъ, кто не искалъ ихъ покровительства. Но, увы, миновалось это блаженное старое, хоть и недавнее, время! Голосъ этихъ господъ потерялъ свою силу; публика разгадала ихъ, и пропускаетъ мимо своего слуха и похвалы ихъ и порицанія. Впрочемъ, намъ вообще весьма-мало дѣла до всего этого; насъ нисколько не интересуютъ успѣхи или неуспѣхи того или другаго изъ книгопродавцевъ. Даже, съ самаго начала изданія «Отечественныхъ Записокъ», мы рѣшились не подчинять своего журнала ихъ вліянію, не входить съ ними ни въ какія сношенія, имѣвъ передъ глазами множество опытовъ того, къ чему приводятъ издателей книгъ и журналовъ эти непріятныя сношенія: мы тогда же рѣшились учредить свою собственную контору для пріема подписки на журналъ и для доставленія его подписавшимся. Большая часть журналистовъ подсмѣивались въ то время надъ этою новостію, — а теперь *всѣ* подражаютъ намъ, заводя свои конторы то при типографіяхъ, то при какой-нибудь одной книжной лавкѣ, такъ-что ни на одинъ журналъ не принимается подписка «во всѣхъ книжныхъ лавкахъ», какъ объявлялось нѣкогда. Для управленія Конторою Отечественныхъ Записокъ, немного спустя послѣ начала нашего журнала, избрали мы г. Иванова. Видя, какъ онъ ведетъ дѣла ея, замѣтивъ въ немъ на опытѣ честность, дѣятельность, и усердіе къ исполненію принятыхъ обязанностей, мы посовѣтовали ему — завести, на собственный его счетъ, продажу книгъ при конторѣ, и тогда же извѣстили о томъ читателей. Къ г. Иванову начали поступать требованія съ разныхъ сторонъ, и онъ исполнялъ ихъ честно, немедленно, въ точности. Публика обрадовалась, что нашла наконецъ коммиссіонера, который, получая деньги, не оставляетъ требованій безъ отвѣта, и высылаетъ именно то, что отъ него просятъ, а не то, что послать почитаетъ для себя выгоднѣе. Довѣріе къ г. Иванову начало возрастать быстро; благодарственныя письма посыпались къ нему съ разныхъ сторонъ, и многіе до такой степени убѣдились въ его честности, что присылаютъ теперь значительныя суммы денегъ, прося его выслать книгъ или періодическихъ изданій только на извѣстную часть ихъ, а остальное удержать у себя впредь до будущихъ требованій: — довѣріе весьма-лестное, которымъ не всякій книгопродавецъ можетъ похвалиться. Г. Ивановъ сносится теперь со всѣми концами Россіи; многія учебныя заведенія исключительно къ нему обращаются за книгами; многія редакціи оффиціальныхъ и частныхъ журналовъ исключительно ему ввѣрили подписку на свои изданія; многіе издатели просятъ его принять на себя исключительную продажу книгъ ихъ, — и наконецъ, онъ удостоился чести сдѣлаться *Коммиссіонеромъ Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи*, по продажѣ «Полнаго Собранія Законовъ» и «Свода», и *Коммиссіонеромъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.* Каждый изъ этихъ титуловъ могъ быть достигнутъ немногими книгопродавцами, а оба вмѣстѣ могутъ считаться почетною, торжественною и такъ-сказать оффиціальною наградою дѣятельности и добросовѣстности. — Теперь г. Ивановъ увеличилъ свой книжный магазинъ, отдѣлалъ его блестящимъ образомъ, завелъ въ немъ строгій порядокъ, какъ въ-отношеніи своихъ счетовъ, такъ и въ-отношеніи къ перепискѣ съ иногородными читателями, чего у насъ почти никѣмъ не дѣлывалось, — и если онъ не ослабѣетъ въ своей неутомимой дѣятельности

(а этого мы имѣемъ полное право надѣяться), то скоро займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между русскими книгопродавцами. При нынѣшнемъ жалкомъ состояніи русской книжной торговли, это — отрадное явленіе, и намъ тѣмъ болѣе пріятно указать на него читателямъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы выполняемъ долгъ признательности передъ г-мъ Ивановымъ за усердные труды его по управленію конторою нашего журнала.

Теперь, какъ уже открытъ книжный магазинъ его, публика можетъ адресовать свои требованія по выпискѣ *книгъ*, не «въ Контору Отечественныхъ Записокъ», какъ было въ прошломъ и нынѣшнемъ году, но надписывать прямо «*Въ Магазинъ Русскихъ Книгъ А. И. Иванова*», продолжая, впрочемъ, присылать свои требованія на журналъ нашъ, по-прежнему, *въ Контору Отечественныхъ Записокъ*, которая хоть и находится въ томъ же самомъ магазинѣ и подъ управленіемъ А. И. Иванова, но зависитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отъ редакціи этого журнала, тогда какъ книжный магазинъ исключительно принадлежитъ А. И. Иванову.

—

Въ предъидущей (9-й) книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» на стр. 18—20 Библіогр. Хроники, помѣщенъ разборъ «Энциклопедіи Русскаго Городскаго и Сельскаго Хозяина, Садовода, и проч.», составленной *П. Фурманномъ*; на дняхъ мы получили отъ извѣстнаго нашего архитектора, г-на Свіязева, письмо, которому не имѣемъ права не дать мѣста въ своемъ журналѣ. Вотъ оно:

«Милостивый государь! Прочитавъ въ «Отеч. Запискахъ» справедливую оцѣнку «Энциклопедіи» какого-то г-на Фурманна, я замѣтилъ только одно упущеніе со стороны рецензента, который умолчалъ о томъ, что проекты русскихъ церквей скопированы г-мъ Фурманномъ съ проектовъ, изданныхъ г. профессоромъ Тономъ, — и какъ изуродованы, Боже мой! Да такъ, что не вѣришь глазамъ, что живешь въ Россіи и въ XIX столѣтіи... Такимъ же образомъ онъ поступилъ и съ моимъ «Руководствомъ къ Архитектурѣ» и даже буквально выписывалъ изъ него, когда не мечталъ объ удовольствіяхъ на дачѣ, о журчаніи ручейка, *о свѣжей прелести полей и лѣсовъ*; а чертежи, помѣщенные на листахъ 86, 87 и 88, можно сказать, *вырваны* изъ моей архитектуры. Я не могу прибрать здѣсь другаго болѣе-яснаго выраженія, потому-что г. Фурманнъ, на стр. XI введенія, говоритъ только объ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ сочиненіяхъ, которыми руководствовался въ составленіи *русской* энциклопедіи, а о русскихъ сочиненіяхъ не сказалъ ни слова. Что же касается до собственныхъ архитектурныхъ свѣдѣній г. Фурманна, то о нихъ тотчасъ можно уразумѣть, взглянувъ на листъ 70 (часть III). Немногіе поймутъ, что тутъ представлено подъ названіемъ корниза, а это просто — архитектура вверхъ ногами!

«Послѣ того, мнѣ больно было подвергнуться общему съ г. Фурманномъ упреку, выраженному въ рецензіи вашей такимъ образомъ: «Подобная исторія архитектуры не новость на русскомъ языкѣ; этой погрѣшности не избѣгъ и опытный архитекторъ нашъ г. Свіязевъ, у котораго, впрочемъ, эти идеи выражены гораздо—проще.» Но какъ я отъ этихъ идей давно уже отказался, и въ послѣднемъ изданіи моей архитектуры вы не встрѣтите и слѣдовъ ихъ, то и прошу васъ покорнѣйше, милостивый государь, помѣщеніемъ письма моего въ вашемъ журналѣ, предоставить честь обладанія этими идеями одному г. Фурманну. Пусть онъ съ ними, для постройки русскихъ дачь, выбираетъ климатъ сухой и теплый («Энцикл.», часть I, стр. 40) и краситъ соломенныя крыши масляною краскою (стр. 73); пусть бьютъ онѣ у него и *фонтанами* и *водометами* (ч. II, стр. 18); пусть поютъ *жаворонками* и *соловьями*, которые тотчасъ заведут-

ся во всякомъ саду, лишь стоитъ только строго запретить предпріимчивымъ и жестокимъ мальчишкамъ разорять птичьи гнѣзда (стр. 28)...

«Съ истиннымъ почтеніемъ, и проч.

Ив. Свіязевъ.»

11 сентября 1842.
Москва.

—

Посредникъ, *газета промышлености, хозяйства и реальныхъ наукъ*, издаваемая С. М. Усовымъ, будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1843 году, по прежнему плану и на прежнихъ условіяхъ. Въ-продолженіе трехлѣтняго существованія этой газеты, читатели ознакомились уже съ содержаніемъ ея. Цѣль «Посредника» — знакомить читателей со всѣмъ новымъ и полезнымъ, что происходитъ въ кругу положительныхъ наукъ, хозяйства, ремеслъ и мануфактуръ. — Подписка принимается у издателя, въ редакціи «Земледѣльческой Газеты», въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта и въ магазинѣ А. И. Иванова, въ домѣ Петро-Павловской Церкви на Невскомъ Проспектѣ. Цѣна съ пересылкою *4 р. 30 коп. серебромъ*, или *15 руб. ассигнаціями* за годовое изданіе.

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Вотъ замѣчательнѣйшія произведенія нѣмецкой литературы по части исторіи, эстетики и изящной словесности, вышедшія въ недавнее время:

Lebensbilder aus dem Befreiungskriege. *1. Ernst Friedrich Herbert Graf von Münster. Erste Abtheilung.—Zweite Abtheilung. Urkundenbuch. Iena, 1842.* (Картины жизни изъ войны за независимость. *1. Эрнстъ Фридрихъ Гербертъ графъ фон-Мюнстеръ, 1-е и 2-е отдѣленіе*).

Нѣмцы весьма-худые политики. Ихъ ученое обращеніе съ политикою — не что иное, какъ безплодная, не-практическая профессорская мудрость. Каждый профессоръ строитъ себѣ спекулятивную систему, не думая о томъ, подходятъ ли подъ нее люди, его современники. Упрекъ этотъ, такъ часто повторяемый германскими дипломатами, совершенно основателенъ. Но какъ помочь злу? Какъ достигнуть познанія людей и свѣта, если все дѣлается втайнѣ? Для здраваго политическаго взгляда необходимо познаніе исторіи, но не одной исторіи греческаго и римскаго міра, Египтянъ и Евреевъ, а преимущественно исторіи новѣйшаго времени, и въ особенности новѣйшей исторіи своего отечества. Не довольно знать всѣ выигранныя или проигранныя сраженія, всѣ заключенные договоры и т. п., — все это составляетъ только скелетъ исторіи. Надо познать силы, которыя приводили все въ движеніе, побужденія, добрыя и худыя, которыя, борясь между собою, управляли ходомъ дѣлъ, — наконецъ людей, которые имѣли наиболѣе положительное или отрицательное вліяніе на событія, — словомъ, надо постигнуть внутреннюю, скрытую дѣятельность исторіи, обращеніе соковъ, развитіе болѣзней и средства врачеванія, живую жизнь, которую нельзя изучить по одному скелету. Когда это знаніе сдѣлается доступнымъ для всякаго, тогда только Германія въ состояніи будетъ выйдти изъ тумана теоретическихъ умствованій, неимѣющихъ основанія въ практической существенности, и никогда недающихъ живаго изображенія дѣйствительности. Эта живая сторона исторіи, это участіе лицъ и идей, до-сихъ-поръ въ Германіи — тайна дипломатовъ. Они перешоптываются въ гостиныхъ; посвященные узнаютъ другъ друга по одному незначительному слову, а между-тѣмъ бо́льшая и образованнѣйшая часть германскаго народа остается не посвященною въ эти таинства.

Какая разница въ этомъ отношеніи Французы и Англичане! Найдите въ ихъ новѣйшей исторіи одно событіе, одно лицо, которое не было бы разсмотрѣно со всѣхъ сторонъ, изслѣдовано, разъанатамировано до послѣдней возможности. Жизнь всякаго человѣка, замѣчательнаго своимъ положеніемъ или своею дѣятельностью, раскрыта передъ глазами цѣлой націи.

Его добродѣтели и пороки, дарованія и недостатки, дѣятельность и бездѣйствіе, борьба съ внѣшними обстоятельствами, причины его торжества или пораженія — все это извѣстно, изъ всего этого можно почерпать опытность, идеи и нормы для своихъ собственныхъ поступковъ. По-этому-то, въ моральномъ образованіи Германцы далеко отстали отъ другихъ просвѣщенныхъ націй; имъ не достаетъ живой морали, проистекающей изъ знанія минувшаго и настоящаго.

Но наконецъ и въ Германіи показывается начало литературы *записокъ;* наконецъ и въ Германіи историческое правосудіе хочетъ, хоть и немного-поздно, проложить себѣ дорогу. Все политическое состояніе Германіи основывается на славныхъ войнахъ противъ Наполеона. Съ этимъ долженъ согласиться всякій, даже дипломатъ. По-этому весьма естественно, что Германцы хотятъ знать, чья вина ввергла ихъ въ унизительное состояніе, предшествовавшее войнамъ за независимость.

Гагнерово «Участіе въ Политикѣ» (Antheil an der Politik) и арентовы «Воспоминанія» (Erinnerungen u s. w.) суть прекрасныя начинанія для будущей литературы записокъ, которая составляетъ собственно верно новѣйшей исторіи. Рассматриваемое нами сочиненіе достойно занять мѣсто на ряду съ ними .Если въ немъ не видно такого же моральнаго характера автора, какъ въ двухъ первыхъ, за то оно заключаетъ въ себѣ множество писемъ, замѣчаній и т. п. лучшихъ и благороднѣйшихъ характеровъ, принимавшихъ наибольшее участіе въ войнахъ за освобожденіе и въ установленіи нынѣшняго устройства Германіи. Книга эта будетъ много содѣйствовать тому, чтобъ Германцы пріучились къ правосудію; она показываетъ, чѣмъ Германія обязана нѣкоторымъ лицамъ, и въ чемъ виноваты передъ нею другія.

Книга эта названа по имени покойнаго графа фон-Мюнстера, вѣроятно потому только, что Мюнстеръ подалъ поводъ къ сочиненію и изданію ея. Безъименный авторъ, котораго, впрочемъ, легко узнать (Фрейгерръ фон-Гормайръ, находившійся прежде въ австрійской службѣ и извѣстный уже своими историческими трудами), ничего не говоритъ въ предисловіи о томъ, какъ онъ получилъ матеріалы, изъ которыхъ составилъ свою книгу; но содержаніе ея объясняетъ это, и, кажется, мы не ошибемся, растолковавъ происхожденіе этого сочиненія слѣдующимъ образомъ: графъ фон-Мюнстеръ при жизни еще избралъ себѣ біографа, который, по смерти его, достойнымъ образомъ передалъ бы потомству память о немъ. Съ этою цѣлію, онъ позволилъ біографу пользоваться своею перепиской и другими бумагами, относящимися къ современной исторіи. Эти-то письма составляютъ главное содержаніе книги и имѣютъ весьма отдаленную связь съ лицомъ Мюнстера. Впрочемъ, такъ-какъ письма эти не могли быть изданы безъ біографіи Мюнстера, то авторъ и помѣстилъ ее въ началѣ. Онъ даже не покушался сдѣлать Мюнстера средоточіемъ всей эпохи и всѣхъ событій, къ которымъ относятся приложенные документы, и за это мы должны благодарить автора, ибо подобная попытка навѣрное не удалась бы. Не будемъ также упрекать его въ томъ, что біографія Мюнстера носитъ на себѣ характеръ апологіи, ибо конечно это необходимое слѣдствіе обязанностей, возложенныхъ на автора довѣренностію Мюнстера, которыхъ онъ не хотѣлъ преступить. Впрочемъ, этой причинѣ должно приписать, что характеръ Мюнстера не обрисованъ рѣзкими чертами, такъ, что біографія эта не даетъ о немъ яснаго понятія. Всѣ прочіе характеры, какъ тѣ, которые описываются авторомъ, такъ и тѣ, которые сами представляютъ себя въ своихъ письмахъ, обозначены гораздо тверже и явственнѣе; только герой,

именемъ котораго названа книга, остается блѣднымъ и безцвѣтнымъ.

Мюнстеръ, во время наполеоновскихъ войнъ, былъ министромъ и совѣтникомъ принца-регента Англіи (въ-послѣдствіи короля Георга) по дѣламъ Германіи. Поэтому, всѣ патріоты Германіи обращались къ нему и употребляли его посредничество для полученія денегъ, войскъ, заступничества и т. п. Англіи. Отъ этого его огромная переписка съ значительнѣйшими лицами эпохи. Какъ заклятой врагъ Наполеона, онъ былъ ревностный ходатай за выгоды Германіи.

На вѣнскомъ конгрессѣ онъ участвовалъ въ качествѣ ганноверскаго полномочнаго посланника-министра и имѣлъ большое вліяніе на дѣла Германіи, ибо во всѣхъ-почти случаяхъ имѣлъ на своей сторонѣ голосъ Англіи.

Названіе *аристократа* лучше всего характеризуетъ Мюнстера. Онъ имѣлъ добродѣтели и пороки этого сословія. Къ добродѣтелямъ принадлежатъ чувство собственнаго достоинства, мужество, любовь къ отечеству. Онѣ объясняютъ достаточно его упорную борьбу противъ Наполеона и французскаго владычества, и его сопротивленіе признать права средняго сословія. Онъ защищалъ преимущества дворянства и вовсе не думалъ о правахъ остальнаго народа.

Поэтому, дѣлаемое авторомъ сравненіе Мюнстера съ Штейномъ совершенно неосновательно. «Оба были исполнены дворянской гордости», говоритъ онъ: это правда, но каждый въ своемъ родѣ. Штейнъ былъ прежде вольный имперскій рыцарь (Reichsritter) и былъ благодаренъ своему происхожденію за совершенную свободу, за высокое положеніе, которое оно доставило ему въ свѣтѣ. Штейна нельзя представить себѣ сыномъ деревенскаго пастуха, или чѣмъ-либо подобнымъ. Этого чувства независимости, этого свободнаго взгляда на событія невозможно было достигнуть въ то время, а можетъ-быть нельзя и теперь человѣку, рожденному внѣ этого высокаго круга, даже благороднѣйшему и богатѣйшему. Стѣсненность несвободнаго положенія необходимо должна имѣть вліяніе на поступки и даже на характеръ человѣка. Политикъ-плебеянинъ будетъ всегда имѣть или слишкомъ-много робости, или слишкомъ-много фанатизма, и его гораздо-легче подкупить тѣмъ или другимъ образомъ. Поэтому, Штейнъ цѣнилъ свое происхожденіе, ибо оно служило основаніемъ его благородно-свободнаго характера; но цѣлію всѣхъ его помышленій и дѣйствій было доставить благоденствіе каждому гражданину, каждому крестьянину... Онъ ненавидѣлъ привилегіи и допускалъ перское достоинство въ такомъ только случаѣ, если оно основано на моральныхъ качествахъ и на благородствѣ характера.

Напротивъ-того, Мюнстеръ былъ аристократъ-эгоистъ. «Передняя втирается въ гостиную» — вотъ какъ онъ характеризовалъ духъ времени, который ненавидѣлъ. Между-тѣмъ, какъ Штейнъ хотѣлъ, чтобъ вся нація составляла одну гостиную, въ которой господствовалъ бы тонъ любви, свободы и справедливости, Мюнстеръ старался исключить изъ нея всѣхъ нерожденныхъ въ высшемъ кругу.

Впрочемъ, должно сказать, что вообще характеристика лицъ, являющихся въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, вѣрна и поучительна, — и какихъ лицъ! Всѣ мнѣнія, всѣ страсти, всѣ направленія умовъ, отъ возвышеннѣйшихъ до превратнѣйшихъ, которыя въ-продолженіи полувѣка волновали Германію, имѣютъ здѣсь своихъ представителей; каждое направленіе своего поборника. Идеи являются здѣсь не какъ мертвыя буквы, но какъ живыя существа. Передъ глазами нашими раскрывается страшная борьба противоположныхъ интересовъ; мы видимъ біеніе сердца и перевѣсъ всемірной исторіи, и конечно всякій, прочтя эту книгу, получитъ болѣе-свободный

взглядъ на свѣтъ и на современныя событія.

Sophokles. Sein Leben und Wirken. *Nach den Quellen dargestellt von* Ad. Schöll. 1842 (Софоклъ. Его Жизнь и Дѣянія. А. Шёлля).

Пока еще не появилось твореніе, которое изъ трагедій Софокла развило бы его взглядъ на искусство, книга Шёлля заключаетъ въ себѣ все, что можно было собрать относительно внѣшней жизни и дѣйствій великаго поэта. Всѣ сдѣланные до сего времени опыты біографіи Софокла основывались на отрывистыхъ, скудныхъ и часто противорѣчащихъ извѣстіяхъ, сохраненныхъ послѣдними обработывателями исторіи древней литературы. Авторъ думаетъ найдти въ сохранившихся трагедіяхъ, и даже въ отрывкахъ, гораздо-обильнѣйшій источникъ не только для познанія его поэтическаго генія, но и для біографіи его. Онъ надѣется, что непредубѣжденное изученіе Софокла, почерпнутое изъ него-самого, и изслѣдованіе тѣхъ мѣстъ въ его драмахъ, гдѣ проявляется наиболѣе его время и его положеніе, отличаетъ его твореніе отъ слишкомъ-ограниченнаго взгляда прежнихъ біографовъ Софокла, и оправдываетъ то, что въ немъ встрѣтится новаго и противорѣчащаго принятымъ мнѣніямъ.

Handbuch der Kunstgeschichte. *Von* Franz Kugler, 1842 (Руководство къ Исторіи Художествъ).

Между множествомъ вышедшихъ какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ пособій для изученія исторіи искусствъ, руководства профессора Куглера неоспоримо занимаютъ первое мѣсто. Не говоря о внутреннемъ достоинствѣ его «Руководства къ Живописи» и его послѣдняго творенія, которое будетъ понято только ревностнѣйшими и добросовѣстнѣйшими любителями, не говоря объ остроуміи, съ которымъ онъ открываетъ нить родства между предметами, по-видимому чуждыми другъ-другу, объясняетъ загадочное и заставляетъ обращать вниманіе на мелочи, — одна уже наружная обработка ставитъ сочиненія Куглера наряду съ первоклассными. Мы говоримъ о его умѣньѣ въ краткомъ обзорѣ предмета, почти подавляющаго своею огромностію выбрать и помѣстить именно то, что должно быть въ ручной книгѣ, и не пускаясь въ глубокомысленныя изъисканія, ясно представлять результаты съ ихъ причинами, и тѣмъ ставить всякаго читателя въ возможность идти одному далѣе и убѣдиться или отвергнуть его мнѣніе, и наконецъ, при всемъ обиліи содержанія, счастливо умалчивать о многомъ. Въ книгахъ, предназначаемыхъ для ежедневнаго употребленія, достоинства эти неоцѣненны. Они часто доставляли незаслуженный успѣхъ твореніямъ другихъ народовъ, потому-что сочиненія Нѣмцевъ, гораздо-основательнѣйшія, не имѣли этихъ внѣшнихъ достоинствъ. За то сочиненію, въ которомъ онѣ, какъ въ послѣднемъ твореніи Куглера, соединены съ самостоятельнымъ, основаннымъ на непреложныхъ началахъ сужденіемъ, которое, однакожь, не столько занимается распространеніемъ теоретическихъ положеній, сколько ихъ приложеніемъ, съ опытностію и знаніемъ дѣла, пріобрѣтенными упражненіемъ, — можно предсказать вѣрный и заслуженный успѣхъ.

При множествѣ существующихъ уже пособій для изученія художествъ Греціи и Рима, нельзя упрекать автора въ томъ, что онъ обозрѣваетъ ихъ слишкомъ-бѣгло. Впрочемъ, это отдѣленіе его книги наименѣе-удовлетворительно. Любимый предметъ его — кажется, *романтическое искусство* (четвертое отдѣленіе), котораго начало онъ относитъ къ тому времени, когда христіанская вѣра сдѣлалась государственною въ Римской Имперіи, и конецъ къ окончанію среднихъ вѣковъ. Здѣсь богатство матеріаловъ требовало ясности и сжатости изложенія, котораго можно было достигнуть только глубокимъ изученіемъ и совершеннымъ знаніемъ предмета. Хотя приводимые имъ ци-

таты показываютъ, что онъ изучалъ прежнія творенія, но и подобное изученіе полезно только въ опытныхъ рукахъ. Въ-особенности онъ заслуживаетъ благодарность тѣмъ, что въ отдѣленіи о византійскомъ стилѣ архитектуры онъ первый сдѣлалъ подробное обозрѣніе древнихъ константинопольскихъ зданій.

Въ 12-й главѣ, гдѣ говорится о художествахъ мухаммеданъ, авторъ съ большою осмотрительностію показываетъ развитіе остроконечнаго свода (ogive) въ памятникахъ мухаммеданской архитектуры, ограничивая назначеніе его тѣмъ, чѣмъ этотъ сводъ дѣйствительно былъ у мухаммеданъ, т. е. наружною архитектурною формою, которая никогда не служила основаніемъ ближайшаго, органическаго отношенія между сводомъ и подпорою (Stütze). Онъ никогда не былъ у нихъ началомъ, распространеннымъ на всѣ части зданія. Все достоинство мухаммеданской архитектуры ограничивается совершенствомъ орнаментовъ.

Профессоръ Куглеръ тщательно отличаетъ отъ римскихъ и византійскихъ формъ тѣ, которыя развились изъ германскаго духа, и которыя онъ называетъ романскимъ стилемъ. Этому стилю посвящена 13-я глава. Его національное измѣненіе въ разныхъ странахъ объяснено авторомъ удачно-выбранными примѣрами, которые показываютъ его особенную любовь къ этому стилю. Въ 19-й главѣ, авторъ переходитъ къ германскому стилю. Тутъ передъ нимъ лежало ужасающее множество матеріаловъ, но ловкимъ разграниченіемъ онъ умѣлъ сдѣлать поле удобообозримымъ.

Исторія новѣйшаго искусства составляетъ четвертое отдѣленіе и весьма-основательно начинается пробужденіемъ ученаго сознанія во всѣхъ направленіяхъ жизни, и особенно пробужденіемъ ученой критики. Эта ученость подѣйствовала на всѣ роды художествъ и изгнала, изъ одного ранѣе, изъ другаго позднѣе, прежній характеръ. Но вмѣстѣ съ этимъ возрожденіемъ, искусство, дотолѣ нераздѣльное, начало, кажется, распадаться на свои атомы; *искусство* породило новѣйшія искусства. Въ каждомъ художественномъ твореніи начало проявляться болѣе индивидуальности; но стремленіе сравниться съ древними, или даже превзойдти ихъ, отняло у архитектурныхъ произведеній ихъ характеръ. Въ-отношеніи къ живописи, авторъ имѣлъ уже много предварительно-приготовленнаго въ своемъ «Руководствѣ къ Исторіи Живописи» но и здѣсь онъ много исправилъ и дополнилъ.

Хорошіе реестры и систематическое расположеніе предметовъ дѣлаютъ эту книгу весьма-удобною для употребленія, и авторъ самъ полагаетъ, что она можетъ-быть полезна въ путешествіяхъ. Можно надѣяться, что каждый путешественникъ запасется ею, и новое изданіе скоро доставитъ автору случай исправить нѣкоторые недостатки, пополнитъ неполноты, и прибавить то, что онъ самъ пріобрѣлъ новаго послѣ ея изданія.

Die Kunst der dramatischen Darstellung *in ihrem Zusammenhange wissenschaftlich entwickelt von Dr.* H. T. Rötscher. *Berlin, 1841* (Искусство Драматическаго Представленія, *соч.* Рётшера).

До-сихъ-поръ еще многіе подъ «теоріею какого-либо искусства» понимаютъ рядъ правилъ, удобныхъ къ непосредственному приложенію, которыя, смотря по болѣе или менѣе-возвышенной точкѣ зрѣнія, усвоиваются «учеными» или отвергаются съ глупою гордостію. Книга Рётшера отнюдь не заключаетъ въ себѣ подобнаго собранія правилъ, но есть первый и весьма-удачный опытъ ученаго развитія понятія объ искусствѣ драматическаго представленія, показывающій, какъ идея невидимо придаетъ жизнь каждой части художественнаго произведенія. По-этому, сценическій артистъ не найдетъ въ этой книгѣ совѣтовъ, которые могъ бы тотчасъ же приложить

къ практикѣ, начинающій не найдетъ въ ней руководства, которое бы указало ему лучшую методу, какъ упражняться и совершенствоваться въ искусствѣ. Напротивъ, тутъ только собраны матеріалы и указанія для подобнаго руководства; учебная же книга должна слѣдовать совершенно по другому пути, нежели философское развитіе идеи. Главная задача сценическаго искусства состоитъ въ томъ, чтобъ придать живую плоть драматической поэзіи, а средства ея — всѣ физическія и нравственныя способности артиста. Ихъ-то должно образовать и дисциплинировать такъ, чтобъ онѣ всегда и вездѣ были послушны волѣ художника. Но именно эти необходимыя, предварительныя, соединенныя съ большими трудностями упражненія нигдѣ не пренебрегаются столько, какъ въ сценическомъ искусствѣ, и нигдѣ диллетантизмъ и художество не граничатъ такъ близко другъ-съ-другомъ. Средства представленія суть *слово* и *движенія*. Поэтому первый предметъ, приготовительнаго изученія — образованіе голоса, безукоризненный выговоръ и пріятность произношенія. Но голосъ не всегда долженъ быть одинаковъ: его надо модулировать, и артисту необходимо пріучиться возвышать и понижать его, дѣлать сильнѣе и слабѣе, быстрѣе и протяжнѣе и т. п. Далѣе, удареніе придаетъ значеніе рѣчи, логическое дѣлаетъ ее понятною, символическое олицетворяетъ голосомъ идеи, порожденныя въ насъ словами. Наконецъ, только риѳмъ, все равно въ прозѣ или стихахъ, дѣлаетъ рѣчь художественнымъ цѣлымъ. Ровнымъ шагомъ съ воспитаніемъ органа слова должно идти образованіе красноречія тѣлодвиженій. Отъ элементарныхъ условій мимики авторъ постепенно переходитъ къ труднѣйшимъ ея задачамъ — выражать или различіе возраста, темперамента, народности, или различныя состоянія души, какъ мечтательность, сумасшествіе и т. п. Наконецъ, мимическій артистъ долженъ идти еще далѣе въ своемъ образованіи — въ представленію человѣческихъ наклонностей и страстей. Только послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ изученій дѣлается возможнымъ совершенно-вѣрное представленіе характерной роли. Авторъ развиваетъ одно искусство во всей его увлекательной красотѣ, во всемъ его возвышенномъ достоинствѣ. Искусство всегда имѣло весьма-немного благородныхъ поклонниковъ, которымъ оно было свѣтильникомъ жизни, вѣчною цѣлію всѣхъ ихъ усилій. За ними тянется рядъ посредственныхъ дарованій въ нисходящей прогрессіи до безсмысленныхъ подёнщиковъ искусства. Такъ было всегда, и есть еще до-сихъ-поръ въ драматическомъ искусствѣ. Для весьма-немногихъ сочиненіе Рётшера будетъ истиннымъ сокровищемъ, объясняя имъ собственныя ихъ идеи и опыты; для прочихъ же оно всегда останется *книгою съ семью печатями*. Но и кромѣ избранныхъ художниковъ, сочиненіе это, конечно, найдетъ много читателей между непосвященными въ таинство искусства и занимающимися имъ только теоретически.

Der Missionar. *Ein Roman von* A. von Sternberg. *Leipzig. 1842.* (Миссіонеръ. *Романъ* А. фон-Штернберга).

Религія — аріаднина нить, идущая черезъ лабиринтъ событій различныхъ частей свѣта, и въ лицѣ миссіонера отражается стремленіе нашего вѣка къ истинной формѣ вѣры. Поэтому, романъ Штернберга вѣроятно найдетъ сочувствіе въ читающей публикѣ.

Цинцендорфъ, одушевленный истиннымъ усердіемъ къ вѣрѣ, основываетъ общество гернгутеровъ; но это не мѣшаетъ многимъ лицемѣрамъ и корыстнымъ стать подъ его знамена. По смерти Цинцендорфа, дѣлами общества управляетъ дочь его, графиня Елизавета Брюсъ, хотя она вовсе не наслѣдовала мечтательность своего отца и хотя образъ ея вѣрованія во многихъ су-

щественныхъ пунктахъ не согласуется съ понятіями общества. Она жила въ Парижѣ, любитъ его и наконецъ принимаетъ посѣщеніе цѣлаго общества тамошнихъ друзей своихъ, которыхъ страсть къ удовольствіямъ и образъ мыслей, разумѣется, лежатъ внѣ набожнаго, ограниченнаго круга идей гернгутеровъ. Графъ Ипполитъ, женихъ Елизаветы, напитавъ мнѣніями Вольтера и Руссо, и сама она такъ привыкла къ нимъ, что не пугается сатирическихъ выходокъ противъ понятій ея секты. Герой романа, молодой Калистъ, влюбленный въ Елизавету, съ ужасомъ замѣчаетъ въ ней эту перемѣну, и думаетъ, что она не вѣруетъ въ Бога. Это открытіе поколебало его собственную вѣру: его мучатъ сомнѣнія, и онъ бѣжитъ отъ людей въ лѣса, отказавшись отъ возложеннаго на него обществомъ порученія — отправиться миссіонеромъ на Островъ св. Ѳомы. Но увѣщанія Іоанна Ваттевиля и одно слово Елизаветы опять привели его въ себя: онъ покоряется уставамъ общества и принимаетъ посланіе на Островъ св. Ѳомы.

Лица общества обрисованы очень хорошо съ своими разнообразными характерами — отъ восторженной религіозной мечтательности до притворнаго ханжества лицемѣровъ, и многія черты изъ общественной жизни братства схвачены, кажется, съ натуры. Ученый, Петръ Либоріусъ, ненавидитъ доктора Арнольда за то, что тотъ приписываетъ себѣ первое правильное объясненіе одного латинскаго мѣста; всякій разъ, идя къ причастію, онъ кается въ этомъ грѣхѣ и первый бросается въ объятія примиреннаго врага своего. Исповѣдь, по понятіямъ гернгутеровъ, есть *глубокое униженіе самою-себя*. Старая бабка миссіонера, Либбуса, душа которой раздѣлена между ревностію къ религіи и любовію къ внуку, — одно изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ общества.

На Островѣ св. Ѳомы, Калистъ находитъ тиранство и жестокость между колонистами, притворство и лицемѣріе между моравскими братьями, и Негровъ въ цѣпяхъ тяжкаго рабства. И здѣсь всѣ лица также хорошо обрисованы авторомъ; богатый колонистъ Нуре Штрумъ, сестра его Ульрика, моравскіе братья Франкиръ и Фроммъ Байлеръ, которые, не смотря на свое краснорѣчіе, не пользуются общимъ уваженіемъ, маленькій Негръ, Ноксъ, Миха, молодая Негритянка и старый Негръ-философъ Ерикъ.

Своими нравоученіями и раздачами милостынь, миссіонеръ навлекаетъ на себя неудовольствіе черныхъ, и наконецъ усылается далѣе въ Канаду.

Въ сопровожденіи молодой Негритянки Михи, онъ проходитъ густые лѣса и степи; американская война за независимость подвергаетъ его многимъ опасностямъ; раненый, онъ встрѣчается съ Вашингтономъ, Мортономъ и Лафайеттомъ, въ ту самую минуту, когда они получили извѣстіе, что Франція признала независимость Американскихъ Штатовъ. Далѣе, Калистъ попадаетъ въ плѣнъ къ Индійцамъ; но письмо къ царю лѣсовъ, которое онъ всегда носилъ на груди, спасаетъ его отъ вѣрной смерти: его приводятъ въ масонскій храмъ, гдѣ 13 мужей, съ закрытыми лицами, обѣщаютъ ему покровительство и принимаютъ въ свой кругъ. Ему кажется, что онъ узнаетъ въ нихъ героевъ свободы Америки. Они называютъ себя мужами истины, ихъ лозунгъ — Америка, ихъ знамя — Богъ.

При удаленіи съ Острова св. Ѳомы, Калисту предстояло еще одержать трудную побѣду надъ своимъ сердцемъ; онъ любитъ Миху, и надѣется найдти въ ней взаимную любовь; она сама принимаетъ за любовь чувства уваженія къ нему и рѣшается слѣдовать за нимъ въ Европу. Но когда Ноксъ грозитъ самоубійствомъ, она колеблется и Калистъ самъ несетъ ее съ корабля и отдаетъ ее сопернику. Этотъ поступокъ побѣдилъ наконецъ упорство стараго Негра Ери-

ка, и онъ принимаетъ христіанскую вѣру.

Авторъ переноситъ дѣйствіе въ Парижъ, и представляетъ революціонныя неистовства якобинцевъ, тріумфъ бюста Вольтера, и многія кровавыя сатурналіи. Калистъ встрѣчается съ Елизаветою, которая уже замужемъ за графомъ Ипполитомъ; но, не смотря на то, духовная связь ея съ Калистомъ продолжалась, и они были въ постоянной перепискѣ.

Тщетно Калистъ уговариваетъ ее оставить Парижъ, гдѣ она окружена опасностями. Наконецъ удается ему спасти ее изъ рукъ разъяренной черни, показавъ знаки масонскаго ордена. Мужъ ея убитъ; она свободна и любитъ Калиста, но онъ самъ отвращается отъ нея.

«Миха похитила у него земную любовь, Елизавета заставила его отказаться отъ небесной. Онъ желалъ и надѣялся не того, чего она желала и надѣялась. Женщина, исполненная идей смѣлыхъ и гордыхъ, возвышеннаго честолюбія, непомѣрной гордости, эта женщина, какъ ни велико ея земное величіе, не могла быть его женою. Какъ юноша, онъ съ восторгомъ видѣлъ въ этой прекрасной, пламенной душѣ свой образъ, но какъ мужъ, съ испытанною любовію къ Богу въ сердцѣ, онъ отвернулся отъ этого зеркала, отъ символа чистаго, благороднаго, но только земнаго величія.»

Такимъ образомъ молодой нашъ герой встрѣтилъ во время своей страннической жизни многоразличныя вѣрованія и религіозныя понятія; онъ читалъ стремленіе къ истинѣ, начертанное въ сердцахъ людей иногда ясными письменами, иногда чудными іероглифами. Мечтательность графа Цинцендорфа и смѣлый скептицизмъ Парижанина графа Ипполита; слѣпой фанатизмъ его бабки Либуссы и сила вѣры его друга Ватевилля; языческая философія Негра Ерика; наконецъ маскарадъ масонскаго храма, — во всемъ этомъ онъ видитъ варіаціи на одну и ту же тему, которая есть стремленіе къ истинѣ.

Возвратясь на родину, Калистъ, на гробѣ Либуссы, повѣряетъ другу своему Ватевиллю свое намѣреніе оставить общество.

«Всѣ формы кажутся мнѣ устарѣлыми», говоритъ онъ: «никогда еще, можетъ-быть, вѣра небесной любви не была такъ дѣятельна, какъ въ наше время, но наше упорство налагать старыя формы на новыя откровенія не даетъ намъ воспользоваться благостію небесъ.»

Романъ оканчивается, оставляя героя неудовлетвореннымъ, ибо прибытіе съ Острова св. Ѳомы миссіонера съ женою, въ которыхъ Калистъ узнаетъ своего ученика Нокса и нѣкогда любимую имъ Миху, не можетъ сдѣлать его счастливымъ и довольнымъ.

Характеръ героя выдержанъ хорошо; его восторженность носитъ на себѣ отпечатокъ истины; его мечтательность благородна и соотвѣтствуетъ его характеру и положенію; участіе къ нему не ослабѣваетъ, если даже мы на время теряемъ его изъ виду. Въ описаніяхъ также видно особенное дарованіе автора; чуждая природа Америки, вечернія бесѣды гернгутеровъ и парижскія гостиныя изображены живо и вѣрно. Все сочиненіе пробуждаетъ важныя думы, касаясь вопросовъ, которые близки каждому сердцу. Различныя мнѣнія развиты безъ пристрастія и предубѣжденія, что́ ни сколько не отнимаетъ у сочиненія занимательности, хоть иногда и даетъ замѣчать въ изображеніяхъ недостатокъ чувства и страсти.

Der Congress von Verona. *Ein Roman von* Julius Mosen. *Berlin. 1842.* (Веронскій Конгрессъ. *Романъ соч.* Юлія Мозена).

Отъ историческаго романа обыкновенно ожидаютъ изображенія одного или нѣсколькихъ лицъ, принадлежащихъ исторіи, или какого-либо замѣчательнаго историческаго событія. Но

какъ исторія весьма-рѣдко представляетъ всѣ подробности съ такою точностію, съ какою поэту необходимо вывести ихъ въ своемъ твореніи, то хорошій романъ въ этомъ смыслѣ чрезвычайно-труденъ, и только немногіе писатели въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ приближались къ идеалу его. Есть два пути избѣжать эту трудность, которымъ обыкновенно и слѣдуютъ. Иные, не обращая вниманія на исторію, произвольно создаютъ для историческихъ лицъ характеры, совершенно - несоотвѣтствующіе дѣйствительности, и стараются внѣшними украшеніями, описаніями одежды, оружія, нравовъ и какихъ-либо замѣчательностей прошедшаго времени придать роману видъ истины. Поверхностныя разъисканія древности, безъ ученаго взляда, доставляли обильные матеріалы для подобныхъ описаній. Другіе, напротивъ, не преступая должнаго уваженія къ исторіи, стараются обработать историческую сторону такъ точно и отчетливо, какъ только возможно дилетанту, не искажаютъ вымыслами событій и характеровъ главныхъ лицъ, но окружаютъ только это зерно ихъ разсказами, вымышленными дѣйствующими лицами. Въ такихъ романахъ, смотря по способностямъ автора, историческая часть отдѣляется болѣе или менѣе отъ политической, и иногда такъ рѣзко, что онѣ составляютъ два отдѣльныя цѣлыя, насильственно-связанныя между собою. Есть еще третій путь, который до-сихъ поръ избирали весьма-немногіе; онъ требуетъ отъ поэта знанія исторіи и творческую силу поэтическаго генія, но зато онъ ведетъ къ удовлетворительному результату. Въ послѣдніе тридцать лѣтъ многіе историки старались дополнить изображенія великихъ людей, предлагая подробныя отдѣльныя описанія событій ихъ эпохи, въ которыхъ они играли наиболѣе-важную роль. Авторъ историческаго романа долженъ поступать наоборотъ; не восходя къ лицамъ, управлявшимъ судьбами событій, онъ можетъ описывать только одни дѣйствія. Этому пути слѣдовалъ авторъ разсматриваемаго нами сочиненія, въ которомъ, не смотря на слово *романъ*, большая часть читателей ожидаетъ найдти *романъ историческій*. Эти читатели удивятся, что всѣ вѣнценосцы, находившіеся въ 1822 году въ Веронѣ, что ихъ совѣтники и знаменитые министры вовсе не являются на сцену; объ иныхъ едва упоминается, другіе быстро проходятъ передъ глазами читателя, и только о весьма - немногихъ собраны нѣкоторыя черты, извѣстныя каждому образованному человѣку изъ другихъ сочиненій. Но за то романъ этотъ наполняетъ прекрасно-развитая исторія частнаго семейства (тогдашняя борьба Грековъ за независимость была еще дѣломъ приватнымъ, незаслуживавшимъ вниманія высокой европейской политики). Этотъ семейный кругъ, эти характеры, обрисованные рѣзко и вмѣстѣ нѣжно, разрушеніе тихаго счастія этого семейства, быстро-распространяющіяся въ цѣлой націи идеи и надежды, — все это, хоть не непосредственно, но тѣмъ не менѣе живо представляетъ эпоху той политики, которой сильнѣйшія желанія черезъ двадцать лѣтъ оказались мечтами. Это-то непрямое описаніе тамъ, гдѣ непосредственное изображеніе государей и ихъ министровъ необходимо было бы невѣрно и безцвѣтно, особенно отличаетъ отъ другихъ историческихъ романовъ романъ Мозена, замѣчательный, сверхъ-того, отличнымъ языкомъ, за что нельзя не поблагодарить автора. Въ заключеніе вспомнимъ одну драму, которая теперь столько же дѣйствуетъ на душу, какъ дѣйствовала пятьдесятъ лѣтъ назадъ, при первомъ представленіи — мы говоримъ о шиллеровой *Коварство и Любовь*, которая представляетъ тѣсный кругъ гражданской жизни на мрачномъ политическомъ фондѣ; не смертію любящихся, но ужаснымъ ниспроверженіемъ всѣхъ человѣческихъ отношеній, эта *политическая* драма до-сихъ-поръ такъ сильно дѣйствуетъ на душу.

Ianko, der Ungarische Rossiirt. *Roman in Versen, von* Karl Beck. *Leipzig. 1842.* (Янко, Венгерскій Цыганъ. *Романъ въ стихахъ, сочиненіе* Карла Бека).

Это стихотвореніе г. Бека не только исполнено идей и чувства, но въ немъ являются такіе люди, какихъ мы видимъ въ обществѣ. Стихотвореніе это не дикая лирическая охота по вершинамъ горъ и макушкамъ деревъ, но полная, округленная исторія извѣстныхъ лицъ, которую авторъ назвалъ романомъ. Но этотъ романъ въ стихахъ. Отъ поэта, каковъ Бекъ, нельзя требовать, чтобъ онъ вдругъ взялся за прозу и написалъ два-три тома, наполненные происшествіями и разсужденіями. Ему необходимо пѣть; этого требуетъ его природа, которой онъ долженъ слѣдовать и которую онъ долженъ развить въ себѣ *исторически и органически.* Онъ сдѣлалъ уже большой шагъ впередъ, и его послѣднее стихотвореніе «Янко» служитъ этому неоспоримымъ доказательствомъ.

Авторъ назвалъ свое стихотвореніе романомъ, и, судя по содержанію его, весьма-основательно, ибо оно составляетъ связный разсказъ, съ введеніемъ, завязкою, катастрофами и заключеніемъ. Фабрикантъ могъ бы вытянуть изъ него романъ въ три тома съ увлекательными сценами, ужасными ночными похожденіями и прекрасными описаніями; но сама-по-себѣ исторія эта очень проста.

Нѣмецкій трактирщикъ, изъ Баваріи, продаетъ все свое имущество и оставляетъ отечество потому, что сынъ его, беззаботный студентъ, сдѣлался демагогомъ, и что полиція и юстиція начали безпокоить его. Онъ поселянинъ золотой Венгріи, вмѣсто баварскаго пива продаетъ ароматное венгерское, и очень-доволенъ своею судьбою. Онъ живетъ не одинъ; онъ привезъ съ собою дѣвушку-сироту, которую взялъ вмѣсто дочери. Молодой Цыганъ, Янко, освобождаетъ отца и дочь изъ рукъ разбойниковъ, сватается и дѣлается счастливымъ женихомъ Маріи. Но Марія любитъ не его, дикаго сына пустыни, а молодаго графа. Они объяснились во время одной шумной крестьянской свадьбы; Янко, на другой день, долженъ идти въ степь ловить лошадей, а между-тѣмъ графъ вступаетъ въ его права. Янко, возвратившись изъ степи ранѣе, нежели его ожидали, застаетъ преступниковъ вмѣстѣ и осыпаетъ ихъ угрозами и проклятіями. Это заставляетъ его опять бѣжать въ степь, ибо онъ грозилъ топоромъ магнату. И Янко не совсѣмъ невиненъ; вина, тяготѣющая надъ Маріею, тяготѣетъ и надъ нимъ. Онъ безжалостно бросилъ молодую Цыганку, которая пожертвовала ему всѣмъ и любитъ его съ тою же восторженною вѣрностію, какъ онъ Марію. Она его добрый и злой геній; она предостерегаетъ его отъ опасностей, холитъ и лелѣетъ его. Янко не отказывается отъ Маріи; онъ хочетъ овладѣть ею силою, но пандуры графа отражаютъ его. Наконецъ, Янко возвращается съ раскаяніемъ, но Маріи уже нѣтъ. На берегу пруда нашли ея платокъ и покрывало, и всѣ считаютъ ее святою, невинною жертвою несправедлевой мести, но Янко узнаётъ, что она тайно живетъ въ замкѣ графа, который намѣренъ уѣхать съ нею въ далекія страны. Сговорившись съ однимъ Цыганомъ, обиженнымъ еще отцомъ графа, онъ прокрадывается въ замокъ, поджигаетъ его, и когда пламя начинаетъ уже обхватывать зданіе, Янко является передъ любовниками и раздробляетъ топоромъ голову обольстителя. Марія падаетъ безъ чувствъ. Янко, по совѣту Цыгана, сдѣлался разбойникомъ, ибо ему ничего не оставалось болѣе; но разбойникомъ венгерскимъ, ужасомъ жестокихъ магнатовъ и героемъ въ глазахъ народа. — Этимъ кончается исторія. Еще узнаемъ мы, что Марія не помѣшалась, но далеко отъ Венгріи произвела на свѣтъ мальчика,

и потомъ цвѣла здоровьемъ и красотою. Янко же:

Sein Name war dem Volke werth,
Die scharfen Herren frass sein scharfes Schwert.

Наконецъ онъ былъ пойманъ, заключенъ въ оковы, и

Am Galgen hing er bleich und nackt,
Bis ihm die Raben das Fleisch zerhackt;

только вѣрная Цыганка похитила ночью одну его руку и сохранила ее до своей смерти.

По этому сухому разсказу содержанія, оно многимъ, можетъ-быть, покажется грубымъ и незанимательнымъ; и потому, мы должны предварить читателя, что онъ найдетъ въ романѣ хотя нѣсколько-дикое, но тѣмъ не менѣе прекрасное стихотвореніе, которое завладѣетъ его вниманіемъ и не отпуститъ его прежде конца. Многимъ читателямъ только и нужно. Обработка этого грубаго, или если угодно, обыкновеннаго предмета, стоитъ гораздо-выше самого предмета и облагороживаетъ его. Она имѣетъ рѣшительный лирическій характеръ, даже разсказы автора невольно переходятъ въ пѣніе, и нельзя не удивляться, что ему такъ удались всѣ трудныя описанія, рѣзкіе характеры и психологическіе прогрессы. У него ничто не остается неопредѣленнымъ. Янко, герой романа, — могучая, добродушная первобытная натура, исполненная огня и живости; образъ его, нисколько не идеализированный, заслужитъ живое участіе каждаго читателя. Другими красками, но съ такою же ясностію и съ такимъ же чувствомъ нарисованъ образъ Маріи; характеръ добраго, слабаго отца, хорошо обозначенъ весьма-немногими чертами. Въ изображеніи Цыганки нельзя не допустить немного колдовства. Но какъ многіе представили бы преступнаго магната тираномъ и дерзкимъ злодѣемъ, между-тѣмъ, какъ у Бека онъ нисколько не хуже другихъ богатыхъ, могущественныхъ сластолюбцевъ, которые не щадятъ ничего для удовлетворенія своихъ страстей, и которые, сверхъ-того, имѣютъ на своей сторонѣ теплое чувство и взаимную любовь своей жертвы. Такъ просто и естественно психологическое развитіе этого стихотворенія.

Но главный интересъ его составляетъ мѣстность. Авторъ описываетъ свое отечество, Венгрію, ослѣпительными красками, съ любовію, но безъ лести; картины его бросаются въ глаза своею необыкновенною живостію. Все, что мы знали до-сихъ-поръ о степяхъ Венгріи изъ другихъ поэтовъ, на-пр. изъ нѣкоторыхъ стихотвореній Александра Виртембергскаго или немногихъ твореній Ленау, блѣднѣетъ передъ описаніями Бека. Эта свободная, независимая пастушеская жизнь, о которой образованный Европеецъ едва можетъ составить себѣ понятіе, ея радости и лишенія, этотъ кочующій народъ Цыганъ, ихъ музыканты, ихъ шиночная жизнь, упорство венгерскаго крестьянина, который, впрочемъ, въ присутствіи своего господина становится послушнымъ рабомъ, ихъ попойки, восторженныя пляски, наконецъ бой съ звѣрьми и ловля дикихъ лошадей, — все это интересно въ высшей степени. Скудное существованіе венгерскаго пастуха описано съ такою подробностію, что мы даже знаемъ, что онъ получаетъ въ годъ пять гульденовъ жалованья; знаемъ также, что онъ никогда не перемѣняетъ рубашки, ибо у него она одна: для прочности онъ напитываетъ ее жиромъ, который запекается на солнцѣ. Всякому, съ перваго взгляда, покажется понятнымъ, почему подобный сынъ степей не понравился нѣжненькой, бѣленькой Нѣмочкѣ.

Наконецъ, стихотвореніе Бека не менѣе богато нѣжными мѣстами. Онъ съ рѣдкимъ чувствомъ описываетъ довѣрчивую, дѣтскую душу Маріи, и подобныя картины предметовъ самыхъ обыкновенныхъ, начертанныя живыми, блестящими красками, заставляютъ насъ съ нетерпѣніемъ ждать слѣдующей ступени развитія поэта, когда венгерское вино и полу-

дикіе сыны пустыни уступятъ въ его твореніяхъ мѣсто образованнымъ, или даже историческимъ лицамъ.

Goethe und Klopstock, *von* Ferdinand Pfeiffer. *Leipzig. 1842.* (Гете и Клопштокъ, *соч.* Фердинанда Пфейфера).

Это собраніе отрывковъ, напечатанное изъ бумагъ, оставшихся послѣ рано-умершаго молодаго писателя, содержитъ въ себѣ, во-первыхъ, краткую, въ антитезахъ изложенную параллель между Гёте и Клопштокомъ, при чемъ, такъ же какъ и у Гервинуса, Клопштокъ становится слишкомъ въ тѣни; тезы эти суть, по-большей-части, или остроумныя сужденія, или наблюденія, послѣднія часто весьма-вѣрныя. За симъ слѣдуютъ, какъ приложенія, относящіяся въ особенности къ Клопштоку, и подробно объясняемыя авторомъ: переписка Гёте съ Клопштокомъ, весьма-любопытная, не смотря на свою краткость (она состоитъ только изъ трехъ писемъ); извлеченія изъ письма одного еще живущаго семидесяти-лѣтняго друга Клопштока, касательно его характера и сужденій; письма изъ Оттенсена, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о странахъ, гдѣ жили многіе извѣстные поэты Сѣверной Германіи (въ томъ числѣ Фоссъ, Штольбергъ, Клаудіусъ и др.) и написанныя вообще живо и занимательно. Далѣе сужденія современниковъ о Гёте и Клопштокѣ, изъ перваго времени ихъ славы: весьма-любопытныя сближенія, хотя все это большею частію извѣстно уже изъ другихъ сочиненій; наконецъ нѣсколько отрывковъ объ ороографіи Клопштока, и его письмо къ министру Роланду. Книжка эта вѣроятно написана авторомъ болѣе для досужнаго чтенія, нежели для назиданія, и въ такомъ случаѣ совершенно достигаетъ своей цѣли.

Graf Saint Germain. *Von* Ph. O. von Münchhausen. *Göttingen. 1842.* (Графъ Сен-Жерменъ, *соч.* Ф. О. фон-Мюнхгаузена).

На какихъ-то водахъ составилось общество, съ тою цѣлію, чтобъ сокращать себѣ время разсказами. Между членами этого общества есть одно таинственное лицо, называющее себя графомъ Дункельманомъ, собственно графъ Сен-Жерменъ; впрочемъ, онъ не играетъ важной роли. Въ числѣ разсказовъ есть и хорошіе и худые; разнообразіе тона, хоть онъ и не всегда совершенно соотвѣтствуетъ предмету, говоритъ въ пользу очевидно еще-молодаго автора. Первый разсказъ, содержаніе котораго заимствовано изъ революціи 1789 года, нашелъ строгихъ критиковъ даже въ нѣкоторыхъ членахъ общества; впрочемъ, никто изъ нихъ не замѣчалъ, что по слогу своему онъ скорѣе *написанная* повѣсть, нежели изустный разсказъ. Въ другихъ разсказахъ, этотъ недостатокъ замѣтенъ менѣе. Но не смотря на эти несовершенства перваго произведенія, талантъ автора много обѣщаетъ въ будущемъ. Серьёзное изученіе формъ скоро возведетъ его въ сферу искусства изъ состоянія дилеттанта.

Naturgeschichte des Deutschen Studenten. *Von* Plinius dem Iüngsten. *Mit Federzeichnungen von* I. G. Apelles. *Leipzig. 1842* (Естественная Исторія Нѣмецкаго Студента, *соч* Плинія Самаго-Младшаго, *съ рисунками* I. Г. Апеллеса).

«Мало остроты и много самодовольства» — вотъ какой эпиграфъ можно дать этой книжкѣ, которой названіе вѣроятно взято съ французскихъ физіологій. Видно, что это сочиненіе стоило большихъ трудовъ автору; онъ разсказываетъ довольно-сносно все достопримѣчательное, относящееся къ его предмету, и этимъ можно бы еще быть довольнымъ; но онъ силится придать остроту и юморъ своему разсказу, и это его несчастіе, потому-что онъ не проникнутъ своимъ предметомъ, какъ ни восторженно онъ впрочемъ восхваляетъ поэзію студенческой жизни. По-большей-части онъ останавливается на внѣшностяхъ; внутреннее, глубокое

развитіе братства изъ студенческой жизни, есть, кажется, для автора terra incognita, а между-тѣмъ это только и придаетъ прелесть поэзіи. Не грубая же наглость и самодовольное щегольство оригинальными внѣшностями студенчества составляли всегда достоинство истиннаго нѣмецкаго студента! Нужно большое поэтическое дарованіе, чтобъ изобразить настоящій студенческій бытъ въ его оригинальномъ юморѣ и во всемъ моральномъ значеніи; простыя наблюденія и разсужденія могутъ дать только весьма-слабый его очеркъ. Еще можно бы пожелать, чтобъ эта книжка была написана не въ такомъ самодовольномъ модномъ тонѣ.

W. Waiblingers gesammelte Werke, *mit des Dichters Leben, von* H. v. Kanitz. *Zweite Gesammt-Ausgabe, mit Kupfern. 4 Bd. Hamburg. 1842* (Полныя Сочиненія В. Вайблингера, *съ жизнеописаніемъ автора,* Г. фон-Каница).

Пріятно видѣть, какъ великія дарованія Вайблингера, слишкомъ-рано умершаго въ своемъ второмъ отечествѣ, Италіи, находятъ, послѣ смерти его, заслуженное уваженіе, что доказывается необходимостію втораго изданія его сочиненій. Не будучи еще эстетически-совершенными, творенія его показываютъ богатый, самобытный духъ, который, къ-сожалѣнію, рано былъ подавленъ неблагопріятными обстоятельствами, вызванными, впрочемъ, по большей части самимъ поэтомъ, и наконецъ похищенъ у Германіи преждевременною смертію. Вышедшій нынче первый томъ содержитъ въ себѣ чрезвычайно-любопытную біографію его, и первое отдѣленіе его повѣсти «Британцы въ Римѣ», написанной съ необыкновенною полнотою фантазіи и съ глубокимъ знаніемъ жизни. При выходѣ слѣдующихъ томовъ, мы будемъ имѣть случай говорить о его замѣчательнѣйшихъ твореніяхъ. При каждомъ томѣ будетъ одна гравюра; къ первому приложенъ портретъ Вайблингера.

К. ЛИППЕРТЪ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Я. А. Исаковъ получилъ на-дняхъ изъ Парижа нѣсколько экземпляровъ только-что вышедшей тамъ книги подъ названіемъ: *Un Million de Faits. Aide-Mémoire Universel des Sciences, des Arts et des Lettres, par J. Aicard, Desportes, Paul Gervais, Léon Lalanne, Ludovic Lalanne, A. Le Pileur, Ch. Martins, Ch. Vergé et Young,* (Мильйонъ Фактовъ. Памятная книжка Наукъ, Искусствъ и Словесности, составленная Ж. Экаромъ, Депортомъ, Полемъ Жервѐ, Леономъ Лаланномъ, Людовикомъ Лаланномъ, А. Лё Пилёромъ, Ш. Мартеномъ, Ш. Вержѐ и Юнгомъ). Эта книга — истинное сокровище для справокъ. Она напечатана въ форматѣ французскихъ романовъ брюссельскаго изданія (въ 12-ю д. л.) и не толще, на-примѣръ, маленькаго французскаго лексикона г-на Ольдекопа; но въ ней помѣщено 1500 столбцовъ мелкой печати, не считая 170 столбцовъ «Алфавитнаго Указателя» и «Аналитическаго Оглавленія». На этихъ столбцахъ, въ систематическомъ порядкѣ, — а не въ азбучномъ, какъ обыкновенно дѣлается въ лексиконахъ, — помѣщено краткое, но полное изложеніе главнѣйшихъ предметовъ наукъ математическихъ: ариѳметики, алгебры, геометріи простой, аналитической и начертательной, исчисленія количествъ безконечно-малыхъ, исчисленіе вѣроятностей, механики и астрономіи; — естественныхъ наукъ: метеорологіи и физики земнаго шара, общей физики, химіи, минералогіи и геологіи, зоологіи, ботаники; — наукъ медицинскихъ: анатоміи и физіологіи человѣка, гигіены; — наукъ политическихъ: политической ариѳметики и статистики; — промышлености: земледѣлія, технологіи (искусства и ремесла), коммерціи; — военныхъ наукъ, философіи, литературы, художествъ, палеографіи, геральдики, нумизматики, хроно-

логіи и исторіи, филологіи, географіи, біографіи, миѳологіи, педагогіи и законовѣдѣнія.—Такимъ образомъ, въ тѣсномъ объемѣ карманной книжки вмѣщена здѣсь цѣлая энциклопедія всѣхъ наукъ и знаній! Честь и хвала французской предпріимчивости, догадливости и трудолюбію! Подобное облегченіе способовъ учиться и просвѣщаться — истинная заслуга предъ человѣчествомъ. —Хотя статьи расположены по предметамъ, трактатами, въ которыхъ каждый циклъ наукъ излагается въ связи, непрерывно, однакожъ, весьма-легко найдти, кому что надобно, взглянувъ въ «Алфавитный Указатель» и по немъ отъискавъ страницу, гдѣ находится искомое собственное имя, терминъ, или статья. Поэтому «Un Million de Faits» можетъ замѣнять собою и систематическую энциклопедію и энциклопедическій лексиконъ. Безъ сомнѣнія, такая книга должна быть настольною, не только у ученаго, литератора, но и у всякаго образованнаго человѣка, который читаетъ что-нибудь и, читая, размышляетъ о читаемомъ.

— Въ той же книжной лавкѣ Я. А. Исакова получены послѣдне-вышедшія тетради великолѣпнаго изданія: *Moeurs, Usages et Costumes de tous les Peuples du Monde* (Нравы, Обычаи и Костюмы всѣхъ Народовъ Земнаго Шара), составляемаго г. Далли, профессоромъ исторіи и географіи, и печатаемаго въ Брюсселѣ. Эта прекрасная книга будетъ состоять изъ 200 тетрадей. Содержаніе ея составляютъ историческія и географическія свѣдѣнія о народахъ земнаго шара, и описаніе ихъ въ отношеніи политическомъ (правительство, законы, казна, войско, дворцы и пр.), общественномъ (жилища, мебель и домашняя утварь, бракъ, воспитаніе, языкъ, науки и литература, земледѣліе, промышленость, торговля, мореплаваніе, публичныя празднества, театры, игры, похороны) и религіозномъ (храмы, священнослужители, религіозныя церемоніи). Все это будетъ сопровождено 200 раскрашенными рисунками, которые должны останавливать на себѣ вниманіе читателя и индивидуализировать въ глазахъ его народъ, описываемый въ текстѣ книги. Издатели почерпали свои свѣдѣнія въ безчисленномъ множествѣ книгъ и періодическихъ изданій. Библіотека брюссельскаго ученаго Филиппа Вандермелева, въ которой находится богатое собраніе «путешествій» во всѣ страны свѣта, предоставлена была въ пользу издателей, и они сдѣлали ее главнымъ источникомъ для своей любопытной и хорошо-составленной компиляціи.—Каждую недѣлю является по двѣ тетради, содержащія въ себѣ 16 страницъ текста и двѣ превосходно-раскрашенныя литографированныя картинки. Всѣ 200 тетрадей составятъ книгу въ 5 томовъ, напечатанныхъ на веленевой атласистой бумагѣ, и равняющемся 15 томамъ обыкновенной печати. Каждая тетрадь стоитъ *15 копеекъ серебромъ*, такъ-что все изданіе обойдется въ 30 рублей серебромъ, — каждый томъ въ 6 рублей серебромъ. Цѣна маловажная для такого великолѣпнаго, истинно-роскошнаго изданія.—Теперь получено всего-навсе 52 тетради; слѣдственно, болѣе четвертой части изданія. Въ этихъ тетрадяхъ описаны весьма-подробно Китай съ подвластными ему странами, Аннамская Имперія (около Китая), Сіамъ, Тана-Малайя (земля Малайцевъ) и Индія (статья огромная). Вообще, это книга чрезвычайно-интересная, составленная умно, занимательно, безъ излишнихъ разглагольствій, но и безъ излишней легкости, какъ обыкновенно дѣлаются подобныя компиляціи.

Мы съ удовольствіемъ увидѣли на обоихъ этихъ изданіяхъ имя нашего русскаго книгопродавца Я. А. Исакова, котораго парижскіе и брюссельскіе издатели избрали своимъ коммиссіонеромъ въ Россіи, и объявили о томъ во всеуслышаніе цѣлой Европѣ. Едва-ли не въ первый разъ еще встрѣчается имя русскаго торговца на оберткѣ заграничной европейской книги; а какъ-то непривычно для глазъ видѣть на иностранной оберткѣ надпись: «à St.-Pétersbourg, chez Issakoff, libraire-éditeur, Gostinoy-Dwon (вмѣсто Dwor), № 22», но тѣмъ неменѣе пріятно сознавать, что русскій честный, дѣятельный книгопродавецъ пользуется такимъ кредитомъ за границею, и что иностранцы вѣрятъ ему болѣе, чѣмъ своимъ собратіямъ-иностранцамъ же, торгующимъ въ Петербургѣ.

VIII.

СМѢСЬ.

ЗАСѢДАНІЯ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ ВЪ РОССІИ И ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ.

I.

Императорская Санктпетербургская Академія Наукъ.

Г. *Брандтъ* читалъ донесеніе о коллекціи млекопитающихъ и птицъ, присланной въ подарокъ зоологическому музею Академіи г-мъ Быстровымъ, изъ Мезена. Между птицами есть такія, которыхъ доселѣ не находили въ Европѣ, *или* которыя, по-крайней-мѣрѣ, считаются въ ней большою рѣдкостію. Число присланныхъ предметовъ простирается до 102.

— Въ засѣданіи 24 іюня, г. *Фрицше* сообщилъ замѣчаніе, касательно труда г. Зинина объ органическихъ основаніяхъ; именно, что соединеніе, которому г. Зининъ далъ названіе *бензидина*, считая его новымъ органическимъ основаніемъ, есть не что иное, какъ вещество уже извѣстное подъ именемъ *анилины*. По своимъ свойствамъ, равно-какъ по составу своихъ частей, бензидамъ такъ сближается съ анилиною, что не остается никакого сомнѣнія въ тожествѣ этихъ двухъ веществъ.

— Г. *Дорнъ* продолжалъ свои сообщенія касательно грамматики афганскаго языка.

II.

Парижская Академія Наукъ.

Въ засѣданіи 6-го *іюля*, г. Романе читалъ мемуаръ *о молокѣ*. Изслѣдованія вещества столь важнаго по своимъ многочисленнымъ приложеніямъ всегда полезны, особенно, когда дѣло идетъ о трудѣ хорошо-соображенномъ и оканчивающемся вѣрными и ясными заключеніями.

Молоко всѣхъ животныхъ, производящихъ это вещество, есть, какъ извѣстно, жидкость бѣлая, нѣсколько жирная, въ которой, при спокойномъ состояніи, отдѣляется на поверхности слой болѣе густой, составляющій то, что называется сливки. Сливки служатъ *для* дѣланія масла; и само молоко, отъ соприкосновенія съ воздухомъ, скоро испытываетъ измѣненіе, въ слѣдствіе котораго сгущается въ массу, называемую свернувшимся молокомъ.

Что такое сливки? какъ изъяснить образованіе масла? и что это за вещество, имѣющее способность сгущаться само собою и производить свернувшееся молоко.

Микроскопическія изъисканія зна-

чительно прояснили эти вопросы съ нѣкотораго времени; однако, есть еще нѣкоторые темные пункты, въ-разсужденіи которыхъ изслѣдователи несогласны между собою. Такъ, еще нельзя изъяснить себѣ совершенно способа образованія масла, ни того состоянія, въ которомъ сгущающееся само-собою caseum находится въ молокѣ; строеніе такъ-называемыхъ шариковъ молока также не раскрыто. Г. Романè предпринялъ разрѣшить нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ.

Если взять каплю молока, и, положивъ ее на стекло, раздавить въ легкій и прозрачный слой, помощію другаго стекла, положеннаго сверху, другими словами, если положить немного молока между двумя стеклами, и потомъ разсматривать его помощію микроскопа, увеличивающаго предметы въ триста разъ, то можно видѣть, что эта жидкость состоитъ изъ множества маленькихъ круглыхъ частицъ, различной величины, прозрачныхъ въ центрѣ и похожихъ на маленькіе перлы, плавающіе въ жидкости; эти частицы суть то, чтò называется шариками молока. Какое свойство этихъ шариковъ, и какой ихъ составъ?

Всѣ эти шарики составляютъ жирное вещество молока, и они-то, будучи легче жидкости, въ которой погружены, поднимаются вверхъ и образуютъ сливки. Шарики молока обнаруживаютъ всѣ признаки жирныхъ веществъ: растворяются въ спиртѣ, и проч. Отъ нихъ-то молоко получаетъ свой тусклый бѣлый цвѣтъ; и въ-самомъ-дѣлѣ, если отдѣлить шарики чрезъ процѣживаніе, то молоко сдѣлается жидкостью прозрачною, какъ вода, или слегка-бѣловатою.

Но эти шарики просто ли жирное вещество въ состояніи крайняго раздѣленія? составлены ли они изъ масла въ чистомъ состояніи, или содержатъ въ себѣ какое-нибудь другое вещество? не представляютъ ли они, на-примѣръ, перепончатой оболочки, которая заключала бы жирное вещество внутри себя, подобно пузырьку растеній, содержащему въ себѣ масло? или, еще, нѣтъ ли въ этой оболочкѣ слѣдовъ клѣтчатой ткани или другаго сложнаго и органическаго строенія?

Если мы призовемъ на помощь аналогію, то она будетъ въ пользу этого послѣдняго мнѣнія, защищаемаго г-мъ Распалемъ. Но должно сознаться, что невозможно доказать съ очевидностію существованіе клѣтчатой ткани или оболочки, средствами доселѣ-употребленными. Никакой химическій агентъ, никакой способъ анализа не позволяетъ замѣтить и отдѣлить двѣ отличныя части въ шарикахъ молока, содержащее и содержимое, часть перепончатую и часть жирную, такъ-что тѣ наблюдатели, которые хотятъ идти не далѣе фактовъ, считаютъ шарики молока простыми частицами маслянстаго вещества въ состояніи чрезвычайнаго раздѣленія.

Этотъ вопросъ, по-видимому мелочной, весьма-важенъ въ изъясненіи способа, какъ производится масло въ маслобойной кадкѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, доселѣ неизвѣстно, какимъ образомъ отъ біенія, продолжающагося извѣстное время, вдругъ образуется масло, и всѣ маслистыя частицы, бывшія прежде разсѣянными въ сливкахъ, соединяются въ плотную массу. Совершенно доказано, что образованіе масла не зависитъ ни отъ дѣйствія воздуха, ни отъ вліянія другаго внѣшняго дѣятеля; въ пустотѣ масло производится такъ же, какъ на воздухѣ, и ничто не препятствуетъ этому соединенію шариковъ въ массу, когда температура прилична этому.

Г. Романè изъясняетъ это явленіе раздраніемъ перепончатыхъ оболочекъ шариковъ, подверженныхъ ударенію; жирное или маслистое вещество, будучи такимъ образомъ выведено наружу, скопляется и производитъ собственно-называемое масло. Авторъ доходитъ до этого заключенія чрезъ рядъ опытовъ и весьма-благовидныхъ умствованій; такъ, давленіе шариковъ между двумя поверхностями, скольз-

щими тѣсно одна по другой, производитъ, говоритъ онъ, разрывъ перепончатой оболочки и соединеніе жирныхъ частицъ. Г. Романе опирается также на различіи въ цвѣтѣ между молокомъ и масломъ, чтобъ доказать существованіе оболочки; если бы, говоритъ онъ, масляное вещество не было заключено въ бѣлую клѣтку, то молоко было бы желто, какъ само масло, подобно тому, какъ это усматривается на крови, которой шарики сообщаютъ свой собственный красный цвѣтъ.

Не оспоривая значительности этихъ фактовъ и многихъ другихъ, приводимыхъ г-мъ Романе, нельзя не замѣтить, что существованіе перепончатой оболочки не доказано очевидно, то-есть, что не могли еще сдѣлать эту оболочку чувствительною при помощи какого-нибудь агента, способнаго отличить ее отъ содержимаго вещества, или прямо отдѣлить, такъ, чтобъ подъ микроскопомъ съ одной стороны была оболочка, а съ другой масляное вещество; и нельзя понять, почему бы не дойдти до этого доказательства помощію реактива, могущаго окрасить, или растворить одно изъ этихъ веществъ, не дѣйствуя на другое. Что касается до бѣлизны молока въ сравненіи съ желтымъ цвѣтомъ масла, то это различіе можетъ быть изъяснено состояніемъ крайняго раздѣленія вещества, котораго частицы такъ малы и такъ слабо окрашены, что нельзя видѣть ихъ цвѣтъ, если онѣ не въ массѣ; и притомъ, какъ понять совершенную прозрачность шариковъ молока, если они покрыты оболочкою столь темною, что она закрываетъ жолтый цвѣтъ масла?

Сгущеніе молока, о которомъ мы говорили выше, можетъ быть изъяснено дѣйствіемъ вещества, имѣющаго видъ творога и извѣстнаго подъ именемъ *казеумъ*.

Въ какомъ состояніи казеумъ находится въ молокѣ? Это особенное, азотное вещество, которое свободно сгущается подобно фибринѣ крови. Растворенъ ли казеумъ въ молокѣ, какъ фибрина растворена въ крови? или онъ находится въ состояніи твердомъ, какъ молочные шарики собственно-называемые, о которыхъ мы сейчасъ говорили? Этотъ пунктъ также очень-важенъ для изъясненія свойствъ молока и явленій, которыя оно представляетъ.

Кромѣ шариковъ собственно-называемыхъ, нѣтъ ли въ молокѣ частицъ другаго рода, чрезвычайно-мелкихъ, даже невидимыхъ, которыя принадлежатъ казеуму? Это мнѣніе поддерживаетъ г. Кевенъ, сдѣлавшій замѣчательныя изъисканія о молокѣ. Онъ думаетъ, что часть казеума, содержащагося въ молокѣ, находится въ твердомъ состояніи, подъ видомъ шариковъ, которыхъ, правда, онъ не видалъ ни въ какомъ молокѣ, но думаетъ, что нашелъ ихъ въ молокѣ ослицы. Трудно однакожь допустить присутствіе, въ жидкости, частицъ твердыхъ, опредѣленныхъ, которыхъ однакоже нельзя видѣть при помощи инструментовъ, увеличивающихъ предметы въ пятьсотъ и въ шестьсотъ разъ, и въ особенности частицъ, которыя, не смотря на эту чрезмѣрную мелкость, не проходятъ сквозь цѣдило. По-крайней-мѣрѣ, это такой фактъ, котораго нельзя доказать въ настоящемъ состояніи науки, и можно сказать, что матерія, раздѣленная до такой степени, что она становится недоступною для всѣхъ нашихъ способовъ, сливается для насъ съ матеріею растворенною.

Правда, нѣкоторыя свойства молока не согласуются съ фактомъ простаго и совершеннаго растворенія казеума въ этой жидкости, подобнаго растворенію сахара въ водѣ; но можно очень-хорошо понять эти свойства, не прибѣгая къ предположенію твердыхъ и невидимыхъ частицъ, немогущихъ проходить чрезъ поры бумаги, которыя пропускаютъ однакоже частицы гораздо-болѣе крупныя. Мы гораздо-лучше понимаемъ разныя явленія, представляемыя молокомъ, принимая въ соображеніе то, что мы знаемъ о казеумѣ и о нѣкоторыхъ другихъ подоб-

ныхъ органическихъ веществахъ, которыхъ состояніе неопредѣленно, и которыя находятся въ непрерывномъ движеніи превращенія. Это обстоятельство служитъ также изъясненіемъ происхожденія масла подъ вліяніемъ маслобіенія; и для этого мы не имѣемъ нужды допускать съ г. Романѐ существованіе невидимой оболочки въ молочныхъ шарикахъ.

Доказано уже, что казеумъ отчасти растворенъ въ молокѣ; это фактъ несомнѣнно принадлежащій наукѣ. Другая же часть казеума находится ни въ твердомъ, ни въ жидкомъ состояніи, а въ среднемъ, которое можно назвать состояніемъ вязкимъ. Въ этомъ-то вязкомъ казеумѣ, ни совершенно-твердомъ, ни совершенно-жидкомъ, захвачена большая часть масляныхъ шариковъ и слой сливокъ составленъ изъ этихъ шариковъ, связанныхъ съ казеумомъ. Отъ этого происходитъ очень-странная и повидимому неизъяснимая особенность слоя сливокъ, на которую наблюдатели, кажется, не довольно обращали вниманія. Извѣстно, что слой сливокъ происходитъ отъ поднятія, на поверхность молока, жирныхъ шариковъ, которые стремятся вверхъ по причинѣ своей удѣльной легкости; но такъ-какъ не всѣ шарики доходятъ до верхней части жидкости, и большая часть ихъ остается такъ-сказать на дорогѣ, по причинѣ своей тяжести, то спрашивается, какимъ образомъ сливки составляютъ слой явственный и рѣзкій, вмѣсто того, чтобъ постепенно ослабѣвать, какъ это должно бы быть, если бъ онъ происходилъ только отъ скопленія молочныхъ шариковъ, расположившихся въ порядкѣ своей плотности? Это происходитъ отъ-того, что не одни молочные шарики содѣйствуютъ составленію слоя сливокъ; этотъ слой, тусклый, темный, совершенно-опредѣленный, происходитъ отъ соединенія жирныхъ шариковъ, связанныхъ и смѣшанныхъ съ вязкимъ казеумомъ, который они увлекли, поднимаясь на поверхность жидкости, и который постепенно сгущается болѣе и болѣе. Остальные шарики плаваютъ въ жидкости ниже сливокъ, располагаясь въ порядкѣ своей тяжести, когда молоко оставлено въ мѣстѣ свѣжемъ и спокойномъ; они сообщаютъ жидкости цвѣтъ, котораго бѣлизна и тусклость постепенно уменьшаются, идучи сверху къ низу. Это особенно замѣтно, когда наблюдаешь молоко въ длинномъ и узкомъ стеклянномъ стаканѣ.

Расположеніе казеума, какъ мы его описали, изъясняетъ, почему это вещество не могло быть примѣчено помощію самыхъ сильныхъ оптическихъ инструментовъ; въ-самомъ-дѣлѣ, оно не представляетъ ни предѣловъ, ни краевъ, отражающихъ свѣтъ. Съ другой стороны, зная, что казеумъ вязокъ, мы понимаемъ, почему онъ не можетъ проходить чрезъ цѣдило. Не менѣе ясно для насъ то, что происходитъ въ операціи маслобіенія, имѣющей цѣлію произведеніе масла,—то-есть эта мгновенность отвердѣнія вещества, послѣ нѣкотораго числа ударовъ, которая всегда обращала вниманіе наблюдателей, и которую они изъясняли различно, то дѣйствіемъ воздуха, то какими-нибудь химическими соединеніями, и проч. Удареніе дѣйствуетъ, въ этомъ случаѣ, освобождая масляные шарики отъ вязкой жидкости, въ которой они погружены, и позволяя этимъ частицамъ скопиться въ массу, послѣ того, какъ онѣ вышли наружу.

Такъ по-крайней-мѣрѣ можно понимать составъ молока и изъяснять разныя явленія, которыя оно представляетъ. Въ заключеніе всего, эту жидкость можно считать родомъ эмульсіи, въ которой растворены соли, особенный сахаръ и особенное азотное вещество (казеумъ), способное сгущаться само-собою, подобно фибринѣ крови, и въ которой плаваютъ шарики жирнаго или масляннаго вещества, одни свободные, другіе покрытые массою казеума, находящагося въ состояніи среднемъ между твердымъ и жидкимъ, именно въ состояніи вязкомъ.

Мемуаръ г. Романѐ оканчивается

физіологическими соображеніями касательно дѣйствій самопоглощенія молока у животныхъ, которыя перестаютъ кормить грудью своихъ дѣтенышей, и послѣ того начинаютъ скоро жирѣть. Это служитъ новымъ доказательствомъ питательныхъ свойствъ молока, и намекомъ на превращеніе молочныхъ шариковъ въ кровяные.

— Г. Катрфажъ читалъ мемуаръ объ *эдуардзіяхъ*, новомъ родѣ животныхъ изъ класса животно - растеній, который онъ нашелъ на островахъ Шосè, составляющихъ маленькій архипелагъ въ Ламаншѣ.

— Г. Грюби, продолжая свои микроскопическія изъисканія о болѣзненныхъ произведеніяхъ, изслѣдывалъ признаки особенной болѣзни, свойственной дѣтямъ, и которой дали названіе *muguet*. Эти маленькія бѣлыя точки, которыя покрываютъ губы, языкъ, внутренность рта и заражаютъ иногда часть пищеварительнаго канала грудныхъ дѣтей, происходятъ, по мнѣнію г. Грюби, отъ развитія одного растенія изъ рода микроскопическихъ грибовъ, подобнаго тому, которое тотъ же наблюдатель нашелъ въ болѣзненныхъ наружныхъ нечистотахъ. Такимъ образомъ, между-тѣмъ, какъ, съ одной стороны, нѣкоторыя болѣзни происходятъ отъ развитія паразитныхъ животныхъ среди органовъ, съ другой умножаются примѣры того, что въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ у животныхъ, и даже у человѣка, появляются произведенія растительнаго свойства.

Замѣчательно, что болѣзнь, называемая *muguet*, появляется особенно въ томъ случаѣ, когда дитя питается молокомъ въ недостаточномъ количествѣ, или дурнаго свойства.

— Г. Бабинè сообщилъ новый фактъ о дождѣ, шедшемъ среди совершенно-ясной и безоблачной погоды.

—Г. Леонъ Дюфуръ представилъ перечень своего большаго труда о двукрылыхъ насѣкомыхъ (мухахъ). Это седьмой отдѣлъ огромнаго класса животныхъ, который г. Дюфуръ предпринялъ изучить вполнѣ, въ анатомическомъ и физіологическомъ отношеніяхъ. Въ этихъ маленькихъ животныхъ столь многосложнаго устройства, г. Дюфуръ показываетъ существованіе всѣхъ органовъ, которые отличаютъ животныхъ, занимающихъ самое высокое мѣсто въ зоологической лѣстницѣ; начиная съ нервной системы до органовъ пищеваренія, воспроизведенія, движенія, дыханія, отдѣленія влагъ, и проч., все есть въ удивительной организаціи насѣкомыхъ. Г. Дюфуръ не допускаетъ, подобно нѣмецкимъ и нѣкоторымъ французскимъ физіологамъ, присутствія въ насѣкомыхъ системы сосудовъ, назначенныхъ для разнесенія по тѣлу питательной жидкости, между-тѣмъ, какъ эта система есть у высшихъ животныхъ; по его мнѣнію, въ насѣкомыхъ не кровь ищетъ воздуха, чтобъ прійдти въ соприкосновеніе съ нимъ въ легкихъ, а напротивъ воздухъ распространяется во всѣхъ частяхъ тѣла этихъ животныхъ и разноситъ повсюду свое живительное начало.

Къ техническимъ описаніямъ въ своемъ мемуарѣ авторъ присовокупляетъ любопытныя соображенія о роли, которую играютъ въ природѣ эти миріады насѣкомыхъ, назначенныя, вѣроятно, для очищенія воздуха отъ всѣхъ гнилыхъ веществъ, происходящихъ отъ разложенія животныхъ и растеній, и возвратить жизни эти органическіе элементы, которые не замедлили бы заразить атмосферу, если бы они не были непрерывно схватываемы и поглощаемы роями мухъ, которыя питаются ими. Когда подумаешь, въ-самомъ-дѣлѣ, что, по замѣчанію, нисколько - непреувеличенному, одного знаменитаго натуралиста, левъ не скорѣе пожираетъ трупъ лошади, нежели какъ это сдѣлало бъ порожденіе трехъ мухъ, то нельзя не приписать насѣкомымъ, которыхъ мы считаемъ тварями безпокойными, важнаго назначенія въ совокупности творенія.

—Г. Пти написалъ Академіи, чтобъ опровергнуть мнѣнія, изложенныя г.

Плюзомъ въ его донесеніи о трудахъ г. Леруа-д'Этіоля касательно растворенія камешковъ мочеваго пузыря. Въ свое время, мы отдали отчетъ объ этомъ донесеніи; г. Плюзъ не только не былъ противъ мнѣнія о растворенія камешковъ посредствомъ вишиской воды, но еще доказывалъ, что употребленіе щелочныхъ водъ можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, опредѣлить каменную болѣзнь. Теперь г. Птй оспориваетъ этотъ образъ мыслей, опираясь на изъисканія г. Лоншана, изъ которыхъ слѣдуетъ, что послѣ употребленія щелочныхъ водъ, урина не содержитъ въ себѣ ни фосфорнокислой, ни углекислой извести.

— Въ-засѣданіи 13 іюня, г. Лебланъ представилъ мемуаръ о составѣ воздуха, заключеннаго въ мѣстахъ, населяемыхъ людьми. Этотъ предметъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманіе, что онъ интересуетъ множество публичныхъ заведеній и гигіену вообще, и всякому пріятно видѣть счастливыя усилія одного почтеннаго физика сдѣлать здоровыми школы и дѣтскіе пріюты помощію хорошо - соображеннаго провѣтриванія. Должно проникнуть наконецъ въ эти общія и постоянныя причины болѣзней, которыя окружаютъ людей въ большихъ городахъ, устраненіемъ которыхъ врачи или ученые нерѣдко пренебрегаютъ. Изученіе воздуха, во всѣхъ домашнихъ и метеорологическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ на здоровье, представляетъ болѣе нежели богатую ученую жатву: тутъ есть многочисленныя приложенія, полезныя для человѣчества. Особенно подобныя изслѣдованія легки въ настоящее время, когда химія даетъ довольно-надежныя средства узнать то, что̀ есть посторонняго въ воздухѣ, которымъ мы дышимъ.

Изученіе воздуха въ его отношеніяхъ къ организованнымъ существамъ двухъ царствъ, къ явленіямъ растительности и къ явленіямъ жизни животной, нынѣче особенно должно занимать физика, химика и физіолога. Роль, которую играетъ воздухъ въ природѣ, безмѣрна, теорія расширительной жизни и знаніе послѣдовательныхъ превращеній, чрезъ которыя переходятъ элементы, назначенные для питанія существъ, равно метеорологія, наука самая полезная для человѣка и самая несовершенная, имѣютъ нужду въ точныхъ понятіяхъ о составѣ воздуха. Но, если даже не брать этого предмета во всемъ его объемѣ и общности, все-таки онъ представляетъ много интереса, имѣетъ приложенія еще болѣе близкія, если мы заключимъ его въ предѣлы, ближе касающіеся насъ, въ анализъ воздуха, которымъ мы дышемъ въ нашихъ жилищахъ и въ нашихъ собраніяхъ, и ограничимся изученіемъ воздуха, испорченнаго произведеніями нашей промышлености, или поглощаемаго животными, назначенными намъ на служеніе.

Доселѣ смотрѣли на изученіе этого предмета какъ на не заключавшее въ себѣ особенной важности; это обстоятельство, въ соединеніи съ несовершенствомъ ученыхъ способовъ, употреблявшихся прежде, дѣлало изъисканія о составѣ воздуха почти-недоступными. Конечно, уже обращали вниманіе на испорченность воздуха въ мѣстахъ, населяемыхъ большимъ числомъ людей или животныхъ, собранныхъ въ тѣсномъ пространствѣ; пытались подвергать анализу воздухъ театральныхъ залъ, гошпиталей и конюшень, но всегда доходили только до результатовъ отрицательныхъ и незначительныхъ. Достаточно напомнить, что прежніе химики ничего не нашли въ заразительномъ воздухѣ одного стока нечистотъ, остававшагося долгое время закрытымъ и недоступнымъ, и котораго очистка стоила жизни многимъ работникамъ.

Болѣе ли знаемъ мы въ настоящее время, и умѣемъ ли уловить эти летучія начала, которыя заражаютъ болѣзнію наши органы въ нѣкоторыхъ больницахъ, или въ мѣстахъ, гдѣ животныя вещества находятся въ состояніи разложенія? Должно сознаться, что обоняніе въ подобныхъ случаяхъ еще очень-часто бываетъ реактивомъ

болѣе чувствительнымъ, нежели всѣ реактивы химика, и міазмы большею частію ускользаютъ отъ поисковъ анализа. Не смотря на то, можно сказать, что наука сдѣлала шагъ впередъ, потому-что она можетъ уловить различія и показать замѣтныя перемѣны, въ свойствѣ ли то началъ испорченнаго воздуха, или въ ихъ пропорціяхъ. Одинъ ученикъ г-на Дюма, слѣдуя направленію, полученному имъ отъ этого химика, занялся изъисканіями о составѣ воздуха, взятаго въ различныхъ обстоятельствахъ жизни, и трудъ г. Леблана, представленный имъ Академіи, даетъ уже нѣкоторыя свѣдѣнія, полезныя для важнаго вопроса объ улучшеніи воздуха въ обитаемыхъ мѣстахъ.

«Хотя вообще извѣстно» говоритъ г. Лебланъ, «что люди, собранные въ одной залѣ, и животныя, помѣщенныя въ одномъ стойлѣ, портятъ воздухъ, который ихъ окружаетъ, но объ этомъ предметѣ составляли себѣ понятіе столь неточное въ отношеніи къ степени, до которой портится воздухъ въ подобныхъ условіяхъ, что нѣтъ конечно профессора химіи, который бы на своихъ лекціяхъ не дѣлалъ каждый годъ анализа воздуха помощію эдіометра, и не находилъ бы его состава нормальнымъ, хотя опыты были производимы надъ воздухомъ залы, наполненной слушателями».

Напротивъ, новые способы гг. Дюма и Бусенго, употребленные г. Лебланомъ, показываютъ, что воздухъ комнатъ, залъ собранія, больницъ, почти всегда различествуетъ въ своемъ составѣ отъ чистаго воздуха, взятаго среди открытаго поля; первый обыкновенно содержитъ въ себѣ болѣе угольной кислоты и менѣе кислорода.

Исчисливъ разныя причины, которыя могутъ портить воздухъ закрытаго помѣщенія, г. Лебланъ излагаетъ результаты своихъ собственныхъ изъисканій. Его анализы были дѣланы въ лабораторіи г. Дюма; въ большей части случаевъ, г. Лебланъ бралъ количество и кислорода, и азота, и угольной кислоты, помощію извѣстныхъ способовъ, недавно-введенныхъ гг. Дюма и Бусенго. Въ другихъ опытахъ, авторъ ограничивался опредѣленіемъ количества угольной кислоты, помощію способа, который, за нѣкоторыми исключеніями, похожъ на способъ вдыханія г. Брюннера.

Послѣ того, авторъ представляетъ нѣкоторыя общія соображенія и практическія заключенія, которыя вытекаютъ изъ его опытовъ.

Не отвергая, что разныя причины дѣлаютъ ограниченную стѣнами атмосферу нездоровою, авторъ утверждаетъ, какъ фактъ опыта, что пропорція угольной кислоты, которая находится въ мѣстахъ обитаемыхъ и закрытыхъ, и которая всегда чувствительна для анализа, возрастаетъ съ нездоровостью воздуха, и почти можетъ служить мѣрою ея. Чѣмъ количество угольной кислоты болѣе, тѣмъ возобновленіе воздуха необходимѣе. Когда отъ дыханія эта пропорція достигаетъ 1 на 100, то люди не могутъ болѣе оставаться въ такой атмосферѣ, не чувствуя въ скоромъ времени замѣтной тягости; провѣтриваніе становится необходимо, чтобъ дыханіе пришло въ свое нормальное состояніе.

Опыты провѣтриванія, сдѣланные независимо отъ всякой предварительной теоретической идеи, показываютъ, что количество воздуха, необходимое для человѣка въ часъ, есть отъ 6 до 10 кубическихъ метровъ, чтобъ его дыханіе было совершенно-свободно и правильно. Это результатъ многочисленныхъ изъисканій. И анализъ показываетъ, что при провѣтриваніи, доставляющемъ отъ 10 до 20 кубическихъ метровъ въ часъ на человѣка, воздухъ, вышедшій изъ комнаты, можетъ еще представлять пропорцію угольной кислоты, заключающуюся между 2 и 4 тысячными.

Чистота воздуха въ провѣтриваемой комнатѣ можетъ зависѣть не отъ одного его количества, доставляемаго въ опредѣленное время; то, какимъ образомъ входитъ и выходитъ воздухъ, имѣ-

етъ также вліяніе на его химическое состояніе. Лучшій способъ провѣтриванія — тотъ, въ которомъ выдыхаемый воздухъ уносится восходящимъ движеніемъ, препятствующимъ ему возвратиться въ слой атмосферы дыханія. Этимъ началомъ, кажется, руководствовались англійскіе архитекторы въ расположеніи средствъ провѣтриванія, введенныхъ ими въ залѣ парламента; тамъ отверстія для входа и выхода воздуха гораздо-болѣе-многочисленны, нежели въ другихъ мѣстахъ.

Такъ какъ вообще стараются брать свѣжій воздухъ, назначенный для провѣтриванія, при самой низкой температурѣ, то съ этой стороны полезно получать его изъ погребовъ, углубленныхъ въ землю. Но въ такомъ случаѣ надо предварительно увѣриться, не содержитъ ли въ себѣ воздухъ погреба угольной кислоты болѣе обыкновенной пропорціи, которая неизбѣжно находится въ самомъ чистомъ воздухѣ. Мѣстныя обстоятельства могутъ иногда заставить ожидать, и безъ помощи анализа, что воздухъ погреба содержитъ въ себѣ слишкомъ-много угольной кислоты.

Предоставляя другимъ исканіе усовершенствованій, могущихъ еще быть введеными въ способы провѣтриванія, г. Лебланъ ограничивается показаніемъ пользы, которую можно извлечь изъ опредѣленія количества угольной кислоты для узнанія, въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, химическаго состоянія воздуха; это будетъ родъ реактива, могущаго дать показанія полезныя для лучшаго соображенія способовъ провѣтриванія.

Числа, допущенныя г. Пеклè, почти согласны съ результатами, полученными г-мъ Дюма касательно дѣйствій человѣческаго дыханія на воздухъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, основываясь на данныхъ г. Дюма, находятъ, помощію вычисленія, что 3 кубическіе метра воздуха чрезъ дыханіе одного человѣка въ часъ пріобрѣтаютъ 4 тысячныхъ угольной кислоты, или что 6 кубическихъ метровъ воздуха пріобрѣтаютъ 2 тысячныхъ этого газа. Но пропорція угольной кислоты не всегда такова на практикѣ, по причинѣ неравнаго распредѣленія свѣжаго воздуха въ провѣтриваемыхъ комнатахъ. Такъ, въ одной залѣ собранія, пропорція угольной кислоты въ воздухѣ, выходящемъ чрезъ трубу, оказалась вдвое или втрое болѣе, нежели какъ показывало вычисленіе, предполагая воздухъ совершенно-чистымъ при его входѣ, и допуская, что онъ проходитъ только одинъ разъ чрезъ легкія человѣка. Провѣтриваніе доставляетъ въ этой залѣ 18 кубическихъ метровъ на человѣка въ часъ, и пропорція угольной кислоты оказалась 0,0025. И такъ, когда провѣтриваніе будетъ самое слабое, можно ожидать, что въ воздухѣ найдется до 5 тысячныхъ угольной кислоты. Заключимъ изъ этого, говоритъ г. Лебланъ, что 5 тысячныхъ угольной кислоты, образовавшейся въ залѣ отъ дѣйствія дыханія, есть количество, составляющее предѣлъ, котораго не должно переходить. Въ лѣтнее время, даже провѣтриваніе, доставляющее отъ 16 до 18 кубическихъ метровъ, можетъ быть недостаточно.

Чтобъ дыханіе не было стѣсняемо, нужно по-крайней-мѣрѣ 6 кубическихъ метровъ воздуха въ часъ на человѣка. Прикладывая эту мѣру къ расположенію, принятому во многихъ залахъ собранія, можно видѣть, что ихъ пространство гораздо-ниже необходимаго предѣла. Такъ, напримѣръ, въ одной залѣ, гдѣ собирается и свободно помѣщается около тысячи человѣкъ, черезъ часъ пребыванія публики находятъ, что воздухъ потерялъ $1/_{20}$ своего кислорода, который замѣнился угольною кислотою. Перемѣна этого рода, вмѣстѣ съ возвышеніемъ температуры и сыростію воздуха, изъясняетъ, отъ чего происходитъ тягость, которую чувствуетъ собраніе, когда состояніе погоды не позволяетъ держать окна открытыми; каждый человѣкъ въ такой залѣ, вмѣсто шести кубическихъ метровъ воздуха въ часъ, не имѣетъ и одного метра на свою долю.

Г. Лебланъ доказываетъ, что способъ провѣтриванія гг. Пеклé и Дювуара очень-хорошъ. Театръ Комической Оперы, гдѣ приложенъ этотъ способъ, имѣетъ всегда хорошій воздухъ. Итакъ, это образецъ, которому полезно слѣдовать въ публичныхъ зданіяхъ, назначаемыхъ для значительныхъ собраній.

Въ госпиталяхъ были залы, въ которыхъ больной едва имѣлъ на свою долю 2 кубическіе метра воздуха въ часъ. Но когда узнаны были результаты изъисканій г. Леблана, то совѣтъ госпиталей тотчасъ предписалъ мѣры улучшенія воздуха. То же было въ нѣкоторыхъ дѣтскихъ пріютахъ и первоначальныхъ школахъ, въ которыхъ нездоровая атмосфера теперь уступила мѣсто воздуху чистому и постоянно-возобновляемому, благодаря способу гг. Пеклé и Дювуара.

По замѣчанію г. Леблана, во всякомъ мѣстѣ, гдѣ двери и окна затворены, и гдѣ не дѣлается насильственнаго провѣтриванія чрезъ трубу, произведенія дыханія скопляются, и возобновленіе воздуха чрезъ естественныя скважины дверей и оконъ незначительно. Много, если дѣйствіе этихъ скважинъ ослабляетъ половинную испорченность воздуха. И такъ, когда затворенная комната не будетъ провѣтриваема, то должно, при построеніи, опредѣлить ея вмѣстимость на тѣхъ основаніяхъ, которыя даетъ опытъ для того, чтобъ дыханіе не было стѣсняемо. Напримѣръ, спальня, въ которой пятьдесятъ человѣкъ остаются въ-продолженіе 8 часовъ, должна имѣть 50 метровъ длины, 8 ширины и 6 вышины такъ, чтобъ на каждаго человѣка въ ночь приходилось по 50 кубическихъ метровъ воздуха. По истеченіи этого времени, провѣтриваніе необходимо.

И такъ, не должно надѣяться на естественное провѣтриваніе нашихъ комнатъ; напротивъ, должно употреблять провѣтриваніе искусственное. Это особенно надобно рекомендовать нынѣшнимъ архитекторамъ, которые и не подозрѣваютъ, что человѣкъ, проводя 8 часовъ въ своей спальнѣ, имѣетъ нужду въ 64 кубическихъ метрахъ воздуха, то-есть, что ему нужна комната въ 4 метра ширины, въ 4 метра длины и въ 4 вышины. Это очень-рѣдко наблюдается въ нынѣшнихъ домахъ; и потому должно употреблять средства, способствующія возобновленію воздуха.

Г. Лебланъ старался дать себѣ отчетъ въ причинахъ, почему зажженные уголья столь убійственны для дыханія, и увѣрился, что лишеніе чувствъ, въ слѣдствіе угара, нисколько не зависитъ отъ угольной кислоты, которая образуется во время горѣнія угля, или что, по-крайней-мѣрѣ, этотъ газъ принимаетъ лишь слабое участіе въ дѣйствіи угара. Когда, въ этихъ обстоятельствахъ, человѣкъ лишается чувствъ, свѣча еще горитъ, что, повидимому, доказываетъ годность воздуха для дыханія; но подвергая анализу этотъ воздухъ, сдѣлавшійся убійственнымъ, г. Лебланъ нашелъ, что онъ содержитъ въ себѣ угольную окись. И онъ доказываетъ посредствомъ опытовъ надъ животными, что $^1/_{100}$ угольной окиси, и даже менѣе, дѣлаетъ внезапно воздухъ смертоноснымъ.

Такимъ образомъ изъясняются столь извѣстныя дѣйствія горѣнія угля, и очевидно, что опасности этого рода должны быть принимаемы въ соображеніе при построеніи снарядовъ, служащихъ для нагрѣванія. Человѣкъ и животныя могутъ переносить, не погибая, довольно-значительныя количества угольной кислоты въ воздухѣ, которымъ они дышатъ; отъ этого они испытываютъ только тягость, которая на свѣжемъ воздухѣ скоро проходитъ, если пропорція угольной кислоты была не слишкомъ-велика; но малѣйшій слѣдъ угольной окиси достаточенъ, по увѣренію г. Леблана, для того, чтобъ произвесть самые тяжкіе припадки, которые немедленно дѣлаюся смертельными. И такъ, отяжелѣніе головы и лишеніе чувствъ отъ угара есть настоящее отравленіе угольною окисью—фактъ, котораго доселѣ никто не подозрѣвалъ.

Въ-отношеніи къ содержанію домашнихъ животныхъ, г. Лебланъ также постановилъ числа, опредѣляющія крайніе предѣлы количества воздуха, необходимаго для этихъ животныхъ. Нужно неменѣе 20 кубическихъ метровъ воздуха для лошади въ часъ, чтобъ она находилась въ тѣхъ же гигіеническихъ условіяхъ, какъ человѣкъ въ комнатѣ хорошо-провѣтриваемой. Это число, столь отдаленное отъ того расположенія конюшенъ, которое обыкновенно употребляется, стóитъ того, чтобъ возбудить серьёзное вниманіе лицъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи, или подъ своимъ вѣдѣніемъ, значительное число лошадей. Эти лица знаютъ, кáкъ часто лошади погибаютъ отъ дурнаго ихъ помѣщенія, и какимъ опасностямъ подвержены сами люди отъ появленія и распространенія лошадиной болѣзни, извѣстной подъ именемъ сапа.

Если, наконецъ, обратить вниманіе на расположеніе мастерскихъ, въ которыхъ помѣщается большое число рабочихъ, то невольно поражаешься вредными слѣдствіями излишняго желанія уэкономить дрова. Мастерскія, обыкновенно дурно-провѣтриваемыя, изъ опасенія, чтобъ тепло не выходило скоро изъ комнаты, становятся такимъ образомъ гнѣздомъ болѣзней и медленнаго разслабленія, гдѣ человѣческая природа мало-по-малу унижается въ физическомъ отношеніи, подобно какъ она нерѣдко портится тамъ въ нравственномъ.

Такъ химія, вступившая въ новую эру, стремится сдѣлаться наукою непосредственно-полезною для важнѣйшихъ общественныхъ потребностей. Мемуаръ г. Леблана свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ науки въ этомъ направленіи.

— Гг. Фланденъ и Данжè, продолжая свои изъисканія о поглощеніи ядовитыхъ веществъ и о средствахъ открывать ихъ слѣды въ случаяхъ отравленія, представили новый мемуаръ, имѣющій предметомъ сурьму. Авторы отдаютъ справедливость трудамъ г. Орфилы, который первый открылъ путь къ этимъ изъисканіямъ, показывая, какимъ образомъ можно находить ядъ даже въ ткани органовъ. Подобно ему, они доказываютъ, что ядовитыя вещества могутъ быть поглощаемы органами; но авторы идутъ еще далѣе, постановляя условія этого поглощенія, которыя они обозначаютъ общимъ выраженіемъ localisation des poisons. Они утверждаютъ, что по закону организма, органы поглощаютъ не всякій родъ яда безразлично, а только извѣстные ихъ роды; одинъ ядъ обращается, напримѣръ, преимущественно на печень; другой имѣетъ болѣе сродства съ другою тканію, или съ другою частію тѣла. Такъ, сурьма поражаетъ особенно печень, и тамъ-то должно искать ее, не обращая вниманія на то, чрезъ желудокъ ли была она принята, или чрезъ обнаженную кожу, или въ парахъ чрезъ дыханіе, или иначе; напротивъ, въ томъ мѣстѣ, куда сурьма была принята прямо, чрезъ нѣсколько времени нѣтъ никакихъ слѣдовъ ея. Въ случаяхъ отравленія сурьмою, ея не находятъ ни въ легкихъ, ни въ мускулахъ, ни въ костяхъ.

Если дальнѣйшія изъисканія подтвердятъ эти факты, то откроется новый путь для физіологическихъ опытовъ и въ особенности для изслѣдованій судебной медицины, въ случаяхъ отравленія, потому-что изъисканіе должно быть тогда обращено существенно на такой или другой органъ, смотря по роду яда.

Авторы также доказали, что сурьма легко исчезаетъ въ уринѣ, чтó противно свойствамъ мышьяка. Вообще, гг. Фланденъ и Данжè, въ изъисканіяхъ своихъ надъ сурьмою имѣли въ виду изучить затрудненія, которыя раждаются отъ примѣси этого вещества къ мышьяку, и отдѣлить ихъ, въ анализахъ, одно отъ другаго. Двѣ причины заставили ихъ изучать сурьму послѣ мышьяка, о которомъ они уже представили Академіи мемуаръ въ прошломъ году: 1) употребленіе сурьмянаго рвотнаго, столь обыкновенное въ

случаяхъ отравленія, въ особенности мышьякомъ; 2) многочисленныя точки сходства, которыя сурьма и мышьякъ представляютъ въ отношеніи химическомъ и токсикологическомъ.

Оказалось, что можно открыть самыя слабыя количества сурьмы въ анализахъ судебной медицины, подобно тому, какъ это было уже доказано въ-отношеніи мышьяка.

Гг. Фланденъ и Данже́ описываютъ, наконецъ, способы, которые служили имъ для показанія присутствія сурьмы въ жидкостяхъ, употребленныхъ для этой цѣли.

— Г. Браве́ сообщилъ результаты своихъ наблюденій надъ явленіями сумерекъ. Онъ выходилъ на вершину Фольгорна, возвышающагося на 2683 метра надъ уровнемъ моря, чтобъ изучить эти явленія.

Атмосфера начинаетъ принимать розовый цвѣтъ до видимаго астрономическаго захожденія солнца, когда центръ послѣдняго находится почти на 1° высоты надъ горизонтомъ. Дуга, которая ограничиваетъ это пространство краснаго цвѣта, появляется на горизонтѣ въ минуту видимаго захожденія, потомъ переходитъ на зенитъ, спустя 25 или 30 минутъ въ нашихъ климатахъ, и употребляетъ столько же времени, чтобъ достигнуть западнаго горизонта.

Розовый цвѣтъ случайно можетъ оставаться видимъ долѣе часа захожденія этой дуги: тогда онъ не что иное, какъ отраженіе перваго явленія.

Способность отражать къ наблюдателю красные лучи, которые оцвѣчаютъ атмосферу при захожденіи солнца, принадлежитъ только низшимъ слоямъ атмосферы до вертикальной высоты десяти тысячъ метровъ. Этотъ предѣлъ становится ниже къ полярнымъ кругамъ, и вѣроятно выше къ экватору; онъ измѣряетъ высоту противосумеречнаго сегмента. Уголъ этого сегмента притупленъ дѣйствіемъ сильнаго поглощенія, которое солнечные лучи испытываютъ въ самыхъ низшихъ слояхъ атмосферы. Это отраженіе красныхъ лучей происходитъ отъ водяныхъ паровъ, которые находятся въ смѣшеніи съ воздухомъ, вѣроятно, подъ видомъ водяныхъ шариковъ или льдяныхъ иглъ, носящихся безъ порядка и несобравшихся въ облака.

Что касается до обыкновенныхъ астрономическихъ сумерекъ, то г. Бравѐ находитъ, что кривая линія, которая ограничиваетъ часть атмосферы, прямо освѣщенную солнцемъ, и отдѣляетъ ее отъ первыхъ сумерекъ, замѣтнѣе на горахъ, нежели на равнинахъ. Въ свѣтлую ночь можно даже слѣдить, съ высокой горы, за фазами обращенія второй кривой линіи, то-есть той, которая отдѣляетъ первые сумерки отъ вторыхъ. Высоты атмосферы, по наблюденію этихъ двухъ явленій, почти равны между собою.

— Г. Гальда́ представилъ мемуаръ, имѣющій предметомъ опытныя изслѣдованія чувства зрѣнія.

Глазъ доставляетъ намъ ясное изображеніе предметовъ, составляемое параллельными лучами сходящимися и расходящимися; никакой оптическій инструментъ не имѣетъ этой способности, если не дѣлать надлежащей перемѣны въ расположеніи и устройствѣ его частей. Думая объ этомъ, невольно спрашиваешь себя: какая причина столь чуднаго свойства глаза? Весьма-многіе физики, занимавшіеся этимъ вопросомъ, смотрѣли на глазъ, какъ на оптическій инструментъ, и думали, что онъ долженъ испытывать въ расположеніи своихъ частей измѣненія, подобныя тѣмъ, которыя человѣкъ вводитъ въ оптическіе инструменты, чтобъ получить ясное изображеніе предмета. Но когда дѣло доходило до опредѣленія мѣста, гдѣ совершаются эти измѣненія, то физики тотчасъ разнились въ своихъ мнѣніяхъ: одни полагали эти измѣненія въ роговой плевѣ, другіе приписывали ихъ перемѣщенію хрусталика.

Г. Гальда́ разсматриваетъ сперва гипотезу измѣненій въ формѣ роговой плевы, и доказываетъ неточность это-

го мнѣнія слабостію мускуловъ, которымъ приписываютъ произведеніе измѣненій. Влага, заключающаяся въ глазномъ шарѣ, почти нисколько неспособна сжиматься, и перепонки, вмѣщающія ее, очень-жостки. Мускулы глаза расположены весьма-неблагопріятно для движеній роговой плевы, и вовсе не имѣютъ точки опоры, необходимой для давленія. Самая сила мускуловъ такъ слаба, что не можетъ производить измѣненія въ формѣ роговой плевы; она такъ слаба, что роговая плева тотчасъ принимаетъ молочный цвѣтъ, когда давленіе на нее равно одному килограмму съ половиной; это, впрочемъ, есть лишь часть давленія, необходимаго для произведенія малѣйшей перемѣны въ выпуклости перепонки. Этому мнѣнію можно еще противопоставить прямое наблюденіе помощію микроскопа, котораго увеличительная сила есть 25 въ діаметрѣ, и котораго ось, будучи расположена въ направленіи касательной къ выпуклости роговой плевы, непремѣнно обличила бы перемѣны въ формѣ глазной плевы, еслибъ онѣ существовали при послѣдовательномъ видѣніи предметовъ близкихъ и отдаленныхъ; потому-что, если допускать измѣненія въ выпуклости роговой плевы отъ 1 до 2 миллиметровъ, какъ думаютъ нѣкоторые физики, эти измѣненія въ микроскопѣ должны бъ были показаться отъ 25 до 50 миллиметровъ.

Еще прямѣе ипотеза измѣненій роговой плевы опровергается опытомъ, состоящимъ въ томъ, чтобъ принять въ зрительную трубку изображеніе предметовъ, отраженное поверхностію этой перепонки. Такъ какъ величина этихъ изображеній зависитъ отъ степени выпуклости, отражающей поверхности, то очевидно, что постоянство въ размѣрѣ изображенія доказываетъ постоянство въ степени выпуклости роговой ткани, то-есть неизмѣняемость ея формы.

И такъ, причину яснаго видѣнія предметовъ должно искать въ хрусталикѣ, который соединяетъ въ себѣ всѣ свойства чечевицеобразныхъ стеколъ, производимыхъ искусствомъ, и кромѣ того имѣетъ одно свойство, которое отличаетъ его отъ всѣхъ оптическихъ инструментовъ. Г. Гальда́, послѣ многочисленныхъ опытовъ, увѣрился, что хрусталикъ собираетъ параллельные лучи, сходящіеся или расходящіеся, въ одинъ фокусъ, но это въ извѣстныхъ предѣлахъ для направленія лучей. Результаты, полученные авторомъ въ присутствіи свѣдущихъ постороннихъ лицъ, полагаютъ конецъ сомнѣнію касательно того, что хрусталикъ есть главная причина яснаго видѣнія.

— Г. Россиньйонъ прислалъ мемуаръ о развитіи клѣтчатки (клѣтчатой ткани) въ растеніяхъ. Крахмалъ, говоритъ онъ, можетъ въ растеніяхъ превратиться въ клѣтчатку, не проходя черезъ состояніе сахарнаго вещества; особенно это превращеніе ускоряется дѣйствіемъ свѣта; тогда изъ крахмальнаго вещества выходитъ современемъ твердая ткань листьевъ. Все это происходитъ во время прозябенія. Клѣтчатая ткань, происходящая отъ превращенія крахмала въ клѣтчатку, растетъ отъ центра къ окружности. Клѣтчатка, въ свою очередь, можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, перейдти въ состояніе крахмала.

Подземные стволы, которые иногда ошибочно почитаются корнями, содержатъ въ себѣ мозгъ. Этотъ мозгъ заключаетъ въ себѣ значительное количество крахмала, доколѣ подземный стволъ не произвелъ наружнаго ствола. Въ отпрыскахъ подземныхъ стволовъ, крахмалъ превращается въ клѣтчатку, которая составляетъ клѣтчатую ткань стволовъ во второмъ періодѣ произрастанія, то-есть, когда подземный стволъ дѣйствуетъ только какъ корень. Сахарное вещество, находящееся въ корнѣ лакрицы, не есть произведеніе превращенія крахмала; оно нисколько не содѣйствуетъ питанію растенія, и лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что старые стволы

заключаютъ въ себѣ столько же сахарнаго вещества, сколько новые.

Когда подземный стволъ далъ цвѣты, листья и проч., то онъ дѣйствуетъ только какъ корень, и не содержитъ въ себѣ болѣе мозга. Двулѣтніе корни содержатъ въ себѣ крахмалъ въ первый годъ; но во второмъ періодѣ ихъ существованія крахмалъ переходитъ въ стволъ, въ состояніи клѣтчатки. Въ наибольшей части случаевъ, мозгъ ствола растеній содержитъ крахмалъ, который служитъ для питанія отпрысковъ, переходя въ состояніе клѣтчатой ткани. Мозгъ существуетъ въ большомъ количествѣ только въ молодыхъ отросткахъ; мозговой каналъ исчезаетъ въ толстыхъ вѣтвяхъ и въ толстомъ стволѣ.

Мозгъ имѣетъ въ высочайшей степени растительную способность. Отъ этого-то нѣкоторыя растенія, какъ, напримѣръ, виноградная лоза, ива и пр., могутъ воспроизводиться такъ легко, когда отрѣзаютъ вѣтвь отъ растенія, и садятъ ее отдѣльно.

Еслибъ, вмѣсто крахмала, мозгъ содержалъ въ себѣ декстрину, сахаръ, амигдалину, и пр., то его физіологическая роль отъ этого не перемѣнилась бы. Мозгъ есть пища отпрысковъ, положенная растеніемъ въ запасъ, чтобъ на слѣдующій годъ снова украситься листьями, цвѣтами и плодами.

— Г. Бодуэнъ сообщилъ извѣстіе объ одномъ акустическомъ явленіи, которое онъ имѣлъ случай наблюдать въ одной прачечной въ Исси, близь Парижа. Пробовали машину, устроенную для выжатія воды изъ бѣлья, послѣ мытья. Этотъ снарядъ состоитъ изъ мѣднаго пустаго цилиндра, въ которомъ вертится весьма-быстро другой цилиндръ, концентрическій съ первымъ и также пустой; внѣшняя стѣнка послѣдняго просверлена большимъ числомъ диръ, черезъ которыя центробѣжная сила выбрасываетъ воду, напитывающую бѣлье. Движеніе, сообщаемое этому снаряду, такъ быстро, что оно можетъ простираться до двадцати оборотовъ въ секунду. Когда отняли покрышку, которою снарядъ бываетъ обыкновенно снабжонъ, кто-то вздумалъ вертѣть его пустой, и тогда тотчасъ услышали звуки, которые становились выше и выше, по мѣрѣ того, какъ движеніе шло быстрѣе. Доселѣ нѣтъ еще ничего необыкновеннаго; но присутствовавшіе были крайне изумлены, когда машина, будучи предоставлена самой-себѣ, стала производить звуки, которые, вмѣсто того, чтобъ понижаться нечувствительно и постепенно вмѣстѣ съ скоростію движенія, образовали интервалы гаммы. Такъ, давши *si*, машина продолжала нѣкоторое время давать эту же ноту, не смотря на уменьшеніе скорости своего движенія, только съ ослабѣвающимъ напряженіемъ звука; потомъ вдругъ звукъ переходилъ въ *la*, и, что̀ еще страннѣе, въ ту самую минуту, когда звукъ такимъ образомъ понижался цѣлою степенью, его напряженіе усиливалось, но потомъ ослабѣвало, оставаясь всегда на *la*, доколѣ звукъ не перешелъ вдругъ въ *sol*, потомъ въ *fa*, и проч. Важность этого явленія состоитъ въ томъ, что звуки, произведенные такимъ образомъ, сохраняютъ постоянно діатоническую прогрессію. Впрочемъ, этотъ фактъ еще долженъ быть подтвержденъ коммиссіею Академіи.

— Г. Араго читалъ свою статью о солнечныхъ затмѣніяхъ вообще и въ особенности о солнечномъ затмѣніи 26 іюня 1842 года. Передъ отправленіемъ своимъ на югъ Франціи, для наблюденія этого послѣдняго явленія, онъ счелъ полезнымъ указать астрономамъ на пункты, которые преимущественно должны обратить ихъ вниманіе. Г. Араго предлагаетъ наблюдать особенно физическую сторону явленія.

Таблицы солнца и луны показываютъ, что среднимъ числомъ можно видѣть на всей землѣ 70 затмѣній въ 18 лѣтъ: 29 лунныхъ и 41 солнечное. Никогда въ годъ не бываетъ болѣе 7 затмѣній, и никогда не бываетъ ихъ менѣе 2. Когда число затмѣній въ годъ уменьшается до 2, то они оба солнечныя. Во всякій періодъ 18 лѣтъ быва-

етъ, среднимъ числомъ, 28 центральныхъ солнечныхъ затмѣній, то-есть такихъ, которыя могутъ сдѣлаться по обстоятельствамъ кольцеобразными или полными, но такъ какъ полоса земли, вдоль которой затмѣніе можетъ быть видимо въ томъ или другомъ видѣ, очень-узка, то въ данномъ мѣстѣ полныя или кольцеобразныя затмѣнія суть явленія весьма рѣдкія. Галилей нашелъ въ 1715 году, что съ 20 марта 1140, то-есть въ-продолженіе 575 лѣтъ, въ Лондонѣ не было ни одного полнаго солнечнаго затмѣнія. Послѣ затмѣнія 1715 года, въ Лондонѣ не видали никакого другаго. Въ Монпелье, гдѣ обстоятельства благопріятнѣе для наблюденія явленій этого рода, полное солнечное затмѣніе было 1 января 1386, 7 іюня 1415, и 12 мая 1706. Въ Парижѣ, въ-продолженіе XVIII вѣка, видѣли только одно полное затмѣніе, именно въ 1724 году. Въ XIX вѣкѣ, еще не было подобнаго явленія въ этомъ городѣ, и не будетъ. Будетъ только кольцеобразное затмѣніе въ Парижѣ 9 октября 1847.

Солнечныя затмѣнія случаются только въ дни новолунія. Только въ эти дни луна можетъ стать между землею и солнцемъ, и скрыть отъ насъ болѣе или менѣе значительную часть этого огромнаго и свѣтоноснаго шара. Когда, въ минуту наибольшей силы затмѣнія, луна закрываетъ лишь извѣстную часть солнечнаго круга, то говорятъ, что затмѣніе есть частное; но когда, въ подобную минуту, она скрываетъ отъ насъ все протяженіе солнца, то затмѣніе называется полнымъ. Наконецъ, когда, въ-продолженіе затмѣнія, случается, что луна отбрасывается вся на солнце, не покрывая его вполнѣ, или закрываетъ отъ насъ центральную часть солнца, оставляя открытыми его края, такъ-что луна представляется чернымъ кругомъ, который обведенъ свѣтлымъ кольцомъ, то затмѣніе называется кольцеобразнымъ. Такъ-какъ луна и солнце находятся не на равномъ разстояніи отъ земли, то наблюдатели, находящіеся на различныхъ пунктахъ, отбрасываютъ, дѣйствіемъ своего зрѣнія, эти два небесныя тѣла не на одни и тѣ же пункты неба. Вотъ отъ-чего одно и то же затмѣніе бываетъ полное въ однихъ мѣстахъ, и лишь частное въ другихъ.

Свидѣтельства о полныхъ затмѣніяхъ, бывшихъ до христіанской эры и послѣ нея, не убѣдили знаменитаго датскаго астронома Тихо-Браге. Основываясь на нѣкоторыхъ измѣреніяхъ угловаго діаметра, сдѣланныхъ помощію простаго зрѣнія, и по-видимому показывавшихъ ему, что діаметръ луны никогда не можетъ казаться съ земли столь великимъ, какъ діаметръ солнца, Тихо-Браге возъимѣлъ даже сомнѣнія касательно дѣйствительности явленія, которое имѣло тогда свидѣтелями тысячи людей. Онъ не допускалъ разсказа Клавіуса о полномъ затмѣніи, которое было наблюдаемо въ Коимбрѣ въ 1560, ни даже разсказа о затмѣніи, случившемся въ Торгау въ 1598 году. Небольшое число лѣтъ было достаточно для того, чтобъ доказать, до какой степени ложныя измѣренія ввели въ заблужденіе Тихо-Браге. Въ 1605 случилось большое солнечное затмѣніе, которое въ Неаполѣ было полное въ-продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Съ-тѣхъ-поръ, наблюдаемы были полныя солнечныя затмѣнія въ 1706, въ 1715, въ 1724 въ 1778 и въ 1806. И такъ, астрономы не подвержены опасности обмануться. Затмѣніе 26 іюня 1842 дѣйствительно должно быть полное во всѣхъ мѣстахъ, для которыхъ это значится по вычисленію. Если въ XVII-мъ вѣкѣ нѣкоторыя эфемериды предсказывали для Рима, 12 іюля 1684, полное затмѣніе, въ-продолженіе котораго, однакожь, только три четверти солнца были закрыты, то это была ошибка таблицъ и также лицъ, вычислявшихъ явленіе. Въ настоящее время, нельзя опасаться подобныхъ ошибокъ; предсказанія начала и конца этого явленія теперь точны даже до

нѣсколькихъ секундъ, между-тѣмъ, какъ въ 1706 таблицы луны заключали ошибки, простиравшіяся до 4 и до 5 минутъ.

Г. Араго́ дѣлаетъ нѣкоторыя соображенія касательно свѣтлаго круга, которымъ луна всегда бываетъ обведена во время полнаго солнечнаго затмѣнія. Этотъ кругъ умѣряетъ темноту, которая наступаетъ послѣ совершеннаго исчезновенія солнца, какъ это замѣтилъ еще Плутархъ во время полнаго затмѣнія, бывшаго въ 98 году христіанской эры. Нѣкоторыя странности являются въ ту минуту, когда края луны находятся на малыхъ разстояніяхъ отъ краевъ солнца и внутри пространства, соотвѣтствующаго солнечному кругу; западный край луны тогда кажется иззубреннымъ подобно пилѣ; зубцы скоро растутъ въ величинѣ и отдѣляются одинъ отъ другаго, но ихъ число уменьшается; потомъ всѣ они исчезаютъ вдругъ. Подумаешь, что между краями двухъ небесныхъ тѣлъ существуетъ клейкое черноватое вещество, пристающее къ извѣстнымъ пунктамъ солнца, и которое движеніе луны вытягиваетъ до мгновеннаго разрыва. Въ-продолженіе движенія восточнаго края луны къ западному краю солнца, явленія происходятъ въ обратномъ порядкѣ.

Иногда, въ-продолженіе солнечнаго затмѣнія, былъ замѣчаемъ слабый свѣтъ на поверхности луны. Лювиль разсказываетъ, что во время полной темноты, въ 1715, онъ видѣлъ въ Лондонѣ, на лунѣ, вспышки свѣта, подобныя тѣмъ, которыя происходятъ отъ воспламененія пороха, посыпаннаго слѣдомъ. Эти вспышки были мгновенныя и змѣящіяся какъ молнія; онѣ показывались то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, но особенно къ восточному краю. Въ 1806, Ферреръ видѣлъ, помощію телескопа, столбъ дыма, который выходилъ изъ западной части луны.

Темнота въ-продолженіе полныхъ солнечныхъ затмѣній не такъ велика, какъ можно было бы думать, еслибъ мы захотѣли вѣрить повѣствованіямъ, которыя очевидно носятъ печать преувеличенія, всегда производимаго страхомъ. Напримѣръ, историки затмѣнія 1560 конечно далеко перешли границы истины говоря, будто послѣ исчезновенія солнца стало такъ темно, что нельзя было ходить, и будто мракъ былъ такъ же глубокъ, какъ ночью. Лучшее средство дать понятіе о темнотѣ, бывшей въ-продолженіе древнихъ полныхъ солнечныхъ затмѣній, состоитъ въ томъ, чтобъ привесть число и величину звѣздъ, которыя были видимы простому глазу. По этому признаку, затмѣніе Агаѳокла, бывшее за 310 лѣтъ до Рождества Христова, было темноты исключительной, потому-что звѣзды видѣлись тогда во всѣхъ сторонахъ. Въ-продолженіе затмѣнія 1706, Плантадъ и Клапіесъ видѣли простымъ глазомъ Венеру, Меркурія, Сатурна, и другія звѣзды, которыя не поименованы. Въ 1715, Галлей замѣтилъ до 22 звѣздъ. Лювиль говоритъ, что въ-продолженіе затмѣнія 1715 можно было различать черты писанія, хотя не такъ ясно, чтобъ читать. Впрочемъ, въ 1806, Ферреръ замѣтилъ, что послѣ совершеннаго исчезновенія солнца, въ воздухѣ и на землѣ было свѣтлѣе, нежели во время полнолунія. Когда затмѣніе достигаетъ извѣстной степени, земные предметы кажутся окрашенными особеннымъ образомъ. Въ Монпелье́, въ 1706, они казались сперва оранжеваго цвѣта, потомъ краснаго, подходящаго къ винному. Въ 1715, Галлей также замѣтилъ, что въ ту минуту, когда луна закрыла десять двѣнадцатыхъ солнечнаго діаметра, видъ и цвѣтъ неба начали измѣняться: синій лазоревый цвѣтъ сдѣлался багровымъ.

Много говорили и писали о дѣйствіяхъ, которыя внезапный переходъ отъ дня къ ночи производитъ на животныхъ. Риччіоли разсказываетъ, что во время полнаго затмѣнія, бывшаго въ 1415, видѣли въ Богеміи птицъ, падавшихъ мертвыми отъ страха. Въ

1560 сдѣлали то же замѣчаніе. Въ 1706, въ Монпелье́, летучія мыши порхали какъ при наступленіи ночи; куры и голуби поспѣшно укрывались; птицы, пѣвшія въ клѣткахъ, замолкали и скрывали свою голову подъ крыло. Лювиль разсказываетъ подобное о затмѣніи 1715 года. «Лошади» говоритъ онъ: «которыя въ то время «были на работѣ или шли на боль«шихъ дорогахъ, легли и не хотѣли «идти далѣе.»

Послѣ подробнаго описанія солнечнаго затмѣнія, г. Араго́ выставляетъ на видъ пункты, на которые наблюдатели должны обращать особенное вниманіе, чтобъ для науки вышла изъ ихъ трудовъ наибольшая возможная польза. Свѣтлый кругъ долженъ быть болѣе всего предметомъ внимательнаго наблюденія. Центръ этого круга на лунѣ или на солнцѣ? Въ этомъ отношеніи, отзывы наблюдателей несогласны между собою. Галлей и Лювиль нашли, что центръ круга совпадалъ съ центромъ луны; напротивъ, Маральди и Ферреръ утверждаютъ, что центръ круга есть всегда центръ солнца. Если первое изъ этихъ мнѣній справедливо, то свѣтлый кругъ, который обнимаетъ темное тѣло луны, не будетъ уже солнечная атмосфера, и должно будетъ искать доказательствъ существованія этой атмосферы въ другихъ явленіяхъ. И такъ, въ началѣ и въ концѣ полной темноты, наблюдатель долженъ измѣрять широту свѣтлаго круга на востокъ и на западъ, и также въ другихъ направленіяхъ. Эти измѣренія могутъ быть произведены помощію инструментовъ съ отраженіемъ, или подзорныхъ трубъ умѣренной увеличительной силы, имѣющихъ въ фокусѣ извѣстное число неподвижныхъ нитей, расположенныхъ на разстояніи минуты между собою. Каждое изъ этихъ средствъ наблюденія имѣетъ свои выгоды, смотря по блеску круга и чистотѣ его внѣшняго очертанія.

Правда ли, какъ говоритъ Уллоа, что кругъ показывается только спустя пять или шесть секундъ послѣ начала полнаго затмѣнія, и что онъ исчезаетъ за четыре или за пять секундъ до окончанія темноты? Правда ли, какъ замѣтилъ Галлей въ 1715, что на открытомъ воздухѣ свѣтлый кругъ не дѣлаетъ тѣни? Этотъ кругъ представляетъ прорѣзы, или нѣтъ? Любопытно изслѣдовать, долинамъ или горамъ луны соотвѣтствуютъ исходные пункты расходящихся лучей круга? Полезно также наблюдать образъ появленія зубцовъ, представляемыхъ луною во время прикосновенія ея круга къ кругу солнца со внутренней стороны. Въ настоящее время, не знаютъ еще ничего точнаго касательно числа секундъ, которое отдѣляетъ появленіе зубцовъ отъ исчезновенія черныхъ параллельныхъ чертъ. Подобная численная повѣрка могла бы вести въ-послѣдствіи къ открытію физической причины этого страннаго явленія.

Сѣверо-западная часть луны должна быть наблюдаема съ особеннымъ стараніемъ. Уллоа думалъ, что луна въ этой части имѣетъ диру насквозь; онъ воображалъ, что свѣтлый пунктъ, замѣченный въ 1778 году, былъ не что иное, какъ весьма-малая часть солнца, видѣнная сквозь узкое отверстіе луны. Лаландъ вычислилъ, что для удовлетворенія всѣмъ обстоятельствамъ наблюденія испанскаго адмирала, отверстіе должно находиться на разстояніи 15 льё отъ касательной къ краю луны, проходящей чрезъ землю: результатъ, изъ котораго Лаландъ потомъ заключилъ, что отверстіе луны должно имѣть 109 льё длины. Итакъ, только стеченіе обстоятельствъ чрезвычайно-рѣдкихъ, только совершенно-особенное движеніе кругообращенія луны можетъ сдѣлать, чтобъ столь длинная дира была въ извѣстный день направлена прямо къ данному мѣсту. Но слабая вѣроятность подобнаго случая не должна препятствовать внимательному наблюденію сѣверо-западнаго края спутника земли.

Въ каждомъ мѣстѣ должно опредѣлить число и величину звѣздъ, которыя становятся видимы для глаза въ-

продолженіе затмѣнія, и стараться усмотрѣть пятна луны помощію ночной подзорной трубы.

Легкій посторонній цвѣтъ, который атмосфера и земные предметы принимаютъ въ то время, когда большая часть солнца закрыта, кажется, заставляетъ думать, что тогда вмѣстѣ съ извѣстнымъ количествомъ бѣлаго свѣта приходятъ намъ отъ солнца нѣкоторые элементарные лучи, красные, оранжевые, жолтые, отдѣльно отъ другихъ лучей. Это разложеніе бѣлаго свѣта можетъ произойдти отъ его раздробленія о край луны, и въ этомъ случаѣ окружность послѣдней должна казаться радужною. Всегда ли существуетъ эта радуга? Не начинаетъ ли она быть чувствительною и наводить примѣтный цвѣтъ на земные предметы только въ ту минуту, когда ея ширина достигла извѣстнаго отношенія къ ширинѣ сегмента, оставшагося видимымъ и бѣлымъ? Это вопросъ, который остается рѣшить. И для этого должно избѣгать употребленія цвѣтныхъ стеколъ при наблюденіи солнечныхъ затмѣній. Необходимо, чтобъ астрономы прибѣгли къ такимъ сочетаніямъ стеколъ, которыя оставляли бы свѣту всю его естественную бѣлизну. Если, будучи занятъ другими сторонами предмета, астрономъ оставитъ любителямъ наблюденіе цвѣта, который атмосфера и земные предметы принимаютъ во время солнечнаго затмѣнія, то онъ долженъ предостеречь ихъ противъ дѣйствія контрастовъ. Присутствіе какого-нибудь искусственнаго свѣта можетъ сообщить предметамъ, освѣщеннымъ прямо луннымъ кругомъ и второстепенно атмосферою, цвѣта, неимѣющіе дѣйствительности. Подобныя внушенія не могутъ быть лишними теперь, когда такъ часто забываютъ, что предметъ бѣлый можетъ казаться оцвѣченнымъ по противоположности, напримѣръ зеленымъ, если вблизи находится сильный красный свѣтъ. Г. Араго уже защищалъ это мнѣніе противъ г. Пулье въ то время, когда разсуждали о ночныхъ телеграфахъ.

Въ-продолженіе затмѣнія, луна отбрасывается чернымъ цвѣтомъ на солнце и въ истинной своей формѣ; слѣдовательно, часть солнца, остающаяся видимою, всегда ограничена двумя отсѣками окружности круга. Въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ встрѣчаются эти двѣ дуги, изъ которыхъ одна темная, а другая свѣтлая, онѣ составляютъ углы, которые называютъ *рогами*.

Помощію наблюденія должно надѣяться дойдти до какихъ-нибудь понятій касательно атмосферы луны, если эта атмосфера существуетъ. Газы и пары всегда останавливаютъ часть свѣта, который чрезъ нихъ проходитъ. Если спутникъ земли дѣйствительно имѣетъ атмосферу, то большое черное пятно, которое онъ образуетъ, отбрасываясь на солнце, должно быть окружено параллельно нѣкоторымъ родомъ полутѣни. На всемъ протяженіи этой полутѣни, свѣтъ солнца будетъ нѣсколько ослабленъ. Астрономы, для наблюденія этого ослабленія, не довольно пользуются присутствіемъ продолговатыхъ свѣтлыхъ пятенъ, которыми покрыта поверхность солнца. Нельзя ли думать, что край луны движется вдоль одного изъ нихъ? Легко будетъ рѣшить, то ли напряженіе свѣта въ части солнца, ближайшей къ черному кругу луны, какъ въ остальныхъ частяхъ. Малѣйшее искривленіе лучей солнца, происходящее отъ преломленія ихъ въ предполагаемой атмосферѣ луны, будетъ такимъ образомъ также замѣчено.

Сенека говоритъ, что Посидоній, во время одного полнаго солнечнаго затмѣнія, видѣлъ комету. Это наблюденіе относятъ къ 462 году до нашей эры. Въ этотъ годъ дѣйствительно было въ Аѳинахъ полное затмѣніе. Въ 418 году по Р. Х., въ царствованіе Ѳеодосія, также, говорятъ историки, замѣчена была комета въ-продолженіе полнаго солнечнаго затмѣнія.

— Въ засѣданіи 20 іюня, г. Дюма представилъ отчетъ о трудѣ г. Бушар-

ла, имѣющемъ предметомъ фибрину. По прежнимъ изслѣдованіямъ элементарнаго состава азотныхъ веществъ организаціи извѣстно, что бѣлковина кровяной влаги, бѣлковина яйца и растительная бѣлковина имѣютъ всегда одинъ и тотъ же составъ; что казеумъ представляетъ тотъ же составъ, какъ бѣлковина, взять ли его въ молокѣ, или въ растеніяхъ; что фибрина, взятая какъ въ крови, такъ и въ растеніяхъ, всегда заключаетъ въ себѣ болѣе азота и менѣе углерода, нежели бѣлковина или казеумъ; что, наконецъ, въ миндалѣ, въ горохѣ, въ бобахъ и пр. существуетъ вещество, подобное казеуму по своимъ свойствамъ, но заключающее въ себѣ еще болѣе азота и менѣе углерода, нежели фибрина.

Когда фибрина очищена отъ всякаго вещества, растворимаго въ кипячей водѣ, то она выходитъ по своему составу тожественна съ бѣлковиною и казеумомъ. Новыя и важныя замѣчанія г. Бушарда изъясняютъ это обстоятельство совершенно. Фибрина, очищенная отъ жирныхъ веществъ, состоитъ изъ трехъ непосредственныхъ началъ въ различныхъ пропорціяхъ. Это, во-первыхъ, вещество тожественное съ чистою бѣлковиною и жидкое; оно заключено въ ткань, составленную изъ желатины и вещества, представляющаго всѣ свойства верхней кожицы тѣла.

И такъ, вотъ два основныя начала животной ткани, желатина и кожица, которыхъ присутствія не допускали въ крови, и которыя оказываются существующими въ этой жидкости.

Далѣе, г. Бушардъ доказываетъ, что основная жидкость, которую находятъ въ яичномъ бѣлкѣ, въ кровяной влагѣ, въ вытяжкѣ зеренъ, въ казеумѣ молока животныхъ, — одна и та же. Это всегда бѣлковина, смѣшанная или соединенная химически съ землистыми веществами, или съ щелочными солями, или съ веществами, извѣстными подъ названіемъ жирныхъ. Прибавляя пропорцію кислоты истинно-ничтожную, можно тотчасъ разрушить это эфемерное соединеніе, и тогда растворъ бѣлковиннаго вещества представляется, во всѣхъ исчисленныхъ обстоятельствахъ, съ свойствами тожественными, съ химическими реакціями совершенно-одинаковыми, съ дѣйствіемъ поляризованнаго свѣта тѣмъ же, именно съ уклоненіемъ всегда въ лѣвую сторону и пропорціонально количеству растворенаго вещества.

И такъ, химическое тожество казеума, вытяжки и бѣлковины, находящейся въ яичномъ бѣлкѣ или въ кровяной жидкости, доказано. Развѣ только сдѣлать предположеніе, недопустимое по мнѣнію г. Бушарда, что вода, едва имѣющая кислую реакцію, имѣетъ довольно силы, чтобъ превратить, при обыкновенной температурѣ, всѣ эти тѣла въ одно и то же вещество.

— Академія получила сообщеніе нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ трудовъ г. Савара, умершаго тому назадъ около года. Предметъ мемуара, представленнаго въ настоящій разъ, есть вліяніе упругости на звуки струнъ.

Г. Саваръ заключаетъ, что для полученія числа сотрясеній, которыя производитъ натянутая струна, должно разсматривать ее въ двухъ различныхъ состояніяхъ. Сперва предполагаютъ струну неимѣющею упругости, но натянутою; потомъ ее предполагаютъ не натянутою, но имѣющею упругость. Сумма квадратовъ чиселъ сотрясеній, взятыхъ при каждомъ изъ этихъ предположеній, равна квадрату числа сотрясеній, которыя совершитъ струна, когда она будетъ и натянута и вмѣстѣ упруга. Объ этомъ послѣднемъ числѣ должно сказать то же, что о равносильной двухъ силъ перпендикулярныхъ между собою.

Такъ-какъ этотъ законъ остается постояненъ для всякаго напряженія струны, начиная съ того, которое равно нулю, до того, которое разрываетъ струну, то онъ можетъ служить для опредѣленія момента, когда молекулярныя силы готовы уступить. Все, что авторъ могъ замѣтить въ этомъ

отношеніи, состоитъ въ томъ, что сотрясенія становятся болѣе и болѣе легкими, и производятъ звукъ тѣмъ болѣе сильный и чистый, чѣмъ грузъ, натягивающій струну, значительнѣе. И такъ легко понять, что эти качества звука достигаютъ высшей своей степени передъ моментомъ разрыва струны.

Это наблюденіе ведетъ къ слѣдующему заключенію. Когда грузъ очень-великъ, то упругость прибавляетъ лишь небольшое число сотрясеній къ тѣмъ, которыя производитъ натягиваніе; она тогда становится силою относительно чрезвычайно-слабою, и только тогда звукъ получаетъ всю свою чистоту, какъ мы уже сказали. Съ другой стороны, извѣстно, что металлическіе прутья даютъ звуки весьма-чистые; и въ этомъ случаѣ, напротивъ, дѣйствуетъ одна упругость. И такъ, нельзя ли думать, что свойства звука зависятъ отъ сочетанія двухъ силъ, и что звукъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ одна которая-нибудь изъ этихъ силъ имѣетъ менѣе вліянія? Если это такъ, то, чтобъ получить чистые звуки отъ струнъ, должно употреблять такія струны, которыя имѣютъ наименѣе упругости и въ то же время могутъ быть натянуты сильно. Таковы струны кишечныя; въ-самомъ-дѣлѣ, онѣ даютъ звуки гораздо-болѣе пріятные, нежели струны металлическія.

— Г. Шофаръ, аптекарь въ Гаврѣ, сообщилъ Академіи извѣстіе о недавно-сдѣланномъ имъ открытіи, которое очень-важно для моряковъ.

Извѣстно, что смола, употребляемая для конопаченія судовъ, имѣетъ ту невыгоду, что растопляется отъ солнечнаго жара и открываетъ доступъ водѣ, которая, процѣживаясь въ трюмъ, причиняетъ поврежденія и иногда изнуряетъ матросовъ, принужденныхъ часто ее выкачивать. Эта смола обращается въ совершенно-жидкое состояніе при температурѣ 80° стоградуснаго термометра. Напротивъ, составъ, изобрѣтенный г. Шофаромъ, становится жидкимъ только при температурѣ 200°. Сверхъ того, этотъ составъ имѣетъ большую гибкость и крѣпко пристаетъ къ дереву и къ налѣ. Отъ холода онъ никогда не дѣлается способнымъ истереться въ порошокъ, потому-что не заключаетъ въ себѣ никакого летучаго масла, подобнаго тому, которое находится въ смолѣ.

Составъ г. Шофара дѣлаетъ также непромокаемыми всякія ткани. Наконецъ онъ обходится дешевле смолы.

Изобрѣтатель назвалъ свой составъ *минеральнымъ каучукомъ*.

Коммиссія Академіи должна рѣшить, имѣетъ ли этотъ составъ всѣ свойства, приписываемыя ему изобрѣтателемъ.

— Г. Страуссъ прислалъ Академіи трактатъ сравнительной анатоміи, теоретической и практической. Авторъ смотритъ на свое сочиненіе какъ на простое руководство, назначаемое для начинающихъ учиться зоологіи. Между тѣмъ, можно сказать, что это трудъ оригинальный, изложенный съ большою строгостію и имѣющій высокое достоинство; словомъ, сочиненіе г. Страусса — драгоцѣнное пріобрѣтеніе для науки.

— Въ засѣданіи 27 іюня, Академія получила сообщеніе неизданнаго мемуара покойнаго Пуассона, которымъ этотъ знаменитый математикъ занимался за нѣсколько времени до своей смерти. Этотъ мемуаръ, имѣющій предметомъ математическую теорію свѣта, присланъ изъ Безансона сыномъ автора, служащимъ въ артиллеріи. Заглавіе мемуара свидѣтельствуетъ, что г. Пуассонъ намѣренъ былъ читать его самъ своимъ сочленамъ, но смерть не позволила ему исполнить это намѣреніе. Мемуаръ озаглавленъ авторомъ такъ: Mémoire sur les apparences des corps lumineux en repos et en mouvement; par M. Poisson, lu à l'Académie le... 1839.

Академія положила, что эта рукопись, послѣдній трудъ одного изъ знаменитѣйшихъ ея членовъ, будетъ напечатана въ собраніи ея мемуаровъ,

и что благодарность будетъ изъявлена г. Пуассону-сыну за сообщеніе, имъ сдѣланное.

— Г. Эдмондъ Бекрель представилъ мемуаръ о составѣ солнечнаго изображенія, получаемаго помощію призмы. Авторъ увѣрился, что химическаго дѣйствія нѣтъ въ тѣхъ самыхъ пунктахъ солнечнаго изображенія, въ которыхъ находятся черныя линіи Фраэунгофера. Продолжая эти изъисканія, г. Бекрель нашелъ, что далѣе фіолетовыхъ лучей есть еще перерывы въ лучахъ; глазъ не можетъ видѣть этихъ перерывовъ, но химическое дѣйствіе доказываетъ ихъ существованіе. И такъ, за предѣлами видимаго солнечнаго изображенія, есть безчисленное множество новыхъ черныхъ чертъ, которыя составляютъ продолженіе чертъ Фраунгофера.

Химическое солнечное изображеніе, то-есть, совокупность солнечныхъ лучей, имѣющихъ способность дѣйствовать на извѣстныя чувствительныя вещества, простирается далѣе крайнихъ фіолетовыхъ лучей, на разстояніе, которое иногда равно половинѣ длины свѣтлаго солнечнаго изображенія.

Нѣкоторые солнечные лучи производятъ въ извѣстныхъ тѣлахъ явленія фосфорическія, и въ томъ же солнечномъ изображеніи существуютъ лучи, которые истребляютъ то, чтб произвели первые. Г. Араго напомнилъ, что этотъ странный фактъ былъ уже замѣченъ Либекомъ, но онъ оставался затаеннымъ въ одномъ плохомъ сочиненіи Гёте.

Замѣчательно, что фосфорическое дѣйствіе солнечнаго изображенія имѣетъ два maximum, изъ которыхъ одно находится около крайнихъ фіолетовыхъ лучей, а другое еще далѣе. Дѣйствіе, которымъ возбуждается фосфорическое явленіе, останавливается въ лучахъ наименѣе-преломимыхъ около черты G; но съ этой черты, составляющей предѣлъ лучей синихъ, до лучей красныхъ и гораздо-далѣе, находятся лучи, которые совершенно изглаждаютъ фосфорическое, возбужденное другими лучами, и даже препятствуютъ самымъ чувствительнымъ веществамъ, каковы сѣрнистый кальцій и сѣрнистый барій, принять фосфоричество отъ дѣйствія теплоты.

Эти факты показываютъ, что въ солнечномъ изображеніи, далѣе лучей видимыхъ, существуютъ лучи темные, которые имѣютъ способность производить свѣтъ, потому-что нѣкоторыя вещества становятся фосфорическими подъ ихъ явленіемъ, и что, съ другой стороны, лучи свѣтлые, какъ то красные, желтые, зеленые, синіе, дѣлаютъ эти вещества темными. Послѣ этихъ странныхъ фактовъ, нельзя не сказать, что въ нынѣшней физикѣ нѣтъ ничего темнѣе свѣта.

Въ концѣ своего мемуара, г. Бекрель увѣдомляетъ, что теперь онъ занимается изъисканіями о лучистомъ теплотворѣ и опредѣленіемъ чертъ теплотворнаго изображенія солнца. По мѣрѣ изъисканій физиковъ, составъ солнечнаго свѣта становится болѣе-и-болѣе многосложенъ, и всего вѣроятнѣе, что труды г. Бекреля не изъяснятъ этого предмета, а только покажутъ въ немъ новыя трудности.

III.

Парижское Аэростатическое Общество.

Подъ этимъ именемъ недавно образовалось въ Парижѣ общество, имѣющее предметомъ изученіе атмосферной физики.

Метеорологія, или атмосферная физика, есть наука едва зарождающаяся; но состояніе теперешнихъ познаній и опытныхъ способовъ позволяетъ приступить съ пользою къ обработыванію этой науки. Еще не достаетъ фактовъ, чтобъ составить ее, и одинъ наблюдатель, въ своемъ кабинетѣ, не можетъ собрать ихъ, при тѣхъ средствахъ, которыми онъ можетъ располагать безъ участія другихъ. Очевидно, что изученіе метеорологіи, науки

чрезвычайно-важной для потребностей общественныхъ, требуетъ содѣйствія большаго числа ученыхъ, соединившихся въ общество, и направляющихъ свои изъисканія къ одной цѣли.

Подобныя общества пытались составить и составляли въ-самомъ-дѣлѣ много разъ. Между-прочимъ, Коттъ въ концѣ прошлаго столѣтія, успѣлъ сдѣлаться центромъ ученыхъ сообщеній по этой части, которыя онъ оставилъ по себѣ въ цѣлости, и которыми ученые доселѣ пользуются съ благодарностію.

Пора возобновить подобное общество, составивъ его въ большомъ размѣрѣ, соотвѣтственно нынѣшней степени наукъ. Это потребуетъ конечно особыхъ заведеній, подобныхъ тѣмъ, которыя существуютъ въ разныхъ мѣстахъ для изученія земнаго магнетизма, и которыя только правительства въ состояніи основать.

Но между фактами, относящимися къ составу атмосферы и къ физическимъ явленіямъ, въ ней совершающимися, есть такіе, которые доступны для обыкновенныхъ средствъ изслѣдованія, и которые весьма-важны для наукъ, при нынѣшнемъ ихъ состояніи. Сюда относятся: составъ воздуха въ различныхъ странахъ атмосферы и на различныхъ ея высотахъ, электрическое состояніе слоевъ воздуха и облаковъ, постепенное пониженіе температуры, направленіе вѣтровъ, степень влажности высшихъ слоевъ атмосферы, и проч.

Многіе отличные ученые уже занимаются изученіемъ этихъ предметовъ; они предпринимаютъ путешествія, чтобъ повѣрить разные факты, считавшіеся доселѣ несомнѣнными, какъ, на-примѣръ; составъ воздуха, взятаго въ странахъ атмосферы, отдаленныхъ отъ земнаго шара; въ особенности гг. Дюма̀ и Буссенго̀ вступили на это поприще.

Одинъ физикъ, весьма-извѣстный своими изъисканіями объ электричествѣ, съ давняго времени посвятилъ себя изученію этого сильнаго дѣятеля въ его отношеніяхъ къ атмосфернымъ явленіямъ. Г. Пельтьѐ предпринялъ рядъ систематическихъ наблюденій касательно воздушной физики, и онъ представилъ, въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, результаты своихъ наблюденій. Недавно, въ Annales de Chimie et de Physique, помѣщенъ новый мемуаръ г. Пельтьѐ объ электрическихъ явленіяхъ атмосферы и о средствахъ изучать ихъ опытнымъ образомъ. Авторъ изслѣдываетъ самые высшіе вопросы этой новой науки съ такимъ знаніемъ дѣла, и основываетъ свои мнѣнія на опытахъ столь точныхъ, что онъ, можно надѣяться, успѣетъ наконецъ положить основанія истинно-ученой метеорологіи. Должно отдать справедливость этому ученому; находясь въ положеніи скромномъ, не имѣя никакого мѣста, онъ не страшится ни пожертвованій, ни трудовъ, чтобъ исполнить свое ученое призваніе. Г. Пельтьѐ не только построилъ у себя на свой счетъ обсерваторію и снабдилъ ее всѣми инструментами, среди которыхъ онъ проводилъ дни и часто ночи, во всякую погоду и во всякое время года, но еще приготовляется теперь къ путешествію на Фольгорнъ, съ цѣлію вопрошать атмосферу посредствомъ своихъ превосходныхъ снарядовъ.

Конечно, изъ подобныхъ трудовъ, и изъ многихъ другихъ, о которыхъ мы не говоримъ, не можетъ не выйдти открытій важныхъ въ теоретическомъ отношеніи и полезныхъ для приложеній.

Но въ изъисканіяхъ этого рода, обсерваторіи и самыя высокія горы недостаточны. Есть атмосферныя явленія, которыхъ нельзя изучать ни на какомъ пунктѣ въ соприкосновеніи съ землею, и для которыхъ необходимо подняться въ высшую область атмосферы. Таковы, напримѣръ, электрическія дѣйствія атмосферы, которыя не обнаруживаются для жителя земли, и которыхъ нельзя наблюдать, доколѣ остаешься на поверхности земли, имѣющей, какъ извѣстно, сильное вліяніе на атмосферное электричество; таковъ же законъ постепеннаго пониженія

температуры въ воздухѣ, котораго нельзя изслѣдывать, оставаясь въ соприкосновеніи съ предметами, испускающими теплотворъ. Для такихъ-то изслѣдованій, и для многихъ другихъ, которыхъ необходимости мы, можетъ-быть, и не подозрѣваемъ въ настоящее время, должно прибѣгнуть къ аэростатическимъ восхожденіямъ, исполненнымъ со всѣми пособіями науки въ нынѣшнемъ ея состояніи, и со всѣмъ совершенствомъ опытныхъ способовъ.

Доселѣ мало употребляли аэростатъ, какъ инструментъ ученый и какъ средство изучать тѣ части атмосферы, гдѣ совершаются столь любопытныя и иногда столь страшныя явленія. Со времени достопамятнаго восхожденія гг. Біо и Гэ-Люсака, и особенно со времени восхожденія послѣдняго до высоты семи тысячь метровъ, ничего не предпринимали серьёзнаго для пользы науки. Инструментъ, изобрѣтенный Монгольфьё, служилъ только для забавы публики, а не для попытокъ рѣшить столь занимательную для воображенія задачу воздушнаго плаванія. Сколько усилій и пожертвованій всякаго рода было сдѣлано понапрасну для осуществленія этой идеи, можетъ-быть, химерической! Нельзя не пожалѣть, что столько денегъ и трудовъ не было употреблено лучше на рѣшеніе вопросовъ атмосферной физики, которыхъ польза гораздо прямѣе и вѣрнѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ продолженіе сорока лѣтъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ стали употреблять аэростаты, метеорологія была бы подвинута далеко.

Чего теперь требуютъ науки, это не одно и не два аэростатическія восхожденія. Ограничиваться малымъ числомъ опытовъ, значило бы повторять то, что было сдѣлано очень хорошо гг. Гэ-Люсакомъ и Біо. Должно предпринять цѣлый рядъ воздушныхъ путешествій, чтобъ исполнить программу опытовъ методическихъ, помощію усовершенствованныхъ инструментовъ, которыми теперь могутъ располагать ученые, и сообразно съ новыми понятіями, которыя вошли въ науку. Всякій фактъ, чтобъ имѣть вѣсъ и быть допущену въ число пріобрѣтеній науки, долженъ быть подтвержденъ много разъ многими наблюдателями, и нѣтъ опыта, который не имѣлъ бы нужды быть повтореннымъ, сколько бы онъ ни былъ простъ. Что же должно сказать, когда дѣло идетъ о наблюденіяхъ многосложныхъ, о явленіяхъ общихъ, которыя совершаются среди элемента мало-извѣстнаго, и котораго, вѣроятно, касаются не хладнокровно лица, поднимающіяся въ первый разъ въ атмосферу! Только посѣщая много разъ эти высшія страны можно собрать достаточное число фактовъ, для составленія атмосферной физики.

Итакъ должно желать, чтобъ аэростатъ сдѣлался въ рукахъ физиковъ инструментомъ обыкновеннымъ, изъ котораго они, безъ сомнѣнія, извлекли бы много пользы, привыкши обращаться съ нимъ и находя его всегда въ своемъ распоряженіи. Это желаніе выразили нѣкоторые парижскіе ученые, назадъ тому годъ, предлагая составить аэростатическое общество по подпискѣ, потому-что средства отдѣльныхъ лицъ недостаточны для всѣхъ издержекъ, которыя неизбѣжны въ подобныхъ опытахъ, повторяемыхъ часто. Это предложеніе было принято нѣкоторыми друзьями наукъ; число подписчиковъ, сперва слишкомъ-ограниченное, для составленія прочнаго общества, снабженнаго всѣми необходимыми инструментами, нашлось однакоже достаточнымъ, чтобъ предпринять первую попытку.

Извѣстный воздухоплаватель, г. Дюпюи-Делькуръ, предложилъ обществу свой снарядъ и самого-себя для исполненія ученаго воздушнаго путешествія. Чтобъ избѣжать довольно-значительныхъ издержекъ на приготовленіе чистаго водорода, получаемаго помощію сѣрной кислоты, желѣза и воды, рѣшились наполнить шаръ газомъ, производимымъ чрезъ разложеніе воды на раскаленныхъ угольяхъ. Кромѣ

экономіи, этотъ способъ представлялъ еще ту выгоду, что можно было собрать газъ въ большой газометръ, служащій для освѣщенія, и держать его тамъ до того времени, когда приступятъ къ самому опыту. Но надо знать, что газъ, получаемый такимъ способомъ, есть смѣсь водорода, угольной кислоты, угольной окиси, и пр.; онъ не такъ легокъ, какъ чистый водородъ, и требуетъ шара большой вмѣстимости, чтобъ поднять тяжесть человѣка и инструментовъ, приготовленныхъ для опыта. Это была невыгода, потому-что въ ученыхъ восхожденіяхъ, путешественникъ имѣетъ въ виду не то, чтобъ пройдти большое пространство не поднимаясь высоко, какъ Гринъ поднимался въ своемъ путешествіи изъ Лондона въ Нассау, а напротивъ то, чтобъ достигнуть возможно-высшихъ слоевъ атмосферы. Но общество рѣшилось удовольствоваться на первый разъ недальнею попыткою, зная, что потребуется послѣ того много другихъ воздушныхъ путешествій, и желая лишь положить начало своимъ опытамъ. Чтобъ вознаградить до нѣкоторой степени тяжесть газа, положили увеличить вмѣстимость шара.

Что касается до программы опытовъ и наблюденій, которые надлежало сдѣлать, то она была весьма-проста. Собраніе инструментовъ, доставленное г. Пельтьѐ, состояло изъ барометровъ, термометровъ, психрометровъ (для измѣренія сырости) и электрометровъ. Кромѣ того, тутъ были пустые стеклянные шары, на-крѣпко закупоренные, въ которыхъ г. Дюпюи-Делькуръ долженъ былъ принесть воздухъ изъ высшихъ странъ атмосферы, для анализовъ г. Дюма̀. Условились, что между-тѣмъ, какъ г. Дюпюи-Делькуръ будетъ дѣлать наблюденія во время своего путешествія въ атмосферѣ, г. Пельтьѐ будетъ производить соотвѣтственныя наблюденія на поверхности земли.

Весь шаръ, совершенно-нагруженный, вѣсилъ 300 килограммовъ. Извѣстно, что сила восхожденія и безопасность воздухоплавателя зависятъ отъ баласта, который онъ выбрасываетъ по мѣрѣ того, какъ хочетъ подняться выше и выше, но котораго онъ всегда долженъ сохранить извѣстную часть, чтобъ умѣрить быстроту своего спуска и избѣжать паденія, облегчая мало-по-малу грузъ шара.

19 іюня, около девяти часовъ утра, г. Дюпюи-Делькуръ поднялся въ своемъ аэростатѣ, въ прекрасную погоду, въ присутствіи небольшаго числа ученыхъ и любопытныхъ. Въ минуту отправленія открылось, что газъ былъ тяжеле, нежели какъ ожидали; г. Делькуръ не усомнился лишить себя большей части песка, бывшаго въ его ладьѣ, и убавилъ его количество до того, что̀ совершенно необходимо. Посвящая себя пользѣ науки, онъ смѣло отправился съ тридцатью фунтами баласта, при рукоплесканіяхъ зрителей.

Достигши извѣстной высоты, г. Дюпюи-Делькуръ почувствовалъ припадки головной боли отъ дѣйствія газа, который выходилъ чрезъ щель изъ нижней части шара. Этотъ газъ, какъ мы уже сказали, былъ не чистый водородъ, а смѣсь водорода съ угольною окисью, которой убійственное дѣйствіе на дыханіе недавно доказано г. Лебланомъ. Г. Дюпюи-Делькуръ скоро лишился чувствъ, и не могъ болѣе заниматься управленіемъ своего шара. Тогда шаръ самъ собою сталъ опускаться къ землѣ, такъ, что воздухоплаватель не могъ употребить средства, приготовленныя для умѣренія быстроты спуска; но къ-счастію, шаръ спустился тихо, и легъ покойно среди засѣяннаго поля, въ двухъ льё отъ Парижа, такъ, что г. Дюпюи-Делькуръ не испыталъ никакого потрясенія.

Пришедъ мало-по-малу въ чувство при помощи людей, работавшихъ въ полѣ, г. Дюпюи-Делькуръ вышелъ изъ своей ладьи и сталъ заниматься приведеніемъ своихъ инструментовъ въ безопасность; но поселяне, привлеченные этимъ зрѣлищемъ, бросились на шаръ и стали неосторожно

дергать матерію, изъ которой онъ былъ составленъ. Тогда сдѣлался широкій разрывъ въ шарѣ, и г. Дюпюи-Делькуръ вдругъ очутился погруженымъ въ атмосферу газа, обильно выходившаго черезъ щель. Онъ упалъ безъ чувствъ и оставался безъ движенія нѣсколько часовъ въ сосѣдней фермѣ, куда перенесли его. Старанія врача возвратили ему чувство, и прекратили головную боль и рвоту, которыя онъ испытывалъ.

Это страшное событіе, которое легко могло сдѣлаться гибельнымъ, служитъ весьма-замѣчательнымъ подтвержденіемъ недавнихъ опытовъ г. Леблана о дѣйствіяхъ угольной окиси, изъ которыхъ слѣдуетъ, что одна сотая этого газа, будучи смѣшана съ воздухомъ, достаточна для того, чтобъ убить животное. Можно сказать, что это одинъ изъ важнѣйшихъ результатовъ восхожденія г. Дюпюи-Делькура. Опасность, которой онъ подвергался, прошла, но большая часть его инструментовъ была разбита людьми, которые, въ своемъ нетерпѣніи разсмотрѣть шаръ, забыли всякую осторожность.

Мы сказали выше, что газъ, наполнявшій шаръ, оказался, во время отправленія, тяжеле, нежели какъ могли ожидать по опытамъ, сдѣланнымъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Это произошло отъ смѣшенія внѣшняго воздуха съ газомъ черезъ скважины газометра, и служитъ новымъ примѣромъ стремленія различныхъ газовъ смѣшиваться между собою черезъ самыя тѣсныя отверстія. Въ настоящемъ случаѣ, смѣшеніе должно было сдѣлаться тѣмъ неизбѣжнѣе, что газъ оставался восемь дней въ газометрѣ.

По причинѣ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ это восхожденіе, оно не могло принести всѣхъ плодовъ, которыхъ отъ него ожидали. Впрочемъ, небольшое число наблюденій, которыя могли быть сдѣланы во время этого непродолжительнаго путешествія до той минуты, когда воздухоплаватель лишился чувствъ, имѣютъ дѣйствительный интересъ и способны поддержать ревность членовъ аэростатическаго общества.

Г. Дюпюи-Делькуръ, прежде нежели лишился чувствъ, записалъ три наблюденія. Сравнивая ихъ между собою и съ тѣми, которыя въ то же время были дѣланы на поверхности земли, можно видѣть, что первое наблюденіе было взято на высотѣ 671 метра, второе на 885 метрахъ, а третье на 1051 метрѣ. Въ минуту отправленія, температура, близь поверхности земли, была 23°. Три наблюденія воздухоплавателя дали 17°, 18° и 19°. И такъ, отъ пункта отправленія до высоты 671 метра, температура понизилась на 6°; потомъ она поднялась снова на 2° между высотами 671 и 1051 метра. Это возвышеніе температуры не есть явленіе рѣдкое въ атмосферѣ, и теперь умѣютъ изъяснить его.

Въ-отношеніи къ электричеству, электрометръ, который наблюдали на поверхности земли въ-продолженіе воздушнаго путешествія г. Дюпюи-Делькура, показывалъ 5 градусовъ положительнаго электричества, между-тѣмъ, какъ ни въ первомъ, ни во второмъ наблюденіи воздухоплаватель не открылъ никакихъ слѣдовъ электричества, и только въ третьемъ наблюденіи онъ нашелъ 5 градусовъ отрицательнаго электричества. Изъ молчанія электроскоповъ въ первыхъ двухъ наблюденіяхъ должно заключать, что воздухоплаватель въ то время находился среди массы паровъ съ положительнымъ электричествомъ, которые, дѣйствуя одинаково во всѣхъ направленіяхъ, не могли п[illegible]звесть никакой перемѣны въ инстр[illegible]тахъ чувствительныхъ только къ р[illegible]ости дѣйствій. Изъ тр[illegible]ьяго наб[illegible]нія, давшаго 5 градусо[illegible] отрицате[illegible]наго электричества, долж[illegible] заключ[illegible], что воздухоплаватель былъ тогда [illegible]пре-дѣлами нижнихъ слоевъ паровъ [illegible] положительнымъ электричествомъ, и что онъ тогда находился въ атмос[illegible]

ровъ съ электричествомъ отрицательнымъ.

Когда воздухоплаватель перешелъ въ эту послѣднюю атмосферу, то повышеніе термометра было явленіе весьма-естественное. Въ-самомъ-дѣлѣ, г. Пельтьѐ давно доказалъ, что сгущеніе паровъ отрицательныхъ возвышаетъ температуру гораздо-болѣе, нежели сгущеніе паровъ положительныхъ, и что причина возвышенія температуры въ наблюденіи г. Дюпюи-Делькура была дѣйствительно эта, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, потому-что въ то время господствовала въ атмосферѣ совершенная тишина, и пары начинали сгущаться, что̀ и доказали дожди, вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшіе.

Наблюденія г. Дюпюи-Делькура подтверждаютъ мнѣніе г. Пельтьѐ объ электрической противоположности между земнымъ шаромъ и атмосферою. Повторяя и дополняя съ давняго времени опыты Соссюра и Эрмана, г. Пельтьѐ дошелъ до заключенія, что земной шаръ есть тѣло имѣющее сильное напряженіе отрицательнаго электричества, и что воздушное пространство, не имѣя этого напряженія въ равной степени, дѣйствуетъ какъ тѣло съ электричествомъ положительнымъ. Подъ вліяніемъ этой электрической противоположности между землею и атмосферою, пары, каждый день образующіеся на поверхности водъ и улетающіе въ воздухъ, имѣютъ электричество отрицательное, какъ сама земля. Но какъ-скоро пары, достигнувъ извѣстной высоты, помѣщаются между землею и воздушнымъ пространствомъ, то испытываютъ вліяніе земнаго шара, какъ тѣла съ отрицательнымъ электричествомъ. Въ слѣдствіе этого, низшая часть паровъ становится положительною, а высшая отрицательною. Все это оправдывается вполнѣ наблюденіями, которыя г. Дюпюи-Делькуръ успѣлъ сдѣлать въ-продолженіе своего воздушнаго путешествія.

Ревностнѣйшіе изъ членовъ аэростатическаго общества надѣются, что оно со-временемъ сдѣлается многочисленнѣе, и расширивъ кругъ своихъ дѣйствій, принесетъ великую пользу наукѣ и обществу.

IV.

Парижское Общество Поощренія.

Г. Паэнъ читалъ донесеніе о способахъ, изобрѣтенныхъ г. Кульманомъ для предотвращенія осадковъ солей, растворенныхъ въ водѣ, на стѣнахъ паровыхъ котловъ. Для этой цѣли употребляли картофель, обломки жести, глину, и пр. Г. Кульманъ употребляетъ съ большою пользою углекислую соду, чтобъ разложить сѣрнокислую и углекислую известь, и превратить эти соли въ рыхлую массу, которую потомъ не трудно извлечь изъ котла. Другіе предложили для той же цѣли употреблять какое-нибудь красильное вещество, какъ напримѣръ кампешское дерево, и по этому поводу вышло между членами общества преніе, которое впрочемъ не привело ни къ какому рѣшительному заключенію.

— Г. Комбъ представилъ донесеніе объ опытахъ освѣщенія на далекое разстояніе посредствомъ способа г. Годена. Устремляютъ струю сжатаго кислорода и эѳира на кусокъ магнезіи, зажигаютъ эту струю, и магнезія раскаляется. Когда положили магнезію въ фокусъ параболическаго зеркала, то яркость свѣта была такъ велика, что предметы, находившіеся на разстояніи 600 метровъ, были совершенно освѣщены. Опытъ удался очень-хорошо, и можетъ-быть этотъ способъ употребятъ на морѣ, для предотвращенія столкновенія пароходовъ.

—Г. Оливьѐ представилъ донесеніе о циркулѣ гг. Гамана и Гемпеля, служащемъ для начертанія эллипсисовъ. Безъ помощи фигуры нельзя понять механизма этого инструмента, который, по отзыву г. Оливьѐ, лучше

всѣхъ придуманныхъ доселѣ для той же цѣли.

— Г. Бюшъ читалъ донесеніе о фабрикаціи фальшивыхъ драгоцѣнныхъ вещей по способу г. Мурея. Эти вещи — рѣдкаго совершенства, не смотря на то, что ихъ дѣлаютъ безъ помощи машинъ; но для этого нужна особенная ловкость работы и особенное вниманіе. Берутъ мѣдную вещь, золотятъ ее, и потомъ даютъ ей послѣднюю форму помощію особенной, весьма-любопытной работы. Эти вещи составляютъ предметъ значительной торговли.

— Г. Шевалье представилъ свои замѣчанія о способѣ г. Пелиго узнавать, не смѣшанъ ли сахарный песокъ съ крахмальнымъ сахаромъ. Употребленіе щелочей окрашиваетъ растворъ въ случаѣ смѣси, и напряженіе произведеннаго цвѣта позволяетъ судить, съ большимъ приближеніемъ, о пропорціи примѣшаннаго крахмальнаго сахара. Г. Шевалье желаетъ сдѣлать этотъ способъ столь практическимъ, чтобъ имъ могли пользоваться сами покупатели, которыхъ часто обманываютъ. Авторъ представляетъ таблицу, въ которой цвѣта, производимые примѣсью различныхъ количествъ крахмальнаго сахара, показаны столь рѣзко, что этотъ способъ дѣйствительно можетъ считаться полезнымъ.

*

ПОѢЗДКА ВЪ КИТАЙ. (Статья седьмая) (*). *Первый китайскій министръ.—Быстрое возвышеніе и паденіе сановниковъ.—Медицинскія понятія Китайцевъ.*

Наше знакомство въ Пекинѣ мало-по-малу распространялось. Слава медика и искусство живописца, находившихся при миссіи, привлекали къ намъ разныхъ особъ не только изъ средняго, но и изъ высшаго круга. Даже министры и князья царской крови удостоивали подворье наше своими посѣщеніями. Такою честью въ Китаѣ не пользовалась еще ни одна миссія. Впрочемъ, Китайцы люди дальновидные, и потому успѣхи врача и художника были не одинаковы: какой-нибудь вельможа, получивъ портретъ и отдаривъ художника черезъ посланнаго, почиталъ все дѣло конченнымъ; съ докторомъ было не такъ: выздоровѣвшій одинъ разъ, могъ захворать вторично, и потому всѣ старались поддержать съ нимъ дружественныя отношенія. Каждый избавленный отъ болѣзни стараніемъ медика тотчасъ являлся лично для засвидѣтельствованія своей благодарности, потомъ присылалъ подарки, состоявшіе, смотря по времени года, изъ мѣховъ, шелковыхъ матерій и разныхъ каменныхъ вещицъ. Денегъ ни докторъ, ни художникъ рѣшительно не принимали, не смотря на неоднократныя и весьма-значительныя суммы, имъ присылаемыя. Взять деньги у Китайца значитъ сдѣлаться его наемникомъ и потерять всякое право на его дружбу и даже на уваженіе; отказавшись же отъ денегъ, они возвысили въ глазахъ Китайцевъ и собственное достоинство и достоинство всѣхъ лицъ, составлявшихъ миссію, и пріобрѣли намъ право на всѣ знаки уваженія и расположенія отъ китайской аристократіи. Это расположеніе продолжалось весьма-долго. *Сун-ши-е*, китайскій приставъ нашей миссіи, бывшій короткимъ нашимъ пріятелемъ, получилъ выгодное мѣсто въ провинціи, гдѣ и пробылъ до трехъ лѣтъ. Смерть матери вызвала его въ столицу, и тутъ онъ явился уже не бѣднымъ чиновникомъ, какимъ знали мы его до отъѣзда, но богатымъ вельможею, котораго окружалъ весь блескъ китайской роскоши. Полуоборванный слуга, сопровождавшій его три года назадъ, былъ замѣненъ пятью вершни-

(*) Шестая статья напечатана въ XXI-мъ томѣ «Отеч. Записокъ» (№ 3, 1842).

ками, одѣтыми въ шелковыя платья и сидѣвшими на прекрасныхъ коняхъ; а бѣлая извощичья таратая — дорогимъ экипажемъ, запряженнымъ красивымъ и быстрымъ муломъ. Не смотря на такую перемѣну, онъ, послѣ окончанія глубокаго траура, пріѣхалъ къ намъ съ визитомъ, и прежнія дружескія отношенія наши нисколько не измѣнились. Старый нашъ пріятель хотѣлъ имѣть свой портретъ, и художникъ нашъ охотно взялся нарисовать его. Хотя въ то время года не носили еще мѣховъ, однакожь Сун-ши-е привезъ съ собою богатое соболье платье, надѣваемое шерстью вверхъ (*да-гуа-цзы*), и переодѣвшись у насъ, былъ нарисованъ въ этомъ нарядѣ. Портретъ дѣйствительно былъ сдѣланъ такъ хорошо, что Сун-ши-е видѣлъ на холстѣ втораго себя, и въ восхищеніи спѣшилъ похвастать передъ знакомыми своимъ чудеснымъ пріобрѣтеніемъ.

Такъ распространилась слава нашего живописца. Многія изъ самыхъ значительныхъ лицъ изъявили желаніе имѣть свои портреты, и какъ художникъ соглашался писать только въ своей квартирѣ, то желавшіе должны были сами пріѣзжать въ наше подворье. Замѣчательнѣйшимъ лицомъ между пріѣзжавшими былъ первый министръ *Чан-линъ*, человѣкъ пожилой, но бодрый, отличавшійся важностью пріемовъ и сановитостью. Сун-ши-е заблаговременно увѣдомилъ насъ о желаніи министра, и въ назначенный день богатый портшезъ сановника, окруженный огромною свитою, остановился на переднемъ дворѣ нашемъ, гдѣ Сун-ши-е и всѣ миссіонеры встрѣтили его при выходѣ изъ носилокъ; Сун-ши-е сталъ на оба колѣна, а мы отдали обыкновенный китайскій поклонъ, *цзо-и*, т. е. подняли сложенныя руки ко лбу, опустили почти до земли и снова подняли вверхъ съ приличною улыбкою. Министръ поднялъ Сун-ши-е, взявъ его за обѣ руки, а намъ отдалъ цзо-и и пошелъ въ назначенный покой. Усѣвшись въ кресла, министръ обратился къ намъ и просилъ также садиться. По обычаю, гостю тотчасъ подали чай, а красивенькій его прислужникъ поднесъ ему трубку, и на-минуту водворилось общее молчаніе. Отдавъ трубку, министръ оглянулся вокругъ и, обращаясь къ прислужнику, сказалъ: «Мальчикъ мой развѣ не пріѣхалъ?»— Сейчасъ будетъ, отвѣчалъ служитель, и бросился изъ комнаты. О какомъ мальчикѣ, думаете вы, спрашивалъ почтенный сановникъ? О своемъ родномъ сынѣ, которому было лѣтъ сорокъ, и который занималъ мѣсто помощника обер-полицiймейстера, имѣя чинъ, соотвѣтственный у насъ генеральскому. Ужь прошу не прогнѣваться: такъ обыкновенно въ Китаѣ отцы относятся о дѣтяхъ, не смотря ни на лѣта, ни на званіе ихъ. Вскорѣ явился и *Гуй-да-жень*, сынъ министра, окруженный также многочисленною свитою и провожаемый отъ одной будки до другой двумя будочниками, бѣгущими по обѣимъ сторонамъ улицы, каждый въ форменной шапкѣ на головѣ и съ кнутомъ въ рукахъ, для очищенія дороги. Нужно прибавить, что прочія части костюма на будочникѣ зависятъ рѣшительно отъ его произвола, такъ-что лѣтомъ, во время жаровъ, будочники безъ церемоніи снимаютъ съ себя даже и рубахи, оставаясь только въ одномъ исподнемъ платьѣ, но всегда въ шапкѣ и непремѣнно съ кнутомъ. Едва-только Гуй-да-жень вошелъ ва дво рънашего подворья, гдѣ мы дожидались его, какъ будочники нашего подворья поднесли его кучеру связку (цянь) мѣдной монеты, до рубля серебромъ на наши деньги. Таковъ обычай: гдѣ только полицiймейстеръ, или помощникъ его, выйдетъ изъ экипажа, будочники той улицы обязаны тотчасъ поднести кучеру связку цянь. Когда Гуй-да-жень вошелъ въ комнату, то всѣ, кромѣ министра, встали, и какъ сынъ не можетъ сидѣть въ-присутствіи отца, а намъ неловко было сидѣть, когда гость стоитъ, то всѣ мы должны были, въ-продолженіе по-крайней-мѣрѣ двухъ часовъ, оставаться на ногахъ. Разговоръ министра былъ вовсе-неинтересенъ: сначала онъ

разспрашивалъ о причинахъ, почему миссія наша стала пріѣзжать въ Китай, отъ-чего при миссіи находятся монахи и свѣтскіе; но всѣ эти вопросы были дѣланы, кажется, болѣе изъ желанія о чемъ-нибудь говорить, нежели изъ любознательности, или какихъ-нибудь дипломатическихъ цѣлей, и когда его попотчивали нюхательнымъ табакомъ, онъ тотчасъ перемѣнилъ разговоръ и съ такимъ же участіемъ началъ разспрашивать о сортахъ европейскихъ табаковъ, о способѣ ихъ приготовленія, глубокомысленно замѣтя, что европейскій табакъ, привозимый въ Кантонъ, очень-хорошъ.

По окончаніи перваго сеанса, министръ подошелъ къ полотну, на которомъ портретъ былъ только подмалеванъ, и, видя грубое и рѣзкое изображеніе своего лица, не смотря на увѣренія Сун-ши-е, что послѣ портретъ пріиметъ совершенно-другой видъ, поморщился весьма-замѣтно и уѣхалъ отъ насъ крайне-недовольнымъ. Черезъ нѣсколько дней назначенъ былъ второй сеансъ, къ которому художникъ подготовилъ портретъ столько, что оригиналъ его, ожидавшій найдти то же самое изображеніе, которое оставилъ въ послѣдній разъ, примѣтно былъ удивленъ и обрадованъ такою перемѣною. Послѣ втораго сеанса, сходство сдѣлалось еще разительнѣе, и министръ уѣхалъ вполнѣ-довольный художникомъ, объявивъ, что онъ хочетъ быть написанъ сидящимъ на диванѣ, съ поджатыми ногами, въ богатомъ верхнемъ платьѣ (*да-гуа-цзы*), пожалованномъ ему императоромъ, и въ дорогомъ жемчужномъ ожерельѣ, также жалованномъ и надѣваемомъ на шею въ торжественные дни. Всѣ эти вещи были присланы къ художнику, который съ манкена перенесъ наряды на полотно, постаравшись тщательно отдѣлать фіолетовый атласъ и яркаго цвѣта круги съ шитыми драконами. Къ новому сеансу костюмъ былъ готовъ; а послѣ сеанса, портретъ такъ походилъ на подлинникъ, что министръ не зналъ, что̀ ему дѣлать отъ радости: онъ то подходилъ къ картинѣ, то снова отходилъ отъ нея, то приближался къ ней справа, то слѣва, и не могъ постигнуть, какъ глаза картины не перестаютъ его преслѣдовать. Признаюсь откровенно: надобно было имѣть слишкомъ-много присутствія духа, чтобъ не расхохотаться, смотря на почтеннаго сановника. Желая выразить свое удовольствіе, Чан-линъ тотчасъ же послѣ этого сеанса прислалъ художнику и начальнику миссіи совершенно-одинакіе подарки, состоявшіе изъ бараньихъ и лисьихъ мѣховъ для кафтановъ, шелковыхъ матерій, кистей тоже шелковыхъ, и мѣховыхъ околышей для шапокъ. Цѣнность всѣхъ подарковъ простиралась до пятисотъ рублей серебромъ. Когда портретъ, совсѣмъ-готовый, покрытый лакомъ и вставленный въ золотую раму, былъ отосланъ къ министру, художникъ и начальникъ миссіи еще получили въ подарокъ незначительныя каменныя вещицы, которыя Китайцы разставляютъ на столахъ для украшенія.

Сун-ши-е по старому знакомству навѣщалъ насъ довольно-часто; онъ надѣялся. по прошествіи траура, опять получить мѣсто свое въ провинціи; но императоръ не соблаговолилъ послать его, а оставилъ въ Пекинѣ безъ особеннаго назначенія. Нѣсколько лѣтъ поддерживалъ онъ свои знакомства съ вельможами, надѣясь рано или поздно добиться своей цѣли; но неожиданное происшествіе разрушило всѣ его надежды. Дознались какимъ-то образомъ, что одинъ принцъ крови частенько посѣщалъ загородный женскій монастырь и предавался тамъ разнымъ запрещеннымъ удовольствіямъ, какъ то: курилъ опіумъ, и прочее... Его тамъ схватили, стали судить, забрали монахинь и стали допрашивать. Отшельницы показали въ отвѣтахъ своихъ что не одинъ князь, но и многіе другіе заѣзжали къ нимъ; въ число виновныхъ попался и нашъ добрый и достойный всякаго уваженія Сун-ши-е. Его долго томили въ тюрьмѣ, и наконецъ, лишивъ чиновъ, со-

слали въ Маньджурію. Узнавъ о его несчастіи, миссіонеры послали ему, по китайскому обычаю, фень-цзы. Сун-ши-е, получивъ это денежное пособіе, не могъ удержаться отъ слезъ и сознавался намъ, что одни только Русскіе остались его истинными друзьями, и не покинули въ бѣдѣ; всѣ же китайскіе вельможи, такъ радушно принимавшіе его въ счастіи, совершенно позабыли. Виновный князь былъ лишенъ княжескаго достоинства, которое, вмѣстѣ со всѣмъ имѣніемъ, перешло къ меньшому брату, а прочіе участники въ запрещенныхъ пиршествахъ сосланы, подобно Сун-ши-е, въ Маньджурію.

Интересна также судьба другаго нашего китайскаго знакомца, *Цзи-сы-е*. Изъ незначительнаго чиновника въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ Пекина, Цзи-сы-е, въ-теченіи нѣсколькихъ дней, сдѣлался первымъ придворнымъ докторомъ, а въ-теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ однимъ изъ первыхъ сановниковъ государства. Цзи-сы-е, имѣя довольно свободнаго времени, прочиталъ нѣсколько медицинскихъ книгъ, разумѣется, китайскихъ, и весь кругъ его знакомыхъ составилъ высокое мнѣніе о его медицинскихъ познаніяхъ. Не думайте, что легко быть китайскимъ медикомъ: онъ не имѣетъ права разспрашивать своего паціента о припадкахъ болѣзни, если хочетъ сохранить репутацію знающаго медика; удостоиваясь же приглашенія отъ какой-нибудь знатной паціентки, не можетъ даже видѣть лица ея, а долженъ довольствоваться тѣмъ только, что ему сквозь занавѣску протянутъ обѣ руки и позволятъ пощупать пульсъ. Надо замѣтить, что при этихъ случаяхъ даже кисти рукъ закрываются платкомъ отъ нескромныхъ взглядовъ. Пощупавъ пульсъ въ одной рукѣ и потомъ въ другой, китайскій медикъ уже долженъ знать все относительно своего больнаго и его болѣзни, и долженъ однимъ пріемомъ кончить все дѣло. Если послѣ первыхъ пріемовъ больной почувствуетъ себя хуже, или если ему покажется, что докторъ прописалъ не то лекарство, котораго требовала болѣзнь, онъ тотчасъ посылаетъ за другимъ докторомъ, и готовъ въ одинъ день перемѣнить трехъ и четырехъ, и отъ каждаго изъ нихъ взять по рецепту, а подъ часъ и по пріему лекарства. Едва-только докторъ прописалъ рецептъ, какъ Китаецъ — они почти всѣ читаютъ медицинскія книги — спроситъ у него, что̀ прописано, и чѣмъ, по мнѣнію доктора, онъ боленъ. Докторъ, если онъ человѣкъ ловкій, можетъ предварительно кое-что вывѣдать; въ противномъ случаѣ, ему прійдется говорить и лечить, что называется, на-обумъ.

Одинъ разъ китайскій императоръ объѣлся кушаньевъ, приправленныхъ горячительными пряностями, и почувствовалъ внутри сильную боль. Пособія придворныхъ медиковъ были безуспѣшны, и разстройство желудка *Сына Неба* произвело во всемъ дворцѣ страшную суматоху. Цзи-сы-е, разспросивъ о причинѣ болѣзни императора, сказалъ своему брату, который былъ близокъ по мѣсту къ особѣ государя, что онъ могъ бы избавить отъ недуга повелителя поднебесной имперіи. Слова Цзи-сы-е были тотчасъ переданы вдовствующей императрицѣ; а та, сокрушаясь болѣзнію сына и не видя ему никакого облегченія отъ придворныхъ медиковъ, настояла, чтобъ Цзи-сы-е былъ призванъ во дворецъ для пользованія государя. Лекарство, имъ данное, тотчасъ же уничтожило сильную желудочную боль, и императоръ, щедро осыпавъ его своимъ милостями, произвелъ его за столь удачное леченіе въ придворные медики. И такъ, Цзи-сы-е, прожившій уже половину жизни, не думая и негадая быть докторомъ, вдругъ долженъ былъ принять на себя важную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опасную обязанность лечить самого императора и все его семейство. Чтобъ поддержать себя на этомъ скользкомъ мѣстѣ, сметливый Китаецъ тотчасъ началъ заискивать случаевъ сблизиться тѣснѣе съ нашимъ

медикомъ, чтобъ попользоваться отъ него медицинскими свѣдѣніями. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ въ скоромъ времени достигъ своей цѣли, и сталъ такимъ пріятелемъ съ русскимъ докторомъ, что часто не отпускалъ его по цѣлой недѣлѣ изъ своего загороднаго дома, гдѣ проводилъ весенніе и лѣтніе мѣсяцы. Разумѣется, что учиться основательно и систематически медицинѣ, какъ наукѣ, ему уже было и поздно и, при недостаткѣ необходимыхъ пособій, невозможно; однакожь онъ пріобрѣлъ нѣсколько практическихъ свѣдѣній и всегда счастливо умѣлъ ими пользоваться при леченіи высокихъ особъ. Такимъ образомъ, онъ постоянно заслуживалъ благоволеніе императора, и былъ возведенъ въ самое короткое время изъ мелкихъ чиновниковъ въ предсѣдатели палаты иностранныхъ дѣлъ, потомъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ нашего генерал-адъютанта, и наконецъ поручена была ему должность градоначальника столицы—мѣсто, сходствующее съ нашимъ генерал-губернаторскимъ. Надобно прибавить, что прежде полученныя мѣста оставались за нимъ же. Года три Цзи-сы-е восходилъ по лѣстницѣ почестей съ одной ступени на другую, наживая себѣ огромное состояніе средствами хотя и не законными, но на которыя смотрятъ въ Китаѣ сквозь пальцы. По мѣрѣ того, какъ состояніе его увеличивалось, усиливалась и страсть къ взяточничеству, —и вотъ случай, бывшій причиною его паденія. Въ Пекинъ пріѣхалъ ургинскій кутухта и сталъ разъѣзжать по улицамъ столицы въ золотыхъ носилкахъ, на что было дано право его предшественнику. Полиція замѣтила ему, что онъ пользуется не своимъ правомъ; кутухта же возразилъ, что онъ перерожденецъ, и слѣдовательно долженъ пользоваться тѣми же преимуществами, какъ и его предшественникъ. Но полиція отвѣчала, что только душа его перешла въ другое тѣло, прежнее же тѣло умерло, и стала требовать настоятельно, чтобъ онъ оставилъ почесть, ему непринадлежавшую. Тщеславный кутухта, не желая лишиться такого важнаго преимущества и унизиться въ глазахъ Монголовъ, прибѣгнулъ къ самому обыкновенному и самому убѣдительному средству: онъ щедрою рукою отсыпалъ Цзи-сы-е, и полиція замолчала. Обо всемъ этомъ *Юй-ши*, соглядатаи злоупотребленій, завидовавшіе быстрому возвышенію Цзи-сы-е, донесли подробно императору, который тотчасъ же лишилъ его всѣхъ должностей, и посадивъ въ тюрьму, велѣлъ судить строжайшимъ образомъ. Какъ-только Цзи-сы-е провѣдалъ о своемъ несчастіи, немедленно прислалъ въ наше посольство электрическую машину, колбы, реторты и всѣ вещи и снаряды, относящіеся къ европейской медицинѣ, и также подарки, полученные имъ отъ доктора, опасаясь, что судъ, отбирая его имѣніе, причтетъ ему въ новую вину сношенія съ иностранцами. Въ скоромъ времени имѣніе его было конфисковано въ пользу казны; а самъ онъ сосланъ на житье въ отдаленную провинцію.

Мы сказали уже, какимъ уваженіемъ и какою довѣренностію пользовался докторъ нашей миссіи между Китайцами; но за то какихъ усилій стоило ему побѣдить ихъ манеру лечиться и обычай только слегка исполнять предписанія доктора, измѣняя ихъ по своему усмотрѣнію. Одна изъ китайскихъ княженъ, страдавшая сильною водяною, обратилась наконецъ къ пособію нашего медика. Приготовивъ довольно-сильную микстуру, онъ приказалъ принимать по три ложки въ день, замѣтивъ притомъ, что лекарство очень-сильно, и потому приказаніе должно быть исполнено въ точности. По прошествіи двухъ дней (изъ осторожности микстура была приготовлена только на два дни) докторъ обѣщался снова навѣстить больную. Черезъ нѣсколько часовъ отъ княгини прискакалъ верховой съ извѣстіемъ, что госпожѣ послѣ пріема лекарства сдѣлалось очень-дурно. Медика не

было дома, онъ возвратился вечеромъ и тотчасъ отправился къ больной, не понимая причины такой перемѣны. Что́ же сдѣлала княгиня, получивъ лекарство? Она разсудила, что принимать по одной ложкѣ и долго и не такъ дѣйствительно, а потому выпила всю банку разомъ. Къ-счастію, натура княгини была такъ сильна, что все дѣло кончилось благополучно, и больная поплатилась только сильнымъ потрясеніемъ во всемъ организмѣ и не менѣе-сильнымъ страхомъ за самую жизнь; но по прошествіи нѣсколькихъ часовъ лекарство произвело скорое и благодѣтельное дѣйствіе. Докторъ нашелъ ее внѣ опасности и даже почти совершенно-облегченною отъ болѣзни. Подобные случаи повторялись много разъ, потому-что китайскіе медики имѣютъ обыкновеніе давать лекарства огромными пріемами, и больные никакъ не хотятъ понять, что болѣзни ихъ могутъ быть исцѣлены двумя, тремя ложками, или небольшими щепотками порошка. Приглашенный къ одной больной, также княжнѣ, нашъ медикъ нашелъ нужнымъ дать ей обыкновенный пріемъ ревеню, но какъ больная очень-часто уже прибѣгала къ этому средству и притомъ въ большихъ пріемахъ, о чемъ онъ не зналъ, то лекарство не подѣйствовало, и на другой день медика нашего встрѣтили замѣчаніемъ о преимуществахъ большихъ китайскихъ пріемовъ передъ европейскими. Докторъ, узнавъ причину неуспѣха, обѣщалъ прислать новое лекарство несравненно въ меньшемъ количествѣ, ручаясь, что оно будетъ дѣйствительно. Онъ взялъ самый маленькій кусочекъ сахару, растеръ съ каплею кротоннаго масла и раздѣливъ на двѣ части, составилъ такимъ образомъ едва-замѣтный порошокъ. Больная и окружавшіе ее съ недовѣрчивостью разсматривали новое лекарство и на лицахъ ихъ выражалось сомнѣніе, недовѣрчивость и едва-ли не презрѣніе, но лекарство было принято и совершенно оправдало слова доктора. Еще труднѣе было заставить Китайца соблюдать діету: едва только онъ начиналъ поправляться и чувствовалъ возрожденіе аппетита, какъ принимался со всеусердіемъ за свои обыкновенныя кушанья, даже старался ѣсть больше обыкновеннаго и выбиралъ блюда пожирнѣе, чтобъ скорѣе поправиться и растолстѣть послѣ болѣзни. Чѣмъ больной былъ богаче и знатнѣе, тѣмъ труднѣе было съ нимъ сладить. Родные и довѣренные прислужники наперерывъ старались закормить его, полагая въ обильной пищѣ самое лучшее средство возстановить силы больнаго.

Когда одинъ изъ главныхъ кутухтъ Пекина, жившій въ желтой кумирнѣ (Хуан - сы), добрый нашъ пріятель, сильно занемогъ, онъ обратился, какъ и всегда обращался, къ нашему доктору, который немедленно явился къ нему и сталъ лечить. У больнаго начиналась горячка, и обнаруживался довольно-сильный бредъ; докторъ долженъ былъ приняться за средства скорыя и рѣшительныя. Находившіеся при кутухтѣ ламы, которые обыкновенно бываютъ всегда Монголы или Тибетцы, отличались своимъ невѣжествомъ и даже глупостію, и потому докторъ не могъ и не хотѣлъ возложить на нихъ присмотръ за больнымъ и выполненіе медицинскихъ предписаній. При больномъ былъ племянникъ, умный и ловкій Китаецъ, — и къ нему-то обратился медикъ, давъ ему подробное наставленіе въ какое время, смотря по припадкамъ, и въ какомъ количествѣ давать больному дядѣ лекарство.—Не надѣясь на свою память, Китаецъ въ каждое посѣщеніе доктора исписывалъ листа по два бумаги, но при всемъ томъ никогда не могъ выполнить въ точности предписаній доктора, частію отъ-того, что путался въ своихъ подробныхъ замѣткахъ, а частію отъ-того, что его сбивали съ толку окружавшіе ламы.—Въ-теченіе цѣлой недѣли, докторъ не могъ оказать больному никакого пособія; а между-тѣмъ болѣзнь все усиливалась. Видя, что усердіе его ни

къ чему не служитъ, докторъ предложилъ больному обратиться ко мнѣ съ просьбою, чтобъ я переѣхалъ въ кумирню и наблюдалъ за точнымъ выполненіемъ всѣхъ предписаній его; въ противномъ случаѣ онъ не ручался за успѣшное леченіе. Кутухта тотчасъ прислалъ упрашивать меня своего племянника и нѣсколько Монголовъ, а съ ними, изъ особеннаго уваженія, былъ присланъ его экипажъ, въ который, кромѣ самого кутухты, никто не смѣетъ садиться. Изъ любви и сострадания къ больному и изъ дружбы къ его племяннику, я согласился выполнить ихъ просьбу, и тотчасъ же переѣхалъ въ Хуан-сы, гдѣ и пробылъ болѣе двухъ недѣль, пока не миновалась опасность.

Въ первый же день моего прибытія, кутухта объявилъ ламамъ, что онъ предоставляетъ себя въ полное мое распоряженіе, и чтобъ, безъ моего позволенія, никто изъ нихъ не смѣлъ ему давать что-либо. Самъ же больной безъ малѣйшаго возраженія принималъ отъ меня всякое лекарство, и ничего не предпринималъ безъ предварительнаго совѣщанія со мною. Онъ до того привыкъ слушаться словъ моихъ, что когда докторъ спрашивалъ его, хочется ли ему ѣсть,—онъ обращался ко мнѣ съ вопросомъ: хочется ли ему ѣсть? Докторъ спрашивалъ: въ которой части живота онъ чувствуетъ боль? Кутухта же спрашивалъ меня: «что? въ которой сторонѣ «я чувствую боль?»—Цѣлыя двѣ недѣли больной не ѣлъ ничего почти, и это обстоятельство чрезвычайно тревожило не столько его самого, сколько приближенныхъ къ нему ламъ, и они безпрестанно упрашивали меня, чтобъ я заставилъ кутухту поѣсть чего-нибудь хотя противъ воли, и опасались, что онъ умретъ безъ пищи. Время его леченія провелъ я нескучно: какъ-только больной началъ оправляться, онъ бесѣдовалъ со мною по нѣскольку часовъ о разныхъ дѣльныхъ и ученыхъ предметахъ; особенное вниманіе обращалъ онъ на географическія и статистическія свѣдѣнія о Европѣ и другихъ частяхъ свѣта. О несправедливости мнѣнія Китайцевъ, что земля составляетъ плоскость, посреди которой лежитъ Китай, онъ зналъ еще до меня и смѣялся надъ нимъ; со мною же онъ вдавался въ подробности о разныхъ государствахъ и разсуждалъ очень-умно о нравахъ, обычаяхъ, торговлѣ народовъ азіатскихъ. Особенно хорошо онъ зналъ Индію. Когда же я обращался къ нему съ вопросами о монгольской религіи и перерожденіи, кутухта отдѣлывался неудовлетворительными отвѣтами, объясняя мнѣ, вмѣсто сущности дѣла, подраздѣленія своихъ боговъ и богослужебные обряды...

Дэ-Минъ.

*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗГОВОРЪ, ПОДСЛУШАННЫЙ ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться:
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться!

Державинъ.

«А! это вы? насилу-то мы съ вами встрѣтились! Ну, что, какъ? Здоровы ли? что новаго?»... Такъ одинъ молодой человѣкъ, давно уже сидѣвшій въ книжной лавкѣ, съ книжкою «Библіотеки для Чтенія» въ рукахъ, привѣтствовалъ другаго, только-что вошедшаго въ лавку, съ живостію бросившись къ нему на встрѣчу и съ жаромъ пожимая ему руку. Этотъ молодой человѣкъ давно уже поглядывалъ на меня, съ явнымъ желаніемъ заговорить со мною,—должно быть о статьѣ, которую читалъ. Эта статья, казалось, живо занимала его, потому-что онъ и улыбался, и смѣялся; по-временамъ съ устъ его слетали неопредѣленныя восклицанія. Онъ даже заговаривалъ со мною о

погодѣ; но я, не любя заводить знакомствъ (ибо у насъ на Руси размѣняться съ незнакомымъ человѣкомъ двумя-тремя фразами о погодѣ, значитъ иногда нажить пріятеля и «моншера»), отдѣлался отъ него неопредѣленнымъ «да» и т. п. Тѣмъ живѣе была радость молодаго человѣка, при видѣ знакомаго, съ которымъ онъ давно не видался, и которому могъ излить ощущенія, возбужденныя въ немъ статьею. У нихъ сейчасъ же завязался живой разговоръ, который показался мнѣ столь интереснымъ, что я почелъ не излишнимъ довести его до свѣдѣнія публики. Описаніе наружности и характера обоихъ персонажей этой маленькой сцены нисколько не послужило бы къ ея уясненію, и потому замѣтимъ только слегка, что молодой человѣкъ, встрѣтившій съ такою живостію своего знакомаго, былъ нѣсколько вертлявъ, говорилъ скоро и громко, какъ-бы у себя дома, а лицо его казалось совершеннымъ выраженіемъ легкости и добродушія; знакомый же его отличался отъ него какою-то холодною важностью въ рѣчи и въ манерахъ. Чтобъ лучше слѣдить за ихъ разговоромъ, назовемъ перваго господиномъ А., а другаго господиномъ Б.

А. Что новаго?—Да вѣдь вы знаете, что я всегда запасался имъ отъ васъ же. Вы, кажется, что-то читали въ «Библіотекѣ для Чтенія»?

Б. Ахъ, да!—статью о «Мертвыхъ Душахъ». Чудо, прелесть! Въ иныхъ мѣстахъ хотя и вздоръ, но зато, какое во всемъ остроуміе! Такой статьи давно не бывало! Вотъ ужь можно сказать: *писано желчью...*

А. Да, правда...

Б. Жаненъ! Рѣшительный Жаненъ!

А. Ну, ужь вотъ этого-то я и не скажу. Жаненъ—болтунъ; чрезвычайный успѣхъ его основанъ на легкости и на отсутствіи всякихъ твердыхъ и глубокихъ нравственныхъ началъ въ обществѣ, для котораго онъ болтаетъ нынче совсѣмъ не то, что́ болталъ вчера, а завтра будетъ болтать совершенно противное тому, что́ болталъ вчера: но Жаненъ все-таки болтунъ остроумный, и, при другомъ обществѣ, онъ могъ бы сдѣлать изъ своего таланта лучшее, благороднѣйшее употребленіе. Но каковъ бы ни былъ Жаненъ и теперь, его болтовня всегда блещетъ умомъ и остроуміемъ, хоть и совершенно-внѣшними, и отличается *тономъ порядочныхъ людей*. Остроуміе Жанена заключается совсѣмъ не въ томъ, чтобъ, выписавъ изъ разбираемаго романа нѣсколько фразъ, плоскихъ потому именно, что онѣ вложены авторомъ въ уста изображаемаго имъ человѣка дурнаго тона, приписать эти фразы самому автору и воскликнуть: *такіе періоды настоящіе свинтусы!* Истинное остроуміе, хотя бы и легкое и мелкое, не искажаетъ умышленно предмета, чтобъ возбудить во что бы то ни стало грубый смѣхъ площадной толпы: оно находитъ смѣшное въ своей манерѣ видѣть предметы, не уродуя ихъ.

Б. Это, пожалуй, и такъ; да вѣдь дѣло-то въ успѣхѣ, и bien rira qui rira le dernier! Осуждать такое остроуміе могутъ многіе съ большою основательностію; а острить такъ сами едва-ли могли бы, еслибъ и хотѣли.

А. По-крайней-мѣрѣ, нужно для этого большая рѣшительность. Попробуйте выдумать на кого угодно смѣшную нелѣпицу—всѣ расхохочутся, и никто не захочетъ наводить справки, правду вы сказали, или ложь. Повторяйте такія выдумки чаще и насчетъ всѣхъ и каждаго: васъ будутъ презирать, а слушать и смѣяться не перестанутъ. Но всему есть мѣра и границы. Одно и то же надоѣдаетъ, а выдумывать цѣлую жизнь разнообразныя литературныя лжи невозможно, и какъ-скоро замѣтятъ, что вы повторяете самого-себя, то перестанутъ и смѣяться, начнутъ зѣвать. Это я говорю не по отношенію къ журналу, а какъ общую истину, которая удобно прилагается ко многимъ житейскимъ дѣламъ.

Б. Такъ вы совершенно отказываете въ остроуміи рецензіямъ «Б. для Ч.»?

А. Нисколько. Когда она не увле-

кается пристрастіемъ, а главное, острить надъ тѣмъ, что̀ дѣйствительно ей подъ-силу, и о чемъ серьёзно не сто̀итъ сказать и двухъ словъ,—ея рецензіи бываютъ очень-забавны. Такъ, наприм., нельзя было не улыбнуться, читая въ «Б. для Ч.» разборъ, или лучше сказать, надгробную рѣчь надъ прахомъ умершихъ прежде своего рожденія стихотвореній какого-то г. Бочарова. Но когда *такое же* остроуміе прилагается ею къ предметамъ высшаго значенія, которые почему-то всегда не по сердцу этому журналу, тогда оно по-необходимости становится плоскимъ и скучнымъ. Важное само-по-себѣ нельзя сдѣлать смѣшнымъ.

Б. Но что̀ ни говорите, а въ статьѣ о «Мертвыхъ Душахъ» много ѣдкости...

А. Прибавьте—безсильной, для предмета, слишкомъ-высоко въ-отношеніи къ ней стоящаго. Я не вижу ровно ничего остроумнаго ни въ сближеніи плохихъ стихотвореній площаднаго писаки съ поэмою Гоголя, ни въ томъ, что̀ рецензентъ называетъ «поэмами» разныя медицинскія сочиненія. Все это мнѣ кажется очень-плоскимъ. Разберите-ка этотъ разборъ съ начала до конца, по порядку. Что это такое?—Послушайте: «Вы видите меня въ такомъ восторгѣ, въ какомъ еще не видали. Я пыхчу, трепещу, прыгаю отъ восхищенія...» Пока довольно; остановимся на «пыхтѣніи» рецензента. «Пыхчу» есть настоящее время глагола «пыхтѣть», который значитъ то же, что «тяжело дышать». Но послѣднее выраженіе употребляется въ-отношеніи къ людямъ, а первое въ-отношеніи къ лошадямъ и коровамъ. Видите ли: явное незнаніе русскаго языка?.. Если же слово «пыхтѣть» и употребляется въ-отношеніи къ людямъ, то не иначе, какъ въ унизительно-комическомъ тонѣ, для выраженія волненія крови и желчи, производимаго страстями, какъ-то: пристрастіемъ, и т. п... Итакъ, что̀ же хорошаго въ рецензіи, которая почти началась словомъ «пыхчу»? — Но будемъ слѣдить далѣе за «пыхтѣньемъ» аристарха. Ему не понравилось, что Гоголь назвалъ свое сочиненіе «поэмою»,—и вотъ онъ заставляетъ своихъ читателей, «свидѣтелей его бѣшенаго восторгу», спрашивать у него, пыхтящаго рецензенту, какимъ размѣромъ писана поэма, давая тѣмъ знать, что онъ, въ своемъ эстетическомъ пыхтѣніи, написанной прозою поэмы не признаетъ «поэмою». Все это, дѣйствительно, очень-забавно и возбуждаетъ смѣхъ, но только совсѣмъ не надъ авторомъ поэмы, а развѣ надъ пыхтящею рецензіею. И мнѣ кажется, что я уже слышу громкій хохотъ свидѣтелей ея бѣшенаго восторгу, отъ-того, что въ поэмѣ нѣтъ никакого размѣру, а можетъ, и отъ смѣшной претензіи пыхтящаго рецензенту преобразовать правописаніе языку, который чуждъ ему, и котораго духу онъ совсѣмъ не знаетъ. Выписка первой страницы поэмы исполнена пустыхъ придирокъ къ слогу, изъ которыхъ главная состоитъ въ томъ, что Гоголь лучше его, пыхтящаго рецензенту, знаетъ употребленіе родительнаго падежу и не хочетъ слѣдовать его нелѣпой орѳографіи. «Поэтъ» (восклицаетъ или «пыхтитъ» рецензентъ) «поэтъ—су«щество всемірное; онъ выше временъ, «пространствъ и грамматики!» Можетъ-быть, это восклицаніе, или это «пыхтѣніе» и очень-остроумно, а главное, очень-ново и оригинально; но только оно подтверждаетъ мое убѣжденіе въ волненіи «Б. для Ч.»: не она ли, вотъ уже ровно *девятый* годъ, ежемѣсячно смѣется надъ грамматикою и доказываетъ, что эта наука изобрѣтена педантами и дураками? А теперь ей пригодилась, видно, и грамматика: она теперь глубоко уважаетъ эту науку, такъ кстати подвернувшуюся ей подъ-руку, чтобъ было чѣмъ швырнуть въ страшнаго для нея писателя, какъ нѣкогда, съ гораздо-большимъ успѣхомъ, швырялъ ею г. Гречъ въ распорядителя «Библіотеки для Чтенія». И вотъ, для доказательства своей силы въ русской грамматикѣ, рецензентъ спѣшитъ упо-

требитъ слово «запаховъ», какъ онъ употребляетъ слово «мозги», «мечтъ» и т. п. Въ выраженіи Гоголя: «покамѣстъ слуги управлялись и возились», онъ подчеркиваетъ слово «возились», давая тѣмъ знать, что оно, почему-то, будто-бы, не хорошо, а почему именно, это пока секретъ рецензенту, который онъ, вѣроятно, когда-нибудь откроетъ «свидѣтелямъ его бѣшенаго восторгу.» Впрочемъ, всѣхъ его *подчеркиваній* не перечтешь: они многочисленны и разнообразны. Но вотъ слѣдуетъ самое убѣдительное доказательство, какъ силенъ нашъ рецензентъ въ русскомъ языкѣ — послушайте: «Во всѣхъ словенскихъ языкахъ, какіе я знаю, *носъ* имѣетъ въ «родительномъ падежѣ *носа*, а *шумъ*, «*вѣтеръ* и *дымъ* имѣютъ *шуму*, *вѣтру*, *дыму*.» Скажите, Бога ради: что̀ это такое: шутка, мистификація, или просто—«пыхтѣнье»? Я не знаю, да и знать не хочу, какъ въ польскомъ или другомъ словянскомъ языкѣ, склоняются въ родительномъ падежѣ слова: *носъ*, *шумъ*, *вѣтеръ* и *дымъ*; но какъ природный Русскій, знаю достовѣрно, что слова эти въ русскомъ языкѣ принимаютъ въ родительномъ падежѣ окончаніе равно и *а* и *у*, а когда которое именно, на это нѣтъ постояннаго правила, но это слышитъ ухо природнаго-Русскаго, слыщитъ — и никогда не обманывается. Всякій Русскій скажетъ, какъ у Гоголя: «Волосъ, вылѣзшій изъ носу», и ни одинъ Русскій не скажетъ: «Волосъ, вылѣзшій изъ носа.» Точно также, должно говорить *порывы вѣтра*, а не *порывы вѣтру*. И такъ, знаніе другихъ языковъ не послужило рецензенту облегченіемъ въ знаніи языка русскаго, и онъ, съ-горя, вздумалъ перекраивать русскій языкъ на свой ладъ, и, не зная его, принялся учить ему Русскихъ!..

Б. Однакожь, согласитесь, что языкъ у Гоголя часто грѣшитъ противъ грамматики.

А. Соглашаюсь; а вы, за это, согласитесь, что не рецензенту же «Б. *для* Чт.» упрекать его въ этомъ. Я далекъ отъ-того, чтобъ ставить Гоголю въ защиту неправильность языка, которая тѣмъ досаднѣе, что у него она явно происходитъ не отъ незнанія, а отъ небрежности, отъ нерасположенія потрудиться лишнюю четверть часа надъ написанной страницей. Но у Гоголя есть нѣчто такое, что̀ заставляетъ не замѣчать небрежности его языка,—есть *слогъ*. Гоголь не пишетъ, а рисуетъ; его изображенія дышатъ живыми красками дѣйствительности. Видишь и слышишь ихъ. Каждое слово, каждая фраза рѣзко, опредѣленно, рельефно выражаетъ у него мысль, и тщетно бы хотѣли вы придумать другое слово, или другую фразу для выраженія этой мысли. Это значитъ имѣть *слогъ*, который имѣютъ только великіе писатели, и о которомъ разсуждать такъ же не дѣло «Б. *для* Ч.», какъ и разсуждать о русскомъ языкѣ, котораго она не знаетъ, что̀ можно доказать изъ каждой ея страницы, наполненной всяческихъ обмолвокъ противъ духа языка, ошибокъ противъ его грамматики, барбаризмовъ, солецизмовъ и, въ-особенности, полонизмовъ.

Б. Это совершенная правда: г. Гречъ давно это доказалъ въ своей брошюрѣ — помните?... Я вѣдь и самъ вижу, что грамматическія-то обвиненія всѣ выдуманы; но рецензентъ такъ смѣло колетъ ими и такъ смѣшно умѣетъ ихъ выставлять, что тѣмъ болѣе дивишься его неподражаемому остроумію... Впрочемъ, если грамматическія нападки рецензента для васъ и ложны, и пусты, и скучны, перестанемъ говорить о нихъ, перейдемъ къ другимъ пунктамъ обвиненій, которые, надѣюсь, будутъ посущественнѣе. Мнѣ любопытно узнать, что-то вы на нихъ скажете.

А. Да что̀ же и говорить мнѣ, если вся рецензія устремлена противъ слогу?...

Б. Нѣтъ, не противъ одного слога,

но и противъ дурнаго тона сочиненія, такъ некстати названнаго «поэмою», противъ странной претензіи автора видѣть представителей и героевъ русской жизни въ людяхъ низкихъ и глупыхъ; противъ высокаго мнѣнія о самомъ-себѣ со стороны автора, который, по таланту, не можетъ стать на ряду даже съ Поль-де-Кокомъ... Что̀ касается до меня, я со всѣмъ этимъ соглашаюсь только въ-половину, потому-что, какъ хочетъ «Б. для Ч.», а по моему мнѣнію, и Гоголь чего-нибудь да сто̀итъ. И потому, повторяю: я держусь середины...

А. Что рецензентъ насмѣхается надъ словомъ «поэма» въ приложеніи къ «Мертвымъ Душамъ», это происходитъ отъ-того, что онъ не понимаетъ значенія слова «поэма». Какъ видно изъ его намековъ, поэма непремѣнно должна воспѣвать народъ въ *лицѣ* ея героевъ. Можетъ-быть, «Мертвыя Души» и названы поэмою въ этомъ значеніи; но произнести какой-нибудь судъ надъ ними, въ этомъ отношеніи, можно только тогда, когда выйдутъ двѣ остальныя части поэмы.

Б. Рецензентъ самъ говоритъ объ этомъ въ концѣ рецензіи...

А. Да, но сперва разругавъ за это поэму, въ началѣ и серединѣ рецензіи... Что̀ касается до меня лично, *я пока* готовъ принять слово «поэма», въ-отношеніи къ «Мертвымъ Душамъ», за равнозначительное слову «твореніе». Въ этомъ значеніи, всякое произведеніе поэзіи есть поэма — и ода, и пѣсня, и трагедія, и комедія. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что, опираясь на словѣ «поэма», стоящемъ въ заглавіи сочиненія Гоголя, рецензентъ очень-наивно и очень-невинно силится бросить на автора не совсѣмъ-прохладную тѣнь неуваженія, будто-бы, къ русскому обществу, котораго репутація такъ дорога сердцу рецензенту, незнающаго русскаго языку и русской грамматики... Иначе, какъ же вы поймете «тонкіе» намеки рецензенту на то, что авторъ «Мертвыхъ Душъ» будто-бы «при каждомъ *неблаговидномъ* случаѣ наводитъ рѣчь на Русскихъ». Какой же этотъ «неблаговидный случай»? — Авторъ проситъ у читателей извиненія за то, что знакомитъ ихъ съ Петрушкою и Селифаномъ, людьми Чичикова, «зная по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями». Но чтобъ уяснить это съ умысломъ затемненное рецензентомъ дѣло,—вотъ «Мертвыя Души»—я прочту вамъ изъ нихъ все это мѣсто, изъ котораго рецензентъ взялъ только то̀, что́ нужно было ему для его цѣли. Выслушайте:

«Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя одинмъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній. Авторъ даже опасается за своего героя, который только коллежскій совѣтникъ. Надворные совѣтники, можетъ-быть, и познакомятся съ нимъ, но тѣ, которые подобрались уже къ чинамъ генеральскимъ, тѣ, Богъ вѣсть, можетъ-быть, даже бросятъ одинъ изъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ, которые бросаются гордо человѣкомъ на все, что́ ни пресмыкается у ногъ его, или, что̀ еще хуже, можетъ-быть, пройдутъ убійственнымъ для автора невниманіемъ».

Итакъ, очевидно, что авторъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, и притомъ очень деликатно, кольнулъ слабость нашего общества къ знакомству съ чинами и отличіями, а не людьми. Во-первыхъ, это правда; во-вторыхъ, это особенно не унижаетъ Русскихъ передъ другими народами, особенно, напр., передъ Нѣмцами, которые отчаянно больны чиноманіею, хотя и далеко обогнали насъ въ цивилизаціи и просвѣщеніи; въ-третьихъ, Петрушка и Селифанъ послужили для автора только предлогомъ къ нападеніямъ на чиноманію, и онъ совсѣмъ не думалъ упрекать русское общество за то, что оно не хочетъ знаться съ кучерами и лакеями. Судите же, послѣ этого, изъ какого *свѣтлаго* источника вытекло негодованіе незнающаго по-русса рецензента, негодованіе, ко-

торымъ такъ преисполнены эти его строки:

«Помилуйте! вскрикиваетъ *почтеннѣйшій* (гостинодворскій эпитетъ!) читатель, не отнимая пальцевъ отъ своего *почтеннѣйшаго* носа (острота!), который онъ имѣетъ обыкновеніе зажимать отъ такихъ *воздуховъ* (острота и грамматическая ошибка!): что вы это, съ вашимъ поэтомъ, *при каждомъ неблаговидномъ случаѣ, наводите рѣчь на Русскихъ! Въ чемъ и за что вы безпрерывно ихъ обвиняете?* Да они очень хорошо дѣлаютъ, что не хотятъ знакомиться съ вашими нечистыми героями, отъ которыхъ я самъ принужденъ поминутно *закрывать носъ* и глаза рукою. Если порядочные Русскіе не охотно сближаются съ людьми низкаго сословія, причиною этого долженъ быть распространившійся между ними благородный вкусъ къ изяществу, опрятности, образованнымъ ощущеніямъ, а не мнимый *народный порокъ*, не всеобщая спѣсь, не безразсудная гордость. *Надъ чѣмъ вы тутъ насмѣхаетесь? Куда наровите свои эпиграммы!* (не по-русски!) Страсть зазнаться!... *Да чтобы по случаю Петрушки, упрекать цѣлый народъ въ страсти зазнаваться* (у Гоголя: зазнаться съ тѣмъ, кто хотя однимъ чиномъ повыше — это рецензентомъ выключено, а глаголъ «зазнаться» поворочень на глаголъ «зазнаваться»!!...), *надо предположить, будто весь народъ ничѣмъ не лучше этого грубаго и грязнаго человѣка и только понапрасну, изъ гордости, не узнаетъ въ немъ себѣ равнаго!* Но это не правда. *Вы систематически унижаете русскихъ людей.* Я (о!...) этого не люблю, и не хочу слушать. Я самъ обожаю чистоту. Ваши *зловонныя* картины поселяютъ во мнѣ отвращеніе...»

Итакъ, скажите же: гдѣ у Гоголя все это есть, и о *томъ ли*, *то̀* ли говоритъ онъ, на что̀ возсталъ рецензентъ? Нѣтъ, это уже не «пыхтѣнье»: это что-то въ родѣ придирокъ извѣстнаго рода...

Б. Оно такъ; я не скажу, чтобъ это было хорошо; но зато, ка̀къ зло, ка̀къ ловко, мастерски!..

А. Да, видно, что мастеръ *своего дѣла*. Но объ этомъ довольно: по одному судите и обо всемъ, тѣмъ болѣе, что нашъ рецензентъ умѣетъ быть вѣренъ себѣ.

Б. Ну, а на-счетъ дурнаго тона, сальныхъ картинъ, грязныхъ изображеній — что̀ вы скажете на-счетъ всего этого? Право, «Мертвыя Души» какъ-будто писаны для сидѣльцевъ въ мучныхъ лавкахъ...

А. И однакожъ ихъ читаетъ и ими восхищается высшій свѣтъ и не находитъ въ нихъ дурнаго тона, плоскостей и сальности. Авторитетъ большаго свѣта, въ этомъ случаѣ, безусловно неоспоримъ. Въ нападкѣ рецензента на дурной тонъ «Мертвыхъ Душъ», я узнаю того же опытнаго мастера отѣнять непріятныя ему литературныя репутаціи. Правда, къ этому орудію противъ Гоголя не разъ прибѣгали уже и другіе обожатели и знатоки хорошаго тона, еще задолго до появленія бонтонно-«пыхтящей» рецензіи. И хотя эти другіе ратовали съ тою же цѣлію и въ-слѣдствіе тѣхъ же причинъ, однако они были искреннѣе въ своихъ нападкахъ на дурной тонъ, потому-что, въ простотѣ мѣщанской свѣтскости, они не шутя считаютъ неприличнымъ то̀, что̀ въ большомъ свѣтѣ нисколько не считается неприличнымъ. Но нашъ рецензентъ очень-хорошо понимаетъ, что̀ и для чего онъ дѣлаетъ. Хорошо зная невинную слабость среднихъ круговъ русскаго общества слишкомъ заботиться о приличіяхъ невѣдомаго и недоступнаго имъ большаго свѣта, онъ не пропуститъ случая попробовать ухватиться за эту чувствительную струну.

Б. Я вижу, что даже и поклонники Гоголя не чужды замашки нападать на цѣлое общество...

А. Нисколько. Франція, въ-отношеніи къ свѣтской общественности, безъ всякаго сомнѣнія, первое государство въ мірѣ. Однакожъ, и тамъ центръ свѣтскости и высшаго тона находится въ Парижѣ, и именно, въ двухъ пунктахъ: въ послѣднемъ убѣжищѣ легитимизма, Сен-Жерменскомъ Пред-

мѣстіи, и въ новой мѣщанской аристократіи, при дворѣ. Всѣ прочіе слои общества суть только болѣе или менѣе вѣрныя отраженія этихъ первообразовъ свѣтской общественности. Смѣшно и нелѣпо было бы видѣть униженіе всего общества въ весьма-обыкновенной и правдивой фразѣ, что *истинный* хорошій тонъ царствуетъ въ высшемъ петербургскомъ кругу, и что средніе круги общества часто добровольно дѣлаются смѣшными, считая и себя «большимъ свѣтомъ» и стараясь копировать съ образца, который они видятъ издали, на гуляньяхъ и въ каретахъ, проѣздомъ по улицѣ. Нѣтъ никакого униженія, когда вамъ скажутъ (если вы этого не знаете сами), что нигдѣ нѣтъ столько пустыхъ претензій, изъисканности, чопорности, а слѣдовательно, и дурнаго тона, какъ въ этихъ среднихъ кругахъ, почему-то считающихъ себя въ какихъ-то отношеніяхъ съ «большимъ свѣтомъ», который *для* нихъ есть истинная terra incognita. Такъ-какъ въ нихъ нѣтъ ничего своего, то все чужое, которымъ дышатъ они, переходитъ у нихъ въ каррикатуру: развязность и свобода высшаго общества —въ наглость, приличіе — въ чопорность, вѣжливость—въ церемонность, любезность—въ гостинодворскій тонъ. Я именно говорю о среднихъ кругахъ. Если вы знаете хорошо нашихъ помѣщиковъ, согласитесь со мною, что между ими нерѣдко встрѣчаются прекрасныя исключенія: въ ихъ домахъ вы не найдете того, чтó называется «высшимъ свѣтомъ», но найдете благородный тонъ, благородную простоту обращенія, истинную образованность, которая такъ рѣдка и въ «высшемъ свѣтѣ». Въ нихъ есть *свое*, оттого они и не пародируютъ другихъ; они берутъ отъ большаго свѣта свое, не принимая отъ него чуждаго имъ, или несоотвѣтствующаго ихъ средствамъ и положенію. Наше общество еще такъ молодо, такъ еще не установилось и не приняло общаго характера, что такія прекрасныя исключенія представляются только въ семействахъ, въ отдѣльныхъ домахъ, а не въ цѣломъ сословіи, пестромъ и разнохарактерномъ. И причина такихъ прекрасныхъ исключеній состоитъ именно въ томъ, что домы, о которыхъ я говорю, имѣютъ свое собственное значеніе и не принадлежатъ къ тому, чтó называется «средними кругами»: это аристократія нашихъ провинцій. Подъ среднимъ кругомъ должно разумѣть преимущественно чиновничество столицъ и губернскихъ городовъ—это плодородное поле, съ котораго даже и низшіе таланты, чѣмъ талантъ Гоголя, сбираютъ такую обильную жатву. Вотъ ихъ-то и имѣла въ виду рецензія. Но чтó же плоскаго и грязнаго находитъ рецензентъ у Гоголя?—Портреты Петрушки и Селифана, *запахи* (говора его не-русскимъ языкомъ), описаніе двора Коробочки, въ которомъ свиньи съ семействомъ, рывшаяся въ кучѣ сора и мимоходомъ заѣвшая цыпленка, особенно-непріятно подѣйствовала на его свѣтскую разборчивость. Чтó же бы сказалъ онъ, прочитавъ извѣстную басню Крылова, гдѣ свинья играетъ главную роль... «Грязь на грязи!» восклицаетъ «почтеннѣйшій», чистоплотный рецензентъ...

Б. Однакожъ, вы вѣрно не находите изящными подобныя картины?

А. Напротивъ, именно нахожу изящною эту грязь, «возведенную въ перлъ созданія», нахожу ее въ мильйонъ разъ изящнѣе сусальной позолоты поэтовъ средняго круга общества, поэтовъ чиновническихъ и губернскихъ. Картина быта, дома и двора Коробочки—въ высшей степени художественная картина, гдѣ каждая черта свидѣтельствуетъ о геніальномъ взмахѣ творческой кисти, потому-что каждая черта запечатлѣна типическою вѣрностью дѣйствительности и живо, осязательно возпроизводитъ цѣлую сферу, цѣлый міръ жизни, во всей его полнотѣ.

Б. Ну, хорошъ же этотъ міръ! Поздравляю съ такою жизнію!

А. Не взъищите — чѣмъ богаты,

тѣмъ и рады! Поэзія есть воспроизведеніе дѣйствительности. Она не выдумываетъ ничего такого, чего бы не было въ дѣйствительности; она только идеализируетъ явленія дѣйствительности, возводя ихъ къ общему значенію, что̀ и значитъ «возводить въ перлъ созданія». Всякая другая поэзія—пустое фантазёрство, вздоръ и пустяки, способные забавлять людей ограниченныхъ и необразованныхъ. И потому мѣрка достоинства поэтическаго произведенія есть вѣрность его дѣйствительности.

Б. Но не-уже-ли же въ русской дѣйствительности нѣтъ ничего лучше и благороднѣе Петрушки, Селифана, Коробочки, Собакевича, Чичикова и тому подобныхъ героевъ и героинь?

А. Безъ всякаго сомнѣнія, есть; и авторъ совсѣмъ не думалъ своими «Мертвыми Душами» утверждать противное. Онъ только взялъ себѣ извѣстную сферу жизни, дѣйствительно существующую—вотъ и все. Упрекать его за это — все равно, что̀ упрекать Лафонтена и Крылова, зачѣмъ они писали басни, а не оды, упрекать Мольера и Фонвизина, зачѣмъ они писали комедіи, а не трагедіи. Стекла (по прекрасному выраженію Гоголя), озирающія небесныя свѣтила и насѣкомыхъ равно велики. А какое же вы имѣете право упрекать естествоиспытателя, что онъ изучаетъ инфузорій, какъ-будто въ природѣ нѣтъ твореній, болѣе-благородныхъ? Сверхъ того, надо еще сказать, что, находя лица, изображенныя Гоголемъ, особенно-безнравственными и глупыми, довольно ребячески преувеличаютъ дѣло и грубо его понимаютъ. Эти лица дурны по воспитанію, по невѣжественности, а не по натурѣ, и не ихъ вина, что со дня смерти Петра-Великаго прошло только 116, а не 300 лѣтъ. Не-уже-ли въ иностранныхъ романахъ и повѣстяхъ вы встрѣчаете все героевъ добродѣтели и мудрости? Ничего не бывало! Тѣ же Чичиковы, только въ другомъ платьѣ: во Франціи и въ Англіи, они не скупаютъ мертвыхъ душъ, а подкупаютъ живыя души на *свободныхъ* парламентскихъ выборахъ! Вся разница въ цивилизаціи, а не въ сущности. Парламентскій мерзавецъ образованнѣе какого-нибудь мерзавца нижняго земскаго суда; но въ сущности оба они не лучше другъ друга. Люди съ божественною искрою въ душѣ вездѣ рѣдки, — и я первый пламенно желаю, чтобъ Гоголь иногда дарилъ насъ изображеніями и такихъ личностей, тѣмъ болѣе желаю, что теперь только одинъ онъ и можетъ изображать ихъ. Но я не считаю себя въ правѣ требовать, чтобъ онъ изображалъ то, а не это, или ставить ему въ вину, что онъ изображаетъ то, а не другое.

Б. Но воля ваша, а такія слова, какъ: *свинтусъ*, *скотоводъ*, *подлецъ*, *ветюкъ*, *чортъ знаетъ*, *нагадить* и тому подобныя—такія слова видѣть въ печати какъ-то странно.

А. А слышать, или самому говорить каждый день не странно?.. Но авторъ «Мертвыхъ Душъ» нигдѣ не говоритъ самъ, онъ только заставляетъ говорить своихъ героевъ, сообразно съ ихъ характерами. Чувствительный Маниловъ у него выражается языкомъ образованнаго въ мѣщанскомъ вкусѣ человѣка; а Ноздревъ—языкомъ *историческаго человѣка*, героя ярмарокъ, трактировъ, попоекъ, дракъ и картёжныхъ продѣлокъ. Не заставить же ихъ было говорить языкомъ людей высшаго общества! Что̀ же касается до слова «подлецъ», авторъ употребляетъ его и отъ своего лица, какъ люди порядочнаго тона употребляютъ, кромѣ этого слова, слова: *воръ*, *разбойникъ*, *плутъ*, *взяточникъ*, *казнокрадъ*, *завистникъ*, *лжецъ*, *клеветникъ*, и т. п. И я, право, не понимаю, что̀ неприличнаго въ словѣ *подлецъ*, и чѣмъ оно непристойнѣе, на-примѣръ, словъ *предатель*, *низкопоклонникъ*, и проч. Дѣло не въ *словѣ*, а въ *тонѣ*, въ какомъ это слово произносится. Иной любезникъ чиновническаго или гостинодворскаго кружка говоритъ все вѣжливости, одна другой тоньше и деликатнѣе, а все кажется, будто онъ отпускаетъ такія

выраженія, за которыя выводятъ подъ-руки изъ собраній; а порядочный человѣкъ выражается рѣзко, называетъ вещи ихъ настоящими словами—*вонь вонью, подлеца подлецомъ*, и между-тѣмъ разговоръ его все-таки исполненъ благородства и достоинства, приличія и хорошаго тона. Правда, Гоголь иногда касается такихъ сторонъ общественности, которыя подъ перомъ иныхъ писателей были бы просто невыносимы и для обонянія, и для слуха, и для взора; но какъ Гоголь не копируетъ дѣйствительности, а «возводитъ ее въ перлъ созданія», какъ его юморъ спокоенъ, мягокъ и благороденъ, не смотря на свою силу, цѣпкость и глубокость, то въ его созданіяхъ никогда и ничего не бываетъ низкаго и тривіальнаго. Онъ владѣетъ тайною великаго таланта обращать въ чистое золото все, къ чему ни прикоснется. Скажите по совѣсти, встрѣчали ли вы въ его сочиненіяхъ хотя одну картину грубой чувственности, написанную съ желаніемъ самому налюбоваться ею и, возбужденіемъ нечистаго восторга, пріобрѣсти себѣ большее число читателей? Гдѣ, укажите, рисуетъ онъ грязь для грязи, по страсти къ цинизму—замашка, довольно-любимая, впрочемъ, добрымъ и талантливымъ Поль-де-Кокомъ, съ которымъ такъ не въ-попадъ, такъ натянуто, вздумала равнять Гоголя рецензія? Гоголь и Поль-де-Кокъ — это имена, между которыми столько же общаго, какъ между именами Вольтера и какого-нибудь барона Брамбеуса. Кстати: я знаю одного писателя, хоть и плохо по-русски пишущаго, но во многомъ походящаго на Поль-де-Кока, по-крайней-мѣрѣ, со стороны цинизма, если не со стороны знанія языка, таланта, сердечной теплоты. Это — баронъ Брамбеусъ... Вотъ его такъ можно обвинять въ дурномъ тонѣ, въ плоскостяхъ, въ сальностяхъ, въ явномъ незнаніи русскаго языка и русской грамматики, при талантѣ, котораго силу составляетъ смѣлость, да иногда блёстки внѣшняго, поверхностнаго ума. И подобное обвиненіе можно подкрѣпить фактами, противъ которыхъ нечего будетъ сказать ни вамъ, ни всякому другому, ни даже барону Брамбеусу. Если вы забыли его несчастныя «Фантастическія Путешествія», какъ забыла ихъ русская публика, бросившаяся-было на нихъ сначала слишкомъ-горячо, по опрометчивости, столь свойственной всему молодому,—то вамъ стóитъ только перелистовать ихъ, чтобъ передъ вами возникла цѣлая галлерея картинъ, одна другой неумытѣе, одна другой спиртуознѣе, до того, что передъ ними всякіе другіе «запахи» должны утратить свою рѣзкость. Да вотъ кстати—со мной одна изъ тетрадей литературныхъ матеріаловъ, которые я собираю для составленія исторіи русской литературы. Я вѣдь и зашелъ сюда именно потому, что мнѣ нужно навести кое-какія справки на счетъ критики «Б. для Ч». Я не буду вамъ разрывать всей этой кучи, чтобъ не заставить васъ зажимать, или, какъ выражается рецензія, «закрывать рукою» вашъ «почтеннѣйшій» носъ; я только напомню вамъ бѣгло кое-что, и прежде всего то мѣсто, гдѣ баронъ проваливается черезъ Этну къ антиподамъ и попадается прямо въ антрша танцовавшей губернаторши, которая жметъ его колѣнками, душитъ, а онъ, за это, кусаетъ ее за мягкую тяжесть, наполнившую его ротъ (1)... Чтó—хорошо?.. А его чистоплотные разсказы о «тихомъ, роскошномъ, пуховомъ тѣльцѣ дѣвушекъ, въ коротенькихъ розовыхъ юбочкахъ» (2); о свѣтлой похотливой кожѣ преданныхъ на жертву жаднымъ взорамъ пухленькихъ грудей и плечь» (3); о «постели двухъ юныхъ любовниковъ, только-что оставленной ими по утру въ живописномъ безпорядкѣ, еще дышащей

---

(1) «Фант. Пут. барона Брамбеуса» стр. 307—309.

(2) «Биб. для Чтенія» 1834 г., т. I, стр. 4—5.

(3) Ibid. стр. 61.

волканическою теплотою ихъ сердецъ, среди холодныхъ уже слѣдовъ перваго взрыва ихъ *любви»* (4); о душѣ пустынника, «забирающейся за пестрые прозрачные платочки его слушательницъ, чтобъ играть съ ихъ бѣленькою грудью и щекотать ихъ подъ сердцемъ» (5); о «бѣлой, *жирной* ножкѣ мандаринши», на которой влюбленныя насѣкомыя (т. е. блохи) утопаютъ въ небесномъ блаженствѣ» и которыхъ мандаринша должна была «всякій вечеръ ловить у себя подъ рубашкою» (6). Какъ вы думаете: вѣдь право недурно?... Да то ли еще есть у «почтеннѣйшаго» барона! Вспомните-ка его «Большой выходъ Сатаны», гдѣ чортъ сидитъ на воронкѣ, обороченной вверхъ острымъ концомъ и роскошно повертывается на этомъ эстетическомъ сѣдалищѣ, въ-слѣдствіе оплеухи, данной ему сатаною... А тонъ, выраженія г. барона? О, это верхъ свѣтскости! Напримѣръ: «Если есть счастіе на свѣтѣ, то не индѣ, какъ въ шараварахъ» (7); или: «иную бабу можно считать своею деревнею, которая приноситъ 150,000 годоваго дохода» (8); или: «если бъ людей дѣлали немножко иначе, не такъ поспѣшно и съ должнымъ вниманіемъ, они были бы гораздо умнѣе» (9); или: «Льстецы, видя только *задъ* души въ глазахъ сильныхъ людей, не разбираютъ и лобызаютъ все, что имъ ни выставишь» (10)... Помните ли его статью «Юная Словесность», гдѣ *юная словесность* лѣзетъ къ нашему барону въ домъ «шумитъ, *безчинствуетъ*, ломаетъ утварь, расхищаетъ всю собственность и принадлежность счастія» (11)? Баронъ объявляетъ читателямъ, что у него есть баронесса, «образующая вмѣстѣ съ нимъ широкую и плотную массу человѣчества», которую онъ хочетъ спасти отъ нападеній «юной словесности», *для* чего и «пробуетъ треснуть ей въ лобъ колодой картъ». Юная словесность «стрѣляетъ раскаленными ядрами по бастіону супружества»; потомъ «*бусурманка* (т. е. юная словесность) изранила взаимное довѣріе супруговъ». Баронъ пыхтитъ и кричитъ: «Не поддадимся! о, коварная словесность! о, мерзкая словесность!.. Ахъ, *распутница!*» Баронесса «срывается ночью съ постели»; «повалилась на землю, грызетъ въ бѣшенствѣ камень», а *юная словесность* «вся запачканная кровью, *пыхтитъ* и качается въ своей грязной лужѣ» и проч. Право, хорошо! Что жь не смѣетесь, не хохочете, или, по-крайней-мѣрѣ, не пыхтите отъ восторгу?.. Что жь вы не восклицаете: «какіе свинтусы, какіе скотоводы эти нечистоплотные періоды, эти зловонныя картины»?.. Что такое исторія, какъ наука?—«Жеманная и придирная баба» (12)... Что такое историческій романъ? — «Плодъ соблазнительнаго прелюбодѣянія исторіи съ воображеніемъ» (13)... Что такое сочинитель «Мазепы» (плохаго романа, теперь забытаго)? — «Наѣздникъ, который въ полночь лѣзетъ къ критику въ разбитое окно, вооруженный острымъ гусинымъ кинжаломъ» (14)... Теперь, не угодно ли полюбоваться философическими афоризмами столько же глубокомысленнаго, сколько и эстетическаго барона? — «Воздухъ есть сухая вода» (15); «камень, гранитъ—тоже жидкость, но которой мы уже не можемъ укусить нашими зубами» (16); «Земная планета — атомъ приведеннаго въ броженіе теплотворомъ яичнаго

(4) «Фант. Пут.» стр. 199.
(5) «Новоселье», ч. II, стр 217—218.
(6) Ibid. стр. 168.
(7) «Новоселье», ч. II, стр. 204.
(8) «Биб. для Чтенія», т. I, отд. I. стр. 97.
(9) «Новоселье», ч. II, стр. 146.
(10) Ibid. стр. 148.
(11) «Биб. для Чтенія», т. III, отд. I, стр. 54—59.
(12) Ibid. Т. II, отд. V, стр. 42.
(13) Ibid. стр. 14.
(14) Ibid. стр 44.
(15) «Биб. для Чтенія», т. II, отд. I, стр. 145.
(16) Ibid. стр. 146.

желтка около перваго зародыша цыпленка» (17)... «Что такое я самъ?» спрашиваетъ баронъ, и тотчасъ весьма-удовлетворительно рѣшаетъ этотъ любопытный вопросъ: «*Я тоже жидкость, маленькая мѣра жидкости, сгущенной до извѣстной степени, вылитой по особенному образцу, зажженной внутри искрою небеснаго огня*» (18)... Не хотите *ли* образчика баронскаго *слогу*? — «Эта бѣдная Зенеида... Она просто жертва неопредѣленности нашего *быта*! Живая утопленница зыбкихъ его формъ, окруженная неизбѣжною погибелью, еще бор*ющаяся* съ волнами страшнаго хаоса и *въ лицѣ погибели* (?) хватаю*щаяся* за подмытые утесы, которые обрушаются и дробятся въ ея рукахъ! Уже наша образованность обманула ее призракомъ супружескаго счастія; уже *смолола ея существованіе въ своей памяти*, и бросила *его* (?) *безъ всякой доски* въ *омутъ* домашняго насилія» (19)... Хорошо!.. Но довольно! Я боюсь васъ утомить чтеніемъ этихъ отрывковъ изъ моей тетрадки, которая, увѣряю васъ, очень-любопытна, и если не пыхтитъ сама, то заставитъ порядкомъ попыхтѣть иныхъ романистовъ, критиковъ и рецензентовъ... Посудите сами о богатствѣ собранныхъ мною фактовъ: все, чтó я успѣлъ прочесть вамъ, ограничивается «Фантастическими Путешествіями», «Новосельемъ» и тремя первыми томами «Биб. *для* Чтенія» за 1834 годъ... Слышите *ли*: *только!* Сколько же еще богатыхъ источниковъ! О, я надѣюсь написать прелюбопытную исторію русской литературы!..

Б. Вотъ эта книга по мнѣ! Страхъ люблю полемику! Даетъ пищу *для* споровъ и средство взглянуть на предметъ съ разныхъ сторонъ.

А. Это будетъ не полемика, а исторія... Но мы отклонились отъ предмета нашего разговора — пыхтящей рецензіи. Она очень ошиблась — не въ томъ, что вздумала равнять Гоголя съ Поль-де-Кокомъ, и даже унижать перваго передъ послѣднимъ, но въ томъ, что могла думать, будто не найдется человѣка, который растолковалъ бы ей, что у нея подъ рукою есть писатель, совершенно подходящій подъ ея обвиненія и болѣе-годный для параллели съ Поль-де-Кокомъ... Хорошо понимая, что успѣха «Мертвыхъ Душъ» не остановить ей, пыхтящая рецензія приписываетъ необычайный успѣхъ этого превосходнаго художественнаго произведенія грязности и сальности, смѣло и храбро навязаннымъ сю. Жалкія усилія, безсильные извороты! Этакъ можно объяснять развѣ только успѣхъ какого-нибудь барона Брамбеуса и какой-нибудь «Библіотеки для Чтенія», которыхъ судьба вначалѣ была такъ блестяща, и теперь такъ печальна! Баронъ давно уже забытъ и тщетно пытался напомнить о себѣ публикѣ длиннымъ разглагольствованіемъ о «Дѣвѣ Чудной» (публика отъ «Дѣвы» заснула, а о баронѣ не вспомнила); а «Библіотека» быстро подвигается, засыпая сама и усыпляя своихъ читателей, къ берегамъ томной Леты... Передъ смертью жизнь вспыхиваетъ ярче, какъ огонь, готовый погаснуть въ лампадѣ: и вотъ вамъ причина энергіи пыхтящей рецензіи... Въ-самомъ-дѣлѣ, баронъ трудился, пыхтѣлъ, написалъ новый романъ, попытался, напечатавъ его половину, разманить имъ вниманіе публики, но, увы! — публика уже не та! Съ-тѣхъ-поръ, какъ «Б. для Ч.» успѣла ей наскучить этою мудростью, которая по плечу толпѣ, этимъ скептицизмомъ, который удивляетъ и озадачиваетъ только слабоумныхъ и невѣждъ, этимъ остроуміемъ, которое поддерживается искаженіемъ истины и повторяетъ себя однѣми и тѣми же шуточками, — съ-тѣхъ-поръ публика прочла «Капитанскую Дочку» и посмертныя произведенія Пушкина, познакомилась въ театрѣ съ «Ревизоромъ», заучила наизусть стихи Лер-

(17) Ibid.
(18) Ibid стр. 146.
(19) Ibid. стр. 161.

монтова, и много разъ перечла его «Героя Нашего Времени»... Какой шагъ впередъ! Удивительно ли, что эта публика даже не дочла до конца «Дѣвы Чудной» и назвала ее «дѣвою скучною»?.. Чтò дѣлать барону?—Тщетно «Библіотека для Чтенія» громко провозгласила г. Кукольника геніемъ, великимъ поэтомъ, какъ провозглашала она нѣкогда г. Тимоѳеева и многія другія посредственности, не страшныя, не опасныя ни ей, ни барону Брамбеусу: ничто не помогло! Публика даже не стала читать ни «Эвелины де Вальероль», ни «Двухъ Призраковъ», ни «Альфа и Альдоны»; а на расхватъ раскупила «Мертвыя Души»—произведеніе писателя, о которомъ если «Б. для Ч.» и упоминала, то всегда съ презрѣніемъ и насмѣшками... Такъ нѣкогда публика забыла «Большой Выходъ Сатаны» и не прочла «Похожденій Одной Ревижской Души», потому-что сильно заинтересовалась какою-то повѣстью о *ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ*... Постой же, мы его! . И вотъ является пыхтящая рецензія, гдѣ превосходное художественное произведеніе названо «нечистоплотнымъ твореніемъ», глубочайшій и могущественнѣйшій юморъ — плоскостью, благородное сознаніе поэта въ чувствѣ собственнаго значенія въ *родной* ему *русской* литературѣ—бредомъ напыщеннаго тщеславія, и гдѣ, къ довершенію всего, содержаніе, ходъ дѣйствія, словомъ, все представлено въ ложномъ, изношенномъ видѣ, умышленно перетолковано въ дурную сторону, подвержено мелкимъ придиркамъ мелочной критики, побирающейся мелкими обмолвками противъ языка и грамматики... Посмотримъ, поможетъ ли горю это salto mortale критической добросовѣстности и отчаянной отваги... Посмотримъ, чѣмъ кончится споръ, если онъ уже и не кончился... Гоголь, разумѣется, и не узнаетъ объ этихъ отчаянныхъ вылазкахъ на его поэтическую славу (онъ, кажется, человѣкъ совсѣмъ нелюбопытный до многаго, чтò дѣлается въ русской литературѣ); потому, естественно, онъ будетъ отвѣчать только новыми своими произведеніями, отъ которыхъ иные романисты-рецензенты запыхтятся на смерть...

Б. Я впрочемъ радъ этому разговору. Я люблю видѣть вещи со всѣхъ сторонъ. Сегодня же пойду къ С*** и къ Л***, и буду съ ними спорить противъ «Б. для Ч.» за Гоголя. Это ихъ удивитъ, а мнѣ доставитъ много удовольствія. Впрочемъ, вы все-таки не убѣдили меня. Разговоръ не тò, чтò статья. Говорить можно все, а вотъ еслибъ вы напечатали статью, гдѣ бы также смѣло опровергали рецензію «Б. для Ч.», какъ смѣло и рѣшительно она отдѣлала «Мертвыя Души» и Гоголя: тогда другое дѣло! Однакожъ я теперь не совсѣмъ согласенъ и съ «Библіотекою». Мнѣ кажется, что надо держаться середины...

А. Именно такъ. Середина всего выгоднѣе, по-крайней-мѣрѣ, для успѣха такихъ литературныхъ произведеній и такихъ журналовъ, которые судьбою поставлены на середину. Побольше такихъ умѣренныхъ людей, какъ вы, — и они всегда будутъ процвѣтать, смѣняя другъ друга, умирая индивидуально, но не переводясь какъ роды и виды... Но, пора обѣдать. Прощайте.

—

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Производительный геній нашихъ доморощенныхъ драматурговъ наконецъ совсѣмъ истощился. Даже публика Александринскаго Театра — эта самая довольная и невзъискательная изъ всѣхъ публикъ въ мірѣ — наконецъ начинаетъ понимать, что «на своихъ не далеко уѣдешь». Чтò жь тутъ дѣлать, особенно бѣднымъ бенефиціянтамъ?—Съ горя, они рѣшились на поступокъ от-

чайный: ставить на сцену старыя пьесы, снова тормошить ветхія кости покойника-классицизма. Публика Александринскаго Театра, тоже съ горя, рѣшилась смотрѣть эти пьесы, которыя, впрочемъ, *для нея* совершенная новость, и которыя скоро ей наскучатъ не хуже самодѣльныхъ и передѣльныхъ водевилей, какъ-скоро она къ нимъ попристмотрится... Боже мой! какъ быстро все идетъ на Руси! Давно ли, кажется, владычествовалъ въ нашей литературѣ и на нашей сценѣ французскій псевдо-классицизмъ! Давно ли кончились ожесточенные бои за романтизмъ противъ классицизма, и за классицизмъ противъ романтизма! И вотъ уже на пьесы Расина и Мольера смотрятъ въ театрѣ, какъ на пьесы новыя, о которыхъ только журналисты и литераторы знаютъ, что онѣ старыя. Впрочемъ, причиною этого не одинъ быстрый ходъ потока мнѣній, но и невинное незнаніе всего, что̀ дѣлалось вчера и чего уже не дѣлается нынѣ. Публика Александринскаго Театра — особая публика, подобной которой не найдти ни въ древнемъ, ни въ новомъ мірѣ. Это публика безъ преданій, безъ корня и почвы: она составляется или изъ того временно-набѣгающаго на Петербургъ народонаселенія, которое сегодня здѣсь, а завтра Богъ-знаетъ гдѣ, или изъ того дѣльнаго люда, который ходитъ въ театръ отдохнуть отъ протоколовъ и отношеній, и которому, послѣ канцелярскаго слога, лучше всего на свѣтѣ слогъ «Сѣверной Пчелы», юморъ «Библіотеки для Чтенія» и тонкая игра водевильнаго остроумія. Гдѣ жь всѣмъ этимъ людямъ помнить, что̀ было назадъ тому лѣтъ двадцать? Итакъ, давайте имъ не только Расина и Мольера, но даже и «Волшебный Носъ» г. Писарева: пока *для* нашего дѣловаго люда это будетъ ново, онъ останется всѣмъ этимъ очень-доволенъ, и будетъ съ важностію разсуждать, отъ-чего «Ифигенія въ Авлидѣ» такъ хороша, а между-тѣмъ клонитъ ко сну...

Итакъ, пересмотримъ сперва старыя «возобновленныя» пьесы, а отъ нихъ обратимся къ новой самодѣльщинѣ, передѣлыщинѣ и переводамъ съ французскаго.

27) Ифигенія въ Авлидѣ. *Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ*, *соч.* Расина, *переводъ* М. Лобанова.

Какая знаменитая трагедія — эта «Ифигенія»! Какое великое имя—этотъ Расинъ! Герои, цари, жрецы, полководцы, наперсники, наперсницы, вѣстники, александрійскіе стихи, важная выступка, пѣвучая декламація — все это чудо, прелесть, очарованіе! И если мы во всемъ этомъ не видимъ натуры, смысла, толка, страстей, чувствъ, мысли, поэзіи — виноватъ не Расинъ, а нашъ современный вкусъ, развращенный, сбитый съ истиннаго пути поэтами новаго времени, которые увидѣли высочайшій идеалъ искусства въ пьяномъ дикарѣ Шекспирѣ. И Буало былъ правъ, говоря Расину: «пиши — я ручаюсь за потомство!» Почему же Буало могъ знать, что вкусъ потомства такъ исказится, сдѣлается до того нелѣпымъ, что потребуетъ отъ поэзіи истины, вдохновенія, чувства, идеи, дѣйствительности? Почему же могъ знать Расинъ, что Буало ошибется, думая, что «потомство» вѣчно будетъ ходить въ пудреныхъ парикахъ, въ фижмахъ, въ шитыхъ кафтанахъ, въ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками? — Мы, съ своей стороны, тоже не виноваты, что вѣкъ маркизовъ-меценатовъ давно прошелъ, и что, не губя своей репутаціи честнаго человѣка, нельзя уже надѣть ничьей ливреи, чтобы сподобиться блаженства сѣсть на нижнемъ концѣ стола знатнаго барина, и за это писать его женѣ мадригалы, а ему поздравительные стихи въ высокоторжественный день именинъ его. — Итакъ, всѣ правы—и Расинъ, который писалъ такія прекрасныя трагедіи, и Буало, который такъ громко хвалилъ ихъ, и г. Лобановъ, который такъ мило переводилъ ихъ, и мы, которые такъ противно зѣваемъ отъ нихъ и такъ крѣпко спимъ послѣ нихъ.

Въ предъидущей книжкѣ «Отеч. Записокъ» мы, по поводу изданной г. Поляковымъ «Физіологіи Влюбленнаго», удивлялись похвальному самолюбію русскаго человѣка, который ни въ чемъ не хочетъ уступить ни Нѣмцу, ни Французу, и который сейчасъ же, съ топоромъ и скобелью, не только сдѣлаетъ то же, что другіе дѣлаютъ посредствомъ машинъ, но еще и норовитъ выдать свое издѣліе за нѣмецкое или французское. Одинъ изъ бенефиціянтовъ Александринскаго Театра, узнавъ (изъ «Репертуара» г. Песоцкаго), что на французскомъ театрѣ Расинъ снова въ страшномъ ходу, не задумался нисколько воскресить на сценѣ Александринскаго Театра изящные переводы г. Лобанова и поставилъ въ свой бенефисъ «Ифигенію въ Авлидѣ». Онъ даже пріискалъ для этого и свою, доморощенную mademoiselle Rachel, которая къ парижской относится точно такъ же, какъ переводные стихи г. Лобанова къ оригинальнымъ стихамъ Расина, стихамъ звучнымъ, плавнымъ, гармоническимъ, а мѣстами и поэтическимъ, писаннымъ языкомъ свѣтскимъ, безъ усѣченій, безъ «піитическихъ вольностей», безъ «сихъ» и «оныхъ», безъ «токовъ слезныхъ», и безъ стиховъ, въ родѣ слѣдующихъ:

> Куда, родитель мой, стремительно спѣшишь?
> Ужель отрадныхъ дочь объятій ты лишишь?

Вообще, постановка или возстановка подобныхъ допотопныхъ рѣдкостей очень забавна, заставляя однихъ хвалить ихъ зѣвая, другихъ — принимать ихъ за водевили и за оперы, гдѣ все сплошь поютъ; но жаль, что она положительно вредна, даже губительна для молодыхъ сценическихъ артистовъ, ибо портитъ ихъ дикцію и жестикуляцію, пріучая ихъ и говорить и двигаться не по-человѣчески. Отъ классическихъ пьесъ пострадало уже на Руси не одно замѣчательное дарованіе, и только немногіе могучіе таланты, воспитанные на классическихъ трагедіяхъ, могли освободиться, и то не безъ утраты силъ, отъ манерности и бездушной однообразности въ игрѣ. Впрочемъ, это нисколько не относится къ превосходному таланту Александринскаго Театра — г. Толченову 1-му, который, въ роли Агамемнона, былъ, по своему обыкновенію, неподражаемо-хорошъ. Будь у насъ такихъ талантовъ съ дюжину — и Расинъ, Корнель, Вольтеръ воскресли бы на Руси еще лучше, чѣмъ въ Парижѣ!

28) Школа Женщинъ. *Комедія въ пяти дѣйствіяхъ*, *въ стихахъ*, *соч.* Мольера, *переводъ* П. И. Хмѣльницкаго.

29) Критика на «Школу Женщинъ». *Комедія въ одномъ дѣйствіи*, *соч.* Мольера, *переводъ съ французскаго* Г. Н. П.

Вотъ, что касается до возобновленія Мольера на тощей сценѣ русскаго театра, — это другое дѣло! Ужь, конечно, смотрѣть комедію Мольера — болѣе умное и благородное занятіе, нежели отхлопывать себѣ руки и кричать безъ умолку при грубыхъ двусмысленностяхъ самодѣльныхъ, передѣльныхъ и переводныхъ водевилей, или при патетическихъ сценахъ топорной работы самодѣльныхъ и передѣльныхъ драмъ... Правда, Мольеръ, какъ сатирическій живописецъ нравовъ чуждаго намъ общества и далекой отъ насъ эпохи, можетъ существовать для насъ только какъ фактъ исторіи ново-европейской литературы, на сценѣ же не имѣетъ для насъ никакого значенія, никакого смысла; но, повторяемъ, лучше же что-нибудь дѣльное въ какомъ бы то ни было отношеніи, чѣмъ рѣшительно-бездѣльное во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Мольеръ былъ человѣкъ съ огромнымъ талантомъ; но, при сужденіи о немъ, надо знать, въ чемъ заключался этотъ талантъ, въ чемъ его значеніе, и гдѣ его границы и мѣсто. Французы безъ дальнихъ околичностей говорятъ и пишутъ: «Шекспиръ и Мольеръ! Мольеръ и Шекспиръ!», какъ-будто это

два родные брата, тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ ихъ родство самое дальнее. Мольеръ не былъ то, что̀ называется «художникомъ»; его комедіи не произведенія строгаго искусства; въ нихъ нѣтъ никакихъ неумирающихъ, вѣчныхъ красотъ; но имя Мольера тѣмъ неменѣе велико и почтенно, а его комедіи любезны и дороги для патріотическаго чувства Французовъ. И если Французы не правы въ томъ, что не по достоинству превозносятъ Мольера и дерзаютъ, въ слѣпотѣ національной гордости и эстетической ограниченности, ставить его наравнѣ съ тѣмъ, кто такъ же не имѣетъ себѣ равнаго между поэтами, какъ нашъ Петръ между царями — съ Шекспиромъ, то все-таки Французы правы въ своей любви, въ своей признательной памяти къ Мольеру, неохлажденныхъ ни общественнымъ измѣненіемъ, ни успѣхами новой своей литературы. Да, они правы, забывъ Корнеля и Расина, и помня Мольера. Мольеръ былъ воспитателемъ французскаго общества, въ самый интересный моментъ его развитія, когда оно, при Лудовикѣ XIV, окончательно разставшись съ грубыми формами среднихъ вѣковъ, начало новую жизнь — жизнь ума, анализа, критики. Комедіи Мольера — сатиры въ драматической формѣ, сатиры, въ которыхъ рѣзкое, остроумное перо его предавало на публичный позоръ невѣжество, глупость и подлость. И потому, въ его комедіяхъ нѣчего искать творческой концепціи, глубоко задуманныхъ характеровъ; потому, въ нихъ мало дѣйствія, ходъ неестественъ, а развязка похожа на обыкновенные coups de théâtre; потому же, въ нихъ являются такъ однообразно и благородные отцы, и резонёры и, вездѣ и всегда, любовники, какъ двѣ капли воды похожіе одинъ на другаго. Дѣйствующія лица комедій Мольера — олицетворенные пороки и добродѣтели, а самыя комедіи —варьяціи на извѣстныя нравственныя тэмы. Но въ чемъ посредственность бываетъ просто отвратительна, въ томъ самомъ геній часто находитъ для себя удобныя средства для выполненія благихъ цѣлей: комедіи Мольера, не смотря на недостатки, условливаемые самою сущностію ихъ, какъ драматическихъ сатиръ, не суть холодныя аллегоріи, но живыя бельлетрическія произведенія, нерѣдко блещущія искрами поэтическаго вдохновенія. Онѣ имѣли сильное вліяніе на современниковъ, слѣдовательно, имѣютъ историческое значеніе. Человѣкъ, который могъ страшно поразить, передъ лицомъ лицемѣрнаго общества, ядовитую гидру ханжества — великій человѣкъ! Творецъ «Тартюфа» не можетъ быть забытъ! Прибавьте къ этому поэтическое богатство разговорнаго французскаго языка, которымъ преисполнены комедіи Мольера; вспомните, что многіе выраженія и стихи изъ комедій Мольера обратились въ пословицы, — и вы поймете признательный энтузіазмъ Французовъ къ Мольеру. Присовокупите къ этому еще его поэтическую судьбу, его благородный характеръ. Но опять-таки, вѣчныхъ безотносительныхъ и безусловныхъ красокъ въ комедіяхъ Мольера нѣтъ. Его поэзія принадлежитъ не къ чисто-художественной сферѣ; онъ былъ поэтъ соціальный въ духѣ своего времени,— а его время, надо сказать, было крайне-неблагопріятно для поэзіи, которая, помня свое божественное происхожденіе, не любитъ ливреи. Комедіи Мольера если еще и могутъ даваться теперь, то не иначе, какъ для публики самой образованной, которая приходила бы въ театръ смотрѣть не просто комедію, но *историческую* комедію, приходила бы видѣть воскресшимъ передъ своими глазами давно-умершее общество, съ его вѣрованіями, нравственными началами, съ его пороками и добродѣтелями, словомъ, со всѣми особенностями его существованія — отъ образа мыслей до костюма. Но у насъ, что̀ прикажете у насъ дѣлать Мольеру? Развѣ *смѣшить* праздную толпу?...

Что̀ мы сказали вообще о недостаткахъ *рода* комедій Мольера, то̀ осо-

бенно выразилось въ «Школѣ Женщинъ». Вся завязка основана на томъ, что одинъ человѣкъ носитъ два имени, и потому невольно дѣлается повѣренньімъ юноши, который знаетъ его только подъ однимъ именемъ и который влюбленъ въ его невѣсту. Дѣйствіе происходитъ на улицѣ, и притомъ ночью. Развязка дѣлается чрезъ то, что̀ называлось у древнихъ deus ex machina. Гдѣ жь тутъ комедія, гдѣ тутъ характеры? И, не смотря на то, тутъ много комическаго, много вѣрнаго въ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Цѣль комедіи самая человѣческая—доказать, что сердца женщины нельзя привязать къ себѣ тиранствомъ, и что любовь — лучшій учитель женщины. Какое благородное вліяніе должны были имѣть на общество такія комедіи, если ихъ писалъ такой человѣкъ, какъ Мольеръ!.. О вы, обожаемые мною самородные и доморощенные русскіе драматурги! Читая Мольера, потрудитесь отдѣлить въ немъ отъ всего прочаго его общее, идеальное значеніе, и, оставя безъ вниманія все, принадлежащее странѣ и времени, постарайтесь подражать ему въ томъ, что̀ равно присущно всѣмъ странамъ и всякому времени!.. Тогда, можетъ-быть, вы перестанете ставить на сцену такія пьесы, въ которыхъ нѣтъ никакой страны, никакого времени, никакой цѣли и никакого... смысла; въ которыхъ изображается не то, что̀ есть, или что̀ можетъ быть, но то, чего и нѣтъ, и не было, и никогда быть не можетъ!..

Критика на «Школу Женщинъ» есть не что иное, какъ литературный споръ о «Школѣ Женщинъ», завязавшійся въ салонѣ. Это —пьеса, явно написанная на случай, пьеса, которая въ свое время могла имѣть важное значеніе, но теперь, кромѣ книжнаго и историческаго, никакого значенія имѣть не можетъ, особенно на сценѣ. Богъ-знаетъ, *для* чего ее дали! Въ этомъ разговорѣ особенно замѣчательно, что за̀живо-задѣтое самолюбіе завистниковъ, глупцовъ, невѣждъ и негодяевъ особенно нападало на комедію Мольера за дурной тонъ и неприличныя слова и выраженія... Люди всегда одни и тѣ же!..

30) Неровный Бракъ (*съ куплетами*). *Драма въ одномъ дѣйствіи, соч.* Скриба. *Переводъ* К. В—ра. *Куплеты* П. С. Федорова.

Не знаемъ, право, почему надъ именемъ этой пьесы стоитъ въ аффишѣ: «въ первый разъ». Пьеса эта была уже когда-то играна на русской сценѣ; слѣдовательно, это старая шутка, которой содержаніе нечего и разсказывать, тѣмъ болѣе, что оно извѣстно каждому образованному Петербургцу по французскому театру. Глядя на эту пьесу въ Александринскомъ Театрѣ, мы сперва было-стали, какъ и всѣ, смотрѣть на сцену; но это занятіе очень-скоро намъ наскучило, и мы погрузились въ невыразимосладостное мечтаніе о дивной игрѣ г-жи Алланъ въ роли жены негоціанта Рикбура, о благородной, исполненной глубины и нѣжности чувства игрѣ г. Брессана въ роли Жоржа, объ исполненной грубаго, но истиннаго чувства, искусной игрѣ г. Дюфура въ роли негоціанта Рикбура... Потомъ мы снова взглянули на сцену, и увидѣли... не то, о чемъ мечтали... Отъ этого обыкновеннаго обстоятельства намъ вдругъ захотѣлось пройдтись по корридору, за креслами, и когда мы воротились, *въ первый разъ* даваемый «Неровный Бракъ» уже кончился, и мы дали себѣ слово, при первомъ же случаѣ, опять посмотрѣть на Михайловскомъ Театрѣ «La famille de Riquebourg, ou le mariage mal assorti»...

31) Волшебный Носъ, или Талисманъ и Финики. *Волшебная опера-водевиль въ пяти дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго* А. Н. Писаревымъ.

Покойный Писаревъ принадлежалъ къ числу тѣхъ дарованій, которыя очень-сильны въ мелочахъ, — обстоятельство, которое, вѣроятно, и причиною того, что онъ теперь забытъ. Не смотря на это, всѣ наши тепере-

шніе водевилисты, вмѣстѣ взятые, не стоятъ одного Писарева. Вотъ какъ ненадежно на Руси безсмертіе водевилиста! Кстати замѣтить, что можно было бы возобновить изъ сочиненій Писарева что-нибудь получше этого фарса, забытаго назадъ тому лѣтъ пятнадцать, считая со дня его перваго появленія на московской сценѣ.

32) Мать-Испанка. *Драматическое представленіе въ трехъ отдѣленіяхъ, соч.* Н. А. Полеваго.

Когда за дѣло берется мастеръ, дѣло выходитъ хорошо. Бенефисныя пьесы обыкновенно пишутся для привлеченія большой толпы въ театръ— цѣль, *для* которой сочинители не щадятъ эффектовъ ни въ сюжетѣ, ни даже въ заглавіи пьесъ. О сюжетѣ сейчасъ; но сперва полюбуйтесь названіемъ пьесы: «Мать-Испанка». Не правда ли, у васъ сейчасъ возникаютъ въ воображеніи кинжалы, яды, убійства, самоубійства? Ну, какъ не идти въ театръ! Но постойте—это еще не все. Пьеса, или *драматическое представленіе* (Вильямъ Шекспиръ и г. Полевой никогда не называютъ своихъ драматическихъ опытовъ ни драмами, ни трагедіями, но всегда «драматическими представленіями»—привилегія геніевъ!) состоитъ изъ трехъ отдѣленій, изъ которыхъ каждое носитъ особенное названіе: 1-е — «Андалузская Роза», 2-е — «Тайна матери», 3-е — «Судъ Совѣсти»! Бѣгите, скачите, спѣшите достать билетъ! Но постойте — еще слово: не все! не все! Слушайте: *г-жа Дюръ и г. Смирновъ 2-й танцовать будутъ менуэтъ!* Эти слова читатель слышитъ уже на дорогѣ къ театру, пыль взвилась—и онъ уже не слышитъ насъ, летя стремглавъ... Подлинно, *дѣло мастера боится!*..

Филиппъ IV, король испанскій, влюбляется въ дочь герцогини Медина-Сидоніа до того, что хочетъ на ней тайно обвѣнчаться, отнявъ ее у жениха. Герцогиня объявляетъ королю, что ея дочь—сестра его, плодъ любви ея съ отцомъ короля. Послѣ разныхъ колебаній между любовью и ревностью, король прощаетъ жениха своей возлюбленной, обнажившаго шпагу на королевскаго любимца, велитъ ему сейчасъ же обвѣнчаться съ дочерью герцогини и сейчасъ же ѣхать въ Индію, куда назначаетъ его вицероемъ. Тогда герцогиня объявляетъ королю, что она солгала ему, для спасенія дочери отъ несчастія, а его, короля, отъ преступленія. Король прощаетъ ее, и дѣло оканчивается благополучно.

Все это очень-хорошо; но худо одно — что эта мать-Испанка такъ же похожа на Испанку, какъ и на Шведку, и на Нѣмку, какъ на женщину всякой другой націи; вся пьеса проникнута чѣмъ-то въ родѣ... не то дѣтскости, не то старчества: все въ ней дѣлается *по щучьему велѣнью, по моему прошенью*... Короля пожираетъ знойная страсть, которую онъ побѣждаетъ, и этого самого короля водитъ за носъ негодяй Оливарецъ, котораго сочинитель представилъ шутомъ и плутомъ: несообразность! Потомъ сочинитель заставляетъ двухъ шутовъ и дураковъ представлять, одного — каммергера, другаго — французскаго посла, и по его волѣ, они должны вести между собою разговоры, нисколько неотносящіеся къ пьесѣ и до того исполненные дурнаго тона, что этихъ двухъ господъ скорѣе можно принять за истопниковъ, нежели за придворныхъ: еще несообразность! Испанскій дворъ напоминаетъ собою гостей Сквозника-Дмухановскаго, въ пятомъ актѣ «Ревизора»: третья несообразность! Во всей пьесѣ испанскаго нѣтъ ничего, кромѣ именъ дѣйствующихъ лицъ. Характеры... но кто же и требуетъ характеровъ отъ бенефисныхъ пьесъ, и притомъ уже извѣстныхъ сочинителей? Отсутствіе характеровъ въ этомъ «драматическомъ представленіи» очень-удачно вознаграждено *менуэтомъ*, а пьеса спасена отъ преждевременной смерти искусною игрою г. Каратыгина.

33) Учитель. *Комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч.* В. З.

Молодой человѣкъ съ душою и сердцемъ, съ умомъ и образованіемъ, ю-

шелъ до бѣдственной необходимости быть домашнимъ учителемъ въ провинціи. На сценѣ балъ. Гости и гостьи оскорбляютъ учителя своими мнѣніями и грубостію, и они же считаютъ себя оскорбленными имъ и требуютъ, чтобъ его прогнали. Какимъ-то образомъ въ дочери своего хозяина, сговоренной за стараго проныру и негодяя, доктора Муса, онъ узнаетъ свою возлюбленную. Чтобъ вызвать ее, онъ играетъ на фортепьяно любимую ея пьесу, и когда Марья Ивановна входитъ, онъ поздравляетъ ее, съ бокаломъ въ рукѣ, а она, какъ водится, «ахъ!» да и въ обморокъ. Докторъ оказывается дурнымъ человѣкомъ: онъ обманомъ обобралъ дядю Гладина и тѣмъ лишилъ Гладина наслѣдства. Гладинъ при всѣхъ уличаетъ его; тотъ — просьбу. доносъ. Ходаковъ (хозяинъ дома) не знаетъ, что̀ и дѣлать: всѣ съ нимъ разссорились за учителя, а онъ не имѣетъ духу отказать ему отъ дому. Но Гладинъ, послѣ эффектной сцены съ своею возлюбленною, рѣшается у всѣхъ просить извиненія — и у самого Муса, который преклоняется на миръ тѣмъ, что Марья Ивановна обѣщаетъ выйдти за него замужъ. Въ пьесѣ нѣтъ истины, но есть что-то похожее на вѣроятность; въ куплетахъ и нѣкоторыхъ монологахъ Гладина замѣтно чувство; но пьеса такъ дурно сложена, такъ въ ней много самыхъ ребяческихъ эффектовъ, что она не могла не упасть сразу, хотя и заслуживала бы лучшей участи. Видно, что сочинитель еще слишкомъ-молодъ, а принялся за дѣло, которое требуетъ опытности и знанія жизни.

34) **Обойщикъ.** *Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, соч.* Баара *и* Дюмануара.

Г. Дюваль женится на Элизѣ Дидье. У него есть сын Артюръ, ремесломъ обойщикъ, котораго онъ признаётъ своимъ сыномъ только наединѣ съ нимъ. Артюръ обожаетъ своего отца со всѣмъ жаромъ простаго и искренняго сердца. Призванный въ домъ невѣсты для отдѣлки комнатъ, онъ нечаянно узнаётъ, что невѣста отца его любитъ другаго. Между-тѣмъ, отецъ его обвѣнчался. Въ эту минуту является и любовникъ. Г. Дюваль, ничего не подозрѣвая, приглашаетъ его къ себѣ на дачу. Но Артюръ сторожитъ за нимъ и перехватываетъ его письма къ своей мачихѣ. Разъ, г. Дюваль увидѣлъ изъ саду, что жена его позволила цаловать свои руки какому-то мужчинѣ. Артюръ, боясь сдѣлать несчастнымъ отца своего, открывъ ему все, даетъ любовнику средство скрыться,—и г. Дюваль застаетъ своего сына въ комнатѣ съ женою. Онъ выгоняетъ его съ проклятіемъ—и тщетно Артюръ клянется въ своей невинности, на колѣняхъ умоляя не лишать его любви родительской. Наконецъ, Артюръ перехватываетъ письмо любовника къ одному изъ его пріятелей; изъ этого письма видно, что онъ обманывалъ г-жу Дюваль мнимою любовью, чтобъ, уговоривъ ее бѣжать съ нимъ, воспользоваться ея деньгами для поправленія своихъ разстроенныхъ мотовствомъ дѣлъ. Артюръ доставляетъ это письмо г-жѣ Дюваль и идетъ драться съ г. Мориньи (любовникомъ), убиваетъ его и, раненый, возвращается въ объятія отца, который публично признаетъ его своимъ сыномъ. Эта прекрасная по мысли и хорошо-изложенная пьеса и у насъ шла очень-недурно, благодаря игрѣ самого бенефиціанта, г. Максимова 1-го, г. и г-жи Каратыгиныхъ и г. Мартынова.

35) **Выборы, или За споромъ дѣло стало.** *Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч.* Г. Н. П.

Максимъ Кузьмичъ Ведерниковъ — человѣкъ съ слабымъ характеромъ, а жена его, Матрена Аѳанасьевна, женщина съ сильнымъ характеромъ, и потому онъ ее боится больше смерти. Племянница ихъ, Наташа, любитъ г. Шумскаго, а тетушка хочетъ отдать ее за г. Бульбасова. Матренѣ Аѳанасьевнѣ хочется, чтоб ея мужъ былъ выбранъ въ предводители, а мужъ ея готовъ быть чѣмъ ей угодно, лишь бы она его не бранила. Бульбасовъ обѣщается хлопотать на выборахъ въ

пользу Ведерникова — и обманываетъ, а Шумскій въ пользу его самъ отказывается отъ предводительства. Наташа, между-тѣмъ, дѣйствуетъ такъ, какъ-будто ей пріятно выйдти за кого ни прикажетъ тетушка, *для* чего мистифируетъ своего возлюбленнаго мнимою холодностію, а съ Бульбасовымъ обходится до времени, какъ съ женихомъ, и такимъ образомъ проводитъ всѣхъ и достигаетъ цѣли своихъ желаній. Будь у сочинителя хоть крошечка таланта, онъ сдѣлалъ бы изъ этого сюжета прекрасный водевиль; но какъ «таковаго» не имѣется, а къ-тому же онъ вовсе не знаетъ, какъ совершаются выборы, то и вышла на сценѣ препустая пьеса.

36) Сынъ Мильйонера. *Водевиль въ трехъ отдѣленіяхъ, сюжетъ заимствованъ изъ французской повѣсти того же названія.*

На воды ждутъ сына мильйонера; матушки не дремлятъ и дочкамъ зѣвать не велятъ. По ошибкѣ, совсѣмъ-другаго принимаютъ за сына мильйонера, нѣкоего г. *Ласточкина*, который влюбленъ въ Александру Петровну, дочь Софьи Алексѣевны Сердечной. Ласточкинъ никакъ не можетъ понять, отъ-чего всѣ мужчины лѣзутъ къ нему въ друзья, а женщины такъ и вѣшаются ему на шею. Дѣла его съ Александрою Петровною пошли хорошо; но когда матушка ея узнаетъ, что онъ не «сынъ мильйонера», запрещаетъ ей любить его. Ласточкинъ заболѣлъ, и его возлюбленная рѣшается войдти къ нему въ комнату: онъ забылся въ креслахъ, и во снѣ произноситъ ея имя: — глупо-сантиментальная сцена. Въ концѣ водевиля любовники, по обыкновенію, женятся. За исключеніемъ приторно-нѣжныхъ сценъ любви, грязныхъ двусмысленностей, которымъ, впрочемъ, ужасно аплодировали и кричали «фора»—водевиль не дуренъ.

37) Супружеское Счастье, или Старый Холостякъ.

Двѣ четы супруговъ обольщаютъ своего пріятеля, стараго холостяка, блаженствомъ супружеской жизни, чтобъ женить его на дочери Петра Ивановича (фамиліи не означено на афишкѣ). Видя, какъ счастливо его пріятели живутъ съ женами, холостякъ было и разнѣжился; но жены не вытерпѣли—брань, крикъ, чуть не драка съ мужьями, а холостякъ давай Богъ ноги отъ супружескаго счастія. Водевиль на сценѣ забавенъ.

38) Капитанъ втораго ранга и Жена первой статьи. *Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго* Г. Н. П.

Капитанъ Алышовъ бѣжалъ изъ Риги отъ своей жены, по причинѣ крутости ея характера. Черезъ нѣсколько лѣтъ, поселившись въ Петербургѣ въ собственномъ домѣ, онъ скучаетъ, но по совѣту своего управляющаго, беретъ къ себѣ въ компаньйонки бѣдную дѣвушку, живущую въ его домѣ съ своею матерью. Въ дѣвушкѣ, онъ узнаетъ свою дочь и, черезъ нее, опять сходится съ грозною своею супругою.

39) Дѣдушка Назаръ Андреевичъ. *Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч.* Скриба, *передѣланный съ французскаго* П. С. Федоровымъ.

Дѣдушка Назаръ Андреевичъ до того любитъ своихъ внуковъ, что они дѣлаютъ изъ него, что хотятъ. Одинъ изъ нихъ, видя, что соперникъ отбиваетъ у нихъ любезную, велитъ дѣдушкѣ за нее свататься и чуть не женитъ его на ней. Этотъ водевиль, какъ видно, совершенно во французскихъ нравахъ; перерядившись же въ русскіе нравы, онъ превратился въ фарсъ, который игра г. Мартынова сдѣлала очень-забавнымъ.

40) Барабанщикъ, *водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго.*

Содержаніе этой пьесы до того запутано, безтолково и натянуто, что мы на другой же день забыли, что такое въ ней представлялось.

41) Фортункинъ, или Мужъ съ мѣста, другой на мѣсто. *Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго* Д. Ленскимъ.

Промотавшійся Фортункинъ живетъ въ гостинницѣ; но кредиторы заставили его убраться вонъ. Нумеръ его заняли пріѣзжіе, мужъ съ женою. Въ нхъ отсутствіе является Фортункинъ (видно нумеръ не былъ запертъ) и ложится спать. Горничная Лелевыхъ принимаетъ его за барина, и проситъ у него позволенія отправиться въ маскарадъ; изъ-за занавѣсокъ кровати, онъ отпускаетъ ее, и она уходитъ съ своимъ любовникомъ, цирюльникомъ Тетеревымъ. Пріѣзжаетъ Лелева—забавная сцена, пріѣзжаетъ Лелевъ — другая, и т. д. Весь водевиль забавенъ.

*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Всѣ согласны, что русская литература довольно-небогата, такъ-что охотникамъ до русскихъ книгъ просто нечего читать, если они хотятъ читать только одно хорошее. Въ 1840 году вышелъ «Герой Нашего Времени», а въ 1842 году вышли «Мертвыя Души». Если включить сюда пять-шесть повѣстей въ журналахъ и альманахахъ.— вотъ и все по части прозы... Кто будетъ спорить, что для прочтенія *всего этого* немного нужно времени? Въ 1840 году вышли стихотворенія Лермонтова, а въ 1841—42 году, отъ дня смерти поэта почти до настоящей минуты, напечатаны въ «Отеч. Запискахъ», кромѣ небольшихъ пьесъ, отрывки изъ «Демона» и поэма «Бояринъ Орша»; если включить сюда вышедшія въ нынѣшнемъ году стихотворенія г. Майкова, да еще пять-шесть стихотворныхъ пьесъ, разсѣянныхъ по журналамъ и альманахамъ, вотъ и все,— что явилось примѣчательнаго по части стиховъ въ послѣдніе два года!.. Опять никто не будетъ спорить, что для прочтенія *всего этого* нужно слишкомъ-мало времени... Репертуаръ русской сцены — эта арена гг. Кукольника, Полеваго, Ободовскаго, Коровкина, Соколова и многихъ другихъ, — репертуаръ русской сцены представляетъ собою то засохшее поле, на которомъ ни былинки, то, послѣ долгихъ проливныхъ дождей, покрытую грибами и дождевиками поляну... Вообще, наша драматическая литература хуже всякой другой нашей литературы; о ней не стбяло бы даже и говорить. Но все это дѣло весьма-поправимое, и притомъ легко-поправимое. Удивляемся, какъ никому не пришло въ голову этого простаго средства, и только одна «Сѣверная Пчела» могла придумать его. Въ 42 № этой газеты напечатано, между прочимъ, слѣдующее:

«Хладнокровіе къ русской литературѣ и русскимъ художествамъ, грѣхъ противу русской народности, слѣдовательно и противу патріотизма. Вы скажете намъ: да виноваты ли мы, что за границею пишутъ лучше (*чѣмъ — гдѣ?*), что водевили Скриба лучше нашихъ, что драмы Дюма и Виктора Гюго занимательнѣе (*чего?*), что романы Евгенія Сю, Бальзака и Жоржъ Зандъ превосходнѣе (*чего?*), что Les Français peints par eux-mêmes лучше *Нашихъ*?.. Быть можетъ, не споримъ. Но если въ годовыхъ своихъ расходахъ вы полагаете тысячу рублей на вистъ и тысячу рублей на непредвидимыя мелкія издержки, опредѣлите, *пожалуйста*, хотя *пятьсотъ рублей на русскія книги! Не читайте сами*, *если онѣ вамъ не нравятся*, *но отсылайте каждую зиму въ деревню*, *въ вашу деревенскую библіотеку*. *Пусть онѣ лежатъ тамъ спокойно*. Придетъ время, и вашъ потомокъ воздастъ вамъ за это честь и хвалу! — *Вамъ скучно въ русскомъ театрѣ — нѣтъ нужды! появляйтесь тамъ въ представленіе каждой новой русской пьесы, особенно оригинальной—это принесетъ большую пользу искусству!* Піесы пишутся по публикѣ, и когда люди высшаго вкуса и образованія станутъ появляться въ русскомъ театрѣ, піесы будутъ изящнѣе.»

Какъ жаль, что подъ этою прекрасною статьею не подписано имени ея

сочинителя, которое, такимъ образомъ, не перейдетъ въ потомство и не пріобрѣтетъ заслуженнаго имъ безсмертія! Какой проектъ, Боже мой, какой проектъ! Какъ онъ простъ и удобоисполнимъ! А между-тѣмъ какіе великіе результаты должны изъ него выйдти! Литература процвѣтетъ, т. е. потомки прочтутъ книги, которыя не стоили вниманія современниковъ, и будутъ обязаны живѣйшею благодарностію собирателямъ этихъ драгоцѣнныхъ библіотекъ... Увидя, что и высшее общество ѣздитъ зѣвать и спать на представленія новыхъ русскихъ, особенно оригинальныхъ, пьесъ,—наши драматурги вдругъ пріобрѣтутъ и талантъ, и вкусъ, и умъ, и чувство приличія, и знаніе жизни, словомъ, все, чего они съ такою истинно-достойною удивленія рѣшимостію досихъ-поръ не хотятъ пріобрѣтать... Помилуйте, да такой проектъ больше всякой книги заслуживаетъ демидовскую премію!.. Честь и слава газетѣ, гдѣ печатаются такіе дивные проекты!..

—

Что̀ такое патріотизмъ и патріоты — всякій знаетъ; но не всякій знаетъ, что патріоты раздѣляются на два разряда. Одни получаютъ имя патріотовъ за свои заслуги, отъ общества и отъ исторіи, какъ получили его Мининъ, Пожарскій, Сусанинъ и другіе, не дожидаясь приговора общества, которое часто бываетъ завистливо, и исторіи, которая всегда бываетъ медленна. Другіе сами себя провозглашаютъ патріотами, потому-что громче другихъ говорятъ о любви и ревности ко всему отечественному. У насъ въ литературѣ теперь особенно много развелось патріотовъ втораго разряда. Между ними даже есть люди, неумѣющіе безъ ошибки противъ языка написать двухъ строкъ по-русски, но тѣмъ не менѣе, въ своей патріотической ревности затѣвающіе преобразованіе русскаго слога. Другіе, прижавшись за-какого-нибудь опытнаго корректора, кое-какъ понавострились писать русскимъ складомъ, за что̀ даже стяжали себѣ славу «сочинителей» на всѣхъ толкучихъ рынкахъ, гдѣ, между прочимъ хламомъ, продаются, и порознь и мѣшками, книги, которыя не пошли въ ходъ изъ книжныхъ лавокъ, или которыя прежде бойко шли, но потомъ, какъ говорится, вдругъ оборвались. Третьи, чтобы сдѣлать для всѣхъ яснѣе свой патріотизмъ, пишутъ языкомъ временъ Кошихина, примѣромъ русскихъ мужиковъ и бабъ уличаютъ Богъ-знаетъ въ чемъ Гоголя и французскихъ романистовъ, которые, разумѣется, ничего объ этомъ не знаютъ, а потому и не могутъ исправиться. Вообще, эти третьи всѣхъ интереснѣе. Россія не сходитъ съ ихъ пера, и, читая ихъ писанія, не знаешь, чему больше дивиться: тому ли, что они, подобно мухѣ Крылова, хлопочутъ о томъ, что̀ и безъ ихъ хлопотъ хорошо идетъ; тому ли, что они пишутъ для такого класса людей, который, по незнанію грамоты, не можетъ читать ихъ, или, наконецъ, той наивной скромности, съ которою они даютъ знать, какъ крѣпко залегла у нихъ на сердцѣ мысль о благосостояніи всего отечественнаго... Одинъ изъ этихъ господъ недавно далъ совѣтъ русскимъ образованнымъ классамъ, чтобы они посылали своихъ дѣтей учиться русскому языку въ крестьянскія избы!!.. Впрочемъ, дѣло рѣшеное, что тяжелые труды, часто не вполнѣ вознаграждаемые современниками, составляютъ принадлежность только патріотовъ перваго разряда; патріоты же втораго разряда всегда и вездѣ благоденствовали, и должно-быть, на нихъ метилъ Крыловъ этими чудесными стихами:

А смотришь: по маленьку
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку...

—

История о ножичкѣ (*фактъ для будущаго историка русской литературы*). Въ 63 № «Сѣверной Пчелы» нынѣшняго года помѣщено, между-прочимъ, письмо гг. Анифьева, Страхова и Вагина, мастеровъ села Павлова, къ какому-то Ивану Ильичу. Письмо это напечатано подъ названіемъ «Защита *добрыхъ* русскихъ мастеровъ» и заключаетъ въ себѣ возраженіе на статью о селѣ Павловѣ, напечатанную въ «Живописномъ Обозрѣніи». Оно оканчивается слѣдующими, равно любопытными и для современниковъ и для потомства, строками:

«......Милостивый государь Иванъ Ильичъ, мы и рѣшились васъ покорнѣйше попросить этимъ письмомъ, взять на себя трудъ увидѣться съ его высокоблагородіемъ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ Булгаринымъ, *какъ ревностнымъ защитникомъ и любителемъ всего отечественнаго*, и попросить его, не помѣстить ли онъ хотя небольшой статейки, въ защиту нашихъ издѣлій противъ Живописнаго Обозрѣнія, въ Сѣверной Пчелѣ, *всегда вѣрной и безпристрастной вѣстницѣ* о *всѣхъ произведеніяхъ отечественныхъ, которую мы около десяти лѣтъ постоянно читаемъ и перечитываемъ, а въ особенности статьи* г. Булгарина, *всегда съ особеннымъ удовольствіемъ.*»

При семъ г. Булгаринъ *предъявляетъ* въ выноскѣ слѣдующее:

«Литературные мои противники могутъ обвинить меня въ тщеславіи, самолюбіи и *въ чемъ угодно* (*sic!*) за то, что *я* не вычеркнулъ изъ письма лестныхъ *для* меня выраженій. Подвергаюсь охотно всѣмъ упрекамъ и насмѣшкамъ журналовъ, но эта похвала русскихъ грамотныхъ мастеровыхъ такъ *для* меня лестна, такъ радуетъ меня и утѣшаетъ, что *я* не промѣняю ея на цѣлые печатные листы журнальной похвалы, и на самые кудрявые французскіе *или* русскіе комплименты (*разумѣется, если бы таковые имѣлись*)! Болѣе всего дорожу *я* мнѣніемъ русскихъ людей, смотрящихъ на вещи и дѣла безпристрастно! Наши судьи *они*, а не литературныя партіи!.. Справьтесь, любезные мои противники, есть ли одинъ русскій грамотный человѣкъ, *заглядывающій* въ *печатное*, который бы не зналъ: *Ѳ. Б.?*»

Выписавъ выноску, *или предъявленіе* г. Булгарина, выпишемъ и конецъ письма грамотныхъ и безпристрастныхъ цѣнителей г. Булгарина, мастеровыхъ села Павлова:

«Мы препровождаемъ при семъ карманный ножичекъ (*), сдѣланный на *имя* г. Булгарина однимъ изъ малоизвѣстныхъ еще мастеровъ нашихъ, Иваномъ Хотяинымъ; онъ теперь человѣкъ молодой, но обѣщаетъ въ себѣ, въ-послѣдствіи, по издѣлію, многое. Этотъ ножичекъ и теперь, какъ по чистотѣ отдѣлки, такъ и по прочности въ закалкѣ стали, можетъ стать въ соперничество съ лучшими иностранными издѣліями этого рода, и въ четверо ихъ дешевле. Мы просимъ покорнѣйше господина Ѳаддея Венедиктовича, принять его какъ доказательство, что у насъ въ Павловѣ, фабрикація такихъ издѣлій не только не унижается, но по времени болѣе и болѣе совершенствуется и распространяется. Въ надѣяніи на васъ, имѣемъ честь быть, и *проч.*»

Изъ этого любопытнаго факта для будущаго историка русской литературы мы выводимъ много утѣшительныхъ и отрадныхъ слѣдствій. Исчислимъ нѣкоторыя изъ нихъ:

I. Самые лучшіе и безпристрастные цѣнители литературныхъ заслугъ суть грамотные мастеровые; они же и самые ревностные читатели «Сѣверной Пчелы», а въ особенности статьи г. Булгарина всегда съ особеннымъ удовольствіемъ они читаютъ и перечитываютъ.

II. Вниманіемъ грамотныхъ мастеровыхъ г. Булгаринъ дорожитъ больше, чѣмъ литературными отзывами (вѣроятно потому-что отъ послѣднихъ ему уже нечего ожидать, тогда какъ отъ первыхъ, по новости для нихъ этого дѣла, онъ можетъ еще кое-чего надѣяться).

(*) «Ножичекъ этотъ получилъ *я* съ благодарностію, и берегу какъ вещь драгоцѣнную, потому что онъ подаренъ мнѣ *цѣлымъ міромъ* села Павлова! отказать *я* даже не смѣлъ, и сознаюсь, что этотъ пятирублевый подарокъ дороже мнѣ весьма многаго драгоцѣннаго! *Ѳ. Б.*»

III. Всѣ грамотные люди, заглядывающіе въ *печатное*, знаютъ, что такое Ѳ. Б.

IV. Ножичекъ подаренъ г. Булгарину не тремя, или четырьмя мастеровыми села Павлова, какъ значится изъ письма, а *цѣлымъ міромъ села Павлова*, какъ увѣряетъ г. Булгаринъ своихъ читателей и цѣнителей (т. е. грамотныхъ мастеровыхъ), и что, поэтому, онъ, г. Булгаринъ, будетъ хранить этотъ ножичекъ, какъ вещь драгоцѣнную, хоть онъ и стоитъ всего какихъ-нибудь пять рублей.

V. Мы увѣрены, что черезъ какихъ нибудь много-много сто лѣтъ «драгоцѣнный ножичекъ» будетъ продаваться дороже пера, которымъ Наполеонъ подписалъ въ Фонтенбло свое отреченіе отъ престола.

—

История о Митрофанушкѣ въ Лунѣ (*Еще матеріалъ для будущаго историка русской литературы*).

Въ 73 № «Сѣверной Пчелы» напечатана, между прочимъ, слѣдующая *литературная* статья:

«Позволивъ книгопродавцу И. Т. Лисенкову перепечатать въ трехъ частяхъ сочиненія мои изъ разныхъ журналовъ, *я обѣщалъ* ему къ четвертой части написать разсказъ, подъ заглавіемъ: *Митрофанушка въ Лунѣ*, но до сихъ поръ этого новаго сочиненія г. Лисенкову не доставилъ, а потому и прошу всѣхъ подписавшихся у него на четвертую часть моихъ сочиненій избавить его, Лисенкова, отъ всякой отвѣтственности. Я же принимаю на себя публично священную обязанность *выставить* четвертый томъ къ нынѣшнему лѣту, въ удовлетвореніе гг. подписавшихся. При семъ долгомъ считаю объясниться на счетъ этого замедленія, въ которомъ *я безъ вины виноватъ*. Рукопись не только была *написана*, но даже *процензирована*, и по несчастному случаю *утрачена*. Что тутъ дѣлать? Писать вновь то, что уже было написано однажды, припоминая прежнее? Кто знакомъ, хотя нѣсколько, съ трудомъ воображенія, тотъ знаетъ, какъ это тяжело! Мучительнѣйшей пытки нельзя изобрѣсть для головы литератора, какъ повтореніе однажды уже конченной работы! — Между тѣмъ, г. Лисенковъ завелъ со мною процессъ, какъ это было видно изъ Полицейскихъ Вѣдомостей, и дѣло остановилось. Теперь прошу всѣхъ и каждаго подождать спокойно *шесть недѣль*, и четвертая часть будетъ готова. Симъ отвѣчаю на всѣ вопросы, запросы и требованія! *Нельзя же истолочь мозгъ литератора въ ступѣ, и спечь пирогъ*. Дѣло ума—дѣло невольное. *Нейдетъ въ голову мысль, такъ и пушечнымъ ядромъ не вгонишь ее*. Ѳ. Булгаринъ.»

Изъ этого «предъявленія» мы не выводимъ никакихъ слѣдствій: дѣло ясно само-по-себѣ. Можно замѣтить развѣ, что это обѣщаніе съ шестинедѣльнымъ срокомъ напечатано 2 апрѣля, теперь сентябрь,—а «Митрофанушки» все еще нѣтъ!

—

Свѣтскость рѣшительно сдѣлалась маніею нѣкоторыхъ сочинителей. Не то, чтобъ они были люди свѣтскіе, или находились въ какомъ-нибудь соприкосновеніи, прямомъ или косвенномъ, съ тѣмъ, что̀ называется «большимъ свѣтомъ»: нѣтъ, совсѣмъ не то! Ихъ уваженіе къ свѣтскости гораздо-выше и безкорыстнѣе: это что-то въ родѣ рыцарскаго обожанія красоты, которой никто изъ нихъ и не видалъ, но за честь которой каждый изъ нихъ готовъ переломить копье со всякимъ, осмѣливающимся сомнѣваться, что ихъ Дульцинея не первая красавица въ мірѣ. Впрочемъ, они стараются извлекать изъ своего безкорыстнаго обожанія кое-какія выгоды. Когда является твореніе поэта, на смерть убивающее произведенія этихъ «свѣтскихъ сочинителей»,—они, эти «свѣтскіе сочинители», сейчасъ поднимаютъ совсѣмъ не свѣтскій крикъ и силятся художественную вѣрность дѣйствительности въ великомъ твореніи выставить грязными картинами, вѣрность натурѣ и характерамъ изображаемыхъ лицъ—площадными словами, которыя будто-бы поэтъ употребляетъ отъ самого-себя, по страсти своей къ цинизму. Нельзя, однакожь, во всѣхъ

этихъ нападкахъ видѣть умышленное искаженіе истины, неблагонамѣренную цѣль: напротивъ, многіе изъ нихъ удивляютъ своею искренностію. Дѣло въ томъ, что наши «свѣтскіе сочинители» смѣшиваютъ свой собственный кругъ общества съ большимъ свѣтомъ, котораго имъ и во снѣ не случалось видѣть. Къ какому же кругу общества принадлежатъ эти «свѣтскіе сочинители»?—Къ тому самому, который такъ превосходно выведенъ Гоголемъ въ IX-й главѣ «Мертвыхъ Душъ», гдѣ такъ геніально изображены «пріятная во всѣхъ отношеніяхъ дама» и «просто-пріятная дама». Впрочемъ, въ IX-й главѣ это общество представлено въ дѣйствіи, а общая характеристика его находится въ VIII-й главѣ, изъ которой, кстати, выпишемъ здѣсь нѣсколько строкъ: «Дамы города N отличались, подобно многимъ дамамъ петербургскимъ, необыкновенною осторожностью и приличіемъ въ словахъ и выраженіяхъ. Никогда не говорили онѣ: я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула, а говорили: я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка. Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать: этотъ стаканъ, или эта тарелка воняетъ. И даже нельзя было сказать ничего такого, что бъ подало намекъ на это, и говорили вмѣсто того: этотъ стаканъ не хорошо ведетъ себя, или что-нибудь въ родѣ этого» (306 стр.). Трудно было бы и вообразить, что̀ говорятъ дамы города N о «Мертвыхъ Душахъ» Гоголя; но нѣкоторые «свѣтскіе сочинители» своими рецензіями удачно и удовлетворительно рѣшили эту задачу. Въ то время, какъ высшій свѣтъ, почти нечитающій русскихъ книгъ (по причинамъ, которыхъ по совѣсти нельзя не одобрить), читаетъ «Мертвыя Души» и восхищается ими, не находя въ нихъ ни одного слова, котораго бы нельзя было прочесть громко въ обществѣ,— они, бѣдняжки, т. е. наши «свѣтскіе сочинители» такъ и рвутся отъ негодованія на произведеніе Гоголя за грязность его картинъ и выраженій. Вотъ, что̀ недавно прочли мы, по поводу этого:

«Мы слышали, будто въ здѣшней столицѣ учредилось дамское общество, въ которомъ запрещается говорить по-французски, и возлагается обязанность изъясняться непремѣнно по-русски, разумѣется, съ Русскими. За каждое французское слово должно платить штрафъ, въ пользу бѣдныхъ по пятачку, а за неправильную русскую фразу по гривеннику. Ежели вѣсть эта справедлива, поздравляемъ русское общество съ этимъ благороднымъ предположеніемъ! Господа писатели, держите ухо (в)остро! Что̀ вы представите нашимъ дамамъ? Въ одной здѣшней газетѣ, новый романъ г. Гоголя называютъ *образцовымъ* твореніемъ, не знаемъ въ шутку, или серіо(ё)зно, а сколько при чтеніи этого романа придется заплатить гривенниковъ штрафа!!! А за нѣжныя картины его, что̀ платить? Повторяемъ: гг. писатели, помните, что у васъ есть дамы!» (Свв. Пчела, 1842, № 143).

По тону статейки, можно заключить съ достовѣрностію, что ея свѣтскій сочинитель, говоря о дамахъ, явно намекаетъ на «пріятную во всѣхъ отношеніяхъ даму» и «просто-пріятную даму». Это еще болѣе подтверждается слѣдующими строками въ той же газетѣ, которыя отличаются истинно-изящнымъ тономъ: призывая русскую публику, изъ патріотизма, покупать плохія книги, свѣтскій сочинитель восклицаетъ: «Что значитъ человѣчество безъ просвѣщенія? Извините, господа, что *разболтался*! Чѣмъ полна душа, того не удержишь! Лишь тронулъ — льется черезъ край! О, любезный мой языкъ русскій, *дѣдушка* славянскихъ нарѣчій! О, милая русская литература! ка́къ мнѣ не вспоминать объ васъ, когда у васъ такъ немного истинныхъ друзей!...» Боже ты мой! что̀ за свѣтскость!

—

Одинъ сочинитель вздумалъ исчислить, сколько разъ былъ онъ браненъ въ другихъ журналахъ, и началъ—720 разъ!..Кстати, онъ утверждаетъ, будто «Отеч. Записки» составили противъ

него вооруженный союзъ... Смѣшная и забавная выходка! Желая очистить русскую литературу отъ подобныхъ жалкихъ явленій, «Отеч. Записки» неутомимо преслѣдуютъ ихъ, но не *бранью*, а *правдою*, и больше *выписками собственныхъ словъ* такихъ сочинителей, чѣмъ возраженіями на нихъ. 720 разъ разбраненный сочинитель держался до-сихъ-поръ тѣмъ, что его выводили на свѣжую воду только московскіе журналы, мало имѣвшіе хода въ Петербургѣ; именно отъ-того, что теперь за нимъ смотрятъ въ петербургскомъ журналѣ, онъ и потерялъ послѣдній кредитъ между сколько-нибудь образованными людьми, и радъ, бѣдняжка, что его хоть мастеровые-то еще читаютъ и хвалятъ... Это подаетъ надежду, что «Отеч. Записки» скоро совсѣмъ перестанутъ обращать на него свое вниманіе, которое, впрочемъ, и теперь обращаютъ онѣ рѣдко, именно, только по случаю его выдумокъ на нихъ. Между-тѣмъ, онъ самъ, о чемъ бы ни заговорилъ, всегда привяжется къ «Отеч. Запискамъ». Боясь ихъ вліянія на публику, онъ, при изданіи всякаго новаго своего пачканья, проситъ «Отеч. Записки» разбранить его... Что это значитъ? — А вотъ что: по его мнѣнію, весьма основательному, сказать о его сочиненіи правду, значитъ разбранить его; зная же впередъ, что къ «Отеч. Запискамъ» нельзя зайдти ни съ которой стороны, и что онѣ непремѣнно скажутъ всю правду, нашъ сочинитель показываетъ видъ, что похвала «Отеч. Записокъ» опаснѣе для его книги или статьи, чѣмъ порицаніе... Принявъ такую политику, онъ каждый разъ, какъ готовится напечатать гдѣ-нибудь свои новыя погудки на старый ладъ, проситъ «Отеч. Записки» бранить его; а «Отеч. Записки» каждый разъ снисходительно выполняютъ его униженныя просьбы.

—

Въ 158 № «Сѣверной Пчелы», какъ образчикъ безсмыслицы, выставляютъ слѣдующее мѣсто изъ статьи «Отеч. Записокъ» о «Мертвыхъ Душахъ»:

«Величайшимъ успѣхомъ и шагомъ впередъ считаемъ мы со стороны автора то, что въ «Мертвыхъ Душахъ» вездѣ ощущаемо и, такъ-сказать, осязаемо проступаетъ его субъективность. Здѣсь мы разумѣемъ не ту субъективность, которая, по своей ограниченности или односторонности, искажаетъ объективную дѣйствительность изображаемыхъ поэтомъ предметовъ; но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человѣка съ горячимъ сердцемъ, симпатическою душою и духовно-личною самостію,—ту субъективность, которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою *душу живу* явленія внѣшняго міра, а черезъ то и въ нихъ вдыхать *душу живу*... Это преобладаніе субъективности, проникая и одушевляя собою всю поэму Гоголя, доходитъ до высокаго лирическаго паѳоса и освѣжительными волнами охватываетъ душу читателя даже въ отступленіяхъ, какъ на-прим., тамъ, гдѣ онъ говоритъ о завидной долѣ писателя, «который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія; который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратіямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко-отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы»; или тамъ, гдѣ говоритъ онъ о грустной судьбѣ «писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подъ-часъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи»; или тамъ еще, гдѣ онъ, по случаю встрѣчи Чичикова съ плѣнившею его блондинкою, говоритъ, что «вездѣ, гдѣ бы ни было въ жизни, среди ли чорствыхъ, шероховато-бѣдныхъ, неопрятно-плеснѣющихъ, низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ, хоть разъ, встрѣ-

тится на пути человѣку явленье, непохожее на все то, что случилось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь: вездѣ, поперегъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотою упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ неожиданно промчится мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, невидавшей ничего, кромѣ сельской телеги — и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хоть давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ»... Такихъ мѣстъ въ поэмѣ много—всѣхъ не выписать. Но этотъ паѳосъ субъективности поэта проявляется не въ однихъ такихъ высоко-лирическихъ отступленіяхъ: онъ проявляется безпрестанно, даже и среди разсказа о самыхъ прозаическихъ предметахъ, какъ, на-прим., объ извѣстной дорожкѣ, протоpенной забубеннымъ русскимъ народомъ... Его же музыку чуетъ внимательный слухъ читателя и въ восклицаніяхъ, подобныхъ слѣдующему: «Эхъ, русскій народецъ! не любитъ умирать своею смертью»!..»

Все это въ «Сѣверной Пчелѣ» выписано безъ отличенія выраженій нашихъ отъ выраженій Гоголя, отличенныхъ въ нашей статьѣ обыкновенными знаками. Затѣмъ слѣдуетъ къ намъ просьба, растолковать, что значитъ: «*осязаемо проступаетъ* его субъективность», какая это *субъективность*, которая искажаетъ *объективную дѣйствительность*, что значитъ «человѣкъ съ горячимъ сердцемъ и *духовно-личною самостію*». На всѣ эти вопросы мы не можемъ дать отвѣта «Сѣверной Пчелѣ» по слѣдующей причинѣ: для людей чему-нибудь учившихся, всѣ эти выраженія должны быть очень-ясны; тѣмъ же, кому учиться и образовываться трудно или невозможно, нечего и толковать того, что безъ ученія и образованія понимаемо быть не можетъ. Что значитъ (продолжаетъ «Пчела») «великій *омутъ* ежедневно вращающихся образовъ», (ужь подлинно попалъ въ омутъ! — *остроумное восклицаніе* «*Пчелы*»), что значитъ: «потрясающая *тина* мелочей» (ну, право, тина! — *еще остроумное восклицаніе* «*Пчелы*»).» Вотъ на этотъ вопросъ мы можемъ дать «Пчелѣ» удовлетворительный отвѣтъ, который понять ей будетъ легче, чѣмъ кому-нибудь другому: «Великимъ омутомъ ежедневно вращающихся образовъ» и «потрясающею тиною мелочей» поэтъ называетъ ту сторону жизни, которая прежде всякой другой охватываетъ человѣка, и изъ-подъ обаянія которой освобождаются только немногіе избранники Провидѣнія. Эта *омутовая* и *тинная* сторона жизни преобладаетъ вездѣ—въ журналистикѣ также. Представимъ себѣ, для примѣра, такое изданіе, гдѣ бы писалось только о мелочахъ жизни—о табачныхъ лавочкахъ, кандитерскихъ, водочистительныхъ машинахъ, печатались бы похвалы дурнымъ книгамъ и бездарнымъ сочинителямъ, унижалось бы всякое дарованіе, всякій заслуженный успѣхъ; гдѣ какой-нибудь рецензентъ, еще вчера, на-примѣръ, падавшій до-ногъ передъ Пушкинымъ, завтра разругалъ бы лучшее его созданіе, провозгласилъ бы ему совершенное паденіе; вчера расхвалилъ до небесъ плохую драму своего пріятеля, возвеличивъ его именемъ Шиллера, завтра завопилъ бы передъ публикою: «пьеса дрянь, а что я ее хвалилъ — виноватъ: camaraderie, пріязнь, mea culpa, mea maxima culpa... Вотъ въ такомъ бы изданіи выразилось то, что Гоголь называетъ «великимъ омутомъ ежедневно-вращающихся образовъ» и «потрясающею тиною мелочей»... Но «Пчела» еще спрашиваетъ: что значатъ у Гоголя: «чорствые, *шероховато-бѣдные*, *неопрятно-плѣснѣющіе*, *низменные ряды жизни*» и «однообразно-*хладныя* и *скучно-опрятныя* высшія сословія». Неуже-ли и это надо толковать «Пчелѣ»? Смѣшно было бы толковать то, что и безъ толкованія ясно какъ 2×2=4. А если кому пріятно играть роль помѣщицы Коробочки, которую Чичи-

ковъ назвалъ дубинноголовою, то у насъ, право, нѣтъ никакой охоты толковать такимъ «коробочкамъ», что такое *Мертвыя Души*...

—

Въ №№ 177 и 178 «Сѣверной Пчелы» помѣщена юмористическая статейка г. Ѳ. Булгарина въ родѣ овидіевыхъ превращеній. Г. Булгаринъ обращается, въ статейкѣ, въ синицу, рябчика, или въ стрижа, и попадаетъ въ желудокъ осла, гдѣ, съ свойственнымъ ему юморомъ, открываетъ множество злыхъ соковъ, и проч. Въ заключеніе, онъ говоритъ, будто бы въ Петербургѣ «Отеч. Записки» переводятся съ языка *для* него непонятнаго, на языкъ понятный, и, если слухъ не лживъ, проситъ своего корреспондента прислать къ нему переводъ «Отеч. Записокъ» Изъ этого ясно видно, ка́къ сильно г. Булгаринъ интересуется «Отеч. Записками», ка̀къ сильно хочется ему ихъ читать, и ка̀къ ему больно, что онъ не въ состояніи ихъ понимать. Мы, съ своей стороны, желая г. Булгарину пользы и удовольствія, очень-рады извѣстію о переводѣ «Отеч. Записокъ» на языкъ, болѣе ему понятный, который онъ называетъ языкомъ русскимъ; только боимся одного, чтобъ онѣ не были переведены по грамматикѣ г. Греча, на какое-нибудь *мазурское, или литовско-бѣлорусское нарѣчіе*... Тогда мы торжественно отречемся отъ переведенныхъ такимъ образомъ «Отечественныхъ Записокъ».

—

Въ «Москвитянинѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ» напечатанъ *Гороскопъ Петра-Великаго*. Редакторъ послѣдняго журнала упрекаетъ въ небрежности, съ которою «Москвитянинъ» перевелъ съ латинскаго этотъ *будто-бы* драгоцѣнный памятникъ старины. Мало того: онъ обвиняетъ въ неуваженіи къ этой «рѣдкости» почтеннаго московскаго профессора и астронома, Д. М. Перевощикова, который сказалъ о гороскопѣ, что «нельзя дѣлать примѣчаній на бредъ, заслуживающій одно только презрѣніе», и что «всякое разсужденіе о гороскопахъ унижаетъ тѣхъ людей, которые занимаются такимъ вздоромъ». Редакторъ «Русскаго Вѣстника» говоритъ, по этому случаю: «Такъ можетъ думать астрономъ и математикъ, но отнюдь не поэтъ, не историкъ и не философъ». Мы, съ своей стороны, долгомъ считаемъ вступиться за честь *поэзіи, исторіи* и *философіи*, къ области которыхъ напрасно относятъ такія нелѣпости, какъ гаданье на святкахъ и всякое колдовство и гороскопы. Правда, поэзія прежде, съ юношескою мечтательностію, любила эти заблужденія младенчествующаго человѣческаго ума; съ-тѣхъ-поръ, какъ она подросла и возмужала, она почитаетъ себѣ за честь быть о́рганомъ разума, а не слабоумія, не невѣжества. Исторія тоже смотрѣла съ уваженіемъ, какъ на что-то таинственное, на все, въ чемъ не было смысла; но это было давно, когда еще исторія походила на легенду и на сказку. О философіи нечего и говорить: заставлять ее интересоваться плодами невѣжества и дикости, вмѣсто того, чтобъ уничтожать ихъ, значитъ не имѣть ни малѣйшаго понятія о содержаніи и цѣли философіи. Скажутъ, что, можетъ-быть, у «Русскаго Вѣстника» своя философія: а! въ такомъ случаѣ, нѣтъ и спору—всякому свое; только зачѣмъ же было не оговориться, что-де *нашей* поэзіи, *нашей* исторіи и *нашей* философіи? Противъ *вашихъ*—мы ни слова...

*

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Письмо XII (*).

Инспрукъ, 12 *августа* 1842 *года*.

Не могу понять, ка̀къ есть на свѣтѣ люди, которые могутъ писать письма

(*) Одиннадцатое письмо напечатано въ XXIII-мъ томѣ «Отеч. Записокъ» (кн. 7, 1842).

лѣтомъ съ Рейна и прилежащихъ къ нему государствъ. Это все равно, что на балу думать о типографической ошибкѣ, замѣченной утромъ въ статьѣ, или бесѣдовать съ докторомъ о пользѣ и вредѣ ламповыхъ и свѣчныхъ испареній. Съ іюня мѣсяца по всему протяженію Рейна, отъ Кёльна до Майнца, загорается праздникъ, звѣздами которому служатъ Эмсъ, Висбаденъ, и, подалѣе, Баденъ-Баденъ и Киссингенъ. Съ іюня мѣсяца начинается этотъ приливъ иностранцевъ, волна за волной, который походитъ на переселеніе народовъ, съ тою только разницею, что вмѣсто массъ дѣйствуютъ тутъ частности въ невообразимомъ смѣшеніи: языки, физіономіи, понятія и даже различные оттѣнки понятій, какъ деньги стекаются со всѣхъ концовъ Европы,—и всюду принимаются. Я спустилъ здѣсь русскій полуимперіалъ и мнѣніе, что не худо бы имѣть деревеньку въ сихъ мѣстахъ. Съ іюня мѣсяца подъ каждымъ кустомъ гремитъ музыка, за каждымъ объѣмомъ летаютъ пробки шампанскаго, и нѣтъ такой горы, по которой не ползъ бы то Англичанинъ, то художникъ, то французскій commis-voyageur, то нѣмецкій студентъ съ котомкой за плечами и палкой въ рукахъ. Кому не случалось въ это время взбираться, какъ говорятъ, на недосягаемую высоту къ четвероугольной башнѣ съ провалившимися сводами, къ обломку стѣны, который изъ-ли кажется продолженіемъ утеса, къ ряду окошекъ, въ которыя нельзя уже и заглянуть отъ неимѣнія половъ, иногда къ остатку камина, къ неясному гербу, къ трещинѣ, составлявшей нѣкогда отверстіе темницы или убліетки,—ко всему, что̀ называется руинами за̀мка, и думать: вотъ я иду туда, гдѣ витаютъ орлы, поэты да профессоры исторіи, а между-тѣмъ встрѣтить цѣлое женское семейство, взобравшееся прежде васъ, сохранившее въ этой небесной поѣздкѣ неприкосновенность щегольскаго костюма и наполняющее всю циклопическую постройку говоромъ и смѣхомъ: — вѣрная эмблема Рейна въ эту эпоху. А эти города: Эмсъ, Висбаденъ, и проч. — столицы космополитизма, которые, кажется, не принадлежатъ уже никому, принадлежа всѣмъ, и какъ-будто одобрительно помаваютъ головой сближенію всѣхъ народовъ и будущему скорому уничтоженію ихъ родовыхъ отличій. Сколько въ нихъ шума и сосредоточенной общественной жизни, которая отъ этого пріобрѣтаетъ немаловажное значеніе! Особенно-важны они для насъ въ томъ отношеніи, что сдѣлались живыми геральдическими книгами русскаго дворянства. Я видѣлъ въ Баденѣ доктора, который зналъ почти всѣ дворянскія фамиліи Россіи, а въ томъ числѣ и мою. Добрый докторъ! Тебѣ принадлежитъ мое первое воспоминаніе и ты будешь стирать первое пятно, которое покажется на благородныхъ легкихъ моихъ... Не праздники, не балы, не фейерверки этихъ водъ составляютъ ихъ главную прелесть, а легкость, съ какою приводятъ они человѣка въ непосредственное соприкосновеніе съ обществомъ Европы, со многими важными людьми ея и съ безчисленнымъ количествомъ характеровъ: это ихъ заслуга. Но одно изъ двухъ: либо смотрѣть на всѣ стороны, либо писать. Наслаждаться и описывать вмѣстѣ — невозможно. Извѣстно, что лучшіе мемуары оставлены намъ людьми старыми или недовольными. Я ни то, ни другое: особливо я очень-доволенъ собой. Вотъ почему мнѣ странно кажется, когда кто пишетъ на Рейнѣ, точно какъ-будто нѣтъ передъ нимъ зеленыхъ горъ, величественной рѣки, превосходнаго вина, любезныхъ людей!..

Да, нельзя писать изъ окрестностей Рейна! Прійдетъ ли на умъ порядочному человѣку взяться за перо во Франкфуртѣ, когда кругомъ города разлегся густой садъ съ безчисленными виллами, дачами и домиками, которые дышатъ такимъ выраженіемъ благосостоянія, что мнится, будто изъ

каждаго свѣтлаго окошечка ихъ выглядываетъ по банкиру,—когда надо гулять по тѣсной, грязной, но живописной Жидовской Улицѣ, гдѣ всѣ дома съ проходами, какъ-будто на случай внезапнаго нападенія, откуда прямо съ чернаго порога люди переходятъ въ великолѣпныя палаты, выводя съ собой неподозрѣваемые капиталы, гдѣ живетъ еще досел ѣ мать Ротшильдовъ, и гдѣ всѣмъ торгуютъ,—когда, наконецъ, надо обозрѣть залу, гдѣ короновались германскіе императоры, посмотрѣть на картину Лессинга въ галлереѣ (Эцелино въ темницѣ), на Аріадну Данекера (въ Бекманскомъ Саду) и помечтать передъ двумя верхними окошечками желтаго домика въ улицѣ Гросен-Хирш-Грабенъ: тамъ написаны были «Гёцъ фонъ Берлихингенъ» и «Вертеръ»! — За Франкфуртомъ являются передъ вами Дармштадтъ, Карлсру, Стутгартъ. Вы скажете: да что же смотрѣть въ этихъ новыхъ столицахъ, которыя еще обстроиваются и которыя, появившись случайно, хотятъ принарядиться по подобію великолѣпныхъ сестеръ своихъ — другихъ европейскихъ столицъ, и дѣлаютъ невообразимо-широкія улицы, безъ народонаселенія, и протягиваютъ монотонную цѣпь домовъ, безъ роскоши магазиновъ и промышленаго блеска, которые прикрывали бы недостатокъ въ нихъ искусства? Такъ; но отъ Дармштадта идетъ знаменитая *Берг-штрассе*, у подошвы Оденвальда—дорога, которая съ одной стороны коронуется горами съ ихъ римскими башнями и феодальными за́мками, а съ другой прикасается къ необозримымъ плодовитымъ полямъ, и идетъ она такъ до-тѣхъ-поръ, пока, круто повернувъ, открываетъ рѣку Неккаръ, Гейдельбергъ ярко оттѣняющійся на зеленой стѣнѣ горнаго хребта, и великолѣпнѣйшую руину за́мка на одномъ уступѣ его. Никогда не видалъ я ничего подобнаго этому за́мку временъ возрожденія. Такъ мощна была его постройка, такъ дѣйствительно вся сѣть украшеній наружныхъ вырѣзана въ камнѣ, такъ все въ немъ архитекторъ разсчитывалъ на вѣчность, что, кажется, сто́ило бы только вставить окна да положить крышу — и вышелъ бы тотчасъ дворецъ, которому мало подобныхъ въ Европѣ. И о Карлсру замѣтили вы справедливо (*); но вѣдь въ Карсру засѣдаетъ та баденская палата, которая свела палатскія пренія съ профессорской декламаціею и педантическимъ разглагольствіемъ до живаго и настоящаго разсужденія, внося такимъ образомъ новый элементъ въ нѣмецкую жизнь. Явленіе это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно не подготовлено журнализмомъ и не поддерживается имъ, и такимъ образомъ существованіе Ицштейновъ, Пфицеровъ и проч.—есть чисто самородное существованіе. Рѣчи ихъ, мнѣнія и оппозиція не фальшивы, не представляютъ лицамъ того оптическаго обмана, какой такъ часто встрѣчается во Франціи и Англіи и происходитъ отъ духа партій и корыстныхъ разсчетовъ самого оратора, а напротивъ, каждое замѣчаніе есть ихъ собственная жизнь, часть собственной ихъ натуры, какъ и должно было случиться въ отечествѣ Шиллера. Да и о Стутгартѣ намекъ вашъ не безъ основанія; но вѣдь надобно же было узнать, почему Виртембергія называется *раемъ писателей*; надо же было открыть, что въ деревенькахъ ея, лежащихъ въ чащѣ садовъ и фруктовыхъ деревьевъ, существуютъ свои писатели, издаются вѣдомости, пишутся книги, являются стихотворцы; что̀ все большею частію и не выходитъ изъ околотка, между-тѣмъ, какъ столица въ литературномъ движеніи и умственномъ гостепріимствѣ (вы понимаете, какое это гостепріимство) соперничаетъ съ Лейпцигомъ. Наконецъ, за Стутгартомъ лежитъ Ульмъ, съ великолѣпнымъ своимъ готическимъ соборомъ, въ которомъ рѣзной по дереву хоръ походитъ на эпическую поэму, а за Уль-

(*) Это относится къ письму, полученному авторомъ въ отвѣтъ на предъидущія его письма, здѣсь напечатанныя. *Ред.*

номъ нѣкогда-вольный городъ Аугсбургъ, съ его площадью, гдѣ происходило знаменитое *confession d'Augsbourg*, ратушею, золотой залой и 4 печами ея мастера, Николая Фохтса, которыя составляютъ страницу въ исторіи искусства XVII столѣтія. Въ довершеніе всего и какъ послѣднее слово поѣздки по Рейну, стоитъ въ безплодной и нездоровой долинѣ городъ Мюнхенъ. Въ замѣну изгнанныхъ изъ него умственныхъ интересовъ, настроены дворцы, церкви и галлереи; но тяжело строить въ нашъ вѣкъ! Кажется, все уже высказано въ архитектурѣ, и художнику только остается взять въ образецъ старый памятникъ, очистить въ немъ всѣ рѣзкости, сгладить всѣ углы, и приноровить всего его къ нашему современному расположенію къ миньятюрѣ и уютности. Такъ здѣсь замѣтилъ я *облагороженныя* и уменьшенныя подобія памятниковъ, видѣнныхъ мною въ другихъ странахъ во всемъ ихъ величіи и энергіи. Я видѣлъ Базилику, которая напомнила мнѣ Базилики Лоренцо и св. Павла въ Римѣ; Глиптотеку, которая напомнила мнѣ строенія Помпеи; дворецъ и библіотеку, которыя напомнили мнѣ палаццо Пити и палаццо Риккардо, во Флоренціи; Людвигсъ-Кирхе, которая напомнила мнѣ романскій соборъ Бонны; капеллу всѣхъ святыхъ, которая напомнила мнѣ византійскую часовню королевскаго дворца въ Палермѣ и великолѣпный соборъ Монреаля въ часъ разстоянія отъ Палермо... Такъ въ Мюнхенѣ образовалась для меня радуга счастливѣйшихъ воспоминаній; одинъ конецъ ея упирался въ Гентъ и Брюгге, а другой переходилъ Альпы, огибался надъ всей Италіей и пропадалъ въ голубыхъ, фосфорическихъ волнахъ Средиземнаго Моря. До письма ли было тутъ, сами разсудите!

Нѣтъ, нѣтъ! Я положилъ добраться до какого-нибудь царственнаго захолустья, до какой-нибудь велелѣпной дичи, и тогда въ тишинѣ, какъ рыцарь Жуковскаго, вспоминающій о далекой Палестинѣ подъ вывезенной имъ пальмой,—написать въ поученіе внукамъ повѣсть моихъ странствованій. Съ симъ умысломъ, изъ Мюнхена поѣхалъ я въ Зальцбургъ и Тироль, и тутъ, когда я очутился на Кёниг-зее, озерѣ, лежащемъ въ трехъ часахъ ѣзды отъ Зальцбурга, запертомъ со всѣхъ сторонъ скалами и уединенномъ такъ, что слышна капля, падающая съ вынутаго изъ воды весла, а дикіе олени на неприступныхъ высотахъ стоятъ и смотрятъ на васъ,—тутъ высоко поднялась грудь моя и вылетѣлъ изъ нея богатырскій вздохъ, отъ котораго въ старинные годы задрожали бы горы, а нынѣ только Тиролька, правившая лодкой, остановилась, посмотрѣла нѣсколько на меня внимательнѣе, и снова принялась за работу. По-прежнему, ѣзжу я въ разныя стороны, спускаюсь въ долины, чтобъ съ береговъ ручья, клокочущаго безъ устали во все протяженіе свое, посмотрѣть на эти волны горъ, недвижно какъ-то напирающія со всѣхъ сторонъ на васъ, или взбираюсь на горы, чтобъ съ перваго обвала взглянуть на этотъ зеленый оазисъ, который, въ чудномъ безпорядкѣ деревень, тополей, мостовъ, мельницъ, лежитъ на днѣ,—но все это безъ торопливости, безъ судорожнаго любопытства и безъ мучительнаго желанія захватить глазами какъ-можно-болѣе горизонта, какъ-можно-болѣе пространства, что чувствуется обыкновенно въ другихъ странахъ. Тихо и цѣломудренно улыбаюсь я каждой Тирольке, которая проходитъ мимо въ костюмѣ, сдѣлавшемся, благодаря нашимъ театрамъ, эмблемою устарѣвшаго порока, жму руку всѣмъ молодцамъ съ остроконечной шляпой и зеленымъ въ ней перомъ, читаю за завтракомъ «Молитвы святому Непомуку», которыя принадлежатъ столовой дѣвушкѣ, и проч. и проч.—усиленно стараюсь, словомъ, прожить хоть недѣльку чисто, идиллически, — и успѣваю. Вы видите по письму... Гдѣ же можетъ прійдти желаніе писать изъ одного благороднаго желанія писать? Гдѣ,

какъ не въ благословенномъ Тиролѣ, пишется легко, нѣ-хотя, сладко, любовно, даже наперекоръ другу, который, по полученіи письма, будетъ, какъ кобылица кавказскаго тавра, коситься на него пугливымъ окомъ...

Базель, 16-го августа н. с.

...«Пугливымъ окомъ» — съ симъ словомъ сѣлъ я въ почтовую карету и пріѣхалъ къ Констанцкому Озеру, прорѣзалъ его на пароходѣ до Констанца, а оттуда тѣмъ же способомъ прибылъ въ Шафгаузенъ, осмотрѣлъ паденіе Рейна, переночевалъ, и теперь въ Базелѣ, ожидая особенныхъ мною заказанныхъ башмаковъ для путешествія по горамъ. Какъ тишинѣ величественной Тироля обязаны вы первой половиной письма, такъ теперь башмакамъ, имѣющимъ попрать горделивыя вершины Оберланда, Риги, Бернарда — окончаніемъ его. Я такъ живо помнилъ страницу Карамзина о рейнскомъ водопадѣ, что въ осмотрѣ своемъ старался наблюсти тотъ самый порядокъ, какому онъ слѣдовалъ (позднее осуществленіе одного изъ самыхъ раннихъ, юношескихъ моихъ мечтаній); но не только политическое состояніе Европы измѣнилось съ того времени, какъ странствовалъ молодой нашъ путешественникъ, даже измѣнился и водопадъ. Много утесовъ сбросилъ онъ уже съ себя, сравнялъ много скалъ (смотри виды водопада въ концѣ прошедшаго столѣтія, и видъ его въ 1840 году) и если что одинаково отразилось въ *его* (Карамзина) и *моемъ* глазѣ, такъ это клубы пѣны, да еще влажныя облака водяной пыли, освѣщенной солнечнымъ сіяніемъ. Я спросилъ также у лодочника, нѣтъ ли гдѣ такого же водопада, и, увы! не могъ онъ намекнуть мнѣ о Ніагарѣ, Америкѣ, а просто отвѣчалъ: «нигдѣ нѣтъ такого». И такъ, пропало даже и поколѣніе умныхъ лодочниковъ съ Карамзина, какъ пропадаютъ письма на почтѣ (весьма-непріятная потеря), какъ пропадаетъ все на свѣтѣ... Но возвратимся къ Германіи.

«Пугливымъ окомъ». Хорошо! Что всего болѣе поражаетъ однакожь путешественника, такъ это слѣдующее: Германія укрѣпляется; куда ни оглянешься, вездѣ строятся крѣпости: на Рейнѣ, въ Раштадѣ, Ульмѣ, Тиролѣ, и еще существуетъ множество новыхъ предположеній. По временамъ, изъ оффиціальныхъ газетъ раздаются крики: «укрѣпляйтесь! укрѣпляйтесь!» Такъ одно политическое обстоятельство обратило Германію къ самой-себѣ и къ началамъ, на которыхъ можетъ быть основана твердо ея матеріальная и нравственная сила. Позитивное религіозное ученіе, давно уже существовавшее въ Мюнхенѣ и неимѣвшее сильнаго вліянія, явилось какъ современная необходимость и получило великолѣпное развитіе въ Шеллингѣ. Одни изъ противниковъ профессора отказываютъ ему въ правѣ вывести изъ старой своей философіи какое-либо чистое понятіе о божествѣ; другіе въ собственной своей системѣ находятъ средства положительнаго примиренія, что доказывается переходомъ Маргейнеке къ такъ-называемой правой сторонѣ гегеліанизма, торжественно возглашенномъ журналами. Замѣчательно, что докторъ Салатъ, принадлежащій вмѣстѣ со многими мюнхенскими профессорами къ первому разряду, въ доказательство невозможности соединенія стараго взгляда Шеллинга съ новымъ, приводитъ между прочимъ разговоръ съ нимъ Н. А. Мельгунова, напечатанный въ «Отечествен. Запискахъ» и гдѣ творецъ Natur-philosophie сказалъ: «основаніе моей новой системы то же — только я сдѣлался могущественнѣе». Баллада Уланда, проникнутая такимъ духомъ любви къ германскому рыцарству (вспомните *Вѣтку*, перев. Жуковскаго), сдѣлалась, по той же причинѣ, болѣе, чѣмъ когда-либо, источникомъ вдохновенія для художниковъ, и крайнею границею этого направленія можетъ быть сочтено появленіе аристократической партіи, которая говоритъ о необходимости возстановленія всей старой феодальной

отрасли властителей, и не безъ таланта поддерживаетъ это мнѣніе писателями своего класса, какъ, на-примѣръ, княземъ Сольмс-Лихъ. Иногда думается, что всѣ вопросы, которые казались на школьной скамейкѣ на-вѣки рѣшенными, снова положены на столъ, какъ старое дѣло, забытое секретаремъ. Объ оппозиціи всему этому, появляющейся тамъ и сямъ и также считающей въ средѣ своей многихъ уважаемыхъ людей—писать нѣчего: это дѣло безъ прелестей новизны; аргументы всѣ извѣстны.

А впрочемъ, чѣмъ болѣе смотрю и, тѣмъ болѣе вижу, что никогда—о, никогда!—не были такъ перемѣшаны шашки, какъ въ нашъ вѣкъ: теченіемъ обстоятельствъ часто люди находятъ нынѣ защиту во врагахъ, неожиданныхъ обидчиковъ въ пріятеляхъ, слабые берутъ съ сознаніемъ сторону сильныхъ, сильные добровольно приносятъ никѣмъ-нетребуемыя жертвы, и все это ради торжества собственныхъ началъ—principes. Конечно, это только наружный хаосъ, имѣющій тайные, но правильные законы: изучать ихъ надо много терпѣнія. Изъ всего этого выйдетъ *нѣчто*, но это нѣчто выйдетъ тогда, когда человѣкъ современный будетъ мирно опочивать подъ уголкомъ деревенской церкви, или за крапивой монастырской ограды... И такъ я вотъ что дѣлаю: вслѣдъ за чистымъ, кристальнымъ романсомъ Уланда, который походитъ на живопись по стеклу, читаю энергическое проклятіе Анастасія Грюна, который составляетъ оборотъ медали и какъ-будто дополненіе старо-рыцарскаго направленія швабскаго поэта. Когда устаетъ за нами воображеніе, я перехожу къ Рюккерту, и въ роскоши его стиха и восточныхъ образовъ забываю все одностороннее или раздирающее современности; а чтобъ окрѣпнуть послѣ разслабительнаго дѣйствія этой поэзіи, похожей на сонъ въ полдень, подъ шумъ водопада какой-нибудь волшебной алгамбры—есть карета, есть Тироль, Шварцвальдъ, Альпы, французскія газеты, и мало-ли еще что̀. Вамъ извѣстно, до какой высокой степени развитъ здѣсь духъ критицизма и эстетическаго анализа: почти нѣтъ журнальца, въ которомъ, при разборѣ литературнаго произведенія, не выставлено было бы прозорлнво, ярко, во всеоружіи, противорѣчіе, существующее между предметомъ и истиннымъ о немъ понятіемъ—разумѣется, съ точки зрѣнія рецензента. Когда дѣлается тяжело это неумѣренное приложеніе идеи къ мимоидущимъ вещамъ, что̀ такъ сильно поразило меня при выѣздѣ изъ Франціи—я обращаюсь къ уличнымъ, такъ-сказать, Нѣмцамъ и наблюденію этой странной натуры, распадающейся на двѣ столь несовмѣстимыя половины. Вы не можете себѣ представить, ка̀къ позабавилъ меня, послѣ длинной статьи «Аугсбургскаго Журнала» о праздникѣ въ Киссингенѣ, Нѣмецъ, который везъ на животѣ черезъ всю Германію клѣтку съ двумя канарейками, купленными въ Остенде и отличавшимися отъ обыкновенныхъ канареекъ только хвостикомъ. Особенно хорошо наблюдается эта добродушная порода арминіевыхъ дѣтей въ дилижансѣ. Какъ-только кондукторъ заперъ дверь, и лошади съ упоромъ двинули тяжелую карету—въ этомъ желтомъ ларцѣ образуется любопытный размѣнъ свѣдѣній. Всѣ пассажиры съ нѣкоторымъ родомъ скромности спрашиваютъ другъ у друга: «Откуда вы? съ вашего позволенія... будетъ-ли позволено мнѣ... откуда вы?» Вслѣдъ за этимъ, тотчасъ обнаруживается выгода дробнаго дѣленія Германіи и польза характеристическихъ отличій разныхъ ея племенъ, ибо всѣ уже знаютъ, ка̀къ и о чемъ другъ съ другомъ говорить, лишь только узнаютъ, гдѣ кто родился. Вестфалецъ льститъ славянской національности Богемца и защищаетъ утѣшительное мнѣніе, что племя его должно обновить Германію; Богемецъ съ робостію поддѣлывается подъ тонъ воинственнаго Пруссака, объявляя его сторожемъ настоящей цивилизаціи; Пруссакъ, съ свойственнымъ ему остро-

умѣемъ, снисходить до понятій вѣнскаго обитателя, признавая необходимость народныхъ театровъ; добродушный Вѣнецъ съ примѣрнымъ самоотверженіемъ опровергаетъ похвалы, ему воздаваемыя, и проч. Разъ встрѣтился намъ Жидъ. На обыкновенное «откуда вы?», онъ очень неграмматически отвѣчалъ: «Цюрихскій Еврей». Никто однакожь не сконфузился; тотчасъ объявили, что всѣ Жиды музыканты — какъ Мейерберъ, философы—какъ Мендельсонъ, фёльетонисты — какъ Бёрне. Мнѣ еще ни разу не случалось избѣжать роковаго «откуда вы?».—Я отвѣчалъ всегда, какъ Каратыгинъ въ «Ермакѣ» г-на Хомякова, помолчавъ съ минутку и таинственнымъ голосомъ: «Я—Русскій!» Такъ мало это всегда казалось тучетворящему дымопускателю, пытавшему меня, что онъ всегда прибавлялъ: «откуда именно: изъ Петербурга, или Москвы?»—Я никакъ понять не могъ и до-сихъ-поръ не понимаю разумности и необходимости этого вопроса. Сперва отвѣчалъ я на удачу, но теперь привелъ это дѣло въ нѣкоторого рода систему. Если спрашиваетъ молодой и холостой человѣкъ — такъ изъ Петербурга, а если женатый, имѣющій дочерей—такъ изъ Москвы. Этакъ, кажется, приличнѣе.

Нѣсколько словъ о искусствѣ въ Германіи.

Я былъ въ Дюссельдорфѣ—столицѣ новаго возрѣнія на живопись, вслѣдствіе котораго все, что называется смѣлостію кисти, бойкостью исполненія и порывами сильной фантазіи, объявлено не живописью, а распутствомъ живописи; важнѣйшимъ же долгомъ ея считается простота сочиненія, вѣрность выраженія и сохраненіе той индивидуальности, которая принадлежитъ каждому характеру, психологически-разобранному, и которая дѣлаетъ, что въ картинѣ, какъ и въ природѣ, не можетъ быть двухъ схожихъ лицъ, какъ и двухъ схожихъ характеровъ. Я обошелъ всѣ мастерскія дюссельдорфскихъ художниковъ, и здѣсь скажу только о чудной картинѣ Лессинга: *Гуссъ передъ Констанцкимъ Соборомъ* (недавно видѣлъ я и самую залу собора). Картина эта будетъ имѣть знаменитость европейскую по окончаніи ея, и я очень-радъ, что могу первый сказать вамъ о томъ, что вы услышите въ тысячекратномъ повтореніи. Гуссъ, изнуренный, кажется, болѣе поѣдающею его идеей, нежели тѣлесными страданіями, съ видомъ глубочайшего убѣжденія развиваетъ свое ученіе передъ соборомъ кардиналовъ, властей, тюремщиковъ и разныхъ исполнителей, и тутъ прошелъ молодой живописецъ (я его видѣлъ — высокій мужчина 33 лѣтъ, въ которомъ особенная застѣнчивость какъ-то противорѣчитъ съ почти-байроновскимъ выраженіемъ лица), прошелъ всю лѣстницу страстей человѣческихъ, начиная съ простаго любопытства до холоднаго разсужденія, заражающагося участія и слѣпой ненависти, давъ каждой страсти одно только ей свойственное положеніе, такъ-что каждое лицо можетъ служить, взятое отдѣльно, типомъ отдѣльной страсти. Это, можетъ-быть, и недостатокъ картины, ибо такимъ образомъ походитъ она на какой-то чудный горельефъ, или скорѣе, на видѣніе, чѣмъ на картину. Само собой разумѣется, что второстепенные таланты при этомъ направленіи впадаютъ въ особенную сухость, а не-поэтическое желаніе подражать наивности и добродушію старыхъ мастеровъ производитъ *манеру*. Также замѣтна въ школѣ и явная наклонность къ холодной аллегоріи, произведшая боннскіе фрески Геденберга и франкфуртскую картину Овербека.

Совсѣмъ не таково направленіе въ Мюнхенѣ. За исключеніемъ «Страшнаго Суда» Корнеліуса и византійскихъ подражаній Гесса —все тамъ пестро, ярко и золотисто. То, что называется благородною пестротой, за которою такъ хорошо спасается недостатокъ творческой способности и которая такъ на руку приходится безталантной эрудиціи—изгнано, совершенно изгнано. Полихромія, или наружная раскраска

камня, въ-ходу, а внутри каждаго зданія, будь оно церковь, дворецъ, галлерея, нѣтъ мѣста, гдѣ бы не было картинъ, арабески, роскоши лѣпныхъ работъ и ослѣпляющаго блеска свѣжихъ красокъ. Особенно поражаетъ внутренность королевскаго дворца, гдѣ всѣ стѣны и потолки, въ мастерскомъ распредѣленіи творческими руками Каульбаха, Циммермана, Гегенберга, Шлоттауера и проч., покрыты сценами изъ произведеній германскихъ и древнихъ поэтовъ. Такъ, въ пріемной комнатѣ, Бюргеръ разсказываетъ страшныя свои повѣсти; Гёте, въ сосѣдней комнатѣ, отдаетъ на созерцаніе торжественныя минуты «Фауста», «Эгмонта», «Геца»; Шиллеръ, въ библіотекѣ, снова создаетъ всѣ свои баллады и снова переживаетъ всѣ моменты своей творческой дѣятельности; а тамъ, далѣе, Анакреонъ, въ столовой залѣ, гомеровскій гимнъ, горельефы Торвальдсена въ спальнѣ, и вся эта безпрерывная цѣпь поэтическихъ воспоминаній стараго и новаго времени великолѣпно заключается Зигфридомъ Нибелунгеновъ, могущественными ликами его родныхъ и тѣми происшествіями пѣсней, которыя какъ-будто связываютъ древній распадающійся римскій міръ съ новымъ міромъ христіанской Германіи.—Совершенно-подавленный впечатлѣніями, которыя вѣютъ съ волшебныхъ этихъ стѣнъ, вышелъ я изъ дворца, и, отошелъ нѣсколько шаговъ, оглянулся назадъ, какъ Орфей; но дворцовый лакей запиралъ мою Эвридику огромнымъ ключомъ... не навсегда, разумѣется, но надолго еще.

Я хотѣлъ еще написать вамъ о Розенштейнѣ, загородномъ зâмкѣ виртембергскаго короля, о Глейссенхеймѣ, загородномъ зâмкѣ баварскаго короля, и о состояніи скульптуры въ Германіи; но уже много написано, да и охота прошла. Прощайте.

А—въ.

—

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ Парижѣ вышла въ свѣтъ новая книга подъ названіемъ: *De l'industrie en Belgique*, 2 *тома*. Изъ этого сочиненія видно, въ какой степени развита промышленость и народное богатство въ такомъ маленькомъ государствѣ, какъ Бельгія. Въ 1839 году было тамъ въ дѣйствіи 69 плавильныхъ доменъ, которыя доставляли въ годъ 88,000 тоннъ (каждая въ 20 центнеровъ) желѣза; $^{3}/_{100}$ части всего пространства Бельгіи употреблены для разработки каменнаго угля, которымъ уже пользуются жители 626 лѣтъ. Въ 1839 году въ Бельгіи выкопано изъ земли $3^{1}/_{2}$ мильйона тоннъ каменнаго угля, изъ которыхъ одинъ мильйонъ вывезенъ за границу, цѣною на 40 мил. франковъ. Въ томъ же году издѣлій бумажной пряжи выработано на 42 мил., полотна на 64 мил., сукна и другихъ шерстяныхъ издѣлій на 42 мил. франковъ (3000 ткацкихъ становъ выдѣлываютъ въ годъ 122,285 аршинъ сукна всякихъ сортовъ); винные заводы выкурили джина и водки на 16 мил. фран.; кожевенные выдѣлали кожъ на 27 мил. фран., писчей бумаги на 9 мил. франк.

— *Валалла*, или храмъ славы, сооружавшійся по повелѣнію короля баварскаго, теперь совершенно оконченъ, и въ немъ поставлены уже двѣсти бюстовъ знаменитыхъ Германцевъ, къ которымъ его величество самъ сочинилъ надписи. Валгалла безъ сомнѣнія самое величайшее изъ всѣхъ зданій, существующихъ нынѣ въ Германіи. Оно поставлено на крутомъ утесѣ въ 304 фута вышиною, на лѣвомъ берегу Дуная, близъ города Донаусгауфена, въ двухъ часахъ пути отъ дороги, ведущей въ Регенсбургъ, противъ живописныхъ развалинъ древняго зâмка Гауфбурга, который находится на высотахъ противоложнаго берега. Валгаллѣ служатъ основаніемъ три террасы, возвышающіяся одна надъ другою; онѣ циклопической архитектуры и составлены изъ огромныхъ

цѣльныхъ каменныхъ массъ, соединенныхъ между собою безъ всякаго цемента. Зданіе это имѣетъ форму Парѳенона аѳинскаго акрополиса; подобно Парѳенону, оно принадлежитъ къ древнему дорическому ордену, и фризъ его украшенъ триглифами. Пятьдесятъ-двѣ колонны въ 5 футовъ и 9 дюймовъ въ діаметрѣ, образуютъ передній и задній портики. На фронтонахъ изображены эпизоды битвы, въ которой Арминій побѣдилъ Вара и освободилъ Германію отъ римскаго ига; на каждомъ фронтонѣ болѣе 40 рельефныхъ фигуръ, величиною отъ шести до четырнадцати футовъ; это единственные изъ новѣйшихъ фронтоновъ, гдѣ фигуры совершенно-рельефны или совершенно-круглы. Отъ подножія утеса широкая бѣлаго мрамора лѣстница, раздѣляющаяся два раза на двѣ отрасли, ведетъ къ портику главнаго фасада Валгаллы. Вокругъ внутренней ограды храма идетъ фризъ въ 292 фута протяженія; онъ украшенъ скульптурными фигурами, представляющими самыя замѣчательныя событія изъ древней германской исторіи отъ временъ миѳическихъ или героическихъ до эпохи святаго Бонифація, который былъ первымъ проповѣдникомъ Евангелія въ этой странѣ. Валгалла имѣетъ 228 фут. длины, 108 ф. ширины и 59 футовъ вышины, не считая фронтона. Она была сооружаема по указанію короля Лудвига, знаменитымъ архитекторомъ Леономъ-Клентце, которому Мюнхенъ обязанъ лучшими своими зданіями, напримѣръ: пинакотека, соборъ, музеумъ, большой театръ и друг. Фронтоны сдѣланы Штигелмайеромъ, а большой внутренній фризъ моделированъ въ Римѣ Вагнеромъ. Король намѣренъ самъ освятить Валгаллу. Церемонія эта назначена въ началѣ сентября.

— Въ Мюнхенѣ для моделей баталическихъ живописцевъ дѣлаютъ лошадей изъ папки съ деревяннымъ остовомъ внутри; такія модели могутъ держать на своемъ хребтѣ взрослаго человѣка; онѣ принимаютъ всѣ положенія, которыя нужно копировать живописцу. Многіе мюнхенскіе художники заказали себѣ сдѣлать нѣсколько такихъ моделей, для своихъ рабочихъ кабинетовъ.

— Въ Лондонѣ инструментальный мастеръ Биль выдумалъ новаго устройства фортепьяно, названное имъ эвфоникомъ (euphonikon), которое, не смотря на свой полный и крѣпкій звукъ, представляетъ очень-уютную и красивую мёбель въ комнатѣ. Закрытое, оно похоже на обыкновенный карточный столъ, но съ тою разницею, что басовыя струны устроены сверху стола, что̀ этому инструменту даетъ также видъ арфы. Эвфониконъ имѣетъ тройную резонансовую деку, и изобрѣтатель увѣряетъ, что такой инструментъ, подобно скрипкѣ, чѣмъ старѣе, тѣмъ лучше.

— Въ газетѣ «the Times» недавно помѣщены были отрывки изъ донесенія капитана Джемса Росса, командира корабля «l'Erèbe»; донесеніе это прислано имъ изъ Вандименовой-Земли (Hobart-Town, 7-го апрѣля 1841) и адресовано на имя секретаря адмиралтейства. Изъ приводимыхъ здѣсь выписокъ видно, что знаменитый англійскій мореплаватель съ успѣхомъ продолжаетъ рядъ своихъ блистательныхъ открытій.

12 декабря 1840 года, военные шлюпы «l'Erèbe» и «Terreur» оставили Аукландскіе Острова и направили путь свой къ югу. Девятнадцать дней спустя, т. е. 1 января 1841 года, оба шлюпа проникли въ антарктическій кругъ. Намѣреніе командира экспедиціи было держаться къ полюсу съ юго-запада, а не прямо съ юга. Плавающія ледяныя горы, видѣнныя уже Американцами и Французами, показались ему не столь ужасными, какъ описывали ихъ его предшественники. Неблагопріятныя обстоятельства мѣшали, однакоже, въ-продолженіи нѣсколькихъ дней попыткѣ пройдти сквозь льды. Января 5-го миновалъ онъ благополучно льды и, прошедъ нѣсколько

миль, продолжалъ плыть къ югу, не встрѣчая особенныхъ препятствій. Густые туманы, противные вѣтры, сильныя волненія и снѣжные ураганы затрудняли путь его до 8 числа; но утромъ 9-го, прошедъ пространство около двухсотъ миль между льдовъ, «l'Erèbe» и «Terreur» достигли наконецъ совершенно-свободнаго моря и направили путь отъ юго-запада къ магнитному полюсу.

Утромъ 11-го, подъ 70° 41′ южной широты и 172° 36′ восточной долготы, путешественники увидѣли землю на пространствѣ около 100 миль, тянувшуюся по направленію обоихъ судовъ, между ими и полюсомъ. Открытіе это возбудило сначала въ капитанѣ Россѣ нѣкоторыя сожалѣнія, потому-что оно должно было помѣшать ему достигнуть одной изъ важнѣйшихъ цѣлей его экспедиціи.—Онъ продолжалъ однакоже держать къ этой землѣ, которую описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«То были, говоритъ онъ, огромныя отвѣсныя горы отъ 9 до 12,000 футовъ вышины, совершенно-покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ; великолѣпные ледники спускались съ ихъ вершинъ до самаго моря на пространствѣ нѣсколькихъ миль. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ нимъ, глазамъ нашимъ открывались мѣстами голые гранитные утесы; — мы взяли тогда направленіе къ небольшой бухтѣ, надѣясь тамъ выйдти на берегъ; но ледяныя груды были такъ многочисленны и волны такъ сильны, что мы должны были отказаться отъ своего намѣренія и держаться къ юго-западу, чтобъ отъискать тамъ болѣе-безопасное мѣсто для высадки. Утромъ 12 января я сошелъ наконецъ на берегъ одного острова, вмѣстѣ съ капитаномъ Крозьеромъ и офицерами обоихъ судовъ, и мы приняли эту землю во владѣніе именемъ ея величества королевы Викторіи.

«Островъ, на который мы вышли, состоитъ весь изъ волканическихъ утесовъ, отъ которыхъ я набралъ множество обломковъ. Онъ лежитъ подъ 71° 56′ южной широты и 171° 7′ восточной долготы.

«Замѣтивъ, что восточный берегъ материка склонялся къ югу, а западный къ сѣверу, я полагалъ сначала, что, проникнувъ на югъ такъ далеко, какъ только было возможно, я пройду магнитный полюсъ, который, по нашимъ наблюденіямъ, долженъ находиться подъ 76 градусомъ, и что, держась потомъ къ западу, обойду такимъ образомъ полюсъ кругомъ. И такъ мы плыли въ виду и по направленію этого магнитнаго материка, и 22 января достигли 74° 15′ на югъ, или самой высокой южной широты, до которой когда-либо доходили предшествовавшіе намъ мореплаватели, или, лучше сказать, доходилъ только одинъ изъ нихъ, соотечественникъ нашъ капитанъ Джемсъ Уиддль.

«Не смотря на южные вѣтры, густые туманы и снѣгъ, который не переставалъ падать, мы сняли видъ этого берега съ юга, и 27-го вышли на берегъ другаго острова, лежащаго подъ 76° 8′ восточной долготы, и состоявшаго, подобно первому, изъ волканическихъ утесовъ.

«Въ слѣдующій день, на самомъ разсвѣтѣ, увидѣли мы огромную гору, возвышавшуюся на 12 футовъ отъ поверхности моря, и извергавшую пламя и несметное количество дыма.—Волканъ этотъ мы назвали Горою Эреба; онъ лежитъ подъ 77° 32′ южной широты и 167° восточной долготы. Съ востока, возвышается онъ надъ потухшимъ кратеромъ, который мы назвали Горою Ужаса (Terreur). Материкъ сохранилъ свое южное направленіе, и мы продолжали плыть въ виду его до того пункта, гдѣ послѣ полудня того же дня, были остановлены ледяною преградой, которая начиналась у одного мыса материка и тянулась ESE.

«Эта удивительная преграда въ 150 футовъ, превосходила вышиною своею самыя высокія мачты нашихъ судовъ и совершенно скрывала отъ нашихъ взоровъ всѣ предметы, бывшіе за нею, за исключеніемъ снѣжныхъ вершинъ горнаго хребта тянувшагося къ ESE, подъ 79° южной широты.

Капитанъ Россъ плылъ вдоль этой ледяной преграды къ востоку до 9 февраля и удостовѣрился, что она простиралась слишкомъ на 300 миль. Непроходимые льды остановили его, и онъ съ большимъ трудомъ проложилъ себѣ путь чрезъ узкій каналъ, позволившій ему проникнуть такъ далеко. Безъ сильнаго вѣтра, онъ былъ бы затертъ льдинами. Надобно замѣтить, что въ $1\frac{1}{2}$ милѣ отъ этой ледяной стѣны зондъ показывалъ 318

саженъ, а термометръ 20 градусовъ выше нуля.

Экспедиція направила путь свой къ западу и 15 февраля находилась подъ 76° южной широты; но она не могла подойдти къ полюсу ближе какъ на 160 миль. Не смотря на это, многочисленныя наблюденія, которыя были дѣланы экипажами обоихъ судовъ на разныхъ пунктахъ, позволили капитану Россу опредѣлить настоящее положеніе магнитнаго полюса, почти съ такою же точностью, какъ бы это могло быть сдѣлано, еслибъ ему удалось достигнуть самого полюса.

Новыя попытки къ высадкѣ остались безуспѣшны, и потому капитанъ Россъ долженъ былъ ограничиться описаніемъ береговъ открытаго имъ материка (названнаго именемъ англійской королевы Викторіи) отъ 70° до 76-го градуса широты. Февраля 25 онъ убѣдился, что земля эта оканчивалась внезапно подъ 70° 40′ южной широты и 165° восточной долготы. Въ послѣдніе дни февраля и въ-теченіе всего марта, онъ плавалъ въ этихъ водахъ, для того, чтобъ окончить и дополнить свои наблюденія. Только 4 апрѣля направилъ онъ путь къ Землѣ Вандименовой, въ портъ Гобартъ-Тоунъ.

Капитанъ Россъ оканчиваетъ донесеніе свое увѣдомленіемъ, что въ-продолженіи всего плаванія, т. е. почти въ-теченіе четырехъ мѣсяцевъ, на обоихъ судахъ, составляющихъ экипажъ экспедиціи, не было ни одного больнаго.

— Въ Парижской Королевской Библіотекѣ недавно найдена славянская (чешская) рукопись, заключающая въ себѣ многія богословскія диссертаціи Іоанна Гусса. До сего времени думали, что это кроатская рукопись. Кажется, она писана въ началѣ XV столѣтія.

— Французскій генералъ Негріе открылъ въ Африкѣ городъ подъ названіемъ Тебесса, извѣстный въ древности Тевеста (Thevesta), на крѣпостныхъ стѣнахъ котораго и до-сихъ-поръ явственно сохранились древнія латинскія надписи. Тевеста была римская крѣпость, заключавшая въ себѣ до 40,000 жителей, судя по ея оставшимся развалинамъ. Нынѣшній городъ не имѣетъ болѣе 1500 жителей.

— Въ лимножскомъ городскомъ архивѣ, ученый археологъ г. Ардавъ отъискалъ рукопись XVI-го столѣтія, въ которой подробно описано искусство живописи на эмали, секретъ котораго, равно какъ и живописи на стеклѣ, давно потерянъ для насъ. Г. Ардавъ, разсмотрѣвъ эту драгоцѣнную рукопись, послалъ ее потомъ на севрскій фарфоровый заводъ, гдѣ могутъ на опытѣ повѣрить справедливость описанныхъ сею секретовъ живописи на стеклѣ и эмали.

— Г. Мельхіоръ Тиранъ, членъ общества французскихъ антикваріевъ, путешествуетъ уже нѣсколько времени по Испаніи для ученыхъ изслѣдованій по части исторіи и древностей. Онъ увѣдомилъ недавно французское правительство, что ему удалось собрать изъ разныхъ архивовъ Испаніи множество манускриптовъ, никѣмъ доселѣ незнаемыхъ и касающихся до исторіи арабовъ XII, XIII и XIV столѣтія, о царствованіи Филиппа II, Карла II и о эпохѣ войны за наслѣдство. Но самымъ важнымъ изъ пріобрѣтеній этого антикварія почитается инквизиціонный архивъ, состоящій изъ 6000 документовъ, найденный въ домѣ главнаго инквизитора.

— Французскій врачъ и аптекарь г. Пакье, нашелъ, что морская вода (которую надобно черпать особо-устроеннымъ ведромъ въ глубинѣ моря, на три часа ѣзды отъ береговъ) весьма-полезна для употребленія больныхъ, какъ питье, и гораздо-дѣйствительнѣе многихъ обыкновенныхъ лекарствъ, наприм. въ англійской болѣзни, чесоткѣ, въ разныхъ сыпяхъ и чирьяхъ, также въ обструкціяхъ живота, и пр.

— Изъ послѣдней оффиціальной переписи видно, что въ 12 округахъ Парижа живетъ до 30,000 семействъ, неимѣющихъ вѣрнаго ежедневнаго пропитанія, или 70,000 нищихъ, т. е. 1

нищій на 12 жителей. Между этими бѣдняками считается до 15,000 человѣкъ такихъ, которые, при всей крайней нуждѣ своей, стыдятся просить подаянія (pauvres honteux).

— Подобно съѣзду германскихъ натуралистовъ, медиковъ и музыкантовъ, назначенъ въ нынѣшнемъ году съѣздъ архитекторовъ въ Лейпцигѣ. Въ слѣдующемъ году эти господа будутъ имѣть свой торжественный въѣздъ въ Берлинъ.

— Въ англійской морской артиллеріи сдѣлано недавно важное улучшеніе. Всѣ коронады лѣваго и праваго борта корабля имѣютъ параллельное направленіе и находятся въ соприкосновеніи посредствомъ проволочной проволоки съ вольтовою баттареею. Канониръ, поставленный въ срединѣ палубы, нацѣливаетъ выстрѣлъ въ самый центръ непріятельскаго корабля, и въ одинъ мигъ стрѣляетъ изъ всѣхъ орудій такимъ образомъ, что если попало въ цѣль одно ядро, то и всѣ прочія туда же влетятъ. Это новое устройство англійской артиллеріи имѣетъ 1,000 вѣроятностей противъ 100 другихъ европейскихъ народовъ, и 2,000 противъ 100 китайской артиллеріи.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Французской Палаты Перовъ, было предложено напечатать вновь полное собраніе сочиненій Лапласа. При этомъ случаѣ баронъ Дюпенъ сказалъ похвальное слово знаменитому французскому математику и присоединилъ свое желаніе къ желанію Коммисіи Палаты Депутатовъ, чтобъ правительство приняло на себя тоже изданіе въ одинаковомъ форматѣ твореній всѣхъ извѣстныхъ математиковъ Франціи прежняго времени.

—

— Одинъ путешественникъ, имѣвъ случай видѣть всю внутренность французскаго банка, разсказываетъ слѣдующее: «Серебряная монета хранится тамъ въ бочкахъ, которыми наполнены огромные погреба банка. Каждая бочка вмѣщаетъ въ себя 50,000 франковъ 5-ти франковою монетою и вѣситъ 600 фунтовъ. Я видѣлъ до тысячи бочекъ съ серебромъ, лежащихъ одна на другой. Проходя между этимъ сокровищемъ, мы приближались къ подвалу съ каменнымъ сводомъ и чугуннымъ поломъ, гдѣ лежали большіе свинцовые ящики, герметически-закупоренные. Каждый ящикъ заключалъ въ себѣ 2,000 мѣшковъ, а въ каждомъ мѣшкѣ было по 1,000 франковъ. Нѣкоторые ящики стоятъ уже тамъ слишкомъ сорокъ лѣтъ неоткрытыми, и директоръ банка сказывалъ мнѣ, что они можетъ-быть останутся тамъ еще 100 лѣтъ безъ употребленія. Деньги, закупоренныя въ свинцовыхъ ящикахъ, совершенно сохранены отъ сырости и отъ перемѣнъ погоды. Лѣстница, ведущая въ банкъ, такъ узка, что по ней можетъ только проходить одинъ человѣкъ съ фонаремъ, что нарочно устроено для безопасности сокровищъ. Также у самаго входа въ подвалы навалено множество песку, чтобъ въ случаѣ крайней опасности, когда нападающіе вздумаютъ осадить и ограбить банкъ, можно было засыпать пескомъ всю лѣстницу до самаго потолка. Директоръ сказывалъ, что нападающіе должны будутъ работать два дня, чтобъ выгрести весь песокъ и проложить дорогу къ деньгамъ, предполагая, что они уже овладѣютъ всѣми зданіями банка. Въ одномъ подвалѣ хранятся богатые оклады Ротшильдовъ и другихъ капиталистовъ. Безполезно было бы вымѣрять толщину и длину золотыхъ слитковъ, которые, какъ дрова, накладены до самаго потолка свода. Частные люди также хранятъ свои сокровища въ этой крѣпости. Я видѣлъ тамъ, между прочимъ, шкатулку съ брильянтами и прочими драгоцѣнностями одного русскаго креза, въ которой добра на 7 мильйоновъ талеровъ.»

— Нѣкто Ольдгемъ сдѣлалъ для англійскаго банка весьма-замысловато-составленную машину, которая печатаетъ нумера на ассигнаціяхъ. Ма-

шина печатаетъ нужные нумера отъ 1 до 100,000 со всею возможною точностію, и весьма-быстро; она очень была бы полезна во всѣхъ заведеніяхъ подобнаго рода въ Европѣ.

— Бременскій Сенатъ издалъ недавно новый законъ для защиты переселенцевъ изъ Германіи въ Сѣверную Америку, которые до-сихъ-поръ часто бывали жертвою обмана корыстолюбивыхъ корабельщиковъ. Теперь путь изъ Бремена въ Америку стоитъ гораздо-дешевле, чѣмъ изъ Кёнигсберга до Петербурга. Каждый пассажиръ корабля за весь путь до Нью-Йорка платитъ только 20 талеровъ.

— Одинъ французскій морской офицеръ изобрѣлъ ночной телеграфъ, который состоитъ изъ кубическаго ящика; каждая сторона его имѣетъ три локтя въ квадратѣ. Обращенная къ ближайшему телеграфу сторона ящика имѣетъ пять дыръ, которыя освѣщаются снутри и закрываются клапанами, по мѣрѣ надобности. Разныя комбинаціи съ этими освѣщенными отверстіями служатъ для означенія буквъ и цѣлыхъ словъ.

— Нѣкто Гесмартъ, сельскій экономъ и химикъ въ Нюрнбергѣ, изобрѣлъ, въ-слѣдствіе пятилѣтнихъ трудныхъ опытовъ, новое газовое освѣщеніе, которое онъ достаетъ изъ колоніяльнаго и свекловичнаго сахара, съ примѣсью другихъ дешевыхъ матеріаловъ. Сахарный газъ горитъ гораздо-свѣтлѣе масляннаго и угольнаго и притомъ обходится дешевле послѣдняго. Если это изобрѣтеніе на дѣлѣ окажется полезнымъ, то потребленіе въ Европѣ сахара скоро утроится.

— Изобрѣтеніе, подобное дагерротипу, сдѣлано недавно однимъ адвокатомъ и книгопродавцемъ Винтеромъ, въ Христіаніи, съ тою только разницею, что внѣшніе предметы въ камер-обскурѣ изображаются не на серебреной досчечкѣ, но просто на веленевой бумагѣ; какъ рисунокъ. Этотъ способъ весьма-удобенъ для сниманія самыхъ вѣрныхъ копій съ гравюръ, рѣзанныхъ на мѣди и на стали, литографическихъ рисунковъ съ растеній, съ цвѣтовъ и пр. Виды, снятые съ природы, и портреты разныхъ лицъ по способу Винтера принимаютъ на бумагѣ красновато-коричневый, фіолетовый и оранжевый тонъ; слѣдственно, не имѣютъ мертвеннаго колера дагерротипныхъ. Изобрѣтатель намѣренъ открыть свой секретъ публикѣ, когда на него соберетъ достаточное число пренумерантовъ. Подписная цѣна 3 специес-талера, и Винтеръ каждому подписчику обѣщаетъ сообщить нужное число инструментовъ для этихъ опытовъ, которымъ назначена самая умѣренная цѣна.

— Въ одной нѣмецкой политической газетѣ сказано, что кремнекислое кали есть лучшее средство для чистки всякихъ шерстяныхъ матерій, мериноса, коленкора и даже шелка, которые должно мыть въ горячей водѣ, положивъ на 12 мѣръ ея ¼ фунта помянутаго вещества, которое очищаетъ самые нѣжные колера въ матеріяхъ и дѣлаетъ ихъ какъ-будто совершенно-новыми, только-что вышедшими изъ аппретуры.

— Въ Германіи опытные архитекторы, для предупрежденія частыхъ пожаровъ, совѣтуютъ строить отлогія крыши домовъ или даже горизонтальныя, какъ на востокѣ. На отлогой крышѣ дома гораздо-способнѣе обливать водою горящее сосѣднее строеніе, и притомъ домъ, неимѣющій стропилъ, не такъ легко можетъ загорѣться отъ ближайшаго къ нему строенія. Пламя внутри каменнаго дома съ отлогою крышею безъ стропилъ можетъ гораздо-скорѣе погаснуть само собою, если во время пожара заколотятъ на-глухо окошки и двери горящаго дома.

— Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Африки, напримѣръ въ Барнабѣ, Іелибѣ, масло, подобное нашему коровьему, растетъ на деревьяхъ. Такого рода дерево похоже на американскій дубъ, а плодъ его на оливку; изъ ядра его выходитъ молочное вещество, послѣ сбиваемое въ масло. Оно держится св-

жее безъ соли въ продолженіи года, на видъ бѣлѣе коровьяго масла, жирнѣе и гораздо вкуснѣе его.

— Прорытіе цѣпи Альпійскихъ Горъ и соединеніе Италіи съ Франціею посредствомъ желѣзной дороги принадлежитъ, конечно, къ числу самыхъ колоссальныхъ и смѣлыхъ проектовъ новѣйшаго времени; этотъ проектъ скоро получитъ дѣйствительное начало. Французскія газеты увѣряютъ, что тоннель будетъ сдѣланъ по близости Мон Сени, потому-что это самое удобное мѣсто въ Альпахъ для проложенія дороги.

— Въ Мюнхенѣ, нѣкто Изерингъ объявилъ въ «Allgemeine Zeitung», что онъ изобрѣлъ новый способъ сообщать свѣтописнымъ картинкамъ Дагерра всѣ цвѣта и оттѣнки, которые видимы въ природѣ; слѣдовательно, его свѣтописные виды будутъ уподобляться лучшимъ пейзажнымъ картинкамъ.

— Въ Аѳинахъ недавно открыто, что корень растенія Affodil, котораго цвѣты очень-похожи на лилію, даетъ превосходное сахарное вещество, и что изъ него можно добыть въ десять разъ болѣе лучшаго сахара, чѣмъ изъ обыкновенной свекловицы. Растеніе Affodil водится въ великомъ множествѣ и въ дикомъ состояніи во всей Греціи.

— Мы говорили уже о изобрѣтенной въ Сѣверной Америкѣ наборной машинѣ, которая замѣняетъ собою типографскаго наборщика. Такая машина есть теперь въ Гентѣ, въ типографіи «Фениксъ». Она имѣетъ видъ клавикордъ, и стбитъ только тронуть клавиши, чтобъ вышли буквы въ линейку (composteur) для составленія словъ и рѣченій. Буквы спускаются по сотнѣ желобковъ, сдѣланныхъ въ мѣдной доскѣ, имѣющей наклонное положеніе, и становятся головками кверху въ линейку (composteur), гдѣ образуютъ длинную прямую ленту, и обязанность наборщика состоитъ только въ томъ, чтобъ ихъ раздѣлять на строки и страницы. Буквы предварительно разставляются мальчикомъ, головками вверхъ, въ особые фальцы (coulisse), находящіеся сверху машины; маленькій двигатель (pousseur), придѣланный въ боку ихъ, и находящійся въ сообщеніи съ клавишами, выталкиваетъ буквы изъ фальцевъ (coulisses) въ особенное отверстіе, изъ котораго онѣ уже входятъ въ наклонные желобки, какъ сказано выше. Эта машина, называемая *панотипъ* (Panotype), очень ускоряетъ и облегчаетъ трудъ въ наборѣ типографическомъ, и будетъ на-дняхъ введена въ употребленіе въ королевской брюссельской типографіи.

— Одинъ французскій статистикъ, сличая число пожаровъ во Франціи съ 1833 года по 1842-й, нашелъ, что въ послѣднее время пожарные случаи очень умножились; ибо въ 1833 году было во Франціи 3,639 пожаровъ, а въ 1842 насчитано ихъ уже 4,876. Также и въ Лондонѣ, не смотря на отличное устройство пожарной команды, въ 1833 году было 458, а въ 1841 606 пожаровъ. Статистикъ полагаетъ между прочимъ, что учащеніе пожаровъ происходитъ отъ множества деревянной мёбели, которою наполняются безъ лишней нужды комнаты, отъ дымовыхъ трубъ и борововъ, которыхъ по нѣскольку проводятъ въ одну главную трубу, отъ слишкомъ легкой постройки домовъ, и наконецъ отъ учрежденія страховыхъ отъ огня компаній, ибо владѣльцы, застраховавъ свои дома, не принимаютъ уже нужныхъ предосторожностей отъ огня, и не слишкомъ пекутся о своей собственности.

— Французскій министръ публичнаго обученія разослалъ всѣмъ префектамъ, ректорамъ академій и инспекторамъ школъ брошюру: «О всегдашнемъ содержаніи чистаго и здороваго воздуха въ училищныхъ классахъ и спальняхъ». Въ этой книжкѣ говорится о новой системѣ устройства комнатныхъ печей, которыя поддерживаютъ нечувствительно постоянную перемѣну воздуха въ классныхъ залахъ, и между тѣмъ очень сберегаютъ то-

вливо. Авторъ брошюры—генералъ-инспекторъ Пеклё (Peelet). Въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала сообщимъ описаніе этихъ общеполезныхъ печей.

— Бѣдность и голодъ—ужасно распространяются во многихъ фабричныхъ городахъ Англіи. Нищіе, не имѣя насущнаго хлѣба, тысячами живутъ на поляхъ подъ открытымъ небомъ и питаются дикими кореньями и разною падалью. Въ Глазгоу 19,000 нищихъ записаны въ разныхъ приходахъ, чтобъ получать порціи пищи; въ Лидсѣ 10,000 человѣкъ. Въ Вигамѣ множество семействъ спятъ по цѣлымъ днямъ въ постеляхъ и не видятъ дневнаго свѣта, будучи увѣрены, что голодъ не такъ терзаетъ ихъ въ лежачемъ положеніи. Въ Лондонѣ сто тысячь нищихъ каждый день ночуютъ на мостовой, въ оврагахъ, сухихъ канавахъ и пр., питаются остатками зелени, выбрасываемыми изъ кухонь богачей, а между-тѣмъ на балѣ какого-нибудь герцога, лорда, маркиза истрачивается полмильйона фунт. стерлинговъ.

— Во Франціи считается теперь 2,100,000 собакъ разныхъ породъ которыя съѣдаютъ, среднимъ числомъ, каждая ежедневно хлѣба на 10 сантимовъ; слѣдовательно, въ годъ это огромное населеніе потребляетъ хлѣба на 75,000,000 франковъ. Если наложить на каждую собаку пошлину по 3 фран., то бюджетъ Франціи увеличится ежегодно 6,300,000 франковъ, чѣмъ нельзя пренебрегать, при нынѣшнемъ положеніи финансовыхъ дѣлъ.

— Парижскія газеты наполнены множествомъ анекдотовъ о покойномъ герцогѣ орлеанскомъ, который за свой кроткій нравъ и ласковое со всѣми обхожденіе былъ очень любимъ простымъ народомъ. Однажды въ Дуэ онъ осматривалъ линейныя войска, и по окончаніи манёвровъ сошелъ съ лошади. Въ эту минуту толпа черпаго народа окружила принца, и одинъ альбастрщикъ такъ близко подошелъ къ нему, что выбѣлилъ ему рукавъ и полу мундира. Свита принца оттолкнула назадъ неучтивца; но принцъ, замѣтивъ такое обхожденіе своихъ офицеровъ, сказалъ: «Зачѣмъ вы его толкаете? развѣ онъ не такой же человѣкъ, какъ и я? Останься возлѣ меня, другъ мой», и началъ отряхать съ рукава и полъ мундира известковую пыль. Толпѣ очень понравилось это простое обхожденіе наслѣдника французскаго престола.

— Когда у знаменитаго французскаго химика Дави умерла жена, страстно имъ любимая, то онъ, не желая трупъ ея отдать червямъ на съѣденіе, сжегъ его на кострѣ по обычаю индійскихъ браминовъ. Послѣ того онъ тщательно собралъ въ урну драгоцѣнный пепелъ, и съ помощію химическаго процесса превратилъ его въ кусокъ чистѣйшаго кристалла, вырѣзалъ изъ него перстень, и носилъ на рукѣ до самой своей кончины.

— Въ Римѣ есть обычай, который свидѣтельствуетъ великое благочестіе и смиреніе главы католической церкви, папы. Когда какой-нибудь преступникъ приговоренъ къ смертной казни, папа постится до самаго полудня и теплыми молитвами старается примирить съ Богомъ душу грѣшника, который долженъ заплатить своею жизнью за проступокъ, сдѣланный имъ противъ общества. Если злодѣй не хочетъ принять покаянія, то св. отецъ продолжаетъ свой постъ и молитвы, и въ такомъ случаѣ казнь откладывается до вечера; тогда звонъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ приглашаетъ всѣхъ жителей Рима присоединить свои мольбы къ теплымъ молитвамъ папы объ обращеніи преступника на путь истинной вѣры.

— Правосудіе въ Испаніи давно уже сдѣлалось источникомъ всевозможной несправедливости, наживы судей, и взятокъ. Оно большею частію находится въ рукахъ особаго сословія, которое въ Испаніи называется skrivanos (присяжный писарь). Эти скриваносы исполняютъ должность протоколистовъ, нотаріусовъ и могущественно располагаютъ жизнію и смер-

тію, свободою или заключеніемъ того, кто имѣлъ несчастіе попасть въ когти испанской юстиціи и не зналъ какъ съ нею сторговаться. Ни революція, ни возстановленіе, ни народная война со времени смерти Фердинанда VII, не могли истребить на испанской землѣ этого крапивнаго сѣмени. Г. фонъ Арнимъ, путешествовавшій въ прошломъ году по Испаніи, описываетъ между прочими слѣдующій случай. Испанцамъ запрещено носить при себѣ кинжалы и ножы, кромѣ тѣхъ, которыми рѣжутъ они хлѣбъ. Кто-то зарѣзалъ своего соперника ножомъ. Преступника схватили и привели для допроса къ присяжному скривакосу, который обязанъ былъ ввести въ протоколъ означенное происшествіе; но главный пунктъ допроса состоялъ въ томъ: какимъ ножемъ сдѣлано преступленіе: тѣмъ ли, которымъ рѣжутъ хлѣбъ, или другимъ. Въ первомъ случаѣ, преступникъ подвергался только тюремному заключенію на нѣсколько лѣтъ, а во второмъ смертной казни. Скриванось писалъ молча протоколъ, покуда не дошелъ до слова cultielle (ножъ). Тутъ онъ остановился. Подсудимый понялъ эту паузу, и сунулъ въ его руку нѣсколько піастровъ. Слово cultielle опять раздалось въ ушахъ преступника: и онъ долженъ былъ удвоить взятку; но скриваносъ, недовольный тѣмъ, опять остановился съ длинною паузою, покуда третья взятка не заставила его написать въ протоколъ: «cultielle per contar pan» (ножъ которымъ рѣжутъ хлѣбъ). «*Докладъ* много значитъ» говоритъ обер-ферстеръ Ифланда въ пьесѣ «Охотники». Означенный преступникъ, благодаря сметливости протоколиста, присужденъ былъ за свое злодѣйство только къ тюремному заключенію.

— Одинъ берлинскій продавецъ картинъ имѣетъ похвальный обычай ходить каждый день по лавочкамъ мелкихъ торгашей, продающихъ всякую всячину: старую мёбель, лоскутья, опорки и пр. — Ему посчастливилось недавно открыть въ лавкѣ лоскутника старую закоптѣлую картину. Опытный глазъ знатока тотчасъ узналъ, что эта грязная вещь писана рукою испанскаго Рафаэля, Мурильйо. Онъ купилъ картину за 3 талера, вычистилъ ее дома и покрылъ лакомъ; тогда только знатоки примѣтили, что это одно изъ лучшихъ твореній геніальнаго живописца, и дирекція Берлинскаго Музеума предложила счастливому покупщику за эту картину 2000 талеровъ; но купецъ просилъ за нее 600 фридрихсдоровъ. Между тѣмъ лоскутникъ увидѣлъ, что онъ выпустилъ изъ рукъ сокровище почти даромъ. Онъ побѣжалъ къ продавцу картинъ, и умолялъ его по-крайней-мѣрѣ дать ему 100 талеровъ награды за такую важную потерю.—Наше дѣло уже кончено, ты получилъ за свою картину 3 талера, слѣдовательно, я тебѣ ничего не долженъ, сказалъ купецъ и выпроводилъ за двери лоскутника. Бѣдняку посовѣтовали обратиться къ одному адвокату, чтобъ сколько возможно поправить это дѣло. Начался процессъ о картинѣ Мурильйо; изъ процесса оказалось, что эту вещь продалъ купцу не самъ лоскутникъ, но несовершенно-лѣтняя его дочь, а потому судъ присудилъ возвратить картину прежнему ея владѣльцу, съ полученіемъ отъ него обратно 3 талеровъ. Тщетно купецъ предлагалъ бѣдному лоскутнику 200 талеровъ вознагражденія за картину, — лоскутникъ не соглашался. Черезъ двѣ недѣли послѣ того, лордъ Р*** купилъ картину у лоскутника за 800 фридрихсдоровъ. Лоскутникъ съ-тѣхъ-поръ получилъ непреодолимую охоту покупать вездѣ, гдѣ только можно, закопченый размалеваный холстъ въ рамахъ, но произведенія Мурильйо попадаются еще рѣже на рынкахъ, чѣмъ случаются въ судахъ такіе странные процессы о картинахъ.

— Ужасный бичъ острова Мартиники—безъ сомнѣнія, отрава людей ядомъ. Искусство отравленія дошло до высочайшей степени совершенства, благодаря Неграмъ. Они отравляютъ

такимъ образомъ, что разсчитываютъ смерть на извѣстный день, черезъ три мѣсяца, черезъ шесть, по истеченіи года, и никогда не ошибаются въ своемъ разсчетѣ. Чѣмъ они отравляютъ—это никому неизвѣстно. Орфила и Распайль тщетно стряпали бы въ своихъ ретортахъ, и даже аппаратъ Марша ничего бы не изслѣдовалъ въ этихъ адскихъ отравленіяхъ. Разныя туземныя растенія даютъ ядъ Неграмъ, которые одни знаютъ тайну, гдѣ надобно находить его. Правительство ссылаетъ отравителей обыкновенно на работы въ Порторико,—тѣмъ только и прекращаются подобныя злодѣйства. Негры не отравляютъ людей изъ мести или злобы, ибо они кормятъ не рѣдко ядомъ собственныхъ дѣтей, братьевъ, сестеръ, своихъ пріятелей и добрыхъ ихъ господъ, къ которымъ они сердечно привязаны. Отравители занимаются своимъ адскимъ дѣломъ съ быстротою молніи и умерщвляютъ иногда въ двѣ ночи 30 быковъ, 20 лошаковъ, 100 овецъ и отъ 10 до 12 Негровъ, своихъ товарищей. Это случается вездѣ на Мартиникѣ и по-нѣскольку разъ въ годъ. Иногда ядъ, данный Негромъ, цѣлые полгода мучитъ избранную жертву и потомъ уже прекращаетъ жизнь. «Въ Пор-Роялѣ въ семействѣ господина Кадео видѣлъ я (пишетъ одинъ туристъ) прекрасную дѣвочку 11 лѣтъ, которая была мила какъ ангелъ. Я сказалъ матери, страстно-любившей дочь свою, нѣсколько пріятныхъ словъ на счетъ этого ребенка. Но мать, указывая на блѣдность и худобу ея, отвѣчала со слезами: «моя Лаура 6 мѣсяцевъ уже какъ отравлена старою Негритянкою». И дѣйствительно, вскорѣ послѣ того прелестная Лаура умерла отъ изнурительной лихорадки въ-слѣдствіе отравленія.»

— Въ Луизіанѣ дуэли вошли въ большую моду; тамъ бьются на шпагахъ, сабляхъ, на пистолетахъ и карабинахъ въ 25 шагахъ. Разумѣется, въ той странѣ надобно быть отчаяннымъ и ловкимъ поединщикомъ, чтобъ заслужить названіе брамербаса: тамъ каждый человѣкъ болѣе или менѣе умѣетъ обходиться съ оружіемъ. Нѣкто Г***, журналистъ и вмѣстѣ сильный дуэлистъ, пріобрѣлъ себѣ неограниченное право говорить каждому въ глаза горькую правду и писать про всѣхъ свободно. Однажды онъ напечаталъ въ своемъ журналѣ, что г-нъ Л**, Французъ, хорошей бретаньской фамиліи, имѣетъ весьма-непохвальную привычку занимать деньги и не платить своихъ долговъ. На другое утро Французъ пришелъ къ журналисту и сказалъ ему: «Ваша статейка, напечатанная на мой счетъ, очень мнѣ не нравится; если вы завтра повторите ее въ слѣдующемъ нумерѣ газеты, то я рѣшусь публично дать вамъ пощечину». — Какъ, мнѣ? закричалъ журналистъ, поблѣднѣвъ отъ гнѣва.— «Именно». — Ну, такъ вы опоздали: статья о васъ уже отдана въ типографію сегодня вечеромъ, а я никогда не просматриваю корректуры моего журнала.—«Дожидайтесь же завтра меня на биржѣ.»—Вы меня непремѣнно тамъ найдете — отвѣчалъ журналистъ. На другой день къ 12 часамъ собралось на биржѣ множество жителей Нью-Йорка. Г. ожидалъ Л. посрединѣ залы. За пять минутъ до 12 часовъ вошелъ туда Л. съ часами въ рукѣ. Въ это время густая толпа любопытныхъ окружала антагонистовъ. Пробило 12 часовъ; Г** приближается къ Л.—Я предупреждаю васъ, сказалъ журналистъ: — что буду стрѣлять, если вы осмѣлитесь поднять на меня руку. При этихъ словахъ Г** направилъ на своего противника пару пистолетовъ съ взведенными курками. Французъ смѣялся такой угрозѣ, не имѣя даже въ рукахъ простой палки. «И такъ, вы вооружились; слѣдовательно, боитесь безоружнаго.» Французъ размахнулся и далъ жаркую пощечину своему противнику. На эту выходку былъ отвѣтомъ выстрѣлъ — но промахъ. Л. ударилъ журналиста по другой щекѣ. Опять

выстрѣлъ. При третьей пощечинѣ Г. схватилъ кинжалъ и нанесъ нѣсколько ранъ противнику, который между тѣмъ все билъ его по щекамъ. Наконецъ, при четырнадцатомъ ударѣ кинжаломъ, журналистъ положилъ на мѣстѣ несноснаго Француза. Зрители преспокойно смотрѣли на эту кровавую драму.

— Нигдѣ такъ худо не обезпечено состояніе учителей въ народныхъ школахъ, какъ во многихъ странахъ Германіи, а между-тѣмъ въ рукахъ этихъ бѣдныхъ тружениковъ находится судьба и будущность образованія народнаго. Одинъ баварскій ландратъ Обер-Пфальца и Регенсбурга пишетъ, что въ подвѣдомственномъ ему округѣ есть множество учителей народныхъ школъ, которые получаютъ жалованья въ годъ неболѣе 200 флориновъ, не имѣя никакихъ постороннихъ доходовъ. Нѣкоторые изъ этихъ педагоговъ во время вакацій ищутъ даже работы простыхъ землекоповъ при общественныхъ каналахъ.

— Въ Лондонѣ показываютъ выставку разныхъ любопытныхъ китайскихъ предметовъ, состоящихъ изъ разнаго оружія, утварей, машинъ и наконецъ изъ 50 человѣческихъ фигуръ въ натуральную величину, представляющихъ всѣ сословія Китайцевъ отъ мандарина до нищаго. Выставка устроена въ обширной залѣ въ 225 футовъ длиною.

— Въ Виндзорскомъ Замкѣ есть рѣдкость, которая доказываетъ чрезвычайное терпѣніе и искусство Китайцевъ придавать растеніямъ и корнямъ ихъ разныя фантастическія формы и видъ звѣрей и животныхъ. Въ этомъ замкѣ ростетъ китайское дерево въ три фута длиною и въ соразмѣрную вышину, представляющее совершенно-похожую фигуру льва. Это растеніе имѣетъ четыре лапы, хвостъ, голову и густую гриву. Какимъ средствомъ Китайцы заставляютъ корни деревъ принимать такія формы, — это остается пока для европейскихъ садовниковъ непроницаемою тайною.

— Начальникъ пожарной команды въ Парижѣ, Поленъ, издалъ весьма полезную книгу подъ заглавіемъ «Nouveau manuel des sapeurs pompiers, ou l'art de prevenir et d'arreter les incendies». Онъ между прочимъ совѣтуетъ въ каждомъ батальйонѣ арміи образовать одну роту для пожарныхъ случаевъ, и обучить ее обхожденію съ гасительными снарядами. Солдатъ, выслуживъ свой срокъ въ пожарной ротѣ, можетъ послѣ съ великою пользою быть употребляемъ въ каждой благоустроенной пожарной командѣ.

— Извѣстный англійскій дипломатъ маркизъ Лондондерри издалъ недавно въ свѣтъ свое путешествіе по Германіи, Испаніи и Турціи. Ему особенно не нравится пребываніе въ Константинополѣ. «Не совѣтую никому изъ лондонскихъ гастрономовъ (говоритъ онъ) быть въ Стамбулѣ: всякое мясо и дичинатамъ очень безвкусны. Масла для чая нигдѣ не сыщешь; вмѣсто сливокъ, подаютъ вамъ только козье молоко. Хлѣбъ всегда киселъ и невкусенъ, потому-что тѣсто мѣсятъ Турки не на дрожжахъ. Виноградныя привозныя вина дороги и нехороши, а воды изъ прудовъ нельзя пить, не пропустивъ ее прежде чрезъ машину. Хороша только тамъ рыба, но и за этой провизіей надобно посылать далеко. Во всемъ городѣ нѣтъ ни манежей, ни залъ для баловъ; единственное движеніе — ходить пѣшкомъ по скверной мостовой. Надобно, подобно Туркамъ, погрузиться въ лѣность и совершенную бездѣйственность, если кто хочетъ жить въ Константинополѣ».

— Въ Индіи водится большая птица, называемая *адъютантъ*. Названа она такъ потому-что очень любитъ солдатъ, живетъ съ ними всегда вмѣстѣ въ городахъ, и удаляется оттуда, когда гарнизонъ перемѣщается на другія квартиры или въ поле на бивуаки. Адъютантъ имѣетъ важную

военную поступь, и долго стоитъ на одномъ мѣстѣ, приподнявъ одну ногу, какъ журавль на сторожѣ. Эта птица очень прожорлива, и англійскіе солдаты шутятъ съ нею иногда очень-неосторожно. Одинъ артиллеристъ въ Калькуттѣ, взявъ баранью кость, набилъ ее порохомъ, привязалъ къ ней длинный штапинъ и бросилъ на драку стаѣ адъютантовъ Одна изъ птицъ тотчасъ проглотила кость и поднялась съ нею въ воздухъ, но въ эту минуту загорѣлась проводная нитка и бѣднаго адъютанта разорвало на тысячу кусковъ. Артиллеристу однакоже не прошла даромъ эта злобная шутка: начальство приказало его высѣчь розгами, по закону, за напрасное мученіе животныхъ.

— Въ средней части Африки есть нѣсколько черныхъ государей, которые до дурачества пристрастились къ европейской одеждѣ и воображаютъ, что трехугольная шляпа и короткое исподнее платье возвышаютъ ихъ въ глазахъ народа. Король Габона, Діонисъ, имѣетъ особую манію одѣваться французскимъ маркизомъ временъ Лудовика XV. Одинъ марсельскій капитанъ пригласилъ короля Діониса въ себѣ на корабль, и монархъ явился къ нему въ парадномъ своемъ костюмѣ: въ напудренномъ старинномъ парикѣ, сверхъ котораго торчала трехугольная обложенная позументомъ шляпа: узкіе короткіе панталоны едва влѣзали на геркулесовскія его лядвеи; на ногахъ надѣты были шелковые чулки безъ подвязокъ, спущенные широкими складками до самыхъ башмаковъ; атласный бѣлый жилетъ, вышитый золотомъ, выказывалъ полуоткрытую черную грудь монарха; ибо его величество никогда не носитъ рубашки; сверху жилета надѣтъ былъ шелковый французскій кафтанъ, а при бедрѣ висѣла кавалерійская сабля. Матросы расхохотались во все горло, увидѣвъ эту каррикатурную фигуру; король вообразилъ, что смѣхъ матросовъ есть знакъ особеннаго къ нему уваженія, и гордо расхаживалъ на палубѣ, стуча своею саблею. Но такъ какъ узкое исподнее платье и чулки очень безпокоили короля и мѣшали свободнымъ движеніямъ, то онъ безъ лишней церемоніи скинулъ все, и остался только въ верхнемъ платьѣ, которое составляло пресмѣшной контрастъ съ нижнею половиною его тѣла, совершенно-голаго.—Негритянскому королю Дагону пришло на мысль нарядить черную свою гвардію во французскую кирасирскую форму, ибо его увѣрили Европейцы, что кирасирскія латы не можетъ пробить никакая ружейная пуля. Король вообразилъ, что его гвардія въ такомъ вооруженіи будетъ непобѣдима и совершенно заколдована противъ ружейныхъ выстрѣловъ. На этотъ конецъ онъ поручилъ одному Испанцу сдѣлать для него въ Марсели сотню кирасирскихъ амуницій со всѣми принадлежностями. Коммиссіонеръ исполнилъ порученіе короля и прислалъ ему изъ Марсели полную кирасирскую экипировку на сто человѣкъ. Король Дагонъ приказалъ для пробы надѣть кирасъ и амуницію одному изъ своихъ Негровъ, и полагая, что онъ въ этомъ облаченіи совершенно-невредимъ, подобно Ахиллесу, выстрѣлилъ въ него изъ карабина на разстояніи трехъ шаговъ. Черный кирасиръ какъ снопъ повалился на землю и, разумѣется, больше уже не вставалъ на ноги.

— Англійскія газеты разсказываютъ слѣдующій случай, ручаясь за достовѣрность его: одинъ почтенный старецъ, гражданинъ Лондона, гуляя въ своемъ саду, остановился передъ пчельникомъ, изъ котораго пчелы сбирались вылетѣть цѣлымъ роемъ. Въ эту минуту онѣ облѣпили все лицо старика, и набились ему въ ротъ и ноздри. Страшное мученіе предстояло ему отъ этихъ насѣкомыхъ, и онъ не смѣлъ пошевелиться съ мѣста, да и, къ несчастію, не было никого вблизи, кто могъ бы освободить его отъ угрожавшей ему опасности. Онъ простоялъ въ этомъ

ужасномъ положеніи около трехъ минутъ: жаръ отъ пчелъ былъ невыносимъ, и старикъ чуть не пришелъ въ бѣшенство. Въ эту критическую минуту, онъ осторожно схватился за шляпу, и поднялъ ее надъ головою. Пчелиной маткѣ понравился этотъ новый родъ улья, и въ ту же минуту всѣ пчелы послѣдовали за нею и усѣлись въ шляпѣ; хитрость старика совершенно удалась: онъ вышелъ изъ сада цѣлъ и невредимъ со шляпою, наполненною пчелами, которую торжественно показалъ своимъ пріятелямъ.

— У княгини Меттернихъ, какъ разсказываетъ маркизъ Лондондерри, есть похвальный обычай, которому не худо подражать и въ другихъ столицахъ Европы. Она приняла за правило у всѣхъ посѣщающихъ ее иностранныхъ гостей и особенно дипломатовъ, просить ихъ портретовъ, которые они должны заказывать вѣнскимъ живописцамъ. Разумѣется, никто не отказываетъ этой прелестной женщинѣ въ столь лестной для ихъ собственнаго самолюбія просьбѣ; а княгиня между-тѣмъ собрала уже три огромные фоліанта портретовъ всѣхъ почти извѣстныхъ и знаменитыхъ людей Европы. Всѣ портреты написаны въ миньятюрѣ и отличаются поразительнымъ сходствомъ съ оригиналами.

— Одинъ Американецъ въ Питерборгѣ поссорился съ своею женою, привязалъ ее крѣпко къ кресламъ и зажегъ этотъ костеръ. Пламя въ минуту обхватило платье несчастной жертвы, и она сгорѣла въ ужасныхъ мученіяхъ. Мужъ старался доказать предъ слѣдственнымъ судомъ, что жена его сгорѣла отъ собственной неосторожности; но мѣры имъ взятыя для собственной безопасности, послужили явною уликою въ преступленіи.

— Перепечатаніе (контрфакція) англійскихъ книгъ въ Америкѣ составляетъ весьма прибыльный промыслъ для тамошнихъ книгопродавцевъ и типографщиковъ. Только-что явится въ Англіи какое-нибудь интересное сочиненіе, въ Америкѣ немедленно сотни рукъ начнутъ перепечатывать его. Недавно новый романъ Больвера «Zanoni», котораго экземпляръ стоитъ въ Лондонѣ полгинеи, перепечатанъ, въ газетѣ «the New World», въ одномъ исполинскомъ листѣ въ 36 колоннъ, въ числѣ 2000 экз., и каждый листъ этого журнала пущенъ въ продажу по $12^1/_2$ сантимовъ. Такая контрфакція совершенно убиваетъ отечественную литературу самихъ Американцевъ: книгопродавцы вовсе не покупаютъ рукописей у своихъ сочинителей, потому-что и безъ того могутъ доставать за бездѣлицу лучшія сочиненія Англичанъ и наживать отъ нихъ себѣ большіе барыши.

— Въ Сѣверной Америкѣ есть особое сословіе людей, которые промышляютъ ложною присягою, и за нѣсколько долларовъ готовы свидѣтельствовать въ честности самаго отъявленнаго плута. Нѣкто Бредли обокралъ почтовую казну въ Union-Town-Post, и въ этомъ дѣлѣ былъ обличенъ неопровержимыми доказательствами; но Бредли подкупилъ 200 свидѣтелей, которые въ Питеборгѣ показали подъ присягою, что онъ честнѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

— Бранденбургскій курфирстъ Фридрихъ III (въ-послѣдствіи прусскій король Фридрихъ I) обложилъ всѣ парики своихъ подданныхъ податью, и откупъ на нихъ отдалъ Французу Лавердогеню. Всѣ парики безъ исключенія приносимы были въ королевскую штемпельную камеру, гдѣ таксировали ихъ 6-ю процентами и потомъ прикладывали къ каждому казенную печать. Этотъ откупъ по причинѣ многихъ интригъ и утайки пошлинъ былъ отмѣненъ въ 1702 году; такса на парики возвысилась, смотря по чину и званію людей, которые ихъ носили. Министры и военныя особы до генерал-майорскаго чина платили за свои парики по 3 талера ежегодно, совѣтники разныхъ палатъ 2, адвокаты и канцелярскіе служители $1^1/_2$, придворные ла-

кеи $^{5}/_{6}$ и наконецъ купцы, мѣщане и ремесленники $^{1}/_{2}$ талера.

— 18-го сентября папѣ исполнится 77 лѣтъ. Онъ 11 лѣтъ занимаетъ уже престолъ св. Петра. Святѣйшій Коллегіумъ составляютъ теперь 60 кардиналовъ, 6 кардиналовъ-епископовъ, 43 кардинала-священника и 11 кардиналовъ-дьяконовъ. Самый старшій изъ кардиналовъ—кардиналъ Руффа, которому теперь 87 лѣтъ; самый младшій, кардиналъ Шварценбергъ, 33 лѣтъ. Годы всѣхъ кардиналовъ, взятые вмѣстѣ, составляютъ 3580 лѣтъ.

— Въ королевскомъ Монетномъ Музеумѣ въ Парижѣ (Musée Monétaire) между можествомъ монетъ и медалей находится одинъ экземпляръ медали, которую Наполеонъ приказалъ выбить по-секрету на покореніе Англіи. Извѣстно, что высадка французскихъ войскъ на берега Англіи была любимымъ планомъ Наполеона, и онъ хотѣлъ увѣковѣчить эту будущую побѣду заранѣе приличною медалью. На правой сторонѣ медали представлено грудное изображеніе Наполеона; на оборотѣ Геркулесъ, удушующій въ крѣпкихъ своихъ рукахъ исполина Антея. На закраинѣ медали вырѣзаны слова: «Descente en Angleterre, frappée à Londres 1804». Медаль эта вырѣзана была въ Парижѣ, и выбита въ числѣ двухъ экземпляровъ, изъ которыхъ въ музеумѣ сохранился только одинъ экземпляръ. Штемпель медали былъ истребленъ впослѣдствіи по особому приказу Наполеона.

— Для истребленія веснушекъ на лицѣ особенно рекомендуютъ слѣдующія снадобья: сокъ изъ молодаго винограда, также свѣжую землянику, которую надобно размять, и въ этомъ видѣ прикладывать къ лицу на ночь. Но лучшимъ средствомъ для истребленія веснушекъ германскіе врачи почитаютъ молочный сокъ, выжатый изъ стеблей свѣже-сорванныхъ листьевъ фиговаго дерева.

— Къ величайшимъ рѣдкостямъ, которыя случились во время послѣдняго солнечнаго затмѣнія, принадлежитъ слѣдующее: въ одной деревнѣ, лежащей на берегу Этна, 8 іюля н. с., спустя нѣсколько часовъ послѣ затмѣнія, курица снесла яйцо, на которомъ природа какъ-будто бы выгравировала солнце съ покрывшею его лунною тѣнью.

— Лондонская газета «the Globe» увѣдомляетъ публику о смерти одной весьма-почтенной курицы, которая жила на свѣтѣ 35 лѣтъ и снесла во время полезной своей жизни 8910 яицъ. Англійскія газеты вѣроятно находятъ любопытнымъ такія извѣстія?..

— Англичанинъ Гоу имѣлъ большое состояніе и женился на молоденькой и хорошенькой миссъ Жюли Маллетъ. Въ день свадьбы, Гоу, сидя за обѣдомъ съ молодою супругою, сказалъ окружавшей его роднѣ: «нельзя никогда слишкомъ полагаться на любовь и вѣрность женщины», потомъ прибавилъ, что онъ долженъ отправиться теперь въ городъ по своему дѣлу, и тотчасъ послѣ обѣда ушелъ изъ дому. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, жена получила отъ него письмо, въ которомъ онъ ее увѣдомлялъ, что по весьма-важному дѣлу уѣхалъ въ Голландію. Г-жа Гоу думала, что отсутствіе мужа не будетъ продолжительно, но ошиблась, ибо прошло сряду семнадцать лѣтъ, и о немъ не было ни слуху, ни духу. Но Гоу между-тѣмъ вовсе не выѣзжалъ изъ города и нанялъ въ концѣ той же улицы, гдѣ жила его жена, квартиру, перемѣнилъ свою фамилію и оставался въ совершенной неизвѣстности въ Лондонѣ, гдѣ поселился не задолго до своей женитьбы. По близости дома жены его, была кофейня, которую часто посѣщалъ Гоу. Однажды онъ прочелъ въ газетахъ слѣдующее: «Госпожа Гоу, извѣщая правительство объ участи безъвѣсти пропавшаго ея мужа, проситъ судъ войдти въ ея положеніе и распорядиться по законамъ оставшимся послѣ него имѣніемъ». Г. Гоу съ любопытствомъ читалъ въ газетахъ о ходѣ собственнаго своего процесса, который кончился въ пользу его жены. Прошло

послѣ того еще нѣсколько лѣтъ, и г-жа Гоу заняла квартиру у какого-то Затта, съ которымъ познакомился въ кофейнѣ г. Гоу, и занялъ у него въ домѣ также комнату. Эта комната была объ-стѣну съ кабинетомъ г-жи Гоу; мужъ ея каждый день слышалъ о чемъ разговаривала его жена съ своею сестрою. Однажды утромъ г-жа Гоу, сидя за чаемъ съ сестрою, получила безъименное письмо по городской почтѣ, въ которомъ приглашали ее на другой день вечеромъ явиться въ Сен-Джемскомъ Паркѣ, въ извѣстномъ мѣстѣ. Прочитавъ письмо, она подала его сестрѣ. Сестра, разсмотрѣвъ внимательно почеркъ, съ удивленіемъ воскликнула: «да это письмо отъ твоего мужа!» Оставленная жена, любившая искренно своего мужа, упала въ обморокъ. Она согласилась на другой день идти въ Сен-Джемскій Паркъ, на интересное свиданіе. Не прошло десяти минутъ, какъ явился передъ глазами ея давно-пропавшій г. Гоу. Онъ безъ замѣшательства и очень-хладнокровно началъ говорить съ нею, какъ-будто бы время разлуки ихъ продолжалось только одинъ день. Не знаемъ въ какой степени эта супружеская сцена подѣйствовала на нѣжныя нервы госпожи Гоу. Но какъ бы то ни было, супруги живутъ теперь счастливо и согласно въ Лондонѣ, и чудакъ Гоу отказался отъ своей мысли, будто-бы нѣтъ на свѣтѣ честныхъ женщинъ.

— Весьма-замѣчательный случай былъ недавно въ Перуджіо между двумя отличными дуэлистами, маркизомъ Ф* и княземъ П**. Они выстрѣлили изъ пистолетовъ другъ въ друга въ одно мгновеніе; пули противниковъ, ударясь одна объ другую, совершенно сплюснулись и упали на землю по срединѣ дистанціи.

— Въ прошедшемъ году англійскій театръ лишился лучшей изъ своихъ актриссъ, миссъ Фенни Кембль, которая вышла за мужъ за богатаго американскаго купца Ботлера. Вскорѣ за тѣмъ, судьба похитила со сцены сестру этой артистки, Аделаиду Кембль, вышедшую за мужъ за богатаго Испанца, маркиза де Каза Баргуэллесъ-и-Сартаріо, который имѣетъ обширныя помѣстья около Кадикса и въ Мексикѣ, получая съ нихъ дохода 200,000 талеровъ. У него есть также нѣсколько деревень въ Южной Франціи и Италіи; слѣдовательно, онъ можетъ жить въ старомъ и новомъ свѣтѣ какъ у себя дома.

— Въ пломбьерскихъ купальняхъ, (гдѣ недавно была герцогиня орлеанская), ванны женскія отъ мужскихъ раздѣляются только тонкою деревянною перегородкою. Въ отдѣленіи мужчинъ играетъ музыка; купающіеся поютъ въ водѣ, играютъ въ карты и даже танцуютъ. Еще замѣчательнѣе купальня въ Лейкѣ (Louëche), гдѣ дамы и кавалеры купаются вмѣстѣ; тѣло ихъ до головы герметически-закутано во фланель, и только головы купающихся торчатъ поверхъ воды. Предъ каждою головою плаваетъ доска, на которой купающійся ѣстъ и пьетъ какъ за обыкновеннымъ столомъ и играетъ въ карты ловко и спокойно, ибо каждый сидитъ въ водѣ на креслахъ, которыя легко передвигаются во всѣ стороны. Кресла привязаны ремнями.

— Одинъ Нѣмецъ, учитель ариѳметики, жившій долгое время въ Парижѣ, сдѣлалъ слѣдующее исчисленіе датъ замѣчательнѣйшихъ происшествій Франціи.

1794.	Паденіе и казнь Робеспьера.
1794.	
1815.	Низверженіе Наполеона.
1815.	
1830.	Отреченіе отъ престола Карла X-го.
1830.	
1842.	Смерть герцога орлеанскаго.
1842.	
1857.	???

— Въ «Journal de Francfort» напечатано объявленіе объ одной дѣвицѣ, которая ищетъ мѣста гувернанты въ Германіи: «Une jeune demoiselle de la Suisse, qui ne parle point l'Allemand.» Рейнъ-вестфальская газета сдѣлала на это объявленіе слѣдующее замѣчаніе: «Можно ли такъ нагло смѣяться надъ здравымъ смысломъ Германцевъ, которые будто-бы поставляютъ въ особенное достоинство незнаніе нѣмецкаго языка, при воспитаніи ихъ дѣтей.» Но такого рода объявленія часто встрѣчаются въ нѣмецкихъ газетахъ. У насъ они ненужны, потому-что мы и безъ того можемъ быть увѣрены, что публикующіяся въ нашихъ газетахъ гувернанты ни слова не знаютъ по-русски; иначе онѣ не осмѣлились бы и публиковать о себѣ.

— Въ Парижскомъ Théâtre Français играютъ съ большимъ успѣхомъ новую пьесу подъ заглавіемъ: «le Veuvage». Въ этомъ водевилѣ главное дѣйствующее лицо—г. Менаръ, который жалуется, что женщины не даютъ ему нигдѣ покоя, и любовныя свои сѣти разставляютъ ему на каждомъ шагу. Онъ между прочимъ поетъ слѣдующіе куплеты, которые очень нравятся публикѣ:

On me poursuit chez moi, dans la rue on m'arrête,
Pourquoi? Pour me jeter une femme à la tête,
On m'invite à diner, c'est pour me faire voir
Une beauté sans dot, que l'on voudrai pourvoir.
Suis-je au bal? C'est bienpis, à ma droite se place
Une fille un peu mûre, une Agnès est en face,
A ma gauche une veuve; ton pauvre Ménard,
Se voit de tous côtés traqué comme un renard,
Puis viennent les mamans, les tantes, les cousines,
De prétendus amis les voisins, les voisines,
Et que sais-je? Un éssaim d'officieux maudits.

— Англійскій писатель Джонъ Перри сказалъ однажды: «Совѣтую всѣмъ страждущимъ сплиномъ читать каждый день страницу газетныхъ объявленій». Это новаго рода лекарство конечно покажется русской публикѣ подозрительнымъ, или просто мистификаціею, потому-что мы привыкли читать въ газетахъ лаконическія извѣстія о пропажѣ собакъ, продажѣ лошадей, экипажей и пр. о ищущихъ мѣста управителей, экономокъ и т. д. Но Джонъ Перри не шутитъ и въ самомъ дѣлѣ находитъ интересными объявленія англійскихъ газетъ. Беремъ для пробы, хоть на примѣръ газету «the Times» отъ 3 августа сего года. Подъ рубрикою разныхъ объявленій въ ней напечатано слѣдующее: «Одно почтенное семейство, любящее болѣе всего comfort, ищетъ себѣ повара, но съ условіемъ, чтобъ онъ строго исполнялъ всѣ обряды англиканской церкви, и былъ въ полномъ смыслѣ слова христіаниномъ». —«Одна богатая леди желаетъ воспитывать и образовать на свой счетъ молодаго джентльмена». —Если Луиза** согласна возвратиться къ своимъ друзьямъ въ Лондонъ, то они пріймутъ ее съ радостію и забудутъ все прошедшее». Въ этихъ не многихъ словахъ заключается, можетъ-быть, цѣлая повѣсть, романъ или драма.—«Г. Граутъ, живущій въ Оксфорской Улицѣ, извѣщаетъ г. К. Д. Кантербери, что онъ слава Богу здоровъ, но невеселъ, потому-что у него украли часы въ театрѣ». — «Капитанъ Уокеръ (Regent Street) имѣетъ честь извѣстить миссъ Г* Ф*, что она ему очень понравилась на гуляньѣ въ Гайдпаркѣ. Завтра около обѣда пройдетъ онъ мимо ея квартиры съ лорнетомъ въ правой рукѣ и съ платкомъ въ лѣвой. Миссъ Г* можетъ узнать капитана по особой свойственной ему улыбкѣ».—«Если Джонъ Стратфордъ, въ приходѣ Дунтана, въ-теченіе недѣли не возьметъ у меня своихъ гончихъ собакъ, то я ихъ продамъ, ибо даромъ кормить чужихъ собакъ не обязанъ. Куперъ Эльтонъ».—Если прочесть до конца громадный листъ газеты, то подобныхъ диковинокъ найдется больше сотни. Не весело ли это, въ-самомъ-дѣлѣ?

ЗАСѢДАНІЯ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

I.

Парижская Академія Наукъ.

Въ засѣданіи 11-го іюля, г. Годишо читалъ весьма-важный мемуаръ *о физіологіи и развитіи органовъ растеній*. Это великая задача, и рѣшеніе ея, хотя бы и могло быть оспориваемо въ нѣкоторыхъ пунктахъ, заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что настоящій мемуаръ есть плодъ долговременныхъ изъисканій автора.

Давно уже чувствуется нужда въ томъ, чтобъ науки привели въ порядокъ многочисленные факты, которые онѣ собираютъ съ пол-вѣка, и вышли наконецъ изъ исключительнаго направленія матеріальныхъ подробностей, чтобъ возвыситься до своей истинной цѣли, то-есть, до систематическаго устройства и обобщенія фактовъ. Особенно по нѣкоторымъ отраслямъ наукъ надобно, чтобъ какой-нибудь свѣтлый умъ, обнимая ихъ общимъ взглядомъ, связалъ между собою всѣ раздѣленныя ихъ части и далъ имъ тѣло и жизнь. Безъ сомнѣнія, было время, когда теорія должна была уступить мѣсто изъисканію фактовъ; но не справедливо думать, что теоріи составляются сами собою, что онѣ приходятъ естественнымъ образомъ вслѣдъ за многочисленными фактами, которые каждый день вносятся изъискателями въ число пріобрѣтеній науки. Для составленія системы, нужна рука могучая: матеріалы зданія могутъ быть приведены въ порядокъ только по плану архитектора.

Но, говоря о духѣ системы, безъ котораго не можетъ быть науки, мы разумѣемъ не эти универсальныя системы, которыя обнимаютъ всю природу, и которыя выходятъ совсѣмъ-готовыя изъ легкаго и живаго воображенія, всегда способнаго поставить блестящее сравненіе на мѣсто основательнаго умствованія, и удовольствоваться замысловатымъ образомъ, когда дѣло идетъ о точныхъ законахъ. Еще и въ настоящее время есть люди, которые мечтаютъ объ универсальныхъ системахъ. Въ упрекъ этимъ системамъ, этимъ ипотезамъ, которыя хотятъ изъяснить все, можно сказать—не то, чтобъ онѣ были ложны, а то, что онѣ безполезны, ибо по самой своей общности, могутъ быть толкованы произвольно, но не служатъ къ предузнанію и къ вычисленію ни одного частнаго факта. Изобрѣтатели подобныхъ системъ обольщаютъ сами себя, принимая за законъ образъ, подъ которымъ они представляютъ себѣ болѣе или менѣе поэтически составъ и великія явленія міра. Они не чувствуютъ, что есть различіе между всеобщимъ тяготѣніемъ Ньютона и ихъ системами: именно, что великій законъ Ньютона опирается на такомъ основаніи, которое даетъ возможность предвидѣть и вычислять факты, между-тѣмъ, какъ универсальныя теоріи суть только фигуры, символы, изъ которыхъ нельзя извлечь никакихъ ученыхъ выводовъ. Образъ можетъ представлять воображенію совокупность явленій, но онъ не даетъ нашему уму понятія о ихъ значеніи, и, слѣдовательно, онъ —одна изъ безчисленныхъ формъ, подъ которыми можно изображать природу. Такимъ-образомъ, можно смотрѣть на міры, и въ частности на землю, то какъ на тѣла недѣятельныя, то какъ на существа живущія, въ которыхъ совершаются явленія болѣе или менѣе подобныя тому, что происходитъ въ животныхъ собственно-такъ-называемыхъ, или дѣлать другія поэтическія сравненія, которыя, положимъ, будутъ согласоваться съ фактами; но не подвинутъ науки впередъ ни на шагъ. Подобныя странныя идеи не имѣютъ ничего общаго съ наукою: наука должна ихъ опровергнуть какъ не служащія къ предвидѣнію никакого факта.

Между науками, наиболѣе-имѣющими нужду въ систематическомъ устройствѣ и въ общемъ ученіи, наука растеній должна быть упомянута прежде всѣхъ, или, по-крайней-мѣрѣ, потребность подобнаго направленія въ ней

ощутительна не менѣе, какъ въ извѣстныхъ частяхъ физики и химіи. Мы разумѣемъ здѣсь не ботанику собственно-такъ-называемую, то-есть, классификацію растеній по естественнымъ отношеніямъ, которыми связываются различные отдѣлы этихъ существъ между собою: эта задача уже давно рѣшена, и можно сказать, ботаника, въ томъ видѣ, который ей дали многіе знаменитые натуралисты, въ-особенности Жюсьё, есть наука столь совершенная, сколько-возможно, и даже можетъ служить образцомъ другимъ наукамъ въ-отношеніи къ классификаціи. Но законъ образованія и развитія органовъ растеній, механизмъ отправленія этихъ органовъ, покрыты еще глубокимъ мракомъ, и наука въ этомъ отношеніи не представляетъ ни твердыхъ началъ, ни совокупности несомнѣнныхъ фактовъ. На первый взглядъ кажется, что такъ-какъ растенія доступнѣе для опытовъ, нежели животныя, то механизмъ ихъ отправленій, который притомъ проще, нежели у животныхъ, долженъ быть болѣе-извѣстенъ; однакожь, не такъ на дѣлѣ, и достаточно подумать нѣсколько объ этомъ предметѣ, чтобъ видѣть, какія препятствія окружаютъ изученіе физіологіи растеній; этихъ препятствій мы не встрѣчаемъ, когда дѣло идетъ о животныхъ.

Г. Годишо, въ мемуарѣ своемъ, очень-хорошо показываетъ это различіе. Вотъ, что онъ говоритъ о физіологіи растеній, сравнительно съ физіологіею животныхъ:

«Можно ли сравнивать физіологію растеній съ физіологіею животныхъ? Не думаю. Въ животныхъ совершенныхъ, и, можетъ-быть, во всѣхъ, есть органы очень-ясные, которыхъ механизмъ въ настоящее время совершенно-извѣстенъ, но которыхъ отправленія, должно сознаться, извѣстны гораздо-меньше; такъ, у животныхъ есть сердце, артеріи и вены для кровообращенія, легкія для дыханія, желудокъ для пищеваренія, мозгъ и нервы для ощущенія. Вѣка опытовъ открыли свойства и отношенія этихъ органовъ и ихъ отправленій.

«Нельзя сказать того же о физіологіи растеній. Здѣсь мы еще доселѣ принуждены спрашивать себя: какіе органы у растеній, и какія ихъ отправленія?

«Можно ли сказать, что въ растеніяхъ есть отправленія физіологическія и въ то же время нѣтъ отправленій органическихъ, и, слѣдовательно, органографическихъ? Эти высшныя различія, вообще принятыя, которыя я самъ принужденъ былъ допустить временно, не произвольны ли, и имѣютъ ли смыслъ?»

Въ этомъ первомъ трудѣ, который служитъ введеніемъ въ рядъ мемуаровъ, болѣе-подробныхъ, объ основныхъ вопросахъ науки растеній, г. Годишо сперва обозрѣваетъ превращенія извѣстныхъ частей растеній однѣхъ въ другія, лепестковъ въ листья, тычинокъ въ лепестки, въ яички, листьевъ въ плоды, и пр.,—превращенія, которыя роза представляетъ всѣ въ одной себѣ; потомъ авторъ заключаетъ, что «аналогія первоначальной организаціи различныхъ придаточныхъ частей растеній достаточно доказывается ихъ общимъ происхожденіемъ и легкостію, съ которою онѣ прививаются, соединяются и превращаются однѣ въ другія, такъ-что теперь уже можно начертать планъ разныхъ организацій и постановить законы, которымъ слѣдуютъ части растеній, соединяясь между собою.

«Какъ-скоро дознана истина, что всякая придаточная часть въ растеніяхъ есть лишь часть существа отдѣльнаго, хотя привитаго на тѣлѣ растенія, живущая сперва своею особною жизнію, и послѣ жизнію общею, одушевляющею все дерево; другими словами, какъ-скоро дознано, что самыя большія деревья, равно какъ самое малое растеніе, происходятъ отъ соединенія множества недѣлимыхъ, которыя безпрестанно развиваются и возобновляются, и которыя, налагаясь одно на другое и соединяясь своими частями, увеличиваютъ въ вышину и ширину массу этихъ большихъ деревьевъ и такимъ образомъ умножаются ихъ растительныя силы, —какъ-скоро эта истина доказана, то законы растительной органографіи и физіологіи значительно проясняются и упрощаются.

«Въ растеніяхъ, имѣющихъ самую многосложную организацію, жизнь не требуетъ этого множества органовъ, которое представляютъ животныя, даже самыя простыя и наименѣе-совершенныя. Теперь доказано, что жизнь существуетъ вездѣ въ самой малѣйшей части растенія, въ отдѣльной простой клѣточкѣ, подобно какъ въ цѣломъ растеніи и въ величайшемъ деревѣ. Доколѣ цѣлое растеніе, или его отдѣльныя части, находятся въ надлежащихъ условіяхъ свѣта, теплоты, влажности и, вѣроятно, электричества, они сохраняютъ жизнь.»

Г. Годишо, сообщая своему изложенію форму сомнѣнія, идетъ путемъ предположеній; именно, онъ предполагаетъ, что живущая растительная клѣточка, какъ, на-примѣръ, малѣйшій отрывокъ листа или всякой другой части растенія, поставленная въ обстоятельства самыя благопріятныя для растительности, можетъ продолжать жить, расти, и наконецъ превратиться въ полное растеніе, принадлежащее къ той же группѣ, отъ которой произошла клѣточка, и даже именно къ тому же виду.

«Въ этой источной клѣточкѣ, жизнь, какъ бы ни была дѣятельна, кажется медленною или остановленною, почти какъ въ зародышѣ засушеннаго зерна. Однако, не смотря на это, клѣточка стремится безпрерывно къ цѣли, которую назначила ей природа, то-есть, къ сохраненію и распространенію своего вида, къ совершенству своего естественнаго типа и къ образованію растенія, представляющаго этотъ самый типъ въ сокращенномъ состояніи. Въ этой отдѣльной клѣточкѣ, живущей независимо отъ однородныхъ съ нею растительныхъ частей, или заимствующей у нихъ, по причинѣ соприкосновенія съ ними, только часть изобилующей влаги, жизнь усиливается чрезъ дѣйствія перепонки, которой назначено поглощать окружающіе питательные соки и выработывать ихъ.

«Клѣточка, одушевленная питаніемъ, наполняется жидкостію отъ дѣйствія этой силы, которую назвали силою поглощенія, но которая доселѣ еще не изъяснена. Жидкость, измѣненная внѣшними дѣятелями подъ вліяніемъ перепонки, организуется подъ видомъ шариковъ, потомъ клѣточекъ, и эти клѣточки, связанныя слизистымъ цементомъ, составляютъ лишь одну массу, одаренную общею жизнію. Въ то же время, какъ эти маленькіе шарики превращаются въ клѣточки и соединяются въ одну массу, образуются межклѣточныя пространства, каналы, трубочки, сосуды, различныя новыя тѣла, и помѣщаются между ними. Здѣсь начало сосудистаго растенія и обращенія сока. Въ этомъ состояніи, организованная клѣточка составляетъ первоначальное растеніе, въ его простѣйшемъ видѣ.»

Мы не можемъ слѣдить за авторомъ въ изложеніи законовъ соединенія и группированія органовъ, которыхъ обнаруженіе начинается, какъ-скоро на вершинѣ перваго простаго сосудистаго листа образуется второй, третій, потомъ большое число листьевъ. Должно изучать эту теорію въ самомъ мемуарѣ. Г. Годишо слѣдитъ за развитіемъ и соединеніемъ органовъ въ ихъ различныхъ степеняхъ образованія, и поясняетъ все примѣрами.

Теперь предположимъ съ авторомъ, что клѣточка, вмѣсто того, чтобъ жить отдѣльно, находится среди какой-нибудь живущей части растенія: жизнь скоро истощилась бы и погасла въ этой части растенія, еслибъ она имѣла только страдательную жизненность тканей, и еслибъ не образовался въ ней возбудительный органъ. Но какъ-скоро клѣточка одушевляется и стремится къ произведенію одного или многихъ органовъ, жизнь какъ-бы пробуждается въ жидкостяхъ, какъ и въ тканяхъ; жидкости приходятъ во взаимное сообщеніе и распространяются по всѣмъ направленіямъ вокругъ этого возбуждающаго тѣла; такимъ образомъ, часть ствола, корня, плода, листа или цвѣта можетъ жить только клѣточною жизнію, до-тѣхъ-поръ, пока одна изъ ея клѣточекъ не превратилась въ возбуждающее тѣло; но какъ-скоро растеніе составилось — жизнь отправленій распространяется въ тканяхъ, которыя безъ того остались бы на степени клѣточной жизни. Это ученіе не имѣетъ недостатка въ доказательствахъ. Если, на-примѣръ, срубить дерево, разсѣкая

его стволъ въ поперечномъ направленіи ниже вѣтвей, то это дерево неминуемо погибнетъ, если не дастъ въ скоромъ времени видимыхъ или сокрытыхъ отпрысковъ; если же оно производитъ ихъ, то физіологическая жизнь, пріостановленная на нѣкоторое время, пробуждается съ новою дѣятельностію, и тогда со-временемъ образуются сильныя вѣтви какъ-бы изъ ничего, и покроются листьями, которыхъ корешки распространятся по поверхности всѣхъ деревянистыхъ тканей ствола, существовавшихъ уже прежде. Въ этомъ случаѣ, старыя ткани, одушевленныя новыми, могутъ соединяться съ ними посредствомъ естественнаго привитія и еще долго будутъ существовать органическою жизнію, которая сообщена имъ. Такимъ образомъ поддерживается жизнь въ растеніяхъ; новыя недѣлимыя приходятъ, чтобъ оживить и питать старыя, которыхъ органы лишились большей части своей физіологической силы, и которыя безъ того имѣли бы только однолѣтнее существованіе, свойственное травянымъ растеніямъ.

Всѣ обыкновенныя явленія растительности могутъ быть взяты въ примѣръ этого факта, который одинъ заключаетъ въ себѣ всю исторію разсаживанія, прививанія и другихъ искусственныхъ способовъ разведенія растеній.

Это весьма-замѣчательный законъ развитія растеній, у которыхъ жизнь, не подчиняясь общему центру и не завися отъ какого-нибудь органа или какого-нибудь существеннаго отправленія, принадлежитъ, такъ-сказать, каждой изъ частицъ, изъ соединенія которыхъ состоятъ эти существа, и можетъ быть пробуждена и поддерживаема развитіемъ первоначальныхъ клѣточекъ, въ которыхъ, какъ въ зародышахъ, сокрыта производительная сила. Послѣ этого нѣтъ ничего легче, какъ изъяснить разсѣяніе растеній на поверхности земнаго шара. Въ-самомъ-дѣлѣ, если допустить, что какая-нибудь часть растенія, на-примѣръ малѣйшій отрывокъ листа, можетъ произвесть новое растеніе, то ничто не препятствуетъ, такъ-сказать, странствовать всѣмъ растеніямъ отъ одного предѣла земли до другаго; всѣ атмосферныя силы будутъ содѣйствовать произведенію этого дѣйствія: вѣтры, бури, облака, — потому-что всѣ они будутъ служить средствомъ къ перенесенію этихъ зародышей изъ одного мѣста въ другое.

Послѣднее предположеніе г. Гольшо, которое еще очевиднѣе, касается развитія зародыша.

Каковы бы ни были явленія, изъ которыхъ состоитъ оплодотвореніе, и какія бы понятія ни составляли себѣ ученые о развитіи зародыша, несомнѣнно, что онъ первоначально состоитъ въ отдѣльной клѣточкѣ, висящей на оконечности длинной нити. Не есть ли это подтвержденіе предъидущихъ предположеній? Это очевидный примѣръ клѣточки свободной, отдѣльной, живущей въ мѣстѣ благопріятномъ для ея развитія; съ другой стороны, это примѣръ клѣточки зависимой, еще соединенной съ плодотворною массою. Съ-этихъ-поръ не встрѣчается болѣе трудностей, потому-что здѣсь начинаются наблюденія прямыя и положительныя, факты очевидные и неоспоримые.

Въ-самомъ-дѣлѣ, если взять за исходный пунктъ клѣточку, содержащую въ себѣ зародышъ, то нѣтъ ничего легче, какъ слѣдить за различными періодами ея развитія, до-тѣхъ-поръ, пока она достигнетъ состоянія совершеннаго зародыша.

— Г. Буржри читалъ мемуаръ о предметѣ анатоміи и физіологіи, служащемъ съ давняго времени предметомъ споровъ, и еще доселѣ нерѣшеннымъ. Дѣло идетъ *о внутреннемъ строеніи легкихъ*, съ которымъ связаны вопросы объ отправленіяхъ этого органа, о дыханіи, о болѣзняхъ ткани легкихъ и о происхожденіи въ нихъ желвачной матеріи. Можно составлять себѣ различныя понятія, если не о самомъ отправленіи легкихъ и о свойствѣ бол-

зней, которыя ихъ заражаютъ, то по-крайней-мѣрѣ о мѣстѣ, гдѣ именно совершается химическій процессъ дыханія и объ исходномъ пунктѣ желваковъ, смотря потому, будемъ ли мы смотрѣть на легкія какъ на органъ, образованный изъ ноздреватой ткани, которая состоитъ изъ каналовъ, перепутанныхъ между-собою безъ порядка и впадающихъ одинъ въ другой, или будемъ считать этотъ органъ происходящимъ отъ правильнаго раздѣленія воздушныхъ каналовъ, развѣтвляющихся на другіе каналы болѣе-и-болѣе тонкіе, подобно вѣтвямъ дерева, и оканчивающихся безпроходнымъ дномъ, которымъ и образуется легочный пузырекъ.

Эти двѣ теоріи доселѣ раздѣляютъ анатомистовъ; но большая ихъ часть держится второй, которую особенно подкрѣпилъ г. Базенъ своими опытами. Г. Бурждри́, напротивъ, признаетъ первую теорію.

— Г. Бурждри́ представилъ также анатомическій разборъ селезенки, этого таинственнаго органа, объ отправленіяхъ котораго доселѣ неизвѣстно ничего положительнаго. Посредствомъ разсѣченія и утонченнаго наблюденія, авторъ открылъ въ ткани селезенки составительные элементы железъ, собственно-такъ-называемыхъ.

— Укажемъ еще на мемуаръ г-на Мандля *объ анатомическомъ составѣ нервной системы*, чтобъ дать замѣтить нынѣшнее направленіе французскихъ натуралистовъ, рѣшительно предавшихся микроскопическимъ изслѣдованіямъ внутренняго строенія органовъ.

Г. Мандль доказываетъ, что вообще нервы оканчиваются подъ видомъ ушка, въ какой бы періодъ жизни ни было разсматриваемо животное тѣло. Передъ окончаніемъ нерва, его элементарныя фибры расходятся, чтобъ составить истинное ушко. Эти наблюденія всего удобнѣе дѣлать надъ прозрачнымъ хвостомъ головастиковъ.

— Г. Дюверяуа представилъ монографію рода землеройки, sorex, Авторъ излагаетъ систематическую естественную исторію рода и пятнадцати новыхъ видовъ этого микроскопическаго млекопитающаго.

— Г. Готье-де-Клобри прислалъ мемуаръ о *новыхъ химическихъ произведеніяхъ картофельнаго масла*, hydrure d'amyle, которое г. Кагуръ считалъ особымъ родомъ алкоголя. Теперь, кажется, доказано, что это масло не существуетъ совсѣмъ-образованное въ картофелѣ, но что оно есть произведеніе разложенія крахмальнаго вещества и многихъ другихъ органическихъ веществъ. Г. Готье-де-Клобри утверждаетъ, что это масло производится въ перегонкѣ свекловичнаго меласа и также въ броженіи виноградныхъ выжимокъ. Это послѣднее наблюденіе было сдѣлано и въ Монпелье́ г. Баляромъ, который, съ своей стороны, дошелъ до тѣхъ же результатовъ, какъ и г. Готье-де-Клобри.

—Въ засѣданіи 18-го іюля г. Реньйо́ извѣстилъ Академію о новыхъ и чрезвычайно-замѣчательныхъ *усовершенствованіяхъ въ свѣтописномъ искусствѣ*, сдѣланныхъ въ Берлинѣ г. Мозеромъ. Сообщая свои открытія г-цу Реньйо́, берлинскій физикъ поручаетъ ему довести ихъ до свѣдѣнія Парижской Академіи.

Всѣмъ памятно то изумленіе, которое возбуждено было не только между учеными, но и во всѣхъ классахъ общества появленіемъ дагерротипа. Ничего не постигали въ этихъ странныхъ опытахъ, изъ которыхъ выходило изображеніе внѣшнихъ предметовъ, начертанное самимъ свѣтомъ, съ такою точностію, на какую рука человѣческая не можетъ имѣть притязанія. Въ этихъ опытахъ было что-то таинственное, чудесное, превышавшее самыя необыкновенныя человѣческія изобрѣтенія; никто не зналъ, какимъ образомъ умъ человѣка могъ дойдти до подобныхъ результатовъ, и какъ онъ могъ даже предположить себѣ такую задачу.

И однакожь изобрѣтеніе гг. Ньепса и Дагерра въ то время было весь-

ма-далеко отъ того, чѣмъ оно стало теперь. Успѣхи, которые сдѣлало это искусство со времени своего появленія, истинно-невѣроятны, и свѣтскіе люди едва знаютъ о нихъ. Мы не хотимъ здѣсь представлять обзора всѣхъ усовершенствованій, которыя испыталъ дагерротипъ; чтобъ дать о нихъ понятіе, достаточно указать на выигрышъ въ быстротѣ времени, съ которою теперь получаются свѣтописныя изображенія. Этотъ выигрышъ не менѣе двадцати-девяти на тридцать; то-есть изображенія, которыя прежде требовали полчаса времени, получаются теперь въ одну минуту, и часто даже въ пятнадцать секундъ. Понятно, сколько такая быстрота исполненія представляетъ выгодъ для снятія изображеній съ предметовъ подвижныхъ и измѣняющихся.

Этими усовершенствованіями дагерротипъ обязанъ важнымъ измѣненіямъ, введеннымъ въ расположеніе стеколъ оптическаго снаряда и въ выборъ чувствительныхъ веществъ, употребляемыхъ для принятія впечатлѣній свѣта. Нельзя не удивляться всему, что было придумано замысловатаго для сохраненія свѣту всей его силы при переходѣ сквозь стекла снаряда, и особенно для составленія веществъ, имѣющихъ самую утонченную чувствительность, на которыя бы малѣйшій лучъ свѣта дѣйствовалъ мгновенно. Въ этомъ отношеніи, открытіе г. Физо занимаетъ первое мѣсто, и можно думать, что ничего нѣтъ лучше слоя брома, которымъ онъ имѣлъ счастливую мысль покрыть слой йода, употребленный Дагерромъ. Вѣроятно, г. Физо этимъ способомъ достигъ послѣдняго предѣла свѣтописныхъ дѣйствій; серебряная доска, покрытая парами йода, потомъ предоставленная вліянію легкаго испаренія брома, можно-сказать, столько же чувствительна къ дѣйствію свѣта, какъ самъ глазъ: ничто не приближается столько къ чувствительности глазной сѣтчатой оболочки, какъ доска, приготовленная такимъ образомъ. Внѣшніе предметы производятъ на нее впечатлѣніе мгновенное, какъ на живую сѣтчатую оболочку органа зрѣнія.

Впрочемъ, г. Физо былъ особенно-счастливъ въ усовершенствованіяхъ дагерротипа; все, чего онъ коснулся, было улучшено съ рѣдкимъ искусствомъ. Ему-то обязаны мы употребленіемъ хлористаго золота, которое имѣетъ свойство скрѣплять изображеніе, давать ему прочность, небоящуюся прикосновенія постороннихъ предметовъ, и сообщать ему эти нѣжные оттѣнки, которыхъ безъ того оно не имѣло бы. Тотъ же физикъ изобрѣлъ способъ воспроизводить дагерротипныя изображенія при помощи гальванопластики. Теперь г. Физо занимается другими изслѣдованіями, относящимися къ тому же предмету, и можно надѣяться, что онъ обогатитъ это новое искусство другими усовершенствованіями, равно драгоцѣнными.

Успѣхи, которые сдѣлало свѣтописное искусство, значительно увеличили трудность снимать изображенія, потому-что самыя мелочныя предосторожности сдѣлались необходимы для достиженія той степени совершенства, которой должно искать нынѣ. Понятно, что опытъ, который дѣлается въ нѣсколько секундъ, требуетъ величайшаго вниманія и величайшей тщательности, потому-что одна лишняя или опущенная секунда, въ дѣйствіи ли паровъ брома на доску, или въ пребываніи ея въ камер-обскурѣ, уничтожаетъ произведенный эффектъ. Отъ-того-то появляется столько дурныхъ или посредственныхъ изображеній, которыя даютъ ложное понятіе о настоящемъ состояніи свѣтописнаго искусства. Весьма-немногіе знаютъ, что это искусство можетъ произвесть въ рукахъ нѣкоторыхъ любителей.

И что же! Все, что мы сейчасъ напомнили, не можетъ дать понятія о явленіяхъ почти-чудесныхъ, сообщенныхъ нынѣ Академіи Наукъ однимъ изъ ея членовъ, отъ имени одного иностраннаго ученаго, подъ ручательствомъ гг. Энке и Гумбольдта, кото-

рые повторили и повѣрили новые опыты. Эти мѣры предосторожности не безполезны, чтобъ дать достовѣрность такимъ фактамъ, которые могли бы почесться грезами, если бъ они не были подтверждены учеными, имѣющими авторитетъ.

Главныя операціи дагерротипа состоятъ, какъ извѣстно, въ томъ, чтобъ предоставить серебряную доску дѣйствію чувствительныхъ паровъ, каковы пары йода и брома, потомъ въ камер-обскурѣ, гдѣ внѣшніе предметы производятъ на этой доскѣ изображеніе, сперва невидимое и становящееся видимымъ только подъ вліяніемъ паровъ ртути, которому подвергаютъ доску. Таковы основныя операціи, показанныя г. Дагерромъ. Въ-послѣдствіи найдено, что изображеніе можетъ произвестись на одномъ слоѣ йода, безъ помощи ртути, если оставить доску въ камер-обскурѣ на долгое время, или если, покрывъ доску чрезъ нѣсколько времени краснымъ стекломъ, выставить на солнце. Одинъ берлинскій физикъ, г. Мозеръ, повторивъ этотъ опытъ и сдѣлавъ много изъисканій, нашелъ, что продолженное вліяніе краснаго стекла производитъ превращеніе дѣйствій свѣта, то-есть, тогда тѣни замѣняются свѣтлыми частями, и наоборотъ. Подъ жолтымъ же стекломъ, доска, покрытая йодомъ и постоявшая въ камер-обскурѣ въ-продолженіи времени, достаточнаго для того, чтобъ принять дѣйствіе паровъ ртути, представляетъ сперва естественное изображеніе съ тѣнями и свѣтлыми частями на ихъ надлежащемъ мѣстѣ, но потомъ вскорѣ она являетъ превращенное изображеніе, въ которомъ порядокъ цвѣтовъ нарушенъ. По увѣренію г. Мозера, фіолетовый и синій лучи солнца дѣйствуютъ такъ, что производятъ изображенія прямыя, или, какъ онъ ихъ называетъ, положительныя, съ тѣнями и свѣтлыми частями на ихъ надлежащемъ мѣстѣ; напротивъ, другіе лучи, какъ красный и жолтый, имѣютъ обратное свойство.

Но это не все; и вотъ что еще болѣе удивительно и непостижимо. Извѣстно, что если, начертавъ на полированномъ стеклѣ какія-нибудь буквы или знаки, дохнуть на него, потомъ стереть все тщательно и снова дохнуть на стекло, то знаки появятся какъ были прежде, и такъ далѣе, почти до неопредѣленнаго числа разъ. Это любопытное свойство стекла быть столь чувствительнымъ къ впечатлѣніямъ самыхъ слабыхъ веществъ, какова влага дыханія, простирается гораздо-далѣе, нежели предполагалось; слѣдуетъ только положить на поверхность зеркала какой-нибудь рисунокъ или вырѣзанную бумагу, потомъ дохнуть на зеркало, чтобъ видѣть, какъ, по отнятіи бумаги и по испареніи влаги съ стекла, рисунокъ возстановляется весьма-чисто дѣйствіемъ новаго дыханія; а что̀ производитъ влага дыханія, то̀ могутъ произвести всякіе другіе пары.

Серебряныя доски, покрытыя йодомъ, имѣютъ свойство если не подобное, то по-крайней-мѣрѣ такое, которое можно сравнивать съ свойствомъ стекла въ-отношеніи къ чувствительности; если на доску, приготовленную такимъ образомъ въ темнотѣ, положить какой-нибудь вырѣзанный рисунокъ на нѣсколько минутъ, то она бываетъ такъ чувствительна, что пары ртути возстановляютъ на ней тотъ же рисунокъ, какъ-будто-бы эта доска была подвергнута дѣйствію свѣта.

Даже чистыя металлическія доски, безъ всякаго слоя брома или йода, или какого-нибудь другаго чувствительнаго вещества, принимаютъ также впечатлѣніе предметовъ, которые будутъ положены на ихъ поверхность въ самой глубокой темнотѣ, до такой степени, что пары дыханія или какіе-нибудь другіе дѣлаютъ видимымъ изображеніе совершенно-очерченное.

Наконецъ, что̀ составляетъ верхъ чудесности этихъ фактовъ, — дѣйствіе, о которомъ мы сейчасъ говорили, не имѣетъ даже нужды въ соприкосно-

венія; оно производится также на разстояніи, какими бы то ни было предметами, какъ доказываютъ слѣдующіе опыты. Г. Мозеръ поставилъ въ темнотѣ полированную серебряную доску; потомъ, на маломъ разстояніи отъ ея поверхности, помѣстилъ металлическую медаль, камею или другой гравированный камень; чрезъ нѣсколько времени, медаль или камея сдѣлали на серебряной доскѣ чистый отпечатокъ, который достаточно было подвергнуть дѣйствію какихъ-нибудь паровъ, чтобъ сдѣлать его чувствительнымъ.

Эти любопытные опыты безъ сомнѣнія скоро будутъ повторены физиками. Съ другой стороны, толкованія и теоріи, вѣроятно, также не замедлятъ появиться.

— Г. *Делессеръ* прислалъ Академіи слѣдующій отрывокъ письма г. *Делиля* изъ Монпелье, *о солнечномъ затмѣніи 26-го іюня*:

«Прекрасное зрѣлище полнаго солнечнаго затмѣнія, бывшаго нынѣшнимъ утромъ, часъ спустя по восхожденіи солнца, заставило меня писать къ вамъ. Я старался начертать въ этомъ письмѣ изображеніе двухъ звѣздъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ представлялись во время затмѣнія, и именно въ-продолженіе двухъ минутъ, когда луна совершенно закрывала солнечный дискъ. Можно было наблюдать ихъ простымъ глазомъ, безъ всякаго утомленія. Когда, въ-слѣдствіе движенія луны, дискъ ея пересталъ быть центральнымъ на дискѣ солнца, то живой свѣтъ солнца показался въ открытой его части внезапно, какъ сверкающее пламя. Въ-продолженіи полнаго затмѣнія можно было видѣть нѣсколько звѣздъ на горизонтѣ.

«Всѣ жители города были внѣ своихъ домовъ съ самаго ранняго утра. Погода была совершенно благопріятна. Въ-продолженіе полнаго затмѣнія, свѣтъ былъ сумеречный и совершенно позволялъ людямъ видѣть и узнавать другъ друга. Дискъ луны былъ окруженъ свѣтлыми лучами».

— Г. *Лоншанъ* сообщилъ свои изъисканія о фосфорной кислотѣ и о фосфорнокислыхъ соляхъ. Авторъ старается доказать, что составъ фосфорной кислоты не таковъ, какъ думаютъ химики, и что въ фосфорнокислыхъ соляхъ кислорода, кислоты только въ два раза болѣе, нежели кислорода основанія, а не въ два раза съ половиною.

— Г. Буржри́ продолжалъ чтеніе своего мемуара о внутреннемъ строеніи лёгкихъ у человѣка и вообще у млекопитающихъ. Описавъ воздушный волосной снарядъ, онъ занялся кровеносным волосным снарядомъ и показалъ физіологическое согласіе двухъ снарядовъ между собою. Эта вторая часть мемуара г. Буржри́ интересна не менѣе первой въ-отношеніи къ анатоміи и физіологіи органа дыханія.

— Въ засѣданіи 25-го іюля, г. Рейѐ читалъ длинный мемуаръ о *сравнительномъ изученіи чахотки въ человѣкѣ и въ другихъ животныхъ*. Мысль изучать болѣзни сравнительнымъ образомъ въ различныхъ разрядахъ животныхъ, начиная съ человѣка до низшихъ классовъ, въ которыхъ болѣзненные элементы теряютъ свои отличительные признаки, по мѣрѣ того, какъ самые органы видоизмѣняются и удаляются отъ типа органовъ высшихъ животныхъ,—эта мысль нова, если не сама въ себѣ, то по-крайней-мѣрѣ въ своемъ общемъ приложеніи. Такими трудами г. Рейѐ полагаетъ основаніе истинной сравнительной патологіи, столь же полезной для физіологіи, которой она составляетъ необходимое дополненіе, какъ и для исторіи самыхъ болѣзней.

Независимо отъ общей точки зрѣнія, съ которой авторъ обнялъ свой предметъ смѣлымъ и обширнымъ взглядомъ, его мемуаръ отличается основательною ученостью, которая тѣмъ замѣчательнѣе, что становится со дня на день рѣже между врачами. Этотъ трудъ такъ же богатъ новыми фактами, какъ и учеными взглядами.

Сравнительное изученіе чахотки, которымъ занимается г. Рейѐ, — предметъ достойный всего вниманія врачей и друзей человѣчества. Въ-самомъ-дѣлѣ, стóитъ труда разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ эту болѣзнь,

которая дѣлаетъ болѣе опустошеній, нежели всѣ эпидемическія болѣзни.

Разсмотрѣвъ внимательно ходъ этой страшной болѣзни въ человѣкѣ, съ ея начала до конца; описавъ подробно разныя явленія, которыми сопровождается развитіе такъ-называемаго желвака, равно разрушеніе, которое онъ производитъ въ органахъ и особенно въ лёгкихъ, врачи должны бы были предпринять наблюденія въ большомъ размѣрѣ, чтобъ изъяснить общія причины этой болѣзни, ея отношенія къ общественнымъ и мѣстнымъ условіямъ жизни, и противопоставить ей совокупность средствъ столь же общихъ, какъ и самыя ея причины.

Удивительны равнодушіе и безпечность, съ которыми люди смотрятъ на опустошенія, производимыя чахоткою; тысячи дѣтей погибаютъ каждый годъ отъ этой болѣзни, и между-тѣмъ врачи большею частію не только не заботятся о приложеніи къ человѣку отдѣльно пособій медицины, но даже не стараются измѣнить условія, которыя наиболѣе благопріятствуютъ развитію чахотки. Изученіе причинъ болѣзни столь обыкновенной, и особенно изъисканіе средствъ противъ нея—великая задача; дѣло идетъ здѣсь о томъ, чтобъ изслѣдовать условія общественной жизни и измѣнить ихъ, распространяя довольство тамъ, гдѣ господствуютъ лишенія и нищета, превышающія всякое пособіе человѣческое. Но эта задача не со всѣхъ сторонъ такъ трудна, и не должно терять надежду рѣшить ее, по-крайней-мѣрѣ отчасти. Что́ касается особенно дѣтей, легко выставить на видъ недостатки нынѣшней общественной гигіены и нѣкоторыхъ заведеній въ самомъ Парижѣ, назначенныхъ для сохраненія дѣтей. Въ этомъ большомъ городѣ, который такъ богатъ средствами всякаго рода, нѣтъ блительнаго присмотра за дѣтьми, которыхъ въ весьма-большомъ числѣ отдаютъ на вскормленіе. Пропорція смертности этихъ дѣтей истинно-ужасна; и тѣ изъ нихъ, которыя остаются въ живыхъ, весьма-часто заражаются началами болѣзней, повреждающихъ въ самомъ источникѣ жизнь, здоровье и крѣпость будущихъ поколѣній.

Парижскія общественныя заведенія, назначенныя для сохраненія дѣтей, не имѣютъ главныхъ условій, необходимыхъ для достиженія цѣли. Эти заведенія, по-видимому столь великолѣпныя, столь благоустроенныя, удовлетворяютъ только зрѣніе и этотъ родъ административной регулярности, которою, кажется, часто дорожатъ болѣе, нежели сущностію дѣла. Стόитъ только узнать положеніе дѣтей, чтобъ оцѣнить эти заведенія, которыя составляютъ предметъ удивленія для людей, непроникающихъ далѣе поверхности. Напримѣръ, въ воспитательномъ домѣ, не смотря на всю заботливость врачей, посвящающихъ себя этимъ бѣднымъ созданіямъ, смерть—правило, а выздоровленіе—исключеніе. И дѣйствительно, что́ можетъ сдѣлать искусство врача противъ болѣзней въ такомъ возрастѣ, для котораго медицина знаетъ такъ мало пособій, когда часто нѣтъ даже кормилицъ для дѣтей, раждающихся съ воспаленіемъ въ лёгкихъ или съ болѣзнію во внутренностяхъ? Ка́къ не умирать этимъ дѣтямъ даже во время выздоравливанія, когда ихъ питаютъ супомъ и кашицею, а не даю̀тъ пищи самой лучшей для дѣтскаго возраста, то-есть молока кормилицы? Лучше было бы отложить въ сторону всякія лекарства и дать хорошихъ кормилицъ дѣтямъ, которыя страдаютъ еще болѣе отъ бѣдности своихъ родителей, нежели отъ случайныхъ болѣзней. Подобныя условія жизни приготовляютъ самымъ естественнымъ образомъ развитіе чахотки и множества другихъ болѣзней, вторгающихся такъ легко въ слабое дѣтское тѣло. Г. Рейе́ доказываетъ въ своемъ мемуарѣ, что дурная пища и дурное помѣщеніе—причины, самымъ дѣйствительнымъ образомъ производящія чахотку въ человѣкѣ, и вычисляетъ цифрами, что въ одномъ

Париже можно спасти от смерти три или четыре тысячи детей посредством исполненія самых простых правил общественной гигіены.

Чтó еще остается сдѣлать для изученія чахотки, въ ея общихъ причинахъ и въ отношеніяхъ къ общественнымъ и мѣстнымъ условіямъ, то г. Рейè предпринялъ сдѣлать въ животныхъ, чрезъ сравнительное изученіе хода этой болѣзни и обстоятельствъ ея развитія въ различныхъ классахъ животныхъ. Этотъ трудъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что результаты подобныхъ долговременныхъ и трудныхъ изслѣдованій не могутъ поражать съ перваго взгляда обыкновенные умы, способные понимать только факты ограниченные, оцѣнивать опредѣленное новое произведеніе, и затрудняющіеся всякій разъ, какъ умъ болѣе обширный возвышается до соображенія общихъ явленій. При нынѣшнемъ тѣсномъ и, можно сказать, мелочномъ направленіи наукъ, ученые не видятъ ничего новаго въ трудѣ, когда не находятъ въ немъ какого-нибудь доселѣ неизвѣстнаго отдѣльнаго факта, какого-нибудь произведенія химическаго анализа, и готовы не признать никакой заслуги изобрѣтенія въ человѣкѣ, который обозрѣваетъ общимъ взглядомъ многочисленные факты, болѣе или менѣе извѣстные, или только подозрѣваемые, проникаетъ въ нихъ, разбираетъ и представляетъ истинное ихъ значеніе; какъ-будто въ фактахъ нѣтъ ничего, кромѣ ихъ матеріальной части, какъ-будто значеніе ихъ и ихъ взаимныя отношенія не составляютъ истинно-ученой точки зрѣнія, для которой часто бываетъ нужно болѣе ума и сужденія, болѣе познаній и даже изобрѣтательности, нежели для открытія самыхъ этихъ фактовъ. Впрочемъ, мемуаръ г. Рейè столько же богатъ подробными фактами, сколько философскими взглядами и новыми соображеніями.

Метода сравненія, говоритъ г. Рейè, приложенная къ изученію животныхъ, оказала чрезвычайную услугу наукѣ органическихъ существъ, потому-что она основала великую идею животнаго ряда, идею обильную, которая заключаетъ въ себѣ идею отношенія, сцѣпленія и подчиненія. Это та же метода сравненія, которая уже доставила столь драгоцѣнные матеріалы физіологіи, и которая особенно можетъ дать этой наукѣ основанія ея развитія на будущее время; потому-что эта метода разбираетъ явленія сложныя, которыхъ никакое искуство не могло бы разложить, и, по самому своему свойству, она постоянно сближаетъ наблюденіе самое строгое съ обобщеніемъ самымъ смѣлымъ, и подчиняетъ ихъ одно другому.

Патологія, взятая сама-въ-себѣ и независимо отъ всякаго приложенія къ врачебному искусству, можетъ также служить для проясненія физіологическихъ вопросовъ. Будучи разсматриваема съ теоретической точки, патологія есть не что иное, какъ постоянный опытъ, которому подвергается живущее тѣло, и въ этомъ смыслѣ она — необходимое дополненіе анатоміи и физіологіи, безъ котораго нельзя составить себѣ понятія объ истинной природѣ животныхъ.

Чтò сравненіе организмовъ значитъ для анатоміи, чтó сравненіе отправленій въ животномъ царствѣ значитъ для физіологіи, то сравненіе болѣзней между видами, между классами животныхъ значитъ для патологіи. Изученіе этого предмета, по мѣрѣ того, какъ оно будетъ подвигаться впередъ, дастъ понятія тѣмъ болѣе положительныя, чѣмъ болѣе они будутъ общи. Патологическая анатомія, симптоматологія и отношенія этихъ наукъ между собою, —все должно чрезъ то проясниться, и даже самая физіологія, которой главная цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ объяснить связь между органами и отправленіями.

Съ давняго времени совѣтовали заняться изученіемъ сравнительной патологіи. Знаменитый врачъ Бальиви изъявлялъ желаніе, чтобъ изучали болѣзни животныхъ, съ цѣлію прояснить

и усовершить изученіе болѣзней человѣка. Эта мысль нашла ученыхъ истолкователей и пламенныхъ ревнителей въ нѣкоторыхъ изъ членовъ Парижской Академіи Наукъ. Открыты были новые пути; изданы важныя сочиненія; но ничего не было сдѣлано въ школахъ для того, чтобъ распространить эту науку. Медикъ изучалъ болѣзни въ человѣкѣ, а ветеринарный врачъ въ домашнихъ животныхъ; тотъ и другой не только оставляли въ сторонѣ болѣзни многихъ животныхъ, но и не могли сравнивать—одинъ болѣзни человѣка съ болѣзнями животныхъ, другой болѣзни животныхъ съ болѣзнями человѣка.

Давно уже г. Рейѐ предпринялъ сдѣлать это сравненіе и очертить кругъ сравнительной анатоміи, прерванный во многихъ пунктахъ. Общія идеи, которыя мы изложили выше, и которыя составлялись въ его умѣ по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался въ своемъ трудѣ, теперь служатъ ему путеводною нитью. Представляемъ здѣсь самые любопытные отрывки изъ его мемуара.

«Животныя въ дикомъ состояніи подвержены многимъ болѣзнямъ, и въ особенности тѣмъ, которыя происходятъ отъ присутствія чужеядныхъ насѣкомыхъ. Я не знаю, подвержены ли они въ извѣстной пропорціи чахоткѣ; но могу утверждать, что разсматривая довольно-большое число животныхъ, убитыхъ или пойманныхъ на охотѣ, ни у одного изъ нихъ я не нашелъ желваковъ ни въ легкихъ, ни въ другихъ органахъ. Докторъ Рушъ увѣряетъ, что эта болѣзнь неизвѣстна также между Индійцами Сѣверной Америки. Но нѣтъ, можетъ-быть, въ двухъ первыхъ классахъ позвоночныхъ, ни одного животнаго, которое, будучи обращено въ домашнее или плѣнное состояніе, не могло бы быть заражено чахоткою. Этотъ результатъ наблюденія очень-различенъ отъ того, до котораго дошелъ знаменитый врачъ Сталь: онъ утверждалъ, что, между животными, чахоткѣ подверженъ только баранъ.

«Впрочемъ, чахотка не въ одинаковой степени обыкновенна у животныхъ, вышедшихъ изъ дикаго состоянія. Человѣкъ и обезьяны, переведенныя въ наши страны и живущія въ плѣну, подвержены чахоткѣ болѣе всѣхъ животныхъ. Извѣстно, какія опустошенія эта болѣзнь производитъ въ больницахъ, и можно также очень-часто встрѣчать ее у обезьянъ. Послѣдній фактъ давно замѣченъ профессорами парижскаго заведенія Jardin des Plantes.»

Разсматривая развитіе чахотки въ животныхъ, авторъ входитъ въ подробности, которыхъ мы не можемъ здѣсь помѣстить. Приведемъ только то, что относится къ важнѣйшимъ домашнимъ животнымъ, каковы лошади и коровы.

«Между животными, отрыгающими жвачку, чахотка особенно обыкновенна у дойныхъ коровъ, содержимыхъ въ большихъ городахъ. Чтобъ изъяснить этотъ фактъ, должно взять во вниманіе не только свойство коровъ, ихъ постоянное пребываніе въ хлѣвѣ, но еще и то, что отъ нихъ требуютъ слишкомъ-много молока, продолжая доить ихъ около года, вмѣсто шести или семи мѣсяцевъ, какъ слѣдовало бы. Это вредное явленіе слишкомъ-продолженнаго лишенія молока было замѣчено также въ человѣкѣ. Случается, что кормилица крѣпкаго сложенія дѣлается чахоточною, когда кормитъ грудью двухъ младенцевъ вдругъ—своего и того, который ей ввѣренъ, или еще, когда она продолжаетъ кормить грудью далѣе извѣстныхъ лѣтъ, соразмѣрныхъ съ ея силами.

«Вопреки весьма-обыкновенному мнѣнію, развитіе чахоточныхъ желваковъ у однокопытныхъ животныхъ есть фактъ весьма рѣдкій, не смотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ лошадь и оселъ, подвержены самымъ сильнымъ трудамъ, самымъ непостояннымъ перемѣнамъ температуры, и иногда недостаточной или дурной пищѣ.

«Степень обыкновенности чахотки у человѣка, разсматриваемаго по племенамъ, мало извѣстна. Негры мало подвержены этой болѣзни въ своемъ отечествѣ; но перешедши жить въ другой климатъ, они подвергаются ей чаще, нежели бѣлые. Примѣромъ этого можетъ служить большая смертность, господствовавшая прежде между Неграми, которыхъ перевозили какъ рабовъ на сѣверъ Соединенныхъ Штатовъ.

«Это вредное вліяніе перемѣны климата, которое еще болѣе усиливается отъ перемѣны пищи, замѣтно даже на нѣкоторыхъ животныхъ, переведенныхъ съ сѣвера на югъ. Многіе сѣверные олени, приведенные

въ Голландію, Англію, Францію, умерли — одни отъ нарывовъ въ желудкѣ, другіе отъ воспаленія, или отъ желваковъ въ легкихъ.»

Сравнительное изученіе чахотки у человѣка и у животныхъ показываетъ, что діагностика поврежденія легкихъ не равно легка въ различныхъ классахъ и видахъ одушевленныхъ существъ, что самое мѣсто образованія чахоточныхъ желваковъ не одно и то же въ легкихъ у человѣка и у животныхъ двухъ первыхъ классовъ позвоночныхъ; что внѣшній видъ желваковъ измѣняется во многихъ родахъ млекопитающихъ, и что многія поврежденія, которыя у человѣка обнаруживаются въ-слѣдствіе чахотки, не имѣютъ той же причины у другихъ животныхъ.

Вотъ нѣкоторыя краткія замѣчанія, которыми г. Рейе оканчиваетъ свой мемуаръ:

«У обезьянъ и нѣкоторыхъ птицъ, переведенныхъ изъ жаркихъ странъ въ наши; чахотка очень-обыкновенна и встрѣчается чаще другихъ болѣзней.

«Чахотка, рѣдкая у однокопытныхъ животныхъ, обращенныхъ въ домашнее состояніе, еще рѣже у плотоядныхъ. Однако, не смотря на крѣпкое сложеніе и животную пищу, многія плотоядныя, какъ домашняя кошка, и особенно левъ, тигръ и проч., будучи переведены въ наши страны, могутъ получить чахотку.

«Та же рѣдкость чахотки замѣчается у хищныхъ птицъ. Какъ-бы по противоположности, домашняя собака между плотоядными, и лошадь между однокопытными гораздо-менѣе подвержены чахоточнымъ желвакамъ, нежели раку: — болѣзнь, о которой Камперъ думалъ, что она не встрѣчается между животными. У отрыгающихъ жвачку, и въ-особенности у быковъ, чахотка часто сопровождается образованіемъ маленькихъ чужеядныхъ въ ихъ внутренностяхъ.

«Наклонность печени къ тучности обыкновенно свидѣтельствуетъ о чахоткѣ въ человѣкѣ и объ общей дородности у птицъ.

«Поврежденія костей, замѣченныя у чахоточныхъ обезьянъ, и въ-особенности у обезьянъ новаго свѣта, кажется, подобны поврежденіямъ, вздутію и размягченію костей у чахоточныхъ и золотушныхъ дѣтей. Подобныя поврежденія замѣчаются у плотоядныхъ животныхъ, перенесенныхъ изъ жаркихъ странъ въ наши.

«Обыкновенность воспаленія легкихъ и рѣдкость чахотки у домашней собаки заставляютъ, по-видимому, думать, что между этими двумя болѣзнями нѣтъ связи; однако мы видимъ противное на дойной коровѣ и ослицѣ, у которыхъ появленіе желваковъ почти-всегда совпадаетъ съ хроническимъ и прогрессивнымъ воспаленіемъ легкихъ.

«Чахотка наслѣдственна, но почти никогда не прилипчива.

«Поврежденіе дыхательнаго горла и легкихъ имѣетъ не одно и то же значеніе у человѣка и у другихъ животныхъ. У перваго они почти всегда служатъ признакомъ легочной чахотки; у обезьянъ они свидѣтельствуютъ объ общей желвачной болѣзни; у однокопытныхъ почти всегда доказываютъ присутствіе сапа.

«На подреберной плевѣ чахоточнаго человѣка можетъ образоваться плесень, подобно тому, какъ иногда бываетъ плесень у птицъ, страждущихъ чахоткою или другимъ поврежденіемъ органа дыханія. Плесень, какъ извѣстно, состоитъ изъ скопленія нѣкоторыхъ, самыхъ низшихъ растеній, и образованіе этихъ растеній въ чахоточномъ животномъ всегда — явленіе вторичное.»

Изъ этихъ фактовъ авторъ извлекаетъ нѣкоторые общіе выводы, которыми и оканчиваетъ свой мемуаръ:

«Непрерывность, которую анатомія и физіологія доказываютъ въ животныхъ, подтверждаетъ и патологія. Именно въ-слѣдствіе сходства организаціи, чахотка появляется въ столь многихъ разрядахъ позвоночныхъ животныхъ, и только когда организмъ значительно понижается въ степени своего совершенства, признаки желвачной болѣзни перестаютъ быть для насъ замѣтны.

«Главнѣйшая причина образованія чахотки у животныхъ есть плѣнное или домашнее состояніе, или, говоря болѣе общимъ образомъ, значительная и продолженная перемѣна въ естественныхъ условіяхъ существованія. Олень, взятый съ сѣвера, и обезьяна, приведенная съ юга, будучи обращены человѣкомъ въ плѣнъ, въ равной степени способны получать ту же болѣзнь, не смотря на противоположность ихъ преж-

нихъ условій жизни. На одной линіи съ этою причиною, въ-отношеніи къ ея силѣ, можно поставить дурную пищу и дурное помѣщеніе, которыя такъ легко производятъ въ человѣкѣ желвачную чахотку. И такъ, плѣнное и домашнее состояніе для животнаго, бѣдность и утомленіе для человѣка,—вотъ самыя дѣйствительныя причины чахотки.

«Наконецъ, въ этомъ длинномъ ряду желвачныхъ поврежденій, разнообразныхъ по ихъ внѣшнему виду, но всегда одинаковыхъ въ сущности у животныхъ, даже отдаленныхъ между собою въ-отношеніи къ организаціи, можно видѣть, что чахотка есть общій конецъ, къ которому клонятся различныя возмущенія въ питаніи. Наука должна быть теперь такъ сильна, чтобъ могла предупреждать образованіе болѣзни, для излеченія которой она совершенно-безсильна, исключая рѣдкіе случаи.»

— Г. Сабинъ представилъ мемуаръ о земномъ магнетизмѣ. Авторъ входитъ въ большія подробности о *магнитныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ на морѣ офицерами судовъ Erèbe* и *Terreur*, во время ихъ путешествія въ землю Мергеленъ. Эти наблюденія, сдѣланныя на различныхъ пунктахъ, представлены подъ видомъ таблицъ, и ихъ согласіе съ неодинамическими линіями, проведенными по наблюденіямъ г. Дюпло и представленными авторомъ отдѣльно, выставлено на видъ съ приличными поясненіями.

Наблюденія доказываютъ болѣе и болѣе, что возмущенія въ уклоненіи и въ напряженіи земнаго магнетизма всеобщи и оказываются современно на всемъ пространствѣ Европы; они существуютъ также въ Канадѣ и Соединенныхъ Штатахъ Америки; но тамъ они не такъ замѣчательны, какъ въ Европѣ.

Хотя въ Европѣ магнитныя возмущенія вообще параллельны, однакожь наблюденія показываютъ большую разницу между движеніями магнитной стрѣлки въ Петербургѣ, Упсалѣ и Копенгагенѣ. Разница между магнитными напряженіями въ Петербургѣ съ одной стороны, и въ Дублинѣ и Геттингенѣ съ другой, еще значительнѣе. Это заставляетъ подозрѣвать, что причины, производящія эти возмущенія, можетъ-быть, находятся близь Петербурга.

Графическая проекція магнитнаго движенія въ различныхъ мѣстахъ Европы слѣдуетъ почти всегда одному ходу; напротивъ, въ Сѣверной Америкѣ и на Островѣ-Св.-Елены графическія магнитныя проекціи не сходствуютъ съ европейскими и даже различны другъ-отъ-друга. Вниманіе, которое въ послѣдніе годы стали обращать на явленія земнаго магнетизма, заставило значительно умножить наблюденія, такъ, что въ настоящее время, изслѣдованія, имѣющія цѣлію опредѣлить состояніе магнетизма земнаго шара, производятся почти въ одно время на всѣхъ доступныхъ пунктахъ поверхности земли. При помощи этихъ наблюденій, физики надѣются изъискать свойство и причины магнитныхъ возмущеній.

Уже заведены магнитныя наблюденія Англичанами на Островѣ-Св.-Елены и на Мысѣ-Доброй-Надежды. Экспедиція скоро проникнетъ во внутренность Африки, которая сдѣлалась теперь доступною. Французы завели подобныя же наблюденія въ Сѣверной Африкѣ, Испанцы въ Кадиксѣ, а Египтяне въ Каирѣ.

Въ Америкѣ основаны магнитныя обсерваторіи въ Торенто, Филадельфіи, и скоро появятся новыя на другихъ пунктахъ этой части свѣта.

Для изслѣдованія причинъ магнитныхъ возмущеній на сѣверѣ Азіи, русское правительство учредило рядъ обсерваторій, которыя простираются отъ Петербурга до Ситхи, отъ 39° 19′ до 284° 35′ восточной долготы. Многія изъ этихъ обсерваторій уже въ дѣйствіи, и скоро земной шаръ покроется новыми магнитными обсерваторіями.

— Г. Гервель также сообщилъ выводы своихъ изъисканій о *земномъ магнетизмѣ*. По его мнѣнію, должно изъяснить разными состояніями, чрезъ которыя перешла кора земли, тепло-

проводимостію и терпніемъ лучистой теплоты земнаго шара, причину, по которой магнитные полюсы различны отъ полюсовъ географическихъ. Мѣстныя обстоятельства, въ которыхъ совершился ходъ охлажденія почвы, равно какъ возвышеніе температуры земной коры на нѣкоторыхъ пунктахъ, которое можетъ происходить отъ электро-химическихъ силъ, дѣйствующихъ внутри земли, или отъ развитія жизни на ея поверхности, суть причины того, что въ продолжительные промежутки времени должны были произойдти періодическія измѣненія въ уклоненіи стрѣлки на многихъ мѣстахъ, какъ это замѣчено въ Швеціи, гдѣ съ 1580-го года до 1818 го уклоненіе перешло многими градусами на востокъ и потомъ многими градусами на западъ, и гдѣ должно было произойдти въ то же время, съ доказаннымъ поднятіемъ земли, увеличеніе теплоты почвы. То же должно сказать о Гренландіи, гдѣ замѣчено, еще за двѣсти лѣтъ, что съ пониженіемъ морскихъ береговъ произошло уменьшеніе теплоты почвы и также уменьшеніе уклоненія стрѣлки на западъ.

Дневныя измѣненія въ уклоненіи магнитной стрѣлки, кажется, происходятъ только отъ дѣйствія солнца, потому-что когда солнце находится на магнитномъ меридіанѣ даннаго мѣста, земная температура, увеличивающаяся, должна здѣсь ослабить дѣйствіе электро-магнитной силы земли, между-тѣмъ, какъ дѣйствіе этой силы должно увеличиться въ странахъ, лежащихъ на западъ отъ меридіана, въ которыхъ холоднѣе. Такимъ образомъ, уклоненіе магнитной стрѣлки увеличивается съ теплотою земли, доколѣ, наконецъ, къ вечеру, обыкновенное охлажденіе почвы не произведетъ противнаго дѣйствія.

Точно также годичными перемѣнами температуры поверхности земли, зависящими отъ дѣйствія солнца, можно объяснить легкія измѣненія, которыя испытываетъ магнитная стрѣлка по временамъ года. Наконецъ, сѣверное сіяніе есть не что иное, какъ явленіе электрическое и необходимое слѣдствіе токовъ, господствующихъ между полюсами земли и атмосферою, въ-слѣдствіе электрическаго разряженія въ той или въ другой; такимъ образомъ, легко понять вліяніе сѣвернаго сіянія на движенія магнитной стрѣлки.

— Г. Бабинѐ сообщилъ новый и любопытный фактъ по части метеорологической оптики. Извѣстно уже по изъисканіямъ г. Араго̀, что безоблачная атмосфера, освѣщенная солнцемъ, когда оно не высоко, представляетъ пунктъ, въ которомъ вовсе нѣтъ поляризаціи свѣта; этотъ пунктъ, вмѣсто того, чтобъ быть невысоко, находится почти на 30° выше пункта горизонта, противоположнаго солнцу. Г. Араго̀ справедливо приписываетъ это явленіе дѣйствію свѣта, отраженнаго разными освѣщенными частями атмосферы. Теперь г. Бабинѐ открылъ другой нейтральный пунктъ, котораго теорія та же, и который находится *выше* солнца почти на столько же, какъ нейтральный пунктъ г. Араго, когда солнце близъ горизонта. Многіе наблюдатели подтвердили эти факты по случаю солнечнаго затмѣнія 26-го іюня нынѣшняго года. Г. Бабинѐ предполагалъ наблюдать, не будетъ ли неравенство освѣщенія атмосферы во время затмѣнія имѣть дѣйствіемъ перенесеніе нейтральнаго пункта, замѣченнаго г-мъ Араго̀, внѣ вертикальнаго плана противоположнаго солнцу, которое должно было тогда находиться на небольшой высотѣ надъ горизонтомъ. Дѣлая предварительныя попытки для этого наблюденія, 21-го іюня въ вечеру, когда атмосфера была совершенно-чиста, г. Бабинѐ замѣтилъ, что, по захожденіи солнца, нейтральный пунктъ, противоположный солнцу, значительно поднимался въ атмосферѣ, между-тѣмъ, какъ тотъ пунктъ, который находился выше солнца, значительно понижался, хотя менѣе, нежели сколько поднимался первый. Это явленіе остается еще необъясненнымъ.

— Г. Лессонъ объявилъ, что имъ открыты *въ снѣгу кристаллическія формы*, отличныя отъ тѣхъ, которыя были замѣчены доселѣ, и которыхъ насчитываютъ до 96. Эти новые кристаллы снѣга представляютъ звѣздочки съ шестью лучами, имѣющія въ своей серединѣ кругъ, пустой внутри.

Сверхъ того, г. Лессонъ наблюдалъ кристаллы, образующіеся во время замерзанія воды въ графинѣ. Эти кристаллы чрезвычайно-тонки и имѣютъ видъ трубочекъ, у которыхъ на концѣ нѣчто похожее на маленькій шарикъ, пустой внутри. Авторъ приписываетъ произведеніе этихъ трубочекъ дѣйствію воздуха, который выходилъ, во время замерзанія воды, на ея поверхность въ видѣ пузырьковъ, растягивавшихся въ длину на пути своемъ.

Любопытно было бы, говоритъ г. Лессонъ, изучить различныя кристаллическія формы льда, которыя представляютъ то ромбоэдры, то шестистороннія призмы, то совершенные осьмистороннники.

Какая причина этихъ различныхъ образовъ кристаллизаціи? Это доселѣ остается неизъяснимымъ, подобно самому расширенію воды при замерзаніи.

— Г. Грюби представилъ новыя изъисканія *о чужеядныхъ животныхъ, образующихся иногда въ лягушкахъ*. Этотъ фактъ не подлежитъ теперь никакому сомнѣнію. Но всего любопытнѣе въ мемуарѣ г. Грюби подробности *о замерзаніи лягушекъ*. Взявъ у г. Тилорье немного угольной кислоты, превращенной въ твердое состояніе, онъ заморозилъ часть кожи живой лягушки на протяженіи квадратнаго центиметра; эта часть кожи замерзла до такой степени, что сдѣлалась совершенно-жосткою и ломкою, такъ что г. Грюби ожидалъ антонова огня отъ сильнаго холода въ животномъ съ холодною кровью. Но лягушка совершенно ожила, какъ-скоро замороженная ея часть приняла температуру окружающаго ее воздуха. Г. Грюби повторилъ тотъ же опытъ надъ глазомъ лягушки: всѣ части ея глаза онъ заморозилъ тѣмъ же средствомъ и въ той же степени; однако жизненныя свойства въ глазѣ возстановились съ тою же скоростію и отъ той же причины. Эти опыты, кажется, подтверждаютъ мнѣніе нѣкоторыхъ натуралистовъ, что на сѣверѣ пресмыкающіяся могутъ быть подвержены дѣйствію самой низкой температуры и сдѣлаться ломкими какъ кожа лягушки, о которой мы говорили, не теряя отъ этого жизни; жизненныя свойства въ нихъ возстановляются по-мѣрѣ того, какъ внѣшняя температура позволяетъ ихъ органамъ дѣйствовать попрежнему.

— Г. Гюйонъ, членъ ученой коммиссіи въ Алжирѣ, прислалъ ноту *о степени распространенія и леченія чахотки въ Сѣверной Африкѣ*. Въ древнія времена, эта страшная болѣзнь была тамъ очень-обыкновенна, но теперь примѣры чахоточныхъ рѣдки. И въ этой странѣ, подобно какъ въ другихъ, люди достаточные подвержены чахоткѣ гораздо-менѣе, нежели бѣдные.

Жители Сѣверной Африки не употребляютъ воды цистернъ, не смотря на ея прозрачность и прохладность; они думаютъ, что это послѣднее свойство даетъ водѣ цистернъ способность предрасполагать къ чахоткѣ. Вмѣсто того, они употребляютъ воду фонтановъ, которая всегда болѣе или менѣе мутна послѣ дождя.

Между средствами, которыя употребляются жителями противъ чахотки, г. Гюйонъ приводитъ фонтанель и прикладываніе особаго рода пластыря, въ составъ котораго входитъ толченая корица. Въ тѣхъ мѣстахъ пустыни, гдѣ растетъ фисташковое дерево, жители подвергаютъ чахоточныхъ дѣйствію теплоты, происходящей отъ горѣнія зажженныхъ молодыхъ отростковъ этого дерева, котораго всѣ части содержатъ въ себѣ нѣкоторое ароматное вещество въ большомъ количествѣ. Въ другихъ мѣстахъ Сѣверной Африки, кладутъ больнаго въ углубленія, сдѣланныя въ

пескѣ, нагрѣваемомъ естественнымъ или искусственымъ образомъ, для того, чтобъ возбудить испарину.

— Г. Мальгенъ представилъ статистику хирургическихъ операцій въ парижскихъ госпиталяхъ съ 1836-го года до 1841-го. Эти свѣдѣнія значительно ослабляютъ общее мнѣніе о совершенствѣ, до котораго дошла хирургія въ настоящее время. Изъ труда г. Мальгена видно, что изъ 852-хъ человѣкъ, надъ которыми дѣланы были операціи, 332 умерли; это составляетъ пропорцію смертности почти 2 на 5. И еще въ этомъ исчисленіи разумѣются только операціи неважныя.

— Г. Плюзъ сообщилъ новый химическій фактъ, что синеродистый потассій имѣетъ свойство возстановлять всѣ металлы, которые возстановляетъ самъ потассій. Это открытіе можетъ быть весьма-полезно для прикладной химіи.

— Г Валé сообщилъ ноту о вѣроятности существованія подземнаго озера, сообщающагося съ Женевскимъ Озеромъ.

— Г. Флюранъ представилъ Академіи сочиненіе свое «Examen de la Phrénologie». Авторъ разбираетъ френологическое ученіе Галля, Шпурцгейма и Бруссé. Весь духъ его сочиненія выражается въ слѣдующемъ афоризмѣ: «Я пишу противъ дурной философіи, и напоминаю хорошую».

II.

Британское Ученое Общество.

Послѣдній ученый конгрессъ, созванный въ Манчестерѣ, былъ столько же многочисленъ и блестящъ, какъ и предшествовавшіе. Къ ученымъ, прибывшимъ со всѣхъ концовъ Англіи, присоединились теперь ученые иностранные, и особенно германскіе, русскіе, итальянскіе и сѣверо-американскіе. Вотъ замѣчательнѣйшія сообщенія, сдѣланныя конгрессу.

Г. Брюстеръ представилъ результаты *оптическихъ наблюденій*, которыя онъ сдѣлалъ помощію призмы, вышедшей изъ мастерской знаменитаго Фраунгофера. Г. Брюстеръ нашелъ, что призматическое солнечное изображеніе простирается далѣе предѣловъ, показанныхъ Фраунгоферомъ; такъ, онъ увидѣлъ внѣ фраунгоферовой линіи A шестнадцать линій, расположенныхъ столь близко одна подлѣ другой, что трудно было различить ихъ. Дѣйствія, полученныя отъ разныхъ горючихъ веществъ, были не одинаковы: линіи изображенія были болѣе или менѣе ясны. Свѣтлыя линіи Фраунгофера были видимы почти со всякимъ пламенемъ, и особенно съ пламенемъ тѣхъ горючихъ веществъ, которыя содержатъ въ себѣ соду; но одни изъ этихъ лучей были болѣе-рѣзки съ такими веществами, другіе съ другими. Въ опытахъ надъ свѣтомъ звѣздъ, имѣющихъ извѣстный цвѣтъ, особенно звѣздъ синяго и краснаго цвѣта, г. Брюстеръ нашелъ, что ихъ призматическое изображеніе не представляетъ лучей того цвѣта, который имѣетъ звѣзда, такъ-что нельзя изъяснить краснаго, оранжеваго и проч. цвѣта звѣздъ иначе, какъ только отсутствіемъ другихъ лучей, необходимыхъ для того, чтобъ сдѣлать свѣтъ бѣлымъ. Сближая всѣ эти новые факты съ тѣми, которые были результатомъ изысканій, возбужденныхъ появленіемъ дагерротипа, легко можно видѣть, какъ они ускользаютъ отъ всѣхъ теорій, составленныхъ доселѣ касательно свойствъ свѣта и его видоизмѣненій.

— *Электричество* — дѣятель столь же мало извѣстный въ своей природѣ, какъ свѣтъ. Наблюденіе, сообщенное г. Валькеромъ, служитъ новымъ подтвержденіемъ этому. Сблизивъ между собою полюсы нитей сильной баттареи и перекрестивъ ихъ такъ, чтобъ они не касались другъ друга, а оставляли маленькій промежутокъ, г. Валькеръ увидѣлъ блестящій токъ свѣта, который непрерывно переходилъ чрезъ небольшой слой воздуха, раздѣлявшій нити; тогда положительная нить, начиная съ пункта

перекрещенія до свободнаго конца своего, раскалилась до такой степени, что сдѣлалась мягкою и согнулась, между-тѣмъ, какъ отрицательная нить сохранила свою холодную температуру. Когда погружали одну изъ нитей въ перегнанную воду, то отъ положительной нити вода всегда становилась теплѣе, нежели отъ отрицательной.

— По части химіи прежде всего привлекаетъ вниманіе мемуаръ г. Либиха объ *органической химіи, въ приложеніи ея къ физіологіи и патологіи*. Жалѣемъ, что не можемъ пока представить разбора этого новаго труда знаменитаго германскаго химика.

— Г. Блейтъ представилъ изъисканія о *приготовленіи сѣрной кислоты на заводахъ*. Авторъ доказываетъ, что негодность этой кислоты для растворенія индиго происходитъ не отъ примѣси къ ней азотной кислоты, какъ обыкновенно думаютъ, а отъ химическаго соединенія сѣрной кислоты съ окисью азота; именно, это соединеніе, образовавшись, растворяется въ сѣрной кислотѣ, имѣющей плотность не менѣе 1,5. Изъ этого наблюденія г. Блейтъ выводитъ легкій практическій способъ исправлять сѣрную кислоту; должно лишь разбавить ее количествомъ воды вдвое-бо́льшимъ, и потомъ сгущать чрезъ перегонку до-тѣхъ-поръ, пока она достигнетъ густоты 1,84. Сгущаясь, сѣрная кислота освободится отъ азотнаго соединенія. Отсюда слѣдуетъ, что, для полученія годной сѣрной кислоты на заводахъ, должно извлекать ее прежде, нежели она достигнетъ плотности 1,84 и даже, для безопасности, еще меньшей.

Зная, какое огромное количество сѣрной кислоты употребляется для растворенія индиго въ красильномъ искусствѣ, нельзя не чувствовать важности изъисканій г. Блейта.

— Г. Добене обратилъ вниманіе на *средства узнать* въ данной почвѣ или въ данной горной породѣ *присутствіе веществъ органическаго происхожденія*.

Нѣкоторыя вещества, какъ фосфорнокислая известь, могутъ сообщить почвѣ новыя свойства въ земледѣльческомъ отношеніи, хотя бы они были смѣшаны съ нею въ небольшомъ количествѣ. Итакъ, весьма-важно открыть ихъ присутствіе химическими средствами. Г. Добене, подвергши анализу пятьдесятъ образчиковъ различныхъ камней съ основаніемъ извести, нашелъ, что, между-тѣмъ, какъ растворы бѣлаго мрамора, напримѣръ каррарскаго, не даютъ осадка чрезъ прибавленіе азотокислаго серебра, растворы известковыхъ камней третичной формаціи, хотя бы эти камни были на видъ бѣлы и чисты отъ всякой примѣси, даютъ осадокъ чрезъ прибавленіе этого реактива. Послѣдняго рода камни суть тѣ, которые содержатъ въ себѣ фосфорнокислую известь, происходящую отъ остатковъ животныхъ, исчезнувшихъ при переворотахъ земли.

— Г. Нассъ, изъ Марбурга, представилъ результаты анализа *крови и костей домашнихъ животныхъ*. Самый важный выводъ этого труда состоитъ въ томъ, что сложеніе животнаго тѣмъ слабѣе и животное тѣмъ болѣе подвержено болѣзнямъ, чѣмъ кровь его заключаетъ въ себѣ менѣе желѣза и болѣе углекислыхъ щелочей и фибрины. Другое заключеніе автора состоитъ въ томъ, что въ костяхъ, во время болѣзни, количество желатины и углекислой извести уменьшается, а количество фосфорнокислыхъ солей не испытываетъ никакой перемѣны.

— Г. Джонъ Дэви обратилъ вниманіе фабрикантовъ на необходимость не простирать *очищенія газа*, добываемаго изъ каменнаго угля для освѣщенія, слишкомъ-далеко, потому-что въ этомъ случаѣ можно отдѣлить летучее вещество, hydrocarbone, которое значительно содѣйствуетъ яркости пламени.

— По части *геологіи* было представлено много сочиненій. Особенно замѣчательны мемуары: г. Оуэна о западныхъ странахъ Сѣверной Америки,

и г. Агассиза о ископаемыхъ рыбахъ девонской системы.

Г. Оуенъ доказываетъ, что въ Сѣверной Америкѣ замѣчается та же последовательность горныхъ породъ и тѣ же органическія произведенія, какъ въ Европѣ, только въ гораздо-большемъ размѣрѣ. Изъ этого авторъ выводитъ заключеніе, что тѣ же условія повсюду произвели тѣ же дѣйствія и тѣ же измѣненія въ органическихъ существахъ.

— Г. Агассизъ предлагаетъ *новую классификацію рыбъ* девонской системы. Всѣ эти рыбы, которыхъ нѣтъ ни одного рода и ни одного вида въ другихъ системахъ, имѣютъ величину незначительную въ сравненіи съ тѣми, которыя встрѣчаются въ формаціяхъ позднѣйшихъ. Ихъ длина рѣдко превышаетъ два фута. Не смотря на различія, которыя представляютъ эти рыбы, разсматриваемыя по родамъ и видамъ, онѣ имѣютъ замѣчательное наружное однообразіе; но особенно поражаетъ, при дальнѣйшемъ изученіи ихъ, первоначальная разность типовъ у существъ, принадлежащихъ къ столь древней формаціи. Это безъ сомнѣнія одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ фактовъ, которые можно противопоставить теоріи послѣдовательнаго превращенія видовъ, по которой всѣ существа, живущія и жившія на земномъ шарѣ, произошли отъ небольшаго числа первообразныхъ формъ. Итакъ, результатъ наблюденій г. Агассиза клонится къ подтвержденію того, что въ эпоху каждой новой формаціи появлялись и новые виды животныхъ.

— Гг. Гуттонъ и Рью представили новыя доказательства того, что *каменный уголь есть произведеніе древнихъ растеній*. Разсматривая, помощію микроскопа, тоненькія пластинки каменнаго угля, г. Гуттонъ увидѣлъ, что внутреннее строеніе этого вещества представляетъ клѣточки, расположенныя такъ же, какъ въ растеніяхъ; а г. Рью, помощію несовершеннаго пережженія каменнаго угля, сдѣлалъ это строеніе видимымъ даже для простаго глаза.

— Бо́льшая часть сообщеній по части зоологіи относилась къ чужеяднымъ животнымъ. Такъ, г. Блакуалль наблюдалъ видъ *ихневмона*, который садится на паука, питается его соками и наконецъ убиваетъ его; г. Муръ наблюдалъ чужеядное животное, которое садится на лосося.

— Г. Алльдеръ читалъ описаніе трехъ новыхъ видовъ *моллюсковъ* изъ рода Eolis. Тотъ же ученый объявилъ, что онъ открылъ существованіе глазъ въ родѣ Doris. Наконецъ, въ Melibaea ornata онъ замѣтилъ сотрясенія на всемъ тѣлѣ, которыя заставляютъ думать, что въ этомъ моллюскѣ отправленіе дыханія разлито по всему тѣлу.

— По части ботаники замѣчательно лишь донесеніе г. Стрикленда объ опытахъ, производимыхъ въ Оксфордѣ надъ *прозябаніемъ и растительною жизнію зеренъ*. Зерна семидесяти видовъ растеній, принадлежащихъ къ различнымъ родамъ и разрядамъ, были завернуты въ бумагу и положены въ горшки съ землею, имѣющіе только одно отверстіе, и покрытые слоемъ мелкаго песка; это были зерна, лежавшія въ гербаріяхъ лѣтъ пять со времени ихъ снятія съ растеній. Вышло, что большая ихъ часть, посѣянныя такъ, какъ мы сказали, не оказали никакихъ признаковъ растительности. Послѣ этого, всякій можетъ судить, какое вѣроятіе заслуживаютъ разсказы тѣхъ лицъ, которыя говорятъ, что они видѣли, какъ зерна, найденныя въ египетскихъ гробницахъ, растутъ, будучи брошены въ землю.

— Отдѣленіе медицинскихъ наукъ было самое скудное на манчестерскомъ конгрессѣ. Большое число медицинскихъ журналовъ, которые тотчасъ дѣлаютъ извѣстною малѣйшую новость; поспѣшность, съ которою сами врачи, какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ, пускаютъ въ ходъ идеи едва-зародившіяся,—всѣ эти причины не позволяютъ важнымъ трудамъ достигнуть зрѣлости въ рукахъ того

самого лица, которое ихъ начало. Итакъ, недостатокъ хорошихъ оригинальныхъ трудовъ, представляемыхъ нынѣ врачами ученымъ обществамъ, не можетъ быть принятъ за признакъ невысокаго совершенства или застоя ихъ науки; скорѣе можно сказать, что то же самое случится, если ужь и не случилось, со всѣми другими практическими науками.

III.

Парижская Академія Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ.

Г. *Лабулé* читалъ историческія изслѣдованія о *правѣ наслѣдства женщинъ* у различныхъ народовъ въ среднiе вѣка.

У народовъ германскаго происхожденія собственность доставалась не отцу, а семейству. Женщина всю жизнь свою была подъ покровительствомъ, или, лучше сказать, подъ опекою своего отца или мужа, и когда выходила замужъ, то приданое приносилъ женихъ. Эти обычаи, которые вѣроятно зашли въ Сѣверную Европу изъ Греціи, были измѣнены римскимъ вліяніемъ. Съ завѣщаніями ввелись дары на случай вступленія въ замужство; гражданское состояніе женщинъ значительно улучшилось, но онѣ всегда были лишаемы правъ политическихъ. Въ одиннадцатомъ вѣкѣ, естественный законъ пересилилъ законъ политическій; феодальныя помѣстья стали переходить и къ женщинамъ, съ правомъ набирать войско и чеканить монету. Отсюда до права на престолъ оставался одинъ шагъ. По этому, у большей части народовъ, женщины стали безъ труда восходить на престолъ. Во Франціи же вышло иначе, и авторъ приписываетъ это различіе сохраненію германскаго обычая. Салическій законъ утвердилъ навсегда этотъ обычай.

— Г. Бальби представилъ статистическія свѣдѣнія о войскахъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ.

*

ПОѢЗДКА ВЪ СИЦИЛІЮ И МАЛЬТУ, ВЪ 1842 ГОДУ.

5-го апрѣля, мы сѣли на пароходъ Францискъ I, который долженъ былъ объѣхать всю Сицилію, побывать въ Мальтѣ и черезъ три недѣли возвратиться въ Неаполь.

Я нашелъ на пароходѣ около 60 пассажировъ десяти различныхъ націй, среди которыхъ Русскіе были en minorité, а именно: я одинъ.

Въ 3 часа мы снялись съ якоря и едва обогнули мысъ Кампанелло, какъ почувствовали вліяніе неблагопріятнаго моря: общая веселость мгновенно исчезла, палуба ежеминутно пустѣла, а въ каютахъ начали раздаваться дикіе звуки мучениковъ болѣзни, передъ которой скоро смирился и я. Разсказываютъ, что эта болѣзнь дѣлаетъ человѣка равнодушнымъ ко всякой опасности; на этотъ разъ я повѣрилъ тому.

Во все время нашего переѣзда, противный вѣтеръ, волненіе моря и наши страданія не прекращались ни на минуту. Вмѣсто 16 часовъ, которые сулилъ нашъ капитанъ, мы употребили 25 часовъ, чтобъ добраться до Палермо.

Извѣстіе, что мы находимся въ виду Палермо, придало намъ нѣсколько бодрости: нѣкоторые изъ страдальцевъ (и въ томъ числѣ я) блѣдные, растрепанные вышли на палубу. Мы увидѣли себя уже въ Палермскомъ Заливѣ, заключеннымъ слѣва пирамидальнымъ мысомъ Зафарано, а справа обширнымъ, далеко вдавшимся въ море мысомъ Галло; въ глубинѣ, Палермо широко и красиво раскинулось по прекрасной долинѣ, усѣянной домами и цѣлымъ лѣсомъ садовъ; долина заключена со всѣхъ сторонъ живопис-

ною цѣпью горъ, изъ которыхъ одна, на право, обращаетъ невольное вниманіе красотою формы и своею возвышенностію: это Monte Pellegrino, древняя Эркта, трехлѣтнее убѣжище Амилькара Кареагенянина въ первую пуническую войну (*) и нынѣ знаменитая часовнею св. Розаліи, покровительницы Палермо. Эта гора совершенно отдѣлилась отъ другихъ, и представляетъ огромный, съ трехъ сторонъ недоступный утесъ. Со стороны города вьется по немъ широкой, бѣлой полосою дорога; она терялась въ это время въ облакахъ, которыми была увѣнчана древняя Эркта. Едва мы бросили якорь, множество лодокъ окружило насъ; въ одну минуту лодочники взобрались на пароходъ, вырывали другъ-у-друга не только вещи пассажировъ, но даже самихъ пассажировъ; крики увеличивались безпрестанно и наконецъ превратились въ драку... Я привыкъ уже къ подобнымъ сценамъ въ Италіи и ждалъ терпѣливо, пока часть пассажировъ уѣдетъ и тревога утихнетъ; но вдругъ ко мнѣ подбѣжалъ лодочникъ, пробормоталъ мнѣ что-то по-сицилійски и, не дождавшись отвѣта, одною рукою выхватилъ изъ-подъ меня чемоданъ, другою вырвалъ мой дорожный мѣшокъ и перебросилъ все черезъ бортъ въ свою лодку, и я по неволѣ, и не безъ затрудненія со стороны другихъ лодочниковъ, долженъ былъ сойдти туда же. На берегу ожидали насъ таможенные чиновники, *факины* (**) и нищіе. Первые очень-неловко медлили открывать наши чемоданы въ ожиданіи отъ насъ по два тарина (***), которые мы дали съ радостью, и вещи наши остались безъ осмотра; но едва-только таможенные чиновники отступились отъ нашихъ мѣшковъ и чемодановъ, какъ факины бросились на нихъ какъ голодныя собаки и съ шумомъ раздѣлили добычу: то, что свободно могъ нести одинъ человѣкъ, они несли вдвоемъ или втроемъ; убѣждать ихъ было безполезно, и мы спѣшили слѣдовать за ними, чтобъ не потерять изъ виду вещей нашихъ. Предшествуемые толпою навьюченныхъ факиновъ и окруженные множествомъ нищихъ и совершенно-голыхъ мальчишекъ, мы вошли въ готическія городскія ворота Porta Felice; но наши испытанія еще не кончились: въ воротахъ часовые остановили наше шествіе, требуя отъ насъ по нѣскольку *гранъ* за пропускъ. Расплатившись съ этими послѣдними нищими, мы добрались наконецъ до гостинницы, которая, къ-счастію, была недалеко. Точно такія же сцены повторялись съ нами во всѣхъ городахъ Сициліи. Но, надо признаться, немногимъ лучше и во всей Италіи: я не знаю народа, который бы былъ такъ жаденъ къ деньгамъ и такъ безстыденъ къ нищенству, какъ Итальянцы и Сицильянцы: всѣ протягиваютъ руку, всѣ просятъ милостыни... И чѣмъ болѣе на югъ, тѣмъ хуже: въ Неаполѣ нищенство въ чрезвычайно-высокой степени, но въ Сициліи оно достигаетъ nec plus ultra.

Основаніе Палермо теряется во временахъ баснословныхъ; нѣкоторые сицилійскіе историки, основываясь на какой-то халдейской надписи, относятъ основаніе этого города ко временамъ первыхъ патріарховъ, но всѣ соглашаются въ томъ, что Палермо одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Сициліи. Нынѣшній городъ обширенъ и красивъ (особенно издали), но неопрятенъ, какъ всѣ города Италіи и Сициліи. Двѣ прямыя, широкія улицы, Strada Nuovo и Toledo, разсѣкаютъ городъ на четыре почти-равныя части; множество зданій арабской и испанской архитектуры, террасы вмѣсто

(*) Полибій, Кн. I. Гл. XIII.

(**) *Факины* чрезвычайно многочисленны въ Сициліи и во всей Италіи. Это бѣдные люди, которые не имѣютъ опредѣленнаго занятія, а ищутъ всюду случая, чтобъ выработать копейку. Неаполитанскіе *лаззарони* принадлежатъ къ этому же разряду.

(***) *Таринъ* все то же, что неаполитанскій *карлинъ* и немного болѣе нашего гривенника. *Гранъ*,—десятая часть тарина или карлина.

крышъ, и глубокіе, выгнутые решетчатые балконы придаютъ ему видъ совершенно-оригинальный.

Церкви Палермо вообще красивы и богаты мраморами, мозаиками и живописью, но далеко не въ такой степени, какъ чудные храмы Венеціи, и часто среди богатства поражаютъ своимъ безвкусіемъ. Самая красивая наружностью и самая обширная,—это соборъ, почти въ концѣ Толедо. Архитектура его чисто-арабская. Воздвигнутый въ 1185 г., онъ не былъ оконченъ, и въ-послѣдствіи надстроили надъ нимъ римскій куполъ, который безобразитъ все зданіе. Внутреннія украшенія богаты, но безвкусны и нисколько не соотвѣтствуютъ наружному величію: два королевскіе саркофага изъ краснаго порфира, напоминающіе ватиканскій саркофагъ Елены, мраморная каѳедра, нѣсколько прекрасныхъ статуй и барельефовъ Гаджини, чрезвычайно-богатый престолъ и еще болѣе-богатая колоннада изъ лапис-лазули, вотъ что обращаетъ на себя вниманіе внутри этого огромнаго зданія.

Недалеко отъ собора, между Porto Nuovo и Porto Castro — королевскій дворецъ, бывшій крѣпостью во времена Норманновъ. Самое замѣчательное въ немъ—небольшая церковь, сооруженная въ 1129 г. и совершенно-покрытая превосходными мозаиками, византійской работы. Комнаты дворца пусты; только въ одной изъ нихъ лежатъ какъ живые два прелестные, бронзовые *овна*, найденные въ Сиракузахъ и носящіе, не знаю почему, прозваніе архимедовыхъ.

Къ числу замѣчательностей Палермо безъ сомнѣнія принадлежатъ катакомбы монастыря капуциновъ. Я много видѣлъ катакомбъ, но ни одна (исключая, впрочемъ, ужаснаго подземелья св. Стефана, въ Вѣнѣ) не производила на меня такого тяжелаго впечатлѣнія. Мы сошли въ подземелье; старый капуцинъ съ многочисленною свитою пошелъ отворить намъ желѣзныя двери, и мы очутились въ обширныхъ хорошо-освѣщенныхъ галлереяхъ. Въ бокахъ этихъ галлерей устроены, въ нѣсколько рядовъ, ниши, и въ каждой нишѣ стоитъ мертвецъ въ капуцинской одеждѣ. Но не думайте, чтобъ это были одни скелеты,—нѣтъ, это высушенные трупы, у которыхъ сохранены мускулы, кожа и даже какое-то страшное выраженіе лица; руки ихъ связаны крестомъ на груди, голова повисла на бокъ, у иного торчитъ еще клокъ бороды, другой оскалилъ зубы... Какія ужасныя лица!... Шесть обширныхъ галлерей наполнены такими муміями; одна изъ галлерей опредѣлена женщинамъ, которыхъ трупы одѣты даже съ нѣкоторою роскошью; на полу стоитъ множество гробовъ различной формы и величины, съ гербами и надписями; тутъ покоятся также высушенные трупы богатыхъ жителей Палермо; родственники хранятъ ключъ отъ гроба у себя и приходятъ иногда открывать его, чтобъ поплакать или надѣть на трупъ новое платье. Я немало удивился, когда увидѣлъ подъ нѣкоторыми совершенно-сухими трупами надпись, что эти монахи умерли въ 1841 г. На мой вопросъ, капуцинъ указалъ мнѣ въ стѣнѣ нѣсколько желѣзныхъ дверей, замазанныхъ известью, и сказалъ мнѣ, что тамъ сушатся свѣжіе трупы, и что черезъ 6 или 8 мѣсяцевъ они будутъ совершенно готовы на выставку. Сколько я могъ понять изъ его разсказа, это дѣлается слѣдующимъ образомъ: у свѣжаго трупа вынимаютъ внутренность и дѣлаютъ въ кожѣ нѣсколько подрѣзовъ; въ такомъ видѣ *вѣшаютъ* трупъ въ плотно-закупоренномъ подвалѣ; жиръ и мясо опадаютъ чрезъ подрѣзы, трупъ сохнетъ; черезъ 6 мѣсяцевъ вынимаютъ его, покрываютъ весьма легкимъ слоемъ извести,—и трупъ готовъ!

Такія же галлереи, только въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, видѣлъ я на общемъ кладбищѣ Палермо. Это кладбище состоитъ изъ обширнаго квадрата, усаженнаго кипарисами и пересѣченнаго широкими параллельными

канавами; нѣсколько канавъ заложено на глухо тесанымъ камнемъ: тутъ покоятся слишкомъ 30,000 палермитянъ, погибшихъ въ 1831 г. отъ холеры. Остальныя канавы прикрыты 52 плитами съ подписью мѣсяца и недѣли, въ которыя онѣ открываются для принятія труповъ. Удивительно неуваженіе, съ которымъ погребаютъ мертвыхъ въ Сициліи и почти во всей Италіи! Трупъ привязываютъ веревкой, безъ всякихъ обрядовъ спускаютъ его въ общую канаву, раскачиваютъ и бросаютъ какъ-попало. Можно себѣ представить каковъ порядокъ въ этомъ царствѣ мертвыхъ! «Что же дѣлаете вы, когда канава полна?» спросилъ я у монаха. «Кости выгребаютъ и отвозятъ въ море», отвѣчалъ монахъ, «или на сахарный заводъ», прибавилъ мой проводникъ. И самое замѣчательное этого кладбища—его страшная, ветхая церковь, съ которою связано грозное воспоминаніе *сицилійскихъ вечерень*. Въ этой церкви собирались знатнѣйшіе Французы, и въ 1282 г., въ третій день свѣтлаго воскресенія, ни одинъ изъ нихъ не вышелъ изъ нея живымъ.

Изъ этого царства смерти я поведу васъ въ царство жизни: въ истинно-роскошные сады Палермо. Въ три дня я пробѣжалъ ихъ болѣе десяти, но нѣкоторые особенно восхитили меня; къ числу сихъ послѣднихъ принадлежитъ публичный садъ Villa Giulia, или Флора, расположенный на берегу моря и превосходно содержимый. Широкія, густыя лимонныя и апельсинныя аллеи, обширные, роскошные цвѣтники, множество фонтановъ, прелестный видъ на море, все дѣлаетъ этотъ садъ самымъ пріятнымъ гуляньемъ, особенно для жителя снѣговъ и степей. Возлѣ Флоры—ботаническій садъ, чрезвычайно-богатый рѣдкими растеніями, но находящійся въ ужасномъ запущеніи. На другомъ концѣ города замѣчателенъ садъ дюка Сера-ди-Фалько, и въ особенности прекрасенъ садъ князя Бутера, нынѣ принадлежащій нашей Русской, Шуваловой; это обширная, богатая оранжерея на чистомъ воздухѣ: какое множество самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ, самыхъ прелестныхъ растеній!

Я сказалъ уже, что слѣды мавританскаго владычества лежатъ на многихъ зданіяхъ Палермо; но кромѣ этого, въ предмѣстіяхъ города уцѣлѣло еще два чисто-мавританскіе зáмка: это зáмокъ Куба и зáмокъ Зиза. Первый, на дорогѣ въ Монреаль, занятъ казармой и уже приходитъ въ разрушеніе, но второй, въ предмѣстіи Олливуцо, къ-счастію, попалъ во владѣніе богатаго Палермитянина и сохранился во всемъ своемъ дивномъ величіи. Форма его—обширная, четырестороння башня, съ высокими зубцами, съ широкими готическими окнами и плоскою крышею. Тонкія, мраморныя колонны поддерживаютъ своды наружныхъ сѣней, среди которыхъ бьетъ фонтанъ въ два мраморные бассейна; повсюду мраморъ и мозаики, повсюду слѣды роскоши и востока! По широкой, мраморной лѣстницѣ взошли мы на верхнюю террасу зáмка и наслаждались оттуда восхитительнымъ видомъ: зáмокъ окруженъ лѣсомъ цвѣтущихъ и зеленѣющихъ садовъ, сквозь которые бѣлѣются загородные домики; на второмъ планѣ Палермо, Монреаль, горы, которыя такъ живописно опоясываютъ долину палермскую, наконецъ море и яркое солнце Сициліи... Если справедливо, что Зиза или Циза значитъ по-арабски *мѣсто наслажденія* (luogo di delizia), то зáмокъ вполнѣ заслуживаетъ это названіе.

Палермо имѣетъ много благотворительныхъ заведеній, но всѣ они съ наружнымъ великолѣпіемъ соединяютъ внутреннюю нечистоту и неустройство. Впрочемъ, надо сдѣлать одно исключеніе, и исключеніе истинно-блестящее: это домъ умалишенныхъ, заведеніе, дошедшее до высшей степени совершенства, благодаря просвѣщенному человѣколюбію прежняго директора его, барона Пизани, и нынѣшняго, кавалера Дорера. Зданіе обширно, красиво и содержится съ голландскою

опрятностью. Директоръ встрѣтилъ насъ на дворѣ и съ чрезвычайной любезностью показалъ все заведеніе. Каждый умалишенный (которыхъ теперь 150 чел.) имѣетъ особую комнатку, которая служитъ ему ночлегомъ и тюрьмою въ наказаніе; днемъ они вмѣстѣ гуляютъ или работаютъ. Въ заведеніи устроено нѣсколько мастерскихъ, въ которыхъ умалишенные учатся разнымъ ремесламъ и даже живописи и ваянію; всѣ почти внутреннія работы исполняются умалишенными: въ саду мы нашли двухъ, которые садили цвѣты; въ кухнѣ нѣсколько несчастныхъ помогаютъ повару готовить кушанье; иные шьютъ башмаки, другіе рисуютъ съ своихъ товарищей портреты; женщины (въ другомъ отдѣленіи) вяжутъ чулки или ткутъ полотна; разумѣется, все это дѣлается подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ. Умалишенные вымостили всѣ внутренніе дворы мозаикомъ, разрисовали стѣны фресками; въ комнатахъ картины и въ саду нѣсколько деревянныхъ и каменныхъ группъ сдѣланы также ими; они же сдѣлали прекрасный, обширный гротъ, устроили прехорошенькій театръ въ готическомъ вкусѣ. Однажды попытались заставить ихъ играть комедію на этомъ театрѣ; но эта комедія чуть не превратилась въ трагедію, и съ тѣхъ-поръ они ходятъ туда только плясать. «Занятія и безпрерывныя развлеченія суть лучшія средства къ излеченію этихъ несчастныхъ» сказалъ намъ директоръ. И вотъ доказательство: онъ показалъ намъ статистическую книгу заведенія, изъ которой мы увидѣли, что среднимъ числомъ изъ 100 умалишенныхъ излечивается 45, и эта пропорція увеличивается ежегодно. Принимая въ заведеніе новаго больнаго, они стараются имѣть краткую его біографію, чтобъ знать причины сумасшествія, и, сообразуясь съ ними, поступать съ больнымъ; эти свѣдѣнія, которыя, къ-сожалѣнію, не всегда можно имѣть, чрезвычайно-важны и значительно способствуютъ успѣху леченія. Самыя частыя причины нравственнаго сумасшествія суть слѣдующія: семейныя непріятности, нищета, религіозный фанатизмъ и любовь или ревность; всѣ другія причины находятся въ несравненно-меньшей пропорціи. Въ 1837 г., во время холеры, многіе лишились ума, воображая, что они отравлены. Я посѣтилъ нѣсколько подобныхъ заведеній въ Германіи и Италіи, но нигдѣ не нашелъ такого порядка, такого оригинальнаго и вмѣстѣ успѣшнаго устройства ихъ, какъ въ Ospicio dei Matti, въ Палермо.

Палермо столько разъ былъ взятъ и разрушенъ разными народами, что въ немъ не осталось слѣдовъ древнихъ зданій. На Горѣ-Пеллегрино развалины замка, котораго основаніе приписываютъ Сатурну или Хаму (потому-что многіе сицильянскіе историки утверждаютъ, что Хамъ и Сатурнъ — одно и то же), и нѣсколько обломковъ дорическихъ колоннъ, остатки древняго Солунта, на мысѣ Зафарано,—вотъ все, что палермскія окрестности представляютъ любителю древностей. Но за то, всѣ эти окрестности чрезвычайно-богаты прелестными видами. Въ этомъ отношеніи, особенное вниманіе заслуживаетъ гора Пеллегрино. Видъ оттуда обширенъ и одинъ изъ лучшихъ въ Сициліи,—и это много! На западъ открывается круглый заливъ Кастеллмаре и Мысъ св. Вита, на сѣверъ море и острова Липари, на востокъ и югъ, сначала Палермо въ своей богатой долинѣ, потомъ безчисленныя горы Сициліи и наконецъ Этна, которой снѣжная вершина бѣлѣется какъ громадное облако. Часовня св. Розаліи богата мозаиками, мраморами и драгоцѣнными каменьями; но лучше всего статуя святой, изъ прекраснаго бѣлаго мрамора, облеченная въ платье изъ кованаго золота. Мнѣ много разсказывали о праздникѣ св. Розаліи, который бываетъ ежегодно отъ 11 до 15 іюля, и, судя по разсказамъ, этотъ праздникъ чрезвычайно-великолѣпенъ. Проѣздомъ къ развалинамъ Солунта,

мы заѣхали въ фантастическій зáмокъ кн. Палагонія, Богарію. Зáмокъ этотъ окруженъ и наполненъ чрезвычайнымъ множествомъ статуй и украшеній; но всѣ эти статуи и украшенія не похожи ни на что существующее въ природѣ: это порожденія разстроеннаго воображенія дѣда нынѣшняго владѣльца. Старикъ употребилъ часть своей жизни и своего огромнаго богатства на пріобрѣтеніе и сооруженіе этихъ уродовъ, которые напомнили мнѣ отчасти чудный сонъ изъ «Онѣгина»; но воображеніе кн. Палогонія превзошло воображеніе великаго поэта: вотъ, на-прим., львиная голова на гусиной шеѣ, съ туловищемъ ящерицы, съ козьими ногами и лисьимъ хвостомъ; далѣе на человѣческомъ туловищѣ съ птичьими ногами нѣсколько звѣриныхъ головъ, и проч. Внутренность зáмка соотвѣтствуетъ наружности: потолки изъ разноцвѣтныхъ и зеркальныхъ стеколъ, вырѣзанныхъ самыми странными формами, колонны изъ чашекъ, чайниковъ, соусниковъ, горшковъ и проч.; но все это чрезвычайно-грубо и глупо, и не заставляетъ даже улыбнуться. Изъ палермскихъ окрестностей, я посѣтилъ еще Аббатство св. Мартина, находящееся въ горахъ, въ семи миляхъ отъ города (*). Дорога идетъ безпрерывно возвышаясь въ ущельѣ каменистыхъ горъ; у подножія ихъ разбросаны миндальныя и оливковыя деревья; на вершинѣ ихъ, гдѣ пасутся стада козъ подъ надзоромъ пастуха, окутаннаго чернымъ бурнусомъ; изъ разселинъ торчатъ огромныя алоэ и уродливыя индійскія фиги; тишина и уединеніе совершенныя и даютъ понятіе о древней монашеской жизни, когда монахи были истинными отшельниками отъ міра, а монастыри ихъ хранилищами науки и искусства. Въ горахъ застигла насъ гроза; лошаки наши заупрямились, и мы принуждены были пѣшкомъ совершить остальное путешествіе. То, что увидѣлъ я, не совсѣмъ соотвѣтствовало моему ожиданію: обширное Аббатство св. Мартина похоже болѣе на прекрасный дворецъ въ новомъ вкусѣ, нежели на горный, смиренный монастырь. Богатые бенедиктины приняли насъ радушно, осушили и напоили хорошимъ виномъ, и по великолѣпной мраморной лѣстницѣ ввели насъ въ монастырь. Библіотека богата книгами и древними рукописями; въ музеѣ особенно замѣчательно нѣсколько чрезвычайно-древнихъ пуническихъ медалей, найденныхъ въ окрестностяхъ Палермо. Церковь обширна; огромный органъ ея считается вторымъ послѣ органа бенедиктиновъ Катаніи. Лучшія картины: «Іоаннъ, проповѣдующій въ Пустынѣ», Флорентинца Паладино и въ особенности «Благовѣщеніе» Петра Новелли;—Гавріилъ дивно-хорошъ! Въ его лицѣ такъ много торжества быть провозвѣстникомъ Іисуса, и вмѣстѣ такъ много смиренія передъ Матерью Спасителя.

(*) Сицильянская миля, такъ же, какъ неаполитанская, составляетъ 52-ю часть градуса экватора.

Разставаясь съ Монастыремъ св. Мартина, упомяну кстати о монастыряхъ Сициліи; ихъ чрезвычайно-много: на 2 мильйона жителей, находящихся въ Сициліи, считаютъ около 50-ти тысячь духовенства различныхъ орденовъ. Орденъ бенедиктиновъ одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ и самыхъ богатыхъ; они имѣютъ значительныя владѣнія земель, обложенныя, впрочемъ, 30% подати. Замѣчательно, что, не смотря на богатство монастырей и чрезвычайную нищету народа, монастыри Сициліи (за исключеніемъ весьма немногихъ и то самыхъ бѣдныхъ), не имѣютъ благотворительныхъ заведеній.

Мы пробыли три дня въ Палермо; на четвертый день пароходъ нашъ отправился въ Трапани, въ 48 миляхъ отъ Палермо, а я съ тремя товарищами рѣшился ѣхать туда сухимъ путемъ для того, чтобъ видѣть хоть немного внутреннюю Сицилію и посмотрѣть развалины Сегеста.

Во всей Сициліи только три каменныя дороги: изъ Палермо въ Трапани

и въ Катанію, и изъ Катаніи въ Мессину. Всѣ остальныя сообщенія состоятъ изъ узкихъ тропинокъ, которыя вьются по горамъ и оврагамъ, будучи пересѣкаемы множествомъ ручейковъ, которые отъ малѣйшаго дождя превращаются въ быстрые потоки и прекращаютъ сообщенія. По этимъ тропинкамъ ѣздятъ или верхомъ, или въ носилкахъ, прикрѣпленныхъ на спинахъ двухъ лошаковъ, увѣшанныхъ бубенчиками. Къ-счастію, намъ предстояла одна изъ трехъ колесныхъ дорогъ. Востокъ едва загорался, когда мы выѣхали изъ Палермо и направили путь свой въ Монреаль, небольшой городокъ, расположенный на живописной возвышенности, въ 4 миляхъ отъ Палермо. Дорога вплоть до Монреаля идетъ среди садовъ и апельсинныхъ рощей, между которыми множество загородныхъ домовъ и фонтановъ. Какая чудная смѣсь цвѣтовъ! Какая восхитительная долина! Мы остановились въ Монреалѣ, чтобъ взглянуть на соборъ и прилежащее къ нему бенедиктинское аббатство. Воздвигнутый въ 1174 г. норманскимъ королемъ Вильгельмомъ-Добрымъ, этотъ соборъ принадлежитъ къ немногимъ замѣчательнѣйшимъ памятникамъ греко-арабо-норманской архитектуры. Вильгельмъ былъ почитателемъ Грековъ; онъ призвалъ изъ Константинополя множество художниковъ; съ нимъ начинается возрожденіе искусствъ въ Сициліи; но архитектура, принявъ въ себя арабскіе и норманскіе элементы, никогда уже не могла достигнуть строгой греческой простоты. Не смотря на пестроту, соборъ въ Монреалѣ все-таки хорошъ. Внутри церкви множество византійскихъ мозаикъ, напоминающихъ мозаики св. Марка Венеціи. На лѣстницѣ, ведущей изъ собора въ аббатство, превосходная картина Петра Новелли «Св. Бенедиктъ, раздающій хлѣбы»; это лучшая картина, которую я видѣлъ въ Сициліи: въ ней болѣе 20 фигуръ, и всѣ онѣ привлекаютъ къ себѣ невольное вниманіе; особенно хороша голова св. Григорія: она совершенно напоминаетъ мягкость Рафаэля и силу Доменикино; въ прелестномъ старцѣ артистъ представляетъ свой портретъ, а въ женщинѣ съ двумя дѣтьми—портретъ своей дочери. Живя на сѣверѣ, мы едва знаемъ нѣсколько именъ знаменитѣйшихъ художниковъ, и не можемъ себѣ представить, ка́къ много второстепенныхъ, но великихъ талантовъ развило это вѣчно-голубое небо! Даже въ Италіи я не зналъ произведеній Новелли; въ Палермо я видѣлъ много картинъ его, и чѣмъ болѣе смотрѣлъ на нихъ, тѣмъ болѣе сознавалъ величіе этого художника. Лучшая изъ тѣхъ, которыя я видѣлъ, по моему мнѣнію, его «Магдалина» въ церкви S. Zita, «Благовѣщеніе» въ Аббатствѣ св. Мартина и наконецъ «Св. Бенедиктъ» въ Монреалѣ. Петръ Новелли, прозванный Монреалезе, жилъ въ XVII столѣтіи, и, судя по его картинамъ, принадлежитъ къ школѣ Спаньолетто и Доменикино.

Мы взошли на верхнюю террасу монастыря, чтобъ взглянуть въ последній разъ на Палермо и его очаровательную долину. Видъ оттуда обширенъ и прекрасенъ; впрочемъ, Сицилія такъ богата своею природою и мѣстностью, что, взошедъ на любую возвышенность, вы можете быть увѣрены, что насладитесь оттуда прелестнѣйшимъ видомъ.

Оставивъ Монреаль, мы скоро въѣхали въ ущелье, обставленное громадными, почти-голыми утесами. Дорога печальна и дика: ни одного жилища; лишь кое-гдѣ разбросаны масливы и другія растенія, которыя довольствуются самымъ ничтожнымъ количествомъ чернозема.

Между растительностью и климатомъ Сициліи и Неаполя, различіе чувствительно. Когда мы оставили Неаполь, всѣ миндальныя деревья находились еще въ цвѣту; въ Палермо народъ уже ѣстъ свѣжій миндаль, хотя ядра его еще не совершенно образовались; индійская фига (cactus opuntia), пальма-христи или резиновый кустъ (resinus americanus) и

другія растенія, мелкія въ окрестностяхъ Неаполя, достигаютъ здѣсь величины толстыхъ деревъ.

Проѣхавъ болѣе десяти миль, мы увидѣли наконецъ человѣческія жилища и живую природу. Мы остановились въ Партенино, довольно-большомъ и красивомъ городѣ, окруженномъ садами и прекрасно-обработанными полями; въ глубинѣ зеленѣется плодородная долина, примыкающая къ обширному заливу Кастелламаре, окруженному мысами Рамо и св. Вита; кругомъ нѣсколько городовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ отъ 10,000 до 15,000 жителей: впереди Алькама съ полуразрушенными арабскими башенками; въ глубинѣ долины Кастелламаре; съ другой стороны, въ ущельѣ горъ Карини, древняя Гиккара, родина знаменитой красавицы Лаисы, которая сводила съ ума и поэтовъ и философовъ и вдохновляла Апелеса.

Въ Партенино, мы въ первый разъ увидали сицильянскіе костюмы: женщинъ, окутанныхъ съ ногъ до головы широкими, черными мантильями, которыя онѣ носятъ чрезвычайно-граціозно, прихватывая нѣсколько мантилію правой рукой и оставляя ее свободно драпироваться съ лѣвой стороны; мужчины носятъ коротенькіе черные плащи съ капишономъ, чрезвычайно-похожіе на бурнусы. Эти мрачныя одежды имѣютъ что-то печальное и вмѣстѣ поэтическое; владычество Арабовъ и здѣсь наложило слѣды свои.

Оставивъ Партенино, мы прибыли въ городъ Алькама (Al Kamah) и скоро выѣхали въ обширную долину, пересѣченную нѣсколькими быстрыми ручейками и безчисленнымъ множествомъ возвышенностей. Долина эта прекрасна, покрыта полями и плодовитыми деревьями, хотя и не оживлена ни однимъ жилищемъ.

Въ Сициліи, сельская жизнь почти неизвѣстна: всѣ живутъ въ городахъ; отъ-того такъ много многолюдныхъ, неопрятныхъ городовъ и такъ часто случается, что, проѣхавъ 15 или 20 миль, не встрѣтишь ни одного домика. Эта привычка къ городской жизни укоренилась вѣроятно въ тѣ времена, когда Сицилія была подвержена безпрерывнымъ нападеніямъ разныхъ народовъ, изгонявшихъ другъ-друга. Тогда жители, собравъ хлѣбъ и плоды, спѣшили укрыться съ своимъ богатствомъ въ укрѣпленные города, ибо тамъ только они могли надѣяться на нѣкотораго рода безопасность; въ-послѣдствіи, эта привычка укоренилась отъ внутреннихъ разбоевъ и наконецъ отъ совершеннаго недостатка сообщеній. Нѣтъ сомнѣнія, что эта городская жизнь далеко не благопріятствуетъ развитію земледѣлія; но объ этомъ мало заботится безпечный народъ и еще-болѣе безпечное правительство Сициліи.

Къ-вечеру, измученные сильнымъ жаромъ и безпокойнымъ экипажемъ, мы добрались наконецъ до Калатафими (Calata Fimi, крѣпость Фими), въ 30 миляхъ отъ Палермо, гдѣ назначенъ былъ нашъ ночлегъ. Въ городѣ, имѣющемъ десять тысячь жителей, мы съ трудомъ нашли маленькую, неопрятную комнатку съ гнилыми досками, вмѣсто кроватей, и съ множествомъ разнаго рода насѣкомыхъ, и если бъ не имѣли съ собой кой-какихъ запасовъ, то принуждены были бы питаться хлѣбомъ и апельсинами. Калатафими расположенъ на возвышенности, съ обширнымъ видомъ во всѣ стороны и съ развалинами сарацинскаго замка; оттуда мы въ первый разъ увидѣли вдали знаменитый храмъ Сегеста, цѣль нашей поѣздки. Этотъ храмъ, освѣщенный послѣдними лучами солнца, и окруженный совершенной тишиной и уединеніемъ, дивно-хорошъ!

Мы провели мучительную ночь въ нашемъ гадкомъ трактирѣ и на другой день, рано утромъ, послали нашу коляску на дорогу Трапани, и сами, сѣвъ на лошаковъ, направили путь свой къ желанному Сегесту. Спустившись съ утеса Калатафими, мы въѣхали въ ущелье горъ и потомъ въ доли-

ну, среди которой открылись передъ нами двѣ возвышенности Сегеста.

«Гдѣ же рѣка Кримизо? Гдѣ древній Симоисъ?» спрашивали мы у нашего проводника. Онъ смотрѣлъ на насъ выпуча глаза и качалъ головою. Наконецъ, съ помощію разныхъ объясненій, мы узнали, что эта знаменитая рѣка носитъ нынче названіе Санбартоломео, и что мы уже переѣхали ее, не обративъ на нее вниманіе. И можно ли было узнать Кримизо въ этомъ крошечномъ ручьѣ, который едва-едва журчитъ по каменистому дну? Этотъ-то ручей, подъ видомъ прелестной собачки, похитилъ троянскую дѣву и плодомъ любви его былъ Агестъ или Эгестъ (*), основавшій Сегестъ, съ помощію Энея, оставившаго здѣсь тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые предпочли спокойствіе невѣрнымъ обѣщаніямъ оракула. Если хотите знать нѣсколько другихъ поэтическихъ преданій о Сегестѣ, загляните въ пятую книгу «Энеиды»; тамъ увидите вы, чтó *было*, а я скажу вамъ, чтò *есть*. По главной возвышенности, гдѣ находился городъ, нынѣ осталось только множество въ безпорядкѣ разбросанныхъ камней, небольшой полукруглый, полуразрушенный театръ и прелестный видъ на горы и море. Но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ древняго города, находится другая возвышенность, посреди которой красуется храмъ, истинный свидѣтель величія Сегеста. Строгая простота и величіе этого храма, необыкновенная легкость его 36 дорическихъ колоннъ, тишина и запустѣніе, которыя окружаютъ его, —все наполняетъ душу какимъ-то невыразимымъ чувствомъ грусти и восторга. Сколько столѣтій протекло надъ этимъ чуднымъ зданіемъ, но оно сохранилось почти совершенно: кажется, ни время, ни люди не дерзнули коснуться его! Одна колонна (вторая въ главномъ фасадѣ) была разрушена, но въ 1781 г. неудачно возобновили ее; самый неопытный глазъ легко отличитъ эту колонну отъ прочихъ: она совершенно лишена ихъ необыкновенной легкости. Храмъ имѣетъ по шести колоннъ въ фасадахъ и по двѣнадцати съ боковъ; четыре высокія ступени окружаютъ его со всѣхъ сторонъ; длина храма 182 фута, ширина его 68 футовъ. Колонны гладкія, но судя по многимъ неровностямъ, можно предполагать, что онѣ были поставлены вчернѣ, и въ-послѣдствіи должны были получить рѣзьбу, какъ почти всѣ колонны греческихъ храмовъ въ Сициліи; высота ихъ 30 футовъ, а діаметръ 6 футовъ; каждая изъ двухъ частей архитрава имѣетъ 13 футовъ длины и съ небольшимъ 4 фута высоты. Единственное украшеніе храма, четыре рельефные цвѣтка, вырѣзанные на четырех-угольныхъ жетонахъ. Судя по многимъ неровностямъ, можно утвердительно сказать, что храмъ не былъ никогда оконченъ; но не смотря на это, онъ поражаетъ своей красотой и величіемъ. Замѣчательно, что главный фасадъ храма обращенъ на востокъ, что противорѣчитъ общему убѣжденію, что будто-бы древніе строили всѣ свои храмы на западъ. Какому божеству принадлежалъ храмъ этотъ? Основываясь на нѣкоторыхъ намекахъ Виргилія, его приписываютъ Венерѣ; но, судя по его великолѣпію, скорѣе можно предположить, что онъ принадлежалъ любимому божеству Сегеста—Діанѣ, знаменитую статую которой похитилъ алчный Верресъ (Цицеронъ прот. Вер. IV, гл. 34). Палящее солнце и мучительная жажда заставили насъ наконецъ проститься съ Сегестомъ. Мы навѣстили знаменитые горячіе источники сегестскіе, которые нимфы извлекли изъ земли для того, чтобъ обновить силы утомленнаго Геркулеса (Діодоръ, кн. IV); но, ненайдя въ нихъ ничего замѣчательнаго, кромѣ ихъ поэтическаго происхожденія, продолжали путь нашъ среди горъ, гдѣ встрѣтили нѣсколько женщинъ, которыя сбирали дикую зелень и коренья; заглянувъ въ ихъ корзины, мы увидѣли тамъ цикорій, спаржу,

(*) Энеида, кн. V.

феполи и проч.; вотъ одна изъ причинъ безпечности Сицильянцевъ! Сама природа доставляетъ имъ почти все нужное для ихъ скудной пищи. Наконецъ, послѣ двух-часовой ѣзды, мы добрались до нашей коляски, гдѣ ожидали насъ остатки нашихъ палермскихъ запасовъ. Чѣмъ болѣе приближались мы къ Трапани, тѣмъ страна становилась оживленнѣе: кругомъ поля и плодовитыя деревья, среди которыхъ виднѣются даже кое-гдѣ фермы; впереди открывается море, украшенное Эгадскими Островами, красивый издали Трапани, а надъ нимъ величественная гора Эриксъ (нынѣ Сан-Джуліано); налѣво виднѣется обширная Долина Марсальская, столь знаменитая своимъ виномъ, которое рѣшительно не уступаетъ мадерѣ. Приближась къ Трапани, мы увидѣли слѣды образованія и промышлености, которыхъ не надѣялись встрѣтить въ Сициліи: водопроводы, богатые солончаки, громады соли, шлюзы, и наконецъ самый городъ, хорошо-укрѣпленный, красиво-выстроенный, и даже довольно-опрятный. Форма песчанаго мыса, на которомъ построенъ Трапани (древній Дрепанумъ), дала поводъ къ разнымъ поэтическимъ выдумкамъ: здѣсь, говорятъ, Сатурнъ бросилъ свою косу, совершивъ ею знаменитую операцію отцу своему; здѣсь, говорятъ, Церера потеряла свой серпъ, когда, отчаянная, она искала по острову похищенную Прозерпину... Основаніе же Дрепанума, хотя приписывается Энею, но, по свидѣтельству достовѣрныхъ историковъ, принадлежитъ Амилькару, который въ первый годъ пунической войны свелъ сюда жителей разрушеннаго имъ Эрикса. Городъ не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ поэтическихъ воспоминаній, такъ сильно и такъ вѣрно пробуждаемыхъ «Энеидою» Виргилія. Здѣсь, покинувъ пламенную Дидону, вышелъ на берегъ Эней; вотъ мѣсто, гдѣ онъ совершилъ игры въ память отцу своему Анхизу; вотъ низенькая скала (нынѣ Азинелла), въ которую Эней воткнулъ вѣтвь зеленаго дуба, какъ цѣль состязающихся галеръ и увѣнчалъ побѣдителя Клоанта (*)... Но мы спѣшили къ любимому жилищу Венеры. Высота горы Эриксъ равняется почти высотѣ Везувія: она имѣетъ 3,540 футовъ надъ поверхностью моря; доступъ къ ней столько же труденъ: мы употребили около трехъ часовъ, чтобъ добраться до вершины; я не смѣлъ оглянуться назадъ, чтобъ не закружилась голова, и, опустивъ поводья, ввѣрился совершенно моему лошаку, который привычно шагалъ по обрушившимся камнямъ и взбирался на ужасныя крутизны... Но зрѣлище, которое представилось намъ, когда мы взбирались на вершину горы, вполнѣ вознаградило насъ за всѣ трудности: даже съ высоты Везувія нѣтъ такого обширнаго и разнообразнаго вида. Но что всего болѣе обрадовало меня, это то, что я увидѣлъ—Африку! Правда, послѣ большаго напряженія, я едва-едва могъ различить по краю горизонта, между моремъ и небомъ, какую-то тонкую бѣловатую черту, но все-таки это Африка! Тщетно искали мы источниковъ великаго храма. Насъ привели къ самой высокой скалѣ, страшно повисшей надъ моремъ и увѣнчанной замкомъ, въ которомъ содержатся преступники; огромные камни, принадлежащіе основанію храма и находящіеся подъ западною стѣною замка,—вотъ единственные слѣды храма, котораго богатства были неизчислимы, а слава богини и красота жрицъ ея (которыхъ было слишкомъ тысяча) привлекали сюда обожателей со всѣхъ концовъ тогда-извѣстнаго міра. Хотя Виргилій и приписываетъ основаніе этого храма своему герою, но всѣ историки согласны въ томъ, что древній городъ и храмъ были основаны Эриксомъ, сыномъ Венеры и Бута; а Эней, будучи также сыномъ Венеры, только одарилъ этотъ храмъ огромными богатствами. Самая скала замѣчательна тѣмъ, что ее, для сооруженія храма,

(*) Энеида, кн. V.

будто-бы планировалъ Дедалъ, столь знаменитый въ исторіи художествъ (*). Венерѣ наслѣдовалъ св. Юліанъ, отъ котораго заимствовали названіе гора и нынѣшній городъ. Проводникъ нашъ пресерьёзно замѣтилъ намъ, что Сен-Джульянъ не меньше Венеры любитъ эту гору, ибо всякій разъ, какъ она подвергалась нападенію непріятеля, Сен-Джульянъ немедля являлся на городской стѣнѣ въ полномъ вооруженіи и одинъ прогонялъ толпы враговъ. Нынѣшній городъ невеликъ, но довольно-красивъ; о знаменитой красотѣ ерицинскихъ женщинъ я, къ-сожалѣнію, не могу ничего сказать: я видѣлъ нѣсколько стройныхъ талій, нѣсколько черныхъ глазъ, но не видѣлъ ни одного лица, кромѣ лица кривой трактирщицы, которая вовсе не походила на жрицу Венеры. Вообще, мы встрѣтили весьма-немногихъ женщинъ, и тѣ, которыхъ мы встрѣчали, были совершенно закутаны черными покрывалами и выглядывали только однимъ глазомъ. Прабабушки ихъ, вѣрно, не были такъ скрытны!—Возвращаясь, мы посѣтили, на восточной сторонѣ горы, довольно-обширную пещеру, гдѣ въ 1342 году былъ найденъ скелетъ гиганта, котораго иные почитаютъ за скелетъ царя Еринея, а другіе — знаменитымъ циклопомъ Полифемомъ, основываясь на довольно-темномъ мѣстѣ гомеровой «Одиссеи». Мы возвратились въ Трапани поздно вечеромъ, немедля отправились на пароходъ и съ восходомъ солнца снялись съ якоря. Мы шли такъ близко отъ берега, что свободно могли разсмотрѣть городъ, развалины и садъ, которые украшаютъ его. Смотря на этотъ живописный берегъ, я съ невыразимымъ удовольствіемъ читалъ третью книгу «Энеиды» и удивлялся поэтической точности Виргилія. Посѣщая юго-западный берегъ Сициліи, нельзя имѣть лучшаго путеводителя. Мы прошли мимо красивой и богатой Мирсалы, которая была бы еще богаче, еслибъ Филипъ II, желая отнять у Варварійцевъ способъ посѣщать Сицилію, не завалилъ камнями обширнаго порта ея, по предложенію Іоанна-Австрійскаго. Далѣе видна древняя Мацдара, окруженная садами и рощами; потомъ развалины знаменитаго Селинунта, жертвы гнѣва аннибалова (*): огромныя массы камней, среди которыхъ кое-гдѣ возвышается нѣсколько колоннъ,—вотъ все, чтò осталось отъ этого города. Тутъ мы отчалили отъ берега и скоро потеряли его изъ вида и увидѣли опять только къ-вечеру, когда остановились передъ развалинами Агригента. Передъ нами открылось обширное пространство, расположенное на полугорѣ и покрытое деревьями; изъ-за зелени всюду бѣлѣлись массы развалинъ и кое-гдѣ возвышались уцѣлѣвшіе храмы: на самой вершинѣ горы, красиво-группированный Жирженти, нѣкогда крѣпость Конако, и самая меньшая часть пышнаго Агригента.

Капитанъ совѣтовалъ намъ провести ночь на пароходѣ, увѣряя, что вечеромъ мы ничего не увидимъ и рѣшительно не найдемъ ночлега въ Жирженти, не смотря на то, что этотъ городъ имѣетъ 20,000 жителей. Почти всѣ согласились съ благоразуміемъ капитана; но я и товарищъ мой Французъ не утерпѣли до завтра и тотчасъ же отправились на берегъ. Солнце уже совершенно скрылось, когда мы сѣли на лошаковъ и, не взявъ проводника, пустились вдвоемъ *куда глаза глядятъ*, по камнямъ и развалинамъ. Долго блуждали мы среди этихъ великихъ остатковъ; я нигдѣ и никогда не видалъ такой необъятной массы развалинъ; множество зелени, тишина и таинственность ночи придавали имъ особую, невыразимую прелесть. Наконецъ, на высотѣ открылся передъ нами храмъ; судя по его удивительной

(*) Главная и великая услуга, которую обыкновенно приписываютъ Дедалу, состоитъ въ томъ, — замѣчаетъ Винкельманъ, — что онъ первый обозначилъ и раздѣлилъ ноги въ безобразныхъ массахъ, составляющихъ первоначальныя статуи Грековъ.

(*) Діодоръ, кн. XIII.

цѣлости и великолѣпію, мы тотчасъ узнали въ немъ знаменитый Храмъ Согласія (Tem. della Concordia). Я не умѣю передать вамъ впечатлѣнія, которое произвело на меня это чудное зданіе, когда я приблизился къ нему; знаю только, что мнѣ было хорошо въ эту минуту! Подошедъ къ храму, мы снова не могли надивиться строгой простотѣ и легкости древней греческой архитектуры: 34 рѣзныя дорическія колонны безъ пьедесталей, самые простые карнизы, и ни одного украшенія, — а между-тѣмъ кàкъ это величественно! Мы привязали лошаковъ къ огромному карубовому дереву и по шести высокимъ ступенямъ вошли въ храмъ. Внутри его сохранилось святилище (cella), обнесенное 28-ю колоннами меньшаго размѣра. Варвары-возобновители соединили эти колонны между собою арками, и эта кривая линія, неизвѣстная въ древней архитектурѣ Грековъ, непріятно поражаетъ взоры. Размѣръ храма нѣсколько менѣе храма Сегеста; но для совершенной цѣлости его не достаетъ только крыши, боковаго карниза и части фронтона. Сидя на ступеняхъ этого храма, мы сообщали другъ другу то, чтò знали о пышномъ Агригентѣ, о жителяхъ котораго Эмпедоклъ говаривалъ, что Агригентяне такъ торопятся насладиться жизнію, что будто-должны умереть завтра, и созидаютъ такія зданія, что будто-бы должны жить вѣчно (*). И правы были Агригентяне! Всѣ они проскользнули какъ тѣни, но духъ ихъ будетъ жить вѣчно въ этихъ дивныхъ памятникахъ ихъ величія. — Ночь давно уже окружала насъ, и пора было подумать о ночлегѣ; не зная куда ѣхать, мы пустили нашихъ лошаковъ на-удачу по первой попавшейся тропинкѣ. Скоро звукъ бубенчиковъ возвѣстилъ намъ встрѣчу, и изъ-за густыхъ маслинъ выѣхала Сицильянка на ослѣ, закутанная въ черную мантилію и держа на рукахъ ребенка; молодой Сицильянецъ велъ подъ уздцы осла... Не доставало этой группы, чтобъ дополнить чудный ландшафтъ, который открывался передъ нами; говорю безъ прибавленія, что лучшій ландшафтъ Сальватора Розы можетъ дать понятіе о томъ, чтò мы тогда видѣли. На просьбу нашу указать намъ дорогу къ ближайшему ночлегу, Сицильянецъ отвѣчалъ, что ближе всего возвратиться на пристань, куда и онъ возвращается съ женой изъ города. Мы присоединились къ нимъ, и скоро прибыли на пристань, гдѣ провели ночь въ небольшомъ сараѣ, носящемъ названіе кофейной. На другое утро рано присоединилась къ намъ большая часть остальныхъ пассажировъ; дамы сѣли въ носилки, мужчины на лошаковъ, и обширный караванъ нашъ двинулся подъ предводительствомъ нѣсколькихъ чичероне. Мы переѣхали небольшую рѣчку Драго (древній Аграгосъ), которую Греки боготворили подъ видомъ прелестнаго ребенка, и скоро приблизились къ остаткамъ древнихъ градскихъ стѣнъ. Тутъ мы увидѣли множество развалинъ древнихъ могилъ и среди ихъ болѣе-обширную и болѣе сохранившуюся могилу, извѣстную подъ названіемъ могилы Терона и знаменитую ужасомъ, который причинила она Кареагенянамъ. Въ то время, когда они, по повелѣнію Аннибала, разрушали могилы, дабы привалить камни къ стѣнамъ, громъ ударилъ и разогналъ святотатцевъ, лишь только они приблизились къ могилѣ Терона (*). Но, судя по великолѣпному описанію Діодора, трудно повѣрить, чтобъ этотъ небольшой, хотя богатый памятникъ былъ тотъ самый, тѣмъ болѣе, что нынѣшній памятникъ своей постройкою и довольно-безвкуснымъ соединеніемъ греческаго и іоническаго ордена, заставляетъ предполагать, что онъ принадлежитъ Римлянамъ. Мы въѣхали въ отверстіе, гдѣ нѣкогда были градскія ворота, называемыя Porta Aurea. Масса развалинъ, поразившая насъ наканунѣ, при свѣтѣ

(*) Діогенъ Лаэрцій, кн. VIII.

(*) Діодоръ, кн. XIII.

для предстала передъ нами во всей своей громадности. Недалеко отъ воротъ, среди оливковой рощи, обнесенной кустами алоэ, груды развалинъ плотнѣе и обширнѣе, нежели гдѣ-либо; это остатки храма Юпитера-Олимпійскаго, справедливо прозваннаго Храмомъ Гигантовъ; ни одной колонны не осталось на мѣстѣ, но каждый обломокъ свидѣтельствуетъ о его чудномъ величіи. Колонны имѣютъ 20 фут. въ окружности съ рѣзьбою, въ которой свободно можетъ спрятаться человѣкъ; цѣльныя капители съ каріатидами въ 18 ф. высоты, — вотъ громадные матеріалы, которые составляли этотъ храмъ; смотря на нихъ, удивляешься и силѣ, создавшей этотъ храмъ, и силѣ, разрушившей его; эти громады не устрашились бы тысячелѣтій, и только люди могли сокрушить созданное людьми. Судя по остаткамъ нѣкоторыхъ колоннъ, можно безошибочно заключить, что онѣ были въ два ряда: внутреннія квадратныя, а наружныя круглыя, рѣзныя и дорическія. По словамъ Діодора (кн. XIII), храмъ этотъ не былъ оконченъ, когда Кареагеняне разрушили его. Діодоръ утверждаетъ, что этотъ храмъ былъ величайшимъ храмомъ Сициліи и даетъ ему слѣдующіе размѣры: 340 ф. длины, 190 ф. ширины (*) и 120 высоты (не считая основанія). Діодоръ разсказываетъ также о превосходной скульптурѣ, которая украшала портики храма; нынѣ не осталось ничего изъ украшеній, кромѣ множества членовъ каріатидъ, разбросанныхъ среди развалинъ; одинъ изъ этихъ гигантовъ, впрочемъ грубой работы, довольно-удачно собранъ антикваріемъ Полито и лежитъ на могилѣ собратій своихъ. Налѣво видны развалины храма Вулкана и храма Кастора и Поллукса; мы оставили ихъ и направили шаги вдоль стѣны къ храму Геркулеса; этотъ храмъ Цицеронъ засталъ еще въ полномъ величіи и, описывая его, говоритъ, что онъ въ жизнь свою не видалъ ничего прелестнѣе бронзовой статуи Геркулеса, которую хотѣлъ похитить Верресъ (*). Куда дѣвалась эта статуя? Нынѣ, среди множества развалинъ стоитъ только одна колонна этого храма. Мы продолжали идти къ востоку около стѣны, въ которой множество могильныхъ отверстій, часто расположенныхъ для цѣлыхъ семействъ. Скоро передъ нами открылся Храмъ Согласія (**), къ которому судьба привела насъ вчера. Я уже говорилъ о немъ. При свѣтѣ солнца, онъ не теряетъ красоты, которая поразила насъ при свѣтѣ луны; онъ напомнилъ мнѣ храмъ Нептуна въ Пестумѣ, хотя уступаетъ ему нѣсколько размѣромъ (154 ф. длины, 55 ширины и 36 высоты). Оставивъ въ сторонѣ еще множество развалившихся могилъ, мы подошли къ храму Юноны Луцины, находящемуся на юго-восточномъ углу города. Этотъ храмъ расположенъ на значительной возвышенности и хотя не такъ хорошо сохранился, какъ Храмъ Согласія, но весьма сходствуетъ съ нимъ и размѣромъ и архитектурой; передъ входомъ терраса, которая, кажется, также была обнесена колоннами и служила для молящихся, не могшихъ входить въ храмъ. Видъ съ этой террасы прелестенъ: съ одной стороны море и гористый берегъ Сициліи, съ другой — нѣсколько древнихъ храмовъ и множество развалинъ, тонущихъ въ зелени садовъ; далѣе, группы горъ и живописный Жирженти. Въ этомъ храмѣ, по свидѣтельству Діодора (***), находилась знаменитая Венера, chef-d'oeuvre Зевксиса, жившаго за 720 лѣтъ до Р. Х.; онъ первый началъ употреблять полутѣнь (clair-obscur) въ живописи и довелъ ее до чрезвычайно-высокой степени совершенства. Въ храмѣ Геркулеса была его другая, не менѣе знаме-

(*) Въ Діодорѣ ширина храма назначена 60 фут., но это явно ошибка переписчика.

(*) Цицеронъ противъ Верреса, кн. IV, гл. 43.

(**) Надо признаться, что всѣ названія храмовъ агригентскихъ, и въ-особенности Храмъ Согласія, чрезвычайно произвольны.

(***) Діодоръ, кн. XIII.

нитая картина: Геркулесъ-ребенокъ, удушающій двухъ змѣй; Плиній (*) разсказываетъ, что на лицахъ Амфитріона и Алкмены, входящихъ въ комнату, ужасъ и удивленіе были выражены поразительнымъ образомъ; самъ Зевксисъ такъ высоко уважалъ эту картину, что не могъ назначить ей цѣны и подарилъ ее храму Геркулеса. Обѣ эти картины, которыя могли бы бросить такъ много свѣта на состояніе древней живописи Грековъ,—погибли!

Между-тѣмъ, солнце палило съ сицильянской силой; всѣ были утомлены долгой прогулкой по горамъ и развалинамъ. Оставалось осмотрѣть еще нѣсколько остатковъ; но насъ увѣрили, что мы уже видѣли самое замѣчательное, и мы рѣшились ѣхать въ городъ. Однако я отсталъ отъ моихъ товарищей, чтобъ взглянуть на древніе хлѣбные подвалы, которые и теперь въ употребленіи во многихъ частяхъ острова: это огромныя ямы, высѣченныя въ каменистыхъ горахъ и съуживающіяся кверху; хлѣбъ остается тамъ много лѣтъ плотно закупореннымъ и недоступнымъ для сырости и порчи, ибо горы эти напитаны соляными и селитряными частями. Вообще, составъ Горъ Агригентскихъ, такъ же, какъ и во многихъ мѣстахъ Сициліи, чрезвычайно-любопытенъ для геолога: это — ноздреватая, известковая масса съ примѣсью песка и множества различныхъ раковинъ; всѣ зданія Агригента были построены изъ этого камня, сначала бѣлаго и довольно-мягкаго, но отъ времени пріобрѣтающаго твердость мрамора и темно-желтый цвѣтъ. Замѣчательно, что эти раковины равно находятся въ почвѣ на вершинахъ чрезвычайно-высокихъ горъ, и по этому можно судить, какимъ переворотамъ подвергнута была Сицилія. Я въѣхалъ въ городъ въ сопровожденіи моего чичероне; Жиржепти, красивый издали, расположенъ на скатѣ горы; кривыя, неопрятныя улицы поражаютъ непріятно и зрѣніе и обонянiе. Въѣздъ мой напомнилъ мнѣ сцену изъ Дон-Кихота, и мнѣ показалось, что я въ Испаніи. Звуки бубенчиковъ, ржаніе ословъ и лошаковъ, крики полунагихъ мальчишекъ, нѣсколько Дульциней, выглядывавшихъ изъ-за полуоткрытыхъ ставень и колодцевъ, чрезвычайное множество мамбриновыхъ шлемовъ, украшающихъ входы въ цырюльни,—вотъ что̀ видѣлъ и слышалъ я. Возлѣ гостинницы я нашелъ толпу любопытныхъ и моихъ спѣшившихся товарищей, которые уговаривали хозяина дать имъ порядочныя комнаты; веселый хозяинъ, съ засаленнымъ колпакомъ въ рукѣ, кланялся, сыпалъ пословицами и выхвалилъ свою гостинницу *Козы*, въ которой осталась только одна свободная комната возлѣ кухни, ибо остальныя были заняты посѣтителями ярмарки. Узнавъ, что другой гостинницы въ двадцати-тысячномъ Жиржепти не находится, мы покорились необходимости. Послѣ весьма-дурнаго и довольно-дорогаго обѣда въ душной комнатѣ, приправленнаго остротами и анекдотами хозяина, мы пошли на ярмарку, бѣдную, ничтожную, похожую на наши сельскія ярмарки, и потомъ осмотрѣли соборъ — единственное замѣчательное зданіе Жиржепти. Соборъ этотъ, построенный королемъ Рогеромъ, обширенъ и обремененъ разнаго рода украшеніями. Не знаю почему архитектура его носитъ названіе французской. Я не слыхивалъ о собственно-французской архитектурѣ; но если она такова, то это образецъ безвкусія. Въ соборѣ небольшая, но прекрасная Мадонна Гвидо, богатый древній мраморный саркофагъ, служащій нынѣ баптистеріемъ, съ сценами изъ извѣстной исторіи Ипполита и Федры, довольно-хорошаго рисунка, но плохаго исполненія и, кажется, принадлежащаго разнымъ художникамъ,—и наконецъ, замѣчательно акустическое устройство собора: все, что̀ шопотомъ говорится въ концѣ церкви, громко повторяется надъ алтаремъ, близь органа. Намъ разсказали случай, который открылъ это: одинъ изъ служителей при соборѣ

(*) Плиній, кн. XXXV, гл. IX.

находился близь органа въ то время, какъ жена его исповѣдывалась; онъ былъ приведенъ въ такое негодованіе неожиданнымъ открытіемъ преступленій жены, что не могъ утерпѣть и, вытащивъ ее изъ церкви, убилъ на площади, громогласно повторяя ея исповѣдь.

Близь Porta di Mazzara, мы навѣстили древнюю крѣпость Дедала. Этотъ знаменитый Аѳинянинъ, гонимый Минисомъ за чудную корову, которую онъ сдѣлалъ для удовлетворенія прихоти Пазифаи, слетѣлъ съ несчастнымъ Икаромъ (*). Достигнувъ Сициліи, онъ устроилъ тутъ для Кокала обширное подземелье по образцу знаменитаго критскаго лабиринта (**). Эта крѣпость и нынѣшній Жирженти, были зародышемъ великаго Агригента; Кокалъ, князь сиканскій, заперся тамъ съ своими сокровищами еще до начала троянской войны (***), а въ 49-й олимпіадѣ (584 г. до Р. Х.) гельская колонія, завладѣвъ крѣпостью, положила основаніе Агригенту (****), который, по свидѣтельству Діогена Лаэрція, въ лучшія времена свои имѣлъ до 800,000 жителей, пышность и богатство которыхъ были почти невѣроятны. Разрушенный и возобновленный много разъ Карѳагенянами и Римлянами, Агригентъ наконецъ превратился въ массу развалинъ, все-еще полную величія. Смотря на остатки древняго Агригента, тѣмъ болѣе удивляешься ихъ величію, что жизнь его продолжалась менѣе двухъ столѣтій (основанный 584 г. до Р. Х., онъ разрушенъ Амилькаромъ 404 г. до Р. Х.). Слава Агригента поражаетъ еще сильнѣе, потому что краткая исторія его бѣдна великими дѣяніями, еще бѣднѣе великими людьми; если исключить Терона, воспѣтаго Пиндаромъ, Агригентъ находился безпрерывно подъ властію тирановъ, знаменитыхъ своею жестокостію. 45 лѣтъ послѣ своего основанія, Агригентъ страдалъ подъ властію звѣрскаго Фалариса; въ то время Пиѳагоръ обѣгалъ Италію и Сицилію и призывалъ народы къ свободѣ; Агригентяне услышали голосъ философа-либерала и свергли съ себя постыдное ярмо; ненависть ихъ къ памяти Фалариса простерлась до того, замѣчаетъ Плутархъ (*), что они законами изгнали изъ Агригента голубой цвѣтъ, который во времена Фалариса отличалъ его приверженцевъ. Но этотъ порывъ къ свободѣ, былъ, такъ-сказать, минутнымъ, и Агригентъ снова палъ подъ власть Терона, Ѳразидея и наконецъ жестокаго Финтія, въ царствованіе котораго величіе Агригента потухло предъ величіемъ Карѳагена!

Окрестности Агригента чрезвычайно-богаты сѣрными рудниками. Сѣра была недавно свободной торговлей и составляла богатство Сициліи; нынѣ этотъ источникъ почти уничтоженъ необдуманными поступками неаполитанскаго правительства, которое вздумало-было учредить монополію и отдать сѣру на откупъ какому-то Французу. Англичане вступились, ибо это было противно торговому трактату, и неаполитанское правительство вынуждено было уступить, уничтожить откупъ и заплатить Англіи около полутора мильйона дукатовъ. Но чтобъ вознаградить потерю, правительство сдѣлало огромный налогъ на сѣру, и вся бѣда пала на Сицилію: вывозъ сѣры значительно уменьшился, ибо Англичане, главные потребители, нашли между-тѣмъ другіе источники; нѣкоторые владѣльцы разорились, работники потеряли работу... Я познакомился въ Жирженти съ однимъ владѣльцемъ сѣрныхъ рудъ; онъ жаловался намъ, что магазины его полны сѣры, съ которою онъ не знаетъ что дѣлать; палермскіе купцы даютъ ему

(*) Овидій, кн. VIII, Прев. III.
(**) Діодоръ, кн. IV.
(***) Если вѣрить Павзанію, за 1307 л. до Р. Х.
(****) Ѳукидидъ, кн. VI.

(*) Плутархъ: *Наставленіе тѣмъ, которые управляютъ дѣлами государствъ* глава 25.

цѣну, которая едва покрываетъ издержки и провозъ.

Мы возвратились на пароходъ въ 8-мъ часу и скоро снялись съ якоря. На другой день, восходящее солнце освѣтило передъ нами съ одной стороны берегъ Сициліи, увѣнчанный бѣлѣющей Этной, а съ другой острова Гоццо и Мальту. Мы прошли очень-близко отъ берега Гоццо, который имѣетъ претензію быть островомъ Калипсы и гдѣ даже показываютъ гротъ ея; но чрезвычайно-бѣдная растительность и голые утесы, которые торчатъ со всѣхъ сторонъ, далеко не напоминаютъ обѣтованнаго острова, принявшаго Улисса и Телемака. Гоццо имѣетъ 15,000 жителей и обладаетъ богатыми и любопытными остатками древности—гигантскими развалинами финикійскаго храма. Къ-сожалѣнію, мы не имѣли времени видѣть эти развалины.

Видъ Мальты поражаетъ еще-болѣе своею дикостію: нигдѣ незамѣтно зелени и всюду бѣлые камни и утесы. Пробывъ три дня на островѣ, я увидѣлъ, впрочемъ, что островъ хорошо обработанъ, но всѣ обработанные участки обнесены высокими каменными стѣнами, и эти стѣны, по положенію острова, возвышаясь другъ-надъ-другомъ амфитеатромъ, скрываютъ зелень и болѣзненно поражаютъ взоры однообразною бѣлизною, ослѣпительною при мальтійскомъ солнцѣ... Въ городѣ, бѣлизна домовъ и укрѣпленій еще усиливаетъ это дѣйствіе, такъ-что для слабыхъ глазъ мальтійское солнце невыносимо: я безпрестанно щурился и плакалъ, не смотря на то, что мнѣ было очень-весело. Валетта, расположенная на утесистомъ мысу, чрезвычайно-красива и такъ удобна, что городъ почти со всѣхъ сторонъ окруженъ гаванями. Гавань эта столь глубока, что нѣсколько линейныхъ кораблей стояло почти около стѣнъ города, и такъ обширна, что, не смотря на безчисленное множество кораблей, судовъ и пароходовъ, она, казалось, готова была принять въ себя цѣлые флоты. Домá Мальты, окруженные *фонариками*, не огромны, но довольно-красивы; впрочемъ нѣтъ ни одного зданія, замѣчательнаго изяществомъ архитектуры. Улицы прямыя, широкія и превосходно-вымощенныя, но только верхнія изъ нихъ доступны экипажамъ, ибо въ остальныхъ улицахъ, по положенію города, мостовая состоитъ изъ каменныхъ лѣстницъ. Строгая чистота города еще болѣе поражаетъ того, кто только-что выѣхалъ изъ Италіи и Сициліи.

Прежде всего мы обошли городъ и главныя укрѣпленія. Укрѣпленія Мальты такъ знамениты, что я не буду говорить о нихъ; и природа и искусство, кажется, истощили всѣ свои средства, чтобъ сдѣлать Валетту неприступною. Заглянули въ обширныя казармы—чистота и даже роскошь. Хлѣбные магазины удивительной величины; мнѣ сказали, что они почти всегда заключаютъ въ себѣ пятилѣтнее продовольствіе острова; эта предосторожность необходима, ибо Мальта съ наружными островами, имѣя 120,000 жителей, производитъ только на 4 мѣсяца хлѣбнаго продовольствія; въ прошлые же два года, за совершенной засухой, Мальта не произвела и того.

Зданія Валетты, наиболѣе заслуживающія вниманіе въ историческомъ отношеніи: дворецъ магистровъ ордена (нынѣ занятый губернаторомъ) и Соборъ св. Іоанна. Арсеналъ дворца богатъ собраніемъ древнихъ орудій, но далеко не такъ обширенъ, какъ вѣнскій. Во дворцѣ, среди новыхъ, роскошныхъ мёбелей, видны еще кое-гдѣ софы и кресла съ потухшей позолотою, съ полинялымъ бархатомъ; надъ богатыми французскими обоями видны фризы съ фресками изъ жизни рыцарей; всюду новыя украшенія борятся со старыми и уничтожаютъ главный интересъ этого дворца,—интересъ воспоминанія. Картинъ довольно-много, но мало хорошихъ: цѣлый залъ посвященъ произведеніямъ мальтійской живописи, отличающейся яркостію красокъ и совершенной бездарностью. Въ портретномъ залѣ хороши портреты во весь ростъ Людовиковъ XIV,

XV и XVI, Георговъ III и IV и Екатерины II; изъ портретовъ магистровъ превосходенъ портретъ Виньяура, въ полномъ, богатомъ вооруженіи, работы Караваджи. Изъ прочихъ картинъ, особенное вниманіе обращаютъ: «Іисусъ, несущій крестъ», приписываемая весьма правдоподобно Гвидо; «Каинъ, убивающій брата», одного изъ учениковъ Гвидо, и наконецъ «Лотъ и его дочь», не знаю, какого художника, но едва-ли не лучшая картина всего собранія: лицо молодой женщины, подающей кубокъ пьяному отцу, дышетъ сладострастіемъ. Обширные корридоры наполнены фресками морскихъ битвъ рыцарей; но всѣ онѣ имѣютъ интересъ относительный, и ни сколько не художественный.

Церковь св. Іоанна своими башенками напоминаетъ владычество арабской архитектуры. Зданіе обширно, но не поражаетъ величіемъ. Внутри, кромѣ главнаго престола, по бокамъ находится семь второстепенныхъ; это часовни семи *языковъ*, на которые раздѣлялись мальтійскіе рыцари (французскій, оверискій, провансскій, кастильскій, арагонскій, португальскій и англійскій, который, послѣ реформы Генриха VIII, не имѣлъ представителей въ рыцарствѣ и въ 1782 г. былъ замѣненъ англо-баварскимъ). Всѣ эти часовни обременены позолотою и украшеніями въ высшей степени безвкусными. За то истинно-превосходенъ полъ этой церкви; онъ весь составленъ изъ мраморныхъ плитъ, служащихъ памятниками умершимъ рыцарямъ; каждая плита обращаетъ на себя вниманіе своей красотою и роскошью; на каждой гербъ умершаго съ инкрустаціями разноцвѣтнаго мрамора, порфира, ляпислазули и проч., и всѣ вмѣстѣ онѣ составляютъ богатѣйшій мозаикъ. Своды церкви совершенно покрыты фресками изъ жизни Іоанна; есть группы чрезвычайно-удачныя, хотя авторъ ихъ, коимбрскій священникъ Маттіа, не пользуется славою хорошаго живописца. Лучшее произведеніе живописи въ этой церкви — безъ-сомнѣнія *отсѣченіе главы*, Караваджи: группа чисто-восточная; вся фигура палача превосходна, лицо Іоанна дышетъ резигнаціею, и чрезвычайно-счастливо освѣщено чрезъ посредство красной драпировки. Множество мраморныхъ и бронзовыхъ памятниковъ наполняютъ церковь, но большею-частію они сложны и обременены украшеніями, свидѣтельствующими о роскоши, но не о вкусѣ рыцарей. Лучше другихъ памятникъ Ральфа Котонера, котораго саркофагъ поддерживаютъ два превосходные невольника: Турокъ и Африканецъ; они напомнили мнѣ прекрасный памятникъ Козьмы I, въ Ливорно. Хорошъ бронзовый бюстъ Мануила Пинто; но лучшее произведеніе скульптуры находится надъ главнымъ престоломъ: это колоссальная группа, высѣченная изъ одного куска бѣлаго мрамора и представляющая *крещеніе Іисуса*, — въ лицѣ Іисуса красота пластическая слишкомъ владычествуетъ надъ выраженіемъ, но за то фигура Іоанна удовлетворяетъ во всѣхъ отношеніяхъ. Двѣнадцать великихъ магистровъ покоятся въ мрачныхъ подземельяхъ собора; пыль и паутины покрываютъ ихъ памятники; въ художественномъ отношеніи, тамъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, но имена Иль-Адама, Ла-Валетта, останавливаютъ путешественника.

Мы посѣтили изъ благотворительныхъ заведеній Ospizio, или пріютъ для старыхъ и немощныхъ и Casa d'Industria (домъ трудолюбія); оба эти заведенія чистотою и порядкомъ напомнили мнѣ германскія заведенія этого рода. Каждый бѣдный въ Ospizio обходится заведенію около двухъ шелинговъ въ недѣлю; сверхъ-того, бѣдные имѣютъ свой небольшой капиталъ, составленный изъ выработанныхъ и взносныхъ денегъ. Въ Casa d'Industria молодыя дѣвушки бѣднаго и низшаго сословія учатся грамотѣ и разнаго рода ремеслу. Содержаніе ихъ и воспитаніе, которое онѣ тамъ получаютъ, можетъ-быть слишкомъ выше той сферы, изъ которой онѣ вышли и въ которую должны войдти снова, оставивъ

заведеніе. Англія употребляетъ почти шестую часть мальтійскихъ доходовъ на благотворительныя заведенія острова, а именно, 15,000 ф. ст. въ годъ; не смотря на это, нищіе и ропотъ противъ англійскаго правительства встрѣчаютъ васъ на каждомъ шагу: они жалуются на Англію за пошлины на привозный хлѣбъ, жалуются, что всѣ мѣста наполнены Англичанами, которые получаютъ огромное жалованье, а Мальтійцамъ нѣтъ ни мѣстъ, ни денегъ. Англичане съ своей стороны оправдываются, что пошлины на хлѣбъ необходимы для того, чтобъ поощрять скудное хлѣбопашество Мальты; что хорошее жалованье англійскимъ чиновникамъ нужно, чтобъ они могли поддержать честь Англіи, и что Мальтійцамъ не даютъ значительныхъ мѣстъ по ихъ совершенной неспособности. Я не берусь рѣшить, кто изъ нихъ правъ; но мнѣ, кажется, что и тѣ и другіе виноваты: эгоистическій характеръ Англіи слишкомъ-извѣстенъ, а о неспособности Мальтійцевъ свидѣтельствуетъ ихъ исторія: Мальта, переходя изъ-рукъ-въ-руки, и всегда болѣе или менѣе угнетенная, не произвела ни одного замѣчательнаго человѣка ни въ какомъ отношеніи.

Мальтійцы не мѣшаются съ Англичанами не только въ семейной, но даже и въ общественной жизни: одни обѣдаютъ въ два часа, другіе въ шесть; первые большею частію бѣдны и не знаютъ по-англійски, вторые богаты и не хотятъ знать ни по-мальтійски, ни по-итальянски; Мальтійцы ревностные католики, Англичане ревностные протестанты; первые подданные, вторые повелители; ничего общаго, ни малѣйшей связи между ними, и, не смотря на это, Англичане крѣпко усѣлись на этомъ почти-голомъ утесѣ и вѣрно не выпустятъ его изъ рукъ, хотя Англія ежегодно употребляетъ до 200,000 фунтовъ стерлинговъ на содержаніе гарнизона и острова, ибо 100,000 фун. стерлинговъ дохода мальтійскаго едва покрываютъ третью часть расхода.

Хотя въ Мальтѣ встрѣчается гораздо-менѣе поповъ и монаховъ, нежели въ Сициліи и Италіи, тѣмъ не менѣе, Мальтійцы, говорятъ, болѣе ревностные католики, чѣмъ Итальянцы. Ихъ религіознымъ праздникамъ и торжествамъ нѣтъ конца. Мальтіецъ, побывавъ въ другихъ католическихъ земляхъ и возвращаясь на родину, утверждаетъ, что нигдѣ обряды католической церкви не исполняются съ такою точностью, съ такою торжественностью, какъ на его островѣ. Однимъ изъ условій Мальтійцевъ съ Англичанами было, чтобъ эти послѣдніе выстрѣливали положенное число ударовъ въ праздники главныхъ святыхъ, и въ этомъ отношеніи Мальтійцы отдаютъ справедливость Англичанамъ, что они свято исполняютъ договоръ.

Женщины мальтійскія (по-крайней-мѣрѣ, тѣ, которыхъ я видѣлъ) очень-хороши, хотя невелики ростомъ; костюмъ ихъ простъ, строгъ, но прекрасенъ: черная юбка, чрезвычайно-открытая грудь и черная фальдетта или покрывало, которое короче сицильянскаго, но также, спускаясь съ головы, обвиваетъ станъ. Даже въ высшемъ обществѣ, костюмъ этотъ еще сохранился. Мальтійки очень-мало гуляютъ и посѣщаютъ общество, но проводятъ дни въ своихъ стеклянныхъ *фонарикахъ* (родъ крытаго балкона). Говорятъ, это затворничество произошло отъ наглости и разврата рыцарей, которые по улицѣ и въ обществѣ похищали и оскорбляли хорошенькихъ женщинъ. Костюмъ мужчинъ не имѣетъ ничего особеннаго, но онъ разительно отличается отъ итальянскаго и сицильянскаго—опрятностью. Мальтійское нарѣчіе есть смѣсь разныхъ языковъ, въ которой значительно преобладаетъ арабскій: гортанныя буквы слышны безпрестанно.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

—

ПОѢЗДКА ВЪ КИТАЙ. (Статья восьмая) (*).—*Домы Китайцевъ.—Образъ постройки домовъ и внутреннее расположеніе комнатъ.—Мёблировка.—Кладбища.—Императорскіе склепы.*

Справедливо замѣчаніе ученыхъ архитекторовъ, что по образу постройки домовъ у каждаго народа можно судить объ образѣ его первобытной жизни, и если въ остроконечныхъ сводахъ готической архитектуры, въ этихъ группахъ колоннъ, стремящихся къ небу, видитъ взоръ проницательнаго человѣка подражаніе стволамъ древеснымъ и сплетшимся вѣтвямъ, то низкіе, однообразные домики Китайцевъ съ вогнутыми крышами, построенные, такъ-сказать, на-живую-нитку, ясно намекаютъ на походные шатры кочующаго племени. — И до-сихъ-поръ во всемъ Китаѣ не найдешь ни одного обширнаго и великолѣпнаго частнаго зданія; вельможи и богатые граждане живутъ съ своими семействами обыкновенно въ отдѣльныхъ домикахъ, расположенныхъ по сторонамъ небольшихъ дворовъ. Каждый домикъ состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, растянутыхъ въ одну прямую линію; изъ каждой комнаты одна только дверь, ведущая на дворикъ; комнаты почти никогда не сообщаются между собою, а если и бываютъ подобныя сообщенія, то не болѣе, какъ между двумя комнатами.—Возьмите нѣсколько палатокъ, разбейте ихъ тѣсно одну подлѣ другой, такъ, чтобъ выходъ приходился въ одну сторону, покройте общею крышею съ вогнутыми краями—и вотъ вамъ китайскій домъ. Архитекторовъ въ Китаѣ совсѣмъ нѣтъ, да они тамъ и ненужны. Всякій строитъ себѣ жилище, какъ строилъ его отецъ и дѣдъ, и какъ строютъ всѣ, измѣняя только величину и мелкія украшенія по своему произволу. Непрочность нынѣшней китайской постройки доходитъ до такой степени, что только очевидецъ можетъ убѣдиться въ ней: стѣны каменнаго дома, сложенныя обыкновеннымъ образомъ, могутъ простоять отъ шести до десяти лѣтъ, и не болѣе пятнадцати. Выстроенныя же съ особенною тщательностію выдерживаютъ лѣтъ тридцать и сорокъ. Должно прибавить, что только при нынѣшней династіи, скорая, но непрочная постройка вошла во всеобщее употребленіе; напротивъ, зданія, воздвигнутыя въ прежнія времена, существуютъ до-сихъ-поръ, и по прошествіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ стоятъ безъ поврежденія.

Китаецъ, приступая къ постройкѣ дома, выкапываетъ на полвершка глубины ровъ подъ стѣны, и безъ слоя и лежней начинаетъ кладку фундамента изъ нетёсанныхъ камней, или плитъ, а иногда изъ старыхъ кирпичей. На фундаментъ ставятся деревянныя стойки, которыя вверху связываются деревянными перекладинами по направленію продольныхъ и поперечныхъ стѣнъ; на перекладинахъ утверждаются стропила, и прежде, чѣмъ приступятъ къ кладкѣ стѣнъ, настилаютъ черепичную кровлю. Потомъ уже начинаютъ закладывать промежутки между столбами кирпичомъ. Китайскій кирпичъ приготовляется изъ известковистой глины безъ примѣси песка, и имѣетъ форму нашего кирпича, но обжигается весьма слабо въ печахъ, нагрѣваемыхъ стволами особеннаго тамошняго проса (гао - лянъ), котораго стволъ бываетъ вышиною въ сажень и болѣе, а толщиною въ большой палецъ. Когда обжиганіе кирпича кончилось, въ печь кладутъ нѣсколько связокъ свѣжихъ прутьевъ, и тотчасъ закрываютъ всѣ отверстія; образующійся отъ разложенія свѣжаго дерева густой дымъ сообщаетъ кирпичу темносѣрый цвѣтъ. Если послѣдняя операція произведена неудачно, и часть кирпичей, вынутыхъ изъ печи, удержитъ красный цвѣтъ, то эти кирпичи считаются негодными, и Китаецъ не даетъ за нихъ и половинной цѣны, называя ихъ — «хань - чэнъ» (безобразными).—Клад-

(*) Седьмая статья напечатана въ этомъ же томѣ, стр. 26—32 «Смѣси».

ка стѣнъ производится различнымъ образомъ; простѣйшій и самый дешевый слѣдующій: работникъ приготовляетъ цементъ изъ глины, размѣшивая ее съ малымъ количествомъ гашоной извести, и на толстомъ слоѣ этого цемента изъ обломковъ кирпичей выводитъ стѣну, которая потомъ штукатурится снаружи и внутри. Такъ какъ изъ обломковъ трудно выкласть ровныя стѣны, то онѣ всегда бываютъ бугроваты, тѣмъ болѣе, что Китайцы, оштукатуривъ стѣну желѣзнымъ гребкомъ, никогда не притираютъ ее, какъ это у насъ дѣлается. Для болѣе-прочной постройки употребляются уже не обломки, а цѣльные кирпичи, и цементомъ служитъ чистая известь безъ примѣси песка и глины. Известка въ Пекинѣ довольно-дорога, и потому каменщикъ беретъ ее весьма-умѣренно широкимъ желѣзнымъ ножемъ и слегка обмазываетъ ею одни только нижніе края кирпичей, и кладетъ ихъ всегда вдоль.—Проложивъ рядъ кирпичей по наружной линіи стѣнъ, онъ прокладываетъ другой рядъ по внутренней линіи стѣны, и потомъ промежутокъ между тѣмъ и другимъ рядомъ, около четверти ширины, наполняетъ густою массою глины, смѣшанной съ частью извести, и скупо втыкаетъ кое-гдѣ обломки кирпичей. — Такія стѣны штукатурятся только внутри.—Лишь только польетъ сильный дождь, и вода проникнетъ внутрь стѣнъ, цементъ становится жидкимъ, и распираетъ кирпичи, отъ-чего стѣны нерѣдко валятся и обыкновенно внутреннею стороною въ комнаты, а внѣшнею на дворъ. Иногда, при болѣе-тщательной постройкѣ, кирпичи предварительно обсѣкаются и притираются, отъ-чего кладка бываетъ ровнѣе и зданіе получаетъ бо́льшую прочность. Чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить ему и бо́льшую красоту, цементъ между спаями выбирается снаружи, въ видѣ ровнаго жолобка, явственно раздѣляющаго слои кирпичей; иногда же притёртые и притёсанные кирпичи укладываются такъ плотно, что незамѣтно бываетъ никакихъ швовъ, и стѣна кажется сдѣланною какъ-будто изъ одной массы. Не смотря на то, что эта послѣдняя кладка считается самою прочною, вѣтеръ свободно можетъ проникать между деревянными столбами и кирпичною закладкою, которая только прислоняется къ столбамъ, остающимся всегда съ обѣихъ сторонъ открытыми. Отъ этого неудобства Китайцы защищаются обоями, возобновляемыми по нѣскольку разъ въ-теченіи года.

Китайцы не научились еще приготовлять оконныхъ стеколъ и получаютъ ихъ всегда отъ Европейцевъ черезъ Кантонъ; а потому стекла чрезвычайно-дороги и употребляются только богатыми людьми, и то въ весьма маломъ количествѣ; ихъ замѣняютъ бѣлой бумагою. Стекло, за которое у насъ надобно заплатить рубля два, въ Пекинѣ сто́итъ не менѣе десяти рублей. Чтобъ освѣтить сколько-возможно-болѣе комнаты, Китайцы всю переднюю стѣну обращаютъ въ окна, и потому, войдя на китайскій дворикъ, можно подумать, что онъ весь обставленъ оранжереями, тѣмъ болѣе, что у Китайцевъ нѣтъ почти никакихъ архитектурныхъ украшеній. Впрочемъ, бѣлая бумага рѣзко отличается отъ разноцвѣтныхъ узорно-рѣшетчатыхъ рамъ и поддерживающихъ стропила верхнихъ перекладинъ, которыя всегда бываютъ выкрашены яркимъ цвѣтомъ киновари и испещрены золотыми разводами: все это составляетъ пеструю картину, довольно-пріятную для глазъ, по-крайней-мѣрѣ на первый случай, а особливо послѣ однообразныхъ закопчовыхъ монгольскихъ юртъ. Китайцы никогда не дѣлаютъ деревянныхъ половъ; выравнявши землю, они настилаютъ на нее квадратныя отъ 6-ти до 8-ми вершковъ кирпичныя плиты. Эти плиты бываютъ такъ же, какъ и употребляемый на кладку стѣнъ кирпичъ, полуобожженныя и такъ сильно вбираютъ въ себя влагу, что если выплеснуть стаканъ воды на полъ, то въ ту же минуту вода совершенно ис-

чезнетъ. Впрочемъ, въ дворцахъ и въ домахъ богатѣйшихъ особъ полъ выстилается особенною дорогою плитою, привозимою въ Пекинъ съ юга, которая приготовляется изъ промытой глины, смѣшанной съ толченымъ пескомъ и чрезвычайно-сильно обжигается. Эта плита отличается своею плотностію, твердостію и чрезвычайною гладкостію.—Стѣны, какъ мы уже сказали, обклеиваются обоями. Обои всегда бываютъ бѣлые, покрытые въ узоръ насыпною слюдою. Въ обояхъ нѣтъ большой разницы. Китайскіе обои приготовляются небольшими квадратами вершковъ шести и наклѣиваются чрезвычайно - искусно. Потолки также не забираются досками, но дѣлаются изъ бумаги, наклѣиваемой на рѣшотины, связанныя изъ стволовъ гао-лянъ. Для этого прибиваютъ къ стропиламъ нѣсколько стволовъ, вертикально висящихъ, и къ нимъ надвязываютъ вдоль и поперегъ другіе стволы, такъ-что наконецъ изъ нихъ образуется рѣшотка, связанная на перехватахъ мочалками и сомкнутая, для прочности, деревянными спичками. Подъ низъ этой рѣшотки наклѣивается сначала простая бумага, а потомъ уже обои. Эта работа производится также очень-искусно, и незнающему дѣла трудно повѣрить, что потолокъ этотъ не составляетъ плотной массы, какъ въ нашихъ европейскихъ зданіяхъ. Потолки чрезвычайно-легки и, слѣдственно, казалось бы, что они и очень-удобны; но вотъ бѣда: едва-только окончится отдѣлка потолка, какъ стада голодныхъ крысъ, пробравшись по внутренней пустотѣ стѣнъ, начинаютъ обгрызать клейстеръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ насквозь прогрызать самую бумагу потолковъ. Помѣстясь въ новоотдѣланныхъ для насъ комнатахъ, мы удивлены были стукотнею и шумомъ, происходившими на нашихъ потолкахъ, а чрезъ нѣсколько дней уже замѣтили по нѣскольку небольшихъ отверстій надъ нашими головами. Это насъ чрезвычайно удивило; но китайскій слуга, пораженный нашею непонятливостію, прехладнокровно сказалъ, что это проѣли крысы, что надо заклѣить. Черезъ часъ явился обойщикъ, и поврежденіе было исправлено; но наутро вмѣсто заклѣенныхъ отверстій появились новыя, и такъ заклѣиваніе продолжалось около двухъ недѣль, пока пыль не занесла всего потолка довольно-толстымъ слоемъ. Но бѣда этимъ еще не кончилась: несносныя крысы, не довольствуясь бумагою, подгрызли и самыя мочалки, которыми укрѣплялся потолокъ, и какъ вѣтеръ имѣетъ свободный доступъ подъ черепичную кровлю, то первый порядочный порывъ его произвелъ значительныя трещины по краямъ потолка.

И эта новая бѣда, какъ случай самый обыкновенный, не удивила нашего Китайца, привыкшаго къ подобнымъ явленіямъ: онъ снова позвалъ обойщика, и это зло также было исправлено. За то, благодаря всѣмъ этимъ удобствамъ, китайскіе обойщики никогда не сидятъ безъ хлѣба: наступитъ весна, сухой воздухъ обвѣетъ сырыя стѣны домовъ, и обои, истрескавшись, повиснутъ лохмотьями по стѣнамъ: ка́къ тутъ не позвать *бло-ху-цзянъ*; наступитъ лѣто, и первый косой дождь размочитъ и прорветъ бумагу въ окнахъ: ка́къ снова не обратиться къ благодѣтельной помощи его обойнаго искусства?

Недостатокъ лѣса во всемъ Китаѣ виною страшной дороговизны дерева: сосновое бревно, длиною въ три сажени, а толщиною вершковъ въ шесть, стóитъ въ Пекинѣ до сорока рублей серебромъ и болѣе на наши деньги, а потому домовъ деревянныхъ въ Китаѣ нѣтъ, и въ капиталѣ, издерживаемомъ на постройку, закупка лѣса составляетъ самую важную статью, не смотря на то, что новый лѣсъ употребляется весьма-рѣдко, а приступающій къ перестройкѣ, или къ постройкѣ новаго дома старается всегда пріобрѣсти стойки и перекладины, уже бывшія въ употребленіи. Самыя перегородки въ домахъ дѣлаются изъ кирпича; но въ домахъ болѣе богатыхъ перегородки бываютъ деревянныя, выкрашенныя

подъ черное, или подъ красное дерево и покрытыя лакомъ; въ домахъ же богачей онѣ дѣлаются изъ массивнаго краснаго дерева съ тонкою отчетливою рѣзьбою въ китайскомъ вкусѣ, и составляютъ главную роскошь и великолѣпіе покоевъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, такая перегородка, сажени въ двѣ длиною и аршина въ четыре вышиною стоитъ до двухъ тысячь рублей и болѣе, серебромъ. Иногда эти перегородки украшаются бѣлымъ нефритомъ (бай-юй) и другими цвѣтными камнями, и тогда цѣна подобной перегородки можетъ возвыситься до неопредѣленной степени. Въ-самомъ-дѣлѣ, красота и цѣнность перегородокъ, величина и число стеколъ съ высотою и объемомъ комнатъ составляютъ главное различіе между чертогами вельможъ и жилищами простолюдиновъ, потому-что Китайцы не обтягиваютъ своихъ стѣнъ матеріями, не украшаютъ оконъ занавѣсками, не разстилаютъ по-полу ковровъ, и вообще не умѣютъ разнообразить жилищъ своихъ по-нашему.

Мёблировка комнатъ также не отличается разнообразіемъ; почти вездѣ по стѣнѣ, противоположной дверямъ, тянется *канъ*, длиною во всю стѣну, а шириною до трехъ аршинъ; онъ замѣняетъ наши диваны и составляетъ почетнѣйшее мѣсто у Китайцевъ; вездѣ табуреты, кресла,—и маленькіе, такъ называемые чайные столики (ча-цзи-ръ), разставляемые между табуретами и креслами, дополняютъ мёблировку. Мы уже говорили прежде, что канъ есть не что иное, какъ лежанка. Чтобъ не такъ было жарко сидѣть на ней, то ее обыкновенно покрываютъ сперва тростниковою циновкой, а потомъ войлокомъ, у простолюдиновъ бѣлымъ, который дешевле, а у людей болѣе-достаточныхъ—краснымъ; въ самыхъ же богатыхъ домахъ краснымъ сукномъ. По серединѣ кана ставится маленькій столикъ на низенькихъ ножкахъ; а по сторонамъ его кладутся двѣ подушки, обтянутыя, смотря по состоянію хозяина, бумажною или дорогою шолковою матеріею. Во время ночи каны замѣняютъ мѣсто кроватей, совершенно неизвѣстныхъ Китайцамъ. Тогда поперегъ кана кладется тюфякъ, набитый ватою и простёганный. Толщина такого тюфяка бываетъ не болѣе двухъ пальцевъ. Подъ голову Китаецъ кладетъ валикъ, также набитый ватою, и раздѣвшись *совершенно*, укрывается одѣяломъ; у богатыхъ оно бываетъ по-большой-части изъ розовой камфы, отороченной у головы черною камфою четверти на полторы. По утру тюфякъ, валикъ и одѣяло скатываются вмѣстѣ, и на весь день остаются у стѣны на томъ же канѣ, и только у богачей выносятся въ особую комнату. Кресла, табуреты и столы, смотря по состоянію хозяевъ, дѣлаются или изъ простаго дерева подъ лакомъ, или изъ дорогаго краснаго, и тогда натираются воскомъ. Приготовленіе и употребленіе спиртоваго лака Китайцамъ неизвѣстно. На кресла и табуреты кладутся подушки, обтянутыя, по состоянію хозяевъ, бумажною или шолковою матеріею. Сверхъ-того, въ хорошихъ домахъ разставляются по столамъ кое-какія подѣлки изъ нефрита, какъ то: приборъ для письма, и т. п., или европейскіе бронзовые часы; и послѣдніе всегда въ двухъ экземплярахъ (дуй-цзы) совершенно-одинакой формы. Подарите Китайцу двѣ какія-нибудь вещи, хоть напрям., двое карманныхъ часовъ самой лучшей работы, но только не совершенно-одинаковыя, онъ будетъ несравненно-менѣе цѣнить ихъ, чѣмъ двое часовъ самой обыкновенной работы, но сдѣланныя по одному и тому же образцу. Вы, можетъ-быть, подумаете, что онъ надѣнетъ ихъ разомъ и потому заботится о симметріи? Ни чуть не бывало. Легко случится, что онъ никому и не покажетъ разомъ двухъ экземпляровъ; но у него есть дуй-цзы, и онъ счастливъ. За дуй-цзы онъ охотно заплатитъ въ полтора раза дороже и будетъ болѣе доволенъ своей покупкою. Тутъ нѣтъ никакихъ особенныхъ причинъ, вѣрованій или предразсудковъ: это просто прихоть, неимѣю-

щая никакого основанія, какъ всѣ прихоти вообще.

Отъ жилища живыхъ перейдемъ теперь къ жилищу мертвыхъ. У Китайцевъ нѣтъ общихъ кладбищъ, какъ у насъ Европейцевъ: тамъ каждая фамилія имѣетъ свое особенное мѣсто для погребенія членовъ своего дома, и по мѣрѣ возможности старается украсить это мѣсто. Простолюдинъ садитъ сосны и кедры, человѣкъ болѣе богатый обноситъ его каменною стѣною, пріискиваетъ смотрителей, и, скупивъ окрестныя поля, предоставляетъ пользоваться ими сторожамъ, обзаведя, сверхъ того, этихъ людей домомъ и всѣмъ необходимымъ для воздѣлыванія полей. Кладбища богачей и фамилій княжескихъ отличаются еще бо̀льшими удобствами, если только можно такъ выразиться: ихъ ограды выше, домы и дворцы, построенные въ оградахъ и около оградъ, огромнѣе и великолѣпнѣе, стражи многочисленнѣе. Постройка надгробныхъ дворцовъ точно такая же, какъ и постройка обыкновенныхъ домовъ, но отличается бо̀льшею прочностію. Памятники на могилахъ довольно-однообразны; бѣднякъ сбираетъ на-могилу нѣсколько камней, или, по нашему, простую земляную насыпь и обдѣлываетъ ее дерномъ; достаточный человѣкъ складываетъ изъ кирпичей подобіе гроба, поставленнаго на катафалкѣ, и ставитъ передъ нимъ высѣченную изъ камня черепаху, держащую на спинѣ болѣе или менѣе огромную каменную доску съ надписями на китайскомъ, а иногда даже и на маньджурскомъ языкахъ; надписи возвѣщаютъ кто и когда погребенъ, и исчисляютъ разныя похвальныя качества покойнаго.

Китайцы почитаютъ такою необходимостію хоронить членовъ своей фамиліи на своемъ собственномъ кладбищѣ, что если кто-нибудь умретъ въ самомъ отдаленномъ углу имперіи, родственники покойнаго готовы употребить свои послѣднія средства, готовы даже разориться, а уже непремѣнно привезутъ трупъ его и поставятъ надъ нимъ черепаху, съ исчисленіемъ необходимыхъ достоинствъ. Самое правительство принимаетъ участіе въ дѣлахъ подобной важности, и для перевозки труповъ падшихъ на войнѣ офицеровъ, охотно отпускаетъ нужныя суммы. Само собою разумѣется, что императорскія кладбища отдѣлываются съ особенною тщательностію. Едва только государь вступаетъ на престолъ, какъ тотчасъ же озабочивается выбрать мѣсто и начать отдѣлку своего кладбища. Постройка обыкновенно продолжается во все время царствованія, какъ бы оно ни было долго, и какъ эта постройка дѣло чрезвычайной важности, то смотрѣніе за работами поручается важнѣйшимъ сановникамъ, пользующимся особенною довѣренностію государя. Весьма-замѣчательно кладбище Мин-ской династіи. Верстахъ въ 30-ти отъ Пекина, въ прекрасной долинѣ избраны мѣста для погребенія всѣхъ государей этой династіи,—разумѣется, каждаго отдѣльно. Каждое кладбище огорожено высокою (саженей до 3-хъ) красною стѣною, охватывающею огромное четыреугольное пространство. Войдя въ ворота ограды, вы видите по обѣимъ сторонамъ небольшія зданія въ одну или двѣ комнаты, назначенныя для караульныхъ, а передъ самымъ входомъ огромное зданіе, въ которомъ устроивается одна только зала *Діянь*, гдѣ ставится идолъ и жертвенникъ, и гдѣ совершаются религіозные обряды, состоящіе изъ куреній, сожиганія золотыхъ и серебряныхъ бумажекъ и приношенія разныхъ хлѣбцевъ. За жертвенною залою находится самая могила, состоящая изъ земляного холма, окруженнаго высокою глухою стѣною. Тѣло покойнаго государя проносится въ могилу черезъ корридоръ, устроенный такъ, что сначала надо подниматься по отлогому полу, а потомъ спускаться внизъ чрезъ боковую дверь до подземнаго склепа, гдѣ ставится гробъ. Когда гробъ пронесутъ и люди воротятся, боковая дверь, ведущая изъ

коррндора въ могильный склепъ, затворяется навсегда. Дверь эта дѣлается изъ цѣльнаго камня, на каменныхъ же вереяхъ и устроивается такъ, что едва только ее затворяютъ, какъ огромный камень, приготовленный заблаговременно надъ нею, заваливаетъ ее снутри; а снаружи она закладывается кирпичомъ, и такимъ образомъ прекращается всякое сообщеніе. Впрочемъ, эта предосторожность имѣетъ основаніе: вмѣстѣ съ тѣломъ покойнаго императора, вносятъ и всѣ его любимыя вещи, стóящія огромныхъ капиталовъ. Мёбеля, платья и всѣ прочія вещи, которыя были имъ употребляемы, сожигаются тутъ же на кладбищѣ въ день его похоронъ. Передъ оградою могилы помѣщается черепаха, держащая на спинѣ огромную доску, испещренную самыми высокопарными похвалами. Съ наружной стороны стѣнъ располагаются зданія, въ которыхъ живутъ чиновники и стражи кладбища.

Вся такая постройка стóитъ на наши деньги мильйоновъ до семидесяти. Впрочемъ, не предполагайте найдти тутъ какія-нибудь особенныя украшенія, какъ то: мраморныя стѣны, богатую позолоту, живопись, или что-нибудь въ этомъ родѣ: вездѣ кирпичъ, желтая муравленная черепица, комнаты, оклееныя простыми обоями,—и только. Но за то иныя изъ этихъ стѣнъ стоятъ болѣе 200 лѣтъ, и въ нихъ незамѣтно никакого поврежденія; но за то въ жертвенной залѣ вы увидите иногда колонны изъ цѣльнаго краснаго дерева, въ два обхвата толщиною; часто, для предохраненія могильныхъ склеповъ отъ накопленія воды, проводятся каналы версты на двѣ длиною. Послѣднее обстоятельство почитается весьма-важнымъ. Въ-нынѣшнее царствованіе первый министръ императора, пользовавшійся его особенною любовью и расположеніемъ, будучи отряженъ для постройки кладбища и зная страсть императора къ бережливости, для сокращенія расходовъ, рѣшился обойдтись безъ отводнаго канала; но когда императоръ вздумалъ осмотрѣть работы на кладбищѣ и, вошедъ въ склепъ, замѣтилъ тамъ воду, то до того былъ разсерженъ такою злонамѣренностію министра, что предалъ его суду и, отобравъ все его имѣніе, отослалъ самого въ ссылку со всѣмъ родомъ и племенемъ. Вообще, кладбища, какъ я уже сказалъ, составляютъ предметъ особливой заботливости; такъ, на-прим., императоръ *Цянь-Лунъ*, не въ состояніи будучи отъискать такихъ гигантскихъ колоннъ, какъ тѣ, о которыхъ я говорилъ, скрѣпя сердце, рѣшился разорить нѣсколько кладбищъ мин-ской династіи, замѣнивъ похищенныя колонны составными и скрывъ слои подъ густымъ лакомъ. За то *Діянь* Цянь-Луна можетъ похвалиться богатствомъ передъ всѣми прочими. Но, можетъ-быть, вы спрóсите, гдѣ же тутъ уваженіе къ кладбищамъ, столь свято-чтимымъ Китайцами. Подобный же вопросъ сдѣлалъ императору и одинъ изъ первыхъ его министровъ, сказавъ Цянь-Луну: «Какому наказанію подвергается императоръ, разоряющій чужыя кладбища?» — А какому наказанію, спросилъ въ свою очередь императоръ:—подвергается за эту вину каждый Китаецъ? «Смертной казни», отвѣчалъ министръ.—Ну, такъ императоръ долженъ подвергнуться ссылкѣ, отвѣчалъ Цянь-Лунъ и дѣйствительно выѣхалъ изъ Пекина въ *Жэ-хэ*, лѣса, гдѣ императоры обыкновенно охотятся, и прожилъ тамъ ровно годъ, считая это время временемъ ссылки.

Съ самаго дня смерти государя составляется особенный штатъ изъ нѣсколькихъ генераловъ и другихъ чиновниковъ для присмотра за кладбищемъ и содержанія при немъ почетнаго караула. Вся эта многочисленная свита помѣщается въ зданіяхъ, расположенныхъ при кладбищѣ и получаетъ оклады отъ государя до конца своей жизни.

Дэ-Минъ.

*

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Искусство нашихъ театральныхъ артистовъ пользоваться своими бенефисами доходитъ до nec plus ultra совершенства. Но всѣхъ бенефиціантовъ, и прошедшихъ и будущихъ, перещеголялъ нѣкто г. Куликовъ. Для изъявленія нашего удивленія къ его генію, рѣшаемся нарушить принятый нами порядокъ Театральной Лѣтописи—перебирать пьесы по родамъ и тяжести, а не по бенефисамъ, и начнемъ нашу статью пьесами бенефиса г. Куликова:

42) Великій Актеръ, или Любовь дебютантки. *Драма* въ трехъ *дѣйствіяхъ и* пяти *отдѣленіяхъ, соч.* П. П. Каменскаго. *Дѣйствіе первое. Отдѣленіе* 1. Театральный Ламповщикъ и Цвѣточница. *Дѣйствіе второе. Отдѣленіе* 2. Гамма страстей. *Дѣйствіе третье. Отдѣленіе* 3. Театральный Буфетъ. *Отдѣленіе* 4. Уборная Актрисы. *Отдѣленіе* 5. Представленіе Лира на Дрюриленскомъ Театрѣ.

43) Жены наши пропали! или Майоръ Bon vivant, *соч.* П. Григорьева 1-го.

44) Комедія о Войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами. *Сибирская сказка, въ двухъ дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ и танцами, соч.* Н. А. Полеваго. *Дѣйствіе первое:* Русская Удаль. *Танцовать будутъ:* г. Пишо и г-жа Левкѣева *по-казацки. Дѣйствіе второе;* Китайская Храбрость. *Танцовать будутъ:* г. Шамбурскій, Свищевъ, Тимоѳеевъ, Волковъ и Николаевъ *по-китайски. Въ 1 и 2-мъ дѣйствіи хоръ пѣсенниковъ будетъ пѣть національныя пѣсни.*

45) Комическія Сцены изъ новой поэмы: Мертвыя Души. *Сочиненія* Гоголя (автора Ревизора), *составленныя* Г***.

Согласитесь, такая афишка стоитъ, чтобъ ее сохранить для потомства...

Въ дочери отставной цвѣточницы на Дрюриленскомъ Театрѣ, Фанни, знаменитый Гаррикъ признаетъ (по ея голосу) талантъ трагической актриссы, будущую Офелію, Дездемону и Корделію. Онъ приходитъ съ нею на бѣдную квартиру ея матери, въ ту самую минуту, какъ эту мать съ сыномъ Томомъ (ламповщикомъ при театрѣ) жестокая хозяйка выгоняетъ вонъ за долгъ. Гаррикъ платитъ хозяйкѣ деньги и нанимаетъ новую квартиру будущей дебютанткѣ, которая, на урокахъ и репитиціяхъ, восхищаетъ его своими успѣхами. Эвва, жена Гаррика, ревнуетъ Фанни къ мужу. Тутъ зачѣмъ-то вмѣшалось совершенно-постороннее лицо критика Джонсона, которому Эвва повѣряетъ свою бѣшеную ревность, осыпая Фанни позорною бранью. Фанни случайно подслушала этотъ разговоръ, передъ тою минутою, какъ благодѣтель приводитъ двухъ актёровъ, а вмѣстѣ съ ними, приглашаетъ и жену свою и Джонсона быть свидѣтелями необыкновенныхъ успѣховъ его ученицы въ декламаціи. Эвва уходитъ, Джонсонъ за нею; Фанни блѣдна и смущена; по просьбѣ Гаррика, Фанни начинаетъ импровизировать на собственную тэму, и въ этой импровизаціи высказываетъ свое ужасное положеніе. А Эвва между-тѣмъ подслушиваетъ за дверьми то, что могла бы слышать и въ комнатѣ. Гаррикъ пускается въ разсужденія о сценическомъ искусствѣ и, надо согласиться, все, что онъ говоритъ, умно, справедливо, и даже кстати. Впрочемъ, послѣднее качество этимъ разсужденіямъ, можетъ-быть, придала искусная игра актёра. Эввѣ становится стыдно своихъ подозрѣній, и Джонсонъ, ея тѣнь и прихвостень, даетъ ей благоразумные совѣты. Этимъ кончается второй актъ. До-сихъ-поръ, не смотря на подслушиванія и ненужное лицо Джонсона, все шло хорошо; по-крайней-мѣрѣ, актёрамъ было что дѣлать. Но съ третьяго акта, началась

путаница пустыхъ и, сверхъ-того, нисколько не сценическихъ эффектовъ. Въ «Буфетѣ», за деревяннымъ столомъ, сидятъ человѣкъ пять-шесть музыкантовъ, пьютъ пиво и говорятъ о дебютанткѣ и Гаррикѣ, и говорятъ именно то̀, что̀ зритель и безъ нихъ хорошо знаетъ. Словомъ, тутъ нѣтъ ни буфета, ни сцены. «Уборная актрисы» — пустая комната, нисколько не похожая ни на какую уборную. Вбѣгаетъ Фанни, въ костюмѣ Корделіи, и говоритъ о своей безнадежной и преступной страсти къ Гаррику; Эвва (съ неразлучнымъ Джонсономъ) подслушиваетъ ее; вбѣгаетъ Гаррикъ, въ костюмѣ Лира, и тащитъ Фанни на сцену—Эвва не пускаетъ; Томъ, братъ дебютантки, по приказанію Гаррика, схватываетъ Эвву и, при громкомъ хохотѣ райка, барахтается съ нею... Но вотъ послѣднее отдѣленіе: на сценѣ—сцена и зала Дрюриленскаго Театра; Гаррикъ, въ роли Лира, плачетъ надъ трупомъ Корделіи; занавѣсъ опускается, публика вызываетъ дебютантку; Гаррикъ, сбрасывая съ себя парикъ и вскакивая на ноги, подаетъ руки дебютанткѣ, поздравляя ее съ успѣхомъ дебюта. Но Фанни не встаетъ; глядятъ—она умерла! Томъ бросается на тѣло сестры, отъ него къ Эввѣ, осыпая ее упреками. Тѣмъ все и кончается. Все это не драматически и не сценически; все это неестественно и изъисканно. Къ довершенію бѣды, роль Тома была съиграна плоско-комически, и трагедія была сопровождена хохотомъ райка и улыбками партера. Разумѣется, не обошлось и безъ аплодиссмановъ и вызывовъ: таковъ уже обычай у доброй публики Александринскаго Театра...

Двое мужей, одинъ старый, другой молодой, оставляя дома женъ, рыщутъ гдѣ попало. Старый дядя хочетъ проучить ихъ. Для этого онъ отъискалъ какого-то майора, который волочится за его племянницами и вездѣ съ ними ѣздитъ. Онъ долженъ разъиграть съ ними комедію, объясняясь въ любви то съ тою, то съ другою при одномъ изъ подслушивающихъ мужей; но онъ просто за ними волочится, и притомъ такъ, ка̀къ посовѣстился бы волочиться даже за горничными самъ какой-нибудь Ноздревъ. Майора игралъ авторъ водевиля, и въ этой роли очень походилъ на полковаго писаря, который любезничаетъ въ одномъ изъ тѣхъ честныхъ компанствъ, которыя какъ-то странно видѣть на сценѣ. За-тѣмъ, мужья мирятся съ женами, и исправляются. Это называется «Жены наши пропали, или Майоръ bon vivant...» Намъ кажется, что къ этой пьесѣ, вмѣсто «Майоръ bon vivant» лучше бы шло такое названіе: «Выгнанный изъ службы, за пьянство и дебошъ, недоросль изъ дворянъ Ерыгинъ».

Вотъ пьеса г. Полеваго — совсѣмъ другое дѣло. Это пьеса чисто-патріотическая и національная. Въ ней одна русская баба побиваетъ ухватомъ и кочергою 60,000 Китайцевъ, которые всѣ представлены трусами, дураками и шутами. У ихъ генерала такой огромный животъ, что раёкъ «животики надорвалъ» отъ хохота. Въ первомъ актѣ есть превосходное лирическое мѣсто о достоинствѣ русскаго кулака, которому много и крѣпко рукоплескали восхищенные зрители. Прибавьте ко всему этому пѣсни, пляски и танцы,—и согласитесь, что несравненный драматическій талантъ г. Полеваго все юнѣетъ и юнѣетъ. Что̀ касается до «Ѳедосьи Сидоровны», то для распространенія образованія въ простомъ народѣ, ее слѣдовало бы давать на всѣхъ лубочныхъ театрахъ по ярмаркамъ, установивъ цѣну не дешевле одной копейки серебромъ и не дороже трехъ за входъ. Тамъ она была бы ближе къ цѣли.

Какой-то г. Г*** вырвалъ нѣсколько разговоровъ изъ «Мертвыхъ Душъ», перемѣшалъ и перебилъ ихъ, связавъ своими вставками, которыя хотя и состоятъ изъ нѣсколькихъ только фразъ, но отъ взятаго цѣликомъ у Гоголя отличаются, какъ глиняный носъ, рукою горшечника налѣпленный на лицо мраморной статуи древняго художника.

Все это таинственный г. Г*** назвалъ «Комическими сценами изъ новой поэмы Мертвыя Души» и смѣло отдалъ свое литературное похищеніе, нелѣпо и пошло совершенное, г-ну Куликову, который и поставилъ на сцену Александринскаго Театра эти куски, безъ начала, середины и конца, а потому и безъ значенія и смысла. Такого рода явленія возмущаютъ душу... Мы знаемъ навѣрное, что Гоголь никому (а тѣмъ болѣе какому-то г. Г***) не давалъ права на такое позорное искажeженіе своей поэмы, писанной совсѣмъ не для театра, а потому и неимѣющей на театрѣ никакого смысла.

46) Король Энціо. *Историческая драма въ* трехъ *дѣйствіяхъ и* пяти *отдѣленіяхъ, въ стихахъ, соч.* Раупаха, *передѣланная съ нѣмецкаго* В. З. *Отдѣленіе первое:* Пажъ и Плѣнникъ. *Отдѣленіе второе*: Могильщикъ. *Отдѣленіе третіе:* Локонъ. *Отдѣленіе четвертое:* Гробъ. *Отдѣленіе пятое:* Тюрьма и корона.

Сардинскій король, Энціо, въ плѣну у Болонцевъ. У него умеръ любимый пажъ, на мѣсто котораго просится переодѣтая пажомъ женщина, влюбленная въ Энціо. Энціо скоро поладилъ съ этимъ пажомъ, который назывался — Люція де Віаджіоли. Она предлагаетъ слѣдующее средство къ побѣгу короля: лечь въ гробъ умершаго пажа, и быть такимъ образомъ вынесеннымъ за городъ для погребенія (а за городомъ стоятъ уже сардинскія войска). Когда Энціо надо было ложиться въ гробъ, онъ, вѣроятно, находя стихи Раупаха, передѣланные г. В. З., необыкновенно-хорошими, принялся за длинную декламацію; Люція ему не уступала. Наконецъ, она хотѣла отрѣзать у него на память локонъ, но не успѣла: вошли могильщики (хозяинъ которыхъ — жалкая пародія на могильщика въ «Гамлетѣ») былъ подкупленъ. Въ городскихъ воротахъ обманъ былъ открытъ, по причинѣ высунувшагося изъ гроба локона. Подеста, играющій въ этой мелодрамѣ роль злодѣя, заключаетъ Энціо въ тюрьму, подъ поломъ которой есть сухой колодезь, куда Энціо и долженъ быть заключенъ на-вѣки. Съ отчаянія, Энціо вѣнчается (за кулисами) съ Люціей, послѣ чего навѣки прощается съ нею; но она уговариваетъ его позволить ей раздѣлить съ нимъ его гробъ: — чувствительная сцена, въ которой словъ — что песку на морскомъ берегу! Когда супруги опустились въ подземелье, въ тюрьму вбѣжалъ злодѣй - подеста съ начальникомъ стражи, Маттео (тоже страшнымъ негодяемъ), и послѣдній опустился въ подземелье, чтобъ убить Энціо. Но вотъ врываются въ тюрьму овладѣвшіе Болоніею сардинскіе солдаты. Тогда изъ подземелья появляется эффектная группа: Энціо, держащій въ объятіяхъ мертвую Люцію и зарѣзанный Маттео. Люція приняла, видите, на свою грудь ударъ Маттео и тѣмъ спасла Энціо, за что Энціо объявляетъ ее своею женою и королевою, а она, отъ этого, воскресаетъ. Подесту опускаютъ въ подземелье съ мертвецомъ Маттео, и машину, посредствомъ которой можно было опускаться туда и подниматься оттуда, уничтожаютъ.

Во всей этой пьесѣ нѣтъ ни дѣйствія, ни правдоподобія, — одни монологи, одна реторика, одни разговоры, одни слова, да ребяческіе, смѣшные эффекты. Публика слушала ее, кашляла, въ залѣ было тихо, и пьеса, за свою невинность, удостоилась самой мирной кончины.

47) Наука и Женщина. *Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч.* Г***. *Дѣйствіе 1*: Кокетство и Химія. *Дѣйствіе 2:* Одна свадьба вмѣсто двухъ.

Въ этой пьесѣ выведенъ какой-то семинаристъ, въ ботфортахъ съ кисточками, въ длинномъ сюртукѣ; онъ говоритъ въ глаза женщинамъ грубости, достойныя деревенскаго пономаря, и по всему этому названъ «ученымъ». У него живетъ молоденькая и хорошенькая сиротка, и къ нему

ѣздитъ какая-то графиня, которая отклоняетъ какого-то Холмоградскаго, свѣтскаго молодаго человѣка (что-то въ родѣ laquais endimanché) жениться на сироткѣ и доводитъ «ученаго» до сознанія, что женщина необходима въ жизни, и до женитьбы на сироткѣ. Прекрасная игра г-жи Каратыгиной 1-й придала занимательность и прелесть этой галиматьѣ.

48) Тетушка и Добродѣтель!! *Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго* (*La tante mal gardée*).

Наслѣдникъ имѣнія стараго дяди, женатаго на молодой женщинѣ, боясь другихъ наслѣдниковъ, не даетъ покоя своей теткѣ, присматривая за ея поведеніемъ. Старикъ имѣетъ къ ней полную довѣренность; она не рѣшается измѣнить довѣренности мужа и хочетъ проучить докучнаго присмотрщика, для чего и дѣлаетъ видъ, что имѣетъ тайныя свиданія съ молодымъ человѣкомъ, котораго она дѣйствительно когда-то любила. Изъ всего этого выходитъ цѣлый рядъ смѣшныхъ и забавныхъ сценъ, которыя впрочемъ нисколько не въ нравахъ нашей русской жизни.

49) Солдатъ и Пастухъ. *Комическая опера въ одномъ дѣйствіи.*

Было уже одиннадцать часовъ, когда началась эта пьеса, послѣдняя въ бенефисѣ г. Толченова 1-го; а мы сидѣли въ театрѣ съ шести часовъ съ половиною, и такъ были употчиваны угощеніемъ бенефиціанта, что вышли изъ театра, почитая себя въ правѣ не слушать *оперы*, исполняемой *драматическими* артистами.

50) Первый день брака черезъ 30 лѣтъ послѣ свадьбы, или Лучше поздно, Чѣмъ никогда. *Комедія въ одномъ дѣйствіи*, *перев. съ французскаго* Д. Ленскимъ.

Молодаго графа Могальяра женили на одиннадцатилѣтней дѣвочкѣ, и тотчасъ же отправили въ Бразилію; а жена его осталась въ Парижѣ. Супруги встрѣчаются черезъ 30 лѣтъ и хотятъ развестись, потому-что Могальяръ хочетъ жениться на своей молоденькой воспитанницѣ, а г-жа Могальяръ тоже намѣрена выйдти замужъ за одного молодаго человѣка. Но этотъ молодой человѣкъ любитъ воспитанницу Могальяра, которая съ своей стороны тоже неравнодушна къ нему. Молодые люди проводятъ старыхъ и женятся, а старые мирятся и начинаютъ жить вмѣстѣ. Роль г-жи Могальяръ у насъ прекрасно выполняется г-жею Каратыгиною 1-ю.

*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Русская журналистика и капустныя кочерыжки (*Матеріалъ для будущаго историка русской литературы*).—Нынѣшній годъ ознаменованъ въ русской журналистикѣ великимъ событіемъ — войною, происшедшею изъ гибельнаго раздора между друзьями. Что̀ передъ нею вражда Агамемнона съ Ахилломъ? Тамъ дѣло завязалось изъ плѣнницы Бризеиды, здѣсь—изъ *кочерыжекъ!*

Прологъ къ знаменитой войнѣ изъ-за *кочерыжекъ* была небольшая стычка изъ-за плохой «Исторіи Петра-Великаго» г. Ламбина. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» была напечатана статья, гдѣ было сказано, что текстъ «Исторіи Петра-Великаго» плохъ до-нельзя, а картинки къ ней еще хуже. Статья была написана хорошо, основанія ея были дѣльны и доказательны; съ нею согласились всѣ читавшіе и не читавшіе ее, потому-что мнѣніе о внутреннемъ и внѣшнемъ безобразіи компиляціи г. Ламбина и спекуляціи г. Эльсвера установилось тотчасъ же по выходѣ первыхъ тетрадей этого чудовищнаго изданія. Кажется, тѣмъ бы дѣлу и надобно кончиться: но не тутъ-то было! Изданіе успѣло пріобрѣсти себѣ жаркаго защитника въ г. Булгаринѣ. И вотъ, въ фёльетонѣ «Сѣверной Пчелы»

начались выходки противъ статьи «Русскаго Вѣстника», но не противъ, однакожь, самого «Русскаго Вѣстника»: о немъ прямо сказано, что это едва-ли не лучшій изъ современныхъ русскихъ журналовъ (*хороши же должны быть прочіе русскіе журналы!*), что и злѣйшій врагъ г. Полеваго не упрекнетъ его въ *корыстныхъ* видахъ, но что г. Полевой не правъ, судя по одному *введенію* о цѣлой исторіи, хотя и правъ, называя картинки рѣшительно-дурными, и что ему, г. Булгарину, гораздо больше нравятся «Параша Сибирячка» и «Уголино», чѣмъ «Елена Глинская» (№ 69 Сѣверной Пчелы»). Не знаемъ, до какой степени помогла эта защита предріятію г. Эльснера; но дѣло тѣмъ, т. е. ровно—ничѣмъ и кончилось. Должно думать, что обѣ стороны остались довольны, а извѣстно, что нужно большое искусство, чтобъ угодить и *нашимъ* и *вашимъ*... Но вотъ въ 75 № «Сѣверной Пчелы» является фёльетонная статья, гдѣ, между прочимъ, г. Ѳ. Б. взглянулъ на русскіе журналы и газеты съ политико-экономической точки, доказывая, что нашу журналистику губитъ будто-бы *совмѣстничество*. Изъ этого видно, что г. Ѳ. Б. держится системы запретительной и принадлежитъ къ приверженцамъ *монополій* (*единоторжій*, по переводу г. Шишкова). Затѣмъ слѣдуютъ жалобы на то, что какъ прежніе журналы передразнивали, формою и содержаніемъ, «Московскій Телеграфъ», такъ нынѣшніе передразниваютъ, въ этомъ отношеніи, «Библіотеку для Чтенія». Разумѣется, при сей вѣрной оказіи, всѣхъ болѣе достается «Отеч. Запискамъ», въ которыхъ г. Ѳ. Б. видитъ подделку подъ «Библіотеку для Чтенія»... «Но, говоритъ онъ: «то да не то! Ѳедотъ да не тотъ!» И мы, вслѣдъ за нимъ, повторимъ съ гордостію: «то да не то! Ѳедотъ да не тотъ!»... Впрочемъ, снисходительный г. Ѳ. Б. прощаетъ «От. Запискамъ» ихъ подражаніе «Библіотекѣ»: «откуда же имъ выдумать что-нибудъ свое?» восклицаетъ онъ въ полнотѣ своего критическаго одушевленія. «*Но* (продолжаетъ онъ) *право, непростительно Н. А. Полевому*»... Теперь—слушайте, слушайте! Дѣло въ томъ, будто «Русскій Вѣстникъ» такъ же передразниваетъ «Эконома», какъ «Отеч. Записки» «Библіотеку». «Ну, какъ же не измѣнить «программы (говоритъ г. Ѳ. Б. о «Рус«скомъ Вѣстникѣ»), когда и *смиренный* «Экономъ имѣетъ успѣхъ!... *Семъ-ка* «пойдемъ тѣмъ же путемъ, *авось най«демъ*! И вотъ въ 3 № Русскаго Вѣ«стника на сей 1842 годъ, читатели «этого журнала получаютъ то, что имъ «не было обѣщано въ программѣ, а «именно *хозяйственныя замѣтки!*» А! вотъ въ чемъ дѣло! вотъ къ чему клонились тонкіе намеки г. Ѳ. Б. на вредъ журнальнаго совмѣстничества, на выгоды единоторжія, и всѣ эти толки объ иностранныхъ и русскихъ журналахъ и газетахъ!.. Понимаемъ! Въ *хозяйственной замѣткѣ* «Русскаго Вѣстника» говорилось о новомъ средствѣ замѣнять дрова тамъ, гдѣ они, по безлѣсію, слишкомъ-дороги, *сушеными кочерыжками* и *стволами земляныхъ грушъ*. Если бы эта мысль была и неосновательна, можно было бы это замѣтить въ нѣсколькихъ строкахъ «Эконома», или, пожалуй, и «Сѣверной Пчелы»; но писать особую статью, заводить дѣло издалека, начавъ его если не съ яицъ Леды, то съ иностранныхъ журналовъ и газетъ, потомъ перейдти ко вреду совмѣстничества и къ пользѣ единоторжія, и наконецъ представлять изъ себя обиженнаго, оскорбленнаго, и чѣмъ же?—хозяйственною замѣткою, помѣщенною въ смѣси журнала, гдѣ обыкновенно помѣщается всякая всячина:—воля ваша, а это могло произойдти только изъ слишкомъ-глубокаго проникновенія философскимъ убѣжденіемъ о вредѣ *совмѣстничества* и пользѣ *единоторжія*!.. Г. Ѳ. Б. до того огорчился *хозяйственною замѣткою* «Русскаго Вѣстника», что заключилъ свою декларацію слѣдующею вдохновенною выход-

ною: «Допускаю одинъ, много два *энциклопедическіе* журнала, но всѣ журналы на одну стать, по одному плану, *перебивающіе одинъ другому дорогу* — это, воля ваша, невыносимо! Публика подтвердила мое мнѣніе, и на нынѣшній годъ подписка на всѣ журналы жестоко понизилась! Tu l'as voulu, George(s) Dandin! *Ѳ.Б.*» Не можемъ знать, до какой степени вѣрно это статистическое извѣстіе о пониженіи подписки на *всѣ* журналы нынѣшняго года, — не знаемъ, потому-что не имѣли ни возможности, ни охоты повѣрять хозяйственные счеты другихъ редакцій, а въ счетахъ своей собственной видимъ нынѣшній годъ значительное противъ прошлаго приращеніе числа подписавшихся; но удивляемся промаху, который далъ г. Ѳ. Б. утвержденіемъ о пониженіи подписки на *всѣ* журналы, тогда-какъ нѣсколько строкъ выше онъ говоритъ о благосклонномъ принятіи публикою «Репертуара» соединеннаго съ «Пантеономъ», и «Эконома» — трехъ журналовъ, издаваемыхъ *имъ же самимъ*, Ѳ. Б.!..

Въ IV № «Русскаго Вѣстника» воспослѣдовалъ отвѣтъ «Сѣверной Пчелѣ». Въ немъ было очень ловко, и даже не безъ силы, замѣчено:

1) Что слово *concurrence* лучше перевести словомъ *соревнованіе*, чѣмъ словомъ *совмѣстничество*, и что только одно соревнованіе можетъ поднять наши журналы, вмѣсто того, чтобъ уронить ихъ, какъ думаетъ г. Ѳ. Б.

2) Что «Библіотека для Чтенія» не имѣетъ ничего общаго, по своему плану, съ англійскими rewiews, но скопирована съ одного московскаго журнала (извѣстнаго, по словамъ автора статьи, но не поименованнаго имъ; — можно, впрочемъ, догадываться, что онъ разумѣетъ «Телеграфъ»), что г. Сенковскій ни сколько не содѣйствовалъ успѣху «Библіотеки», а напротивъ, «вскорѣ заставилъ отказаться отъ участія въ ней всѣхъ литераторовъ», что монополія «Библіотеки» была вредна русской литературѣ, и что теперь «Б. для Ч.» самый плохой изъ всѣхъ русскихъ журналовъ (стр. 40).

3) Что «Русскій Вѣстникъ» никогда и не думалъ измѣнять своей програмы, никогда не завидовалъ успѣху «Эконома», и всегда ему радовался: въ *коммерческомъ* отношеніи, — *славно идетъ: смѣются, а покупаютъ!*

Затѣмъ слѣдуетъ мнѣнія *хозяйственной статьи* «Русскаго Вѣстника»; но какъ это для насъ не итересно, мы и пропускаемъ это, а лучше вполнѣ выпишемъ слѣдующія *нотаціи* статьи «Русскаго Вѣстника» г-ну Ѳ. Б.:

1) Безспорно, что Репертуаръ и Экономъ журналы хорошіе, потому-что самъ издатель ихъ хвалитъ, но по единогласнымъ отзывамъ *Репертуаръ* въ нынѣшнемъ году далеко однакожъ отсталъ отъ прошлогодняго. Спросите у кого угодно. Говорятъ, что выборъ пьесъ въ немъ очень плохъ, что переводы въ немъ весьма небрежны; что онъ вовсе не выполняетъ своего обѣщанія: быть зеркаломъ всемірной драматургіи, наполняться лучшими пьесами и улучшаться въ литературномъ и художественномъ отношеніи. Мнѣніе не наше. Мы въ восторгѣ отъ Репертуара, но — вѣдь другимъ рта не завяжешь.

2) Мы также въ восхищеніи отъ *Эконома*, но опять другіе говорятъ — вѣдь мало ли дерзкихъ такихъ судей — говорятъ, что Экономъ также далеко не исполняетъ своей програмы; что будто-бы самая интересная его часть та, гдѣ говорится о кухнѣ; экономическая — собственно весьма-девкать плоха, а технологическая такъ уже и очень плоха. Мы не смѣемъ сами судить, но повторяемъ слова другихъ. Мы слышали, на-примѣръ, какъ одинъ агрономъ смѣялся надъ аксіомами, которыя выставлены за основанія сельскаго хозяйства на стр. 26-й *Эконома* (листъ 56); какъ одинъ фабрикантъ то же подсмѣивался надъ крашеніемъ шелка, шерсти и бумаги берлинскою лазурью (*Эконома* листъ 53, стр. 3), и наконецъ, какъ одинъ гастрономъ хохоталъ, разсказывая о способѣ *домашнихъ поросятъ сдѣлать дикими и пораечьему мясу придать вкусъ кабаньяго* (*Эконома*, листъ 63, стр. 88). Повторяемъ, что мы сами судить не смѣемъ, но сказанное нами, и еще много другихъ замѣчаній слышали отъ знатоковъ (*Р. В. стр.* 56).

Кромѣ этихъ двухъ нотацій, въ остроумной и дѣльной статьѣ «Русскаго Вѣстника», находится еще слѣдующее любопытное библіографическое извѣстіе:

«Если все это правда, то остерегитесь, «почтеннѣйшій» Ѳ. В.—Знаете ли что? Если это правда и за Репертуаромъ и Экономомъ есть грѣшки, то здѣсь полагаемъ мы главную причину въ томъ, что противъ *Эконома* и *Репертуара* нѣтъ теперь никакого совмѣстничества. Не только вѣроятнымъ, но достовѣрнымъ почитаемъ мы, что совмѣстничество заставило бы почтеннаго Ѳ. В. еще старательнѣе и тщательнѣе заботиться о Репертуарѣ и Экономѣ и придать симъ изданіямъ болѣе положительнаго и прочнаго достоинства. Вотъ почему съ удовольствіемъ слышали мы извѣстіе, будто бы въ слѣдующемъ году появятся три повременныя новыя изданія. Одно изъ нихъ будетъ посвящено драматической словесности и сценическому искусству, а два другія, одно подъ заглавіемъ: *Практическій Журналъ технологіи и сельскаго хозяйства*, обниметъ технологію и сельское хозяйство, а другое подъ титуломъ: *Журналъ Русской Хозяйки*, заключитъ въ себѣ статьи о кухнѣ, прачешной, погребѣ, домашнемъ хозяйствѣ, городскомъ вообще, о огородахъ, садахъ, припасахъ, запасахъ, и проч. и проч. — Все это только покамѣстъ слухи и предположенія, но мы слышали, что драматическаго журнала редакцію принимаетъ на себя нѣкой-то опытный литераторъ, хозяйственнаго перваго практическій агрономъ, а другаго опытный экономъ, при пособіи многихъ хозяекъ, экономокъ, поваровъ, кандитеровъ, прачекъ, ключницъ, погребщиковъ, пивоваровъ, уксусниковъ, дворниковъ, и проч. Такое извѣстіе должно порадовать почтеннаго Ѳ. В., какъ «величайшаго приверженца спеціальныхъ журналовъ», заставляя его въ то же время болѣе заботиться о своихъ изданіяхъ» (*Р. В. стр.* 59).

Прежде, чѣмъ скажемъ, *что* и *какъ* возразилъ г. Ѳ. Б. на эту статью, мы должны замѣтить, что IV № «Русскаго Вѣстника» необыкновенно счастливо задался г-ну Ѳ. Б.—Въ отдѣлѣ «Новыя Русскія Книги», въ разборѣ «Комаровъ» г. Булгарина, мы встрѣчаемъ сіи поразительныя безпристрастіемъ и истиною строки:

«Намъ не понравилось въ «Комарахъ» одно: перепадки Ѳ. В. съ литературною братіею и безпрестанное толкованіе его о томъ, что на него всѣ нападаютъ; что всѣ на него нападающіе не правы; что большая часть изъ нихъ очень глупы; что нападенія ихъ служатъ ему въ пользу; что онъ ихъ не боится. Не пора ли перестать? Все исчисленное нами повторяется Ѳ. В. безпрестанно, и какая же пѣсня не припоется, если безпрестанно пѣть ее? Дѣло очень простое: на Ѳ. В. нападаютъ —правда, а онъ развѣ никого не трогаетъ? Какъ же требовать, чтобъ задѣтые молчали, если еще не было примѣра, чтобъ Ѳ. В. оставилъ когда-нибудь безъ отвѣта самое невинное и кроткое замѣчаніе? Кто погрозитъ ему иголкой — онъ рубитъ того мечемъ, а кто броситъ въ него хлопушку —онъ отвѣчаетъ изъ пушки, когда притомъ изъ *десяти* перепалокъ *девять всегда начинаетъ Ѳ. В.*? Вопросъ о томъ, всѣ ли противники Ѳ. В. не правы, думаемъ, и самъ онъ по совѣсти рѣшитъ отрицательно. Совершенство не дано въ удѣлъ человѣку, а ошибки неизбѣжный удѣлъ его. Задачу о томъ, всѣ ли соперники Ѳ. В. дураки, невѣжды и негодяи литературные, опять почитаемъ мы безспорно отрицательною. Если же нападки на Ѳ. В. ему не вредны, а полезны, изъ чего же заводить споры и шумъ? А что Ѳ. В. не боится нападокъ, пора публикѣ увѣриться и безъ непрестанныхъ о томъ напоминаній съ его стороны. Скажемъ откровенно: замолчи Ѳ. В., и никто не затронетъ его. Не угодно ли ему не заводить споровъ хоть полгода, хоть *для опыта*, *для* удостовѣренія въ словахъ нашихъ? Посмотрите, какъ все будетъ тихо и смирно» (Р. В. *стр*. 21).

Не правда ли, что теперь очень-любопытно знать содержаніе той огромной, сильной, доказательной и остроумной статьи, которою г. Ѳ. Б. возразилъ на статьи противъ него въ № IV «Русскаго Вѣстника»? Вотъ она, эта огромная, сильная, доказательная и остроумная статья, вся, отъ слова до слова, со всею ея огромностію, силою, доказательностію и остроуміемъ:

«Помните ли, что въ *Русскомъ Вѣстникѣ* напечатанъ былъ совѣтъ топить печи въ замѣнъ дровъ кочерыжками и стеблями

земляныхъ грушъ? Въ Сѣверной Пчелѣ было *строжно* замѣчено, что это—*небылица*. И вотъ Русскій Вѣстникъ, издаваемый подъ главнымъ надзоромъ *всезнающаго* Н. А. Полеваго, *вельми* разгнѣвался и выстрѣлилъ изъ всѣхъ своихъ баттарей въ одного изъ издателей Сѣверной Пчелы, Ѳ. Булгарина, принявъ за военный кликъ: Rira, qui rira le dernier! — Мы также принимаемъ этотъ девизъ, и будемъ имѣть честь отвѣчать Русскому Вѣстнику въ отдѣльной литературной статьѣ. Мало почтенному Н. А. Полевому литературной славы: онъ соблазнился славою изобрѣтателя карболеина, и изобрѣлъ кочерыжное *топливо*, отъ котораго насъ морозъ по кожѣ забираетъ! *(видите ли—что значитъ страсть единоторжія!)*—И такъ, до свиданія, милый Русскій Вѣстникъ!» *(Сѣверной Пчелы №* 119).

И только? Да тутъ ничего нѣтъ, кромѣ того, что называется chûte complète? восклицаетъ читатель. — Да чего же вы и хотите? отвѣчаемъ мы. —Противъ правды, хорошо-высказанной, нечего сказать... Тутъ по неволѣ прійдется отдѣлываться словами: *вельми*, *милый вѣстникъ* и т. п. А отдѣльная литературная статья? — Разумѣется, ея не было, потому-что не могло быть.—Но, вмѣсто ея, было вотъ что:

Въ № 130 «Сѣверной Пчелы» извѣщается, въ фельетонѣ, о представленіи въ Москвѣ «Елены Глинской», драмы г. Полеваго.

«Дирекція (по словамъ фельетона) сдѣлала все отъ нея зависящее, *но не могла придать драмѣ занимательности*... Парашу, Сибирячку, Парашу давайте намъ почтенный Н. А. Полевой! На что намъ *шекспириться*?—Параша, Иголкинъ намъ по сердцу: *мы не спрашиваемъ, откуда и какъ вы почерпаете сюжеты для вашихъ драмъ, и какъ ихъ кроите и сшиваете. Было бы хорошо, а мы все прощаемъ!*... Пусть васъ другіе упрекаютъ, будто вы, почтенный Н. А. Полевой, извлекаете много изъ чужихъ сочиненій; мы никогда не станемъ упрекать васъ въ этомъ, когда піеса ваша понравится публикѣ. Намъ до этого нѣтъ дѣла. *Когда пирогъ хорошъ, мы не спрашиваемъ, изъ чьей муки онъ спеченъ*, и благодаримъ того, кто насъ накормитъ. Извините, это сравненіе *эконом-ское*, и *хотя вы* теперь явно разсердились на *Экономію* (*когда-то это было*), а мы готовы праздновать ваше торжество на сценѣ. *Мы люди не злопамятные*, правду скажемъ, а лгать, выдумывать и унижать никого не станемъ.—Сельскаго хозяина изъ васъ никогда не будетъ, почтенный Н. А. Полевой; *въ критикахъ вашихъ, особенно въ антикритикахъ, всегда больше страсти, нежели правды*, но для сцены вы человѣкъ золотой, и мы вамъ низко кланяемся!»

Вотъ истинное безпристрастіе! Г. Ѳ. Б. за одно нападаетъ на г. Полеваго, а за другое хвалитъ его: нападаетъ за критику его на Ѳ. Б., а хвалитъ за драматическія сочиненія!.. Это напоминаетъ басню Крылова «Левъ и Барсъ», которая оканчивается этимъ стихомъ:

Кого намъ хвалитъ врагъ, въ томъ вѣрно проку нѣтъ.

Въ № 142 «С. Пчелы», при разборѣ «Дагеротипа», г. Полевому досталось порядочно за его разсказъ «Семенъ-Семеновичъ Огурчиковъ». Тамъ, между прочимъ, сказано: «Мы съ благоговѣніемъ читали нѣкогда разборъ Н. А. Полеваго Китайской Грамматики отца Іакинѳа, удивляемся великимъ познаніямъ Н. А. Полеваго по всѣмъ возможнымъ отраслямъ человѣческихъ свѣдѣній, и только ждемъ осени, чтобъ употребить въ дѣло новое его изобрѣтеніе, и вмѣсто карболеина топить печи капустными кочерыжками и стеблями земляныхъ грушъ, какъ почтенный Н. А. Полевой совѣтуетъ въ 4-й книжкѣ Русскаго Вѣстника на сей 1842 годъ».—Затѣмъ слѣдуютъ доказательства, что г. Полевой написалъ своего «Огурчикова» по грамматическимъ формамъ *печенѣжскаго* языка. Это, изволите видѣть—маленькое мщеніе за нападки г. Полеваго (подкрѣпленные нѣкоторыми словами и выраженіями г. Ѳ. Б., выписанными курсивомъ), изъ которыхъ ясно значится, что Ѳ. Б. держится, въ своихъ русскихъ писаніяхъ, литовско-бѣлорусской конструкціи. «А вы (восклицаетъ фельетонистъ), почтенный Н. А.

«Полевой» (что за гостинодворская вѣжливость: все «почтенный», да «почтеннѣйшій», да по имени и по отечеству!..) «подмѣчаете наши описки въ *ежедневномъ* листкѣ, выставляете ихъ «наружу, а г. Ламбину уже не даете и «уголка на поприщѣ литературы!»— «Намъ весьма прискорбно, что *по«чтенный Н. А. Полевой* пишетъ и «печатаетъ такія статьи, какъ «Семенъ «Семеновичъ Огурчиковъ»! Длинно, «широко и тяжело... *Вообще замѣча«ютъ, что съ нѣкотораго времени*... «Но довольно объ этомъ!»—Дѣйствительно, «Огурчиковъ» г. Полеваго, скажемъ и мы, плохъ изъ рукъ вонъ; но все же ничѣмъ не хуже ни «Иголкина», ни «Параши», а г. Ѳ. Б. нашелъ его плохимъ явно за статью въ № IV «Русскаго Вѣстника». Можно сказать, по этому случаю, что не ему бы, г. Полевому, это слышать, и не ему бы, г-ну Ѳ. Б. это говорить... Тѣмъ въ фельетонѣ № 142 «Пчелы» и кончается о г. Полевомъ; но есть много-много интереснаго о «Дагеротипѣ»; на-пр.:

«Издатель Дагеротипа вовсе не виноватъ! Онъ думалъ, что нашелъ кладъ, когда пріобрѣлъ широковѣщательное писаніе *съ огородными [illegible] писателя*, который одинъ изъ всѣхъ сказалъ печатно: «Я знаю Русь и Русь меня знаетъ. Семенъ Семеновичъ Огурчиковъ говоритъ не то.»

За тѣмъ слѣдуетъ опроверженіе извѣстія, помѣщеннаго въ «Дагеротипѣ»:

«Авторъ писемъ говоритъ объ актерѣ Громовѣ, о піесѣ Елена Глинская, утверждая, что теперь стало [illegible] т. е. [illegible], что было прежде [illegible] [illegible]. Мы вовсе не замѣчали. Было всегда [illegible], а теперь и совсѣмъ затихло.»

Но лучше всего, въ фельетонѣ № 142 «Пчелы», слѣдующій совершенно [illegible]:

«[illegible] спора, что для геніальныхъ писателей [illegible] [illegible], что не говорить объ [illegible] въ какомъ-нибудь захолустьѣ, а на-примѣръ, Евгеній Сю, Дюма, Гюго, не падутъ оттого, если *какой-нибудь недоучка, выучившійся грамотѣ самоучкою*, станетъ напрягать свои силы, чтобъ доказывать ихъ ошибки.»

Глубоко вошла стрѣла *[illegible]ной* замѣтки «Русскаго Вѣстника» въ чувствительное сердце редактора «Эконома»! О чемъ бы ни говорилъ онъ, непремѣнно обратится, хоть вскользь, къ тому же предмету. Для этого «Пчела» даже пустилась, въ № 157, въ критику, въ которую пускается она только въ крайнихъ случаяхъ, и размахнулась разборомъ книжки г-жи Авдѣевой «Записки о старомъ и новомъ русскомъ бытѣ». Вотъ два примѣчательнѣйшія мѣста въ рецензіи г. Ѳ. Б.:

«Быть можетъ, есть на свѣтѣ и такіе люди, которые, зная, *какъ несправедливо* поступилъ съ нами Н. А. Полевой (упоминая въ Русскомъ Вѣстникѣ о нашемъ скромномъ *Экономѣ* и о *Репертуарѣ* и *Пантеонѣ*, надъ которымъ мы имѣемъ надзоръ, въ отсутствіе издателя); подумали, что мы воспользуемся случаемъ и отплатимъ *[illegible]*, или зубъ за зубъ, око за око... Жалѣемъ, если есть такіе люди, которые могутъ думать, что личныя отношенія въ состояніи совратить съ истиннаго пути старшаго литератора, любящаго душою словесность и почитающаго справедливость и любовь къ истинѣ высшимъ качествомъ въ критикѣ.»

По языку и слогу своему эта выходка г. Ѳ. Б., особенно послѣ *писателя съ огородными [illegible] и квасника, самоучкою выучившагося грамотѣ*, напоминаетъ слова Чичикова, при торгѣ мертвыхъ душъ у Манилова: «Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ, хотя за это и потерпѣлъ на службѣ, но ужъ извините: обязанность для меня дѣло священное — я нѣмѣю передъ закономъ» (Мерт. Души, стр. 62).

«Нынѣ! [illegible] [illegible], [illegible] книгу, а мы должны [illegible] [illegible] и потомъ, прочитавъ съ удовольствіемъ записки К. А. Авдѣевой, желаемъ всѣмъ любящимъ Русь насладиться этимъ чтеніемъ. Книга написана легко, разсказъ живой, и если Н. А. Полевой могъ поправить какую-нибудь кавычку въ книгѣ своей сестры, то не могъ сообщить ей слога.»

Рѣдкое безпристрастіе! Оно тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что сочин-

тель такъ, и подноситъ его къ глазамъ читателя... А манера выражаться—все-таки чичиковская; но она тѣмъ лучше, что г. Ѳ. Б., браня «Мертвыя Души», подражаетъ ихъ героямъ въ способѣ выражаться... »

За симъ—конецъ! Вся эта повѣсть, которую мы разсказали, какъ фактъ и матеріалъ для будущаго историка русской литературы, кажется намъ, по ея содержанію, забавною и поучительною не меньше «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Это поразительное сходство между истиннымъ событіемъ, сейчасъ разсказаннымъ нами, и вымышленною повѣстью можетъ служить тысячью-первымъ доказательствомъ, какъ глубоко воспроизводитъ Гоголь, въ своихъ созданіяхъ, дѣйствительную жизнь: чѣмъ больше понимаешь ее, тѣмъ больше найдешь случаевъ, на каждомъ шагу, припоминать то ту, то эту повѣсть Гоголя, или то это, то другое мѣсто изъ повѣстей Гоголя. Тамъ два друга, вполнѣ достойные одинъ другаго, поссорились, разорвали долголѣтнюю пріязнь—изъ чего же?—изъ того, что одинъ не согласился уступить свое ни къ чему негодное ружье за большую здоровую свинью... Здѣсь двое литераторовъ, соединенныхъ издавна пріязнію, ссорятся—изъ чего же?—изъ *кочерыжекъ!*... Правда, эта пріязнь разрывалась уже не разъ, и разрывъ всегда былъ или изъ ничего, или изъ правды, сказанной однимъ изъ нихъ на-счетъ плохихъ картъ въ плохой исторіи другаго; но все-таки пріятно, умилительно было видѣть для нашего враждующаго литературнаго міра, какъ они всегда адресовались одинъ къ другому съ полнымъ уваженіемъ, съ титуломъ «почтеннаго» и «почтеннѣйшаго», называя другъ-друга или просто по имени и по отчеству, или, въ торжественныхъ случаяхъ, даже не только по имени и отчеству, но притомъ и съ присовокупленіемъ фамиліи... Какъ образованные литераторы, они даже и въ споръ, и въ ссорѣ, не оставили этихъ изящныхъ формъ дружескаго обхожденія; но теперь это уже не искренно... Намъ скажутъ, что въ ссорѣ виноватъ одинъ, и что другой велъ себя въ ней и твердо, и умно, отвѣчалъ ловко и остро, и что, слѣдовательно, все смѣшное остается на сторонѣ только перваго. Согласны, вполнѣ согласны; но мы думаемъ и убѣждены, что во всякомъ случаѣ литературная ссора съ пріятелемъ, ставитъ каждаго въ комическое положеніе, для избѣжанія котораго только одно средство—избѣгать пріязни съ сочинителями, съ которыми можно завязаться въ кочерыжечную перепалку, или, уже, уважая себя, терпѣть отъ нихъ все... Впрочемъ, у всякаго свой образъ мыслей...

Исторія о «Мертвыхъ Душахъ» все еще продолжается: о нихъ толкуютъ и спорятъ въ публикѣ, о нихъ разсуждаютъ въ журналахъ. Прислушиваясь къ толкамъ и приглядываясь къ печатнымъ сужденіямъ, невольно видишь матеріалы для новой поэмы въ томъ же родѣ... Многія печатныя сужденія такъ и смотрятъ—кто Ноздревымъ, кто размазнёю-Маниловымъ, уѣзднымъ сантиментальнымъ мечтателемъ, кто Селифаномъ, резонёрствующимъ съ лошадьми... Изъ хвалителей, каждый находитъ героя по себѣ, говоря: вотъ одно лицо благородное и умное. Одинъ изъ критиковъ не шутя провозгласилъ, что всѣ лица гадки (по отношенію къ нимъ-самимъ, а не къ искусству), кромѣ... кого бы вы думали?... не отгадаете!... кромѣ Селифана! Критикъ видитъ въ немъ неиспорченную русскую натуру... Въ чемъ же состоитъ эта неиспорченная натура?—Въ томъ, что она напивается пьяною не по грубой животности, а потому-что съ хорошимъ человѣкомъ пріятно выпить... Право такъ! Впрочемъ, есть и другія доказательства неиспорченной натуры Селифана: это его готовность быть высѣченнымъ, сердечность, съ которою онъ говоритъ о милой ему кон-

шинѣ и знакомой ему припаркѣ... Хороша неиспорченная натура!.. Впрочемъ, и этимъ еще не кончились доказательства въ пользу неиспорченной натуры Селифана: ко всему этому критикъ прибавляетъ его пріятельское обращеніе съ лошадьми... Теперь понимаете ли что такое неиспорченная натура, по мнѣнію критика?... Теперь понимаете ли, что если кто не пьетъ сивухи, не напивается на смерть съ первымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, считая его за хорошаго человѣка, кто не разговариваетъ съ лошадьми, и не позволитъ взыскать себя извѣстною милостію, по спинѣ, — горе тому: онъ испорченная натура! онъ покорился обаянію лукаваго Запада, погубилъ и душу и тѣло свое на вѣки!...

—

Когда вышелъ «Ревизоръ» одинъ извѣстный критикъ отказался писать о немъ, видя въ немъ грязное произведеніе; одинъ журналъ отказался напечатать у себя повѣсть Гоголя «Носъ», находя ее также грязною; недавно одинъ критикъ поставилъ Гоголя, въ ряду русскихъ поэтовъ, ниже г. Павлова (писателя даровитаго, но совсѣмъ не Гоголя). Жаль, что некогда справляться, а то бы можно было много найдти фактовъ, доказывающихъ, что иные критики съ нѣкотораго времени совсѣмъ-иначе заговорили о Гоголѣ, нежели какъ говорили о немъ прежде, и еще очень-недавно. А между-тѣмъ, посмотрите, какъ они сердятся, что другіе поняли Гоголя такъ-сказать со дня его вступленія на литературное поприще, и что осмѣлились намекнуть на это, какъ на свою собственную заслугу, изъ опасенія, чтобъ ихъ не смѣшивали съ повторителями чужихъ мыслей и даже словъ, за неимѣніемъ своихъ!.. Кто постоянно слѣдитъ за нашею литературою, тотъ знаетъ, гдѣ въ первый разъ Гоголь былъ оцѣненъ. Можетъ-быть, многіе знаютъ, и безъ указаній, гдѣ и кто говорилъ, и послѣ того, о Гоголѣ въ томъ же духѣ, и тѣмъ же тономъ... Почему жь бы и не замѣтить того, что принадлежитъ вамъ по праву?... Но люди неблагодарны: вы же ихъ научите, вы же кое-какъ наконецъ вдолбите имъ что-нибудь въ ихъ крѣпкіе черепы, — и они же, за это, поведутъ васъ на толкучій рынокъ, услужливо снабдятъ васъ своимъ же мѣднымъ лбомъ, обвинятъ въ самохвальствѣ, и обвинятъ вашу фигуру тощею, какъ-будто это страшный недостатокъ и какъ-будто педантическая фигура съ брюшкомъ лучше тощей фигуры. Но, что всего забавнѣе, они назовутъ ваши похвалы автору непрошенными, какъ-бы намекая тѣмъ, что у нихъ этотъ авторъ выпрашивалъ ихъ запоздалыя, съ чужаго голоса взятыя похвалы... Что касается до насъ, — объявляемъ во всеуслышаніе, что тѣ писатели, которыхъ мы хвалимъ, никогда не просили нашихъ похвалъ, и что мы хвалимъ *даромъ*...

—

Одинъ критикъ видитъ въ Гоголѣ существо двойное или раздвоившееся: одна половина, видите ли, смѣется, а другая плачетъ... Оригинальная мысль! Есть люди, которые никакъ не могутъ понять смѣха въ слезахъ, особенно же слезъ въ смѣхѣ, и хотятъ все дѣлить и различать механически, чтобъ иное великое явленіе какъ-нибудь сдѣлать доступнымъ своей ограниченности.

—

Вѣроятно, многимъ случалось видѣть людей, которые, побывавъ въ Парижѣ и возвратясь въ Россію, говорятъ при всякомъ случаѣ: «у насъ въ Парижѣ»? Такъ нѣкоторые критики, о чемъ бы ни говорили, никакъ не могутъ обойтись безъ Италіи. Одинъ изъ *таковыхъ* дѣлаетъ Гоголя ученикомъ Гомера, Данта и Шекспира. Признаемся, мы не видимъ въ «Мертвыхъ Душахъ» слѣдовъ изученія этихъ великихъ образцовъ. Что авторъ «Мертвыхъ Душъ» можетъ совпадать съ ними — противъ этого не споримъ; но причина этого не изученіе, а то, что поэзія не можетъ не совпадать съ поэзіею. Между всѣми ими есть одно

общее,—именно то, что всѣ они поэты...

—

Нѣкто, толкуя вкось и вкривь, по крайнему своему разумѣнію, о Селифанѣ, о дядѣ Митяѣ и дядѣ Миняѣ, обвиняетъ Гоголя въ односторонности, въ томъ, что онъ показываетъ Русскихъ только съ одной ихъ стороны. Критику очень не нравится, что пьяный Селифанъ опрокинулъ бричку и вывалилъ изъ нея своего барина, и что дядя Миней и дядя Митяй своимъ вмѣшательствомъ только больше напутали дѣло. Критикъ твердитъ одно: Русскій человѣкъ за поясъ заткнетъ Нѣмца; русскіе мужички въ дорогѣ очень *безкорыстны*. Послѣднюю истину очень хорошо знаютъ всѣ, у кого въ дорогѣ ломалась ось экипажа, или экипажу случалось завязнуть въ грязи или заборѣ... Критикъ еще утверждаетъ, что русскій мужикъ, хоть и прихвастнетъ и опрокинетъ спьяну, за то и «выѣдетъ на авосѣ по соломенному мосту». Правда! но правда и то, что много людей пропадаетъ въ оврагахъ, рѣкахъ, на мостахъ и пр., благодаря *авосю*...

—

Но изъ всѣхъ забавныхъ мнѣній, высказанныхъ по случаю «Мертвыхъ Душъ», самое забавное, безъ сомнѣнія, то, что фантазія Гоголя *хлѣбосольная*...Гоголь—видите—не потому такъ отчетливо рисуетъ главные характеры, и такъ ярко, одною или нѣсколькими чертами, какъ-бы вскользь и мимоходомъ, изображаетъ множество второстепенныхъ и какъ-будто случайно подвернувшихся характеровъ, не потому-что онъ вѣренъ дѣйствительности, а потому-что его фантазія русская, стало-быть, и *хлѣбосольная*, и держится пословицы: *что есть въ печи, все на столъ мечи*... Милая критическая наивность! Черта изъ золотаго вѣка!...

—

Но вотъ еще такая же *буколическая* черта: одинъ изъ критиковъ, желая похвалить Гоголя, такъ выражается о его слогѣ: «Рѣчь его разсыпчата, какъ *сдобное тѣсто*, на которое не пожалѣли *масла*: она льется черезъ край, какъ переполненный стаканъ, налитой рукою *щедраго* хозяина, у котораго вино и скатерть ни по чемъ; отъ того-то и періодъ его бываетъ слишкомъ *грузно-начиненъ*, какъ пирогъ у затѣйливаго гастронома, который купилъ безъ разсчета припасовъ и не щадилъ никакой *начинки*»... Воля ваша, а эта кухонная похвала, должно быть, *непрошенная*...

—

Да, много забавнаго и мало дѣльнаго въ нашемъ пишущемъ мірѣ; но есть и дѣльное. Въ 3-й книжкѣ «Современника» на нынѣшній годъ, прочли мы умную и прекрасно-написанную статью о «Мертвыхъ Душахъ», означенную литерами «С. Ш.» и присланную въ журналъ изъ Житоміра.

—

«Сѣверная Пчела», извѣщая (№ 196) о постановкѣ на московской сценѣ выписокъ изъ «Мертвыхъ Душъ», замѣчаетъ, что при нихъ «лучше бы всего было представить въ лицахъ драматическую картину на Мертвыя Души изъ послѣдней (8-й) книжки *Библіотеки для Чтенія*», и прибавляетъ, что «это было бы и кстати, и умно, и забавно, и дѣльно, и полезно, какъ для автора, такъ и для публики».—Многіе, совершенно соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, находятъ, что еще было бы лучше, послѣ драматической картины на «Мертвыя Души» изъ «Библіотеки для Чтенія» представить драматическую картину на «Библіотеку для Чтенія» изъ девятой книжки «Отеч. Записокъ» (*), и что это было бы и кстати, и умно, и забавно, и дѣльно, и полезно, какъ для автора драматической картины на «Мертвыя Души», такъ и для публики...

—

(*) Въ отдѣлѣ «Смѣсь» статья «Литературный Разговоръ, подслушанный въ книжной лавкѣ», стр. 39 — 43.

Въ 200 № «С. Пчелы» г. Булгаринъ, завѣдывающій редакціею «Репертуара», соединеннаго (на оберткѣ) съ «Пантеономъ», доноситъ публикѣ, что не бывало, нѣтъ, не будетъ и быть не можетъ лучше этого изданія. Тонъ этого объявленія самый галантерейный: г. Булгаринъ не называетъ русской публики иначе, какъ: «милостивая государыня, почтеннѣйшая публика».

*

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Прусское министерство наконецъ обнародовало Липмановъ секретъ дѣлать копіи съ картинъ масляными красками. Изобрѣтатель составилъ описаніе всему производству и приложилъ шесть пояснительныхъ таблицъ. Дѣло въ томъ, что приготовляется цвѣтная масса произвольной толщины; въ ней находится картина, которую хотятъ оттиснуть, на мозаическій манеръ, проходя насквозь массу во всю ея толстоту. Эта сухая и жесткая масса распиливается тонкою пилою на сто, напримѣръ, плитъ, изъ которыхъ, слѣдовательно, каждая содержитъ въ себѣ на обѣихъ своихъ сторонахъ печатаемую картину. Плитки покрываются слегка масломъ, и тогда на полотно, картонъ или бумагу можно снять съ нихъ столько масляныхъ оттисковъ, на сколько хватитъ цвѣтной массы. Состоитъ же она изъ живописныхъ красокъ, истолченныхъ въ мельчайшій порошокъ; приготовленныя съ масломъ, онѣ становятся весьма-скоро-засыхающимъ и твердымъ тѣломъ. Посредствомъ мелкости краски и особеннаго употребленія мелкаго безцвѣтнаго песка, также входящаго въ составъ, художникъ можетъ съ одной стороны производить въ картинѣ такое слитіе тѣней, что различить ихъ можно только вооруженнымъ глазомъ, а съ другой стороны можетъ картину покрывать красками совершенно-свободно. Далѣе, эта метода представляетъ ту выгоду, что большія картины могутъ по частямъ приготовляться вдругъ нѣсколькими пріученными къ тому работниками, ибо массы, положенныя одна къ другой и одна на другую, такъ скрѣпляются, что становятся одной цвѣтной массою, будто однимъ человѣкомъ приготовленною. Такимъ образомъ, эта метода не стѣсняетъ ни свободы составленія, ни покрытія красками, и разница отъ производства при живописи состоитъ, слѣдственно, въ томъ только, что мѣста, которыя живописецъ выполняетъ самъ кистью, по новой методѣ онъ даетъ подъ своимъ надзоромъ выполнять пріученнымъ работникамъ. Потому и картины, приготовленныя по этой методѣ, будутъ, какъ во всякомъ искусствѣ, соотвѣтствовать таланту и генію художника; тутъ дѣло не зависитъ ни отъ солнца, какъ въ дагерротипѣ, ни отъ химическаго разложенія, какъ въ гальванопластикѣ, а остается чистымъ произведеніемъ художника.

— Извѣстному баварскому живописцу Корнеліусу, поручено отъ англійскаго правительства расписать стѣны въ залахъ новаго парламента, но Корнеліусъ требуетъ, чтобъ стѣны совершенно высохли, и не ранѣе какъ черезъ три года намѣренъ приняться за работу. Для живописи al fresco, первая необходимость хорошее приготовленіе извести. Въ Мюнхенѣ приготовляютъ известку для покрытія стѣнъ подъ фрески слѣдующимъ образомъ. Сперва наполняютъ яму гашеною известью, и размѣшавъ ее порядочно, покрываютъ верхній слой на два фута чистымъ рѣчнымъ пескомъ, чтобъ воздухъ не досягалъ извести, и потомъ всю яму обкладываютъ землею. Известь въ такомъ состояніи должна сберегаться три года. Корнеліусъ приготовилъ подобнымъ образомъ известь для стѣнъ Церкви Св. Лудовика въ Мюнхенѣ, и не прежде началъ писать на ней фрески, какъ по прошествіи

восьми лѣтъ. Вездѣ, гдѣ только фресковыя картины полиняли отъ времени, причиною этого, по мнѣнію Корнеліуса, была молодая известь, рано употребленная для штукатурки стѣнъ. На опытѣ дознано, что сырость и перемѣнная погода не имѣютъ вліянія на фрески, и это доказывается многими зданіями въ Генуѣ, снаружи расписанными, на которыхъ фрески не полиняли въ-теченіи нѣсколькихъ столѣтій.

— Мы говорили въ этой же книжкѣ нашего журнала (Засѣданія Учен. Общ.) объ усовершенствованіи, сдѣланномъ въ дагерротипѣ берлинскимъ физикомъ Мозеромъ. Вотъ еще новое усовершенствованіе. Нѣкто Уитсонъ (Wheatson) изобрѣлъ такъ-называемый стереоскопъ (stereoscop), посредствомъ котораго два портрета, положенные одинъ на другой, принимаютъ видъ барельефа. Возьмите, напримѣръ, два дагерротипные портрета, снятые съ одного лица, приложите ихъ къ стереоскопу и смотрите на нихъ въ зеркало; — увидите совершенно похожій портретъ означеннаго лица, но не плоскій, а рельефный. Надобно самому видѣть этотъ опытъ, чтобъ представить себѣ ясно удивительное превращеніе картинки въ выпуклое изображеніе.

— Одинъ англійскій журналъ извѣщаетъ, что библіотека аббатства Кольвича, не подалеку отъ Атбоурна, владѣетъ завиднымъ сокровищемъ — значительнымъ собраніемъ нотъ генделевыхъ сочиненій, писанныхъ его собственною рукою. «Великій композиторъ, говоритъ журналъ, часто гостилъ въ Кольвичѣ и отлично-устроенный, имъ самимъ выбранный органъ, съ его бюстомъ наверху, стоитъ еще понынѣ въ тамошней залѣ. Тутъ игралъ Гендель, и нѣтъ, можетъ-быть, ничего невѣроятнаго, что повременной жизни его въ этомъ мирномъ мѣстѣ, среди красотъ природы и въ сообществѣ друзей, обязаны мы нѣкоторыми изъ его возвышеннѣйшихъ музыкальныхъ произведеній.

— Фламандскіе литераторы давали на-дняхъ великолѣпное празднество въ Диксмундѣ. Этотъ городъ, какъ извѣстно, назначилъ двѣ богатые призы за лучшее эпическое стихотвореніе и за лучшую прозаическую статью. Первый призъ получила гентская дама, г-жа Курманесъ, а второй — адвокатъ Рессе. Мы пока еще не знаемъ ничего о фламандской литературѣ, которая, кажется, процвѣтаетъ въ Бельгіи, если вѣрить извѣстіямъ изъ Диксмунда.

— Читатели знаютъ, что въ Германіи вышла историческая и философская біографія Канта, написанная Шубертомъ, который, вмѣстѣ съ Розенкранцемъ, вновь издалъ сочиненія Канта. Фарнгагенъ-фон-Энзе пополнилъ эту біографію письмомъ къ редактору «Élégante Welt», выходящаго въ Лейпцигѣ. Между прочими любопытными анекдотами о знаменитомъ философѣ находимъ слѣдующее. На обѣдахъ у Канта много было говорено о политикѣ и почти не поминалось о литературѣ; Кантъ даже ни разу не высказалъ своего мнѣнія о Гёте. О Жанъ-Полѣ онъ говорилъ, что, прочитавъ его одинъ разъ, можно почесть сумасшедшимъ; но, перечитавъ, увидишь, что часто у этого человѣка есть умъ. Онъ не любилъ ни Гердера, ни его «Идей». Гердеръ представилъ ему другое сочиненіе, которое Канту не нравилось. Гердеръ письмомъ просилъ его указать на пункты, которые слѣдуетъ перемѣнить; но Кантъ отказался, объявивъ, что въ этой книгѣ есть одинъ только пунктъ, да и тотъ ложный.

— Неаполитанское правительство рѣшилось продолжать отыскиваніе древностей въ Геркуланумѣ. Для этого откупило земли, лежащія подлѣ Резины, Torre de l'Annunziata, Помперы и Мизено. Землекопныя работы производятся подъ наблюденіемъ особой коммиссіи, составленной изъ археологовъ и архитекторовъ. Г-нъ Цанъ, который занимался сряду семь лѣтъ копированіемъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ картинъ извѣстныхъ художниковъ, составляетъ полную коллекцію ихъ на счетъ правительства. Въ этомъ

родъ живописи, онъ употребляетъ особый способъ литохроміи, которая позволяетъ накладывать краски въ порошокъ. Первые четыре опыта живописи выставлены на показъ публикѣ и заслужили всеобщую похвалу знатоковъ. Краски на картинахъ такъ же свѣжи и блестящи, какъ обыкновенныя масляныя, которыми недавно писано.

— Въ Департаментѣ Па-де-Кале продолжается раскапываніе Этапля; каждый день работники отрываютъ какія-нибудь интересныя вещи. Въ продолженіи нынѣшняго года открыто болѣе 60 домовъ изъ этого провалившагося города, и, кромѣ разныхъ ремесленныхъ инструментовъ найдено нѣсколько сосудовъ съ римскими монетами. Огромныя кучи пепла доказываютъ, что этотъ городъ провалился отъ огня, и полагаютъ, что его подземныя развалины принадлежатъ древнему Кванторику (Quantoricus).

— Предположеніе о возстановленіи веймарскаго дома Гёте со всѣми его собраніями, какъ національнаго памятника, близко, какъ увѣряютъ, къ исполненію. Три сильные германскіе государя способствуютъ предпріятію, и чтобъ оно было истинно *національнымъ*, хотятъ предоставить выполненіе его Германскому Союзу. Наслѣдники Гёте согласны на это предпріятіе. Отдѣлъ монетъ и древностей перевезенъ опять въ Веймаръ изъ Берлина, куда посылали его для оцѣнки и составленія каталоговъ къ доктору Фридлендеру. Общіе каталоги собраній, какъ скоро окончатся, будутъ публикованы.

— Недавно умеръ въ Ашаффенбургѣ братъ извѣстной Беттины, *Климентъ Брентано* (род. 1777 году), писатель памятный въ нѣмецкой литературѣ по той ея отрасли, которая, подъ предводительствомъ Тика и Новалиса, развивалась независимо отъ Гёте, въ началѣ текущаго столѣтія. Послѣдніе 10 лѣтъ жизни провелъ онъ въ Мюнхенѣ.

— 30 іюня происходила раздача наградъ во Французской Академіи. Вотъ какъ описываютъ это торжественное засѣданіе. Множество посѣтителей столпилось въ зданіи Института. Въ числѣ присутствующихъ находился турецкій посолъ Решидъ-Паша. Въ 2 часа пополудни члены академіи вступили въ большую залу. Графъ Моле́, директоръ на нынѣшній триместръ, занялъ президентскія кресла; по правую руку его сидѣлъ Сальванди, по лѣвую Вильмѐнъ, министръ народнаго просвѣщенія, исправлявшій при этомъ торжествѣ должность непремѣннаго секретаря академіи. Между прочими членами явился и возвратившійся изъ Лондона Барантъ. Засѣданіе открылось рѣчью Вильмѐна, гдѣ оцѣнено достоинство литературныхъ произведеній, увѣнчанныхъ академіею. Задачею по предмету краснорѣчія было похвальное слово Паскалю. Премію получилъ Демуленъ. Пужула за его «Исторію Іерусалима», назначена премія въ 4000 франковъ; премія въ 3000 фр. выдана дѣвицѣ Лажоле́ за сочиненіе «Education pratique des femmes». Медаль въ 2500 фр. получилъ Потье́ за сочиненіе «Священныя книги Востока». Пюибюску, за ученое изслѣдованіе о вліяніи испанской литературы на французскую въ XII столѣтіи, положена премія въ 3000 франковъ. По части переводовъ съ иностраннаго важнѣйшихъ сочиненій, получилъ Бушитте́ медаль въ 2000 фр. за переводъ «Спиритуалистической монологіи и прослогіи» Ансельма Кентерберійскаго; баронесса Карловицъ получила медаль за переводъ шиллеровой «Тридцатилѣтней Войны»; такая же медаль дана Анри Мартѐну за переводъ Платонова «Тимея», а Пьеррону за переводъ Эсхила. — Послѣ раздачи наградъ читаны отрывки изъ увѣнчаннаго похвальнаго слова Паскалю. Академики и многіе изъ посѣтителей сильно рукоплескали ѣдкой критикѣ автора на Вольтера. Замѣчательно, что академія назначенное въ задачу на 1843 годъ похвальное слово Вольтеру заблагоразсу-

дѣла перемѣнить просто на *рѣчь о Вольтерѣ* (discours sur Voltaire).—Въ заключеніе торжества графъ Моле сказалъ рѣчь о нравственныхъ поступкахъ, награжденныхъ академіею. Нынѣшній годъ такихъ наградъ выдано двѣ премія по 3000 франковъ, восемь золотыхъ и семь серебряныхъ почетныхъ медалей.

— Въ теченіе августа умеръ въ Вьеннѣ капитанъ Фрейсинѐ, также кругосвѣтный путешественникъ, какъ и Дюмон-д'Юрвиль. Въ-теченіи четырехъ мѣсяцевъ, Франція потеряла двухъ своихъ знаменитыхъ плавателей. Фрейсинѐ родился въ Монтелимарѣ 7 августа 1779 года, и вступилъ въ морскую службу въ январѣ 1794. Подобно д'Юрвилю, онъ оказалъ важныя услуги наукѣ.

—Въ Новомъ Южномъ Валлисѣ открыли, говорятъ, около 50 англійскихъ миль къ сѣверу отъ Кларенціи, новую рѣку, которую назвали «Ричмондомъ». Миль на 100 вверхъ отъ ея устья нѣкто Стапльтонъ завелъ поселеніе; рѣка тамъ имѣетъ 11 футовъ глубины; вода въ ней весьма-свѣжа. Съ большими похвалами отзываются объ ея берегахъ, покрытыхъ густыми кедрами и соснами. Если это дѣйствительно новое открытіе, то оно важно особливо тѣмъ, что рѣка эта образуетъ новый путь сообщенія Сиднея съ Моретон-Баемъ.

— Бывшій сербскій господарь, живущій нынѣ въ Германіи, Милошъ, подарилъ Аѳинскому Университету на достройку его зданій 25,000 драхмъ, т. е. около 10,000 флориновъ.

— Въ «Medical Gazette» описываютъ два весьма-замѣчательные гальваническіе опыта. У кошки отрѣзали голову, и когда кровь перестала течь изъ шеи, вынули спинной мозгъ изъ позвоночной кости и впустили туда амальгаму изъ ртути, серебра и свинца; въ ту же минуту пульсовая жила начала биться у безголовой кошки, и она начала шевелиться. У другой кошки вынули изъ головы и изъ спиннаго хребта мозгъ; потомъ черепъ ея и позвоночную кость наполнили амальгамою. Жизнь, казалось, опять вошла въ кошку: она подымала голову, открывала и жмурила глаза, и пыталась встать на ноги; приподнявшись, немного, она потомъ валилась на бокъ. Это движеніе повторялось нѣсколько разъ. Кажущееся оживленіе кошки продолжалось только двадцать минутъ; послѣ того она упала, и болѣе уже не трогалась съ мѣста.

—Знаменитый астрономъ Гершель, замѣтилъ однажды въ собраніи натуралистовъ въ Манчестерѣ, что удары грома могутъ быть слышны на разстояніи 20 или 30 англійскихъ миль, но блескъ молніи можно видѣть на пространствѣ 200 миль.

— Въ Кентукки (въ Сѣверной Америкѣ) есть огромнѣйшая мамонтова пещера, въ которой теплая температура воздуха никогда не перемѣняется, и во многихъ болѣзняхъ оказываетъ несомнѣнное облегченіе, что могутъ подтвердить до 200 больныхъ американскихъ жителей, выздоровѣвшихъ тамъ. До-сихъ-поръ эта странная пещера развѣдана на 14 миль въ длину. Въ 3 миляхъ отъ входа въ нее течетъ рѣка, въ которой водятся особаго рода безглазыя рыбы, совершенно-бѣлыя и называемыя кошками. Потолокъ и стѣны пещеры покрыты дивными натуральными узорами равныхъ каменныхъ породъ и кристаллизацій, такъ что освѣщенные бенгальскимъ огнемъ, они представляютъ чудесное, обворожительное зрѣлище, подобнаго которому нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ. Эта исполинская пещера, по многимъ признакамъ, кажется, была нѣкогда обитаема, и притомъ такими людьми, которыхъ порода совершенно исчезла съ лица земли.

— Вотъ обозрѣніе германскихъ университетовъ за первую половину 1842 года.—Въ Берлинѣ 146 профессоровъ и доцентовъ; въ Лейпцигѣ 97; въ Геттингенѣ 91; въ Бреславлѣ 79; въ Боннѣ 72; въ Галле и Мюнхенѣ по 66; въ Гейдельбергѣ и Тюбингенѣ по 62; въ Іенѣ 60; въ Кёниг-

бергѣ 53; въ Марбургѣ 50; въ Гиссенѣ 47; въ Берлинѣ 46; въ Цирихѣ 45; въ Эрлангенѣ и Килѣ по 44; въ Фрейбургѣ и Вирцбургѣ по 39; въ Базелѣ и Грейфсвальдѣ по 34. А вотъ *число студентовъ относительно къ числу преподавателей*: Берлинъ: 1757 студ; 1 преп. на 12 студ; — Мюнхенъ: 1325 студ; 1 преп. на 20 студ; — Лейпцигъ: 884 студ; 1 преп. на 9 студ; — Тюбингенъ: 781 студ; 1 преп. на 12 студ; — Геттингенъ: 728 студ; 1 преп. на 8 студ; — Галле: 705, 1 преп. на 10 студ; — Бреславль: 639 студ; 1 преп. на 9 студ; — Гейдельбергъ: 572 студ; 1 преп. на 9 студ; — Боннъ: 558 студ. 1 преп. на 8 студ; — Вирцбургъ: 485 студ; 1 преп. на 12 студ; — Гиссенъ: 446 студ; 1 преп. на 9 студ; — Іена: 414 студ; 1 преп. на 7 студ; — Кенигсбергъ: 369 студ; 1 преп. на 7 студ; — Эрлангенъ: 303 студ; 1 преп. на 7 студ; — Марбургъ: 294 студ; 1 преп. на 6 студ; — Фрейбургъ: 273 студ; 1 преп. на 7 студ; — Цюрихъ: 98 студ; 1 преп. на 2 студ.

—

— Читатели помнятъ, можетъ-быть, разрушительную машину англійскаго капитана Варнера, о которой мы говорили въ прошломъ году. Эта страшная, громовая все-разрушающая машина такъ же можетъ истребить многочисленное войско, какъ мильтоново знаменитое Сербанское Болото, между Даміеттою и горою Казіусъ, гдѣ утонула цѣлая армія. Хотя Варнерова машина не поглощаетъ подобно болоту армій, но сметаетъ ихъ съ лица земли, не оставляя даже и лоскутковъ на поле битвы. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, говорятъ, былъ какой-то ужасный драконъ Вантлея, который глоталъ огромные дома, церкви и башни, такъ же легко, какъ мы глотаемъ устрицъ. Но этотъ драконъ просто дрянь въ сравненіи съ Варнеровымъ изобрѣтеніемъ, которое, если вѣрить газетамъ, стираетъ въ порошокъ цѣлыя арміи, разрушаетъ самыя неприступныя крѣпости, разбиваетъ въ мелкія щепки цѣлые флоты. Читатель, можетъ-быть, подумаетъ, что это мистификація, но въ подтвержденіе сказаннаго приводимъ письмо самого капитана Варнера къ издателю газеты the Times: «М. Г. Позвольте въ вашей газетѣ отвѣтить мнѣ на нѣкоторую выходку, сдѣланную на мой счетъ въ полномъ собраніи парламента. Капитанъ Пехель сказалъ публично, будто я хвастался, что могу посредствомъ своей разрушительной машины взорвать на воздухъ всю скалу гибралтарскую. Увѣряю честію, что такого сумасброднаго плана въ мою голову никогда не приходило. Впрочемъ я долженъ сознаться, что однажды говорилъ въ кругу пріятелей слѣдующее: мнѣ бы немного понадобилось времени, для разрушенія Гибралтара такимъ образомъ, что въ этой крѣпости не осталось бы ни одной живой души. Одинъ старый мой пріятель, храбрый воинъ трафальгарскій, знавшій мое изобрѣтеніе, замѣтилъ такъ: я увѣренъ, что отъ машины г. Варнера не уцѣлѣли бы въ Гибралтарѣ не только люди, но даже и мыши.» — Ну, ужъ дальше этого нельзя идти, — ultra non datur!

— Г. Гранжъ, инженеръ въ Ліонѣ, изобрѣлъ для защиты пѣхоты отъ непріятельской кавалеріи особаго рода чугунные шары со скважинами, въ которые втыкаются желѣзныя копьеобразныя спицы, что составляетъ родъ щита въ 7 фут. длиною и вышиною для обороны отъ натиска кавалеріи. Пѣхота можетъ очень-легко носить съ собою означенные шары, которые не только оказываютъ большую пользу въ защитѣ лагеря отъ внезапнаго нападенія непріятеля, но и въ открытомъ полѣ передъ фронтомъ пѣхоты могутъ въ-минуту образовать родъ палисада, черезъ который рѣшительно не можетъ перескочить кавалерія. Между тѣмъ, какъ первая шеренга пѣхоты ставитъ эти шары или рогатки, вторая и третья могутъ стрѣлять въ атакующаго врага.

— Въ Лондонѣ много говорятъ о новомъ изобрѣтеніи какого-то Уилльяма Годжа (Hodge), которое, вѣроятно, произведетъ совершенный переворотъ въ нынѣшней системѣ кораблестроенія. Г. Годжъ дѣлаетъ массу изъ клейкаго вещества, составляемаго изъ каучука, толченыхъ устричныхъ раковинъ и другихъ снадобьевъ, который — секретъ изобрѣтателя. Этотъ новый родъ клея имѣетъ чрезвычайную вязкость, такъ что сгощенное имъ желѣзо никогда не переломится на склеенномъ мѣстѣ. Между прочими опытами, сдѣланными въ англійскомъ адмиралтействѣ надъ изобрѣтеніемъ, склеено было по методѣ Годжа треснувшее ядро, и выпаленное послѣ изъ пушки, ядро осталось цѣлымъ, не разлетѣлось на части. Англійское правительство, удостовѣрясь на дѣлѣ въ великой пользѣ этого изобрѣтенія, купило секретъ у г. Годжа.

— Самою лучшею пожарною трубою почитаютъ Англичане паровую заливательную трубу Гриссона, которая изобрѣтена въ Англіи и поддѣлана въ Америкѣ. Эта машина дѣйствуетъ на пожарѣ въ шесть разъ сильнѣе и лучше всѣхъ извѣстныхъ въ Европѣ пожарныхъ трубъ. Вода въ ней не замерзаетъ. У машины, во время ея дѣйствія, прислуживаетъ механикъ кочегаръ, фурлейтъ и двѣ сильныя лошади.

— Въ Саксоніи отлично приготовляютъ картофельный сыръ, который вкусомъ своимъ не уступаетъ лучшимъ голландскимъ сырамъ. Сперва варятъ въ водѣ картофель, потомъ очищаютъ его отъ шелухи и толкутъ въ иготи въ мягкую массу. На 3 фунта картофеля берутъ 1 фунтъ кислаго молока и по пропорціи соли. Приготовленное изъ этой смѣси тѣсто должно сохнуть 3 дня, потомъ его опять мѣсятъ, кладутъ въ плетеныя изъ ивы корзины и ставятъ на сушило въ-продолженіи 14 дней. Чѣмъ старѣе бываетъ картофельный сыръ, тѣмъ онъ вкуснѣе и лучше. Черви никогда въ немъ не заводятся.

— Контрабанда сильно распространилась нынѣче на французско-бельгійской границѣ при помощи большихъ собакъ, которыхъ у контрабандистовъ считается до 80,000. Таможенная стража всегда жарко преслѣдуетъ этихъ четвероногихъ смуглёровъ, но истребить ихъ совершенно никакъ не можетъ. Эти собаки живутъ во Франціи, гдѣ ихъ хорошо кормятъ и ласково съ ними обходятся. Иногда посылаютъ этихъ собакъ въ Бельгію, гдѣ ихъ не только морятъ голодомъ, но и сѣкутъ безъ милосердія люди, одѣтые въ мундиры французской таможенной стражи. Такимъ образомъ собаки терпѣть не могутъ таможенныхъ солдатъ и тщательно избѣгаютъ встрѣчи съ ними на пути, дѣлая большіе обходы. Въ Бельгіи навьючиваютъ каждой собакѣ отъ 10 до 12 фунтовъ клажи, и выпускаютъ на волю; она съ радостію бѣжитъ на французскую границу, ибо знаетъ, что ее тамъ приласкаютъ и хорошо накормятъ.

— По послѣднимъ офиціальнымъ измѣреніямъ, вся Ирландія заключаетъ въ себѣ 22$^1/_2$ милліона акровъ земли, изъ которыхъ четвертая часть находится подъ водою, и можетъ превращена быть въ пахатную землю, если на обработку каждаго акра употребить 40 талеровъ. По приведеніи въ дѣйствіе этого предположенія, въ Ирландіи не будетъ такого множества нищихъ, какъ нынѣче.

— Безансонъ — единственный городъ въ Европѣ, который выдерживаетъ соперничество съ Женевою и Невшателемъ въ дѣланіи карманныхъ часовъ. Въ прошедшемъ году изготовлено тамъ 4,948 золотыхъ и 44,912 серебряныхъ часовъ.

— Въ Нью-Йоркѣ строится пароходъ въ исполинскомъ размѣрѣ; онъ будетъ ходить въ часъ 10 льё, и въ каютахъ его найдутъ помѣщеніе до тысячи пассажировъ; длина киля 325 футовъ. Онъ строится по особой новой системѣ; вмѣсто колесъ, будетъ

приспособленъ къ нему другой механизмъ.

— Французское правительство дало одному механику привилегію на новоизобрѣтенный имъ способъ ковать лошадей. Ноги лошади, подготовленныя къ ковкѣ по новой методѣ однажды навсегда, уже не имѣютъ нужды въ кузницѣ, и каждый куцеръ и конюхъ можетъ налагать и отнимать подковы у лошади, безъ обыкновенной ковки.

— Знаменитый французскій химикъ Дюма представилъ Французской Академіи записку о новоизобрѣтенномъ способѣ мощенія улицъ, нѣсколько похожемъ на методу извѣстнаго Мак-Адама; но мощеніе Мак-Адама имѣетъ то неудобство, что на шоссе его лѣтомъ задыхаешься отъ пыли, а осенью не пройдешь сухо отъ грязи. Для отвращенія всего этого выдуманъ катокъ особаго устройства, который такъ сильно укатываетъ и разбиваетъ камни, что вся мостовая составляетъ твердую сжатую массу, подобно дорогѣ, высѣченной въ скалѣ. Изобрѣтеніе это приписываютъ какому-то Шаттерману, который вымостилъ по своей методѣ городъ Буксвейлеръ, и мостовая его отличается особенною крѣпостью и гладкостію.

— Въ Лондонѣ, нѣкто Ахардсонъ выдумалъ также новаго рода мостовую изъ каучука съ примѣсью другихъ матеріаловъ, для мощенія половъ въ конюшняхъ, кухняхъ, погребахъ, и проч. Такой полъ не пропускаетъ сырости, не пахнетъ, какъ асфальтъ, и особенно спокоенъ для ногъ лошадей, подобно мягкой травѣ на лугу. Богатые охотники до лошадей тотчасъ узнали выгоды этого изобрѣтенія, и велѣли вымостить каучукомъ свои конюшни, что обходится не дороже асфальта. Сверхъ-того, каучуковый полъ не могутъ прогрызать мыши, онъ безопасенъ отъ огня и имѣетъ нѣкоторыя другія достоинства.

— Въ знаменитой машинной фабрикѣ Ферберна, въ Бельгіи, повѣшанъ на потолкѣ огромной кузницы искусственный магнитъ въ 2,000 фунтовъ вѣсомъ. Если работнику попадетъ въ глазъ желѣзный осколокъ, то онъ, въ ту же минуту приближается къ магниту и прямо смотритъ на него. Магнитъ притягиваетъ къ себѣ все желѣзное, не только изъ глаза, но даже если осколокъ вонзится въ тѣло или кости работника. Какъ часто на подобныхъ заводахъ работники лишаются вовсе зрѣнія отъ желѣзныхъ опилокъ и осколковъ! У Ферберна этого не бываетъ.

—

— Римскую публику очень занимаетъ теперь процессъ, который продолжался слишкомъ шесть лѣтъ и по предмету своему принадлежитъ къ довольно-рѣдкимъ случаямъ. Князь Сирміумъ приказалъ однажды продать изъ своего палацца Одескальки нѣсколько старыхъ весьма-посредственнаго достоинства картинъ. Продавецъ эстамповъ Валатти купилъ при этомъ случаѣ одну картину за 15 скуди, и, разсмотрѣвъ ее внимательно, узналъ, что это была сильно-подправленная копія корреджіевой «Магдалины», оригиналъ которой за 100 лѣтъ предъ симъ купленъ былъ для Дрезденской Галлереи за 13,000 цехиновъ. Между-тѣмъ, искусный возстановитель вычистилъ эту замаранную копію, и увидѣлъ на ней ясные слѣды геніальной кисти самаго Корреджія. Валатти согласился уступить это превосходное произведеніе одному лорду за 7,000 луидоровъ; но князь Сирміумъ, узнавъ объ этомъ, наложилъ запрещеніе на картину. Наряженная по этому случаю коммиссія знатоковъ въ живописи, объявила, что эта картина имѣетъ неоцѣненныя достоинства, что она не копія, но просто повтореніе Дрезденской Магдалины съ малыми измѣненіями, и работы самого Корреджія. Вслѣдствіе этого, рѣшено было возвратить картину прежнему ея владѣльцу; но Валатти подалъ аппелляцію противъ такого приговора въ главный

римскій ревизіонный судъ (Rota), который рѣшилъ такъ: «Драгоцѣнная картина, открытая подъ загрязненной наружностію, есть собственность покупателя; тѣмъ болѣе, что открытіе ея требовало тонкаго знанія техники. Но если картина имѣетъ на себѣ особые знаки, извѣстные только знатокамъ, по которымъ они съ перваго взгляда узнаютъ скрытое сокровище, — въ такомъ случаѣ пріобрѣтателю картины слѣдуетъ вознагражденіе за трудъ». Валатти показалъ подъ присягою, что картина точно заключаетъ въ себѣ особый знакъ, извѣстный только знатокамъ живописи, и потому она возвращена князю Сципіону, который обязался дать Валатти вознагражденіе въ 2,000 луидоровъ.

— Королева Викторія приказала Клаудету, имѣющему дагерротипъ въ Аделаидиной Галлереѣ, снять портреты со всѣхъ своихъ любимыхъ верховыхъ лошадей. Художникъ посредствомъ дагерротипа снялъ весьма удачно эти портреты, и съ этого времени вошло въ Лондонѣ въ большую моду у британской аристократіи снимать дагерротипные портреты съ любимыхъ собакъ, лошадей, кошекъ и проч.

— Англійская королева большая охотница до морскихъ прогулокъ. Бывъ еще принцессою, она нѣсколько разъ ѣздила по морю на прекрасной яхтѣ «Смарагдъ». Однажды, объѣзжая на яхтѣ островъ Уайтъ, она застигнута была страшною бурею. Яхту начало бросать какъ мячикъ по волнамъ; но не смотря на это, Викторія смѣло стояла на палубѣ, любуясь прелестными видами острова. Лоцманъ Саундерсъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ вывести яхту изъ опаснаго положенія. Вдругъ огромный валъ окатилъ всю палубу; и Саундерсъ, видя опасность, схватилъ принцессу и унесъ ее въ каюту. Въ эту минуту съ трескомъ рухнулась въ море большая мачта, подлѣ которой стояла Викторія. Изъ благодарности за спасеніе жизни, она произвела Саундерса командиромъ означенной яхты и по вступленіи своемъ на престолъ велѣла себѣ его представить. Онъ былъ послѣ того командиромъ королевской яхты «Пожаръ», которую въ честь короля прусскаго переименовали въ «Чернаго Орла». Саундерсъ недавно умеръ, и королева пожаловала его женѣ богатую пенсію.

— Изъ подарковъ, которые назначило женевское правительство поднести прусскому королю, заслуживаютъ особеннаго вниманія крошечные часы, осыпанные бриллiантами и сдѣланные въ видѣ булавки для галстуха. Эти миньятюрные часы величиною своею равняются мелкой монетѣ сантиму.

— Въ Кельнѣ механикъ Деберскій показываетъ публикѣ свой кабинетъ рѣдкостей подъ названіемъ: «Multa in minimo», въ которомъ находятся слѣдующія вещи: 1) Въ половинной скорлупѣ грецкаго орѣха помѣщенъ дамскій нессесеръ, а на днѣ его портретъ короля бельгійскаго. Нессесеръ состоитъ изъ 36 вещицъ, между которыми особенно замѣчательны ножницы и двойной перочинный ножичекъ. 2) Въ грецкомъ орѣхѣ заключена клѣтка, а въ ней канарейка, которая машетъ крыльями, раскрываетъ носикъ и подражаетъ пѣнію натуральной канарейки. 3) Въ миндальной скорлупѣ помѣщена голландская пильная мельница, которая пилитъ мельчайшіе кусочки дерева. 4) Въ половинкѣ яичной скорлупы устроена великолѣпная комната; у фортепіано сидитъ дама, играющая на немъ; мраморный каминъ, съ часами, на которыхъ представленъ Наполеонъ верхомъ. 5) Въ обыкновенномъ орѣхѣ сдѣлана кофейня; женщина стоитъ у буфета и подаетъ гостю рюмку ликёра, другіе два гостя играютъ на бильярдѣ. Сверхъ того, стѣны кофейни украшены зеркалами, жирандолями, на потолкѣ виситъ люстра, а въ шкапу стоятъ рюмки, стаканы, графины и пр. 6) Въ маленькой раковинкѣ сидитъ за столомъ гастрономъ и ѣстъ

устрицы и страсбургскій паштетъ, запивая кушанье бутылкою портера. 7) Въ апельсинной коркѣ плаваетъ пароходъ, который въ этомъ миньятюрномъ бассейнѣ производитъ всѣ движенія настоящаго парохода. 8) Заключенный въ куриномъ яйцѣ автоматъ, который рисуетъ разные предметы, и письменно отвѣчаетъ на вопросы, задаваемые ему зрителями. Всѣ означенныя вещи сдѣланы съ удивительнымъ искусствомъ и терпѣніемъ изъ золота, серебра, стали и мѣди, и, не смотря на ихъ микроскопическую мелкость, ихъ можно разглядывать простыми невооруженными глазами.

— Жители Магдебурга недавно наслаждались рѣдкимъ зрѣлищемъ, которое представляло нѣсколько десятковъ молодыхъ людей, отличающихся въ плаваніи. Ночью нѣсколько человѣкъ вдругъ пустилось плавать въ рѣкѣ съ иллюминаціею, т. е. каждый пловецъ держалъ въ лѣвой рукѣ фонарь, что было очень затруднительно, ибо одна правая рука управляла въ водѣ всѣми движеніями. За пловцами слѣдовали двѣ лодки—одна, наполненная музыкантами, а другая съ фейерверкомъ. Поднялась ракета и извѣстила всѣхъ любопытныхъ зрителей, собравшихся на берегу, что пловцы счастливо приплыли къ цѣли; первые подоспѣвшіе къ ней получили значительные призы.

—Англійскія государственныя грамматы пишутся на пергаментныхъ свиткахъ, о величинѣ которыхъ можно составить понятіе изъ того, что одинъ статутъ, такъ называемый «Land Tax Commissioner's Act», первыхъ годовъ правленія Георга-Четвертаго, имѣетъ въ длину 900 футовъ, слѣдовательно вдвое почти больше чѣмъ внутренность церкви Св. Павла. Недавно въ немъ что-то нужно было посмотрѣть, и крѣпкій, здоровый человѣкъ битые три часа развертывалъ этотъ свитокъ.

— Въ Каирѣ каждое утро ѣздитъ по улицамъ полицейскій чиновникъ, называемый «хлѣбный врачъ», въ сопровожденіи нѣсколькихъ кавассовъ, профоссa съ связкою палокъ, и нѣсколькихъ десятковъ нищихъ. Если онъ найдетъ у какого-нибудь хлѣбника маловѣсныя булки, то въ ту же минуту приказываетъ профоссу отколотить хлѣбника по пятамъ палками; потомъ продергиваетъ ему сквозь носъ крючокъ съ бичовкою, на которой привѣшанъ хлѣбъ. Послѣ этой операціи лицо хлѣбника обмазывается грязью, а весь запасъ его хлѣба раздѣляется нищимъ.

—Въ «Edimburg Courant» сказано, что на островѣ Маи (May) рыбаки поймали сѣтью акулу, длиною въ 5 футовъ, и въ пасти ея насчитали шесть рядовъ острыхъ зубовъ. Въ желудкѣ этой прожорливой рыбы нашли большую металлическую трубку, которая вѣроятно была печальнымъ остаткомъ отъ какого-нибудь давно потонувшаго корабля. Въ этой трубкѣ заключалось: 34 монеты разныхъ земель и временъ, бразильскія, остъ-индскія, китайскія; старая карта Шотландіи, лоскутъ газеты: «Edimburg Evening Courant» отъ 9 сентября 1811 года, въ которомъ завернуты двѣ монеты, также листъ газеты «The Courrier» отъ 10 мая 1811, въ которомъ завернута печать.

— Въ торжественный день рожденія великаго могола приносили обыкновенно въ дворецъ его большіе вѣсы; на одну доску ихъ садился самъ моголъ, а на другую накладывались разныя драгоцѣнности, принесенныя ему въ даръ царедворцами и подданными. Чѣмъ полновѣснѣе дѣлался монархъ въ-теченіе года, тѣмъ болѣе изъявляли радостей его вѣрноподанные, и слѣдовательно, тѣмъ богаче и многочисленнѣе были подарки. Во дворцѣ могола находилась между прочимъ фарфоровая башенка, увѣшенная серебряными колоколами, и каждый Индіецъ которaго процессъ не рѣшали суды въ теченіе года, имѣлъ право звонить на ней и потомъ докладывать лично о своемъ дѣлѣ моголу.

— Король Лукнова, д'Уде, недавно скончался; онъ былъ извѣстенъ въ

Европѣ сочиненіемъ большаго персидскаго лексикона, издаваго въ свѣтъ подъ названіемъ: «Семь желтыхъ Морей». Англійскій резидентъ въ Лукновѣ провозгласилъ сына д'Уде Сури-Яга, наслѣдникомъ престола, и народъ согласился на это избраніе.

— Ходьба, говоритъ Джефферсонъ, самое полезное движеніе для человѣка. Надобно привыкать ходить пѣшкомъ какъ-можно-дальше. Люди вообще хвастаютъ, что они покорили лошадь совершенно своей волѣ, но я полагаю, что человѣкъ болѣе отъ того потерялъ, чѣмъ выигралъ. Ничто болѣе не разслабило и не изнѣжило человѣческой натуры, какъ ѣзда на лошадяхъ, особенно въ экипажахъ. Дикій Индіецъ можетъ столько же верстъ пройдти въ день пѣшкомъ, сколько Европеецъ проѣхать на лошади; но индійскій пѣшеходъ не такъ легко устанетъ, какъ лучшая верховая лошадь.

— Коренные жители Суматры, живущіе въ горахъ и называющіеся Баттасами, слывутъ за ужасныхъ людоѣдовъ. Въ разныя празднества Баттасы ѣдятъ масо своихъ плѣнниковъ и преступниковъ. Голову несчастной жертвы покрываютъ они кускомъ холстины и ставятъ на нее блюдо съ солью и лимонами; потомъ плѣнника привязываютъ къ столбу, около котораго тѣснятся вооруженные каннибалы. Умертвя плѣнника самымъ жестокимъ образомъ, вонзя въ него дротики, они разрѣзываютъ тѣло его на мелкія части, потомъ немного поджариваютъ, и ѣдятъ съ приправою соли и лимоннаго сока.

— Китайскій императоръ послалъ недавно войскамъ своимъ прокламацію, изъ которой приводимъ здѣсь отрывокъ: «Въ прошедшемъ году храбрая моя армія мужественно билась шесть сутокъ сряду съ Англичанами въ Тинг-гаи и переколотила несметное число этихъ безбородыхъ бандитовъ. Что же касается до прочаго войска изъ другихъ провинцій, то начальники ихъ обязаны поселять въ нихъ мужество и смѣлость, и одушевлять ихъ въ часъ битвы. Но къ-чему бѣгать съ поля, когда еще не начиналось сраженіе? Рыжіе варвары вовсе неопасны; ихъ толпы немногочисленны, да и сами они слабосильны; кажется, не мудрено ихъ стереть съ лица земли. Награждать храбрыхъ и наказывать трусовъ въ моихъ войскахъ должно до строгой справедливости. Для этой цѣли посылаю я въ армію слѣдующіе знаки отличія: 50 павлиньихъ перьевъ 1-го разряда, 50 синихъ павлиньихъ перьевъ 2-го разряда, 80 перстней, 80 ножичковъ, 75 табачныхъ кисетовъ и кремней, 60 пуговицъ 6-го ранга и 80 пуговицъ 7-го ранга.

— Англійскій морской офицеръ Френсисъ Аботъ, состоящій на половинномъ жалованьѣ, наскучивъ скитаться по морямъ, нашелъ наконецъ себѣ убѣжище на радужномъ островѣ подлѣ Ніагарскаго Водопада. Тутъ онъ построилъ хижину и жилъ совершеннымъ отшельникомъ, отказавшись отъ всѣхъ треволненій свѣта. У него былъ только одинъ вѣрный другъ — собака, да, вмѣсто мебели, флейта и гитара. Онъ каждый день часа два игралъ на флейтѣ, потомъ пѣлъ, съ акомпаньеманомъ гитары. Часто писалъ, но въ то же время уничтожалъ все писанное. Короче, онъ казался всѣмъ туристамъ и живущимъ вблизи его сосѣдямъ настоящею загадкою. Пустынникъ купался регулярно каждый день у подошвы бурнаго водопада, и переставалъ купаться только осенью, когда начинали на рѣкѣ образовываться льдины. Онъ такъ свыкся съ бурною Ніагарою, что бросался прямо съ высокой скалы въ ея пѣнистую разъяренную пасть, смѣло нырялъ въ кипящихъ волнахъ бурной рѣки и побѣждая величайшія трудности, какъ самый смѣлый водолазъ. Два года жилъ онъ такимъ образомъ; наконецъ въ одинъ день онъ разъ шесть бросался со скалы въ страшную пучину, нырнулъ въ седьмой разъ, но, вѣроятно, усталый, уже не могъ выбраться изъ бездны и какъ говоритъ Шиллеръ: ......

Die Wogen, sie rauschen auf und nieder,
Den kecken Taucher bringt keine wieder.

— Бывшій англійскій генерал-губернаторъ въ Остиндіи, лордъ Ауклендъ, недавно воротился въ Лондонъ послѣ семилѣтняго управленія тѣмъ краемъ. Это подало одному лондонскому журналу поводъ пофилософствовать о положеніи лицъ, возвращающихся съ самовластнаго господства надъ мильйонами въ скромную роль, какую играютъ они въ отечествѣ. «Британская сила характера, говоритъ онъ, и сила аристократическихъ постановленій Англіи нигдѣ такъ ярко не обнаруживаются, какъ въ жизни нашихъ индійскихъ проконсуловъ. Неограниченная власть верховнаго намѣстничества, восточно-царская роскошь, всѣ внѣшніе аттрибуты могущества, какіе имѣли немногіе цари, даются лѣтъ на пять или на семь англійскому джентльмену. Онъ не употребляетъ ихъ для личныхъ цѣлей: они для него только довѣренное имущество; онъ слагаетъ свою высокую должность безъ сожалѣнія, и тотъ же самый человѣкъ, который недавно ѣздилъ на священныхъ слонахъ и былъ живымъ закономъ для столь огромной части Азіи, пристаетъ въ Портсмоутѣ, ѣдетъ по соутгэмптонской желѣзной дорогѣ въ Лондонъ, и опять становится тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде — частнымъ человѣкомъ въ своей скромной квартирѣ въ Кенсингтонѣ. Лордъ Аукландъ сдѣлалъ много хорошаго касательно истребленія предразсудковъ, поощренія школъ, земледѣлія и проч., но казна, которую нашелъ онъ полною, оставлена имъ пустою, и государственный кредитъ значительно упалъ.»

— Французскій адвокатъ — настоящая говорящая машина; онъ даже и во снѣ нерѣдко говоритъ длинныя рѣчи въ защиту своего кліента; онъ можетъ говорить сряду шесть часовъ безъ устали и ни разу не плюнуть. При одномъ важномъ процессѣ во Франціи, адвокаты показали nec plus ultra своего искусства говорить безпрестанно. Когда французское правительство, въ 1815, сдѣлало процессъ генералу Траро, защитники его дѣла говорили рѣчи въ ренскомъ ревизіонномъ судѣ сряду пять дней и пять ночей. Во Франціи рѣшеніе и приговоръ военнаго суда не должно, по закону, откладывать ни на минуту. Траро былъ приговоренъ къ смертной казни, и дѣло состояло въ томъ, чтобъ выиграть время для жены генерала, которая должна была скакать на почтовыхъ изъ Ренна въ Парижъ, для испрошенія у короля помилованія мужу. Адвокаты смѣняли другъ друга чрезъ каждые три часа; наконецъ началъ рѣчь Бернгардъ Ренъ, главный защитникъ подсудимаго, и такъ какъ изсякъ источникъ его краснорѣчія, то онъ и вздумалъ читать передъ судьями мемуары Лалли Толендаля. «Боже мой, да что вы хотите съ нами дѣлать? воскликнулъ президентъ суда. — Подождите не много, все узнаете, когда я кончу чтеніе. — Но длиннымъ мемуарамъ конца не было. Адвокатъ до того надоѣлъ судьямъ что они убѣдительно начали просить, отдохнуть съ ними вмѣстѣ часокъ другой, — что и привело оратора къ желаемой цѣли: онъ не ранѣе позволилъ вступить въ совѣщаніе судьямъ о приговорѣ подсудимому, пока не узнали достовѣрно, что генералъ Траро получилъ прощеніе отъ короля.

— Одинъ изъ французскихъ адвокатовъ приказалъ своему молодому кліенту въ судѣ каждый разъ плакать, когда онъ ударитъ кулакомъ по каѳедрѣ. По несчастію, адвокатъ такъ заговорился, защищая подсудимаго, что сдѣлалъ ударъ не впопадъ; но въ эту минуту подсудимый горько залился слезами. — «Что съ тобою сдѣлалось?» спросилъ его президентъ суда. Ничего, каждый разъ, когда мой адвокатъ ударитъ кулакомъ по каѳедрѣ, приказано мнѣ плакать», отвѣчалъ простодушный бѣднякъ. Ловкій адвокатъ воспользовался этимъ случаемъ къ защитѣ подсудимаго. — «Теперь извольте сами разсудить, гг. присяжные» ска-

залъ онъ: «спрашиваю васъ: можетъ ли войдти идея обдуманнаго, хитраго преступленія въ голову такого невиннаго и простодушнаго человѣка? Я ожидаю отъ васъ рѣшенія его участи».

— Въ Парижѣ, по одному тяжебному дѣлу явился въ судъ въ качествѣ свидѣтеля директоръ одной компаніи на акціяхъ, которая ссужаетъ Парижанъ столовымъ бѣльемъ за извѣстную плату. Директоръ между прочимъ объявилъ, что компанія раздаетъ каждый день до 10,000 салфетокъ и скатертей, и что ежедневно среднимъ числомъ крадутъ у нея до 400 салфетокъ, въ разныхъ домахъ.

— Молодой парень замѣченъ былъ парижскою полиціею нѣсколько разъ въ бродяжествѣ и прошеніи милостыни; его арестовали и привели въ судъ исправительной полиціи. — «Да что же мнѣ дѣлать? я не могу красть: это противъ моей натуры» отвѣчалъ подсудимый: «я всю жизнь былъ лѣнтяемъ; мой отецъ служилъ солдатомъ въ арміи, и не выучилъ меня ни чему, кромѣ того только, чтобъ отдыхать подъ сѣнію его собственныхъ лавровъ. —Судья. Да отецъ твой совершенно отъ тебя отказался и не хочетъ знать, что ты сынъ его. — Подсудимый. Знаю. Я на его мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое, хоть онъ и единственная причина моего несчастія. По смерти моей бабушки, онъ наслѣдовалъ все оставшееся отъ нея имѣніе, и я безъ всякаго сомнѣнія сдѣлался бы богатымъ человѣкомъ, еслибъ родился прежде моего отца.—Судья. Будешь ли ты работать, если мы дадимъ тебѣ свободу?—Подсудимый. Скажу откровенно, нѣтъ. У всякаго человѣка свой конёкъ: у меня — непреодолимое отвращеніе ко всякому занятію. Возвращусь опять на лоно моей жены.—Судья. Да она не пріиметъ тебя, потому-что живетъ сама на попеченіи своихъ родителей. Ты бросилъ ее и унесъ съ собою всѣ ея пожитки.—Подсудимый. Я глава семейства; мнѣ захотѣлось путешествовать, а жена должна вездѣ слѣдовать за своимъ мужемъ. Я не обобралъ бы ея; но она однажды утромъ убѣжала неизвѣстно куда съ драгуномъ и унесла единственный мой сюртукъ и пару сапоговъ.—Судъ рѣшилъ посадить въ тюрьму на два мѣсяца этого неисправимаго лѣнтяя.

— Вотъ еще одна изъ недавнихъ сценъ въ совѣтѣ военной дисциплины парижской національной гвардіи. — Президентъ, обращаясь къ подсудимому: «Господинъ Равиньянъ, говорятъ, что вы шумѣли, находясь въ караулѣ 4 августа, и не давали покоя цѣлую ночь своимъ товарищамъ».—Равиньянъ. Что же мнѣ было дѣлать? Я не виноватъ, что эти люди не понимаютъ ни бельмеса въ музыкѣ; у нихъ вовсе нѣтъ музыкальнаго уха; музыка мой конёкъ, моя атмосфера, я живу и питаюсь гармоніею, какъ ласточка мухами. — Президентъ. Да вы всю ночь пѣли безъ умолка!—Равиньянъ. У всякаго своя забава. Мои товарищи играли на караулѣ въ домино, и я имъ не мѣшалъ; другіе пили водку, — ну, на здоровье; я также не препятствовалъ имъ: какое же право они имѣли бы запретить мнѣ пѣть? У меня есть голосъ, и я имъ пользуюсь (*запѣваетъ*) «Le bon Dieu m'a dit, chante. chante, pauvre petit».. и—и я пою, какъ умѣю.—Президентъ. Да пойте у себя дома, а не на гаубтвахтѣ. — Равиньянъ. Когда демонъ пѣнія начнетъ меня мучить, то и самъ не свой, пою, что есть мо̀чи, гдѣ ни попало. — Капитанъ (докладчикъ). Осмѣлюсь доложить совѣту, что у Равиньяна было намѣреніе мистифировать весь караулъ.—Равиньянъ. Мистифировать!.. Что́ вы разумѣете подъ этимъ словомъ? . я даромъ выводилъ рулады горломъ и пригласилъ ихъ на свой вокальный концертъ безъ платы, хотя бы въ другомъ мѣстѣ онъ произвелъ и большой сборъ. —Докладчикъ. Признайтесь, вы пѣли всю ночь одну и ту же пѣсню, да какую еще пѣсню, — раздирающую уши, что въ просторѣчіи называется *пилою*!—Равиньянъ. Пилою! этого я не пони-

маю. Правда, я пѣлъ одинъ только романсъ, но это объяснить не трудно, я только его и знаю (*Смѣхъ въ залѣ.*) —Докладчикъ. Вы увидите, что это за романсъ. Одинъ товарищъ Равиньяна далъ мнѣ съ него копію. Вотъ куплетъ:

Quand les poules vont aux champs
La première va devant
La seconde suit la première;
La troisième est la dernière.
Quand les poules vont aux champs
La première va devant
La seconde...

И такъ далѣе, все одно и то же. (*Хохотъ въ залѣ.*)—Равиньянъ. Такъ, такъ; только надо его спѣть: я увѣренъ, куплетъ всѣмъ понравится (*поетъ*) «Quand les poules vont aus champs»... —Президентъ (*строго*). Замолчите, милостивый государь!—Совѣтъ присудилъ Равиньяна на 11 часовъ въ заключеніе въ карцеръ. — Равиньянъ. Вотъ тебѣ разъ, да это хоть кого взбѣситъ! Заключить въ карцеръ за одинъ только романсъ. Нечего дѣлать, надобно будетъ увеличить мой репертуаръ (*смѣхъ.*) При первомъ удобномъ случаѣ я спою: la Grâce de Dieu. (*Уходитъ распѣвая*) «Chin chous, chin chous»...

— Недавно въ шведскій судъ (въ Термеландѣ) поступило рѣдкое казусное дѣло. Воръ повѣшенъ былъ на висѣлицѣ, по приговору уголовнаго суда. Мельникъ изъ окрестностей Филипштата, проѣзжая мимо висѣлицы, замѣтилъ, что въ повѣшенномъ были еще признаки жизни. Добрый человѣкъ сжалился надъ бѣднымъ преступникомъ, отрѣзалъ петлю висѣлицы и возвративъ жизнь несчастному, привезъ его на телегѣ къ себѣ домой. Оживленный воръ, однакожь, не отсталъ отъ прежнихъ привычекъ, и при первомъ удобномъ случаѣ обокралъ своего благодѣтеля. Мельникъ, возмущенный такою неблагодарностью, рѣшился наказать вора примѣрно, и съ помощію своего работника вздернулъ его опять на ту же самую висѣлицу, оставивъ трупъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Термеландскій судъ, узнавъ объ этемъ происшествіи, взялъ мельника подъ стражу, но не рѣшаясь дать окончательный ходъ столь необыкновенному дѣлу, передалъ его въ высшій трибуналъ въ Стокгольмѣ, который приговорилъ мельника къ штрафу и заключенію въ тюрьму на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобъ отбить у него охоту вѣшать людей по своей волѣ и быть судьею въ собственномъ своемъ дѣлѣ.

— Въ Сѣверной Каролинѣ какой-то Американецъ въ разныхъ штатахъ Союза, женился на тринадцати женахъ, которыя всѣ живы. Правительство обѣщало дать награду тому, кто арестуетъ многоженца. Одинъ шпіонъ заманилъ его къ себѣ въ домъ и поручилъ своей женѣ угостить его, а самъ пошелъ за констаблемъ, чтобъ взять подъ стражу многоженца. Но этотъ молодецъ воспользовался отсутствіемъ мужа и скрылся неизвѣстно куда — съ его женою.

—Изъ Лозаны пишутъ о довольно-смѣшномъ приключеніи, которое, однакожь, имѣло трагическую развязку. Тамъ жилъ недавно толстый, глупый и смѣшной лордъ, у котораго все земное блаженство состояло въ хорошемъ сытномъ обѣдѣ съ ростбифомъ и нѣсколькими бутылками отличнаго рейнвейна. Жена этого джентльмена была прелестная, бѣлокурая, красавица, за которою приволакивался молодой итальянскій живописецъ. Бѣлокурая леди сдѣлалась очень-задумчива, мечтательна, и начала бредить о самоубійствѣ; мужъ не зналъ чѣмъ поправить бѣду и съ горя выкурилъ въ одинъ день полсотни сигаръ, запивъ ихъ полдюжиною бутылокъ рейнвейна. Между-тѣмъ леди отправилась съ молодымъ живописцемъ разсматривать прекрасные виды швейцарскихъ ледниковъ—и пропала безъ вѣсти. Бѣдный лордъ началъ курить съ отчаянія какъ паровозъ, и безпрестанно наливался рейнвейномъ. Потомъ онъ рѣшился черезъ Базель отправиться домой въ Лондонъ, чтобъ тамъ соору-

лить великолѣпный мавзолей въ память своей погибшей супруги. Не вообразите его удивленіе, когда онъ увидѣлъ на желѣзной дорогѣ жену свою, которая куда-то спѣшила, подъ покровительствомъ своего друга, молодаго живописца! Лордъ отпустилъ нѣсколько «годдемовъ» на счетъ жены своей, поѣхалъ на пароходѣ по Рейну, и утопился въ волнахъ его недалеко отъ Майнца.

— Нынѣшніе испанскіе студенты такъ же бѣдны, какъ были описаны въ «Жиль-Блазѣ». Во всѣхъ испанскихъ газетахъ послѣднія страницы не рѣдко наполнены объявленіями, въ которыхъ студенты предлагаютъ свои услуги публикѣ. На-примѣръ, одинъ студентъ желаетъ въ свободные отъ ученія часы берется исправлять должность писца, на конторѣ купеческой или фабричной, говоря притомъ, что можетъ быть полезенъ въ домашнемъ быту, и замѣнять, по необходимости, цирюльника.

— Одинъ Берлинецъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ вкусъ знаменитаго черепашьяго супа, который онъ ѣлъ въ Лондонѣ: «еслибъ метлу, смоченную деревяннымъ масломъ и посыпанную перцомъ и другими пряностями, можно было протолкать въ горло человѣка, то подобное чувство ощутили бы вы при первой ложкѣ супа à la tortue, которымъ угостили насъ въ одной извѣстной лондонской тавернѣ».

— Въ Нью-Йоркѣ появился силачъ, которому, по увѣренію Американцевъ, нѣтъ равнаго въ цѣломъ свѣтѣ. Онъ называется Поль, и сдѣлалъ между прочимъ слѣдующую штуку. Привели въ циркъ двухъ сильныхъ лошадей, которыя должны были стащить съ мѣста геркулеса. Къ хомутамъ лошадей привязали ременныя постромки и опутали ими тѣло Поля, который легъ на крѣпкую лѣстницу, держась за ступени ея руками и ногами. Лошадей понукали угрозами и бичомъ стащить силача съ лѣстницы, но всѣ усилія остались тщетны. Силачъ хотѣлъ повторить этотъ tour de force, но директоръ цирка не позволилъ, ибо публика могла уже увѣриться, что Поль точно первый силачъ въ свѣтѣ, хотя ему только 18 лѣтъ отъ роду.

— Извѣстный мастеръ разныхъ издѣлій изъ креполина, Удино, выдумалъ дѣлать изъ конскаго волоса дамскіе башмаки, называемые *педикрины*, которые теперь въ Парижѣ входятъ въ всеобщую моду. Онъ также дѣлаетъ для модныхъ сюртуковъ и фраковъ подкладку изъ конскаго волоса, которая никогда не мнется и сохраняетъ свою выпуклую форму, слѣдовательно сообщаетъ хорошую и полную фигуру груди щедушнаго франта и даетъ пріятную округлость его таліи.

МОДЫ.

I. ДАМСКІЯ.

Теперь такая смѣсь въ нарядахъ, что навѣрное нельзя сказать, что больше въ модѣ — лѣтніе, или осенніе костюмы. Барежевыя, кисейныя и вообще легкія матеріи смѣшиваются съ гроденаплевыми, шерстяными и даже бархатными.

Платья дѣлаются не иначе, какъ со складками, воланами, или просто съ широкимъ рубцомъ. На кисейныхъ платьяхъ складки дѣлаются очень-маленькія; но ихъ такъ много, что онѣ по-

крываютъ всю юбку. На шелковыхъ, часто два большіе волана, обшитые или бахрамой, или аграмантомъ. Лифы большею частію закрытые, гладкіе, съ тремя швами напереди и безъ всякихъ украшеній. Открытые лифы дѣлаются очень-высоки, также гладкіе съ маленькимъ шнипомъ — острымъ, или круглымъ. Ихъ шьютъ еще со сборками напереди; тогда тутъ необходимъ кушакъ съ длинными концами. Пелеринки въ большой модѣ; онѣ носятся на открытыхъ и закрытыхъ лифахъ и доходятъ до самой таліи. Рукава все еще узкіе; у иныхъ они полуширокі; но это не очень-красиво. Полукороткіе рукава въ большомъ употребленіи. Они на три вершка не доходятъ до кисти, и на концѣ обшиваются широкими валансеннами. Въ Парижѣ съ этими рукавами носятъ черныя бархатныя митени съ золотымъ снуркомъ и съ золотыми пуговицами; но здѣсь ихъ еще не видно.

Кардиналки (это большой косой воротникъ съ острыми концами и съ маленькимъ воротникомъ) день-отъ-дня дѣлаются разнообразнѣе и красивѣе. Самыя старинныя украшенія воскресли для нихъ. Мы видѣли двѣ чрезвычайно-красивыя кардиналки: одна изъ бѣлой шерстяной матеріи, вышита кругомъ зеленымъ шелкомъ; а другая черная бархатная, на оранжевой подкладкѣ, обшитая шелковымъ аграмантомъ, чернымъ съ оранжевымъ.

Платки и шарфы кисейные нынѣшнее лѣто были въ большомъ употребленіи; они дѣлались очень-роскошно; но все не могли побѣдить черныхъ кружевныхъ шарфовъ.

Шляпы визитныя почти всѣ съ перьями. Перья прикалываются больше на правую сторону, и такъ низко, что конецъ пера лежитъ совсѣмъ на плечѣ. Поля у всѣхъ шляпъ дѣлаются нынче съ острыми концами и гораздо-короче прошлогоднихъ; а тульи вдвое-больше. Надобно замѣтить, что шляпы теперь надѣваются очень-низко на лобъ, такъ что коса изъ-подъ тульи почти вся видна. Кофточки короткія и неширокія.

Чепчики все такіе же, какъ и прежде; только надѣваются больше на передъ, и для этого коса зачесывается выше обыкновеннаго.

Коса безъ чепчика кладется довольно-низко и большею частію бантомъ; иногда въ ней примѣшиваются и ленты, или втыкаются двѣ золотыя шпильки на-искось.

II. МУЖСКІЯ.

Хотя мужскіе костюмы, не столько сложные въ своемъ составѣ, какъ дамскіе, не подвергаются такимъ быстрымъ, почти-ежедневнымъ измѣненіямъ, однакожь, при перемѣнѣ времень года, они тоже претерпѣваютъ болѣе или менѣе важные перевороты. Такъ недавнее вторженіе пальтò-простыхъ и пальтò-мѣшковъ вытѣснило изъ области мужскихъ нарядовъ ваточные сюртуки, бекеши и т. п., изобрѣтеніе бурнусовъ выключило въ отставку испанскіе длинные плащи, короткіе воротники, и пр. и пр. Самый покрой фраковъ, брюкъ, жилетовъ, цвѣтъ сукна, жилетныхъ и панталонныхъ матерій, пуговицы, воротники на фракахъ и сюртукахъ, —все это подвергается измѣненіямъ болѣе или менѣе важнымъ. Нынѣшняя осень и зима также не обойдутся безъ значительныхъ перемѣнъ въ нарядахъ. Разумѣется, законодателемъ петербургскихъ мужскихъ модъ останется, по-прежнему, нашъ знаменитый портной-художникъ, tailleur-artiste, **Г. ОЛИВЬЕ** (на Невскомъ Проспектѣ, противъ Александринскаго Театра, въ домѣ *Бутримова*), который нынѣшнимъ лѣтомъ нарочно ѣздилъ въ Парижъ для того, чтобъ оттуда навести къ намъ и новыхъ покроевъ платья, и новыхъ матерій, и новыхъ мастеровыхъ отъ знаменитаго во всей Европѣ Стауба, котораго онъ имѣетъ честь быть однимъ изъ первыхъ учениковъ. Г. Оливьè, по возвращеніи изъ Парижа, значительно распространилъ теперь

магазинъ свой, выставилъ на показъ публикѣ привезенные имъ товары, и нѣтъ ему отбоя отъ заказовъ, которыми осыпаютъ его петербургскіе щеголи. Да и въ-самомъ-дѣлѣ, нельзя довольно налюбоваться всѣми этими парижскими новинками. Совѣтуемъ всякому, кто хочетъ быть одѣтъ хорошо, посовѣтоваться съ г-мъ Оливьё и справиться у него о послѣднихъ предписаніяхъ моды. Можно быть увѣрену, что эти совѣты понравятся всякому образованному вкусу. Цѣны г. Оливьё нисколько не выше цѣнъ другихъ портныхъ, между-тѣмъ, какъ самъ онъ, по искусству, выше всѣхъ своихъ петербургскихъ собратій.

— и л ь.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ

НА 1842 ГОДЪ.

I. Словесность.

Стр.

а) Стихотворенія:

b) Проза:

II. Науки и Художества.

III. Современная Хроника Россіи.

IV. Домоводство, Сельское Хозяйство и Промышленость вообще.

V. Критика.

VI. Библіографическая Хроника.

VII. Иностранная Литература.

VIII. Смѣсь.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова, въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, № 22.

(Цѣны назначены по курсу на серебро.)

—

	Р. К.
РОСКОШНЫЯ ИЗДАНІЯ.	
LES PETITES MISÈRES de la vie humaine, livraisons 25 à 34. Abonnement pr. 50 livraisons.	4 30
MOEURS, USAGES ET COSTUMES de tous les peuples du monde, livraisons 41 à 52. Abon. pr. 75 livraisons. . . .	11 26
РОМАНЫ.	
HORACE, par Georges Sand. 2 vol. in 18.	1 60
MELCHIOR, par le même. 1 vol.	70
LA COUPE DE CORAIL, par mad. Melanie Woldor. 2 vol. in 18.	1 60
LE MARCHAND D'ANTIQUITÉS, Ch. Dickens. 2 vol. in 18.	1 60
ROBERTINE, par mad. Banc. 1 vol.	80
ROSE HIMMEL, par M. Masson. 1 vol.	80
ROBERT D'ABRISSEL, par E. Mesnard. 2 vol. in 18. . . .	1 60
LE MARQUIS DE JERZAY, par P. de Musset. 1 vol. . .	80
LES ILOTS DE MARTIN-VAZ, par Edouard Corbière. 2 vol. in 18. Bruxelles. 1842. . . .	1 60
НАУКИ.	
UN MILLION DE FAITS, aide-memoire universel à l'usage de tout le monde. Un gros volume in 12 de 1700 colonnes avec 300 fig. intercalées dans le texte. Paris. 1842.	3 45
ETUDE sur André Vesale, précédée d'une notice sur sa vie et ses écrits, par Burgraeve. 1 vol. gr. in 8 Gand. . .	2 86
TABLEAU SYNOPTIQUE des principaux cultes exercées par les habitants actuels de la terre, in folio. Zuric. . .	2 60
DU PAUPERISME et de la charité légale, par Remusat. 1 vol. in 18. Paris. . . .	20
HISTOIRE DE LA VIE et des ouvrages de Spinosa, par M. Sainte. 1 vol. in 8. Paris. 1842.	2 15
HISTOIRE DU REGNE de Louis XVI. Tome 3-e. Mirabeau et l'assamblée constituante, par Droz. Paris. 1842. . . .	2 15
CURIOSITÉS D'ITALIE, par Valery. 1 vol. in 12. Paris. 1842.	90
CARTE DE LA NAVIGATION à la vapeur dans la Manche, la mer du Nord, la Baltique, etc. présentant les lignes regulièrement parcourues, les époques de départ et d'arrivée des batiments, dressée par Piquet. Une feuille grande-aigle. Paris.	2
HISTOIRE CRITIQUE et philosophique du Suicide, par Buonafede, trad. de l'italien. 1 vol. in 8. Paris. . . .	1 43
NOTICE sur divers appareils dinamometriques, par Morin. 1 vol. in 8. Paris. . . .	1 43

P. K.

COURS DE DESSIN industriel, par M. Normand, fils, Douliot, Krafft etc. 1 vol. in 18 et atlas in folio—

DES CHEMINS DE FER de l'Europe centrale, considérécs comme lignes stratégiques, par Jardot. 1 vol. in 8. avec cartes. Paris. 1842. . . . 1

DES MACHINES A VAPEUR aux Etats-Unis d'Amerique particuliérement considérés dans leur application à la navigation et aux chemins de fer, trad. de l'anglais de Hodge D. Renwick et D. Stefenson. Un vol. in 4. et un atlas in folio. Paris. 1842. 16

COURS D'ECONOMIE industrielle, par Blanqui l'ainé. 2 vol. in 8. Paris. 3 43

TABLEAUX SYNOPTIQUES de chimie, par Kaeppelin. in folio. Paris. 1842. . . . . 2 30

HISTOIRE DE FLORENCE, par Machiavelli, trad. nouv. de M. Périès. 1 vol. in 12. Paris. 1842. 90

HISTOIRE POLITIQUE de 1841, par M. Serre. 1 vol. in 8. Paris. 1 70

DE LA PROSTITUTION et de ses conséquences dans les grandes villes, par Polton. 1 vol. in 8. Paris. 1842. 1 86

TRAITÉ DE SECTIONS TENDINEUSES et musculaires dans le strabisme, la myopie, etc. par Bonnet. Un vol. in 8. avec atlas. Paris. . . . 2 40

TRAITÉ sur la nature et la guerison des maladies chroniques, par Belliol. *Description des maladies de la peau.* 9-e édition. 1 vol. in 8. Paris. 2 15

HISTOIRE DE MARIE LOUISE D'ORLÉANS, par mad. Sophie Gay. 2 vol. in 18. Bruxelles. 1842. . . . . 1 60

LETTRES COCHINCHINOISES sur les hommes et les choses du jour écrites à l'empereur de la Chine, par trois mandarins de première classse. 3 vol. in 18. Paris. . . . 60

HISTOIRE D'AUTRICHE et de Bohême, par Sundblad. 2 vol. in 12. Paris. 1 72

Господа иногородные благоволятъ адресоваться съ требованіями своими на имя *Якова Алексѣева Исакова*.

Печатать позволяется. Старшій цензоръ Рочфортъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРА.

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Чаплина, № 10.

	Ассигнаціями. Р.	К.
ДЛЯ ВСЕГО ОРКЕСТРА ВАЛЬСЫ И ГАЛОПЫ.		
И. Лабицкаго. Les fashionables, op. 55	12	
——— Hommage au Prince Albert Galop, op. 59. . . .	8	
——— Tremolo-Walzer, op. 60	11	
——— Lilien-Walzer, op. 61	11	
И. Ланнера. Themis Strahlen-Walzer, op. 147	12	
— ——— Harmonie-Ball-Tänze, op. 154	12	
— ——— Malapou et Amazonen-Galop	10	
— ——— Nymphen Gallop	6	
— ——— Contredanses françaises, op. 151	8	
И. Страуса. Wiener Gemüths-Walzer, op. 110	10	
— ——— Tanz-Recepte-Walzer, op. 119.	10	
— ——— Cæcilien-Walzer, op. 120	12	
— ——— Furioso-Galop.	8	
КОНЦЕРТЫ ДЛЯ СКРИПКИ СЪ АККОМПАНЬЕМАНОМЪ ОРКЕСТРА.		
Ch. Beriot. 5-me Air Varié, op. 7.	7	75
— ——— Le Tremolo, caprice op. 30.	10	
H. Ernst. Concertino, op. 12	24	
T. Haumann. Variations sur l'air: Ma Céline	12	
F. Kalliwoda. 4-me Concertino, op. 100	22	
Ch. Lipinsky. Fantaisie et Var. sur l'Op: Les Hugenots, op. 26. .	15	
Mayseder. Rondeau de Concert, op. 56	10	
Panofka. Adagio appassionato, op. 27.	5	
A. Pott. Gr. Concerto, op. 10	27	
Th. Tæglichsbeck. 2 Concerto, op. 14	12	
——— Var. sur un thème original, op. 17	10	
ЭТЮДЫ ДЛЯ ОДНОЙ СКРИПКИ.		
P. Baillot. L'art du violon, cah. 1 à 8.	18	
Beriot. Trois Caprices, op. 29	6	
F. Prume. Six grandes Etudes	7	50
МУЗЫКА ДЛЯ ЧАКАНА.		
И. Страуса вальсы, какъ-то: Die Barggeister. Rosenblätter. Wiener Gemüths-Walzer. Myrthen-Walzer. Cæcilien-Walzer, каждый изъ этихъ вальсовъ по. . .	1	50
ДУЭТЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО СЪ ДРУГИМЪ ИНСТРУМЕНТОМЪ.		
Benedict et Tulou. Duo bril. sur la Somnambula, pour Piano et Flûte	9	
Berr et Fesi 20-me fantaisie sur des motifs de l'op: Actéon, pour piano et clarinette	6	
Diabelli Concordance pour piano et violon, № 26 et 27	8	

	Ассигнаціями. Р.	К.
Dessauer. 3-me Caprice pour piano et violon, op. 30	4	
F. Hartmann. Fantaisie sur l'Op. Capuletti. pour piano et violon .	4	
Herz et Lafont. 6 amusements pour piano et violon, chaque à. .	4	50
F. Kueken. Deux sonates faciles pour piano et violon. op. 12 . .	5	
Kueffner. 35-me Potpourri pour piano et flûte	6	
Kummer. Amusements pour les amateurs pour piano et violoncelle ou alto, op. 53	3	
МУЗЫКА ДЛЯ ОДНОГО ФОРТЕПЬЯНО.		
F. Burgmüller. Fantaisie sur l'op: Lucrezia Borgia, op. 69 . .	4	
— ——— Gr. galop en forme de Rondeau, op. 70	3	
— ——— La prière dans le bois. Rondeau tyrolien, op. 71 .	3	
Collection d'Opéras modernes par Adam, Auber, Donizetti, etc. chaque à	4	
Ch. Czerny. 6 rondeaux militaires d'aprés des marches favorites, op. 646, cah. 1 à 6, chaque à.	2	
——— Impressions des opéres, 3 fantaisies sur des motifs favoris op. 648, cah. 1 à 3 chaque.	5	
Th. Doehler. Trois morceaux bril. de salon, op. 29 chaque à . .	4	
— ——— Fantaisie bril. sur la Beatrice di Tenda, op. 38 . .	5	
I. B. Duvernoy. Fantaisie sur le Guitarrero, op. 109	3	50
——— dito sur Richard coeur de lion, op. 115	4	
Heller. 4 rondos sur l'op. la Favorite, cah 1—2, chaque . . .	3	
H. Herz. 3 soeurs, 3 fantaises sur des motifs originaux. op. 118, chaque	4	50
— —— Album de 1842. Ecrin des jeunes pianistes, contenant 8 morceaux	18	
F. Schubert. 15 mélodies transcrites par Heller, chaque à	4	
РУССКІЕ РОМАНСЫ ДЛЯ ПѢНІЯ.		
Н. А. Титовъ. Дума, романсъ	1	75
Рейсигеръ. Мостикъ, романсъ	1	75
А. Алябьевъ. Два новые романса, слова А. Майкова:		
№ 1. Всему приходитъ свой чередъ . . .	2	
№ 2. Веселый часъ	2	
П. Өедоровъ. Прости меня, любимый романсъ	1	40
М. Бернардъ. 12 лучшихъ русскихъ народныхъ пѣсень	5	25
Любимый романсъ изъ Велисарія: Малютка шлемъ нося. . . .	1	75
Н. Бахметьевъ. Колыбельная пѣснь, слова Губера	1	75
Н. Дмитріевъ. Молитва. Романсъ, слова Лермонтова	1	40
В. Новиковъ. Романсъ: Я не могу ее забыть	1	75
Цыганская пѣсня: Ты не повѣришь, какъ ты мила	1	5
Гр. М. Ю. Віельгорскій. Бывало, слова Мятлева	2	62½
Любимый романсъ, черный цвѣтъ.	1	75
Осиповъ. Романсъ: Я васъ молю меня забыть	1	40

Тутъ же принимается подписка на музыкальный журналъ: «Nouvelliset, Revue musicale». Изданіе сіе содержитъ въ себѣ новѣйшія и лучшія произведенія извѣстныхъ сочинителей для фортепьяно. Подписная цѣна на весь годъ, 10 р. сер., съ пересылкою по почтѣ 12 руб. сереб. Въ этомъ же магазинѣ принимаются заказы на высылку флигилей и фортепьянъ лучшихъ мастеровъ. За превосходный тонъ и прочность инструментовъ ручается самъ Бернаръ.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

получениыя въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова, въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, № 22.

(Цѣны назначены по курсу на серебро.)

—

	Р.	К.
НАУКИ.		
DICTIONNAIRE CLASSIQUE de l'antiquité sacrée et profane etc. par Bouillet. 2 très gros vol grand in 8. à 2 col. Paris.	5	15
HISTOIRE DES PAPES depuis Saint Pierre jusqu' à Gregoire XVI, par M. Henrion. 2 vol. in 12. Bruxelles. . .	1	20
HISTOIRE de la conquête de la Lombardie, par Charlemagne, sous Othon-le-Grand, par T. de Partouneaux. 2 vol. in 8. Paris 1842.	4	30
HISTOIRE DES LETTRES aux cinq premiers siécles du christianisme, par Amedée Duquesnel. Tome 3. Paris. .	2	15
VIES DES PEINTRES, sculpteurs et architectes, par Giorgio Vasari, trad. de l'italien, annoté et commenté par Jeanron et Le Clanché. Tome 8. Paris. 1842. 8 volumes. .	14	30
EGLISES BYZANTINES en Grèce, par Couchaud. Architecte, abon: pr. 15. livr. (10 livr. parus) de 3 planches chacune. Paris. 1842. . .	9	75
REVOLUTIONS DE LA MER, par S. Adhemar. 1 vol. in 8. Paris. 1841.		50.
LES INDUSTRIE , metiers et professions en France. Un beau volume gr. in 8. orné de 100 dessins, par Henri Monnier. Paris. 1842. . .	3	15
OEUVRES de Sainte Thèrese, trad. en français par Arnold d'Andilly. vol. gr. in 8. à 2 col. Bruxelles.	2	30
PRINCIPES du droit public maritime et histoire de plusieurs traités qui s'y rapportent, par le comte Luccheli-Palli, trad. de l'italien, par A. de Galcani. 1 v. in 8. Paris. 1842.	1	30
HISTOIRE DE ST. BERNARD et de son siècle, trad. de l'allemand de Neander, et augmenté par T. Vial. 1 vol. in 12. Paris. 1842. . . .	1	
EXERCICES PRATIQUES préparatoires au cours de la langue anglaise, par Robertson. 1 vol. in 18. Paris. 1842. .		46
COURS DE PÉDAGOGIE ou principes d'éducation publique. 1 vol. in 12. Paris. 1842. .		50
LE PELERIN, par le Vicomte d'Arlincourt. 2 vol. in 18. Bruxelles. 1842.	1	60
JOURNAL des économistes, revue mensuelle de l'économie politique, des questions agricoles etc. par Blanqui, Fazy, Rossi etc. abonnement par an (12 №№).	10	
Franc de port.	11	50
SCIENCE DE FINANCES, exposée théoretiquement et pratiquement, par Jacob; trad. de l'allem., par Jouffroy. 2 vol. in 8. Paris.	6	86
HISTOIRE DE CHARLEMAGNE et de son siècle, par Roy.		

Р. К.

1 vol. in 12. Paris. . . . 50

GÉOGRAPHIE SACRÉE faisant connaitre l'etat de la Palestine depuis le temps des patriarches jusqu' à l'epoque des voyages des apotres, par Dufour. in 4; 7 cartes avec texte. Paris. 1842. etc. . 2 15

TABLEAUX CHRONOLOGIQUES et synchroniques d'histoire universelle, par Leclerc. 1-ére partie, in folio. Paris. 1842. 2 15

CHIMIE AGRICOLE des fumiers considérés comme engrais, par Girardin. 1 vol. in 8. Paris. 80

COURS ÉLÉMENTAIRE de mécanique industrielle, par Jariez. 2 vol. in 8. avec atlas. Paris. 4 30

PUBLICATION INDUSTRIELLE des machines, outils et appareils les plus perfectionnés et les plus récents, par Armengaud. 1 vol. gr. in. 8. avec atlas. in folio. Paris. 1842.. 9 15

DE L'EQUITATION et des haras, par le comte de Savary. 1 gros vol. gr. in 4. avec planches. Paris. 1842. . . . 6 43

Р. К.

MANUEL du cours de chimie organique appliquée aux arts industriels et agricoles, par M. Payen etc. 2 vol. in 8. Paris. 1842. . . . . . . 6 30

RECHERCHES sur l'opération du Strabisme, par L. Boyer. 1 vol. in 8. Paris. 1842. . 1 92

DES REMONTES de l'armée, de leurs rapports avec l'administration des haras, par le général Oudinot. in 8. Paris. 1842. . . . . 1 15

LES RESSOURCES DE QUINOLA, comedie en 5 actes, par Balzac. 1 vol. in 18. Bruxelles. 1842. 40

РОМАНЫ.

ALBERT DE SAINT-POUANCE (la noblesse de province), par le comte Horace de Vieil-Castel. 2 vol. in 18. Brux. 1842. . . . . . 1 60

JEROME RUDEIX, par le baron de Bazancourt. 2 vol. in 18. 1842. . . . . . . 1 60

THÉRÈSE DUNOYER, par Eugene Sue. 2 vol. in 18. Brux. 1842. 1 60

LE SPERONARE, par A. Dumas. tome 3-e. in 18. Brux. 1842. 80

Печатать позволяется. Старшій цензоръ Рочфортъ.